DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Printed in Russia

БИБЛІОТЕКА

ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т. III.

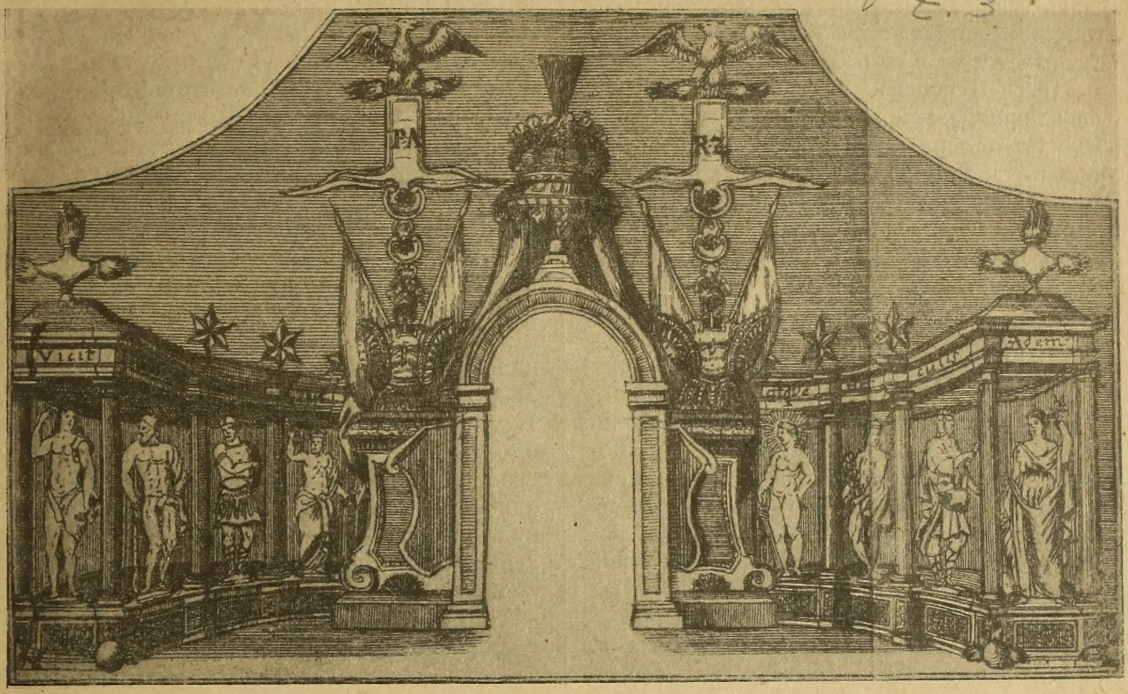
Е. ЛАНСЕРЕ. 1900.

ИЗДАНІЕ
ЕРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909

Типотрафія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Прачешный пер., № 6.

891.73
P987Pus
t. 3



Одна изъ тріумфальныхъ арокъ въ честь Полтавской побѣды.
Съ гравюры 18 вѣка (при нѣмецкой брошюрѣ—Mars Moscoviticus. MDCCX).

ПОЛТАВА.

Міровая поэзія лишилась бы одного изъ своихъ прекрасныхъ образовъ, и безъ покорной дочери, безъ Антигоны, въ черной слѣпотѣ блуждалъ бы несчастный Эдипъ, если бы Антигона тогда имѣла возлюбленнаго.

Отецъ всегда уступаетъ любовнику, Брабанціо—Отелло, Кочубей—Мазепѣ. И пушкинская героиня, краса черкасскихъ дочерей, именно дочерью стала преступной, оттого что она слишкомъ любила своего избранника. Старый отецъ гордился ею (обычный мотивъ у Пушкина: любовь отца къ дочери), она была ему дороже мѣховъ, атласа, серебра, потому что она была для него не только дитя, но и воплощеніе его родной Малороссіи. Украинка пушкинской поэзіи, она выросла на хуторѣ, въ тѣни украинскихъ черешенъ, и стройна она была, какъ тополь именно кіевскихъ высотъ. Природа Малороссіи создала въ ней свой лучшій цвѣтъ, свою первую Марусю, и за это съ любовью и лаской внималъ ея пѣснямъ богатый и славный Кочубей. Но проходящая черезъ всю поэму степенность поэта, пріобщившагося къ отцовской психологіи, сообщаетъ намъ, что не только мгновенныя чары красоты привлекали къ Маріи жениховъ изъ Украйны и Россіи,—«вездѣ прославилась она дѣвицей скромной и разумной». Она скромна и пуглива, трепетная лань, и лань напоминаютъ ея движенія; и когда она, бродя въ сѣняхъ, трепещетъ и рѣшенья ждетъ, то она похожа на серну, которая уходитъ подъ утесъ, орла послыша тяжкій летъ; и когда, уже безумная, она встрѣчается съ Мазепой, то убѣгаетъ отъ него легче серны молодой. И вотъ она, человѣческая лань, такая робкая, такая пугливая и трепетная, она, дѣвица скромная и разумная, совершаетъ стыдъ и безуміе, ей пріятенъ ея позоръ,—

Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ
Какъ вѣломудріемъ горда,
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьѣ.

Безмѣрна обида отца, и тѣмъ горше его

недоумѣнье, что стыдливая дочь его сдѣлалась безстыдной ради старика, и ее, голубку чистую, заклевалъ коршунъ старый,— не ушла серна отъ орла.

Здѣсь Пушкинъ опять встрѣтилъ на своей дорогѣ загадку любви, которой всѣ возрасты покорны. Онъ знаетъ, что сердцу дѣвы нѣтъ закона, и потому ее не удивляетъ любовь Маріи къ Мазепѣ. Впослѣдствіи, въ «Анджело» онъ скажетъ намъ:

Друзья! Повѣрите-ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зерцало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ.

Страстныя мечты украинки тяготѣли къ сѣдой головѣ, и рубцы чела, борозды, проводимыя жизнью, серебряная старость очаровали ее. Это, несомнѣнно, произошло оттого, что Мазепа былъ воинъ и былъ поэтъ. Въ темницѣ Кочубей вспоминалъ пѣсни дочери своей, а пѣла она только тѣ пѣсни, которыя слагалъ Мазепа, когда онъ бѣденъ былъ и малъ. Она пѣвца полюбила за пѣсни. Съ тѣхъ поръ, какъ были онѣ сложены, прошло много лѣтъ, и Мазепа сталъ не только богатъ и могучъ, но и старъ. Однако, въ пѣсняхъ его сохранилась его молодость: пѣсни не старѣютъ. Поэту вѣчная подобаетъ юность. И вотъ Марія чувствовала и пѣвучими устами своими передавала молодость Мазепы, безсмертную жизнь его стиховъ,—что же могли значить для нея власы сѣдые? И могла ли она видѣть старымъ того, чью въ звукахъ сохранившуюся молодость она повторила и усилила молодостью своей? Кромѣ того, Мазепа былъ и воинъ. А воинъ тоже никогда не старъ. Въ бою всѣ молоды. И Марія, полюбившая конный строй и бранный звонъ литавръ, и клики предъ бунчукомъ и булавой малороссійскаго владыки,—Марія нашла въ Мазепѣ чудное сочетаніе двухъ вѣчныхъ юностей—поэта и воина. Оттого за столомъ, когда бесѣда ликовала, она тихо слушала только гетмана, какъ Дездемона слушала Отелло. Черный шекспировскій вождь, «угль, пылающій огнемъ», зажегъ сердце золотой венеціанки тѣмъ, что онъ разсказывалъ. Не можетъ не склониться женщина передъ разсказчикомъ и воиномъ,— поэту и полководцу отдалась Дездемона, отдалась Марія.

Обѣ онѣ пошли навстрѣчу горя. Маріи, когда-то знавшая только домъ, только родную кровлю, «пріютъ укромный, гдѣ мирный ангелъ обиталъ», теперь обрекла себя на вѣчное скитальчество. Послѣ отказа Мазепѣ въ ея рукѣ, отецъ и мать искали ей сердце успокоить, боязнь и горе разогнать, тревогу смутныхъ думъ устроить,—но успокоить и устроить влюбленное сердце можетъ только любовь. И Марія ушла отъ родныхъ,—«ея свѣтлица опустѣла». Черезъ недолгое время ушла она отъ Мазепы,—«свѣтлица тихая пуста». Ей не было пристанища, бѣдной скиталицѣ, и не свѣтлицей, а темницей былъ для нея міръ. Она не могла безъ трагедіи рѣшить рокового вопроса, который предложилъ ей Мазепа: «Отецъ или супругъ тебѣ дороже?» Мучительно всегда тому, кто долженъ выбирать; но Маріи надо было произвести особенно страшный женскій выборъ, и она, невѣдомо для себя, своимъ выборомъ казнила своего отца. Она убила того, кого любила; на родную голову опустила она сѣкиру, какъ новая Гретхенъ, которая, внѣшнимъ образомъ—нечаянно, внутренне—необходимо убила свою мать. Кто покидаетъ родительскій домъ и отчей сѣни предпочитаетъ соблазномъ постланное ложе, та неминуемо дѣлаетъ и дальнѣйшій шагъ и отца или мать убиваетъ.

Дочь, казнившая отца, не выдержала потрясенія,—но, можетъ быть, не столько отъ своего дѣла, сколько отъ разочарованія въ любовникѣ. Онъ, видно, мало ее любилъ, если не хотѣлъ или не могъ пощадить ея дочерняго чувства. Въ тотъ мигъ, когда Марія потеряла отца, она потеряла и Мазепу, и потомъ съ ея безумныхъ устъ такъ мудро и символически прозвучали эти слова къ нему:

Я принимала за другого
Тебя, с т а р и к ъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ,
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ.
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга;
Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.

Она помѣшалась не потому, что увидѣла помостъ, на которомъ только что казнили ея отца и, можетъ быть, его отрубленную голову, а потому, что увидѣла настоящаго Мазепу. Въ это мгновеніе она замѣтила, что онъ старъ, и вотъ она называетъ его: с т а р и к ъ. Въ это мгновеніе передъ нею спала пелена, и вмѣсто красоты явилось безобразіе, вмѣсто нѣги и любви—безпре-

дѣльная жестокость, вмѣсто бѣлоснѣжныхъ сѣдинъ—запекшаяся кровь.

Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ,—

теперь ворожба исчезла, совѣсть проснулась, ослѣпленный умъ прозрѣлъ и, не выдержавъ самого себя, перешелъ въ безуміе. Оно началось уже въ тотъ моментъ, когда на зарѣ Марію отъ сладкой дремоты пробудило чужое прикосновеніе. Маріи показалось, что это Мазепа (даже мать приняла она за Мазепу), и она протянула съ томной нѣгой свои ищущія руки,—но слышится голосъ не любовника, а матери, и говоритъ онъ страшное, неожиданное, потрясающее. Не бредъ ли это? «Какой отецъ? какая казнь?... Или ума лишилась я, иль это грезы?»... Нѣтъ, это не бредъ, не грезы; это только дѣйствительность, которая внезапно рухнула на замечтавшееся сердце и раздавила умъ.

Правда, и раньше блаженство Маріи затмевала одна печаль: она сквозь слезы воображала отца и мать «въ бездѣтной старости, однихъ» (быть можетъ, всего страшнѣе старость тѣмъ, что она бездѣтна, уже бездѣтна). Но это случалось только порою, и праздникъ ея страсти, кудрявыя сѣдины Мазепы, склоненная къ ней въ колѣни старца гордая глава заслоняли блѣдные образы другихъ стариковъ, заглушали ихъ сиротливыя пени.

Казнь отца и собственное безуміе, все трагическое возмездіе любви, постигли Марію оттого, что на своей груди она ласкала змія. Пѣвецъ и воинъ былъ Іуда. Измѣна лежала въ самомъ существѣ его природы. Онъ измѣнилъ другу, царю, въ нѣкоторомъ смыслѣ—возлюбленной. Было ему суждено всегда порывать свои привязанности—уходить отъ прежняго. Замкнутый и непроницаемый, онъ былъ одинокъ, хотѣлъ стоять одинъ передъ грозою и собой довольствовался. Даже рабомъ любви не сталъ онъ и не хочетъ «влачить позорныя оковы». Марія видитъ на немъ «власти знакъ», — не только ту корону, которую въ глазахъ своей любовницы носитъ каждый любовникъ, но и царскій вѣнецъ вообще. Надменный, онъ не будетъ «искать надменнаго привѣта самолюбивой красоты». Передъ всѣми лицемѣрный и притворный, онъ только женъ не будетъ притворствомъ искушать; онъ не удостаиваетъ притворяться передъ ними. Онъ за Марію не боролся съ Маріей,—онъ полюбилъ и взялъ. Ему не пришлось томиться любовной тоскою,—не тоскуетъ коршунъ по голубкѣ.

Мазепа удовлетворяетъ свои страсти или подавляетъ ихъ, и тогда на ихъ поверхность ложатся думы, и онѣ еще больше скрываютъ роковую бездну его души. Всякая душа—бездна, а двойная душа измѣнника еще и бездна роковая. И Пушкинъ ее изображаетъ въ знаменитой характеристикѣ Мазепы, которая даже среди сжатыхъ и мощныхъ строкъ «Полтавы», въ закаленной стали ея стиховъ, звучитъ особенно неумолимо и безпощадно:

Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
. . . . . .
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Эти стихи убиваютъ; это — смертный приговоръ, это—удары молота, которыми пригвождается Мазепа къ позорному столбу. Здѣсь поэтъ перестаетъ быть только поэтомъ, и здѣсь — нѣчто больше и сильнѣе слова. И даже это до такой степени сильно, что самъ Пушкинъ не удержался на такой вершинѣ, на собственной высотѣ, и его дальнѣйшій Мазепа не оправдываетъ этой казнящей характеристики: дальше — и колебанія, и жалость, и это безпричинное волненіе, когда на слабый крикъ, донесшійся до его слуха и совѣсти, онъ другимъ отвѣтствовалъ,—крикомъ былыхъ сраженій, когда по полямъ побѣды скакалъ онъ рядомъ и «съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ». Мазепа въ дѣйствіи мягче и мельче, лучше и какъ-то обыкновеннѣе, чѣмъ Мазепа въ характеристикѣ. Мазепа позднѣйшій, не закованный въ эти убійственныя что, способенъ раскаиваться и увлекаться, и какъ Марія плѣнилась имъ, такъ онъ, подобно ей, дѣвѣ робкой, увлекся «воинственнымъ бродягой» Карломъ и «бѣглымъ счастіемъ» его побѣдъ.

Поэтъ рисуетъ его какъ человѣка безъ отчизны (хотя во время бѣгства съ Карломъ «страшно взоръ его сверкаетъ, съ роднымъ прощаясь рубежомъ»). Не за Малороссію, а за себя, за свои усы сѣдые, заступился «измѣнникъ русскаго царя». Оттого, по мысли Пушкина, Мазепа, ничѣмъ своихъ дѣлъ не освятившій, никакой

идеей или вѣрой не проникнутый, становится все мрачнѣе и мрачнѣе (часто прилагается къ нему этотъ эпитетъ), и не въ силахъ онъ заглушить ропотъ сонный, угрызенія змѣиной совѣсти своей, и звѣзды ночи какъ обвинительныя очи за нимъ насмѣшливо глядятъ. Впрочемъ, это не столько совѣсть, сколько любовь. Онъ разбилъ дочернее сердце Маріи и всю ея жизнь; но привыкшій разбивать и убивать, онъ теперь почувствовалъ себя безсильнымъ и неправымъ, потому что онъ убилъ существо, все-таки любимое. И все, что надъ нимъ совершилось, и потерянный Полтавскій бой, и то, что разъ въ годъ анаѳемой донынѣ грозя гремитъ о немъ соборъ,—все это кара за Марію, за то, что не до конца любилъ онъ ее, за то, что любовникъ уступилъ гетману.

И еще потому палъ Мазепа, что въ одну телѣгу онъ впрягъ коня и трепетную лань. Онъ вышелъ изъ своего одиночества, но рядомъ съ собою онъ, прирожденно-одинокій, другого, другой не осилилъ, чужого присутствія въ своей негостепріимной и сумрачной душѣ не претворилъ, и за это—наказанія совѣсти, которая больше поводовъ имѣетъ молчать, когда человѣкъ одинъ, и начинаетъ свое укоряющее дѣло, когда ихъ двое.

Страшный своимъ коварствомъ, безмѣрно-лукавый, властитель умовъ и сердецъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, Мазепа однако, «вздрогнулъ» (Мазепа вздрогнувшій, скала, которая вздрогнула), когда узналъ о доносѣ Кочубея. Можетъ быть, безсознательно устрашился Мазепа не врага политическаго, а оскорбленнаго отца. Вѣдь связь частнаго съ общимъ, семьи съ политикой, личнаго съ историческимъ осуществлена въ «Полтавѣ» именно тѣмъ, что Кочубей свою отцовскую обиду отомщаетъ, перенося ее въ исторію, сочетая свою и своей дочери судьбу съ ходомъ европейскихъ событій. Тайный умыселъ Мазепы раскрылся передъ Кочубеемъ,—«взоръ опасный, враждебный взоръ его проникъ» (никто такъ не проницателенъ какъ врагъ). И въ данномъ случаѣ врагъ дѣйствовалъ во многомъ такъ же, какъ и самъ Мазепа. Кочубей тоже свою «предпріимчивую злобу» затаилъ въ сердцѣ и распускаетъ слухъ, что въ безсильной горести устремилъ онъ мысли ко гробу; Мазепа въ горести притворной говоритъ, что не ему у двери гроба начать ученіе измѣнъ. Правда, далеко въ области притворства Кочубей зайти не могъ, потому что онъ религіозенъ, а Мазепа къ одру своей «сомнительной кончины» кощунственно архипастыря зоветъ,—

И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.

Наканунѣ казни, проводя свой послѣдній жизненный ночлегъ (завѣдомо въ послѣдній разъ ночуетъ онъ въ мірѣ, и, быть можетъ, именно потому такъ тиха, такъ божественно-тиха участливая украинская ночь), Кочубей, горечью и обидой отца доведенный до плахи, еще переживаетъ настроеніе «святой мести»: не погасаетъ въ немъ жгучее пламя ненависти, и съ этимъ пламенемъ въ непрощающей душѣ протягиваетъ онъ руки ко Христу всепрощающему, къ вождю подъ знаменемъ креста. Страшно умереть, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему. Страшно умереть безъ преемника на своемъ жизненномъ престолѣ. Кому-нибудь надо передать наслѣдіе своей вражды, но нѣтъ наслѣдника: дочь не отомститъ—

Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ.

Но на мѣсто казни приближался Кочубей уже съ міромъ, съ небомъ примиренный, могущей вѣрой укрѣпленный, и онъ молился за своихъ враговъ. Есть великая поучительность въ его судьбѣ: не однажды звучитъ въ поэмѣ этотъ мотивъ: «богатъ и славенъ Кочубей», — и вдругъ отъ богатства и славы, отъ стараго дома, гдѣ онъ родился, переходъ кошмарный и трагическій—къ плахѣ, на эту смертную дорогу, которая, полна людей, шевелится, какъ змѣиный хвостъ. По замыслу Пушкина, все это—слѣдствіе того, что прежнюю безмятежную жизнь Кочубей добровольно бросилъ не для Россіи, а для себя; не ревновалъ онъ, какъ Петръ, къ общему добру, а владѣла имъ хотя и законная, но все же личная ненависть. Отчаяніе и оскорбленіе отца, казненнаго дочерью, переплелъ онъ съ клубкомъ исторіи, и за это вмѣшательство частнаго раздавила его поступь общихъ судебъ.

Еще больше Кочубея ненавидитъ Мазепу жена Кочубея. Въ ней старымъ коршуномъ, заклевавшимъ юную, чистую голубку, оскорблена не только мать, но и женщина. И потому она «гнѣва женскаго полна» и, нетерпѣливая, торопитъ супруга злобнаго; въ сущности она является главной виновницей всего, что произошло

дальше, и недаромъ это она проникла къ Маріи съ мольбой спасти мужа.

Но есть въ поэмѣ еще одинъ ненавидящій Мазепу (надъ головой послѣдняго сошлись лучи и мечи разной ненависти, придавъ ему трагическій ореолъ)—его несчастный соперникъ, тотъ безыменный казакъ, который съ младенческихъ годовъ любилъ Марію любовью страстной, любовью невысказанной, потому что отказа бъ онъ не пережилъ,—тотъ казакъ, который при звѣздахъ и при лунѣ везъ доносъ на гетмана-злодѣя и не хотѣлъ отдохнуть ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ, ни при опасной переправѣ: ненависть, какъ и любовь, не можетъ отдыхать. Казакъ любилъ Марію «безмолвно, безнадежно» даже и тогда, когда позоръ Маріинъ огласился. Онъ не могъ слышать имени Мазепы,—«блѣднѣлъ, терзаясь тайно» (не только Маріи, но и никому не говорилъ о своей любви невѣдомый любовникъ). И если всѣ остальные «завидные» женихи, наѣхавшіе къ Маріи толпою, равнодушно и безъ ревности приняли вѣсть о побѣдѣ Мазепы, то незамѣтный казакъ, изъ ихъ блестящихъ рядовъ когда-то удалившійся сиро и уныло, въ общую вражду къ Іудѣ вплелъ свою безумную ярость, свою безумную ревность, и въ разгарѣ Полтавской битвы, самый ненавидящій, потому что самый любящій, рыцарь Маріи, онъ внесъ въ историческое сраженіе свой особый, свой личный бой, свою иную ненависть (какъ Палѣй внесъ ненависть свою); и на томъ самомъ неутомимомъ конѣ, который везъ его на сѣверъ въ степи необозримой, онъ устремился на Мазепу съ саблею въ рукахъ, но былъ застрѣленъ мушкетомъ Войнаровскаго, и его

потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.

Да, это нѣжное имя, которое прошептали умирающія уста, было услышано Пушкинымъ въ канонадѣ Полтавскаго боя, въ шумѣ историческихъ волненій, и только потому создалась самая поэма. Пусть говоритъ она о событіяхъ, записанныхъ на міровыя скрижали, пусть она идеализируетъ войну, пусть она въ поэзію претворила исторію, но все это объективное и общее собралось вокругъ женскаго имени, вокругъ романа, и не напрасно каждая изъ трехъ пѣсенъ «Полтавы» кончается образомъ нѣжной и несчастной Маріи.

Въ поразительной энергіи, съ какою описанъ полтавскій бой, въ грохотѣ словъ, передающихъ огненное впечатлѣніе битвы, слышится уже тяжело-звонкое скаканье Мѣднаго Всадника. Неотдѣлимъ отъ Петра его ретивый и смирный конь, гордящійся могущимъ сѣдокомъ,—и вотъ онъ, любимый Пушкинымъ, историческій русскій Кентавръ! Невидимо присутствуя въ «Полтавѣ» съ первыхъ страницъ ея, живой смыслъ той «смутной поры», той эпохи, которую она изображаетъ въ чертахъ немногихъ, но такихъ смѣлыхъ и сильныхъ, Петръ Великій появляется лично въ третьей пѣснѣ и своею мощной фигурой осѣняетъ все. Воплощеніе боя, прекрасный и ужасный, онъ въ то же время—и среди «вождей спокойныхъ», которые въ разительномъ противоположеніи тревогамъ и волненію битвы, смотря на нее «взоромъ вдохновенья, движенья ратныя слѣдятъ, предвидятъ гибель и побѣду и въ тишинѣ ведутъ бесѣду». Одинаково сильный и въ тишинѣ спокойнаго совѣта и въ шумѣ сраженья, Петръ одинъ воздвигаетъ себѣ огромный памятникъ, потому что свою личность онъ отожествилъ съ Россіей, съ бо́льшимъ себя,—между тѣмъ какъ остальные герои «Полтавы» свою страсть, свое чувство поставили превыше всего. Особенно оттѣняетъ Петра, человѣческимъ фономъ служитъ для него отважный Карлъ: Петръ на конѣ, Карлъ въ качалкѣ, и изъ нея, блѣдный, недвижимый, слабымъ маніемъ руки на русскихъ двинулъ онъ полки,—всю эту волнующуюся конницу и тяжкую твердость пѣхоты. «Любовникъ бранной славы», онъ началъ въ Россіи особую традицію, до Наполеона создалъ наполеоновскую легенду, проложивъ кровавый путь «мужу рока»; онъ взметалъ русскія дружины,

Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву,—

но вихорь жизни взметнулъ его самого, и теперь о немъ, скользившемъ надъ бездной, гласятъ лишь три мелкія углубленія въ землѣ,—три мхомъ поросшія ступени.

Такъ все поросло этой мертвой травою забвенья: все, кромѣ Петра—и кромѣ пѣсни. Въ ней осталась и память о той, которая вдохновила Пушкина на его поэму.

Но дочь-преступница... Преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ

Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Всѣ юныя казачки Россіи, всѣ ея дѣвы, эти внимательныя слушательницы пѣсенъ, узнали отъ пѣвцовъ о своей несчастной сестрѣ. Пѣвцу отдавшаяся, она и сохранилась теперь въ сочетаніи съ пѣснями своего любовника, которыя, быть можетъ, ее предчувствовали, ея ожиданіемъ дышали, и онѣ идутъ изъ устъ въ уста, и слѣпые, старые говорятъ о ней, молодой и прекрасной, и зоркой, о ея глазахъ, которые когда-то блестѣли черными звѣздами, а потомъ, въ ночь безумной встрѣчи съ Мазепой, сверкали впалые, луной освѣщенные. Слѣпой украинскій пѣвецъ, поучая и предостерегая, говоритъ о ней задумавшимся юнымъ казачкамъ, говоритъ объ ея грѣшной и горькой, дѣвичьей долѣ, и о томъ же, еще слаще, еще грустнѣе, еще жалостливѣе говоритъ Пушкинъ,—и слушаютъ, слушаютъ юныя казачки...

Ю. Айхенвальдъ.

«ПОЛТАВА» ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ и ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ [1]).

I.

«Полтава» написана Пушкинымъ осенью 1828 года со скоростью изумительной: первая пѣснь была окончена 3-го октября, вторая—9-го, а третья—16-го числа. Черновая рукопись поэмы испещрена поправками, вставками, набросками и даже прерывалась рядомъ постороннихъ стиховъ. Въ нихъ авторъ говоритъ о «ріомѣ, звучной подругѣ», которая на этотъ разъ измѣняла: видимо, въ началѣ первой пѣсни (изображеніи Маріи Кочубей) работа требовала отъ поэта нѣкоторыхъ усилій. Однако, авторъ трудился съ большою усидчивостью и жаромъ, съ лихорадочной быстротой побѣждалъ препятствія, а сейчасъ по окончаніи черновой переписалъ всю поэму начисто и только передъ отдачей рукописи въ типографію выбросилъ два отрывка (изъ первой пѣсни о казакѣ, влюбленномъ въ Марію, 8 стиховъ, а въ третьей пѣснѣ изъ словъ сумасшедшей Маріи—16 стиховъ). Въ такомъ видѣ поэма пошла въ печать въ 1829 году, дополненная только посвященіемъ и предисловіемъ (съ эпиграфомъ изъ «Мазепы» Байрона), написанными позже. Неизмѣненный текстъ «Полтавы» былъ перепечатанъ еще разъ при жизни поэта (въ 1835 г. «Поэмы и повѣсти» А. Пушкина). Пушкинъ ни разу не возвращался къ выработанному имъ тексту, ничего не измѣнялъ, не дополнялъ въ поэмѣ. Въ письмѣ къ Плетневу осенью 1829-го г. онъ говоритъ: «Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней; далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все»(II, 95).

Пушкинъ жилъ тогда то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ въ частыхъ переѣздахъ и въ постоянной тревогѣ. Особенно напряженно чувствовалъ себя Пушкинъ въ серединѣ 1828 года, когда возникли дѣла объ элегіи «Андре Шенье» и «Гавріліадѣ». Первое дѣло окончилось приговоромъ Государственнаго Совѣта, признавшимъ необходимымъ учредить за поэтомъ секретный надзоръ, какъ за неблагонадежнымъ. Этотъ приговоръ былъ утвержденъ Николаемъ I въ августѣ 1828 года. Въ томъ же августѣ разбиралось въ особой комиссіи дѣло о «Гавріліадѣ». Пушкина призывали, допрашивали; приходилось отрекаться отъ собственнаго произведенія (см. т. II наст. изданія, стр. 602). Тревожное настроеніе поэта вылилось въ стихотвореніи, написанномъ лѣтомъ 1828 г.:

Снова тучи надо мною
Собрались въ тишинѣ и т. д.

Эти непріятности и униженія сопровождались бездѣліемъ и картежемъ, которому предавался Пушкинъ лѣтомъ и въ началѣ осени этого года. Онъ говоритъ въ письмѣ П. Вяземскому отъ 1-го Сент. 1828 г., что чувствуетъ себя «безпріютнымъ, пустился въ свѣтъ» и «продолжаетъ образъ жизни, воспѣтый» имъ же въ стихахъ «А въ ненастные дни»... Вяземскій пишетъ поэту ($^{18}/_{25}$ сент. 1828): «Узналъя, что ты проигрываешь деньги... Дѣло не хорошее... По сквер-

[1]) Ссылки въ настоящемъ очеркѣ сдѣланы на изд. сочиненій Пушкина подъ ред. П. О. Морозова («Просвѣщенія»). Указанія на письма даются или по акад. изданію В. И. Саитова или литер. фонда (Лит. ф., т. VII, письма послѣ 1832 г.).

ной погодѣ я надѣялся, что ты уже бросилъ карты и принялся за стихи» (II, 76). Въ то время, какъ другъ поэта писалъ эти строки, надежда его исполнилась,—Пушкинъ отъ безудержнаго азарта перешелъ къ нервному, упорному труду, отдавшись ему съ запоемъ: онъ писалъ «Полтаву». Въ «Воспоминаніяхъ». М. Юзефовича мы находимъ любопытныя строки: «Пушкинъ говорилъ, что только осенью овладѣваетъ имъ бѣсъ стихотворства [1]) и разсказывалъ по этому поводу, какъ была имъ написана послѣдняя въ то время (лѣто 1829-го г.) поэма «Полтава». Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома. Писалъ цѣлый день. Стихи ему даже грезились во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ съ постели и записывалъ ихъ въ потьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ; стихи преслѣдовали его и туда; онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобы записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не оставалось и четвертой части. Я видѣлъ у него,—продолжаетъ М. Юзефовичъ,—черновые листы, до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать: подъ зачеркнутыми строками было по нѣсколько рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста» (Рус. Арх. 1880 г., т. III, стр. 441).

Закончивъ «Полтаву», Пушкинъ ѣдетъ въ деревню Малинники, Тверск. губ., принадлежащую его пріятелю А. Вульфу. Тутъ онъ ухаживаетъ, шутитъ... Воспоминанія о пребываніи въ Малинникахъ въ этотъ и другіе разы остались у Пушкина надолго. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ о нихъ женѣ 24 авг. 1833 г. (Лит. ф. VII, 318). Тамъ же Пушкинъ написалъ посвященіе къ «Полтавѣ»: «Тебѣ—но голосъ музы темной»... (27-го окт. 1828 г.) съ невошедшимъ въ печатное изданіе эпиграфомъ I love this sveet name» (люблю это нѣжное имя). Анненковъ сближаетъ по времени сочиненія это посвященіе съ восьмистишіемъ «Я думалъ, сердце позабыло»... (Матеріалы, стр. 212). Правдоподобно, что это «нѣжное имя»—Марія, какимъ поэтъ переименовалъ Матрену Кочубей. Въ письмѣ къ Вульфу отъ того же числа, что и посвященіе, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Маріи Васильевнѣ Борисовой. Пушкинъ говоритъ о ней, что она—«цвѣтокъ въ пустынѣ, соловей въ дичи лѣсной, перлъ въ морѣ», и что онъ «намѣренъ на-дняхъ въ нее влюбиться» (II, 79). Но шуточный тонъ похвалъ, да и самое содержаніе посвященія, не даетъ намъ возможности признать за М. В. Борисовой ту, которой посвящена «Полтава», и имя это остается загадкой. Вернувшись въ Петербургъ, Пушкинъ написалъ предисловіе къ поэмѣ (31-е января 1829 г.), и въ февралѣ того же года П. Плетневъ приступилъ къ изданію поэмы.

А для поэта насталъ самый тревожный періодъ жизни. Онъ мечется изъ Москвы въ Петербургъ и обратно, встрѣчается съ Н. Н. Гончаровой, дѣлаетъ ей предложеніе, получаетъ уклончивый полуотказъ, мчится на Кавказъ (начало мая 1829 г.), проводитъ въ путешествіи три мѣсяца, 10 августа на возвратномъ пути проѣзжаетъ черезъ Владикавказъ и здѣсь находитъ, наконецъ, русскіе журналы. «Первая статья,—пишетъ Пушкинъ въ «Путешествіи въ Арзрумъ»,—попавшаяся мнѣ, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи (это былъ отзывъ Надеждина о «Полтавѣ» въ «Вѣст. Евр.» 1829 г., см. ниже). Таково мнѣ было первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ».

И поэта, дѣйствительно, ожидали на родинѣ и житейскія, и литературныя терніи.

II.

Въ историко-литературномъ анализѣ «Полтавы» мы должны сосредоточить вниманіе на трехъ вопросахъ: о вліяніи на Пушкина южно-русскихъ впечатлѣній—быта, обстановки и природы; объ историческихъ и книжныхъ источникахъ поэмы, объ отношеніи поэмы къ созданіямъ другихъ писателей на тему, обработанную Пушкинымъ.

Пушкинъ пробылъ на югѣ Россіи болѣе четырехъ лѣтъ. Больше всего времени провелъ онъ въ городахъ—Кишиневѣ и Одессѣ, двѣ недѣли пробылъ въ Екатеринославѣ, побывалъ на переднемъ Кавказѣ и въ Крыму, ѣздилъ по Бессарабіи, наконецъ, три раза посѣтилъ с. Каменку, имѣніе Раевскихъ въ Кіев. г. Чигиринск. у. Нѣкоторые изслѣдователи,

[1]) См. о пребываніи его въ Болдинѣ, Нижегород. г., осенью 1830 и 1833 гг.; слова въ письмахъ къ П. Вяземскому: «Не пишу покамѣстъ ничего, ожидаю осени». (II, 267), П. Плетневу: «Осень подходитъ. Это любимое мое время; здоровье мое обыкновенно крѣпнетъ; пора моихъ литературныхъ трудовъ настаетъ» (II, 172).

опредѣляя вліяніе украинскихъ впечатлѣній—природы, жизни, быта и т. п.—такъ сказать, исторіи и этнографіи малорусской, старались выискать и, какъ намъ думается, преувеличить значеніе этихъ впечатлѣній. Проф. Н. Сумцовъ говоритъ, что, «хотя Пушкинъ пребывалъ очень короткое время въ Екатеринославѣ, но, по словамъ Смирновой, записалъ здѣсь двѣ сказки, неизвѣстно какія. Предполагаю (?), что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ знакомъ съ народной словесностью и пѣснями (очевидно, украинскими), доказательствомъ чего служитъ «Казакъ», и со сказками, какъ видно изъ «Гусара». Затѣмъ, въ концѣ «Полтавы» есть указаніе, что Пушкинъ знакомъ былъ съ украинскими кобзарями, по крайней мѣрѣ, видѣлъ ихъ» («Этюды о Пушкинѣ», 268, 272). Но—«Записки» Смирновой представляютъ матеріалъ весьма проблематической достовѣрности; «Казакъ», «донецъ, хватъ—Денисъ» написанъ въ 1814 г.; «Гусаръ» же въ 1833 г. уже послѣ знакомства поэта съ Гоголемъ и его «демонологіей» въ повѣстяхъ; а слѣпыхъ украинскихъ кобзарей, брянчащихъ мимоходомъ о грѣшной дѣвѣ, скорѣе всего Пушкинъ, какъ и никто другой, совсѣмъ не видѣлъ.—Проф. П. Владимировъ находитъ, что въ «Полтавѣ» все проникнуто мѣстными красками: Кіевскія высоты, сады съ тополями, замки, хутора, синій Днѣпръ, панъ гетманъ, сердюки, долгогривые кони, погони, грабежи, кровавыя сцены и рядомъ—«моленье ликовъ громогласныхъ за упокой души несчастныхъ» («Памяти Пушкина», Сборникъ Кіевск. универс. 1899 г., стр. 44). Почему все это—мѣстныя черты и краски—мы никакъ не можемъ понять, а «погони, грабежи, кровавыя сцены и моленье ликовъ» развѣ могутъ скорѣе напомнить объ Иванѣ Грозномъ, а никакъ не объ исключительно украинскихъ бытовыхъ свойствахъ и историческихъ особенностяхъ.

Г. Булашевъ даетъ глухое сообщеніе о томъ, что Пушкинъ, посѣтивъ Кіевъ, всецѣло проникнулся здѣсь національнымъ чувствомъ (?) и народностью, и подъ этимъ впечатлѣніемъ создалъ «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» («Сборникъ Пушкину» Кіевск. Педагогич. об-ва 1899 г. стр. 72). Въ упомянутомъ же Сборникѣ мы находимъ большую статью профес. Н. Петрова: «Отношеніе поэзіи Пушкина къ украинской жизни и поэзіи». Авторъ утверждаетъ, что въ Кіевъ и въ Каменку поэтъ удалялся и отдыхалъ тамъ отъ прилива сильныхъ впечатлѣній, только что полученныхъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Бессарабіи, сосредоточивался въ себѣ и очищалъ эти впечатлѣнія въ горнилѣ «художественнаго творчества, сводя счеты съ прежнею жизнью» (стр. 155). Все это соображенія, ни на чемъ не основанныя и даже противорѣчащія извѣстнымъ фактамъ и письмамъ Пушкина: въ Кіевъ поэтъ ѣздилъ на свадьбу своихъ хорошихъ знакомыхъ (М. Ѳ. Орлова и Ек. Н. Раевской) и прожилъ не болѣе двухъ недѣль, ничѣмъ не отразившихся въ его творчествѣ и воспоминаніяхъ (написано въ Кіевѣ одно стихотвореніе «Земля и море» 8-го февр.). Въ с. Каменку Пушкинъ совсѣмъ ѣздилъ не за тѣмъ, о чемъ пишетъ проф. Петровъ. Въ письмѣ къ Н. Гнѣдичу отъ 4-го дек. 1820 г. изъ Каменки поэтъ опредѣленно говоритъ: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами... Женщинъ мало, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ (I, 22)», и, очевидно, слѣдовательно, немного впечатлѣній отъ украинскаго быта и природы. Новѣйшій изслѣдователь пребыванія поэта въ Каменкѣ, проф. Лобода тоже приходитъ къ заключенію, что «Пушкинъ былъ равнодушенъ къ самой Каменкѣ» (Кіевск. сборникъ «Памяти Пушкина»). Не менѣе произвольно утвержденіе проф. Петрова, что «ко времени поѣздокъ Пушкина въ Кіевъ и Каменку относится его «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ», написанная если не въ Кіевѣ, по подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ. Эта пѣснь довольно ясно (?) указываетъ на (кіевскую гору) Щекавицу. Пушкинъ, конечно, былъ на этой горѣ» (Op. cit 155). Поэтъ могъ быть и не быть на горѣ Щекавицкаго кладбища, имѣющей сомнительное отношеніе къ князю Олегу, но доподлинно извѣстно, что «Пѣснь» о немъ онъ написалъ въ Кишиневѣ и болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ посѣщенія Кіева (1-го марта 1822 г.). Совершенно необоснованы и дальнѣйшія утвержденія профессора, что мысль написать поэму «Полтава» зародилась у Пушкина на югѣ Россіи, что «въ центрѣ самой Украины, въ Кіевѣ или Каменкѣ, онъ узналъ то, чего не могъ узнать около Бендеръ отъ казака Искры» (т.-е. о Мазепѣ и его могилѣ), наконецъ, что «черты образа Маріи у Пушкина на-

вѣяны женскими украинскими пѣснями». (Ор. с. 156—157).

Въ дѣйствительности, Пушкинъ немного вынесъ впечатлѣній изъ Малороссіи. Языка ея онъ не зналъ; пребываніе его тамъ было кратковременнымъ и спѣшнымъ. Сильныя переживанія и воспоминанія о Кавказѣ, Крымѣ, даже Бессарабіи заслоняли для него мимолетныя впечатлѣнія отъ украинской жизни и природы. Интересы Пушкина въ 1820—1822-хъ гг. были далеки отъ какихъ бы то ни было этнографическихъ соображеній и желанія проникнуть въ своеобразную народную жизнь Украины. Ироніей звучитъ, когда поклонники поэта выискиваютъ «рѣчь малорусскаго народа» и находятъ три украинскихъ слова въ «Полтавѣ» — стекло, хуторъ, катъ (Петровъ), а въ «Гусарѣ» цѣлыхъ шесть: Днѣпръ, Маруся, чернобрива, галушки хлопецъ, дурень и эге! (Сумцовъ, Владимировъ). Фактъ этотъ — мы бы сказали, равнодушія къ Малороссіи—неожиданъ особенно потому, что Пушкинъ при созданіи, напримѣръ, «Кавказскаго Плѣнника», «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» очень интересовался мѣстными красками и своеобразными чертами жизни и быта цыганъ и крымскихъ татаръ, даже ввелъ въ одну поэму черкесскую, въ другую — татарскую, въ третью молдаванскую пѣсни.

МАЗЕПА.

(Музей Тарновскаго въ Черниговѣ).

Впрочемъ, самимъ изслѣдователямъ приходится себѣ противорѣчить и сознаваться въ томъ, что «мѣстныя черты «Полтавы» выступаютъ не рѣзко», что «Петръ В. и Полтавскій бой заслонили отъ Пушкина подробности внутренней жизни старой Малороссіи XVII—XVIII вв.», что слова объ украинскихъ пѣвцахъ «безцвѣтны» и т. п. (Владимировъ, Ор. с., стр. 43—45), Проф. Сумцовъ принужденъ также признать, что вынесенныя поэтомъ «изъ Кіева и Каменки впечатлѣнія были слабы», что «лучшій остатокъ ихъ—описаніе Украинской ночи, но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совсѣмъ отсутствуетъ», что «по происхожденію, образованію, своимъ интересамъ самъ Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи, и знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное» (Ор. с. 268—269). По поводу же описанія Украинской ночи мы замѣтимъ, что геній Пушкина далъ правдивыя и яркія описанія Испаніи, которой онъ никогда не видѣлъ; ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ создалъ чудную картину ночи въ Малороссіи, которую видѣлъ.

Есть два несомнѣнныхъ факта прямого отношенія Пушкина къ Украинской этнографіи и исторіи, но факта незначительныхъ, на которые изслѣдователи не обращали вниманія. 18-го октября 1822 г. поэтъ писалъ брату изъ Кишинева о присылкѣ книги «Цертелева, древнія стихотворенія» (I, 58). Этой книгой могъ быть только «Опытъ собранія старинныхъ малорусскихъ пѣсней», изд. Цертелевымъ въ 1819 г. Но получилъ ли эту книгу Пушкинъ, мы не знаемъ. Другой фактъ касается исторіи Украйны. Въ Августѣ 1833 г. поэтъ былъ въ имѣніи Гончаровыхъ, с. Яропольцѣ, Волоколам. у. Московск. г. и писалъ женѣ: «Н. Ив. (теща) разводитъ огороды надъ прахомъ твоего прадѣдушки Дорошенки. къ которому ходилъ я на поклоненіе. Сем, Фед. водилъ меня на его гробницу» (Лит. ф. VII, 319). Упоминаемый здѣсь Дорошенко—извѣстный украинскій гетманъ, который умеръ въ 1698 г. и похороненъ въ с. Яропольцѣ. Есть еще одинъ фактъ, часто упоминаемый при указаніяхъ на украинскія симпатіи Пушкина. М. Максимовичъ, бывшій съ поэтомъ въ хорошихъ отношеніяхъ, разсказываетъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина, онъ засталъ

поэта за своимъ сборникомъ пѣсенъ: «А я обираю ваши пѣсни», сказалъ Пушкинъ. Дѣло идетъ о сборникѣ Максимовича «Малороссійскія пѣсни», изд. въ 1827 г. Но однако, какихъ-нибудь слѣдовъ этого «обиранія» въ «Полтавѣ» мы не находимъ, и, вѣрнѣе всего,—слова Пушкина были любезностью, сказанною шутливымъ тономъ пріятелю и поклоннику. Такихъ между украинцами у него было нѣсколько лицъ: кромѣ Максимовича, Пушкинъ былъ хорошъ съ Н. Марковичемъ, впослѣдствіи авторомъ малорусской исторіи, съ переводчикомъ его «Полтавы» на малорусскій языкъ Е. Гребенкой, поэтомъ А. Родзянкой, помѣщикомъ М. Судіенкомъ и др. Не говоримъ, конечно, о близкихъ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю. Послѣднія, несомнѣнно, скрѣпили и расширили знакомство и связи Пушкина съ Малороссіей, ея исторіей и поэзіей, но это относится уже къ послѣднимъ годамъ жизни поэта.

Вотъ каковы были живыя, дѣйствительныя, непосредственныя отношенія къ Украинѣ и украинцамъ. Для произведеній, въ которыхъ изображалась Малороссія, поэтъ нуждался въ книжномъ знакомствѣ. И «Полтава» создана не подъ непосредственными украинскими впечатлѣніями, а послѣ ознакомленія съ книжными матеріалами.

III.

Пушкинъ былъ знакомъ съ исторіей Мазепы и интересовался эпохой борьбы Петра I съ Карломъ XII еще задолго до созданія «Полтавы». Несомнѣнно, что первымъ по времени источникомъ для этого знакомства служили поэту Вольтеровы Исторія Карла XII и Петра Великаго. «Исторія Карла XII» послужила источникомъ и для Пушкина, и для Байрона, и для другихъ писателей. Она дала Пушкину первыя свѣдѣнія о Мазепѣ. Изъ Вольтеровой же исторіи Карла Пушкинъ почерпнулъ — позже, вѣроятно, подробности о договорахъ гетмана съ Польскимъ и Шведскимъ королями, о похожденіяхъ Карла XII въ Польшѣ и Саксоніи (см. слова Мазепы Орлику), о подробностяхъ Полтавской битвы (конь Петра I, качалка Карла) о совмѣстномъ бѣгствѣ Мазепы и Карла къ Днѣпру, а также о пребываніи Карла XII въ Бендерахъ (см. «Эпилогъ»). У Вольтера разсказано тоже подробно объ отношеніи Петра къ шведскимъ плѣнникамъ, о надеждѣ царя видѣть среди нихъ короля (Петръ принималъ плѣнниковъ и каждую минуту спрашивалъ: «Гдѣ же братъ мой Карлъ?») и объ угощеніи шведскихъ генераловъ, которыхъ онъ хвалилъ за истинно-вѣрную службу своему государю и пилъ за здоровье «учителей своихъ въ военномъ искусствѣ» (t. IV).

Канвой для фабулы «Полтавы» послужилъ историческій разсказъ Д. Бантыша-Каменскаго, а для 3-й пѣсни и изображенія военныхъ событій—«Дѣянія Петра В.» Голикова и «Журналъ или поденная записка блаженной памяти Г. И. Петра В.», изд. Щербатовымъ въ 1772 г.—Бантышъ-Каменскій издалъ въ 1822 г. свой обширный трудъ «Исторія Малороссіи» въ 4-хъ большихъ томахъ. Эта исторія носитъ на себѣ типичныя черты исторіи Карамзинскаго періода, — полна реторики и казеннаго пафоса, обилуетъ общими мѣстами и субъективными приговорами. Третій томъ ея и часть четвертаго посвящены Мазепѣ и его времени. До 40-хъ годовъ, т. е. до появленія «Исторіи Малороссіи» Н. Марковича (1842 г. и «Исторіи Руссовъ», изд. О. Бодянскимъ (1846 г.), это былъ единственный распространенный источникъ по малорусской исторіи, кромѣ лѣтописей XVII—XVIII в., мало извѣстныхъ обыкновеннымъ читателямъ. Можно предполагать, что Пушкинъ уже на югѣ былъ знакомъ съ книгой Бантыша-К., такъ какъ онъ, благодаря указанію въ ней на мѣсто погребенія въ с. Варницы, близъ Бендеръ (у Вольтера только глухо упоминается о смерти Мазепы), предпринялъ безполезные розыски гетманской могилы. О нихъ разсказываетъ Липранди въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Въ началѣ 1824 г. въ Одессѣ Пушкинъ узналъ, что въ Варницѣ живетъ глубокій старикъ Николай Искра, знавшій еще походъ Карла XII. Поэтъ собрался и поѣхалъ съ Липранди. Искру, чуть не 130-лѣтняго старика, отыскали. Онъ многое разсказывалъ о Карлѣ, но ничего не могъ припомнить о Мазепѣ. Пушкинъ не отставалъ, толкуя старику, что Мазепа былъ казачій генералъ и православный, а не бусурманъ, какъ шведы, но напрасно. Поэтъ, не теряя надежды отыскать могилу, спрашивалъ, нѣтъ ли еще такихъ же стариковъ, какъ Искра, нѣтъ-ли старинныхъ церквей поблизости. Но ему отвѣчали, что подобныхъ стариковъ нѣтъ, а что церкви еще прежде были «спалены татарами». Раздосадованный и недовольный Пушкинъ возвратился въ Бендеры, а оттуда въ Одессу (Рус. Арх. 1866 стр. 1464). Но если даже поэтъ получилъ свѣдѣнія о Вар-

ницѣ помимо Бантыша-Каменскаго, то его «Исторію Малороссіи» онъ уже зналъ хорошо во время созданія «Полтавы», потому что подробности разсказа въ поэмѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ, идутъ согласно и послѣдовательно изложенію въ этомъ историческомъ пересказѣ. Въ приложеніяхъ къ III-му тому книги поэтъ нашелъ, конечно, и письма Мазепы къ Петру (о «дьявольскихъ искушеніяхъ» на измѣну и о вѣрности гетмана), и его же письма къ Кочубею и обратно (по поводу дочери), и «Инструкцію отъ кор. Станислава къ Мазепѣ», и, наконецъ, патріотическую малороссійскую думу, приписываемую Мазепѣ—«Всі покою щиро прагнуть»... (Прилож. XI, XII, XVI, XVII, XX) и др. Поливановъ въ своемъ изд. Пушкина подробно прослѣдилъ шагъ за шагомъ, какъ текстъ «Полтавы» совпадаетъ съ изложеніемъ событій у Бантыша-Каменскаго; въ той-же мѣрѣ Пушкинъ слѣдовалъ «Дѣяніямъ» Голикова и «Журналу Петра В.».

Къ источникамъ «Полтавы», причисляютъ рукописную «Исторію Руссовъ». Это тенденціозно-патріотическое сочиненіе, въ малорусско-шляхетскомъ смыслѣ, приписывалось извѣстному епископу XVIII в. Георгію Конисскому. Несомнѣнно, однако, что оно написано въ первой четверти XIX в., вѣроятнѣе всего,—Г. А. и В. Г. Полетиками, отцомъ и особенно сыномъ, украинскими патріотами—дворянами, либерально и конституціонно настроенными. «Исторія Руссовъ» въ рукописи появилась въ обращеніи въ 20-хъ гг. Старѣйшая рукопись извѣстна отъ 1828 г. въ Стародубщинѣ. Мѣстный помѣщикъ Ширай снялъ копіи съ нея и одну изъ нихъ переслалъ Бантышу-Каменскому (во 2-мъ изд. его «Исторіи» 1830 г. замѣтно вліяніе этого сочиненія). Въ 1829 г., должно быть, познакомился съ рукописью и М. Максимовичъ. Напечатанная лишь черезъ 16 лѣтъ, она была такъ распространена въ рукописяхъ, что оказала сильное вліяніе на историковъ и поэтовъ, касавшихся малорусской старины—Марковича, Срезневскаго, Шевченко, П. Кулиша (Романъ «Мих. Чернышенко»), Костомарова (драма «Косинскій»), Е. Гребенку («Ив. Золотаренко»); наконецъ, Гоголя въ «Тарасѣ Бульбѣ» (статья Гоголя «Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи» въ Жур. М. Нар. П.» 1834 г. № 4 составлена тоже по «Исторіи Руссовъ»). Самъ Пушкинъ далъ о ней похвальный отзывъ въ рецензіи на Собраніе сочиненій Конисскаго Но, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ комментаторовъ (В. Стоюнинъ, Н. Сумцовъ и др.), мы можемъ смѣло утверждать, что Пушкинъ въ 1828 г., во время созданія «Полтавы», совсѣмъ не былъ знакомъ съ «Исторіей Руссовъ». Въ этомъ убѣждаетъ насъ не только то, что даже такіе спеціалисты по исторіи Малороссіи, какъ Бантышъ-Каменскій, Марковичъ и Максимовичъ познакомились съ Псевдо-Конисскимъ въ 1829 г., но и тщательное изслѣдованіе «Исторіи», не давшее указаній на какіе-нибудь слѣды ея въ поэмѣ. Пушкинъ упоминаетъ о Лѣтописи Конисскаго лишь въ 1830 году въ примѣчаніи къ своимъ «Критическимъ Замѣткамъ». Приблизительно около этого времени и познакомился Пушкинъ съ «Исторіей Руссовъ», очевидно, черезъ своихъ друзей-малороссовъ. На заинтересованность Пушкина малорусской исторіей именно въ 1830 г. указываетъ и его замѣтка о Малороссіи того же года. Поэта занимали вопросы; «Что нынѣ называется Малороссіей? Что составляло прежде Малороссію? Когда отторгнулась она отъ Россіи? Долго ли находилась подъ вліяніемъ татаръ? Отъ Гедимина—до Сагайдашнаго, отъ Сагайдашнаго—до Хмельницкаго, отъ Хмельницкаго—до Мазепы, отъ Мазепы—до Разумовскаго» (Сочин. т. VII, стр. 26). Весьма вѣроятно, что именно объ этой малорусской рукописи пишетъ Пушкинъ, разсказывая женѣ о встрѣчѣ въ Москвѣ съ Н. Раевскимъ въ Августѣ 1833 г., когда онъ спросилъ своего пріятеля, интересовавшагося малорусской исторіей: «Qu'avez vous fait de mon manuscript petitrussien?» (Лит. ф. VII, 322).

В. В. Сиповскій въ своей книгѣ о Пушкинѣ указываетъ на то, что «особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ К. Рылѣева «Войнаровскій» (стр. 529). Затѣмъ изслѣдователь сопоставляетъ и построчно сличаетъ тексты этого предисловія и поэмы и указываетъ, будто именно это краткое предисловіе и было историческимъ источникомъ, такъ что даже недоумѣнія Корниловича по поводу характера и цѣлей измѣны Мазепы являются источникомъ подобныхъ же «недоумѣній» и Пушкина. (Ор. с. 532). И съ Бантышомъ-де поэтъ былъ знакомъ, но взялъ изъ него лишь «нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ и «текстъ письма Мазепы къ Петру» (533). Но офицеръ генеральнаго штаба А. О. Корниловичъ (авторъ карманной книжки «Рус-

ская старина» для любителей отечества на 1825 г.) написалъ для пріятеля своего Рылѣева предисловіе — «жизнеописаніе Мазепы» *по* Бантышу-Каменскому, ограничивъ изложеніе событій даже однимъ третьимъ томомъ «Исторіи Малороссіи». Съ какой же стати Пушкинъ, хорошо уже знакомый къ 1828 г. съ источникомъ знаній Корниловича, использовалъ-бы не этотъ первоисточникъ, а плохую компиляцію. То же надо сказать и о примѣчаніи къ «Войнаровскому» о Паліи: Пушкинъ, конечно, изъ Бантыша, а не изъ этого указанія почерпнулъ свѣдѣнія о хвастовскомъ полковникѣ, который, замѣтимъ, никогда никакимъ гетманомъ не былъ (Ор. с. 537). Что же касается вообще примѣчаній къ поэмамъ Рылѣева и Пушкина, то сближеніе ихъ—одно недоразумѣніе. Примѣчанія Пушкина (кстати, показывающія, что источникомъ поэмы былъ именно Бантышъ-К., а не Корниловичъ) совсѣмъ не имѣли того смысла, какой носили они у Рылѣева. У Рылѣева примѣчанія и предисловія потому характерны, что ими авторъ хотѣлъ защитить свою поэму отъ цензурной подозрительности (въ этомъ не имѣлъ надобности Пушкинъ). Вѣдь Рылѣевъ съ нескрываемой симпатіей говорилъ о ссыльномъ Войнаровскомъ и изображаетъ Мазепу патріотомъ-неудачникомъ.

IV.

Крайне малочислены художественныя произведенія, касавшіяся Мазепы и Полтавской битвы до Пушкина. Не будемъ говорить о Ломоносовѣ.—Его «Петръ Великій» никакого отношенія къ «Полтавѣ» не имѣетъ. А попытки сблизить обоихъ поэтовъ приводили къ тому лишь, что находили сходство между стихами Пушкина о конѣ Петра:

> И мчится въ прахѣ боевомъ,
> Гордясь могучимъ сѣдокомъ,

и стихами Ломоносова изъ «Оды Импер. Елизаветѣ 1750 г.»

> И топчетъ бурными ногами,
> Прекрасной всадницей (Елизаветой) гордясь.

Въ 1784 г. неизвѣстный авторъ издалъ совершенно бездарную повѣсть «Прекрасная Россіянка», въ которой касался любовныхъ похожденій Мазепы, но отнюдь не исторіи съ дочерью Кочубея. Въ 1803 году нѣкій іезуитъ Никодимъ Мусницкій издалъ въ Полоцкѣ на польскомъ языкѣ поэму въ 10 пѣсняхъ —«Pultawa», не имѣющую никакого серьезнаго литературнаго значенія. Не многимъ выше этой поэмы ода Мерзлякова, напыщенная, безформенная, преисполненная ходульно-патріотическаго пафоса, тяжелая по мысли и слогу. Она была прочтена на актѣ московскаго университета и напечатана въ «Вѣстн. Евр.» 1827 г. № 12.—На такомъ же актѣ въ 1825 г. прочитано было менѣе ходульное, болѣе короткое и болѣе удачное стихотвореніе Ник. Писаревымъ (помѣщенное потомъ въ Сборникѣ рѣчей Моск. у-та 1825 г.). Тутъ мы находимъ, въ обычномъ повышенномъ тонѣ, восхваленіе Петра, разсказъ о встрѣчѣ его съ Карломъ подъ Полтавой, восклицаніе—«Полтава! Ты царей учитель!» и сравненіе Петра I съ Александромъ I, изгнавшимъ французовъ изъ Москвы. Нѣтъ, однако, никакихъ данныхъ о томъ, что Пушкинъ былъ ли знакомъ съ этими повѣствованіями и виршами.

«Мазепу» Байрона (1819) нашъ поэтъ зналъ задолго до созданія «Полтавы». У Байрона разсказъ ведется отъ лица Мазепы. Во время бѣгства послѣ Полтавскаго сраженія, на ночлегѣ, гетманъ повѣствуетъ Карлу XII о любви къ молодой Терезѣ, о мести ея стараго мужа, о скачкѣ Мазепы, привязаннаго къ коню, по украинскимъ степямъ, освобожденіи его и мести гетмана, сжегшаго и уничтожившаго впослѣдствіи замокъ своего врага. Разсказъ Мазепы имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ личной судьбѣ Байрона, около этого времени полюбившаго молодую жену стараго венеціанца Терезу Гвиччіоли. Въ предисловіи Байронъ говоритъ, что источникомъ для него послужила Вольтерова Исторія Карла XII. Главный интересъ поэмы заключается въ описаніи бѣшенной скачки, коня страданій и думъ Мазепы и въ изображеніи дикой, хотя и невѣрной для Украины, чудной степной природы. Мазепа у Байрона напоминаетъ излюбленныхъ героевъ поэта. Онъ, прикованный къ коню, какъ прикованный къ скалѣ Прометей, испытываетъ величайшія муки, изображенныя съ тою изумительной силой, съ какою умѣлъ вообще изображать человѣческія мученія Байронъ. Но страданія не подорвали ни физической, ни духовной мощи Мазепы. Его до конца не покидаетъ вѣра въ свои силы, несмотря на всѣ неудачи и горе жизни; онъ безграниченъ въ своемъ мщеніи и злобѣ, не знаетъ мѣры ни хорошему, ни дурному.

Пушкинъ взялъ эпиграфъ къ «Полтавѣ» изъ первой строфы поэмы:

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar, т. е.
И мощь, и доблесть измѣнили,
Какъ ихъ служитель,—человѣкъ.
Примкнувъ тщеславно къ новой силѣ,
Къ Царю Москвы. (Перев. В. Мазуркевича).

Этотъ эпиграфъ Пушкинъ сперва хотѣлъ перевесть стихами, потомъ оставилъ безъ перевода (См. И. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 11; набросокъ «То было вскорѣ послѣ боя...» невѣрно относится издателемъ къ впечатлѣніямъ Арзрумской поѣздки поэта, стр. VIII). Та же первая строфа «Мазепы» Байрона нашла себѣ отголосокъ въ описаніи Пушкинымъ похода Карла въ Россію («Онъ шелъ на деревню Москву...») и въ воспоминаніи о Наполеонѣ и походѣ на Москву.

Другихъ опредѣленныхъ слѣдовъ вліянія «Мазепы» на «Полтаву» отмѣтить нельзя. Въ общемъ, Мазепа у Байрона—характеръ злой, но героическій; у Пушкина—онъ злодѣй съ головы до ногъ. Пушкинъ уничтожилъ во 2-мъ изданіи эпиграфъ и не любилъ указаній на отношеніе его поэмы къ Байроновской *).

Онъ указывалъ на то, что его занимала тема, которой не коснулся Байронъ: исторія обольщенной дочери и казненнаго отца (см. ниже). По свидѣтельству Вяземскаго, поэтъ досадовалъ на то, что Байронъ «взялся за Мазепу и не додѣлалъ». Въ «Полтавѣ» эту задачу какъ бы и выполнилъ Пушкинъ.

Гораздо больше значенія для «Полтавы» имѣла поэма Рылѣева «Войнаровскій». Пушкинъ относился къ началу поэтической дѣятельности Рылѣева насмѣшливо. Такъ, въ письмѣ къ брату Льву онъ пишетъ 30-го янв. 1823 г.: «Знаменитый Рылѣевъ употребляетъ слово думы, которое по-русски ничего не значитъ» **) (I,65).

Но уже въ слѣдующемъ году мы видимъ совсѣмъ иное отношеніе Пушкина къ Рылѣеву. Причиной этого была его поэма «Войнаровскій». Отрывки изъ нея появились въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., а вся поэма—въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Рылѣеву: «Жду «Пол. Зв.» съ нетерпѣніемъ. Знаешь для чего? Для Войнаровскаго» (I,168). Познакомившись съ поэмой, онъ пишетъ брату: «Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровскій» полонъ жизни» (I,95). По поводу «Думъ» мы встрѣчаемъ въ черновикѣ письма Пушкина къ Вяземскому, что онъ прочелъ ихъ недавно и еще не опомнился—такъ (авторъ ихъ) вдругъ выросъ (I,83). Впрочемъ, послѣдующіе отзывы Пушкина о думахъ болѣе чѣмъ сдержанны. «Думы Рылѣева и цѣлятъ, да не впопадъ» сообщалъ онъ Жуковскому въ началѣ іюня 1825 г. (I,223). Всѣмъ имъ онъ предпочиталъ «Войнаровскаго»: «Рылѣева «Войнаровскій» (письмо А. Бестужеву 12-го янв. 1824 г.) несравненно лучше всѣхъ его «Думъ»; слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ» (I,96). Между обоими поэтами завязалась дѣятельная переписка. Рылѣевъ былъ радъ, что «Войнаровскій» понравился Пушкину, а Пушкинъ пересылалъ ему замѣчанія и похвалы, такъ что авторъ поэмы и другъ его Бестужевъ уличали Пушкина даже въ томъ, что онъ—«великій льстецъ». Это заставило послѣдняго написать Бестужеву (24-го Марта 1825 г.): «Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его думахъ я сказалъ вслухъ и ясно, о поэмахъ его—также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своею дорогою. Онъ въ душѣ поэтъ... Ради Христа! Чтобъ онъ писалъ—да болѣе, болѣе!» (I,196).

Поэма «Войнаровскій» (въ 2-хъ частяхъ) изображаетъ пребываніе героя въ далекой ссылкѣ, въ Якутскѣ (Войнаровскій—племянникъ и наслѣдникъ Мазепы, удалившійся съ нимъ за границу, былъ схваченъ въ 1716 г. по приказанію Петра I въ Гамбургѣ и отправленъ въ Сибирь). Тамъ его случайно встрѣчаетъ путешествовавшій по Сибири извѣстный ученый Миллеръ въ 1736—1737 гг. и ведетъ долгія бесѣды. Войнаровскій разсказываетъ о себѣ, о Мазепѣ, о событіяхъ борьбы Карла и Петра и о гибели гетмана, его плановъ и близкихъ ему людей. Миллеръ удивлялся уму, образованности и патріотизму Войнаровскаго и любилъ почасту и подолгу бесѣдовать съ

*) Письмо Плетневу о «Полтавѣ» (напеч. впервые въ «Соврем.» 1838 г., т. IX) содержало въ себѣ французскій переводъ трехъ отрывковъ изъ «Мазепы» Байрона, которые были приведены Пушкинымъ съ намѣреніемъ подтвердить разницу между его «Полтавой» и произведеніемъ англійскаго поэта. (Изд. Анненковымъ, т. V, стр. 109).

**) Пушкинъ остритъ въ другомъ мѣстѣ, что слово думы произошло «отнюдь не отъ польскаго, а отъ нѣмецкаго d u m m» (I,218) Ср., однако, у Крылова: «И думаетъ свою онъ думу безъ шуму»—«Двѣ бочки».

нимъ. Но однажды, когда Миллеръ спѣшилъ обрадовать несчастнаго изгнанника вѣстью объ освобожденіи, онъ засталъ его замерзшимъ на «холмѣ гробовомъ» своей вѣрной жены, «подъ наклонившимся крестомъ». Поэма Рылѣева далеко не блещетъ художественными образами, но полна «гражданскихъ» мыслей и обильна удачными и выразительными стихами.

Войнаровскій обрисованъ симпатичными чертами, и положеніе ссыльнаго вызываетъ глубокое сожалѣніе къ нему. Что касается Мазепы, то гетманъ изображенъ человѣкомъ сильнымъ, страстнымъ, рѣшительнымъ, на совѣсти котораго лежитъ много мрачнаго, но совѣсть глубоко тревожитъ Мазепу и вызываетъ мучительныя раскаянія. Главная черта, отмѣченная авторомъ въ Мазепѣ, — беззавѣтный патріотизмъ. Гетманъ разсказываетъ, что—

Ее (родину) спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью...
Я чту Великаго Петра;
Но—покоряяся судьбинѣ—
Узнай: я врагъ ему отнынѣ...
... Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
Борьба свободы съ самовластьемъ...

Никто не виноватъ въ этой борьбѣ:

И я, и Петръ—мы оба правы;
Какъ онъ, и я живу для славы,
Для пользы родины моей.

Войнаровскій, вспоминая о похоронахъ Мазепы, говоритъ: «Мы вмѣстѣ съ Мазепой погребали — свободу родины своей». Но въ самой поэмѣ неожиданно встрѣчаются и рѣзкія осужденія Мазепы, вырывающіяся изъ устъ того же Войнаровскаго. Къ поэмѣ приложены двѣ компилятивныя статейки о Мазепѣ и Войнаровскомъ, а затѣмъ примѣчанія, изъ которыхъ одно особенно характерно. Вотъ оно: «Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ (надо подразумѣвать — Бантышемъ-Каменскимъ въ изложеніи Корниловича). Считаемъ за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ. И могло ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія (?!). Желая преклонить Войноровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его, по неопытности, въ войну противъ великаго государя; но истина восторжествовала—и Провидѣніе наказало измѣнника» (Сбор. соч. Рылѣева, изд. Ефимова 1874 г., стр. 91).

Эти противорѣчія объясняются просто. Въ письмѣ къ Пушкину (въ іюнѣ 1825 г.) Рылѣевъ пишетъ: «Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямо душевныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно, особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно—истуканъ. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова» (I, 232; Бирюковъ — извѣстный цензоръ). Къ такимъ «вѣрноподданническимъ хитростямъ» Рылѣева мы должны отнести и предварительныя жизнеописанія (это зналъ и Пушкинъ), и примѣчанія, въ родѣ приведеннаго выше. Но то, что симпатіи автора были на сторонѣ разгромленныхъ неудачниковъ—Мазепы и Войнаровскаго—подтверждается всѣмъ текстомъ поэмы Рылѣева.

Поэма Рылѣева, которую высоко цѣнилъ Пушкинъ, безусловно оказала вліяніе на него при созданіи «Полтавы». Въ этомъ можно убѣдиться изъ ряда сопоставленій въ обѣихъ поэмахъ. Рылѣевъ, напр., вкладываетъ въ уста Войнаровскаго разсказъ о томъ, какъ, во время разрастанія борьбы «сѣвернаго героя» съ Великимъ Петромъ, Мазепа «молчалъ и равнодушно внималъ полковъ привѣтственные клики». Въ «Полтавѣ» гетманъ — «храня суровость обычайну... молвѣ, казалось, не внималъ и равнодушно пировалъ».

У Рылѣева встрѣчаются выраженія, которыя напоминаютъ Пушкинскіе стихи: сердце заныло, «когда рубежъ страны родной узрѣли мы передъ собой»; Мазепа думаетъ «спасти отъ бѣдъ народъ Украйны, иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ»; Миллеръ размышляетъ: «и мирный домъ твоихъ отцовъ»; Карлъ—«увѣнчанный бѣглецъ» «Войнар.») и т. д. У обоихъ поэтовъ часто рифмуется тайна и Украйна. Картины бѣгства короля и Мазепы у Рылѣева и Пушкина—сходны. Бесѣдѣ Мазепы съ Орликомъ у Пушкина соотвѣтствуетъ бесѣда его съ Войнаровскимъ, когда «одно мгновенье все рѣшило, одно мгновенье погубило навѣкъ страны родной свобо-

ду, славу и покой», а мукамъ совѣсти у Мазепы во время бѣгства отвѣчаетъ бредъ гетмана въ предсмертной болѣзни. У Рылѣева безумный хохотъ Мазепы, У Пушкина—Маріи и др. Наконецъ, и самъ Войнаровскій появляется у Пушкина въ картинѣ Полтавскаго боя; выстрѣлъ его изъ мушкета спасъ Мазепу отъ сабли казака, любившаго Марію. Несомнѣнно вліяніе «Войнаровскаго» въ описаніи казни Кочубея. У Рылѣева:

Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатилась голова...
И вотъ другая... всѣ трепещутъ...
Смотри! Какъ страшно очи блещутъ!..

Недаромъ Пушкинъ писалъ Вяземскому еще 25-го мая 1825 г., что у Рылѣева «есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ», и что «въ Рылѣевѣ есть болѣе (чѣмъ у поэта Козлова) замашки или размашки въ слогѣ» (I, 218). Эта «размашка въ слогѣ», въ стихѣ и образности «Полтавы» несравненно и недостижимо выше у Пушкина, чѣмъ у Рылѣева. Но мы не должны забывать, что послѣдній все-таки является безусловнымъ предшественникомъ великаго поэта въ своеобразной обработкѣ сходной для обоихъ темы.

Любопытно еще, что Пушкинъ просилъ какъ-то брата посовѣтовать Рылѣеву—«помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку (Аннибала). Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы» (письмо отъ февраля 1825 г. I, 179). Самъ онъ, однако, уклонился въ поэмѣ отъ подобнаго эффекта.

Въ концѣ своего предисловія Пушкинъ говоритъ: «Нѣкто въ романической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженною женщиною, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица». Тутъ рѣчь о повѣсти Егора Аладьина «Кочубей», помѣщенной въ изданномъ имъ же «Невскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (стр. 228—303; см. «Библіографъ» 1888, № 12). Аладьинъ былъ типичный «альманашникъ»: самъ писывалъ повѣсти, вращался среди писателей и немало надоѣдалъ имъ выпрашиваніемъ «на зубокъ» своимъ изданіямъ и т. п. Подобный типъ изображенъ Пушкинымъ въ отрывкѣ, озаглавленномъ «Альманашникъ». Повѣсть Аладьина ходульна, противоестественно-мелодраматична и въ общемъ весьма слаба. Надо помнить, однако, какъ справедливо указываетъ В. Сиповскій, что Пушкинъ «никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки» (стр. 523). Такъ, Пушкинъ говоритъ въ письмѣ къ Вяземскому (въ ноябрѣ 1823 г.), что ввелъ «хладнаго скопца» въ «Бахчисарайскій Фонтанъ», подражая Боброву (второстепенный поэтъ XVIII в., авторъ поэмы «Таврида», или «Мой лѣтній день въ Таврическомъ Херсонесѣ»); мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть», добавляетъ поэтъ (I, 85). Несомнѣнно, что и повѣсть Аладьина Пушкинъ прочиталъ очень пристально.

Повѣсть Аладьина начинается съ описанія дружбы Кочубея и Мазепы. На пиру у Кочубея Мазепа, между прочимъ, говоритъ хозяину: «Чего же недостаетъ у тебя?... золота, какъ песку окрестъ Кіева.... жизнь твоя течетъ какъ свѣтлый праздникъ, весело и беззаботно», но—обращается гетманъ къ Кочубеихѣ:—«дочь твоя прелестна, какъ лучшая роза въ саду твоемъ! Храни это сокровище!». Кочубей «уважалъ въ гетманѣ главу Малороссіи, но презиралъ въ немъ жестокаго, корыстолюбиваго утѣснителя казаковъ». Вообще, Кочубей во всемъ необыкновенно добродѣтеленъ: онъ безпредѣльный московскій патріотъ, благочестивѣйшій семьянинъ, его развлекаютъ только «подвиги казаковъ на полѣ чести» за отчизну и престолъ и т. п. Получивъ отъ Мазепы письмо съ предложеніемъ брака съ Маріей, Кочубей восклицаетъ: «Нечестивецъ! Онъ требуетъ руки нашей дочери, руки своей дочери». Добрая Любовь (его жена) съ ужасомъ ахнула при этой вѣсти, и несчастная Марія (вмѣсто Матрены, какъ и у Пушкина) безъ чувствъ упала въ руки матери». Далѣе слѣдуетъ разсказъ Мазепы, изображеннаго страшнымъ преступникомъ, іезуиту Зелинскому о прошлыхъ похожденіяхъ. Разсказъ этотъ составленъ въ подражаніе «Мазепѣ» Байрона съ сохраненіемъ даже именъ (Тереза) и нѣкоторыхъ выраженій поэмы. Повѣствованіе свое гетманъ оканчиваетъ словами: «Съ тѣхъ поръ (послѣ

скачки на конѣ) въ сердцѣ моемъ поселилась ненависть къ человѣчеству, адская ненависть къ сильнѣйшимъ меня! Пожалуй, они прикуютъ еще Мазепу, какъ Прометея, къ утесу и пошлютъ вороновъ клевать мое сердце». Сынъ іезуита похищаетъ Марію при помощи няньки; послѣднюю топитъ въ рѣкѣ. Кочубей пріѣзжаетъ въ Батуринъ къ Мазепѣ. Между ними происходитъ «страшный» разговоръ, во время котораго Кочубей восклицаетъ: «Нѣтъ, хищникъ, нѣтъ! Не богатства твоего, но твоей крови за честь мою пришелъ я требовать». Съ тѣхъ поръ въ домѣ Кочубея не пируютъ, а молятся и плачутъ. Кочубей скорбитъ о томъ, что «разлилась въ народѣ громкая молва о моей дочери, о моемъ позорѣ». Осталось одно—месть! Онъ «тайно и терпѣливо проникалъ въ дебристую душу изверга», и когда обнаружилъ въ гетманѣ измѣнника, «содрогнулся» и послалъ черезъ чернеца Никанора доносъ Петру. Далѣе идетъ рѣчь о довѣріи Петра къ Мазепѣ, лживыя увѣренія гетмана Петру, допросъ, и пытки Кочубея, напоминанія Кочубею объ его домѣ, «гдѣ весело протекли игры младенчества, мечты, юности», гдѣ онъ «пировалъ съ избранными друзьями». Повѣсть оканчивается невѣроятной мелодрамой. Марія въ одеждѣ молодого воина проникаетъ къ отцу въ темницу. Онъ примиряется съ дочерью, но отказывается бѣжать, чтобы не нарушить волю Петра, хотя сознаетъ себя гибнущимъ невинно. Марія врывается въ замокъ Мазепы. Гетманъ «блѣднѣетъ, трепещетъ». Тогда, «какъ хищный коршунъ безсильнаго цыпленка, такъ схватила изступленная Марія трепещущаго Мазепу и приставила кинжалъ къ оледенѣвшей груди его». Мазепа изворачивается и обѣщаетъ ей все. Марія довѣряется гетману. Сцена казни. Марія стоитъ невдали отъ помоста подъ покрываломъ, ожидая освобожденія и апаѳеоза отца. Мазепа, «окруженный многочисленной свитой и вѣрными сердюками», находится тутъ же. Передъ самымъ отсѣченіемъ головъ съ Маріи снимаютъ покрывало. Ужасъ! «Страдальцамъ рубятъ головы. Голова Искры покатилась по желтому песку» и т. п.

Мы остановились на трехъ произведеніяхъ, разработавшихъ тему о Мазепѣ раньше Пушкина. Слѣды знакомства съ ними поэта въ «Полтавѣ»—несомнѣнны, но сколько-нибудь значительное вліяніе оказала развѣ поэма Рылѣева. Пушкинъ какъ бы самъ отвергалъ какое бы то ни было отношеніе «Полтавы» къ поэмѣ Байрона и повѣсти Аладьина, выбросивъ во 2-мъ изданіи и эпиграфъ изъ «Мазепы» и предисловіе, гдѣ упоминается о повѣсти «Кочубей». Но вліянія Рылѣева онъ не отвергалъ и не могъ отвергнуть.

Отмѣтимъ кстати, что въ «Полтавѣ» есть сцены и отдѣльные стихи, повторяющіе выраженія изъ болѣе раннихъ произведеній поэта. Напр., описаніе Полтавской битвы въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ напоминаетъ разсказъ о битвѣ подъ стѣнами Кіева Владиміровой дружины съ Печенѣгами («Русл. и Людмила»); Людмила оставляетъ постель «на встрѣчу утреннимъ лучамъ»; Русланъ нападаетъ на бусурманъ, осаждающихъ Кіевъ, «какъ Божій громъ» (въ «Полтавѣ»—гроза). Изображеніе Маріи напоминаетъ Зарему въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»:

Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила.

«Въ тѣни украинскихъ черешенъ» повторяется въ приписке къ сестрѣ А. П. Кернъ; въ позднѣйшемъ «Мѣдномъ Всаднике» встрѣчаемъ стихъ: «Прошло сто лѣтъ—и юный градъ»... и т. п.

V.

«Полтава» вызвала разнообразные и противоположные отзывы журнальной критики.

Однимъ изъ первыхъ привѣтствовалъ поэму стихотворецъ кн. Шаликовъ стихами:

Цари съ поэтами всегда дѣлились славой!
Царь Русскій возблисталъ тріумфомъ подъ Полтавой
Надъ силой грозною, и русскій же поэтъ
Вьетъ лавры въ свой вѣнокъ съ полей его побѣдъ.

(Дамск. Журн. 1829 г., № 16). Въ «Москов. Телегр.» было вообще сказано, что «при появленіи въ свѣтъ «Полтавы» мы видимъ примѣръ несходства во мнѣніяхъ: одни называли эту поэму первою по достоинству, другіе—третьею, третьи—второю; одни нашли, что описаніе полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ невѣрный очеркъ; одни убѣдились, что «Полтава» есть шагъ къ совершенству, другіе увѣрились въ противномъ (1829 г., № 10).

Критикъ того же журнала Кс. Полевой находитъ, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, одно новое—народность. «Въ

Памятникъ въ честь Полтавской побѣды.
Воздвигнутъ въ Полтавѣ въ 1809 г.

«Полтавѣ» съ начала до конца вездѣ русская дума, русскій умъ («М. Т.» 1829 г. № 7).

Доброжелательные «Сѣвер. Цвѣты» на 1830 г., отмѣчая высокія достоинства поэмы, указывали на неестественность отвѣта Кочубея Орлику, а «Сѣвер. Пчела», называя поэму прелестной, признавала за ней мѣсто, слѣдующее послѣ «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана» (1829 г., № 39).

Критикъ «Галатеи», восхищаясь поэмой, недоумѣвалъ только, почему поэтъ назвалъ свою поэму Полтавою, «которая поставлена у него почти въ невидномъ уголкѣ»? (1829 г. № 16). «Атеней» далъ двѣ статья о «Полтавѣ» и обѣ по преимуществу похвальныя. Въ № 4 за 1829 г. нѣкто N предполагаетъ, что, «быть можетъ, Пушкинъ напишетъ эпопею, но будемъ пока утѣшаться надеждою, что въ поэмахъ болѣе легкихъ онъ изобразитъ намъ вѣкъ Петра. Пушкинъ, можетъ быть, хотѣлъ назвать поэму свою Мазепою, но въ дѣйствіи оной не менѣе берутъ участія другія лица, и вообще въ ней нѣтъ главнаго героя, а потому имя Мазепы, Кочубея, Маріи, еще болѣе имя Петра и Карла для нея неприличны. Въ ней нѣтъ великаго характера, потому что и самая исторія происшествія онаго не представляетъ».

Въ іюньскомъ № «Атенея» 1829 г. М. Максимовичъ разсматривалъ поэму съ исторической точки зрѣнія и защищалъ поэта противъ сомнѣній въ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ.

Ив. Кирѣевскій («Денница» на 1830 г.), хвалитъ поэму за проявленную поэтомъ зрѣлость таланта, «которую доказываетъ господствующій, хотя и не вездѣ выдержанный, характеръ «Полтавы». Главное изъ несовершенствъ Кирѣевскій видитъ въ недостаткѣ единства. «Посвятивъ первыя двѣ пѣсни преимущественно исторіи любви Мазепы и Маріи, Пушкинъ окончилъ свою повѣсть вмѣстѣ съ концомъ второй пѣсни; и въ отношеніи къ главному интересу поэмы всю третью пѣсню можно назвать лишнею. По этой же причинѣ, или потому, что словесность наша еще не доросла до господствующаго направленія «Полтавы», поэма сія не имѣла видимаго вліянія на нашу литературу». Мнѣніе Кирѣевскаго впослѣдствіи всецѣло раздѣлялъ Анненковъ, находившій настоящій недостатокъ поэмы въ двойственности ея плана, чувствовавшійся тѣмъ бо-

лѣе сильно, чѣмъ ярче и превосходнѣе краски эпизода, поднятаго на высоту, ему не свойственную («Матеріалы», стр. 212).

Гораздо больше было разборовъ «Полтавы» отрицательнаго характера, нападавшихъ и на общій планъ, и на частности. Критикъ «Сына Отечества» (1829 г., №№ 15 и 16) задавался вопросомъ, отчего «Полтава» не произвела такого впечатлѣнія въ публикѣ, какъ другія произведенія поэта?» Оттого, отвѣчаетъ онъ, что «поэтъ былъ въ правѣ не давать отчета въ характерахъ и положеніяхъ вымышленныхъ лицъ, а отъ лицъ историческихъ мы требуемъ полноты характера и желаемъ видѣть событія въ ихъ настоящемъ, правдоподобномъ видѣ, даже въ волшебномъ зеркалѣ вымысла. Мазепа въ «Полтавѣ» жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ изображаетъ его исторія. Онъ изображенъ не честолюбцемъ, не хитрецомъ, не злодѣемъ, но просто злымъ дуракомъ. Страннѣе всего, что авторъ хочетъ представить Мазепу безразсуднымъ и мстительнымъ старичишкой, который поднялъ знамя бунта за то, что Петръ В. подралъ его за усы во время пиршества, хотя послѣ осыпалъ своими милостями». Надеждинъ въ «Вѣст. Евр.» (1829 г., №№ 8 и 9) еще рѣзче и рѣшительнѣе отозвался о недостаткахъ поэмы. По мнѣнію Надеждина,— «Полтава» есть настоящая Полтава для Пушкина. Ему здѣсь назначено было испытать судьбу Карла XII. Сѣверный Александръ, проигравъ Полтавское сраженіе, пустился въ ребяческіе фарсы. Въ этомъ поэтическомъ зданьицѣ, носящемъ величественное имя Полтавы, сама Полтава составляетъ такой непримѣтный уголокъ, что его едва и отыскать можно... Мазепа Пушкина есть не что иное, какъ лицемѣрный, бездушный старичишка, особенно по сравненію съ Мазепой Байрона, который разстилаетъ гигантскую тѣнь». «Любовь Маріи къ старику—невозможна, а любовь Мазепы—только фарсъ. А усы Мазепы! Ай да усы! Это былъ бы кладъ для покойнаго выворачивателя «Энеиды» наизнанку! Изображеніе Петра и Карла напоминаетъ изображеніе Фарлафа и Рогдая изъ «Руслана и Людмилы». Наконецъ, въ поэмѣ «стиховъ прозаическихъ и вялыхъ такое множество, что не вѣришь: Пушкинъ ли, полно, писалъ ихъ!» Все же произведеніе «есть рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копѣйку. Ея стихія— пересмѣивать все худое и хорошее... Не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить». Однимъ словомъ,— «пѣвецъ« Руслана и Людмилы» зарубилъ дерево не по себѣ».—Въ «Литерат. Прибавл. къ Рус. Инвал.» (1831 г., №8) поддержали Надеждина и восхищались «острымъ словцомъ» о Полтавѣ Пушкина въ поэмѣ «Полтава»; тамъ же опредѣленно заявляли: «Намъ извѣстно и вѣдомо, что сія поэма не только не возбудила общаго вниманія, но даже не имѣла никакого успѣха». Въ «Галатеѣ» же еще въ 1830 г. появился такой приговоръ: «Слава сладкогласнаго пѣвца росла съ каждымъ новымъ произведеніемъ до самой «Полтавы», съ «Полтавы» она, не скажемъ, пала, но осѣлась и съ тѣхъ поръ уже не подымается вверхъ» (№ 14). Подобное мнѣніе раздѣляли «Сѣвер. Пчела» (1830 г., №№ 35 и 39), «Вѣстн. Евр.» (1839 г., № 7) и нѣкоторые др.

VI.

Пушкина очень огорчали подобные отзывы и нападки, да еще въ тревожные и горькіе для него дни послѣ возвращенія съ Кавказа. Въ октябрѣ 1829 г. онъ писалъ изъ Петербурга объ этихъ огорченіяхъ и сѣтовалъ на критику (II, 94—95). Впослѣдствіи Пушкинъ переработалъ и дополнилъ это письмо и помѣстилъ въ видѣ «Отрывка изъ рукописи» въ «Денницѣ» Максимовича на 1831 г. (стр. 124—130):

«Habent sua fata libelli. Полтава не имѣла успѣха. Вѣроятно, она и не стоила его, но я былъ избалованъ пріемомъ, оказаннымъ моимъ прежнимъ, гораздо слабѣйшимъ произведеніямъ; къ тому жъ это сочиненіе оригинальное, а мы изъ того и бьемся. Журналы взялись объяснить мнѣ причину моей неудачи—и вотъ какимъ образомъ. Они, во-первыхъ, объявили мнѣ, что отъ роду никто не видывалъ, чтобъ женщина влюбилась въ старика, и что, слѣдовательно, любовь Маріи къ старому гетману (NB: исторически доказанная) не могла существовать. «Такъ что жъ, что ты Честонъ? Хоть знаю, да не вѣрю». Этимъ я не могъ довольствоваться: любовь есть самая своеправная страсть. Не говоря уже о безобразіи и глупости, ежедневно предпочитаемыхъ молодости, уму и красотѣ, я вспомнилъ преданія миѳологическія, превращенія Овидіевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Олимпію, Пигмаліона—и принужденъ былъ признаться, что всѣ сіи вымыслы не чужды поэзіи или, справедливѣе, ей принадлежатъ. А Отелло, старый негръ, плѣнившій Дездемону разсказами о своихъ странствованіяхъ и битвахъ? А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну изъ лучшихъ его трагедій? Марія (или Матрена) увлечена была, говорили мнѣ, тщеславіемъ, а не любовію— велика честь для дочери генеральнаго судьи быть наложницею гетмана!—Далѣе говорили мнѣ, что мой Мазепа злой и глупый старичишка (старичишка вмѣсто старикъ—ради затѣйливости).

Что изобразилъ я Мазепу злымъ, въ томъ каюсь. Добрымъ я его не нахожу, особенно въ минуту, когда онъ хлопочетъ о казни отца дѣвушки, имъ обольщенной. Глупость же человѣка оказывается или изъ его дѣйствій, или изъ его словъ. Мазепа дѣйствуетъ въ моей поэмѣ точь въ точь, какъ и въ исторіи. Рѣчи его объясняютъ его историческій характеръ. Не довольно, если критикъ рѣшитъ, что такое-то лицо въ поэмѣ глупо: не худо, если онъ чѣмъ-нибудь это и докажетъ. Потомъ замѣтили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ: что малороссійскій гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганіе усовъ мстить не захочетъ. Опять исторія, опроверженная литературной критикой: хоть знаю, да невѣрю.—Мазепа, воспитанный въ Европѣ въ то время, какъ понятія о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа могъ помнить долго обиду московскаго царя и отомстить ему при случаѣ. Въ этой чертѣ весь его характеръ, скрытный, жестокій, постоянный. Дернуть поляка или козака за усы—все равно было, что схватить россіянина за бороду. Хмѣльницкій за всѣ обиды, имъ претерпѣнныя, помнится, отъ Чаплицкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи Посполитой, остриженный усъ своего непріятеля.—Старый гетманъ, предвидя неудачу,, наединѣ съ паперспикомъ брапитъ въ моей поэмѣ молодого Карла и называетъ его, помнится, мальчишкой и сумасбродомъ. Критики важно укоряли меня въ неосновательномъ мнѣніи о шведскомъ королѣ. У меня сказано гдѣ-то, что Мазепа ни къ кому не былъ привязанъ; критики ссылались на собственныя слова гетмана, увѣряющаго Марію, что онъ любилъ ее «больше славы, больше власти». Какъ отвѣчать на таковыя критики?—Такъ понимали они драматическое искусство! Потомъ слѣдовала критика мелочная, критика буквъ, отъ которой пора бы намъ отвыкнуть. Слова усы, визжать, вставай, разсвѣтаетъ, ого, пора показались критикамъ низкими, бурлацкими выраженіями. Какъ быть! (Никогда не пожертвую краткостью выраженія провинціальной чопорности, изъ боязни казаться простонароднымъ, славянофиломъ и т. п.) Въ «Вѣст. Европы» замѣтили, что заглавіе поэмы ошибочно, и что, вѣроятно, не назвалъ я ее Мазепой, чтобы не напомнить о Байронѣ. Справедливо, но была и другая причина: эпиграфъ. Такъ и «Бахчисарайскій Фонтанъ» въ рукописи названъ былъ «Гаремомъ», но меланхолическій эпиграфъ, который, конечно, лучше всей поэмы, соблазнилъ меня. Кстати, о «Полтавѣ»; критики упомянули, однакожъ, о байроновскомъ Мазепѣ. Но какъ они понимали его (или, справедливѣе, какъ не понимали)! Байронъ зналъ Мазепу только по Вольтеревой Исторіи Карла XII. Онъ пораженъ былъ только картиной человѣка, привязаннаго къ дикой лошади и несущагося по степямъ. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что онъ изъ нея сдѣлалъ! Не ищите тутъ ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачнаго, ненавистнаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона, но котораго, на бѣду одного изъ моихъ критиковъ, какъ нарочно, въ Мазепѣ и нѣтъ. Байронъ и не думалъ о немъ: онъ выставилъ рядъ картинъ, одна другой разительнѣе—вотъ и все; но какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если жъ бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненнаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился послѣ него коснуться сего ужаснаго предмета».

Въ чемъ же искали причину значительнаго неуспѣха поэмы или, по крайней мѣрѣ, того, что она не произвела такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія созданія Пушкина? Критики отвѣчали на это разно. Одни находили, что главная причина лежитъ въ двойственности темы и плана, а отсюда—и въ ослабленіи впечатлѣнія отъ поэмы; другіе указывали на то, что поэтъ не сумѣлъ возбудить въ насъ «участія любви и ненависти къ политическимъ планамъ Мазепы»; третьи—въ неудовлетворенныхъ ожиданіяхъ читателя, надѣявшагося увидѣть въ новомъ произведеніи любимаго писателя или полную лиризма поэму вродѣ «Цыганъ» и «Бахчисарайскаго Фонтана», или эпическую, грандіозную поэму. Иные искали причинъ въ томъ, что сюжетъ, пригодный для широкой драматической формы, втиснутъ былъ въ рамки поэмы. Наконецъ, были и такіе, которые признавали вполнѣ понятнымъ неуспѣхъ «Полтавы» среди большой публики, такъ какъ «красоты ея слишкомъ новы для русскихъ читателей, еще не готовыхъ понимать оныя». Кромѣ того, поэтъ переросъ читателей и «пересталъ угождать прихотямъ своего вѣка».

Надо полагать, что послѣднее объясненіе отчасти совпадало съ мнѣніями самого Пушкина. Прямого отвѣта автора на вопросъ о причинахъ неуспѣха мы не имѣемъ, но изъ отдѣльныхъ выраженій въ письмахъ поэта къ друзьямъ и особенно изъ критической замѣтки его о Баратынскомъ мы можемъ сдѣлать очень правдоподобные выводы. Вотъ какъ объясняетъ Пушкинъ причины, почему послѣднія, болѣе зрѣлыя, болѣе близкія къ совершенству произведенія Баратынскаго имѣли въ публикѣ меньшій успѣхъ, чѣмъ первыя, юношескія проявленія творчества. «Первою причиною, говоритъ Пушкинъ, долженъ почесть самое сіе совершенствованіе, самую зрѣлость произведеній Баратынскаго. Юный поэтъ мужаетъ, талантъ его растетъ, понятія становятся выше, чувства измѣняются, пѣсни его уже не тѣ, а читатели все тѣ же, и развѣ только сдѣлались холоднѣе сердцемъ и равнодушнѣе къ поэзіи жизни. Поэтъ отдѣляется отъ нихъ и мало по малу уединяется совершенно...». Вторая причина есть отсутствіе критики и общаго мнѣнія. Журналы судятъ наобумъ, по наслышкѣ, безъ всякихъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній, а большею частію по личнымъ разсчетамъ (почти до-

словно то же самое повторяетъ Пушкинъ въ «Мысляхъ въ дорогѣ», написанныхъ въ 1833—1835 гг.). Третья причина—эпиграммы Баратынскаго: «Сіи мастерскія, образцовыя эпиграммы не щадили правителей русскаго Парнасса») Собр. соч. VI, с. 308—310). Если мы подставимъ вмѣсто Баратынскаго имя самаго автора замѣтки, то, получимъ весьма вѣроятный отвѣтъ на жгучій и щекотливой вопросъ, что думалъ Пушкинъ о причинахъ неуспѣха «Полтавы» и другихъ произведеній своей музы.

VII.

Изъ отзывовъ критики 30-хъ и 40-хъ гг. стоитъ остановиться только на Бѣлинскомъ. Основныя положенія его оцѣнки сводятся къ тому, что Пушкину въ «Полтавѣ» хотѣлось сдѣлать опытъ эпической поэмы въ новомъ духѣ, причемъ его идеалъ эпической поэмы заключался въ неоклассицизмѣ, или въ классицизмѣ, подновленномъ такъ называемымъ романтизмомъ. Но изъ «Полтавы» Пушкина эпической поэмы не могло получиться вслѣдствіе невозможности эпической поэмы въ наше время, а романтической въ родѣ Байроновской—вслѣдствіе желанія поэта слить ее съ невозможной эпической поэмой. И поэтому «Полтава» явилась поэмой безъ героя. Считать героемъ Петра В. было бы смѣшно, такъ какъ главная и большая часть дѣйствія поэмы посвящена любовной исторіи Мазепы. Но и самъ Мазепа также не можетъ считаться героемъ «Полтавы», потому что онъ не носитъ въ себѣ чертъ героя-злодѣя, онъ лишь—низкій интриганъ, состарѣвшійся въ козняхъ. Въ «Полтавѣ» рѣзко выразилось усиліе поэта оторваться отъ прежней дороги и твердой ногой стать на новый путь творчества. Но гдѣ видно усиліе, тамъ нѣтъ еще достиженія. Поэтому въ «Полтавѣ» видны какая-то нерѣшительность, какое то колебаніе, вслѣдствіе которыхъ изъ этой поэмы вышло что то огромное, великое, но въ тоже время и нестройное, неполное. «Полтава» богата новымъ элементомъ—народностью въ выраженіи, почти всякое мѣсто, отдѣльно взятое въ ней, превосходитъ все, написанное прежде Пушкинымъ, по силѣ, полнотѣ и роскоши поэтическаго выраженія,—въ то же время въ этой поэмѣ нѣтъ единства, она не представляетъ собою цѣлаго, и вотъ почему «Полтава» не производитъ на читателя того единаго, полнаго, совершенно удовлетворяющаго впечатлѣнія, которое должно производить всякое глубоко-концентрированное и строго обдуманное поэтическое твореніе. «Полтава» заключаетъ въ себѣ нѣсколько поэмъ, и потому самому не составляетъ одной поэмы. Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому всѣ бы другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. Изъ отдѣльныхъ недостатковъ поэмы, Бѣлинскій отмѣчаетъ то, что закоренѣлый злодѣй Мазепа содрогается отъ воплей терзаемой имъ жертвы и краснѣетъ, подобно юношѣ, отъ привѣта красоты. Простою прихотью Пушкина Бѣлинскій считаетъ то, что введенъ казакъ, влюбленный въ Марію, нужный только для того, чтобы было съ кѣмъ отправить доносъ царю, а эпизодъ смерти казака, несмотря на превосходные стихи, мелодраматиченъ и совсѣмъ не нуженъ. Въ общемъ, однако, отдѣльныя красоты въ «Полтавѣ» просто изумительны: сцены въ тюрьмѣ, изображеніе казака и его поѣздки съ доносомъ, описанія украинской ночи, казни, полтавской битвы, психологіи любви Мазепы и Маріи, разговоръ между ними въ началѣ второй пѣсни, портретъ героини и ея сумасшествіе и мн. др.,—все это образцы высокаго художественнаго мастерства. Бѣлинскій утверждаетъ, что нигдѣ личность Маріи (а лучше ничего не создала творческая кисть Пушкина изъ всѣхъ нарисованныхъ имъ женскихъ портретовъ) не возвышается до такого апоѳеоза, какъ въ сценѣ ея объясненія съ Мазепой, сценѣ, написанной истинно шекспировской кистью. Когда Мазепа, чтобы разсѣять ревнивыя подозрѣнія Маріи, принужденъ былъ открыть ей свои дерзкіе замыслы, она все забываетъ: нѣтъ болѣе сомнѣній, нѣтъ безпокойства; мало того, что она вѣритъ ему, вѣритъ, что онъ не обманываетъ ея: она вѣритъ, что онъ не обманывается и въ своихъ надеждахъ. Ея ли женскому уму, воспитанному въ затворничествѣ, обреченному на отчужденіе отъ дѣйствительной жизни, ей ли знать, какъ опасны такія стремленія и чѣмъ оканчиваются они! Она знаетъ одно, она вѣритъ одному,—что онъ, ея возлюбленный, такъ могущъ, что не можетъ не достичь всего, чего бы только ни захотѣлъ. Картина Полтавской битвы начертана кистью широкой и смѣлой; она исполнена жизни и движенія: живописецъ могъ бы писать

съ нея, какъ съ натуры. Появленье Петра въ этой картинѣ, изображенное огненными красками, поражаетъ читателя, говоря собственными словами Пушкина, «быстрымъ холодомъ вдохновенія, подымающимъ волосы на головѣ»,—производитъ на него впечатлѣніе, какъ будто бы онъ видитъ передъ глазами совершеніе какого-то таинства, какъ будто нѣкій богъ, въ лучахъ нестерпимаго для смертнаго свѣта славы, проходитъ передъ нимъ, окруженный громами и молніей. Въ то же время, если «Цыгане» далеко превзошли всѣ предшествовавшія имъ произведенія Пушкина и по идеѣ, и по исполненію, то «Полтава», уступая «Цыганамъ» въ единствѣ плана, далеко превосходитъ другія поэмы въ совершенствѣ выраженія. Изъ всѣхъ поэмъ Пушкина въ «Полтавѣ» стихъ его достигъ своего полнаго развитія вполнѣ сталъ Пушкинскимъ.

Позднѣйшая критика мало внесла въ освѣщеніе Пушкинской поэмы. Да и интересовались ею преимущественно писатели-педагоги, приноравливавшіе поэму къ школьному преподаванію. Одни увлекались красотой стиха и отдѣльныхъ образовъ, другіе преслѣдовали патріотически-казенныя цѣли, для достиженія которыхъ «Полтава» давала обильный матеріалъ и со стороны содержанія и со стороны прославленія централизаціи и единодержавія Петра Великаго. Отмѣтимъ, однако, нѣсколько интересныхъ мнѣній изслѣдователей послѣднихъ лѣтъ. Кирпичниковъ въ «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы» справедливо подчеркнулъ, что даже теперь трудно, почти невозможно, несмотря на всѣ успѣхи исторической науки, отрѣшиться отъ того поэтическаго колорита, которымъ Пушкинъ облекъ Полтавскую битву, Кочубея, Мазепу и его эпоху. Вѣрно и замѣчаніе Кирпичникова, что, какъ опоэтизированіе природы Малороссіи и ея быта, «Полтава» открыла дорогу повѣстямъ Гоголя (II ч., стр. 40). П. В. Владимировъ въ этюдѣ «Пушкинъ и его предшественники» находитъ, что быстро написанная поэма вылилась изъ-подъ пера Пушкина безъ подробностей быта, нравовъ, болѣе, какъ историческая картина и драматическая хроника, однако, вѣрная по изображенію природы и человѣческаго быта. Въ ней нѣтъ тѣхъ матеріаловъ, которые послужили Гоголю для созданія «Тараса Бульбы». «Полтава» написана такъ же сильно, какъ небольшія пьесы Пушкина, относящіяся къ личности Петра В., какъ поэмы Кавказа и Крыма, съ которыми «Полтава» стоитъ въ большей связи, чѣмъ съ «Цыганами». Мы понимаемъ теперь, почему поэтъ могъ написать «Полтаву» въ двѣ недѣли. Въ Мазепѣ онъ увидалъ такое же замѣчательное лицо эпохи Петра I, какія онъ выносилъ, создавая «Бориса Годунова». Малороссія «смутной поры» представляла такіе же характеры, какъ время Годунова и Самозванца. Несчастная семья Кочубея, сдѣлавшагося страдальцемъ изъ мести, коварство честолюбиваго гетмана-измѣнника, движеніе Карла XII,—всѣ эти «усилія, бѣдствія, побѣды», оставившія кровавый слѣдъ, отвѣчали исчезнувшему времени Годунова и Лжедимитрія. Не въ нихъ, а въ «гражданствѣ сѣверной державы поэтъ видѣлъ свой идеалъ, и, естественно, съ простотой народнаго поэта воспѣлъ побѣду Петра В.»

Проф. Ждановъ въ очеркѣ «Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» высказалъ интересную мысль, что «въ характерѣ и дѣйствіяхъ Мазепы Пушкинъ нашелъ что-то напоминавшее «язвительныя рѣчи» его демона, нашелъ знакомое настроеніе мысли и чувства. Это настроеніе было пережито и отвергнуто поэтомъ, но онъ продолжалъ бороться съ нимъ, какъ съ болѣзнью вѣка».

VIII.

Подробности черновой работы надъ «Полтавой» даютъ возможность установить, какъ шла работа надъ поэмой. И тутъ мы кое-что найдемъ для объясненія какъ достоинствъ, такъ и недостатковъ «Полтавы».

Поэтъ находился въ напряженно-мучительномъ настроеніи: съ одной стороны тянется крайне разсѣянная, утомительная, неудовлетворяющая, какъ онъ говорилъ, «свѣтская», жизнь; съ другой—тѣснятся художественные образы, волнуютъ продуманныя и пережитыя впечатлѣнія....

> Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
> Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ какъ во снѣ
> Излиться, наконецъ, свободнымъ
> проявленьемъ....

Все это томленіе разрѣшается быстрымъ переходомъ къ упоительному, нервному и спѣшному труду: растетъ новое великое произведеніе—«Полтава». Тогда къ поэту—идетъ незримый рой гостей, знакомцы давніе», плоды его мечты. И въ минуты такого настроенія среди этихъ «знакомцевъ» поэта занимаютъ больше всего—«жена страдальца Кочубея и обольщенная имъ (Мазепой) дочь» («Войнаровскій», бредъ Мазепы).

Пушкинъ изумлялся, какъ могъ Рылѣевъ только обронить эти два стиха и «пройти мимо столь страшнаго обстоятельства» (Изд. Соч. Пушкина Анненковымъ V, 41; Изд. Лит. ф. V, 134). Пушкинъ какъ бы подхватываетъ эту тему: онъ сдѣлаетъ то, на что не хватило силы или охоты у его предшественника, и о чемъ не зналъ Байронъ, но что само просится въ оправу гармонической рѣчи, художественнаго слова и поэтическихъ образовъ. И поэтъ принимается со всею своею страстностью за разработку сюжета о любви старика и юной дѣвы, мщенія ея родныхъ и казни отца. Работа идетъ быстро, лихорадочно; «мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ», хотя, впрочемъ, легкія риѳмы не всегда бѣгутъ имъ на встрѣчу. Но—одна, двѣ задержки въ формѣ стиха, одно, другое усиліе—и готовъ портретъ прекрасной дочери Кочубея, и набросана сильная картина старческой страсти гетмана, и дано изображеніе смутной поры, когда «Россія молодая, въ бореньяхъ силы напрягая, мужала съ геніемъ Петра», и въ Украйнѣ разгоралась искра «кровавой народной войны». Поэтъ самъ сдерживаетъ горячку своей работы и набрасываетъ планъ дальнѣйшаго, чтобы соразмѣрить части произведенія и придать имъ необходимую стройность: «портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ, пиры, ночи.... И поэтъ далѣе переходитъ къ звучнымъ строфамъ: «Кто снидетъ въ глубину морскую»... Развертываются новыя картины созданія, столь извѣстныя въ окончательной обработкѣ всѣмъ читателямъ. Героемъ его остается пока Мазепа, какимъ именемъ и названа первоначально поэма. Имя героини не установлено: она называется то Натальей, то Анной, пока поэтъ не остановился на болѣе «нѣжномъ» и романтическомъ—Маріи, вмѣсто простонароднаго—Матрены. Влюбленный въ нее казакъ именуется то Зуйкевичемъ, то Чуйкевичемъ, такъ какъ въ послѣднемъ, малорусскомъ судейскомъ чинѣ, многіе, хотя и неправильно, видѣли будущаго мужа Матрены Кочубей. Въ дальнѣйшей программѣ Пушкинъ набрасываетъ: «Зуйкевичъ ѣдетъ (очевидно, съ доносомъ), между тѣмъ сношенія съ іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ» (эти строки находятся передъ стихами,—«Но какъ онъ вздрогнулъ»....) Такая же программа набрасывается авторомъ и для Маріи, и для подробностей, предшествующихъ Полтавской битвѣ: «Марія, Зуйкевичъ, доносъ, ночь передъ казнью, мать Маріи, казнь, сумасшедшая, измѣна, Полтава». («Матеріалы», стр. 201—202). Но попытки положить границы своей фантазіи и сдержать въ извѣстныхъ предѣлахъ поэтическое вдохновеніе далеко не всегда достигаютъ цѣли. Особенно мы это видимъ въ обрисовкѣ Мазепы. Пушкинъ самъ говорилъ въ предисловіи, что «лучше бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица». А въ критическихъ своихъ замѣткахъ онъ писалъ: «Обременять вымышленными ужасами историческіе характеры и не мудрено, и не великодушно... Клевета и въ поэмахъ всегда казалась мнѣ непохвальною. Но въ отношеніи Мазепы пропустить столь разительную черту было непростительно (Рылѣеву). Однакожъ, какой отвратительный предметъ! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость.... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанныя на эти ужасы—вотъ что увлекло меня» (Изд. соч. П—на Анненковымъ, т. V, 41). Пушкинъ избралъ среднюю линію при изображеніи Мазепы: онъ отвергъ небывалыя, вычурныя, злодѣйскія до комизма черты, измышленныя авторомъ повѣсти «Кочубей», но лишилъ старика какихъ бы то ни было смягчающихъ, примиряющихъ, даже въ извѣстномъ смыслѣ героическихъ, чертъ, представленныхъ въ поэмѣ «Войнаровскій». Безспорно, что для такого изображенія гетмана-измѣнника поэтъ достаточно нашелъ матеріала въ своемъ главномъ источникѣ—«Исторіи» Бантыша-Каменскаго; но изображеніе это вышло рѣзкимъ, набросаннымъ однѣми черными красками въ то же время чрезвычайно противорѣчивымъ. Мазепа—и любящій, и все ненавидящій и закоренѣлый въ злодѣяніяхъ, и содрогающійся при видѣ спящей невинно Маріи, и малодушный, и съ душой «мятежной, ненасытной», съ «неукротимымъ» духомъ, и знающій, какъ «умами править безопасно», умѣющій обмануть Великаго Петра, и не разгадавшій за много лѣтъ войны «легкомысленнаго, кичливаго, воинственнаго бродягу» Карла и т. п.

Въ общемъ, вполнѣ справедливо старое замѣчаніе, что Марія, пожалуй, и старика могла полюбить, но не такой исключительной гнусности, какимъ онъ изображенъ въ «Полтавѣ».

Полудостовѣрный Чуйкевичъ постепен-

но превращался у Пушкина въ вымышленнаго казака, безумно и безнадежно влюбленнаго въ Марію, отвозящаго, вопреки всякимъ историческимъ (и извѣстнымъ Пушкину) свѣдѣніямъ, доносъ Кочубея и покушающагося на Мазепу во время Полтавской битвы. Изображеніе этого казака приняло мелодраматическій характеръ, такъ что автору самому пришлось ослабить такое впечатлѣніе и выбросить въ окончательной отдѣлкѣ нѣкоторые стихи.

Въ противоположность злодѣю-гетману и мятущейся суетной старшинѣ малорусской стала выступать спокойная, величественная, грозная тѣнь Петра Великаго, и она заслонила собою весь фонъ въ концѣ поэмы. Самого Пушкина оттолкнулъ отъ себя изображенный имъ душевный мракъ Мазепы. Какъ противоположность ему, какъ «нравственная антитеза», выступилъ тотъ, кому гетманъ хотѣлъ нанести величайшее зло—Петръ, и поэтъ увлекся изображеніемъ героя, который занималъ его мысли уже раньше—въ «Стансахъ» 1828 г. и въ повѣсти «Арапъ Петра В.» 1827 г. Впослѣдствіи поэтъ создалъ «Мѣднаго Всадника» (1833 г.), «Пиръ Петра В.» (1835 г.) и отдался историческому изслѣдованію эпохи Петра I; о немъ онъ отзывался (19-го октября 1836 г.) въ письмѣ къ Чаадаеву: «Pierre le Grand, qui à lui seul est une histoire universelle» (Изд. Лит. Ф., VII, стр. 411). Въ «Полтавѣ», правда, нѣтъ характеристики властителя «сѣверной державы», а только великолѣпный его портретъ среди изумительной батальной картины, нѣтъ обрисовки того, «какъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ», но за то представленъ грандіозный апоѳеозъ «суроваго учителя Россіи въ наукѣ славы»...

Итакъ, героя первыхъ двухъ пѣсенъ—Мазепу смѣнилъ герой третьей—царь; и единство поэмы окончательно распалось, отраженія впечатлѣній перепутались, благодаря быстрымъ смѣнамъ и переходамъ,—и получилось то отсутствіе цѣльности, на которое сѣтовали и читатели, и критика. Что этотъ недостатокъ поэмы, почти общепризнанный, зависѣлъ въ значительной степени отъ особенностей спѣшной работы Пушкина, подтверждаетъ анализъ академика Корша въ его замѣткахъ о «Полтавѣ» *).

*) Ѳ. Е. Коршъ отмѣчаетъ, что поэма почему то попала въ печать, наскоро переписанная; во всякомъ случаѣ «самъ поэтъ не могъ считать свое произведеніе вполнѣ готовымъ для обнародованія. Правда, онъ ставилъ ее выше своихъ прежнихъ поэмъ, но какъ видно изъ его замѣчаній о «Полтавѣ», эта оцѣнка относится къ содержанію, а не къ формѣ, о которой онъ нигдѣ не упоминаетъ. Нѣкоторымъ же доказательствомъ тому, что онъ смотрѣлъ на печатаемый текстъ «Полтавы», какъ на рядъ не слаженныхъ въ формальномъ отношеніи отрывковъ, могутъ служить пробѣлы между всѣми нерионующими стихами съ одинаковымъ окончаніемъ (Коршъ приводитъ ихъ. См. «Разборъ вопроса о Русалкѣ» стр. 46—47).

Поэтъ самъ чувствовалъ подъ конецъ своего труда необходимость вернуться отъ Полтавы къ прежней темѣ—и набросалъ въ третьей пѣснѣ художественную и сильную, но съ нѣкоторымъ мелодраматизмомъ добраго, стараго времени, картину появленія сумасшедшей Маріи. Поэтъ сознавалъ и необходимость скрѣпить распадающееся поэтическое созданіе—и пишетъ эпилогъ. Въ немъ еще критика 1830-хъ гг. отмѣтила противоположеніе Петра, Кочубея и Искры—Мазепѣ и Маріи. Въ этомъ же противоположеніи справедливо видятъ и такую общую идею «Полтавы»: тѣ, кто умѣетъ направлять свои страсти къ общему благу, кто заботится не о себѣ, а о другихъ, оставляетъ послѣ жизни вѣчную славу и прочные слѣды; кто отдается только своимъ личнымъ интересамъ,—тотъ не только не оставитъ послѣ себя славы и прочнаго дѣла, но и память о немъ со временемъ исчезнетъ безъ всякаго слѣда.

Однако, не только дѣйствительныя историческія событія, но даже ихъ преломленіе въ поэмѣ не давало достаточно матеріала для такого вывода: противоположеніе двухъ типовъ людей не могло быть вполнѣ ни подтверждено этимъ содержаніемъ, ни выдержано во всей своей послѣдовательности.

«Въ «Эпилогѣ» Карлу противополагается Петръ, который воздвигъ себѣ «огромный памятникъ въ гражданствѣ сѣверной державы, въ ея воинственной судьбѣ». Но едва ли можно сказать (руководствуясь даже исключительно, разсказомъ поэмы), что только—

> Три углубленныя въ землѣ
> И мхомъ поросшія ступени
> Гласятъ о шведскомъ королѣ.

Память и надпись на могильной плитѣ Кочубея и Искры «межъ древнихъ праведныхъ могилъ», вблизи церкви, противополагается у Пушкина полному забвенію Мазепы. Но сомнительно, чтобы кто-ни-

будь могъ принять за праведныхъ героевъ долга Кочубея и Искру, предпочитавшихъ личные интересы общественному благу. Самъ авторъ разсказываетъ, что Кучебей долгое время былъ другомъ Мазепы, дѣлился съ нимъ «солью, хлѣбомъ, елеемъ» и чувствами, и «нерѣдко долгія бесѣды наединѣ вели они». Эти бесѣды были о будущемъ родины и измѣнѣ московскому царю; и Кочубей раздѣлялъ чувства и мысли гетмана, пока жажда личной мести, нетерпѣливость жены, торопившей «супруга злобнаго», не привела Кочубея къ мысли избрать путь тяжелѣйшаго отмщенія Мазепѣ: «въ рукахъ московскихъ палачей, въ крови, на дыбѣ въ истязаньяхъ», съ проклятіями на устахъ... И тогда только—готовъ доносъ, нашелся и личный мститель, взявшійся доставить его царю Петру. Также трудно было сказать и о гетманѣ, что—

Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Гроза, гремитъ о немъ Соборъ.

Поэту необходимыми оказались для освѣщенія его идеи подобныя антитезы, но онъ самъ хорошо зналъ, что не только памятенъ Мазепа въ судьбахъ своей родины, но не забытъ онъ ни исторіей, ни преданіями, ни, наконецъ, литературой: не одни поэты малой силы, но такіе геніи, какъ Байронъ, Гюго, самъ Пушкинъ обращались къ этой мрачной, трагической и сильной фигурѣ, которой нельзя отказать въ извѣстной импозантности, смѣлости и увлекательности. Несомнѣнно, что Пушкинъ, тонкій художникъ и великій писатель, понималъ какъ спорность и рискованность положеній, изображенныхъ въ поэмѣ, да еще при новизнѣ формы поэтическаго созданія—историко-романической поэмы, такъ и общую невыдержанность въ построеніи цѣлаго своего творенія. И вотъ, думается, причина, почему онъ снабдилъ свою поэму такимъ обильнымъ количествомъ какъ бы оправдательныхъ примѣчаній и указаній, преимущественно исторически документальнаго характера. Но они мало способствовали уясненію плановъ и мыслей поэта и не удовлетворили большинства критиковъ. Несомнѣнно, однако, что значительная доля вины за первоначальный «неуспѣхъ» поэмы должна пасть и на читателей. Вслѣдъ за появленіемъ поэмы, говоритъ Анненковъ, послѣдовало всеобщее недоумѣніе: почти никто не узналъ въ ней Пушкина! Блестящій, огненный стихъ его, который такъ справедливо сравнивали съ красавицей, уступилъ мѣсто сжатому и многовѣсному стиху, поражавшему своей опредѣленностью. Трудно было осмотрѣться и проникнуться величіемъ этихъ стиховъ послѣ сладкихъ и задушевныхъ строфъ «Бахчисарайскаго Фонтана» и «Цыганъ».—Какъ барельефъ великолѣпнаго памятника, создана была вся историческая часть поэмы, и непривычному глазу трудно было обнять его содержаніе, насладиться его спокойствіемъ, его художественнымъ распредѣленіемъ частей, особливо, если еще вспомнимъ, что въ большинствѣ публики съ названіемъ «поэма» связывалось понятіе о страсти, движеніи, живописи сердца.—Складъ поэтической рѣчи, употребленный для описанія и связи историческихъ событій, былъ тоже непонятнымъ явленіемъ. Сильно окрашенный эпическимъ тономъ народнаго разсказа, онъ былъ новъ не только для массы читателей, но и для критиковъ» («Матеріалы», стр. 205—206).

IX.

Коснемся, въ заключеніе, исторической дѣйствительности тѣхъ событій, которыя изображены Пушкинымъ. Если мы примемъ во вниманіе историческія данныя, правдивость которыхъ провѣрена научной критикой, то событія начала XVIII-го вѣка представятся въ слѣдующемъ видѣ.

Иванъ Степановичъ Мазепа-Колединскій, правобережный украинскій шляхтичъ, родился не позже начала 40-хъ гг. XVII в. Съ молодыхъ лѣтъ онъ выдвинулся, какъ умный, хитрый и энергичный человѣкъ. Въ юности, да и позже, у него было немало любовныхъ приключеній. Изъ нихъ наиболѣе извѣстна исторія съ женой сосѣда Фальбовскаго, заставившаго отважнаго левеласа проѣздиться привязаннымъ къ коню; но правдоподобно, что скачка эта продолжалась не далѣе Мазепиной усадьбы, отстоявшей на нѣсколько верстъ отъ деревни Фальбовскихъ. Съ 1663 г. Мазепа вращался среди казачества при гетманахъ П. Тетерѣ, П. Дорошенкѣ и И. Самойловичѣ, совершая обычную для способныхъ и пронырливыхъ людей карьеру, и достигъ званія генеральнаго эсаула. Послѣ низложенія Самойловича Василій Голицынъ, подкупленный его червонцами, настоялъ на его кандидатурѣ передъ казацкой радой у р. Коломака, и Мазепа былъ избранъ гет-

ПОРТРЕТЫ МАЗЕПЫ, ХРАНЯЩІЕСЯ ВЪ МУЗЕѢ УКРАИНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ В. В. ТАРНОВСКАГО ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

1. Въ лѣвомъ, верхнемъ углу—снимокъ съ фрески на одной изъ стѣнъ Кіево-Печерской Лавры, внутри церкви. 2. Въ правомъ верхнемъ углу—копія съ портрета, принадлежащаго Бутовичамъ въ Переяслав. уѣздѣ. 3. Посрединѣ, портретъ, впервые воспроизведенный въ «Кіев. Старинѣ» 1887 г. № 1. 4. Въ лѣвомъ нижнемъ углу: гравюра De-Beyel'я. 5. Копія стариннаго портрета. Орнаментація (по Стасову) взята изъ древнихъ южно-русскихъ рукописей.

маномъ въ 1687 г. Онъ сблизился съ Петромъ во время переворота въ сентябрѣ 1689 г., когда гетманъ со старшиной былъ въ Москвѣ и ѣздилъ къ Троицѣ, а затѣмъ въ Острогожскѣ при свиданіи съ Петромъ, возвращавшимся послѣ взятія Азова въ 1696 г. Мазепа съ казаками много помогалъ царю во время войны съ турками, но лично самъ подъ Азовомъ не былъ, и легенда о дерганіи усовъ или полученіи пощечины гетманомъ рѣшительно ничѣмъ не подтверждается. Петръ оставался неизмѣнно расположеннымъ къ Мазепѣ. Такъ, въ 1700 г. онъ наградилъ его только что учрежденнымъ орденомъ Андрея Первозваннаго; въ 1705 г. отправилъ въ ссылку соперника Мазепы, хвастовскаго полковника Семена Палія, руководствуясь извѣтами гетмана и политическими своими соображеніями, потому что энергичный возстановитель казачества на правобережьѣ Днѣпра былъ неугоденъ и союзной Польшѣ и т. д. Романическая исторія съ Матреной Кочубей разыгралась въ самомъ концѣ 1704 г. Нѣкоторые скептики идутъ слишкомъ далеко, отвергая цѣликомъ это любовное происшествіе. Романъ на самомъ дѣлѣ разыгрался такъ: Мазепа былъ женатъ на богатой вдовѣ Фридрикевичъ, но дѣтей не имѣлъ. Жена его умерла въ 1702 г. Черезъ два года онъ сдѣлалъ попытку посвататься къ своей крестницѣ, отвергнутую родителями. Позже онъ велъ переговоры и «подсылалъ» слугъ къ Матренѣ Кочубей, которая скорѣе изъ тщеславія, чѣмъ изъ любви къ старому гетману, рѣшила поставить на своемъ. Подобныя энергичныя и тщеславныя особы встрѣчались тогда среди украинокъ: молодая, сравнительно, красавица—жена старика Скоропадскаго, преемника Мазепы, Настасья Марковна была несомнѣнно женщиной одного типа съ дочерью Кочубея; и когда ей удалось достигнуть того, чего не достигла Матрена Васильевна, она болѣе «гетмоновала», чѣмъ ея бездарный мужъ, и даже еще семь лѣтъ послѣ смерти его, именовалась «ясновельможной паніей гетмановой». Матрена Кочубей, какъ и Мазепа, разсчитывала, что съ фактомъ появленія дѣвушки въ домѣ гетмана придется родителямъ считаться, и они вынуждены будутъ согласиться на бракъ. Но дочь не разсчитала, какъ воздѣйствуетъ на событіе еще болѣе энергичная и смѣлая женщина, ея мать. Въ ночь со 2-го на 3-е декабря въ Батуринѣ произошло слѣдующее: Матрена бѣжала изъ дома Кочубеевъ, находившагося въ центрѣ города, на окраину, версты за двѣ, гдѣ въ предмѣстьѣ Батурина, Гончарихѣ, находился дворецъ гетмана. Сейчасъ послѣ бѣгства родители хватились дочери, догадались въ чемъ дѣло, и, не долго думая, ударили въ набатъ въ своей домовой церкви. Сбѣжавшемуся народу Кочубеи жаловались на Мазепу и возбудили ропотъ негодованія. Мазепѣ и Матренѣ пришлось покориться участи, и въ ту же ночь, спустя 2—3 часа, бѣглянка была водворена въ домъ родителей. Гетманъ вернулъ ее туда съ московскимъ чиновникомъ Анненковымъ, находившимся постоянно при немъ, желая, очевидно, имѣть возможность оправдаться и передъ царемъ, когда дойдетъ до него слухъ объ этой конфузной исторіи. Мазепа и Кочубей остались, однако, по-прежнему какъ будто въ дружескихъ отношеніяхъ; гетманъ, по крайней мѣрѣ, поддерживалъ недалекаго и безвольнаго, тяжелаго на подъемъ генеральнаго судью, и только недолюбливалъ, какъ и раньше, властной и рѣшительной Кочубеихи и совѣтовалъ, напр., мужу «надѣть мундштукъ» на жену. Хотя ничто не указываетъ на то, чтобы отношенія Мазепы къ М. Кочубей зашли слишкомъ далеко, но рѣзкій отпоръ родителей, «прелюдный» и шумный, создалъ цѣлый скандалъ. Сперва въ Батуринѣ, а потомъ все далѣе ширился позоръ дѣвушки, и всюду разносилась молва, что какъ ни какъ, а «Кочубеевна ночевала у гетмана». Дальнѣйшая судьба ея неясна. Утвержденія, что она вышла замужъ за Семена Чуйкевича и даже будто бы свою энергію направила на хозяйственныя дѣла, давала деньги «въ ростъ» и т. п.,—не имѣютъ никакихъ основаній. С. Чуйкевичъ былъ женатъ на сестрѣ Матрены—Катеринѣ Кочубей. Сама же она, вѣроятнѣе всего, жила послѣ скандала въ Пушкарскомъ монастырѣ около Полтавы, гдѣ, какъ гласитъ мѣстное преданіе, окончила свои дни и была похоронена. Однако, указываемое тамъ мѣсто ея могилы—сомнительно (См. «Кіев. Ст.» 1898 г., № 4).

Мысли объ измѣнѣ явились у Мазепы позже всего этого происшествія. Первый намекъ на нихъ надо, быть можетъ, относить ко встрѣчѣ гетмана съ кн. Дольской на Волыни въ концѣ 1705 г. Но болѣе опредѣленные факты о замыслахъ гетмана выступаютъ только во второй половинѣ 1706 г. Этому предшествовалъ разговоръ гетмана съ Меньшиковымъ лѣтомъ въ Кіевѣ, на одномъ пиру. Полудержавный

властелинъ» въ туманныхъ и спутанныхъ выраженіяхъ намекалъ на своевременность борьбы съ внутренними врагами, т. е. съ малорусской казацкой старшиной, и о необходимости перемѣнъ въ казацкомъ строѣ управленія Гетманщиной. У Мазепы явилось тогда, поддерживалось и позже, подозрѣніе, что Меньшиковъ не прочь былъ бы и самъ править Малороссіей. Едва ли эти подозрѣнія имѣли вполнѣ реальное основаніе, но гетманъ внимательнѣе сталъ относиться къ нашептываніямъ и подговорамъ. Сношенія со шведскимъ королемъ и Станиславомъ Лещинскимъ онъ велъ черезъ кн. Дольскую и ректора Винницкой іезуитской школы Заленскаго. Окончательное рѣшеніе Мазепы перейти на вражескую сторону можно отнести къ октябрю 1707 г., а ровно черезъ годъ онъ присоединился къ Карлу XII съ частью старшины и нѣсколькими тысячами казацкаго войска. Въ этотъ годъ разыгралась и драма Кочубея и Искры. Доносы были тогда обычнымъ явленіемъ и на Украинѣ, и въ московскомъ царствѣ. На Мазепу они сыпались въ изобиліи, начиная съ 1688 г., но Петръ не вѣрилъ имъ, такъ какъ чаще всего за доносами скрывались стремленія чисто личнаго разсчета. Кочубеи задумали тѣмъ же путемъ выслужиться передъ царемъ, когда въ ихъ рукахъ сосредоточились, преимущественно благодаря постояннымъ близкимъ отношеніямъ къ гетману, достаточныя свѣдѣнія о замыслахъ гетмана. Къ этому присоединилась и память о старой обидѣ. Прошло около трехъ лѣтъ со времени роковой ночи, но боль не утихала, а только разгоралась больше: какъ ни сомнительно, вообще, обольщеніе Матрены, но дѣвушка была осрамлена навѣки. И положеніе ея, чѣмъ дальше, становилось тяжелѣе: уже не только «завидныхъ», но и никакихъ женихомъ не «слала ей Украйна». Заговоромъ противъ гетмана руководили несомнѣнно женщины—двѣ сестры, урожд. Жученки—Любовь Ѳедоровна Кочубей и Прасковья Ѳ. Искра. Благодаря послѣдней, втянутъ былъ въ рискованное дѣло и мужъ, Иванъ Искра, бывшій полтавскій полковникъ, внукъ гетмана Якова Искры — Остряница. Авторъ «Исторіи Руссовъ» говоритъ, что будто Искра руководился въ данномъ случаѣ ревностью къ Мазепѣ, «подозрительно обходившемуся» съ его женой, но другихъ свидѣтельствъ объ этомъ мы не имѣемъ. Первый доносъ былъ посланъ въ Москву въ августѣ 1707 г. черезъ бродячихъ монаховъ Никанора и трефилія; второй переданъ въ самомъ началѣ 1708 г. черезъ полтавскаго жителя, выкреста Петра Яценка. Но на доносы не было отклика. Тогда соумышленники подали третій доносъ въ февралѣ 1708 г. черезъ полтавскаго священника Святайла и сотника Кованька непосредственно московскому полковнику Осипову въ г. Ахтыркѣ. Этотъ доносъ возымѣлъ дѣйствіе. Доносчики были арестованы и перезены въ Витебскъ, гдѣ находился царь. Здѣсь Шафировъ и Головкинъ производили въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдствіе, допросы и пытки. Всѣ доносившіе вынуждены были послѣ «пристрастнаго допроса», т. е. подъ пыткой, признать себя виновными. Однако, надо замѣтить, что доносъ былъ составленъ обстоятельно и въ немъ нельзя найти фактовъ совершенно ложныхъ и безусловно вымышленныхъ. Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщалъ нѣкоторые изъ нихъ, но перечень послѣднихъ представляется достаточно правдивымъ. (Изслѣдованія А. М. Лазаревскаго). Черезъ Смоленскъ, по Днѣпру, перевезены были для казни въ Бѣлую Церковь Кочубей и Искра; другія лица, причастныя дѣлу, были приговорены къ ссылкѣ. Въ Бѣлой Церкви если и былъ допросъ, то въ присутствіи лишь московскаго представителя Вельяминова-Зернова и казацкихъ старшинъ—Ломиковскаго и Гамалѣя. Генеральный писарь Орликъ и въ данномъ случаѣ, какъ вообще, никакими допросами и пытками не занимался. Выдающійся по уму и энергіи среди малорусской старшины Филиппъ Орликъ (родомъ чехъ) занималъ высокій постъ, вѣдалъ высшія канцелярскія дѣла и внѣшнія сношенія и послѣ смерти Мазепы былъ избранъ эмигрантами въ гетманы. Потомъ онъ переѣхалъ въ Швецію; въ 1720 г. опять появился въ Турціи среди запорожцевъ, долго не оставлялъ мечтаній объ автономіи Украйны и умеръ, должно, быть къ концѣ 30-хъ годовъ, оставивъ послѣ себя очень любопытный «Дневникъ», сохранившійся въ Краковѣ, въ библіотекѣ Черторыйскихъ. Кочубей и Искра послѣ казни были похоронены въ оградѣ Кіево-Печерской лавры. Теперь ихъ могилы перестали быть общедоступными: при перестройкѣ въ 90-хъ гг. прошлаго столѣтія монастырской трапезы склепъ казненныхъ былъ включенъ въ стѣну новой расширенной трапезной, такъ что находится нынѣ не во дворѣ, а внутри зданія. Прежній могильный памятникъ съ надписью, при-

веденной у Пушкина, прикрытъ новой чугунной плитой съ вылитой на ней копіей надписи и установленъ противъ того мѣста, гдѣ подъ стѣной предполагается прахъ Кочубея и Искры. Семьи казненныхъ были во время катастрофы подъ стражей въ Батуринѣ, позже удалились въ Полтавщину. Петръ послѣ измѣны гетмана принялъ Кочубеиху въ г. Лебединѣ. Она просила о возвращеніи имѣній, что и было исполнено. Имѣнія Искры въ 1718 г. перешли также въ родъ Кочубеевъ.

Характеръ Мазепы и его «Шведская авантюра» правдоподобнѣе всего объясняется такъ. Мазепа былъ прежде всего человѣкомъ глубокаго эгоизма. У такихъ «эгоцентрическихъ» натуръ холодный разсчетъ часто соединяется съ пылкостью увлеченія. Не имѣя дѣтей и семьи, онъ всѣ свои личные интересы сосредоточилъ на честолюбивыхъ планахъ. Къ старости жажда власти разгоралась, а между тѣмъ эта власть какъ бы ускользала отъ него. Побѣдитъ въ борьбѣ Петръ,—онъ не забудетъ нелюбезнаго его нраву строя гетманщины; побѣдитъ Карлъ—Станиславъ Лещинскій не оставитъ въ покоѣ гетмана Украйны, какъ вѣрнаго сторонника царя. А послѣднее весьма возможно: разгромъ подъ Нарвой еще не забытъ, слава Карла въ своемъ зенитѣ, а судьба Августа II, самаго сильнаго, казалось изъ союзниковъ-враговъ Швеціи—передъ глазами. Идеи патріотическія, мечты объ автономіи не были на первомъ планѣ у Мазепы, но онъ ими могъ играть и на ихъ счетъ рисоваться передъ многими изъ старшины, знавшей уже, какая гроза со стороны Петра, Меньшикова и московскихъ вельможъ нависла надъ малороссійскими «врагами». Недаромъ въ проектѣ письма царю на случай первыхъ шаговъ успѣха предполагалось провозгласить: «Мы, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго совершеннаго своего освобожденія будемъ ожидать». О такой полной автономіи Украины мечтала только часть малорусской старшины. Это были болѣе романтически настроенныя головы, послѣдовавшія во станъ Карла XII: однѣ,—мечтавшія о непосредственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, другія многочисленнѣе,—витавшія думами въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ будущаго самостоятельной, свободной родины. Такіе люди, какъ Орликъ, Войнаровскій, Горленко, Мировичъ, наконецъ, представители неугомоннаго Запорожья,—пристали къ Мазепѣ. Тѣ, кто предпочиталъ «синицу въ рукахъ журавлю въ небѣ», или выжидали время, какъ Галаганъ, Тамара, Жураховскій и др., или же всего ожидали изъ рукъ царя и тѣснились ближе къ нему, какъ Скоропадскій, Кочубей, Искра... Но Мазепа совсѣмъ не былъ автономистомъ-демократомъ. Въ случаѣ удачи Карла временная протекція далекой Швеціи смѣнилась бы, вѣрнѣе всего, не «совершеннымъ освобожденіемъ» Малороссіи, а старой протекціей сосѣдней Польши. Да и гетманъ по своему рожденію, воспитанію, привычкамъ, міровоззрѣнію никогда не разставался съ аристократическо-польскими тенденціями. Самъ онъ былъ совершенно чуждъ малорусскому простому казачеству и народу, какъ и они были ему чужды—безусловно во всемъ и рѣшительно вездѣ. Мазепа ошибочно принялъ враждебность, выросшую преимущественно на экономической и соціальной почвѣ, у низшихъ слоевъ украинскаго населенія ко всякому вообще панству—и своему, и польскому, и московскому,—за національный сепаратизмъ. Но если украинскій народъ не чувствовалъ вообще никакого особливаго влеченія къ «москалямъ», то Польши онъ боялся и къ ней ни за что бы не вернулся. Въ этой основной ошибкѣ Мазепы—главная причина того, что измѣна гетмана въ исторіи Малороссіи явилась личною авантюрою его да части старшины—и только. Однако, въ неудачѣ авантюры сыгралъ роль и Карлъ. Планъ гетмана былъ задуманъ не такъ ужъ легкомысленно и безнадежно. Сперва Мазепа полагалъ, что борьба двухъ сѣверныхъ великановъ начнется въ верховьяхъ Днѣпра,—шведскій король поворотилъ на югъ и далъ возможность Петру разбить Левенгаупта. Отступать отъ замысла, когда Карлъ былъ уже в-Стародубщинѣ, т. е. въ началѣ октября 1708 г., гетману было поздно. Шведы же застряли въ Стародубщинѣ, и король не спѣшилъ переправиться черезъ Десну. На лѣвомъ берегу его ждалъ гетманъ и, чуть не захваченный Меньшиковымъ, переправился къ Карлу. Эта медлительность стоила потери Батурина, гдѣ были сосредоточены Мазепой военные и продовольственные припасы. Паденіе гетманской столицы и страшное разореніе ея навело панику на «колеблющихся» лѣвобережцевъ. А далѣе слѣдуютъ извѣстныя передвиженія шведскаго короля по Малороссіи въ теченіи полугода, пока онъ—«валъ Полтавы вдали завидѣлъ, наконецъ»... Если бы въ воен-

ной исторіи остались свѣдѣнія только объ этихъ передвиженіяхъ, планахъ и битвахъ Карла XII въ 1708—1709 гг., то, несомнѣнно, онъ не оставилъ бы послѣ себя славы лучшаго полководца своего времени: о томъ свидѣтельствуетъ и заключительный Полтавскій бой, который привелъ къ разгрому всѣхъ плановъ короля и гетмана.

Мазепа недолго прожилъ въ Турціи. Самыя достовѣрныя данныя объ его смерти мы находимъ въ Хроникѣ Ник. Костина, великаго логофета Молдавіи, который могъ записывать свои свѣдѣнія только по близкимъ воспоминаніямъ, потому что самъ умеръ въ 1711 г. (В. Антоновичъ; «Кіев. Стар.» 1885 г., № 7). Изъ хроники его мы узнаемъ, что Мазепа умеръ 18-го марта 1710 г. въ Бендерахъ; похоронный обрядъ былъ совершенъ въ приходской церкви с. Варницы, около Бендеръ. Но позже напрасно искали тамъ гетманской могилы, о чемъ разсказываетъ, напримѣръ, Афанасьевъ-Чужбинскій («Поѣздка въ Южную Россію»): онъ, какъ и другіе «унылые пришлецы», по выраженію Пушкина, считали за могилу полуосыпавшійся курганъ дохристіанской эпохи на берегу Днѣстра и на немъ предавались размышленіямъ о судьбѣ Мазепы и суетѣ земного величія. Въ дѣйствительности, тѣло Мазепы было перевезено въ Галацъ на Дунаѣ и похоронено въ старинномъ генуэзскомъ зданіи греческаго монастыря св. Георгія. Любознательные туристы и впослѣдствіи могли видѣть плиту съ истертыми знаками и могильный склепъ стараго гетмана.

Въ то время, какъ Пушкинъ работалъ надъ своей поэмой, въ далекой Франціи фигурой привязаннаго на конѣ Мазепы заинтересовался молодой тогда поэтъ Викторъ Гюго и создалъ балладу того же имени въ 1828 г. Ничего общаго съ «Полтавой» она не имѣетъ, и оба поэта ничего не знали о томъ, что ихъ интересуетъ одинъ и тотъ же герой. Въ стихотвореніи Гюго «Mazeppa» изображена, какъ и у Байрона, скачка коня по степной Украинѣ. Но что это за степь, и что за Украина, можно судить по такимъ отрывкамъ: неукротимый конь, уносящій въ степь Мазепу, вскормленъ морскими травами (nourri d'herbes marines); онъ несется «по движущимся пескамъ», и передъ нимъ мелькаютъ города, башни и длинные цѣпи горъ» и т. п.—Въ 1840 г. знаменитый польскій поэтъ Словацкій написалъ драму въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Мазепа», въ которой изобразилъ событія его молодости и легенду объ его любви и мучительномъ наказаніи. Драма эта не особенно стройна по формѣ, полна мелодраматическихъ эффектовъ и страдаетъ слабой мотивировкой дѣйствія и трагическихъ ужасовъ. Русскій переводъ Н. Пушкарева былъ напечатанъ въ «Отеч. Зап.» 1874 г., № 7.—Въ 1859 г. нѣмецкій драматургъ и историкъ литературы Р. Готшалль напечаталъ трагедію «Мазепа», въ свое время пользовавшуюся успѣхомъ.—Интересъ къ сюжету, обработанному Пушкинымъ въ «Полтавѣ», вызвалъ въ русской литературѣ мало удачныя попытки обработать эту тему въ формѣ романа или повѣсти; извѣстны изъ нихъ: Ѳ. Булгарина романъ «Мазепа» въ 2 ч. 1833—1834 г., Н. Сементовскаго «Кочубей, генеральный судья», 1845 г. и др. Въ 70-хъ гг. Д. Мордовцевъ издалъ историческій романъ «Царь и Гетманъ», отличающійся обычными для этого писателя достоинствами и недостатками.

Ив. Житецкій.

ПОЛТАВА,

ПОЭМА

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

The power and glory of the war,
Faithless os their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1829.

СДНА ИЗЪ МЕДАЛЕЙ ВЪ ЧЕСТЬ ПОЛТАВСКАГО БОЯ.
(*Съ экземпляра изъ коллекціи гр. И. И. Толстого*).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ произшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила Руское владычество на Югѣ; обезпечила новыя заведенія на Сѣверѣ, и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго Царемъ.

Ошибка Шведскаго Короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украйну безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи. Карлъ однакожъ симъ походомъ избѣгнулъ главной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего Гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25 т. Шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ Королемъ, побѣгутъ передъ Нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семъ походѣ Карлъ XII менѣе, нежели когда нибудь, ввѣрялся своему счастію: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣяніяхъ, клеветникомъ Самойловича, своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженія: память его, преданная Церковію анаѳемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятія человѣчества.

Нѣкто въ романической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиною, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во Французской мелодраммѣ и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящій характеръ мятежнаго Гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 Января,
1829.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ—но голосъ музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобой безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
Твоя печальная пустыня,
Послѣдній звукъ твоихъ рѣчей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей. [1]
Его луга необозримы;
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора [2]
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями, [3]
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами,
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей.
И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
Красавицы, Маріи равной.
Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ
Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
Она стройна. Ея движенья
То лебедя пустынныхъ водъ
Напоминаютъ плавный ходъ,
То лани быстрыя стремленья.
Какъ пѣна, грудь ея бѣла.
Вокругъ высокаго чела,
Какъ тучи, локоны чернѣютъ.
Звѣздой блестятъ ея глаза;
Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
Но не единая краса
(Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
Въ младой Маріи почтена:
Вездѣ прославилась она
Дѣвицей скромной и разумной.
За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украйна и Россія;
Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
Бѣжитъ пугливая Марія.
Всѣмъ женихахъ отказъ—и вотъ
За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ. [4]
Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
Проходитъ и приходитъ вновь,
Въ немъ чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылаетъ сердце старика,
Окаменѣлое годами.
Упорно, медленно оно
Въ огнѣ страстей разкалено;
Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ.
Не серна подъ утесъ уходитъ,
Орла послыша тяжкій летъ;
Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.
И вся полна негодованьемъ
Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
Схвативъ ей руку, говоритъ:
«Безстыдный! старецъ нечестивый!
«Возможно ль?... нѣтъ, пока мы живы,
«Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
«Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
«Невинной крестницы своей...
«Безумецъ! на закатѣ дней
«Онъ вздумалъ быть ея супругомъ.»
Марія вздрогнула. Лицо
Покрыла блѣдность гробовая,
И охладѣвъ какъ неживая
Упала дѣва на крыльцо.
Она опомнилась, но снова
Закрыла очи—и ни слова
Не говоритъ. Отецъ и мать
Ей сердце ищутъ успокоить,
Боязнь и горесть разогнать,
Тревогу смутныхъ думъ устроить...
Напрасно. Цѣлые два дня,
То молча плача, то стеня,
Марія не пила, не ѣла,
Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
Не зная сна. На третій день
Ея свѣтлица опустѣла.
Никто не зналъ, когда и какъ
Она сокрылась. Лишь рыбакъ

ВАСИЛІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ.

Современный портретъ, нынѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводится здѣсь впервые.

Той ночью слышалъ конскій топотъ,
Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
И утромъ слѣдъ осьми подковъ
Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.
Не только первый цухъ ланитъ,
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгій видъ,
Рубцы чела, власы сѣдые
Въ воображенье красоты
Влагаютъ страстныя мечты.
И вскорѣ слуха Кочубея
Коснулась роковая вѣсть:
Она забыла стыдъ и честь,
Она въ объятіяхъ злодѣя!
Какой позоръ! Отецъ и мать
Молву не смѣютъ понимать.
Тогда лишь истина явилась
Съ своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы младой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачѣмъ бѣжала своенравно
Она семейственныхъ оковъ,
Томилась тайно, воздыхала
И на привѣты жениховъ
Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
Она лишь Гетману внимала,
Когда бесѣда ликовала
И чаша пѣнилась виномъ;
Зачѣмъ она всегда пѣвала
Тѣ пѣсни, кои онъ слогалъ, [5]
Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда молва его не знала;
Зачѣмъ съ неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звонъ литавръ и клики
Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки... [6]
Богатъ и знатенъ Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть онъ можетъ славу.
Онъ можетъ возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Онъ можетъ мщеніемъ отца
Постигнуть гордаго злодѣя;
Онъ можетъ вѣрною рукой
Вонзить... но замыселъ иной
Волнуетъ сердце Кочубея.
Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ бореньяхъ силы напрягая,
Мужала съ геніемъ Петра.
Суровый былъ въ наукѣ славы
Ей данъ учитель: не одинъ
Урокъ нежданный и кровавый
Задалъ ей Шведскій паладинъ.
Но въ искушеньяхъ долгой кары
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.
Вѣнчанный славой безполезной,
Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
Онъ шелъ на древнюю Москву,
Взметая Рускія дружины,
Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
И клонитъ пыльную траву.
Онъ шелъ путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
Въ дни наши новый, сильный врагъ,
Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ. [7]
Украйна глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали требуя кичливо,
Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ: пора, пора!
Но старый Гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну,
Молвѣ, казалось, не внималъ
И равнодушно пировалъ.
«Что жъ Гетманъ? юноши твердили,
Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Доброшенко, [8]
Иль Самойловичь молодой, [9]
Иль нашъ Палей, [10] иль Гордѣенко [11]
Владѣли силой войсковой;
Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальной
Не погибали казаки,
И Малороссіи печальной
Освобождались ужъ полки». [12]
Такъ, своеволіемъ пылая,
Роптала юность удалая,
Опасныхъ алча перемѣнъ,
Забывъ отчизны давній плѣнъ,
Богдана счастливые споры,
Святыя брани, договоры
И славу дѣдовскихъ временъ.
Но старость ходитъ осторожно
И подозрительно глядитъ.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдругъ она рѣшитъ.

МАЗЕПА.

Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго офорта Норблена (Norblain de la Gourdaine, (1745—1830), находящагося въ Публичной Библіотекѣ въ Спб.

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливой
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды
Съ тѣхъ поръ какъ живъ не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.
Издавна умыселъ ужасный
Взлелѣялъ тайно злой старикъ
Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
Враждебный взоръ его проникъ.
«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель
Скрежеща мыслитъ Кочубей,
Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;
Ты не истлѣешь средь пожара,
Ты не издохнешь отъ удара
Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
Въ рукахъ Московскихъ палачей,
Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
Ты проклянешь и день и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ чести чашу
Тебѣ я полну наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ заклевалъ!...»
Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
Кокъ солью, хлѣбомъ и елеемъ
Дѣлились чувствами они.
Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они—
Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, было сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Онъ послушно; онъ голубитъ
Едину мысль и день и ночь:
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ—
Отмстить поруганную дочь.
Но предпріимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
«Въ безсильной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ;
Всему виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ:
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ;
Забывъ и небо и законъ...»
А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,
Неколебимыхъ, непродажныхъ.
Во всемъ открылся онъ женѣ; [13]
Давно въ глубокой тишинѣ
Уже доносъ онъ грозный копитъ,
И гнѣва женскаго полна
Нетерпѣливая жена
Супруга злобнаго торопитъ.
Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
Какъ нѣкій духъ, ему она
О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
И слезы льетъ, и ободряетъ,
И клятвы требуетъ—и ей
Клянется мрачный Кочубей.
Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
Безстрашный Искра заодно. [14]
И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
Врага паденье рѣшено.
Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
Ревнуя къ общему добру,
Доносъ на мощнаго злодѣя
Предубѣжденному Петру
Къ ногамъ положитъ не робѣя?»
Между Полтавскихъ Казаковъ,
Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
Одинъ съ младенческихъ годовъ
Ее любилъ любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни Украинскихъ черешенъ,
Бывало, онъ Марію ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою:
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи; изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сиръ онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ Казаковъ
Позоръ Маріинъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила;
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ;
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.
Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?
Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.
Какъ стекло булатъ его блеститъ,
Мѣшокъ за пазухой звенитъ,
Не спотыкаясь конь ретивой
Бѣжитъ, размахивая гривой.
Червонцы нужны для гонца,
Булатъ потѣха молодца,
Ретивый конь потѣха тоже—
Но шапка для него дороже.
За шапку онъ оставитъ радъ
Коня, червонцы и булатъ,

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть.

Рисунокъ Н. Каразина.

Но выдастъ шапку только съ бою,
И то лишь съ буйной головою.
Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
За тѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на Гетмана злодѣя
Царю Петру отъ Кочубея.
Грозы не чуя между тѣмъ,
Неужасаемый ничѣмъ,
Мазепа козни продолжаетъ.
Съ нимъ полномощный Езуитъ [15]
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тмѣ ночной они какъ воры
Ведутъ свои переговоры,
Измѣну цѣнятъ межъ собой,
Слогаютъ цыфръ Универсаловъ, [16]
Торгуютъ Царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ [17], Гетмановъ дѣлецъ,
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ на Дону казачьи круги
Они съ Булавинымъ [18] мутятъ;
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу;
Тамъ за порогами Днѣпра
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ.
И письма шлетъ изъ края въ край:
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова Паша,
Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа;
Онъ, думой думу развивая,
Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
Неутомимъ преступный жаръ.
Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
Когда предъ нимъ внезапно грянулъ
Упадшій громъ! когда ему,
Врагу Россіи самому,
Вельможи Рускіе [19] послали
Въ Полтавѣ писанный доносъ,
И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
Какъ жертвѣ, ласки расточали;
И озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ Царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ!
Мазепа, въ горести притворной,
Къ Царю возноситъ гласъ покорной.
«И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
«Онъ бѣдный Гетманъ двадцать лѣтъ
«Царю служилъ душою вѣрной;

«Его щедротою безмѣрной
«Осыпанъ, дивно вознесенъ...
«О, какъ слѣпа, безумна злоба!...
«Ему ль теперь у двери гроба
«Начать ученіе измѣнъ,
«И потемнять благую славу?
«Не онъ ли помощь Станиславу [20]
«Съ негодованьемъ отказалъ,
«Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
«И договоръ и письма тайны
«Къ Царю, по долгу, отослалъ?
«Не онъ ли наущеньямъ Хана [21]
«И Цареградскаго Салтана
«Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
«Съ врагами бѣлаго Царя
«Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
«Трудовъ и жизни не жалѣлъ,
«И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
«Его сѣдины опозорить!
«И кто же? Искра, Кочубей!
«Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй... [22]
Чьей казни?... старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего
Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ: «въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
Самъ точитъ на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупитъ.
Любовникъ Гетману уступитъ,
Не то моя прольется кровь.»
Марія, бѣдная Марія,
Краса Черкасскихъ дочерей!
Не знаешь ты какого змія
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявыя сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже:
Ты мать забыть для нихъ могла:
Соблазномъ постланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старикъ заворожилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;
Ты на него съ благовѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ—
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда——
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи...
Что стыдъ Маріи? Что молва?
Что для нея мірскія пѣни,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней Гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей дѣвѣ робкой открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмеваетъ:
Она унылыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости, однихъ,
И мнится, пѣснямъ ихъ внимаетъ...
О, если бъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украйна!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

МАТРЕНА КОЧУБЕЙ.

Историческій этюдъ И. Е. Рѣпина.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
Смущенъ жестокими мечтами.
Марія нѣжными очами
Глядитъ на старца своего.
Она, обнявъ его колѣни,
Слова любви ему твердитъ.
Напрасно: черныхъ помышленій
Ея любовь не удалитъ.
Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
Онъ хладно потупляетъ взоръ,
И ей на ласковый укоръ;
Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встаетъ она
И говоритъ съ негодованьемъ:
«Послушай, Гетманъ: для тебя
Я позабыла все на свѣтѣ.
Навѣкъ однажды полюбя,
Одно имѣла я въ предметѣ:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастіе мое.
Но ни о чемъ я не жалѣю—
Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
Меня любить ты клялся мнѣ.
Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты.
Оставь безумныя мечты;
Ты подозрѣньемъ сердце губишь:
Нѣтъ, душу пылкую твою
Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
Марія, вѣрь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Не правда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь;
Теперь онѣ тебѣ докучны;
Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
Въ пирахъ, разъѣздахъ—я забыта;
Ты долгой ночью иль одинъ,
Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
Любовь смиренная моя
Встрѣчаетъ хладную суровость.
Ты пилъ недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты
Ревнива? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
Искать надменнаго привѣта
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старикъ суровый,
Какъ праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть: узнай.
Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипитъ у насъ.
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склонили долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украйнѣ быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба Короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею

Мой Езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ.
Чрезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма Королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна-ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха—
Ты такъ могущъ! О знаю я:
Тронъ ждетъ тебя. -

МАЗЕПА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ: ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожитъ
Меня напрасно онъ. Семью
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

БОРЩАГОВКА, ВОЗЛѢ БѢЛОЙ ЦЕРКВИ.

Здѣсь казнили Кочубея и Искру.

Съ гравюры А. П. Зубчанинова.

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего?—
Но ключь въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могущій разрѣшитель,
Духовной скорби врачь, служитель
За насъ разпятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!
И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго:
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокой человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

ОРЛИКЪ.

Допросъ не конченъ: отвѣчай.

КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже: ступай.
Оставь меня.

ОРЛИКЪ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни. Гетманъ правъ.
Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ;
Мы знаемъ: не единый кладъ.
Тобой въ Диканькѣ [23] укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую—
Таковъ законъ. Я указую
Себѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой честь была,
Кладъ этотъ пытка отняла;
Другой былъ кладъ невозвратимый
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
Мой третій кладъ: святую месть.
Ее готовлюсь Богу снесть.

ОРЛИКЪ.

Старикъ, оставь пустыя бредни:
Сегодня покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой:
Гдѣ спряталъ деньги?

КОЧУБЕЙ.

Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпой?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
Но ради Господа молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

ОРЛИКЪ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
Не хочешь?—Деньги гдѣ скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь?—Ну, въ пытку. Гей, палачъ! [24]
Палачъ вошелъ...
О, ночь мученій!
Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близь ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умретъ безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клеврета
Умрутъ.» Но брося взоръ на ложе,

Мазепа думаетъ: «о Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ—
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!...
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены;
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань...
Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
Мнѣ старцу мрачному—и что же?
Какой готовлю ей ударъ!—»
И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
Какъ сладокъ юности покой!
Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и тихо пробираясь
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи, шепчутъ межъ собою.
И лѣтней, теплой ночи тма
Душна, какъ черная тюрьма.
Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачь совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ
И на протяжный слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
И—съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.
Зари багряной полоса
Объемлетъ ярко небеса.
Блеснули долы, холмы, нивы,
Вершины рощъ и волны рѣкъ.
Раздался утра шумъ игривый,
И пробудился человѣкъ.
Еще Марія сладко дышитъ,
Дремой объятая, и слышитъ
Сквозь легкой сонъ, что кто-то къ ней
Вошелъ и ногъ ея коснулся.
Она проснулась—но скорѣй
Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
Отъ блеска утреннихъ лучей.
Марія руки протянула
И съ нѣгой томною шепнула:
Мазепа, ты?... Но голосъ ей
Иной отвѣтствуетъ... о Боже!
Вздрогнувъ, она глядитъ... и что же?
Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи;
Не погуби насъ: я въ ночи
Сюда прокралась осторожно
Съ единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебѣ одной
Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
Спаси отца!

ДОЧЬ, *въ ужасѣ.*

Какой отецъ?
Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донынѣ
Не знаешь?... нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
Ты во дворцѣ; ты знать должна,
Какъ сила Гетмана грозна,
Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
Какъ Государь ему внимаетъ—
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы;
Тебя я сонну застаю,
Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
Когда читаютъ приговоръ,
Когда готовъ отцу топоръ—
Другъ другу, вижу, мы чужія...
Опомнись: дочь моя! Марія,
Бѣги, пади къ его ногамъ,
Спаси отца, будь ангелъ намъ:
Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
Ты можешь ихъ топоръ отвесть.

Рвись, требуй—Гетманъ не откажетъ:
Ты для него забыла честь,
Родныхъ и Бога.

ДОЧЬ.

Что со мною?
Отецъ... Мазепа... казнь—съ мольбою
Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя—
Нѣтъ, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

МАТЬ.

Богъ съ тобою,
Нѣтъ, нѣтъ—не грезы, не мечты.
Уже ль еще не знаешь ты,
Что твой отецъ ожесточенный
Безчестья дочери не снесъ,
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на Гетмана донесъ—
Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
Въ стыдѣ безумной клеветы,
Что, жертва смѣлой правоты,
Врагу онъ выданъ головою,
Что предъ Громадой войсковою,
Когда его не осѣнитъ
Десница вышняя Господня,
Онъ долженъ быть казненъ сегодня,
Что здѣсь покамѣстъ онъ сидитъ
Въ тюремной башнѣ.

ДОЧЬ.

Боже, Боже!...
Сегодня!—бѣдный мой отецъ!
И дѣва падаетъ на ложе,
Какъ хладный падаетъ мертвецъ.
Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки.
Въ строяхъ ровняются полки.
Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой помостъ.
На немъ гуляетъ, веселится
Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелой,
То шутитъ съ чернію веселой.
Въ гремучій говоръ все слилось:
Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ.
Вдругъ восклицанье раздалось
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ;
А тамъ по Кіевской дорогѣ
Телега ѣхала. Въ тревогѣ,
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ.
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ тмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава—
И сердцемъ радуясь во злобѣ
Палачь за чубъ поймалъ ихъ обѣ
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.
Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, разсыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой помостъ ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гробъ.
Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался,
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, что Марія?
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе...
Невольнымъ страхомъ поражёнъ,
Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ:
Свѣтлица тихая пуста—
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;

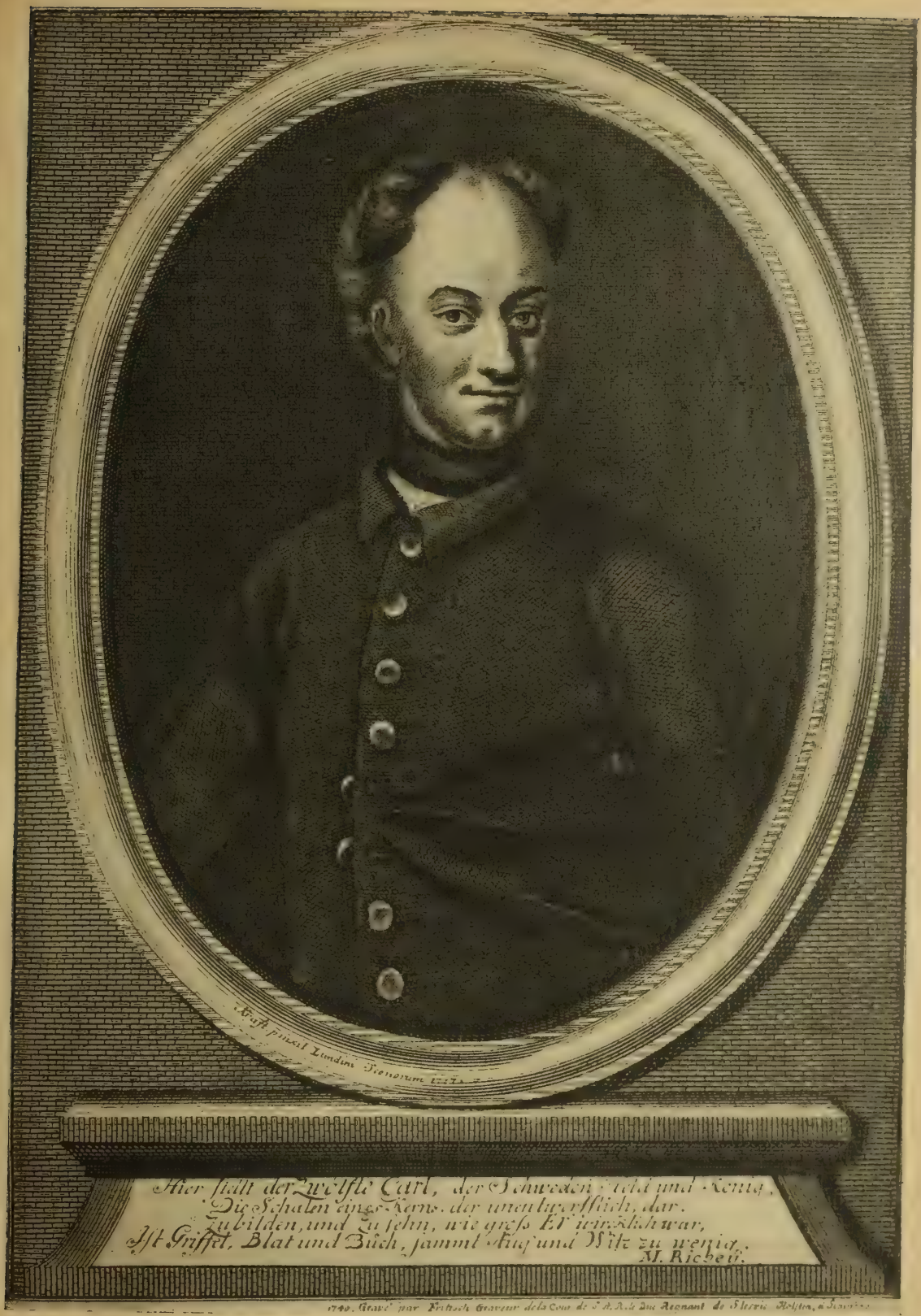
Но вкругъ широкаго пруда,
Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ—
Ушла!—Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
Своихъ проворныхъ сердюковъ.
Они бѣгутъ. Хрипятъ ихъ кони—
Раздался дикій кликъ погони
Верхомъ—и скачутъ молодцы
Во весь опоръ, во всѣ концы.
Бѣгутъ мгновенья дорогія.
Не возвращается Марія.
Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
Зачѣмъ и какъ она бѣжала—
Мазепа молча скрежеталъ.
Затихнувъ, челядь трепетала.
Въ груди кипучій ядъ нося,
Въ свѣтлицѣ Гетманъ заперся.
Близь ложа тамъ во мракѣ ночи
Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
Нездѣшней мукою томимъ.
Поутру, посланные слуги,
Одинъ явились за другимъ!
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Все было пѣною покрыто,
Въ крови, разтеряно, избито—
Но ни одинъ ему принесть
Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
И слѣдъ ея существованья
Пропалъ какъ будто звукъ пустой,
И мать одна во мракъ изгнанья
Умчала горе съ нищетой.

МАЗЕПА УДАЛЯЕТСЯ ОТЪ МѢСТА КАЗНИ КОЧУБЕЯ И ИСКРЫ.
Рис. Н. С. Самокиша.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно вдаль
Вождю Украйны не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На ложѣ мнимаго мученья,
Стоная молитъ изцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ Архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины:
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.
Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ, вражескихъ могилъ
Готовя Шведамъ тризну тайну.
Нежданно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилой,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ.
Согбенный тяжко жизнью старой,
Такъ оный хитрый Кардиналъ,
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна шумно зашумѣла.
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя? [26]
Гремитъ анаѳема въ Соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ. [27]
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другаго Гетмана творятъ.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ.
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ Царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
На плахѣ гибнетъ Чечель [28] смѣлой
И запорожскій Атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.
И Царь туда жъ помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Неразъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокой сонъ во станѣ Шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.
«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Расчетъ и дерзкій и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важной:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.



КАРЛЪ XII.

Гравюра Фритша (1740) съ портрета Крафта (1717).

Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать, [29]
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ; [30]
Не хуже Рускаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить какъ нынче казака
И обмѣнять на рану рану; [31]
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога.
Стыжусь: воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ
Какъ дѣва робкая.»

ОРЛИКЪ.

Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Рускому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые—
Царь вспыхнувъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ;
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье;
Я тёрнъ въ листахъ его вѣнца:
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды:
Кому бѣжать, рѣшитъ заря.
Умолкъ и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Рускаго Царя.
Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ.
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
Почуя роковой огонь
Дрожитъ. Глазами косо водитъ
И мчится въ прахѣ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ
Прервали свой голодный ревъ.
И се—равнину оглашая
Далече грянуло *ура*:

ПЕТРЪ I.

Современная гравюра Губракена.

Полки увидѣли Петра.
И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова—
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ трудахъ державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Репнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.
И передъ сими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.
И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами; саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Рускій—колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.
Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя.
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнаньѣ сиротѣя,
И казаки на кличь Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
Но чтожъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ, сквозь бранный дымъ, увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои лѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,
Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился.
Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
Младой казакъ въ крови валялся,
А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь въ огненной дали.
Казакъ на Гетмана стремился
Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
Съ безумной яростью въ очахъ.
Старикъ, подъѣхавъ, обратился
Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
Еще грозилъ врагу Россіи;
Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
И имя нѣжное Маріи
Чуть лепеталъ еще языкъ.
Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ—и врагъ бѣжитъ: [32]
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.
Пируетъ Петръ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.
Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ страхѣ?
Зачѣмъ Король не межъ гостей?

БЕЗУМНАЯ МАРІЯ и МАЗЕПА.

Рис. В. Лебедева.

Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ? [33]
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и Гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу Королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ рядомъ.
Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ запустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ полѣ отпертая дверь
Какой-нибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутилъ бывало за столомъ?
Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ.
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
Его зовутъ. Онъ пробудился.
Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,
Тихонько кто-то наклонился.
Онъ вздрогнулъ какъ подъ топоромъ...
Предъ нимъ съ развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
Стоитъ, луной освѣщена...
«Иль это сонъ?... Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!... Сей часъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!... Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?
Она за тайну мнѣ сказала,
Что умеръ бѣдный мой отецъ,
И мнѣ тихонько показала
Сѣдую голову—Творецъ!
Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не человѣчья,
А волчья—видишь: какова!
Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
Не стыдно ль ей меня терзать?
И для чего? чтобъ я не смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
Возможно-ль?
Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ жестокой.
Но вихрю мыслей предана,
«Однако жъ, говоритъ она,
Я помню поле... праздникъ шумной...
И чернь... и мертвыя тѣла...
На праздникъ мать меня вела...
Но гдѣ ты былъ?... Съ тобою розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
Въ его глазахъ блеститъ любовь,
Въ его рѣчахъ такая нѣга!

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

Картина А. Е. Коцебу.

Зачѣмъ измѣнникъ не въ плѣну? [illegible]
Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
[illegible]
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруетъ силу Королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, русскими гонимъ;
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.
[illegible] передъ ними полукругомъ
Степь [illegible] широкой полукругъ,
Съ [illegible] старый Гетманъ скачетъ рядомъ.
Пред [illegible] хуторъ... Что же вдругъ
[illegible]

[illegible] сторонѣ [illegible]
Онъ стороной во весь [illegible]
[illegible]
И домъ, и садъ уедин[illegible],
И въ поле отпертая [illegible]
Какой-нибудь разсказъ [illegible]енный
Ему напомнили теперь.
Святой невинности [illegible]!
Узналъ ли ты сію [illegible],
Сей домъ, веселый [illegible] домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгор[illegible]ный,
Семьей счастливой [illegible]ный,
Шутилъ бывало за [illegible]?
Узналъ ли ты при[illegible]ный,
Гдѣ мирный ангелъ [illegible]ъ,
И садъ, откуда ночью [illegible]
[illegible] Узналъ, узналъ!

[illegible] стѣны [illegible] обнимаютъ.
[illegible]
Межъ [illegible] чутко [illegible]
Врагъ Россіи и Петра.
[illegible] мечты новой [illegible],
[illegible] Полтавы онъ забылъ
[illegible] Мазепы смущенъ былъ.
[illegible] духъ не зналъ покоя.
И [illegible]
[illegible] пробуждался.
[illegible]
Тихонько кто-то наклонился.
[illegible]
Предъ нимъ съ развитыми власами,
[illegible]
Вся въ рубищѣ [illegible],
[illegible],
«Иль это сонъ?.. Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. [illegible] часъ
Отецъ и мать глаза закрыли...
Постой... услышать могутъ насъ.

[illegible]

Марія, бѣдная Марія!
Опомнись! Боже!.. Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай: хитрости какія!
Что за разсказъ у нихъ смѣшной?

Она за тайну мнѣ [illegible],
[illegible] и отецъ.
И мнѣ тихонько по[illegible]
Сѣдую голову — [illegible]!
Куда бѣжать намъ отъ [illegible]?
Подумай: эта голова
Была совсѣмъ не [illegible]ѣчья,
А волчья — видишь: [illegible]!
Чѣмъ обмануть меня [illegible]!
Не стыдно ль ей меня терзать?
[illegible] смѣла
Съ тобой сегодня убѣжать!
[illegible]

Съ горестью глубокой
Любовникъ ей внималъ [illegible].
Но вихрю мыслей при[illegible],
«Однако жъ, говоритъ [illegible],
Я помню поле... праздни[illegible] шумной...
И чернь... и мертвыя [illegible]...
На праздникъ мать меня [illegible]...
Но гдѣ ты былъ?... Съ то[illegible] розно
Зачѣмъ въ ночи скитаюсь [illegible]?
Пойдемъ домой. Скорѣй... [illegible] поздно.
Ахъ, вижу, голова моя
Полна волненія пустаго:
Я принимала за другаго
Тебя, старикъ. Оставь меня.
Твой взоръ насмѣшливъ и у[illegible].
Ты безобразенъ. Онъ прекра[illegible].
Въ его глазахъ блеститъ лю[illegible],
Въ его рѣчахъ такая нѣга!

Фототипія А. Ф. Дресслера, Спб.

Его усы бѣлѣе снѣга,
А на твоихъ засохла кровь.
И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала
И скрылась въ темнотѣ ночной.
Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брега Днѣпра
Коней разсѣдланныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! Пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».
Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдлаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.
Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ—гдѣ мельницъ рядъ крылатый
Оградой мирно обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ—
Останки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумной,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ;
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы Гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ,
Грозя, гремитъ о немъ Соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно Церковь пріютила. [34]
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь преступница... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

КОБЗАРЬ.
Рисунокъ Трутовскаго.

Примѣчанія Пушкина къ «Полтавѣ».

1) Василій Леонтьевичъ Кочубей, генеральный Судія, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ Графовъ.

2) *Хуторъ*—загородный домъ.

3) У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

4) Мазепа въ самомъ дѣлѣ сватался свою крестницу, но ему отказали.

5) Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донынѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

6) Бунчукъ и булава—знаки Гетманскаго достоинства.

7) Смотр. *Мазепу* Байрона.

ГЕТМАНЪ ДОРОШЕНКО.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

8) Дорошенко одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

ГЕТМАНЪ САМОЙЛОВИЧЪ.

Изъ Собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ.

9) Григорій Самойловичь, сынъ Гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

10) Симеонъ Палѣй, Хвостовскій Полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

11) Костя Гордѣенко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ казаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

12) 20.000 Казаковъ было послано въ Лифляндію.

13) Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордая и высокоумная.*

14) Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

ГЕРОИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ.

Брюсъ, Бауэръ, Репнинъ, Меньшиковъ, Шереметевъ.

ДУБОВАЯ АЛЛЕЯ ВЪ ПАМЯТЬ В. Л. КОЧУБЕЯ ВЪ ДИКАНЬКѢ.

Съ фотографіи, принадлежащей Кн. В. С. Кочубею.

15) Езуитъ Заленской, Княгиня Дульская и какой-то Болгарской Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украйну и обратно.

16) Такъ назывались манифесты Гетмановъ.

17) Филиппъ Орликъ, генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую вѣру и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

18) *Булавинъ*, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

19) Тайный секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

20) Въ 1705 году Смотр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б. Каменскаго.

21) Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

22) Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а Графа Головкина съ пророкомъ Даніиломъ.

23) Деревня Кочубея.

24) Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали въ сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

25) Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетмановъ.

26) Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи.

«1708 г. Ноября 7-го числа, по указу Государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевской, Черниговской и Переяславской Архіепископы.

«А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные Архіереи публично; того же дня и персону (куклу)

онаго измѣнника Мазепы вынесли и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ) оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачь, взявъ и придѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсили.

«Въ Глуховѣ же 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (*Журналъ Петра Великаго*).

27) Малороссійское слово. Поруски палачъ.

28) Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ кн. Меншикова.

29) Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смотр. *Voltaire. Hist. de Charles XII.*

30) Ахъ, В. В.! бомба...—«Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши». Это случилось гораздо послѣ.

31) Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

32) Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо* (сказано въ Жур. Петра Вел.) *непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераловъ Кн. Меншиковымъ.

33) L'Empereur Moscovite, pénetré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dtssimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

. . . . . .

. . . Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maitres dans l'art de la guerre!—Rensbild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. Vous Messieurs les généraux Suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

34) Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены сущи,
Понеже намъ страсть и смерть повѣлѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность въ Монарсѣ нашу,
Страданія и смерти испыймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708, мѣсяца Іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены».

«ШВЕДСКАЯ МОГИЛА» ПОДЪ ПОЛТАВОЙ.

Съ рис. 1840-хъ г.

571. ПРИМѢТЫ.

(А. А. Олениной).

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой.
Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.
Мечтанью вѣчному въ тиши
Такъ предаемся мы, поэты:
Такъ суевѣрныя примѣты
Согласны съ чувствами души.

---

572. ЧТО ВЪ ИМЕНИ ТЕБѢ МОЕМЪ?

(А. А. Олениной).

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальный
Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.
Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.
Но въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мірѣ сердце, гдѣ живу я.

---

573. Я ВАСЪ ЛЮБИЛЪ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТЪ.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

---

574. КОГДА ТВОИ МЛАДЫЯ ЛѢТА.

(А. П. Кернъ).

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная молва,
И ты по приговору свѣта
На честь утратила права;
Одинъ, среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.
Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.
Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемѣрныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

---

575. КЪ ВЕЛЬМОЖѢ.

(Кн. Н. Б. Юсупову).

Москва.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождая міръ,
Лишь только на поля, струясь, дохнетъ зефиръ,
Лишь только первая позеленѣетъ липа,
Къ тебѣ, привѣтливый потомокъ Аристиппа,
Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворецъ,
Гдѣ циркуль зодчаго, палитра и рѣзецъ
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные въ волшебствѣ состязались.

Князь НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧЪ ЮСУПОВЪ.
Бюстъ Витали.

Ты понялъ жизни цѣль: щастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
Искалъ возможнаго, умѣренно проказилъ;
Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней—и Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобой веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты лесть его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ.
Съ Фернеемъ распростясь, увидѣлъ ты Версаль.
Пророческихъ очей не простирая вдаль,
Тамъ ликовало все. Армида молодая,
Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
Не вѣдая, чему судьбой обречена,
Рѣзвилась, вѣтренымъ Дворомъ окружена.
Ты помнишь Тріанонъ и шумныя забавы?
Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ отравы;
Ученье дѣлалось навремя твой кумиръ:
Уединялся ты. За твой суровый пиръ
То чтитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
За чашей медленной аѳею иль деисту,
Какъ любопытный Скиѳъ Аѳинскому Софисту.
Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
Прилѣжно разобралъ сей двойственный соборъ:
Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.
Скучая, можетъ быть, надъ Темзою скупой,
Ты думалъ далѣ плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснулъ передъ тобою.
Онъ угадалъ тебя: въ плѣнительныхъ словахъ
Онъ сталъ разсказывать о ножкахъ, о глазахъ,
О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
Гдѣ жизнь лѣнивая проходитъ сладострастно,
Какъ пылкій, отрока восторговъ полный, сонъ;
Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
Глядятъ и, не страшась ревниваго Испанца,
Съ улыбкой слушаютъ и манятъ иностранца.
И ты, встревоженный, въ Севиллу полетѣлъ.
Благословенный край, плѣнительный предѣлъ!
Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣютъ...
О, разскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣютъ
Съ любовью набожность умильно сочетать,
Изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать;
Скажи, какъ падаетъ письмо изъ-за рѣшетки,
Какъ златомъ усыпленъ надзоръ угрюмой тетки;
Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ
Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ.
Все измѣнилося. Ты видѣлъ вихорь бури,
Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
Свободой грозною воздвигнутый законъ,

Подъ гильотиною Версаль и Тріанонъ,
И мрачнымъ ужасомъ смѣненныя забавы.
Преобразился міръ при громахъ новой славы.
Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольтеръ,
Превратности судебъ разительный примѣръ,
Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
Донынѣ странствуетъ съ кладбища на кладбище.
Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
Энциклопедіи скептическій причётъ,
И колкій Бомарше, и твой безносый Касти,
Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
Все новое кипитъ, былое истребя.
Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
Едва опомнились младыя поколѣнья.
Жестокихъ опытовъ сбирая поздній плодъ,
Они торопятся съ расходомъ свесть приходъ.
Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА АЛЯБЬЕВА.

Съ портрета 1844 г.

Звукъ лиры Байрона развлечь едва ихъ могъ.
Одинъ все тотъ же ты. Ступивъ за твой порогъ,
Я вдругъ переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,

Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
Исполненъ юности. Вліянье красоты
Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
И блескъ А*** [Алябьевой], и прелесть*** [Гончаровой]
Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
Въ тѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палатъ,
Вельможи Римскіе встрѣчали свой закатъ.
И къ нимъ издалека то воинъ, то ораторъ,
То консулъ молодой, то сумрачный диктаторъ
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься въ путь.

---

576. НА ХОЛМАХЪ ГРУЗІИ ЛЕЖИТЪ НОЧНАЯ МГЛА.

(Отрывокъ).

На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла;
Шумитъ Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мутитъ, не тревожитъ,
И сердце вновь горитъ и любитъ—отъ того,
Что любить оно не можетъ.

---

577. КАЛМЫЧКѢ.

Прощай, любезная Калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь пофранцузски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,
Поанглійски предъ самоваромъ
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь! Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды?—Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

---

578. НЕ ПЛѢНЯЙСЯ БРАННОЙ СЛАВОЙ.

Изъ Гафиза.

(Лагеръ при Эвфратѣ).

Не плѣняйся бранной славой,
О красавецъ молодой!
Не бросайся въ бой кровавой
Съ Карабахскою толпой!
Знаю: смерть тебя не встрѣтитъ;
Азраиль, среди мечей,
Красоту твою замѣтитъ—
И пощада будетъ ей!
Но боюсь: среди сраженій
Ты утратишь навсегда
Стромность робкую движеній,
Прелесть нѣги и стыда!

ПУШКИНЪ и ОНѢГИНЪ.

Гравюра (безъ подписи), приложенная къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ.

579—580. (НА КАРТИНКИ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ».

Въ «Невскомъ Альманахѣ»).

1.

Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ,
Опершись . . . . . о гранитъ,
Самъ Александръ Сергѣичъ Пушкинъ
Съ мосьё Онѣгинымъ стоитъ.
Не удостоивая взглядомъ
Твердыню власти роковой,
Онъ къ крѣпости сталъ гордо задомъ:
Не плюй въ колодезь, милый мой!

2.

. . . . . сквозь рубашку
Татьяна мнетъ въ рукѣ бумажку...
Она . . . . . поутру встала
При блѣдныхъ мѣсяца лучахъ
И . . . . . изорвала
Конечно Невскій Альманахъ.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ
Письмо дрожитъ въ ея рукахъ...

Рисунокъ А. Нотбека, гр. А. Збруевъ («Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

581. ЩАСТЛИВЪ ТЫ ВЪ ПРЕЛЕСТНЫХЪ ДУРАХЪ.

Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ,
Въ службѣ, въ картахъ и въ пирахъ;
Ты St-Priest въ каррикатурахъ,
Ты Нелединскій въ стихахъ;
Ты прострѣленъ на дуелѣ,
Ты разрубленъ на войнѣ—
Хоть герой ты въ самомъ дѣлѣ,
Но повѣса ты вполнѣ.

---

582. ПОЭТЪ ИГРОКЪ, О БЕВЕРЛЕЙ ГОРАЦІЙ.

Поэтъ игрокъ, о Беверлей-Горацій
Проигрывалъ ты кучи ассигнацій,
И серебро, наслѣдіе отцовъ
И лошадей и даже кучеровъ —
И съ радостью на карту на злодѣйку
Поставилъ бы тетрадь своихъ стиховъ,
Когда (бъ твой стихъ) ходилъ хотя въ копѣйку.

---

583. НАПРАСНО ВИДИШЬ ТУТЪ ОШИБКУ.

Напрасно видишь тутъ ошибку:
Рука искусства навела
На мраморъ этихъ устъ улыбку,
И гнѣвъ на хладный лоскъ чела.
Недаромъ ликъ сей двуязыченъ.
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ
Въ лицѣ и въ жизни а р л е к и н ъ.

---

584. ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотритъ лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.
Делибашъ! Не суйся къ *лавѣ*,
Пожалѣй свое житье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.
Эй, Казакъ! не рвися къ бою:
Делибашъ на всемъ скаку
Срѣжетъ саблею кривою
Съ плечь удалую башку.
Мчатся, сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите! каковы?..
Делибашъ уже на пикѣ,
А Казакъ безъ головы.

---

585. КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.
Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи; зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ,
И пастырь низходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,
И нищій наѣздникъ таится въ ущельи,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Монастырь на Казбекѣ.

586. МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твой царственный шатёръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, вожделѣнный брегъ!
Туда бъ, сказавъ прости ущелью,
Подняться къ вольной вышинѣ!
Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!..

587. ДОНЪ.

Блещa средь полей широкихъ,
Вонъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ...
Какъ прославленнаго брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Эвфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую струю.
Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наѣздниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

588. ОЛЕГОВЪ ЩИТЪ.

Когда ко граду Константина
Съ тобой, воинственный Варягъ,
Пришла Славянская дружина
И развила побѣды стягъ;
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву Греку въ стыдъ и страхъ,
Ты пригвоздилъ свой щитъ булатной
На Цареградскихъ воротахъ.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрѣли.
Но днесь, когда мы вновь со славой
Къ Стамбулу грозно притекли;
Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
И нашу рать передъ Стамбуломъ
Твой старый щитъ остановилъ.

589. ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

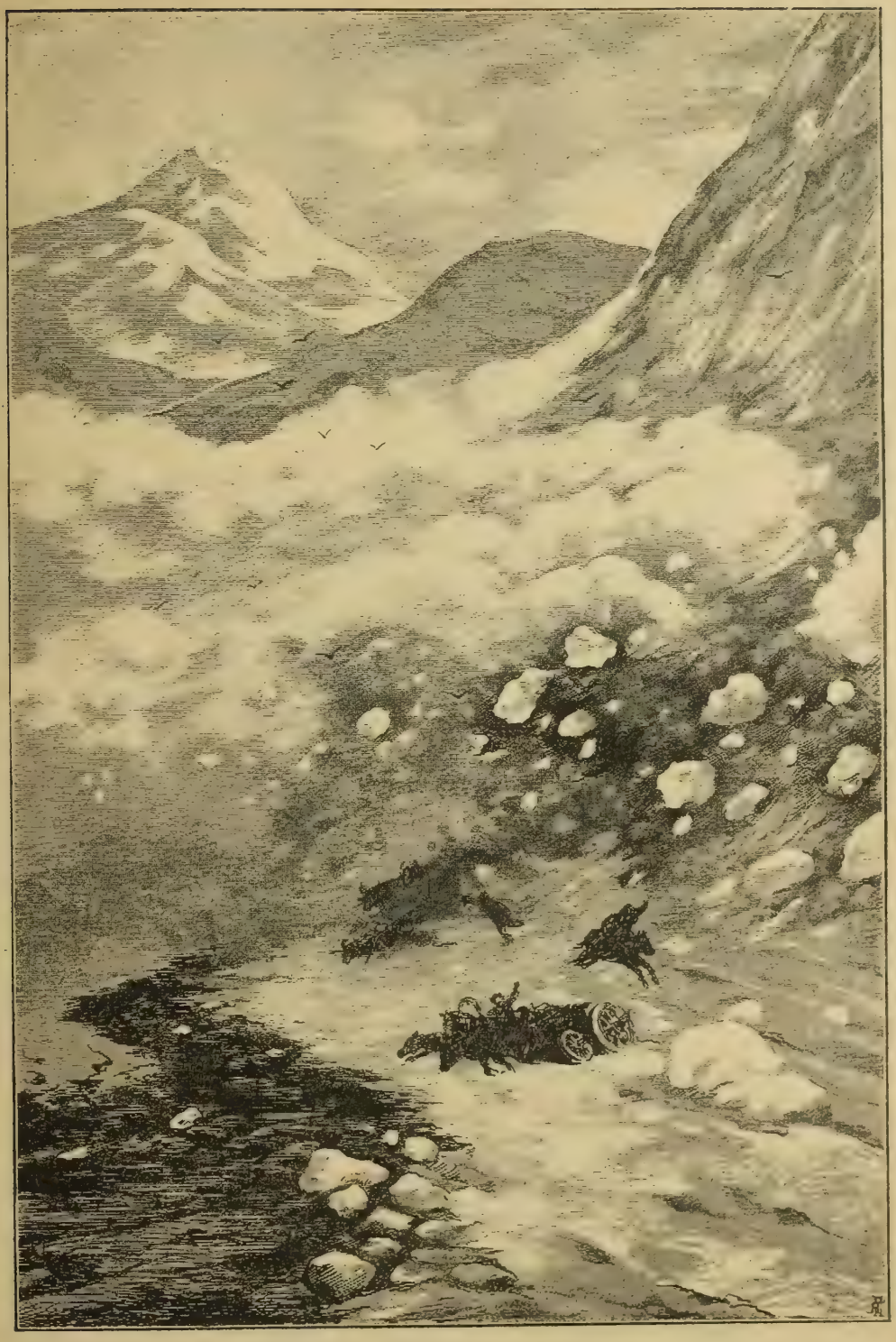
Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ телѣгѣ, то пѣшкомъ?
Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь отческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знать, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,
На каменьяхъ подъ копытомъ,
На горѣ подъ колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подъ разобраннымъ мостомъ.
Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подъ ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околѣю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.
Долго ль мнѣ въ тоскѣ голодной
Постъ невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?
То ли дѣло быть на мѣстѣ,
По Мясницкой разъѣзжать,
О деревнѣ, о невѣстѣ
На досугѣ помышлять!
То ли дѣло рюмка рома,
Ночью сонъ, поутру чай;
То ли дѣло, братцы, дома!...
Ну, пошелъ же, погоняй!..

590. ОБВАЛЪ.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.



ОБВАЛЪ.

Картина И. К. Айвазовскаго.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шёлъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда вёлъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

591. ЗИМА. ЧТО ДѢЛАТЬ НАМЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ?

2 ноября.

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно глотаю скуки ядъ.
Читать хочу; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманной.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурится въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за ставнями сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы),
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи;
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!

Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
Какъ жарко поцалуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!

592. ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелестный—
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты нѣгой взоры
Навстрѣчу сѣверной Авроры,
Звѣздою сѣвера явись!
Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
И ты печальная сидѣла—
А нынче... погляди въ окно:
Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами,
Блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;

Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
И ель сквозь иней зеленѣетъ,
И рѣчка подо льдомъ блеститъ.
Вся комната янтарнымъ блескомъ
Озарена. Веселымъ трескомъ
Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снѣгу,
Другъ милый, предадимся бѣгу
Нетерпѣливаго коня,
И навѣстимъ поля пустыя,
Лѣса, недавно столь густые,
И берегъ, милый для меня.

МИХАИЛЪ ТРОФИМОВИЧЪ КАЧЕНОВСКІЙ.

593. ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
(Преострый мужъ, достойный много хвалъ)
Съ усердіемъ принялся за журналъ.
Въ сотрудники самъ вызвался Поповскій,
Свои статьи Елагинъ обѣщалъ;
Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ,

Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ;
И, говорятъ, надняхъ они начнутъ,
Благословясь, сей преполезный трудъ—
И только ждетъ Василій Тредьяковскій,
Чтобъ подоспѣлъ****[Михайло Качеповскій].

594. ЖУРНАЛАМИ ОБИЖЕННЫЙ ЖЕСТОКО.

Журналами обиженный жестоко,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
На Цензора вотъ подалъ онъ доносъ;
Но Цензоръ правъ, намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань конечно неприличность,
Не льзя писать: *такой-то-де старикъ*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И *золъ и подлъ*: все это будетъ личность.
Но можете печатать, напримѣръ,
Что Господинъ Парнасскій старовѣръ
(*Въ своихъ статьяхъ*) безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ, и даже глуповатъ;
Тутъ не лицо, а только литтераторъ.

595. ТАМЪ, ГДѢ ДРЕВНІЙ КОЧЕРГОВСКІЙ.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу вставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужицу живой.

596. КАКЪ САТИРОЙ БЕЗЫМЯННОЙ.

Какъ сатирой безымянной
Ликъ Зоила я пятналъ,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эти слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Разписался мой дуракъ?

597. МАЛЬЧИШКА ФЕБУ ГИМНЪ ПОДНЕСЪ.

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?»
Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»—
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

598. САПОЖНИКЪ.

Притча.

Картину разъ высматривалъ Сапожникъ,
И въ обуви ошибку указалъ;
Взявъ тотчасъ кисть, исправился Художникъ.
Вотъ, подбочасъ, Сапожникъ продолжалъ:
«Мнѣ кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишкомъ ли нага?»
Но Апеллесъ прервалъ нетерпѣливо:
«Суди, дружокъ, не свыше сапога.»
Есть у меня пріятель на примѣтѣ:
Не вѣдаю, въ какомъ бы онъ предметѣ
Былъ знатокомъ, хоть строгъ онъ на словахъ;
Но чортъ его несетъ судить о свѣтѣ:
Попробуй онъ судить о сапогахъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ НАДЕЖДИНЪ.

599. НАДѢЯСЬ НА МОЕ ПРЕЗРѢНЬЕ.

(Не отдѣлано окончательно).

Надѣясь на мое презрѣнье,
Сѣдой Зоилъ меня ругалъ,
И потерявъ уже терпѣнье,
Я эпиграмой (отвѣчалъ)
(И возгоря) желаньемъ славы,
Теперь, надѣясь на отвѣтъ,
(Журнальный шутъ), холопъ лукавый
Ругать бы также сталъ—О, нѣтъ!
Пусть онъ, какъ бѣсъ передъ обѣдней,
Себѣ покоя не даетъ
Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ разчетъ.

---

600. ЗАГАДКА.

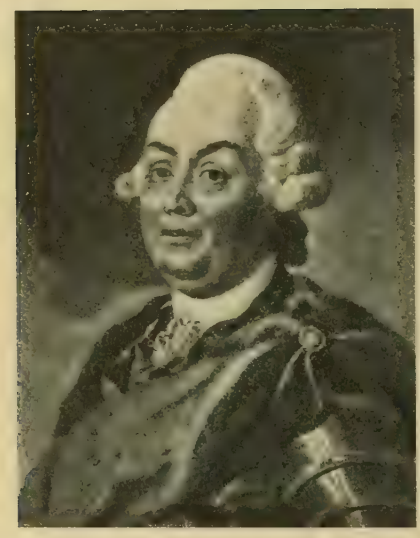
При посылкѣ [*Дельвигу*] *бронзоваго Сфинкса.*

Кто на снѣгахъ возрастилъ Ѳеокритовы нѣжныя розы?
Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золотой угадалъ?
Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

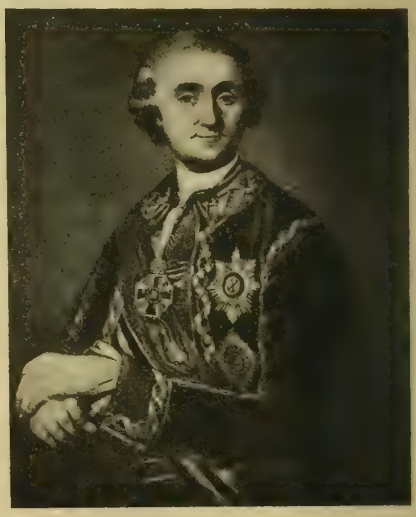
601. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ Ц. С. [ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ].

[Окончательно не отдѣлано].

Воспоминаньями смущенный,
Исполненный сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой—
Такъ отрокъ Библіи (безумный) разточитель,
До капли истощивъ разкаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ—



Графъ
П. А. РУМЯНЦЕВЪ-ЗАДУНАЙСКІЙ.
Съ портрета Левицкаго.



Графъ
Алексѣй ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ.
Съ портрета Тоунлея.

Въ пылу [восторговъ?] скоротечныхъ,
Въ безплодномъ вихрѣ суеты,
О много разточилъ сокровищъ я сердечныхъ
За недоступныя мечты
И долго я блуждалъ, и часто утомленный,
Разкаяньемъ горя, предчувствуя бѣды,
Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады—
Воображалъ сей день щастливый,
Когда средь нихъ возникъ Лицей,
И слышалъ нашихъ игръ (я) снова шумъ
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ

ѲЕДОРЪ ОРЛОВЪ.

Поэтомъ... забывался я!
И (славныхъ лѣтъ) передо мною
Являлись вѣчные слѣды —
Еще исполнены Великою женою
Ея любимые сады
Стоятъ населены чертогами, столпами,
(Гробницами друзей) кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ—
Садятся призраки Героевъ
У посвященныхъ имъ столповъ,
Глядите: вотъ Герой, стѣснитель ратныхъ строевъ
Перунъ Кагульскихъ береговъ—
Вотъ, вотъ могучій вождь полунощнаго флага,
Предъ кѣмъ морей пожаръ и плавалъ, и леталъ
Вотъ вѣрный братъ его, Герой Архипелага,
Вотъ Наваринскій Ганнибалъ!

Колонна «Побѣдамъ Ганнибала» въ Царскосельскомъ паркѣ. Съ фотографіи, снятой С. А. Данини въ 1908 г.

602. ПОѢДЕМЪ, Я ГОТОВЪ.

Элегическій отрывокъ.

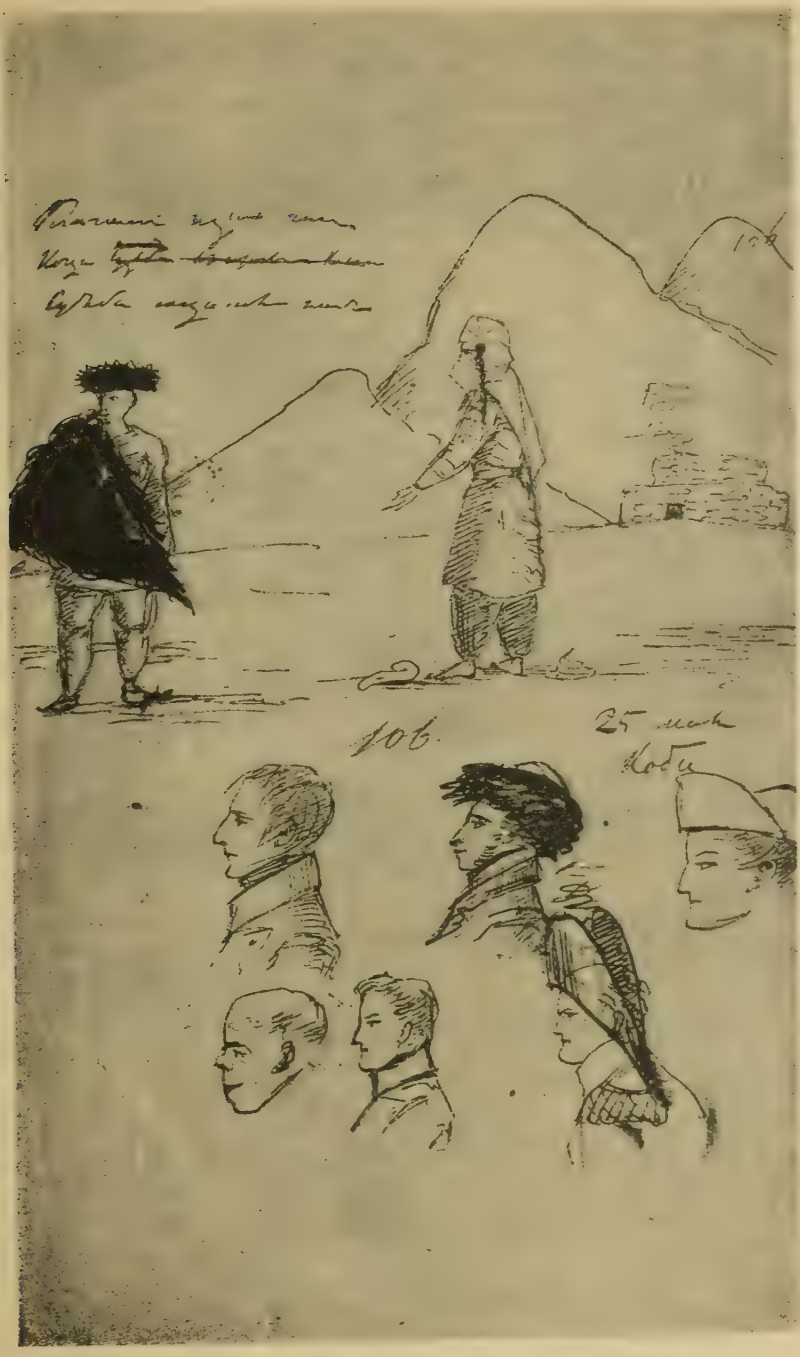
Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бы ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухаютъ рощи,
Повсюду я готовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
Скажите: въ странствіяхъ умретъ ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?
. . . . . .

603. БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦЪ ШУМНЫХЪ.

Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?

Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать;
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.



Листъ 106 Пушкинской тетради № 2382.

604. БЛАГОСЛОВЕНЪ И ДЕНЬ, И ЧАСЪ.

Благословенъ и день, и часъ
Когда (въ горахъ Кавказа)
Судьба соединила насъ.

605. БЛАГОСЛОВЕНЪ ТВОИ НОВЫЙ ПУТЬ.

Этотъ отрывокъ извѣстенъ только по упоминанію въ краткомъ описаніи недоступнаго общему пользованію Майковскаго собранія, хранящагося въ Академіи Наукъ. («Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 11).

606. И ЧУВСТВУЮ — ДУША ВЪ СЕЙ ЧАСЪ.

И чувствую—душа въ сей часъ
Твоей любви, тебя достойна—
За чѣмъ же не всегда
Чиста, печальна и спокойна

607. КРИТОНЪ, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.

Критонъ роскошный гражданинъ
Очаровательныхъ Аѳинъ
Во цвѣтѣ жизни предавался
Всѣмъ упоеньямъ бытія—
Однажды—слушайте друзья
Онъ по Керамику скитался—
И вдругъ изъ рощи вѣковой,
Красою дѣвственной блистая,
Въ одеждѣ легкой и простой
Явилась Нимфа молодая.
(Она съ улыбкою глядитъ)
(Ужъ онъ влюбленъ, ужъ онъ горитъ),
(Поспѣшно слѣдуетъ за нею—)
Предъ (ними домъ)
Она на мигъ остановилась—
И въ дверь вошла. Недвижимъ онъ
Глядитъ на дверь, куда какъ сонъ
Его красавица сокрылась—

608. БЫЛЪ И Я СРЕДИ ДОНЦОВЪ.

Былъ и я среди Донцовъ,
Гналъ и я Османовъ шайку;
Въ память боевъ и пировъ,
Я домой привезъ нагайку.
На походѣ, въ тишинѣ
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку.
Что таиться отъ друзей—
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней,
И берегъ свою нагайку—

609. ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДѢВИЦА.

Полюби меня, дѣвица
(Нѣтъ)
Что же скажетъ вся станица—
Я съ другимъ обручена
Твой женихъ теперь далече

610. ЗОРЮ БЬЮТЪ.

Зорю бьютъ... изъ рукъ моихъ
Вѣтхій Данте выпадаетъ
На устахъ начатый стихъ
Недочитанный затихъ—
(Умъ) далече улетаетъ.
Звукъ привычный, звукъ живой
Сколь ты часто раздавался
Тамъ, гдѣ тихо развивался
(Я давнишнею порой)

611. ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПѢСНИ.

Еще одной высокой важной пѣсни
Внемли (о) Ѳебъ, и смолкнувшую лиру
Въ разрушенномъ святилищѣ твоемъ
Повѣшу я, да стонетъ
Когда столбы его [колеблетъ буря]
Печальный звукъ . . . . . .
. . . . . Еще единый гимнъ—
Внемлите мнѣ, пенаты—вамъ пою
Отвѣтный гимнъ, совѣтники Зевеса,
Живете ль вы въ небесной глубинѣ,
Иль, божества всевышнія, всему,

По мнѣнью мудрецовъ, причина вы,
И слѣдуютъ торжественно за вами
Великій Зевсъ съ супругой бѣлогрудой
И мудрая богиня, дѣва силы,
Аѳинская Паллада,—вамъ хвала.
Примите гимнъ, таинственныя силы!
Хоть долго былъ изгнаньемъ [удаленъ]
Отъ вашихъ жертвъ и тихихъ [возліяній?]
Но васъ любить не переставалъ, о боги,
И въ долгіе часы пустынной жизни
Томительно просилась отдохнуть
Близь вашего святаго пепелища
Моя душа—тамъ миръ
Такъ, я любилъ васъ долго! Васъ зову
Въ свидѣтели, съ какимъ святымъ [волненьемъ?]
Оставилъ я (людское) стадо наше,
Дабы стеречь вашъ огнь уединенный,
Бесѣдуя одинъ съ самимъ собою.
Часы неизъяснимыхъ [наслажденій!]
Они даютъ мнѣ знать сердечну глубь,
Въ могуществѣ и въ немощахъ
Они любить, лѣлѣять научаютъ
Не смертныя, таинственныя чувства,
И насъ они наукѣ первой учатъ—
Чтить самого себя. О нѣтъ вовѣкъ
Не переставалъ молить благоговѣйно
Васъ, божества домашнія

---

613. ЗАЧѢМЪ ЕЛЕНА, ТАКЪ ПУГЛИВО.

Зачѣмъ [Елена?] такъ пугливо
Ты всюду слѣдуешь за мной—
И надзираешь торопливо
Мой каждый шагъ и каждый взоръ—

613. ВО ВРЕМЯ ОНОЕ, БЫЛОЕ.

Во время оное, былое!..
(Въ тѣ дни ты зналъ меня, Кавказъ),
Въ свое святилище [глухое]
Ты (призывалъ) меня неразъ.
Въ тебя влюбленъ я былъ безумно,
(Меня привѣтствовалъ ты шумно)
И Терека свирѣпый ревъ
И эха [заунывный] хохотъ
. . . . . твой пѣвецъ
. . . . . вѣнецъ

---

614. И ВОТЪ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХЪ СКАЛЪ.

И вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ
Передъ нами ширѣ становится—
И тише Терекъ [злой] стремится
Лучь солнца ярче засіялъ
. . . . . .

615. СТРАШНО И СКУЧНО.

Страшно и скучно
Здѣсь новоселье,
Путь и ночлегъ—
Тѣсно и душно
Въ дымномъ ущельѣ—
Тучи да снѣгъ—
Небо чуть свѣтитъ,
Какъ изъ тюрьмы—
(Терекъ шумитъ).

616. БЫТЬ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОХВАЛЬНО.

Быть въ сраженіи похвально,
Но кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ?—
Все дерзко бьется, лжетъ нахально...
Герой! будь прежде человѣкъ!
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ:
Когда горящая картечь
Главу сорветъ у друга съ плечь,
Плачь, воинъ, не стыдись.

617. ХОТѢЛЪ Я ДУШУ ОСВѢЖИТЬ.

Хотѣлъ я душу освѣжить
Бывалой жизнею пожить
Въ забвеньи сладкомъ близь друзей
Минувшей юности моей.
Я ѣхалъ въ дальныя края
Искать не злата, не честей,
Въ пыли, средь копій и мечей...

618. О НѢТЪ МНѢ ЖИЗНЬ НЕ НАДОѢЛА.

О, нѣтъ мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
Душа не вовсе охладѣла,
Утратя молодость свою.
Еще храняться наслажденья
Для любопытства моего,
Для милыхъ сновъ воображенья,
Для чувствъ . . . . . всего.
Зачѣмъ . . . . . .
Могилу темную . . . . . .
Что въ смерти добраго? . . . . .

619. ТО БЫЛО ВСКОРѢ ПОСЛѢ БОЯ.

То было вскорѣ послѣ боя
Какъ счастье бросило героя
И рать побитая кругомъ
Лежала на крови...
И власть, и слава измѣнили
Какъ ихъ поклонники

620. ГЛУХОЙ ГЛУХАГО ЗВАЛЪ КЪ СУДУ СУДЬИ ГЛУХОВА.

Глухой глухаго звалъ къ суду судьи глухова,
Глухой кричалъ моя имъ сведена корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный дѣдъ
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ на брата
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата.

621. ЦИКЛОПЪ.

Языкъ и умъ теряя разомъ,
Гляжу на васъ единымъ глазомъ.
Единый глазъ въ главѣ моей.
Когда бъ судьбы того хотѣли,
Когда бъ имѣлъ я сто очей:
То всѣ бы сто на васъ глядѣли.

622. ОТВѢТЪ.

[Ек. Н. Ушаковой].

Я васъ узналъ, о мой оракулъ!
Не по узорной пестротѣ
Сихъ недописанныхъ каракулъ;
Но по веселой остротѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечитываю васъ
И восклицаю съ нетерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!
Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи—ледъ, сердца—гранитъ;
Здѣсь нѣтъ ни вѣтренности милой,
Ни музъ, ни Пр.... [Прѣсни], ни харитъ.

Митрополитъ Филаретъ.

623. ВЪ ЧАСЫ ЗАБАВЪ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ СКУКИ.

Стансы.

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

624. НЕ ТО БѢДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯКЪ.

[На Булгарина].

Не то бѣда, что ты Полякъ:
Костюшко Ляхъ,
Мицкевичь Ляхъ.
Пожалуй, будь себѣ Татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь Жидъ—и это не бѣда;
Бѣда, что ты Видокъ Фигляринъ.

625. ПОЭТУ.

Сонетъ.

Поэтъ! не дорожи любовію народной.
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородной.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ;
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

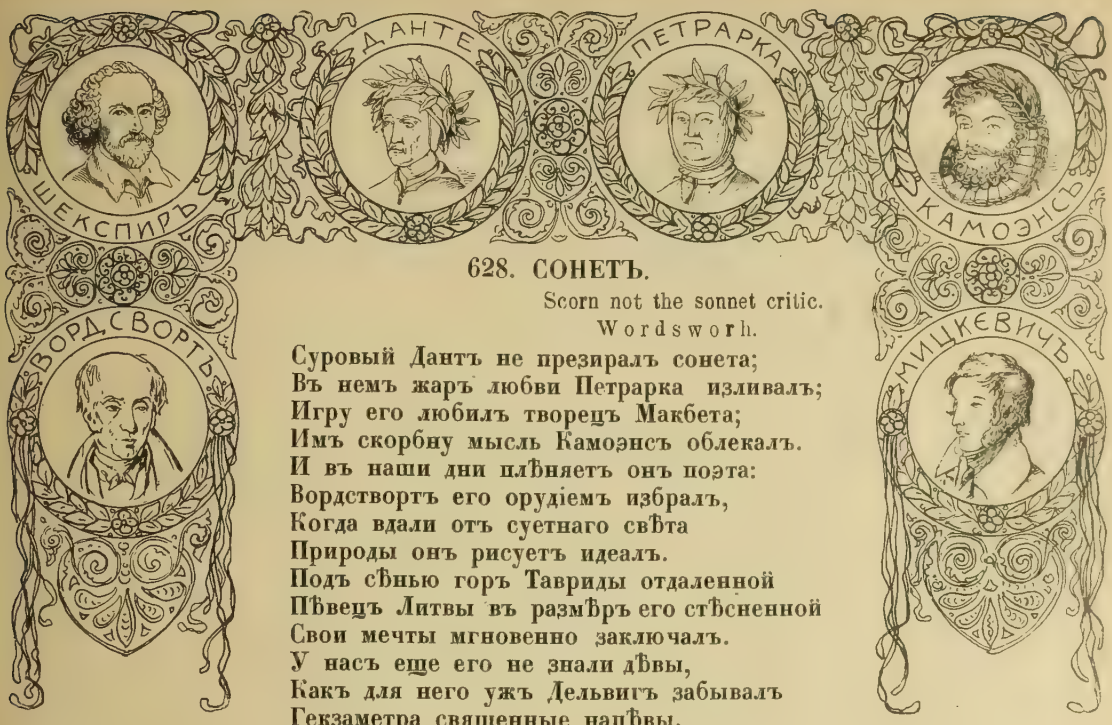
626. МАДОНА.

Сонетъ.

Не множествомъ картинъ старинныхъ мастеровъ
Украсить я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель,
Внимая важному сужденью знатоковъ.
Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ трудовъ,
Одной картины я желалъ быть вѣчно зритель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречистая и нашъ божественный Спаситель—
Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ—
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.
Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

627. НЕ ТО БѢДА, АВДЕЙ ФЛЮГАРИНЪ.

Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ,
Что родомъ ты не Русскій баринъ,
Что на Парнассѣ ты цыганъ,
Что въ свѣтѣ ты Видокъ Фигляринъ:
Бѣда, что скученъ твой романъ.



628. СОНЕТЪ.

Scorn not the sonnet critic.
Wordsworth.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ;
Игру его любилъ творецъ Макбета;
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ облекалъ.
И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордсвортъ его орудіемъ избралъ,
Когда вдали отъ суетнаго свѣта
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной
Пѣвецъ Литвы въ размѣръ его стѣсненной
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

629. ЦЫГАНЫ.

Съ англійскаго.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шатрами,
И огни разложены.
Здравствуй, шастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождалъ сіи шатры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете—но за вами
Не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ.
Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней тишины.

630. ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ,
Указываетъ путь и посохъ подаетъ;
О, кто бы ни былъ ты: старикъ ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищъ отдаленный,
Иль отрокъ, музами таинственно хранимъ,
Иль пола кроткаго стыдливый херувимъ,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабаго предметъ уединенный,
Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
И выстраданный стихъ, пронзительно-унылой,

Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой—
Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
Неблагосклонною киваетъ головой.
Постигнетъ ли пѣвца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье—
«Тѣмъ лучше,» говорятъ любители искусствъ:
«Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
И намъ ихъ передастъ.» Но щастіе поэта
Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
Когда боязненно безмолвствуетъ оно...

. . . . . .

631. ПАЖЪ, ИЛИ ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лѣтъ мнѣ скоро минетъ;
Дождусь ли радостнаго дня?
Какъ онъ впередъ меня подвинетъ!
Но и теперь никто не кинетъ
Съ презрѣньемъ взгляда на меня.
Ужъ я не мальчикъ; ужъ надъ губой
Могу свой усъ я защипнуть;
Я важенъ, какъ старикъ беззубой;
Вы слышите мой голосъ грубой:
Попробуй кто меня толкнуть!
Я нравлюсь дамамъ, ибо скроменъ,
И между ними есть одна...
И гордый взоръ ея такъ теменъ,
И цвѣтъ ланитъ ея такъ томенъ,
Что жизни мнѣ милѣй она.

Вечоръ она мнѣ величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядѣть налѣво и направо,
То дастъ она мнѣ яду—право,
Вотъ какова ея любовь!
Она строга, властолюбива,
Но я дивлюсь ея уму,
И ужасъ какъ она ревнива,
Зато со всѣми горделива
И мнѣ доступна одному.
Она готова хоть въ пустыню
Бѣжать со мной, презрѣвъ толпу.
Хотите знать мою богиню,
Мою Севильскую графиню?...
Нѣтъ, ни за что не назову!

632. ЭЛЕГІЯ.

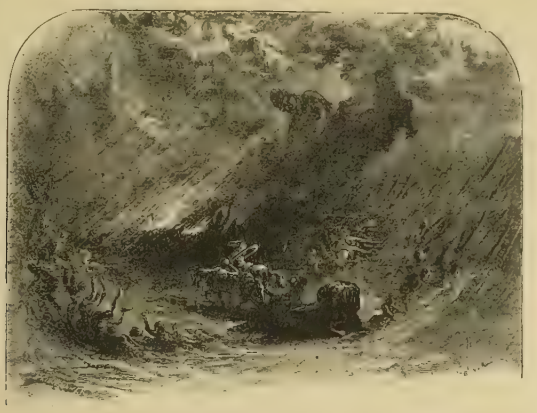
Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело какъ смутное похмѣлье,
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть—на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

---

633. БѢСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ динъ-динъ-динъ...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!
Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда не видно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ!
«Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
«Да кружитъ по сторонамъ.
«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня;
«Вонъ—теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной;
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
«И пропалъ во тмѣ пустой.»
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;

Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?—
«Кто ихъ знаетъ? пень, или волкъ?»
Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ;
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динъ-динъ-динъ...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.
Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! куда ихъ гонятъ?
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидомкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...



Виньетка къ «Бѣсамъ» И. Панова.

634. ТЫ ЦѢЛЫЙ СВѢТЪ УВѢРИТЬ ХОЧЕШЬ.

[На Булгарина].

Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь,
Что былъ ты съ *Чацкимъ* всѣхъ дружнѣй:
Ахъ ты безстыдникъ, ахъ злодѣй!
Ты и живыхъ бранишь людей,
Да и покойниковъ порочишь.

635. РУМЯНЫЙ КРИТИКЪ МОЙ, НАСМѢШНИКЪ ТОЛСТОПУЗОЙ.

Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой,
Готовый вѣкъ трунить надъ нашей томной Музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладимъ ли съ проклятою хандрой.
Что жъ ты нахмурился? Нельзя ли блажь оставить,
И пѣсенкою насъ веселой позабавить?
Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогой,
За ними черноземъ, равнины скатъ отлогой,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса.
Гдѣ жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ у низкаго забора
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,

А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ.
Вотъ, правда, мужичокъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ;
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка,
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно бъ ужъ схоронилъ!

636. РАЗСТАВАНІЕ.

Въ послѣдній разъ твой образъ милой
Дарзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой,
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.
Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ;
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.
Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

637. О С Е Н Ь.

Отрывокъ.

[Окончательно не отдѣланъ].

Чего въ мой дремлющій тогда не входитъ умъ.
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ;—ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей,
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ—
Журча еще бѣжитъ за мѣльницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей
И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы—

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны,
Скучна мнѣ оттепель: вонь, грязь—весной я боленъ:
Кровь бродитъ, чувства, умъ тоскою стѣснены;
Суровою зимой я болѣе доволенъ
Люблю ея снѣга, въ присутствіи луны
Какъ легкій бѣгъ саней съ подругой быстръ и воленъ,
Когда, подъ соболемъ согрѣта и свѣжа,
Она вамъ руку жметъ пылая и дрожа!

III.

Какъ весело, обувъ желѣзомъ острымъ ноги,
Скользить по зеркалу стоячихъ, ровныхъ рѣкъ!
А зимнихъ праздниковъ блестящія тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снѣгъ да снѣгъ
Вѣдь это наконецъ и жителю берлоги,
Медвѣдю надоѣстъ—нельзя же цѣлый вѣкъ
Кататься намъ въ саняхъ съ Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной да пыль, да комары да мухи.
Ты всѣ душевныя способности губя
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи;
Лишь какъ бы напоить, да освѣжить себя
Иной въ насъ мысли нѣтъ—и жаль зимы старухи,
И проводивъ ее блинами и виномъ,
Поминки ей творимъ мороженымъ и льдомъ.

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно
Но мнѣ она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно
Изъ годовыхъ временъ я радъ лишь ей одной
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславной,
<Я нѣчто въ ней нашелъ> мечтою своснравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна—
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ—
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ—

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса—
Люблю я пышное природы увяданье
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса—
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучь, и первые морозы,
И отдаленные сѣдой Зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я разцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь
Чредой слѣтаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ—я снова щастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ—таковъ мой организмъ
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздолiи открытомъ,
Махая кривою онъ всадника несетъ

И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ—
Но гаснетъ краткій день—и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ—то яркій свѣтъ лѣтъ
То тлѣетъ медленно; а я предъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ,—и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается Поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

(Стальные Рыцари, угрюмые Султаны,
Монахи, карлики, Арапскіе цари,
Гречанки съ четками, Корсары, Богдыханы,
Испанцы въ епанчахъ, Жиды, Богатыри,
Царевны плѣнныя, графини, великаны,
И вы любимицы златой моей зари—
Вы, барышни мои, съ открытыми плечами
Съ висками гладкими и томными очами).

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ;
Но, чу!—матросы вдругъ кидаются ползутъ
Вверхъ, въ низъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XIII.

Плыветъ... Куда жъ намъ плыть?—Какіе берега
Теперь мы посѣтимъ? Египетъ колоссальный,
Скалы Шотландіи, иль вѣчные снѣга...

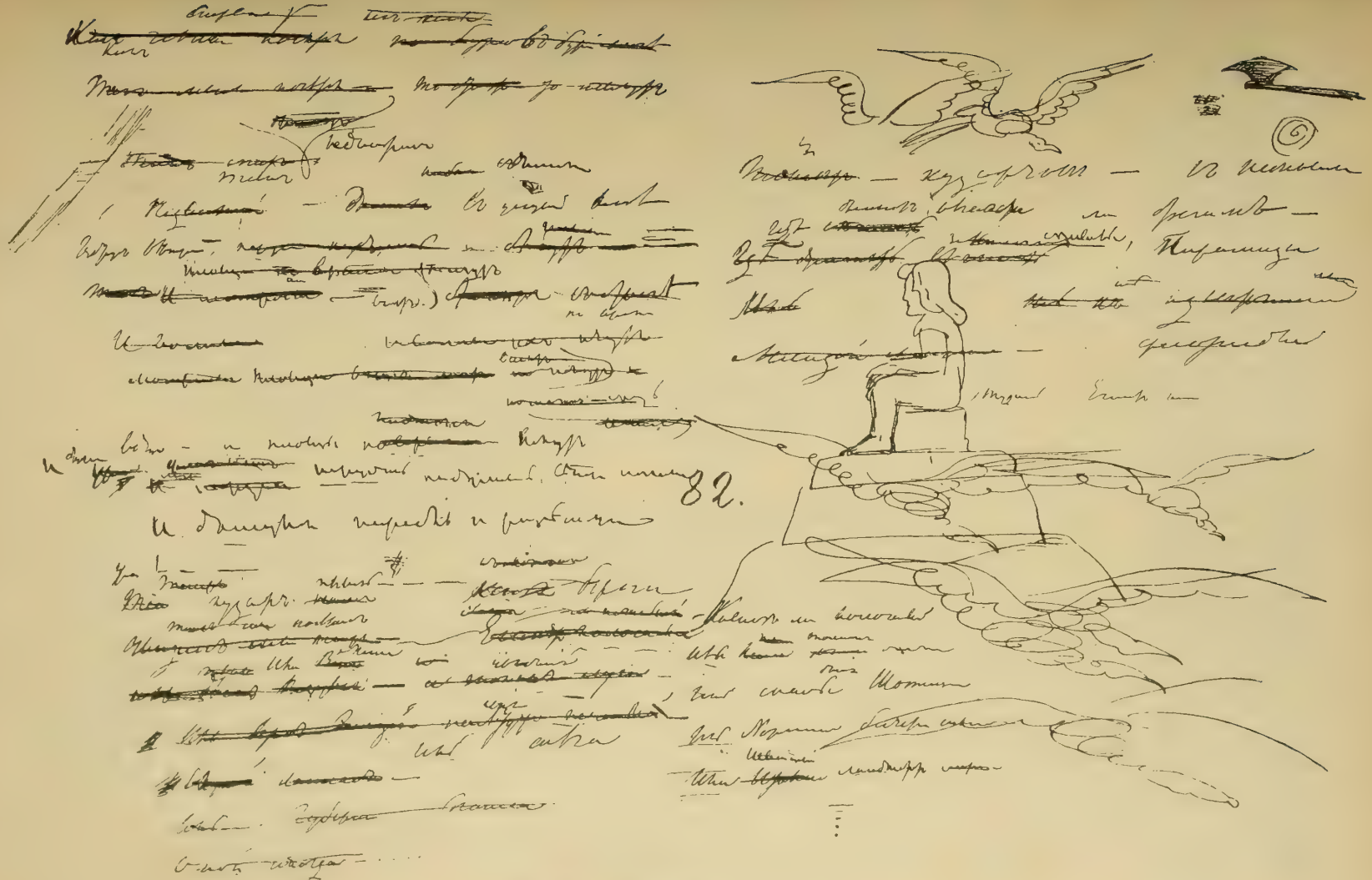
ДРУГОЙ КОНЕЦЪ ЭТОЙ НЕЗАКОНЧЕННОЙ И НЕОТДѢЛАННОЙ СТРОФЫ:

(см. автографъ-черновикъ на 87 стр.).

. . . . . Кавказъ-ли величавый
Иль скалы дикія Шотландіи
Иль Нор[мандіи] . . . . . снѣговой
Или Швейцаріи ландшафтъ

РИСУНОКЪ ПУШКИНА НА ЧЕРНОВИКѢ «ОСЕНИ».

Тетрадь Румянцев. музея № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые.



КОНЕЦЪ ЧЕРНОВИКА «ОСЕНИ».

(Тетрадь Румянцев. музея № 2371, л. 82). Воспроизводится впервые.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Давно обращено вниманіе на поразительное разнообразіе творчества Пушкина. Онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ «родахъ» поэзіи, старался перенять всѣ формы, выработанныя на Западѣ, словно спѣшилъ проложить для новой русской литературы просѣки по всѣмъ направленіямъ. Своимъ «Домикомъ въ Коломнѣ» Пушкинъ хотѣлъ усвоить русской поэзіи тотъ родъ шутливой романтической поэмы, который, въ тѣ годы, имѣлъ особенный успѣхъ въ Англіи и во Франціи. Если въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ, до извѣстной степени, подражалъ «Донъ-Жуану», то для «Домика въ Коломнѣ» онъ имѣлъ передъ собой, какъ образцы, «Беппо» Байрона и «Намуну» Альфреда де Мюссе.

Всѣ три поэмы, Байрона, Мюссе и Пушкина, написаны строфами. Общій тонъ во всѣхъ трехъ одинъ и тотъ же: легкой шутки; ко всему, чего касается разсказъ, авторы относятся съ насмѣшкой, но тѣмъ большую силу получаютъ отдѣльныя замѣчанія, сказанныя серьезно и грустно. На каждомъ шагу авторы прерываютъ свой разсказъ то вводными замѣчаніями, то длинными неожиданными отступленіями, словно забываютъ свой сюжетъ, говорятъ о вещахъ совершенно постороннихъ и возвращаются къ разсказу какимъ-нибудь восклицаніемъ, какъ, напр., у Мюссе: «Où diable en suis-je donc!» (Ср. у Пушкина въ Путешествіи Онѣгина: «А гдѣ, бишь, мой разсказъ несвязанный?»). Постоянно авторы выступаютъ передъ читателемъ, такъ сказать, изъ-за спины своихъ персонажей, говорятъ отъ перваго лица, охотно сообщаютъ о самихъ себѣ разныя интимныя подробности, превращаютъ эпическій разсказъ то въ лирику, то въ газетный фельетонъ, то въ дружескую болтовню.

Такая форма была очень по душѣ поэтамъ 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. Она открывала имъ возможность подъ видомъ шутки высказать много такого, что иные изъ нихъ не рѣшились бы сказать прямо. Она отвѣчала ихъ романтической жаждѣ во всемъ свободно проявлять свою личность. Наконецъ, смѣшивая въ одно всѣ условные «роды» лже-классической поэзіи, эта форма сама требовала отъ поэта, чтобы онъ руководился не правилами пінтики, но личнымъ вкусомъ и тактомъ. Сохранить свое достоинство среди постоянныхъ шутокъ, не стать ни надоѣдливымъ, ни вульгарнымъ, оставаясь занимательнымъ,— такова задача, которая вставала передъ авторами подобныхъ поэмъ; если ее удавалось разрѣшить Байрону, Мюссе и Пушкину, то далеко не всегда ихъ подражателямъ.

Если сравнивать «Беппо» и «Домикъ въ Коломнѣ» строфу за строфой, то мѣстами повѣсть Пушкина кажется прямымъ подражаніемъ, почти переводомъ. Какъ не узнать октавъ «Домика въ Коломнѣ» въ такихъ, напр., строфахъ Байрона:

> «Пользуясь первой попавшейся риѳмой изъ словаря Уокера, я приплетаю ее къ моему блуждающему стиху, а за неимѣніемъ подходящей не брезгаю и худшей и не обращаю вниманія, какъ бы то слѣдовало, на коварство критиковъ. Я бы даже былъ не прочь снизойти до прозы, но стихи болѣе въ модѣ, и вотъ я ихъ и сочиняю». (Стр. LII).

«Но возвращаюсь,—снова возвращаюсь. Чортъ возьми, нить этого разсказа постоянно выскальзываетъ изъ моихъ рукъ; онъ довольно медленно подвигается впередъ, потому что я долженъ сообразоваться съ требованіями строфы: я началъ въ этой стихотворной формѣ, не могу ее теперь произвольно измѣнить и долженъ сохранить тактъ и напѣвъ, какъ общественные пѣвцы. Но если я, наконецъ, не справлюсь съ настоящимъ размѣромъ, то изберу себѣ другой, какъ только будетъ досугъ». (Стр. LXIII).

Но, конечно, было бы въ высшей степени несправедливо ставить эту близость въ вину Пушкину. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ свободнымъ заимствованіемъ, когда поэтъ чужое претворяетъ въ свое. Такъ Вергилій подражалъ Гомеру; такъ всѣ античные поэты подражали своимъ предшественникамъ, оставаясь вполнѣ оригинальными. Къ тому же, самая форма шутливой поэмы, хотя и была разработана романтиками, вовсе не была ихъ изобрѣтеніемъ: ее можно найти у старыхъ итальянскихъ поэтовъ, у Вольтера и др. И А. де Мюссе, въ «Намунѣ», предвидя упрекъ въ подражательности, заранѣе отвѣтилъ своимъ критикамъ:

Byron, me direz-vous, m'a servi de modèle.
Vous ne savez donc p s qu'il imitait Pulci?

У Пушкина, какъ у его предшественниковъ, большая часть отступленій сгруппирована въ первой половинѣ поэмы. Въ этихъ отступленіяхъ всего характернѣе сказалась разница трехъ поэтовъ или, вѣрнѣе, трехъ странъ. Всего разнообразнѣе отступленія Байрона; онъ говоритъ не только о «cavaliers servents» и о соусахъ для рыбы, но и о свободѣ печати и пера, о Habeas Corpus, о парламентскихъ преніяхъ, которыя дороги поэту «если не затягиваются слишкомъ долго», о «небольшихъ волненіяхъ», которыя «имѣютъ цѣлью показать, что Англія—свободная страна», и т. д. У Мюссе всѣ отступленія вращаются около вопросовъ любви. Онъ жестоко осмѣиваетъ французское лицемѣріе, противопоставляетъ Манонъ Леско, «столь истинно человѣчную», Элоизѣ, этой «пустой тѣни», славитъ Донъ-Жуана съ его «тремя тысячами женщинъ» и т. д. Вниманіе Пушкина почти исключительно занято вопросами литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, вся первая половина повѣсти Пушкина (стр. I—XXI) говоритъ только о литературныхъ дѣлахъ и, къ сожалѣнію, о литературныхъ дрязгахъ своего времени. Сначала съ остроумной шутливостью и съ поразительной мѣткостью онъ дѣлаетъ характеристику разныхъ размѣровъ стиха, бывшихъ наиболѣе обычными въ его время: четырехстопнаго ямба, гекзаметра, александрійскаго стиха, октавы. Тутъ же онъ бросаетъ нѣсколько острыхъ замѣчаній о романтизмѣ. Однако, скоро приходятъ ему на память его «журнальные пріятели», и онъ, пожалуй, больше, чѣмъ слѣдовало бы, отводитъ мѣста въ своихъ октавахъ «углу Сѣверной Пчелы», преслову-той «тѣлогрѣйкѣ» *), Московскимъ журналамъ и вообще тѣмъ критикамъ, «наѣхавъ» на которыхъ поэту не оставалось ничего другого, какъ пригласить ихъ къ обѣду **). Эти строфы (XV—XXII), которыя, впрочемъ, самъ Пушкинъ и не напечаталъ, остаются горестнымъ свидѣтельствомъ, какъ больно ощущалъ онъ ту травлю, которую предприняли противъ него въ тѣ годы критики и которую онъ старался презирать. Можетъ быть, изображая современный ему «литературный таборъ», Пушкинъ не безъ горечи написалъ отъ перваго лица:

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо...

Несомнѣнно, что, создавая эти вступительныя строфы своей повѣсти, Пушкинъ имѣлъ въ виду и читателей, для которыхъ литературные интересы стояли на первомъ планѣ. Чтобы шутить надъ «стихомъ александрійскимъ», надъ «цезурой на второй стопѣ» или надъ «риѳмой наглагольной», надо быть увѣреннымъ, что читатели поймутъ эти термины и интересуются этими вопросами. Мѣстами Пушкинъ требуетъ отъ своего читателя прямо рѣдкое знаніе стихотворной техники. Чтобы вполнѣ почувствовать октаву, которую Пушкинъ рѣшается «пустить на п е», или ту, гдѣ онъ говоритъ о «господинѣ Копѣ», надо знать, какъ мало въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующихъ риѳмъ и какой tour de force сдѣланъ поэ-

*) См. вар. строфы XV. Пушкинъ намекаетъ на выраженіе Ивана Кирѣевскаго «душегрѣйка новѣйшаго уныніе», которое было подхвачено журналами своего времени и постоянно, съ насмѣшкой, повторялось въ разныхъ статьяхъ.

**) Въ этомъ выраженіи можно видѣть намекъ на свѣтскія отношенія Пушкина къ Булгарину и къ ему подобнымъ.

томъ, когда онъ отважился поставить эти слова на концѣ своего стиха.

Вторая половина повѣсти занята собственно разсказомъ. Пушкинъ ко времени созданія «Домика въ Коломнѣ» разочаровался въ эффектныхъ сюжетахъ, которыми онъ увлекался, когда писалъ «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскій Фонтанъ» и отчасти «Цыганъ». Понемногу онъ пришелъ къ убѣжденію, что все низменное и ничтожное столь же можетъ быть содержаніемъ поэтическаго созданія, какъ возвышенное и трагическое. Въ Путешествіи Онѣгина, которое писалось за годъ или за два до «Домика въ Коломнѣ», уже есть замѣчательная въ этомъ отношеніи строфа:

Порой дождливою намедни
Я завернулъ на скотный дворъ...

Позднѣе, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», Пушкинъ избралъ своимъ героемъ бѣднаго Евгенія, а въ «Родословной моего героя» вступилъ въ знаменательный споръ съ критикомъ:

—«Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?»
—А что? Коллежскій регистраторъ?
. . . . . .
Зачѣмъ крутится вихрь въ оврагѣ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой?

«Домикъ въ Коломнѣ»—какъ бы примѣръ къ этой новой поэтикѣ Пушкина. Создавая эту повѣсть, онъ могъ сравнивать себя съ орломъ, который летитъ прочь отъ горъ и мимо высокихъ башенъ на гнилой пень. Поэтъ повѣствуетъ о мелкихъ волненіяхъ какой-то Параши и ея матери, тогда какъ сотни героевъ и тысячи «возвышенныхъ предметовъ» тщетно ждутъ своего пѣвца *). Онъ упрямо ведетъ свой «разсказъ безсвязный», не слушая криковъ «глупца»: «Куда? куда? дорога здѣсь»! или упрековъ «черни»: «О чемъ поетъ? чему насъ учитъ?» А на всѣ вопросы о моральномъ смыслѣ повѣсти отвѣчаетъ съ явной насмѣшкой:

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно.

Лучшая оцѣнка «Домика въ Коломнѣ» принадлежитъ Бѣлинскому, который писалъ: «Поэтическія произведенія также имѣютъ свой колоритъ, какъ и произведенія живописи, и если колоритъ въ картинахъ цѣнится такъ высоко, что иногда только онъ одинъ и составляетъ все ихъ достоинство, то такъ же точно колоритъ долженъ цѣниться и въ поэтическихъ произведеніяхъ. Правда, онъ меньше всего доступенъ большинству читателей, которые, по обыкновенію, прежде всего хватаются за содержаніе, за мысль, мимо формы». Заключительная строфа повѣсти Пушкина не оставляетъ сомнѣнія, что онъ сознательно хотѣлъ показать, какъ мало значенія въ поэтическомъ созданіи придавалъ онъ «сюжету» и «морали», которые, въ сущности, только предлогъ (можетъ быть, излишній) для поэта, чтобы выразить свою душу многообразными средствами слова.

Написанъ «Домикъ въ Коломнѣ» въ 1830 г., въ Болдинѣ. Послѣ XII строфы: въ рукописи есть помѣта: «5 октября»; въ концѣ другая—: «10 октября». Впервые повѣсть была напечатана въ 1833 г., въ альманахѣ «Новоселье», съ помѣтой «1829 г.», которой нельзя довѣриться. Друзьямъ Пушкина повѣсть была извѣстна еще до своего появленія въ печати, и Гоголь, еще въ 1831 г., писалъ изъ Царскаго Села А. Данилевскому: «У Пушкина повѣсть, октавами писанная, «Кухарка», въ которой вся Коломна и петербургская природа—живыя».

Въ свое время «Домикъ въ Коломнѣ» не имѣлъ никакого успѣха. Л. С. Пушкинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о братѣ: «Когда появилась его шутка «Домикъ въ Коломнѣ», то публика увидѣла въ ней такой полный упадокъ его таланта, что никто, изъ снисходительнаго приличія не упоминалъ при немъ объ этомъ сочиненіи».

Отъ П. А. Плетнева узнаемъ, откуда Пушкинъ почерпнулъ краски для «Домика въ Коломнѣ». «Пушкинъ,—сообщаетъ онъ, вышедши изъ Лицея, дѣйствительно жилъ въ Коломнѣ *), надъ Корфами, близъ Калинкина моста, на Фонтанкѣ, въ домѣ,

*) См. «Родословную моего героя»:
Стремиться къ небу долженъ геній,
Обязанъ избранный поэтъ
Для вдохновенныхъ пѣснопѣній
Избрать возвышенный предметъ,
Что пѣтъ къ тому же перевода
Прямымъ героямъ... и т. д.

*) Часть Петербурга, прилегающая теперь къ Маріинскому театру, церкви Покрова, Калинкинскому мосту.

бывшемъ тогда Клокачева. Здѣсь я познакомился съ нимъ. Описанная гордая графиня (стр. XXXV) была дѣвица Буткевичъ, вышедшая за семидесятилѣтняго старика—графа Стройновскаго; нынѣ она уже за генераломъ Зуровымъ... Каждый стихъ для меня есть воспоминаніе или отрывокъ изъ жизни».

Надо замѣтить, что при жизни Пушкина повѣсть появилась въ печати не полностью, безъ строфъ IV—IX и XV—XXII. Эти строфы были найдены въ бумагахъ Пушкина, переписанными отдѣльно, съ надписью: «Сіи октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной». Изъ этого можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать эти строфы отдѣльно. Впрочемъ, онѣ явно не закончены. Такъ между VIII—IX строфой несомнѣненъ пропускъ одной или, вѣроятнѣе, двухъ октавъ, въ которыхъ дѣлалась бы характеристика октавѣ. Отвергнувъ въ VIII строфѣ александрійскій стихъ, Пушкинъ заканчиваетъ строфу IX восклицаніемъ:

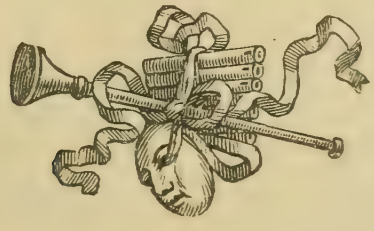
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру е г о себѣ.

Слово «его», какъ и все предыдущее четверостишіе, можетъ относиться только къ октавамъ, писаннымъ пятистопнымъ ямбомъ, о которыхъ раньше не говорится ни слова. Незаконченность работы чувствуется еще въ томъ, что не вездѣ строго выдержана смѣна мужскихъ и женскихъ риѳмъ (строфы V—VI, VII—VIII). Наконецъ, въ строфѣ L недостаетъ стиха.

Съ внѣшней стороны «Домикъ въ Коломнѣ» написанъ тѣмъ пятистопнымъ ямбомъ, который Пушкинъ усвоилъ себѣ во второй періодъ своей дѣятельности (см. предисловіе къ «ГавріліадѢ», томъ II, стр. 602), т.-е. со свободной цезурой. Несмотря на то, что съ самаго начала Пушкинъ разрѣшилъ себѣ (строфа II) «въ риѳмѣ брать глаголъ»,—глагольныхъ риѳмъ въ повѣсти немного, всего 15 на общее число 162 риѳмъ. Зато нѣсколько разъ Пушкинъ позволилъ себѣ риѳмы болѣе или менѣе сомнительныя: «знать—узнать» (стр. IX), «хочу — свищу» (стр. XVIII), «меня—воробья» (стр. XIX), «вмѣсто—на мѣстѣ» стр. XXIV и т. д.

Изъ строфъ XVIII—XX явно, что первоначально Пушкинъ думалъ издать свою повѣсть безъ подписи своего имени.

Валерій Брюсовъ.



ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

Modo vir, modo foemina.

Ov. [idius].

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ пишетъ всякой. Мальчикамъ въ забаву
Пора бъ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу!
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ;
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ*** [Шихматовъ] богомольной,
По большей части такъ и я пишу.
Къ чему? скажите; ужъ и такъ мы голы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней за ихъ плохую стать,—
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ—
Всѣ годны въ строй: у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы, хрипнули (но хрипъ вашъ приумолкъ),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мѣлочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

(Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы, лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мѣлочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ!

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой...
Съ Гекзаметромъ... о, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ-мочь. А стихъ александрійской?
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкой
И съ жаломъ даже—точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной пінтикѣ на зло
Разтрепанъ онъ свободною цезурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
Гроза нещастныхъ мѣлкихъ рифмачей!
И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и Царей!
И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты, Делиль, Парнасскій муравей,
Что бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя—
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя.

IX.

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

X.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Ровняйтеся, вытягивайте ноги
И по три врядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги;
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цыфрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

XII.

Не много отдохнемъ на этой точкѣ.
Что? перестать или *пустить на пе*?...
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе, стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ трескомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
Но Невскому граниту, иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

XIV.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодецъ
Изсохъ. Поросъ крапивою Парнассъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но Муза никому здѣсь не грози—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы!

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барской судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И, ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими: верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ-за угла смѣяться надо всѣми.
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги... потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу—
Порой я стихъ повертываю круго,
Все жъ видно—не впервой я имъ верчу.
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Что жъ? Поклонюсь — и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покамѣсть можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодого воробья,
За новичка въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу быть можетъ мнѣ, друзья,

Отведена особенная полка—
А можетъ быть впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой
Другова строгой критикъ пощелкалъ!
Ужъ то-то бъ неожиданной развязкой!
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ:
Меня съ октавами моими купно.
Однако жъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ; а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ!..
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взялъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у Г [осподина] Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
Насилу-то, рифмачъ я безразсудный,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!)

XXIII.

Усядься, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвушка!
Теперь начнемъ.—Жила была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу я теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ.
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
И вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ?—И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы охватилъ кругомъ,
То моему бъ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославитъ
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью.
Мнѣ Докторомъ запрещена унылость:
Оставимъ это,—сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь-въ-точь
Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови—темныя какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна—какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «*Стонетъ сизый голубокъ*»
И «*Выду ль я*» и то—что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло Русская дѣвица,
Какъ Музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

СОВРЕМЕННЫЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ «ДОМИКУ ВЪ КОЛОМНѢ».

(«Новоселье», 2-ое изд. 1845. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домикъ «за самой будкой»).

XXX.

Параша (такъ звалась красотка наша)
Умѣла мыть и гладить, шить и плесть;
Всѣмъ домомъ правила одна Параша
Поручено ей было счеты весть,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный трудъ ей помогала несть
Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

XXXI.

Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
Раскладывала карты и гадала.
Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
То у окна, то на дворѣ мелькала,
И кто бы ни проѣхалъ иль не шёлъ,
Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
Но лѣтомъ до-ночи растворено
Всы было въ домѣ. Блѣдная Діана
Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
(Безъ этого ни одного романа
Не обойдется: такъ заведено!).
Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка—на луну еще смотрѣла.

XXXIII.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ—
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса налѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
Въ Коломну, къ Покрову—и въ воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня. . (звали какъ, не помню право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!).
Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй.

XXXVI.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самомъ себѣ, въ волшебствѣ моды
новой
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеалъ
Тщеславія. Его бъ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгія печали,
Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ;
Невольный взоръ они то привлекали...
Но это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хоть была прекрасна
И молода, хоть жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фиміамъ,—она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей змѣею кудри русы,
Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ,
На тонкой шеѣ восковыя бусы—
Нарядъ простой: но предъ ея окномъ
Все жъ ѣздили Гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга Гофъ-Фурьера).

XLI.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегка. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

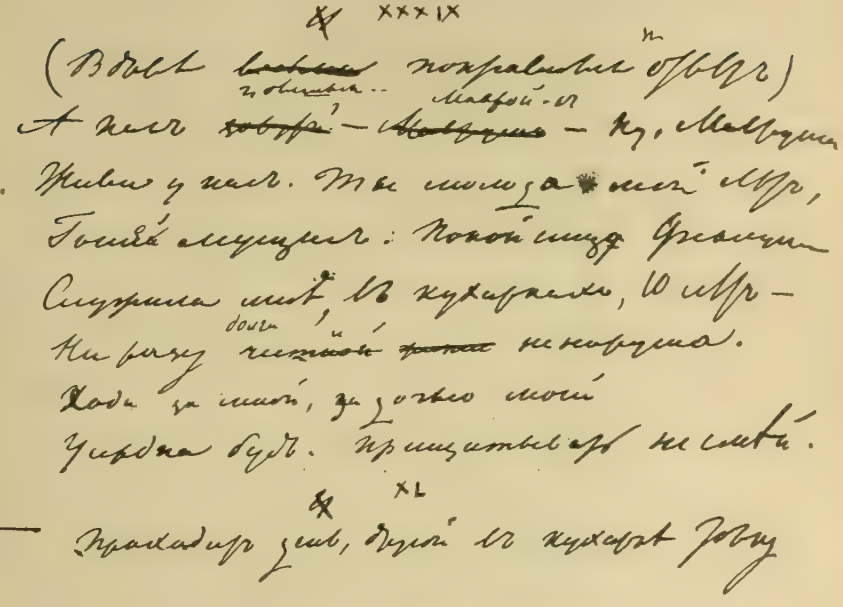
Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала что два, три дня—не долѣ—
Жить можно безъ кухарки; что не льзя
Предать свою трапезу Божьей волѣ.
Старушка кличетъ дочь: «Параша!»—«Я»!
—«Гдѣ взять кухарку? Свѣдай у сосѣдки,
Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.»—

XLIII.

—«Узнаю, маменька». И вышла вонъ,
Закутавшись (зима стояла грозно,
И снѣгъ скрыпѣлъ, и синій небосклонъ,
Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
Вдова ждала Парашу долго; сонъ
Ее клонилъ тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо къ ней вошла,
Сказавъ:—«Вотъ я кухарку привела».

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь.
Высокая, собою недурная,
Шла дѣвушка и, низко поклонясь,
Прижалась въ уголъ, фартукъ разбирая.
—«А что возьмешь?» спросила, обратясь,
Старуха.—«Все, что будетъ вамъ угодно,»
Сказала та смиренно и свободно.



ИЗЪ РУКОПИСИ «ДОМИКА ВЪ КОЛОМНѢ».

(*Румянц. Музей № 2376, А. Листъ 4 оборотъ. Воспроизводится впервые*).

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
—«А какъ зовутъ?»—«А Маврой.» «Ну, Маврушa,
Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
Гоняй мужчинъ. Покойница Ѳеклуша
Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
Ниразу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смѣй.»—

XLVI.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переваритъ,
То пережаритъ, то съ посудой полку
Уронитъ; вѣчно все пересолитъ,
Шить сядетъ—не умѣетъ взять иголку;
Ее бранятъ—она себѣ молчитъ;
Вездѣ, во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь,—
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашелъ испугъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ МаврушкѢ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой,
Мнѣ что-то страшно». Дочь не разумѣла

Современныя иллюстраціи къ «Домику въ Коломнѣ».

МАВРУША БРѢЕТСЯ.

Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье» 1833 г.).

Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла,—
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла—и что жъ? о Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та въ торопяхъ съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

LI.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
—«Что, маменька?»—Ахъ, Пашинька моя!
Маврушка...—«Что, что съ ней?»—Кухарка наша...
Опомниться досель не въ силахъ я...
За зеркальцемъ... вся въ мылѣ...»—«Воля ваша
Мнѣ право ничего понять нельзя;
Да гдѣ жъ Мавруша?»—«Ахъ, она разбойникъ!»
Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!»—

LII.

Параша закраснѣлась или нѣтъ,
Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки

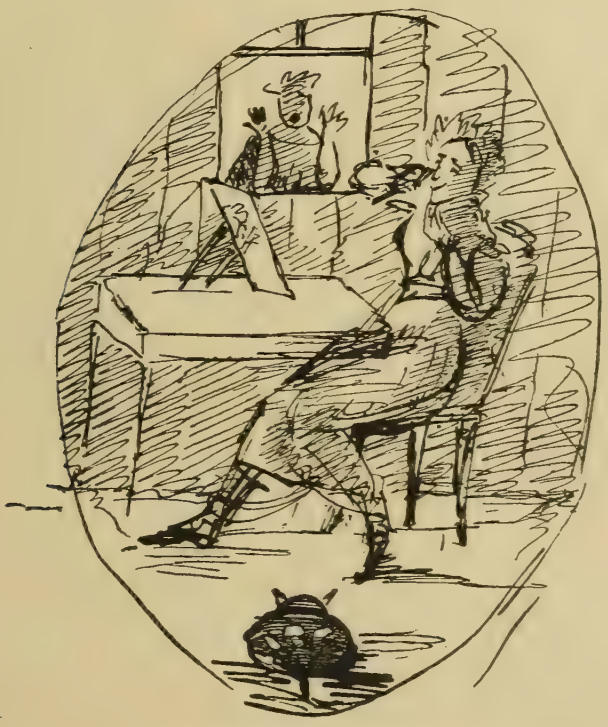
Съ тѣхъ поръ какъ не было—простылъ и слѣдъ;
Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

LIII.

—«Какъ! развѣ все тутъ? Шутите! «Ей-Богу.»
—«Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвальбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоученья?»
—«Нѣтъ... или есть... минуточку терпѣнья...

LIV.

Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юбку странно и напрасно:
Когда нибудь придется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ расказа моего.»



МАВРУША БРѢЕТСЯ.

(Румянц. Музей, тетрадь № 2376 А., л. 5 об.).

Рисунокъ Пушкина.

639. (ИЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ).

Куда же ты?—Въ Москву, чтобъ графскихъ именинъ
Не прогулять мнѣ здѣсь.—Постой, а карантинъ?
Вѣдь въ нашей сторонѣ Индѣйская зараза;
Сиди, какъ у воротъ угрюмаго Кавказа—
Бывало сиживалъ покорный твой слуга.
Что братъ? Ужъ не трунишь, тоска беретъ—ага!

---

640. ОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

---

641. МОЯ РОДОСЛОВНАЯ ИЛИ РУСКОЙ МѢЩАНИНЪ.

Вольное подражаніе лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки Рускіе, толпой,
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй—вздоръ какой.
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не Академикъ, не профессоръ,
Я просто—руской мѣщанинъ.
Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ,—
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я мѣщанинъ! Я мѣщанинъ!
Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократомъ
Я слава Богу мѣщанинъ.
Мой предокъ Радша, службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный
Иванъ IV пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.
Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили.
Но я... я темный мѣщанинъ.
Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ;
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой,
Не любитъ споровъ Властелинъ,
Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.
Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра,
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ.
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.
Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
И не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто, не Мусинъ,
Я самъ большой, не царедворецъ:
Я грамотей, я мѣщанинъ.

P. S.

Видокъ Фигляринъ сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома,
И въ руки шкиперу попалъ.
Сей шкиперъ былъ-тотъ шкиперъ славный

Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля;
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ—а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.—
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ мѣщанской дворянинъ.

642. СТАМБУЛЪ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТЪ.

Стамбулъ Гяуры нынче славятъ,
А завтра кованой пятой
Какъ змія спящаго, раздавятъ,
И прочь пойдутъ—и такъ оставятъ.
Стамбулъ заснулъ передъ бѣдой.
Стамбулъ отрекся отъ Пророка;
Въ немъ правду древняго Востока
Лукавый Западъ омрачилъ—
Стамбулъ, для сладостей порока
Мольбѣ и саблѣ измѣнилъ,
Стамбулъ отвыкъ отъ поту битвы
И пьетъ вино въ часы молитвы.
Въ немъ вѣры чистый лучь потухъ:
Въ немъ жены по базару ходятъ
На перекрестки шлютъ старухъ,
А тѣ мущинъ въ Харемы вводятъ,
И спитъ подкупленной евнухъ.
Но не таковъ Арзрумъ нагорной,
Многодорожный нашъ Арзрумъ:
Не спимъ мы въ роскоши позорной,
Не черпемъ чашей непокорной
Въ винѣ развратъ, огонь и шумъ.
Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны насъ поятъ—
Толпой неистовой и рѣзвой
Джигиты наши въ бой летятъ;
Мы къ женамъ, какъ орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоятъ.
Алла великъ!
Къ намъ отъ Стамбула
Пришелъ гонимый янычаръ—
Тогда насъ буря долу гнула
И палъ неслыханный ударъ.
Отъ Рущука до старой Смирны,
Отъ Трапезунда до Тульчи,
Скликая псовъ на праздникъ жирный,
Толпой ходили палачи:
Треща въ объятіяхъ пожаровъ,
Валились домы янычаровъ;
Окровавленные зубцы
Вездѣ торчали; угли тлѣли;
На кольяхъ скорчась мертвецы
Окоченѣлые чернѣли—
Алла великъ—тогда Султанъ
Былъ духомъ гнѣва обуянъ...

643. ЗАКЛИНАНІЕ.

О, если правда, что въ ночи,
Когда покоятся живые
И съ неба лунные лучи
Скользятъ на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустѣютъ тихія могилы—
Я тѣнь зову, я жду Леилы:
Ко мнѣ, мой другъ, сюда, сюда!
(Явись, возлюбленная тѣнь,
Какъ ты была передъ разлукой,
Блѣдна, хладна какъ зимній день,
Искажена послѣдней мукой.
Приди, какъ дальняя звѣзда,
Какъ легкій звукъ иль дуновенье,
Иль какъ ужасное видѣнье,
Мнѣ все равно: сюда, сюда!)
Зову тебя, не для того,
Чтобъ укорять того, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтобъ извѣдать тайны гроба:
Не для того, что иногда
Сомнѣньемъ мучусь... но, тоскуя,
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой. Сюда, сюда!

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Какъ произведеніе драматическое, съ точки зрѣнія всеобщихъ законовъ эстетики, безъ всякого отношенія къ той или другой національной психологіи, «Скупой Рыцарь» долженъ быть безпорно причисленъ къ шедеврамъ всемірной литературы. Въ этомъ небольшомъ по размѣрамъ, но неограниченномъ и потому какъ-бы безграничномъ по глубинѣ и цѣльности драматическомъ этюдѣ геній Пушкина отразился во всей своей силѣ и легкости. Стихъ доведенъ до того предѣла совершенства, гдѣ теряются или, вѣрнѣе, примиряются, всѣ различія между языкомъ прозы и поэзіи, гдѣ всѣ достоинства прозы,—непринужденность, точность и общепонятность,—совпадаютъ съ требованіями поэзіи,—вдохновенностью и подъемомъ рѣчи. Замѣтимъ кстати, что въ этомъ искусствѣ оставаться на вершинахъ вдохновенія, не измышляя условнаго поэтическаго языка и не насилуя законовъ обычной рѣчи, у Пушкина вообще нѣтъ соперниковъ во всемірной поэзіи. Но даже у него немного найдется страницъ, гдѣ-бы въ самомъ стилѣ синтезъ прозаической правдивости и поэтической необычайности былъ доведенъ до такой полноты, какъ, напримѣръ, въ монологѣ «Скупого Рыцаря». Если разсматривать этотъ монологъ съ точки зрѣнія лексической или грамматической, то мы должны будемъ признать его ритмической прозой. Что можетъ быть естественнѣе, въ смыслѣ употребленія словъ и разстановки ихъ, слѣдующихъ хотя-бы стиховъ:

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка,
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ...

Нельзя выразить ту-же мысль въ прозѣ другими, болѣе простыми словами или иначе разставленными. Пушкинъ не прибѣгъ ни къ одной изъ тѣхъ условностей, которыми на его мѣстѣ непремѣнно воспользовался-бы Байронъ или Шелли, а между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что приведенные стихи жизненно, органически поэтичны. Искра поэтическаго воодушевленія пронизала обыкновенныя слова, и они превратились въ чистѣйшее поэтическое золото.

Совершенству формы въ «Скупомъ Рыцарѣ» соотвѣтствуетъ глубина содержанія. Хотя характеры дѣйствующихъ лицъ намѣчены лишь въ общихъ очертаніяхъ и о каждомъ изъ нихъ говорится лишь самое нужное, но черты ихъ изваяны съ такой отчетливостью, такой увѣренной рукою, что отъ небольшого этюда получается впечатлѣніе, какъ отъ многосложной драмы. Эта скульптурная отчетливость изображенныхъ характеровъ при наименьшей тратѣ усилій со стороны художника получается отъ того, что всѣ три главныхъ персонажа драмы,—старый баронъ, его сынъ и жидъ Соломонъ,—связаны между собою не только драматически, но и психологически, служатъ другъ для друга не только необходимымъ средствомъ для развитія интриги, но еще зеркаломъ и фономъ, такъ что каждый изъ нихъ получаетъ всю свою рельефность отъ сосѣдства съ другимъ, по закону подобій и контрастовъ. Центральное мѣсто въ драмѣ занимаетъ скупой рыцарь, центральная тема драмы—освѣщеніе художественно-воплощенной въ немъ страсти скупости.

Что такое скупость? Каково ея необходимое, роковое, трагическое содержаніе? Ходячее мнѣніе о скупости считаетъ ее не только порокомъ, но еще порокомъ низкимъ, презрѣннымъ; скупецъ рисуется въ воображеніи народномъ безсильнымъ старикомъ, трусливо скрывшимся отъ взоровъ людскихъ, жадно, трепетно сгорбившимся надъ грудой золота, забывшимъ честь и совѣсть ради денегъ и какъ-бы продавшимъ чорту душу. Это ходячее, вульгарное, поверхностное опредѣленіе скупости Пушкинъ отвергаетъ самымъ заглавіемъ: «Скупой Рыцарь». Можно быть скупымъ, не переставая быть рыцаремъ,—эти два понятія, оказывается, совмѣстимы. Скупость—

одна изъ всепоглощающихъ страстей, и, какъ всякая страсть, она является выраженіемъ силы, а сила—единственный источникъ и единственный залогъ благородства. Это отрицательное опредѣленіе скупости становится художественно-наглядымъ въ сценѣ столкновенія скупого рыцаря съ рыцаремъ несомнѣннымъ, съ рыцаремъ безъ страха и упрека, какимъ представляется намъ молодой баронъ Альберъ. Оскорбленный въ своей чести, старый скупецъ мгновенно забываетъ о вѣрныхъ подвалахъ, о сундукахъ съ золотомъ, о завѣтныхъ ключахъ:

Я лгу? И передъ нашимъ Государемъ?
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я!

Конечно, онъ рыцарь. И, бросая перчатку родному сыну, онъ поступаетъ вполнѣ въ духѣ рыцарства того «ужаснаго вѣка».

Такимъ образомъ, сцена у герцога создана съ двойною цѣлью: во-первыхъ, съ драматической—чтобы разрѣшить непримиримый конфликтъ между скупостью и радостью жизни и, во-вторыхъ, съ цѣлью психологической — чтобы показать, что, кромѣ жадности къ золоту, во всемъ остальномъ старый баронъ такой же рыцарь, какъ и его сынъ, одинаково гордый, безстрашный, вѣрный культу чести.

Но недовольствуясь этимъ сопоставленіемъ по методу подобія, Пушкинъ прибѣгаетъ еще къ болѣе яркому методу контраста. На ряду съ барономъ выводится жидъ Соломонъ, который также служитъ кумиру денегъ, также жаденъ въ пріобрѣтеніи и безжалостенъ при взысканіи. Ужъ, конечно, жидъ Соломонъ не сжалится надъ вдовой, которую онъ можетъ посадить въ тюрьму за долгъ ея мужа, и не откажется отъ дублона, принесеннаго бродягой Тибо. Въ своей любви къ деньгамъ онъ идетъ дальше барона, не довольствуется одними законными средствами наживы, но торгуетъ ядомъ и не брезгуетъ преступленіемъ. На поверхностный взглядъ можетъ показаться, что жидъ поклоняется тому-же богу, какъ и баронъ, и одержимъ тѣмъ-же недугомъ скупости. Но вглядитесь пристальнѣе, и вы увидите, что сходство между барономъ и жидомъ только наружное, что въ своемъ отношеніи къ міру они стоятъ на разныхъ, противоположныхъ полюсахъ. Въ любви жида къ деньгамъ нѣтъ ничего необъяснимаго, мистическаго. Онѣ для него, такъ же, какъ для Альбера, какъ для большинства нормальныхъ людей, не цѣль, а средство, и если жидъ неистовѣе служитъ деньгамъ, чѣмъ другіе, то потому, что положеніе его въ мірѣ исключительное. Онъ на чужбинѣ. Онъ отвыкъ защищать себя съ оружіемъ въ рукахъ и оттого сталъ слабъ и трусливъ. Оскорбленія—это та атмосфера, среди которой онъ вынужденъ жить, если хочетъ жить. Безоружный въ толпѣ вооруженныхъ, онъ всѣ свои надежды возлагаетъ лишь на свое имущество. Для него золото—тоже, что щитъ для черепахи, что иглы для ежа,—единственное средство не быть раздавленнымъ многочисленными, снующими кругомъ врагами. Не таковъ баронъ. Онъ живетъ среди своихъ; онъ находился въ милости у стараго герцога, предъ нимъ открытъ входъ ко двору, ему дороги интересы родной страны, и онъ не притворяется, когда говоритъ герцогу:

Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ кряхтя влѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

И, что всего важнѣе, баронъ не напуганъ жизнью и, даже находясь среди своихъ завѣтныхъ сундуковъ, не чувствуетъ страха:

Кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ. За золото отвѣтитъ
Честной булатъ.

Если же баронъ скрываетъ отъ глазъ людскихъ свои сокровища, то дѣлаетъ это не изъ страха, а изъ гордаго презрѣнія къ людямъ, не желая осквернить ихъ приближеніемъ свою святыню.

Какъ видно, ни одинъ изъ мотивовъ, опредѣляющихъ сребролюбіе Соломона, не примѣнимъ къ барону. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ разсужденіямъ, Пушкинъ сумѣлъ однимъ путемъ художественныхъ сопоставленій устранить всѣ поверхностныя и ложныя объясненія скупости, очистить эту страсть отъ всего случайнаго и мелкаго и изобразить ее въ ея идеальной сущности. Любовь барона къ деньгамъ не можетъ быть сведена ни къ какимъ практическимъ соображеніямъ. Золото не нужно ему ни для чего. Оно для него не средство, ведущее къ какой-бы то ни было цѣли, а сама цѣль—разсудочно непостижимая, безкорыстная, почти мистическая, почти религіозная, предметъ культа, граничащаго съ безуміемъ, въ одно и тоже время священнаго и страшно нелѣпаго, смѣшного.

Скупость, въ томъ чистомъ видѣ, какъ ее изображаетъ Пушкинъ, корнями своими уходитъ въ послѣдній трагизмъ жизни, которымъ обусловлена несбыточность всѣхъ надеждъ, неустойчивость всякаго счастья, неисполнимость всѣхъ желаній. Души робкія и слабыя, не таящія въ себѣ огня страстей, довольствующіяся малымъ могутъ прожить долгую жизнь, не догадываясь объ этомъ трагизмѣ, потому что судьба, препятствующая человѣку пройти до конца путь, ведущій къ счастью, стоитъ не въ началѣ, а въ концѣ этого пути. Зато личности могучія, съ закаленной волей и неукротимыми желаніями, должны наткнуться на этого стража, и тогда имъ предстоитъ или бороться съ нимъ и героически погибнуть, или же повернуть назадъ. Но и тутъ ихъ ожидаетъ двойной жребій. Одни, познавъ трагическую несоизмѣримость между существующими благами и невозможнымъ счастьемъ, отказываются отъ этихъ благъ, избираютъ добровольную нищету и уходятъ изъ міра. Другіе, наоборотъ, жадно ногтями и зубами вцѣпляются въ эти блага, или, что все равно, въ золото, на которое они могутъ быть пріобрѣтаемы, но, чтобы избѣгнуть горечи, скрытой на днѣ выпитыхъ наслажденій, не касаются чаши губами, а лишь глядятъ на нее, мечтая о возможномъ наслажденіи. Аскеза и скупость имѣютъ между собой то общее, что и та и другая требуютъ добровольнаго отреченія, налагаютъ тяжелый зарокъ и превращаютъ жизнь въ длительное искушеніе.

> Кто знаетъ сколько горькихъ воздержаній,
> Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
> Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
> Все это стоило?

Развѣ эти слова, произносимыя скупымъ въ его подвалѣ, не были бы на мѣстѣ въ устахъ отшельника въ его кельѣ? Подобно аскезѣ, и скупость даетъ душѣ какой-то просторъ, такъ какъ скупой, наслаждаясь не самыми благами жизни, а ихъ символами, почти не видитъ предѣловъ своего счастья и своей власти. А все безпредѣльное кажется священнымъ, и когда старый баронъ называетъ свои сундуки «священными сосудами», а заключающіеся въ нихъ червонцы «царскимъ елеемъ» или сравниваетъ ихъ покой со сномъ боговъ, то онъ въ сущности соприкасается съ какой-то правдой. Тѣнь предметовъ безплотнѣе и потому какъ-то духовнѣе, священнѣе самихъ предметовъ.

Но между аскезой и скупостью существуетъ и глубокое различіе. Аскетъ мѣняетъ одинъ подвигъ на другой, одну дѣйствительность на другую, однѣ радости на другія. Отказываясь отъ пользованія мірскими благами, онъ перестаетъ бороться за эти блага; въ его поведеніи нѣтъ противорѣчія; оно устойчиво и разумно. Между тѣмъ скупой мѣняетъ дѣйствительность на ея отраженіе, отъ реальныхъ вещей обращается къ возможнымъ, отъ счастья къ символамъ счастья. Но отношеніе къ символамъ у него остается не символическое, не безкорыстно-созерцательное, а прежнее, вожделѣющее, воинственное. Онъ продолжаетъ бороться за добываніе благъ, которыми не пользуется—и, такимъ образомъ, впадаетъ въ нелѣпое противорѣчіе съ самимъ собой. Скупой—это голодный, который, сидя за столомъ, убраннымъ его любимыми явствами, предпочитаетъ умереть съ голода, такъ какъ слишкомъ любитъ эти явства для того, чтобы, съѣвъ, уничтожить ихъ... Вотъ почему подвигъ аскета такъ же трагиченъ, какъ и подвигъ героя, между тѣмъ какъ томленіе скупости является какимъ-то болѣзненнымъ новообразованіемъ душевнымъ, необыкновенной смѣсью силы и безсилія, мудрости и нелѣпости. Скупость похожа на уродливое, выросшее среди камней, опрокинутое дерево, ибо корнями своими скупость тянется вверхъ, къ высшему трагизму жизни, а вѣтвями и вершиной свисаетъ надъ бездной комизма и безумія. Скупость по существу—страсть траги-комическая, и Пушкинъ, озаглавивъ свой этюдъ трагикомедіей, понялъ этотъ духовный феноменъ глубже и вѣрнѣе, нежели всѣ другіе художники, изображавшіе скупость, не исключая Мольера, Гоголя, Бальзака.

Наконецъ, чтобы завершить этотъ краткій эстетическій разборъ, слѣдуетъ замѣтить, что съ этимъ траги-комическимъ сюжетомъ необыкновенно гармонируетъ самый тонъ драмы, самый строй стиха, въ одно и то же время величаво-важнаго и радостно-легкаго, всегда какъ бы озареннаго улыбкой,—мудрой, свѣтлой, олимпійской пушкинской улыбкой.

И такъ, разсмотрѣвъ «Скупого Рыцаря» съ точки зрѣнія отвлеченныхъ законовъ эстетики, слѣдуетъ признать эту драму во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненной, и если можно въ чемъ-либо упрекнуть Пушкина, то развѣ лишь въ точности одного сравне-

нія, именно того, которымъ начинается монологъ барона:

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, имъ обманутой...

Любовь скупого къ золоту всего менѣе похожа на влеченіе повѣсы къ развратницѣ или къ обманутой имъ дурѣ, ибо это любовь безъ удовлетворенія, любовь, по формѣ платоническая, только безъ духовнаго содержанія платонизма. Скупецъ—это тотъ же скопецъ, развратный и цѣломудренный, но уже никакъ не повѣса. За исключеніемъ же этого неточнаго сравненія [впрочемъ, вложеннаго въ уста самого барона, которому позволительно ошибаться на свой собственный счетъ], вся драма, повторяемъ, съ точки зрѣнія всеобщей эстетики должна быть признана, по формѣ и по содержанію, безупречнымъ художественнымъ произведеніемъ.

Но можно-ли довольствоваться, при разборѣ великихъ произведеній, одними законами всеобщей эстетики? Въ созданіи такихъ произведеній, кромѣ личной геніальности автора, участвуетъ еще одинъ факторъ, —загадочный, трудно опредѣлимый, но весьма дѣятельный,—участвуетъ еще національный геній того народа, къ которому принадлежитъ авторъ. Двѣ поэмы, написанныя двумя равной творческой силы поэтами, будутъ разниться по своей значительности, потому что каждая изъ нихъ отразитъ другую народную психологію, другую историческую судьбу, другія надежды, другое призваніе. Казалось бы, что великій художникъ долженъ быть наиболѣе самостоятеленъ въ своихъ вдохновеніяхъ, наименѣе связанъ со случайностями исторіи, черпать изъ глубины собственнаго духа. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Чѣмъ писатель геніальнѣе, тѣмъ онъ какъ бы менѣе свободенъ въ полетѣ своей мечты, тѣмъ болѣе вѣрнымъ, рабски вѣрнымъ толкователемъ является онъ тѣхъ смутныхъ чувствъ и мыслей, которыя уже пережиты милліонами маленькихъ невѣдомыхъ людей, составляющихъ толщу народную. Геній питаетъ всѣхъ, но не потому ли, что онъ самъ питается жизнью всѣхъ? Чтобы понять возникновеніе художественнаго произведенія, нужно представить себѣ, что писатель держитъ перо и пишетъ, между тѣмъ какъ его рукою водитъ стоящій за его спиною національный геній. Должно быть, творческій актъ такъ безпредѣльно труденъ, что не подъ силу онъ одному человѣку, хотя бы и геніальному. Эта двойственность творчества обыкновенно не замѣчается нами по той причинѣ, что она составляетъ всеобщій законъ, почти не знающій исключенія. Великій писатель не можетъ не быть выразителемъ безсознательно живущаго въ немъ народнаго духа, а, съ другой стороны, національный геній ни въ чемъ другомъ такъ рѣзко не раскрывается, какъ въ твореніяхъ геніальныхъ личностей. Разладъ или, во всякомъ случаѣ, отсутствіе гармоніи наступаетъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, когда писатель съ большимъ дарованіемъ, хотя бы въ родѣ Гейне, выброшенъ изъ среды своего народа въ чужую народность, и когда, слѣдовательно, его національный геній преломился въ призмѣ чужого ему языка и духа. Такое же отсутствіе гармоніи можетъ проявиться въ литературѣ вновь нарождающейся, когда національный геній еще не раскрытъ, не раскованъ, еще безсиленъ одолѣть могучія внѣшнія вліянія. И вотъ именно этотъ разладъ чувствовался въ русской литературѣ за весь первый періодъ ея развитія, когда она шла впередъ на чужіе огни, еще не видя самобытныхъ великихъ цѣлей, которымъ вскорѣ суждено было зажечься передъ нею. Весь этотъ періодъ по справедливости называется до-пушкинскимъ, потому что Пушкинъ, равно какъ Гоголь и Лермонтовъ, но раньше и глубже, чѣмъ они, впервые сталъ отражать въ своихъ произведеніяхъ особенности русскаго генія. Сталъ отражать, но не отразилъ и не могъ отразить, потому что проявленіе національнаго генія зависитъ отъ причинъ историческихъ, превышающихъ силы отдѣльной личности. Особенности русскаго генія сказались въ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя скорѣе въ методѣ творчества, въ особой искренности тона, въ удивительномъ соединеніи реалистической манеры съ идеалистическимъ содержаніемъ, но не въ самомъ содержаніи, не въ новомъ озареніи жизни, не въ устремленіи къ новымъ цѣлямъ. Всѣмъ этимъ сторонамъ русскаго генія суждено было раскрыться не въ поэзіи, а въ прозѣ, въ безсмертномъ, непревзойденномъ русскомъ романѣ, сразу установившемъ гегемонію нашей литературы во всемъ мірѣ и поставившемъ ее на ту высоту, на какой до сихъ поръ стояли только греческій эпосъ и греческая трагедія. Но все это произошло послѣ Пушкина, и если бы наша литература нечаянно оборвалась на Пушкинѣ, Лермон-

товѣ и Гоголѣ, то ни сама Россія, ни образованное человѣчество никогда бы не узнали, въ чемъ заключается русскій геній и существуетъ ли таковой... Вѣрность такого предположенія видна изъ того, что самый искренній и чуткій критикъ того литературнаго періода—Бѣлинскій—самъ крайне смутно различалъ самобытныя особенности русскаго творчества и едва ли сознавалъ, что критеріи, по которымъ слѣдуетъ судить извѣстную литературу, содержатся въ ней самой, а не въ внѣ ея. Такъ, разбирая «Скупого Рыцаря», Бѣлинскій перечисляетъ достоинства этой драмы и заключаетъ разборъ слѣдующими словами: «по выдержанности характеровъ [скряги, его сына, герцога, жида], по мастерскому расположенію, по страшной силѣ паѳоса, по удивительнымъ стихамъ, по полнотѣ и оконченности, словомъ, по всему—эта драма—огромное, великое произведеніе, вполнѣ достойное генія самого Шекспира».

Очевидно, Бѣлинскому всѣ литературы всѣхъ народовъ представлялись въ видѣ единой идеальной республики, которая управляется по однимъ и тѣмъ же общеобязательнымъ эстетическимъ законамъ, и во главѣ которой, по крайней мѣрѣ, въ той ея области, которая называется драмой, стоитъ самъ Шекспиръ. Намъ теперь такое представленіе кажется устарѣлымъ. Никто изъ насъ не скажетъ, что «Власть тьмы» или «Преступленіе и Наказаніе» такъ совершенны, что достойны генія Шекспира или Дикенса. Мы, наоборотъ, увѣрены, что эти совершенныя произведенія не могли быть написаны ни Шекспиромъ, ни Дикенсомъ именно потому, что они созданы самимъ Толстымъ и самимъ Достоевскимъ. Мы согласны съ Бѣлинскимъ, что «Скупой рыцарь» достоинъ пера Шекспира; но, принимая этотъ приговоръ, мы сказали бы, что этимъ ограничивается произведеніе Пушкина, если бы слово «ограничивать» не было здѣсь неумѣстнымъ. Сравнивать геній писателя съ геніемъ его народа—не значитъ ограничивать первый. Между тѣмъ сравненіе это приходится дѣлать, хотя это трудъ нелегкій, такъ какъ самобытныя черты національнаго генія вынашиваются десятками поколѣній и складываются подъ давленіемъ многовѣковой исторіи.

Основная ячейка европейскаго эпоса и европейской драмы—это сильная личность, отшлифованная въ борьбѣ за существованіе съ такими же сильными личностями, получившая въ этой борьбѣ свой закалъ, свою опредѣленную окраску, ставшую тѣмъ, что называется типомъ или характеромъ. Та же борьба, которая происходитъ въ обществѣ между разными личностями, разыгрывается въ душѣ отдѣльной личности между одушевляющими ее страстями, изъ которыхъ одна, самая сильная, становится преобладающей, passion-maîtresse, вліяетъ на поступки и настроенія этого лица. Борьба страстей въ отдѣльной личности и борьба характеровъ въ семьѣ и обществѣ — вотъ содержаніе европейской литературы. Страсти и характеры играютъ тутъ такую же роль, какъ цвѣта въ живописи. Составить узоръ изъ страстей и типическихъ характеровъ, такъ расположить ихъ игру, чтобы вызвать въ читателѣ или зрителѣ одно изъ пассивныхъ симпатическихъ чувствъ—удивленіе, ужасъ, жалость, сочувствіе, негодованіе,—вотъ цѣль европейской литературы.

Поступая такимъ образомъ, европейскій эпосъ и театръ шли тѣмъ же путемъ, какимъ шла исторія европейскаго общества и государства, которыя возникли, какъ производныя величины сильной личности. Народная исторія и была тѣмъ жизненнымъ прототипомъ-романомъ, той оригинальной нерукотворной трагедіей, въ подражаніе которымъ поэты создавали свои рукописныя новеллы и драмы. Но именно по этой причинѣ русская литература, какъ только въ ней проснулся національный геній, уже не могла идти по стопамъ европейской и создавать узоры изъ преобладающихъ страстей или изображать столкновеніе сильныхъ личностей. Русское государство, въ противоположность европейскимъ, не было функціей и продолженіемъ сильной личности, а, наоборотъ, развивалось и крѣпло, какъ противовѣсъ личности, сковывая ее, убивая личную энергію и личное достоинство насчетъ заботы о государственной цѣлости и о защитѣ границъ. Тѣ же могучія личности, которыя вынашивала русская дѣйствительность, были сильны не индивидуальной, а государственной волей, и, въ свою очередь, являлись гасителями личной самостоятельности, орудіями пытки для автономной личности. На ряду съ государствомъ, въ томъ же духѣ дѣйствовала и церковь, и русская личность, сплющеная между государственнымъ молотомъ и церковной наковальней, становилась или безвольно-дряблой, или же зажигалась воодушевленіемъ альтруизма—государственнаго, народнаго, всечеловѣческаго.

Вотъ почему русская литература, съ той

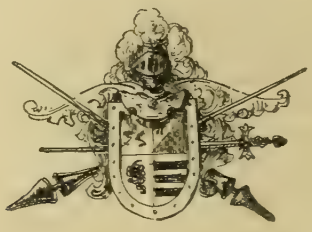
минуты, какъ въ ней проснулся духъ національнаго генія, сразу отдѣлилась отъ европейской, избрала другой объектъ и другую цѣль творчества. Вмѣсто игры страстей и борьбы сильныхъ типическихъ личностей, которыхъ наша исторія не создавала, русская литература избрала своимъ объектомъ или опустошенную личность—Обломовыхъ, Лишнихъ людей, или же личность, добровольно побѣдившую въ себѣ principium individuationis во имя альтруизма. Таковы всѣ положительные герои русскаго романа. Цѣль же этого романа, въ отличіе отъ европейскаго, заключается въ возбужденіи въ читателѣ не только пассивныхъ, симпатическихъ чувствъ, но и активныхъ, нравственно-религіозныхъ. Понятно поэтому, почему вообще драма не процвѣла у насъ. Построить драматическую коллизію на чувствахъ и поступкахъ бездѣйствующихъ безличностей — задача нелегкая, и, кажется, съ нею справился одинъ только Чеховъ. Понятно также, почему у насъ невозможны были произведенія, посвященныя изображенію какой-нибудь одной преобладающей страсти — честолюбія, ревности, скупости. Всякая passion-maîtresse, очутившись подъ давленіемъ русской дѣятельности, должна была или превратиться въ уродливое безсильное маньячество, или же внутренно перегорѣть на огнѣ раскаянія, излучиться въ эѳирѣ альтруизма. И Пушкинъ, изобразивъ типически-отшлифованную, снѣдаемую всемогущей страстью фигуру Скупого Рыцаря, творилъ, такъ сказать, на рискъ и счетъ своего собственнаго генія, внѣ внушеній и вліяній національнаго генія русской литературы. Правда, изъ всѣхъ страстей скупость—какъ разъ та, въ которой одинаково сказываются какъ сила, такъ и безсиліе личности, и возможно, что въ обществѣ, сложившемся, подобно нашему, подъ гнетомъ гипертрофированной государственности, порокъ скупости долженъ встрѣчаться особенно часто. Но въ такомъ случаѣ намъ гораздо ближе, родственнѣе и нужнѣе повѣсть Гоголя о Плюшкинѣ—жалкой безличности, расплющенной русской безтолочью, столь же нелѣпой и безсильной, какъ нелѣпа маніакальная скупость, приведшая его къ нищенству и къ грудѣ мусора, а не къ сундукамъ съ золотомъ — эмблемѣ силы и власти. Сравнивая между собою эти два образа скупцовъ, Бѣлинскій говоритъ: «Плюшкинъ Гоголя—гадокъ, отвратителенъ; это лицо комическое. Баронъ Пушкина — ужасенъ; это лицо трагическое». Съ точки зрѣнія законовъ отвлеченной эстетики это, можетъ быть, и такъ. Но съ точки зрѣнія законовъ, управляющихъ русской литературой, образъ Плюшкина ужасенъ, потому что въ немъ въ искаженномъ видѣ отражена русская дѣйствительность, а образъ Скупого Рыцаря безразличенъ: одна изъ художественныхъ возможностей—не болѣе.

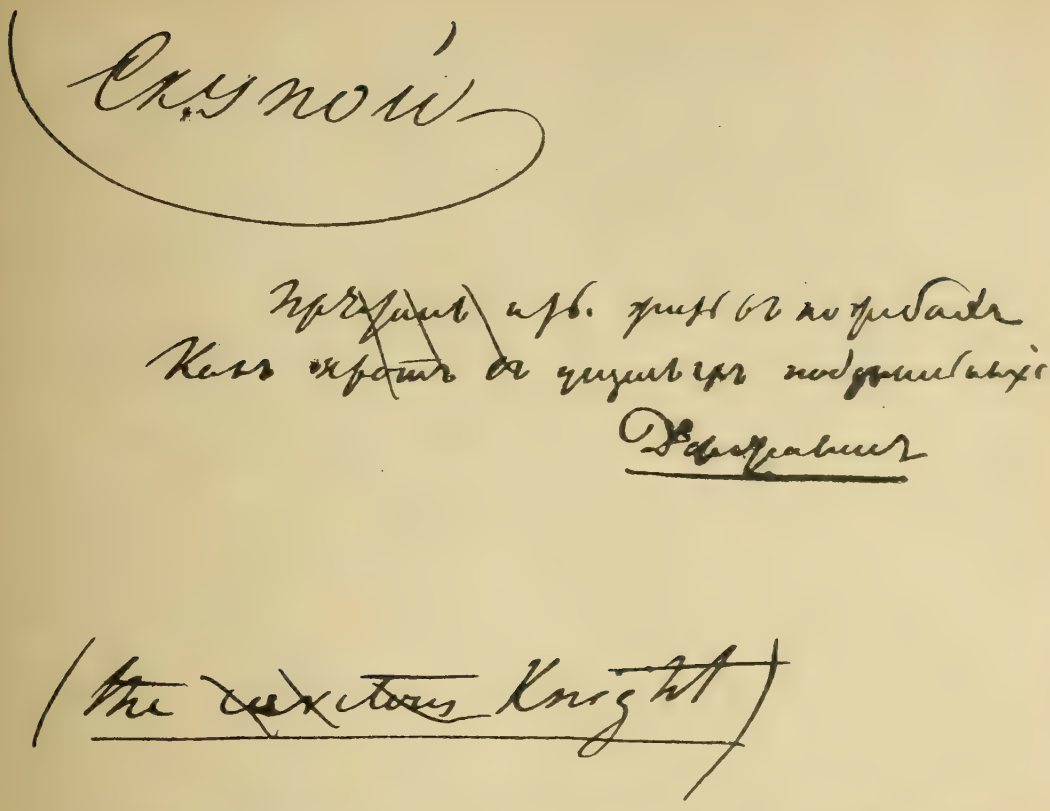
Достойна вниманія слѣдующая черта эстетической психологіи. Казалось бы, каждый народъ долженъ цѣнить въ чужой литературѣ тѣ стороны, которыя ему всего знакомѣе и ближе. Въ дѣйствительности мы видимъ противное. Въ чужой литературѣ мы не только выше цѣнимъ, но легче и глубже воспринимаемъ ея самобытныя стороны, т.-е. то, что отъ насъ всего дальше и всего менѣе намъ знакомо. Намъ случилось наблюдать отношеніе французской публики къ двумъ произведеніямъ Пушкина. Первое — «Борисъ Годуновъ». Эта драма, въ которой хотя смутно, но уже намѣчены всѣ особенности русскаго творчества, драма, съ точки зрѣнія европейской эстетики невозможная, ибо въ ней героемъ является не личность, а государство, весь русскій народъ, передъ стихійной волей котораго внутренно смиряется, уничтожается воля отдѣльной дерзнувшей было утвердить себя личности Годунова. И вотъ, благодаря именно своей необычайности, Борисъ Годуновъ потрясъ европейскую публику, повѣрившую въ правдивость этой русской драмы, отъ которой на ея индивидуализмъ повѣяло чѣмъ-то огромнымъ, просторнымъ, сверхличнымъ. Второй изъ названныхъ пьесъ былъ какъ разъ «Скупой Рыцарь», вошедшій вмѣстѣ съ комедіями Плавта, Мольера и какого-то китайскаго драматурга въ циклъ пьесъ, трактующихъ о скупости, которыя дирекція одного изъ субсидируемыхъ театровъ давала утренними спектаклями, главнымъ образомъ, для учащейся молодежи. «Скупой Рыцарь» шелъ въ прозаическомъ переводѣ, слѣдовательно, зритель не могъ быть подкупленъ обаяніемъ пушкинскаго стиха, благодаря которому каждая строчка его поэмъ кажется намъ чѣмъ-то священнымъ, не допускающимъ сравненій и ограниченій. Оставалось только содержаніе, оставался образъ Скупого Рыцаря, столь родственный, столь доступный пониманію европейцевъ. Но впечатлѣніе отъ пьесы получилось блѣдное. Европейской публикѣ драма Пушкина казалась и слишкомъ близкой и слишкомъ

далекой. Слишкомъ близкой, потому что русская пьеса, трактующая о рыцаряхъ и турнирахъ, казалась мало оригинальной. Слишкомъ далекой, потому что въ пьесѣ отсутствовала какая-то жизненная ткань, отсутствовало все то стихійно-безсознательное, что привноситъ въ произведеніе участіе въ немъ національнаго генія. По замыслу, драма Пушкина была самой глубокой изъ всего цикла, но какъ будто чувствовалось, что въ ней нѣтъ исторической плоти, что ее писалъ художникъ, не выросшій среди сильныхъ индивидуальностей, не дышавшій въ атмосферѣ всепоглощающихъ страстей.

Пушкинъ въ рукописи назвалъ свою пьесу сценами изъ Ченстоновой траги-комедіи «The caveteous Knight». Эта строчка задала много хлопотъ критикамъ Пушкина, которые тщетно разыскивали творенія не существующаго Ченстона. Одинъ изъ критиковъ даже обратился съ запросомъ къ директору Британскаго музея, который отвѣтилъ, что русскій поэтъ, вѣроятно, подшутилъ надъ своей публикой, желая ее мистифицировать. Но едва ли догадка англичанина вѣрна. Не правильнѣе-ли допустить, что отъ проницательнаго ума Пушкина не скрылось, что, берясь за тему о Скупомъ Рыцарѣ, онъ выходитъ за предѣлы русской психики и русскаго творчества. Во всякомъ случаѣ, въ надписи Пушкина скрывается глубокій смыслъ. «Скупой Рыцарь», въ самомъ дѣлѣ, является если не переводомъ въ буквальномъ смыслѣ и не подражаніемъ, то продолженіемъ творчества любого европейскаго драматурга, подражаніемъ не существующему образцу, переводомъ, такъ сказать, съ европейскаго.

Н. Минскій.





(*Первоначальное заглавіе «Скупого Рыцаря». Румянц. Музей. Рукопись № 2370*).

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Картина К. Степанова.

644. СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи).

(*The carctevus Knigth*).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(*Въ башнѣ*).

АЛЬБЕРЪ И ИВАНЪ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(*Иванъ подаетъ ему шлемъ*).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ;
Его нагрудникъ цѣлъ Венеціанскій,
А грудь своя: гроша ему не стоитъ;
Другой себѣ не станетъ покупать.
Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынѣче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ Графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго Пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ, когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала
И славили Герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству что виною было?—скупость.
Да! заразиться здѣсь нетрудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, дѣлать нечего: куплю гнѣдова.
Недорого и просятъ за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ-займы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ.

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жмется.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано-ль, поздно-ль
Всему наслѣдую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что-жъ?

ИВАНЪ.

Жмется да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горе!

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.
Безъвыкупаневыпущуего.(*Стучатъвдверь*).
Кто тамъ? (*Входитъ жидъ*).

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!
Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый Рыцарь,
Клянусь вамъ: радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете-ль хоть часть отдать...

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!
Да еслибъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ-либъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

ЖИДЪ.

Сотню!
Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:
Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

ЖИДЪ.

Клянусь вамъ...

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.
Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

ЖИДЪ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значитъ.
Всѣ сундуки Фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

ЖИДЪ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынѣче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь, Еврей: Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
Начто мнѣ пригодятся?

ЖИДЪ.

Деньги?—деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ
И не жалѣя шлетъ туда, сюда.
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зеницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ;
И какъ же служитъ? какъ Алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной. Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ.
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

ЖИДЪ.

Да, на Бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

ЖИДЪ.

А можно бъ...

АЛЬБЕРЪ.

Что?

ЖИДЪ.

Такъ; думалъ я, что средство
Такое есть...

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

ЖИДЪ.

Такъ—
Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, Аптекарь бѣдный...

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ
Такой-же, какъ и ты, иль почестнѣе?

ЖИДЪ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной—
Онъ составляетъ капли... право, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

ЖИДЪ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ;
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ.

ЖИДЪ.

Да—
И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Взаймы намѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду
За стклянку по червонцу. Такъ-ли, что ли?

ЖИДЪ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ вы... я думалъ,
Что ужъ Барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
Да знаешь-ли, жидовская душа,
Собака, змѣй! что я тебя сей часъ-же
На воротахъ повѣшу!

ЖИДЪ.

Виноватъ!
Простите, я пошутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку.

ЖИДЪ.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песъ!

(*Жидъ уходитъ*).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина,
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны. Сбѣгай за жидомъ проклятымъ,
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
Росписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой,
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребренники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина—
Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

Скупой рыцарь въ своемъ подвалѣ.
Рисунокъ Пастернака.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(*Подвалъ*).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

Картина О. К. Винцмана.

Не много кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что Царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился—и Царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ? какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся Нимфы рѣзвою толпою:
И Музы дань свою мнѣ принесутъ.
И вольный Геній мнѣ поработится,
И добродѣтель и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну, и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья...

(Смотритъ на свое золото).

Кажется не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!

Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ
Нынѣче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо—
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(Хочетъ отпереть сундукъ).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ, за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, тоже
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. *(Отпираетъ сундукъ)*
Вотъ мое блаженство!
(Всыпаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.
(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).
Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... но кто во слѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, разточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ.
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ.
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные, дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ разточитъ. А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,

НАСЛѢДНИКЪ СКУПОГО РЫЦАРЯ.
Рисунокъ Пастернака.

Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла, совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце, совѣсть,
Незваный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ?...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный

СКУПОЙ РЫЦАРЬ И ВДОВА.

Картина К. Степанова.

То разточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ! о, еслибъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ
Какъ будто колоколомъ.—*(Смотритъ въ окно).*
Это кто?
Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ, онъ, Государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите-жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(Альберъ уходитъ; входитъ Баронъ).
Баронъ,
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью Вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, Баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ: Филиппъ (онъ звалъ меня?
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ Вами, то есть...

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, Государь, я нынѣче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ
Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечь
За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно;
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ—но сядемъ.
У васъ, Баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни;
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь, устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Ябъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ.

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

ГЕРЦОГЪ.
Но почему жъ?

БАРОНЪ.
Увольте старика...

ГЕРЦОГЪ.
Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.
На сына я
Сердитъ.

ГЕРЦОГЪ.
За что?

БАРОНЪ.
За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.
А въ чемъ оно скажите состоитъ?

БАРОНЪ.
Увольте, Герцогъ...

ГЕРЦОГЪ.
Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.
Да... стыдно...

ГЕРЦОГЪ.
Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.
Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.
Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.
Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

ГЕРЦОГЪ.
Что?

БАРОНЪ.
Обокрасть.
(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЪ.
Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ *(сыну)*.
Какъ смѣли вы?...

БАРОНЪ.
Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?...

АЛЬБЕРЪ.
Вы лжецъ.

БАРОНЪ.
И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечь насъ разсуди!
(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ).

АЛЬБЕРЪ.
Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.
Что видѣлъ я? Что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь Герцоговъ! Молчите: ты, безумецъ,
И ты тигренокъ! полно *(сыну)*. Бросьте это;
Отдайте мнѣ перчатку. *(Отнимаетъ ее)*.

АЛЬБЕРЪ *(à parte)*.
Жаль!

ГЕРЦОГЪ.
Такъ и впился въ нее когтями! извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ. *(Альберъ выходитъ)*.
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ...

БАРОНЪ.
Простите, Государь...
Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!.. душно!... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.
Онъ умеръ. Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

Чѣмъ былъ для Пушкина «Моцартъ и Сальери»? Какой моментъ въ его душевной жизни, въ его поэтическомъ развитіи обозначаетъ эта драма, на что явилась откликомъ? Чрезвычайно скудны тѣ біографическіе матеріалы, на которыхъ могло бы быть твердо обосновано сужденіе о томъ, что видѣлъ самъ поэтъ въ своемъ замыслѣ, какова роль вліяній въ своеобразной формѣ выполненія, что дали Пушкину источники и чѣмъ направлялся свободный вымыселъ.

По возвращеніи изъ Болдина, гдѣ Пушкинъ провелъ осень 1830 года, онъ пишетъ Плетневу: «Вотъ что я привезъ сюда: двѣ послѣднія главы «Онѣгина», восьмую и девятую, совсѣмъ готовыя въ печать; повѣсть, писанную октавами (стиховъ 400), которую выдамъ anonyme; нѣсколько драматическихъ сценъ или маленькихъ трагедій, именно: «Скупой Рыцарь», «Моцартъ и Сальери», «Пиръ во время чумы» и «Донъ-Жуанъ». Сверхъ того написалъ около тридцати мелкихъ стихотвореній». Черезъ годъ, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г. появился «Моцартъ и Сальери» съ датой 26 Октября 1830 года—«безъ обманчивой ссылки на источникъ—замѣчаетъ Анненковъ *)—хотя это была ёще первая драматическая сцена Пушкина, съ которой знакомилась публика, если исключить «Новую сцену къ Фаусту» (Московскій Вѣстникъ, 1828 г.). Есть основанія думать, что такихъ небольшихъ и сжатыхъ драмъ Пушкинымъ было намѣчено и начато значительно больше, чѣмъ закончено. На оборотной страницѣ стихотворенія «Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей» Анненковъ нашелъ слѣдующій списокъ:

«Скупой.
Ромулъ и Ремъ.
Моцартъ и Сальери.
Донъ-Жуанъ.
. . . . . .
Берольдъ Савойской.
. . . . . .
Влюбленный бѣсъ.
Дмитрій Марина.
Курбскій».

Подчеркивая въ этомъ перечнѣ то, что осталось намъ неизвѣстнымъ, Анненковъ выражаетъ увѣренность, что всѣ эти драмы были написаны; недошедшія до насъ или истреблены авторомъ, или изложены вчернѣ и затеряны потомъ, такъ какъ «Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ». Во всякомъ случаѣ ихъ количество даетъ возможность строить предположенія объ ихъ размѣрахъ, точнѣе, объ ихъ стилѣ. Это, очевидно былъ все тотъ же,—по мнѣнію Бѣлинскаго *), созданный Пушкинымъ,—«особый родъ драмы, который къ настоящему относится, какъ повѣсть къ роману». Относя къ этому роду не только «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери», но также гораздо болѣе развитую «Русалку», законченную трагедію «Каменнаго гостя» и фрагментарную «Сцену изъ Фауста», Бѣлинскій мимоходомъ отводитъ очень высокое мѣсто этимъ драматическимъ очеркамъ. Эти очерки по формѣ и объему, но по содержанію и его развитію это—трагедіи, въ полномъ смыслѣ этого слова. «По оригинальности и самобытности, онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о

*) Анненковъ. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина (Сочиненія Пушкина. Спб. 1855 г. т. I, стр. 284).

*) Бѣлинскій. Сочиненія, изд. Венгерова, т. VI, «Раздѣленіе поэзіи на роды и виды», стр. 110.

непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли,—ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами».

Какъ бы ни была однако значительна идейная и художественная высота драматическихъ очерковъ Пушкина, законная мысль объ ихъ полной самобытности должна быть осложнена указаніемъ на тѣ литературныя впечатлѣнія, вліяніе которыхъ было, быть можетъ, не безслѣдно для формы «Моцарта и Сальери» и «Скупого рыцаря». Одновременно съ созданіемъ «драматическихъ очерковъ» Пушкинъ, несомнѣнно увлекался Барри Корнуолемъ *). Для перевода Вильсоновой «City of the Plague», сдѣланнаго также осенью 1830 года, Пушкинъ руководствовался тѣмъ же парижскимъ изданіемъ (1829) англійскихъ поэтовъ, изъ котораго онъ познакомился съ Корнуолемъ. Онъ, стало быть, уже былъ знакомъ съ «Dramatic scenes», когда писалъ свои «отрывки»; для отдѣльнаго изданія ихъ онъ предполагалъ даже позаимствовать у Корнуоля его общее заглавіе. «Въ 1830 году,—сообщаетъ Анненковъ,—онъ думалъ собрать драматическіе отрывки и издать ихъ отдѣльной книжкой. Онъ уже приготовлялъ заглавный листокъ для нихъ, разукрашенный по извѣстному его обыкновенію разрисовывать свои рукописи—изображеніемъ рыцаря въ доспѣхахъ и головы пожилого мужчины. На листкѣ этомъ мы читаемъ слова, которыми Пушкинъ приноровлялся къ оглавленію и, такъ сказать, пробовалъ его: «Драматическія сцены», «Драматическіе очерки», «Драматическія изученія», «Опытъ драматическихъ изученій». Извѣстно, что два стихотворенія Пушкина—«Пью за здравіе Мери» и «Я здѣсь, Инезилья» основаны на стихахъ Барри Корнуоля, къ которому поэтъ сохранилъ вниманіе до послѣднихъ дней своей жизни; передъ самой смертью онъ посылалъ А. О. Ишимовой «Драматическія сцены» англійскаго поэта съ просьбой перевести ихъ. Такимъ образомъ мысль о нѣкоторомъ вліяніи драмъ Корнуоля напрашивается сама собою; болѣе тщательное ихъ изученіе подтверждаетъ ее. Въ предисловіи къ своему переводу драматической сцены Барри Корнуоля «Людовика Сфорца» («Русское Слово» 1860 г. № 3). извѣстный переводчикъ и поэтъ М. Л. Михайловъ *) высказываетъ «предположеніе, что именно чтеніе «Драматическихъ сценъ» англійскаго поэта подало Пушкину мысль къ его собственнымъ удивительнымъ отрывкамъ: Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Донъ Жуанъ. Форма ихъ очень напоминаетъ Корнуоля: та же краткость, та же простота, то же отсутствіе всего лишняго, ненужныхъ лицъ, ненужныхъ словъ, а главное—то же стремленіе двумятремя бѣглыми сценами дать почувствовать драму, для полнаго развитія которой понадобились бы очень широкіе размѣры. Сильное впечатлѣніе, произведенное на Пушкина «Драматическими сценами», становится все яснѣе, когда читаешь ихъ вслѣдъ за пушкинскими сценами, хотя русскій поэтъ является тутъ почти всюду головой выше англійскаго».

Рядомъ съ второстепеннымъ шекспиріанцемъ Барри Корнуолемъ, знакомство съ которымъ, быть можетъ, навѣяло новую сжатую драматическую форму, надо было бы вспомнить и о вліяніи самого великаго учителя. Но Шекспировскіе завѣты въ «драматическихъ сценахъ» значительно менѣе замѣтны и менѣе конкретны, чѣмъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Любопытнѣе другія вліянія. Уже въ предисловіи къ «Борису Годунову» **) отмѣчены элементы трагедіи, въ которыхъ «Пушкинъ отступалъ отъ пріемовъ творчества Шекспира и ближе стоялъ къ принципамъ французскаго классицизма». Въ «драматическихъ очеркахъ» послѣднее вліяніе еще замѣтнѣе. Здѣсь нѣтъ уже «вольнаго и широкаго развитія характеровъ», нѣтъ «необыкновеннаго составленія типовъ»; здѣсь вольность и широта уступаютъ мѣсто сосредоточенной глубинѣ; конкретность типа смѣнилась его отвлеченной всенародностью. Въ указанной выше статьѣ Н. К. Козминъ правильно отмѣчаетъ, что «когда заходитъ рѣчь о драмахъ Пушкина, писанныхъ въ 1830 году, то стремленіе его обособить, изолировать какой-либо типъ съ преобладаніемъ извѣстной страсти, набросать двѣ, три сцены безъ всякихъ лишнихъ эпизодовъ и дѣйствующихъ лицъ наводитъ на мысль объ отдаленномъ вліяніи ложноклассицизма.

*) Брайонъ Уоллеръ Проктеръ, извѣстный подъ псевдонимомъ Barry Cornwall, англійскій поэтъ (1790 – 1874), авторъ «Dramatic scenes» (1815), пытавшійся внести новое направленіе въ драму на почвѣ глубокаго изученія Шекспира и его современниковъ.

*) Цит. въ статьѣ М. Козмина «Взглядъ Пушкина на драму» въ сборникѣ Спб. историко-филологическаго факультета «Памяти Пушкина». Спб. 1900.

**) Наст. изд. т. II, стр. 301.

(Скупой, геній, человѣкъ минуты—вотъ герои этихъ произведеній)». За это соображеніе говорятъ записки самого поэта: «Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно порабощать литературную совѣсть? зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка? Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, несмотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, несмотря на грамматическія оковы...» «Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны и, кажется, не нужны».

Эти глубокія замѣчанія, такъ сказать, опредѣляющія границы законной новизны, особенно цѣнны, конечно, въ устахъ поэта, геніальное творчество котораго является поворотнымъ пунктомъ въ развитіи цѣлой литературы. Оно показываетъ, какъ много сознательнаго было въ образномъ мышленіи Пушкина и какъ, между прочимъ, оно мало сходствовало съ творчествомъ изображеннаго имъ Моцарта, въ драматическомъ портретѣ котораго охотно усматриваютъ самого автора драмы. Вѣрнѣе всего предположить, что для двухъ образовъ ея Пушкинъ не имѣлъ опредѣленныхъ моделей въ окружающей его жизни; это типы болѣе, чѣмъ индивидуальности. Менѣе всего опирался Пушкинъ на живыя характеристики тѣхъ историческихъ лицъ, которыя явились героями его драмы. Одна замѣтка на клочкѣ бумажки, «оторванномъ отъ частной и совершенно незначительной записки», показываетъ, что соединило для Пушкина идею зависти съ именемъ Сальери:

«Въ первое представленіе Донъ-Жуана,—пишетъ Пушкинъ,—въ то время, когда весь театръ безмолвно упивался гармоніей Моцарта, раздался свистъ; всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.

«Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ. Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти онъ признался будтобы въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.

«Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца».

Къ сожалѣнію, въ спеціальной литературѣ нѣтъ указаній на тѣ журналы, въ которыхъ Пушкинъ нашелъ сообщеніе о страшномъ преступленіи Сальери. Онъ, очевидно, вѣрилъ въ это преступленіе; иначе едва ли, даже изъявляя притязанія на широкую свободу поэтическаго вымысла, поэтъ связалъ бы съ именемъ историческаго лица тяжелое и ни на чемъ кромѣ сомнительнаго психологическаго предположенія, не основанное обвиненіе. За это порукой служило бы уже замѣчаніе Пушкина: «обременять вымышленными ужасами историческіе характеры не мудрено и не великодушно». На этой же точкѣ зрѣнія стояли и тѣ изъ друзей поэта, которыхъ возмущалъ поклепъ, взведенный на Сальери въ новой пьесѣ Пушкина. По предположенію Анненкова, отвѣтомъ этимъ друзьямъ—особенно П. А. Катенину—могла быть вышеприведенная записка *). Ея ссылка на журналы могла бы быть достаточно убѣдительной и могла бы устранить тѣ попытки защитить поэта, которыя исходятъ изъ непризнанной имъ точки зрѣнія. «Рѣзкій приговоръ Пушкина о Сальери» казался Анненкову «не выдерживающимъ ни малѣйшей критики». Однако, онъ настаивалъ на художественной правомѣрности этого приговора. «Вѣроятно,—замѣчаетъ онъ,—къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть сестра соревнованія—стало быть изъ хорошаго роду». Не входя теперь въ разборъ вопроса о степени предположеній, дозволенныхъ автору при выведеніи историческаго лица, скажемъ, что если со стороны Пушкина было какое-либо преступленіе передъ Сальери, то преступленія такого рода совершаются безпрестанно и самыми великими драматическими писателями. Такъ, Елизавету англійскую сдѣлали они типомъ женской ревности и преимущественно одной страстью объяснили погибель Маріи Стюартъ, едва упоминая о

*) Изъ того, что она написана—какъ сказано въ ней—черезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Сальери, который умеръ 7 мая 1825 г., видно, что окончаніе «Моцарта и Сальери» предшествовало ей на три года.

всѣхъ другихъ поводахъ къ тому. Если тутъ есть порокъ, то онъ уже скрывается въ сущности исторической драмы вообще, которая, взявъ лицо изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, принуждена заниматься развитіемъ только одной основной черты его характера и пренебречь всѣмъ прочимъ. Пушкинъ, какъ будто чувствуя это, колебался въ выборѣ заглавія для своей пьесы. Первоначально онъ назвалъ ее просто: «Зависть», словно желая отстранить или ослабить историческую провѣрку лицъ въ ней дѣйствующихъ. Вѣроятно, понявъ безполезность уловки, онъ далъ ей уже настоящее заглавіе. «Моцартъ и Сальери» *).

Обратимся, однако, къ даннымъ исторіи. Сальери Пушкина—не Сальери исторіи, но рядъ фактовъ изъ его жизни указанъ въ драмѣ вѣрно. Учитель Бетховена, Листа и Шуберта, авторъ длиннаго ряда оперъ, имѣвшихъ въ свое время блестящій успѣхъ, онъ былъ знаменитъ во всей Европѣ и въ высшей степени привлекателенъ въ частномъ быту. Онъ родился въ 1750 году въ Леньяно, неподалеку отъ Венеціи, рано проявилъ свое несомнѣнное дарованіе и въ первые годы своего творчества—подъ вліяніемъ своихъ вѣнскихъ учителей—былъ послѣдователемъ нѣмецкой музыки. Въ ея стилѣ написаны какъ первая его опера «Le donne letterate», увѣнчавшая ранней славой двадцатилѣтняго композитора, такъ и послѣдовавшія за нею «Don Chisciotte», «La locandiera» и другія. Съ 1778 года Сальери обратился къ итальянской музыкѣ, но новый міръ звуковъ, открытый Глюкомъ, сдѣлалъ Сальери ученикомъ и послѣдователемъ великаго автора «Орфея». Глюкъ покровительствовалъ ловкому и талантливому итальянцу. Переѣхавъ въ Парижъ, Сальери, благодаря Глюку, получилъ возможность выступить предъ избранной публикой мірового города. Заказъ Парижской академіи на оперу «Les danaïdes» Глюкъ передалъ Сальери, и тотъ выполнилъ это порученіе съ громаднымъ успѣхомъ. Оперы «Le ramoneur», «Les Horaces», «Tarare»—о ней упоминается въ трагедіи—сдѣлали автора знаменитостью, членомъ академіи художествъ, кавалеромъ орденовъ, пожалованныхъ ему Людовикомъ XVIII. Конкурируя съ моцартовскимъ «Фигаро», Сальери поставилъ въ Вѣнѣ «La grotta di Trofonio»; но подъ конецъ жизни онъ отказался отъ оперы, посвятивъ себя всецѣло камерной и церковной музыкѣ. Г. Кашкинъ *), полагая, что Сальери «это совсѣмъ свободное созданіе Пушкина, не имѣющее сходства съ современнымъ Моцарту композиторомъ», приводитъ по этому поводу разнообразныя данныя: «Во времена Пушкина легендѣ объ отравленіи Моцарта вѣрили очень многіе, почти всѣ; позднѣйшія и очень тщательныя изслѣдованія по этому вопросу Отто Яна совершенно опровергли ее. Легенда основывалась едва ли не главнымъ образомъ на словахъ самого Моцарта, объяснявшаго отравой упадокъ силъ, какой онъ почувствовалъ мѣсяца за два, за три, до смерти; но Моцартъ не обвинялъ Сальери, а лечившіе его медики не находили признаковъ какой-либо отравы. По своему внѣшнему положенію Сальери отнюдь не имѣлъ основанія завидовать Моцарту, которому жизнь вообще мало улыбалась. Между тѣмъ какъ «Донъ-Жуанъ» Моцарта, имѣвшій въ Прагѣ блестящій успѣхъ, продержался на вѣнской оперной сценѣ всего одинъ сезонъ и потомъ снятъ былъ съ репертуара на много лѣтъ, — «Ассуръ» Сальери, поставленный почти одновременно, выдержалъ болѣе 100 представленій сряду съ блестящимъ успѣхомъ. Работая надъ своимъ реквіемомъ, который не успѣлъ окончить, Моцартъ въ то же время писалъ двѣ оперы — «Титово милосердіе», по заказу для празднествъ коронованія въ Прагѣ императора Леопольда II, а другую, «Волшебную флейту», чтобы выручить изъ бѣды и спасти отъ разоренія своего пріятеля Шиканедера, державшаго театрикъ An der Wien. Обѣ оперы были окончены

*) Тѣми же приблизительно доводами защищалъ Аннепковъ Пушкина и въ перепискѣ съ Катенинымъ. Въ письмѣ къ Тургеневу 1853 г. онъ пишетъ: «Катенинъ прислалъ мнѣ записку о Пушкинѣ—и требовалъ мнѣнія. Въ этой запискѣ, между прочимъ, «Борисъ Годуновъ» осуждался потому, что не годится для сцены, а «Моцартъ и Сальери»—потому, что на Сальери взведено даромъ преступленіе, въ которомъ онъ неповиненъ. На послѣднее я отвѣчалъ, что никто не думаетъ о настоящемъ Сальери, а что это—только типъ даровитой зависти. Катенинъ возразилъ: стыдитесь; вѣдь вы, полагаю, честный человѣкъ и клевету одобрять не можете. Я на это: искусство имѣетъ другую мораль, чѣмъ общество. А онъ мнѣ: мораль одна, и писатель долженъ еще болѣе беречь чужое имя, чѣмъ гостинная, деревня или городъ. Да вотъ десятое письмо по этому эвристически-эстетическому вопросу и обмѣниваемъ».

*) «Значеніе поэзіи Пушкина въ русской музыкѣ» въ пушкинскомъ сборникѣ «Жизни». СПБ. 1899, стр. 142 и сл.

одновременно почти, къ сентябрю 1791 г., но коронаціонная не имѣла никакого успѣха, а «Волшебная флейта» хотя имѣла успѣхъ колоссальный, но ничего не принесла Моцарту, ибо Шиканедеръ по-пріятельски ничего не заплатилъ ему. Сальери былъ богатымъ человѣкомъ и занималъ мѣсто перваго придворнаго капельмейстера, т.-е высшую музыкальную должность въ имперіи, а у Моцарта все было заложено еще до болѣзни, и похоронили его въ общей могилѣ для бѣдныхъ, такъ что впослѣдствіи могли опредѣлить мѣсто его погребенія только приблизительно. При такой огромной разницѣ въ положеніяхъ едва ли могло возникнуть серьезное чувство зависти въ Сальери, кромѣ того, быть можетъ, и не признававшаго превосходства таланта Моцарта».

Для полнаго представленія объ отношеніи историческихъ фигуръ трагедіи къ дѣйствительности представимъ еще нѣкоторыя данныя изъ біографіи и характеристики Моцарта. Великій нѣмецкій композиторъ дѣйствительно поражалъ современниковъ легкостью, съ которой давалось ему творчество. Его характеристика въ трагедіи не только совпадаетъ съ тѣмъ открытымъ, яснымъ, жизнерадостнымъ, подчасъ подернутымъ легкой грустью обликомъ, который запечатлѣлся въ воспоминаніяхъ современниковъ, но что еще важнѣе,—это образъ того Моцарта, который даетъ намъ его музыка. Разстроенное болѣзнью и непосильнымъ трудомъ воображеніе Моцарта было очень подавлено посѣщеніемъ незнакомаго лица, заказавшаго ему реквіемъ. Эта таинственность объяснилась впослѣдствіи очень просто: богатый заказчикъ покупалъ произведенія настоящихъ музыкантовъ для того, чтобы потомъ выдавать ихъ за свои въ кругу знакомыхъ.

Въ аполлоновской ясности, въ душевной прозрачности, въ безпечности и благодушіи, въ неизмѣнной вдохновенности Моцарта трагедіи много чертъ, которыя роднятъ его съ его создателемъ. Это заставило искать прототипа Сальери также въ николаевской Россіи, въ средѣ друзей и знакомыхъ Пушкина. Попытка г. Ивана Щеглова *) опредѣленно указать на Е. А. Баратынскаго, какъ на то живое воплощеніе зависти, съ котораго Пушкинъ списалъ своего Сальери, не можетъ быть признана удачной. Если бы даже и оказалось, что въ доводахъ г. Щеглова, стремящихся доказать очевидную мучительную зависть Баратынскаго къ Пушкину, есть что-либо убѣдительное, то въ его разсужденіяхъ отсутствуетъ другая, болѣе важная для насъ сторона: нѣтъ никакихъ указаній на то, что Пушкинъ замѣтилъ эту зависть. Нельзя же въ историко-литературномъ изслѣдованіи довольствоваться предположеніями, что та или другая—предполагаемая выходка Баратынскаго должна была «броситься въ глаза такому прозорливцу, какъ Пушкинъ». Пожалуй, какъ художественная индивидуальность, какъ умственный типъ, Баратынскій ближе къ Сальери, чѣмъ къ Моцарту, но дѣлать аналогичныя заключенія о его нравственномъ обликѣ мы не имѣемъ основаній *).

Въ противоположеніи этихъ двухъ типовъ художественной мысли видѣло большинство критиковъ основную мысль драмы Пушкина. Самъ поэтъ далъ достаточно основаній для этого: не только потому, что трагедія представляетъ собою богатѣйшій матеріалъ для построенія такой психологической эстетической антитезы, но и потому, что недаромъ вѣдь Пушкинъ перемѣнилъ первоначальное заглавіе пьесы «Зависть» на ея настоящее названіе. Законно, стало быть, и такое истолкованіе смысла пьесы, при которомъ въ ней признаны будутъ два равноправныхъ, равноцѣнныхъ героя, изъ коихъ одинъ, высоко интересный, какъ человѣческая индивидуальность, никакимъ образомъ, однако, не можетъ быть признанъ тѣмъ, что называется трагическимъ характеромъ. Моцартъ Пушкина не годится въ герои трагедіи, и до тѣхъ поръ, пока мы отказываемся видѣть въ немъ только эпизодическую фигуру, мы должны забыть о томъ, что имѣемъ предъ собой трагедію. Нѣтъ конфликта, нѣтъ борьбы, нѣтъ внутренняго противорѣчія: есть внѣшнее противоположеніе двухъ типовъ художниковъ. Это противоположеніе по преимуществу занимало критиковъ «Моцарта и Сальери». Для Бѣлинскаго «идея трагедіи—вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Есть организаціи несчастныя, недоконченныя, одаренныя сильнымъ талантомъ, пожираемыя сильною страстью къ

*) Статьи «Нескромныя догадки» и «Сомнительный другъ» въ книгѣ: «Новое о Пушкинѣ» СПБ. 1902.

*) Ср. В. Б. «Баратынскій и Сальери» въ «Русскомъ Архивѣ», 1900 г. VIII и 1901 г. I.

искусству и къ славѣ. Любя искусство для искусства, они приносятъ ему въ жертву всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои, съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ предаются его изученію, готовы пойти въ рабство, закабалить себя на нѣсколько лѣтъ какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ тайны своего искусства. Если такой человѣкъ положительно бездаренъ и ограниченъ, изъ него выходитъ самодовольный Тредьяковскій, который и живетъ и умираетъ съ убѣжденіемъ, что онъ—великій геній. Но если это человѣкъ дѣйствительно съ талантомъ, а главное—съ замѣчательнымъ умомъ, съ способностью глубоко чувствовать, понимать и цѣнить искусство,—изъ него выходитъ Сальери. Для выраженія своей идеи, Пушкинъ удачно выбралъ эти два типа. Изъ Сальери, какъ мало извѣстнаго лица, онъ могъ сдѣлать что ему угодно; но въ лицѣ Моцарта онъ исторически удачно выбралъ безпечнаго художника, «гуляку празднаго». У Сальери своя логика (т.-е. своя софистика); на его сторонѣ своего рода справедливость, парадоксальная въ отношеніи къ истинѣ, но для него самого оправдываемая жгучими страданіями его страсти къ искусству, невознагражденной славою. Изъ всѣхъ болѣзненныхъ стремленій, страстей, странностей самыя ужасныя тѣ, съ которыми родится человѣкъ, которыя, какъ проклятіе, получилъ онъ при рожденіи вмѣстѣ съ своею кровью, своими нервами, своимъ мозгомъ. Такой человѣкъ—всегда лицо трагическое; онъ можетъ быть отвратителенъ, ужасенъ, но не смѣшонъ. Его страсть—родъ помѣшательства при здравомъ состояніи разсудка. Сальери такъ уменъ, такъ любитъ музыку и такъ понимаетъ ее, что сейчасъ понялъ, что Моцартъ—геній, и что онъ, Сальери,—ничто передъ нимъ. Сальери былъ гордъ, благороденъ и никому не завидовалъ. Пріобрѣтенная имъ слава была счастьемъ его жизни; онъ ничего больше не требовалъ у судьбы,—и вдругъ видитъ онъ «безумца», «гуляку празднаго», на челѣ котораго горитъ помазаніе свыше... Моцартъ является со всею простотою, шутливостью, съ возможнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію не подозрѣвающій собственнаго величія или не выдящій въ немъ ничего особеннаго... Моцартъ не только не отвергаетъ подносимаго ему другими титла генія, но и самъ называетъ себя геніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ называя геніемъ и Сальери. Въ этомъ видны удивительное добродушіе и безпечность: для Моцарта слово «геній» ни по чемъ: скажите ему, что онъ геній, онъ преважно согласится съ этимъ; начинайте доказывать ему, что онъ вовсе не геній,—онъ согласится и съ этимъ, и въ обоихъ случаяхъ равно искренно. Въ лицѣ Моцарта Пушкинъ представилъ типъ непосредственной геніальности, которая проявляетъ себя безъ усилія, безъ разсчета на успѣхъ, нисколько не подозрѣвая своего величія. Нельзя сказать, чтобы всѣ геніи были таковы; но такіе особенно невыносимы для талантовъ въ родѣ Сальери. Какъ умъ, какъ сознаніе, Сальери гораздо выше Моцарта, но какъ сила, какъ непосредственная творческая сила, онъ ничто передъ нимъ»...

Въ противоположеніи двухъ характеровъ, двухъ міровоззрѣній сосредоточенъ смыслъ трагедіи также для П. Ф. Мельшина *). Идея гармоническаго развитія человѣческой личности представляется ему тѣмъ пунктомъ, который освѣщенъ трагической антитезой Пушкина: «Въ лицѣ Моцарта мы видимъ, въ изображеніи Пушкина, человѣка, живущаго полною жизнью; искусство является для него лишь частью общаго цѣлаго, хотя, быть можетъ, и наиболѣе драгоцѣнной. Искусство и все свѣтлое въ жизни тѣсно слиты для него между собою, и потому-то геній и злодѣйство, въ его представленіяхъ, вещи несовмѣстныя... Въ Сальери, наоборотъ, одна изъ сторонъ жизни уродливо развита въ ущербъ другимъ: искусство для него безконечно выше и жизни, и самой правды, и весьма естественно, что Моцартъ кажется ему недостойнымъ жрецомъ божества».

Та же мысль Бѣлинскаго о теоретической антитезѣ, какъ смыслѣ трагедіи, легла въ основаніе новѣйшихъ сужденій о «Моцартѣ и Сальери», высказанныхъ г. Ивановымъ-Разумникомъ **). Въ мысли

*) Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. Стр. 80.

**) «Исторія русской общественной мысли». Спб. 1907. Т. I, стр. 112. Авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что Моцартъ и Сальери написанъ черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Это предположеніе—основанное на томъ, что «Скупой Рыцарь» носитъ помѣтку 23 октября, а «Моцартъ и Сальери» 26 октября—своевременно отвергнуто Анненковымъ: «Все это не болѣе, какъ помѣтки, означающія время окончательнаго исправленія рукописей и нисколько не указывающія настоящей эпохи созданія. Иначе приходилось бы три дня труда для Моцарта, восемь дней для Каменнаго Гостя, что при извѣстномъ, долгомъ осмотрѣ

Пушкина, по его мнѣнію, между прочимъ, заключено «признаніе необходимости широкаго кругозора, безпрестаннаго проникновенія въ кипящую жизнь со стороны гордаго въ своемъ одиночествѣ человѣка». «Этой идеи Пушкинъ коснулся въ «Моцартѣ и Сальери», написанномъ черезъ три дня послѣ «Скупого Рыцаря». Сущность «Моцарта и Сальери»—развитіе идеи о взаимоотношеніи между геніемъ и талантомъ: эта характеристика, съ легкой руки Бѣлинскаго сохранилась во всей своей неприкосновенности до нашего времени. Въ этомъ, однако, заключена только часть истины. Сальери не талантъ, онъ ремесленникъ въ искусствѣ, хотя въ то же время ярый поборникъ теоріи чистаго искусства; онъ анатомируетъ искусство какъ трупъ и думаетъ достигнуть совершенства «усиленнымъ, напряженнымъ постоянствомъ»: онъ увѣренъ даже, что уже «въ искусствѣ безграничномъ достигнулъ степени высокой». Пусть добродушный и геніальный Моцартъ признаетъ его даже геніемъ, наравнѣ съ собой, это ничего не доказываетъ: вѣдь и Пушкинъ признавалъ въ такихъ посредственностяхъ, какъ Дельвигъ или кн. Вяземскій, прекрасный талантъ и вдохновенность. Непосредственный геній Моцарта, широкаго при всей своей глубинѣ, противопоставляется узкому ремесленничеству Сальери; «праздный гуляка» Моцартъ, способный «остановиться у трактира и слушать скрипача слѣпого», способный возиться на полу съ своимъ мальчишкой въ то время, когда носитъ въ своей душѣ божественное произведеніе, противопоставляется узкому эстету Сальери, который «упрямо и надменно» отрекся отъ всего и «предался одной музыкѣ», отвергнувъ и «науки, чуждыя музыкѣ», и «праздныя забавы». Такимъ образомъ, если въ Моцартѣ Пушкинъ видитъ свободнаго генія, для котораго цѣль искусства—искусство (а вѣдь самъ Моцартъ причисляетъ себя къ числу людей,

Пренебрегающихъ презрѣнной пользой
Единаго прекраснаго жрецовъ),

то въ Сальери онъ казнитъ эстетическое мѣщанство, полагающее, что исключительная цѣль человѣка—искусство; въ Моцартѣ—широта и геній, въ Сальери—ремесленничество и спеціализація.

Самъ Пушкинъ былъ, конечно, Моцартомъ, а не Сальери: онъ никогда не унижался до эстетизма, онъ всегда откликался, какъ эхо, на всѣ отзвуки современности».

Въ углубленной формѣ, задѣвая основы моральнаго міровоззрѣнія Пушкина, попытался представить антитезу Моцарта и Сальери Вл. Соловьевъ *), къ сожалѣнію коснувшійся трагедіи лишь мимоходомъ. Мы знаемъ—поскольку эстетическая теорія Пушкина выразилась въ его эстетикѣ—чѣмъ представлялся ему поэтъ. Это «пророкъ», «жрецъ», «царь». Здѣсь эти характеристики восполняются: «къ этимъ тремъ образамъ присоединяется четвертый—«гуляка праздный». Но все это сходится въ одномъ: свобода и самозаконность относительно низшей и внѣшней, чужеродной условности и полная зависимость, пассивность предъ внутренними наплывами изъ сверхсознательной области вдохновенія. Этотъ существенный характеръ поэзіи съ особенно яркой наглядностью выступаетъ здѣсь вслѣдствіе трагическаго столкновенія между истиннымъ геніемъ Моцартомъ—онъ же «гуляка праздный»—и самоотверженнымъ, добросовѣстнымъ, но лишеннымъ высшаго вдохновенія подвижникомъ искусства,—Сальери».

Какъ бы предчувствуя возможность такого сліянія воззрѣнія Сальери на Моцарта съ воззрѣніемъ самого Пушкина, проф. Овсянико-Куликовскій, въ статьѣ **), появившейся ранѣе статьи Вл. Соловьева, старался отвратить это недоразумѣніе, «возможность котораго есть единственный недостатокъ пьесы. Именно, можетъ придти въ голову, будто самъ Пушкинъ отчасти раздѣляетъ мнѣніе Сальери, что геній—«гуляка праздный», что ему незачѣмъ работать, совершенствоваться,—онъ творитъ исключительно въ силу какого-то наитія. Собственно говоря, вся совокупность впечатлѣній, оставляемыхъ въ насъ фигурою Моцарта, отнюдь не уполномочиваетъ насъ думать, что Моцартъ въ самомъ дѣлѣ—«гуляка праздный», что Пушкинъ раздѣляетъ мнѣніе Сальери. Но съ другой стороны, въ пьесѣ нѣтъ также рѣшительнаго опроверженія этого мнѣнія. А между тѣмъ оно совершенно ложно: геніальность есть особый видъ умственнаго труда,

своихъ произведеній у Пушкина, допустить нельзя». («Матеріалы», изд., стр. 290).

*) Значеніе поэзіи Пушкина». Вѣстн. Европы» 1899 г. XII.

**) «А. С. Пушкинъ, какъ художественный геній» въ Пушкинскомъ сборн. «Жизни» (1899 г. V).

а не праздности, и геній—всегда труженикъ».

Вѣрны всѣ эти характеристики или спорны—надо однако признать одно: вопросы эстетико-теоретическаго и психологическаго взаимоотношенія генія и таланта рѣшаются въ трагедіи «Моцартъ и Сальери» глубоко, но лишь попутно. Толкователи «Моцарта и Сальери», усматривающіе въ средоточіи пьесы главнымъ образомъ противоположеніе двухъ художественныхъ и моральныхъ типовъ, несомнѣнно, имѣютъ для этого достаточный матеріалъ въ немногихъ страницахъ пьесы. Громадное содержаніе сгущено здѣсь въ небольшомъ объемѣ съ поражающей силой; это—по выраженію проф. Овсянико-Куликовскаго—по истинѣ «геркулесовы столбы художественной мысли» и безконечны пестрота и широта тѣхъ характеристикъ, которыя можно сдѣлать, опираясь на немногія, но насыщенныя мыслью, указанія пьесы. Но мы имѣемъ предъ собою трагедію: эти характеристики не цѣль изслѣдованія, а средство,—путь къ уясненію трагическаго смысла пьесы. Это вѣдь не эпическая повѣсть, не разсказъ о двухъ разныхъ людяхъ, гдѣ средоточіе изображенія въ статикѣ души, а не въ ея динамикѣ, гдѣ быть, создающій людей, самъ по себѣ интересуетъ автора и его читателя.

Могутъ сказать: почему «Моцартъ и Сальери»—трагедія? Въ ней два «главныхъ» и совершенно различныхъ дѣйствующихъ лица—и гибнетъ совсѣмъ не тотъ, кого можно назвать лицомъ трагическимъ. Моцартъ погибаетъ отъ внѣшней причины и ничто въ его внутреннемъ мірѣ не носитъ и слѣда той непримиримой раздвоенности, которую мы называемъ трагическою и которая въ своемъ логическомъ развитіи можетъ привести къ одному выходу—къ гибели ея носителя. Въ Сальери также не легко усмотрѣть героя трагедіи — онъ остается въ здравіи и благополучіи, его завистливые происки увѣнчаны успѣшнымъ устраненіемъ врага: въ чемъ же его трагедія? Конечно, не въ его зависти, которая можетъ терзать и ничтожнаго человѣка Но Сальери не ничтоженъ—Сальери умный, сильный, даровитый человѣкъ, истинный подвижникъ искусства, преданный ему со всѣмъ самоотверженіемъ знатока, любителя, художника. Высшее наслажденіе для него—наслажденіе художественное, высшимъ благоговѣніемъ искренно окружаетъ онъ тѣхъ, кто является для него источникомъ этого наслажденія. И вотъ, низкое, животное, безсмысленное чувство овладѣваетъ этимъ достойнымъ лучшей доли человѣкомъ. Онъ борется, онъ хочетъ спасти свое человѣческое достоинство, онъ пытается увѣрить себя, что «правды нѣтъ и выше», но все тщетно: онъ во власти низкой страсти, и изобрѣтательная мысль его склоняетъ его къ убійству софизмами съ той же тонкостью, съ какой нѣкогда удерживала отъ примѣненія рокового подарка Изоры. Лживый голосъ безсмысленной жажды устранить предметъ нелѣпой зависти и злобы подсказываетъ ему, что это уже не его личное дѣло. Онъ воображаетъ себя какимъ то избранникомъ исторической справедливости; онъ долженъ остановить Моцарта—иначе погибли всѣ они, жрецы, служители музыки, не только онъ со своей «глухою славой». Забывая, что искусство музыканта и послѣ его смерти живетъ въ традиціи, что безсмертныя композиціи надолго переживаютъ ихъ творца, оживляемыя къ новому бытію въ новомъ исполненіи, Сальери отуманиваетъ себя нелѣпостями, въ которыя не можетъ вѣрить онъ, образованный музыкантъ:

Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ;
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.

О, какъ хотѣлъ бы Сальери быть этимъ наслѣдникомъ. Но здѣсь мысль о его творческомъ безсиліи охватываетъ его желѣзными тисками—и изъ груди его вырывается взрывъ злобы:

Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ **безкрылое** желанье
Въ насъ, **чадахъ праха**, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же!

На этотъ разъ чудовищная страсть побѣдила его, и въ жертву этой страсти онъ принесетъ высшее, что есть для него на землѣ. Сальери не умираетъ;—умираетъ Моцартъ, но вмѣстѣ со своей жертвой гибнетъ и Сальери. Не конкурента онъ убилъ, не счастливаго соперника, а генія. И конечно, убійство Моцарта не возстановитъ нарушенной гармоніи его существа—и въ этомъ смыслѣ поистинѣ геніально то, что трагедія заканчивается **вопросомъ** Сальери. Въ вѣчномъ вопро-

САЛЬЕРИ.

МОЦАРТЪ.

МОЦАРТЪ и САЛЬЕРИ ВЪ ГРАВЮРАХЪ НАЧАЛА XIX вѣка.

(Изъ Пушкинской коллекціи П. А. Ефремова).

сѣ, въ безысходномъ недоумѣніи—трагическій исходъ его бореній.

Ужель онъ правъ,
И я не геній?

Вопросъ для него, конечно, не въ томъ, геній онъ или нѣтъ: лучше, чѣмъ кто бы то ни былъ на свѣтѣ, онъ знаетъ цѣну своему маленькому дарованію, чуждому геніальности. Но мучительныя сомнѣнія грызутъ его: если геній и злодѣйство несовмѣстимы, то что-нибудь изъ нихъ ненужно, а онъ знаетъ, что геній нуженъ, нуженъ прежде всего ему самому. Онъ убилъ потому, что «правды нѣтъ и выше», а между тѣмъ самая несовмѣстимость злодѣйства и генія говоритъ о какой-то высшей правдѣ. И Сальери задумывается о томъ, убилъ Микель-Анджело или не убилъ,—ибо это чужое убійство должно для него самого оправдать его преступленіе. И онъ чувствуетъ, онъ уже знаетъ, что этого оправданія нѣтъ. Развязка его трагедіи предъ нами: онъ погибъ какъ настоящій трагическій герой. Физическую развязку скрылъ отъ насъ поэтъ,—но это лишь глубокій художественный пріемъ. Мы можемъ не сомнѣваться въ ней; мы знаемъ, какъ мало Сальери любитъ жизнь, какъ часто казалась она ему несносной раной.

Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня—
Что умирать?—я мнилъ: быть можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь, и вдохновенье;
Быть-можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...

Все свершилось: Сальери знаетъ, что внезапныхъ даровъ уже не принесетъ ему жестокая жизнь и не придетъ къ нему безумная радость творческой ночи. Явился «новый Гайденъ» и сотворилъ великое—и слился воедино съ тѣмъ злѣйшимъ врагомъ. «Завѣтный даръ любви» перешелъ въ чашу дружбы. И у Сальери есть все для того, чтобы закончить свою жизнь, кромѣ дара Изоры. Онъ найдетъ другой путь въ вѣчность.

А. Горнфельдъ.

САЛЬЕРИ.

Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова.

645. МОЦАРТЪ и САЛЬЕРИ.

СЦЕНА I.

(Комната).

САЛЬЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ—и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался—слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ

И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда
Уже дерзнулъ, въ наукѣ искушенный,
Предаться нѣгѣ творческой мечты.
Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
Не смѣя помышлять еще о славѣ.
Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,
Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣлъ,
Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая съ легкимъ дымомъ исчезали!...
Что говорю? Когда великій Глюкъ
Явился и открылъ намъ новы тайны
(Глубокія, плѣнительныя тайны),
Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
Усильнымъ, напряженнымъ постояньствомъ
Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
Достигнулъ степени высокой. Слава
Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.
Я щастливъ былъ: я наслаждался мирно
Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
Трудами и успѣхами друзей,
Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
О, никогда!—ниже́, когда Пиччини
Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
Ниже́ когда услышалъ въ первый разъ
Я Ифигеніи начальны звуки.
Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
Песокъ и пыль грызущею безсильно?
Никто... А нынѣ—самъ скажу—я нынѣ
Завистникъ! Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.—О небо!
Гдѣжъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ—
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки праздпаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(*Входитъ Моцартъ*).

МОЦАРТЪ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя нежданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь!—Давно ль?

МОЦАРТЪ.

Сей часъ. Я шелъ къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
Услышалъ скрыпку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе отроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрыпачъ въ трактирѣ
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вытерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди

(*Входитъ слѣпой старикъ со скрыпкой*).

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(*Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана; Моцартъ хохочетъ.*

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!
Уже ль и самъ ты не смѣешься!

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,
Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,
Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
Пародіей безчеститъ Алигьери.
Пошёлъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Постой же: вотъ тебѣ,
Пей за мое здоровье.

(*Старикъ уходитъ*).

Ты, Сальери,
Не въ духѣ нынѣче. Я приду къ тебѣ
Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесъ?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ—такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
Безсонница моя меня томила,
И въ голову пришли мнѣ двѣ, три мысли
Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось
Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
Я слушаю.

МОЦАРТЪ (*за фортепіано*).

Представь себѣ... кого бы?
Ну, хоть меня—немного помоложе;
Влюбленнаго—не слишкомъ, а слегка—

СЛѢПОЙ СКРИПАЧЪ ИГРАЕТЪ АРІЮ МОЦАРТА.
Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова.

Съ красоткой, или съ другомъ—хоть съ тобой—
Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
Незапный мракъ иль что нибудь такое...
Ну, слушай же!

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шелъ ко мнѣ
И могъ остановиться у трактира
И слушать скрыпача слѣпаго!—Боже!
Ты, Моцартъ, недостоинъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
Какая смѣлость и какая стройность!
Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотаго Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри-жъ.
Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить—не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искуство? Нѣтъ;
Оно падетъ опять, какъ онъ изчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою—
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хоть я не трусъ,
Хотя обиду чувствую глубоко,
Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
Какъ жажда смерти мучила меня;
Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь—
Мнѣ принесетъ незапные дары:
Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье;
Быть можетъ, новый Гайденъ сотворитъ
Великое—и наслажуся имъ...
Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ;
Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
Въ меня съ надменной грянетъ высоты—
Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
И я былъ правъ! и наконецъ нашелъ
Я моего врага, и новый Гайденъ
Меня восторгомъ дивно упоилъ!
Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано).

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ *(за столомъ).*

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЪ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
Обѣдъ хорошій, славное вино,
А ты молчишь и хмуришься.

МОЦАРТЪ.

Признаться,
Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!
Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЪ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказывалъ тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЪ.

Такъ слушай:
Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отъ чего—не знаю,
Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашелъ и не засталъ опять меня.
На третій день игралъ я на полу

САЛЬЕРИ СЫПЛЕТЪ ЯДЪ ВЪ СТАКАНЪ МОЦАРТА.
Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова.

Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказалъ
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать—и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совсѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЪ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самтретей
Сидитъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! что за страхъ ребячій?
Разсѣй пустую думу. Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори Шампанскаго бутылку,
Иль перечти Женитьбу Фигаро».

МОЦАРТЪ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
Ты для него Тараса сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
Я все твержу его, когда я щастливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшёнъ
Для ремесла такого.

МОЦАРТЪ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?
(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта)
Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За твое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарта и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.
(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЪ *(бросаетъ салфетку на столъ).*

Довольно, сытъ я.
(Идетъ къ фортепіано).
Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. *(Играетъ).*
Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно, и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЪ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
И міръ существовать; никто бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни;
Всѣ предались бы вольному искуству.
Насъ мало избранныхъ, щастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.
(Одинъ).
Ты заснешь
Надолго, Моцартъ!... Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, безмысленной толпы—и не былъ
Убійцею создатель Ватикана?

646. СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ, ВО ВРЕМЯ БЕЗСОННИЦЫ.

Мнѣ не спится, нѣтъ огня;
Всюду мракъ и сонъ докучной;
Ходъ часовъ лишь однозвучной
Раздается близъ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня—
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучной шопотъ?
Укоризну, или ропотъ
Мной утраченнаго дня?
Отъ меня чего ты хочешь?
Ты зовешь, или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Темный твой языкъ учу...

647. ВЪ НАЧАЛѢ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я.

[Незакончено].

Въ началѣ жизни школу помню я;
Тамъ насъ, дѣтей безпечныхъ, было много—
Неравная и рѣзвая семья;
Смиренная, одѣтая убого,
Но видомъ величавая жена
Надъ школою надзоръ хранила строго.
Толпою нашею окружена,
Пріятнымъ, сладкимъ голосомъ, бывало,
Съ младенцами бесѣдуетъ она.
Ея чела я помню покрывало,
И очи свѣтлыя, какъ небеса;
Но я вникалъ въ ея бесѣды мало.
Меня смущала строгая краса
Ея чела, спокойныхъ устъ и взоровъ
И полныя святыни словеса.
Дичась ея совѣтовъ и укоровъ,
Я про себя превратно толковалъ
Понятный смыслъ правдивыхъ разговоровъ.
И часто я украдкой убѣгалъ
Въ великолѣпный мракъ чужаго сада,
Подъ сводъ искуственный порфирныхъ скалъ.
Тамъ нѣжила меня деревъ прохлада;
Я предавалъ мечтамъ свой слабый умъ,
И праздномыслить было мнѣ отрада.
Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все мраморные циркули и лиры,
И свитки [?] въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце; и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ.
Другія два чудесныя творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двухъ бѣсовъ изображенья.
Одинъ (Дельфійскій идолъ) ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный.

648. БЫЛЪ НА СВѢТѢ РЫЦАРЬ БѢДНЫЙ.

[Первая редакція; сохранился только неотдѣланный черновикъ. Сокращенную передѣлку см. въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ»].

Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой,
Съ виду сумрачный и блѣдный,
Молчаливый и простой.
Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непонятное ему
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему.
[Разъ] поѣхалъ онъ въ Женеву
Онъ увидѣлъ у [креста]
На пути Марію Дѣву,
Матерь Господа Христа.
Съ той поры, заснувъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
И до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ
И на грудь . . . . онъ четки
Вмѣсто шарфа навязалъ—
Никогда стальной рѣшетки
Онъ съ лица не поднималъ.
Полонъ (дѣтскою?) любовью
Вѣренъ набожной мечтѣ,
Ave Mater Dei кровью
Написалъ онъ на щитѣ.
Проводилъ . . . цѣлы ночи
Предъ иконой Пресвятой,
Устремивъ къ ней [томны] очи,
Тихо слезы лилъ рѣкой.

Пѣть псалмы Отцу и Сыну
И Святому Духу вѣкъ
Не случалось Паладину—
Былъ онъ странный человѣкъ.
Между [тѣмъ?] какъ Паладины
Мчались
По пустынямъ Палестины,
Имянуя громко дамъ,
Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ
И гнала его угроза
(Мусульманъ) . . . . станъ.
Возвратясь въ свой замокъ дальный,
Жилъ онъ, будто заключенъ,
Все влюбленный . . печальный,
Безъ причастья умеръ
Какъ боролся онъ съ [кончиной?]
Бѣсъ лукавый подоспѣлъ;
Душу (рыцаря) сбирался
Унести онъ въ свой предѣлъ:
«Онъ-де Богу не молился,
Онъ не вѣдалъ и поста,
Онъ за Матерью Христа
Непристойно волочился.»
Но Пречистая сердечно
Заступилась за него,
И пустила въ царство вѣчно
Паладина своего.

---

649. ГЕРОЙ.

Что есть истина?

ДРУГЪ

Да, Слава въ прихотяхъ вольна.
Какъ огненный языкъ, она
По избраннымъ главамъ летаетъ;
Съ одной сегодня исчезаетъ,
И на другой уже видна.
За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ;
Но намъ ужъ то чело священно
Надъ коимъ вспыхнулъ сей языкъ.
На Тронѣ, на кровавомъ полѣ,
Межъ гражданъ на чредѣ иной,
Изъ сихъ избранныхъ кто всѣхъ болѣ
Твоею властвуетъ душой?

ПОЭТЪ

Все онъ, все онъ—пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися Цари,
Сей ратникъ Вольностью вѣнчанный,
Изчезнувшій, какъ тѣнь зари.

ДРУГЪ

Когда жъ твой умъ онъ поражаетъ
Своею чудною звѣздой?
Тогда ль какъ съ Альповъ онъ взираетъ
На дно Италіи святой,
Тогда ли какъ хватаетъ знамя
Иль жезлъ диктаторскій, тогда ль,
Какъ водитъ и кругомъ и вдаль
Войны стремительное пламя
И пролетаетъ рядъ побѣдъ
Надъ нимъ одна другой воспѣдъ;
Тогда ль какъ рать Героя плещетъ
Передъ громадой Пирамидъ,
Иль какъ Москва пустынно блещетъ
Его пріемля—и молчитъ?

ПОЭТЪ

Нѣтъ, не у Щастія на лонѣ
Его я вижу, не въ бою,
Не зятемъ Кесаря на тронѣ,
Не тамъ гдѣ на скалу свою
Сѣвъ, мучимъ казнію покоя,
Осмѣянъ прозвищемъ Героя,
Онъ угасаетъ недвижимъ
Плащемъ закрывшись боевымъ;
Не та картина предо мною:
Одровъ я вижу длинный строй,
Лежитъ на каждомъ трупъ живой
Клейменный мощною Чумою,
Царицею Болѣзней. Онъ,
Не-бранной смертью окруженъ,
Нахмурясь ходитъ межъ одрами,
И хладно руку жметъ Чумѣ
И въ погибающемъ умѣ
Рождаетъ бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнію своей
Игралъ предъ сумрачнымъ Недугомъ
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ Небу другомъ
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!

ДРУГЪ

Мечты поэта,
Историкъ строгой гонитъ васъ!
Увы—его раздался гласъ (*)
И гдѣжъ очарованіе свѣта?

ПОЭТЪ

Да будетъ проклятъ Правды свѣтъ,
Когда Посредственности хладной
Завистливой, къ соблазну жадной
Онъ угождаетъ праздно!—нѣтъ,
Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.
Оставь Герою сердце; Чтоже
Онъ будетъ безъ него? Тиранъ!

ДРУГЪ

Утѣшься...

29 Сентября 1830 г.
Москва.

---

*) Mémoires de Bourienne.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

I.

Превознося Пушкина какъ художника, его цѣнители отмѣчали нерѣдко одну, дѣйствительно, очень характерную черту его творчества—его способность чувствовать себя свободнымъ въ самыхъ различныхъ историческихъ костюмахъ и его умѣнье быть искреннимъ и естественнымъ въ обстановкѣ чужой, не русской.

Что Пушкинъ обладалъ даромъ проникать во всѣ тайники русской души, и современной ему, и той, которая нѣкогда жила въ его предкахъ—это, хотя и удивляло на первыхъ порахъ критику, но мало-по-малу, стало ей казаться вполнѣ естественнымъ. Еще при жизни поэта его поэзія была признана вѣрнымъ художественнымъ отраженіемъ нашей жизни, и, какіе бы недочеты въ его стихахъ ни отыскалъ читатель (а неблагодарный читатель бывалъ иногда очень придирчивъ), онъ могъ спорить противъ темы, избранной поэтомъ, противъ отдѣльныхъ образовъ и словъ, но передъ правдой изображенія, передъ вѣрностью психологической мотивировки, цѣльностью художественнаго образа онъ преклонялся.

Къ этому признанію высоты и красоты національнаго поэта присоединилось скоро удивленіе передъ силой поэта универсальнаго. Эта новая черта пушкинскаго творчества была подмѣчена не сразу, но, по мѣрѣ развитія въ читателѣ эстетическаго чувства, стала все больше и больше выясняться. Уже Бѣлинскій подчеркнулъ художественную универсальность поэта и подпадалъ иногда искушенію приравнять Пушкина къ самымъ яркимъ міровымъ геніямъ. Достоевскій въ своей знаменитой рѣчи не только призналъ это равенство, но даже повысилъ цѣнность пушкинской поэзіи еще нѣсколькими степенями и привѣтствовалъ въ художникѣ «всечеловѣка», вмѣстившаго въ себѣ все, что когда-либо человѣкъ на землѣ перечувствовалъ и передумалъ. Въ какой мѣрѣ Достоевскій былъ правъ, надѣляя Пушкина такимъ титуломъ, объ этомъ можно спорить, но не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что среди русскихъ художниковъ Пушкинъ былъ единственнымъ, который, улетая мечтой за границу своей родины (а ему только въ мечтахъ удалось повидать чужія страны), чувствовалъ себя, какъ художникъ, совсѣмъ свободно на чужой сторонѣ и среди людей, съ которыми онъ въ жизни никогда не встрѣчался.

Еще задолго до Пушкина наши художники слова брали на себя роль посредниковъ между нами и нашими сосѣдями,—роль своего рода истолкователей всемірной исторіи въ ея наиболѣе характерныхъ моментахъ и наиболѣе яркихъ типахъ. Наша широкая публика стараго времени—публика полукультарная или совсѣмъ некультурная—въ своемъ образованіи была очень многимъ обязана поэтамъ и романистамъ. Въ ихъ сказкахъ почерпали мы первыя свѣдѣнія о томъ, какъ, напр., выглядѣлъ, съ внѣшней, конечно, стороны, міръ античной древности, міръ варварской фантазіи, столѣтія монашества и рыцарства, вѣкъ Людовика XIV—годы «бури и натиска» и другія знаменательныя эпохи всемірной исторіи, Греки, римляне, итальянцы, испанцы, французы, нѣмцы и англичане—всѣ въ разныхъ костюмахъ различныхъ эпохъ толпились передъ нашими глазами и говорили съ нами русской рѣчью.

Какъ бы мы теперь ни улыбались, читая эти рѣчи, въ которыхъ мы узнаемъ сразу нашихъ добрыхъ соотечественниковъ, переодѣтыхъ и ряженыхъ, мы не должны

забывать, что было время, когда этотъ литературный маскарадъ дѣлалъ свое культурное дѣло. Наша поэзія была нашей первой исторической хрестоматіей, первымъ нашимъ учебникомъ исторіи, въ которомъ картинка, хотя и очень незатѣйливая, была вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

Такое наглядное ознакомленіе русскаго читателя съ прошлой и настоящей жизнью западной продолжалось за все время процвѣтанія у насъ такъ называемаго «романтизма». Это направленіе, очень туманное по своимъ художественнымъ внутреннимъ тенденціямъ, въ выборѣ сюжетовъ и во внѣшнихъ формахъ ихъ обработки дѣлало откровенныя заимствованія у иностранныхъ образцовъ и тѣмъ самымъ, несомнѣнно, сближало русскаго читателя съ судьбами всего культурнаго міра. До конца сороковыхъ годовъ, когда давно пробивавшійся наружу реализмъ, одержалъ наконецъ, побѣду въ лицѣ Гоголя и молодыхъ силъ «натуральной школы», наши поэты и романисты въ особенности, продолжали любить такія литературныя экскурсіи въ дальнія страны вплоть до береговъ Ганга и Иранскаго плоскогорья.

И Пушкинъ любилъ иногда забывать Россію современную и историческую, и позволялъ себѣ жить среди иныхъ людей и въ иныя времена. По природѣ своей онъ былъ большой реалистъ въ искусствѣ въ томъ смыслѣ, что не отступалъ отъ психологической правды въ изображеніи души человѣка, хотя бы и въ рамкахъ самаго фантастическаго и легендарнаго сюжета. Отъ современныхъ ему художниковъ—и даже самыхъ даровитыхъ,—онъ отличался именно тѣмъ, что умѣлъ воскрешать умершихъ и возстановлять исчезнувшія обстановки—ну, если не со всей полнотой знаній археологическихъ и историческихъ, то съ полнотой знанія человѣческаго сердца; и во всѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ имѣлъ дѣло съ такими отжившими или никогда не жившими людьми, мы не найдемъ никакихъ невозможностей, натяжекъ, не найдемъ рѣзкихъ анахронизмозъ или попытки навязать старинѣ свою собственную психику. Передъ нами стоятъ живые люди и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ нѣкогда они жили, мыслили и волновались.

Было бы очень интересно подробно провѣрить въ какой степени нашъ художникъ былъ силенъ въ такихъ перевоплощеніяхъ, и эта работа еще ждетъ своего исполнителя. Пока можно сказать только, не боясь впасть въ преувеличеніе, что никому изъ нашихъ художниковъ не открывалась такъ тайна самыхъ противорѣчивыхъ психическихъ состояній души человѣческой, какъ Пушкину. Неподдѣльной древностью вѣетъ на насъ отъ его антологическихъ стихотвореній въ античномъ стилѣ; глубокое и истинное христіанское настроеніе можемъ мы уловить въ нѣкоторыхъ его стихахъ, какъ, напр., въ «Галубѣ»; облики настоящихъ рыцарей возстаютъ передъ нами въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», и рядомъ съ этимъ мы можемъ уловить духъ эпохи Возрожденія въ его «Пирѣ во время чумы» и въ «Каменномъ Гостѣ». Стоитъ ли говорить о томъ, какъ вѣрно онъ схватывалъ современныя ему настроенія, столь пышно развернувшіяся на Западѣ въ памятникахъ такъ называемой сентиментальной и романтической литературы?

Повинуясь во всѣхъ этихъ стихахъ своему вдохновенію и служа музамъ, поэтъ, несомнѣнно, исполнялъ и иную культурную миссію: онъ расширялъ историческій кругозоръ своихъ читателей, и можно только пожалѣть, что онъ это дѣлалъ такъ рѣдко. Дѣйствительно, Пушкинъ рѣдко разрѣшалъ себѣ такія отступленія отъ обычныхъ ему мотивовъ личныхъ или темъ изъ жизни русской въ ея прошломъ и настоящемъ. И лучшее, что имъ было создано въ этой области исторической художественной интуиціи хранилось долго въ его бумагахъ и увидало свѣтъ только послѣ его смерти.

Къ числу самыхъ яркихъ примѣровъ такой универсальности въ творчествѣ Пушкина относится и «Каменный Гость», произведеніе большой цѣны—какъ образецъ силы русскаго драматическаго таланта—и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ удачнѣйшихъ варіацій общераспространенной на Западѣ литературной темы.

Когда «Каменный Гость» появился въ печати, Бѣлинскій встрѣтилъ его диѳирамбомъ восторга. Объ этой первой оцѣнкѣ надо вспомнить, такъ какъ она, отдавая должное таланту русскаго писателя, угадала и международное значеніе его произведенія. Богатѣйшимъ, роскошнѣйшимъ алмазомъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Пушкина называлъ Бѣлинскій «Каменнаго Гостя» *). «Какая дивная гармонія между идеей и формой!—восклицалъ критикъ. Какой стихъ,

*) Сочиненія Бѣлинскаго, томъ VIII, «Сочиненія Александра Пушкина», гл. XI.

прозрачный, мягкій и упругій, какъ волна, благозвучный, какъ музыка! Какая кисть, широкая, смѣлая, какъ будто небрежная! Какая антично благородная простота стиля! Какія роскошныя картины волшебной страны, гдѣ ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ! Такая тема не можетъ пользоваться популярностью. Ее можно или понять глубоко, или вовсе не понять. Для не понимающихъ она не имѣетъ ровно никакой цѣны; для понимающихъ невозможно любить ее безъ страсти, безъ энтузіазма. Но первыхъ много, послѣднихъ мало, и потому она существуетъ для немногихъ».

«Герой ея—лицо миѳическое, испанскій Фаустъ»... и критикъ начинаетъ доискиваться философскаго смысла въ появленіи на землѣ такого характера, какъ Донъ-Жуанъ. «Каждый человѣкъ, — говоритъ онъ,—чтобы жить не одной физической жизнью, но и нравственной вмѣстѣ, долженъ имѣть въ жизни какой-нибудь интересъ, что-нибудь въ родѣ постоянной склонности, влеченія къ чему-нибудь. Иначе жизнь его будетъ неполна или пуста. Въ людяхъ высшей природы этотъ интересъ, эта склонность, это влеченіе проявляются какъ могущественная страсть, составляющая ихъ силу. Одинъ находитъ свою страсть, пафосъ своей жизни, въ наукѣ, другой—въ искусствѣ, третій—въ гражданской дѣятельности и т. д. Донъ-Жуанъ посвятилъ свою жизнь наслажденію любовью, не отдаваясь, однакожъ, ни одной женщинѣ исключительно. Это путь ложный, и оскорбленіе истинно нравственной идеи всегда влечетъ за собою наказаніе, разумѣется, нравственное же». Изъ упоминанія о Фаустѣ и изъ всѣхъ этихъ словъ Бѣлинскаго ясно, что онъ оцѣнивалъ «Каменнаго Гостя», какъ философскую поэму, рѣшающую нравственный вопросъ. И критикъ былъ правъ, такъ какъ Донъ-Жуанъ традиціонной легенды, несомнѣнно, яркій выразитель и проводникъ въ жизнь опредѣленнаго нравственнаго міропониманія, а «Каменный Гость», несомнѣнно, произведеніе міровое, дающее новую варіацію одного не умирающаго въ жизни человѣческой мотива.

Дважды русскій художникъ брался за разработку этого общечеловѣческаго мотива, и дважды онъ созидалъ нѣчто равное тѣмъ образцамъ, которые раньше него были уже признаны какъ художественныя рѣшенія данной задачи. Сначала Пушкинъ заинтересовался этимъ сюжетомъ, а потомъ имъ увлекся Алексѣй Толстой. Пушкинъ обманулъ насъ, заставляя думать, что передъ нами настоящій испанецъ, и дѣйствіе происходитъ въ Мадритѣ; Алексѣю Толстому этого не удалось сдѣлать, и, читая его поэму, мы не могли забыть самого автора, который очень субъективно рѣшалъ запутанную философскую проблему, и все намъ казалось, что дѣйствіе происходитъ въ его кабинетѣ, а не въ Испаніи.

II.

На вопросъ, какія думы или чувства, или житейскія обстоятельства заставили Пушкина остановить свой выборъ на старинной легендѣ объ испанскомъ соблазнителѣ, мы, конечно, никогда точнаго отвѣта не получимъ. Выборъ сюжета бываетъ часто очень капризенъ и обусловленъ такими случайностями, въ которыхъ самъ поэтъ иногда отдать себѣ отчета не можетъ. Все, что въ данномъ случаѣ можетъ разрѣшить себѣ историкъ—это только предположенія и самыя общія догадки.

По поводу «Каменнаго Гостя» такихъ догадокъ было высказано нѣсколько. Указывалось на то, что Пушкинъ имѣлъ случай видѣть представленіе оперы Моцарта на сценѣ и не могъ забыть вынесеннаго изъ театра впечатлѣнія. Оно будто бы потребовало отъ него самостоятельнаго и достойнаго Моцарта отвѣта. Указывалось, кромѣ того, что Пушкинъ въ домѣ Карамзиныхъ встрѣчался съ извѣстнымъ восторженнымъ поклонникомъ Моцарта—Улыбышевымъ и что отзвуки бесѣдъ съ этимъ тонкимъ знатокомъ музыки, могутъ быть уловлены и въ «Каменномъ Гостѣ», и въ «Моцартѣ и Сальери». Легко возможно, что эти случайныя встрѣчи и случайныя впечатлѣнія дали толчокъ фантазіи поэта, но увлеченіе Пушкина своей темой едва-ли можетъ быть объяснено только ими. Въ данномъ случаѣ родникъ вдохновенія поэта надо искать не въ однѣхъ только случайностяхъ, а въ чемъ-нибудь болѣе постоянномъ. И было высказано мнѣніе, что «Каменный Гость» въ извѣстномъ смыслѣ личное признаніе поэта. Любовь, которой Пушкинъ въ своей жизни приносилъ столько жертвъ, пылала въ его сердцѣ всего ярче какъ разъ въ то время, когда онъ работалъ надъ этими драматическими сценами. Онъ былъ женихомъ своей невѣсты, и рѣчи, которыя Донъ-Жуанъ говорилъ Доннѣ-Аннѣ, относились не къ ней, а къ Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой. У Пушкина явилось же-

ланіе покаяться въ прежнихъ грѣхахъ и увѣрить самого себя въ томъ, что старая любовь не можетъ идти въ сравненіе съ новой; поэтъ хотѣлъ предостеречь самого себя и уберечь свою новую любовь отъ тѣхъ искушеній легкомыслія, какимъ такъ охотно подпадали всѣ его старыя страсти; поэтъ грозилъ самому себѣ той участью, какая постигла вѣтренаго любовника, порхающаго отъ одной любви къ другой, какъ, несомнѣнно, порхалъ въ былые годы онъ самъ. Переживаемый острый моментъ любовнаго увлеченія и страхъ за себя и за любимую женщину, сознаніе своей грѣховности передъ лицомъ «чистаго ангела»— всѣ эти обычныя мысли и чувства жениха оказали въ данномъ случаѣ прямое вліяніе на полетъ его творческой фантазіи *).

Эти параллели между творчествомъ и жизнью поэта весьма правдоподобны, и легко можетъ быть, что даже оригиналами для Лепорелло, Инезы и Лауры служили живыя лица, добрые знакомые Пушкина, какъ это подробно И. Щегловъ доказываетъ. Съ нимъ рѣшительно нельзя согласиться только въ одномъ—въ предположеніи, что въ трагической смерти Донъ-Жуана поэтъ какъ бы предугадывалъ свою собственную судьбу. Пушкинъ едва ли «сознавалъ про себя, что, беря въ жены женщину свѣтскую, избалованную, вдобавокъ рѣдкую красавицу, онъ ставитъ на карту свою будущность, какъ поэта». Едва ли «проникновеніе поэта на ухо подсказывало ему, что эта женитьба какъ бы послѣдній пиръ его жизни, и «каменный гость»—смерть, можетъ быть, уже недалека отъ его житейскаго порога»... Не могъ поэтъ думать о такомъ «трагическомъ» исходѣ своего счастья, когда былъ такъ упоенъ имъ,—но если бы даже онъ и думалъ, то, конечно, не въ образѣ беззаботнаго Донъ-Жуана рисовался бы ему его собственный образъ.

Предположить, однако, что наканунѣ отреченія отъ грѣховъ юности онъ могъ задуматься надъ тѣмъ, какъ легко прошутить истинную любовь, какъ легко погибнуть, идя старой дорогой, вмѣсто того, чтобы быть счастливымъ въ обладаніи святымъ и чистымъ сердцемъ,—это возможно.

Не будемъ дальше настаивать на всѣхъ этихъ предположеніяхъ и догадкахъ. И случайныя обстоятельства, и мимолетныя впечатлѣнія, и неизбѣжный самоанализъ любовью вскипѣвшаго сердца имѣли, безспорно, свою долю участія въ созданіи «Каменнаго Гостя».

Но «Каменный Гость» все-таки, прежде всего, произведеніе міровое, и, какъ мы сказали, одна изъ самыхъ удачныхъ и блестящихъ варіацій общеевропейской темы...

*) Иванъ Щегловъ, «Новое о Пушкинѣ», Спб. 1902, «Нескромныя догадки», стр. 132—147.

III.

Мы ничего не знаемъ о томъ, насколько подробно Пушкинъ былъ знакомъ съ литературной исторіей легенды, которая ему вдругъ такъ понравилась. Нѣтъ никакихъ указаній на какую-либо «работу» или подготовку поэта; какими «матерьялами» онъ располагалъ, когда брался продолжать дѣло, начатое другими, мы не знаемъ. Какъ его «Сцена изъ Фауста», такъ и «Каменный Гость» родились какъ будто сразу изъ его творческой головы, не отягченной никакими справками. Развѣ только комедія Мольера «Le festin de pierre» хранилась со школьныхъ лѣтъ въ памяти поэта..

Итакъ, можно предположить, что Пушкинъ и не догадывался, съ какими предшественниками онъ вступалъ въ состязаніе. А ихъ было очень много, начиная съ XVII вѣка, когда впервые Донъ-Жуанъ, герой устнаго преданья, появился на подмосткахъ.

Многочисленныя литературныя обработки этой старой легенды могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, сообразно съ той нравственной и идейной оцѣнкой, какой придерживался писатель въ своемъ судѣ надъ главнымъ героемъ.

По одному толкованію, Донъ-Жуанъ былъ простой грѣшникъ, искатель любовныхъ приключеній, человѣкъ подъ властью исключительной чувственности, развратный, безпринципный, безбожный и посему достойный самой тяжкой кары—вѣчныхъ адскихъ мученій. Такимъ является этотъ типъ въ первоначальныхъ редакціяхъ легенды, и кажется, что въ ея основѣ лежалъ историческій фактъ, нѣкогда возмутившій нравственное чувство человѣка. Въ половинѣ XIV вѣка среди близкихъ людей одного испанскаго короля находился, дѣйствительно, какой-то Донъ-Жуанъ, соблазнитель женскихъ сердецъ, поплатившійся жизнью за свою безбожную дерзость и за беззастѣнчивое обхожденіе съ дамами. Въ одномъ монастырѣ онъ

былъ убитъ монахами, которые затѣмъ распустили слухъ, что безбожникъ былъ самими чертями унесенъ въ преисподнюю. Легенда, которая быстро сплелась вокругъ имени Донъ-Жуана, имѣла, такимъ образомъ, первоначально, несомнѣнно, назидательную тенденцію и должна была предостерегать людей отъ излишней пылкости ихъ темперамента. Попавъ на подмостки, легенда усложнилась разными эпизодами, и основная моральная тенденція ея начала постепенно украшаться бытовыми деталями, сценками изъ жизни тѣхъ слоевъ общества и тѣхъ національностей, которые ею заинтересовывались. Разные типы женщинъ—отъ крестьянокъ до королевскихъ дочерей—приняли участіе въ ея дѣйствіи; появился въ ней очень рано и комическій типъ слуги-арлекина или простака-шута, всему міру извѣстный подъ именемъ Лепорелло. Главный интересъ былъ, конечно, сосредоточенъ на Донъ-Жуанѣ, пока въ XIX вѣкѣ онъ, этотъ интересъ, не былъ подѣленъ между героемъ и его послѣдней жертвой—женщиной съ особенно сильной душой, полной самопожертвованія и святой любви,—женщиной, похожей на добраго ангела, посланнаго съ небесъ для спасенія грѣшнаго, развратнаго сердца.

Такая чисто-моральная тенденція легла въ основаніе всѣхъ первыхъ обработокъ этого сюжета, начиная съ XVII вѣка *). Въ драмѣ испанца Тирсо де Молина «El Burlador de Sevilla» (1630), съ которой надо вести исторію типа Донъ-Жуана на сценѣ, мораль подчеркнута очень рѣзко: каменный командоръ не позволяетъ закоснѣлому грѣшнику, обманщику и соблазнителю даже покаяться и проваливается съ нимъ въ преисподнюю. Тонкихъ психологическихъ чертъ въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ нѣтъ, и вся драма, довольно грубо написанная, сплошь назидательная картина. Такой дидактическій характеръ сохраняетъ этотъ сюжетъ и въ итальянскихъ обработкахъ XVII вѣка, довольно многочисленныхъ и имѣвшихъ большой успѣхъ у публики. Новымъ въ этихъ передѣлкахъ является лишь вторженіе комическаго элемента; но этотъ комизмъ, нарушающій цѣльность назидательной картины, уравновѣшивается тѣмъ, что преступность самого Донъ-Жуана отягощается новой чертой—его непочтительнымъ отношеніемъ къ Богу—поверхностнымъ, но дерзкимъ атеизмомъ.

Во французскихъ передѣлкахъ сюжета, очень многочисленныхъ, повторяются все тѣ же обвиненія противъ главнаго героя, и, за кое-какими измѣненіями въ отдѣльныхъ сценахъ и драматическихъ положеніяхъ, ходъ развитія дѣйствія и его разрѣшеніе при помощи божьяго суда остается неизмѣннымъ. Французскій художникъ начинаетъ только подчеркивать съ особой силой дерзкое отношеніе героя къ божеству. Донъ-Жуаны-итальянцы хотя и богохульничаютъ, но ихъ богохульство скорѣе внѣшняя бравада, чѣмъ выраженіе послѣдовательной атеистической мысли. Французы идутъ значительно дальше, и сами художники заинтересованы не столько развратнымъ соблазнителемъ, типомъ для нихъ очень ординарнымъ, сколько богохульникомъ, который смѣется надъ сверхчувственной силой и именно этимъ готовитъ себѣ вѣчную погибель. Въ знаменитой пьесѣ Мольера «Le festin de pierre» (1665) мы имѣемъ самый законченный и цѣльный типъ такого безбожника, атеиста и, въ придачу, губителя женскихъ сердецъ. Какъ соблазнитель, онъ мало чѣмъ отличается отъ традиціоннаго типа, если не считать, что онъ человѣкъ утонченнаго обхожденія и дворянинъ до мозга костей, какимъ его съ особеннымъ стараніемъ желалъ обрисовать художникъ. Но самая характерная черта этой натуры—черта, пока еще не особенно ярко оттѣненная,—это—его почти-что сатанинская гордыня. Атеистъ послѣдовательный и дерзкій, онъ себя противопоставляетъ Богу и подчиняетъ всѣ нравственные вопросы своему свободному сужденію, которое не признаетъ никакого долга и никакихъ обязательствъ, не имъ установленныхъ. Донъ-Жуанъ Мольера—это своего рода сверхчеловѣкъ первоначальной формаціи. Мольеръ, несомнѣнно, углубилъ типъ Донъ-Жуана; но и въ его тол-

*) Исторія типа Донъ-Жуана детально разработана на Западѣ. Въ русской литературѣ имѣется точный пересказъ содержанія и взаимной связи различныхъ передѣлокъ легенды въ статьѣ Е. Г. Брауна «Литературная исторія типа Донъ-Жуана. Спб. 1889 (напечатано въ журналѣ «Пантеонъ Литературы»). Кромѣ того, извѣстна статья Алексѣя Веселовскаго, «Легенда о Донъ-Жуанѣ» («Этюды и Характеристики М. 1907) Недавно (въ журналѣ «Вѣстникъ Европы» 1907 г. за октябрь и ноябрь) была напечатана интересная статья Маргариты Саломонъ о «Донъ-Жуанѣ» графа Алексѣя Толстого. Въ статьѣ данъ содержательный и краткій очеркъ всѣхъ главнѣйшихъ литературныхъ обработокъ легенды вплоть до драматической поэмы Толстого.

кованіи этотъ типъ оставался вѣренъ традиціонному оригиналу беззаботнаго, веселаго прожигателя жизни: трагизмъ былъ пока еще только въ развязкѣ жизни героя, а не въ его душѣ, которая неизмѣнно ликовала и торжествовала.

Къ числу веселыхъ Донъ-Жуановъ надо отнести и тѣхъ, которые стали появляться въ XVIII вѣкѣ. Изъ ихъ среды вышелъ тотъ знаменитый Донъ-Жуанъ, который покорилъ весь міръ своимъ пѣніемъ.

Восторженные поклонники оперы Моцарта много потратили остроумія на истолкованіе характера этого обворожительнаго соблазнителя. Его обликъ, какъ онъ былъ данъ аббатомъ Да-Понте, который писалъ для Моцарта либретто оперы (1787), ничѣмъ не отличается отъ облика всѣхъ предшествующихъ ему веселыхъ Донъ-Жуановъ; но либретто и музыка, взятыя вмѣстѣ, нѣсколько видоизмѣняютъ этотъ образъ и изъ простого жизнерадостнаго ухаживателя создаютъ фигуру съ нѣкоторымъ трагическимъ оттѣнкомъ. Это отмѣтилъ еще Улыбышевъ въ своей извѣстной біографіи Моцарта; но трагическое въ этой драмѣ онъ видѣлъ лишь въ самой развязкѣ, въ ужасѣ казни преступника, въ пробужденіи мертвеца и въ грозной небесной карѣ, которую на голову преступника призываетъ оскорбленное и страдающее женское сердце. Музыка Моцарта должна въ ея патетическихъ и трагическихъ частяхъ напомнить намъ о глубокомъ нравственномъ смыслѣ нашей жизни, которая взыщетъ со всякаго, кто относится къ ней легкомысленно и кто думаетъ, что она дана ему для наслажденія. Эта серьезная сторона драмы, несомнѣнно, выдвинута въ музыкѣ Моцарта, какъ оттѣнена и возвышенная скорбь Донны-Анны—глубокая трагическая скорбь не объ убитомъ отцѣ только, но и объ его убійцѣ. Но самъ Донъ-Жуанъ Моцарта—кто онъ? Можно ли въ немъ подмѣтить какую-нибудь трагичную черту характера? По толкованію Улыбышева, съ которымъ надо согласиться, такого трагизма нѣтъ. Донъ-Жуанъ, несомнѣнно, изъ семьи титановъ; но эта семья очень многочисленная и соединяетъ очень рѣзкія разновидности. Бываютъ, какъ Прометей, титаны дѣйствующей духовной силы, бываютъ, какъ Фаустъ, титаны философскаго мышленія, но есть и титаны чувственности, олицетворенія чистѣйшаго сенсуализма. Всѣ они возстаютъ противъ Богомъ установленнаго порядка и должны гибнуть въ этой борьбѣ. Для однихъ такой титанизмъ—источникъ большой скорби духовной; но настоящій «титанъ плоти», какъ Донъ-Жуанъ, можетъ опасаться только лишь одного наказанія свыше; пока онъ живъ и дѣйствуетъ, онъ наслаждается. Донъ-Жуанъ такого типа презираетъ людей настолько, чтобы не нуждаться въ ихъ поклоненіи. Единственно существенное въ мірѣ для него—женщина и то наслажденіе, которое она можетъ ему дать. Вся идея и сущность жизни сливаются для него съ этимъ наслажденіемъ,—и женщины для него, и солнце, и зелень, и ароматъ, и музыка. Понятно, что онъ готовъ принять на себя удары всѣхъ людей и вызвать на бой кого и что угодно, если награда за это состязаніе дана въ такомъ наслажденіи. И Донъ-Жуанъ, какъ его создалъ Да-Понте и Моцартъ, вѣренъ этой несложной житейской философіи до послѣдняго момента. Передъ страшной статуей блѣднѣетъ его тѣло, но отнюдь не его душа; онъ знаетъ, что она навѣки погибла, но о милости онъ просить не станетъ. Отказъ отъ покаянія—это высшее торжество его гордыни *).

Если эта характеристика вѣрна, то Донъ-Жуана Моцарта придется также причислить къ жизнерадостнымъ.

Такіе не перевелись и въ XIX вѣкѣ. Останавливаясь лишь на тѣхъ передѣлкахъ сюжета, которыя по времени подходятъ къ драмѣ Пушкина, нужно было бы указать прежде всего на «Донъ-Жуана» (1816) Байрона; но, какъ извѣстно, поэма Байрона не окончена, и содержаніе ея не имѣетъ ничего общаго съ традиціонной легендой, кромѣ одного лишь имени героя. Несомнѣнно, однако, что, созидая этотъ типъ граціознаго влюбчиваго мальчика и слѣдя за всѣми его похожденіями, Байронъ думалъ о жизнерадостныхъ его предкахъ и, иронизируя надъ всѣми серьезными вопросами нашей жизни, хотѣлъ какъ будто сказать, что одна любовь, и притомъ самая беззаботная и свободная отъ всякихъ идейныхъ осложненій, имѣетъ единственно прочную цѣнность въ нашемъ мірѣ призраковъ и обмановъ. Но Байронъ упростилъ свою задачу, совсѣмъ не касаясь вопроса о нравственномъ возмездіи.

Не коснулся его и нѣмецкій запоздавшій своимъ рожденіемъ бурный геній Граббе,

*) A. Ulibischeff. Mozart's Leben und Werke (neu bearbeitet von Ganter). Stuttgart, 1859, III, 234, 339.

когда писалъ своего «Донъ-Жуана и Фауста» (1829). Онъ также совсѣмъ переиначилъ сюжетъ и далъ въ соперники Донъ-Жуану не болѣе, не менѣе, какъ самого Фауста, влюбленнаго въ Донну-Анну. Никакихъ идеаловъ, кромѣ погони за наслажденіемъ, онъ Донъ-Жуану не оставилъ, аттестовалъ его какъ большого кутилу и авантюриста, но почему-то представилъ его легитимистомъ и восторженнымъ патріотомъ. Типъ вышелъ недодѣланнымъ, нецѣльнымъ, но опять-таки жизнерадостнымъ и беззаботнымъ.

Всѣ только что поименованные герои въ какихъ бы обстановкахъ они ни дѣйствовали и какъ бы ни отклонялись въ своей жизни отъ традиціоннаго легендарнаго разсказа, все-таки люди съ единымъ міросозерцаніемъ. Жизнь для нихъ — арена, на которой они проявляютъ свою эгоистическую жизнеспособность и жизнерадостность, проявляютъ стойко, неуклонно, не останавливаясь ни передъ людскимъ авторитетомъ, ни передъ авторитетомъ божескимъ, и до самой послѣдней минуты жизни стоятъ на своемъ. Оградиться отъ нихъ жизнь можетъ только, предавъ ихъ суду и казни.

Такимъ гедонистическимъ міросозерцаніемъ типъ Донъ-Жуана, конечно, не исчерпывается. Если распутная жизнь и, въ особенности, конецъ этой жизни могли служить предлогомъ для назидательной проповѣди моралиста, то такая проповѣдь получила бы особенную силу убѣдительности, если бы наказаніе грѣшнику пришло не извнѣ, а изнутри. Наказаніе грѣшника свидѣтельствуетъ о Божьей силѣ, покаяніе — о Божьей благодати. Легенда не могла пройти мимо такой само собой напрашивавшейся варіаціи сюжета. И, дѣйствительно, рядомъ съ Донъ-Жуаномъ, безпечнымъ, жизнерадостнымъ и сатанински гордымъ мы встрѣчаемъ другого Донъ-Жуана, который, нагрѣшивъ вдоволь, начинаетъ помышлять покаяніи и, въ концѣ концовъ, превращается въ кающагося грѣшника, достигающаго въ своемъ покаянномъ рвеніи иногда высокой степени святости.

Психическій міръ такого покаявшагося сластолюбца, эгоиста и безбожника сложнѣе и глубже, чѣмъ психика нераскаяннаго грѣшника, и этимъ, вѣроятно, нужно объяснить тотъ фактъ, что эта новая варіація легенды не нашла себѣ столькихъ излагателей и истолкователей, какъ варіація первоначальная. Новая тема была уже потому труднѣе, что глубокій смыслъ ея заключался во внутреннемъ переломѣ души человѣческой, въ изображеніи тайны перевоплощенія человѣческаго сердца и пересозданія помысловъ. Художникъ чувствовалъ себя обязаннымъ кромѣ того истолковать наглядно возможность перехода любви плотской въ любовь духовную, любви къ женщинѣ въ любовь къ Богу; обманутая жертва Донъ-Жуана должна была превратиться въ его спасительницу, и оскорбленная женская любовь стать предлогомъ для просвѣтленія и духовнаго возрожденія развратнаго мужского сердца. Несложный основной мотивъ первоначальной легенды запутывался.

Изъ литературныхъ обработокъ легенды въ этой новой версіи наибольшая художественная цѣнность остается за повѣстью Проспера Мериме «Les âmes du purgatoire» (1834) и за драмою Дюма «Don-Juan de Marana» (1836). Въ обѣихъ передѣлкахъ чудесное вторгается въ жизнь героя чаще и сильнѣе, чѣмъ оно вторгалось раньше: это вполнѣ естественно, такъ какъ самый смыслъ разсказа заключенъ именно въ наглядномъ изображеніи чуда. Развратный, циничный эгоистъ молитвами своихъ предковъ, а также молитвою обиженной имъ женщины возвращенъ на путь истинный, съ котораго онъ уже больше не сходитъ. Онъ чистосердечно вымаливаетъ себѣ у Бога прощеніе и — прежде гордый и тщеславный — теперь добровольно подвергаетъ себя страшнымъ униженіямъ и всѣмъ строгостямъ монашеской жизни. Онъ по землѣ прошелъ, какъ тлетворное дуновеніе порока, чтобы передъ смертью отъ жизни его повѣяло святостью.

И жизни нѣтъ основанія его опасаться, какъ она боялась его раньше, когда взывала къ божьему суду и просила для него казни. Теперь она простила его и съ любовью проводила до его могилы въ монастырской оградѣ. Такимъ образомъ, покаявшійся грѣшникъ прожилъ на землѣ двѣ жизни. Жизнерадостенъ и веселъ былъ онъ вначалѣ, когда развратничалъ и богохульничалъ, и пришибленъ, смиренъ и грустенъ былъ онъ, когда созналъ всю свою грѣховность, и только въ самую минуту смерти къ нему вернулалась радость, но уже не радость о жизни, а радость о Господѣ.

Казалось бы, что этимъ примиреннымъ финаломъ окончательно исчерпывалось все духовное содержаніе типа Донъ-Жуана, если этотъ типъ оставался себѣ вѣренъ, т.-е.

если смысломъ своей жизни онъ продолжалъ ставить погоню за наслажденіемъ.

Но геній художника измыслилъ и еще одинъ способъ рѣшенія этой нравственной проблемы. Оставляя за Донъ-Жуаномъ всю его грѣховность и не требуя отъ него покаянія, можно было иначе понять и оцѣнить ту внутреннюю силу, которая толкала его на преступленья. Не одна лишь разнузданная чувственность могла быть признана источникомъ этой силы, не знающей никакой узды. Что если эту погоню за наслажденіемъ понять не узко, а широко, какъ обнаруженіе своего рода тоски по идеалу, по любви, которая должна наполнить жизнь глубокимъ и святымъ содержаніемъ? Суетность, прозаичность, мелочность жизни могутъ истомить душу, возвышенно настроенную; она можетъ, за отсутствіемъ яснаго идеала, все-таки болѣзненно ощущать его недостатокъ въ окружающемъ; она можетъ желать для себя великаго напряженія чувствъ, великаго пафоса; она можетъ хотѣть пылать и горѣть, бороться и властвовать... На любовь, на это чувство, которое обновляетъ весь міръ, которое даетъ самое интенсивное ощущеніе счастья, которымъ живетъ и движется вся космическая жизнь, на этотъ экстазъ чувствъ и воли можетъ восторженная душа возложить всѣ свои надежды. Она должна тогда, жертвуя всѣмъ и всѣми, броситься въ погоню за этимъ чувствомъ на землѣ, искать его неустанно, терпя въ своихъ поискахъ ежечасныя разочарованія. Пробудить такое чувство можетъ одна лишь женщина и надо найти такую женщину, любовь къ которой могла бы вмѣстить въ себѣ любовь ко всему міру и къ Богу,— женщину, которая затмила бы въ глазахъ энтузіаста всю вселенную, и любя которую, онъ чувствовалъ бы себя самымъ сильнымъ въ мірѣ, самымъ возвышенно настроеннымъ, самымъ близкимъ къ божеству, въ обладаніи мирового пафоса и въ обладаніи самого реальнаго блаженства...

Возможно, что такой энтузіастъ, разыскивая по свѣту такую женщину-невидимку, въ любви которой таится разгадка всего высшаго смысла жизни, погубитъ на этихъ розыскахъ немало довѣрчивыхъ сердецъ. Онъ погубитъ ихъ потому, что онъ не можетъ не погубить ихъ, такъ какъ долженъ же онъ удостовѣриться, что не въ ихъ любви заключено то сокровище, которое онъ ищетъ.

Въ первой половинѣ XIX-го вѣка, въ эпоху торжествующихъ романтическихъ вѣяній, такое неясное, но красивое истолкованіе души Донъ-Жуана было въ модѣ, и многіе изъ большихъ художниковъ заинтересовались разрѣшеніемъ трудной психологической задачи именно въ этомъ направленіи. Донъ-Жуанъ, какъ искатель идеала на землѣ, напоминалъ имъ другого великаго искателя—Фауста.

Въ одной старой статьѣ, написанной въ тѣ романтическіе годы (1841), мы находимъ очень умѣло проведенную параллель между этими двумя міровыми типами, которые теперь сближаются. «Легенда о Фаустѣ принадлежитъ сферѣ мысли, легенда о Донъ-Жуанѣ—сферѣ чувства, говорилъ критикъ*). Ихъ роднитъ то, что грѣховность человѣческой природы въ обѣихъ вызываетъ трагическую гибель героя; но въ то же время особое различіе ихъ заключается въ томъ, что Фаустъ впадаетъ въ грѣхъ мысли, а Донъ-Жуанъ—въ грѣхи плоти. Духовная надменность, желавшая все познать, усвоить послѣднія причины явленій, тайну мірозданія соблазняетъ столь же могущественно, сколь и безграничное расплываніе въ бреду чувствъ; тутъ, какъ и тамъ, удовлетвореніе только повышаетъ желаніе. Темныя силы природы, не дающія совлечь съ себя свой покровъ, противятся испытующему уму и смѣются надъ его логической силой; отравляющее дыханіе совсѣмъ неодухотворенной чувственности несетъ смерть мечтѣ, украшающей жизнь и дающей счастье жизни. Фаустъ противится допустить то, что долженъ допустить, а именно, что его духовной силѣ, покуда она заключена въ земную оболочку, присущи, необходимыя узы; Донъ-Жуанъ не признаетъ, что духъ есть нѣчто независимое отъ нервовъ; оба разными путями становятся грѣшниками, въ концѣ концовъ, принимая или отталкивая предлагаемое имъ спасеніе. Фаустъ отъ гибели спасается дѣломъ—непрестанной, вседневно продолжающейся дѣятельностью; Донъ-Жуанъ глумится надъ убѣжденіемъ духа, который велитъ ему покаяться и признать, что было кощунственнымъ бредомъ отрицать присутствіе въ его груди чего-то безсмертнаго. Поэтому Фаустъ, въ концѣ концовъ, спасенъ, а Донъ-Жуанъ гибнетъ. Покаяніе было бы для него тѣмъ, чѣмъ для Фауста было дѣло. Обѣ эти крайности грѣха—грѣхъ Донъ-Жуана и грѣхъ Фа-

*) I. Scheible. Das Kloster. Stuttgart 1846, III, Dr. Kahlert «Die Sage vom Don Juan» 689—693. Переводъ М. Саломонъ.

уста—должны быть разъяснены съ точки зрѣнія двухъ христіанскихъ вѣроисповѣданій и соотвѣтствуютъ различному воззрѣнію на грѣхъ вообще, какъ оно сложилось въ протестантской и католической церкви. Фаустъ—протестантскій, Донъ-Жуанъ—католическій грѣшникъ. Тотъ сомнѣніемъ лишилъ себя, наконецъ, вѣры, а потому и знанія; этотъ отреченіемъ отъ напряженія высшихъ душевныхъ силъ также утратилъ и то и другое. Оба ловили призракъ, блуждающій огонекъ, приводящій ихъ къ гибели»...

Въ этой оцѣнкѣ двухъ титаническихъ натуръ слишкомъ подчеркнута ихъ грѣховность. Отрицать таковую, конечно, нельзя, но къ ней можно отнестись съ большимъ снисхожденіемъ въ виду той конечной цѣли, какую себѣ эти два искателя ставятъ: одинъ желаетъ въ умѣ своемъ вмѣстить всю вселенную; другой хочетъ охватить ее своимъ сердцемъ и, любя, разгадать ея великую тайну. Любовь Донъ-Жуана, несомнѣнно, страшно эгоистична и индивидуалистична и для самого героя источникъ лишняго наслажденія; но и для этой ея односторонности можно, при желаніи, подыскать смягчающее истолкованіе.

Среди тѣхъ блестящихъ отступленій, какія себѣ позволялъ иногда въ своихъ разсказахъ Стендаль-Бейль, есть одна очень остроумная замѣтка объ историческомъ значеніи типа Донъ-Жуана въ XVII вѣкѣ *). Бейль говоритъ, что этотъ типъ могъ вызвать осужденіе и могъ быть заклейменъ, какъ сатанинскій типъ, только со времени торжества христіанскаго ученія, которое не дѣлало разницы между душой Цезаря и душой любого раба и гладіатора. Типъ Донъ-Жуана, который нисколько не удивилъ бы Аристотеля, Полибія и Августа, долженъ былъ вырасти до типа отчаяннаго грѣшника послѣ реформы Лютера, такъ какъ еще при Львѣ X онъ могъ казаться обыденнымъ. Родиться могъ этотъ типъ только въ Испаніи и Италіи XVI и XVII вѣковъ, когда одна принцесса, лакомясь въ очень жаркій день мороженымъ, говорила: «Ахъ, какъ жаль, что съѣсть мороженое не составляетъ грѣха!» Люди того времени были напуганы грѣхомъ, и, между тѣмъ, величайшее наслажденіе ихъ жизни заключалось въ томъ, чтобы бросить этому грѣху вызовъ и бросить такъ, чтобы всѣ это видѣли и знали. Развѣ это не своеобразное наслажденіе богохульничать и вѣрить, что Богъ можетъ испепелить насъ? Грѣшить со страстію и просить со страстію у Бога прощенія?

Это тонкое замѣчаніе, какимъ Стендаль пытается разъяснить намъ насколько возможно тайну такихъ эксцентричныхъ душъ, какъ Цезарь Борджіа или Ченчи, можетъ быть съ извѣстными оговорками принято во вниманіе и при оцѣнкѣ типа Донъ-Жуана въ его общей формѣ. Скользя по всѣмъ его недостаткамъ и забывая о страданіяхъ, какія онъ причиняетъ всѣмъ встрѣчнымъ, можно и въ немъ увидать такого вождя въ защиту того, что люди считаютъ грѣхомъ, борца за свободную индивидуальность, который бросаетъ вызовъ Богу, дьяволу, людскому обществу со всѣми его нравственными нормами, однимъ словомъ—всему, чего принято бояться.

Противъ всѣхъ такихъ идейныхъ толкованій типа можно возразить очень многое; но въ нихъ есть своя красота, и поэты въ XIX вѣкѣ нерѣдко этой красотой прельщались.

Первый прельстился Гофманъ, и въ своемъ разсказѣ «Don-Juan, eine fabelhafte Begebenheit, die sich mit einem reisenden Enthusiasten zugetragen» (1806) далъ самый художественный образецъ такого идейнаго пониманія легенды. Донъ-Жуанъ Гофмана—своего рода сверхчеловѣкъ, одаренный всѣми дарами духа, не исключая и самаго возвышеннаго идеализма. Этотъ идеализмъ, правда, очень туманенъ; онъ сводится къ какому-то неясному желанію соревновать съ самимъ божествомъ въ совершенствѣ, но зато онъ исключаетъ всякую возможность найти удовлетвореніе въ простомъ плотскомъ наслажденіи. Донъ-Жуанъ прошелъ, однако, черезъ это плотское наслажденіе, такъ какъ вѣрилъ, что только одна любовь къ женщинѣ способна окрылить его для смѣлаго полета въ царство идеала. Но во всѣхъ женщинахъ онъ обманулся и потому сталъ мстить любви за это разочарованіе. Онъ сталъ мучить женщинъ и глумиться надъ ними, и кончилъ трагично. Въ моментъ, когда онъ встрѣтилъ Донну-Анну, единственную женщину, любовь которой могла бы открыть ему небеса, въ эту самую рѣшительную минуту своей жизни, онъ былъ уже неспособенъ понять тайну святой и чистой любви своимъ омертвѣлымъ сердцемъ.

Возвышенно-туманная концепція Гофмана была видоизмѣнена и упрощена

*) Въ разсказѣ Les Cenci. Paris, 1839, 267 – 278.

Мюссе въ его поэмѣ «Namouna» (1832). Этотъ блестящій психологическій очеркъ не имѣетъ ничего общаго съ традиціоннымъ сюжетомъ и представляетъ собою оригинальную попытку сочетать въ типѣ Донъ-Жуана элементъ идейный и чувственный, но сочетать его такъ, чтобы чувственный элементъ нашелъ себѣ полное оправданіе. Донъ-Жуанъ Мюссе—тоже искатель идеала на землѣ, но сравнительно съ Донъ-Жуаномъ Гофмана идеалистъ менѣе требовательный. Онъ ищетъ идеальную женщину, но не для того, чтобы она стала посредницей между нимъ, Богомъ и міровой тайной, а только лишь для достиженія высшаго наслажденія на землѣ. Такое наслажденіе, несомнѣнно, наслажденіе плотское, но поскольку въ нашей жизни любовь къ женщинѣ есть высшій экстазъ, высшее вдохновеніе, высшій восторгъ и поэзія, постольку такая любовь заслуживаетъ оправданія и сама оправдываетъ чувственную свою сторону. Идеальную женщину, конечно, Донъ-Жуанъ никогда не найдетъ на землѣ, и, переходя отъ одной своей жертвы къ другой, онъ осужденъ на вѣчныя разочарованія, вѣчный сердечный голодъ. Если бы онъ могъ остановиться на разочарованіи и отречься отъ своей мечты, онъ былъ бы спасенъ, но трагедія его въ томъ, что его жажда любви неутолима, и что всякое разочарованіе для него только поводъ искать новаго очарованія въ другой женщинѣ.

Но долженъ же когда-нибудь, ну хотя бы съ лѣтами, этотъ любовный пылъ остыть въ человѣкѣ и весь этотъ любовный идеализмъ показаться миражемъ? Каковъ будетъ пресытившійся Донъ-Жуанъ или Донъ-Жуанъ состарившійся? Эту трудную психологическую задачу поставилъ себѣ Ленау и въ драматическихъ сценахъ «Don-Juan» (1844) рѣшилъ ее очень своеобразно. Его Донъ-Жуанъ такой же беззастѣнчивый искатель «идеальнаго» наслажденія, какъ и ближайшій его родственникъ Донъ-Жуанъ Мюссе, но онъ, кромѣ того, философъ, и любовь для него не вдохновеніе и поэзія жизни только, а, главнымъ образомъ, ея настоящій сокровенный философскій смыслъ. Любовь это то, чѣмъ держится весь космосъ, вся неорганическая и органическая жизнь. Любить—значитъ исполнять высшій законъ всей природы, неисполненіе котораго влекло бы за собой уничтоженіе всего сущаго. Надо любить всегда и вездѣ, гдѣ можно и пока можно, и если наступитъ моментъ пресыщенія или если сама природа положитъ этой способности предѣлъ, то единственный разумный выходъ—это прекратить свое уже безцѣльное существованіе и не мѣшать другимъ. Такъ и кончаетъ Донъ-Жуанъ Ленау, добровольно подставляя свою грудь подъ смертельный ударъ совсѣмъ ничтожнаго соперника.

Но и такое рѣшеніе неполное рѣшеніе задачи, какъ и самый типъ такого философствующаго Донъ-Жуана—очень односторонній и надуманный типъ.

Наиболѣе полно разрѣшилась бы вся эта трагедія влюбчивой и влюбленной души примиреніемъ Донъ-Жуана съ Богомъ, съ людьми и съ самимъ собою. Признать чувственное неизбѣжнымъ и естественнымъ, но осудить его эгоистическія крайности; сочетать эстетику любовнаго восторга съ этикой; понять, однако, эту этику не плоско и не обыденно; признать, что сила любви есть въ то же самое время сила ума и фантазіи; поднять носительницу этой любви—женщину на высоту добраго генія, духа, свѣта и чистоты; наконецъ, заставить Донъ-Жуана смириться передъ Богомъ, но съ сознаніемъ, что принятый на душу грѣхъ—показатель не порочности только, а избытка духовныхъ даровъ,—вотъ какъ можно было разрѣшить трагедію въ мирномъ тонѣ. Такъ и пытался разрѣшить ее Алексѣй Толстой въ своей драматической поэмѣ «Донъ-Жуанъ» (1859).

Всѣ эти Донъ-Жуаны, искатели разныхъ идеаловъ на землѣ, при всемъ веселіи своемъ и своемъ сластолюбіи — образы трагическіе. Для нихъ не существуетъ полной, беззаботной, непосредственной жизнерадости, которой было такъ много у прежнихъ Донъ-Жуановъ, не задававшихся никакими высокими цѣлями и стремленіями.

Идейные Донъ-Жуаны стоятъ жизни довольно дорого. Она можетъ осуждать ихъ, враждовать съ ними, но отказать имъ въ силѣ и въ красотѣ не можетъ.

IV.

Когда Пушкинъ писалъ своего «Каменнаго Гостя», кающіеся Донъ-Жуаны и всѣ Донъ-Жуаны искатели «идеала» въ любви, были ему неизвѣстны, такъ какъ они появились на свѣтъ позже. Самому же Пушкину такая концепція не пришла въ голову, вѣроятно, потому, что его драма, какъ мы

знаемъ, возникла не на почвѣ литературныхъ изысканій, а была откликомъ живыхъ чувствъ, которыя съ особой силой вдругъ охватили душу поэта. Оперу Моцарта Пушкинъ могъ слышать, и, конечно, комедія Мольера была свѣжа въ его памяти. Но сказать, что Донъ-Жуаны Да-Понте, Моцарта и Мольера служили поэту оригиналомъ, нельзя, и на это уже давно обратили вниманіе наши критики и ученые, которые стремились доказать, что типъ, созданный Пушкинымъ, — созданіе вполнѣ оригинальное и лично ему принадлежащее.

Бѣлинскій, который, кажется, былъ знакомъ съ литературной исторіей этого типа (онъ называлъ Донъ-Жуана испанскимъ «Фаустомъ»), первый отмѣтилъ, что Донъ-Жуанъ Пушкина отклоняется отъ традиціоннаго образа и вовсе «не изступленный любовникъ, не мрачный дуэлистъ. Красавецъ собой, стройный, ловкій, онъ веселъ и остеръ, искрененъ и живъ, страстенъ и холоденъ, уменъ и повѣса, краснорѣчивъ и дерзокъ, храбръ, смѣлъ, отваженъ. Какъ во всякой высшей натурѣ, въ немъ есть что-то импонирующее».

«Это вовсе не антипатичный мольеровскій безсовѣстный и безбожный дворянинъ времени Людовика XIV, усматривающій во лжи и клятвопреступленіи лишь игру; онъ симпатичная личность, напоминающая сентиментальнаго ухаживателя...; это облагороженный чтитель любви, искатель въ ней высшей радости и утѣхи. Особенность Пушкинской обрисовки по сравненію съ предшествовавшими заключается въ наиболѣе человѣчномъ и глубокомъ пониманіи этого типа, безъ преувеличеній и крайностей въ его идеализаціи... У Пушкина Донъ-Жуанъ является эстетической натурою. Это не грубый искатель чувственныхъ наслажденій и одной внѣшней красоты, а мотылекъ, порхающій съ одного цвѣтка нѣжной женской любви къ другому, вдыхающій ароматъ и оцѣнивающій своеобразную прелесть каждаго изъ нихъ, ищущій въ нихъ жизни и души. Это эклектикъ любви... и притомъ способный къ полному духовному возрожденію».

Къ этимъ словамъ Н. Дашкевича *) едва ли что можно добавить существеннаго.

Донъ-Жуанъ Пушкина, несомнѣнно, изъ семьи жизнерадостныхъ и беззаботныхъ Донъ-Жуановъ, и, дѣйствительно, настолько «симпатичныхъ», что люди могли и не просить у Бога защиты отъ его козней. Его предки—испанцы, итальянцы и французы вели себя куда болѣе вызывающе.

Нашъ Донъ-Жуанъ женщинъ особенно не мучилъ, такъ какъ тѣ, на сердца которыхъ онъ производилъ свои набѣги, были уже достаточно любовью испытанныя души... какая-нибудь Инеза, у которой «мужъ былъ негодай суровый», или Лаура, у которой такихъ мужей было много. Попадались, правда, и «восковыя куклы»; но вѣдь онѣ по природѣ своей должны были отличаться малой чувствительностью, а потому и не годились на роли настоящихъ жертвъ.

Жертвой могла стать только Донна-Анна; но небо ее хранило и покарало ея соблазнителя, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ее обидѣть... Да и имѣлъ ли Донъ-Жуанъ намѣреніе обижать ее, и что же собственно безнравственнаго или преступнаго было въ томъ пожарѣ любви, который охватилъ его при первой встрѣчѣ съ нею? Когда-то, совсѣмъ не зная ее и не видавъ ее въ глаза, онъ убилъ ея мужа, ревнивца, который держалъ ее взаперти и, конечно, не усыпалъ ея жизни розами. Убилъ онъ его случайно, быть-можетъ, во время какой-нибудь попойки. Во всякомъ случаѣ, когда послѣ его смерти онъ влюбился въ его вдову (а онъ, несомнѣнно, влюбился, и очень искренно), то онъ ничьей памяти не осквернялъ, такъ какъ командоръ въ душѣ своей жены оставилъ по себѣ, несомнѣнно, скверную память, а любовь Донъ-Жуана къ Доннѣ-Аннѣ воспылала тогда, когда этотъ командоръ покоился въ могилѣ и не могъ имѣть никакихъ претензій.

Единственно, что могло бы Доннѣ-Аннѣ не понравиться—это то, что Донъ-Жуанъ, увидавъ ее, все-таки отправился къ Лаурѣ и произвелъ въ ея домѣ дебошъ и убійство. Но вѣдь при первой встрѣчѣ съ Донной-Анной Донъ-Жуанъ могъ видѣть только ея черное покрывало и «узенькую пятку». Лицезрѣніе этой пятки ни къ чему не обязывало; съ Лаурой онъ былъ давно друженъ, а мрачнаго и надоѣдливаго брюзгу Донъ-Карлоса онъ убилъ потому, что тотъ самъ бросился на него со шпагой. Это убійство легко могло бы стать послѣднимъ въ его жизни, если бы судьба пожелала навсегда сблизить его съ Донной-Анной, такъ какъ, судя по тѣмъ

*) Н. Дашкевичъ, «А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени». «Памяти Пушкина. Сборникъ Импер. Университета св. Владиміра». Кіевъ, 1899, 133—140.

рѣчамъ, въ какихъ онъ говорилъ ей о своей любви, эта любовь была не чувственная только, а въ высоко-поэтичная со всѣми характерными признаками любовнаго идеализма. Такая любовь обѣщала нравственное возрожденіе или, по крайней мѣрѣ, долгую устойчивость

Сама Донна-Анна у могилы мужа назначила Донъ-Жуану свиданіе «на завтра»— правда, не подозрѣвая еще того, что онъ убійца ея супруга; но такая уступка говоритъ о томъ, что сердце ея было недостаточно бронировано. Этотъ первый, но очень значительный успѣхъ, вмѣсто того, чтобы повысить въ Донъ-Жуанѣ его дерзость, повысилъ въ немъ только одно желаніе на радостяхъ напроказничать. Я «счастливъ какъ ребенокъ,—говоритъ онъ. Я пѣть готовъ: я радъ весь міръ обнять»... И подъ наплывомъ этой ребяческой радости онъ проситъ статую командора постоять на часахъ у дверей своего дома, пока онъ, Донъ-Жуанъ будетъ объясняться съ его вдовой. Мальчишеская выходка—не больше. Въ легендѣ, мы знаемъ, Донъ-Жуанъ богохульникъ и дерзитъ Богу, почему и слова его, обращенныя къ мертвецу, имѣютъ такое фатальное значеніе: это вызовъ, брошенный всему сверхчувственному міру. Пушкинъ не вложилъ въ уста своего героя никакихъ богохульныхъ рѣчей и обрисовалъ его характеръ въ такихъ игривыхъ и нѣжныхъ краскахъ, что отнялъ всякій трагическій и титаническій смыслъ у его обращенія къ командору. Расходившееся ухарство счастливаго повѣсы—вотъ, собственно, что сказалось въ этихъ, несомнѣнно непристойныхъ словахъ.

Поэтому и появленіе статуи въ концѣ пьесы грѣшитъ нѣкоторой жестокостью. Послѣдній разговоръ Донъ-Жуана съ Донной-Анной—очень искренняя бесѣда, и ведется она съ обѣихъ сторонъ безъ всякой хитрости,—и Жуанъ и Анна знаютъ, чѣмъ она должна кончиться, и хотятъ этого рѣшенія съ полной откровенностью. «Если бы я васъ хотѣлъ обманывать,—говоритъ Донъ-Жуанъ,—признался ли бы я вамъ въ томъ, что убилъ вашего мужа? Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?» И онъ не хитритъ: онъ, дѣйствительно, облагороженъ, воскрешенъ Донной-Анной. Зачѣмъ ему хитрить, когда Донна-Анна сдается сама такъ добровольно и поспѣшно? А она спѣшитъ: это несомнѣнно.

Сначала она говоритъ еще не узнанному Донъ-Жуану, что, цѣня пылкую любовь своего мужа, она должна быть вѣрна его гробу; что если бы она встрѣтила Донъ-Жуана, то вонзила бы кинжалъ злодѣю въ сердце.

Когда же наконецъ она узнаетъ, кто онъ,— она сначала не вѣритъ, а потомъ падаетъ въ обморокъ, затѣмъ проситъ Донъ-Жуана уйти, но удерживаетъ его своими разспросами, позволяетъ ему затѣмъ цѣловать ей руки, высказываетъ опасеніе за его жизнь, говоритъ, что не въ силахъ его ненавидѣть, соглашается на новое свиданіе и, наконецъ, цѣлуетъ его... Въ этотъ критическій моментъ и входитъ статуя командора, не завершая драму, а обрывая ее.

V.

Конечно, предъ нами Донъ-Жуанъ, но какъ онъ не похожъ на своихъ предковъ, коварныхъ, хитрыхъ обольстителей и вдобавокъ безбожныхъ? Онъ совсѣмъ ручной, если такъ можно выразиться, но, несомнѣнно, большой проказникъ.

Раньше онъ грѣшилъ очень много и расточалъ свою любовь въ легкомысленныхъ похожденіяхъ, потому что, какъ самъ признается, ни одну изъ своихъ жертвъ онъ не любилъ по настоящему. Но вотъ, наконецъ, встрѣтилъ онъ то, чего искалъ—женщину, любовь къ которой заставила зазвенѣть въ его сердцѣ струны, дотолѣ молчавшія.

Кто эта женщина? Поэтическая греза Пушкина, а можетъ быть и не греза, а живое лицо, передъ которымъ, склонясь на колѣни и каясь въ былыхъ прегрѣшеніяхъ, самъ Пушкинъ, въ костюмѣ Донъ-Жуана, говорилъ смиренно:

На совѣсти (моей) усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ: но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

Несторъ Котляревскій.

ИСПАНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.
(Don Genaro Perez de Villa—Amil, Espana artistica y monumental).

650. КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

Leporello. O statua gentilissima
Del gran' Commendator!...
Ah, Padrone!...
Don Gioviann.

СЦЕНА I.

Ночь. Кладбище близъ Мадрита.

Донъ Гуанъ и Лепорелло.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Дождемся ночи здѣсь. Ахъ, наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита! Скоро
Покрадусь я по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Доъ Гуана мудрено признать!
Такихъ какъ онъ такая бездна!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Шутишь?
Да ктожъ меня узнаетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана или пьяный музыкантъ,
Иль свой же братъ нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой,
въ шляпѣ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бъ
Не встрѣтился мнѣ самъ король. А впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра-же до Короля дойдетъ,
Что Донъ Гуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился—что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.
Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ.
Вѣдь я не государственный преступникъ.
Меня онъ удалилъ, меня-жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то жъ!
Сидѣли бъ вы себѣ спокойно тамъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва, едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди,
Что за земля! А небо?... точный дымъ;
А женщины? Да я не промѣняю,
Вотъ видишь-ли, мой милый Лепорелло,
Послѣдней въ Андалузіи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ—право.
Онѣ сначала нравилися мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью—а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться—
Въ нихъ жизни нѣтъ, все куклы восковыя,
А наши!... Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ-ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антоньевъ монастырь—
Мнѣ памятенъ. Ѣзжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой рощѣ:
Проклятая, признаться, должность. Вы
Пріятнѣе здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ ГУАНЪ *задумчиво.*

Бѣдная Инеза!
Ее ужъ нѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инеза! черноглазая... о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Въ іюлѣ... ночью. Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно, мало было
Въ ней истинно прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ. А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ—какъ у больной—
[А] мужъ ея былъ негодяй суровый—
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!...

ЛЕПОРЕЛЛО.

Чтожъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ ГУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь, которую въ Мадритѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

О, Лауру!
Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь—а если кто нибудь
Ужъ у нее—прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ?

(*Входитъ монахъ*).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ.
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

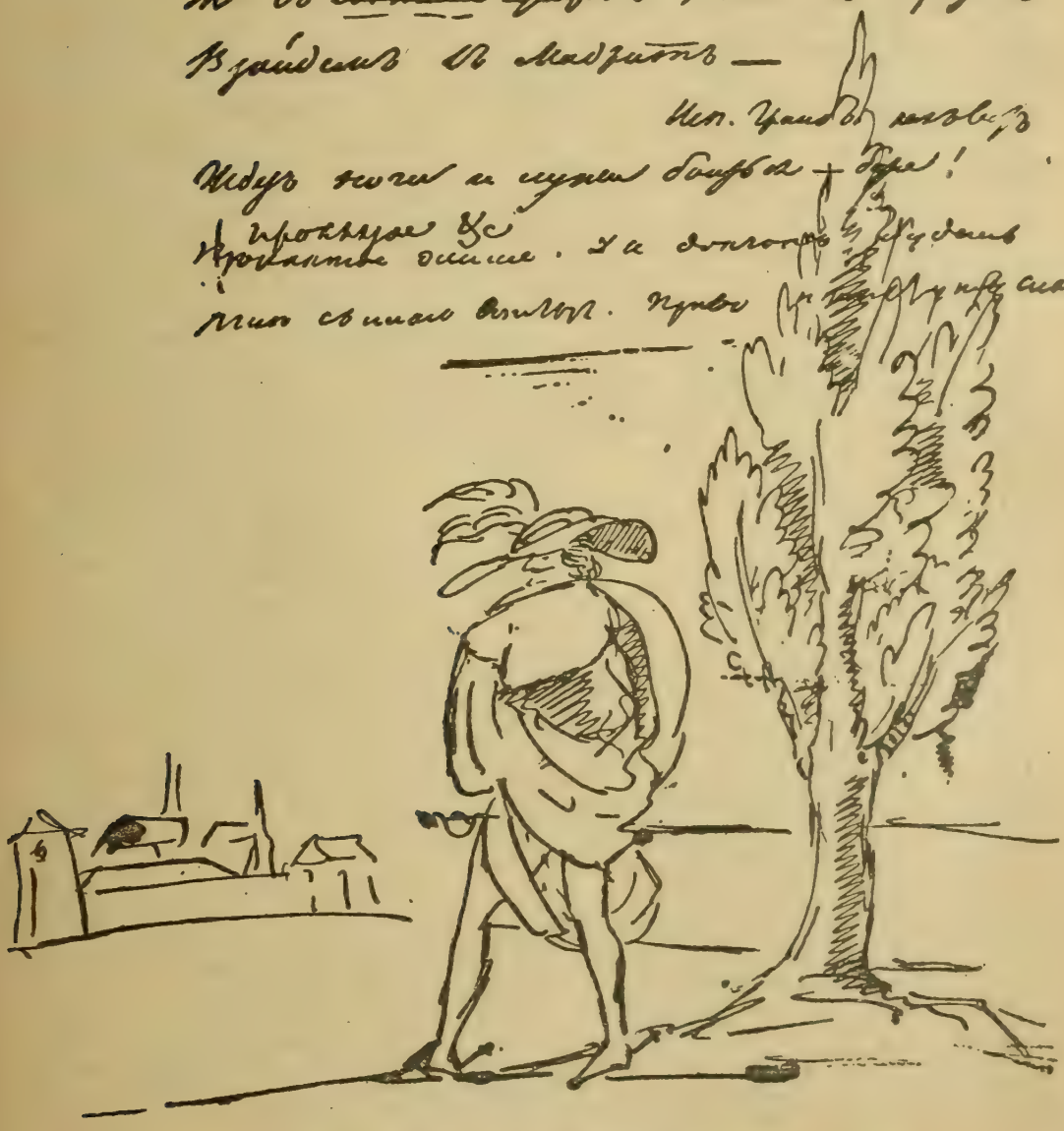
А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Дона Анна,



ИЗЪ РУКОПИСИ «КАМЕННАГО ГОСТЯ»

(Румянц. музей, № 2376, Д. листъ 2 оборотъ. Конецъ 1 сцены).

Де Сольва! Какъ! Супруга командора,
Убитаго.... не помню кѣмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ Гуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ Гуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.
А гдѣ-то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.
Онъ въ ссылкѣ далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ да въ море.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Такъ. Памятникъ жена ему воздвигла
И пріѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что за странная вдова?
Недаромъ же покойникъ былъ ревнивецъ;
Онъ Дону Анну въ заперти держалъ,
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И недурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона Анна никогда съ мущиной
Не говоритъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

А съ вами, мой Отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло—я монахъ.
Да вотъ она.

Входитъ Дона Анна.

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сей часъ, сеньора; я васъ ожидалъ.

Дона Анна идетъ за монахомъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ее совсѣмъ не видно
Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ,
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы не начать—
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Слушай, Лепорелло,
Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Вотъ еще!
Куда какъ нужно!—Мужа повалилъ,
Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
Безсовѣстный!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Однако ужъ и смеркло.
Пока луна надъ нами не взошла
И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
Взойдемъ въ Мадритъ.—

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій Грандъ, какъ воръ,
Ждетъ ночи—и луны боится—Боже!
Проклятое житье! Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться! Право, нѣтъ ужъ силъ.

ЛАУРА ПОЕТЪ.

Картина К. Степанова.

СЦЕНА II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искуствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
Сегодня каждое движенье, слово;
Я вольно предавалась вдохновенью;
Слова лились какъ будто ихъ рождала
Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.
Да и теперь глаза твои блестятъ
И щеки разгорѣлись, не проходитъ
Въ тебѣ Восторгъ. Лаура, не давай
Остыть ему безплодно; спой, Лаура,
Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.
Поетъ.

ВСѢ.

O, brava! brava! чудно! безподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
Одной любви Музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодія... взгляни:
Самъ Карлосъ тронутъ, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ Гуана.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Что? Донъ Гуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Твой Донъ Гуанъ безбожникъ и мерзавецъ;
А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сошелъ!
Да я сейчасъ велю тебя зарѣзать
Моимъ слугамъ, хоть ты Испанскій Грандъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ *встаетъ.*

Зови-же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!
Донъ Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что? что Гуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его роднаго брата? Правда: жаль,
Что не его.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ.
Такъ помиримся.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Виноватъ, Лаура!
Прости меня. Но, знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще.

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора, ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.
Поетъ.

ВСѢ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТЬ.

Прощай, Лаура.

Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ Карлоса.

ЛАУРА.

Ты, бѣшеный! останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ Гуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Щастливецъ!
Такъ ты его любила?

Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ.

Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?
Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,
Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

18 лѣтъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Ты молода,... и будешь молода
Еще лѣтъ 5 иль 6. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ 6 они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣить и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда—что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда? Зачѣмъ
Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
Иль у тебя всегда такія мысли?
Приди—открой Балконъ. Какъ небо тихо;
Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
И лавромъ пахнетъ; яркая луна
Блеститъ на синевѣ густой и темной—
И сторожа кричатъ протяжно: *ясно!*...
А далеко, на сѣверѣ—въ Парижѣ—
Быть можетъ, небо тучами покрыто,
Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
Я требую, чтобъ улыбнулся ты;
—Ну! то-то жъ!

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Милый Демонъ!

Стучатъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Гей! Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Отвори...

ЛАУРА.

Ужели!... Боже!...

Отпираетъ дверь; входитъ Донъ Гуанъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Здравствуй...

ЛАУРА.

Донъ Гуанъ!...

Лаура кидается ему на шею.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ Гуанъ!..

ДОНЪ ГУАНЪ.

Лаура, милый другъ!...

Цѣлуетъ ее.

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Я,—
Донъ Карлосъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!
Я завтра весь къ твоимъ услугамъ.

ДОНЪ КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!
Теперь—сей часъ.

ЛАУРА.

Донъ Карлосъ, перестаньте!
Вы не на улицѣ—вы у меня—
Извольте выдти вонъ.—

ДОНЪ КАРЛОСЪ *ее не слушая.*

Я жду. Ну, что-жъ?
Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ежели тебѣ
Не терпится, изволь. (*Бьются*).

ЛАУРА.

Ай, ай! Гуанъ!...
(*Кидается на постелю. Донъ-Карлосъ падаетъ*).

ДОНЪ ГУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?
Убитъ? Прекрасно! въ комнатѣ моей!
Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволъ?
Куда я выброшу его?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Быть можетъ
Онъ живъ еще. (*Осматриваетъ тѣло*).

ЛАУРА.

Да, живъ! гляди, проклятый!
Ты прямо въ сердце ткнулъ—небось, не мимо.
И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,
И ужъ не дышетъ—каково?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что дѣлать?
Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ Гуанъ,
Досадно, право. Вѣчныя проказы—
А все не виноватъ... Откуда ты?
Давно-ли здѣсь?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я только что пріѣхалъ
И то тихонько—я вѣдь не прощенъ—

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?
Что хорошо, то хорошо. Да полно,
Не вѣрю я. Ты мимо шелъ случайно,
И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,
Спроси у Леporелло. Я стою
За городомъ, въ проклятой Вентѣ. Я Лауры
Пришелъ искать въ Мадритѣ. (*Цѣлуетъ ее*).

ЛАУРА.

Другъ ты мой!...

ДОНЪ ГУАНЪ и ЛАУРА.

Картина К. Степанова.

Постой... при мертвомъ!... Что намъ дѣлать
съ нимъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Оставь его—передъ разсвѣтомъ, рано,
Я вынесу его подъ епанчею
И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только
Смотри—чтобъ не увидѣли тебя.
Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
Одной минутой позже! У меня
Твои друзья здѣсь ужинали. Только
Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты видно бредишь.

ДОНЪ ГУАНЪ.

[А признайся]
А сколько разъ ты измѣнила мнѣ
Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Скажи... нѣтъ, послѣ переговоримъ!...

СЦЕНА III.

Памятникъ Командора.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
Донъ Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
Я укрылся здѣсь—и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею—
Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
Чинились мы другъ съ другомъ; но сегодня
Пущуся въ разговоры съ ней; пора.
Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:
«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
То и скажу, безъ предуготовленья,
Импровизаторомъ любовной пѣсни...
Пора бъ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея—
Я думаю—скучаетъ командоръ.
Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
Какія плечи! что за Геркулесъ!...
А самъ покойникъ малъ былъ и тщедушенъ;
Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
До своего онъ носу дотянуть.
Когда за Ескурьяломъ мы сошлись,
Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
Какъ на булавкѣ стрекоза—а былъ
Онъ гордъ и смѣлъ—и духъ имѣлъ суровый...
А! вотъ она.

(Входитъ Дона Анна).

ДОНА АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ—
Простите.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
У васъ, Сеньора. Можетъ, я мѣшаю
Печали вашей вольно изливаться—

ДОНА АННА.

Нѣтъ, мой Отецъ, печаль моя во мнѣ.
При васъ мои моленья могутъ къ небу
Смиренно возноситься—я прошу
И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона Анна!
Я недостоинъ участи такой.
Я не дерзну порочными устами
Мольбу святую вашу повторять—
Я только издали съ благоговѣньемъ
Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мраморъ блѣдный
Разсыплете—и мнится мнѣ, что тайно
Гробницу эту Ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю—счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами...

ДОНА АННА.

Какія рѣчи—странныя!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Сеньора?

ДОНА АННА.

Мнѣ... вы забыли...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА АННА.

Мнѣ показалось... я не поняла...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ахъ, вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА АННА.

Что я узнала?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Такъ, я не монахъ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю—

ДОНА АННА.

О Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нещастный, жертва страсти безнадежной!

ДОНА АННА.

О Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь—

ДОНЪ ГУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна,
Одну минуту!

ДОНА АННА.

Если кто взойдетъ!...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Рѣшетка заперта:—одну минуту!

ДОНА АННА.

Ну? что? чего вы требуете?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Смерти!
О пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронятъ,
Не подлѣ праха, милаго для васъ;
Не тутъ—не близко—далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ—у дверей—у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ
Пройдете кудри наклонять и плакать—

ДОНА АННА.

Вы не въ своемъ умѣ—

ДОНЪ ГУАНЪ.

Или желать
Кончины, Дона Анна, знакъ безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться, я напротивъ
Старался быть вездѣ бъ, замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

ДОНА АННА.

Такъ это вы
Молчите?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня—не то, вы бъ никогда
Моей печальной тайны не узнали.

ДОНА АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Давно или недавно, самъ не знаю,
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значитъ слово щастье.

ДОНА АННА.

Подите прочь—вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ ГУАНЪ и ДОННА АННА.

Рисунокъ К. Брюллова.

(«Сто рус. литераторовъ» т. I).

ДОНЪ ГУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ—

ДОНА АННА.

Подите—здѣсь не мѣсто
Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ. Завтра
Ко мнѣ придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженье,
Я васъ приму—но вечеромъ позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ангелъ Дона Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили нещастнаго страдальца!

ДОНА АННА.

Подите жъ прочь.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА АННА.

НѢтъ, видно, мнѣ уйти... къ тому жъ
моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю щастью моему предаться...
Я завтра васъ увижу!... и не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Діего де Кальвидо.

ДОНА АННА.

Прощайте, Донъ-Діего.
(*Уходитъ*).

ДОНЪ ГУАНЪ.

Лепорелло!
(*Лепорелло входитъ*).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Милый Лепорелло!
Я щастливъ!—Завтра—вечеромъ позднѣе...
Мой Лепорелло, завтра... приготовь...
Я щастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной Анной
Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

ДОНЪ ГУАНЪ.

НѢтъ, Лепорелло, нѢтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужь то?
О вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я щастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѢтъ: онъ человѣкъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ
умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

НѢтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ—
НѢтъ, не ко мнѣ—а къ Донѣ Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить—
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ
Шутить! и съ кѣмъ!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ и ДОННА-АННА.

Картина И. Е. Репина.

Собственность Д. И. Иловайскаго (имѣніе Абазовка, близъ Полтавы). Воспроизводится впервые, по фотографіи Хмылевскаго изъ Полтавы.

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили нещастнаго страдальца!

ДОНА АННА.

Позите жъ прочь.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА АННА.

Нѣтъ, видно, мнѣ уйти... къ тому жъ
моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
[illegible]
Мое давно, давно отвыкло.—Завтра
Я васъ приму...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю щастью моему предаться...
Я завтра васъ увижу!... и не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

[illegible]

ДОНА АННА.

[illegible]

(*Уходитъ*).

ДОНЪ ГУАНЪ.

[illegible]

(*Лепорелло входитъ*).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Милый Лепорелло!
Я щастливъ!—Завтра—вечеромъ позднѣе...
Мой Лепорелло, завтра... приготовь...
Я щастливъ какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной Анной
Вы говорили? можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужь то?
О вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я щастливъ!
Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обня[illegible]

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этом[illegible]

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человѣкъ разум[illegible]
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, [illegible]
умер[illegible]

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло.
[illegible]
Нѣтъ, не ко мнѣ—а къ Донѣ Аннѣ, [illegible]

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ужъ вѣрно
Не для того, чтобъ съ нею говорить—
Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
Придти попозже вечеромъ и стать
У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ
Шутить! и съ кѣмъ!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но..

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!

Мой баринъ, Донъ Гуанъ, покорно проситъ
Пожаловать... Ей Богу, не могу;
Мнѣ страшно.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.
Мой баринъ, Донъ Гуанъ, васъ проситъ завтра
Придти попозже въ домъ супруги вашей
И стать у двери...
(Статуя кивает головой в знак согласія).
Ай!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!...
Ай, ай!... умру!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО *(Кивая головой).*

Статуя... ай!...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ты кланяешься?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,
Не я, она!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ну смотри жъ, бездѣльникъ!
(Статуѣ). Я, командоръ, прошу тебя придти
Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,
И стать [на стражѣ въ дверяхъ]. Что? будешь?
(Статуя кивает опять).
О Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? я говорилъ...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Уйдемъ.

Типы старой Испаніи.

Офортъ Арайя.

СЦЕНА IV.

Комната Доны Анны.

Донъ Гуанъ и Дона Анна.

ДОНА АННА.

Я приняла васъ, Донъ Діего; только
Боюсь, моя печальная бесѣда
Скучна вамъ будетъ: бѣдная вдова!
Все помню я свою потерю. Слезы
Съ улыбкою мѣшаю, какъ Апрѣль.
Что жъ вы молчите?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко, мыслью быть на единѣ
Съ прелестной Доной-Анной. Здѣсь—не тамъ,
Не при гробницѣ мертваго щастливца—
И вижу васъ уже не на колѣняхъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

ДОНА АННА.

Донъ Діего,
Такъ вы ревнивы—мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучитъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я не долженъ ревновать,
Онъ вами выбранъ былъ.

ДОНА АННА.

Нѣтъ, мать моя
Велѣла мнѣ дать руку Донъ Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ Альваръ богатъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Щастливецъ! онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини; вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ—съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ;
Я былъ бы рабъ священной вашей воли.
Всѣ ваши прихоти я бъ изучилъ,
Чтобъ ихъ предупреждать чтобъ ваша
жизнь
Была однимъ волшебствомъ безпрерывнымъ.
Увы!—Судьба судила мнѣ иное.

ДОНА АННА.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Внимая Вамъ—мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна.
Когда бы знали вы, какъ Донъ Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,
Когда бъ онъ овдовѣлъ—онъ былъ бы
вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона Анна, вѣчнымъ поминаньемъ
Супруга. Полно вамъ меня казнить.
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

ДОНА АННА.

Чѣмъ же?
Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ—не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОНА АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?... Ну!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нѣтъ, никогда!...

ДОНА АННА.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА АННА.

Діего, это странно:
Я васъ прошу, я требую...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ.

ДОНА АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!
А что сей часъ вы говорили мнѣ?
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть.
Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

СТАРАЯ ИСПАНІЯ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВЕЛАСКЕЗА.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Не смѣю:
Вы на меня глядѣть не захотите
Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА АННА.

Нѣтъ, нѣтъ. Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА АННА.

Ужасную!... Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна—что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала—у меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

ДОНЪ ГУАНЪ *(про себя)*.

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: нещастный Донъ Гуанъ
Вамъ незнакомъ?

ДОНА АННА.

Нѣтъ, отроду его
Я не видала.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?

ДОНА АННА.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего—
Я требую...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что если бъ Донъ Гуана
Вы встрѣтили?

ДОНА АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ? вотъ грудь моя.

ДОНА АННА.

Діего!
Что вы?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я не Діего—я Гуанъ.

ДОНА АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я Донъ Гуанъ.

ДОНА АННА.

Не правда.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я убилъ
Супруга твоего: и не жалѣю
О томъ—и нѣтъ разкаянья во мнѣ.

ДОНА АННА.

Что слышу [я]? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ
быть.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Я Донъ Гуанъ и тебя люблю.

ДОНА АННА (*падая*).

Гдѣ я?... Гдѣ я?... Мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Небо!
Что съ нею? Что съ тобою, Дона Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ.

ДОНА АННА.

Оставь меня
(*Слабо*). Ты... ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у
меня
Все, все, что въ жизни...

ДОНЪ ГУАНЪ.

Милое созданье!
Я всѣмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели—умру; вели—дышать я буду
Лишь для тебя...

ДОНА АННА.

Такъ это Донъ Гуанъ?

ДОНЪ ГУАНЪ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?
О Дона-Анна!
Молва, быть можетъ, не совсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣетъ; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель—
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА АННА.

О, Донъ Гуанъ краснорѣчивъ—я знаю!
Слыхала я: онъ хитрый человѣкъ...
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій Демонъ. Сколько бѣдныхъ
женщинъ
Вы погубили!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА АННА.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ Гуанъ влюбился въ первый
разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

ДОНЪ ГУАНЪ.

Когда бъ я васъ обманыва[ть] хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

ДОНА АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы, здѣсь узнать могли бы васъ—
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Что значитъ смерть? За сладкій мигъ
свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

ДОНА АННА.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный!

ДОНЪ ГУАНЪ (*Цѣлуя ей руки*).

И вы о жизни бѣднаго Гуана
Заботитесь? Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона Анна?

ДОНА АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однако жъ надобно разстаться намъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся?

ДОНА АННА.
Не знаю,
Когда нибудь.

ДОНЪ ГУАНЪ.
А завтра?

ДОНА АННА.
Гдѣ же?

ДОНЪ ГУАНЪ.
Здѣсь.

ДОНА АННА.
О Донъ Гуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

ДОНЪ ГУАНЪ.
Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй!

ДОНА АННА.
Пора, поди.

ДОНЪ ГУАНЪ.
Одинъ, холодный, мирный...

ДОНА АННА.
Какой ты неотвязный! на, вотъ онъ...
Что тамъ за стукъ?... О, скройся, Донъ Гуанъ!

ДОНЪ ГУАНЪ.
Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.
(*Уходитъ и вбѣгаетъ опять*).
А!...

ДОНА АННА.
Что съ тобой? А!...
(*Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ*).

СТАТУЯ.
Я на зовъ явился.

ДОНЪ ГУАНЪ.
О Боже! Дона Анна!

СТАТУЯ.
Брось ее,
Все кончено. Дрожишь ты, Донъ Гуанъ.

ДОНЪ ГУАНЪ.
Я? нѣтъ!... Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.
Дай руку.

ДОНЪ ГУАНЪ.
Вотъ она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!...
Я гибну—кончено—о Дона-Анна!...
(*Проваливаются*).

(*Декорація академика Д. А. Корсини (1774—1814). Библіотека Академіи Художествъ; неиздано*).

Рисунокъ Зичи.

651. Я ЗДѢСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ.

Inesilla! I am here.
Barry Cornwall.

Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ, и сномъ!
Исполненъ отвагой,
Окутанъ плащемъ,
Съ гитарой и шпагой
Я здѣсь, подъ окномъ!
Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу!
Проснется ли старый—
Мечомъ уложу.
Шелковыя петли
Къ окошку привѣсь...
Что жъ медлишь?... Ужъ нѣтъ ли
Соперника здѣсь?
Я здѣсь, Инезилья,
Стою подъ окномъ!
Объята Севилья
И мракомъ и сномъ.

Рисунокъ С. Соломки.

652. ПРЕДЪ ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ;
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
Блещутъ оба красотою,
Оба сердцемъ горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.
Жизни имъ она дороже
И какъ слава имъ мила.
Но одинъ ей милъ. Кого же
Дѣва сердцемъ избрала?
Кто, рѣши, любимъ тобою?
Оба дѣвѣ говорятъ—
И съ надеждой молодою
Въ очи прямо ей глядятъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ.

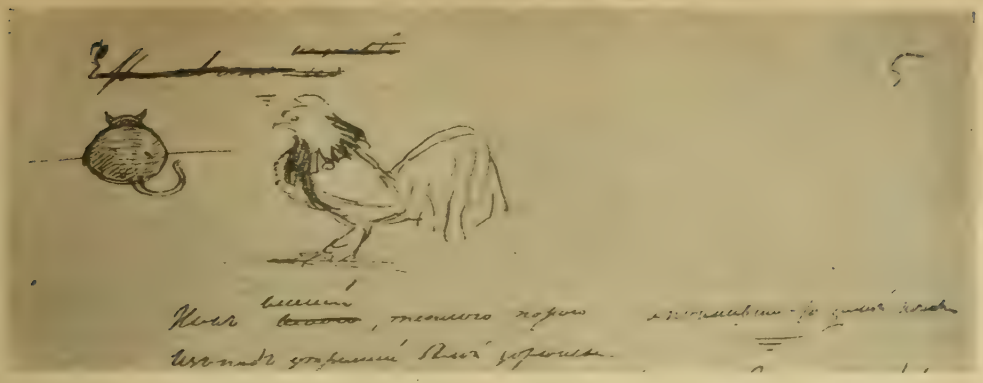
653. НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

654. ДЛЯ БЕРЕГОВЪ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ.

Для береговъ отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
Въ часъ незабвенный, въ часъ печальной
Я долго плакалъ предъ тобой.
Мои хладѣющія руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшнаго разлуки
Мой стонъ молилъ не прерывать.
Но ты отъ горькаго лобзанья
Свои уста оторвала;
Изъ края мрачнаго изгнанья
Ты въ край иной меня звала.

Ты говорила: въ день свиданья
Подъ небомъ вѣчно-голубымъ,
Въ тѣни оливъ, любви лобзанья
Мы вновь, мой другъ, соединимъ.
Но тамъ, увы, гдѣ неба своды
Сіяютъ въ блескѣ голубомъ,
Гдѣ подъ скалами дремлютъ воды,
Заснула ты послѣднимъ сномъ.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли въ урнѣ гробовой—
Исчезъ и поцѣлуй свиданья...
Но жду его: онъ за тобой!...



Начало сказки «Какъ весенней теплою порою».

(Румянцев. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводится впервые).

655. КАКЪ ВЕСЕННЕЙ ТЕПЛОЮ ПОРОЮ.

[Незакончено и неотдѣлано].

Какъ весенней теплою порою,
Изъ подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, изъ лѣсу дремучаго,
(Чернобурая) выходила мед[вѣдиха]
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами,
Погулять, посмотрѣть, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкою
Стали медвѣжата промежъ собой играть,
Обниматися, (боротися),
Боротися, (да) кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужикъ идетъ:
А ножъ-то у него за поясомъ,
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину—
А мѣшокъ-то у него за плечьми.
Какъ завидѣла медвѣдиха
Мужика со рогатиною,
Заревѣла медвѣдиха,
Стала кликать малыхъ дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ:
Ахъ вы, дѣтушки, медвѣ[жатушки]!
Перестаньте валятися,
Обниматися, кувыркатися!
Становитесь, хоронитесь за меня—
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику . . . . выѣмъ!»
Медвѣжатушки испугалися,
За медвѣдиху бросалися,
А медвѣдиха осержалася—
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что повыше пупа, что пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю:
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшокъ поклалъ...
А поклавши-то домой пошелъ:
Вотъ тебѣ, жена, подарочекъ,
Что медвѣжья шуба въ 50 рублевъ;
А что вотъ тебѣ другой подарочекъ—
Трои медвѣжатъ по 5 рублевъ.
Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова:
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Разпоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушекъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ
По свою ли по сударушку,
Чернобурую медвѣдиху:
Ахъ ты свѣтъ, моя медвѣдиха!
На кого меня покинула,
Вдовца несчастнаго,
Вдовца горемычнаго.
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати—
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому-ли медвѣдю, ко боярину;—
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки меньшіе—
Прибѣгалъ тутъ Волкъ дворянинъ:
У него-то зубы закусливые,
У него то глаза завистливые.
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость—
У него-то, бобра, жирный хвостъ.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка княги[нечка],
Приходила лисица-подъячиха—
Подъячиха, казначеиха.
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгалъ тутъ зайка-смердъ,
Зайка бѣдненькій, зайка сѣренькій—
Приходилъ байбакъ тутъ глумянъ,
Живетъ онъ, байбакъ, позади гумянъ;
Приходилъ цѣловальникъ-ежъ:
Все-то онъ ежъ ежится,
Все-то онъ щетинится...

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

«Пиръ во время чумы. Изъ Вильсоновой трагедіи: the city of the plague»—таково заглавіе пьесы, появившейся въ 1832 г. въ альманахѣ «Альціона» и перепечатанной въ томъ же году въ собраніи стихотвореній Пушкина. Когда Бѣлинскій писалъ для «Отечественныхъ Записокъ» (въ 1846-мъ году) послѣднюю (11-ую) статью свою о сочиненіяхъ Пушкина, онъ не зналъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ трагедія Вильсона, существовалъ ли самъ Вильсонъ. Допуская утвердительный отвѣтъ на эти вопросы, онъ находилъ, что «если пьеса Вильсона такъ же хороша, какъ переведенный изъ нея Пушкинымъ отрывокъ, то этотъ Вильсонъ написалъ великое произведеніе». Теперь извѣстно, что трагедія Вильсона—реальный фактъ; но предположеніе Бѣлинскаго о высокомъ ея достоинствѣ не подтвердилось. Произведеніе Вильсона, разсматриваемое какъ цѣлое, не возвышается надъ уровнемъ посредственности; но нашъ геніальный поэтъ взялъ изъ него только лучшую сцену, отбросивъ неудачный ея конецъ. За уходомъ священника у Вильсона слѣдуетъ еще ссора предсѣдателя съ «молодымъ человѣкомъ», вызванная грубою выходкою послѣдняго противъ священника. Несравненно гармоничнѣе и красивѣе завершается сцена у Пушкина, отмѣткою: «пиръ продолжается, предсѣдатель остается погруженный въ глубокую задумчивость». Такимъ и должно было быть настроеніе предсѣдателя послѣ потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели на него слова священника: «Матильды чистый духъ тебя зоветъ»! Безспорно выиграла сцена и отъ того, что Пушкинъ выпустилъ дерзкія слова, съ которыми у Вильсона «молодой человѣкъ» два раза обращается къ священнику.

Оставаясь, вообще говоря, очень близкимъ къ подлиннику, Пушкинъ рѣшительно отступилъ отъ него въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя: онѣ составляютъ всецѣло достояніе нашего поэта. Пѣсня Мери у Вильсона также начинается сравненіемъ деревни, пораженной чумою, съ деревней въ былое, счастливое время; но она растянута, переполнена излишними прозаическими деталями («я пошла въ гостиницу, гдѣ бывало раздавались скрипки, барабанъ и флейта... Не показались на склонѣ холма ни клѣтчатый платокъ, ни синяя шляпа... Пятьдесятъ темныхъ свѣжихъ могилъ поднимались надъ кладбищемъ... На горѣ, въ овчарнѣ пастухъ лежалъ мертвый»). У Пушкина, въ соотвѣтствующихъ строфахъ пѣсни, нѣтъ ни одного лишняго слова; немногими штрихами нарисованы яркія картины («нива праздно перезрѣла... И селенье, какъ жилище погорѣлое, стоитъ; тихо все; одно кладбище не пустѣетъ, не молчитъ»). У Вильсона Мери аккуратно насчитываетъ пятьдесятъ могилъ; у Пушкина «могилы межъ собой какъ испуганное стадо, жмутся тѣсной чередой». Вся вторая часть пѣсни, вложенной Пушкинымъ въ уста Мери, принадлежитъ нашему поэту не только по формѣ, но и по мысли: онъ создалъ трогательный образъ Дженни, вѣрной своему Эдмонду даже въ небесахъ,—Дженни, умоляющей своего возлюбленнаго не приближиться къ ея тѣлу, не касаться умершихъ устъ ея, но посѣтить, «когда минетъ зараза, ея бѣдный прахъ».

Еще больше измѣнилась, подъ рукой Пушкина, пѣснь предсѣдателя. У Вильсона предсѣдатель сравниваетъ участь погибающихъ въ битвѣ—на сушѣ или на морѣ—съ участью умирающихъ отъ чумы, и старается доказать, что послѣдніе страдаютъ меньше первыхъ. Онъ сравниваетъ чуму съ лихорадкой, съ чахоткой, съ параличемъ—и старается доказать, что она могущественнѣе всѣхъ болѣзней. Онъ хвалитъ чуму за то, что она срываетъ маску съ лицемѣрія и устраняетъ мѣшающихъ другимъ пользоваться жизнью. Хоръ вторитъ ему много разъ повторяющимся припѣвомъ: «И потому-то; склонясь на бѣлоснѣжную грудь, я пою хвалу чумѣ! Если, о чума, ты намѣрена сразить меня нынче ночью, то приходи и рази меня въ объятіяхъ веселья!» Все это холодно, сухо и не имѣетъ ничего общаго съ пѣсней предсѣдателя у Пушкина, быстро подвигающейся впередъ, бьющей, какъ молотъ, каждымъ своимъ словомъ и соединяющей рядъ смѣлыхъ, чарующихъ картинъ съ глубокой мыслью.

Неудивительно, что вниманіе всѣхъ писавшихъ послѣ Бѣлинскаго о «Пирѣ во время чумы» сосредоточивается именно на пѣсняхъ Мери и предсѣдателя. Ими преиму-

щественно восхищался и Бѣлинскій, точно предвидя, какая роль принадлежитъ имъ въ общемъ строѣ пьесы. Достоевскій, въ своей знаменитой московской рѣчи, относитъ «Пиръ во время чумы» къ числу доказательствъ способности Пушкина «перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность». «Какіе глубокіе фантастическіе образы,—восклицаетъ онъ,—въ поэмѣ Пиръ во время чумы! Но въ этихъ фантастическихъ образахъ слышенъ геній Англіи; это чудесная пѣсня о чумѣ героя поэмы; это пѣсня Мери со стихами:

Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались, голоса;

это англійскія пѣсни; это тоска британскаго генія, его плачъ, его страдальческое предчувствіе своего грядущаго». Д. С. Мережковскій, говоря въ «Вѣчныхъ спутникахъ» о контрастахъ, сочетавшихся въ Пушкинѣ, о соединеніи въ немъ язычника и галилеянина, ведетъ рѣчь о двухъ демонахъ, двухъ идеалахъ языческой мудрости, воскресающихъ, отъ времени до времени, въ поэзіи Пушкина. Одному изъ нихъ—«женообразному, сладострастному Діонису, богу нѣги и тайны»—онъ приписываетъ пѣснь предсѣдателя на пирѣ во время чумы. Близко подходитъ къ этому взгляду и Ю. Айхенвальдъ, въ своемъ этюдѣ о Пушкинѣ (напечатанномъ какъ въ «Силуэтахъ русскихъ писателей», такъ и отдѣльно). Въ пѣсняхъ Мери и предсѣдателя сказалась, по мнѣнію г. Айхенвальда, «вся разительная противоположность двухъ міросозерцаній—святой наивности и демонизма... Рядомъ съ утонченнымъ демонизмомъ Вальсингама вся сплетенная изъ элементарныхъ, непосредственныхъ ощущеній грустная жалоба и мольба дѣвичьяго сердца, обвѣянная деревенской тишиной... Чтобы сложить и спѣть пѣсню Мери, надо вѣрить въ Бога, въ небеса... Еще не отзвучали тихіе и мелодичные звуки бѣлокурой Мери, какъ предсѣдатель, своимъ охриплымъ голосомъ усиливая впечатлѣніе кошмара, начинаетъ славить чуму. Какое разстояніе отъ Мери, и послѣ зеленой привѣтливой долины какая разверзается передъ нами бездна безумія! Вальсингамъ сравниваетъ чуму съ зимою. Но зима—правило природы, а чума — ея черное исключеніе. Зима обычна—чуму посылаетъ Богъ за грѣхи: Вальсингамъ не хочетъ видѣть этой разницы. Онъ хочетъ «принять проклятіе, утопить умы въ весельѣ; Богу, пославшему страхъ, отвѣтить смѣхомъ; не испугаться кары и превратить ее въ праздникъ... Хвала чумѣ—это хула Богу... На краю мрачной бездны дьявола стоитъ предсѣдатель и торжествуетъ, что онъ посмѣялся чумѣ, совершилъ поруганіе надъ смертью, обезоружилъ Бога. И потому онъ отвергаетъ священника, служителя Бога... Въ разгарѣ своего богохульства предсѣдатель человѣческой оргіи былъ потрясенъ напоминаніемъ служителя стараго Бога, но все-таки за священникомъ онъ не послалъ... Ушелъ священникъ, а не Вальсингамъ; пѣсня Мери заглушена пѣснью предсѣдателя, и хотя онъ погруженъ въ глубокую задумчивость, но его сотоварищи остались безъ Бога, безъ священника, одни, лицомъ къ лицу со смертью, съ чумою, и пиръ во время чумы продолжается»... Какъ и въ «Сценѣ изъ Фауста», г. Айхенвальдъ видитъ въ «Пирѣ во время чумы» «страстный, огненный вызовъ Богу, насмѣшку надъ его карами и кощунственное отношеніе къ его смерти».

Удѣлъ великихъ твореній — различіе, иногда до крайности рѣзкое, въ ихъ пониманіи и толкованіи. Какъ ни интересны приведенные выше взгляды на «Пиръ во время чумы»—или, вѣрнѣе, на пѣснь предсѣдателя пира,—согласиться мы не можемъ ни съ однимъ изъ нихъ. Правъ ли Достоевскій, утверждая, что «Пушкинъ одинъ изъ всѣхъ міровыхъ поэтовъ обладаетъ свойствомъ перевоплощаться вполнѣ въ чужую національность»—это вопросъ, обсужденіе котораго выходитъ за предѣлы нашей задачи; но подтвержденіемъ его мнѣнія «Пиръ во время чумы» служить не можетъ. Ничего специфически-англійскаго пѣснь Мери въ себѣ не заключаетъ. Дѣтскіе голоса, раздающіеся въ шумной деревенской школѣ, могутъ, пожалуй, служить указаніемъ на то, что рѣчь идетъ о *протестантской* деревнѣ, но какой именно—англійской, скандинавской, германской — это опредѣлить невозможно. Простодушная, до гроба и за гробомъ любящая Дженни, близкая къ гетевской Гретхенъ — точно также типъ скорѣе всего общегерманскій: еще правильнѣе назвать его общечеловѣческимъ. Пѣснь предсѣдателя нельзя пріурочить ни къ какой національности; нѣтъ такой культурной страны, гдѣ бы она не могла сложиться; нѣтъ народной психологіи, на почвѣ которой она, при извѣстныхъ условіяхъ, не могла бы вырасти. Почему Достоевскій увидѣлъ въ ней «страдальческое предчувствіе британскаго генія» — этого мы угадать не беремся. Ошибается, какъ

намъ кажется, и Д. С. Мережковскій, усматривая въ пѣснѣ предсѣдателя внушеніе «женообразнаго, сладострастнаго демона». Сладострастнаго—быть можетъ, хотя это сладострастіе особаго рода, ищущее не удовольствія, а забвенія; женообразнаго — ни въ какомъ случаѣ. Мужествомъ, на оборотъ, проникнута пѣснь, смотрящая смерти прямо въ глаза и находящая «неизъяснимое наслажденье» въ опасности, въ почти неминуемой гибели. Сомнительнымъ представляется намъ и «демонизмъ» Вальсингама, на которомъ настаиваетъ г. Айхенвальдъ. Что чума—Божье наказаніе за людскіе грѣхи, на это нѣтъ и намека въ «Пирѣ во время чумы»; объ этомъ не говоритъ, въ своихъ увѣщаніяхъ, даже священникъ. Видѣть, съ этой точки зрѣнія, разницу между чумою и зимою Вальсингаму не было надобности. Сравненіе, которымъ начинается его пѣснь, коренится не въ происхожденіи несоизмѣримыхъ между собою величинъ— зимы и чумы; оно касается только средствъ охраны отъ той и другой. Аналогія здѣсь чисто внѣшняя: какъ передъ морозами, передъ чумой запираются двери, зажигаются огни, разгорается «веселый жаръ пировъ». Въ праздникъ превращается не кара, идущая съ небесъ, а ожиданіе опасности, при унынiи худшее чѣмъ самая опасность. Никакого вызова Богу предсѣдатель не бросаетъ. Не вызовомъ звучитъ его обращеніе къ умершей женѣ, его отчаянный вопль: «святое чадо свѣта! Вижу тебя я тамъ куда мой падшій духъ не досягнетъ уже!» Слишкомъ велика, въ его глазахъ, пропасть, которую онъ самъ вырылъ между прошедшимъ и настоящимъ. Онъ чувствуетъ, что нѣтъ ему возврата, и не кощунственно, а съ сокрушеннымъ сердцемъ обращается къ священнику съ мольбою: «отецъ мой, ради Бога, оставь меня»! Не торжество слышится въ «глубокой задумчивости» Вальсингама, а безнадежность. «Пиръ во время чумы продолжается», но предсѣдатель въ немъ участія больше не принимаетъ.

Отказываясь смотрѣть на пѣснь предсѣдателя глазами гг. Мережковскаго и Айхенвальда, мы видимъ въ ней глубокое проникновеніе въ одну изъ загадочныхъ областей человѣческаго духа. Въ то время, когда создавался «Пиръ во время чумы», мысль Пушкина охотно останавливалась на смерти: смерть часто казалась ему близкой, витающей вокругъ него. Онъ думалъ о ней обычно съ тѣмъ чувствомъ, которое характеризуется всего лучше непереводимымъ словомъ résignation. Этимъ чувствомъ проникнуты, напримѣръ, знаменитые стансы: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Всеобъемлющей фантазіи поэта не могла, однако, не представляться и другая картина смерти—смерти, ожидаемой не только безъ страха, но и безъ сожалѣнія,—смерти, встрѣчаемой лицомъ къ лицу, въ неравной, но страстной борьбѣ или въ невозмутимомъ спокойствіи. Такимъ отношеніемъ къ смерти внушена, думается намъ, пѣснь Вальсингама. Ея кульминаціонный пунктъ въ стихахъ, самая форма которыхъ заключаетъ въ себѣ что-то бодрящее, высоко поднимающее надъ «сладкой привычкой бытія»:

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.

Въ этихъ немногихъ стихахъ брошенъ изумительно яркій свѣтъ на тѣ минуты, когда инстинктивное желанье жить уступаетъ мѣсто готовности или даже желанію умереть. Человѣкъ чувствуетъ себя тогда сильнѣе смерти—и это чувство наполняетъ его гордостью. «Упоеніе въ бою» испытывалъ князь Андрей, когда бросился впередъ, со знаменемъ въ рукахъ, въ критическій моментъ аустерлицкой битвы; «упоеніе на краю бездны» испытывалъ Манфредъ, стоя на головокружительной высотѣ, у обрыва въ бездонную пропасть. Даже побѣжденный сознаетъ себя тогда побѣдителемъ,—и это сознаніе становится для него источникомъ «неизъяснимаго наслажденья», неизъяснимаго потому, что оно такъ мало похоже на всѣ предшествовавшія житейскія радости. Еще болѣе широкая перспектива открывается словами, брошенными въ пѣснѣ какъ бы мимоходомъ: «безсмертья, можетъ быть, залогъ». Да, находиться въ рукахъ смерти и не признавать надъ собою ея власти—это значитъ какъ бы отрицать смерть. Въ этомъ отрицаніи разгадка потрясающаго дѣйствія, производимаго пѣснью Вальсингама.

К. Арсеньевъ.

АНГЛІЯ XVII ВѢКА ВЪ ПОРТРЕТАХЪ ВАНЪ-ДИКА.

656. ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague).

Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ мущинъ и женщинъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предсѣдатель! я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостья наша, насылаетъ
На самые блестящіе умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славилъ
Его разсказы; не возможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоятъ пустыя, будто ожидая
Весельчака—но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. И такъ,
Я предлагаю выпить въ его память
Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бъ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!
(*Всѣ пьютъ молча*).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (*поетъ*).

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.
Нынѣ церковь опустѣла:

Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все—одно кладбище
Не пустѣетъ, не молчитъ:
Поминутно мертвыхъ носятъ,
И стенанія живыхъ
Боязливо Бога просятъ
Упокоить душу ихъ!
Поминутно мѣста надо,
И могилы межъ собой,
Какъ испуганное стадо,
Жмутся тѣсной чередой!
Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ;
Ты, кого я такъ любила,
Чья любовь отрада мнѣ,—
Я молю: не приближайся
Къ тѣлу Дженни ты своей,
Устъ умершихъ не касайся;
Слѣдуй издали за ней.
И потомъ оставь селенье!
Уходи куда нибудь,
Гдѣ бъ ты могъ души мученье
Усладить и отдохнуть!
И когда зараза минетъ,
Посѣти мой бѣдный прахъ;
А Эдмонда не покинетъ
Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
Благодаримъ за жалобную пѣсню!
Въ дни прежніе чума такая жъ, видно,
Холмы и долы ваши посѣтила,
И раздавались жалкія стенанья
По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
Сквозь дикій рай твоей земли родной;
И мрачный годъ, въ который пало столько
Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
Едва оставилъ память о себѣ
Въ какой нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
Унылой и пріятной... Нѣтъ! ничто
Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ!

МЕРИ.

О, если бъ никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога—
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ—а если бъ то же
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ Шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(*Ѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ управляетъ ею*).

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстьми
томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА (*приходя въ чувство*).

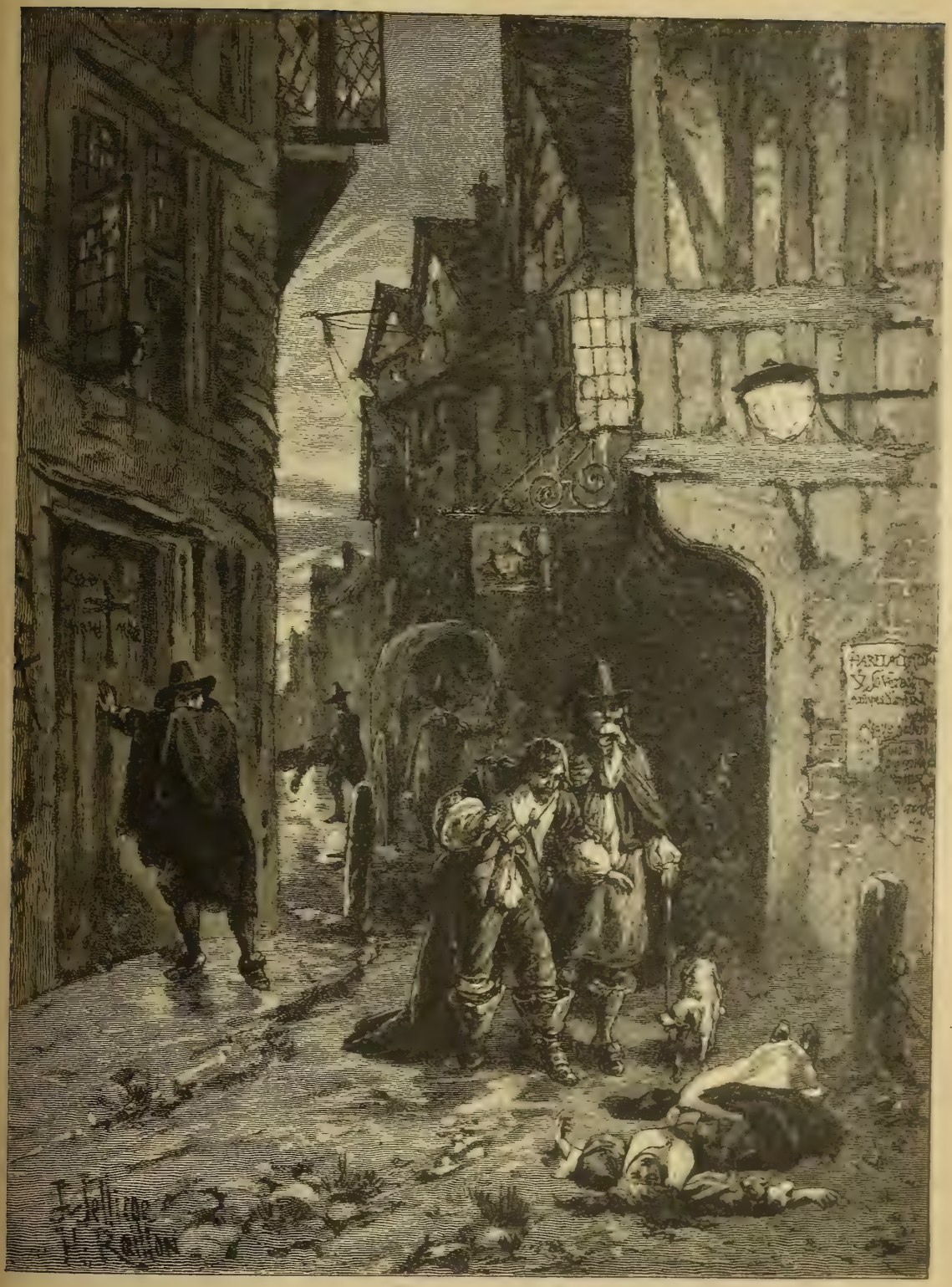
Ужасный демонъ,
Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою тележку. Въ ней
Лежали мертвые—и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...
Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
Развеселись: хоть улица вся наша
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телега
Имѣетъ право всюду разъѣзжать—
Мы пропускать ее должны! Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню—вольную, живую пѣсню—
Не грустію Шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю—но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его



ЛОНДОНСКАЯ УЛИЦА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ 1666 г.
Рисунокъ Джелико (J. Jellicoe).

Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ рифмамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрыплый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo!
bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*поетъ*).

Когда могущая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещатъ камины,
И веселъ зимній жаръ пировъ.
Царица грозная, Чума
Теперь идетъ на насъ сама
И льстится жатвою богатой;
И къ намъ въ окошко день и ночь
Стучитъ могильною лопатой...
Что дѣлать намъ? и чѣмъ помочь?
Какъ отъ проказницы зимы,
Запремся также отъ Чумы!
Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
Утопимъ весело умы
И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.
Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.
Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И шастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.
И такъ—хвала тебѣ, Чума!
Намъ не страшна могилы тма,
Насъ не смутитъ твое призванье!
Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И дѣвы-Розы пьемъ дыханье
Быть можетъ... полное Чумы!

(*Входитъ старый священникъ*).

СВЯЩЕННИКЪ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
А ваши ненавистные восторги
Смущаютъ тишину гробовъ—и землю
Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
Когда бы стариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы—
Подумать могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника терзаютъ
И въ тму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

Онъ мастерски объ адѣ говоритъ!
Ступай, старикъ, ступай своей дорогой!

СВЯЩЕННИКЪ.

Я заклинаю васъ святою кровью
Спасителя, распятаго за насъ:
Прервите пиръ чудовищный, когда
Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
Утраченныхъ возлюбленныя души—
Ступайте по своимъ домамъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Домá
У насъ печальны—юность любитъ радость.

СВЯЩЕННИКЪ.

Ты ль это, Вальсингамъ? ты ль самый тотъ,
Кто три тому недѣли, на колѣнахъ,
Трупъ матери, рыдая, обнималъ
И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
Взирая на пирующаго сына
Въ пиру разврата, слыша голосъ твой,
Поющій бѣшеныя пѣсни между
Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
Ступай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
Меня тревожить? Не могу, не долженъ
Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
Сознаньемъ беззаконья моего,
И ужасомъ той мертвой пустоты,
Которую въ моемъ дому встрѣчаю—
И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,
И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
И ласками (прости меня Господь)
Погибшаго, но милаго созданья...
Тѣнь матери не вызоветъ меня
Отселѣ—поздно—слышу голосъ твой,
Меня зовущій—признаю усилья
Меня спасти... старикъ! иди же съ миромъ;
Но проклятъ будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo! достойный предсѣдатель!
Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (*встаетъ*).

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставить
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бъ отъ очей ея безсмертныхъ
Скрыть это зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ—
И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнетъ уже...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій:
Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
Прости, мой сынъ.

(*Уходитъ. Пиръ продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость*).

АНГЛІЙСКАЯ ДѢВУШКА!

Картина Рейнольдса.

657. ПЬЮ ЗА ЗДРАВІЕ МЕРИ.

ПѢСНЯ.

Here's health to thee, — Mary. —

Пью за здравіе Мери,
Милой Мери моей.
Тихо заперъ я двери,
И одинъ, безъ гостей
Пью за здравіе Мери.
Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой Пери;
Но нельзя быть милѣй
Рѣзвой, ласковой Мери.
Будь же щастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливыхъ дней
Пусть не вѣдаетъ Мери.

Фонтанъ «Cruche Cassé» въ Царскосельскомъ паркѣ.

658. ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утесъ ее дѣва разбила.
Дѣва печальна сидитъ, праздный держа черепокъ.
Чудо! не сякнетъ вода, изливаясь изъ урны разбитой;
Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ.

659. РИФМА.

Эхо, безсонная Нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Фебъ, увидѣвъ ее, страстію къ ней воспылалъ.
Нимфа плодъ понесла восторговъ влюбленнаго бога;
Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила
Милую дочь. Ее пріяла сама Мнемозина.
Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовется она.

660. ТРУДЪ.

Мигъ вождѣленный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

661. НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ—а съ нимъ веселье,
Свободный трудъ и сладкій миръ.

Ты щастливъ: ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Отъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Застраховалъ, какъ отъ огня.

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. УЖЪ ОСЕНЬ ХОЛОДОМЪ ДОХНУЛА.

Ужъ осень холодомъ дохнула—
(На обнаженныя поля)
Уже дубрава отряхнула
Послѣдній листъ (—уже земля)
(Прохвачена морозомъ по утрамъ)
. . . . . .

---

663. КАКЪ БЫСТРО ВЪ ПОЛѢ, ВКРУГЪ ОТКРЫТОМЪ.

Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ,
Подкованъ вновь, мой конь бѣжитъ!
Какъ звонко подъ его копытомъ
Земля промерзлая звучитъ!
Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ:
Ланиты, ярче вешнихъ розъ,
Играютъ холодомъ и кровью.
Печальны лѣсъ и долъ завялый,
Проглянетъ день—и ужъ темно,
И будто путникъ запоздалый
Стучится буря къ намъ въ окно.

---

664. О МУЗА ПЛАМЕННОЙ САТИРЫ.

О муза пламенной Сатиры,
Приди на мой призывный кличъ!
Не нужно мнѣ гремящей лиры,
Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
Не подражателямъ холоднымъ,
Не переводчикамъ голоднымъ,
И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
Готовлю язву эпиграммъ!
Миръ вамъ смиренные поэты!
Миръ вамъ несчастные глупцы!
А вы, ребята-подлецы,
Впередъ всю вашу сволочь буду
Я мучить казнію стыда!
А если же кого забуду—
Прошу напомнить, господа!
О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
Готовы отъ меня принять
Неизгладимую печать!

665. МЕ́ДОКЪ.

Ме́докъ въ Уаллахъ.

Попутный дуетъ вѣтръ.—Идетъ корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Вѣтрила всѣ,—идетъ и предъ кормой
Морская пѣна раздается.—Многимъ
Полна грудь у всѣхъ пловцовъ—
Теперь, когда свершонъ опасный путь,
Родимый край они узрѣли снова;
Одинъ стоитъ, вдаль устремивши взоры,
И въ тишинѣ ему рисуется
Мечта, давно знакомые предметы,
Заливъ и мысъ,—пока недвижны очи
Не заболятъ. Товарищу (другой)
Жметъ руку и привѣтствуетъ съ отчизной;
И Господа благодаритъ, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику (и Дѣвѣ) Пресвятой,
И милостынь, и дальнихъ поклоненій
Старинные обѣты обновляетъ,
Когда найдетъ онъ все благополучно.
Задумчивъ, нѣмъ и ото всѣхъ далекъ,
Самъ Медокъ погруженъ въ моленьяхъ
О славномъ подвигѣ, то въ снахъ надежды,
То въ горестныхъ предчувствіяхъ и страхѣ.
Прекрасенъ вечеръ и попутный вѣтръ
Межъ вѣрвей [бьетъ], корабль надежный быстро
Бѣжитъ, шумя, межъ волнъ. Садится солнце..

666. МЫ РОЖДЕНЫ, МОЙ БРАТЪ НАЗВАНЫЙ.

[Дельвигу].

Мы рождены, мой братъ названый,
Подъ одинаковой звѣздой;
(Киприда, Фебъ и Вакхъ румяный)
Играли нашею судьбой.
Явилися мы рано оба
На ипподромъ, а не на торгъ,
Вблизи Державинскаго гроба,
И шумный встрѣтилъ насъ восторгъ
И стихъ надеждою зоветъ
. . . . . безумный журналистъ
Твой слогъ могучій и . . .
Какой-то дразнитъ пародистъ.

667. ГРАФИНЯ ОДНА ДЕРЖИТЪ ПИСЬМО.

[Драматическій отрывокъ].

Графиня *одна, держитъ письмо.*

«Черезъ недѣлю буду въ Парижѣ непремѣнно...» Письмо отъ 12-го, сегодня 18-ое; онъ пріѣдетъ завтра! Боже мой, что мнѣ дѣлать (!).

(*Входитъ Дорвиль*).

Д. Здравствуйте, мой ангелъ. Каково вамъ сегодня? Послушайте что я вамъ разскажу умора... что съ Вами? Вы въ слезахъ!

Г. Вы чудовище!

Д. Опять! Ну что за бѣда? Все дѣло останется въ тайнѣ. Слава Богу, никто ничего не подозрѣваетъ: всѣ думаютъ, что у Васъ водяная. На дняхъ все будетъ кончено. Вы для виду останетесь еще недѣль шесть въ своей комнатѣ, потомъ опять явитесь въ свѣтъ и всѣ вамъ обрадуются.

Г. Удивляюсь вашему краснорѣчію. А мужъ?

Д. Графъ ничего не узнаетъ. Мужья никогда ничего не узнаютъ.

Мѣсяца черезъ три онъ пріѣдетъ къ (вамъ) намъ изъ арміи. (Вы примите) мы примемъ его какъ ни въ чемъ не бывало; одного боюсь: онъ въ васъ опять влюбится — и тогда...

Г. Прочтите это письмо.

Д. Ахъ, Боже мой!

Г. Нечего глаза таращить. Я пропала — вы погубили меня.

Д. Ангелъ мой! Я въ отчаяніи. Что съ нами будетъ!

Г. Съ нами! Съ Вами ничего не будетъ, а меня Графъ убьетъ.

Д. Кто его звалъ? какая досада!

Г. Досада! Вамъ досадно потому что Вамъ некуда будетъ ѣздить на вечеръ, пока не заведете себѣ другой любовницы (баронессы д'Овре, напримѣръ. Несносная мигушка) [*передразниваетъ ее*]. (Нечего смѣяться). Видите, что вы чудовище; я гибну, а вы смѣетесь.

Д. Я не допущу его до Парижа, я поѣду навстрѣчу къ графу. Мы поссоримся, я вызову его на дуэль и проколю его.

Г. Какой ужасъ! я не позволю вамъ проколоть моего мужа. Онъ для меня былъ всегда такъ добръ. Я передъ нимъ кругомъ виновата, я могла забыть свои обязанности, измѣнить ему... и для кого?.. для изверга, который не посовѣстился... оставьте меня, говорятъ вамъ, оставьте меня!

Д. Поѣзжайте въ свою деревню, въ Британію.

Г. Это за чѣмъ? Развѣ графъ за мною не поскачетъ?

Д. Скройтесь въ мой замокъ.

Г. Вотъ еще! а шумъ? а соблазнъ? но, можетъ быть, Вамъ того и надобно. Вы хотите чтобъ весь свѣтъ узналъ о моемъ безчестіи: самолюбіе ваше того требуетъ.

Д. Какъ вы несправедливы! но что же намъ дѣлать?

Г. Вотъ до чего довели вы меня! Ахъ, Дорвиль! я говорила вамъ, Вы не хотѣли мнѣ вѣрить, вы поставили на своемъ; посмотрите, что изъ этого вышло... нечего ко мнѣ ласкаться, подите прочь. Дорвиль, Дорвиль! перестаньте. Вы съ ума сошли. Ахъ!... постойте; какая прекрасная мысль!

Д. Что такое?

Г. Я умру со стыда, но нѣтъ иного способа:

Д. Что-жъ такое?

Г. Послѣ узнаете.

НАБРОСКИ и ОТРЫВКИ.

668. ЛЮБЕЗНѢЙШІЙ НАШЪ ДРУГЪ, О ТЫ ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ.

[Коллективное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др. Пушкину принадлежитъ 3-й стихъ, набранный курсивомъ].

Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичъ!
Буяновъ въ старину, а нынѣшній Храбровъ,
Межъ проповѣдниковъ Парнасса-Прокоповичъ!
Плѣнительный толмачъ и Грацій и скотовъ,
Что дѣлаешь въ Москвѣ, первопрестольномъ градѣ?
А мы печемся, здѣсь, о сочномъ винограднѣ,
И сокомъ лозъ его пьемъ здравіе твое.

---

669. СТОЮ ПЕЧАЛЕНЪ, НА КЛАДБИЩЕ.

(Послѣднее мірское пепелище)
(По) (Таинственный привѣтливый ночлегъ) (предѣлъ)—
Поклонъ тебѣ (печальное кладбище)
Гдѣ... (привѣтный)
(Неогражденное кладбище)
(Ночлегъ усопшихъ поселянъ)
(Святое смерти пепелище)
(Поклонъ тебѣ... безмолвное кладбище)
(Печально ты—обнажено)
Стою печаленъ, на кладбище
Гляжу кругомъ—обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено
(На право... дал. луг. дорога)
(Ни деревца) ни уединен въ лѣво)
(Лежитъ широкая дорога)
(Лежитъ) (идетъ) (по рубежу могилъ)
(Ни деревца ни ручейка...)
(Ни хоть березы, гдѣ бы дѣва)
(Могла)
И мимо (вдоль) вѣчнаго (тайнаго, послѣдняго) ночлега
(Идетъ) дорога сельская лежитъ
(Промч...) по ней рабочая телега
(Могилы пылитъ) изрѣдка стучитъ.

(Однообразныя) могилы
(Однообразно) (Полуистлѣвш.) И деревянные кресты.
Нѣмые камни
Однообразны и унылы
Все (вездѣ)
(Ручей не льется) Равнина справа
(Ручей) (не льется) съ лѣва
Нельзя небыло говорить
(Ни ручья, ни древа)
(Хотя) (Ни ручейка) ни рѣчки ни холма ни древа
Вдали, кой гдѣ (Вдали, чуть... кусты.

---

670. НАДО МНОЙ ВЪ ЛАЗУРИ ЯСНОЙ.

Надо мной (сводъ неба) въ лазури ясной
(Прямо) свѣтитъ звѣздочка одна—
Съ права западъ темнокрасный
Съ лѣва блѣдная луна.

671. ОПЯТЬ УВѢНЧАННЫ.

(побѣды)

(Опять увѣнчаны побѣдой)
(наши знамена)
мы славой
(И врагъ бѣжитъ и молитъ)
Опять увѣнчаны... (побѣдой)
кичливый сраженъ
рѣшенъ Опять (предъ нами) врагъ (бѣжитъ)
(Подъ Цареградъ) споръ кровавый
въ Арзрумѣ (Рѣшенъ)
(конченъ) споръ Рѣшенъ (и т...)
(міръ провозглашенъ)
(Рѣшенью)
Въ (Бал...)... Эдырне миръ провозглашенъ
(И далѣ бранной славой) двинулась
И вновь в... Россія
(покорный)
державно И Югъ (пустынный) облегла
(Въ свои объятія тугія
(Эвксина море) полновл
подняла
(Э)... И пол—Евксина (приняла).

672. ЖЕНИСЬ—НА КОМЪ—НА ВѢРѢ ЧАЦКОЙ.

Женись—на комъ—на Вѣрѣ Чацкой—
(Бѣдна) Стара—на (Солиной)—проста—
На (Ржевской) Хальской—(что за) смѣхъ у ней дурацкій—
На Шиповой—(глу) (стара) бѣдна, толста
На Минской—слишкомъ томно дышетъ—
На Торбиной—(посланья) (романсы) романсы пишетъ—
На (Чи) (Ухарской) Машѣ Ланской—(да) что за тонъ!—
(Ужимокъ) Гримасъ (шалунья)... милльонъ—
(Насъ будетъ) ужимк (мальчикъ)—
(Знатокъ ужимокъ затѣй, гримасъ)
На (Сицкой)—что за семейство
(Въ театрѣ пьютъ)
У нихъ орѣхи подаютъ
(Да кислы щи) они въ театрѣ пьютъ—
Мать отецъ дуракъ—
Ну такъ Ленской—какъ не такъ!
(При) (Родня) Приму въ родство себѣ [лак?]ейство...

673. ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМЪ.

Два чувства дивно близки намъ— (На нихъ основано отвѣка)
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу— (По Волѣ Бога самаго)
Любовь къ родному пепелищу, (Самостоянье человѣка)
Любовь къ отеческимъ гробамъ. (Залогъ величія его).
. . . . . .

1831

674. КРАСАВИЦА. (Въ альбомъ Г**** [Н. Н. Гончаровой].

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.

Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое-бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье;
Но, встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

675. СМИРДИНЪ МЕНЯ ВЪ БѢДУ ПОВЕРГЪ.

Смирдинъ меня въ бѣду повергъ
У торгаша сего семь пятницъ на недѣлѣ,
Его четвергъ на самомъ дѣлѣ
Есть послѣ дождичка четвергъ.

676. ЭХО. (Изъ Томаса Мура).

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякой звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва... Таковъ
И ты, поэтъ!

ГРОБНИЦА КУТУЗОВА ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ.

Съ фотогр. снимка (1908) Е. Е. Мегорскаю.

677. ПЕРЕДЪ ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ.

Передъ гробницею святой
Стою съ поникшею главой...

Все спитъ кругомъ; однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ

Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ.
Подъ ними спитъ сей властелинъ,
Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,
Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ,
Сей остальной изъ стаи славной
Екатерининскихъ орловъ.
Въ твоемъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ Русскій гласъ намъ издаетъ;
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...
Внемли жъ и днесь нашъ вѣрный гласъ:
Возстань, спасай Царя и насъ,
О, старецъ грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой—
Явись: вдохни восторгъ и рвенье
Полкамъ, оставленнымъ тобой!
Явись и дланію своей
Намъ укажи въ толпѣ вождей,
Кто твой наслѣдникъ, твой избранной!
Но храмъ въ моленье погруженъ...
И тихъ твоей могилы бранной
Невозмутимый, вѣчный сонъ...

---

678. КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Неразъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага—
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

ПЕРВОЕ СВАТОВСТВО ПУШКИНА.

Многіе изъ современниковъ Пушкина, жадно и съ тайнымъ восхищеніемъ читая въ спискахъ его, преимущественно юношескія, произведенія, писанныя «въ часы забавъ иль праздной скуки», въ которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «пѣлись порочныя забавы и славились сѣти сладострастья», создали ему репутацію поэта, съ особенною любовью относящагося къ эротическимъ мотивамъ. Но въ этомъ представленіи о Пушкинѣ и въ вытекающихъ изъ него непродуманныхъ или лицемѣрныхъ упрекахъ нѣтъ правды. Необходимо глубже всмотрѣться въ эту сторону личности Пушкина и судить человѣка и писателя не по случайнымъ проявленіямъ, а по кореннымъ свойствамъ его природы. Безпорядочное домашнее воспитаніе въ довольно безалаберной семьѣ дало отроку раннюю возможность отравляться дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка. Отголоскомъ этого было появленіе трехъ-четырехъ подражательныхъ произведеній. Почти все остальное въ этомъ легкомысленномъ родѣ лживо и безъ надлежащей критики писалось въ пассивъ поэзіи Пушкина. Да и эти немногія произведенія мутили его совѣсть, заставляли краснѣть за себя, негодуя «на грѣшный свой языкъ—и празднословный и лукавый», и сжигать попадавшіеся ему ихъ рукописные списки.

Было бы наивно защищать память Пушкина противъ проповѣдниковъ прописной морали и «духомъ хладныхъ скопцовъ», гордившихся своей добродѣтелью трусости и безстрастія и обвинявшихъ его въ томъ, что онъ находилъ поэзію въ дружеской трапезѣ или поддавался обаянію женской красоты. Идеаломъ этой трапезы была для него не попойка, не самодовлѣющій кутежъ для кутежа, а живая, дружеская бесѣда въ настроеніи, согрѣтомъ и приподнятомъ виномъ, когда, «поднявши стаканы, содвинувъ ихъ разомъ» можно было воскликнуть «да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ—да здравствуетъ солнце, да скроется тьма». И на женщину и ея положеніе въ обществѣ онъ смотрѣлъ вдумчиво, несмотря на вольность своей шаловливой музы. Женщина—игрушка страстей, ограниченная въ гражданскихъ правахъ, поставленная въ положеніе взрослаго ребенка, не другъ и товарищъ, не «сослужебница» въ жизни мужа—явленіе, пагубно отражающееся на всемъ общественномъ организмѣ. Пушкинъ ясно сознавалъ это и не однажды, въ разной формѣ, преслѣдовалъ пустоту женской жизни въ свѣтскомъ обществѣ, указывая въ своихъ замѣткахъ, письмахъ и «Рославлевѣ» на полное духовное равенство женщины съ мужчиною, требующее серьезнаго къ ней отношенія и обязывающее и ее къ строгому сознанію своего призванія въ жизни и своей роли въ общественныхъ задачахъ. Отдѣляя въ своемъ свѣтломъ умѣ принципіальное отъ случайнаго и побочнаго, Пушкинъ, несмотря на грустныя воспоминанія о сценахъ семейнаго разлада и гнета, свидѣтелемъ которыхъ ему приходилось бывать въ свои ранніе годы, былъ проникнутъ глубокой симпатіей къ семейной жизни и уваженіемъ къ институту брака. «Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ»,—писалъ онъ. Онъ не отрицалъ силы и рокового вліянія «алчнаго грѣха», не разъ бѣжавшаго по его пятамъ, но «Сіонскія высоты» всегда сіяли передъ нимъ, призывая къ себѣ его духовный взоръ. Русланъ и Ратмиръ его юности, Татьяна его зрѣлыхъ лѣтъ показываютъ, что увлеченія его пылкой натуры никогда не затемняли въ немъ семейнаго идеала. «Храните вѣрныя сердца для нѣгъ законныхъ и стыдливыхъ»,—говоритъ онъ 24-хъ лѣтъ отъ роду въ подражаніяхъ Корану, и жадное желаніе семейнаго счастья звучитъ во всей его перепискѣ со второй половины 20-хъ годовъ. Созданный имъ въ 1833 г. образъ капитанши Мироновой и ея трогательныя слова предъ приступомъ Пугачева, обрисовываютъ возвышенный взглядъ Пушкина на „consortium omnis vitae“.

Если его сознательный и обдуманный выборъ былъ неудаченъ въ томъ смыслѣ, что еще крѣпче привязывалъ его къ свѣтскому обществу и «впрягалъ въ одну телѣгу коня и трепетную лань», и если поэтому онъ не нашелъ отзывчивой гармоніи и полнаго

счастія у своего домашняго очага, то можно лишь горько жалѣть объ этомъ. Несправедливо, однако, пылать дешевымъ негодованіемъ противъ той, которую онъ самъ называлъ «чистѣйшей прелести чистѣйшимъ образцомъ» и право которой на свою нѣжную, довѣрчивую любовь торжественно засвидѣтельствовалъ предъ лицомъ смерти, или, наоборотъ, искусственно возвышать ее, стараясь унизить Пушкина рядомъ повѣствованій, легкомысліе которыхъ равносильно ихъ недостовѣрности.

Письмо его (писано по французски) къ Зубкову, найденное мною въ 1904 году въ бумагахъ Б. Н. Чичерина, служитъ доказательствомъ горячаго и притомъ довольно ранняго желанія Пушкина свить себѣ гнѣздо. Едва почувствовавъ, въ 1826 году, относительную и весьма условную свободу, окруженный въ Москвѣ общимъ вниманіемъ и ухаживаніемъ, онъ не размѣнялся на мелкую монету самоудовлетворенія мимолетными и ни къ чему не обязывающими успѣхами. Его, употребляя одно оригинальное выраженіе извѣстнаго критика и судебнаго дѣятеля Спасовича, такъ и стало «клонить къ браку».

«Дорогой, Зубковъ—писалъ онъ,—вы не получили письма отъ меня, и вотъ этому объясненіе: я самъ хотѣлъ 1 декабря, т.-е. сегодня, прилетѣть къ вамъ какъ бомба, такъ что выѣхалъ тому пять-шесть дней изъ моей проклятой деревни на перекладной, въ виду отвратительныхъ дорогъ. Псковскіе ямщики не нашли ничего лучшаго, какъ опрокинуть меня. У меня помятъ бокъ, болитъ грудь, и я не могу двигать рукою. Взбѣшенный, я играю и проигрываю. Но довольно: какъ только мнѣ немного станетъ лучше, буду продолжать мой путь почтой.

Ваши два письма прелестны. Мой пріѣздъ былъ бы лучшимъ отвѣтомъ на размышленія, возраженія и т. д. Но такъ какъ я, вмѣсто того, чтобы быть у ногъ Софи, нахожусь на постояломъ дворѣ во Псковѣ, то поболтаемъ, т.-е. станемъ разсуждать.

Мнѣ 27 лѣтъ, дорогой другъ. Пора жить, т.-е. познать счастье. Вы мнѣ говорите, что оно не можетъ быть вѣчнымъ: прекрасная новость! Не мое личное счастье меня тревожитъ,—могу ли я не быть самымъ счастливымъ человѣкомъ съ нею,—я трепещу, лишь думая о судьбѣ, быть-можетъ, ее ожидающей,—я трепещу передъ невозможностью сдѣлать ее столь счастливою, какъ это мнѣ желательно. Моя жизнь такая доселѣ кочующая, такая бурная, мой нравъ — неровный, ревнивый, обидчивый, раздражительный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый—вотъ что внушаетъ мнѣ тягостное раздумье.

Слѣдуетъ ли мнѣ связать судьбу столь нѣжнаго, столь прекраснаго существа съ судьбою до такой степени печальною, съ характеромъ до такой степени несчастнымъ?—Боже мой, до чего она хороша! и какъ смѣшно было мое поведеніе по отношенію къ ней. Дорогой другъ, постарайтесь изгладить дурное впечатлѣніе, которое оно могло на нее произвести. Скажите ей, что я разумнѣе, чѣмъ имѣю видъ, и доказательство тому—что тебѣ въ голову придетъ. Мерзкій этотъ Панинъ: два года влюбленъ, а свататься собирается на Фоминой недѣлѣ,—а я вижу ее разъ въ ложѣ,—въ другой на балѣ, а въ третій сватаюсь! Если она полагаетъ, что Панинъ правъ, она должна думать, что сошелъ съ ума, не правда ли? Объясните же ей, что правъ я; что, увидѣвъ ее, нельзя колебаться;—что, не претендуя увлечь ее собою, я прекрасно сдѣлалъ, прямо придя къ развязкѣ;—что, полюбивъ ее, нѣтъ возможности полюбить ее сильнѣе (моего), какъ невозможно впослѣдствіи найти ее еще прекраснѣе, ибо прекраснѣе быть невозможно... Ангелъ мой, уговори ее, упроси ее, настращай ее Панинымъ сквернымъ и—жени меня! А. П.

Въ Москвѣ я Вамъ кое-что разскажу. Я дорожу моей бирюзой, какъ она ни гнусна. Поздравляю графа Самойлова».

Прелесть содержанія и языка этого письма бросается въ глаза. Въ немъ ярко отразились благородныя стороны пылкой натуры поэта и блескъ его искрометнаго ума. Но оно имѣетъ еще и особое значеніе для оцѣнки личности того, кого въ роковомъ извѣщеніи о его кончинѣ, Краевскій рѣшился назвать «солнцемъ русской поэзіи»—за что и получилъ выговоръ. Мы находимъ въ немъ характеристику Пушкинымъ самого себя, сдѣланную въ выпуклыхъ, несмотря на свою сжатость, чертахъ. Отзывы о самомъ себѣ, разсыпанные въ его перепискѣ, нѣкоторыя мѣста изъ «Воспоминанія», «Коварности» и другихъ стихотвореній связаны или съ внѣшними событіями его жизни, или отрывочны и неопредѣленны; — «Mon portrait» и «Моя эпитафія», написанные въ отроческіе годы поэта, содержатъ въ себѣ лишь указанія на его молодую рѣзвость и беззаботность и не раскрываютъ намъ свойствъ его души. Въ письмѣ же Зубкову—на порогѣ между мо-

лодостью и зрѣлымъ возрастомъ, уже извѣдавъ жизнь и познавъ себя,—Пушкинъ даетъ совершенно опредѣленный отзывъ о своемъ характерѣ, указывая на противорѣчивыя черты въ немъ и опредѣляя его какъ несчастный.

Но, кромѣ того, это письмо служитъ прекраснымъ отвѣтомъ на тотъ «друзей предательскій привѣтъ», который, вмѣстѣ съ «неотразимыми обидами» «хладнаго свѣта», не разъ вливалъ отраву въ многострадальную жизнь Пушкина. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто, по праву, принадлежитъ запискамъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. Ссылаясь на свою дружбу (?) съ Пушкинымъ, на совмѣстную жизнь въ теченіе пяти лѣтъ и снисходя до признанія въ немъ поэтическаго дарованія, баронъ Корфъ содрогается всѣми фибрами своей «умѣренности и аккуратности» предъ нравственнымъ образомъ Пушкина. «Бѣшеный, съ необузданными африканскими страстями», Пушкинъ не имѣлъ, по его словамъ, ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи; въ Лицеѣ онъ предавался распутствамъ всякаго рода, проводя дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій. Хорошъ, однако, долженъ былъ быть Лицей, «святую годовщину» котораго вспоминалъ съ умиленіемъ Пушкинъ,—Лицей, имѣвшій во главѣ такого замѣчательнаго человѣка и педагога, какъ Энгельгардтъ, и выпустившій, на разнородное служеніе Россіи одновременно съ Пушкинымъ, князя Горчакова, а впослѣдствіи Салтыкова, Рейтерна, Головнина, братьевъ Гротъ и др.,—хорошъ онъ былъ, если въ немъ возможно было учредить *непрерывную* цѣпь оргій и вакханалій! Баронъ Корфъ ставитъ Пушкину въ вину не только то, что у автора ряда проникнутыхъ глубокою и сознательною вѣрой произведеній—не было внутренней религіи, но даже и то, что онъ не имѣлъ и какой-то спеціальной и, вѣроятно, подчасъ не безвыгодной *внѣшней* религіи. На счетъ Пушкину дружескою рукою ставится и то, что его сестра въ «зрѣломъ возрастѣ ушла и тайно обвѣнчалась», при чемъ строки, содержащія это извѣстіе, принадлежатъ не дворянину миргородскаго повѣта Ивану Никифоровичу Довгочхуну въ его прошеніи, а выдающемуся по своему служебному положенію сановнику, который доходитъ до апогея въ своей «горькой правдѣ» о Пушкинѣ, заявляя, что послѣдній «не имѣлъ даже порядочнаго фрака!»

Указаніе Пушкина, въ письмѣ въ Зубкову, на свои сомнѣнія о возможности дать счастье любимому существу, еще разъ подтверждаетъ, что въ душѣ его не было мѣста не только для грубаго себялюбія, приносящаго, по мѣрѣ силъ, въ жертву своимъ вожделѣніямъ все, что возможно, не брезгая никакимъ результатомъ, но и для болѣе утонченнаго эгоизма, создающаго привычку всегда и при всякихъ впечатлѣніяхъ прежде всего думать исключительно о самомъ себѣ. Онъ характеризовалъ эгоизмъ, какъ явленіе часто *отвратительное*, но отнюдь не смѣшное, ибо онъ «отмѣнно благоразуменъ». Это послѣднее свойство требуетъ извѣстной сдержанности и самообладанія. Когда ихъ нѣтъ—эгоизмъ утрачиваетъ свою неуязвимость для смѣха. «Есть люди», говоритъ Пушкинъ, «которые любятъ себя съ такою нѣжностью, удивляются своему генію съ такимъ восторгомъ, думаютъ о своемъ благосостояніи съ такимъ умиленіемъ, о своихъ неудовольствіяхъ съ такимъ состраданіемъ, что въ нихъ и эгоизмъ имѣетъ всю смѣшную сторону энтузіазма и чувствительности». Проповѣдь благороднаго альтруизма и нравственной обязательности въ отношеніяхъ съ окружающими думать «о другихъ», объ ихъ страданіяхъ, внятно и опредѣленно слышится въ произведеніяхъ Пушкина, возмущеннаго высокомѣрнымъ взглядомъ на людей, которыхъ «мы почитаемъ лишь нулями, а единицами себя». Въ противоположеніи чужого счастья собственному эгоизму состоитъ и смыслъ заключительныхъ строкъ знаменитой его поэмы, гдѣ долгъ олицетворенъ глубокою внутреннею жертвою Татьяны, называемой Пушкинымъ своимъ «вѣрнымъ идеаломъ», а представителемъ эгоизма является Онѣгинъ «съ его безнравственной душой, себялюбивою, сухой,—съ его озлобленнымъ умомъ, кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ».

Василій Петровичъ Зубковъ, которому адресовано письмо Пушкина, родившійся 14 мая 1800 года, воспитывался дома и обучался затѣмъ въ основанной и руководимой генераломъ Н. Н. Муравьевымъ «школѣ для колонно-вожатыхъ». Тяжелое нездоровье заставило его оставить службу въ колонно-вожатыхъ и перейти въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, откуда въ 1823 г. онъ поступилъ на службу по судебному вѣдомству совѣтникомъ московской палаты гражданскаго суда. Въ 1825 году на него пало подозрѣніе въ участіи въ од-

номъ изъ тайныхъ обществъ, подготовившихъ заговоръ, выразившійся въ событіяхъ 14 декабря. Записки Зубкова на французскомъ языкѣ, съ рисунками перомъ и карандашемъ, исполнены историческаго и бытового интереса. Пріемы допроса декабристовъ, условія ихъ содержанія, личности членовъ слѣдственной комиссіи охарактеризованы въ нихъ очень мѣтко, переплетаясь съ чертами изъ общественной жизни того времени. Зубковъ подробно описываетъ въ нихъ свой арестъ въ Москвѣ, 3 января 1826 года, вызванный, по его догадкамъ, его близостью къ Пущину и въ особенности къ Кашкину, и настроеніе разныхъ слоевъ московскаго общества, выразившееся, съ одной стороны, въ сочувствіи къ арестованнымъ и недопущеніи мысли, что бы ихъ могли везти въ крѣпость, а съ другой стороны рѣзкими проявленіями малодушія и трусости, доходившими до написанія на портретахъ Орлова и Никиты Муравьева ихъ бывшими подчиненными слова «traitre» и выкинутіемъ ихъ изъ гостинной въ подвалъ. Пробывъ въ Петропавловской крѣпости около шести недѣль, Зубковъ, послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій—у него была семья въ Москвѣ—былъ отпущенъ на свободу, какъ никѣмъ не оговоренный... Въ 1843 году онъ былъ уже оберъ-прокуроромъ, а въ 1855 году сдѣланъ сенаторомъ, но въ томъ же году, по болѣзни, уволенъ въ отставку и окончательно поселился въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1862 году. Въ молодые годы онъ вращался въ свѣтскомъ обществѣ Москвы и былъ близокъ съ Пушкинымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ и кн. Вяземскимъ.

Василій Петровичъ Зубковъ былъ женатъ на воспитанницѣ Екатерины Владиміровны Апраксиной, Аннѣ Федоровнѣ Пушкиной, очень дальней родственницѣ поэта. Зубкова была настоящей красавицей: стройная, высокая ростомъ, съ прекраснымъ греческимъ профилемъ и черными «какъ смоль» глазами. Младшая сестра ея, тоже воспитанница Апраксиной, Софія Федоровна, по описанію Елисаветы Петровны Яньковой, была маленькаго роста, «крошка», живая и веселая блондинка, напоминавшая саксонскую фарфоровую куколку. Ей было двадцать лѣтъ отъ роду (родилась 21 Апрѣля 1806 года) когда ее встрѣтилъ въ Москвѣ и былъ увлеченъ ею Пушкинъ.

Въ письмѣ къ князю Вяземскому отъ 9 ноября Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: «долго здѣсь не останусь. Въ Петербургъ не поѣду; буду у васъ къ 1-му (декабря)... она велѣла. Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе, но все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться». Ему же пишетъ онъ изъ Пскова отъ 1 декабря: «Ѣду къ вамъ и не доѣду. Какой! Меня доѣзжаютъ... во Псковѣ, вмѣсто того, чтобы писать седьмую главу Онѣгина, я проигрывалъ въ штосъ четвертую. Не забавно!...» Въ концѣ ноября изъ Пскова онъ посылаетъ Соболевскому, повидимому, приведенное выше письмо на имя Зубкова, говоря: «Перешли письмо Зубкову, безъ задержанія малѣйшаго. Твои догадки гадки, виды мои гладки. Надняхъ буду у васъ, покамѣсть сижу или лежу въ Псковѣ». Слова: «она велѣла» относятся безъ сомнѣнія, къ Софіи Федоровнѣ Пушкиной, и можно не безъ основанія предположить, что именно о ней говоритъ поэтъ въ стихотвореніи, написанномъ 1 ноября 1826 года въ Москвѣ и относимомъ Анненковымъ то къ Кюхельбекеру, то къ Плещееву.

Зачѣмъ безвременную скуку
Зловѣщей думою питать
И неизбѣжную разлуку
Въ уныньи робкомъ ожидать?
И такъ ужъ близокъ день страданья!
Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,
Ты будешь звать воспоминанья
Потерянныхъ тобою дней.
Тогда изгнаньемъ и могилой,
Несчастный, будешь ты готовъ
Купить хоть слово дѣвы милой,
Хоть легкій шумъ ея шаговъ.

Пушкинъ останавливался, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Москву въ 1826 году у Зубкова. У него же написалъ онъ свои «Стансы», вызвавшіе [несправедливыя нареканія «друзей» и отвѣтъ имъ въ 1828 г.: «Нѣтъ, я не льстецъ»... который онъ заключаетъ полными глубокаго смысла словами:

Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ,
Льстецъ на Царя бѣду накличетъ...
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Не надо забывать, что предъ встрѣчей съ Софьей Федоровной Пушкинъ болѣе года привелъ въ принудительномъ уединеніи своего родового сельца Михайловскаго, подъ тройнымъ надзоромъ предводителя дворянства Пещурова, настоятеля Успенскаго Святогорскаго монастыря и

СОФЬЯ ѲЕДОРОВНА ПАНИНА,
урожденная ПУШКИНА.

Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому дому.

своего отца. Здѣсь «въ забытой глуши, во мракѣ заточенья, въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада» потекли для него тусклые и тяжелые дни, особенно омрачаемые ссорами съ отцомъ, взбалмошнымъ и слезливымъ эгоистомъ. «Поэта домъ опальный» подчасъ до того становился для него невыносимымъ, что онъ писалъ Жуковскому: «спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ» и думалъ о самоубійствѣ, находя, что «глупо часъ отъ часу вязнуть въ тинѣ жизни».

Но съ начала 1825 года въ этомъ печальномъ существованіи стали являться просвѣты, приносившіе съ собою успокоеніе и жизнерадостную бодрость. Въ февралѣ Пушкина посѣтилъ И. И. Пущинъ, «мой первый другъ, мой другъ безцѣнный», которому черезъ 33 года послѣ этого слезы мѣшали писать объ ихъ радостномъ свиданіи; затѣмъ отозвалась графиня Е. К. Воронцова, талисманомъ которой такъ дорожилъ воспѣвшій ее Пушкинъ,—произошла вторичная встрѣча съ Кернъ, сказалась гостепріимная доброта Тригорскаго и вступила въ свои трогательныя права заботливость старой няни Арины Родіоновны, недаромъ внушившей Пушкину слова: «Голубка дряхлая моя, подруга дней моихъ суровыхъ». Все это повліяло на душевное настроеніе Пушкина. Его душѣ «настало пробужденье»; она стала жить и получила даръ слезъ и любви. Именно въ это время онъ, по собственнымъ словамъ, почувствовалъ, что «духъ его вполнѣ развился, и онъ можетъ творить». Изъ подъ пера его вылились—рядъ главъ «Евгенія Онѣгина», «Борисъ Годуновъ», «Графъ Нулинъ», сцены изъ «Фауста», «Цыганы» и рядъ удивительныхъ лирическихъ произведеній, между которыми достаточно назвать «19 октября», «Я помню чудное мгновенье», «Подражанія Корану», «Пророкъ» и «Андрей Шенье».

Поэтому, когда, 8 сентября 1826 г., доставленный въ Москву по Высочайшему повелѣнію, Пушкинъ предсталъ предъ Императоромъ Николаемъ I, онъ уже сознавалъ, что отъ земной власти могли зависѣть многія существенныя условія его личной жизни и даже объемъ содержанія темъ для его творчества, но не его «предназначенье». Онъ чувствововалъ, что его призваніе быть «пророкомъ» своей родины, «глаголомъ жечь сердца людей» и «ударять по нимъ съ невѣданною силой». Его ждало загадочное и тревожившее его разрѣшеніе его судьбы, но онъ не забывалъ, что ему, «избранному небомъ пѣвцу», нельзя молчать «потупя очи долу». Вѣрный своей ненависти ко лжи, до забвенія собственной опасности, «мужаясь, презирая обманъ и стезею правды бодро слѣдуя», на роковой вопросъ: принялъ ли бы онъ участіе въ мятежѣ 14 декабря 1825 г.?»—онъ отвѣчалъ утвердительно, ссылаясь на свою дружбу съ заговорщиками.

Государь, по словамъ поэта, «почтилъ его вдохновеніе и освободилъ его мысль». Пушкинъ получилъ свободу жить въ Москвѣ и сразу окунулся въ шумную, по случаю коронаціонныхъ торжествъ, жизнь московскаго общества: «Москва приняла Пушкина, остановившагося у пріятеля своего Соболевскаго, съ восторгомъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевыревъ,—его вездѣ носили на рукахъ; во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на него; въ мазуркѣ и котильонѣ дамы выбирали поэта безпрерывно». Все это, однако, не могло увлечь Пушкина и наполнить его жизнь. Онъ жаждалъ дѣлиться послѣдними плодами своего творчества и провѣрять его въ кружкахъ истинныхъ цѣнителей и судей. Онъ трижды читалъ у князя Вяземскаго и Веневитинова «Бориса Годунова», относительно котораго ему былъ впослѣдствіи преподанъ, подъ вліяніемъ записки Бенкендорфа, внушительный совѣтъ «передѣлать свою комедію, по нужномъ очищеніи, въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтеръ-Скотта». Слушатели чтеній—Веневитиновъ, Боратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, Шевыревъ, князь Вяземскій—не раздѣлили однако такого взгляда, находя, повидимому, что подражать Вальтеръ-Скотту въ томъ, что достойно Шекспира, не слѣдуетъ. «О, какое удивительное было утро, оставившее слѣды на всю жизнь!—восклицаетъ Погодинъ, вспоминая черезъ 40 лѣтъ объ одномъ изъ такихъ чтеній,—не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать; да едва ли кто и спалъ въ эту ночь: такъ были мы потрясены!..»

Возбужденное и жизнерадостное настроеніе Пушкина, получившаго, какъ онъ писалъ князю Вяземскому, на ряду съ жизнью въ Москвѣ возможность «поэтическаго наслажденія возвращенія вольнымъ въ покинутую тюрьму», конечно, сыграло большую роль въ его увлеченіи Софіей Федоровной.

Но по отношенію къ ней матримо-

ніальнымъ планамъ поэта не суждено было осуществиться. Неизвѣстно имѣлъ ли Зубковъ съ нею и, конечно, съ родителями ея—объясненіе по поводу горячей просьбы Пушкина «женить его!»—Но если онъ и сдѣлалъ попытку исполнить данное ему поэтомъ порученіе, то, во всякомъ случаѣ, она не сопровождалась удачей, такъ какъ уже въ декабрѣ 1826 года Софія Федоровна была помолвлена съ Валеріаномъ Александровичемъ Панинымъ—со «сквернымъ Панинымъ», который не сталъ «дожидаться Фоминой» чтобы посвататься. Она считалась между «вывозимыми» московскими дѣвицами въ половинѣ двадцатыхъ годовъ одной изъ первыхъ красавицъ. Свѣтскій успѣхъ, при «преживомъ и превеселомъ»—по отзыву современницы (Яньковой)—нравѣ» едва ли давалъ ей возможность выдѣлить изъ среды восхищенныхъ ею поклонниковъ Пушкина и, понявъ его душевную глубину, сознательно откликнуться на его чувство. «Малютка Панинъ» какъ его называла въ одномъ современномъ письмѣ Муханова—оказался болѣе подходящимъ къ «крошкѣ Пушкиной», чѣмъ, «выброшенный грозою на берегъ таинственный пѣвецъ».—Въ январѣ 1827 года состоялась ея свадьба съ Панинымъ, который былъ впослѣдствіи смотрителемъ Вдовьяго дома въ Москвѣ и отъ котораго она имѣла трехъ сыновей и дочь. Она умерла 27 января 1862 года. Быть можетъ нѣкоторый отголосокъ чувства отвергнутой любви поэта звучитъ въ написанномъ имъ въ 1827 году стихотвореніи «Соловей», гдѣ говорится:

«Не такъ ли ты поешь для хладной красоты?
«Опомнись о поэтъ, къ чему стремишься ты?
«Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
«Глядишь—она цвѣтетъ; взываешь — нѣтъ
отвѣта.

Послѣдняя приписка къ письму Пушкина къ Зубкову объясняется тѣмъ, что поэтъ былъ суевѣренъ и вѣрилъ въ примѣты и талисманы. Въ качествѣ послѣднихъ у него было нѣсколько перстней. Гаевскій указываетъ на четыре такихъ: одинъ съ сердоликомъ, подаренный Пушкину графинею Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой, принадлежавшій впослѣдствіи И. С. Тургеневу и пожертвованный г-жею Віардо Пушкинскому музею Лицея; другой, подаренный вдовою Пушкина Далю, съ изумрудомъ, находящійся нынѣ у Великаго Князя Константина Константиновича; третій съ блѣдной, грушевидной бирюзой, подаренный поэту Нащокинымъ и снятый секундантомъ Пушкина Данзасомъ уже съ его похолодѣвшей руки, и четвертый съ маленькой бирюзой. Быть можетъ, въ приписке къ письму рѣчь идетъ именно объ этомъ послѣднемъ перстнѣ, такъ какъ, по удостовѣренію Анненкова, Нащокинскій перстень съ бирюзою былъ заказанъ уже въ 30-хъ годахъ.

Тяжелымъ и полнымъ горечи путемъ вела судьба великаго поэта. Она могла сказать «избранному небомъ пѣвцу» словами его Мефистофеля:

«Желалъ ты славы—и добился
«Хотѣлъ влюбиться—и влюбился.
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?...»

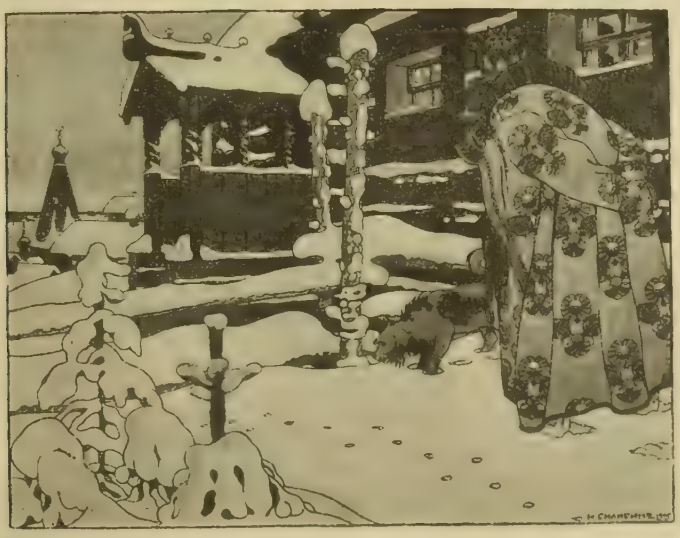
Оставаясь въ области предположеній, можно думать, что сдѣлайся Софія Федоровна женою Пушкина, быть-можетъ творчество его было бы поставлено въ иныя условія и не было бы прервано такъ рано, такъ жестоко. Къ горечи послѣднихъ лѣтъ его жизни, опутанной матеріальными затрудненіями и скованной условностями и суетными обычаями большого свѣта, примѣшалась еще и клевета, такъ часто его преслѣдовавшаяся всю жизнь. Она вползла и въ семейную жизнь его и обвилась вокругъ Пушкина нерасторжимымъ кольцомъ. Отравляя его сердце, смущая его умъ, она предала его тяжкимъ мукамъ подавленнаго гнѣва и сознанія своей безпомощности противъ враждебнаго вторженія праздnаго злорѣчія въ «святая-святыхъ» его души. Разорвать это кольцо и вернуть необходимое спокойствіе могъ бы одинъ лишь отъѣздъ изъ Петербурга и связанныя съ этимъ новыя впечатлѣнія. Его манили Римъ, Византія и Іерусалимъ, о которыхъ онъ думалъ написать поэму,—онъ порывался даже въ далекій Китай. Но Бенкендорфъ, коварной и лицемѣрной «дружбѣ» котораго былъ ввѣренъ Государемъ Россіи ея великій поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предоставлялъ коршунамъ терзать сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ «пора! пора! покоя сердце проситъ»... Нечистыя руки вооружили клеветническое перо, и участь Пушкина была рѣшена...

А. Ѳ. Кони.

Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и прекрасной царевнѣ Лебедь.

Виньетка И. Билибина.

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бъ для батюшки-царя
Родила богатыря.
Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,



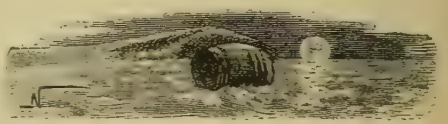
ЦАРЬ САЛТАНЪ ПОДСЛУШИВАЕТЪ ТРЕХЪ ДѢВИЦЪ.

Рисунокъ И. Билибина.

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.
Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.
Въ тѣ-поры война была.
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь;
«Не мышенка, не лягушку,
«А невѣдому звѣрюшку».
Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему отецъ,
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
«Для законнаго рѣшенья».
Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
И ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.

Рисунокъ М. Нестерева.

Объявили царску волю,
Ей и сыну злую долю,
Почитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ Океанъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.



Рисунокъ Нестерева.

ТРИ ДѢВИЦЫ ПОДЪ ОКНОМЪ

Рисунокъ Виктора Васнецова.

Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ, будь царица
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.
  Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили одних.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха—
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,
Обѣщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.
  Въ тѣ-поры война была.
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ:
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова:
«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь;
«Не мышенка, не лягушку,
А невѣдому звѣрюшку».
  Какъ услышалъ царь-отецъ,

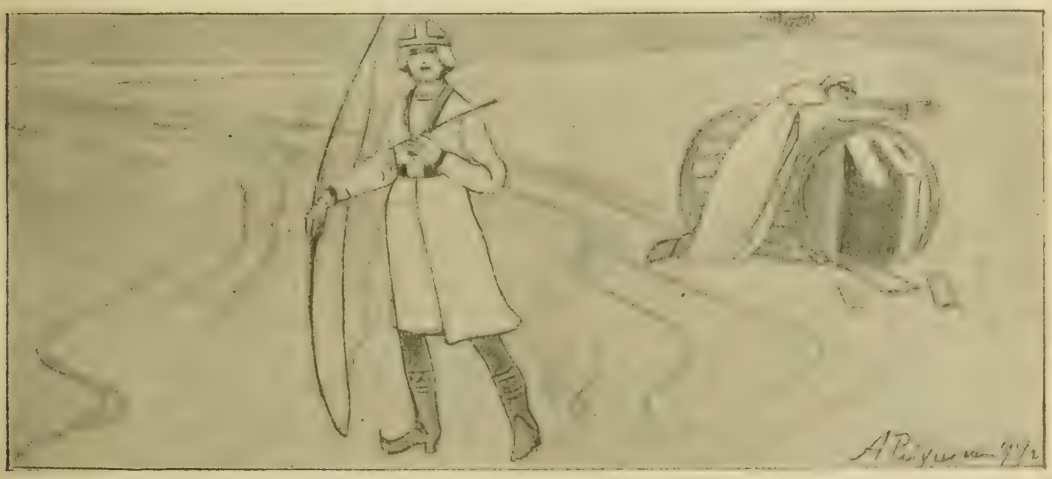
Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ:
«Ждать царева возвращенья
«Для законнаго рѣшенья».
  Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
И ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велятъ;
Допьяна гонца поятъ
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую—
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего: бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.

Рисунокъ М. Нестерева.

Объявили царску волю,
Ей и сыну злую долю,
Почитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатили
И пустили въ Океанъ—
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Рисунокъ Нестерева.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,
Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И ростетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопитъ...
А дитя волну торопитъ:
«Ты, волна моя, волна!
«Ты гульлива и вольна;
«Плещешь ты, куда захочешь,
«Ты морскіе камни точишь,
«Топишь берегъ ты земли,
«Подымаешь корабли—
«Не губи ты нашу душу:
«Выплесни ты насъ на сушу!»
И послушалась волна:
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
Богъ не ужъ-то ихъ покинетъ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и вышелъ вонъ.
Мать и сынъ теперь на волѣ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ,
Сынъ подумалъ: добрый ужинъ
Былъ бы намъ однако нуженъ.
Ломитъ онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ,
Стрѣлкой легкой завострилъ
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.



ЦАРЕВИЧЪ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ОХОТУ.

Рисунокъ А. Рябушкина.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ...
Видно на морѣ не тихо;
Смотритъ—видитъ дѣло лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вкругъ мутитъ и хлещетъ...
Тотъ ужъ когти разпустилъ,
Клювъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла—
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотритъ: коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,
Бьетъ крыломъ и въ море топитъ—

И царевичу потомъ
Молвитъ Русскимъ языкомъ:
Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Ѣсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Это горе—все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ:
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись.
Улетѣла лебедь-птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натощакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи;
Отрясая грѣзы ночи
И дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой,
Стѣны съ частыми зубцами
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будитъ;
Та какъ ахнетъ!... То ли будетъ?
Говоритъ онъ, вижу я:
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ:
Къ нимъ народъ навстрѣчу валитъ,
Хоръ церковный Бога хвалитъ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекся: князь Гвидонъ.
Вѣтеръ на морѣ гуляетъ
И кораблику подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой—
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ онъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана...
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океяну
Къ славному царю Салтану;
Отъ меня ему поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальной;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывётъ.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца:
Видѣть я бъ хотѣлъ отца.
Лебедь князю: вотъ въ чемъ горе
Ну, послушай: хочешь въ море
Полетѣть за кораблёмъ?
Будь же, князь, ты комаромъ.
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился,
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихонько опустился
На корабль—и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна

Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости—
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,

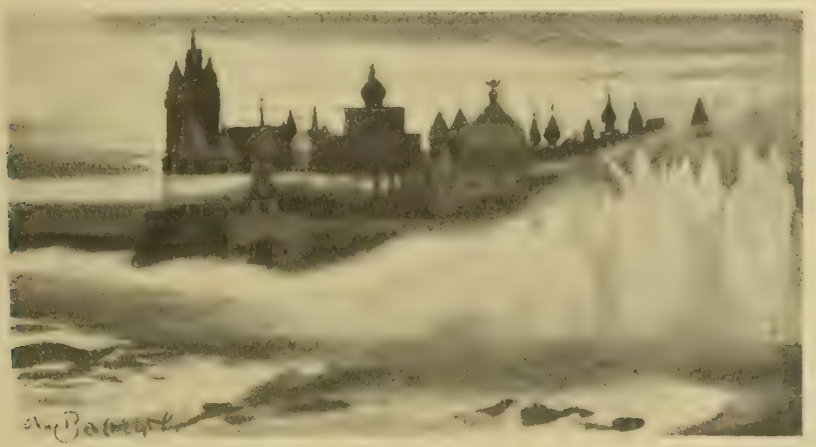
Рисунокъ Бартрама.

Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ
И въ глаза ему глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
Молвитъ онъ: коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.
Снова князь у моря ходитъ,

Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
Чудо чудное завесть
Мнѣ бъ хотѣлось. Гдѣ-то есть:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Диво, право, не бездѣлка—
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
«Это чудо знаю я;
«Полно, князь, душа моя,
«Не печалься; рада службу
«Оказать тебѣ я вдружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой;
Лишь ступилъ на дворъ широкой—
Что жъ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудедъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки равныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огороде.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь—дай ей Боже,
Что и мнѣ, веселье то же.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И при томъ дьяка заставилъ
Строгій счетъ орѣхамъ весть.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ—
И лежитъ намъ путь далёкъ:
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Говоритъ имъ князь тогда:
«Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океяну,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.
Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь—а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь: душа-де проситъ,
Такъ и тянетъ и уноситъ...
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль—и въ щель залѣзъ.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана—
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;

За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ-жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служатъ ей прислугой разной—
И приставленъ дьякъ приказной
Строгій счетъ орѣхамъ весть;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ;
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ пѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха:
Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызетъ,



ТРИДЦАТЬ ТРИ БОГАТЫРЯ.
Рисунокъ Аполлинарія Васнецова.

Мечетъ золото, и въ груды
Загребаетъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ—
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится ..
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла:
Ай! и тутъ же окривѣла:
Всѣ кричатъ: лови, лови,
Да дави ее, дави. .
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди... А князь въ окошко,

Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ!
Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь: поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывётъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ—
Диво бъ дивное хотѣлъ
Перенесть я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
—Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ:
Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печался же, ступай,
Вгости братцевъ поджидай.»
Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ гладѣть онъ; море вдругъ
Всколыхалося вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ;
Дядька князю говоритъ:
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежеденно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море;
Тяжекъ воздухъ намъ земли
Всѣ потомъ домой ушли.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Ихъ и кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
«Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
И куда теперь плывете?»
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
Торговали мы булатомъ,
Чистымъ серебромъ и златомъ,
И теперь намъ вышелъ срокъ;
А лежитъ намъ путь далёкъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говоритъ имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану.
Да скажите-жъ: князь Гвидонъ
Шлетъ-де свой царю поклонъ.
Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де проситъ...
Такъ и тянетъ и уноситъ...
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣлъ и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму—и въ щель забился.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.

Вѣтеръ весело шумитъ
Судно весело бѣжитъ.

Рисунокъ Н. В. Досѣкина.

Видитъ, весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ—
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо.
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ—
И останутся на брегѣ
Тридцать-три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить—
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Нигугу—но Бабариха
Усмѣхнувшись говоритъ:
Кто насъ этимъ удивитъ?
Люди изъ моря выходятъ!
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія-ль дива?
Вотъ идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво.

Гости умные молчатъ:
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится,—
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей:
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится—
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь:
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога:
Помогите, ради Бога!
Караулъ! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вотъ ужо! пожди немножко,
Погоди!... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.
Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь—поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
Грусть-тоска меня съѣдаетъ:
Люди женятся; гляжу,
Неженатъ лишь я хожу.
«А кого же на примѣтѣ
Ты имѣешь?»—Да на свѣтѣ,
Говорятъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ—
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это?—
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ:
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица.
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ—
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путёмъ,
Не раскаяться бъ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта—я.
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты
Опустилася въ кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
Государыня-родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и любви.
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградитъ.»
Князь недолго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.
Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ.
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгости,
Онъ ихъ кормитъ и поитъ
И отвѣтъ держать велитъ:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ:

ЛЕБЕДЬ—ЦАРЕВНА.
Рисунокъ Бартрама.

Торговали мы недаромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Восвояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океяну,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ вгости обѣщался,
А доселѣ не собрался—
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.
Вѣтеръ весело шумитъ,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости.

Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно-ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;

А орѣшки не простые,
Скорлупы-то золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ—
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвесть:
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пѣняетъ онъ:
Къ намъ-де въ-гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.

А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудный островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ:
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя:
«Нынче-жъ ѣду»! Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.
Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на море глядитъ:
Не шумитъ оно, не хлещетъ,
Лишь едва, едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинамъ океана
Ѣдетъ флотъ царя Салтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ:
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Ѣдетъ батюшка сюда».
Флотъ ужъ къ острову подходитъ
Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ;
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.

ЦАРЬ САЛТАНЪ СО СВОЕЮ СВИТОЮ.
Рисунокъ С. Соломки.

Разомъ пушки запалили;
Въ колокольняхъ зазвонили;
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой;

Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.
Всѣ теперь идутъ въ палаты:
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать-три богатыря,

Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкой:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ—торопливо
Смотрятъ—что жъ? княгиня-диво:
Подъ косой луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ—и узнаетъ...
Въ немъ взыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошёлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ—царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ—
И усы лишь обмочилъ.

Концовка И. Билибина.

680. БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «шли же племена,
«Бѣдой Россіи угрожая;
«Не вся ль Европа тутъ была?
«А чья звѣзда ее вела!...
«Но стали жъ мы пятою твердой,
«И грудью приняли напоръ
«Племенъ, послушныхъ волѣ гордой,
«И равенъ былъ неравный споръ.
«И что жъ? свой бѣдственный побѣгъ,
«Кичась, они забыли нынѣ;
«Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
«Погребшій славу ихъ въ пустынѣ..
«Знакомый пиръ ихъ манитъ вновь—
«Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
«Но тяжко будетъ имъ похмѣлье,
«Но дологъ будетъ сонъ гостей
«На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
«Подъ злакомъ сѣверныхъ полей!
«Ступайте жъ къ намъ: васъ Русь зоветъ!
Но знайте, прошеные гости!
Ужъ Польша васъ не поведетъ:
Черезъ ея шагнете кости!...»
Сбылось—и, въ день Бородина,
Вновь наши вторглись знамена
Въ проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый—
И бунтъ раздавленный умолкъ.
Въ бореньѣ падшій невредимъ;
Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не напомнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ;
Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
Они народной Немезиды
Не узрятъ гнѣвнаго лица,
И не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палатъ,
Легкоязычные витіи,
Вы, черни бѣдственный набатъ,
Клеветники, враги Россіи!
Что взяли вы?... Еще ли Россъ
Больной, разслабленный колоссъ.
Еще ли сѣверная слава
Пустая притча, лживый сонъ?
Скажите: скоро ль намъ Варшава
Предпишетъ гордый свой законъ?
Куда отдвинемъ строй твердынь?
За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
За кѣмъ останется Волынь?
За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
Признавъ мятежныя права,
Отъ насъ отторгнется ль Литва?
Нашъ Кіевъ дряхлый, златоглавый,
Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
Сроднитъ ли съ буйною Варшавой
Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?
Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили ль Русскаго Владыку?
Скажите, кто главой поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ
Ее, бѣснуясь, потрясали—
Смотрите жъ: все стоитъ она!
А вкругъ нея волненья пали—
И Польши участь рѣшена...
Побѣда! сердцу сладкій часъ!
Россія! встань и возвышайся!
Греми, восторговъ общій гласъ!...
Но тише, тише раздавайся
Вокругъ одра, гдѣ Онъ лежитъ,
Могучій мститель злыхъ обидъ,
Кто покорилъ вершины Тавра,
Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
Кому Суворовскаго лавра
Вѣнокъ сплела тройная брань.
Возставъ изъ гроба своего,
Суворовъ видитъ плѣнъ Варшавы:
Вострепетала тѣнь его
Отъ блеска имъ начатой славы!
Благословляетъ онъ, Герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоихъ сподвижниковъ отвагу,
И вѣсть тріумфа твоего,
И съ ней летящаго за Прагу
Младаго внука своего.

---

681. ОТЪ ВАСЪ УЗНАЛЪ Я ПЛѢНЪ ВАРШАВЫ.

[Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»].

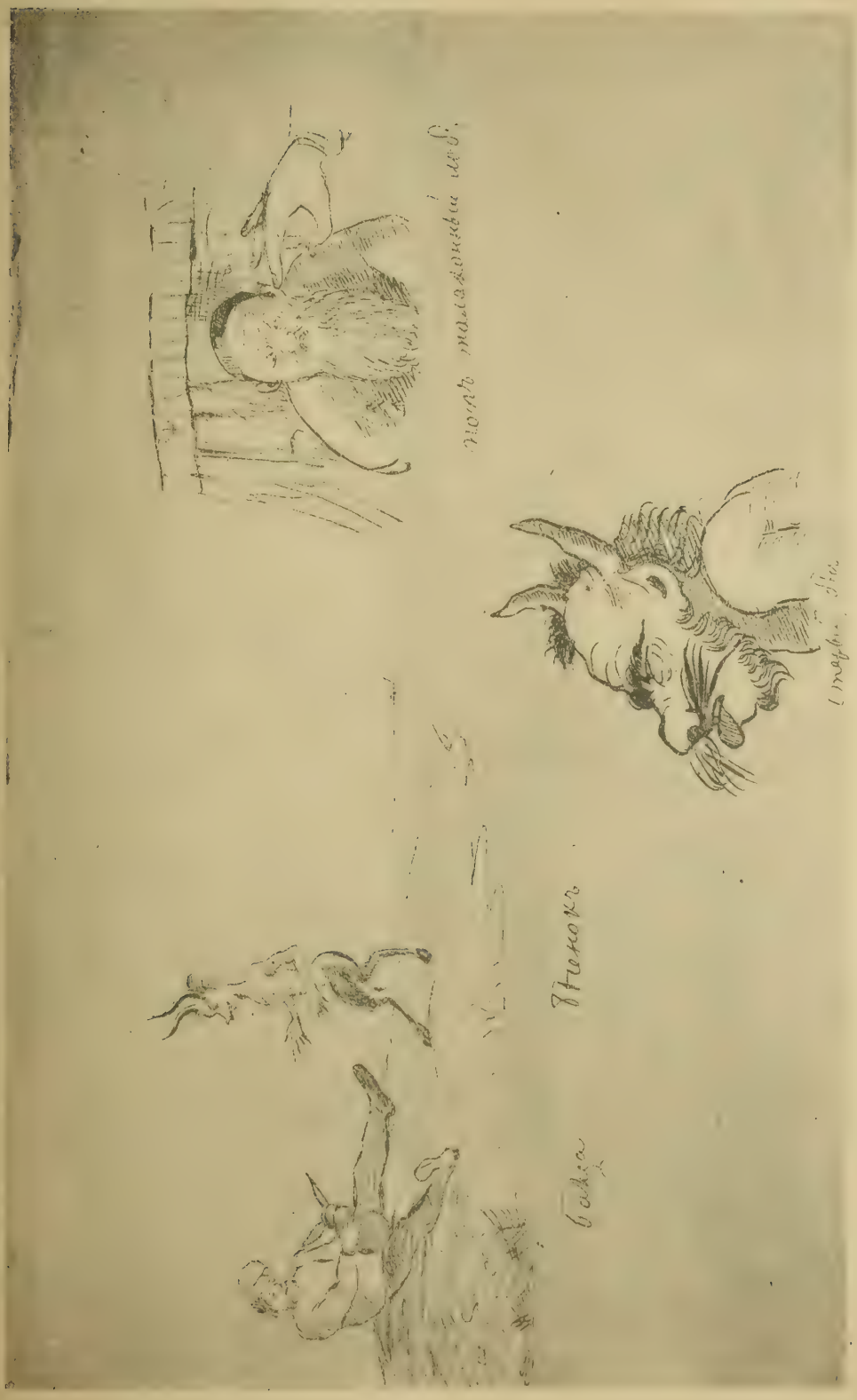
Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы,
Вы были вѣстницею славы
И вдохновеньемъ для меня.

---

682. СКАЗСКА О ПОПѢ И О РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

[Не вполнѣ отдѣлано].

Жилъ-былъ попъ
Талаконный лобъ.
Пошелъ попъ по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ незная куда.
Говоритъ попу: здравствуй борода!
Что ты, батька, такъ рано на ноги поднялся?
Чего ты взыскался?
Попъ ему въ отвѣтъ: «Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такова
Служителя бъ не слишкомъ дорогова?
Балда говоритъ:
(Не бѣда, коли есть лебеда)
Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно,
Въ годъ за три щелка тебѣ полбу;
Ѣсть-же мнѣ давай вареную полбу.
Призадумался попъ
Сталъ почесовать лобъ.
Щелкъ щелку вѣдь розь.
Да понадѣялся онъ на Русскій Авось.
Попъ говоритъ Балдѣ: ладно:
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворье,
Окажи свое усердіе и проворье.»
Живетъ Балда въ поповомъ домѣ
Спитъ себѣ на соломѣ
Ѣстъ за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печку затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,



РИСУНОКЪ ПУШКИНА КЪ СКАЗКѢ О БАЛДѢ.

(Румянцевскій музей, тетр. № 2376, Е, л. 45 оборот).

Яицко испечетъ да самъ и облупитъ.
Попадья Балдой ненахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится
Попенокъ зоветъ его: тятей
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей.
(Даже песъ ласкается къ нему хвостомъ)
Только попъ одинъ Балду не любитъ
Никогда его не приголубитъ
О разплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько
Попъ ни ѣстъ, ни пьетъ, почти не спитъ
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ попадьѣ признается:
Такъ и такъ; что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ
На всякія хитрости повадливъ—
Попадья говоритъ:—знаю средство
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу чтобъ стало ему не въ мочь
А требуй чтобъ онъ ее исполнилъ точь въ точь:
Тѣмъ ты и лобъ отъ разправы избавишь,
И Балду-то безъ разплаты отправишь.
Стало на сердцѣ попа веселѣе
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ: поди ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда,
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ по самой моей смерти
Лучшаго-бъ не надобно дохода
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.
Балда съ попомъ понапрасну не споря
Пошелъ сѣлъ у берега моря
Тамъ онъ сталъ веревку крутить
Да конецъ ея въ море мочить.
Вотъ изъ моря вышелъ старый бѣсъ,
Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣсъ?
— Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить.
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
Скажи, за что такая немилость?
— Какъ за что? Вы не платите оброка
Не помните положеннаго срока;
Вотъ ужо будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха.
Бàлдушка, погоди ты морщить море
Оброкъ сполна получишь вскоре.
Погоди; вышлю къ тебѣ внука.
Балда мыслитъ—этого провести не штука!
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ
Замяукалъ онъ какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичокъ;
Какой тебѣ надобенъ оброкъ?
Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали
Не было чертямъ такой печали—
Ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору—
Чтобы впредь небыло никому горя:
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ
Между тѣмъ тамъ приготовятъ мѣшокъ.
—Засмѣялся Балда лукаво:
Что это ты выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшаго брата.
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ
Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ
Къ морю опять онъ приходитъ
У моря бѣсенка находитъ.
Держитъ Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ,
Со мною тягаться слабенекъ—
Это было бъ лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! догоняй-ка.
Пустились бѣсенокъ и зайка
Бѣсенокъ по берегу морскому
А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ море кругомъ обѣжавши
Высунувъ языкъ, мордку поднявши
Прибѣжалъ бѣсенокъ задыхаясь
Весь мокрешенекъ лапкой утираясь
Мысля: дѣло съ Балдою сладитъ
Глядь—а Балда братца гладитъ
Приговаривая: братецъ мой любимой,
Усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.
Бѣсенокъ оторопѣлъ
Хвостикъ поджалъ совсѣмъ присмирѣлъ
На братца поглядываетъ бокомъ
Погоди, говоритъ, схожу за оброкомъ.
Пошолъ къ дѣду говоритъ: бѣда!
Обогналъ меня меньшой Балда!
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу.
А Балда надѣлалъ такого шуму
Что все море смутилось
И волнами такъ и разходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. Полно, мужичокъ
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ—
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любимую мету—
Кто далѣе палку броситъ
Тотъ пускай и оброкъ уноситъ.
Что жъ? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?—Да жду вонъ этой тучки
Зашвырну туда свою палку
Да и начну съ вами чертями свалку—
Испугался бѣсенокъ да къ дѣду
Разказывать про Балдову побѣду

А Балда надъ моремъ опять шумитъ
Да чертямъ веревкой грозитъ
Вылѣзъ опять бѣсенокъ: что ты хлопочешь
Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...
Нѣтъ, говоритъ Балда
Теперь моя череда
Условія самъ назначу
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотрю, какова-жь у тебя сила—
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты
Снесешь кобылу, оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы онъ будетъ мой.
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлезъ,
Понатужился
Понапружился
Приподнялъ кобылу, два шага шагнулъ
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: глупый ты бѣсъ,
Куда жъ-ты за нами полезъ?
И руками снести не смогъ
А я смотри снесу промежъ ногъ—
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ.
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ разсказывать про иную побѣду.
Черти стали въ кружокъ
Дѣлать нечего—черти собрали полной оброкъ
Да на Балду взвалили мѣшокъ—
Идетъ Балда, покрякиваетъ
А попъ завидя Балду вскакиваетъ
За попадью прячется
Со страху корячется
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ:
Съ перваго щелка
Прыгнулъ попъ до потолка
Со второго щелка
Лишился попъ языка
А съ третьяго щелка
Вышибло умъ у старика
А Балда приговаривалъ съ укоризной
Не гонялся бы ты, попъ, за дешевизной.

683. ЧѢМЪ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТЪ ЛИЦЕЙ. [19 Октября 1831].

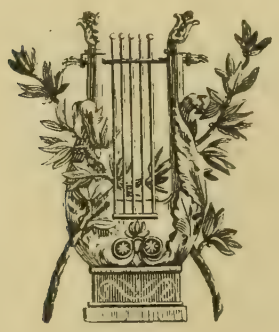
[Не совсѣмъ отдѣлано].

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину,
Тѣмъ рѣже онъ; тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.
Давно ль, друзья... Но 20 лѣтъ
Тому прошло, и что же вижу?
Того Царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ;
Отбунтовала вновь Варшава.
Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались;
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; Рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти (Духъ) средь насъ ходилъ
И назначалъ свои закланья.
Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ
Они разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой
И надо всѣми мы рыдали.
И мнится очередь за мной,
Зоветъ меня мой Д[ельвигъ] милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и гордыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
Навѣкъ отъ насъ ушедшій геній.
Тѣснѣй, о милые друзья,
Тѣснѣй нашъ вѣрный кругъ составимъ
Почившимъ пѣснь окончилъ я,
Живыхъ надеждою поздравимъ—
Надеждой нѣкогда опять
Въ пиру Лицейскомъ очутиться,
Всѣхъ остальныхъ еще обнять
И новыхъ жертвъ ужъ не страшиться.

684. КОГДА ВЪ ОБЪЯТІЯ МОИ.

[Окончательно не отдѣлано].

Когда въ объятія мои
Твой стройный станъ я заключаю
И рѣчи нѣжныя любви
Тебѣ съ восторгомъ разточаю—
Безмолвно отъ стѣсненныхъ рукъ
Освобождая станъ свой гибкій
Ты отвѣчаешь, милый другъ,
Мнѣ недовѣрчивой улыбкой.
Прилежно въ памяти храня
Измѣнъ печальныя преданья,
Ты безъ участья и вниманья
Уныло слушаешь меня....
Кляну коварныя старанья
Преступной юности моей,
И встрѣчь условныхъ ожиданья
Въ садахъ, въ безмолвіи ночей
Кляну рѣчей любовныхъ шопотъ
(И струнъ таинственный напѣвъ)
И (ласки) легковѣрныхъ дѣвъ,
Ихъ слезы, ихъ притворный гнѣвъ
И слезы ихъ, и поздній ропотъ...
(Повѣрь, безумныя) забавы
Души не трогаютъ моей,
И суета безумной славы—
Я полюбилъ . . . . . .
. . . . . .
(Не упрекай меня, другъ мой нѣжной...)



ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ ВЪ ПРЕДСТАВЛЕНІИ ПУШКИНА.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ найденный нами въ тетради Румянцевскаго музея № 2387, л. 62, портретъ,—и по одеждѣ, и по тому, что подъ нимъ подписано «Предисловіе къ Евгенію Онѣгину», и по общему духовному изяществу типа—есть именно Онѣгинъ. Онѣгинъ послѣдней главы, съ отпечаткомъ глубокаго страданія на благородномъ лицѣ. Никто другой изъ героевъ Пушкина къ портрету не подходитъ. На томъ-же листѣ, надъ портретомъ, имѣется дата: 21 Ноября 1830 г., Болдино, и можно предположить, что Пушкинъ собирался снабдить полное изданіе почти законченнаго уже тогда романа предисловіемъ. Это намѣреніе не было приведено въ исполненіе. ***Ред.***

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

I.

4-го ноября 1823 года, посылая изъ Одессы кн. Вяземскому только-что законченный «Бахчисарайскій Фонтанъ», Пушкинъ сообщалъ, между прочимъ, своему «милому ангелу Асмодею»: «пишу теперь не романъ, а романъ въ стихахъ: дьявольская разница! Въ родѣ Донъ-Жуана. Первая пѣснь или глава кончена; я тебѣ ее доставлю. Пишу его съ упоеньемъ, что ужъ давно со мной не бывало. О печати и думать нельзя»... («Переписка», изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 83—84; черновикъ).

Вотъ первое изъ дошедшихъ до насъ извѣстій объ «Евгеніи Онѣгинѣ». Имя это, которому суждено было создать вокругъ себя цѣлую литературу, впервые встрѣчается въ пушкинской перепискѣ мѣсяцемъ позднѣе: «я на досугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью. Двѣ пѣсни уже готовы», — писалъ Пушкинъ 1-го

декабря 1823 года А. И. Тургеневу (ibib. I, 91). А въ началѣ слѣдующаго года «Литературные Листки» уже оповѣстили читающую публику, что «Александръ Пушкинъ написалъ Поему подъ заглавіемъ Онѣгинъ, которой содержаніе чрезвычайно разнообразно»... Наконецъ, въ началѣ 1825-го года вышла въ свѣтъ первая глава этого «романа въ стихахъ», окончаніе котораго публика увидѣла только черезъ семь лѣтъ.

Значенія и смысла «Евгенія Онѣгина» современники Пушкина не могли, конечно, понять; говорю к о н е ч н о — такъ какъ всякое художественное произведеніе, въ которомъ обрисовывается новый общественный типъ, требуетъ нѣкоторой историко-литературной перспективы, нуждается въ изученіи на разстояніи; въ немъ таится своего рода «acto in distans»... Обломова поняли сразу, такъ какъ онъ былъ «послѣсловіемъ», былъ типомъ, резюмирующимъ собою цѣлую полосу нашего общественнаго и умственнаго развитія; Онѣгину-же, волею судебъ, пришлось стать своего рода «предисловіемъ» къ дальнѣйшей исторіи развитія русской интеллигенціи. И современникамъ Онѣгина приходилось по предисловію судить о еще не написанной книгѣ; немудрено, если они плохо поняли то, что геніальный поэтъ предугадалъ силой творческой интуиціи. Баратынскій писалъ Пушкину послѣ появленія уже пятой главы этого романа: «большее число его не понимаютъ. Ищутъ романтической завязки, ищутъ обыкновеннаго и, разумѣется, не находятъ. Высокая простота созданія кажется имъ бѣдностію вымысла; они не замѣчаютъ, что старая и новая Россія, жизнь во всѣхъ ея измѣненіяхъ проходитъ передъ ихъ глазами»... (ibid., II, 54—55).

И несмотря на это, «Евгенія Онѣгина» читали, имъ зачитывались. Выходившія главы расхватывались съ рѣдкой для того времени быстротой: исписывались цѣлыя горы бумаги различныхъ критикъ и антикритикъ. Находились цѣнители, въ родѣ Булгарина, провозглашавшіе «Chûte complète», полное паденіе таланта Пушкина въ одной изъ лучшихъ главъ этого романа; находились другіе судьи, въ родѣ Надеждина, осуждавшіе весь романъ въ его цѣломъ за мелкость, за безсодержательность и беззубо острившіе: «для генія не довольно смастерить Евгенія»... Но все это глубочайшее непониманіе не могло помѣшать широкому распространенію «Евгенія Онѣгина» среди читающей публики; значенія Онѣгина не понимали, но все-же его читали и перечитывали. «Его читаютъ во всѣхъ закоулкахъ русской имперіи, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, — говоритъ въ 1840-мъ году одинъ изъ современниковъ поэта: — всякій помнитъ наизусть нѣсколько куплетовъ. Многія мысли поэта вошли въ пословицу. О н ѣ г и н а покупали, О н ѣ г и н а списывали, О н ѣ г и н а учили на память». Къ этому времени стало возможнымъ нѣкоторое обобщеніе онѣгинскаго типа, такъ какъ передъ глазами читателей и изслѣдователей въ это время было уже не одно «предисловіе», но и первыя страницы самой книги: николаевская система оказалась благопріятной почвой для культивированія десятковъ «лишнихъ людей», родоначальникомъ которыхъ нельзя было не признать Онѣгина. Бѣлинскій, въ серединѣ сороковыхъ годовъ, впервые далъ глубокую психологическую и общественную характеристику Онѣгина; нѣсколько позднѣе Герценъ поставилъ Онѣгина въ связь съ духомъ николаевской системы, заявивъ (и это невѣрное, какъ увидимъ, утвержденіе стало вскорѣ общепринятымъ), что Евгеній Онѣгинъ есть результатъ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря 1825 г. Наконецъ, еще позднѣе, въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, выросшее на «Евгеніи Онѣгинѣ» молодое поколѣніе впервые поняло глубокій внутренній смыслъ этого романа и его историческое значеніе, прочитавъ «Дворянское гнѣздо» и «Обломова» (такъ разсказываетъ намъ человѣкъ того поколѣнія, проф. В. Ключевскій, къ остроумной статьѣ котораго «Евгеній Онѣгинъ и его предки» мы еще обратимся). «Предисловіе» стало вполнѣ яснымъ только послѣ появленія «послѣсловія»; родоначальникъ «лишнихъ людей» сталъ понятнымъ для историка культуры и общественной мысли только послѣ появленія на сценѣ всѣхъ своихъ потомковъ, вплоть до Рудина и Лаврецкаго. Болѣе того, когда пришли и прошли шестидесятые годы, когда жестокое развѣнчиваніе Писаревымъ Пушкина (именно за «Евгенія Онѣгина») отошло уже въ область исторіи, когда и семидесятые годы подходили къ концу, то тутъ стало еще яснѣе все значеніе Онѣгина въ исторіи русской интеллигенціи; стало ясно, что не только Рудины и Лаврецкіе, но и Базаровы, и кающіеся дворяне необъ-

яснимы безъ Онѣгина. Достоевскій въ своей знаменитой пушкинской рѣчи 1880-го года ясно и рѣзко сформулировалъ этотъ «онѣгинскій вопросъ», сводя его къ вопросу о разобщенности интеллигенціи и народа, и этимъ вернулся отчасти къ классическому объясненію Бѣлинскаго.

Итакъ, значеніе «Евгенія Онѣгина» открывалось лишь мало-по-малу цѣлому ряду поколѣній. По мѣрѣ того, какъ въ русской жизни и литературѣ появлялись одинъ за другимъ различные потомки Онѣгина—Печорины и Грушницкіе, уѣздные Гамлеты и Рудины, Чулкатурины и Лаврецкіе, становилось яснымъ значеніе самого Онѣгина, выяснилось его происхожденіе; познакомившись съ потомками Онѣгина, возстановляли историко-генетическую линію его предковъ. Выяснялось, такимъ образомъ громадное значеніе «Евгенія Онѣгина» для исторіи литературныхъ типовъ; а вѣдь литературный типъ является только фиксированіемъ жизни, закрѣпленіемъ ея въ художественномъ творчествѣ. Это съ одной стороны. Съ другой—слишкомъ яснымъ является громадное значеніе «Евгенія Онѣгина» для исторіи творчества самого Пушкина, для послѣдняго уясненія духовнаго облика великаго поэта. Почти девять лѣтъ лучшаго періода своей жизни Пушкинъ трудился надъ этимъ своимъ любимѣйшимъ произведеніемъ, то работая запоемъ («пишу съ упоеньемъ»), то надолго забрасывая работу («Онѣгинъ мнѣ надоѣлъ и спитъ; впрочемъ я его не бросилъ»), то снова возвращаясь къ своему роману. Съ весны 1823-го по осень 1831-го года Пушкинъ писалъ этотъ свой романъ, переписывалъ, набрасывалъ на-черно строфы, безпощадно маралъ и передѣлывалъ ихъ. Вся его жизнь за этотъ періодъ времени, его духовное развитіе, стихійная мудрость его отношенія къ міру, къ людямъ, къ жизни—все это отражалось въ строфахъ «Евгенія Онѣгина». Самъ Пушкинъ видѣлъ въ своемъ романѣ

. . . собранье пестрыхъ главъ
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Но, конечно, мы найдемъ въ этомъ романѣ не только холодныя наблюденія ума и горестныя замѣты сердца; мы найдемъ въ немъ прежде всего цѣльное и ясное пониманіе міра, пониманіе жизни; найдемъ то, что можно назвать безсознательнымъ и стихійнымъ міровоззрѣніемъ и міровосчувствованіемъ Пушкина.

Такимъ образомъ, выясняются двѣ стоящія передъ нами задачи. Громадное значеніе «Евгенія Онѣгина», во-первыхъ, для исторіи литературныхъ типовъ, и во-вторыхъ, для исторіи творчества и міровоззрѣнія самого Пушкина заставляетъ насъ изучать этотъ романъ, во-первыхъ какъ проявленіе и отраженіе русской жизни опредѣленной эпохи и, во-вторыхъ, какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого Пушкина на всю эту жизнь въ ея цѣломъ. «Евгеній Онѣгинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—съ одной стороны, «Евгеній Онѣгинъ» и мировоззрѣніе Пушкина—съ другой стороны: вотъ двѣ громадныя темы, которыхъ, конечно, мы не можемъ исчерпать на послѣдующихъ страницахъ; но именно эти двѣ темы опредѣляютъ собой все содержаніе настоящаго очерка.

II.

«Онѣгинъ,—говоритъ Бѣлинскій,—есть самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его фантазіи, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ личность поэта отразилась-бы съ такой полнотой, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его чувства, понятія, идеалы. Оцѣнить такое произведеніе—значитъ оцѣнить самого поэта во всемъ объемѣ его творческой дѣятельности». Этими извѣстными и глубоко вѣрными словами Бѣлинскій начинаетъ свою статью объ «Евгеніи Онѣгинѣ»; эти-же слова приводитъ Писаревъ въ началѣ своей статьи «Пушкинъ и Бѣлинскій» («Русское Слово» 1865 г., № 4, стр. 1). Какъ извѣстно, основываясь на этихъ словахъ, Писаревъ и приступилъ къ «развѣнчиванію» Пушкина; отождествивъ Пушкина съ Онѣгинымъ и «доказавъ» ничтожность послѣдняго, Писаревъ вынесъ Пушкину безапелляціонный обвинительный приговоръ, признавъ его за «легкомысленнаго версификатора..., погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и фило-

софскіе вопросы нашего вѣка»... (ibid, № 6, стр. 66). Этотъ выводъ навсегда останется образцомъ историко-литературнаго курьеза; тѣмъ болѣе необходимо подчеркнуть, что исходная точка Писарева вполнѣ сохраняетъ свое значеніе. Вслѣдствіе цѣлаго ряда сложныхъ общественныхъ условій, Писаревъ не сумѣлъ понять ни «Евгенія Онѣгина», ни Пушкина, но онъ ясно чувствовалъ существующую между Пушкинымъ и Онѣгинымъ тѣсную связь; онъ понялъ ее слишкомъ грубо, слишкомъ примитивно, сочтя ее простымъ тождествомъ, но онъ былъ правъ по существу: жизнь Пушкина и жизнь Онѣгина тѣсно переплетаются, и распутать эту связь—значитъ сдѣлать первый шагъ къ пониманію всего романа. Поэтому мы прежде всего прослѣдимъ шагъ за шагомъ за такъ хорошо извѣстной каждому изъ насъ шумной и неудачной жизнью Евгенія Онѣгина, намѣчая попутно хронологическую нить событій; мы изложимъ краткую біографію Онѣгина, изучая его не только какъ нѣкоторый общественный типъ, но и какъ рѣзко опредѣленную индивидуальность, ибо намъ интересенъ тотъ Евгеній Онѣгинъ, который былъ одно время другомъ Пушкина, съ которымъ даже они собирались вмѣстѣ «увидѣть чуждыя страны», котораго черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ неожиданно встрѣтилъ въ Одессѣ... На этомъ пути мы дойдемъ до кое-какихъ, быть можетъ, не лишенныхъ интереса выводовъ. —

Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,

этими словами Пушкинъ начинаетъ біографію своего друга (глава I, строфа 2). Объ отцѣ и предкахъ Евгенія Онѣгина рѣчь будетъ впереди, а пока намъ слѣдуетъ возстановить годъ рожденія Онѣгина: онъ родился около 1796 г., ибо послѣ убійства Ленскаго и передъ путешествіемъ по Россіи Онѣгину былъ двадцать шестой годъ («доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ до двадцати шести годовъ—VIII, 12), а это случилось, какъ будетъ показано ниже, въ 1821 году. Въ Петербургѣ прошло все дѣтство, вся юность Евгенія; мы знаемъ, что «сперва madame за нимъ ходила, затѣмъ monsieur ее смѣнилъ» и сталъ «учить его всему шутя», до тѣхъ поръ, пока научившемуся «чему-нибудь и какъ-нибудь» Евгенію пришла пора «увидѣть свѣтъ»; тогда «monsieur прогнали со двора» (I, 4). Событіе это—появленіе Онѣгина въ «свѣтѣ»—случилось въ 1812 году (ибо, во-первыхъ, мы знаемъ изъ черновыхъ рукописей романа, что «лѣтъ шестнадцати мой другъ окончилъ курсъ своихъ наукъ», а, значитъ это было въ 1796+16=1812 году; а во вторыхъ, Пушкинъ сообщаетъ, что на жизнь въ «свѣтѣ» Онѣгинъ «убилъ восемь лѣтъ», а бросилъ онъ «свѣтъ» и уединился въ своей деревнѣ въ 1820-мъ году, какъ увидимъ ниже; опять-таки 1820—8=1812 г.). Итакъ, Онѣгинъ появился въ «свѣтѣ» въ 1812-мъ году—и для него началась угарная, однообразная и пестрая свѣтская жизнь; «Наука страсти нѣжной», балетъ, вечера и балы, «красотки молодыя», днемъ—сонъ, ночью—скука на балахъ: «вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ, утратя жизни лучшій цвѣтъ» (IV, 9). Вся первая глава романа посвящена описанію послѣдняго года этой свѣтской жизни Онѣгина въ сезонъ 1819—1820 года: «первая глава,—писалъ въ предисловіи къ ея первому и второму изданію Пушкинъ—...заключаетъ въ себѣ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 года»... Кстати замѣтить, что это былъ также послѣдній годъ свѣтской петербургской жизни Пушкина до его ссылки въ Бессарабію; окончивъ въ 1817 году Лицей, Пушкинъ прожилъ цѣлыхъ три года той же угарной свѣтской жизнью, какую онъ описалъ позднѣе въ «Евгеніи Онѣгинѣ»; такая жизнь очень скоро, однако, пріѣлась Пушкину. Къ этому времени (1819—1820 гг.) относится начало его дружбы съ Онѣгинымъ:

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился въ то время... (I, 45).

И въ слѣдующихъ строфахъ этой главы Пушкинъ нѣсколькими штрихами описываетъ черты этой дружбы; въ дружбѣ этой Онѣгинъ игралъ роль пушкинскаго Демона—«духа отрицанія, духа сомнѣнія», который такъ ярко проявился въ среднемъ періодѣ развитія Пушкина и преодолѣніе котораго является ключемъ ко всему гармоничному и ясному міровоззрѣнію нашего поэта.

Дружба Пушкина съ Онѣгинымъ продолжалась; они собирались даже вмѣстѣ ѣхать за границу, «но скоро были судьбою на долгій срокъ разведены»: у Онѣгина скончался отецъ, а вслѣдъ за нимъ, въ началѣ лѣта 1820 года, умеръ дядя, «дере-

венскій старожилъ», оставившій Онѣгину въ наслѣдство свою деревню со включеніемъ «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель». И въ то время, какъ Пушкинъ, въ началѣ мая 1820 года, уѣзжалъ изъ Петербурга въ свою бессарабскую ссылку, Онѣгинъ «лѣтѣлъ въ пыли на почтовыхъ» получать наслѣдство умирающаго дяди; съ этого и начинается романъ.

Возстановимъ къ краткихъ чертахъ дальнѣйшую хронологическую нить событій жизни Евгенія Онѣгина.

Итакъ, съ лѣта 1820 года Онѣгинъ поселился въ деревнѣ. Во второй, третьей и четвертой главахъ (до 40 строфы) время дѣйствія — лѣто 1820 года: тутъ знакомство и съ Ленскимъ и съ Ларинными; тутъ и любовь Татьяны, и ея письмо къ Онѣгину, и его отвѣтная проповѣдь... Строфы 40 и 41 четвертой главы—осень 1820 года; конецъ главы—зима этого-же года. Время дѣйствія пятой и шестой главъ можно опредѣлить еще точнѣе: это январь 1821 г. Гаданье и сонъ Татьяны — въ крещенскій сочельникъ, ея именины и балъ у Ларинныхъ — 12 января. Кстати сказать: Пушкинъ, устами Ленскаго, сообщаетъ намъ, что «Татьяны именины въ субботу» (IV, 49); но это несомнѣнная licentia poetica, такъ какъ въ дѣйствительности 12 января 1821 года приходилось на среду... *) Черезъ день послѣ бала—дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и смерть Ленскаго; это было, слѣдовательно, 14-го января 1821 года. Описаніемъ весны этого же года начинается седьмая глава романа. Онѣгина уже нѣтъ въ деревнѣ: онъ уже уѣхалъ сперва въ Петербургъ, а потомъ («іюня третьяго числа»)—скитаться по Россіи; невѣста убитаго Ленскаго «не долго плакала» и лѣтомъ того же года вышла замужъ за улана. А въ началѣ зимы бѣдную Татьяну везутъ «въ Москву, на ярмарку невѣстъ»; ее привозятъ туда въ началѣ новаго, 1822 года (только что минулъ рождественскій сочельникъ, см. VII, 41). Ее вывозятъ на балы,—и Пушкинъ, заканчивая главу «поздравляетъ съ побѣдою Татьяну милую свою»: она становится княгинею, выходитъ замужъ за «толстаго генерала»; это происходитъ въ концѣ того-же 1822-го или въ самомъ началѣ 1823 года (ибо, какъ увидимъ ниже, къ осени 1824 года она замужемъ уже «около двухъ лѣтъ»). А Онѣгинъ въ это время—съ «іюня третьяго числа» 1821 года (см. «Странствіе Онѣгина», строфа III)—скитается по Россіи; онъ ѣдетъ по Волгѣ, попадаетъ на Кавказъ, оттуда въ Крымъ; въ 1823 году посѣщаетъ Бахчисарай («спустя три года вслѣдъ за мною»,—пишетъ Пушкинъ, ibid., XVII; а Пушкинъ былъ въ Бахчисараѣ въ сентябрѣ 1820 года). Изъ Крыма Онѣгинъ неожиданно пріѣзжаетъ въ Одессу, гдѣ въ то время—съ начала іюля 1823 по конецъ іюля 1824 года—жилъ Пушкинъ:

. . . . какимъ-же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Непріглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я! (ibid., XXVII).

Но недолго друзья пробыли вмѣстѣ въ Одессѣ: «недолго вмѣстѣ мы бродили по берегамъ Эвксинскихъ водъ; судьбы насъ снова разлучили...» Пушкинъ уѣхалъ 30-го іюля 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, «подъ сѣнь лѣсовъ Тригорскихъ», а Онѣгинъ, не разсѣявъ своей тоски въ скитаніяхъ, около того-же времени вновь «пустился къ Невскимъ берегамъ». Въ началѣ сезона 1824—1825 г. Онѣгинъ, послѣ трехлѣтнихъ скитаній, возвратился въ Петербургъ: «возвратился и попалъ, какъ Чацкій, съ корабля на балъ» (VIII, 13). Тутъ онъ встрѣчаетъ Татьяну—теперь уже княгиню, уже замужнюю «около двухъ лѣтъ» (VIII, 18). Вся восьмая глава посвящена переживаніямъ Онѣгина этой зимой 1824—1825 г. Въ началѣ весны 1825 года (см. VIII, 39) происходитъ послѣднее объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ—и этимъ объясненіемъ заканчивается романъ; мы навсегда разстаемся съ Онѣгинымъ...

III.

Таковъ возстановленный нами точный хронологическій остовъ романа, несомнѣнно имѣвшійся въ виду самимъ Пушкинымъ. «Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю»,—иронически отвѣчалъ Пушкинъ критикамъ, на-

*) Согласно изысканіямъ гг. Шлякова и Степанова (см. «Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1905 г., т. X, кн. 3, стр. 264, и 1908 г., т. XIII, кн. 2, стр. 108—109), «Татьяны именины въ субботу» были въ 1818 и 1824 гг.; но эти года совершенно не подходятъ къ очень стройному хронологическому остову романа Пушкина. Другіе годы, въ которые 12 января приходилось на субботу,—напримѣръ, 1807 или 1829,—подходятъ еще менѣе.

ходившимъ анахронизмъ въ третьей главѣ (изъ-за опечатки: зимой летятъ вмѣсто домой летятъ, III, 4). Говоря такъ, какъ видимъ теперь, Пушкинъ не только иронизировалъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ дѣйствительно имѣлъ передъ своими глазами возстановленную выше хронологическую канву романа. Предположить это совершенно необходимо: иначе совершенно невѣроятными являются всѣ эти точныя совпаденія событій изъ жизни Пушкина и Онѣгина, при чемъ нѣкоторыя изъ датъ получаются отсчитываніемъ отъ даннаго года назадъ, другія—присчитываніемъ отъ другого года впередъ, какъ мы только что дѣлали, возстановляя эту хронологическую схему. Вѣроятность случайныхъ совпаденій до того ничтожна (ее легко вычислить математически), что почти съ полной увѣренностью мы можемъ сказать: Пушкинъ, несомнѣнно, самъ составилъ приведенную выше хронологическую канву своего романа.

Это любопытно во многихъ отношеніяхъ. Не говоря уже о томъ, что интересно по отдѣльнымъ разбросаннымъ хронологическимъ замѣчаніямъ Пушкина возстановить ту страничку, которая могла быть и несомнѣнно была въ пушкинскихъ черновикахъ, хотя и совершенно не дошла до насъ; не говоря уже объ этомъ, еще болѣе важными представляются два другіе вывода. Первый и главный—эта та тѣсная переплетенность событій жизни Онѣгина и жизни самого Пушкина, которую мы подчеркнемъ нѣсколько ниже, изучая «Евгенія Онѣгина», какъ проявленіе и отраженіе взглядовъ самого поэта. Второй выводъ, ясный и по другимъ соображеніямъ, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ, заключается въ подтвержденіи того обстоятельства, что самъ Пушкинъ вполнѣ намѣренно и совершенно опредѣленно ограничилъ время дѣйствія своего романа 1820—1825 годами. Это важно вотъ почему.

Съ легкой руки Герцена, который въ своей извѣстной книжкѣ «Du développement des idées revolutionnaires en Russie» счелъ Онѣгина слѣдствіемъ «печальныхъ годовъ, послѣдовавшихъ за 14 декабря 1825 г.», мнѣніе это стало одно время почти общепринятой формулой. Герценъ имѣлъ право умозаключить это потому, что онъ могъ руководствоваться только годами появленія «Евгенія Онѣгина» въ печати, а мы знаемъ, что это были какъ разъ 1825—1832 годы. Но непонятно, какимъ образомъ мнѣніе это могло сохранить силу въ глазахъ тѣхъ историковъ нашего общественнаго развитія, которые знали годы написанія отдѣльныхъ главъ «Евгенія Онѣгина», а это стало общеизвѣстно въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ появленія Анненковскаго изданія сочиненій Пушкина. Стало извѣстно, что къ концу 1825 года было закончено почти пять главъ—около 273 строфъ изъ всѣхъ 410 строфъ романа, т.-е. ровно $^2/_3$ его; къ веснѣ 1826 года были закончены первыя шесть главъ романа, въ которыхъ Онѣгинъ обрисованъ уже съ ногъ до головы. Однако, несмотря на это, многіе продолжали держаться явно ошибочнаго герценовскаго мнѣнія. Въ своей интересной рѣчи въ собраніи московскаго университета 6 іюня 1880 г. проф. В. О. Ключевскій подчеркнулъ, что потомки служилаго русскаго дворянства были съ 1815 по 1825 годъ декабристами, а съ 1825 года разбитые декабристы стали лишними людьми; изъ записокъ и воспоминаній декабристовъ мы знаемъ,—говоритъ В. Ключевскій,—«чѣмъ были Онѣгины послѣ 1815 года; поэма Пушкина разсказываетъ, чѣмъ стали они послѣ 1825 года...» Формула эта совершенно вѣрна, поскольку она относится къ Онѣгинымъ, но она совершенно ошибочна, поскольку касается Евгенія Онѣгина; дѣйствительно, на почвѣ эпохи, послѣдовавшей за 14 декабря, выросли всѣ духовные потомки Евгенія Онѣгина, всѣ многочисленныя разновидности Онѣгиныхъ, но пушкинскій Евгеній Онѣгинъ сформировался, какъ типъ, несомнѣнно до 1825 года. Евгеній Онѣгинъ есть именно типъ двадцатыхъ годовъ, показывающій намъ вовсе не то, чѣмъ стали сторонники декабризма послѣ 1825 года, а то, чѣмъ были нѣкоторые русскіе люди какъ разъ въ эпоху декабризма, т.-е. въ десятилѣтіе 1815—1825 годовъ. Это неоспоримо хотя бы по одному тому, что Онѣгинъ былъ вполнѣ нарисованъ Пушкинымъ въ 1823—1825 гг.; это подтверждается и полученнымъ нами выводомъ, что самъ Пушкинъ совершенно точно опредѣлилъ время дѣйствія своего романа пятилѣтіемъ съ 1820 по 1825 годъ. Конечно, этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что въ седьмой главѣ романа «большой свѣтъ» описанъ Пушкинымъ по его впечатлѣніямъ 1827—1830 гг., что впечатлѣнія и настроенія этихъ лѣтъ отразились на двухъ послѣднихъ главахъ романа; несомнѣнно то, что впечатлѣнія эти не отразились и не могли отразиться на

уже вполнѣ законченномъ къ тому времени типѣ Евгенія Онѣгина. Правда, по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ романъ, мѣнялось его отношеніе къ Онѣгину, но иначе, конечно, и быть не могло. Пушкинъ началъ писать романъ «буйнымъ юношей», а кончилъ его зрѣлымъ мужемъ; постепенное преодолѣніе въ себѣ Онѣгина—это, какъ мы уже замѣтили, ключъ къ пониманію развитія пушкинскаго міросозерцанія. Отношеніе Пушкина къ Онѣгину измѣнялось, измѣнялось пушкинское пониманіе Онѣгина, но, обрисованный съ самаго начала твердой рукой, Онѣгинъ оставался величиной постоянной.

Итакъ, повторяемъ еще разъ: Евгеній Онѣгинъ есть типъ, вполнѣ сформировавшійся уже въ 1820 году; Пушкинъ рисовалъ этотъ типъ въ 1823—1826 гг.; дѣйствіе романа отнесено самимъ Пушкинымъ къ 1820—1825 годамъ. Все это достаточно ясно вскрываетъ непростительный, но довольно обычный анахронизмъ объясненія онѣгинскаго типа результатами и слѣдствіями катастрофы 14 декабря. Дѣйствительно, широкое распространеніе онѣгинства, словно эпидемической болѣзни, въ различныхъ кругахъ русскаго общества тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ объясняется николаевской системой оффиціальнаго мѣщанства; но при чемъ-же тутъ самъ Евгеній Онѣгинъ? И какъ можно объяснять характеръ и типъ человѣка событіями *послѣдующаго* десятилѣтія? Существованіе «лишнихъ людей», духовныхъ потомковъ Онѣгина можно объяснять николаевской системой, но, чтобы понять самого Евгенія Онѣгина мы должны подняться къ истокамъ русской жизни XVIII вѣка, познакомиться съ предками Онѣгина. Надо узнать, нѣтъ ли въ прошломъ какихъ-либо явленій, которыми можно было бы объяснить существованіе онѣгинскаго типа въ эпоху декабризма. Вѣдь не какъ deus ex machina появился Онѣгинъ въ русской жизни; вѣдь были-же соціальныя условія и причины, способствовавшія нарожденію этого типа. Тогда мы соединимъ эти общія причины съ частнымъ фактомъ, съ уже извѣстной намъ біографіей Евгенія Онѣгина, то тогда только мы будемъ въ состояніи понять самого Онѣгина и оцѣнить значеніе этого типа въ русской жизни.

IV.

Вопросъ о предкахъ «лишнихъ людей», а значитъ, и о предкахъ Евгенія Онѣгина былъ уже давно блестяще и тонко разработанъ Тургеневымъ въ его родословной Лаврецкаго (Дворянское гнѣздо, гл. VIII); позднѣе мысль Тургенева развилъ и дополнилъ проф. В. Ключевскій въ своей остроумной статьѣ «Евгеній Онѣгинъ и его предки» («Русская мысль», 1887 г., № 2, стр. 291—306). Мы немного остановимся на той историко-генетической нити, которую прослѣживаютъ и Тургеневъ и Ключевскій. Оба они видятъ предковъ Онѣгина въ старинномъ служиломъ русскомъ дворянствѣ, которое въ теченіе всего XVIII вѣка, послѣ революціонной реформы Петра, приспособлялось къ различнымъ быстро смѣнявшимся вѣяніямъ и теченіямъ. Школьная латынь и религіозныя разномыслія русской жизни конца XVII вѣка смѣняются военно-технической выучкой эпохи Петра; затѣмъ идетъ бироновщина, за нею—гвардейскіе кутежи елизаветинской эпохи, и, наконецъ, европейская лощеность двора Екатерины. Не успѣвало одно поколѣніе служилаго дворянства приспособиться къ новому пути, какъ неожиданный толчокъ выбивалъ его изъ колеи и бросалъ на непроторенную дорогу, въ которой снова приходилось приспособляться. Прапрадѣдъ Евгенія Онѣгина былъ, вѣроятно, чѣмъ-нибудь въ родѣ Гаврилы Аѳанасьевича Ржевскаго (изъ пушкинскаго «Арапа Петра Великаго»): въ юности—походы въ Крымъ, позднѣе—молчаливая оппозиція петровскимъ реформамъ. Но несмотря на эту оппозицію, ему пришлось отдать своего сына въ петровскій полкъ или волей-неволей послать за границу. Этотъ прадѣдъ Евгенія Онѣгина, родившійся, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVIII вѣка, либо былъ подобно прадѣду Пушкина чѣмъ-нибудь въ родѣ каптенармуса лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, либо изучалъ за границей навигацію и фортификацію; сынъ его, дѣдъ Евгенія Онѣгина, тоже прошелъ въ ранней юности черезъ военную выправку школы Петра, тоже ломалъ голову надъ навигаціей и остался совершенно не у дѣлъ въ эпоху Елизаветы, когда всѣ эти навигаціи оказались въ совершенномъ загонѣ. Тогда, вѣроятно, онъ, подобно Андрею Петровичу Гриневу (отцу героя «Капитанской дочки»), вышелъ въ отставку премьеръ-маіоромъ и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ впослѣдствіи съ желчью и досадой читалъ получаемый имъ ежегодно «Придворный Календарь», пожимая плечами и повторяя въ полголоса: «Генералъ-поручикъ!... Онъ у меня въ ротѣ

былъ сержантомъ!... Обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ!... А давно ли мы?...» Когда у него въ серединѣ XVIII вѣка родился сынъ, то онъ записалъ его сержантомъ въ Семеновскій полкъ и въ свое время—вопреки тому, что разсказано въ «Капитанской дочкѣ»—отправилъ его въ Петербургъ получать свѣтское воспитаніе и дѣлать карьеру. Такъ какъ этотъ «гвардіи сержантъ» былъ отцомъ Евгенія Онѣгина, то намъ слѣдуетъ остановиться на немъ немного подробнѣе.

Къ шестилѣтнему гвардейцу—говоритъ объ отцѣ Евгенія Онѣгина В. Ключевскій—выписывали какого-нибудь M-r Raoult'я, который не только могъ преподавать le français, «но и въ томъ, что называется belles lettres былъ гораздо свѣдущъ». Кромѣ того, быть можетъ, по совѣту этого-же «гораздо свѣдущаго» француза, «отецъ выписывалъ для сына изъ Голландіи, пріюта французскихъ мыслителей, библіотеку assez bien choisie изъ лучшихъ французскихъ поэтовъ и историковъ, и лѣтъ съ 12-ти гвардейскій сержантъ уже освоивался съ Расиномъ, Корнелемъ, Буало и даже съ самимъ Вольтеромъ» (о. с., 300). Немного позднѣе юноша ѣхалъ за границу — конечно въ Парижъ, гдѣ на него смотрѣли какъ на русскаго дикаря; вернувшись на родину, онъ поступалъ на службу въ какую-нибудь Комиссаріатскую комиссію и самъ начиналъ считать всѣхъ русскихъ дикарями. Онъ былъ типичнымъ «вольтерьянцемъ» и, разумѣется (подобно и отцу Пушкина), членомъ масонской ложи какого-нибудь «Сѣвернаго Щита». Но вольтерьянство—само по себѣ, а крѣпостничество—само по себѣ: въ этомъ была наиболѣе характерная черта всѣхъ людей этого поколѣнія; Вольтеръ и Руссо съ одной стороны, конюшня и арапникъ съ другой—вполнѣ совмѣщались въ громадномъ большинствѣ русскихъ «культурныхъ» людей конца XVIII вѣка. Объ этомъ много говорилось и писалось, но никто не вскрылъ этого явленія глубже, лучше и художественнѣе, чѣмъ Тургеневъ: вспомните хотя-бы его «Дворянское гнѣздо». Европейская лощеность и западное просвѣщеніе были только внѣшней оболочкой этихъ вольтерьянцевъ и крѣпостниковъ XVIII вѣка, иногда только позой, о которой такъ ядовито писалъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» Пушкинъ:

> Намъ просвѣщенье не пристало
> И намъ досталось отъ него
> Жеманство—больше ничего (II, 24).

Таковы были отцы, таковы были предки Онѣгиныхъ; такое духовное наслѣдство получилъ Евгеній Онѣгинъ. Въ наслѣдствѣ этомъ наиболѣе характерными являются двѣ черты, которыя необходимо обрисовать съ возможной рельефностью. Это, во-первыхъ, отмѣченное Пушкинымъ «жеманство», поза; во-вторыхъ—это разладъ со средой, возрастающій съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

Обратите вниманіе: отъ прапрадѣда Евгенія Онѣгина до его отца мы имѣемъ прогрессивно возрастающій разладъ со средой. Тутъ рѣчь идетъ не о томъ расхожденіи интеллигенціи и народа, которое было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ петровской революціи, которое стало трагичнымъ для русской интеллигенціи только во второй половинѣ минувшаго вѣка и которое въ наши дни нѣкоторые наивные публицисты открываютъ точно какую-то новую Америку. Нѣтъ, тотъ разладъ, о которомъ мы говоримъ по поводу предковъ Онѣгина, есть не только ихъ расхожденіе съ народомъ, но и разладъ съ ихъ-же средой, съ массой приспособившихся людей, съ той соціальной сословной атмосферой, которой дышали всѣ эти люди. Массы людей всегда приспособляются къ средѣ и составляютъ ту плотную стѣну духовнаго мѣщанства, передъ которой иногда опускаются въ безсиліи руки даже самыхъ сильныхъ людей. Эти сравнительно немногіе сильные духомъ люди, представители индивидуализма, представители настоящей интеллигенціи, не примиряются съ пассивнымъ приспособленіемъ къ средѣ; ихъ задача обратная—приспособленіе среды къ вѣчно новымъ запросамъ человѣческаго духа. А между этими двумя берегами мѣщанства и индивидуализма, между молотомъ и наковальней—находятся люди, не умѣющіе ни приспособиться къ средѣ, ни приспособить ее. Ихъ можно назвать вообще «лишними людьми»; ихъ можно найти всюду и вездѣ—во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ; они—типичные «ни павы, ни вороны», отставшіе отъ одного берега и не приставшіе къ другому. Этотъ «лишній человѣкъ»—не типъ своего времени, ибо такимъ типомъ является человѣкъ массы, представитель мѣщанства; но онъ и не исключеніе, такъ какъ такимъ исключеніемъ является представитель индивидуализма своей эпохи. Кто-же въ такомъ случаѣ этотъ лишній человѣкъ? Онъ—типическое исключеніе (по счастливому выраженію В. Ключевскаго, о. с., 296);

онъ слишкомъ типиченъ, чтобы быть исключеніемъ и достаточно исключителенъ, чтобы быть типомъ. Все это относится ко всѣмъ лишнимъ людямъ всѣхъ эпохъ; но бываютъ эпохи, особенно благопріятствующія появленію лишнихъ людей—и именно такой эпохой русской общественной жизни было столѣтіе съ середины XVIII-го по середину XIX вѣка. Все сказанное выше относится ко всѣмъ предкамъ Онѣгина и притомъ въ тѣмъ большей степени, чѣмъ ближе мы подходимъ къ самому Евгенію Онѣгину. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» все это впервые закрѣпляется геніальнымъ художникомъ; отмѣченная нами черта достигаетъ въ немъ своего апогея и дѣлаетъ Онѣгина настоящимъ духовнымъ родоначальникомъ всѣхъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вторая характерная черта—отмѣченная Пушкинымъ «поза», «жеманство»—является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первой. Вспомните, сколько неестественныхъ позъ, сколько жеманныхъ гримасъ пришлось перемѣнить предкамъ Онѣгина, начиная со временъ петровской реформы! Разладъ со средой шелъ crescendo, а потому и позы становились все неестественнѣе, пока не достигли своего апогея опять-таки въ Евгеніи Онѣгинѣ. У предковъ Онѣгина, и чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ больше, «были естественныя позы, нервные судорожные жесты, вызывавшіеся мѣстными неловкостями общихъ положеній,—скажемъ мы въ послѣдній разъ словами В. Ключевскаго.—Эти неловкости чувствовались далеко не всѣми, но жесты и мины тѣхъ, кто ихъ чувствовалъ, были всѣмъ замѣтны, бросались всѣмъ въ глаза, запоминались надолго, становились предметомъ художественнаго воспроизведенія. Люди, которые испытывали эти неловкости, не были какіе-либо особые люди, были какъ всѣ, но ихъ физіономіи и манеры не были похожи на общепринятыя. Это были не герои времени, а только сильно подчеркнутые отдѣльные нумера, стоявшіе въ ряду другихъ, общія мѣста, напечатанныя курсивомъ. Такъ какъ масса современниковъ, усѣвшихся болѣе или менѣе удобно, рѣдко догадывалась о причинѣ этихъ ненормальностей и считала ихъ капризами отдѣльныхъ лицъ, не хотѣвшихъ сидѣть, какъ сидѣли всѣ, то эти несчастныя жертвы неудобныхъ позицій слыли за чудаковъ, иногда даже «печальныхъ и опасныхъ» (о. с., 295). И чѣмъ ближе дѣло шло къ началу XIX вѣка, къ типу самого Евгенія Онѣгина, тѣмъ ярче и рельефнѣе проявлялись эти характерныя черты лишнихъ людей, и въ этомъ случаѣ Евгеній Онѣгинъ является опять-таки истиннымъ родоначальникомъ лишнихъ людей послѣдующихъ поколѣній.

Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ тѣ условія, которыя объясняютъ не только причины появленія Онѣгиныхъ, но и самый характеръ Евгенія Онѣгина. Теперь, зная и его происхожденіе и его личную біографію, мы можемъ вплотную подойти къ изученію этого типическаго исключенія русской жизни двадцатыхъ годовъ прошлаго вѣка.

V.

Теперь ясно: не какъ deus ex machina явился Евгеній Онѣгинъ въ русской жизни начала XIX вѣка, нѣтъ; онъ былъ

> Всевышней волею Зевеса
> Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ (I, 2)—

и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ. Онъ былъ наслѣдникомъ не только денегъ и долговъ, «заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель» своихъ предковъ, но и духовныхъ свойствъ ихъ, ихъ характерныхъ чертъ. Между этими двумя родами наслѣдствъ есть большая разница: отъ денегъ и долговъ своихъ предковъ можно отказаться, если пассивъ больше актива, а отъ духовныхъ свойствъ—нельзя. Когда умеръ отецъ Евгенія Онѣгина—тотъ самый, который «земли отдавалъ въ залогъ», жилъ долгами, «давалъ три бала ежегодно и промотался наконецъ» (I, 3)—и когда «передъ Онѣгинымъ собрался заимодавцевъ жадный полкъ», то Онѣгинъ—

> Наслѣдство предоставилъ имъ,
> Большой потери въ томъ не видя,
> Иль предузнавъ издалека
> Кончину дяди-старика (I, 51).

Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности отказаться тѣмъ же способомъ отъ другого рода наслѣдства—отъ наслѣдственности... Ее всегда получаютъ полностью, независимо отъ того, чего въ ней больше—актива или пассива, и даже, пожалуй, въ послѣднемъ случаѣ ее получаютъ съ особенной щедростью и неизбѣжностью.

Такова была судьба и Евгенія Онѣгина. «Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ», онъ получилъ отъ нихъ въ наслѣдство всѣ выясненныя выше черты разлада со средой, всю вѣковую изломанность духа, и притомъ

всѣ эти типичныя черты достигли въ Онѣгинѣ исключительной степени. Конечно, все это старое наслѣдство вылилось въ новую форму, старый разладъ и изломанность задрапировались новымъ плащемъ, новой позой; но сущность осталась прежняя, наслѣдственная. «Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»—вотъ геніальная формула, вскрывающая одновременно и старую сущность и новую позу. Да, Евгеній Онѣгинъ—«москвичъ» по своей духовной сущности, по тому наслѣдству, которое онъ получилъ отъ своихъ предковъ, типичныхъ moscovites civilisés; но эта его наслѣдственная сущность проявляется въ новой позѣ, «въ Гарольдовомъ плащѣ», потому что ко времени возмужалости Онѣгина старую позу вольтерьянства смѣнила новая поза—нарождающагося байронизма.

Мы знаемъ, когда наступила для Евгенія Онѣгина эта пора возмужалости, пора «юности мятежной... пора надеждъ и грусти нѣжной»; это было въ эпоху войны съ Наполеономъ за освобожденіе Европы. Когда улеглась военная буря, когда въ 1815—1816 гг. русское служилое дворянство вернулось домой изъ европейскаго похода съ запасомъ новыхъ чувствъ, мыслей, идеаловъ, то яснѣе, чѣмъ раньше обозначилось дѣленіе русскаго «культурнаго» общества на тѣ три слоя, о которыхъ у насъ была рѣчь выше. Съ одной стороны—та ко всему приспособляющаяся мѣщанская толпа, которую мало интересовали всѣ эти новые идеалы и чувства; съ другой—та сравнительно небольшая группа интеллигенціи, дѣятельностью которой характеризуется вся исторія русской общественной мысли эпохи 1815—1825 гг., т.-е. будущіе декабристы, и наконецъ, посрединѣ между этими двумя полюсами русской жизни—слабовольные, изломанные лишніе люди, «типическія исключенія», одинаково неспособные и смѣшаться въ толпѣ приспособляющейся массы и увлечься идеалами борьбы за приспособленіе среды.

Одинъ изъ такихъ «типическихъ исключеній» своего времени—Евгеній Онѣгинъ. Онъ не типъ своего сословія, своей эпохи, потому что такимъ типомъ является тотъ человѣкъ массы, толпы, сплоченной посредственности, портретъ котораго Пушкинъ такъ удивительно нарисовалъ двумя-тремя штрихами въ десятой строфѣ послѣдней главы своего романа: это тотъ, кто постепенно созрѣвалъ, постепенно приспособлялся къ жизни и средѣ,

Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать—выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N.—прекрасный человѣкъ!

Евгеній Онѣгинъ — не этотъ «прекрасный человѣкъ» толпы, мѣщанства, сплоченной посредственности; самъ Пушкинъ беретъ его подъ свою защиту отъ тѣхъ людей, которымъ «посредственность одна... по плечу и не странна», которые хотѣли бы и въ Онѣгинѣ видѣть эту посредственность, хотѣли бы, чтобъ и онъ былъ «добрый малый, какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ»... (VIII, 8—9). Но въ томъ-то и дѣло, что Онѣгинъ выше посредственности, хотя бы по одному тому, что скоро «ему наскучилъ свѣта шумъ»; что имъ овладѣла хандра; что, бросивъ свѣтъ, не добиваясь ни денегъ, ни чиновъ, онъ засѣлъ за чтеніе: «отрядомъ книгъ уставилъ полку, читалъ, читалъ...» (I, 37—44). Нѣтъ, онъ не человѣкъ посредственности; отъ мѣщанскаго берега онъ отчалилъ безповоротно.

Но онъ не могъ пристать къ другому берегу, не могъ, въ силу полученнаго имъ духовнаго наслѣдства,—и въ этомъ вся трагедія Онѣгина, какъ и вообще всѣхъ лишнихъ людей. Онъ не могъ стать тѣмъ «исключеніемъ», какимъ были лучшіе представители декабризма; онъ былъ «волею судебъ» наслѣдникомъ всѣхъ своихъ родныхъ... Не было силы воли, не было дисциплины ума, не было энергіи, настойчивости, вѣры въ себя. И Онѣгинъ не могъ бы стать ни членомъ Союза Благоденствія, ни членомъ кружка «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ, ни товарищемъ Павлова и Веневитинова, ни сотрудникомъ Пестеля, Муравьева, Николая Тургенева. А вѣдь теченіе «декабризма» было тогда (послѣ 1816 года) въ полномъ блескѣ своего развитія; серьезные политическіе и соціальные вопросы волновали общество и стали модными даже среди «свѣтской черни» того времени. Въ одномъ неоконченномъ произведеніи Пушкина («Отрывки изъ романа въ письмахъ», 1831 г.), герой его, Владиміръ Z., представляющій собою варіацію типа Онѣгина, такъ вспоминаетъ въ письмѣ къ другу объ эпохѣ

декабризма: «... ты отсталъ отъ своего вѣка—и цѣлымъ десятилѣтіемъ. Твои умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году. Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами. Честь имѣю донести тебѣ, что это все перемѣнилось: французская кадриль замѣнила Адама Смита»... Такова была мода той эпохи, когда общественными вопросами и политической экономіей занялись даже свѣтскія дамы («иная дама толкуетъ Сея и Бентама» I, 42). Сила моды захватила и Онѣгина; вѣдь мы знаемъ, что онъ «читалъ Адама Смита и былъ глубокій экономъ» (какъ иронически сообщаетъ про своего друга самъ Пушкинъ),—

То-есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ... (I, 7).

Дальше этой характерной для эпохи двадцатыхъ годовъ амальгамы физіократизма съ фритредерствомъ Онѣгинъ не пошелъ, ограничившись салонными разговорами съ дамами объ Адамѣ Смитѣ, Сеѣ и Бентамѣ... И это какъ разъ въ то время, когда Николай Тургеневъ печаталъ свой серьезный «Опытъ теоріи налоговъ», а Пестель писалъ свою замѣчательную «Русскую Правду». Онѣгинъ не могъ стать такимъ, сравнительно говоря, исключеніемъ изъ общаго типа приспособившихся къ жизни, точно такъ же, какъ не могъ стать и типичнымъ представителемъ такихъ приспособившихся. Ему суждено было стать «типическимъ исключеніемъ», ни павой, ни вороной, вѣчнымъ скитальцемъ между двумя полюсами русской жизни. И когда онъ, желая порвать съ нелѣпой жизнью среди «свѣтской черни», заперся въ своемъ кабинетѣ и «отрядомъ книгъ уставилъ полку», то онъ не могъ, несмотря на все свое желаніе, дойти и доплыть до другого берега: для этого у него не было достаточнаго запаса духовныхъ силъ. Онъ «читалъ, читалъ—а все безъ толку»: чтеніе не могло помочь ему побѣдить того разлада со средой, которымъ болѣли всѣ его предки. Приспособиться къ средѣ онъ не могъ: онъ былъ выше ея; приспособлять среду онъ тоже не могъ: у него для этого не хватало силы. Оставалась одна дорога—дорога непроизвольной, безсознательной «позы», опять-таки полученной по наслѣдству отъ предковъ, и позой этой явилось разочарованіе:

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ—а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна... (I, 44).

И разочарованіе это какъ разъ пришлось ко времени, чтобы его можно было облечь въ новую тогу—въ «Гарольдовъ плащъ»; лишенный почвы, уставшій отъ нелѣпой жизни, лишній человѣкъ ищетъ опоры въ кстати нарождающемся байронизмѣ. Этимъ онъ окончательно входитъ въ рядъ своихъ предковъ; разладъ со средой и вѣковая изломанность духа достигаютъ въ Онѣгинѣ своего апогея, хотя и проявляются въ новой формѣ. И вотъ какъ разъ къ тому времени, когда Онѣгины охладѣли къ «шуму свѣта» и стали со скучающимъ видомъ то читать книги, то продолжать по инерціи жить въ свѣтѣ, какъ разъ къ этому времени (1818—1820 гг.) появляются и въ жизни и въ литературѣ первые «Москвичи въ Гарольдовомъ плащѣ», первые байроническіе герои на русской почвѣ, появляются «Кавказскіе плѣнники», Алеко, Онѣгины. Не потому появились они, что пришла мода на разочарованность, хандру, байронизмъ, а наоборотъ, потому-то такъ и пришелся ко двору байронизмъ, что въ Онѣгиныхъ были уже на лицо всѣ его элементы. Оттого-то и байронизмъ оказался у насъ такимъ руссифицированнымъ, такимъ московскимъ.

VI.

Кавказскій плѣнникъ, Алеко, Онѣгинъ—все это родные братья по духу и по историко-генетическому происхожденію; это одинъ и тотъ же типъ, почти одинъ и тотъ же характеръ, но въ различныхъ его проявленіяхъ, въ различныхъ положеніяхъ. И всѣ они нарисованы или, по крайней мѣрѣ задуманы Пушкинымъ въ періодъ его южной ссылки 1820—1824 гг., т.-е. въ тотъ періодъ пушкинскаго творчества, который былъ отмѣченъ вліяніемъ Байрона. Интересно, однако, отмѣтить, что «Кавказскій плѣнникъ», въ которомъ Пушкинъ, по собственному признанію, хотѣлъ обри-

совать свой же характеръ, былъ написанъ Пушкинымъ до знакомства съ Байрономъ, или, по крайней мѣрѣ, при самыхъ первыхъ шагахъ этого знакомства. Сравнительно недавно историки литературы обратили вниманіе на старое замѣчаніе критики двадцатыхъ годовъ, что въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» отразились черты вліянія Шатобріана, что въ «плѣнникѣ» нѣтъ почти никакихъ характерно байроническихъ чертъ. Это лишній разъ подтверждаетъ, что байронизмъ былъ только одной изъ возможныхъ формъ проявленія «онѣгинства»; герои Байрона были только одними изъ духовныхъ предковъ Онѣгиныхъ, но вовсе не ихъ родоначальниками. Начиная отъ Saint-Preux, героя «Новой Элоизы» Руссо, проходя черезъ гетевскаго Вертера и героевъ нарождающагося нѣмецкаго и французскаго романтизма, въ родѣ Ренэ того же Шатобріана, и кончая героями Байрона *) мы имѣемъ рядъ духовныхъ предковъ и родственниковъ Онѣгина, мы имѣемъ однородные по существу характеры и типы при всемъ громадномъ различіи ихъ проявленій. Психологическая основа въ нихъ почти одна и та же; мы уже говорили, что «лишніе люди»—явленіе всеобщее, міровое, но что въ различныхъ условіяхъ они проявляются различно. Характерныя же черты ихъ типа всюду и всегда остаются тождественными: у всѣхъ ихъ неизбѣженъ разладъ со средой, у всѣхъ неизбѣжна та или иная поза (часто далекая отъ всякаго жеманства, часто на половину безсознательная). Разладъ со средой еще со временъ Руссо характеризуется возрастающимъ разрывомъ съ формами и духомъ современной культуры; эта черта стала одной изъ главнѣйшихъ въ физіономіи нарождающагося романтизма. Черта эта своеобразно преломилась и въ творчествѣ Пушкина («плѣнникъ» и черкесы, Алеко и цыганы) въ наиболѣе «романтическій» періодъ его жизни и творчества—въ указанную выше эпоху 1820—1824 гг.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что извѣстное мнѣніе Мицкевича—да и не одного его—объ этомъ періодѣ творчества Пушкина должно считаться сильно преувеличеннымъ. Именно, по мнѣнію великаго польскаго поэта, въ отмѣченные нами выше годы «Пушкинъ попалъ въ сферу притяженія Байрона и вращался около этого свѣтила, какъ освѣщенная его лучами планета. Сюжеты, характеры, идея, форма—все это байроновское въ произведеніяхъ Пушкина его перваго періода»*). Конечно, вліяніе Байрона на Пушкина еще болѣе несомнѣнно, чѣмъ предшествовавшее вліяніе Шатобріана на Байрона и Руссо на Шатобріана; несомнѣнно, что форму и отчасти сюжеты Пушкинъ бралъ не безъ вліянія Байрона, но настолько-же несомнѣнно, что и идея и характеры произведеній оставались вполнѣ пушкинскими, вполнѣ русскими, вполнѣ «московскими». Иначе и быть не могло, такъ какъ слишкомъ различны были по существу своихъ талантовъ великій романтикъ Байронъ и великій реалистъ Пушкинъ.

У Байрона обычный разладъ «лишнихъ людей» со средой углубляется до разрыва человѣка съ міромъ, съ вселенной, съ Богомъ. Безмѣрныя, титаническія силы нужны для того, чтобы нести на себѣ слѣдствія этого разрыва, этого «богоборчества», какъ принято говорить въ настоящее время, и всѣ настоящіе герои Байрона—такіе титаны по силѣ духа. Безпредѣльная мощь человѣческаго духа, смѣло возставшаго противъ Бога, противъ всего міра,—вотъ постоянная тема Байрона, вотъ характерная черта его романтизма, его стремленія «за предѣлы предѣльнаго» человѣческаго дерзанія. Этотъ романтизмъ англійскаго поэта былъ совершенно чуждъ Пушкину, который—мы это еще увидимъ—съ такой удивительной ясностью духа принималъ весь міръ въ его цѣломъ, который доходилъ до разрыва съ обществомъ, но не человѣчествомъ, до разрыва съ культурою, но не съ міромъ. Пушкинъ былъ въ этомъ смыслѣ быть можетъ величайшимъ «реалистомъ» изъ всѣхъ великихъ поэтовъ; онъ былъ «весь земной»; онъ любилъ это солнце, эту землю, этотъ міръ трехъ измѣреній, эту темную, слабую душу реальнаго человѣка; титанизмъ былъ ему совершенно чуждъ. Никогда онъ не былъ романтикомъ; его байроническій псевдо-романтизмъ былъ поэтому только вполнѣ мимолетнымъ и не-

*) Несомнѣнное вліяніе Шатобріана на Байрона—давно извѣстный фактъ; еще болѣе тѣсная связь Шатобріана съ творчествомъ Руссо также достаточно извѣстна. Здѣсь передъ нами постепенное развитіе одной и той-же нити литературной эволюціи, имѣющей свое основаніе и обоснованіе въ исторіи общественной жизни Европы второй половины XVIII вѣка.

*) Да и самъ Пушкинъ замѣтилъ, что въ эту эпоху (1820–1824 гг.) онъ отъ Байрона «съ ума сходилъ».

глубокимъ явленіемъ даже въ его творчествѣ 1820—1824 гг.

И когда Пушкинъ самъ понялъ, вѣрнѣе—безсознательно почувствовалъ это, онъ задумалъ «Евгенія Онѣгина»; крайне любопытно отмѣтить, что онъ задумалъ его еще въ Крыму, т.-е. какъ разъ въ то время, когда писалъ «Кавказскаго плѣнника» (Крымъ—«c'est le berceau de mon Онѣгинъ», замѣтилъ въ одномъ изъ писемъ 1836 г. самъ Пушкинъ). Въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», въ «Братьяхъ разбойникахъ», въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», наконецъ въ «Цыганахъ» онъ пробовалъ придавать черты титанизма, черты духовной силы тому «онѣгинскому» типу, происхожденіе котораго мы прослѣдили и въ которомъ Пушкинъ такъ вѣрно видѣлъ, какъ уже сказано выше, собственныя свои черты. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше чувствовалъ онъ, что въ сопоставленіи «онѣгинства» съ «силою духа» таится какое-то непримиримое противорѣчіе, что «волна и камень, стихи и проза, ледъ и пламень не столь различны межъ собой», какъ сила духа съ одной стороны и «лишніе люди»—съ другой. И замѣтьте—характернѣйшее явленіе!—что и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ», и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», и въ «Цыганахъ» Пушкинъ, быть можетъ, самъ того не сознавая, въ концѣ концовъ, снималъ со своихъ героевъ маску силы, смывалъ гримировку титанизма; не характерно ли, что во всѣхъ этихъ поэмахъ передъ нами проходитъ одинъ и тотъ же мотивъ: **противопоставленіе слабаго мужчины сильной женщинѣ**? Мотивъ этотъ, съ такой геніальной простотой проведенный Пушкинымъ и въ «Евгеніи Онѣгинѣ», впослѣдствіи недаромъ сталъ главнымъ мотивомъ всего творчества Тургенева, этого наиболѣе «пушкинскаго» таланта русской литературы, этого постояннаго бытописателя типа «лишняго человѣка» въ его разновидности сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. На русской почвѣ лишній человѣкъ всегда былъ слабымъ человѣкомъ, безконечно далекимъ отъ байроновскаго титанизма, и Пушкинъ прозрѣлъ это даромъ творческой интуиціи еще задолго до «Евгенія Онѣгина». Столкновеніе этого «типическаго исключенія» своей среды съ женщиной всегда кончалось духовной побѣдой послѣдней и нравственнымъ пораженіемъ слабаго духомъ героя. Вспомните: вялый, тоскующій Кавказскій плѣнникъ, который «безъ упоеній, безъ желаній» вянетъ «жертвою страстей», и освобождающая его изъ плѣна цѣною своей жизни черкешенка; нѣсколько мелодраматическій, тоскующій татарскій ханъ, надъ которымъ вскорѣ смѣялся самъ авторъ съ друзьями, и Зарема, готовая принести въ жертву своей любви и свою и чужую жизнь. Еще рельефнѣе это противопоставленіе въ «Цыганахъ»: къ этому времени поэтъ все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что постоянный герой его поэмъ—слабый человѣкъ, которому совершенно не къ лицу тога демонизма и титанизма. Алеко, несомнѣнно, самый сильный духомъ изъ всѣхъ героевъ Пушкина—но насколько слабѣе онъ этой сильной въ своей непосредственности Земфиры! Окончаніе «Цыганъ»—слишкомъ явное признаніе нравственнаго пораженія Алеко; то, что еще не ясно намѣчается въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», уже ясно сказывается въ «Цыганахъ». Пушкинъ все яснѣе и яснѣе осознавалъ характеръ и типъ своего героя; въ то же время онъ все болѣе и болѣе **преодолѣвалъ въ себѣ самомъ** отрицательныя черты обрисовываемаго характера. И если въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» онъ хочетъ выставить самого себя, если онъ герою «Цыганъ» довольно подчеркнуто даетъ свое имя, то тутъ же вскорѣ онъ и смѣется надъ своими созданіями («мы вдоволь надъ нимъ—Кавказскимъ плѣнникомъ—посмѣялись»). И когда Пушкинъ пишетъ «Евгенія Онѣгина», то тутъ онъ уже торопится въ первой же главѣ подчеркнуть, что Онѣгинъ—не онъ, не Пушкинъ:

> Всегда я радъ замѣтить разность
> Между Онѣгинымъ и мной,
> Чтобы насмѣшливый читатель,
> Или какой-нибудь издатель
> Замысловатой клеветы,
> Сличая здѣсь мои черты,
> Не повторялъ потомъ безбожно,
> Что намаралъ я свой портретъ,
> Какъ Байронъ, гордости поэтъ... (I, 56).

Конечно, въ Пушкинѣ было много онѣгинскихъ чертъ такъ же, какъ и во всѣхъ герояхъ «байроническихъ» поэмъ Пушкина, но въ тѣхъ герояхъ черты эти были закутаны флеромъ демонизма и титанизма; тѣхъ героевъ Пушкинъ старался выставить сильными людьми, хотя это ему и не удавалось. Теперь онъ творческимъ чутьемъ пришелъ къ признанію своей ошибки; онъ понялъ, **что слабый духомъ чело-**

вѣкъ въ плащѣ титана—характерная черта руссифицированнаго, московскаго байронизма. Вотъ что значитъ яркое опредѣленіе—«москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ»; это значитъ: слабый человѣкъ, пытающійся загримироваться—ну, титаномъ не титаномъ, а по крайней мѣрѣ сильнымъ душою героемъ. И когда Пушкинъ понялъ, когда Пушкинъ почувствовалъ это,—онъ пересталъ ставить на ходули тотъ типъ, который подсказывался ему самой жизнью. Онъ взялъ слабаго душою потомка изломанныхъ душою предковъ, взялъ его такимъ, какимъ видѣлъ въ жизни—закутаннаго въ Гарольдовъ плащъ по байронической модѣ и позѣ той эпохи, но только спустилъ его съ ходуль на землю. Тогда появился Онѣгинъ.

Вотъ связь «Евгенія Онѣгина» со всѣмъ предшествовавшимъ творчествомъ Пушкина; вотъ связь его и съ «байронизмомъ» поэта. Несомнѣнно, что начало «Евгенія Онѣгина» относится еще къ «байроническому» періоду жизни Пушкина; недаромъ и самъ Пушкинъ въ предисловіи къ первому и второму изданію первой главы своего романа отмѣтилъ, что глава эта «напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона». Позднѣйшей критикой дѣйствительно установлена нѣкоторая чисто-внѣшняя связь между манерой письма «Беппо» и «Евгенія Онѣгина» такъ же, какъ и между героями этихъ произведеній, графомъ и Онѣгинымъ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ связь эта до того внѣшняя, до того маловажная, что должна быть отмѣчена только мимоходомъ, какъ любопытная мелочь, характерная для изученія байроновскаго вліянія на форму письма Пушкина двадцатыхъ годовъ, но не для изученія внутренней сущности пушкинскаго «романа въ стихахъ». Эта сущность мало по малу складывалась и выяснялась подъ давленіемъ романтизма вообще и байронизма въ частности еще въ періодъ 1820—1824 гг.; туманный обликъ Кавказскаго плѣнника пріобрѣлъ болѣе опредѣленныя черты въ Алеко, а поставленный съ ходуль на землю Алеко оказался Онѣгинымъ. И по мѣрѣ того, какъ Пушкинъ писалъ свой романъ, все яснѣе и яснѣе дѣлался для него обликъ героя всѣхъ его поэмъ. Слабый человѣкъ—вотъ его сущность; стремленіе казаться сильнымъ—вотъ его поза; его столкновеніе съ сильной женщиной—вотъ фатальная психологическая завязка и развязка пушкинскихъ поэмъ и романовъ.

И все это выражено Пушкинымъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ» съ особенной ясностью, съ окончательной опредѣленностью. То, что смутно было намѣчено поэтомъ въ «плѣнникѣ» и черкешенкѣ, въ Алеко и Земфирѣ, теперь раскрылось во всей своей полнотѣ въ Онѣгинѣ и Татьянѣ; то, что тамъ было окутано псевдо-романтическимъ флеромъ, здѣсь сведено на землю, выражено въ яркихъ реалистическихъ образахъ, въ безсмертныхъ реальныхъ типахъ. При столкновеніи съ Татьяной обнаруживается въ концѣ духовная сущность Онѣгина, и намъ необходимо познакомиться поближе съ Татьяной, понять ее и сказать тогда послѣднее слово о героѣ ея романа, о героѣ всѣхъ поэмъ Пушкина. Вѣдь послѣднее слово объ Онѣгинѣ сказала именно Татьяна.

VII.

Итакъ—она звалась Татьяной...
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой... (II, 25).

Этими словами Пушкинъ начинаетъ характеристику Татьяны, и слова эти сразу вскрываютъ передъ нами главную черту того типа, къ которому принадлежитъ Татьяна: намъ сразу становится ясно, что Татьяна—такое же типическое исключеніе своей среды, какъ Евгеній Онѣгинъ—своей. А если мы прибавимъ, что среда эта въ обоихъ случаяхъ почти одна и та же, то сразу намъ станетъ яснымъ полное сходство и историко-генетическаго происхожденія Онѣгина и Татьяны, и ихъ принадлежности къ промежуточному слою нарождающихся лишнихъ людей. При этомъ, однако, они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ психологическимъ типамъ что съ неизбѣжностью обусловливаетъ собою и завязку и развязку пушкинскаго романа.

Что историко-генетическое происхожденіе Татьяны и Онѣгина общее—въ этомъ врядъ ли возможны сомнѣнія; почти все, что мы говорили о дѣдахъ и прадѣдахъ Евгенія Онѣгина, можно чуть ли не дословно повторить о бабушкахъ и прабабушкахъ Татьяны, и это въ значительной степени объяснитъ намъ ея характеръ. Дѣйствительно, за два вѣка европейскаго просвѣщенія русскія женщины испытали не меньше «волшебныхъ измѣненій милаго лица»,

чѣмъ ихъ отцы, мужья и братья. Если какая-нибудь прапрабабушка Татьяны была еще русской боярыней-затворницей середины XVII вѣка, то зато прабабушка ея—какая-нибудь Наталья Гавриловна Ржевская, невѣста «арапа Петра Великаго»—была уже насильно вывезена на петровскую ассамблею, такъ красочно и ярко нарисованную Пушкинымъ въ третьей главѣ только-что названнаго романа. Изъ душегрѣекъ и шушуновъ ее насильно нарядили въ фижмы и робронды и заставили кланяться и присѣдать въ менуэтахъ—«по царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по нѣмецкому маниру». Ея дочь, бабушка Татьяны, уже съ молодыхъ лѣтъ воспитывалась по такому «нѣмецкому маниру», а позднѣе—вращалась въ обществѣ, зараженномъ, словно эпидемической болѣзнью, галломаніей; просмотрите любой изъ сатирическихъ листковъ начала царствованія Екатерины, и вы найдете портретъ бабушки Татьяны въ безчисленныхъ снимкахъ и копіяхъ. У этой петербургской культурной дикарки середины XVIII вѣка была дочь Pachette—мать Татьяны. Этой ci-devant Pachette, впослѣдствіи Парасковьѣ Ларина, Пушкинъ посвятилъ рядъ мѣткихъ, добродушно-ядовитыхъ строфъ въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»; какъ живая стоитъ она передъ нами. Она получила бонтонное воспитаніе въ московскомъ французскомъ пансіонѣ, у какой-нибудь «эмигрантки Фальбала»; въ результатѣ этого воспитанія—

. . . . писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ (II, 33);

конечно, она была тайно влюблена; предметомъ ея страсти былъ нѣкій «славный франтъ, игрокъ и гвардіи сержантъ». Но «скоро все перевелось»: ее выдали замужъ за бригадира въ отставкѣ Дмитрія Ларина, который увезъ ее «въ свою деревню, гдѣ она, Богъ знаетъ кѣмъ окружена, рвалась и плакала спачала», а потомъ «привыкла и довольна стала». Покойно катилась привольная помѣщичья жизнь, вся пропитанная той смѣсью старо-русскаго помѣщичьяго быта съ французскимъ языкомъ, которая и понынѣ еще сохранилась въ рѣдкихъ глухихъ уголкахъ. Ларины

. . . Хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины,

они «любили круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ», и въ то же время дѣти ихъ росли на французскихъ романахъ, на французской литературѣ. Татьяна даже «по русски плохо знала... и выражалася съ трудомъ на языкѣ своемъ родномъ» (III, 26), что даже нѣсколько неправдоподобно, если вспомнить о нянѣ Ѳадеевнѣ, взлелѣявшей Татьяну. Но—во всякомъ случаѣ—вотъ обстановка, въ которой воспиталась и выросла Татьяна.

И Татьянѣ, подобно Онѣгину, нельзя было отказаться отъ духовнаго наслѣдства, и въ ней съ неизбѣжностью отразились черты, воспитанныя въ русской женщинѣ всей жизнью XVIII вѣка. Конечно, въ Татьянѣ не было и не могло быть никакихъ чертъ того городского «вырожденства», которыя, несомнѣнно, просвѣчивали въ Онѣгинѣ; не могло быть хотя бы по одному тому, что всю свою дѣвичью жизнь Татьяна прожила въ глухой деревнѣ. Уже по одному этому изъ Татьяны не могло выйти полной аналогіи Онѣгину, какою были тѣ жеманныя, «младыя граціи Москвы», ея кузины, съ которыми она познакомилась впослѣдствіи. Но зато не могла не отразиться на Татьянѣ та наслѣдственная раздвоенность понятій, мыслей, чувствъ, та душевная раздвоенность, которая оказалась въ Онѣгинѣ гримасой, позой; быть-можетъ, безсознательной гримасой, искренней позой—пусть такъ, но все же позой. Избѣжать этой раздвоенности Татьяна не могла.

Умъ съ сердцемъ не въ ладу, книжныя французскія мысли не въ ладу съ чувствомъ, не въ ладу со всѣмъ бытомъ,—въ этомъ была трагедія многихъ Татьянъ той эпохи. Передъ нами

Татьяна—русская душою,
Сама не зная почему,

какъ великолѣпно говоритъ о ней Пушкинъ (V, 4); передъ нами до глубины души русская дѣвушка. Такова ея внутренняя сущность, таковъ глубокій складъ ея духа; но на этой сущности рядъ постороннихъ наслоеній. Знакомясь съ Татьяной, мы невольно вспоминаемъ ея далекую предшественницу, отдѣленную отъ Татьяны столѣтіемъ, невѣсту арапа Петра Великаго, Наталью Гавриловну Ржевскую Пушкинъ набросалъ ея недоконченный портретъ легкими и тонкими штрихами; передъ нами дѣвушка, которая была «воспитана по старинному, т.-е. окружена мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвуш-

ками; шила золотомъ и не знала грамоты», и въ то-же время она учится «пляскамъ нѣмецкимъ, . . . менуэтамъ и курантамъ» у плѣннаго шведскаго офицера. Не то ли же самое было и съ Татьяной: воспитаніе подъ крыломъ старушки-няни Ѳадеевны (пушкинская Арина Родіоновна), яркаго воплощенія русскаго народнаго духа, и рядомъ съ этимъ, вмѣсто «плясокъ нѣмецкихъ», французскіе романы? На душу русской дѣвушки ложились наслоенія чужихъ, наносныхъ идей и чувствъ, и вотъ, выбитая изъ колеи, бродитъ она «съ печальной думою въ очахъ, съ французской книжкою въ рукахъ» (VIII, 5). Старушка-няня, русскія сказки и поговорки, «старинныя были и небылицы», разговоры о старинѣ—и тутъ же рядомъ, въ письмѣ къ Онѣгину, пересказъ вычитанной у романтиковъ, а можетъ быть и слышанной отъ Ленскаго теоріи предназначенности другъ другу «родныхъ душъ». Вѣдь Ленскій недаромъ былъ «поклонникъ Канта и поэтъ»; «поклонникъ Шеллинга» долженъ былъ сказать Пушкинъ, если бы хотѣлъ взять наиболѣе общій типъ «любомудровъ» двадцатыхъ годовъ. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что проповѣдуемыя Ленскимъ мысли почти буквально повторяетъ Татьяна.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна,
Что, безотрадно изнывая
Его вседневно ждетъ она (II, 8).

Вѣдь почти все письмо Татьяны къ Онѣгину составляетъ перифразу этихъ мыслей Ленскаго:

«То въ высшемъ суждено совѣтѣ,
То воля Неба: я твоя!
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой»...

Итакъ, «круглыя качели, подблюдны пѣсни, хороводъ»—съ одной стороны, а съ другой—романтическая теорія любви, французскіе романы,—какъ же не сказать, что и Татьяна не могла избѣгнуть той искренней позы, которая была удѣломъ *типическихъ исключеній* этого поколѣнія?

Искренняя поза—это сочетаніе словъ нѣсколько странно, но оно вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Искренняя поза—это значитъ непроизвольная поза, безсознательная поза, и именно таково было положеніе типическихъ исключеній онѣгинскаго поколѣнія. Правда, когда онѣгинство разлилось широкой волной, когда оно перешло въ мѣщанскую массу, то оно дѣйствительно стало дѣланной, сознательной позой,—мы это еще увидимъ; тогда появились безчисленные уѣздные кавалеры, напускавшіе на себя разочарованность, хандру, байронизмъ. А Онѣгинъ—и въ этомъ вся разница, и большая разница—не напускалъ на себя хандры, но былъ дѣйствительно въ ея власти. Точно также и Татьяна: она дѣйствительно была во власти своихъ двойственныхъ чувствованій и переживаній; она не была одной изъ тѣхъ «идеальныхъ дѣвъ», у которыхъ весь романтическій экстазъ на половину дѣланный, напускной.

Татьяна не была ни такой «идеальной дѣвой», о которыхъ такъ зло писалъ Бѣлинскій, ни одной изъ тѣхъ «уѣздныхъ барышенъ», о которыхъ такъ часто съ добродушной ироніей говорилъ Пушкинъ. «Тѣ изъ моихъ читателей, которые не живали въ деревняхъ, не могутъ себѣ вообразить, что за прелесть эти уѣздныя барышни!» —восклицаетъ Пушкинъ устами Бѣлкина въ «Барышнѣ-крестьянкѣ»; въ «Евгеніи Онѣгинѣ» поэтъ посвящаетъ двѣ строфы описанію альбома уѣздной барышни (IV, 28, 29) и даетъ этимъ прелестную характеристику всего типа уѣздныхъ барышень. Наконецъ, очень милую уѣздную барышню Пушкинъ нарисовалъ въ образѣ Ольги Ларіной—веселой, простодушной дѣвицы, какихъ такъ много и въ жизни и въ литературѣ:

. . . . . любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно... (II, 23).

Эти уѣздныя барышни являются типомъ дѣвушекъ той среды и эпохи; сравнительнымъ исключеніемъ изъ нихъ, но исключеніемъ довольно печальнымъ, являются «идеальныя дѣвы». Это о нихъ говорилъ Пушкинъ въ одной изъ черновыхъ строфъ четвертой главы своего романа:

Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышенъ твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ...
Простилъ-бы имъ ихъ сплетни, чванство...,
И неопрятность, и жеманство—
Но какъ простить имъ модный бредъ
И неуклюжій этикетъ?

Объ этомъ типѣ «идеальныхъ дѣвъ» очень мѣтко и зло писалъ Бѣлинскій, раз-

сказывая, какъ эти идеальныя дѣвы запоемъ читаютъ книги и думаютъ, что понимаютъ ихъ; какъ онѣ мечтаютъ, глядя на луну; какъ списываютъ стишки въ завѣтныя тетрадки; какъ ведутъ переписку (огромными тетрадищами) съ какой-нибудь подругой, которая живетъ въ томъ-же домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. «Сверхъ того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный «выписными чувствами», въ которыхъ... нѣтъ ничего живого, истиннаго, только претензіи и идеальничанье. Онѣ презираютъ толпу и землю, питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному... Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужества, и при первой возможности вдругъ измѣняютъ свои убѣжденія и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способность обманывать себя призраками фантазіи доходитъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственницами и, такимъ образомъ, до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ сентиментальной экзальтаціи, къ нервическому идеализму» («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4). Вотъ кто получилъ сполна по наслѣдству всю духовную изломанность цѣлаго ряда предковъ, вотъ чьей участью стала дѣланная поза, гримаса, жеманство ..

Татьяна, повторяемъ еще разъ, и не несносная «уѣздная барышня» и не слезоточивая «идеальная дѣва»; она и не общій шаблонный типъ и не печальное исключеніе, не дѣланная поза и гримаса; она, какъ мы уже сказали, типическое исключеніе своей среды и эпохи. Въ ней мы имѣемъ передъ собою типъ дѣвушки съ сильной душой, порывающейся прочь отъ той среды, въ которую ее закинула судьба. Правда, отъ наслѣдственныхъ вліяній никто не можетъ отказаться; но вотъ яркій примѣръ борьбы сильно очерченной индивидуальности съ наслѣдственными родовыми и бытовыми типическими чертами. Почему Ольга Ларина—кость отъ костей и плоть отъ плоти своихъ родителей, типичная «уѣздная барышня», а ея сестра, Татьяна, съ раннихъ лѣтъ, «въ семьѣ своей родной казалась дѣвочкой чужой»? Здѣсь вступаетъ въ свои права, какъ говоритъ устами добродушнаго Бѣлкина Пушкинъ, та «особенность характера, самобытность (individualité), безъ чего, по мнѣнію Жанъ-Поля, не существуетъ человѣческое величіе» («Барышня-крестьянка»). Сильная и глубокая индивидуальность Татьяны жаждетъ цѣльности, единства; но ей не дано преодолѣть наслѣдственнаго раздвоенія души и найти самое себя. Русская душою, она всегда будетъ думать по французски; есть печать эпохи, печать воспитанія, печать быта, которую могутъ до извѣстной степени стереть только совершенно исключительные люди. Это было не по силамъ милой, поэтичной Татьянѣ; не находя исхода, она искала спасенія въ одиночествѣ, въ замкнутости, въ книгахъ.

И вотъ судьба столкнула ее съ человѣкомъ, котораго она полюбила, въ которомъ надѣялась найти поддержку, защитника, спасителя. Два раза пришлось ей столкнуться съ нимъ въ жизни, и оба эти столкновенія окончательно вскрываютъ передъ нами характеры Татьяны и Онѣгина.

VIII.

Если бы Татьяна была представительницей массоваго типа русской провинціальной дѣвушки того времени, если бы Татьяна была того же типа, какъ ея сестра Ольга, то романъ Пушкина терялъ-бы свой смыслъ, или вѣрнѣе сказать, пріобрѣталъ бы совершенно иной смыслъ: встрѣчи Онѣгина съ одной изъ тьмы темъ «уѣздныхъ барышенъ». Конечно, и эта задача представляетъ художественный интересъ, и любопытно, что, только-что окончивъ «Евгенія Онѣгина», Пушкинъ въ 1831 г. принялся именно за такой романъ (отъ него остались только «Отрывки изъ романа въ письмахъ»). Герой этого романа, Владиміръ Z., о которомъ мы уже упоминали—все тотъ-же Онѣгинъ, настолько тотъ же, что даже «надпись къ портрету княжны Ольги» онъ сочиняетъ въ стилѣ сужденій Онѣгина про Ольгу Ларину (Онѣгинъ: «кругла, красна..., какъ эта глупая луна»; Владиміръ Z.: «глупа, скучна—et cetera»...). Это второе изданіе Онѣгина ухаживаетъ въ деревнѣ за своей петербургской знакомой, Лизой, и въ то же время «развлекается» со своей родственницей Машей, типичной «уѣздной барышней». На этомъ романъ обрывается, но дальнѣйшій ходъ его ясенъ: конечно, Владиміръ Z. разорветъ нить своего романа и съ той и съ другой и вернется продолжать онѣгинствовать въ Петербургъ; одна изъ главныхъ темъ этого неоконченнаго романа—столкновеніе этого Онѣгина съ «уѣздной барышней». Но психологическая задача «Евгенія Онѣгина» совсѣмъ другая; эта тема, эта задача, которую впослѣдствіи

такъ богато развилъ и разработалъ Тургеневъ, является въ то же время и постоянной темой Пушкина. Мы уже указывали, что тема эта—столкновеніе слабаго мужчины и сильной женщины.

Сильная женщина, сама не сознающая своей духовной силы, и въ то же время безсильная въ борьбѣ со средою, полюбила слабаго мужчину, загримированнаго чуть ли не титаномъ. Ужъ давно ея «душа ждала... кого-нибудь», кто бъ не былъ похожъ на уѣзднаго франтика Пѣтушкова, на Буянова, на гусара Пыхтина—вообще на всѣхъ тѣхъ, за кого мечтали-бы выйти замужъ всѣ «уѣздныя барышни». Душа ждала—

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ! (III, 8).

Этотъ «онъ»—былъ Евгеній Онѣгинъ. Конечно, Татьяна не могла видѣть въ немъ того, кѣмъ онъ дѣйствительно былъ; вѣдь онъ былъ героемъ ея романа, въ немъ она видѣла черты всѣхъ героевъ прочитанныхъ ею романовъ:

Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились... (III, 9).

Она мечтаетъ о немъ; она идеализируетъ своего героя; она вѣритъ, что съ нимъ начнется для нея новая жизнь; что самой судьбой предназначены они другъ для друга; что онъ спасетъ ее отъ той среды, гдѣ она задыхается.

Все это выражено въ томъ письмѣ Татьяны, равнаго которому нѣтъ въ русской литературѣ; все оно пропитано ароматомъ нѣжной и глубокой распускающейся дѣвической души. Тутъ все такъ наивно и такъ глубоко по чувству, тутъ такая глубокая страсть и такой горькій призывъ о помощи, что даже Онѣгинъ «живо тронутъ былъ»; но, конечно, разочарованный во всемъ, онъ совершенно не сумѣлъ оцѣнить всей непосредственной прелести этого письма, всей глубины натуры Татьяны. Онѣгинъ не былъ Пушкинымъ, который «свято берегъ» это письмо и перечитывалъ его съ тайною тоскою» *); Онѣгинъ не могъ понять и оцѣнить мятущуюся душу Татьяны.

*) «Письмо Татьяны предо мною, Его я свято берегу, Читаю съ тайною тоскою—И начитаться не могу» (III, 31); возможно, что это—автобіографическое признаніе Пушкина. Эти строки написаны имъ въ Михайловскомъ, въ концѣ 1824 г., когда Пушкинъ читалъ и перечитывалъ письмо своей «Татьяны»—графини Е. К. Воронцовой. См. стих. «Сожженное письмо», 1825 г. (наст. изд., т. II. стр. 287).

А вѣдь она искала въ немъ защиты, опоры, спасенія; она убѣждена, что онъ, сильный духомъ герой, посланъ ей Богомъ, что онъ ея избавитель. Въ уцѣлѣвшей программѣ письма Татьяны Пушкинъ заставляетъ ее высказывать слѣдующія мысли: «Я ничего нехочу, я хочу васъ видѣть; у меня нѣтъ никого, придите, вы должны быть то и то; если нѣтъ, меня Богъ обманулъ»... Подчеркнутая нами фраза не передана дословно въ самомъ письмѣ, хотя этой мыслью и проникнуто все письмо; мысль эта—какъ-бы лейтъ-мотивъ его. Татьяна готова на все; она готова на жертву, на страданія, но въ то-же время она ждетъ защиты и спасенія:

. . . . . судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю. . .
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи. . .

Никто ея не понимаетъ; но—что еще хуже—она сама себя не можетъ понять. Гдѣ-то и въ чемъ-то есть спасенье... Но гдѣ и въ чемъ? О, конечно, въ сильномъ героѣ, въ Онѣгинѣ: «вы должны быть то и то (читай: сильный духомъ герой, руководитель и т. п.); если нѣтъ—меня Богъ обманулъ»...

Да, дѣйствительно, «Богъ обманулъ» бѣдную Таню: вѣра въ Онѣгина обманула ее. Это случай общій, характерный для цѣлой эпохи развитія русской женщины. Долго и мучительно искала она дороги и всегда избирала путеводителями Онѣгиныхъ разныхъ родовъ: книжна Мэри—Печорина, Лиза—Лаврецкаго, Наталья—Рудина. И всѣ Онѣгины отвѣчали всѣмъ Татьянамъ однимъ и тѣмъ же: полнымъ непониманіемъ. И всегда это столкновеніе Онѣгиныхъ съ Татьянами происходило точно по одному трафарету, такъ геніально просто намѣченному Пушкинымъ: сильная женщина встрѣчалась со слабымъ мужчиной и искала въ немъ поддержки, пути къ новой жизни, спасенія; Онѣгины почти всегда или не умѣли поддержать, или отталкивали ее, и только впослѣдствіи понимали, что они утратили... Но тогда было уже поздно: всѣ эти сильныя женщины начинали понимать всю духовную слабость своихъ героевъ.

Такъ это было и съ Татьяной. Послѣ холодной отповѣди Онѣгина на письмо Татьяны, послѣ убійства имъ Ленскаго

. . . начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Когда она прочла книги библіотеки Онѣгина — произведенія Байрона и еще «два-три романа, въ которыхъ отразился вѣкъ»,—то она, вѣроятно, съ трепетомъ, съ болью подумала, что быть можетъ ея герой вовсе не титанъ, не «надменный бѣсъ», а только

. . . . подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ...
Ужъ не пародія-ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила?
Ужели с л о в о найдено? (VII, 24, 25).

Мы уже знаемъ, что въ слѣдующей главѣ самъ Пушкинъ отвѣтилъ отрицательно на послѣдніе вопросы (VIII, 8—10); мы знаемъ, что Евгеній Онѣгинъ не только подражанье, не только пародія; что не случайно надѣлъ онъ на себя Гарольдовъ плащъ; что причины этого коренились глубоко въ общественной почвѣ. Но мы знаемъ также— и это хорошо поняла Татьяна, что этотъ москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ вовсе не титанъ, не «надменный бѣсъ», а слабый, безвольный, тоскующій человѣкъ.

И когда Татьяна, на этотъ разъ уже «равнодушная княгиня», черезъ три года снова сталкивается съ Онѣгинымъ—она уже хорошо его понимаетъ; его слабость теперь для нея слишкомъ очевидна. Теперь ей обидна—и за себя и за него обидна— «мелкость» героя ея романа; она еще любитъ его («къ чему лукавить?»), но ей больно сознавать слабость бывшаго титана, котораго она въ немъ хотѣла когда-то видѣть. О, какъ бы она и теперь хотѣла видѣть его прежнимъ сильнымъ, твердымъ, могучимъ героемъ (вспомните: «прямо передъ ней, блистая взорами, Евгеній стоитъ подобно грозной тѣни», III, 41,—такимъ она представляла себѣ его). И вдругъ вмѣсто былого героя передъ нею слабый, растерянный, безвольный человѣкъ, какимъ онъ и былъ всегда въ дѣйствительности; она окончательно убѣждается въ этомъ. Этимъ онъ наноситъ ей неизмѣримо болѣе жестокій ударъ, чѣмъ въ первый разъ, когда онъ въ отвѣтъ на ея письмо читалъ ей холоднымъ тономъ прописную мораль: «учитесь властвовать собою... Не всякій васъ, какъ я, пойметъ (!); къ бѣдѣ неопытность ведетъ»... (III, 16). О, какъ бы она хотѣла услышать отъ него и теперь «холодный разговоръ», вмѣсто жалкихъ слезъ и умоляющихъ посланій.

« . . . . Знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда-бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла-бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ, и слезамъ...
А нынче!—Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость! (VIII, 45).

Какая малость!—вотъ что ей обиднѣе, вотъ что ей горьче всего! Она обманулась въ своемъ идеалѣ; слабаго безвольнаго человѣка она приняла за сильнаго духомъ героя...

И это разочарованіе—ключъ ко всему поведенію «бѣдной Тани» при послѣдней встрѣчѣ съ героемъ ея романа. Въ ней еще сохранилась любовь къ нему, но ни за что и никогда не рѣшится она связать свою и его судьбу... Легкая свѣтская интрига (былая спеціальность Онѣгина; см. I, 8—12) омерзительна для этой сильной душою женщины: ей нужно или все, или ничего. «Я другому отдана—и буду вѣкъ ему вѣрна»,—эти слова Татьяны, вызвавшія такъ много комментаріевъ на этической почвѣ (начиная съ Бѣлинскаго и вплоть до Достоевскаго *),—эти слова должны быть поняты прежде всего на почвѣ психологической: это отказъ связать свою судьбу съ Онѣгинымъ. О, если бы Татьяна могла вѣрить въ силу Онѣгина, въ его любовь! О, если-бы онъ былъ тѣмъ сильнымъ человѣкомъ, который тоже имѣетъ своимъ девизомъ: или все, или ничего! Тогда, быть-

*) Какъ извѣстно, Бѣлинскій негодовалъ: «Я другому отдана—именно о т д а н а, а не о т д а л а с ь! Вѣчная вѣрность—к о м у и въ чемъ? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ профанацію чувства и чистоты женственности»... («Отеч. Зап.» 1845 г., т. XXXIX, № 4); а Достоевскій въ своей знаменитой «Пушкинской рѣчи» отвѣчалъ на это: «кому, чему вѣрна?... Да вѣрна этому генералу, ея мужу, честному человѣку, ее любящему и уважающему и ею гордящемуся... Пусть она вышла за него съ отчаянія, но теперь онъ ея мужъ, и измѣна ея покроетъ его позоромъ, стыдомъ и убьетъ его. А развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастіи другого?...».

можетъ, Татьяна—а если не пушкинская Татьяна, то одна изъ послѣдующихъ многочисленныхъ Татьянъ, героинь Тургенева, въ родѣ Елены изъ «Наканунѣ»—быть-можетъ она и нашла бы въ себѣ силы разорвать со средой, съ «мертвящимъ упоеньемъ свѣта», съ традиціонной моралью, съ кастовыми предразсудками... Но вѣдь герой Татьяны—Онѣгинъ! Вѣдь онъ по прежнему охотно удовлетворится свѣтской интригой! Вѣдь любовь Онѣгина нуждается въ привычной атмосферѣ. Вѣдь онъ увлеченъ не прежней Таней Ларіной,

Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,—
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы... (VIII, 27).

И Татьяна знаетъ это. «Вдали отъ суетной молвы я вамъ не нравилась»—говоритъ она Онѣгину (VIII, 44). И съ такимъ человѣкомъ связать свою судьбу? Для его быть можетъ минутной вспышки сломать свою и не только свою жизнь? Она отталкиваетъ его, еще продолжая любить; но онъ уже болѣе не герой ея романа. Она плачетъ надъ его письмами; она оплакиваетъ свою былую любовь, свои былыя мечты и надежды; но съ Онѣгинымъ ихъ пути разошлись навсегда...

IX.

Эти двѣ встрѣчи, два столкновенія Татьяны съ Онѣгинымъ не только окончательно уясняютъ намъ ихъ характеры, но болѣе того—даютъ намъ въ руки путеводную нить для пониманія цѣлаго ряда послѣдующихъ явленій русской общественной жизни, закрѣпленныхъ въ художественной литературѣ. И Татьяна и Онѣгинъ не сходили со сцены русской жизни и литературы, по крайней мѣрѣ, до эпохи шестидесятыхъ годовъ, да и врядъ ли когда-либо сойдутъ окончательно, такъ какъ въ нихъ есть элементы вѣчной сущности человѣческаго духа.

Татьяна стала родоначальницей *лишнихъ женщинъ*; онѣ будутъ существовать въ русской жизни и литературѣ до той поры, пока существуютъ Онѣгины. Кстати замѣтить, Пушкинъ вовсе не показалъ намъ въ Татьянѣ того «истинно-колоссальнаго исключенія», той «геніальной натуры», какую въ ней видѣлъ Бѣлинскій; Пушкинъ далеко не идеализировалъ Татьяны, хотя и придалъ ея образу такую чарующую поэтическую прелесть. Татьяна, конечно, стоитъ выше окружающаго ея и въ деревнѣ и въ Петербургѣ общества, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своей натуры, но все же она дочь своей эпохи, своего круга людей. Не только стремиться, но и дѣйствительно стать выше ихъ можетъ только слишкомъ исключительная «геніальная натура», какою Татьяна не была. Вырваться своими силами изъ этой среды, приспособить ее къ себѣ, т.-е. создать себѣ особую цѣнную жизнь, Татьяна не можетъ, и при первомъ крушеніи своихъ мечтаній и надеждъ она сама быстро приспособляется къ окружающей ее атмосферѣ:

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро поняла! (VIII, 28).

И то уже признакъ ея недюжинной натуры, что это приспособленіе является для нея только внѣшнимъ, видимымъ, только формой, подъ которой еще не потухли былыя мечты, былая любовь:

« . . . . . сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище...» (VIII, 46).

Но эту сильную, недюжинную натуру сковываютъ условія жизни окружающей среды; одна она безсильна спасти себя. А когда она пытается найти поддержку, спасенье, она находитъ Онѣгина... Гибнетъ сильная натура, ненужной и лишней становится жизнь. И это общая жизнь всѣхъ сильныхъ женщинъ, всѣхъ Татьянъ послѣдующей эпохи: всѣ онѣ становятся лишними женщинами; всѣ онѣ гибнутъ не находя опоры и поддержки въ своихъ Онѣгиныхъ. Возьмите почти всѣхъ героинь Тургенева—и вы увидите, какъ въ нихъ повторялась въ общихъ чертахъ судьба «бѣдной Тани». Только въ эпоху нашего Sturm und Drang Period' а, въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, русская женщина, благодаря духу времени, выбивается изъ-подъ давящей ее среды, гдѣ Онѣгины—еще одни изъ лучшихъ.

И Онѣгинъ, въ свою очередь, сталъ родоначальникомъ цѣлаго ряда лишнихъ людей, но не сильныхъ, а слабыхъ душою героевъ. Сначала Онѣгины были немного-

ПУШКИНЪ.

Портретъ кисти Кипренскаго. 1827.

етъ, Татьяна—а если не пушкинская
яна, то одна изъ послѣдующихъ мно-
исленныхъ Татьянъ, героинь Тургенева,
родѣ Елены изъ «Наканунѣ»—быть-мо-
ь она и нашла бы въ себѣ силы ра-
ать со средой, съ «мертвящимъ упо-
емъ свѣта», съ традиціонной моралью,
кастовыми предразсудками... Но вѣдь
ой Татьяны—Онѣгинъ! Вѣдь онъ по
жнему охотно удовлетворится свѣтской
ригой! Вѣдь любовь Онѣгина нуждается
привычной атмосферѣ. Вѣдь онъ увле-
ь не прежней Таней Лариной,

Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,—
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной царственной Невы... (VIII, 27).

Татьяна знаетъ это. «Вдали отъ суетной
вы я вамъ не нравилась»—говоритъ
Онѣгину (VIII, 44). И съ такимъ че-
ѣкомъ связать свою судьбу? Для его
ь можетъ минутной вспышки сломать
ю и не только свою жизнь? Она оттал-
[illegible] его, еще продолжая любить; но
[illegible] болѣе не герой ея романа. Она
[illegible] его письмами; она оплаки-
[illegible]
ты и надежды: но съ Онѣгинымъ ихъ
ти разошлись навсегда...

IX.

Эти двѣ встрѣчи, два столкновенія
тьяны съ Онѣгинымъ не только окон-
тельно уясняютъ намъ ихъ характеры,
болѣе того—даютъ намъ въ руки пу-
водную нить для пониманія цѣлаго ряда
слѣдующихъ явленій русской обществен-
й жизни, закрѣпленныхъ въ художествен-
й литературѣ. И Татьяна и Онѣгинъ не
одили со сцены русской жизни и лите-
туры, по крайней мѣрѣ, до эпохи шести-
сятыхъ годовъ, да и врядъ ли когда-либо
йдутъ окончательно, такъ какъ въ нихъ
[illegible]
ескаго духа.

Татьяна стала родоначальницей лиш-
ихъ женщинъ; онѣ будутъ существо-
ать въ русской жизни и литературѣ до
ой поры, пока существуютъ Онѣгины.
стати замѣтить, Пушкинъ вовсе не пока-
алъ намъ въ Татьянѣ того «истинно-ко-
оссальнаго исключенія», той «геніальной
атуры», какую въ ней видѣлъ Бѣлинскій;
ушкинъ далеко не идеализировалъ Татьяны,
хотя и придалъ ея образу такую чарующую
поэтическую прелесть. Татьяна, конечно,
стоитъ выше окружающихъ ея и въ деревнѣ
и въ Петербургѣ обществъ, благодаря инди-
видуальнымъ особенностямъ своей на-
туры, но все же она [illegible] своей эпохи
своего круга людей. Не только стремится,
но и дѣйствительно стать выше ихъ мо-
жетъ только слишкомъ исключительная
«геніальная натура», какою Татьяна не
была. Вырваться своими силами изъ этой
среды, приспособить ее къ себѣ, т.-е. [illegible]
здать себѣ особую цѣнную жизнь, Татьяна
не можетъ, и при первомъ крушеніи [illegible]
мечтаній и надеждъ она сама быстро при-
способляется къ окружающей ее атмо-
сферѣ:

Какъ измѣнилася Татьяна
Какъ твердо въ роль свою вошла
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро поняла! (VIII, [illegible])

И то уже признакъ ея [illegible]
туры, что это приспособленіе [illegible]
нея только внѣшнимъ, [illegible]
формой, подъ которой еще не [illegible]
[illegible] любовь:

. . . . . сейчасъ [illegible]
Всю эту [illegible]
Весь этотъ блескъ, [illegible]
За полку книгъ, за [illegible]
За наше бѣдное жилище... [illegible]

Но эту сильную, [illegible]
сковываютъ условія [illegible]
среды; одна она [illegible]
когда она пытается [illegible]
[illegible]
новится жизнь. И эти общія [illegible]
[illegible]
ними женщинами; всѣ онѣ [illegible]
находя опоры и поддержки въ своихъ Онѣ-
гиныхъ. Возьмите почти всѣхъ героинь
Тургенева—и вы увидите, какъ въ нихъ
повторялась въ общихъ чертахъ судьба
«бѣдной Тани». Только въ эпоху нашего
Sturm und Drang Period'а, въ эпоху шести-
десятыхъ годовъ, русская женщина, благо-
даря духу времени, выбивается [illegible]
давящей ее среды, гдѣ Онѣгины—еще [illegible]
изъ лучшихъ.

И Онѣгинъ, въ свою очередь, сталъ [illegible]
[illegible]
дей, но не сильныхъ, а слабыхъ [illegible]
героевъ. Сначала Онѣгины были [illegible]

численны; они были тѣмъ типическимъ исключеніемъ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ онѣгинство, словно эпидемическая болѣзнь, быстро распространилось въ массѣ, въ мѣщанской толпѣ; оно стало модой, дѣланной позой, костюмомъ, стало достояніемъ не только типическихъ исключеній, но и широкой улицы. Еще въ началѣ 1825 года, послѣ появленія въ печати первой главы «Евгенія Онѣгина», А. А. Бестужевъ писалъ Пушкину про героя его романа: «Я вижу франта, который душой и тѣломъ преданъ модѣ; вижу человѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на яву, ибо самая холодность и мизантропія и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ» («Переписка», ed. cit. I, 187). Годомъ позднѣе Булгаринъ писалъ почти то же самое въ «Сѣверной пчелѣ» (1826 г., № 132), послѣ появленія второй главы романа: «До сихъ поръ,—писалъ онъ,—Онѣгинъ принадлежитъ къ числу людей, какихъ встрѣчаемъ дюжинами на всѣхъ большихъ улицахъ и во всѣхъ французскихъ рестораціяхъ...» А двумя годами позднѣе Иванъ Кирѣевскій, въ своей цѣнной статьѣ «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина», отозвался объ Онѣгинѣ еще болѣе рѣзко: «Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное... Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей и всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ...» («Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 178—179). Все это показываетъ, что критики той поры не могли еще понять типа Онѣгина; но, кромѣ того, это показываетъ, что уже къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ онѣгинство было широко распространеннымъ, массовымъ явленіемъ.

Пушкинъ не могъ не замѣтить массовости этого явленія, пока писалъ свой романъ. На вопросъ: неужто вся молодежь такова?—Пушкинъ могъ бы предвосхитить позднѣйшія слова Лермонтова о «печоринствѣ»: «что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что, впрочемъ, разочарованіе, какъ и всѣ моды, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ» («Герой нашего времени»; «Бэла»). Пушкинъ видѣлъ это и, быть можетъ, отчасти потому сталъ относиться къ своему герою отрицательнѣе, чѣмъ раньше. Онъ готовъ былъ допустить,—хотя выразилъ это только въ вопросительной формѣ, и то отъ лица Татьяны,—что его герой—«пародія», «словъ модныхъ полный лексиконъ», что онъ только «щеголяетъ маской», но, въ концѣ концовъ, онъ возсталъ противъ такого пониманія Онѣгина. «Зачѣмъ же такъ неблагосклонно вы отзываетесь о немъ?» (VIII, 9)—спросилъ онъ и читателей и критиковъ въ родѣ И. Кирѣевскаго. Этимъ онъ подчеркнулъ, что Онѣгинъ—одно, а онѣгинство—другое, что «странность» Онѣгина,—«неподражательная» (I, 45); что не надо смѣшивать Онѣгина съ тѣми добрыми малыми, которые донашивали его костюмъ. Заканчивая въ концѣ 1830 года свой «романъ въ стихахъ», Пушкинъ въ то же время написалъ свои «Повѣсти Бѣлкина», въ одной изъ которыхъ выводитъ на сцену такого добраго малаго, Алексѣя Берестова, донашивающаго онѣгинскій костюмъ; этотъ провинціальный герой сводилъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышенъ, такъ какъ «первый явился передъ ними мрачнымъ и разочарованнымъ, первый говорилъ имъ объ утраченныхъ радостяхъ и объ увядшей своей юности; сверхъ того, носилъ онъ черное кольцо съ изображеніемъ мертвой головы. Все это было чрезвычайно ново въ той губерніи... («Барышня-крестьянка»). Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше это входило въ моду; въ тридцатыхъ годахъ всѣ уѣздные кавалеры были уже Онѣгиными и сводили этимъ съ ума всѣхъ уѣздныхъ барышенъ.

Но, конечно, не эти уѣздные кавалеры были духовными потомками Онѣгина; ими были тѣ «лишніе люди» николаевской эпохи, о которыхъ намъ уже приходилось упоминать выше. Этимъ духовнымъ потомкамъ Евгенія Онѣгина слѣдовало бы удѣлить не меньше вниманія, чѣмъ его историко-генетическимъ предкамъ; этой обширной темѣ посвященъ многочисленный рядъ работъ. Мы замѣтимъ только, что какъ ни разнообразны характеры многочисленной группы лишнихъ людей, но всѣ они принадлежатъ къ одному и тому-же типу: все это, начиная отъ Чацкаго и Онѣгина и кончая героями Чехова,—ни павы, ни вороны; все это люди, отъ мѣщанскаго берега отставшіе и къ берегу индивидуализма не приставшіе; все это слабые, безвольные, мятущіеся люди. Николаевская система оффиціальнаго мѣщанства создала удобную почву, на которой развивались такіе характеры не только въ зависимости отъ историко-генетическаго происхожденія, но и въ силу соціально-политическаго положенія. Въ силу этого положенія и роль лишнихъ людей сороко-

выхъ—пятидесятыхъ годовъ (Бельтовъ, Рудинъ) была иная, чѣмъ въ свое время роль Евгенія Онѣгина: Онѣгинъ былъ почти пассивнымъ статистомъ на сценѣ русской общественной жизни, а Бельтовъ или Рудинъ были активными дѣятелями, хотя и безсильными совершить что-либо. Правда, они ничего не сдѣлали; они «говорили, говорили, говорили—и только»; но уже давно замѣчено, что бываютъ времена, когда слово—большое дѣло. За Онѣгинымъ же не было ни слова, ни дѣла. Ну, конечно: «яремъ отъ барщины старинной оброкомъ легкимъ замѣнилъ, и рабъ судьбу благословилъ», на что до надоѣдливости единодушно указываютъ всѣ комментаторы «Евгенія Онѣгина»; но вѣдь и это Онѣгинъ сдѣлалъ лишь для того, «чтобъ только время проводить!» (II, 4). То, что для современника Онѣгина, декабриста Якушкина, было дѣломъ нравственнаго долженствованія, для Онѣгина было лишь средствомъ какъ-нибудь убить время. Во сколько же разъ выше такого онѣгинскаго «дѣла» горячія «слова» Рудина, будившія мысль, поднимавшія энергію, пробуждавшія человѣка!

Въ шестидесятыхъ годахъ на смѣну лишнимъ людямъ, потомкамъ стараго служилаго дворянства, загубленнымъ и духовной наслѣдственностью и глухой петлей николаевскаго режима, пришли сильные и бодрые «разночинцы»; казалось, что онѣгинство навсегда похоронено. Такъ казалось; оказалось же нѣчто совершенно противоположное; оказалось, что чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ яснѣе и живѣе воскресаютъ среди русской интеллигенціи черты навсегда похороненнаго онѣгинства. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ разладъ со средой сталъ больно чувствоваться, какъ оторванность отъ почвы, какъ разрывъ между интеллигенціей и народомъ; понадобилась еще четверть вѣка жизненнаго опыта и народа и интеллигенціи, чтобы выяснился путь ихъ взаимнаго пониманія. А если прибавить, что, кромѣ оторванности отъ почвы и разлада со средой—стараго наслѣдства всего XVIII и XIX вв.,—интеллигенція все это время испытывала тяжелое давленіе извнѣ, что борьба ея становилась все героичнѣе, но и все безнадежнѣе вплоть до восьмидесятыхъ годовъ минувшаго вѣка, то станетъ яснымъ неизбѣжность возрожденія къ этому времени онѣгинства, конечно, въ новыхъ формахъ. Появились слабые, безвольные, лишніе люди восьмидесятыхъ годовъ, чеховскіе герои, Лаевскіе, Ивановы и имъ подобные.

Всѣ они—несомнѣнные потомки Онѣгина, несомнѣнные наслѣдники его характера, его міропониманія. Еще въ 1821—1822 г. Пушкинъ писалъ, что въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» онъ хотѣлъ изобразить «это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи XIX вѣка» («Переписка», I, 36). Прибавимъ: молодежи и начала и конца XIX вѣка, какъ ни различны тѣ формы, въ которыхъ проявлялась ихъ преждевременная старость души. Пусть въ этой преждевременной старости соціологъ ищетъ признаковъ дегенератства, «собачьей старости», вырожденія; черты эти несомнѣнны хотя бы по одному тому, что на всемъ протяженіи исторіи русской интеллигенціи эта старость души всегда была слѣдствіемъ великой усталости послѣ безплодной борьбы цѣлыхъ поколѣній за жизнь. Пусть такъ; пусть онѣгинство—болѣзнь или усталость духа; пусть правъ осуждающій его историкъ и соціологъ. Но вотъ вопросъ: нѣтъ ли въ этой «болѣзни» такихъ элементовъ, которые дороже и цѣннѣе самого здоровья? Или, возвращаясь къ Онѣгину, тотъ же вопросъ въ болѣе опредѣленной формѣ: не является ли «болѣзнь» Онѣгина для Пушкина самымъ цѣннымъ въ немъ свойствомъ, самой цѣнной стороной героя его романа и всѣхъ его поэмъ?

Да, это несомнѣнно такъ. Въ Онѣгинѣ, несомнѣнно, были такія черты, которыя ставили его выше «хладной посредственности», и черты эти были особенно не по душѣ той массѣ, которой «посредственность одна по плечу и не странна»; въ этомъ состояла и «болѣзнь» Онѣгина. Болѣзнь эта—le mal du siècle—та «міровая скорбь», которой страдали многіе изъ лучшихъ людей на Западѣ, особенно послѣ крушенія надеждъ и иллюзій 1789—1793 гг.; на этой почвѣ выросъ, этимъ страданіемъ пропитался и байронизмъ, слабое отраженіе котораго мы видѣли въ русской литературѣ. Вопросы о цѣнности бытія, о смыслѣ существованія стали во всей своей остротѣ передъ наиболѣе чуткими людьми, искавшими послѣднихъ отвѣтовъ на послѣдніе вопросы: «зачѣмъ я существую?... Зачѣмъ все живущее въ мірѣ такъ несчастно?» (Байронъ, «Каинъ»); а

безсиліе отвѣтить на подобные вопросы было одною изъ причинъ «міровой скорби». Конечно, Онѣгинъ не былъ и не могъ быть носителемъ этой скорби за людей, за человѣчество, за міръ; конечно, въ Онѣгинѣ не было никакихъ элементовъ «богоборчества», какъ слѣдствія, проявленія и выраженія этой міровой скорби. И мы видѣли, что когда Пушкинъ понялъ это, то пересталъ воспѣвать титаническихъ героевъ и перешелъ къ обрисовкѣ типа Евгенія Онѣгина. Все это такъ, но тѣмъ не менѣе крайне ошибочно было бы утверждать, что вся хандра и разочарованность Онѣгина—исключительное слѣдствіе Katzenjammer'a безъ малѣйшей черты Weltschmertz'a, какъ это утверждалъ когда-то Писаревъ. Да, конечно, Онѣгинъ не носитель осознанной міровой скорби; его хандра («недугъ котораго причину давно бы отыскать пора», I, 38) имѣетъ своей причиной не этическіе, философскіе или религіозные мотивы, а историческія, общественныя и сословныя условія; но въ то же время въ Онѣгинѣ впервые—по крайней мѣрѣ впервые въ нашей литературѣ—русская интеллигенція подошла вплотную къ началу проклятыхъ вопросовъ, не разлучныхъ съ міровой скорбью:

Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
Надъ тѣмъ лежитъ судьбы рука.
Но я здоровъ, я молодъ, воленъ;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!

Такъ восклицаетъ Онѣгинъ и уже однимъ этимъ пріобщается къ «міровой скорби», правда, въ самомъ ея примитивномъ видѣ; уже однимъ этимъ Пушкинъ отдѣляетъ его отъ безчисленной толпы добрыхъ малыхъ, донашивающихъ онѣгинскій костюмъ. Вопросы о цѣли бытія, о цѣли собственной жизни никогда не мучаютъ добрыхъ малыхъ—Алексѣевъ Берестовыхъ или позднѣйшихъ чеховскихъ «нормальныхъ» людей въ родѣ фонъ-Кореновъ и докторовъ Львовыхъ («Дуэль», «Ивановъ»); эти вопросы и эта иной разъ безсознательная тоска—удѣлъ Онѣгиныхъ. Онѣгинъ впервые подошелъ къ истоку этихъ «проклятыхъ вопросовъ», которые впослѣдствіи такимъ широкимъ потокомъ залили собою русскую жизнь и литературу и все глубже и больнѣе становились для русской интеллигенціи ея жизненной трагедіей.

И вотъ эта-то «болѣзнь» Онѣгина для Пушкина (да и для насъ) дороже всякаго здоровья добрыхъ малыхъ—Алексѣевъ Берестовыхъ и всѣхъ, иже съ ними. Пусть эта болѣзнь была въ Онѣгинѣ мало осознанной, но съ тѣмъ большей силой онъ страдалъ отъ нея. Пусть Онѣгинъ по умственному развитію былъ неизмѣримо ниже лучшихъ людей своей эпохи—Пестелей, Тургеневыхъ и прочихъ главарей декабризма, но зато была область, въ которой онъ, самъ того не сознавая, былъ гораздо выше ихъ: это именно область тѣхъ мучительныхъ недоумѣній о цѣли жизни, которыя были совершенно чужды позитивному міровоззрѣнію декабризма. Это не значитъ, разумѣется, что онѣгинство есть конечный этапъ чувства и мысли; онѣгинство есть первый вопросъ, на который надо такъ или иначе отвѣтить, и мы сейчасъ увидимъ, какъ отвѣчалъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ самъ Пушкинъ. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что несомнѣнно: поскольку онѣгинство есть «болѣзнь», близкая міровой скорби, постольку оно было дорого Пушкину. Это болѣзнь, которая дороже всякаго нравственнаго здоровья, всякой духовной сытости и ограниченности; это болѣзнь, которой только и можно желать для всѣхъ погруженныхъ въ самодовольную духовную спячку, для всѣхъ добровольныхъ кастратовъ духа, для всѣхъ слѣпо вѣрующихъ въ ту или иную догму или систему. Но въ то же время это болѣзнь, которой надо переболѣть не для того, чтобы погрузиться въ прежнюю духовную спячку, а для того, чтобы подняться на болѣе высокую ступень самосознанія; этой болѣзнью надо переболѣть, но ее необходимо и преодолѣть.

Какъ преодолѣлъ ее Пушкинъ и къ чему онъ, мало-по-малу, пришелъ въ то время, когда писалъ свой романъ,—вотъ о чемъ намъ предстоитъ еще сказать. «Евгеній Онѣгинъ» и Россія XVIII и XIX вв.—этой темѣ мы посвятили предыдущія страницы; намъ осталось заключить нашъ очеркъ краткимъ по необходимости развитіемъ второй темы—«Евгеній Онѣгинъ» и міровоззрѣніе Пушкина.

X.

Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онѣгина» (9 мая 1823 года) еще въ Бессарабіи, когда онъ былъ, по удачной игрѣ словъ его друзей, не столько «бессарабскій», сколько «бѣсъ арабскій»; онъ продолжалъ его въ 1823—1824 гг. въ «Одессѣ пыльной» (закончена первая глава, написана вторая,

начата третья), въ 1824—1826 гг. въ Михайловскомъ, «въ тѣни лѣсовъ Тригорскихъ» (закончена третья глава, написаны четвертая, пятая, шестая); наконецъ, послѣднія двѣ главы писались въ 1827—1830 гг. то въ Москвѣ, то въ Михайловскомъ, то въ Петербургѣ, то въ Болдинѣ; 25 сентября 1830 года Пушкинъ дописалъ послѣднія строки романа. Итакъ, по подсчету самого Пушкина, онъ писалъ этотъ свой романъ «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней», а въ дѣйствительности гораздо больше, такъ какъ въ теченіе почти всего 1831 года онъ продолжалъ работать надъ послѣдней главой романа; онъ былъ тогда уже женатъ, «остепенился» и вообще вступилъ уже въ послѣдній періодъ своей короткой и бурной жизни. Если же мы вспомнимъ, что колыбелью своего «Онѣгина» Пушкинъ считалъ Крымъ, и что въ Крыму онъ былъ въ 1820 году, то увидимъ, что «Онѣгинъ» сопровождалъ Пушкина въ теченіе лучшаго десятилѣтія его жизни, и что Пушкинъ имѣлъ основаніе заключить свое прощаніе съ Онѣгинымъ многознаменательными словами: «прости жъ и ты, мой спутникъ странный» (VIII, 50).

Только къ концу романа, только мало-по-малу, къ концу эпохи 1820—1830 гг., стали приходить къ гармоническому сочетанію разныя стороны мятущагося духа Пушкина; только въ этому времени у него сложилось въ окончательныя формы и осозналось его «міровосчувствованіе», свойственное его психологическому типу; только къ этому времени проявился во всей своей силѣ и чарующей красотѣ яркій, гармоничный «пушкинскій» взглядъ на міръ, на жизнь, на человѣка. Развитіе этого взгляда закрѣплено въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, начиная отъ лицейскаго періода и до 30-хъ годовъ; но развѣ и весь «Евгеній Онѣгинъ» не удивительная лирическая поэма? И, такимъ образомъ, если въ лирикѣ отражается сознательная или безсознательная философія поэта, то развѣ не въ «Евгеніи Онѣгинѣ» намъ надо искать эту «философію» Пушкина или, вѣрнѣе, его стихійную мудрость? Попробуемъ же снова обратиться къ «Евгенію Онѣгину», но оставимъ совершенно въ сторонѣ и Онѣгина, и Татьяну, какъ типы опредѣленной эпохи, и петербургскій «большой свѣтъ», и провинціальныхъ чудаковъ; обратимся снова къ «Евгенію Онѣгину», но въ «небрежныхъ строфахъ» этого романа будемъ искать только самого Пушкина, только его чувства, мысли, настроенія; посмотримъ, какъ и въ какомъ направленіи развивалось отношеніе Пушкина къ міру, жизни, человѣку въ эти «7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней» (а въ сущности около десяти лѣтъ), когда онъ обдумывалъ и писалъ этотъ свой «романъ въ стихахъ».

Въ 1823 году, начиная «Евгенія Онѣгина», Пушкинъ написалъ своего знаменитаго «Демона»; въ 1830 году, только что закончивъ этотъ романъ, Пушкинъ написалъ тѣсно связанный по идеѣ съ «Демономъ» отрывокъ «Въ началѣ жизни школу помню я...». Оба эти стихотворенія—исповѣдь поэта, и оба они тѣсно связаны съ «Евгеніемъ Онѣгинымъ». Еще «въ началѣ жизни», еще въ тѣ дни, когда поэту «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», его вниманіе привлекли «двухъ бѣсовъ изображенья».

Одинъ (Дельфійскій идолъ), ликъ младой—
Былъ гнѣвенъ, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной...

Это былъ «сей ангелъ, сей надменный бѣсъ», который надолго сталъ Демономъ Пушкина, «страннымъ спутникомъ» его жизни:

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Непстощимой клеветою
Онъ провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ...

Но этотъ Демонъ, знакомый Пушкину, по собственному признанію поэта, уже съ начала его сознательной жизни, сперва стоялъ въ тѣни и посѣщалъ поэта лишь мимолетно; въ послѣдніе годы лицейской жизни и въ первые годы свѣтской петербургской жизни Пушкина, т.-е. въ періодъ его жизни до 1820 года, властителемъ души поэта былъ

Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый, но прекрасный...

Это была пора необузданнаго, безмѣрнаго пушкинскаго эпикуреизма, та пора, о которой онъ самъ вспоминалъ въ одной

изъ позднѣйшихъ строфъ «Евгенія Онѣгина»:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ...
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась... (VIII, 3).

Это была пора, когда «волшебный демонъ» нашептывалъ поэту простую и соблазнительную мудрость жизни: розы наслажденья, круговая чаша, «пиры, любовницы, друзья», жизнь, проведенная «межъ Вакха и Амура», и легкая смерть на груди любовницы—вотъ мудрость жизни, вотъ ея философія.

Какъ извѣстно, этотъ легкомысленный, юношескій эпикуреизмъ сталъ понемногу уступать мѣсто болѣе строгому взгляду на міръ и на жизнь еще въ періодъ свѣтской петербургской жизни Пушкина, до его ссылки 1820 года. Не надо забывать, что послѣ лицея Пушкинъ попалъ въ среду военной молодежи, весьма высокой въ ту эпоху по своему умственному уровню и проникнутой общественными и политическими интересами; къ этой эпохѣ относится и благотворное вліяніе Чаадаева на Пушкина. Въ рядѣ стихотвореній той эпохи, на ряду съ прежнимъ восхваленіемъ даровъ Вакха и Амура, мы слышимъ также первые звуки «разочарованія», первые звуки голоса пушкинскаго Демона; одновременно съ этимъ Пушкинъ былъ увлеченъ политическимъ либерализмомъ эпохи и впослѣдствіи самъ считалъ себя пѣвцомъ декабризма (см. «Аріонъ», 1827 г.). Его рѣзкія эпиграммы на Аракчеева, ода «Вольность», «два иль три Ноэля» были выраженіемъ этихъ его чувствъ и послужили причиной его ссылки на югъ весною 1820 года.

Къ этому времени впервые Пушкинъ глубоко призадумался надъ жизнью; въ своемъ посланіи Чаадаеву Пушкинъ писалъ (въ апрѣлѣ 1821 года) изъ своей бессарабской ссылки:

. . . свѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ плѣну
Для сердца новую вкушаю тишину;
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій...

Несомнѣнно, что въ это время Пушкина «къ размышленію влекло» все то, о чемъ онъ говоритъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»: «плоды наукъ, добро и зло, и предразсудки вѣковые, и гроба тайны роковыя, судьба и жизнь...» (II, 16). Правда, во все это время Пушкинъ по внѣшности оставался тѣмъ же необузданнымъ повѣсой, какимъ былъ въ Петербургѣ; онъ все еще былъ неперебѣсившійся «бѣсъ арабскій»; онъ часто вспоминалъ о своей былой шумной и угарной жизни въ Петербургѣ, изнывалъ отъ скуки и бранилъ «проклятый городъ Кишиневъ», какъ позднѣе и Одессу. Эта внѣшность часто обманываетъ тѣхъ узкихъ ригористовъ, которые не могутъ понять,

Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ...

Такъ не понимали и Пушкина. А между тѣмъ въ глубинѣ его души все сильнѣе и сильнѣе звучалъ голосъ разочарованія былой жизнью: «увы! на разныя забавы я много жизни погубилъ!» (I, 30). Но тутъ же рядомъ сталъ звучать и другой голосъ—голосъ пушкинскаго Демона. Правда, «кто чувствовалъ, того тревожитъ призракъ невозвратимыхъ дней: тому ужъ нѣтъ очарованій, того змія воспоминаній, того раскаянье грызетъ»; но непосредственно за этимъ раскаяніемъ—прелестная ядовитая выходка pro domo sua: «все это часто придаетъ большую прелесть разговору!» (I, 46). Какъ видимъ, во всемъ этомъ есть еще много «разговора»; и эту ядовитую бутаду нашепталъ поэту его Демонъ. Этотъ Демонъ, «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» заставилъ поэта не ограничиться легковѣснымъ порицаніемъ эпикуреизма былыхъ «невозвратимыхъ дней», а заставилъ его подойти къ болѣе острому вопросу: да есть ли въ жизни вообще что либо цѣнное, во имя чего слѣдовало бы порицать былое прожиганіе жизни? Быть-можетъ, свобода и любовь—сказки, жизнь—насмѣшка, природа и окружающій міръ—сплошное зло, прекрасное—недостижимая мечта? Мы знаемъ, что именно это и именно такими словами нашептывалъ Пушкину его Демонъ; онъ нашептывалъ ему, что жизнь—безсмыслица, что въ мірѣ и жизни нѣтъ никакой (ни объективной, ни субъективной) цѣнности.

И Пушкинъ одно время, повидимому, внялъ этому своему Демону, вѣрнѣе—былъ побѣжденъ имъ:

Мнѣ было грустно, тяжко, больно,
Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ.

Первая борьба съ Демономъ окончилась пораженіемъ поэта; Пушкинъ призналъ, по его же выраженію, «вѣчныя противорѣчія существенности»; онъ написалъ тогда своего «Демона» и «Телѣгу жизни» (1823 г.). Въ чемъ цѣль, въ чемъ смыслъ жизни?— Ихъ нѣтъ; цѣль—«ночлегъ», могила, къ которой «время гонитъ лошадей»...

XI.

И вотъ, въ такую полосу своей жизни Пушкинъ началъ писать «Евгенія Онѣгина»; въ героѣ этой поэмы Пушкинъ мало-по-малу и на половину безсознательно преодолѣвалъ своего «злобнаго генія», Демона, какъ это уже давно отмѣчено изслѣдователями, начиная съ Анненкова. Громадное значеніе имѣетъ поэтому тоже давно доказанная въ пушкинской литературѣ тѣсная связь типа Онѣгина съ чертами Демона [1]); строфы 45—46 первой главы «Евгенія Онѣгина» составляютъ разработку тѣхъ же мотивовъ, которые выражены въ «Демонѣ» и въ черновыхъ наброскахъ къ нему:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ... (I, 45).

«Рѣзкій, охлажденный умъ» Онѣгина и его «язвительный споръ»—это тѣ самыя «язвительныя рѣчи» Демона, которыя вливали въ душу Пушкина «хладный ядъ», и насколько въ самомъ Пушкинѣ были тогда ярки эти общія и Онѣгину и Демону черты—ясно изъ того, что близко узнавшій Пушкина Мицкевичъ видѣлъ въ указанныхъ строфахъ «Евгенія Онѣгина» (I, 45—46) вѣрный портретъ самого поэта. Когда Пушкинъ нѣсколько привыкъ къ голосу своего Демона, «лукаваго», «злобнаго генія», то понялъ, что въ нашептываемыхъ имъ словахъ нѣтъ ничего «демоническаго». Да, ни міръ, ни жизнь не имѣютъ абсолютной цѣнности, не имѣютъ объективнаго смысла; но для того, чтобы прійти къ этой истинѣ, нѣтъ никакой необходимости быть «надменнымъ бѣсомъ», Демономъ; достаточно быть только человѣкомъ. Правда, Демонъ шелъ дальше: онъ нашептывалъ поэту, что жизнь и міръ не имѣютъ вообще *никакой* цѣнности—и вотъ именно это утвержденіе абсолютнаго нигилизма преодолѣвалъ Пушкинъ. Въ Онѣгинѣ мы имѣемъ такое отрицаніе всякой цѣнности жизни; одно время именно такой взглядъ на жизнь сталъ удѣломъ Пушкина:

Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ... [1])

А эта вѣра и надежда нашла свое олицетвореніе въ поэтическомъ образѣ Ленскаго.

Фарнгагенъ-фонъ-Энзе въ своей статьѣ о Пушкинѣ (въ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik.“, 1838 г., Oct.) одинъ изъ первыхъ отмѣтилъ, что Онѣгинъ и Ленскій—раздвоеніе души самого поэта, подобно братьямъ Фультъ и Вальтъ у Ж.-П.-Рихтера. Это положеніе стало вскорѣ общепринятымъ; слишкомъ несомнѣнно, что Пушкинъ одновременно заключалъ въ своей душѣ и Онѣгина и Ленскаго. Конечно, въ то же самое время оба они не отвлеченные символы, а вполнѣ реальные общественные типы, но въ томъ-то и состоитъ искусство художника, что онъ объективируетъ въ реальномъ образѣ свои внутреннія переживанія и мысли. Такъ и Ленскій, часть души поэта, сталъ въ то же время реальнымъ типомъ; его характеристика въ 6—10 строфахъ второй главы романа—цѣнный общественно-бытовой и психологическій портретъ «романтика» двадцатыхъ годовъ [2]). Его романтизмъ очерченъ сжато и великолѣпно; теорія любви, какъ соединенія предназначенныхъ другъ другу «родныхъ душъ», шеллингіанская вѣра въ «генія», мистическая вѣра въ прогрессъ—все это списано прямо съ натуры; съ натуры списанъ и тотъ сентиментальный псевдо-романтизмъ школы Карамзина—Жуковскаго, который въ то время считался истиннымъ романтизмомъ. «Темно и вяло» Ленскій «пѣлъ любовь..., разлуку и печаль, и нѣчто, и туманну даль, и романтическія розы»,—вообще, все то, «что ро-

---

[1]) См. объ этомъ статью Л. Поливанова, «Демонъ Пушкина» («Русск. Вѣстн.» 1886 г., № 8, стр. 827—850), и подробное примѣчаніе къ «Демону» Н. Лернера, въ т. II, стр. 618 настоящаго изданія. Въ этомъ же примѣчаніи читатели найдутъ указанія на связь образа Демона и типа Онѣгина съ лицомъ А. Н. Раевскаго,—вопросъ, который мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ.

[1]) Этотъ черновой отрывокъ (1823 г.) относится или къ «Демону», или къ 45—46 строфѣ I главы «Евгенія Онѣгина»: настолько они близки другъ другу.

[2]) Предполагаютъ, что въ Ленскомъ обрисованы многія черты В. Кюхельбекера.

мантизмомъ мы зовемъ, хоть романтизма тутъ нимало не вижу я», какъ иронически замѣтилъ самъ Пушкинъ (II, 10; VI, 23). Во всякомъ случаѣ, Ленскій—яркій типъ той эпохи, одинъ изъ представителей философско-художественнаго теченія 1818—1826 годовъ, одновременнаго декабризму.

И въ то же время Ленскій, несомнѣнно, часть души самого Пушкина; если Онѣгинъ—это тотъ Пушкинъ, который отрицаетъ какую бы то ни было цѣнность жизни, то Ленскій—это тотъ Пушкинъ, который пытается противопоставить абсолютному нигилизму вѣру въ осмысленность жизни, въ ея тайную цѣль:

Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса подозрѣвалъ (II, 7).

Эти «чудеса» не исчерпываются одною вѣрою въ соединеніе родныхъ душъ, но и заключаютъ въ себѣ вѣру въ блаженное будущее людей и счастіе человѣчества: на пути къ совершенству ведутъ насъ избранные герои духа, геніи, и «ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ и міръ блаженствомъ одаритъ» (II, 8; ср. II, 38). Но Ленскому мало было этой «вѣры въ прогрессъ», выражаясь современнымъ терминомъ; ему мало было вѣры въ блаженство будущихъ поколѣній; онъ хотѣлъ еще и личнаго безсмертія—и этимъ выражалъ собою чувства самого Пушкина. Пушкинъ страшился загробнаго «ничтожества», и въ то самое время, когда его все болѣе и болѣе склоняла къ себѣ система «чистаго Аѳеизма» («система..., къ нещастію, болѣе всего правдоподобная»; «Переписка», I, 103), въ это самое время онъ еще борется за вѣру, ищетъ спасенія въ «мечтахъ поэзіи прелестной» (см. отрывокъ «Люблю вашъ сумракъ неизвѣстный», 1822 г., особенно въ его первоначальномъ видѣ). Такъ въ Пушкинѣ боролся абсолютный нигилизмъ Демонъ-Онѣгина съ простодушной вѣрой Ленскаго; нетрудно было предсказать, кто выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ: «романтикъ» Ленскій былъ убитъ въ Пушкинѣ скептикомъ Онѣгинымъ. Хотя Пушкинъ всегда завидовалъ вѣрѣ и осуждалъ сухой раціонализмъ (см. еще «Безвѣріе», 1817 г., и ср. «Ев. Он.», IV, 51), но все же всегда Ленскій въ немъ оказывался побѣжденнымъ и, наконецъ, былъ побѣжденъ окончательно.

Но Онѣгинъ, въ свою очередь, оказался побѣжденнымъ; Пушкинъ преодолѣлъ и необоснованную слѣпую вѣру и разочарованное абсолютное отрицаніе. Правда, борьба съ Онѣгинымъ и преодолѣніе его были неизмѣримо болѣе трудными; не сразу одержалъ Пушкинъ побѣду, не сразу разогналъ тучи и разсѣялъ бурю: это былъ тяжелый и постепенный процессъ освобожденія отъ путъ абсолютнаго нигилизма. Путы эти долго скрѣпляла та «скука», которой не могъ не испытывать Пушкинъ, отрѣзанный отъ привычной обстановки сперва въ южной ссылкѣ, а затѣмъ въ Михайловскомъ, и которой онъ продолжалъ платить дань и въ Москвѣ и въ Петербургѣ по своемъ возвращеніи [1]). Но скука эта—не только онѣгинская «хандра»; въ ней есть значительная доля горькаго пессимизма, какъ результата согласія съ Демономъ, что въ жизни нѣтъ никакой цѣнности, никакого смысла. Міромъ и жизнью правитъ не Богъ, не міровой разумъ, а безсмысленная, слѣпая сила, которая не вѣдаетъ, что творитъ. «Представь себѣ ее огромной обезьяной, которой дана полная воля,—пишетъ Пушкинъ въ серединѣ 1826 года К. Вяземскому,—кто посадитъ ее на цѣпь? Не ты, не я, никто...» («Переписка», I, 349). И если дѣйствительно такой намъ положенъ предѣлъ, если міромъ, жизнью и человѣкомъ безсмысленно правитъ огромная обезьяна—судьба, если въ жизни нѣтъ рѣшительно никакой цѣнности, то какъ и чѣмъ побороть «хладный ядъ» абсолютнаго нигилизма? Остается сложить въ безсиліи руки и признать, что Демонъ правъ. И подъ вліяніемъ такого настроенія Пушкинъ пишетъ вещи въ родѣ «26 Мая 1828 г.»: «даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?... Цѣли нѣтъ передо мною: сердце пусто, празденъ умъ, и томитъ меня тоскою однозвучный жизни шумъ...» Бѣлинскій вѣрно замѣтилъ, что

[1]) Письмо къ Рылѣеву, 1825 г.: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть...»; изъ письма 1827 г.: «Здѣсь (въ Москвѣ) тоска попрежнему...»; изъ письма конца 1829 г.: «Въ Петербургѣ тоска, тоска»... («Переписка», I, 220; II, 7, 100 и др. Кстати замѣтить, въ послѣдней фразѣ Пушкинъ повторяетъ слова, вложенныя имъ въ уста Онѣгина). И въ эту же эпоху Пушкинъ началъ свою «Сцену изъ Фауста» развитіемъ приведенной выше мысли изъ письма къ Рылѣеву: «Мнѣ скучно, бѣсъ!—Что дѣлать, Фаустъ! Таковъ вамъ положенъ предѣлъ, его жъ никто не преступаетъ; вся тварь разумная скучаетъ»...

это и подобныя ему стихотворенія были не «выраженіемъ паѳоса пушкинской поэзіи», а скорѣе противорѣчіемъ этому паѳосу; но изъ этихъ вспышекъ мрачнаго пессимизма видно, что не легко давалась Пушкину его побѣда надъ Онѣгинымъ, какъ выраженіемъ всеотрицающаго начала.

Что же было, однако, этимъ «паѳосомъ» Пушкинской поэзіи, пушкинскаго міровосчувствованія? Или, иначе говоря, какъ и чѣмъ преодолѣлъ Пушкинъ Онѣгина, чѣмъ побѣдилъ онъ отрицаніе всякой цѣнности въ человѣческой жизни?—Въ Пушкинѣ побѣдила сама жизнь, радостное чувство красоты ея, признаніе не цѣнности въ ней, а цѣнности ея самой по себѣ. Въ жизни нѣтъ никакой абсолютной цѣнности—пусть такъ; но сама жизнь есть цѣнность, которая дала Пушкину твердую точку опоры. И Ленскій, и Онѣгинъ—оба были побѣждены этой стихійной мудростью великаго поэта; и хотя въ немъ до конца остались элементы и онѣгинскаго отрицанія и яснаго «пріятія міра» Ленскимъ, но все же онъ сталъ выше и того и другого. Да, Онѣгинъ (демоническій Онѣгинъ первой-второй главы) правъ: въ мірѣ и жизни нѣтъ никакого объективнаго смысла; но правъ и Ленскій: міръ долженъ быть принятъ нами во всей его полнотѣ. Выше всего стоитъ, надъ всѣмъ царитъ ясная, солнечная, радостная жизнь, не имѣющая объективнаго смысла, но великая въ своей субъективной цѣнности: вотъ постоянный «паѳосъ» поэзіи Пушкина, ея вѣчная сущность...

XII.

Все это ясно для читателей Пушкина теперь, на разстояніи почти столѣтія отъ пушкинской поэзіи, но врядъ-ли сознавалось самимъ поэтомъ. Однако, сознательно или безсознательно, но все ярче и сильнѣе выражалъ онъ эти свои чувства и настроенія въ своей лирикѣ, въ своемъ романѣ. И прежде всего онъ разгримировалъ Онѣгина изъ Демона въ простого москвича въ гарольдовомъ плащѣ; онъ понялъ, что демоническаго въ его героѣ нѣтъ ничего. Демонъ сыгралъ свою роль: «хладнымъ ядомъ» своего скептицизма онъ убилъ «романтизмъ» Пушкина-Ленскаго; нѣтъ ничего цѣннаго, — нашептывалъ онъ: — все въ жизни одинаково безсмысленно, все одинаково ненужно, нелѣпо, безцѣльно. Но—

> Сперва Онѣгина языкъ
> Меня смущалъ; но я привыкъ
> Къ его язвительному спору... (I, 46).

И преодолѣвъ первое смущенье, Пушкинъ противопоставилъ отрицанію объективной цѣнности жизни—признаніе ея великой субъективной цѣнности, отрицанію объективнаго смысла жизни—признаніе ея великаго субъективнаго смысла.

Ленскій былъ убитъ, но Пушкинъ не отвергъ ни Ленскаго, ни Онѣгина *). Изъ взгляда Онѣгина поэтъ навсегда сохранилъ его отрицаніе абсолютной цѣнности міра, изъ философіи Ленскаго—ея ясное «пріятіе міра», принятіе жизни въ ея цѣломъ, со всѣми ея радостями и горестями, съ ея добромъ и зломъ, мрачными и свѣтлыми переживаніями: «правъ судьбы законъ»—

> Все благо: бдѣнія и сна
> Приходитъ часъ опредѣленный;
> Благословенъ и день заботъ,
> Благословенъ и тьмы приходъ... (VI, 21).

Въ такія формы вылилось ясное, простое и величавое въ своей простотѣ отношеніе поэта къ «міровому злу»; это была не надуманная теорія, это было врожденное міровосчувствованіе, стихійная мудрость яснаго эллинскаго отношенія къ міру. Проклятія міру, негодующіе вопли, онѣгинская хандра—безсильны: надо или устранить себя отъ міра, или принять міръ въ его цѣломъ, принять не только его добро, но и его зло, принять не только жизнь, но и смерть. И Пушкинъ принимаетъ смерть (и свою и чужую) съ такой ясной, величавой простотой, которой нѣтъ равнаго примѣра въ русской, а быть можетъ и не только русской литературѣ; онъ принимаетъ смерть и побѣждаетъ ее жизнью. «Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій»—это языческое міропониманіе отразилось съ новой силой въ творчествѣ Пушкина.

Ленскій убитъ. «Друзья мои, вамъ жаль поэта?»—спрашиваетъ насъ Пушкинъ и рисуетъ двѣ картины возможной жизни Ленскаго: прочтите 37—39 строфы шестой главы романа. Изъ этихъ двухъ картинъ вѣроятнѣе, конечно, вторая, но если бы даже съ Ленскимъ погибли и великія неисполненныя надежды, если даже онъ унесъ съ собой въ могилу «святую тайну», то все же мы должны твердо принять и эту смерть, разъ мы принимаемъ весь міръ.

*) Характерно, что тотчасъ же вслѣдъ за убійствомъ Ленскаго Онѣгинымъ Пушкинъ подчеркиваетъ свою любовь къ нимъ обоимъ («...Я сердечно люблю героя моего», VI, 43; о Ленскомъ см. VI, 36—37).

Проклинать, негодовать—не въ духѣ ясной, языческой мудрости Пушкина:

Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому;
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... На что грустить?... (VIII, 14).

И таково было вѣчное міропониманіе, вѣрнѣе сказать—міровосчувствованіе Пушкина; такова была его вѣчная, стихійная мудрость. Еще въ 1821 году въ элегическомъ отрывкѣ «Гробъ юноши» (очень схожемъ со строфами VI, 40—41 и VII, 14 «Евгенія Онѣгина» 1826—1827 гг.) мы встрѣчаемъ этотъ же вопросъ: «изъ милыхъ женъ, его любившихъ, одна быть можетъ, слезы льетъ... Къ чему?...» Ни слезы, ни разговоры не помогутъ; «дѣлать нечего, такъ и говорить нечего», какъ писалъ Пушкинъ въ 1826 г. кн. Вяземскому, узнавъ о смерти его трехлѣтняго сына. И въ 1831 году, глубоко потрясенный извѣстіемъ о смерти Дельвига, Пушкинъ пишетъ Плетневу о своей грусти, тоскѣ, но заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами: «Вчера.... (мы) говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся. Покойникъ Дельвигъ. Быть такъ... Будь здоровъ—и постараемся быть живы» («Переписка», II, 220; ср. II, 286—7, письмо отъ 22/VII 1831 г.). Постараемся быть живы; а когда придетъ смерть, то—

. . . . . пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять...»

Такое пушкинское рѣшеніе о смерти, о жизни, о смыслѣ бытія кажется многимъ слишкомъ элементарнымъ, простымъ, ничего не рѣшающимъ; думающіе такъ не видятъ, не чувствуютъ всей стихійной мудрости, всей безсознательной глубины пушкинскаго міропониманія. Выражаясь современными философскими терминами, можно сказать, что Пушкинъ безсознательно преодолѣвалъ метафизическій пессимизмъ силою психологическаго оптимизма, силою чувства цѣнности и радостности переживаній, полноты бытія—взглядъ, который позднѣе нашелъ выраженіе и въ философіи Герцена и въ творчествѣ Л. Толстого 60—70-хъ годовъ. Но ярче и гармоничнѣе, чѣмъ у Пушкина, взглядъ этотъ не былъ выраженъ никѣмъ и никогда во всей русской литературѣ.

Вотъ чѣмъ преодолѣвалъ Пушкинъ Онѣгина, вотъ чѣмъ онъ сметалъ съ дороги всѣ капканы своего Демона, чѣмъ разрывалъ всѣ его путы, парировалъ всѣ его ядовитыя сомнѣнія: въ Пушкинѣ побѣдила стихійная, ясная, солнечная, безсознательная мудрость пріятія жизни, полноты бытія. И на этой высотѣ ничто не страшно—ни страданія, ни зло, ни самая смерть. Посмотрите, съ какой душевной ясностью, съ какой гармоніей духа Пушкинъ прощается со своей уходящей юностью или вспоминаетъ ее... *) Ему грустно встрѣчать каждую новую весну («съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ я наслаждаюсь дуновеньемъ въ лицо мнѣ вѣющей весны...», VII, 2), грустно потому, что никогда не вернутся его былые годы, потому, что невольно въ мысль ему приходитъ «иная, старая весна»; потому, что весна его дней промчалась безвозвратно... Казалось бы, вотъ благодарная тема для «элегическихъ ку-ку», надъ которыми смѣялся Пушкинъ («Соловей и Кукушка», 1825 года), и всякій другой поэтъ, кромѣ Пушкина, непремѣнно принялся бы куковать на столь благодарную тему. А теперь вспомните отвѣтъ самого Пушкина, его прощанье со своей уходящей юностью:

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но такъ и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя...
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары—
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился —и вполнѣ;
Довольно. Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть... (VI, 45).

Эта божественная, чисто-эллинская ясность и гармонія души—вотъ путь преодолѣнія онѣгинской тоски и демоническихъ сомнѣній; полнота бытія—вотъ отвѣтъ Пушкина на вопросъ о смыслѣ и цѣли существованія. Другого отвѣта нѣтъ; по крайней мѣрѣ Пушкинъ не видитъ никакой объективной цѣнности и цѣли жизни. Въ послѣдней

*) См., напримѣръ, «Вновь я посѣтилъ» (1835 г.) и ср. «Е. О.», II, 38; см. также «19 октября 1836 г.» (третья строфа) и ср. «Е. О.», VI, 44—46.

главѣ своего романа онъ мимоходомъ только иронизируетъ надъ блаженствомъ того,

Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ родился,
И Богу душу передалъ,
Какъ откупщикъ иль генералъ (VIII,10; черн. рук.)

Правда, это сознаніе отсутствія объективнаго смысла жизни давалось Пушкину не даромъ; мы знаемъ, что бывали мрачныя минуты и въ ясномъ пушкинскомъ пониманіи міра, минуты усталости, тоски, разочарованія, стремленія къ объективной цѣнности жизни. Въ такія минуты онъ писалъ стихотворенія въ родѣ «Три ключа» (1827), «Даръ напрасный, даръ случайный» (1828 г.) и т. п.; но настроеніе минуты не мѣняетъ «пафоса пушкинской поэзіи, какъ это замѣтилъ уже Бѣлинскій. Къ тому же—чѣмъ дальше шло время, тѣмъ эти минутныя вспышки становились рѣже; онѣ замѣнились вспышками возрастающей вражды къ безсмысленной «свѣтской жизни», вспышками протеста противъ той жизни, какую Пушкинъ принужденъ былъ вести въ 1831—1836 гг. Но на «пафосъ» поэзіи Пушкина это не могло оказать никакого вліянія; къ тому времени, когда поэтъ кончалъ «Евгенія Онѣгина», сущность его творчества проявилась уже окончательно; уже окончательно преодолѣлъ въ себѣ поэтъ абсолютный нигилизмъ Демона и разочарованность Онѣгина признаніемъ цѣнности жизни самой по себѣ. Жизнь, полнота бытія—явилась «пафосомъ» поэзіи Пушкина, и быть можетъ лучшей характеристикой сущности всей стихійной мудрости поэта является одна изъ строкъ довольно слабой передѣлки Ѳ. Клюшниковымъ стихотворенія «26 Мая 1828 г.»: «Жизнь для жизни мнѣ дана»... И самъ Пушкинъ почти буквально этими же словами высказалъ свою мысль въ посланіи «Къ вельможѣ» (1830 г.):

Ты понялъ жизни цѣль: счастливый человѣкъ,
Для жизни ты живешь...

Въ этомъ переработанномъ и углубленномъ эпикуреизмѣ—задушевное, главное чувство Пушкина, лейтмотивъ его поэзіи; цѣль жизни—въ ней самой, въ полнотѣ бытія, въ каждомъ текущемъ моментѣ. И съ этой точки зрѣнія правъ М. Н. Катковъ, заявившій въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ о Пушкинѣ («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., т. I и II), что Пушкинъ былъ «поэтъ мгновенія». Да, Пушкинъ былъ поэтъ мгновенія въ томъ смыслѣ, что въ мгновеніи, въ настоящемъ онъ видѣлъ всю цѣль жизни; на предыдущихъ страницахъ мы попробовали намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ это воззрѣніе Пушкина на міръ и жизнь росло и крѣпло въ немъ въ тѣ годы, когда онъ писалъ «Евгенія Онѣгина», какъ оно проявлялось въ этомъ романѣ. Заканчивая этимъ по необходимости краткое изученіе связи «Евгенія Онѣгина» и міровоззрѣнія Пушкина, мы еще разъ въ двухъ словахъ резюмируемъ намѣченное выше положеніе пушкинскаго романа и всего міровоззрѣнія поэта: полнота бытія и его интенсивность есть величайшая суебъективная цѣль жизни человѣка—вотъ глубокая стихійная мудрость Пушкина, вотъ безсознательная философія «Евгенія Онѣгина».

Исполненныя прозрачной грусти послѣднія строки романа заключаютъ гармоничнымъ аккордомъ эту стихійную мудрость великаго поэта. Не въ объективныхъ цѣляхъ Бога или природы смыслъ жизни, не въ продолжительности переживаній цѣль человѣка, а въ полнотѣ и яркости этихъ переживаній, въ ихъ силѣ, разнообразіи, стройности; и не тотъ мудръ и счастливъ, кто, подобно гончаровскому Штольцу (и самому Гончарову) считаетъ нормальнымъ назначеніемъ человѣка «прожить... четыре возраста безъ скачковъ и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно», а тотъ, кто жилъ всѣми струнами души, всей полнотой бытія—и не дожилъ до ужасной старости Штольца-Гончарова; тотъ счастливъ и блаженъ,

. . . . . кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ...

Ивановъ-Разумникъ.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1825.

[Посвященіе при 1-мъ изданіи первой главы]:

ПОСВЯЩЕНО

брату Льву Сергѣевичу

Пушкину.

[Посвященіе Плетневу см. при IV Главѣ].

[ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ 1-му ИЗДАНІЮ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ]:

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодаго человѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Плѣнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ томительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

685. ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière

ЛИХАЯ ѢЗДА.

Литографія 1820-хъ гг., Орловскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И жить торопится и чувствовать спѣшитъ.

К. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
«Когда не вшутку занемогъ,
«Онъ уважать себя заставилъ,
«И лучше выдумать не могъ;
«Его примѣръ другимъ наука:
«Но, Боже мой, какая скука
«Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
«Не отходя ни шагу прочь!
«Какое низкое коварство
«Полуживаго забавлять,
«Ему подушки поправлять,
«Печально подносить лекарство,
«Вздыхать и думать про себя:
«Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.—
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа
Безъ предисловій сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня. [1].

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва *Madame* за нимъ ходила,
Потомъ *Monsieur* ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ,
Monsieur l'Abbé, Французъ убогой,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему, шутя;
Не докучалъ моралью строгой;
Слегка за шалости бранилъ,
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной:
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *Dandy* [2] Лондонскій, одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-Французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцовалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему нибудь и какъ нибудь:
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка,
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданыхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ:
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли:
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
Зато читалъ Адама Смита,
И былъ глубокій экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ,
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь,—
Была наука страсти нѣжной,
Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежной
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей [3].

IX.

(Насъ пылъ сердечный рано мучитъ,
Какъ говоритъ Шатобріанъ
Любви насъ не природа учитъ,
А первый пакостный романъ.
Мы алчны жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ,
Лѣта пройдутъ, и между тѣмъ
Не насладились мы ничѣмъ;
Прелестный опытъ упреждая
Мы только счастію вредимъ,
Незапно скроется и съ нимъ
Уйдетъ горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ,
За то—какъ женщинъ онъ узналъ!)

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрить,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка).

Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ неброженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь—и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII.

(Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею, скромный и смущенный,
Начать, краснѣя, разговоръ.
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
О платонизмѣ разсуждать,
Смѣшить нежданной эпиграммой
И въ куклы съ дурочкой играть.
Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада;
Все спитъ... И вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ).

XIV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно:
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ, [4].
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ,

Щеголь 1817—1820 г.г.
(Модная картинка).

И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій Брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится.
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ *Talon* [5] помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его *** [Каверинъ.]
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать *Entrechat*,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,

ЕКАТЕРИНА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

Съ портрета Брюлова.

Вошелъ: и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ *Roast-beef* окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,—
И Стразбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ Брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу ль вновь я ваши хоры?

Узрю ли Русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ
Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушной,
Безмолвно буду я зѣвать
И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ,
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ.
Отворотился, и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.» [6]

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи

АВДОТЬЯ ИЛЬИНИШНА ИСТОМИНА.
(«Русская Талія» 1825 г.).

Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьетъ, то разовьетъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокругъ огней,
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ;
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрной
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильной
И по Балтическимъ волнамъ

За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодной,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной,—
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ:
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ—
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумасбродомъ: [7]
Защитникъ вольности и правъ
Въ семъ случаѣ совсѣмъ неправъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Въ чему безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй *** [Каверинъ], мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ,
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтренной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бъ предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но *панталоны*, *фракъ*, *жилетъ*,
Всѣхъ этихъ словъ на Русскомъ нѣтъ;
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій Словарь [8].

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ,
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума:
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги;
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ:
Держите прямо свой лорнетъ!
Не то... не то, избави Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если бъ не страдали нравы,
Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманный нарядъ;
Люблю ихъ ножки: только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣлой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!... Грустный, охладѣлой,

Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда жъ, и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для васъ, я забывалъ
И жажду славы, и похвалъ,
И край отцевъ, и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ—
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Діаны грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условную красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скалъ.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
Лобзать уста младыхъ Армидъ,
Иль розы пламенныхъ ланитъ,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души моей!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя,
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипитъ воображенье,
Опять ея прикосновенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоятъ ни страстей,
Ни пѣсень, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ:
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный,
Открыты ставни, трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ акуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васисдасъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленной,
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра тоже, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неосторожень и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ: рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ:
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и Стразбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкой,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,

Подобный англійскому *сплину*
Короче: Русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ:
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

. . . . . .
. . . . . .

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный вздоръ.
Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ раждаетъ сплинъ. [9]

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По Петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгеній.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать: но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его,
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сужу,
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова, преданный бездѣлью,
Томясь душевной пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги.
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:
Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злоба
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней:
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змія воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ; но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою [10],
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Воспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленой изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонной,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгеній,
Какъ описалъ себя Піитъ [11].
Все было тихо; лишь ночные

ПУШКИНСКІЙ ПРОЕКТЪ ИЛЛЮСТРАЦІИ КЪ СТРОФѢ XLVIII.

(Посланъ при письмѣ къ брату Льву. На основаніи этого проекта нарисована «Картинка» въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1829 г.—см. выше стр. 63).

Перекликались часовые;
Да дрожекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ:
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожекъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адріатическія волны,
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкою младой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ,—
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора!—взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, [12] жду погоды,
Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный брегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей [13],
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ.

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ свой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій, роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ,
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣгала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
Въ глуши звучнѣе голосъ лирной,
Живѣе творческіе сны.
Досугамъ посвятясь невиннымъ,
Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
И *far niente* мой законъ.
Я каждымъ утромъ пробуждёнъ
Для сладкой нѣги и свободы:
Читаю мало, много сплю,
Летучей славы не ловлю.

Не такъ ли я въ былые годы
Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я рядъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ—
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты—
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ Муза оживила:
Такъ я, безпеченъ, воспѣвалъ
И дѣву горъ, мой идеалъ,
И плѣнницъ береговъ Салгира.
Теперь отъ васъ, мои друзья,
Вопросъ не рѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
«Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
«Ты посвятилъ ея напѣвъ?

LVIII.

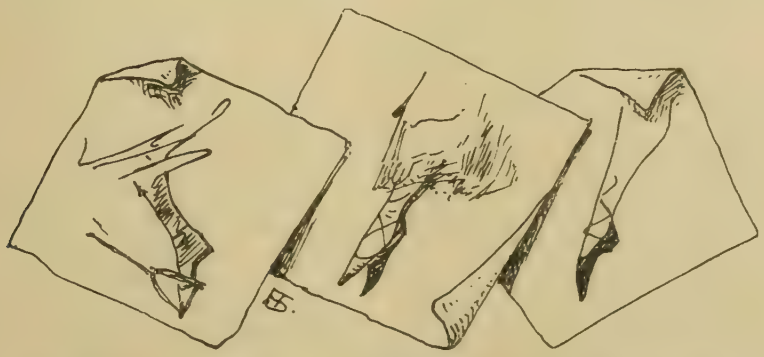
«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
«Умильной лаской наградилъ
«Твое задумчивое пѣнье?
«Кого твой стихъ боготворилъ?»—
И, други, никого, ей-Богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испыталъ.
Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
Горячку рифмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
Поэзіи священный бредъ,
Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
А муки сердца успокоилъ,
Поймалъ и славу между тѣмъ;
Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный умъ.
Свободенъ, вновь ищу союза
Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
Пишу, и сердце не тоскуетъ;
Перо, забывшись, не рисуетъ,
Близъ неоконченныхъ стиховъ
Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;
Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ,
Я все грущу; но слезъ ужъ нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ:
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову.
Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань—
Кривые толки, шумъ и брань! [14]



ЖЕНСКІЯ НОЖКИ ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ ПУШКИНА.

Воспроизводятся впервые по тетрадямъ Румянц. музея №№ 2369, листъ 1 оборотъ: 2370, листы 2 и 8.

ВЪ БОГАТОЙ БАРСКОЙ УСАДЬБѢ НАЧАЛА 1820-хъ гг.

Изъ современныхъ силуэтовъ графа Ѳедора Толстого.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

O rus!
Hor.
О Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ, уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ
И сѣни расширялъ густыя
Огромный запущенный садъ.
Пріютъ задумчивыхъ Дріадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему:
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмаго года;
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
И рабъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его расчетливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

ВЛАДИМІРЪ ЛЕНСКІЙ.

Этотъ впервые извлеченный нами изъ черновиковъ «Евгенія Онѣгина» (тетрадь Румянц. музея № 2369, л. 35 обор.) профиль представляется намъ портретомъ Ленскаго. Юноша и очень молодъ и красивъ, и видъ мечтательный у него и кудри до плечъ. Ср. на стр. 205 и 251 портреты, которые намъ кажутся портретами Онѣгина.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему Донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
«Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
«Стаканомъ красное вино;
«Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
«Все *да* да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
«Иль *нѣтъ-съ*». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ.
По имени Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо Геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ,
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она!
Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
(Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ).

IX.

Негодованье, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.
И Музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,

Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгеній
Могъ оцѣнить его дары,
Господъ сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный

И запищитъ она (Богъ мой)!
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!...
(«*Невскій Альманахъ*» *на 1829 г.*).

О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнёмъ,
Ни остротою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда;
Взойдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай,
Ей шепчутъ: «Дуня, примѣчай!»
Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она (Богъ мой!):
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!... 15

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свесть.
Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди—первый каюсь я—
Отъ *дѣлать нечего*—друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ—нулями,
А единицами—себя;

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Этотъ, впервые извлеченный нами изъ черновиковъ романа портретъ (Румянц. музей, № 2369 л. 49), въ сопоставленіи съ профилемъ, воспроизведеннымъ выше на стр. 249, намъ представляется Евгеніемъ Онѣгинымъ.

Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей конечно зналъ,
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать,
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;

Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгеній,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не ввѣрялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы:
Смиренные не безъ труда,
Мы любимъ слушать иногда
Страстей чужихъ языкъ мятежный
И намъ онъ сердце шевелитъ;
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилѣжный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою довѣрчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть.
Обильный чувствами разсказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши подъ сѣнію смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ, родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой,
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ,
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя!
Онъ рощи полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну—
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тмы,
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,

ОЛЬГА ЛАРИНА.
Рисунокъ Е. Самокишъ-Судковской.

Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна... [16]
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою, дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;

Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.

ТАТЬЯНА РЕБЕНКОМЪ.
Рисунокъ Ел. Бемъ.

Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли всё;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкѣ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; [17]
Но встарину, Княжна Полина

ТАТЬЯНА.

Картина барона М. Клодта.

Ея Московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволѣ;
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ;
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но, не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она. [18]

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила на распѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И русскій Н, какъ N Французскій
Произносить умѣла въ носъ;
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, Княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Русскіе блины.
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебенъ,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ потребенъ,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный,
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.
«Poor Yorick! [19] молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
«Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ

«Его Очаковской медалью!
«Онъ Ольгу прочилъ за меня,
«Онъ говорилъ: дождусь ли дня?...»
И полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальной ..
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ, и падутъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу прадѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ!

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной:
Быть можетъ—лестная надежда!—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвитъ: тотъ-то былъ Поэтъ!
Прими жъ мое благодаренье,
Поклоникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранитъ
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

ТАТЬЯНА.
Статуя П. П. Забѣлы.

ЛЕНСКІЙ ВВОДИТЪ ВЪ ДОМЪ ЛАРИНЫХЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

Изъ неизданныхъ силуэтовъ къ «Евгенію Онѣгину» В. В. Гельмерсена.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Elle étoit fille, elle étoit amoureuse
Malfilatre.

I.

— Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
Прощай, Онѣгинъ, мнѣ пора.»
«Я не держу тебя; но гдѣ ты
Свои проводишь вечера?»
— «У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
Помилуй! и тебѣ не трудно
Такъ каждый вечеръ убивать?»
— «Нимало.» «Не могу понять.
Отселѣ вижу, что такое:
Во-первыхъ—слушай, правъ ли я?—
Простая, Русская семья,
Къ гостямъ усердіе большое,
Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про ленъ, про скотный
дворъ...»

II.

— «Я тутъ еще бѣды не вижу.»
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— «Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣе мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу...» «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь: очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленской; да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей и пера,
И слезъ, и рифмъ et cetera?
Представь меня.»—Ты шутишь. «Нѣту.»
— «Я радъ». «Когда же?»—«Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примутъ насъ.

III.

Поѣдемъ.—
Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столикъ ставятъ вощаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
(Въ деревнѣ день есть цѣпь обѣда
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались дѣвушки скорѣй
Взглянуть на новаго сосѣда,
И на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.)

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ. [20]
Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— «Ну, что жъ, Онѣгинъ? Ты зѣваешь.»
«Привычка, Ленскій.»—Но скучаешь
Ты какъ-то больше.»—Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошолъ, пошолъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.

V.

Скажи: которая Татьяна?»
— «Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.»
— «Неужъ-то ты влюбленъ въ меньшую?»
— «А что?»—«Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ какъ ты поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь въ точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»—
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ.

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣнье,
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсѣмъ,
Но остановлена затѣмъ,
Что модныхъ колецъ не достали
О свадьбѣ Ленскаго давно
У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадой
Такія сплетни; но тайкомъ
Съ неизъяснимою отрадой
Невольно думала о томъ
И въ сердце дума зародилась
Пора пришла, она влюбилась;
Такъ въ землю падшее зерно
Весны огнемъ оживлено.
Давно ея воображенье,
Сгарая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого нибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни, и ночи,
И жаркій, одинокій сонъ,
Все полно имъ; все дѣвѣ милой
Безъ умолку волшебной силой
Твердитъ о немъ. Докучны ей
И звуки ласковыхъ рѣчей,
И взоръ заботливой прислуги.
Въ унынiе погружена,
Гостей не слушаетъ она,
И проклинаетъ ихъ досуги,
Ихъ неожиданный пріѣздъ
И продолжительный присѣстъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
Читаетъ сладостный романъ,
Съ какимъ живымъ очарованьемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленныя созданья,
Любовникъ Юліи Вольмаръ,
Малекъ-Адель и де-Линаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежной,
И безподобный Грандисонъ, [21]
Который намъ наводитъ сонъ;
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродитъ,
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свой тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забвеньи шепчетъ наизусть
Письмо для милаго героя...
Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
Ужъ вѣрно былъ не Грандисонъ.

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
Бывало, пламенный творецъ
Являлъ намъ своего героя
Какъ совершенства образецъ.
Онъ одарялъ предметъ любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умомъ
И привлекательнымъ лицомъ.
Питая жаръ чистѣйшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готовъ былъ жертвовать собой,
И при концѣ послѣдней части
Всегда наказанъ былъ порокъ,
Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
Мораль на насъ чаводитъ сонъ,
Порокъ любезенъ и въ романѣ,
И тамъ ужъ торжествуетъ онъ.

Британской музы небылицы
Тревожатъ сонъ отроковицы,
И сталъ теперь ея кумиръ
Или задумчивый Вампиръ,
Или Мельмотъ, бродяга мрачной,
Иль вѣчный жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ [22]
Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею Небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И, Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья Русскаго семейства,
Любви плѣнительные сны!
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью;
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты въ ослѣпительной надеждѣ
Блаженство темное зовешь,
Ты нѣгу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
Тебя преслѣдуютъ мечты:
Вездѣ воображаешь ты
Пріюты счастливыхъ свиданій;
Вездѣ, вездѣ передъ тобой
Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настанетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальный сводъ небесъ,
И соловей во мглѣ древесъ
Напѣвы звучные заводитъ.
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говоритъ:

XVII.

— «Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
— «Что, Таня, что съ тобой?» Мнѣ скучно,
Поговоримъ о старинѣ.»
— «О чемъ же, Таня! Я, бывало,
Хранила въ памяти немало
Старинныхъ былей, небылицъ
Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ;
А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло...»—«Разскажи мнѣ, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И! полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.»
— «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
— Такъ видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
Недѣли двѣ ходила сваха
Къ моей роднѣ, и наконецъ
Благословилъ меня отецъ!
Я горько плакала со страха;
Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
Да съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
Да ты не слушаешь меня...»
— «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
Мнѣ тошно, милая моя:
Я плакать, и рыдать готова!...»
— Дитя мое, ты нездорова;
Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси...
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь...»—«Я не больна;

Я... знаешь, няня... влюблена.

Акварель Павла Соколова.

Я... знаешь, няня,... влюблена »
— «Дитя мое, Господь съ тобою!»—
И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

— «Я влюблена,» шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— «Сердечный другъ, ты нездорова.
— «Оставь меня: я влюблена.»—
И между тѣмъ луна сіяла
И темнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные власы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,

Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
— «Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,
И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
И, мнится, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда. [23]
Внушать любовь для нихъ бѣда,
Пугать людей для нихъ отрада.
Быть можетъ, на брегахъ Невы
Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
Другихъ причудницъ я видалъ,
Самолюбиво равнодушныхъ
Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
И что жъ нашелъ я съ изумленьемъ?
Онѣ суровымъ поведеньемъ
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умѣли вновь,
По крайней мѣрѣ, сожалѣньемъ,
По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
Казался иногда нѣжнѣй,
И съ легковѣрнымъ ослѣпленьемъ
Опять любовникъ молодой
Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣе Татьяна?
За то ль, что въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣритъ избранной мечтѣ?
За то ль, что любитъ безъ искусства,
Послушная влеченью чувства,
Что такъ довѣрчива она,
Что отъ Небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслія страстей?

XXV.

Кокетка судитъ хладнокровно,
Татьяна любитъ не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говоритъ она: отложимъ—
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣньемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнёмъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
Родной земли спасая честь,
Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-Русски плохо знала,
Журналовъ нашихъ не читала,
И выражалася съ трудомъ
На языкѣ своемъ родномъ.
И такъ писала по-Французски...
Что дѣлать! повторяю вновь:
Донынѣ дамская любовь
Не изъяснялася по-Русски,
Донынѣ гордый нашъ языкъ
Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотятъ заставить
Читать по-Русски. Право, страхъ!
Могу ли ихъ себѣ представить
Съ «Благонамѣреннымъ» [24] въ рукахъ!
Я шлюсь на васъ, мои поэты,
Не правда ль: милые предметы,
Которымъ, за свои грѣхи,
Писали втайнѣ вы стихи,
Которымъ сердце посвящали,
Не всѣ ли, Русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,
И въ ихъ устахъ языкъ чужой
Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ

Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
Иль съ Академикомъ въ чепцѣ!
Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я Русской рѣчи не люблю.
Быть можетъ, на бѣду мою,
Красавицъ новыхъ поколѣнье,
Журналовъ внявъ молящій гласъ,
Къ Грамматикѣ пріучитъ насъ;
Стихи введутъ въ употребленье:
Но я... какое дѣло мнѣ?
Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепетъ,
Неточный выговоръ рѣчей;
По прежнему сердечный трепетъ
Произведутъ въ груди моей;
Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
Мнѣ галлицизмы будутъ милы,
Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи.
Но полно. Мнѣ пора заняться
Письмомъ красавицы моей;
Я слово далъ, и что жъ? ей ей,
Теперь готовъ ужъ отказаться.
Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ Пировъ и грусти томной,
Когда бъ еще ты былъ со мной,
Я сталъ бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой;
Чтобъ на волшебные напѣвы
Переложилъ ты страстной дѣвы
Иноплеменныя слова.
Гдѣ ты? приди—свои права
Передаю тебѣ съ поклономъ...
Но посреди печальныхъ скалъ,
Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
Одинъ, подъ Финскимъ небосклономъ
Онъ бродитъ, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умильный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ:

ТАТЬЯНА ПИШЕТЪ ПИСЬМО ОНѢГИНУ

Акварель Ел. Бемъ.

Письмо Татьяны къ Онѣгину.

«Я къ вамъ пишу—чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь до новой встрѣчи.

Но говорятъ, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.
«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья,
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ со временемъ (какъ знать?)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля Неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся,
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,
Приникнулъ тихо къ изголовью?
Не ты ль, съ отрадой и любовью,
Слова надежды мнѣ шепнулъ?
Кто ты: мой Ангелъ ли хранитель,
Или коварный искуситель?
Мои сомнѣнья разрѣши.
Быть можетъ, все это пустое,
Обманъ неопытной души!
И суждено совсѣмъ иное...
Но такъ и быть! Судьбу мою
Отнынѣ я тебѣ вручаю,
Передъ тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ,
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И, молча, гибнуть я должна.
Я жду тебя: единымъ взоромъ
Надежды сердца оживи,
Иль сонъ тяжелый перерви,
Увы, заслуженнымъ укоромъ!
«Кончаю! страшно перечесть...
Стыдомъ и страхомъ замираю...
Но мнѣ порукой ваша честь,
И смѣло ей себя ввѣряю ..»—

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ;
Облатка розовая сохнетъ
На воспаленномъ языкѣ.
Къ плечу головушкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась,
Съ ея прелестнаго плеча.
Но вотъ ужъ луннаго луча
Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
Сквозь паръ яснѣетъ. Тамъ потокъ
Засеребрился; тамъ рожокъ
Пастушій будитъ селянина.
Вотъ утро; встали всѣ давно:
Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
Сидитъ съ поникшею главой
И на письмо не напираетъ
Своей печати вырѣзной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Ужъ ей Филипьевна сѣдая
Приноситъ на подносѣ чай.
— «Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О, пташка ранняя моя!
Вечоръ ужъ какъ боялась я!
Да, слава Богу, ты здорова!
Тоски ночной ужъ слѣду нѣтъ,
Лице твое какъ маковъ цвѣтъ.»

XXXIV.

— «Ахъ! няня, сдѣлай одолженье...»
— Изволь, родная, прикажи.»
«Не думай... право... подозрѣнье...
Но видишь. . Ахъ! не откажи.»
— «Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.»
— «И такъ пошли тихонько внука
Съ запиской этой къ О... къ тому...
Къ сосѣду... да велѣть ему—
Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
Чтобъ онъ не называлъ меня...»
— Кому-же, милая моя?
Я нынче стала безтолкова.
Кругомъ сосѣдей много есть—
Куда мнѣ ихъ и перечесть.»

XXXV.

— «Какъ недогадлива ты, няня!»
— «Сердечный другъ, ужъ я стара,

ТАТЬЯНА и НЯНЯ.

Рисунокъ Микѣшина.

Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;
А то, бывало, я востра:
Бывало, слово барской воли...»
— «Ахъ, няня, няня! до того ли?
Что нужды мнѣ въ твоемъ умѣ?
Ты видишь, дѣло о письмѣ
Къ Онѣгину.»—«Ну, дѣло, дѣло.
Не гнѣвайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что жъ ты снова поблѣднѣла?»
— «Такъ, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.»—

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
Другой насталъ: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ,
Пріѣхалъ Ольгинъ обожатель.
— «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
Ему вопросъ хозяйки былъ:
«Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
— «Сегодня быть онъ обѣщалъ,»
Старушкѣ Ленской отвѣчалъ:
— «Да, видно, почта задержала.»—
Татьяна потупила взоръ,
Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
Шипѣлъ вечерній самоваръ,
Китайскій чайникъ нагрѣвая;
Подъ нимъ клубился легкій паръ.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкамъ темною струею
Уже душистый чай бѣжалъ,
И сливки мальчикъ подавалъ;

Татьяна предъ окномъ стояла;
На стекла хладныя дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель: *О* да *Е*.

XXXVIII.

И между тѣмъ, душа въ ней ныла,
И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
Вдругъ топотъ!... кровь ея застыла.
Вотъ ближе! скачутъ... и на дворъ
Евгеній! «Ахъ!»—и легче тѣни
Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
Летитъ, летитъ; взглянуть назадъ
Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
Куртины, мостики, лужокъ,
Аллею къ озеру, лѣсокъ,
Кусты сирень переломала,
По цвѣтникамъ летя къ ручью
И задыхаясь на скамью.

XXXIX.

Упала...
«Здѣсь онъ! здѣсь Евгеній!
О Боже! что подумалъ онъ!»—
Въ ней сердце, полное мученій,
Хранитъ надежды темный сонъ;
Она дрожитъ и жаромъ пышитъ,
И ждетъ: нейдетъ ли? Но не слышитъ.
Въ саду служанки, на грядахъ,
Сбирали ягоды въ кустахъ
И хоромъ по наказу пѣли
(Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли,
И пѣньемъ были заняты:
Затѣя сельской остроты!).

Пѣсня дѣвушекъ.

«Дѣвицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дѣвицы,
Разгуляйтесь, милыя!
Затяните пѣсенку,
Пѣсѣнку завѣтную,
Заманите молодца
Къ хороводу нашему.
Какъ заманимъ молодца,
Какъ завидимъ издали,
Разбѣжимтесь, милыя,
Закидаемъ вишеньемъ,
Вишеньемъ, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Пѣсенки завѣтныя,
Не ходи подсматривать
Игры наши дѣвичьи.»—

ПѢСНЯ ДѢВУШЕКЪ.

Рисунокъ И. Попова.

Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель О де *Е.*

Рисунокъ Микѣшина.

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
Внимая звонкій голосъ ихъ,
Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ трепетъ сердца въ ней затихъ,
Чтобы прошло ланитъ пыланье.
Но въ персяхъ тоже трепетанье,
И не проходитъ жаръ ланитъ,
Но ярче, ярче лишь горитъ.
Такъ бѣдный мотылекъ и блещетъ,
И бьется радужнымъ крыломъ,
Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
Такъ зайчикъ въ озими трепещетъ,
Увидя вдругъ издалека
Въ кусты припадшаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
И встала со скамьи своей;
Пошла, но только повернула
Въ аллею—прямо передъ ней,
Блистая взорами, Евгеній
Стоитъ подобно грозной тѣни,
И какъ огнемъ обожжена
Остановилася она.
Но слѣдствія нежданной встрѣчи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не въ силахъ я,
Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
И погулять и отдохнуть:
Докончу послѣ какъ нибудь.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ПЛЕТНЕВЪ.

[*Первому изданію четвертой и пятой главы—Спб. 1828 — было предпослано нижеслѣдующее посвященіе П. А. Плетневу. Въ первомъ полномъ изданіи всего романа—Спб. 1833.—оно помѣщено въ примѣчаніяхъ автора. Во второмъ полномъ изданіи «Евгенія Онѣгина».—Спб. 1837—впереди книги*].

Не мысля гордый свѣтъ забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотѣлъ бы я теперь представить
Залогъ достойнѣе тебя,
Достойнѣе души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзіи живой и ясной,
Высокихъ думъ и простоты,
Но такъ и быть—рукой пристрастной
Прими собранье пестрыхъ главъ,
Полусмѣшныхъ, полупечальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ легкихъ вдохновеній
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

ЖЕНСКІЯ ГОЛОВКИ ИЗЪ ЧЕРНОВИКОВЪ «ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА».

(Воспроизводятся здѣсь впервые по тетрадямъ Румянцев. музея № 2369 лл. 29 оборотъ и 35; 2370, л. 5 оборотъ).

I.

(Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ—
Инаго я желать не могъ.)

II.

(То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодной и нѣмой,
Но вскорѣ жаркой и живой.)

III.

(Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено;
Темира, Дафна и Лилета—
Какъ сонъ, забыты мной давно,
Но есть одна межъ ихъ толпою...
Я долго былъ плѣненъ одною...
Но былъ ли я любимъ, и кѣмъ,
И гдѣ, и долго ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ;
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно).

IV.

(Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны,
Мы непростительно смѣшны.
Закабалясь неосторожно,
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!)

V. VI. VII. [26]

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ
Средь обольстительныхъ сѣтей.
Развратъ, бывало, хладнокровной
Наукой славился любовной,
Самъ о себѣ вездѣ трубя,
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старыхъ обезьянъ
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ.

Леласовъ обветшала слава
Со славой красныхъ каблуковъ
И величавыхъ париковъ.

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно;
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Всѣ тѣ же слышать возраженья;
Уничтожать предразсужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтренымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Звѣроту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ онъ восемь лѣтъ,
Утратя жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ—мигомъ утѣшался;
Измѣнятъ—радъ былъ отдохнуть.
Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
А оставлялъ безъ сожалѣнья,
Чуть помня ихъ любовь и злость.
Такъ точно равнодушный гость
На *вистъ* вечерній пріѣзжаетъ,
Садится; кончилась игра:
Онъ уѣзжаетъ со двора,
Спокойно дома засыпаетъ,
И самъ не знаетъ поутру,
Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
Онѣгинъ живо тронутъ былъ:
Языкъ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ;
И вспомнилъ онъ Татьяны милой
И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылой;
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душею погрузился онъ.
Быть можетъ, чувствій пылъ старинной
Имъ на минуту овладѣлъ;
Но обмануть онъ не хотѣлъ
Довѣрчивость души невинной.
Теперь мы въ садъ перелетимъ,
Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
Но къ ней Онѣгинъ подошелъ
И молвилъ:—«Вы ко мнѣ писали,
Не отпирайтесь. Я прочелъ
Души довѣрчивой признанья,
Любви невинной изліянья;
Мнѣ ваша искренность мила;
Она въ волненье привела
Давно умолкнувшія чувства;
Но васъ хвалить я не хочу;
Я за нее вамъ отплачу
Признаньемъ также безъ искусства;
Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю.

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бъ мнѣ быть отцемъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бъ семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единой:
То вѣрно бъ, кромѣ васъ одной,
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блестокъ мадригальныхъ:
Нашедъ мой прежній идеалъ,
Я вѣрно бъ васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
И былъ бы счастливъ... сколько могъ!

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Ихъ вовсе недостоинъ я.
Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
Супружество намъ будетъ мукой.
Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронутъ сердца моего,
А будутъ лишь бѣсить его.
Судите жъ вы, какія розы
Намъ заготовитъ Гименей
И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
Семьи, гдѣ бѣдная жена
Груститъ о недостойномъ мужѣ,
И днемъ и вечеромъ одна;

Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
(Судьбу однако жъ проклиная),
Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
Сердитъ и холодно-ревнивъ!
Таковъ я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда съ такою простотой,
Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
Ужели жребій вамъ такой
Назначенъ строгою судьбой?

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
Не обновлю души моей...
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жъ меня безъ гнѣва:
Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ видно Небомъ суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякой васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгеній.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, *машинально*)
Татьяна, молча, оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вкругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣетъ сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва.

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступилъ
Съ печальной Таней нашъ пріятель;
Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
Души прямое благородство,
Хотя людей недоброхотство
Въ немъ не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, можетъ быть, одно и тоже)
Его честили такъ и сякъ.
Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ.
Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
Объ нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
Пустыя, черныя мечты;
Я только въ *скобкахъ* замѣчаю,
Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
На чердакѣ вралемъ рожденной
И свѣтской чернью ободренной,
Что нѣтъ нелѣпицы такой,
Ни эпиграмы площадной,
Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
Въ кругу порядочныхъ людей,
Безъ всякой злобы и затѣй,
Не повторилъ стократъ ошибкой;
А впрочемъ онъ за васъ горой:
Онъ васъ такъ любитъ... какъ родной!

XX.

Гм. гм., читатель благородной,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: можетъ быть, угодно
Теперь узнать вамъ отъ меня,
Что значатъ именно *родные*.
Родные люди вотъ какіе:
Мы ихъ обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать,
И, по обычаю народа,
О Рождествѣ ихъ навѣщать,
Или по почтѣ поздравлять,
Чтобъ остальное время года
Не думали о насъ они...
И такъ, дай, Богъ, имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ нѣжныхъ
Надежнѣй дружбы и родства:
Надъ нею и средь бурь мятежныхъ
Вы сохраняете права.
Конечно такъ. Но вихорь моды,
Но своенравіе природы,
Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
Къ тому жъ и мнѣнія супруга
Для добродѣтельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Такъ ваша вѣрная подруга
Бываетъ вмигъ увлечена:
Любовью шутитъ сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
Кто всѣ дѣла, всѣ рѣчи мѣритъ
Услужливо на нашъ аршинъ?
Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
Кто насъ заботливо лелѣетъ?
Кому порокъ нашъ не бѣда?
Кто не наскучитъ никогда?
Призрака суетный искатель,

ТАТЬЯНА.
Статуя М. Л. Диллонъ.

Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой,
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!..
Но полно. Надо мнѣ скорѣй
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далёко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занятъ Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка;
То на листахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à v. Annette;
А на послѣднемъ прочитаешь:
„*Кто любитъ болѣе тебя,*
„*Пустъ пишетъ далѣе меня.*“

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски
Какой нибудь *піитъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ соврать.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

Композиція Шарлеманя («Художественный Листокъ» Тима. 1862).

Лит. Н. Калмыкова. СПБ

Трудовъ напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предметъ достойный: ничего
Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
Увы, не трудно угадать!
Любви безумныя страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
Татьяна бѣдная горитъ;
Ея постели сонъ бѣжитъ;
Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
Улыбка, дѣвственный покой,
Пропало все, что звукъ пустой.
И меркнетъ милой Тани младость:
Такъ одѣваетъ бури тѣнь
Едва рождающійся день.

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
Блѣднѣетъ, гаснетъ и молчитъ!
Ничто ее не занимаетъ,
Ея души не шевелитъ.
Качая важно головою,
Сосѣды шепчутъ межъ собою:
Пора, пора бы замужъ ей!..
Не [illegible]. Надо [illegible] скорѣе
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольно, милые мои,
Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
Простите мнѣ: я такъ люблю
Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой,
Владиміръ сладостной неволѣ
Предался полною душой.
Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
Они сидятъ впотемкахъ двое;
Они въ саду, рука съ рукой,
Гуляютъ утренней порой;
И что жъ? Любовью упоенный,
Въ смятеньи нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Нравоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ:
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далёко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкою ладью
Беретъ въ разсѣяньи свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой: и дома
Онъ занятъ Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка
Перомъ и красками слегка:
То на листахъ воспоминанья,
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкій слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Тѣмъ [illegible] видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали
Съ конца, съ начала и кругомъ.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи безъ мѣры, по преданью,
Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
И подпись: t. à v. Annette:
А на послѣднемъ прочитаешь:
„Кто любитъ болѣе тебя,
„Пусть пишетъ далѣе меня."

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
Два сердца, факелъ и цвѣтки;
Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете:
Въ любви до гробовой доски
Какой нибудь *піитъ* армейской
Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйской.
Въ такой альбомъ, мои друзья,
Признаться, радъ писать и я,
Увѣренъ будучи душою,
Что всякой мой усердный вздоръ
Заслужитъ благосклонный взоръ,
И что потомъ съ улыбкой злою
Не станутъ важно разбирать,
Остро, иль нѣтъ я могъ соврать.

Русскій художественный листокъ. 1862 годъ. № 9.

Евгеній Онѣгинъ

Романъ А. С. Пушкина.

Посвящается памяти А. С. Пушкина.

А. Шарлемань.

Лит. Н. Калугина. СПБ.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей,
Великолѣпные альбомы,
Мученье модныхъ риѳмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстова кистью чудотворной,
Иль Баратынскаго перомъ,
Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
Когда блистательная дама
Мнѣ свой in-quarto подаетъ,
И дрожь и злость меня беретъ,
И шевелится эпиграма
Во глубинѣ моей души,
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего,
Поешь, Богъ вѣдаетъ, кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слишишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой,
И нашей братьѣ риѳмачамъ
Кричитъ: «да перестаньте плакать,
«И все одно и то же квакать,
«Жалѣть *о прежнемъ о, быломъ:*
«Довольно—пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не такъ ли, другъ? Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
«Какъ было встарь заведено...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
Ужели для тебя сноснѣй
Унылыхъ нашихъ риѳмачей?—
«Но все въ элигіи ничтожно;
«Пустая цѣль ея жалка;
«Межъ тѣмъ цѣль оды высока
«И благородна...» Тутъ бы можно
Поспорить намъ, но я молчу:
Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
Въ вольненьи бурныхъ думъ своихъ,
Владиміръ и писалъ бы оды,
Да Ольга не читала ихъ.
Случалось ли поэтамъ слезнымъ
Читать въ глаза своимъ любезнымъ
Свои творенья? Говорятъ,
Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
И впрямъ, блаженъ любовникъ скромной,
Читающій мечты свои
Предмету пѣсенъ и любви,
Красавицѣ пріятно-томной!
Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей
Да послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда,
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу,
Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и риѳмами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладкозвучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ.

XXXVI.

(Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риѳмами, какъ я,
Кто бьетъ хлопушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.)

XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его вседневныя занятья
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ Анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ

Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ,
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался:
(только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

XXXVIII.

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ.
Армякъ татарскій на-распашку
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ
И только. Симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ.—Евгеній,
Быть можетъ, толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ,
Но все своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ;
За то былъ ближнимъ нестерпимъ.)

XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокой,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина:
Вотъ жизнь Онѣгина святая;
И нечувствительно онъ ей
Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
Въ безпечной нѣгѣ не считая
Забывъ и городъ и друзей
И скуку праздничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
Каррикатура южныхъ зимъ,
Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась,
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливыхъ караванъ
Тянулся къ югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоялъ Ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ;
Его почуя, конь дорожный
Храпитъ—и путникъ осторожный
Несется въ гору во весь духъ;
На утренней зарѣ пастухъ
Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва,
И въ часъ полуденный въ кружокъ
Ихъ не зоветъ его рожокъ;
Въ избушкѣ распѣвая, дѣва [27]
Прядетъ и, зимнихъ другъ ночей,
Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

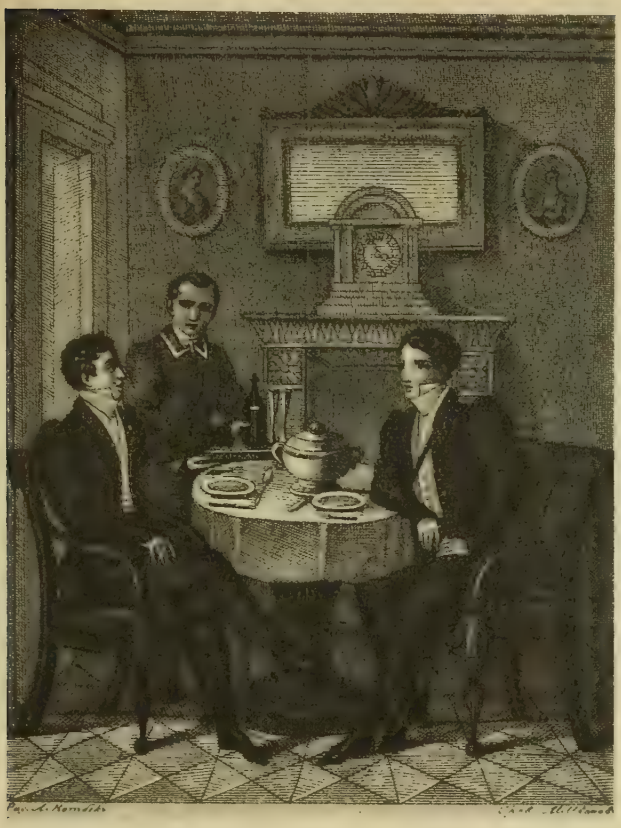
И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждетъ ужъ риѳмы—*розы*;
На вотъ возьми ее скорѣй!)
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка, льдомъ одѣта,
Мальчишекъ радостный народъ [28]
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
На красныхъ лапкахъ гуся тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на лёдъ,
Скользитъ и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что̀ дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой.
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной,
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ W. [alter] Scott!
Не хочешь? Повѣряй расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинной
Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ на два шара
Играетъ съ самаго утра.
Настанетъ вечеръ деревенскій:
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей:
Давай обѣдать поскорѣй!



Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.

(Рисунокъ Нотбека, въ гравюрѣ М. Иванова «Невскій Альманахъ» на 1829 г.).

XLV.

Вдовы клико или Моэта
Благословленное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
Оно сверкаетъ Ипокреной; [29]
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло: за него
Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Раждала глупостей не мало,
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумной
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ *Аи* я больше неспособенъ;
Аи любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...
Но ты, *Бордо*, подобенъ другу,
Который, въ горѣ и въ бѣдѣ,
Товарищъ завсегда, вездѣ,
Готовъ намъ оказать услугу,
Иль тихой раздѣлить досугъ.
Да здравствуетъ *Бордо*, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
Подернутъ уголь золотой;
Едва замѣтною струею
Вiется паръ, и теплотой
Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ
Въ трубу уходитъ. Свѣтлый кубокъ
Еще шипитъ среди стола.
Вечерняя находитъ мгла...
(Люблю я дружескія враки
И дружескій бокалъ вина

Порою той, что названа
Пора межъ волка и собаки,
А почему, не вижу я).
Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

— «Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
Что Ольга рѣзвая твоя?»
— «Налей еще мнѣ полстакана...
Довольно, милый... Вся семья
Здорова; кланяться велѣли.
Ахъ, милый, какъ похорошѣли
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа!.. Когда нибудь
Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
А то, мой другъ, суди ты самъ:
Два раза заглянулъ, а тамъ
Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
Да вотъ... какой же я болванъ!
Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.»

XLIX.

«Я?»—«Да, Татьяны имянины
Въ субботу. Олинька и мать
Велѣли звать, и нѣтъ причины
Тебѣ на зовъ не пріѣзжать.»
«Но куча будетъ тамъ народу
И всякаго такого сброду...»
— «И! никого, увѣренъ я!
Кто будетъ тамъ? своя семья.
Поѣдемъ, сдѣлай одолженье!
Ну, чтожъ? — «Согласенъ » — «Какъ ты милъ»—
При сихъ словахъ онъ осушилъ
Стаканъ, сосѣдкѣ приношенье,
Потомъ разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

L.

Онъ веселъ былъ. Черезъ двѣ недѣли
Назначенъ былъ счастливый срокъ.
И тайна брачныя постели,
И сладостной любви вѣнокъ
Его восторговъ ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зѣвоты хладная чреда
Ему ни снились никогда.
Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
Въ домашней жизни зримъ одинъ
Рядъ утомительныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена... [30]
Мой бѣдный Ленскій, сердцемъ онъ
Для оной жизни былъ рожденъ.

LI.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ
Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
Кто хладный умъ угомонивъ,
Покоится въ сердечной нѣгѣ,
Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
Но жалокъ тотъ, кто все предвидитъ,
Чья не кружится голова,
Кто всѣ движенья, всѣ слова
Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
Чье сердце опытъ остудилъ
И забываться запретилъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ
Ты, моя Свѣтлана!
Жуковскій.

ОСЕНЬ.

Изъ иллюстрацій къ Пушкину И. Панова.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ,
Зимы ждала, ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима!... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

Рисунокъ И. Панова.

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:
Все это низкая природа;
Изящнаго немного тутъ.

Согрѣтый вдохновенья богомъ,
Другой поэтъ роскошный слогомъ
Живописалъ намъ первый снѣгъ
И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ: [31]
Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
Прогулки тайныя въ саняхъ;
Но я бороться не намѣренъ
Ни съ нимъ покамѣстъ, ни съ тобой,
Пѣвецъ Финляндки молодой [32]

IV.

Татьяна (Русская душою,
Сама не зная почему)
Съ ея холодною красою
Любила Русскую зиму,
На солнцѣ иней въ день морозной,
И сани, и зарею поздной
Сіянье розовыхъ снѣговъ,
И мглу Крещенскихъ вечеровъ.
По старинѣ торжествовали
Въ ихъ домѣ эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своихъ гадали
И имъ сулили каждый годъ
Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожили примѣты;
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.
Жеманный котъ, на печкѣ сидя,
Мурлыча, лапкой рыльцо мылъ:
То несомнѣнный знакъ ей былъ,
Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
Младой двурогой ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла.
Когда жъ падучая звѣзда
По небу темному летѣла
И разсыпалася, тогда
Въ смятеньи Таня торопилась,
Пока звѣзда еще катилась,
Желанье сердца ей шепнуть.
Когда случалось гдѣ нибудь
Ей встрѣтить чернаго монаха,
Иль быстрый заяцъ межъ полей
Перебѣгалъ дорогу ей—
Не зная, что начать со страха,
Предчувствій горестныхъ полна,
Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонна.
Настали святки. То-то радость!
Гадаетъ вѣтренная младость,
Которой ничего не жаль,
Передъ которой жизни даль
Лежитъ свѣтла, необозрима,
Гадаетъ старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потерявъ невозвратимо;
И все равно: надежда имъ
Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
На воскъ потопленный глядитъ:
Онъ чудно-вылитымъ узоромъ
Ей что-то чудное гласитъ;
Изъ блюда, полнаго водою,
Выходятъ кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
„Тамъ мужички-то все богаты;
„Гребутъ лопатой серебро;
„Кому поемъ, тому добро
„И слава!“ Но сулитъ утраты
Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
Милѣй *кошурка* сердцу дѣвъ. [33]

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
Свѣтилъ небесныхъ дивный хоръ
Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
Татьяна на широкій дворъ
Въ открытомъ платьицѣ выходитъ,
На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
Но въ темномъ зеркалѣ одна
Дрожитъ печальная луна...
Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
И голосокъ ея звучитъ
Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
Какъ ваше имя?» [34] Смотритъ онъ
И отвѣчаетъ: Агаѳонъ.

X.

Татьяна по совѣту няни,
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала въ бани
На два прибора столъ накрыть;
Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
И я—при мыслѣ о Свѣтланѣ
Мнѣ стало страшно—такъ и быть...
Съ Татьяной намъ не ворожить.

Тятьяна поясокъ шелковой
Сняла, раздѣлась и въ постель
Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ.
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумитъ, клубитъ волной своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, нескованный зимой;
Двѣ жердочки, склеены льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ:
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;

ТАТЬЯНА ГАДАЕТЪ.
Рисунокъ Нотбека («Невск. Альманахъ» на 1829 г.).

Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой взъерошенный медвѣдь;
Татьяна *ахъ*! а онъ ревѣть,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливыми шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла—и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматаго лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;
Крахтя, валитъ медвѣдь несносный,
Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
Въ своей нахмуренной красѣ;
Отягчены ихъ вѣтви всѣ

Клоками снѣга; сквозь вершины
Осинъ, березъ и липъ нагихъ
Сіяетъ лучь свѣтилъ ночныхъ;
Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
Метелью всѣ занесены,
Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
Снѣгъ рыхлой по колѣно ей;
То длинный сукъ ее за шею
Зацѣпитъ вдругъ, то изъ ушей
Златыя серьги вырветъ силой;
То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
Увязнетъ мокрой башмачокъ;
То выронитъ она платокъ;
Поднять ей нѣкогда; боится,
Медвѣдя слишитъ за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ:
И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
Ее хватаетъ и несетъ;
Она безчувственно-покорна;
Не шевелится, не дохнетъ;
Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой:
Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогой;
Кругомъ все глушь, отвсюду онъ
Пустыннымъ снѣгомъ занесёнъ,
И ярко свѣтится окошко,
И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
Медвѣдь промолвилъ: *здѣсь мой кумъ:*
Погрѣйся у него немножко!
И въ сѣни прямо онъ идетъ,
И на порогъ ее кладетъ.

XVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же! видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ;
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ, чопорный и гордой,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе;
Вотъ ракъ верхомъ на паукѣ,
Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и машетъ;
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хлопъ,
Людская молвь и конскій топъ! [35]
Но что̀ подумала Татьяна,
Когда узнала межъ гостей
Того, кто милъ и страшенъ ей—
Героя нашего романа!
Онѣгинъ за столомъ сидитъ
И въ дверь украдкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ: и всѣ хлопочутъ;
Онъ пьетъ: всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;
Онъ засмѣется: всѣ хохочутъ;
Нахмуритъ брови: всѣ молчатъ;
Онъ тамъ хозяинъ, это ясно:
И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь...
Вдругъ вѣтеръ дунулъ, загашая
Огонь свѣтильниковъ ночныхъ:
Смутилась шайка домовыхъ;
Онѣгинъ, взорами сверкая,
Изъ-за стола гремя встаетъ;
Всѣ встали: онъ къ дверямъ идетъ,

XIX.

И страшно ей; и торопливо
Татьяна силится бѣжать:
Нельзя никакъ; нетерпѣливо
Метаясь, хочетъ закричать:
Не можетъ; дверь толкнулъ Евгеній:
И взорамъ адскихъ привидѣній
Явилась дѣва; ярый смѣхъ
Раздался дико; очи всѣхъ,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Все указуетъ на нее,
И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгеній грозно,
И шайка вся сокрылась вдругъ;
Осталася во тмѣ морозной
Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
Онѣгинъ тихо увлекаетъ [36]
Татьяну въ уголъ и слагаетъ
Ее на шаткую скамью,
И клонитъ голову свою
Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,
За нею Ленской; свѣтъ блеснулъ;
Онѣгинъ руку замахнулъ,
И дико онъ очами бродитъ,
И незванныхъ гостей бранитъ:
Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче: вдругъ Евгеній
Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
Поверженъ Ленскій; страшно тѣни
Сгустились; нестерпимый крикъ
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня въ ужасѣ проснулась...
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
Зари багряный лучъ играетъ;
Дверь отворилась. Ольга къ ней,
Авроры сѣверной алѣй
И легче ласточки, влетаетъ;
Ну, говоритъ: «скажи жъ ты мнѣ,
Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
Въ постелѣ съ книгою лежитъ,
За листомъ листъ перебирая,
И ничего не говоритъ.
Хоть не являла книга эта
Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
Но ни Виргилій, ни Расинъ,
Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
Ни даже Дамскихъ Модъ Журналъ
Такъ никого не занималъ:
То былъ, друзья, Мартынъ Задека, [37]
Глава халдейскихъ мудрецовъ,
Гадатель, толкователь сновъ.

СОНЪ ТАТЬЯНЫ.
Рисунокъ Коровина.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье,
И для Татьяны наконецъ
Его съ разрозненной *Мальвиной*
Онъ уступилъ за три съ полтиной,
Въ придачу взявъ еще за нихъ
Собранье басенъ площадныхъ,
Грамматику, двѣ Патріады,
Да Мармонтеля третій томъ.
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ,
И безотлучно съ нею спитъ

XXIV.

Ее тревожитъ сновидѣнье.
Не зная, какъ его понять,
Мечтанья страшнаго значенье
Татьяна хочетъ отыскать.
Татьяна въ оглавленьи краткомъ
Находитъ азбучнымъ порядкомъ
Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
И прочая. Ея сомнѣній
Мартынъ Задека не рѣшитъ;
Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
Печальныхъ много приключеній.
Дней нѣсколько она потомъ
Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою [38]
Заря отъ утреннихъ долинъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Веселый праздникъ именинъ.
Съ утра домъ Лариной гостями
Весь полонъ; цѣлыми семьями
Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
Въ кибиткахъ, въ бричкахъ и въ саняхъ
Въ передней толкотня, тревога;
Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ,
Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
Шумъ, хохотъ, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилицъ крикъ и плачъ дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
Пріѣхалъ толстый Пустяковъ;
Гвоздинъ, хозяинъ превосходной,
Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
Скотинины, чета сѣдая,
Съ дѣтьми всѣхъ возрастовъ, считая
Отъ тридцати до двухъ годовъ;
Уѣздный франтикъ Пѣтушковъ;
Мой братъ двоюродный Буяновъ,
Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ [39]
(Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
И отставной совѣтникъ Фляновъ,
Тяжелый сплетникъ, старый плутъ,
Обжора, взяточникъ и шутъ.

XVII.

Съ семьей Панфила Харликова
Пріѣхалъ и мосье Трике,
Острякъ, недавно изъ Тамбова,
Въ очкахъ и рыжемъ парикѣ.
Какъ истинный Французъ, въ карманѣ
Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
На голосъ, знаемый дѣтьми:
Reveillez vous, belle endormie.
Межъ ветхихъ пѣсень альманаха
Былъ напечатанъ сей куплетъ;
Трике, догадливой поэтъ,
Его на свѣтъ явилъ изъ праха,—
И смѣло—вмѣсто belle Nina—
Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ изъ ближняго посада
Созрѣвшихъ барышенъ кумиръ,
Уѣздныхъ матушекъ отрада,
Пріѣхалъ ротный командиръ;
Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
Музыка будетъ полковая!
Полковникъ самъ ее послалъ.
Какая радость: будетъ балъ!
Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ; [40]
Но кушать подали. Четой
Идутъ за столъ рука съ рукой,
Тѣснятся барышни къ Татьянѣ;
Мужчины противъ: и, крестясь,
Толпа жужжитъ, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
Гремятъ тарелки и приборы,
Да рюмокъ раздается звонъ.
Но вскорѣ гости понемногу
Подъемлютъ общую тревогу.
Никто не слушаетъ, кричатъ,
Смѣются, спорятъ и пищатъ.
Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
И съ нимъ Онѣгинъ.—«Ахъ, Творецъ!»
Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
Тѣснятся гости; всякъ отводитъ
Приборы, стулья поскорѣй;
Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
У утренней луны блѣднѣй
И трепетнѣй гонимой лани,
Она темнѣющихъ очей
Не подымаетъ: пышетъ бурно
Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
Она привѣтствій двухъ друзей
Не слышитъ; слезы изъ очей
Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
Бѣдняжка въ обморокъ упасть:
Но воля и разсудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишкомъ
И усидѣла за столомъ.

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
Давно терпѣть не могъ Евгеній:
Довольно ихъ онъ перенесъ.
Чудакъ, попавъ на пиръ огромной,
Ужъ былъ сердитъ. Но, дѣвы томной
Замѣтя трепетный порывъ,
Съ досады взоры опустивъ,
Надулся онъ, и негодуя,
Поклялся Ленскаго взбѣсить
И ужъ порядкомъ отомстить.
Теперь, заранѣ торжествуя,
Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
Каррикатуры всѣхъ гостей.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгеній
Смятенье Тани видѣть могъ;
Но цѣлью взоровъ и сужденій
Въ то время жирный былъ пирогъ
(Къ несчастію, пересоленой);
Да вотъ въ бутылкѣ засмоленой,
Между жаркимъ и бланманже,

Цимлянское несутъ уже;
За нимъ строй рюмокъ узкихъ, длинныхъ,
Подобныхъ таліи твоей,
Зизи, кристаллъ души моей,
Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
Любви приманчивый фіялъ,
Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипитъ; и вотъ съ осанкой важной,
Куплетомъ мучимый давно,
Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
Хранитъ глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій,
Ея здоровье первый пьетъ
И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
Татьяна всѣхъ благодаритъ.
Когда же дѣло до Евгенья
Дошло; то дѣвы томный видъ,
Ея смущеніе, усталость
Въ его душѣ родили жалость:
Онъ, молча, поклонился ей,
Но какъ-то взоръ его очей
Былъ чудно нѣженъ. Отъ того ли,
Что онъ и вправду тронутъ былъ,
Иль онъ, кокетствуя, шалилъ,
Невольно ль, иль изъ доброй воли;
Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутые стулья;
Толпа въ гостиную валитъ:
Такъ пчелъ изъ лакомаго улья
На ниву шумный рой летитъ.
Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
Подсѣли дамы къ комельку;
Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовутъ задорныхъ игроковъ
Бостонъ и ломберъ стариковъ,
И вистъ, донынѣ знаменитый,
Однообразная семья,
Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь роберовъ сыграли
Герои виста; восемь разъ
Они мѣста перемѣняли;
И чай несутъ. Люблю я часъ
Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
И ужиномъ. Мы время знаемъ
Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ;
И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
Я столь же часто о пирахъ,
О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
Какъ ты, божественный Омиръ,
Ты, тридцати вѣкокъ кумиръ!

XXXVII.

(Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Предъ сонной скукою полей,
Передъ И — — — [стоминой] моей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ модным;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.)

XXXVIII.

(Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вкругъ почтеннаго Пріама,
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшитъ:
Правъ Менелай и правъ Парисъ.
Что жъ до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣе читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.)

XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
Фаготъ и флейта раздались.
Обрадованъ музыки громомъ,
Оставя чашку чаю съ ромомъ,
Парисъ окружныхъ городковъ,
Подходитъ къ Ольгѣ Пѣтушковъ,
Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
Беретъ Тамбовскій мой поэтъ,
Умчалъ Буяновъ Пустякову,
И въ залу высыпали всѣ,
И балъ блеститъ во всей красѣ.

XL.

Въ началѣ моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ Петербургскій описать;
Но, развлеченъ пустымъ мечтаньемъ,
Я занялся воспоминаньемъ
О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
По вашимъ узенькимъ слѣдамъ,
О ножки, полно заблуждаться!
Съ измѣной юности моей
Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться.
И эту пятую тетрадь
Отъ отступленій очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
Какъ вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькаетъ за четой.
Къ минутѣ мщенья приближаясь,
Онѣгинъ, въ тайнѣ усмѣхаясь,
Подходитъ къ Ольгѣ. Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ:
Спустя минуты двѣ, потомъ
Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
Всѣ въ изумленьи. Ленскій самъ
Не вѣритъ собственнымъ глазамъ

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремѣлъ мазурки громъ,
Въ огромной залѣ все дрожало,
Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, какъ дамы,
Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
Но въ городахъ, по деревнямъ,
Еще мазурка сохранила
Первоначальныя красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Все тѣ же; ихъ не измѣнила
Лихая мода, нашъ тиранъ,
Недугъ новѣйшихъ Россіянъ.

XLIII.

(Какъ гонитъ бичъ въ песку манежномъ
На кордѣ гордыхъ кобылицъ,
Мужчины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвицъ.
Подковы, шпоры пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучатъ; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавятъ дамскіе носки.)

Танцы 1820-хъ гг.
Современная литографія Мартынова изъ коллекціи Е. Н. Тевяшева.

XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорной,
Къ герою нашему подвелъ
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
Ведетъ ее, скользя небрежно,
И наклонясь, ей шепчетъ нѣжно
Какой-то пошлый мадригалъ,
И руку жметъ—и запылалъ
Въ ея лицѣ самолюбивомъ
Румянецъ ярче. Ленскій мой
Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
Въ негодованіи ревнивомъ
Поэтъ конца мазурки ждетъ
И въ котильонъ ее зоветъ.

ОНѢГИНЪ ТАНЦУЕТЪ СЪ ОЛЬГОЙ.

Акварель Е. Самокишъ-Судковской.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово ужъ дала
Онѣгину. О, Боже, Боже!
Что слышитъ онъ? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
Кокетка, вѣтренный ребенокъ!
Ужъ хитрость вѣдаетъ она,
Ужъ измѣнять научена!
Не въ силахъ Ленскій снесть удара;
Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ. Пистолетовъ пара,
Двѣ пули—больше ничего—
Вдругъ разрѣшатъ судьбу его.

ИДУТЪ УЖИНАТЬ.

(*Изъ жанровыхъ картинокъ изданнаго въ 1832 г. Полевымъ «Новаго живописца Общества и литературы»*).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

La sotto giorni nubilosi e brevi
Nasce una gente a cui l'morir non dole
Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
Близъ Ольги въ думу погрузился,
Довольный мщеніемъ своимъ.
За нимъ и Олинька зѣвала,
Глазами Ленскаго искала,
И безконечный котильонъ
Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
Постели стелютъ; для гостей
Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
До самой дѣвичьи. Всѣмъ нуженъ
Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
Храпитъ тяжелый Пустяковъ
Съ своей тяжелой половиной.
Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
И Фляновъ, не совсѣмъ здоровой,
На стульяхъ улеглись въ столовой,
А на полу мосье Трике,
Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны
И Ольги всѣ объяты сномъ.
Одна, печально подъ окномъ
Озарена лучемъ Діаны,
Татьяна бѣдная не спитъ
И въ поле темное глядитъ.

III.

Его нежданнымъ появленьемъ,
Мгновенной нѣжностью очей
И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
До глубины души своей
Она проникнута; не можетъ
Никакъ понять его; тревожитъ
Ее рѣвнивая тоска,
Какъ будто хладная рука
Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
Подъ ней чернѣетъ и шумитъ...
«Погибну,» Таня говоритъ:
«Но гибель отъ него любезна.
Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
Лице насъ новое зоветъ.
Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
Деревни Ленскаго, живетъ
И здравствуетъ еще донынѣ
Въ философической пустынѣ
Зарѣцкій, нѣкогда буянъ,
Картежной шайки атаманъ,
Глава повѣсъ, трибунъ трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отецъ семейства холостой,
Надежный другъ, помѣщикъ мирный
И даже честный человѣкъ:
Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

ЗАРѢЦКІЙ.
Рисунокъ Павла Соколова.

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета
Въ пяти саженяхъ попадалъ,
И то сказать, что и въ сраженьи
Разъ въ настоящемъ упоеньи
Онъ отличился, смѣло въ грязь
Съ коня Калмыцкаго свалясь,
Какъ зюзя пьяный, и Французамъ
Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
Новѣйшій Регулъ, чести богъ,
Готовый вновь предаться узамъ,
Чтобъ каждымъ утромъ у Вери [41]
Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
Умѣлъ морочить дурака
И умнаго дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иныя штуки
Не проходили безъ науки,
Хоть иногда и самъ въ просакъ
Онъ попадался, какъ простакъ.
Умѣлъ онъ весело поспорить,
Остро и тупо отвѣчать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодыхъ
И на барьеръ поставить ихъ.

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
Дабы позавтракать втроемъ,
И послѣ тайно обезславить
Веселой шуткою, враньемъ,
Sed alia tempora! Удалость
(Какъ сонъ любви, другая шалость)
Проходитъ съ юностью живой.
Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій
Отъ бурь укрывшись наконецъ,
Живетъ, какъ истинный мудрецъ,
Капусту садитъ, какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учитъ азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ не глупъ; и мой Евгеній,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, и семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ и такъ нимало
Поутру не былъ удивлёнъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ послѣ перваго привѣта,
Прервалъ начатый разговоръ,
Онѣгину, осклабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ иль *картель*
Учтиво, съ ясностью холодной
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ *всегда готовъ*.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій;
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ; по Евгеніи
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,
Что надъ любовью робкой, нѣжной
Такъ подшутилъ вечоръ небрежно.
А во-вторыхъ: пускай поэтъ
Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
Оно простительно. Евгеній,
Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
Былъ долженъ оказать себя
Не мячикомъ предразсужденій,
Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
А не щетиниться какъ звѣрь;
Онъ долженъ былъ обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Ужъ поздно; время улетѣло...
Къ тому жъ—онъ мыслитъ—въ это дѣло
Вмѣшался старый дуэлистъ;
Онъ золъ, онъ сплетникъ, онъ рѣчистъ...
Конечно: быть должно презрѣнье
Цѣной его забавныхъ словъ;
Но шопотъ, хохотня глупцовъ...»
И вотъ общественное мнѣнье! [42]
Пружина чести, нашъ кумиръ!
И вотъ на чемъ вертится міръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
И вотъ сосѣдъ велерѣчивой
Привезъ торжественно отвѣтъ.
Теперь ревницу то-то праздникъ!
Онъ все боялся, чтобъ проказникъ,
Не отшутился какъ нибудь,
Уловку выдумавъ и грудь
Отворотивъ отъ пистолета.
Теперь сомнѣнья рѣшены:
Они на мельницу должны
Пріѣхать завтра до разсвѣта,
Взвести другъ на́ друга курокъ
И мѣтить въ ляжку иль въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напослѣдокъ—
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Олиньку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Ие тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Олинька съ крыльца,
Подобна вѣтреной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечоръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Олинькимъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И, молча, онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой явностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!...
Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленьѣ;
Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещетъ, не находитъ словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV.

(Да, да, вѣдь ревности припадки—
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплинъ, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣетъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣетъ,
Сны злые, признаки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонитъ подъ топоръ.)

XVI.

(Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ,—о ты, которой
Я въ бурахъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ!
Какъ учатъ слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой;
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день;
Почій, мучительная тѣнь!)

XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслитъ: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтобъ развратитель
Огнемъ и вздоховъ и похвалъ

Младое сердце искушалъ;
Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
Точилъ лилеи стебелекъ;
Чтобы двухутренній цвѣтокъ
Увялъ еще полураскрытый».
Все это значило, друзья:
Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы вѣдала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленскій и Евгеній
Заспорятъ о могильной сѣни:
Ахъ, можетъ быть, ея любовь
Друзей соединила бъ вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывалъ.
Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ разсѣянъ,
То молчаливъ, то веселъ вновь;
Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
Всегда таковъ: нахмуря бровь,
Садился онъ за клавикорды,
И бралъ на нихъ одни аккорды;
То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
Шепталъ: «не правда ль? я счастливъ.
Но поздно; время ѣхать. Сжалось
Въ немъ сердце, полное тоской;
Прощаясь съ дѣвой молодой,
Оно какъ будто разрывалось.
Она глядитъ ему въ лицо.
—«Что съ вами?»—«Такъ».—И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
Опять ихъ въ ящикъ и, раздѣтый,
При свѣчкѣ, Шиллера открылъ;
Но мысль одна его объемлетъ;
Въ немъ сердце грустное не дремлетъ:
Съ неизъяснимою красой
Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
Владиміръ книгу закрываетъ,
Беретъ перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучатъ и льются. Ихъ читаетъ
Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
Какъ Д. [ельвигъ] пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились;
Я ихъ имѣю; вотъ они:
«Куда, куда вы удалились,
«Весны моей златые дни?
«Что день грядущій мнѣ готовитъ?
«Его мой взоръ напрасно ловитъ,
«Въ глубокой мглѣ таится онъ.
«Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
«Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
«Иль мимо пролетитъ она,
«Все благо: дѣнія и сна
«Приходитъ часъ опредѣленный;
«Благословенъ и день заботъ,
«Благословенъ и тмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ заутра лучь денницы
«И заиграетъ яркій день;
«А я—быть можетъ, я гробницы
«Сойду въ таинственную сѣнь,
«И память юнаго поэта
«Поглотитъ медленная Лета.
«Забудетъ міръ меня; но ты
«Придешь ли, дѣва красоты!
«Слезу пролить надъ ранней урной
«И думать: онъ меня любилъ,
«Онъ мнѣ единой посвятилъ
«Разсвѣтъ печальной жизни бурной!.
«Сердечный другъ, желанный другъ,
«Приди, приди; я твой супругъ!...»

XXIII.

Такъ онъ писалъ *темно* и *вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ нимало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ передъ зарёю,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ *идеалъ*
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся, ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будитъ Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ.
Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ».

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгеній
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Весперъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная мятель
Блеститъ и вьется; но постель
Еще Евгеній не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ наконецъ проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
И глядитъ—и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонитъ. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать и съ собой
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговые.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лепажа [43]) стволы роковые
Нести за нимъ, а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
Давно нетерпѣливо ждалъ;
Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
Зарѣцкій жерновъ о уждалъ.
Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ—не какъ-нибудь,
Но въ строгихъ правилахъ искусства,
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

— «Мой секундантъ?»—сказалъ Евгеній;
«Вотъ онъ: мой другъ monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный».—
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
— «Что жъ, начинать?»—«Начнемъ пожалуй»,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій нашъ и *честный малый*
Вступили въ важный договоръ,
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить—но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ, молча, пистолетъ.

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ холодомъ облитъ,
Онѣгинъ къ юношѣ спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасной
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на алтарѣ ...

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ;

ДУЭЛЬ ЛЕНСКАГО СЪ ОНѢГИНЫМЪ.

Акварель И. Е. Рѣпина.

XXV.

[illegible] Вбѣгаетъ
[illegible] слугъ французъ Гильо,
Халатъ и туфли предлагаетъ
И подаетъ ему бѣлье.
Спѣшитъ Онѣгинъ одѣваться,
Слугѣ велитъ приготовляться
[illegible]
Взять также ящикъ боевой.
Готовы санки бѣговые.
Онъ сѣлъ, на мельницу летитъ.
Примчались. Онъ слугѣ велитъ
Лепажа [43]) стволы роковые
[illegible], а лошадямъ
Отъѣхать въ поле къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

[illegible] Ленскій
[illegible]
[illegible] деревенскій
Зарѣцкій жорновъ о уждалъ.
[illegible]
«Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
Любилъ методу онъ изъ чувства,
И человѣка растянуть
Онъ позволялъ—не какъ-нибудь,
[illegible]
По всѣмъ преданьямъ старины
(Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?»—сказалъ Евгеній;
«Вотъ онъ: мой другъ monsieur Guillot.
Я не предвижу возраженій
На представленіе мое:
Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
Но ужъ конечно малый честный».—
Зарѣцкій губу закусилъ.
Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
—«Что жъ, начинать?»—«Начнемъ пожалуй»,
Сказалъ Владиміръ. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарѣцкій [illegible]
Вступили въ важный договоръ.
Враги стоятъ, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
Ихъ жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дѣла
Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
Они другъ другу въ тишинѣ
Готовятъ гибель хладнокровно...
Не засмѣяться ль имъ, пока
Не обагрилась ихъ рука,
Не разойтиться ль полюбовно?...
Но дико свѣтская вражда
Боится ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули.
Гремитъ о шомполъ молотокъ.
Въ граненый стволъ уходятъ пули
И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
Вотъ порохъ струйкой сѣроватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведенъ еще. За ближній пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросаютъ два врага
Зарѣцкій тридцать два шага
Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
Друзей развелъ по крайній слѣдъ
И каждый взялъ свой пистолетъ.

XXX.

«Теперь сходитесь».
Хладнокровно,
Еще не цѣля, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертныя ступени.
Свой пистолетъ тогда Евгеній,
Не преставая наступать,
Сталъ первый тихо подымать.
Вотъ пять шаговъ еще ступили,
И Ленскій жмуря лѣвый глазъ,
Сталъ также цѣлить—но какъ разъ
Онѣгинъ выстрѣлилъ... Пробили
Часы урочные: поэтъ
Роняетъ, молча, пистолетъ.

XXXI.

На грудь кладетъ тихонько руку
И падаетъ. Туманный взоръ
Изображаетъ смерть, не муку.
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Мгновеннымъ [illegible] облитъ,
Онѣгинъ къ [illegible] спѣшитъ,
Глядитъ, зоветъ его... напрасно:
Его ужъ нѣтъ. [illegible] пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, [illegible] прекрасной
Увялъ на утренней зарѣ,
Потухъ огонь на [illegible]

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и страненъ
Былъ томный миръ его чела.
Подъ грудь онъ былъ навылетъ раненъ

Дымясь, изъ раны кровь текла.
Тому назадъ одно мгновенье,
Въ семъ сердцѣ билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипѣла кровь:
Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
Все въ немъ и тихо, и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окны мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропалъ и слѣдъ.

XXXIII.

Пріятно дерзкой эпиграммой
Взбѣсить оплошнаго врага;
Пріятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
Склонивъ бодливые рога,
Невольно въ зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Пріятнѣй, если онъ, друзья,
Завоетъ сдуру: это я!
Еще пріятнѣе въ молчаньи
Ему готовить честный гробъ
И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
На благородномъ разстояньи;
Но отослать его къ отцамъ,
Едва ль пріятно будетъ вамъ?

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
Сраженъ пріятель молодой,
Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
Или бездѣлицей иной
Васъ оскорбившій за бутылкой,
Иль даже самъ въ досадѣ пылкой
Васъ гордо вызвавшій на бой,
Скажите: вашею душой
Какое чувство овладѣетъ,
Когда недвижимъ, на землѣ
Предъ вами съ смертью на челѣ,
Онъ постепенно костенѣетъ,
Когда онъ глухъ и молчаливъ
На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызеній,
Рукою стиснувъ пистолетъ,
Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
«Ну, что жъ? убитъ,» рѣшилъ сосѣдъ.
Убитъ!... симъ страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
Отходитъ и людей зоветъ.
Зарѣцкій бережно кладетъ
На сани трупъ оледенѣлый;
Домой везетъ онъ страшный кладъ.
Почуя мертваго, храпятъ
И бьются кони, пѣной бѣлой
Стальныя мочатъ удила,
И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
Чуть изъ младенческихъ одеждъ,
Увялъ! Гдѣ жаркое волненье,
Гдѣ благородное стремленье
И чувствъ и мыслей молодыхъ,
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
Гдѣ бурныя любви желанья,
И жажда знаній и труда,
И страхъ порока и стыда,
И вы, завѣтныя мечтанья,
Вы, призракъ жизни неземной,
Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тѣнь,
Быть можетъ, унесла съ собою
Святую тайну, и для насъ
Погибъ животворящій гласъ,
И за могильною чертою
Къ ней не домчится гимнъ временъ,
Благословеніе племенъ.

XXXVIII.

(Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многаго добра,
Увы! онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера.
Уча людей, мороча братій,
При громѣ плесковъ иль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъ вздохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ,
Какъ нашъ Кутузовъ иль Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ).

XXXIX.

А можетъ быть и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ.
Прошли бы юношества лѣта:
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался бъ съ музами, женился,
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ
И наконецъ въ своей постелѣ

Скончался бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лекарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовникъ молодой,
Поэтъ, задумчивый мечтатель,
Убитъ пріятельской рукой!
Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
Двѣ сосны корнями срослись;
Подъ ними струйки извились
Ручья сосѣдственной долины.
Тамъ пахарь любитъ отдыхать,
И жницы въ волны погружать
Приходятъ звонкіе кувшины;
Тамъ у ручья въ тѣни густой,
Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинаетъ капать
Весенній дождь на злакъ полей)
Пастухъ, плетя свой пестрый лапоть,
Поетъ про Волжскихъ рыбарей;
И горожанка молодая,
Въ деревнѣ лѣто провождая,
Когда стремглавъ верхомъ она
Несется по полямъ одна,
Коня предъ нимъ остановляетъ,
Ремянный поводъ натянувъ,
И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погрузясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслитъ: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглецъ людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ.

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему конечно,
Но мнѣ теперь не до него.
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью рифму гонятъ,
И я—со вздохомъ признаюсь—
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней рифма, *младость?*
Ужель и вправду наконецъ
Увялъ, увялъ ея вѣнецъ?
Ужель и впрямъ и въ самомъ дѣлѣ,
Безъ элегическихъ затѣй,
Весна моихъ промчалась дней
(Что я, шутя, твердилъ доселѣ)?
И ей ужель возврата нѣтъ?
Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталъ, и нужно
Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
Но, такъ и быть, простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милыя мученья,
За шумъ, за бури, за пиры,
За всѣ, за всѣ твои дары;
Благодарю тебя. Тобою
Среди тревогъ и въ тишинѣ
Я насладился... и вполнѣ;
Довольно! Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новый путь
Отъ жизни прошлой отдохнуть.

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай,
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,

Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

И, флеръ отъ шляпы отвернувъ
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.
(„Невскій Альманахъ" на 1829 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?
Дмитріевъ.
Какъ не любить родной Москвы?
Баратынскій.
Гоненье на Москву! что значитъ видѣть свѣтъ
Гдѣ жъ лучше?
Гдѣ насъ нѣтъ.
Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года;
Синѣя, блещутъ небеса.
Еще прозрачные, лѣса
Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.

Пчела за данью полевой
Летитъ изъ кельи восковой.
Долины сохнутъ и пестрѣютъ;
Стада шумятъ, и соловей
Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
Въ моей душѣ, въ моей крови!
Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лице мнѣ вѣющей весны
На лонѣ сельской тишины!
Или мнѣ чуждо наслажденье,
И все, что радуетъ, живитъ,
Все, что ликуетъ и блеститъ,
Наводитъ скуку и томленье
На душу мертвую давно,
И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
Погибшихъ осенью листовъ,
Мы помнимъ горькую утрату,
Внимая новый шумъ лѣсовъ;
Или съ природой оживленной
Сближаемъ думою смущенной
Мы увяданья нашихъ лѣтъ
Которымъ возрожденья нѣтъ?
Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
Средь поэтическаго сна
Иная, старая весна,
И въ трепетъ сердце намъ приводитъ
Мечтой о дальной сторонѣ,
О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливцы,
Вы, школы Левшина [45] птенцы,
Вы, деревенскіе Пріамы,
И вы чувствительныя дамы,
Весна въ деревню васъ зоветъ,
Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
Пора гуляній вдохновенныхъ
И соблазнительныхъ ночей.
Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
На долгихъ иль на почтовыхъ
Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
Въ своей коляскѣ выписной
Оставьте градъ неугомонный,
Гдѣ веселились вы зимой;
Съ моею музой своенравной
Пойдемте слушать шумъ дубравной
Надъ безъименною рѣкой,
Въ деревнѣ, гдѣ Евгеній мой,
Отшельникъ праздный и унылой,
Еще недавно жилъ зимой
Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ...
Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
Вiясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ.
Тамъ соловей, весны любовникъ,
Всю ночь поетъ; цвѣтетъ шиповникъ,
И слышенъ говоръ ключевой—
Тамъ виденъ камень гробовой
Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
Пришельцу надпись говоритъ:
«Владиміръ Ленской здѣсь лежитъ,
«Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
«Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
«Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ при лунѣ,
Обнявшись плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылой
Забытъ. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилой,
Пастухъ попрежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII.

(...разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ,
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ...
Но тутъ поспѣшными шагами
Ее настигъ младой уланъ,
Затянутъ, статенъ и румянъ,
Красуясь черными усами,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча).

IX.

(Она на воина взглянула:
Горѣлъ досадой взоръ его—
И тихо руку протянула,

У МОГИЛЫ ЛЕНСКАГО.
Рисунокъ Волкова.

Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ-за горъ...)

X.

Мой бѣдный Ленской! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невѣста молодая
Своей печали невѣрна.
Другой увлекъ ея вниманье,
Другой успѣлъ ея страданье
Любовной лестью усыпить,
Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
Уланъ любимъ ея душою...
И вотъ ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
Она стыдливо подъ вѣнцомъ
Стоитъ съ поникшей головою,
Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленской! за могилой,
Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летой усыпленной,
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрытъ и нѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
Уланъ, своей невольникъ доли,
Былъ долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо.
Когда всѣ вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ,
Татьяна проводила ихъ.

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ...
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперстница родная,
Судьбою вдаль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродитъ;
То смотритъ въ опустѣлый садъ...
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ—
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ея сердце громче говоритъ.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убійцу брата своего;
Поэтъ погибъ... но ужъ его
Никто не помнитъ, ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась,
Какъ дымъ по небу голубому,
О немъ два сердца, можетъ быть,
Еще грустятъ... Начто грустить?...

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ея сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ»...
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша; кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барской домъ не льзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали,
У ней ключи взять отъ сѣней;

ТАТЬЯНА ВЪ КАБИНЕТѢ ОНѢГИНА.

Рисунокъ Павла Соколова.

Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.

Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей:—«а вотъ камина;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ;
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»—

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунной,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И Лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодной.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гяура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй.
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе—слава Богу—
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ?

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
Ужели *слово* найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собрался два сосѣда
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя,»
Старушка молвила крехтя.
«Вѣдь Олинька ея моложе.
Пристроить дѣвушку, ей-ей,
Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ на отрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна.

XXVI.

«Не влюблена ль она? Въ кого же?
Буяновъ сватался: отказъ.
Ивану Пѣтушкову—тоже.
Гусаръ Пыхтинъ гостилъ у насъ;
Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
Я думала: пойдетъ, авось;
Куда! и снова дѣло врозь.»
— Что жъ, матушка? зачѣмъ же стало?
Въ Москву, на ярмарку невѣстъ!
Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣстъ.»
— «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
— «Довольно для одной зимы,
Не то ужъ дамъ хоть я въ займы.»

XXVII.

Старушка очень полюбила
Совѣтъ разумный и благой:
Сочлась—и тутъ же положила
Въ Москву отправиться зимой—
И Таня слышитъ новость эту.
На судъ взыскательному свѣту
Представить ясныя черты
Провинціяльной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый складъ рѣчей;
Московскихъ франтовъ и цирцей
Привлечь насмѣшливые взгляды!...
О страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
Теперь она въ поля спѣшитъ
И, умиленными очами
Ихъ озирая, говоритъ:
«Простите, мирныя долины,
И вы, знакомыхъ горъ вершины,
И вы, знакомые лѣса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Мѣняю милый, тихій свѣтъ
На шумъ блистательныхъ суетъ!...
Прости жъ и ты, моя свобода!
Куда, зачѣмъ стремлюся я?
Что мнѣ сулитъ судьба моя?—

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
Теперь то холмикъ, то ручей
Остановляютъ поневолѣ
Татьяну прелестью своей.
Она, какъ съ давними друзьями,
Съ своими рощами, лугами
Еще бесѣдовать спѣшитъ,
Но лѣто быстрое летитъ,
Настала осень золотая.
Природа, трепетна блѣдна,
Какъ жертва, пышно убрана...
Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
Дохнулъ, завылъ—и вотъ сама
Идетъ волшебница Зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ дубовъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснулъ морозъ. И рады мы
Проказамъ матушки Зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдетъ она зимы встрѣчать,
Морозной пылью подышать
И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьянѣ страшенъ зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ,
Проходитъ и послѣдній срокъ.
Осмотрѣнъ, вновь обитъ, упроченъ
Забвенью брошенный возокъ.
Обозъ обычный, три кибитки
Везутъ домашніе пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье въ банкахъ, тюфяки,
Перины, клѣтки съ пѣтухами,
Горшки, тазы et cetera,

Ну, много всякаго добра.
И вотъ въ избѣ между слугами
Поднялся шумъ, прощальный плачъ:
Ведутъ на дворъ осьмнадцать клячъ.

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ,
Готовятъ завтракъ повара,
Горой кибитки нагружаютъ,
Бранятся бабы, кучера.
На клячѣ тощей и косматой
Сидитъ форрейторъ бородатый.
Сбѣжалась челядь у воротъ
Прощаться съ барами. И вотъ
Усѣлись, и возокъ почтенный,
Скользя, ползетъ за ворота.
«Простите, мирныя мѣста!
«Прости, пріютъ уединенный!
«Увижу ль васъ?...» И слезъ ручей
У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
Отдвинемъ болѣе границъ,
Современемъ (по расчисленью
Философическихъ таблицъ,
Лѣтъ чрезъ пять сотъ) дороги вѣрно
У насъ измѣнятся безмѣрно:
Шоссе Россію здѣсь и тутъ,
Соединивъ пересѣкутъ;
Мосты чугунные чрезъ воды
Шагнутъ широкою дугой,
Раздвинемъ горы, подъ водой
Прорoемъ дерзостные своды,
И заведетъ крещеный міръ
На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи, [46]
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодной,
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ апетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнёмъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка.
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной—
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ какъ заборъ. [47]
Къ несчастью Ларина тащилась,
Боясь прогоновъ дорогихъ,
Не на почтовыхъ, на своихъ,
И наша дѣва насладилась
Дорожной скукою вполнѣ:
Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ!
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окруженъ своей дубравой,
Петровскій зàмокъ. Мрачно онъ
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенной
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою,
Не праздникъ, не пріемный даръ,
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою!
Отселѣ, въ думу погружёнъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель падшей славы,
Петровскій зàмокъ. Ну! не стой,
Пошолъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ; вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо бутки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стаи галокъ на крестахъ.

XXXIX.

Москва! Москва! . . . . . .
. . . . . .

ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ.
Съ литографіи 1830-хъ г.

XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
Проходитъ часъ, другой, и вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежь отворяетъ дверь
Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ.
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ.
Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange!—Pachette—Алина!
— Кто бъ могъ подумать? Какъ давно!
Надолго ль?—Милая! Кузина!
Садись—какъ это мудрено!
Ей-Богу, сцена изъ романа...
— А это дочь моя, Татьяна.—
Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ—
Какъ будто брежу я во снѣ...
Кузина, помнишь Грандисона?—
Какъ, Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?—
«Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все разскажемъ,
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость...»
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; по ей
Не хорошо на новосельѣ,
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели подымаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ: по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я такъ на руки брала!
А я такъ за уши драла!
А я такъ пряникомъ кормила!»
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки Княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ также глупъ,
Семенъ Петровичъ также скупъ,
У Пелагѣи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ,
А онъ, все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
И такъ же ѣстъ и пьетъ за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ.

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ:
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Роспросовъ, сплетень и вѣстей
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

LXIX.

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ,
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.
Одинъ какой-то шутъ печальной
Ее находитъ идеальной,
И, прислонившись у дверей,
Элегію готовитъ ей.
У скучной тетки Таню встрѣтя,
Къ ней какъ-то В...[яземскій] подсѣлъ
И душу ей занять успѣлъ.
И близъ него ее замѣтя,
Объ ней, поправя свой парикъ,
Освѣдомляется старикъ.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Гдѣ машетъ мантіей мишурной
Она предъ хладною толпой,
Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также въ прежни лѣты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дамъ ревнивые лорнеты,
Ни трубки модныхъ знатоковъ
Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ.

LI.

Ее привозятъ и въ Собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчъ блистанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ;
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ
Всѣ чувства поражаютъ вдругъ.

Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, погремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
Красавицъ много на Москвѣ.
Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
Луна въ воздушной синевѣ.
Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блеститъ одна.
Къ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томенъ взоръ ея чудесной!...
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеёкъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ *онъ* являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный Генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
— «Взгляни налѣво поскорѣй.
— «Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
— «Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
— «Кто? толстый этотъ Генералъ?...

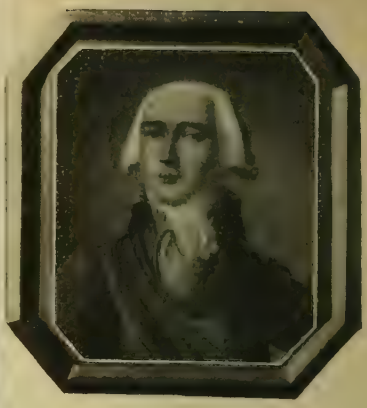
LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою.
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою...
Да кстати, здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младова
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И, вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривь.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хотъ поздно, а вступленье есть.

Московскія моды 1825 г.

ДЕРЖАВИНЪ.

ЖУКОВСКІЙ.



ДМИТРІЕВЪ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.
Byron.

I.

Въ тѢ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѢталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ,
Въ тѢ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѢ,
Являться Муза стала мнѢ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: Муза въ ней
Открыла пиръ младыхъ затѢй,
ВоспѢла дѢтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II.

И свѢтъ ее съ улыбкой встрѢтилъ:
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѢтилъ
И въ гробъ сходя, благословилъ.
(И Дмитревъ не былъ нашъ хулитель;
И быта русскаго хранитель,
Скрижаль оставя, намъ внималъ
И Музу робкую ласкалъ.
И ты, глубоко-вдохновенный,
Всего прекраснаго пѢвецъ,
Ты, идолъ дѢвственныхъ сердецъ!
Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
Не ты ль мнѢ руку подавалъ
И къ славѢ чистой призывалъ.)

III.

И я, въ законъ себѢ вмѢняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѢляя,
Я Музу рѢзвую привѢлъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ:
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары,
И какъ Вакханочка рѢзвилась,
За чашей пѢла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась—
А я гордился межъ друзей
Подругой вѢтреной моей.

IV.

Но рокъ мнѢ бросилъ взоры гнѢва
И вдаль занесъ... она за мной.
Какъ часто ласковая дѢва
МнѢ услаждала путь нѢмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа,
Она Ленорой, при лунѢ
Со мной скакала на конѢ!
Какъ часто по брегамъ Тавриды
Она меня во мглѢ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шопотъ Нереиды,
Глубокій, вѢчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальной
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племенъ бродящихъ посѢщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѢчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,

Для пѣсенъ степи ей любезной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моёмъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ Французской книжкою въ рукахъ.

VI.

И нынѣ Музу я впервые
На свѣтскій раутъ [48] привожу;
На прелести ея степныя
Съ ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тѣсный рядъ Аристократовъ,
Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
И гордыхъ дамъ она скользитъ,
Вотъ сѣла тихо и глядитъ,
Любуясь шумной тѣснотою,
Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
Явленьемъ мѣдленнымъ гостей
Передъ хозяйкой молодою,
И темной рамою мужчинъ
Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройной
Олигархическихъ бесѣдъ,
И холодъ гордости спокойной,
И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
Но это кто въ толпѣ избранной
Стоитъ безмолвный и туманной?
Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
Мелькаютъ лица передъ нимъ,
Какъ рядъ докучныхъ привидѣній?
Что, сплинъ иль страждущая спѣсь
Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
— Давно ли къ намъ онъ занесенъ?

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжёй
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малой,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
По крайней мѣрѣ мой совѣтъ:
Отстать отъ моды обветшалой.
Довольно онъ морочилъ свѣтъ...
— Знакомъ онъ вамъ?—И да и нѣтъ.

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ,
Что̀ умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто вовремя созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ,
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ.

XI.

Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Итти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей.

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Несчосно (согласитесь въ томъ)
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Или печальнымъ сумасбродомъ,
Иль сатаническимъ уродомъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ.

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
Охота къ перемѣнѣ мѣстъ

(Весьма мучительное свойство,
Немногихъ добровольный крестъ).
Оставилъ онъ свое селенье,
Лѣсовъ и нивъ уединенье,
Гдѣ окровавленная тѣнь
Ему являлась каждый день,
И началъ странствія безъ цѣли
Доступный чувству одному;
И путешествія ему,
Какъ все на свѣтѣ, надоѣли;
Онъ возвратился и попалъ,
Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ толпа заколебалась,
По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный Генералъ.
Она была не тороплива,
Не холодна, не говорлива,
Безъ взора наглаго для всѣхъ,
Безъ притязаній на успѣхъ,
Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
Безъ подражательныхъ затѣй...
Все тихо, просто было въ ней.
Она казалась вѣрный снимокъ
Du Comme il faut...*** [Шишковъ] прости:
Не знаю, какъ перевести.

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей;
Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ: и всѣхъ выше
И носъ и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею Генералъ.
Никто бъ не могъ ее прекрасной
Назвать; но съ головы до ногъ
Никто бы въ ней найти не могъ
Того, что модой самовластной
Въ высокомъ, Лондонскомъ кругу
Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести:
Оно у насъ покамѣстъ ново,
И врядъ ли быть ему въ чести,
Оно бъ годилось въ эпиграммѣ...
Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
Безпечной прелестью мила,
Она сидѣла у стола
Съ блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И вѣрно бъ согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить сосѣдку не могла,
Хоть ослѣпительна была.

XVII.

«Ужели,» думаетъ Евгеній:
«Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
Какъ? изъ глуши степныхъ селеній...»
И неотвязчивый лорнетъ
Онъ обращаетъ поминутно
На ту, чей видъ напомнилъ смутно
Ему забытыя черты.
«Скажи мнѣ, Князь, не знаешь ты,
Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
Съ Посломъ Испанскимъ говоритъ?»
Князь на Онѣгина глядитъ.
—«Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
Постой, тебя представлю я.»
«Да кто жъ она?»—Жена моя.»

XVIII.

—«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
Давно ли?»—Около двухъ лѣтъ.»
«На комъ?»—«На Лариной.»—«Татьянѣ!»
— «Ты ей знакомъ?»—«Я имъ сосѣдъ.»
— «О, такъ пойдемъ же.» — Князь подходитъ
Къ своей женѣ, и ей подводитъ
Родню и друга своего.
Княгиня смотритъ на него...
И что ей душу ни смутило,
Какъ сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
Былъ также тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей—ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрести.
Съ ней рѣчь хотѣлъ онъ завести
И—и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой—далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читалъ когда-то наставленья,—
Та, отъ которой онъ хранитъ
Письмо, гдѣ сердце говоритъ,
Гдѣ все наружѣ, все наволѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?...

Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ; ему приносятъ
Письмо: князь N. покорно проситъ
Его на вечеръ.—«Боже! къ ней!...
О! буду, буду!»—и скорѣй
Мараетъ онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ странномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности—любовь?

INTERIEUR ЗНАТНАГО ДОМА НАЧАЛА 1830-хъ гг.

Неизданная современная акварель проф. И. П. Вольскаго (изъ коллекціи Б. К. Веселовскаго).

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьетъ: онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца,
Онъ съ трепетомъ къ Княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой,
Неловкій, онъ едва, едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотритъ онъ: она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходитъ мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête à tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педанства,
И не пугалъ ничьихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ однако цвѣтъ столицы,
И знать и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лицы,
Необходимые глупцы;
Тутъ были дамы пожилыя
Въ чепцахъ и въ розахъ, свиду злыя;
Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Не улыбающихся лицъ;
Тутъ былъ Посланникъ, говорившій
О государственныхъ дѣлахъ;
Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
Старикъ, постарому шутившій,
Отмѣнно тонко и умно,
Что нынче нѣсколько смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, на войну,
На снѣгъ, и на свою жену.
. . . . . .
(Тутъ также дочь его была,
Ужъ такъ горбата, такъ мала,
Такъ неопрятна, такъ писклива,
Что поневолѣ каждый гость
Предполагалъ въ ней умъ и злость).

XXVI.

Тутъ былъ ***[Сабуровъ], заслужившій
Извѣстность низостью души,
Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
St.-P**[St-Priest], твои карандаши;
Въ дверяхъ другой диктаторъ бальной
Стоялъ картинкою журнальной,
Румянъ—какъ вербный херувимъ,
Затянутъ, нѣмъ и недвижимъ,
И путешественникъ залётной,
Перекрахмаленый нахалъ,
Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной,
И молча обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлой
Татьяной занятъ былъ одной,
Не этой дѣвочкой несмѣлой,
Влюбленной, бѣдной и простой,
Но равнодушною Княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанной змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
Какъ твердо въ роль свою вошла!
Какъ утѣснительнаго сана
Пріемы скоро приняла!
Кто бъ смѣлъ искать дѣвчонки нѣжной
Въ сей величавой, въ сей небрежной
Законодательницѣ залъ?
И онъ ей сердце волновалъ!
Объ немъ она во мракѣ ночи,
Пока Морфей не прилетитъ,
Бывало, дѣвственно груститъ,
Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
Мечтая съ нимъ, когда нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
Ея порывы благотворны,
Какъ бури вешнія полямъ.
Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
И обновляются, и зрѣютъ—
И жизнь могущая даетъ
И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
Но въ возрастъ поздній и безплодной,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвой слѣдъ:
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгеній
Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
Въ тоскѣ любовныхъ помышленій
И день и ночь проводитъ онъ.
Ума не внемля строгимъ пѣснямъ,
Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
За ней онъ гонится какъ тѣнь;
Онъ счастливъ, если ей накинетъ
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ея руки, или раздвинетъ
Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
Или платокъ подыметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
Какъ онъ ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимаетъ,
Въ гостяхъ съ нимъ молвитъ слова три,
Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
Порою вовсе не замѣтитъ:
Кокетства въ ней ни капли нѣтъ—
Его не терпитъ высшій свѣтъ.

ОНѢГИНЪ ПИШЕТЪ ПИСЬМО ТАТЬЯНѢ.

Неизданный рисунокъ Д. Н. Кардовскаго.

Блѣднѣть Онѣгинъ начинаетъ:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
Ужъ не чахоткою страдаетъ.
Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ,
Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
Писать ко прадѣдамъ готовъ
О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
И дѣла нѣтъ (ихъ полъ таковъ);
А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
Еще надѣется, хлопочетъ;
Смѣлѣй здороваго, больной,
Княгинѣ слабою рукой
Онъ пишетъ страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Онъ въ письмахъ видѣлъ невотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему не въ мочь.
Вотъ вамъ письмо его точь въ точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презрѣнье
Вашъ гордый взглядъ изобразитъ!
Чего хочу? съ какою цѣлью
Открою душу вамъ свою?
Какому злобному веселью,
Быть можетъ, поводъ подаю!
«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
Я ей повѣрить не посмѣлъ.
Привычкѣ милой не далъ ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотѣлъ.
Еще одно насъ разлучило...
Несчастной жертвой Ленскій палъ...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвалъ;
Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
Я думалъ: вольность и покой
Замѣна счастью. Боже мой!
Какъ я ошибся, какъ наказанъ!
«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
Повсюду слѣдовать за вами,
Улыбку устъ, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вамъ долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Предъ вами въ мукахъ замирать,
Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!
«И я лишенъ того: для васъ
Тащусь повсюду наудачу;
Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ:
А я въ напрасной скукѣ трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И такъ ужъ тягостны они.
Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я...
«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
Увидитъ вашъ суровый взоръ
Затѣи хитрости презрѣнной—
И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
Когда бъ вы знали, какъ ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать—и разумомъ всечасно
Смирять волненіе въ крови;
Желать обнять у васъ колѣни,
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пѣни,
Все, все, что̀ выразить бы могъ,
А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
Вооружать и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..
«Но такъ и быть: я самъ себѣ
Противиться не въ силахъ болѣ;
Все рѣшено: я въ вашей волѣ,
И предаюсь моей судьбѣ.»—

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье:
Второму, третьему письму
Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
Онъ ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она на встрѣчу. Какъ сурова!
Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыя хотятъ!
Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семъ лицѣ лишь гнѣва слѣдъ...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
Проказы, слабости случайной...
Всего, что̀ мой Онѣгинъ зналъ...
Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ
Свое безумство проклинаетъ—
И, въ немъ глубоко погруженъ,
Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
И въ молчаливомъ кабинетѣ
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
Поймала, за̀ воротъ взяла
И въ темный уголъ заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенія Фонтенеля,
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Гдѣ поученья намъ твердятъ,
Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
А гдѣ такіе мадригалы
Себѣ встрѣчалъ я иногда.
E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанія, печали
Тѣснились въ душу глубоко.
Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углублѣнъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ
А передъ нимъ Воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: что жъ? убитъ!
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ, и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ,
То сельскій домъ—и у окна
Сидитъ *она*... и все она!...

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бъ одолжилъ!
А точно: силой магнетизма
Стиховъ Россійскихъ механизма
Едва въ то время не постигъ
Мой безтолковый ученикъ.
Какъ походилъ онъ на поэта,
Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
И передъ нимъ пылалъ каминъ,
И онъ мурлыкалъ: *Benedetta*
Иль *Idol mio*, и ронялъ
Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
Ужъ разрѣшалася зима;
И онъ не сдѣлался поэтомъ,
Не умеръ, не сошелъ съ ума.
Весна живитъ его: впервые
Свои покои запертые,
Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
Двойныя окна, камелекъ
Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
Несется вдоль Невы въ саняхъ.
На синихъ, изсѣченныхъ льдахъ
Играетъ солнце; грязно таетъ
На улицахъ разрытый снѣгъ.
Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремитъ Онѣгинъ? Вы заранѣ
Ужъ угадали; точно такъ:
Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ
Мой неисправленный чудакъ.
Идетъ, на мертвеца похожій.
Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
Онъ въ залу: дальше: никого.
Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
Съ такою силой поражаетъ?
Княгиня передъ нимъ, одна,
Сидитъ не убрана, блѣдна,
Письмо какое-то читаетъ,
И тихо слезы льетъ рѣкой,
Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ Княгинѣ бъ не узналъ!

Акварель Ел. Бемъ.

Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
Къ ея ногамъ упалъ Евгеній;
Она вздрогнула, и молчитъ;
И на Онѣгина глядитъ
Безъ удивленія, безъ гнѣва...
Его больной, угасшій взоръ,
Молящій видъ, нѣмой укоръ
Ей внятно все. Простая дѣва,
Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
Теперь воскресла въ ней.

XLII.

Она его не подымаетъ,
И, не сводя съ него очей,
Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
Безчувственной руки своей...
О чемъ теперь ея мечтанье?...
Проходитъ долгое молчанье,
И тихо наконецъ она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сего дня очередь моя.

XLIII.

Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была не новость
Смиренной дѣвочки любовь?
И нынче—Боже!—стынетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда—не правда ли?—въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной Молвы,
Я вамъ не нравилась... Что же нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;

Что насъ за то ласкаетъ Дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принесть
Вамъ соблазнительную честь?

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!—что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? какая малость!
Какъ съ вашимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства мелкаго рабомъ?

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
Мой модный домъ и вечера,
Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ и чадъ
За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!.. Но судьба моя
Ужъ рѣшена. Неосторожно,
Быть можетъ, поступила я:
Меня съ слезами заклинаній
Молила мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребіи равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость, и прямая честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду вѣкъ ему вѣрна.»—

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгеній,
Какъ будто громомъ пораженъ.
Въ какую бурю ощущеній
Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
Но шпоръ незапный звонъ раздался,
И мужъ Татьянинъ показался,
И здѣсь героя моего,
Въ минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ,
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по̀ свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ,
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
Засимъ разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ—
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеалъ...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полнаго вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

ОНѢГИНЪ и ТАТЬЯНА-КНЯГИНЯ.

Съ акварели Павла Соколова.

Приложенія къ „Евгенію Онѣгину“.

I.

СТРАНСТВІЕ ОНѢГИНА.

Послѣдняя Глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію и насмѣшкамъ (впрочемъ весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую Главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную Главу точками или цифромъ; но въ избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней Главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя проситъ;
Я девять пѣсенъ написалъ;
На берегъ радостный выноситъ
Мою ладью девятый валъ—
Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтическій талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однако жъ плану цѣлаго сочиненія; ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ.—Замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту Главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ». [Изъ изд. 1833 г.].

I.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ
Несносно, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
Доживъ безъ цѣли и трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ нибудь давно хотѣлъ.

II.

Наскуча или слыть Мельмотомъ,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся разъ онъ патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно,
И рѣшено—ужъ онъ влюбленъ,
Ужъ Русью только бредитъ онъ.
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой,
Съ ея развратной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ: онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Пустыни, грады и моря.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ.

Изъ хранящихся въ библіотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Никанора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1835—1836 г.г.

III.

Онъ собрался—и слава Богу!
Іюня третьяго числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великой:
Смирились площади—средь нихъ
Мятежный колоколъ утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Іоанновъ,
И вкругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней.

IV.

Тоска, тоска!... Спѣшитъ Евгеній
Скорѣе далѣе... Теперь
Мелькаютъ мелькомъ, будто тѣни,
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Беретъ три связки онъ баранокъ;
Здѣсь покупаетъ туфли,—тамъ
По гордымъ волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный. Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки;
Мелькаютъ версты; ямщики
Поютъ, и свищутъ, и бранятся;
Пыль вьется.—Вотъ Евгеній мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской.

V.

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой,
Своими дѣвами прельщаетъ,
Стерляжей потчуетъ ухой.
Въ палатѣ англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба),
Безмолвно въ думу погруженъ,
О кашахъ пренья слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ
Разнорѣчивая молва.
Имъ занимается Москва,
Его шпіономъ именуетъ;
Слагаетъ въ честь его стихи
И производитъ въ женихи.

VI.

Тоска, тоска! Онъ въ Нижній хочетъ,
Въ отчизну Минина! Предъ нимъ
Макарьевъ суетно хлопочетъ,
Кипитъ обиліемъ своимъ.
Сюда жемчугъ привезъ Индеецъ,
Поддѣльны вина Европеецъ.
Табунъ бракованныхъ коней
Пригналъ заводчикъ изъ степей,
Игрокъ привезъ свои колоды
И горсть услужливыхъ костей,
Помѣщикъ—спѣлыхъ дочерей,
А дочки—прошлогодни моды.
Всякъ суетится, лжетъ за двухъ
И всюду меркантильный духъ.

ВОЛГА НА ГРАНИЦѢ НИЖЕГОРОДСКОЙ И КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

БУГОРЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА.

АСТРАХАНЬ.

VII.

Тоска!... Евгеній ждетъ погоды.
Ужъ Волга—рѣкъ, озеръ краса—
Его зоветъ на пышны воды
Подъ полотняны паруса.
Взманить охотника не трудно;
Нанявъ купеческое судно,
Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унывнымъ голосомъ поютъ
Про тотъ разбойничій пріютъ,
Про тѣ разъѣзды удалые,
Какъ Стенька Разинъ встарину
Кровавилъ волжскую волну;

VIII.

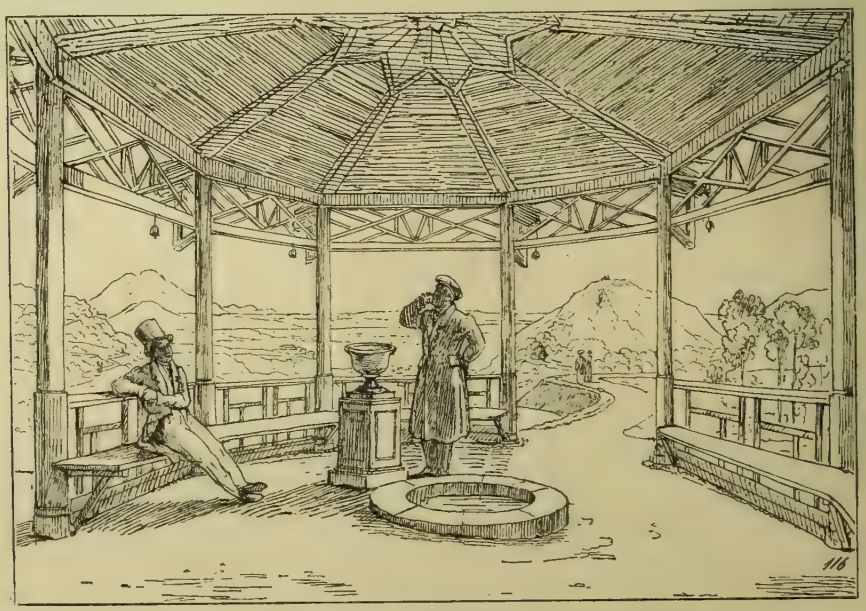
Поютъ про тѣхъ гостей незваныхъ,
Что жгли да рѣзали. Но вотъ,
Среди степей своихъ песчаныхъ,
На берегу соленыхъ водъ
Торговый Астрахань открылся.
Онѣгинъ только углубился
Въ воспоминанье прошлыхъ дней,
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи,
Пища, жужжа со всѣхъ сторонъ,
Его встрѣчаютъ—и, взбѣшенъ,
Каспійскихъ водъ брега сыпучи
Онъ оставляетъ тотъ же часъ
Тоска!... Онъ ѣдетъ на Кавказъ.

IX.

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ царитъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Въ дали—Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли Русскіе шатры.

X.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслитъ жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка злыхъ годовъ обиды
На днѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть—хотя на мигъ.

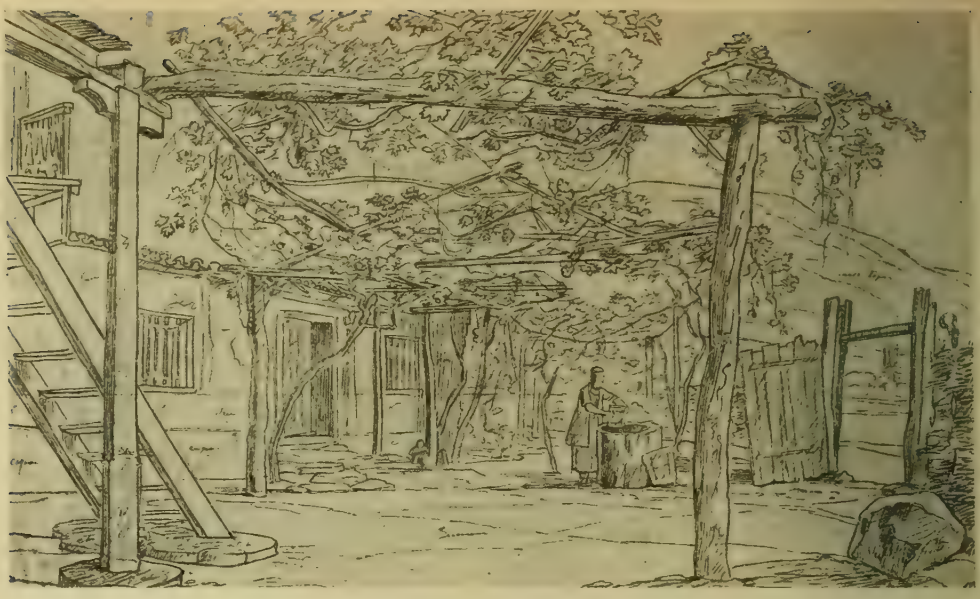


ПЯТИГОРСКЪ.

Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836).

ТЕРЕКЪ.
Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

СЛІЯНІЕ КУРЫ И АРАГВЫ.
Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).



ТАТАРСКАЯ ХИЖИНА ВЪ КРЫМУ.
Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XI.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи
И мыслитъ, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилой я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откупщикъ?
Зачѣмъ, какъ Тульскій Засѣдатель!
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма?—Ахъ, Создатель,
И я, какъ эти господа,
Надежду могъ бы знать тогда!

XII.

«Блаженъ, кто старъ! Блаженъ, кто боленъ!
«Надъ нимъ лежитъ судьбы рука.
«Но я здоровъ, я молодъ, воленъ,
«Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!...»
Простите, снѣжныхъ горъ вершины,
И вы, кубанскія равнины!
Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ.
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.

XIII.

Воображенью край священный!
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ закололся Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный
И, посреди прибрежныхъ скалъ,
Свою Литву воспоминалъ.

. . . . . .

XIV.

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, селъ узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

XV.

Какія въ чувства ни таились,
Тогда во мнѣ—теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли иль измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужины,
И моря шумъ, и груды скалъ,
И гордой дѣвы идеалъ,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокалъ
Воды я много подмѣшалъ.

ГУРЗУФЪ.
Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

ВИДЪ НА АЮДАГЪ.
Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 г.).

XVI.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи—
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,
Раздолье утокъ молодыхъ;
Теперь мила мнѣ балалайка
Да пьяный топотъ трепака
Передъ порогомъ кабака.
Мой идеалъ теперь—хозяйка,
Мои желанія—покой,
Да щей горшокъ, да самъ большой.

XVII.

Порой дождливою намедни
Я, завернувъ на скотный дворъ...
Тьфу! прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый соръ!
Таковъ ли былъ я, разцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навелъ твой безконечный шумъ,
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...
Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
Спустя три года, вслѣдъ за мною,
Скитаясь въ той же сторонѣ,
Онѣгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

XVIII.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильной
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ Югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый Славянинъ,
Французъ, Испанецъ, Армянинъ,
И Грекъ, и Молдаванъ тяжелой,
И сынъ Египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

XIX.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ,
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Пріѣхавъ онъ прямымъ Поэтомъ,
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ—и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады Одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавный трудъ заставилъ
Младыя вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

XX.

А гдѣ, опишь, мой разсказъ несвязной?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной—
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ;
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня.

XXI.

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной бронёй.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важной;
Чегобъ вы думали?—воды.
Потребны тяжкіе труды...
Что жъ? это небольшое горе?
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

XXII.

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленной,
Какъ Мусульманъ въ своемъ раю,
Съ Восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открытъ Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркеръ выходитъ полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Ужъ сошлися два купца.

XXIII.

Глядишь и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

XXIV.

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ Цареградскихъ береговъ.
Что́ устрицы? пришли! О радость!
Летитъ обжорливая младость
Глотать изъ раковинъ морскихъ
Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
Слегка обрызгнутыхъ лимономъ.
Шумъ, споры—легкое вино
Изъ погребовъ принесено
На столъ услужливымъ Отономъ. 49
Часы летятъ, а грозный счетъ
Межъ тѣмъ невидимо растетъ.

XXV.

Но ужъ темнѣетъ вечеръ синій,
Пора намъ въ Оперу скорѣй:
Тамъ упоительный Россини,
Европы баловень-Орфей.
Не внемля критикѣ суровой,
Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новой,
Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ закипѣвшаго Аи
Струя и брызги золотые...
Но, господа, позволено ль
Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

XXVI.

А только ль тамъ очарованій?
А разыскательный лорнетъ?
А закулисныя свиданья?
А prima donna? а балетъ?
А ложа, гдѣ красой блистая,
Негоціанка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ...
А мужъ—въ углу за нею дремлетъ,
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрипитъ.

XXVII.

Финалъ гремитъ; пустѣетъ зала;
Шумя, торопится разъѣздъ;
Толпа на площадь побѣжала
При блескѣ фонарей и звѣздъ.
Сыны Авзоніи счастливой
Слегка поютъ мотивъ игривой,
Его невольно затвердивъ,
А мы ревемъ речитативъ
Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ;
Лишь Море Черное шумитъ...

ЛѢСЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТИ ТРИГОРСКАГО.
Картина В. Максимова (1899).

XXVIII.

И такъ я жилъ тогда въ Одессѣ
Средь новоизбранныхъ друзей,
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ,
Героѣ повѣсти моей.
Онѣгинъ никогда со мною
Не хвасталъ дружбой почтовою.
А я, счастливый человѣкъ,
Не переписывался ввѣкъ
Ни съ кѣмъ. Какимъ же изумленьемъ,
Судите, былъ я пораженъ,
Когда ко мнѣ явился онъ
Неприглашеннымъ привидѣньемъ,
И какъ заахали друзья,
И какъ обрадовался я!

XXIX.

Святая дружба! Дань натуры!
Взглянувъ другъ на друга, потомъ,
Какъ Цицероновы авгуры,
Мы разсмѣялися тишкомъ...
. . . . . .
. . . . . .

XXX.

Не долго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ.
Онѣгинъ, очень охлажденный
И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
Пустился къ невскимъ берегамъ,
А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ,
И, слава Богу, отъ вельможъ,
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ—
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

XXXI.

О, гдѣ бъ судьба ни назначала
Мнѣ безыменный уголокъ,
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ ни мчала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бъ ни сулила,
Гдѣбъ ни ждала меня могила,

БЕРЕГА СОРОТИ У ТРИГОРСКАГО.
Картина В. Максимова (1899).

Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ цивъ.

XXXII.

И берегъ Сороти отлогій,
И полосатые холмы,
И въ рощѣ скрытыя дороги,
И домъ, гдѣ пировали мы,—
Пріютъ, сіяньемъ музъ одѣтый,
Младымъ Языковымъ воспѣтый,
Когда изъ капища наукъ
Явился онъ въ нашъ сельскій кругъ
И воды Сороти прославилъ,
И огласилъ поля кругомъ
Очаровательнымъ стихомъ.
Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
И вѣтру въ даръ, на темну ель
Повѣсилъ звонкую свирѣль.
. . . . . .

II.

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

[Относится къ зачеркнутой XXII строфѣ VII главы].

XXII.

Опрятно по краямъ окованъ,
Позолоченнымъ серебромъ,
Онъ былъ изписанъ, изрисованъ
Рукой Онѣгина кругомъ.
Межъ непонятнаго маранья
Мелькали мысли, замѣчанья,
Портреты, числа, имена,
Да буквы, тайны письмена,
Отрывки, письма черновыя,
И словомъ,—искренній журналъ,
Въ который душу изливалъ
Онѣгинъ въ дни свои младые,
Дневникъ мечтаній и проказъ.
Кой-что я выпишу для васъ.

Альбомъ Онѣгина.

1.

Меня не любятъ и клевещутъ
Въ кругу мущинъ несносенъ я
Дѣвчонки предо мной трепещутъ—
Косятся дамы на меня
За что? за то, что разговоры
Принять мы рады за дѣла
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
Что глупость вѣтрена и зла
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ,
Что умъ любя просторъ тѣснитъ.

2.

Боитесь вы Граф[ини]—овой
Сказала мнѣ Элиза В.
Да, возразилъ N. N. суровый,
Боимся мы Гр-[афини]—овой;
Какъ вы боитесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
Вотъ напримѣръ: Предъ каждымъ сномъ
Молись; бѣги путей лукавыхъ;
Что Бога и не спорь съ глупцомъ.

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ Кавказскомъ каменѣетъ;
Въ вольненьѣ жизни такъ мертвѣетъ
И вѣтреной и нѣжный нравъ.

5.

Шестаго. Былъ у В. на балѣ
Довольно пусто было въ залѣ—
R. C. какъ Ангелъ хороша:
Какая вольность въ обхожденьѣ!
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазъ движеньи
Какая нѣга и душа!
(Она сказала, Nota bene,—
Что завтра ѣдетъ къ Селименѣ)

6.

Вечоръ сказала мнѣ R. C.
Давно желала я васъ видѣть
Зачѣмъ?—мнѣ говорили всѣ,
Что я васъ буду ненавидѣть.
За что?—за рѣзкій разговоръ,
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ; однако жъ это вздоръ
Вы надо мной смѣяться властны,
Но вы совсемъ не такъ опасны
И знали ль вы до сей поры,
Что просто—очень вы добры?—

7.

Сокровища роднаго слова
Замѣтятъ важные умы
Для лепетанія чужаго
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ—
Да гдѣ жъ они? давайте ихъ.
А гдѣ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли
Гдѣ повѣряли испытанья
Гдѣ узнаемъ судьбу земли
Не въ переводахъ одичалыхъ
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
Гдѣ Русскій умъ и Русскій духъ
Зады твердитъ и лжетъ за двухъ.

8.

Морозъ и солнце! чудный день—
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невою
Блеснуть холодной красотою—
Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система,
И правъ обычай стариковъ:
Онѣ родились для Гарема
Иль для неволи теремовъ.

9.

(Вчера, у В.)—оставя пиръ
R. C. летѣла какъ Зефиръ,
Не внемля жалобамъ и пѣнямъ;
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нее поймать успѣлъ;
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинулъ;
Я предъ Венерою Невы
Толпы влюбленную раздвинулъ.

10.

. . . . я васъ люблю, etc.

11.

Сегодня былъ я ей представленъ,
Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
(Онъ важенъ); краситъ волоса;
Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

12.

Когда бы грузъ меня гнетущій
Былъ страсть, нещастіе . . . .
Такъ, напряженьемъ воли твердой
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душою гордой,
Печаль надеждой усладимъ...
Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

13.

Вчера былъ день довольно скучный;
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы:
К—л—ю—клю... возможно ль? клюквы!

14.

Конечно, презирать не трудно
Отдѣльно каждаго глупца,
Сердиться также безразсудно
И на отдѣльнаго страмца;
Но въ кучкѣ какъ-то мудрено
Всѣхъ вмѣстѣ презирать и трудно
Ихъ эпиграммы площадныя
Изъ Bievri'аны занятыя...

15.

Строгій свѣтъ
Смягчитъ свои предубѣжденья
Иль проститъ мнѣ заблужденья,
Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ.

16.

Порой [одно] воспоминанье
Какъ тѣнь опять бѣжитъ ко мнѣ...
. . . . . .
Грызетъ мнѣ сердце въ тишинѣ.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ ВО ВРЕМЯ ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ».

[Изъ изданій отдѣльныхъ главъ и изъ полнаго изданія всего романа—Спб., 1833].

1) Писано въ Бессарабіи.

2) Dandy—франтъ.

3) Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ Ex ponto, онъ ясно означаетъ мѣсто пребыванія городъ *Томы* при самомъ устьѣ Дуная. Столь же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

4) Шляпа à la Bolivar.

5) Извѣстный ресторатеръ.

6) Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе Поэзіи, нежели во всей Французской Литературѣ.

7) Tout le monde sut qu' il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage q'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

Confessions de J. J. Rousseau.

Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ почти особенной щеточкой.

8) Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для

языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ. Наша, безъ сомнѣнія счастливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно *классическаго* (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для васъ, милостивые государи, незабвеннымъ, драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ».

9) Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укоризны, хвалитъ Людовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностію и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣнившею г-жу Сталь. (*См. Dix ans d'exil*).

10) Читатели помнятъ прелестное описаніе Петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

«Вотъ ночь: но не меркнутъ златистыя полосы облакъ.
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
На взморьѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сіяньe волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алыя щеки
Едва оттѣняются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончитъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть на Невскія тундры;
Роса опустилась; . . . . . .
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью селъ,
Нева не колыхнетъ; разъѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ, все тихо:
Лишь изрѣдка гулъ отъ мостовъ пробѣжитъ надъ водою;
Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчится деревни,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ . . . . . .

11) Въявь богиню благосклонну
Зритъ восторженный пінтъ,
Что проводитъ ночь безсонну,
Опершися на гранитъ.
(*Муравьевъ. Богинѣ Невы*).

12) Писано въ Одессѣ.

13) Авторъ, со стороны матери, происхожденія Африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ на 8-мъ году своего возраста былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланникъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Всѣдъ за нимъ братъ его пріѣзжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ; но Петръ I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу съ руками, связанными за спину, между тѣмъ, какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плакалъ подъ фонтанами отеческаго дома; помнилъ также любимую сестру свою *Лагань*, плывшую издали за кораблемъ, на которомъ онъ удалялся.

18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ Царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи Регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленною головою и съ чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находился онъ неотлучно при особѣ Императора. Въ царствованіе Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскучa безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно, Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елисавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіе Екатерины, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ Генералъ-Аншефа, на 92 г. отъ рожденія *).

Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала извѣстна только по семейственнымъ преданіямъ.

Сынъ его Генералъ-Лейтенантъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей Екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.).

14) Всѣ пропуски въ семъ сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.

15) Изъ первой части Днѣпровской Русалки.

16) Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаѳонъ, Филатъ, Ѳедора, Ѳекла и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

17) Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

18) Si j'avois la folie de croire encor e an bonheur, je le chercherois dans l'habitude. Шатобріанъ).

*) Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.

19) Бѣдный Іорикъ! восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута (См. Шекспира и Стерна).

20) Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто *домой летятъ*, было ошибкою напечатано *зимой летятъ* (что не имѣло никакого смысла) Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ. Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

21) Юлія Вольмаръ, Новая Элоиза. Малекъ-Адель—герой посредственнаго романа M-me Cottin. Густавъ де-Линоръ, герой прелестной повѣсти Баронессы Крюднеръ.

22) Вампиръ, повѣсть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмотъ, геніальное произведеніе Матюрина. Jean Sbogar, извѣстный романъ Карла Нодье.

23) Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный Авторъ нашъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

24) Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинился передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ *гулялъ*.

25) Е. А. Баратынскій.

26) Четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ, съ слѣдующимъ посвященіемъ П. А. Плетневу: [См. т. III, стр. 269. *Ред.*].

27) Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать *дѣвою* простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы *дѣвчонками*!

28) «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ». Справедливо.

29) Въ лѣта красныя мои
Поэтическій Аи
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.
(*Посланіе къ Л. П.*).

30) Августъ Лафонтенъ, Авторъ множества семейственныхъ романовъ.

31) См.: *Первый снѣгъ*, стихотвореніе Князя Вяземскаго.

32) См.: описанія Финляндской Зимы въ Эдѣ Баратынскаго.

33) Зоветъ котъ кошурку
Въ печурку спать.
Предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

34) Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

35) Въ журналахъ осуждали слова: *хлопъ*, *молвь* и *топъ*, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя Русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ». (*Сказка о Бовѣ Королевичѣ*). *Хлопъ* употребляется въ просторѣчіи. вмѣсто *хлопаніе*, какъ *шипъ* вмѣсто *шипѣнія*.

Онъ шипъ пустилъ по змѣиному.
(*Древнія Русскія стихотворенія*).

Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

36) Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагонравстойность.

37) Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ Б. М. Федоровъ.

38) Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:
Заря багряною рукою
Отъ утренникъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою—
и проч.

39) Буяновъ мой сосѣдъ
. . . . . .
Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ...
(*Опасный Сосѣдъ*).

40) Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

41) Парижскій ресторатеръ.

42) Стихъ Грибоѣдова.

43) Славный ружейный мастеръ.

44) Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

А ты, младое вдохновенье.

[и т. д.—см. стр. 294—95, строфы XLVI и XLVII *Ред.*].

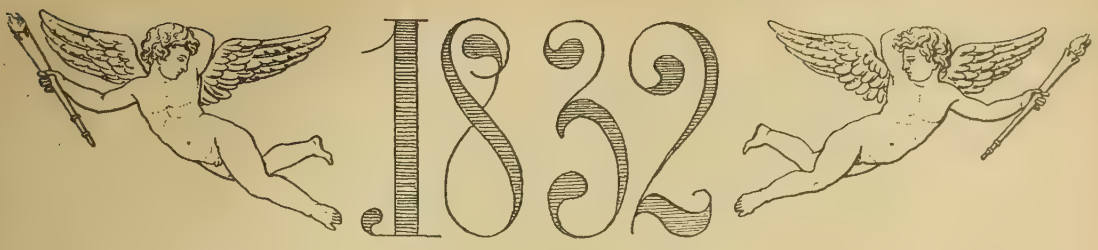
45) Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

46) Дороги наши—садъ для глазъ
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проѣзда нѣтъ подъ часъ.
Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
Проѣзжимъ мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша—
И вспомнишь стихъ: *для проходящихъ*!
Свободна Русская ѣзда
Въ двухъ только случаяхъ: когда
Нашъ *Макъ-Адамъ*, или *Макъ-Ева*
Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
Опустошительный набѣгъ,
Путь окуетъ чугуномъ льдистымъ,
И запорошитъ ранній снѣгъ
Слѣды ея пескомъ пушистымъ,
Или когда поля пройметъ
Такая знойная засуха,
Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
Пройти, глаза зажмуривъ, муха.
(Станція. *Князь Вяземскій*).

47) Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостію воображенія. К... разсказывалъ, что будучи однажды посланъ курьеромъ отъ Князя Потемкина къ Императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпага его, высунувшись концемъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

48) Rout, вечернее собраніе безъ танцевъ, собственно значитъ толпа.

49) Извѣстный ресторатеръ въ Одессѣ.



686. НѢТЪ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМЪ НАСЛАЖДЕНЬЕМЪ.

Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ,
Восторгомъ чувственнымъ, безумствомъ, изступленьемъ,
Стенаньемъ, криками вакханки молодой,
Когда, вiясь въ моихъ объятiяхъ змѣей,
Порывомъ пылкихъ ласкъ и язвою лобзанiй
Она торопитъ мигъ послѣднихъ содроганiй.
О какъ милѣе ты, смиренница моя,
О какъ мучительно тобою счастливъ я,
Когда, склонясь на долгiя моленья,
Ты предаешься мнѣ нѣжна безъ упоенья,
Стыдливо холодна, восторгу моему
Едва отвѣтствуешь, не вмемлешь ничему,
И разгораешься потомъ все болѣ, болѣ—
И дѣлишь наконецъ мой пламень по-неволѣ.

687. ВЪ ТРЕВОГѢ ПЕСТРОЙ И БЕЗПЛОДНОЙ.

[Въ Альбомъ А. О. Россетти].

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и Двора
Я сохранила взоръ холодный,
Простое сердце, умъ свободный
И правды пламень благородный,
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной—
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на-бѣло.

688. ГОНИМЫЙ РОКА САМОВЛАСТЬЕМЪ.

[Въ Альбомъ].

Гонимый рока самовластьемъ
Отъ пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать съ участьемъ
То мѣсто, гдѣ цвѣтете вы.
Столичный шумъ меня тревожитъ:
Всегда въ немъ грустно я живу—
И ваша память только можетъ
Одна напомнить мнѣ Москву.

689. НѢТЪ, НѢТЪ, НЕ ДОЛЖЕНЪ Я, НЕ СМѢЮ, НЕ МОГУ.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться!
Спокойствіе мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться.
Нѣтъ, полно мнѣ любить! Но почему жъ порой
Не погружуся я въ минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдетъ передо мной
Младое, чистое, небесное созданье?
Пройдетъ и скроется!... Ужель не можно мнѣ,
Любуясь дѣвою въ томленьи сладострастья,
Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
Веселья, миръ души, безпечные досуги,
Все... даже счастіе того, кто избранъ ей,
Кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги.

690. ВЪ ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНѢ ЛАМПАДА [не закончено].

Въ Еврейской хижинѣ лампада
Въ одномъ углу горитъ;
Передъ лампадою старикъ
Читаетъ Библію. Сѣдые
На книгу падаютъ власы.
Надъ колыбелію пустой
Еврейка плачетъ молодая.
Въ другомъ углу, главой
Поникнувъ, молодой Еврей
Глубоко въ думу погруженъ.
Въ печальной хижинѣ старушка
Готовитъ скудную трапезу.
Старикъ, закрывъ святую книгу,
Застежки мѣдныя сомкнулъ.
Старуха ставитъ бѣдный ужинъ
На столъ, и всю семью зоветъ:
Никто нейдетъ, забывъ о пищѣ.
Текутъ въ безмолвіи часы.
Уснуло все подъ сѣнью ночи;
Еврейской хижины одной
Не посѣтилъ отрадный сонъ.
На колокольнѣ городской
Бьетъ полночь.—Вдругъ рукой тяжелой
Стучатся къ нимъ—семья вздрогнула.
Младой Еврей встаетъ и дверь
Съ недоумѣньемъ отворяетъ—
И входитъ незнакомый странникъ...

691. А Л Ь Ф О Н С Ъ [не закончено].

Альфонсъ садится на коня;
Ему хозяинъ держитъ стремя,
«Сеньоръ, послушайтесь меня:
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка,
Другая вента далека,
Останьтесь здѣсь: готовъ вамъ ужинъ;
Въ каминѣ разложенъ огонь;
Постеля есть—покой вамъ нуженъ,
А къ стойлу тянется вашь конь.»
— «Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ, и ночью—былъ бы путь»,
Тотъ отвѣчаетъ.—«Неприлично
Бояться мнѣ чего-нибудь.
Я дворянинъ: ни чертъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я».
И донъ-Альфонсъ коню далъ шпоры,
И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Одна идетъ дорога въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ.
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину...
Какую жъ видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь,
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголѣ томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подъѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворамъ.
Дождями небо ихъ мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ...
Альфонсовъ конь всхрапѣлъ—и бокомъ
Прошелъ ихъ мимо—и потомъ
Понесся рѣзво легкимъ скокомъ
Съ своимъ безстрашнымъ сѣдокомъ.

КНЯЖНА АННА ДАВЫДОВНА АБАМЕЛЕКЪ,
позднѣе БАРАТЫНСКАЯ.

692. КОГДА-ТО, ПОМНЮ, СЪ УМИЛЕНЬЕМЪ.

[Княжнѣ А. Д. Абамелекъ].

Когда-то, помню, съ умиленьемъ,
Я смѣлъ васъ нянчить съ восхищеньемъ:
Вы были дивное дитя.
Вы разцвѣли: съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я.
За вами сердцемъ и глазами
Съ невольнымъ трепетомъ ношусь,
И вашей славою, и вами,
Какъ нянька старая, горжусь.

693. И ДАЛѢ МЫ ПОШЛИ. [Подражаніе Данту].

I.

И далѣ мы пошли—и страхъ обнялъ меня.
Бѣсенокъ, подъ себя поджавъ свое копыто,
Крутилъ ростовщика у адскаго огня.
Горячій копалъ жиръ въ копченое корыто,
И лопалъ на огнѣ печеный ростовщикъ.
А я: повѣдай мнѣ, въ сей казни что сокрыто?
Виргилій мнѣ: мой сынъ, сей казни смыслъ великъ;
Одно стяжаніе имѣвъ вездѣ въ предметѣ,
Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой старикъ
И ихъ безжалостно крутилъ на вашемъ свѣтѣ.
Тутъ грѣшникъ жареный протяжно возопилъ:
«О, если бъ я теперь тонулъ въ холодной Летѣ,
«О, если бъ зимній дождь мнѣ кожу остудилъ!
«Сто на сто я терплю: процентъ неимовѣрный!»
Тутъ звучно лопнулъ онъ—я взоры потупилъ.
Тогда услышалъ я (о, диво) запахъ скверный,
Какъ будто тухлое разбилося яйцо,
Иль карантинный стражъ курилъ жаровней сѣрной.
Я, носъ себѣ зажавъ, отворотилъ лицо.
Но мудрый вождь тащилъ меня все далѣ, далѣ—
И, камень приподнявъ за мѣдное кольцо,
Сошли мы внизъ—и я узрѣлъ себя въ подвалѣ....

II.

Тогда я демоновъ увидѣлъ черный рой,
Подобный издали ватагѣ муравьиной;
И бѣсы тѣшились проклятою игрой:
До свода адскаго касалася вершиной
Гора стеклянная, гладка, крута, остра—
И разлегалася надъ темною равниной;
И бѣсы, раскаливъ какъ жаръ чугунъ ядра,
Пустили внизъ его смердящими когтями.
Ядро запрыгало—и гладкая гора,
Звеня, растрескалась колючими звѣздами;
Тогда другихъ чертей нетерпѣливый рой
За жертвой кинулся съ ужасными словами.
Схватили подъ-руку жену съ ея сестрой,
И обнажили ихъ, и внизъ пихнули съ крикомъ—
И обѣ, сидючи, пустились внизъ стрѣлой:
Порывъ отчаянья являлъ ихъ въ воплѣ дикомъ;
Стекло ихъ рѣзало, впивалось въ тѣло имъ—
А бѣсы прыгали въ веселіи великомъ.
Я издали глядѣлъ—смущеніемъ томимъ.

. . . . . .

---

694. ДОЛГО СИХЪ ЛИСТОВЪ ЗАВѢТНЫХЪ. [Въ Альбомъ].

Долго сихъ листовъ завѣтныхъ
Не касался я перомъ;
Виноватъ, въ столѣ моемъ
Ужъ давно безъ строкъ привѣтныхъ
Залежался твой альбомъ.
Въ именины, очень кстати,
Пожелать тебѣ я радъ
Много всякой благодати,
Много сладостныхъ отрадъ,
На Парнасѣ много грома,
Въ жизни много тихихъ дней,
И на совѣсти твоей
Ни единаго альбома
Отъ красавицъ, отъ друзей.

ПОСЛѢ ССЫЛКИ ВЪ МОСКВѢ.

При самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ встрѣтилъ Пушкинъ 1826 годъ. Началось слѣдствіе надъ декабристами, и Пушкинъ боялся, что оно не только помѣшаетъ его освобожденію изъ Михайловскаго, о которомъ онъ уже давно сталъ хлопотать, но, пожалуй, задѣнетъ его гораздо ближе. «Я отъ жандарма еще не ушелъ»,—писалъ онъ Жуковскому въ январѣ. Пушкинъ былъ увѣренъ, что правительство не сможетъ заподозрить его въ участіи въ заговорѣ, но боялся кары за «недонесеніе»,—хотя «кто же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ?» И поэтъ былъ «готовъ условливаться» съ правительствомъ и хотѣлъ выговорить себѣ почетныя «условія сдачи»: «мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства». Дельвигу онъ вскорѣ писалъ уже нѣсколько увѣривъ тонъ, что «вполнѣ и искренно желалъ бы примириться съ правительствомъ, и, конечно, это ни отъ кого, кромѣ его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны». Серьезно думая, что правительство намѣрено договариваться съ нимъ объ условіяхъ капитуляціи, онъ послалъ Жуковскому оффиціальное письмо (17 марта), которое тотъ долженъ былъ показать молодому царю. «Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный»,—писалъ Пушкинъ,—«я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости». Конечно, представить Николаю Павловичу такого письма Жуковскій не хотѣлъ въ интересахъ самого Пушкина и указалъ ему, откуда можно ждать бѣды: «ты ни въ чемъ не замѣшанъ—это правда. Но въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся стихи твои. Это худой способъ подружиться съ правительствомъ». Помимо этого, сами декабристы говорили о вліяніи на нихъ Пушкина. «Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ»,—писалъ Николаю Павловичу баронъ Штейнгель — «не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышущими свободой?» Другой декабристъ, А. В. Поджіо, говоря о Рылѣевѣ, показалъ, что онъ хотѣлъ «дѣйствовать на умъ народа сочиненіемъ пѣсенъ, пародіями существующихъ иныхъ на подобіе «Боже, спаси царя», Пушкинымъ пародированной»... [1]). Вяземскій, которому Пушкинъ писалъ (27 мая): «если царь дастъ мнѣ свободу, то я мѣсяца не останусь» (въ Россіи), совѣтовалъ ему (письмо 12 іюня): «написалъ бы къ государю письмо искреннее, убѣдительное; сознался бы въ шалостяхъ языка и пера съ указаніемъ однакоже, что поступки твои не были сообщниками твоихъ словъ, ибо ты остался цѣлъ и невредимъ въ общую бурю; обѣщалъ бы держать впредь языкъ и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятія, которыя могутъ быть признаваемы, (а пуще всего сдержалъ бы свое слово) и просилъ бы дозволенія ѣхать лѣчиться въ Петерб., Москву или чужіе краи». Пушкинъ отвѣчалъ (10 іюля): «я уже писалъ Царю тотчасъ по окончаніи слѣдствія, заключая прошеніе точно твоими словами. Жду отвѣта, но плохо надѣюсь. Бунтъ и революція мнѣ никогда не нравились, это правда; но я былъ въ связи почти со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ. Всѣ возмутительныя рукописи ходили подъ моимъ именемъ, какъ всѣ похабныя ходятъ подъ именемъ Баркова. Если бъ я

[1]) П. Е. Щеголевъ, «Катехизисъ Сергѣя Муравьева-Апостола» — «Минувшіе Годы» 1908 г., ноябрь, 52. По мнѣнію Щеголева, показаніемъ Поджіо «устанавливается авторство Пушкина». Непонятно, почему г. Щеголевъ принимаетъ безъ критики показаніе Поджіо, который могъ (и, вѣрнѣе всего, такъ оно и было) добросовѣстно ошибаться, считая Пушкина авторомъ пародіи. Что только не приписывалось популярному поэту!

былъ потребованъ коммиссіей, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили въ покоѣ, и кажется, это не къ добру. Впрочемъ, чортъ знаетъ». Къ слѣдствію Пушкина не привлекли. Историкъ декабрьскаго движенія П. Е. Щеголевъ разсказываетъ [2]), что, «задавая на основаніи показанія Поджіо (о Пушкинѣ) вопросъ привлеченнымъ къ дѣлу, комиссія его слова такъ и поняла, что Пушкинъ былъ на собраніи и на собраніи же пародировалъ «Боже, спаси царя». Такъ какъ собраніе это происходило въ Петербургѣ въ 1823 г., то самой слѣдственной комиссіи, вѣроятно, нетрудно было установить его alibi. Во всякомъ случаѣ, правительство далеко не считало его безопаснымъ. По такому невинному поводу, какъ принятіе на себя П. А. Плетневымъ наблюденія за печатаніемъ стиховъ Пушкина, возникла секретная оффиціальная переписка, и за благонамѣреннѣйшимъ Плетневымъ былъ установленъ надзоръ [3]). Еще въ началѣ 1826 г. секретный агентъ, по разсказу Анненкова [4]), при проѣздѣ черезъ Псковъ собралъ тамъ «точныя и положительныя свѣдѣнія» о поэтѣ. При всей бдительности, мѣстныя власти не замѣчали ничего предосудительнаго въ жизни поднадзорнаго Михайловскаго отшельника. Друзья Пушкина были увѣрены, что онъ будетъ освобожденъ изъ ссылки. «Пушкина вѣрно пустятъ на всѣ четыре стороны»—писалъ П. А. Осиповой Дельвигъ,»—«но надо сперва кончиться суду» [5]). Отецъ поэта говорилъ И. П. Липранди [6]), что Пушкину разрѣшатъ пріѣздъ въ Петербургъ за поручительствомъ отца. Конецъ и хлопотамъ и сомнѣніямъ положило посланное Пушкинымъ государю прошеніе, дѣйствительно сходное съ тѣмъ, которое было предложено Вяземскимъ, съ той лишь разницей, что Пушкинъ былъ въ своемъ прошеніи относительно довольно сдержанъ. Изложивъ въ нѣсколькихъ строкахъ исторію своей ссылки въ деревню за «легкомысленное сужденіе касательно аѳеизма», Пушкинъ писалъ: «съ надеждой на великодушіе в. и в., съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ и готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ в. и в. со всеподданнѣйшею моею просьбою». И, ссылаясь на болѣзнь, Пушкинъ просилъ позволенія ѣхать въ одну изъ столицъ или за границу [7]). Въ связи съ удостовѣреніемъ генералъ-губернатора, что «Пушкинъ ведетъ себя хорошо» [8]), и хлопотами петербургскихъ друзей, прошеніе рѣшило судьбу Пушкина.

Между тѣмъ, кончилось трагическимъ финаломъ дѣло декабристовъ. Казнь пяти человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ Рылѣевъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ Пушкина, произвела на поэта тяжелое впечатлѣніе. Вяземскому, который нашелъ его письмо къ царю «сухимъ и холоднымъ»», онъ отвѣтилъ (14 августа): «иначе и быть не возможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы». Но и этого было достаточно. Прошенію былъ данъ ходъ [9]), и результаты обнаружились не только быстро, но и совершенно неожиданно.

28 августа, черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, состоялось высочайшее повелѣніе, которое начальникъ главнаго штаба Дибичъ записалъ такъ: «Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину позволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта» [10]). Черезъ три дня Дибичъ послалъ сообщеніе объ этомъ псковскому губернатору. Оно было получено въ Псковѣ 3 сентября. Трудно сказать, связывалъ ли Пушкинъ разрѣшеніе своей просьбы объ освобожденіи изъ ссылки съ коронаціей, но въ его черновой тетради сохранилась карандашная помѣтка: «1-го сентября 1826, изв. о корон..» [11]). Вечеромъ 3 сентября Пушкинъ получилъ отъ псковскаго губернатора Адеркаса письмо съ просьбой пріѣхать немедленно; привезшій письмо посланецъ въ тотъ же вечеръ увезъ поэта въ Псковъ, гдѣ его ждалъ прибывшій изъ Москвы фельдъегерь. Пушкинъ едва успѣлъ набросить на плечи шинель и захватить съ собой деньги и шутливо успокаивалъ горько

[2]) Тамъ же.

[3]) Я. К. Гротъ, «П., его лицейскіе товарищи и наставники», СПБ., 1899 г., стр. 255—256; «Русс. Стар.» 1889 г., іюнь, 509—510.

[4]) « П. въ Александровскую эпоху», 320.

[5]) Ibid., 317.

[6]) «Русс. Арх.» 1866 г., стр. 1487.

[7]) Анненковъ, «П. въ Александр. эпоху» 315—316.

[8]) Ibid., 319—320; «Русс. Стар.» 1908 г., октябрь, 116.

[9]) 30 іюля генералъ-губернаторъ маркизъ Ф. О. Паулуччи отправилъ его графу К. В. Нессельроде (ibid).

[10]) Анненковъ, П. въ Александр. эп.», 321.

[11]) «Русс. Стар.» 1884 г, май, 339.

плакавшую няню: «не плачь, мама, сыты будемъ; царь хоть куда ни пошлетъ, а все хлѣба дастъ» [12]). Няня, подозрѣвавшая что-то недоброе, по отъѣздѣ своего барина и друга бросилась уничтожать предметы, которые казались ей опасными, и, между прочимъ, истребила «сыръ проклятый, отъ котораго такъ скверно пахнетъ» [13]); долго волновалась она и твердила спеціально выученную по этому случаю молитву «о умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости», какъ писалъ Пушкинъ [14]) (вѣроятно, акаѳистъ Покрову Божіей Матери). Внезапный отъѣздъ Пушкина напугалъ и его тригорскихъ друзей, которыхъ онъ на другой день успокоилъ письмомъ изъ Пскова: «у насъ безъ фельдъегеря ничего не умѣютъ сдѣлать». Получивъ въ Псковѣ очень любезное письмо Дибича (этимъ письмомъ, не безъ ироніи говорилъ поэтъ, онъ могъ бы весьма гордиться) и откланявшись мѣстному начальству, Пушкинъ выѣхалъ утромъ 5 сентября [15]) въ Москву. Путь этотъ былъ совершенъ съ сказочной быстротой; Анненковъ, считавшій, что Пушкинъ пробылъ въ дорогѣ четыре дня, называетъ эту скорость «молніеобразной»; на самомъ дѣлѣ бѣшеная скачка была еще быстрѣе, и утромъ 8 сентября Пушкинъ былъ уже въ Москвѣ. «Евгеній Онѣгинъ» разсказалъ намъ, какъ билось сердце Пушкина, когда онъ въѣзжалъ въ родной городъ, который покинулъ еще ребенкомъ: «Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ, когда церквей и колоколенъ, садовъ, чертоговъ полукругъ открылся предо мною вдругъ! Какъ часто въ горестной разлукѣ, въ моей блуждающей судьбѣ, Москва, я думалъ о тебѣ»!..

Фельдъегерь привезъ Пушкина прямо къ дежурному генералу, который, задержавъ его при своей канцеляріи, тотчасъ извѣстилъ Дибича о пріѣздѣ поэта. Тотъ отвѣтилъ: «высочайше повелѣно, чтобы вы привезли его въ Чудовъ дворецъ, въ мои комнаты, къ 4 часамъ пополудни» [16]). Въ Чудовомъ дворцѣ жилъ тогда государь, которому въ назначенный часъ и былъ представленъ Пушкинъ, въ дорожномъ платьѣ, усталый отъ трехсуточной тряски.

«Свободно, подъ надзоромъ, не въ видѣ арестанта»... Эти слова можно поставить эпиграфомъ надъ всей исторіей остальныхъ годовъ жизни Пушкина. Такимъ «свободнымъ поднадзорнымъ» вышелъ онъ изъ кабинета Чудовскаго дворца. Сразить Пушкина однимъ ударомъ, какъ были сражены Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, возможности не было. Всѣмъ была ясна разница между вожаками бунта и свободолюбивымъ пѣвцомъ, который, на самый худой конецъ, много-много что подпѣвалъ иногда въ ладъ бунтарямъ. Разумѣется, слѣдственной коммиссіи нетрудно было бы найти поводъ сослать Пушкина, но Николай сумѣлъ понять, какую силу на сторонѣ оппозиціи могъ бы представить собою разгнѣванный гоненіемъ поэтъ. «Милость», оказываемая любимому обществомъ поэту, какъ бы стушевывала скорбную и сравнительно все-таки малозамѣтную тѣнь Рылѣева. Николай понималъ, что рыцарски-благородное сердце Пушкина отзовется на ласку самой горячей благодарностью. Онъ сумѣлъ взять Пушкина въ руки легко и мягко; желѣзная рука Николая Павловича подчасъ облекалась въ бархатную перчатку. «Умный покорилъ мудраго». Младенчески-божественная мудрость геніальнаго пѣвца, человѣка вдохновенія, уступила осторожной тонкости. Пушкинъ, который самъ думалъ о компромиссѣ съ правительствомъ, «объ условіяхъ», вышелъ отъ государя безусловно преданный ему, покоренный его личностью. Какъ готовъ былъ Николай Павловичъ смотрѣть на Пушкина, объ этомъ можно судить по его вопросу, что сталъ бы дѣлать поэтъ 14 декабря, если бы находился тогда въ Петербургѣ. Этимъ вопросомъ Николай Павловичъ зондировалъ почву, какъ бы стараясь разгадать, насколько можетъ быть опасенъ Пушкинъ, какъ силенъ въ немъ духъ оппозиціи. Смѣлый отвѣтъ Пушкина: «былъ бы въ рядахъ мятежниковъ» долженъ былъ воочію показать государю, что онъ имѣетъ дѣло съ рыцарски-благородной натурой. Трудно сказать навѣрное, что Пушкинъ такъ бы и поступилъ 14 декабря, но отвѣтить иначе—значило отречься отъ тѣхъ, кого Пушкинъ любилъ и звалъ братьями, друзьями, отречься не отъ ихъ идей, Пушкинъ эти идеи никогда не раздѣлялъ всецѣло и не ощущалъ ихъ могучія вѣянія съ жаромъ людей типа Рылѣева или Каховскаго,—но отъ ихъ личностей. Нико-

[12]) К. А. Тимоѳѣевъ, «Могила П—на и с. Михайловское». «Ж. М. Н. Пр.» 1859 г., ч. CIII; перепеч. въ «Русск. Стар.» 1899 г., май, 273—274.

[13]) М. Семевскій, «Прогулка въ Тригорское»—«Спб. Вѣдом.» 1866 г.; цитир. по Анненкову, «П. въ Алекс. эп.», 323.

[14]) Переписка П., академич. изд., I, 382.

[15]) «Русск. Стар.» 1908 г., октябрь, 117—118.

[16]) Анненковъ, ор. с., 324.

лай не могъ не понять чувства, которымъ былъ вызванъ этотъ отвѣтъ. На вопросъ царя, «перемѣнился ли его образъ мыслей и даетъ ли онъ слово думать и дѣйствовать иначе», Пушкинъ отвѣтилъ не сразу и послѣ долгаго молчанія, наконецъ, протянулъ государю руку съ обѣщаніемъ «сдѣлаться другимъ». (Такъ разсказывалъ Николай Павловичъ Корфу). Онъ сказалъ Пушкину, что возлагаетъ великія надежды на его геній, что беретъ на себя цензуру его произведеній, и что дастъ ему серьезныя занятія. Содержаніе бесѣды царя съ поэтомъ [17]) извѣстно намъ лишь въ этихъ туманныхъ очертаніяхъ. Впрочемъ, нѣкоторый свѣтъ на нее проливаетъ пушкинская записка о народномъ воспитаніи, о которой будемъ говорить ниже.

Царь и поэтъ другъ на друга произвели хорошее впечатлѣніе. Въ тотъ же вечеръ Николай Павловичъ сказалъ Блудову: «знаешь ли, что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи?» И такъ какъ Блудовъ недоумѣвалъ, кто бы это могъ быть, царь назвалъ Пушкина. Черезъ недѣлю Пушкинъ писалъ Осиповой: «l'empereur m'a recu de la manière la plus aimable». Это письмо, первое изъ извѣстныхъ намъ московскихъ писемъ Пушкина, дышитъ упоеніемъ вырвавшагося на волю узника, который спѣшитъ насладиться свободой. Поэтъ говоритъ, что уже устаетъ въ этомъ вихрѣ веселья, но упоенно описываетъ народный праздникъ на Дѣвичьемъ Полѣ и приготовленія къ балу у графини Орловой и тутъ же упоминаетъ о новомъ цензурномъ уставѣ. Извѣстіе о милости, оказанной Пушкину царемъ, произвело сильное впечатлѣніе на семью Пушкиныхъ, сразу проникшуюся небывалой до того любовью къ нему. «Какъ счастлива семья твоя»,—писалъ ему благодушный Дельвигъ, — «ты не можешь представить. Особливо мать, она на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, ты не возмутишь ихъ счастія упорнымъ молчаніемъ. Они доказали тебѣ любовь свою»... Замолчали и всевозможные сикофанты. Н. Н. Каразинъ, въ одномъ изъ своихъ прежнихъ доносовъ назвавшій Пушкина въ числѣ лицъ, которыхъ считалъ подозрительными, писалъ Николаю Павловичу 18 сентября: «Ваше Имп. Вел. изволите сами замѣтить, что изъ прежде вышепоименованныхъ лицъ, казавшихся мнѣ сомнительными, Пушкинъ одинъ оказался незамѣшаннымъ въ дѣлѣ, о которомъ да погибнетъ память! Вѣроятно, потому лишь, что онъ былъ побѣжденъ милосердіемъ, простившимъ ему дерзкія его стихотворенія» [18]). Въ Москвѣ пріѣздъ Пушкина вызвалъ необычайную сенсацію. Въ разгарѣ коронаціонныхъ торжествъ, среди множества русскихъ и иностранныхъ гостей общее вниманіе останавливалось на Пушкинѣ. Современница [19]) разсказывала, что «впечатлѣніе, произведенное на публику появленіемъ Пушкина въ московскомъ театрѣ послѣ возвращенія изъ ссылки можетъ сравниться только съ волненіемъ толпы въ залѣ дворянскаго собранія, когда вошелъ въ нее Ермоловъ, только что оставившій кавказскую армію. Мгновенно разнеслась по залѣ вѣсть, что Пушкинъ въ театрѣ; имя его повторялось въ какомъ-то общемъ гулѣ; всѣ лица, всѣ бинокли обращены были на одного человѣка, стоявшаго между рядами и окруженнаго густою толпой». Когда онъ впервые пріѣхалъ къ Вяземскимъ,—вспоминалъ князь П. П. Вяземскій [20]),—«Пушкинъ, Пушкинъ пріѣхалъ» раздалось по нашимъ дѣтскимъ, и всѣ, дѣти, учителя, гувернантки, все бросилось въ верхній этажъ, въ пріемныя комнаты, взглянуть на героя дня». С. П. Шевыревъ разсказывалъ: «Москва приняла его съ восторгомъ; вездѣ его носили на рукахъ... Пріѣздъ поэта... составлялъ событіе въ жизни нашего общества... Во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ первое вниманіе устремлялось на нашего гостя... въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрерывно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину—одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи» [21]). Пушкинъ сразу сталъ однимъ изъ московскихъ львовъ; его популярность въ старой столицѣ Герценъ [22]) сравниваетъ съ популярностью Ермолова, Чаадаева, Мих. Орлова, любимцевъ Москвы.

Ободренный добрымъ расположеніемъ государя, Пушкинъ, которому было самому ясно или, что очень возможно, было свыше дано понять, что царская милость не под-

[17]) «Русск. Стар.» 1874 г., августъ 691; 1880 г., январь, 132; 1899 г., августъ, 310; 1900 г., мартъ, 574; Анненковъ, ор. с., 324—325.

[18]) Сообщеніе Н. К. Кульмана и «Русс. Стар.», 1870 г., II, 534—535.

[19]) Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 361.

[20]) «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 33.

[21]) Майковъ, «П-нъ», 329, 333.

[22]) «Былое и думы»—Сочин., II, СПб., 1905, стр. 353.

лежитъ распространительному толкованію, просилъ позволенія съѣздить въ Петербургъ, и 30 сентября шефъ жандармовъ и начальникъ III отдѣленія собственной Его Имп. Вел. канцеляріи А. Х. Бенкендорфъ, надзору котораго Пушкинъ былъ отнынѣ порученъ, сообщилъ ему, что государь «не только не запрещаетъ пріѣзда въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю—но,—слѣдовала оговорка,—«съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія черезъ письмо». При этомъ Бенкендорфъ подтвердилъ Пушкину, что сочиненій его никто, кромѣ государя, разсматривать не будетъ, и передалъ ему царское порученіе—заняться «предметомъ о воспитаніи юношества». «Вы можете употребить весь досугъ»,—писалъ Бенкендорфъ,—«вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; и предметъ сей»,—наставлялъ Бенкендорфъ,—«долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія». Можно думать, что на такой выборъ темы государя навела бесѣда съ Пушкинымъ, и онъ хотѣлъ если не серьезно воспользоваться мыслями поэта то, во всякомъ случаѣ, заставить его высказаться по этому щекотливому предмету; весьма характерно, что Бенкендорфъ заключилъ предложеніе довольно вѣскимъ намекомъ или, вѣрнѣе, просто предупрежденіемъ. Впервые въ жизни Пушкину пришлось писать на заданную тему, да еще на такую, о которой онъ едва ли когда-нибудь серьезно размышлялъ, и при этомъ ни на минуту не терять изъ виду, что малѣйшее уклоненіе отъ строго и точно предписанной ему, несмотря на предоставленную Бенкендорфомъ «свободу», программы можетъ повредить ему въ той сферѣ, сношеніями съ которой онъ добылъ себѣ относительную свободу передвиженія. Черезъ полтора мѣсяца записка была готова. Учтя въ примѣненіи къ печальному прошлому своихъ друзей и къ неизвѣстному собственному будущему «пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія», Пушкинъ съ чрезвычайной легкостью и уступчивостью предложилъ Николаю проектъ реформы воспитательной системы — сообразно не прямымъ и самодовлѣющимъ цѣлямъ воспитанія, а видамъ правительства. Съ ужасомъ вспоминалъ онъ о декабристахъ («недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія») и съ явнымъ сочувствіемъ—о томъ времени, «лѣтъ пятнадцать тому назадъ», до отечественной войны и европейскихъ походовъ, когда «молодые люди занимались только военною службою, стараясь отличиться одною свѣтскою образованностью или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія... Десять лѣтъ спустя мы увидѣли либеральныя идеи необходимой выѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій, литературу (подавленную самою своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописные пасквили на правительство и въ возмутительныя пѣсни; наконецъ, и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавые и безумные».. Огъ всѣхъ этихъ золъ Пушкинъ совѣтовалъ «защитить новое, возрастающее поколѣніе». Для этого правительство должно взять дѣло воспитанія въ свои руки—«нечего колебаться: во что бы то ни стало подавить воспитаніе частное». Въ кадетскихъ корпусахъ Пушкинъ предлагалъ завести особый институтъ—«полицію, составленную изъ лучшихъ воспитанниковъ». За «похабную» рукопись, писалъ Пушкинъ, словно совсѣмъ забывая про свои лицейскіе годы, слѣдуетъ «положить тягчайшее наказаніе», а за «возмутительную», т.-е. содержащую политическій протестъ, попросту исключать. Тѣлесныя наказанія воспитанниковъ Пушкинъ предлагалъ уничтожить, чтобы слишкомъ жестокое воспитаніе не сдѣлало изъ нихъ палачей, такъ какъ «они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ». (Замѣчательно, что противъ послѣдняго гнуснаго «права» Пушкинъ не обмолвился ни словомъ. Едва ли онъ сдѣлалъ это потому, что долженъ былъ говорить только объ учебномъ воспитаніи; въ запискѣ онъ говоритъ смѣло и о другихъ предметахъ: «чины сдѣлались страстію русскаго народа», «въ Россіи все продажно»... Просто Пушкинъ слишкомъ пріучилъ къ обычнымъ картинамъ русскаго военнаго быта свой глазъ, который когда-то съ отвращеніемъ глядѣлъ на нихъ; прошли тѣ годы, когда онъ хвалилъ Алексѣя и Михаила Орловыхъ за гуманное обращеніе съ солдатами). Забывая о разныхъ «Неопытныхъ перьяхъ» и «Лицейскихъ мудрецахъ», сыгравшихъ такую хорошую роль въ жизни первыхъ лицеистовъ, забывая свои первые литературные дебюты

или, наоборотъ, намекая на свою полную «заблужденій» юность и косвенно испрашивая ей забвенія, Пушкинъ писалъ: «во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя». Таковы были рекомендуемыя Пушкинымъ мѣропріятія отрицательнаго характера. Отчасти искренно выражая свои мысли, отчасти сознавая, что царь подвергаетъ его экзамену, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая принести пользу, Пушкинъ, вѣроятно, старался какъ можно яснѣе удостовѣрить свою благонамѣренность. Подъ флагомъ ея онъ высказалъ нѣсколько важныхъ истинъ и далъ нѣсколько дѣйствительно полезныхъ совѣтовъ. Онъ предлагалъ расширить учебныя программы, повысить научныя требованія, ввести въ курсъ правовѣдѣніе, статистику, политическую экономію, исторію (конечно, по Карамзину). Особенное вниманіе Пушкинъ обратилъ на преподаваніе послѣдней. «Не должно, чтобы республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны»; для этого «можно съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нуждъ и требованій государственныхъ». Въ концѣ записки авторъ выразилъ надежду, что государь позволитъ ему «подвергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе близкихъ и знакомыхъ». Вѣроятно, Пушкинъ разумѣлъ цензуру, которая тогда реформировалась; поэтъ очень интересовался этой реформой [23]). Основной принципъ Пушкина былъ выраженъ въ словахъ: «одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія». Но царь не поддался на «авансы» Пушкина, и записка была принята холодно. Шефъ жандармовъ отвѣтилъ поэту (23 декабря) отъ имени государя, что не просвѣщеніе и не «геній» (о послѣднемъ у Пушкина не сказано ни слова,—это, конечно, прямой уколъ Пушкину) служатъ «основаніемъ совершенству», а «нравственность, прилежное служеніе, усердіе»... [24]). Подъ флагомъ благонамѣренности Пушкину не удалось провезти свою небогатую либеральную контрабанду, и записка не принесла никакихъ плодовъ. Пушкинъ ею не угодилъ. «Мнѣ»—говорилъ онъ одному пріятелю [25])—«легко было бы написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобъ сдѣлать добро»... Но добро, необходимо замѣтить, покупалось неимовѣрно дорогой цѣною: условія, при которыхъ Пушкинъ разсчитывалъ провести въ жизнь это добро, должны были только парализовать его дѣйствіе, и правительство, которое отказалось совмѣстить несовмѣстимое, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ послѣдовательности.

Портфель Пушкина интересовалъ интеллигентную Москву не меньше, чѣмъ его личность. Всѣ хотѣли знать, что написалъ поэтъ въ своемъ уединеніи. Уже черезъ два дня по пріѣздѣ въ столицу онъ читалъ своего «Годунова» у Веневитиновыхъ. На другой день сынъ хозяевъ, молодой поэтъ, вскорѣ сблизившійся съ Пушкинымъ, говорилъ Погодину: «Борисъ Годуновъ—чудо. У него еще Самозванецъ [26]), Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, (Графъ Нулинъ) продолженіе Фауста, восьмая пѣснь Онѣгина» [27]). За этимъ чтеніемъ послѣдовалъ рядъ другихъ — у Вяземскаго [28]), Соболевскаго, опять у Веневитиновыхъ [29])... Слушатели вынесли самое восторженное впечатлѣніе. Объ одномъ изъ этихъ чтеній Погодинъ вспоминалъ потомъ: «Мы просто какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться... Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушторый говоритъ царю: «просвѣщенья плодъ—развратъ иль нѣкій духъ мятежный»... и стремится «изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничить»...

[23]) См. его письма къ П. А. Осиповой, 15 сентября, и къ Н. М. Языкову, 9 ноября 1826 г.

[24]) Быть можетъ, Пушкинъ, думалъ о Бенкендорфѣ, когда писалъ («Друзьямъ») о льстецѣ, ко-

[25]) Л. Майковъ, «Пушкинъ», 177.

[26]) «Самозванецъ»—задуманное, но не осуществленное Пушкинымъ продолженіе драматической хроники изъ смутнаго времени, носящее въ переданномъ Анненковымъ («Матеріалы», 276) спискѣ предположенныхъ Пушкинымъ драмъ названіе «Дмитрій и Марина». См. также «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., стр. 1251; «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, 331; П. В. Анненковъ, «Литературные проекты А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1881 г., іюль, стр. 60).

[27]) Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 42.

[28]) Сочин. Вяземскаго, X, 266; Переписка Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, подъ ред. Н. Кульмана, I, 42.

[29]) «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., 1249—1251; Барсуковъ, «Жизнь и труды Погодина», II, 43.

ПУШКИНЪ ВЪ 1827 ГОДУ.

Портретъ В. А. Тропинина.

кину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія»... [30]). Вдохновеніе такъ преображало Пушкина, что онъ показался Шевыреву просто «красавцемъ» [31]). На московскіе восторги молодыхъ друзей всевѣдущій Бенкендорфъ, до котораго дошла вѣсть о чтеніи Пушкинымъ трагедіи, взглянулъ по-своему и послалъ поэту 22 ноября письмо, въ которомъ напоминалъ ему о своемъ прежнемъ письмѣ, гдѣ Пушкину было сообщено, что «первымъ цѣнителемъ» и цензоромъ его сочиненій будетъ государь. Теперь выяснялось точно, что надо разумѣть подъ этой «первой оцѣнкой»:— «обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до печатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Е. И. Величеству. Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ однако же заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ». (Въ этихъ словахъ Пушкинъ не могъ, конечно, не увидѣть яснаго намека на то неусыпное «вниманіе», которое обращало на него правительство). И Бенкендорфъ просилъ Пушкина дать ему знать, «справедливы ли» слухи о чтеніи имъ новой трагедіи, и внушительно предупреждалъ: «вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго». Отвѣтъ Пушкина доказываетъ, какъ испугало его требованіе шефа жандармовъ. Онъ увѣрялъ, что «чувствуетъ милость и великодушіе государя», что трагедію свою читалъ «не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю» (изъ перваго письма Бенкендорфа никакъ нельзя было сдѣлать тотъ выводъ, который былъ желателенъ шефу жандармовъ) и, посылая списокъ трагедіи, просилъ «разрѣшенія неумышленной вины», состоявшей въ томъ, что онъ отдалъ въ печать нѣсколько стихотвореній, которые, впрочемъ, обѣщалъ задержать въ цензурѣ. Бенкендорфъ отвѣтилъ просьбой—«сообщать всѣ и мелкіе труды блистательнаго пера вашего». Несмотря на то, что поэту, по его словамъ, «вымыли голову (очень мило, очень учтиво»), онъ былъ отчасти доволенъ этой придиркой, избавлявшей его отъ назойливыхъ «альманашниковъ, журнальщиковъ и прочихъ щепетильныхъ литературщиковъ», развязаться съ которыми онъ самъ не умѣлъ.

Давно уже рвался Пушкинъ на журнальное поприще, гдѣ стремился занять мѣсто постояннаго работника и руководителя. Личное знакомство съ Полевымъ, въ «Московскій Телеграфъ» которому Пушкинъ изрѣдка посылалъ стихи, не привело къ сближенію между ними. Для Пушкина, мечтавшаго о главенствѣ и руководствѣ другими, Полевой былъ слишкомъ крупной величиною. Зато онъ вошелъ въ боготворившій его кружокъ Веневитинова, Шевырева, Погодина, Рожалина, Титова, Соболевскаго, Одоевскаго, Мельгунова, Кирѣевскихъ и другихъ «архивныхъ юношей». Несмотря на то, что эта молодежь была, по выраженію Баратынскаго, «помѣшана на трансцендентальной философіи», къ которой Пушкинъ былъ холоденъ, его привлекла къ ней идеалистическая любовь къ искусству, юношеская горячность, личная даровитость нѣкоторыхъ участниковъ кружка. Въ нихъ было нѣчто общее съ любимцемъ поэта—Ленскимъ: и «бурныя любви желанья, и жажда знаній и труда, и страхъ порока и стыда», и «сны поэзіи святой»... Этотъ кружокъ задумалъ издавать журналъ, Веневитиновъ составилъ программу, и съ 1827 г. сталъ выходить «Московскій Вѣстникъ». Вопреки всегдашнимъ намѣреніямъ поэта, его участіе въ журналѣ было не постояннымъ, а случайнымъ; оно продолжалось до 1830 г., когда Пушкинъ, охладѣвъ къ «Московскому Вѣстнику», перешелъ въ «Литерат. Газету» Дельвига.

Для московскаго шеллингіанскаго кружка Пушкинъ значилъ неизмѣримо больше, чѣмъ кружокъ для него. До сихъ поръ, однако, не установился прочный взглядъ на роль кружка въ жизни Пушкина. Впервые раздулъ ее одинъ изъ участниковъ кружка, Шевыревъ, который писалъ: «въ Москвѣ объявилъ онъ живое свое сочувствіе молодымъ литераторамъ, въ которыхъ особенно привлекала его художественная теорія Шеллинга, и подъ вліяніемъ послѣдней, проповѣдывавшей освобожденіе ис-

[30]) Ibid.
[31]) «П—нъ» Л. Майкова, 331.

кусства, были написаны стихи «Чернь» [32]). Анненковъ воспринялъ это мнѣніе: «изъ круга молодыхъ людей, содѣйствовавшихъ успѣху журнала [33]), вынесъ онъ свой полный, установившійся взглядъ на художника и искусство. Тѣмъ быстрѣе усвоилъ онъ себѣ ихъ теорію творчества, что она только развила собственное его пониманіе предмета»... Недавно къ этому мнѣнію примкнулъ Н. А. Котляревскій [34]). «Давно уже,—говоритъ онъ,—«изслѣдователи жизни и творчества Пушкина высказывали предположеніе, что въ стихотвореніи «Чернь» поэтъ выразилъ итогъ чужой мысли, съ которою согласился. Одно обстоятельство въ жизни поэта дѣлало такое предположеніе вѣроятнымъ». Это обстоятельство—знакомство съ шеллингіанцами. «Слушая ихъ и претворяя ихъ теоретическія выкладки въ образы, Пушкинъ и создалъ свой «ямбъ», свою «Чернь». Такъ иногда говорятъ, когда хотятъ разрѣшить загадку происхожденія этого стихотворенія. Такъ ли на самомъ дѣлѣ это было?»—спрашиваетъ Н. А. Котляревскій и тутъ же отвѣчаетъ: «Легко можетъ быть, что непосредственныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ общенія съ этими людьми, и вызвали въ его фантазіи тотъ образъ художника на молитвѣ, который глухъ и нѣмъ для толпы и такъ краснорѣчивъ передъ алтаремъ своего Бога». Это предположеніе, ничѣмъ, однако, не подтверждаемое, затѣмъ обращается уже въ утвержденіе: «въ сферу вліянія этой философской идеи Пушкинъ попалъ на собраніяхъ у Веневитинова. Пусть онъ и неохотно на нее отзывался,—а отвлеченныхъ тонкостей Пушкинъ дѣйствительно не любилъ,—но по своей способности не пропускать ни одного впечатлѣнія жизни безъ отклика онъ, спустя нѣкоторое время, отойдя на извѣстное разстояніе отъ лицъ и событій, претворилъ въ образы нити новыхъ мыслей, его поразившихъ». Но развѣ изъ нерѣшительно высказаннаго предположенія выбросить осторожное «можетъ быть» значитъ найти вѣрный отвѣтъ? Г. Котляревскій пишетъ: «все, что онъ до этого стихотворенія говорилъ о поэтѣ и его отношеніи къ толпѣ, было—либо повтореніе сказаннаго старшими, Жуковскимъ и Батюшковымъ, либо воспоминаніе прочитаннаго въ образцахъ античной словесности, либо, какъ думаютъ нѣкоторые, отзвукъ ученія Руссо». Но развѣ пушкинскій Андрей Шенье не говоритъ того же, что и поэтъ въ «Черни», горько виня себя: «Мнѣ, вѣрному любви, стихахъ и тишинѣ» (т.-е. «вдохновенью, звукамъ сладкимъ и молитвамъ»),—«мнѣ ль было управлять строптивыми конями и круто напрягать безсильныя бразды»? «Очевидно, Пушкинъ,—говоритъ Котляревскій,—долго и много думалъ о цѣнѣ такихъ мирныхъ пѣсенъ, далекихъ отъ всякой злобы дня, злобы политической, общественной или просто суетливой. А между тѣмъ ни въ стихахъ Пушкина, ни въ его перепискѣ тѣхъ лѣтъ слѣдовъ такихъ долгихъ думъ не осталось». И съ этимъ можно спорить; но развѣ на основаніи отсутствія такихъ доказательствъ можно строить убѣжденіе, что Пушкинъ не самъ продумалъ свой взглядъ на поэта и лишь согласился съ чужою мыслью? Неужели же Пушкинъ былъ такъ жалко несамостоятеленъ? Погодинъ разсказывалъ, что однажды онъ «декламировалъ нелѣпо противъ философіи»,—но понялъ ли его Погодинъ, который, по собственнымъ словамъ [35]), «не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ»? Можетъ быть, Пушкинъ и чуждался абстрактнаго мышленія, но не надо забывать, что Пушкинъ былъ мудрецъ, въ области поэзіи державный властитель, чего нельзя сказать о Шеллингѣ и его русскихъ ученикахъ, и что философскій элементъ былъ невольно присущъ его генію, независимо отъ того, интересовался ли онъ философіей какъ ученіемъ, или нѣтъ. Да и степень близости его къ шеллингіанскому кружку, которую обычно преувеличиваютъ, была не такъ ужъ значительна. Это видно изъ его отзывовъ о кружкѣ, въ которыхъ сквозитъ явное сознаніе собственнаго превосходства, не вяжущееся съ подчиненіемъ кружку въ какомъ бы то ни было отношеніи. Нѣмецкую философію, которая «нашла въ Москвѣ, можетъ быть, слишкомъ много молодыхъ послѣдователей», онъ цѣнилъ лишь постольку, поскольку она сыграла своеобразную политическую роль—«спасла нашу молодежь отъ холоднаго скептицизма французской философіи и удалила ее отъ упоительныхъ и вредныхъ мечтаній, которыя имѣли столь ужасное вліяніе на лучшій

[32]) Майковъ, «П—нъ», 330.
[33]) «Матеріалы», изд. 2-ое, 170.
[34]) «П. и Д. В. Веневитиновъ»—«Старинные портреты», Спб., 1907.
[35]) Н. Барсуковъ, «Ж. и тр. Погодина», II, 71.

цвѣтъ предшествовавшаго поколѣнія» [36]). Признавая благотворное значеніе послѣдователей германской философіи, Пушкинъ отмѣтилъ, что «говорили они языкомъ, мало понятнымъ для непосвященныхъ» [37]). Среди нихъ онъ нашелъ типъ педанта, которому хотѣлъ отвести мѣсто въ «Египетскихъ ночахъ»: это надоѣдливый, хвастающій своей начитанностью Вершневъ, «одинъ изъ тѣхъ людей, одаренныхъ убійственной памятью, которые все знаютъ и все читали, и которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость». Первоначально въ рукописи Вершневъ былъ названъ Титовымъ (такъ звали дѣйствительно одного изъ участниковъ кружка), и о немъ было сказано: «одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ московскомъ университетѣ, служатъ въ московскомъ архивѣ и толкуютъ о Гегелѣ»... Въ «Онѣгинѣ» поэтъ не отдѣлилъ архивныхъ юношей отъ всего пустого большого свѣта; они не раздѣляютъ съ авторомъ его симпатіи къ Танѣ, на которую «чопорно глядятъ и про нее между собою неблагосклонно говорятъ»... «Московскому Вѣстнику» онъ ставилъ въ минусъ его излишнюю серьезность: «главная ошибка наша—писалъ онъ Погодину [38])—была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза, можетъ быть, еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору». Оставляя въ сторонѣ главные интересы кружка, Пушкинъ просто обратилъ вниманіе на эту даровитую, блестящую молодежь, подававшую много надеждъ. Самый выдающійся во всемъ кружкѣ, его душа, Д. В. Веневитиновъ приглашалъ Пушкина почтить Гете, который «наставникъ нашъ, наставникъ твой» (намекъ на «Сцену изъ Фауста»), «веселыми хваленьями»; быть можетъ, «онъ съ радостью живой въ пріютѣ старости унылой еще услышитъ голосъ твой и, можетъ быть, тобой плѣненный, послѣднимъ жаромъ вдохновенный, отвѣтно лебедь запоетъ»... Но Гете могъ быть названъ наставникомъ Пушкина лишь въ слишкомъ общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, и неизвѣстно, послѣдовалъ ли Пушкинъ совѣту Веневитинова. (По словамъ Анненкова [39]), Гете зналъ о сценѣ изъ Фауста и прислалъ Пушкину въ благодарность свое перо). «Доля вліянія на Пушкина», которое, по мнѣнію Анненкова [40]), оказалъ Веневитиновъ, незамѣтна и неуловима, хотя отрицать ее, конечно, нельзя: Пушкинъ впитывалъ на каждомъ шагу впечатлѣнія, ни одна встрѣча не проходила для него безслѣдно, но знакомство съ Веневитиновымъ и его друзьями не представляетъ собою въ исторіи его развитія такого существеннаго элемента, слѣдъ котораго было бы легко отмѣтить въ безконечномъ смѣшеніи обстоятельствъ, встрѣчъ, впечатлѣній, претворенномъ неустанной внутренней работою, совершавшеюся въ душѣ Пушкина. Наоборотъ, значеніе величайшаго русскаго поэта въ жизни любого изъ членовъ кружка внѣ всякаго сомнѣнія: все живое, молодое, отзывчивое не могло не льнуть къ Пушкину-поэту и Пушкину-человѣку. Шевыревъ разсказывалъ: «бесѣды съ Пушкинымъ... принадлежатъ къ числу тѣхъ плодотворныхъ впечатлѣній, которыя содѣйствовали образованію моего вкуса и развитію во мнѣ истинныхъ понятій о поэзіи» [41]). Для Веневитинова, настоящаго центра кружка, Пушкинъ могъ быть только старшимъ собратомъ и наставникомъ не меньше, чѣмъ Гете.

Кружокъ «архивныхъ юношей» и домъ извѣстной красавицы, пѣвицы и поэтессы княгини З. А. Волконской доставили Пушкину знакомство съ жившимъ тогда въ Москвѣ Мицкевичемъ.—«Тутъ—разсказываетъ кн. П. А. Вяземскій [42])—соединялись представители большого свѣта, сановники и красавицы, молодежь и возрастъ зрѣлый, люди умственнаго труда, профессора, писатели, журналисты, поэты, художники. Все въ этомъ домѣ носило отпечатокъ служенія искусству и мысли. Бывали въ немъ чтенія, концерты, диллетантами и любительницами представленія итальянскихъ оперъ. Посреди артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома... Помнится и слышится еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина, въ первый день знакомства съ нимъ, пропѣла элегію его, положенную на музыку Геништою, «Погасло дневное свѣтило»... Пушкинъ былъ живо тронутъ этимъ обольщеніемъ тонкаго и художественнаго кокетства. По обыкновенію, краска вспыхивала въ лицѣ его. Въ немъ этотъ дѣтскій и женскій признакъ сильной впечатлительности былъ

[36]) «Мысли на дорогѣ».
[37]) «Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности».
[38]) 31 августа 1827 г.
[39]) «Матеріалы», 177.
[40]) Ibid.
[41]) Сочин. Н. С. Тихонравова, III, ч. 2, стр. 223.
[42]) Соч. Вяземскаго, VII, 329.

несомнѣннымъ выраженіемъ внутренняго смущенія, радости, досады, всякаго потрясающаго ощущенія. Нечего и говорить, что Мицкевичъ съ самаго пріѣзда въ Москву былъ усерднымъ посѣтителемъ и въ числѣ любимѣйшихъ и почетнѣйшихъ гостей въ домѣ княгини Волконской». Пушкинъ плѣнялся поэтическимъ талантомъ, импровизаторскимъ даромъ и остроуміемъ польскаго поэта. Сохранился [43]) любопытный анекдотъ, что, встрѣтясь однажды на улицѣ съ Мицкевичемъ, Пушкинъ посторонился и сказалъ: «съ дороги двойка, тузъ идетъ», на что Мицкевичъ тутъ же отвѣтилъ: «козырная двойка туза бьетъ». Въ авторѣ «Бориса Годунова» онъ усмотрѣлъ возможность возвыситься до шекспировской геніальности: «et tu Shakespeare eris si fata sinant» [44]). Своему другу А. Одынцу Мицкевичъ писалъ въ мартѣ 1827 г. [45]) о Пушкинѣ: «я съ нимъ знакомъ, и мы часто видаемся. Пушкинъ почти ровесникъ мнѣ... Въ бесѣдѣ онъ очень остроуменъ и пылокъ, читалъ много и хорошо знаетъ современную литературу; понятія его о поэзіи чистыя и возвышенныя. Онъ теперь написалъ трагедію «Борисъ Годуновъ»; я знаю нѣсколько сценъ ея въ историческомъ родѣ, хорошо задуманныхъ и съ прекрасными частностями»... Отношенія Пушкина и Мицкевича, продолжавшіяся и въ Петербургѣ, оставили выдающійся слѣдъ въ жизни обоихъ поэтовъ [46]).

Какъ салонъ Волконской вводилъ Пушкина въ «Европу», такъ сближалъ его съ старой Москвой радушный домъ М. И. Римской-Корсаковой. «Марія Ивановна Римская-Корсакова—вспоминаетъ о ней князь П. А. Вяземскій [47])—должна имѣть почетное мѣсто въ преданіяхъ хлѣбосольной и гостепріимной Москвы. Она жила, что называется, открытымъ домомъ, давала часто обѣды, вечера, балы, маскарады, разныя увеселенія, зимою санныя катанья за городомъ, импровизированные завтраки... Красавицы-дочери ея, и особенно одна изъ нихъ, намеками воспѣтая Пушкинымъ въ «Онѣгинѣ», были душою и прелестью этихъ собраній. Сама Марія Ивановна была типъ московской барыни въ хорошемъ и лучшемъ значеніи этого слова. Въ ней отзывались и русскія преданія екатерининскихъ временъ, и выражались понятія и обычаи новаго общежитія... Всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, старый вѣкъ и новый вѣкъ, сливались въ ней въ разнообразной стройности и придавали личности ея особенное и привлекательное значеніе». Ея сынъ Григорій Александровичъ, Вяземскій и Пушкинъ составляли «тріумвиратъ», который «въ отношеніи къ баламъ отслуживалъ службу свою на подобіе бригадировъ и кавалеровъ св. Анны, непремѣнныхъ почетныхъ гостей, безъ коихъ обойтиться не могла ни одна купеческая свадьба, ни одинъ именинный купеческій обѣдъ». Намекъ въ «Онѣгинѣ» на одну изъ дѣвицъ Корсаковыхъ заключается въ первыхъ четырехъ стихахъ LII строфы седьмой главы: «У ночи много звѣздъ прелестныхъ, красавицъ много на Москвѣ,—но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ луна въ воздушной синевѣ»... Въ другой разъ [48]) Вяземскій указалъ, что эти стихи относятся къ дочери М. И Римской-Корсаковой, Александринѣ, впослѣдствіи княгинѣ Вяземской. Быть можетъ о ней Пушкинъ писалъ брату въ письмѣ (8 мая 1827 г.), которое послалъ черезъ ея мать: «письмо мое доставитъ тебѣ М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Пріѣзжай на Кавказъ и познакомься съ нею — да прошу не влюбися въ дочь». Въ извѣстномъ «донъ-жуанскомъ» спискѣ, внесенномъ Пушкинымъ въ ушаковскій альбомъ [49]), «Александра» упоминается два раза; одна изъ двухъ носительницъ этого имени, конечно, дочь М. И. Римской Корсаковой.

Рядомъ съ одной изъ Александръ въ этомъ спискѣ стоитъ «Софья» — С. Ѳ. Пушкина, за которую неудачно сватался Пушкинъ. Исторія сватовства разсказана въ настоящемъ томѣ [50]) А. Ѳ. Кони, къ статьѣ котораго отсылаемъ читателя.

[43]) Ibid., 309.

[44]) Ibid., 314.

[45]) «Korrespondencya Adama Mickiewicza», t. IV, wyd. 4-te, Par., 1885 г., 91.

[46]) Объ этомъ еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи.

[47]) Сочин. Вяземскаго VII, 170, 171.

[48]) «Русск. Арх.» 1887, III, 578.

[49]) «Альбомъ московской Пушкинской выставки 1880 г.», М., 1882, стр. 123 и снимокъ.

[50]) Стр. 181—186; см. также его же статьи въ «Журн. для всѣхъ» 1905 г., № 1, и въ «Изв. Отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наукъ», 1905 г., т. X, кн. 1; Б. Л. Модзалевскій, «В. П. Зубковъ и его записки»—«П. и его современники», вып. IV, стр. 104—108. И Модзалевскій, и Кони думаютъ, что съ мыслью о ней непосредственно связаны стихи «Зачѣмъ безвременную скуку»... Едва ли это вѣрно, потому что стихи набросаны еще въ 1820 г. и отдѣланы въ 1821-мъ, задолго до знакомства съ С. Ѳ. Пушкиной. См. объ этомъ мою ст. «Загадочное» стихотвореніе Пушкина» — «Ж. М. Н. Пр.» 1909, январь, 99—105, и ниже примѣч. къ № 840.

КАРРИКАТУРА НА СВѢТСКІЕ УСПѢХИ ПУШКИНА.

Съ современной акварели, принадлежащей д-ру С. С. Жихареву. На оборотѣ акварели написано, что дама—гр. Хвостова.

Весною 1827 г. Пушкинъ часто бывалъ въ домѣ князя А. М. Урусова, куда его привлекали радушіе хозяевъ и красота трехъ дочерей ихъ. Отношенія поэта къ семьѣ Урусовыхъ чуть не вызвали кроваваго столкновенія Пушкина съ однимъ изъ посѣтителей этого дома. Безъ столкновенія, впрочемъ, прошло у него, кажется, только время его невольнаго уединенія въ Михайловскомъ, вдали отъ общества, хотя и тамъ онъ упражнялся въ стрѣльбѣ въ цѣль, готовясь къ дуэли со своимъ стариннымъ непріятелемъ, графомъ Ѳ. И. Толстымъ—«Американцемъ» [51]). Какъ только Пушкинъ очутился въ Москвѣ, гдѣ жилъ Толстой, онъ сейчасъ же поспѣшилъ вызвать его на дуэль. Къ счастью для Пушкина, дѣло обошлось безъ поединка съ этимъ замѣчательнымъ дуэлистомъ, отличавшимся необыкновеннымъ хладнокровіемъ и уже не одного противника отправившимъ къ праотцамъ [52]). Пушкина и Толстого помирили, и они стали друзьями. Толстой даже былъ сватомъ Пушкина и просилъ для него у Н. И. Гончаровой руки ея дочери. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ столкновенія съ графомъ Толстымъ, и Пушкину снова едва не пришлось драться на дуэли. На этотъ разъ не онъ вызвалъ противника на поединокъ, а самъ былъ вызванъ. Къ одной изъ сестеръ Урусовыхъ былъ — разсказы-

[51]) М. И. Семевскій, «Прогулка въ Тригорское»—«СПбургск. Вѣдом.» 1866 г., № 139. Объ ихъ ссорѣ см. II т. настоящаго изданія, стр. 548—549, 564—565.

[52]) «Русс. Арх.» 1865 г., 2-ое изд., 1240, 1351.

ваетъ М. И. Семевскій [53])—очень неравнодушенъ «родственникъ княгини Урусовой, артиллерійскій офицеръ С., человѣкъ образованный, хорошо знавшій англійскій языкъ, угрюмый поклонникъ поэзіи Байрона и скромный подражатель ему». Пушкинъ проводилъ у Урусовыхъ вечера и «бывалъ весьма веселъ, остеръ и словоохотливъ; въ разсказахъ, импровизаціяхъ (?) и шуткахъ бывалъ въ это время неистощимъ». Пушкинъ сблизился съ В. Д. Соломирскимъ (такъ звали артиллериста), которому подарилъ сочиненія Байрона съ очень дружественною надписью. «Тѣмъ не менѣе, легко было замѣтить, что ревнивый и крайне самолюбивый Соломирскій чѣмъ чаще сходился съ Пушкинымъ у князя Урусова, тѣмъ становился угрюмѣе и холоднѣе къ своему пріятелю. Особенное вниманіе, которое встрѣчалъ Пушкинъ въ этомъ семействѣ, и въ особенности вниманіе молодой княжны, предмета сокровеннаго обожанія со стороны Соломирскаго, возбуждало въ немъ сильнѣйшую ревность. Такія напряженныя отношенія должны были привести къ вспышкѣ; она скоро произошла и притомъ, какъ большей частью бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошла изъ-за самой пустой причины». Пушкинъ разсказалъ что-то смѣшное о графинѣ Б. Прослушавъ весь разсказъ, Соломирскій придрался къ Пушкину.—«Какъ вы смѣли отозваться неуважительно объ этой особѣ?—задорно сказалъ онъ.—Я хорошо знаю графиню, это во всѣхъ отношеніяхъ почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительныхъ объ ней отзывовъ.—«Зачѣмъ же вы не остановили меня, когда я только начиналъ разсказъ? — отвѣчалъ Пушкинъ. Почему вы не сказали мнѣ раньше, что вы знакомы съ графиней Б.? А то вы спокойно выслушали весь разсказъ и потомъ какимъ-то Донъ-Кихотомъ становитесь въ защитники этой дамы и берете ее подъ свою протекцію»...

Дѣло было въ присутствіи А. А. Муханова, разсказавшаго Семевскому объ этой исторіи. На другой день, рано утромъ, къ Муханову является Пушкинъ и передаетъ ему, что только что получилъ отъ Соломирскаго письменный вызовъ на дуэль. Пушкинъ, не медля ни минуты, отвѣтилъ Соломирскому запиской (15 апрѣля): «A l'instant, si vous désirez, venez avec un témoin». Пушкинъ разсказалъ Муханову, что у него уже былъ секундантъ Соломирскаго, А. В. Шереметевъ, и онъ направилъ его для переговоровъ къ Муханову, котораго поэтъ и просилъ быть секундантомъ. Пушкинъ уѣхалъ, и сейчасъ же къ Муханову явился Шереметевъ; это былъ товарищъ Соломирскаго, тоже артиллерійскій офицеръ. Мухановъ рѣшилъ предотвратить грозившую Пушкину опасность и сталъ склонять Шереметева употребить всѣ усилія къ тому, чтобы не дать произойти дуэли. Онъ изобразилъ тотъ позоръ, который падетъ на головы секундантовъ, если поэтъ будетъ убитъ или раненъ, и было рѣшено примирить враждующія стороны. Въ то же утро Шереметевъ привезъ Соломирскаго къ другу Пушкина, С. А. Соболевскому, у котораго жилъ поэтъ (на Собачьей площадкѣ, въ домѣ Ревкевичевой) Сюда же пришелъ Мухановъ, и секунданты помирили противниковъ при дѣятельномъ участіи Соболевскаго, угостившаго всѣхъ роскошнымъ завтракомъ.

Въ поэзіи Пушкина знакомство его съ Урусовыми не оставило слѣда, но другому московскому великосвѣтскому семейству стихи Пушкина дали безсмертіе. Это—семья Ушаковыхъ, у которыхъ Пушкинъ любилъ бывать; онъ ухаживалъ за обѣими дочерьми Ушаковыхъ—Екатериной Николаевной (старшей) и Елизаветой Николаевной. Первой поэтъ, впрочемъ, отдавалъ предпочтеніе. Ей онъ посвятилъ (въ 1827 г.) два стихотворенія: «Когда, бывало, въ старину»... и «Въ отдаленіи отъ васъ»... Эти стихи не говорятъ о серьезности и силѣ чувства, но очень возможно, что подъ шуткой скрывались серьезныя намѣренія. Одна знакомая Ушаковыхъ писала въ 1827 г. объ этихъ барышняхъ [54]): «меньшая очень, очень хорошенькая, а старшая чрезвычайно интересуетъ меня, потому что, повидимому, нашъ поэтъ, нашъ знаменитый Пушкинъ намѣренъ вручить ей судьбу жизни своей, ибо уже положилъ оружіе свое у ногъ ея, то-есть, сказать просто, влюбленъ въ нее. Это общая молва, а гласъ народа — гласъ Божій. Еще не видавши ихъ, я слышала, что Пушкинъ во все пребываніе свое въ Москвѣ только и занимался, что N****: на балахъ, на гуляньяхъ онъ говорилъ только

[53]) «Къ біографіи Пушкина»—«Русс. Вѣстн.», 1869 г., ноябрь, 81—85; см. поправку гр. В. Мусинъ-Пушкина въ «Русс. Стар.» 1909 г., январь, 191. См. мою ст. «Несостоявшаяся дуэль Пушкина въ 1827 г.».—«Русс. Стар.» 1907 г., іюль, 101—104.

[54]) «П. и его современники», вып. V, стр. 121—122.

съ нею, а когда случалось, что въ собраніи N**** нѣтъ, то Пушкинъ сидитъ цѣлый вечеръ въ углу, задумавшись, и ничто уже не въ силахъ развлечь его!.. Знакомство же съ ними удостовѣрило меня въ справедливости сихъ слуховъ. Въ ихъ домѣ все напоминаетъ о Пушкинѣ: на столѣ найдете его сочиненія, между нотами—«Черную шаль» и «Цыганскую пѣсню», на фортепіанахъ—его «Талисманъ»...Въальбомѣ—нѣсколько листочковъ картинъ, стиховъ и каррикатуръ, а на языкѣ безпрестанно вертится имя Пушкина». Къ Ушаковымъ Пушкинъ, разсказываетъ племянникъ Екатерины Николаевны, Н. С. Киселевъ [55]), — ѣздилъ очень часто, иной разъ заглядывалъ по три раза на дню; у нихъ онъ встрѣчался съ Н. Д. Иванчинымъ-Писаревымъ и писателемъ «для милыхъ», кн. П. И. Шаликовымъ; бывалъ у нихъ и кн. П. А. Вяземскій. Старуха Ушакова диктовала и напѣвала Пушкину русскія пѣсни.

«Въ тревогѣ пестрой и безплодной» московскихъ развлеченій Пушкину было не до работы, но едва наступила глубокая осень, любимое рабочее время поэта, его потянуло въ деревню. Надо было кое-что передѣлать въ «Годуновѣ», продолжать «Онѣгина». 1 ноября 1826 г., не пробывъ въ Москвѣ и полныхъ двухъ мѣсяцевъ, Пушкинъ поѣхалъ въ Михайловское; съ дороги онъ писалъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской: «С. П. (т.-е., конечно, С. Ѳ. Пушкина) мой добрый ангелъ, но другая—мой демонъ; это меня смущаетъ въ моихъ поэтическихъ и забавныхъ размышленіяхъ... Ѣду - похоронить себя среди моихъ сосѣдокъ. Молитесь Богу за упокой моей души». «Другая»—намекъ на недавно оставленную имъ въ Тригорскомъ, любившую его Анну Никол. Вульфъ; въ день пріѣзда онъ побывалъ въ Тригорскомъ. «Деревня мнѣ пришла какъ-то по сердцу»—писалъ онъ Вяземскому —«Есть какое-то поэтическое наслажденіе возвратиться вольнымъ въ покинутую тюрьму. Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встрѣча моей дворни, хамовъ и моей няни, ей Богу, пріятнѣе щекотитъ сердце, чѣмъ слава, наслажденія самолюбія, разсѣянности и пр... Долго здѣсь не останусь, въ ПБ. не поѣду, буду у васъ къ 1-му[56]). . . она[57]) велѣла! Милый мой, Москва оставила во мнѣ непріятное впечатлѣніе»... Но работа въ Михайловскомъ

КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ВЕНЕВИТИНОВА.

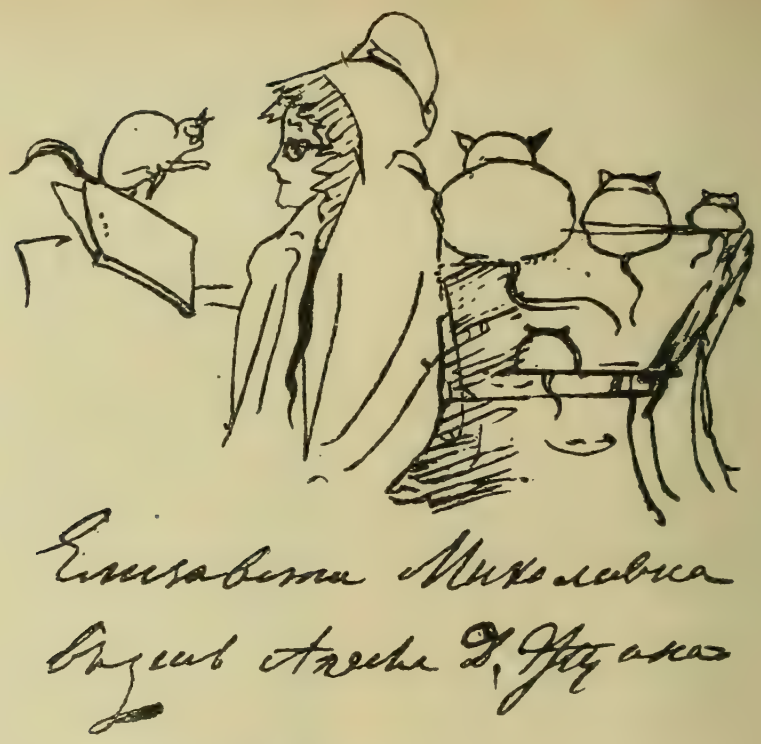
Изъ коллекціи И. С. Остроухова. Воспроизводится въ первый разъ.

спорилась плохо. «Въ деревнѣ»—сообщалъ Пушкинъ 1 декабря Вяземскому, который спрашивалъ его: «вдался ли въ запой стиховъ, или не можешь еще справиться съ московскаго похмѣлья?» — «я писалъ презрѣнную прозу, а вдохновеніе не лѣзетъ. Во Псковѣ, вмѣсто того, чтобъ писать 7-ую главу Онѣгина, я проигрываю въ штосъ четвертную: не забавно». Подъ «презрѣнной прозой» Пушкинъ разумѣлъ, вѣроятно, заказанную ему записку о народномъ воспитаніи. Въ Псковѣ Пушкинъ велъ непріятную переписку съ Бенкендорфомъ по поводу чтенія «Годунова». 20 декабря онъ былъ снова въ Москвѣ.

Жалуясь Вяземскому на «непріятное впечатлѣніе» Москвы, Пушкинъ прибавлялъ:

---

[55]) Л. Майковъ, «П—нъ», стр. 361—362.
[56]) Декабря.
[57]) Софья Пушкина.



КАРРИКАТУРА ПУШКИНА НА ЕЛИЗАВЕТУ УШАКОВУ.

Изъ «Ушаковскаго альбома».

«все-таки лучше съ вами видѣться, чѣмъ переписываться. Къ тому же журналъ... Намъ надо завладѣть однимъ журналомъ и царствовать самовластно и единовластно»... И Пушкинъ приглашалъ друга оставить «Московскій Телеграфъ» Полевого и перейти въ «Московск. Вѣстникъ». Но Вяземскій отказался не только потому, что самъ подбилъ Полевого издавать журналъ и бралъ съ него половину дохода, на что въ «Моск. Вѣстникѣ» ему нельзя было разсчитывать, но еще и потому, что не надѣялся на прочность связи Пушкина съ молодой редакціей и предвидѣлъ, что «управленіе журналомъ можетъ надоѣсть ему» [58]); въ этомъ Вяземскій оказался правъ. Но на первыхъ порахъ Пушкинъ относился къ дѣлу горячо. Онъ писалъ Языкову (21 декабря): «я участвую въ Моск. Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также... Непремѣнно будьте же нашъ... Пора задушить альманахи. Дельвигъ нашъ». Привлекалъ Пушкинъ къ сотрудничеству Туманскаго: «подкрѣпи насъ прозою своею и утѣшь стихами», и другого одессита—А. И. Левшина [59]).

[58]) Переписка Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, подъ ред. А. И. Кульмана, I, 46.

[59]) Переписка П—на, академич. изд., II, 5—6.

Автопортретъ Пушкина. Изъ «Ушаковскаго» альбома.

Считая себя «вольнымъ», свободнымъ, не чувствуя мягко и ласково опутывавшихъ цѣпей, Пушкинъ былъ за эту «независимость» безпредѣльно благодаренъ царю, проявившему по отношенію къ нему «рѣдкую проницательность», какъ выразился Мицкевичъ [60]). Оптимистъ по натурѣ, поэтъ глядѣлъ на Николая Павловича сквозь призму этой благодарности, и фигура царя, котораго онъ въ извѣстныхъ «Стансахъ» сравнилъ по «семейному сходству» съ Петромъ Великимъ, окрасилась въ его воображеніи неестественнымъ, нѣжно-розовымъ свѣтомъ. Вся суровость Николаевской эпохи совершенно пропала въ этихъ чаяніяхъ «Славы и добра» и въ призывѣ: «будь памятью» незлобенъ.

Уповая на готовность Николая примиряться и забывать, Пушкинъ ободрялъ и утѣшалъ своихъ друзей-декабристовъ. Въ концѣ

[60]) Соч. Вяземскаго, VII, 313.

1826 г. онъ встрѣтился у кн. Зинаиды Волконской на музыкальномъ вечерѣ съ другой Волконской — Маріей Николаевной, старой знакомкой поэта — Раевской, отправлявшейся въ Сибирь къ мужу [61]). Съ нею была жена и другого декабриста — Александра Григорьевна Муравьева; по преданію, послѣдней Пушкинъ передалъ свое «Посланіе въ Сибирь» [62]), въ которомъ ободрялъ друзей: «Храните гордое терпѣнье... Любовь и дружество до васъ дойдутъ сквозь мрачные затворы, какъ въ ваши каторжныя норы доходитъ мой свободный гласъ... Братья мечъ вамъ отдадутъ»... И долго еще Пушкинъ безуспѣшно ждалъ амнистіи для декабристовъ.

Личность царя Пушкинъ рѣшительно отдѣлялъ отъ правительственной системы. Онъ говорилъ о Николаѣ Павловичѣ: «во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье, освободилъ онъ мысль мою»... Этой иллюзіи не могли разсѣять самые чувствительные уроки, которые Пушкинъ сталъ получать съ первыхъ дней своей «свободы». Поэтъ былъ еще въ Михайловскомъ, когда о немъ заварилось серьезное «дѣло»; оно тянулось долго, кончилось не скоро и принесло ему много огорченій. Молодежь жадно переписывала въ завѣтныя тетради новые стихи любимаго поэта, стараясь найти въ нихъ сокровенный смыслъ. Примѣнительно къ «14 декабря» было истолковано нѣсколько непропущенныхъ цензурою стиховъ изъ оды «Андрей Шенье», гдѣ говорится о «великодушной присягѣ», «священной свободѣ», «безтрепетномъ отвѣтѣ самовластію». По доносу полицейскаго агента былъ преданъ суду кандидатъ московскаго университета Леопольдовъ, у котораго агентъ раздобылъ стихи Пушкина, озаглавленные «14 декабря». Дѣлу, конечно, былъ данъ ходъ. Леопольдовъ показалъ, что получилъ стихи отъ прапорщика Молчанова, который заявилъ, что стихи писаны дѣйствительно Пушкинымъ; былъ арестованъ и передававшій Молчанову стихи штабсъ-капитанъ Алексѣевъ. Пушкина, который находился тогда (въ январѣ 1827 г.) въ Москвѣ допросили, онъ ли сочинилъ «извѣстные стихи, когда, съ какою цѣлью, почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное»; если же они не имъ написаны, то «кѣмъ сочинены». Пушкинъ отвѣтилъ, что не знаетъ, о какихъ стихахъ идетъ рѣчь. Тогда ему были предъявлены стихи, и онъ объяснилъ (27 января), что они были написаны имъ гораздо раньше декабрьскаго мятежа, и что въ нихъ говорится о французской революціи, такъ что они «безъ явной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабрю». Это объясненіе Пушкину пришлось повторить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще разъ. Дѣло окончилось лишь въ слѣдующемъ году отдачей Пушкина подъ надзоръ полиціи и строгимъ внушеніемъ, «дабы впредь никакихъ своихъ произведеній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику» [63]).

Несмотря на заключенный съ поэтомъ договоръ, правительство не спускало съ него подозрительныхъ глазъ. Для него Пушкинъ не переставалъ быть пѣвцомъ «вольности». Когда Бенкендорфъ получилъ отъ него письмо, при которомъ Пушкинъ прислалъ рукопись «Годунова», царь приказалъ поручить «надежному человѣку сдѣлать извлеченіе изъ его сочиненія, чтобы оно не распространялось». «Надежный человѣкъ» отмѣтилъ, что «духъ сочиненія монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора»; впрочемъ, «должно выкинуть весь монологъ боярина Пушкина: во-первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во-вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ». Хотя критикъ изъ III Отдѣленія и не видѣлъ препятствій къ разрѣшенію драмы, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, державный цензоръ нашелъ, что «цѣль Пушкина была бы выполнена, если бы съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ,

[61]) Записки княгини М. Н. Волконской, Спб., 1904, стр. 22.

[62]) «Русс. Арх. 1874 г., II, 703; «Записки И. И. Пущина о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 93—94; Записки И. Д. Якушкина, 2-ое изд., М., 1905, стр. 52.

[63]) Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ № 428. Объ этомъ процессѣ см. въ «Русс. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 693—694; т. XI, стр. 584—588; 1882 г., т. XXIII, стр. 465—468; 1899 г., т. XCIX, стр. 313—326; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», 339—341; Записки Ф. Ф. Вигеля, изд. 1892 г., VII, 111—114; И. И. Василевъ, «Слѣды пребыванія П—на въ Псковской губерніи», 32—36; Сочиненія П—на, изд. П. А. Ефремова, т. VII; 1903 г., стр. 259—261, 276—277, 286—287, 298—300, VIII, 1905 г., стр. 597—601; «Дѣла III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи объ А. С. П—нѣ», Спб., 1906, стр. 14—17, 75—80, 263—300; Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое; Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ, подъ ред. Н. Кульмана, I, 42.

на подобіе Вальтера Скота [64]). Но передѣлать драму Пушкинъ все-таки отказался [65]), и печатаніе «Годунова» ему поневолѣ пришлось отложить. Повинуясь приказанію представлять свои произведенія на высшее усмотрѣніе, Пушкинъ представилъ Бенкендорфу «Цыганъ», два отрывка изъ «Онѣгина», «19 октября 1825 г.» и стихи къ Керн. Казенный рецензентъ писалъ по этому поводу: въ «Цыганахъ» хотя говорится о свободѣ и вольности, или, лучше сказать, хотя въ сей піесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемая), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую». «19 октября 1825 г.» вызвало такое замѣчаніе: «вовсе не нужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ, когда авторъ не былъ въ ономъ, но былъ милостиво и отечески оштрафованъ за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію [66]).

Два автопортрета Пушкина, повидимому рисованные имъ въ Москвѣ. (Изъ коллекціи И. С. Остроухова. Воспроизводятся здѣсь впервые).

Еще въ сентябрѣ 1826 г. Пушкину дано было знать, что пріѣздъ въ Петербургъ ему дозволенъ—при условіи предварительнаго исходатайствованія разрѣшенія на это 24 апрѣля 1827 г. Пушкинъ написалъ Бенкендорфу, что проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Петербургъ, и получилъ его вмѣстѣ съ напоминаніемъ: «его величество отозваться соизволилъ, что не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово вести себя благородно и пристойно будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано». Такимъ образомъ, власти довольно недвусмысленно заявили Пушкину о своемъ недовѣріи къ нему и даже не находили нужнымъ особенно церемониться съ поэтомъ.

Москва успѣла надоѣсть Пушкину. Одинъ его знакомый писалъ въ мартѣ 1827 г.: «судя по всему, что я слышалъ и видѣлъ, Пушкинъ здѣсь на розахъ. Его знаетъ весь городъ, всѣ имъ интересуются; отличнѣйшая молодежь собирается къ нему, какъ древле къ великому Аруету собирались всѣ имѣвшіе немного здраваго смысла въ головѣ. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ скучаетъ! Такъ онъ мнѣ самъ сказалъ... Пушкинъ очень перемѣнился наружностію: страшные черные бакенбарды придали лицу его какое-то чертовское выраженіе; впрочемъ, онъ все тотъ же—такъ же живъ, скоръ и по прежнему въ одну минуту переходитъ отъ веселости и смѣха къ задумчивости и размышленію» [67]). Одной изъ причинъ охлажденія Пушкина къ Москвѣ были сплетни, жертвою которыхъ онъ быстро сталъ. «Москва неблагородно поступила съ нимъ»—разсказываетъ Шевыревъ: — «послѣ неумѣренныхъ похвалъ и лестныхъ пріемовъ охладѣли къ нему, начали даже клеветать на него, возводить на него обвиненія въ ласкательствѣ и даже наушничествѣ передъ государемъ. Это и было причиной, что онъ оставилъ Москву» [68]). Той же участи подвергъ, было, поэтъ своего Онѣгина, когда онъ, странствуя по Россіи, посѣтилъ старую столицу: «замѣченъ онъ. Объ немъ толкуетъ разнорѣчивая молва, имъ занимается Москва, его шпіономъ

---

[64]) «Старина и Новизна», VI, 4—5; М. Сухомлиновъ, «Изслѣдованія», II, 219—228. Ср. въ настоящемъ томѣ примѣчаніе къ «Борису Годунову».

[65]) Письмо къ Бенкендорфу 3 января 1827 г.

[66]) Сухомлиновъ, II, 216; «Дѣла III Отдѣленія», 43.

[67]) «Русск. Стар.» 1903, іюнь, 638; сборн. «Памяти Л. Н. Майкова», 249.

[68]) Л. Н. Майковъ, «П—нъ», 330.—Во время путешествія Пушкина въ 1833 г. разнесся слухъ, что онъ ѣздитъ не для изученія пугачевщины, а для собиранія секретныхъ свѣдѣній о провинціальныхъ чиновникахъ» («Воспоминанія графа В. А. Сологуба, М. 1866, стр. 18—19).

именуетъ»... [69]). Когда одинъ изъ извѣстныхъ братьевъ Критскихъ предложилъ избрать Пушкина въ предсѣдатели тайнаго общества, кто-то изъ членовъ возразилъ, что «Пушкинъ нынѣ предался большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остреньких стишкахъ, нежели о благѣ отечества [70]). Даже въ глазахъ зеленой молодежи Пушкинъ уже не былъ прежнимъ Пушкинымъ. Что происходило въ душѣ его,—этого никто не зналъ. Поэтъ былъ одинокъ.

Еще нѣсколько лѣтъ суждено было Пушкину влачить скитальческую жизнь, безъ внѣшняго спокойствія и безъ внутренняго мира съ самимъ собою. Москва была для него въ 1826—1827 гг. лишь станціей на этомъ пути. Вскорѣ онъ опять пустился въ дорогу, и во второй половинѣ мая 1827 г. мы застаемъ его уже въ Петербургѣ.

Н. Лернеръ.

[69]) «Русск. Стар.» 1888 г., январь, 242.
[70]) «Былое» 1906 г., іюнь, 46.

Автопортретъ Пушкина. Изъ «Ушаковскаго» альбома.

ПУШКИНЪ И ЕГО ДРУЗЬЯ СЛУШАЮТЪ ДЕКЛАМАЦІЮ МИЦКЕВИЧА ВЪ САЛОНѢ КН. ЗИНАИДЫ ВОЛКОНСКОЙ.

Картина Г. Г. Мясоѣдова.

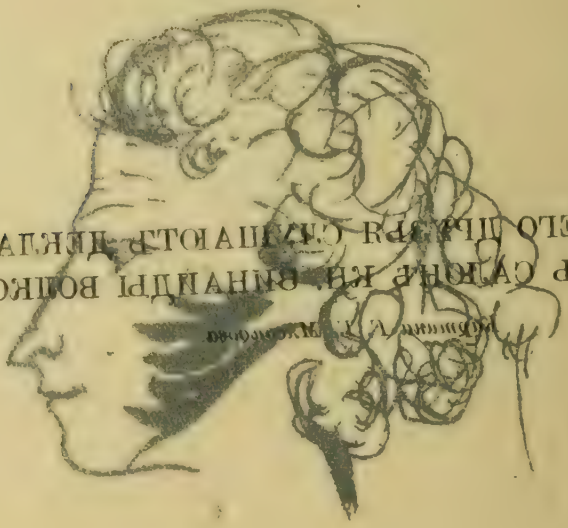
...ъ... [illegible]). Когда одинъ изъ извѣ-
братьевъ Критскихъ предложилъ
Пушкина въ предсѣдатели тайнаго
...ва, кто-то изъ членовъ возразилъ,
...ушкинъ нынѣ предался большому
... думаетъ болѣе о модахъ и острень-
...тишкахъ, нежели о благѣ отече-
... Даже въ глазахъ зеленой моло-
...ушкинъ уже не былъ прежнимъ
...ымъ. Что происходило въ душѣ

...Русск. Стар.» 1888 г., январь. 242.
...Былое» 1906 г., іюнь. 46.

... никто не зналъ. Поэтъ ...
...

Еще нѣсколько лѣтъ суждено было Пушкину влачить скитальческую жизнь, безъ внѣшняго спокойствія и безъ внутренняго мира съ самимъ собою. Москва была для него въ 1826—1827 гг. ли въ станціей на этомъ пути. Вскорѣ онъ опять пустился въ дорогу, и во второй половинѣ мая 1827 г. мы застаемъ его уже въ Петербургѣ.

Н. Лернеръ.



Автографъ Пушкина. Изъ Ушаковскаго альбома.

РУСАЛКА.

Пьеса эта, оставшаяся въ бумагахъ Пушкина неоконченною и неотдѣланною, появилась въ печати уже послѣ смерти поэта, въ VI томѣ Современника, съ произвольными передѣлками, принадлежащими, можетъ быть, Жуковскому, которымъ, вѣроятно, дано также и заглавіе, въ рукописи отсутствующее. Въ настоящее время она извѣстна намъ въ перебѣленномъ автографѣ, съ поправками Пушкина, а также и въ черновыхъ листахъ, писанныхъ отчасти чернилами, отчасти—карандашемъ. Всѣ эти рукописи изданы фототипически А. де-Біонкуромъ, подъ редакціей Л. П. Бѣльскаго, въ М. 1901 г. Кромѣ того, въ бумагахъ А. С. Норова сохранился первоначальный набросокъ разговора княгини съ мамкой. Онъ напечатанъ въ Русскомъ Архивѣ 1865, №12, а снимокъ съ него данъ въ книгѣ В. Я. Брюсова: «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903.

Въ бумагахъ Пушкина оказался также небольшой набросокъ, бывшій въ свое время въ рукахъ П. В. Анненкова, который, однако, почему-то совсѣмъ забылъ о немъ въ своихъ «Матеріалахъ». Этотъ набросокъ будетъ напечатанъ въ 4-мъ томѣ академическаго изданія сочиненій Пушкина. По времени написанія его слѣдуетъ пріурочить къ 1826 году. Изъ него видно, что въ воображеніи Пушкина уже задолго до созданія извѣстной намъ теперь «Русалки» носился образъ фантастическаго существа, водяной красавицы, съ которою смертный находится въ близкихъ любовныхъ отношеніяхъ. Но въ ту пору поэтъ еще очень «неясно различалъ сквозь магическій кристаллъ» своей фантазіи «даль» той драмы, какая создалась у него впослѣдствіи...

Что касается этой драмы, то она, по свидѣтельству Анненкова, основанному на изученіи пушкинскихъ рукописей, была задумана Пушкинымъ въ ту осень 1830 г., которая отмѣчена въ біографіи нашего поэта поразительнымъ приливомъ творческихъ силъ. Въ эту осень Пушкинъ застрялъ въ своей дальней и глухой нижегородской вотчинѣ, Болдинѣ, отрѣзанный холерными карантинами отъ всего остального міра, въ полномъ одиночествѣ, и съ жаромъ принялся за осуществленіе творческихъ плановъ, быть можетъ, уже давно роившихся въ его головѣ и теперь нашедшихъ себѣ выходъ въ усиленной работѣ. Извѣстно, что въ эту пору, кромѣ цѣлаго ряда мелкихъ стихотвореній, Пушкинымъ были написаны Повѣсти Бѣлкина, Исторія села Горохина, Домикъ въ Коломнѣ, Скупой Рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный Гость, Пиръ во время чумы... Одновременно была начата и Русалка, съ которою поэтъ, однако, не спѣшилъ, отложилъ ее въ сторону и вернулся къ ней только полтора года спустя, уже въ Петербургѣ: I-я сцена помѣчена, въ окончательномъ видѣ, 27 апрѣля 1832 г.

Въ это время Пушкинъ занимался переложеніемъ извѣстнаго сборника Мериме въ Пѣсни Западныхъ Славянъ—и, между прочимъ, написалъ усвоеннымъ имъ сербскимъ эпическимъ размѣромъ пѣсню XV «Янышъ-королевичъ», замѣтивъ о ней въ выноскѣ: «Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю». О какомъ «подлинникѣ» говоритъ здѣсь поэтъ? Въ сборникѣ Мериме этой пѣсни не находится; среди произведеній славянской народной поэзіи, въ настоящее время уже достаточно обслѣдованныхъ, также не встрѣтилось ничего подходящаго; пѣсня, провозглашенная, съ легкой руки Анѣнкова, «чешскимъ сказаніемъ», не говоря уже о сербскомъ ея размѣрѣ, заключаетъ въ себѣ упоминаніе о «вилѣ», извѣстной только въ сербской поэзіи; наконецъ, и самое имя «Янышъ» звучитъ какъ-то странно: ни по чешски, ни по сербски... Въ нашей литературѣ было уже высказано вскользь (Ѳ. Е. Коршемъ) предположеніе,—не сочинена ли пѣсня о Янышѣ самимъ Пушкинымъ, который только выдалъ ее за переводъ съ неизвѣстнаго «подлинника», какъ сдѣлалъ то же самое

со Скупымъ Рыцаремъ? Это предположеніе представляется вполнѣ вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что въ дальнѣйшей обработкѣ того же сюжета—въ Русалкѣ—Пушкинъ цѣликомъ взялъ изъ пѣсни о Янышѣ не только общій ходъ разсказа, но и нѣкоторыя отдѣльныя положенія и выраженія. Въ пѣснѣ Янышъ—

Съ прежней любой идетъ проститься,
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами
чересъ.,.
. . . . . .
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ, на днѣ, молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей...

Въ драмѣ серьги замѣнены повязкой, «чересъ»—мѣшкомъ (что̀ одно и тоже); по отъѣздѣ князя, дѣвушка рветъ съ себя жемчугъ, снимаетъ повязку и бросается въ рѣку. Затѣмъ она «въ глубинѣ рѣки очнулась русалкою холодной и могучей», которую русалки называютъ «царицей», и родила тамъ дочь. Другое совпаденіе касается мелкой детали: въ пѣснѣ маленькая Водяница виснетъ на уздѣ коня Яныша; въ драмѣ дочь говоритъ:

И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что пѣсня о Янышѣ послужила основою для Русалки. Замыселъ поэта нашелъ себѣ выраженіе сначала въ эпической формѣ, затѣмъ развернулся въ драму; но какъ пѣсня, такъ и драма не были доведены до конца...

Въ пору созданія Русалки Пушкинъ уже вполнѣ владѣлъ народною поэтическою рѣчью и былъ основательно знакомъ съ пріемами народнаго поэтическаго творчества, хотя и не могъ еще освободиться отъ свойственнаго тому времени романтическаго воззрѣнія на «народность». Этимъ объясняется нѣкоторая двойственность въ характерѣ его драмы: съ одной стороны, мы видимъ въ Русалкѣ отраженія русской народной жизни и поэзіи, особенно яркія въ сценѣ свадебнаго пира, а съ другой стороны—изображеніе «подводнаго царства» и балладную фигуру мельника-ворона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ произведеніи Пушкина отразились довольно замѣтными чертами и литературныя вліянія: баллады Мицкевича и въ особенности—чрезвычайно популярная въ свое время опера Генслера (музыка Кауэра) «Donauweibchen», переведенная въ 1803—1807 гг. и приспособленная для русской сцены Николаемъ Краснопольскимъ, подъ заглавіемъ: «Днѣпровская Русалка». Тематическое сходство этой, хорошо извѣстной всѣмъ современникамъ нашего поэта, оперы съ драмой Пушкина и даже совпаденіе въ нѣкоторыхъ мелкихъ подробностяхъ было впервые обстоятельно изслѣдовано академикомъ И. Н. Ждановымъ *). «Изученіе такого именно матеріала», говоритъ авторъ изслѣдованія,—«наблюденіе надъ способомъ обработки этого матеріала великимъ художникомъ представляетъ значительный интересъ. Сопоставленіе малоцѣннаго матеріала съ художественной его обработкой можетъ служить показателемъ силы и гибкости литературнаго таланта. Тяжело наблюдать, когда «художникъ-варваръ кистью сонной картину генія чернитъ и свой рисунокъ беззаконный надъ ней безсмысленно чертитъ»; противоположное наблюденіе вызываетъ и противоположное чувство. Отрадно присматриваться, когда кисть истиннаго художника превращаетъ «беззаконный рисунокъ въ геніальную картину».

«Днѣпровская Русалка» Краснопольскаго пользовалась у насъ, въ теченіе чуть ли не полувѣка, огромнымъ успѣхомъ и на столичныхъ, и на провинціальныхъ сценахъ. «Пьеса эта»,—разсказываетъ лѣтописецъ русскаго театра Араповъ,—«была представлена въ первый разъ 26 октября 1803 г. на Большомъ театрѣ, съ великолѣпнымъ спектаклемъ, и обставлена лучшими артистами... Не смотря на всю нелѣпость своего содержанія, она произвела фуроръ, и въ Петербургѣ только что и говорили о ней и пѣли повсюду изъ нея аріи и куплеты: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой». «Мущины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ» и «Вы къ намъ вѣрность никогда не хо-

*) «Памяти Пушкина», Сборникъ статей преподавателей и слушателей ист.-фил. факультета Имп. Спб. университета, Спб., 1900, стр. 139—178.

тите сохранить». Эти аріи были въ большой модѣ, и повторялось представленіе Русалки черезъ день... 5 мая, 1804 г. было первое представленіе второй части... Обѣ части давали поперемѣнно, обѣ равно нравились... 25 октября, 1805 г. давали третью часть...» *). Аріи и хоры изъ Русалки переходили и въ пѣсенники,—и Пушкинъ въ Онѣгинѣ (II, 12) отмѣтилъ ихъ исполненіе въ деревенскомъ помѣщичьемъ обиходѣ:

Потомъ приносятъ и гитару,
И запищитъ она—Богъ мой!
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!»

Общее содержаніе оперы заключается въ слѣдующемъ: полоцкій князь Видостанъ женится на дочери черниговскаго князя Славомысла, Милославѣ. Во время сватовства и свадьбы къ Видостану и Милославѣ нѣсколько разъ является, въ различныхъ превращеніяхъ, днѣпровская русалка Леста. Видостанъ нѣкогда любилъ ее, и она являлась ему въ видѣ крестьянской дѣвушки. Теперь Видостанъ узнаетъ отъ нея, что онъ—отецъ: Леста показываетъ ему ихъ дитя, дѣвочку Лиду, и требуетъ, чтобы Видостанъ и послѣ женитьбы не забывалъ своей прежней любви: онъ можетъ жениться, но долженъ три дня въ году проводить въ подводномъ теремѣ Лесты. Свиданія съ Лестой, ея рѣчи, вносятъ смущеніе въ сердце Видостана Онъ колеблется между привязанностью къ женѣ и воспоминаніями о прежней любви. Тревожится и Милослава, предчувствуя что-то недоброе. Вся эта тревога завершается перенесеніемъ Видостана въ подводный теремъ русалки; но затѣмъ по волѣ Лесты князь возвращается къ своей женѣ. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ новыхъ явленій и превращеній Лесты. Она отдаетъ свою дочь на воспитаніе женѣ Видостана, который долженъ былъ поклясться, что никогда и никому не откроетъ тайны рожденія маленькой Лиды. Видостанъ не сдержалъ клятвы и въ наказаніе за это лишается жены: Милослава умираетъ, пораженная молніей; но Леста возвращаетъ ее къ жизни и переноситъ въ свое подводное царство. Здѣсь она и должна оставаться до тѣхъ поръ, пока Видостанъ не докажетъ своего раскаянія, пока въ его сердцѣ снова не проснется любовь къ женѣ.

За множествомъ сценъ, напоминающихъ то феерію, то фарсъ, за внѣшней пестротой содержанія скрывается чрезвычайно скудное драматическое дѣйствіе. Пьеса открывается сценой княжеской охоты. Видостанъ на берегу Днѣпра. Появляются русалки; слышенъ голосъ Лесты. Этотъ знакомый голосъ напоминаетъ князю былое. Видостанъ убѣждается, что чары прежней любви еще сохраняютъ надъ нимъ свою силу: онъ не можетъ забыть минувшаго счастья и хотѣлъ бы его вернуть. Эта сцена охоты, сопровождаемая появленіемъ Лесты и тяжелымъ раздумьемъ Видостана, повторяется въ первой части пьесы нѣсколько разъ. Князь борется съ чувствомъ привязанности къ былому, желаетъ разорвать союзъ съ русалкой, но «память сердца» оказывается слишкомъ сильною. Въ началѣ III-й части мы снова находимъ Видостана на берегу Днѣпра. Онъ радъ, что можетъ «предаться восхитительнымъ воспоминаніямъ о величественномъ Днѣпрѣ, въ которомъ обитаетъ прелестная Леста. О, если бъ могъ я,—говоритъ онъ,—увидѣть ее еще однажды, если бъ могъ я услышать пріятный ея голосъ!» и т. д.

Очень вѣроятно, что рѣшеніе Пушкина возсоздать сюжетъ пѣсни о королевичѣ Янышѣ въ драматической формѣ было подсказано именно Днѣпровской Русалкой, подобно тому, какъ новая переработка сюжета о Донъ-Жуанѣ была навѣяна оперой Моцарта. Тема Русалки, занимавшая нашего поэта, была имъ воспринята и освобождена отъ той шелухи, въ которой она изложена въ оперѣ Генслера,—отъ всѣхъ этихъ ненужныхъ и неумѣлыхъ фіоритуръ то сентиментальнаго, то комическаго характера—развита и углублена въ своемъ существѣ и сближена съ русскою жизнью. Въ результатѣ этой переработки явилось совсѣмъ новое, высоко-художественное произведеніе; подъ неумѣло наложенными красками «варвара» заблестѣло творенье генія.

Сходство общаго содержанія двухъ Русалокъ очевидно. Въ томъ и другомъ произведеніи главныя дѣйствующія лица—однѣ и тѣ же: князь, его бывшая подруга—русалка, маленькая дочь этой русалки и жена князя. Завязка драмы и здѣсь и тамъ связана съ женитьбою князя. Свадьба сыграна; но и послѣ женитьбы князь возвращается мыслью и сердцемъ къ воспоминаніямъ о прежней любви. Жена князя у Пушкина страдаетъ, замѣчая охлажденіе мужа; страдаетъ и Милослава, замѣчая

*) П. Араповъ. Лѣтопись рус. театра, Спб. 1861, стр. 163—164, 166, 172, 182.

охлажденіе Видостана. Тяжелое положеніе осложняется существованіемъ маленькой русалочки, дочери князя и русалки. Въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія Пушкинъ уже совершенно отклонился отъ плана Днѣпровской Русалки; но многія отдѣльныя частности все-таки обнаруживаютъ нѣкоторыя, иногда очень любопытныя, совпаденія этихъ двухъ произведеній, столь различныхъ между собою по духу и по литературному достоинству.

Мѣсто дѣйствія пушкинской Русалки представляетъ берегъ Днѣпра (сцены 1, 4, 6), княжескій теремъ (сц. 2, 3) и теремъ русалки на днѣ рѣки (сц. 5). Тотъ же берегъ Днѣпра и тотъ же подводный дворецъ находимъ и въ переводной Русалкѣ. На берегу Днѣпра мы застаемъ и Видостана и пушкинскаго князя. Въ концѣ первой части оперы «театръ представляетъ хрустальные чертоги русалки на днѣ Днѣпра». Русалки поютъ: «Благоденствуй, царица драгая», и пр. Въ такой же обстановкѣ начинается и I дѣйствіе второй части оперы. У Пушкина въ 5-й сценѣ Русалки мѣсто дѣйствія опредѣляется такъ: «Днѣпровское дно. Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы». Есть въ переводной пьесѣ и мельница на берегу Днѣпра, а рядомъ съ нею большое дерево (у Пушкина—«Дубъ завѣтный»). Пушкинская русалка—дочь мельника; въ видѣ мельничихи появляется и Леста въ нѣкоторыхъ сценахъ оперы. На вопросъ: «Кто ты такова?» она отвѣчаетъ: «Я дочь здѣшняго мельника и послана къ пріѣзжему князю, который называется Видостаномъ». Между первой и третьей сценами пушкинской Русалки проходитъ пять лѣтъ; то же число лѣтъ указано и въ оперѣ. Веселье гостей, пирующихъ на княжеской свадьбѣ, смущено голосомъ невѣдомой пѣвицы, которая поетъ не свадебную пѣсню. Князь догадывается, что пѣла дочь мельника. Онъ «встаетъ изъ-за стола и говоритъ тихо конюшему:

Вѣдь мельничиха здѣсь?
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай,
Кто смѣлъ ее впустить».

По первоначальной редакціи Русалки пѣвица была замѣчена, но не узнана. «Дѣвушка подъ покрываломъ проходитъ черезъ комнату». Ее видѣли дружки и сваха. На свадебномъ пиру князя Видостана также появляется русалка въ видѣ странствующей пѣвицы. Она играетъ на бандурѣ и поетъ пѣсню. «По окончаніи аріи... Леста глядитъ пристально на Видостана». Этотъ взглядъ обращаетъ на себя общее вниманіе. Одинъ изъ княжескихъ слугъ готовъ прогнать пѣвицу: «Этакихъ гостей знаешь ли, какъ провожаютъ?» — говоритъ кравчій, обращаясь къ Лестѣ. Она требуетъ, чтобы князь угостилъ ее «кубкомъ меду сладкаго». Водостанъ подаетъ ей кубокъ трепеща...

Въ III сценѣ пушкинской Русалки князь, отправившійся на охоту, остается одинъ на берегу Днѣпра. Охотники возвращаются домой. Княгиня спрашиваетъ ловчаго, гдѣ князь и что съ нимъ, и приказываетъ сейчасъ же скакать за нимъ. Сходная сцена встрѣчается въ III части оперы. Видостанъ отправляется на охоту и долго не возвращается домой. «Что мнѣ дѣлать?»— говоритъ онъ: «Развѣ слышать скучные упреки отъ Милославы?» Охотники ищутъ князя, но не находятъ его. Милослава тревожится, одинъ изъ слугъ ее успокаиваетъ и пр.

Въ IV сценѣ Русалки князь на берегу Днѣпра вспоминаетъ былое и, между прочимъ, идетъ къ деревьямъ; на него сыплются листья.

Что это значитъ? Листья.
Поблекнувъ, вдругъ свернулися и съ шумомъ
Посыпались, какъ пепелъ, на меня...

Въ I-й части оперы Видостанъ «садится подъ дерево и говоритъ: Я какъ будто приколдованъ къ этому мѣсту и не могу забыть того, что со мною приключилось. (Листья съ дерева на него сыплются. Вскочивъ). Что это значитъ? Какое невидимое существо окружаетъ меня?»

Въ другой сценѣ князь снова на берегу. «Напрасно хожу я по берегу быстраго Днѣпра»,—говоритъ онъ. «Напрасно ожидаю съ нетерпѣніемъ ненастижимаго привидѣнія; очаровательное пѣніе, которое восхищало меня сегодня, безпрестанно раздается въ душѣ моей и влечетъ меня сюда подобно магниту». У Пушкина: «Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ меня влечетъ невѣдомая сила...»

«Сопоставленіе Русалки Пушкина съ Русалкой Краснопольскаго убѣждаетъ насъ въ несомнѣнномъ родственномъ сходствѣ этихъ произведеній», говоритъ акад. Ждановъ. «Но это же сопоставленіе двухъ Русалокъ открываетъ намъ и глубокую разницу «беззаконнаго рисунка» и геніальной картины. Пушкинъ зналъ переводную Русалку; онъ перенесъ изъ нея въ свое

произведеніе нѣкоторые литературные мотивы, но въ передѣлкѣ великаго поэта и основной сюжетъ драмы и ея частности получили не только новую, болѣе блестящую оболочку, но и новый, болѣе глубокій смыслъ. Передѣлка коснулась и построенія драмы, и изложенія отдѣльныхъ подробностей... Все, напоминающее театральную феерію и фарсъ, всѣ превращенія и шутовскія сцены исчезли, конечно, въ Русалкѣ Пушкина... Въ переводной оперѣ изложеніе драматическаго сюжета растянуто на сотню явленій. Русалка Пушкина обрывается на шестой сценѣ; но въ этихъ немногихъ сценахъ великій поэтъ успѣлъ развернуть передъ нами такую потрясающую психологическую картину, о какой и не думали Генслеръ и Краснопольскій»...

Леста въ оперѣ—фантастическое существо, безсмертная водяная фея—«никса», лишь случайно, по прихоти своей, принимающая видъ крестьянской дѣвушки и въ этомъ видѣ затѣвающая любовную игру съ Видостаномъ. Такимъ образомъ, въ оперѣ отсутствуетъ главный, существенный элементъ драмы—страданія покинутой любовницы. У Пушкина и въ пѣснѣ о Янышѣ-королевичѣ и въ Русалкѣ князь находится въ связи не съ фантастической, а вполнѣ реальной дѣвушкой, дочерью мельника, которая становится русалкою только послѣ того, какъ, брошенная милымъ, утопилась въ Днѣпрѣ. Такая русалка уже не можетъ «играть» съ прежнимъ своимъ возлюбленнымъ; нѣтъ, она въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ каждый день помышляетъ о мести и радуется, когда ей кажется, что «часъ насталъ». Фантастическій элементъ пьесы Пушкина развивается рядомъ съ вполнѣ реальными картинами русскаго быта. Вся вторая сцена Русалки представляетъ художественное воспроизведеніе старо-русскаго свадебнаго обряда. «Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмелемъ»; дружко долженъ разъѣзжать ночью подъ окнами княжеской опочивальни; хоръ дѣвушекъ поетъ пѣсни; одна изъ этихъ пѣсенъ подшучиваетъ надъ сватомъ и т. д. Всѣ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, пѣсни дѣвушекъ и русалокъ у Пушкина представляютъ, говоря словами акад. Жданова, «рѣдкій образецъ художественнаго пересозданія народной рѣчи». Неуклюжее издѣліе Краснопольскаго, не имѣвшее никакой литературной цѣнности, у Пушкина превратилось въ одинъ изъ перловъ русской поэзіи.

Что касается балладъ Мицкевича, то съ ними пушкинская Русалка находится въ гораздо болѣе отдаленной связи.

Тема покинутой дѣвушки разработана польскимъ поэтомъ въ двухъ балладахъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ литовскихъ народныхъ преданій: «Свитезянка» и «Рыбка». Въ первой изъ этихъ балладъ фантастическая Свитезянка, принявъ образъ реальной дѣвушки, сходится съ молодымъ охотникомъ, который клянется любить ее вѣчно. Для испытанія его вѣрности красавица снова принимаетъ свой прежній образъ русалки и, неузнанная возлюбленнымъ, манитъ его къ себѣ. Когда же онъ поддается на приманку, русалка горько упрекаетъ его въ вѣроломствѣ, и охотникъ погибаетъ въ волнахъ рѣки. Такимъ образомъ, общее съ пушкинской драмой тутъ только то, что русалка мститъ своему возлюбленному за измѣну. Но, вѣдь, въ сущности, мститъ она за измѣну, въ которой она сама является соучастницей. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ существенно расходится съ Мицкевичемъ. Кромѣ того, Свитезянка съ самаго начала является русалкою, между тѣмъ какъ у Пушкина въ русалку обращается загубленная измѣной милаго дѣвушка.

Во второй балладѣ дѣвушка-крестьянка, огорченная измѣной молодого барина, бросается въ озеро съ угрозой отомстить измѣннику. У нея осталась малютка-дочь, отданная на попеченіе старика-слуги. Въ то время, какъ въ барскихъ хоромахъ идетъ свадебное веселье, старикъ подходитъ къ озеру съ ребенкомъ погибшей, горько жалуется на то, что младенца некому покормить грудью, и зоветъ утонувшую мать. Появляется рыбка, превращается въ дѣвицу, беретъ ребенка, кормитъ его, затѣмъ снова оборачивается рыбкой и уплываетъ. Такъ продолжается нѣсколько дней. Но вотъ, однажды, старый слуга увидѣлъ, что баринъ съ молодой женой пошли гулять по направленію къ озеру. Когда и онъ черезъ нѣкоторое время, понесъ туда ребенка, онъ былъ пораженъ исчезновеніемъ озера; на прежнемъ берегу онъ увидѣлъ только два камня, подобные двумъ человѣческимъ тѣламъ. Слуга догадался, что это—тѣла барина, погубившаго крестьянку, и его жены, «дико усмѣхнулся» и, читая молитвы, возвратился къ себѣ домой.

Въ этой балладѣ больше сходства съ основнымъ мотивомъ пушкинской русалки. Здѣсь мы видимъ такую же, какъ и у Пуш-

кина, крестьянку, обольщенную и покинутую знатнымъ господиномъ; далѣе, свадебный пиръ у Мицкевича нарушается плачемъ ребенка, а у Пушкина—голосомъ погибшей дочери мельника. Но этими двумя чертами и ограничивается сходство польской баллады съ нашей драмой; дальше между ними нѣтъ уже ничего общаго *).

Такимъ образомъ, зависимость Русалки отъ балладъ Мицкевича,—если вообще выраженіе «зависимость» въ данномъ случаѣ умѣстно,—не простирается дальше самаго общаго тематическаго сходства. Пушкинъ, конечно, зналъ эти баллады; но думать, что онъ имъ, такъ или иначе, «подражалъ» было бы черезчуръ смѣло. Вообще же слѣдуетъ сказать, что Пушкинъ—какъ и Мицкевичъ,—былъ хорошо знакомъ съ народными преданіями и сказками о русалкахъ, бѣсахъ, мертвецахъ и т. п. и сообразно духу своего времени придавалъ имъ, въ своей обработкѣ, условное, романтическое освѣщеніе. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, безъ сомнѣнія, гораздо ближе польскаго поэта подошелъ къ дѣйствительной жизни. Сравненіе Русалки съ названными выше балладами служитъ однимъ изъ яркихъ доказательствъ этого различія между двумя поэтами.

Существовало во времена, довольно близкія къ Пушкину, смутное преданіе о томъ, будто Русалка была написана въ качествѣ оперная либретто. Въ печати извѣстіе объ этомъ было впервые передано какъ «слухъ», Бѣлинскимъ, въ его извѣстномъ разборѣ «Сочиненій А. Пушкина», въ 1846 г., т.-е. спустя всего девять лѣтъ послѣ смерти поэта и появленія Русалки въ Современникѣ. «Если бы это было и правда», прибавляетъ критикъ,—«то хотя самъ Моцартъ написалъ бы музыку на эти слова, опера не была бы выше своего либретто, тогда какъ до сихъ поръ лучшія оперы писаны на глупѣйшія и пошлѣйшія слова... Но это предположеніе едва ли основательно. За исключеніемъ двухъ хоровъ русалокъ и одной свадебной пѣсни, да голоса невидимой русалки на свадебномъ пиру, вся піэса написана пятистопнымъ ямбомъ, слишкомъ длиннымъ и однообразнымъ для пѣнія». Такое же извѣстіе находимъ и въ «Матеріалахъ» Анненкова, который, передавая его, основывался на «нѣкоторыхъ разсказахъ, сообщенныхъ недавно публикѣ». Анненковъ высказалъ предположеніе, что композиторомъ, для котораго Пушкинъ сталъ писать свою Русалку, былъ молодой музыкантъ Андрей Петровичъ Есауловъ, носившій, собственно, фамилію Петрова, незаконный сынъ помѣщика Есаулова. Близкій другъ Пушкина, П. В. Нащокинъ, принимавшій въ судьбѣ Есаулова горячее участіе, заинтересовалъ поэта личностью этого талантливаго, но безпутнаго художника, и Пушкинъ, какъ видно изъ его писемъ, самъ принялся за него хлопотать и, вмѣстѣ съ Соболевскимъ, кое-чѣмъ помогалъ ему. Можетъ быть, поэтъ и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ о переработкѣ Русалки въ либретто: на это, какъ будто, намекаетъ «неровскій» отрывокъ сцены княгини съ мамкой, написанный болѣе музыкальнымъ размѣромъ, нежели обычный драматическій ямбъ. Но Есауловъ вскорѣ уѣхалъ въ провинцію (въ Рязанскую губернію), гдѣ и умеръ, и Пушкинъ такъ и не довелъ своего намѣренія до конца, да не окончилъ и самой драмы «Русалка».

Критика встрѣтила отрывокъ драмы, при его появленіи въ печати, восторженными похвалами. «Чего лишились мы въ неоконченной Русалкѣ, которая обѣщала быть однимъ изъ первыхъ, однимъ изъ самыхъ народныхъ произведеній Пушкина!» писалъ Шевыревъ въ Москвитянинѣ 1841 г. (ч. V, № 9).

Бѣлинскій о драматическихъ произведеніяхъ Пушкина вообще говоритъ (Соч., изд. Венгерова, VI, 110), что нашъ поэтъ «создалъ особый родъ драмы, которая къ настоящей относится, какъ повѣсть къ роману. По формѣ и объему это—не больше, какъ драматическіе очерки, но по содержанію и его развитію это—трагедіи въ полномъ смыслѣ слова. По оригинальности и самобытности онѣ не могутъ быть сравниваемы ни съ какими другими, но по глубокости идей и художественности формы, свидѣтельствующей о непосредственности акта творчества, изъ котораго онѣ вышли, ихъ достоинство можетъ измѣряться только шекспировскими драмами».

Обращаясь, въ частности, къ Русалкѣ, Бѣлинскій замѣчаетъ, что «въ фантастической формѣ этой поэмы скрыта самая простая мысль, разсказана самая обыкновенная, но тѣмъ болѣе ужасная исторія...

*) Это сходство указано И. Эйзенбетомъ въ Пушкинскомъ Сборникѣ студентовъ Московскаго университета, М. 1900, стр. 160—161. Но г. Эйзенбетъ совершенно напрасно сравниваетъ стараго слугу съ мельникомъ.

Какъ жаль, что эта піэса не кончена! Хотя ея конецъ и понятенъ: князь долженъ погибнуть, увлеченный русалками на дно Днѣпра. Но какими бы фантастическими красками, какими бы дивными образами все это было сказано у Пушкина—и все это погибло для насъ!... Русалка въ особенности обнаруживаетъ необыкновенную зрѣлость таланта Пушкина: великій талантъ только въ эпоху полнаго своего развитія можетъ въ фантастической сказкѣ высказать столько обще-человѣческаго, дѣйствительнаго, реальнаго, что, читая ее, думаешь читать совсѣмъ не сказку, а высокую трагедію»...

Чернышевскій въ своихъ «Очеркахъ гоголевскаго періода» высказываетъ, что Русалка «рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина».

Дружининъ (соч. т. VII, стр. 75.) находилъ, что въ «Русалкѣ» «мы видимъ Пушкина на одной дорогѣ съ Шекспиромъ—за готовымъ, вычитаннымъ планомъ, за простой легендой, за сказочкою, многими поколѣніями слушанной до нашего поэта, за одной изъ тѣхъ простыхъ темъ, о которыя сотнями сокрушаютъ себѣ крылья художники не первоклассные. И, не смотря на неимовѣрную трудность задачи, все произведеніе дивитъ насъ какъ замысломъ и сочиненіемъ, такъ и высокой гармоніей подробностей. Поэзія, которою проникнута вся Русалка отъ первой строки до послѣдней, безпредѣльна, какъ горизонтъ небесный... Въ этомъ твореніи мы находимъ все, что составляетъ прелесть поэмъ безсмертныхъ и первоклассныхъ: величественную стройность цѣлаго, безукоризненную прелесть въ малѣйшихъ подробностяхъ, силу замысла и, наконецъ, стихъ, дѣйствующій на насъ подобно великолѣпной музыкѣ, уносящій душу читателя въ тотъ заповѣдный міръ, гдѣ самые звуки простыхъ словъ рождаютъ собой и мысли, и рой поэтическихъ образовъ... Великая сила Пушкина вся сказывается въ Русалкѣ, образцовомъ твореніи по своей правдѣ и своей поэзіи!.. Стихи, которыми написана Русалка, по совершенству своему до такой степени превышаютъ все, писанное мастерами дѣла у насъ, что мы поневолѣ должны будемъ ихъ сравнивать съ бѣлыми стихами тѣхъ иностранныхъ поэтовъ, которые сдѣлали изъ такого стиха лучшій органъ для передачи многихъ изъ своихъ вдохновеній. Бѣлый стихъ Байрона въ Манфредѣ, драмахъ и нѣкоторыхъ поэмахъ рѣшительно уступаетъ стиху Пушкина. Кромѣ Гете и Мильтона съ Шекспиромъ мы не знаемъ поэтовъ, которыхъ бѣлый стихъ могъ бы идти рядомъ съ безподобнымъ стихомъ, которому мы не можемъ достаточно надивиться, читая Русалку Пушкина».

Русалка осталась неоконченною. Въ рукописи, находящейся въ настоящее время въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ (№ 2376 А, л. 18 об.) имѣется набросокъ программы:

«Мельникъ и его дочь.—Свадьба.—Княгиня и мамка.—Русалки.—Князь, старикъ и русалочка.—Охотники».

Сравнивая эту программу съ ея исполненіемъ, мы видимъ, что Пушкину оставалось сдѣлать только еще небольшое усиліе для того, чтобы закончить свою драму: недостаетъ только появленія «охотниковъ»,—очевидно, посланныхъ княгинею на розыски князя. Но тутъ, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была разыграться окончательная катастрофа,—поэтъ задумался и отложилъ свою рукопись, къ которой затѣмъ ему уже не пришлось вернуться. Почему это случилось? Г. Суворинъ *) высказалъ мнѣніе, что Пушкинъ не окончилъ Русалки потому, что «подошелъ къ сценѣ, требовавшей всего напряженія его таланта. Онъ остановился тамъ, гдѣ предстояло ему написать нѣчто, вполнѣ достойное великаго поэта. Никогда такая трудная задача еще ему не представлялась. Живой отецъ—виновникъ гибели любимой женщины, и дочь его—фантастическое лицо. Столкновеніе реальнаго съ фантастическимъ, свиданіе отца и дочери въ такихъ положеніяхъ, какія едва-ли когда являлись во всемірной литературѣ. Все, что предшествуетъ этой сценѣ, для Пушкина было сравнительно легко; но тутъ былъ центръ драмы, ея сущность, ея идея, ея значеніе. Дѣло не столько въ томъ, что дѣвушка бросилась въ воду, но въ томъ главнымъ образомъ, что она унесла съ собою и другую жизнь—ребенка... Посылая на берегъ свою дочь, Русалка еще не знаетъ навѣрное, что выйдетъ изъ этого свиданія; но она не можетъ сомнѣваться въ томъ, что это свиданіе возбудитъ въ князѣ воспоминанія о прежней любви и пробудитъ въ немъ родительскія чувства. Интересъ къ драмѣ растетъ именно въ главномъ ея пунктѣ, онъ идетъ къ высшему

*) Поддѣлка Русалки Пушкина, Спб. 1900. стр. 188—189.

ея подъему, который именно тутъ, въ этомъ свиданіи отца съ дочерью»...

Какъ-то странно читать, будто Пушкинъ, «въ бореньяхъ съ трудностью силачъ необычайный», вдругъ испугался явившагося передъ нимъ затрудненія и не рѣшился дописать заключительную сцену драмы. Не вѣрнѣе ли предположить, что поэтъ остановился на распутьѣ между нѣсколькими развязками, мелькавшими въ его умѣ? Самая простая и вмѣстѣ—самая банальная изъ всѣхъ развязокъ заключалась бы въ томъ, что Русалка, такъ давно помышляющая о мести, губитъ князя, увлекая его въ волны Днѣпра. Но такая развязка могла внушить сомнѣніе именно своей банальностью. Можно было дать драмѣ и другой исходъ,—такой, которымъ разрѣшается пѣсня о Янышѣ-королевичѣ: въ князѣ просыпается прежняя любовь, онъ умоляетъ Русалку выйти къ нему на берегъ, но бывшая люба отказывается, напоминая ему о молодой женѣ. Наконецъ, и мы имѣемъ нѣкоторое основаніе для такого утвержденія въ остающихся еще неизданными отрывкахъ Пушкина—возможно было и третье предположеніе: Русалка согласится на мольбы князя, прежнее чувство злобы и мести уступитъ свое мѣсто новой вспышкѣ любви и водяная красавица станетъ ласкать своего покаявшагося любовника и цѣловать его своими холодными, мертвыми устами... Такъ Леста ласкала своего Видостана. Вопросъ о томъ, какую изъ трехъ возможныхъ развязокъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ предпочесть, могъ остановить на себя вниманіе Пушкина и заставить его повременить съ окончаніемъ Русалки. А затѣмъ явились другіе поэтическіе замыслы, другія заботы, и драма такъ и осталась незавершенною.

Это обстоятельство послужило поводомъ для нѣсколькихъ попытокъ разныхъ лицъ присочинить къ пушкинской Русалкѣ свое собственное окончаніе. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежитъ извѣстному современнику и поклоннику Пушкина, А. Ѳ. Вельтману (1800—1870). Въ его бумагахъ, поступившихъ въ Московскій Публичный Музей, нашелся планъ продолженія Русалки съ тѣхъ словъ, на которыхъ обрывается подлинный пушкинскій текстъ, и начало самаго «продолженія». Другое продолженіе написано инженеромъ А. И. Штукенбергомъ и напечатано въ изданной имъ въ Спб. 1866 г. книжкѣ: «Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова». Третье сочинено г-жей Е. Богдановой, напечатавшей въ Москвѣ въ 1877 г., подъ буквами: «И. О. П.» «Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка». Всѣ названные «продолжатели» Пушкина писали, разумѣется, на свой страхъ, нисколько не прикрываясь именемъ великаго поэта и стараясь лишь, по мѣрѣ своихъ способностей и разумѣнія, подойти къ пушкинскому замыслу. Но въ 1897 г. на страницахъ Русскаго Архива (кн. III) поввилась грубо сфабрикованная мистификація инженера Д. П. Зуева, который увѣрялъ, что онъ еще въ 1836 г., 14-лѣтнимъ мальчикомъ слышалъ у поэта Губера чтеніе Пушкинымъ конца Русалки, запомнилъ его отъ слова до слова и затѣмъ спустя болѣе 50-ти лѣтъ, записалъ по памяти, читалъ въ собраніи Литературнаго Общества 1889 г., и, наконецъ, уступая настояніямъ Б. Н. Чичерина, опубликовалъ въ Русскомъ Архивѣ. Достаточно, казалось бы, одного взгляда на это произведеніе, въ которомъ то и дѣло встрѣчаются такіе будто бы стихи, какъ: «Въ Днѣпрѣ бросилась, русалкой вѣщей, стала», «Сказки... непраздною... погибла... важность» или «мама, мама! Злой дѣдка обижаетъ», чтобы увидѣть всю нелѣпость мысли, что эта неуклюжая поддѣлка имѣетъ что-то общее съ Пушкинымъ. Тѣмъ не менѣе нашлись почтенные люди, которые приняли эту грубо намалеванную дѣтскимъ карандашемъ бумажку за настоящій кредитный билетъ и принялись усердно доказывать ея подлинность,—и конечно, только лишній разъ доказали легковѣріе русскихъ читателей, съ давняго времени склонныхъ приписывать Пушкину всякія безграмотныя стихотворныя упражненія. Вопросъ о зуевской Русалкѣ [1]) вызвалъ въ свое время цѣлую литературу, собранную А. С. Суворинымъ въ книжкѣ: «Поддѣлка Русалки Пушкина (Спб. 1900) и послужилъ поводомъ къ замѣчательному во многихъ отношеніяхъ труду академика Ѳ. Е. Корша («Извѣстія Отдѣленія рус. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ» 1898 г.), который, желая доказать подлинность зуевской поддѣлки, представилъ прекрасный и подробный анализъ пушкинскаго стиха.

П. Морозовъ.

[1]) Ср. о ней дальше въ исторіи Пушкинскаго текста.

СВИДАНІЕ КНЯЗЯ СЪ ДОЧЕРЬЮ МЕЛЬНИКА.

Рисунокъ К. Лебедева.

695. [РУСАЛКА.].

[Не отдѣлано и не окончено].

[СЦЕНА ПЕРВАЯ].

Берегъ Днѣпра. Мѣльница.

Мѣльникъ, дочь его.

мѣльникъ.

Охъ то-то всѣ Вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы. Ужъ если подвернулся
Къ Вамъ человѣкъ завидный, не простой
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить
А чѣмъ? разумнымъ, честнымъ повѣденьемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою изподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать—а пуще
Беречь свою дѣвическую честь—
Безцѣнное сокровище; она—
Что слово—разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То, всетаки, по крайней мѣрѣ можно
Какой нибудь барышъ себѣ—иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо
«Не вѣчно-жъ будетъ онъ меня любить
(«И слушаться моей малѣйшей воли)
И баловать меня.»—Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! къ стати-ль?
Вы тотчасъ одурѣете; Вы рады
Исполнить даромъ прихоти его,
Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
У милаго дружка—а милый другъ
Глядь и пропалъ, и слѣдъ простылъ; а вы
Остался ни съ чѣмъ: Охъ, всѣ вы глупы!
Не говорилъ-ли я тебѣ сто разъ:
Эй, дочь, смотри, не будь такая дура
Не прозѣвай ты щастья своего,
Не упускай ты Князя, да съ проста
Не погуби самой себя.—Что жъ вышло?..
Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
Чего ужъ не воротишь.

дочь.

Почему же
Ты думаешь что бросилъ онъ меня?

мѣльникъ.

Какъ, почему? Да сколько разъ бывало
Въ недѣлю онъ на мѣльницу ѣзжалъ?
А? всякой Божій день, а иногда
И дважды въ день—а тамъ все рѣже рѣже
Сталъ пріѣзжать—и вотъ девятый день
Какъ не видали мы его. Что скажешь?

дочь.

Онъ занятъ; мало-ль у него заботы?
Вѣдь онъ не мѣльникъ—за него не станетъ
Вода работать. Часто онъ твердитъ
Что всѣхъ трудовъ его труды тяжелѣ.

мѣльникъ.

Да, вѣрь ему! Когда Князья трудятся,
И что ихъ трудъ? травить лисицъ и зайцевъ
Да пировать, да обижать сосѣдей,
Да подговаривать васъ бѣдныхъ дуръ
Онъ самъ работаетъ; куда какъ жалко!
А за меня вода!.. а мнѣ покою
Ни днемъ, ни ночью нѣтъ, а тамъ посмотришь:
То здѣсь то тамъ нужна еще починка
Гдѣ гниль, гдѣ течь.—Вотъ если бъ ты у Князя
Умѣла выпросить на перестройку
Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

дочь.

Ахъ!

мѣльникъ.

Что такое?

дочь.

Чу! я слышу топотъ
Его коня... Онъ, онъ!

мѣльникъ.

Смотри-же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

дочь.

Вотъ онъ, вотъ онъ.

(*Входитъ Князь. Конюшій уводитъ его коня*).

князь.

Здорово, милый другъ!
Здорово—мѣльникъ.

мѣльникъ.

Милостивый Князь,
Добро пожаловать! Давно давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (*Уходитъ*).

дочь.

Ахъ наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какимъ себя я страхомъ не пугала?
То думала что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ,
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня
Но славу Богу! живъ ты, невредимъ,
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

князь.

По прежнему, мой ангелъ
Нѣтъ, больше прежняго—

Любов[ница].

Однако ты
Печаленъ; что́ съ тобою

князь.

Я печаленъ?
Тебѣ такъ показалось—нѣтъ я веселъ
Всегда когда тебя лишь вижу—

она.

Нѣтъ
Когда ты веселъ, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь—гдѣ моя голубка,
Что дѣлаетъ она? а тамъ цалуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала-ли тебя такъ рано—
А нынче—слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь не цалуешь въ очи,
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно. Чѣмъ-же
Ужъ на меня не сердишься-ли ты?

князь.

Отъ сокола не скрыться вороненку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаиться
Я не хочу притворствовать напрасно
Ты права: въ сердце я ношу печаль
Тяжелую—и ты ея не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить (ни) даже раздѣлить—

она.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Единой грустью—тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь—буду плакать; не позволишь,
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

князь.

Зачѣмъ—мнѣ медлить? чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше
Мой милый другъ—ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ
Ни красота, ни сила, ни богатство,
Ничто бѣды не можетъ миновать.
Кто разъ сказалъ: *я щастливъ*, тотъ ужъ вѣдай
Что близокъ близокъ щастію конецъ
И мы—не правда ли, моя голубка?
Мы были щастливы; по крайнѣй мѣрѣ
Я щастливъ былъ тобой, твоей любовью
И что впередъ со мною ни случится,
Гдѣбъ нибылъ я, всегда я буду помнить
Тебя мой другъ; того что я теряю
Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ.

она.

Я словъ твоихъ еще не понимаю
Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
Готовитъ намъ невѣдомое горе,
Разлуку, можетъ быть.

князь.

Ты угадала
Разлука намъ судьбою суждена

ОНА.

Кто разлучитъ насъ? Развѣ за тобою
Идти вослѣдъ я всюду не властна
Я мальчикомъ одѣнусь. Вѣрно буду
Тебѣ служить, дорогою, въ походѣ
Иль на войнѣ—войны я не боюсь,
Лишь видѣла бъ тебя—нѣтъ нѣтъ не вѣрю
Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь
Или со мной пустую шутку шутишь.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, шутки мнѣ наумъ нейдутъ сегодня
Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
Не снаряжаюсь и ни въ дальній путь
Ни на войну—я дома остаюсь
Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься

ОНА.

Постой, теперь я понимаю все...
Ты женишься *(Князь молчитъ)*. Ты женишься.

КНЯЗЬ И ДОЧЬ МЕЛЬНИКА.
Рисунокъ В. Васнецова.

КНЯЗЬ.

Что дѣлать?
Сама ты разсуди. Князья невольны,
Какъ дѣвицы—не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой—
Твою печаль утѣшитъ богъ и время
Не забывай меня; возьми на память
Алмазную повязку—дай я самъ
Тебѣ ее надѣну—(вотъ еще)
Жемчужное въ подарокъ ожерелье—
Возьми его.—Да вотъ еще: отцу

Я это посулилъ. Отдай ему.
(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ).
Прощай.—

она.

Постой, тебѣ сказать должна я
Не помню что.

князь.

Припомни.

она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ не то... постой...
Нельзя, чтобы навѣки въ самомъ дѣлѣ
Меня ты могъ покинуть... Все не то...
Да!... вспомнила: сегодня... у меня
Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся

князь.

Нещастная! Какъ быть? хоть для него
Побереги себя; я не оставлю
Ни твоего ребенка, ни тебя
Современемъ, быть можетъ, самъ пріѣду
Васъ навѣстить. Утѣшься; не крушися
Дай обниму тебя въ послѣдній разъ
(Уходя). Ухъ! кончено—душѣ какъ будто легче.
Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
Довольно тихо. *(Уходитъ. Она остается неподвижною).*

мѣльникъ *(входитъ).*

Не угодно ль, (будетъ)
Пожаловать на мѣльницу. Да гдѣ жъ онъ
Скажи, гдѣ Князь нашъ? ба, ба, ба! какая
Повязка! вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горитъ! и бусы!.. Ну, скажу
Подарокъ Царскій. Ахъ онъ благодѣтель
А это что? мошонка! ужъ не деньги ль?
Да что-же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? али ты
Отъ радости нежданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ нашелъ?

дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила,
Или онъ звѣрь? иль сердце у него
Косматое?

мѣльникъ.

О комъ ты говоришь?

дочь.

Скажи, родимый, какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣльку развѣ
Моя краса пропала? иль его
Отравой опоили?

мѣльникъ.

Что съ тобою?

дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ!—Вонъ онъ скачетъ—
И я, безумная, его пустила,
Я за полы его не уцѣпилась,
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай-же бъ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки полокоть, пускай бы тутъ-же
Онъ разтопталъ меня своимъ конемъ!

мѣльникъ.

(Ты бредишь)

дочь.

(Видишь-ли)—Князья невольны,
Какъ дѣвицы, не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... а вольно имъ,
Небось, подманивать, божиться, плакать
И говорить: тебя я повезу
Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу
И наряжу въ парчу и въ бархатъ алой
Имъ вольно бѣдныхъ дѣвушекъ учить
Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься
И до зари за мѣльницей сидѣть—
Имъ любо сердце Княжеское тѣшить
Бѣдами нашими, а тамъ сказать прощай
Ступай, голубушка, куда захочешь
Люби, кого замыслишь;

мѣльникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло.

дочь.

Да ктожъ невѣста—на кого
Онъ промѣнялъ меня. Я узнаю
Я доберусь я ей скажу злодѣйкѣ—
Отстань отъ Князя, видишь, двѣ волчихи
Не водятся въ одномъ оврагѣ

мѣльникъ.

Дура!
Ужъ если Князь беретъ себѣ невѣсту,
Кто можетъ помѣшать ему. Вотъ то-то
Не говорилъ-ли я тебѣ...

дочь.

И могъ онъ,
Какъ добрый человѣкъ со мной прощаться,
И мнѣ давать подарки—каково!..
И деньги! выкупить себя онъ думалъ
Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить
Что[бъ] не прошла о немъ худая слава
И не дошла до молодой жены.
Да бишь, забыла я—тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель! *(Отдаетъ ему мѣшокъ).*

мѣльникъ *(въ слезахъ).*

До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать—грѣхъ тебѣ
Такъ горько упрекать отца роднаго.
Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
Одна отрада въ старости моей
Какъ было мнѣ тебя не баловать

(Какъ огорчить тебя бъ я могъ рѣшиться)
Богъ наказалъ меня за то что слабо
Я выполнилъ отцовскій долгъ

ДОЧЬ.

Охъ душно
Холодная змія мнѣ шею давитъ
Змѣею подколодной онъ меня
Не жемчугомъ опуталъ... (*Рветъ съ себя жемчугъ*).
Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

МѢЛЬНИКЪ.

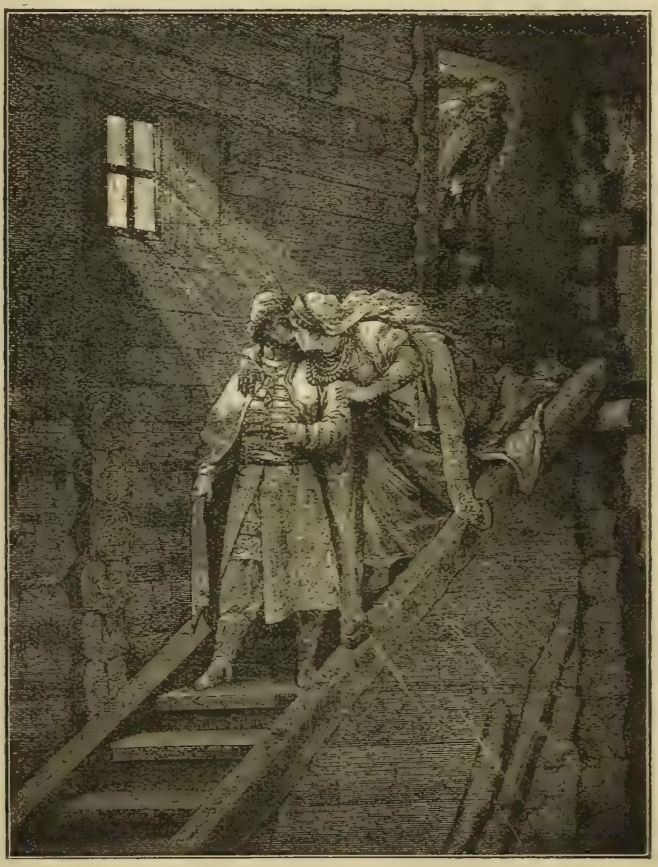
Ты бредишь, право бредишь.

ДОЧЬ (*сымаетъ съ себя повязку*).

Вотъ вѣнецъ мой
Вѣнецъ позора! вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего чѣмъ прежде дорожила
И предалась обманщику. Довольно!
Мы развѣнчались—сгинь ты мой вѣнецъ
(*Бросаетъ повязку въ Днѣпръ*).
Теперь все кончено... (*Бросается въ рѣку*).

СТАРИКЪ (*падая*).

Охъ горе, горе!



ПРОЩАНІЕ ДОЧЕРИ МЕЛЬНИКА СЪ КНЯЗЕМЪ.
Рисунокъ Ковернзева.

[СЦЕНА ВТОРАЯ].

Княжескій теремъ.

Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости. Хоръ дѣвушекъ.

СВАТЪ.

Веселую мы свадебку сыграли.
Ну, здравствуй Князь съ Княгиней молодой
Дай Богъ вамъ жить въ любови да совѣтѣ
А намъ у Васъ почаще пировать.
Что жъ, красныя дѣвицы вы примолкли?
Что жъ бѣлыя лебедушки притихли?
Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
Аль горлошки отъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
Безтолковой сватушка!
По невѣсту ѣхали
Въ огородъ заѣхали
Пива бочку пролили
Всю капусту полили
Тыну поклонилися
Вереѣ молилися
Верея-ль, вереюшка
Укажи дороженьку
По невѣсту ѣхати.
Сватушка догадайся
За мошоночку принимайся
Въ мошнѣ денежка шевелится
Къ краснымъ дѣвушкамъ норовится

СВАТЪ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
На, на возьмите, не корите свата. *(даритъ дѣвушекъ).*

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы
А слышала-ль ты рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечоръ у насъ красна дѣвица утопилась
Утопая мила друга проклинала

СВАТЪ.

Красавицы! да это что за пѣсня
Она, кажись, не свадебная; нѣтъ.
Кто выбралъ эту пѣсню? а?

ДѢВУШКИ.

Не я—
Не я—не мы...

СВАТЪ.

Да кто жъ пропѣлъ ее
(Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

КНЯЗЬ.

Я знаю кто.
(Встаетъ изо стола и говоритъ тихо конюшему).
Мѣльничиха здѣсь
Скорѣе выведи ее. Да свѣдай
Кто смѣлъ ее впустить.
(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

КНЯЗЬ *(садится, про себя).*

Она, пожалуй,
Готова здѣсь надѣлать столько шума
Что со стыда не буду знать куда
И спрятаться.

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ея.

КНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
Пропѣла эту пѣсню.

ГОСТЬ.

Ай да медъ!
И въ голову и въ ноги такъ и бьетъ—
Жаль горекъ: подсластить его бъ не худо
(Молодые цалуются. Слышенъ слабый крикъ).

КНЯЗЬ.

Она! вотъ крикъ ея ревнивый. *(Конюшему).*
Что?

КОНЮШІЙ.

Я не нашелъ ея нигдѣ.

КНЯЗЬ.

Дуракъ.

ДРУЖКО *(вставая).*

Не время ль намъ Княгиню выдать мужу
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?
(всѣ встаютъ).

СВАХА.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха
(Молодыхъ кормятъ жареным пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).

СВАХА.

Княгиня душенька, не плачь, не бойся
Послушна будь.
(Молодые уходятъ въ спальню, всѣ расходятся, кромѣ свахи и дружка).

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь
Подъ окнами я буду разъѣзжать,
Такъ укрѣпиться мнѣ виномъ не худо

СВАХА *(наливаетъ ему чарку).*

На кушай, на здоровье

ДРУЖКО.

Ухъ спасибо.
Все хорошо, не правда ль, обошлось
И свадьба хоть куда—

СВАХА.

Да слава Богу
Все хорошо—одно нехорошо

ДРУЖКО

А что

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли пѣсню
Не свадебную а Богъ вѣсть какую

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки—никакъ нельзя имъ
Не попроказить—статочно ли дѣло
Мутить нарочно Княжескую свадьбу
Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
Прощай, кума! *(Уходитъ).*

СВАХА.

Охъ сердце не на мѣстѣ!
Не въ пору сладили мы эту свадьбу.—

[СЦЕНА ТРЕТЬЯ].

Свѣтлица.

Княгиня и Мамка.

КНЯГИНЯ.

Чу—кажется трубятъ; нѣтъ онъ не ѣдетъ.
Ахъ мамушка, какъ былъ онъ женихомъ
Онъ отъ меня на шагъ не отлучался
Съ меня очей бывало не сводилъ
Женился онъ и все пошло не такъ
Теперь меня ранешенько разбудитъ,
И ужъ велитъ себѣ коня сѣдлать;
Да до ночи Богъ вѣдаетъ гдѣ ѣздитъ
Воротится, чуть ласковое слово
Промолвитъ мнѣ, чуть ласковой рукой
По бѣлому лицу меня потреплетъ.

МАМКА.

Княгинюшка, мущина что пѣтухъ:
Кири куку! махъ махъ крыломъ и прочь
А женщина, что бѣдная насѣдка
Сиди себѣ да выводи цыплятъ.
Пока женихъ—ужъ онъ не насидится
Ни пьетъ ни ѣстъ глядитъ не наглядится
Женился—и заботы настаютъ
То надобно сосѣдей навѣстить
То на охоту ѣхать съ соколами
То на войну нелегкая несетъ
Туда сюда—а дома не сидится

КНЯГИНЯ.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
Зазнобы тайной

МАМКА.

Полно, не грѣши:
Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всѣмъ взяла: умомъ, красою ненагляднной
Обычаемъ и разумомъ. Подумай:
Ну въ комъ ему найти какъ не въ тебѣ
Сокровища такова?

КНЯГИНЯ.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей. Къ себѣ тогда бъ
Умѣлъ вновь я мужа привязать.
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріхалъ. Что жъ его не видно?
(*Входитъ ловчій*).
Что Князь, гдѣ онъ?

ЛОВЧІЙ.

Князь приказалъ домой
Отъѣхать намъ.

КНЯГИНЯ.

А гдѣ жъ онъ самъ?

ЛОВЧІЙ.

Остался
Одинъ въ лѣсу на берегу Днѣпра

КНЯГИНЯ.

И Князя Вы осмѣлились оставить
Тамъ одного; усердные вы слуги!
Сей часъ назадъ, сей часъ къ нему скачите
Сказать ему что я прислала васъ—
(*Ловчій уходитъ*).
Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь и лютый человѣкъ
И лѣшій бродитъ—долго ль до бѣды
Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМКА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу...

[СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ].

Днѣпръ. Ночь.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою
Съ глубокаго дна
Мы ночью всплываемъ
Насъ грѣетъ луна
Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать
Подавать другъ дружкѣ голосъ
Воздухъ звонкій раздражать
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать

ОДНА.

Тише,тише! подъ кустами
Птичка пискнула во мглѣ.

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ. (*Прячутся*).

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы—
Вотъ мѣльница! Она ужъ развалилась;
Веселый шумъ ея колесъ омолкнулъ;
Сталъ жерновъ—видно умеръ и старикъ.
Дочь бѣдную оплакалъ онъ недолго.
Тропинка тутъ вилась—она заглохла
Давно, давно сюда никто не ходитъ—
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ—неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?

Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный. Здѣсь она,
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?... (*Идетъ къ деревьямъ; листья сыплются*).
Что это значитъ? листья
Поблекнувъ вдругъ свернулися и съ шумомъ
Посыпались какъ пепелъ на меня
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое...
(*Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой*).

СТАРИКЪ.

Здорово,
Здорово зять—

КНЯЗЬ.

Кто ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній воронъ.

КНЯЗЬ.

Возможно ль? Это мѣльникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мѣльникъ!
Я продалъ мѣльницу бѣсамъ запѣчнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты
Ихъ рыбка одноглазка стережетъ—

КНЯЗЬ.

Нещастный, онъ помѣшанъ. Мысли въ немъ
Разсѣяны какъ тучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечоръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали

КНЯЗЬ.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? вѣстимо дочь
Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ
Ни слова не скажу я

КНЯЗЬ.

Бѣдный мѣльникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мѣльникъ, говорятъ тебѣ
Я воронъ а не мѣльникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ, два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухѣ сдержали. Съ той поры
То здѣсь то тамъ летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилкѣ
Сижу, да каркаю.

КНЯЗЬ.

Какая жалость!
Кто-жъ за тобою смотритъ?

СТАРИКЪ.

Да, за мною
Присматривать не худо—старъ я сталъ
И шаловливъ—за мной, спасибо, смотритъ
Русалочка.

КНЯЗЬ.

Кто?

СТАРИКЪ.

Внучка.

КНЯЗЬ.

Невозможно
Понять его. Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь иль звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ
Со мною жить!

СТАРИКЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ спасибо
Заманишь а потомъ меня пожалуй
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ
(*Уходитъ*).

КНЯЗЬ.

И этому все я виною! страшно
Ума лишиться. Легче умереть
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы. Смерть ровняетъ
Съ нимъ каждаго. Но человѣкъ лишенный
Ума, становится не человѣкомъ
Напрасно рѣчь ему дана, не править
Словами онъ: въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ, онъ людямъ въ посмѣянье
Надъ нимъ всякъ воленъ, Богъ его не судитъ.
Старикъ нещастный! Видъ его во мнѣ
Разкаянья всѣ муки разтравилъ.

ЛОВЧІЙ.

Вотъ онъ. Насилу то его сыскали!—

КНЯЗЬ.

За чѣмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала.
Она боялась за тебя

КНЯЗЬ.

Несносна
Ея заботливость! иль я ребенокъ—
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(*Уходитъ. Русалки показываются надъ водой*).
Что, сестрицы? въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?

РУСАЛКА.

Поздно. Волны охладѣли,

Пѣтухи въ дали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.

ОДНА.

Подождемъ еще, сестрица.

ДРУГАЯ.

Нѣтъ пора пора пора
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра. (*Скрываются*).

ШАЛЯПИНЪ ВЪ РОЛИ СУМАСШЕДШАГО МЕЛЬНИКА.
(*Опера Даргомыжскаго «Русалка»*).

[СЦЕНА ПЯТАЯ].

Днѣпровское дно. Теремъ русалокъ.

Русалки прядутъ около своей Царицы.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло
Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно
Плывите вверхъ подъ небомъ поиграть,
Да никого не трогайте сегодня
Ни пѣшехода щекотать не смѣйте
Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
Травой и тиной—ни ребенка въ воду
Заманивать разсказами о рыбкахъ.

(*Входитъ Русалочка*).

Гдѣ ты была?

ДОЧЬ.

На землю выходила
Я къ дѣдушкѣ. Все проситъ онъ меня
Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ, я долго ихъ искала;
Но что такое деньги, я не знаю.—
Однако же я вынесла ему
Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ:
Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга
Послушай дочка. Нынче на тебя
Надѣюсь я. На бѣрегъ нашъ сегодня
Придетъ мущина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ; къ нему нѣжнѣе приласкайся
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье; также
И про меня. И если спроситъ онъ
Забыла ль я его иль нѣтъ: скажи,
Что все его я помню и люблю
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

ДОЧЬ.

О, поняла!

РУСАЛКА.

Ступай же (*Одна*). Съ той поры,
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и прѣзрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей
Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Берегъ.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть
Здѣсь нѣкогда любовь меня встрѣчала
Свободная, свободная любовь—
Я шастливъ былъ, безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ щастья отказаться.
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ нещастный! какъ ужасенъ онъ
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...
(*Русалочка выходитъ на берегъ*).
Что я вижу!
Откуда ты прекрасное дитя?

РУСАЛКИ.

Картина Константина Маковскаго.

[illegible]

Я къ дѣвушкѣ. Все проситъ онъ меня
Со дня рѣки собрать ему тѣ деньги
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ, я долго ихъ искала;
Но это такое деньги, я не знаю.—
Однако же я вынесла ему
[illegible]
Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга
Послушай дочка. Нынче на тебя
Надѣюсь я. На берегъ нашъ сегодня
Придетъ мущина. Стереги его
И выдь ему навстрѣчу. Онъ намъ близокъ,
Онъ твой отецъ.

ДОЧЬ.

Тотъ самый что тебя
Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ; къ нему нѣжнѣе [illegible]
И разскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье; также
И про меня. И если [illegible] онъ
Забыла ль я его [illegible] скажи,
Что все его я помню [illegible]
И жду къ себѣ. Ты [illegible] меня?

ДОЧЬ.

О, поняла!

РУСАЛКА.

Ступай же (*Одна*). Съ той поры.
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и пре[illegible]ной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей
Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется мой часъ насталъ.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

РУСАЛКИ.

Берегъ.

Картина Константина Маковскаго.

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть
Здѣсь нѣкогда любовь меня встрѣчала
Свободная, свободная любовь—
Я щастливъ былъ, безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ щастья отказаться.
Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ нещастный! какъ ужасенъ онъ
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...

(*Русалочка выходитъ на берегъ*).

Что я вижу!
Откуда ты прекрасное дитя?

1833

696—697—698. ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

(Изъ Ксенофана Колофонскаго).

Чистый лоснится полъ; стеклянныя чаши блистаютъ;
Всѣ ужъ увѣнчаны гости; иной обоняетъ, зажмурясь,
Ладона сладостный дымъ; другой открываетъ амфору,
Запахъ веселый вина разливая далече; сосуды
Свѣтлой, студеной воды, золотистые хлѣбы, янтарный
Медъ и сыръ молодой:—все готово; весь убранъ цвѣтами
Жертвенникъ. Хоры поютъ. Но въ началѣ трапезы, о други,
Должно творить возліянья, вѣщать благовѣщія рѣчи,
Должно Безсмертныхъ молить, да сподобятъ насъ чистой душою
Правду блюсти: вѣдь оно жъ и легче. Теперь мы приступимъ:
Каждый въ мѣру свою напивайся. Бѣда не велика
Въ ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей бесѣдуетъ мудро и тихо!

II.

(Изъ Аѳенея).

Славная флейта, Ѳеонъ, здѣсь лежитъ. Предводителя хоровъ
Старецъ ослѣпшій отъ лѣтъ, нѣкогда Скирпалъ родилъ,
И вдохновенный, нарекъ онъ младенца Ѳеономъ. За чашей
Сладостно Вакха и Музъ славилъ пріятный Ѳеонъ.
Славилъ и Вѣтала онъ, молодаго красавца: прохожій!
Мимо гробницы спѣша, вымолви: здравствуй, Ѳеонъ!

III.

ВИНО.

(Іонъ Хіосскій).

Злое дитя, старикъ молодой, властелинъ добронравный,
Шумный зачинщикъ обидъ, милый заступникъ любви.

699. СВАТЪ ИВАНЪ, КАКЪ ПИТЬ МЫ СТАНЕМЪ. [не кончено].

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужъ какъ хочешь, будь что будь—
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать, такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить, такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же, сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку, Петра
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать т—акъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.
Стариковъ когда нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть:
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай, сватъ: начну первой,
Сказка будетъ за тобой...

---

700. ГОСПОДИНА ШАФОНСКАГО.

[Вставка Пушкина въ «Поминаніе», написанное Кн. Вяземскимъ въ подражаніе предыдущему стихотворенію].

Г. [осподина] Шафонскаго,
Карманный грошъ кн[язя] Гр[игорія] Волконскаго,
И ужъ Александра Македонскаго,
Этого не обойдешь, не объѣдешь, надо
Помянуть... Покойника Винценгероде,
Саксонскаго министра Люцероде,
Графиню Вицеканцлершу Нессельроде,
Покойнаго скрыпача Роде,
Хвостова въ анакреонтическомъ родѣ.
Ужъ какъ ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего пріятеля Велегорскаго
(Что не любитъ вина горскаго),
А по нашему Велеурскаго,
Покойнаго просвитера Самбурскаго,
Дершау, полицмейстера С.-[анктъ]-Петербургскаго,
Почтмейстера гор: [ода] Василисурскаго.
Надо помянуть парикмахера Эме,
Ресторатора Dume,
Ланскаго, что губернаторомъ въ Костромѣ,
Доктора Шулера умершаго въ чумѣ
И полковника Бартоломе
Повара али исторіографа Миллера,
Нѣмецкаго поэта Шиллера
И Пинетти, славнаго ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебѣ) Арндта,
Да англичанина Warnt'a,

---

701. ГУСАРЪ.

Скребницей чистилъ онъ коня,
А самъ ворчалъ, сердясь не въ мѣру:
«Занесъ-же вражій духъ меня
На распроклятую квартеру!
Здѣсь человѣка берегутъ,
Какъ на Турецкой перестрѣлкѣ,
Насилу щей пустыхъ дадутъ,
А ужъ не думай о горѣлкѣ.
Здѣсь на тебя какъ лютый звѣрь
Глядитъ хозяинъ, а съ хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ея ни честью, ни нагайкой.
То ль дѣло Кіевъ! Что за край!
Валятся сами въ ротъ галушки,
Виномъ хоть пару поддавай,
А молодицы—молодушки!
Ей, ей, не жаль отдать души
За взглядъ красотки *чернобривой*.
Однимъ, однимъ не хороши...»
— А чѣмъ же? разскажи, служивой.
Онъ сталъ крутить свой длинный усъ
И началъ: «Молвить безъ обиды,
Ты, хлопецъ, можетъ быть не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.
Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ, замѣчай-ка.
Вотъ съ ней и подружился я;
Живемъ согласно, такъ, что любо:
Прибью—Марусинька моя
Словечка не промолвитъ грубо;

«ГУСАРЪ».
Рисунокъ Р. Штейна.

Напьюсь—уложитъ, и сама
Опохмѣлиться приготовитъ;
Мигну бывало: Эй, кума!—
Кума ни въ чемъ не прикословитъ.
Кажись, о чемъ бы горевать?
Живи въ довольствѣ, безобидно!
Да нѣтъ: я вздумалъ ревновать.
Что дѣлать? врагъ попуталъ видно.
За чѣмъ бы ей, сталъ думать я,
Вставать до пѣтуховъ! кто проситъ?
Шалитъ Марусинька моя;
Куда ее лукавый носитъ?
Я сталъ присматривать за ней.
Разъ я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы чернѣй
И на дворѣ шумѣла буря)
И слышу: кумушка моя
Съ печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присѣла къ печкѣ, уголь вздула,
И свѣчку тонкую зажгла,
Да въ уголокъ пошла со свѣчкой,
Тамъ съ полки скляночку взяла,
И сѣвъ на вѣникъ передъ печкой,
Раздѣлась донага; потомъ
Изъ склянки три раза хлебнула,
И вдругъ на вѣникѣ верхомъ
Взвилась въ трубу и улизнула.
Эге! смекнулъ въ минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И съ печи слѣзъ—и вижу: склянка.
Понюхалъ: кисло! что за дрянь!
Плеснулъ я на полъ: что за чудо?
Прыгнулъ ухватъ, за нимъ лахань,
И оба въ печь. Я вижу: худо!
Гляжу: подъ лавкой дремлетъ котъ;
И на него я брызнулъ склянкой—
Какъ фыркнетъ онъ! я: брысь!... И вотъ—
И онъ туда же за лаханкой.
Я ну кропить во всѣ углы
Съ плеча, во что ужъ ни попало;
И все: горшки, скамьи, столы,
Маршъ! маршъ! все въ печку поскакало.
Кой чортъ! подумалъ я: теперь
И мы попробуемъ! и духомъ
Всю склянку выпилъ; вѣрь и не вѣрь—
Но къ верху вдругъ взвился я пухомъ.
Стремглавъ лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встрѣчнымъ звѣздочкамъ кричу:
Правѣй!... и на земь упадаю.
Гляжу: гора. На той горѣ
Кипятъ котлы; поютъ, играютъ,
Свистятъ, и въ мерзостной игрѣ
Жида съ лягушкою вѣнчаютъ.
Я плюнулъ и сказать хотѣлъ...
И вдругъ бѣжитъ моя Маруся:
Домой! кто звалъ тебя, пострѣлъ?
Тебя съѣдятъ! Но я, не струся:
Домой? да! чорта съ два! почемъ
Мнѣ знать дорогу!—Ахъ онъ, странный!
Вотъ кочерга, садись верхомъ
И убирайся, окаянный.
Чтобъ я, я сѣлъ на кочергу,
Гусаръ присяжный! Ахъ ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебѣ двойная шкура?
Коня!—На, дурень, вотъ и конь.
И точно: конь передо мною,
Скребетъ копытомъ, весь огонь,
Дугою шея, хвостъ трубою.
Садись.—Вотъ, сѣлъ я на коня,
Ищу уздечки—нѣтъ уздечки.
Какъ взвился, какъ понесъ меня—
И очутились мы у печки.
«Гляжу: все также; самъ же я
Сижу верхомъ и подо мною
Не конь—а старая скамья:
Вотъ что случается порою».
И сталъ крутить свой длинный усъ,
Прибавя: молвить безъ обиды,
Ты хлопецъ, можетъ быть, не трусъ,
Да глупъ, а мы видали виды.

702. ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДѢТИ.

Полюбуйтесь же вы, дѣти,
Какъ въ сердечной простотѣ
Длинный Фирсъ играетъ въ *эти*,
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.
Черноокая Россети
Въ самовластной красотѣ
Всѣ сердца плѣнила *эти*,
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.
О, какія же здѣсь свѣти
Рокъ намъ стелетъ въ темнотѣ:
Риѳмы, деньги, дамы *эти*,
Ть, ть, ть и *ть, ть, ть*.

АЛЕКСАНДРА ОСИПОВНА РОССЕТЪ-СМИРНОВА.

Современная литографія.

«ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ».

Славянскіе мотивы не разъ привлекали къ себѣ Пушкина, быть можетъ, меньше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ него теперь, послѣ новыхъ разысканій, когда образъ поэта на нашихъ же глазахъ вырастаетъ до громадныхъ размѣровъ, когда къ нему можно предъявлять требованія, какъ къ генію, охватывающему своимъ взоромъ все достойное великаго художника. Но и сдѣланнаго Пушкинымъ въ данной области достаточно, чтобы увидѣть въ обращеніи его къ славянству прежде всего ту широту интересовъ, которой не было у остальныхъ геніевъ на пространствѣ всей русской литературы.

Среди славянскихъ мотивовъ Пушкина первое мѣсто, по крайней мѣрѣ по размѣрамъ и относительной цѣльности всего замысла, занимаютъ «Пѣсни западныхъ славянъ», числомъ семнадцать. Для начала 30 годовъ онѣ составляютъ цѣлый циклъ до тѣхъ поръ почти неизвѣстнаго у насъ поэтическаго жанра и исполненнаго съ обычнымъ для Пушкина чутьемъ и тактомъ. Несмотря на то, что главный источникъ его, «La Guzla» Мериме, оказался поддѣлкой, правда, талантливой и сравнительно умѣлой, но лишенной какъ разъ чутья и такта, которыхъ мы въ правѣ требовать отъ великаго славянскаго поэта, оба эти достоинства не измѣнили Пушкину и здѣсь. Даже послѣ того: всѣ отступленія отъ французскаго подлинника, всѣ замѣны даже отдѣльныхъ словъ и выраженій всегда говорятъ о великомъ переводчикѣ, именно какъ о великомъ славянскомъ поэтѣ.

I.

Одиннадцать пѣсенъ изъ семнадцати переведены Пушкинымъ изъ «Гузлы» Мериме, три—изъ сборника Вука Караджича, для трехъ пѣсенъ источники неизвѣстны, и онѣ оказываются почти самостоятельными. Французскія заглавія нижеслѣдующей таблицы указываютъ на «Гузлу», а сербскія на «Пјесме» Караджича:

I.	«Видѣніе короля».	«La vision de Thomas II, roi de Bosnie».
II.	«Янко Марнавичъ»	La flamme de Perrussich».
III.	«Битва у Зеницы-Великой».	«Le combat de Zenifza-Velika».
IV.	«Ѳеодоръ и Елена».	«La belle Hélène».
V.	«Влахъ въ Венеціи».	«Le Morlaque à Venise».
IV.	«Гайдукъ Хризичъ».	«Les braves Heyduques».
VII.	«Похоронная пѣсня»	«Chant de mort».
VIII.	«Марко Якубовичъ»	«ConstantinJacoubovich».
IX.	«Бонапартъ и черногорцы».	«Les Monténégrins».
X.	«Соловей».	«Три највеће туге».
XI.	«Пѣсня о Георгіи Черномъ».	Источники неизвѣстны.
XII.	«Воевода Милошъ».	» »
XIII.	«Вурдалакъ».	«Jeannot».
XIV.	«Сестра и братья»	«Бог ником. дужан не остаје».
XV.	«Янышевъ Королевичъ».	Источники неизвѣстны.
XVI.	«Конь».	«Le cheval de Thomas II».
XVII.	«Что бѣлѣется».	«Хасанагиница».

Свои наблюденія надъ текстами «Пѣсенъ западныхъ славянъ» мы начинаемъ съ тѣхъ, которыя переведены изъ Мериме, затѣмъ—изъ Караджича; наконецъ, разсмотримъ три пѣсни, для которыхъ готовыхъ книжныхъ источниковъ у Пушкина не было.

Просперъ Мериме (1803—1870)—дарованіе вполнѣ французскаго характера, живое, поверхностное, занимательное, блестящее и изящное—считается любителемъ литературныхъ мистификацій. Одно изъ первыхъ его произведеній, «Théâtre de Clara Gazul» [1]) появившееся подъ псевдонимомъ Lestrange въ 1825 году, т.-е. когда автору было двадцать два года, оказалось талантливой поддѣлкой. Это—небольшія драмы по образцу испанскихъ интермеццо, легкія, живыя, поэтичныя, полныя задора и пре-

[1]) Было бы интересно услышать отъ спеціалистовъ по испанской драмѣ мнѣніе о терминѣ Gazul, но едва ли случайнымъ является слѣдующее

красно передававшія весь ароматъ своеобычнаго испанскаго быта, съ блестящими пятнами моднаго въ тѣ годы «мѣстнаго колорита», почему у читателей долго не являлось сомнѣній, что авторъ дѣйствительно слыхалъ ихъ отъ одной испанской странствующей актрисы, бывшей монахини, и что весь трудъ его состоялъ въ одной только записи. Всего черезъ годъ, сочиняя славянскія пѣсни, такимъ же образомъ записанныя будто бы имъ въ Далмаціи, Боснѣ, Хорватіи и Герцеговинѣ, Мериме еще разъ попробовалъ дать драму изъ славянской жизни и сочинилъ небольшую пьесу изъ сербскаго быта «La belle Sophie», гдѣ дѣйствуютъ 8 лицъ. Эту «иллирійскую сцену» онъ напечаталъ въ сборникѣ «La Guzla» и снабдилъ примѣчаніемъ, называя свой «отрывокъ въ драматической формѣ» «очень древнимъ», «встрѣчающимся въ иллирійской поэзіи рѣдко», приводя его скорѣе только «въ видѣ образца этого стиля гусляровъ-морлаковъ» и ссылаясь даже на мѣстность, гдѣ похоронены Софія и бей. Нечего и прибавлять, что это именно драма, необычная для народной поэзіи славянской, больше остальныхъ пѣсенъ не только выдала автора («La Guzla» издана была анонимно), но и заставила нѣкоторыхъ сомнѣваться въ подлинности всего сборника.

Въ предисловіи къ «Гузлѣ» Мериме говоритъ, что большинство пѣсенъ записано имъ отъ гусляра Іоакинѳа Маглановича. Своего мнимаго гусляра онъ называетъ единственнымъ пѣвцомъ, котораго первый разъ слыхалъ онъ въ Задрѣ въ 1816 году, а черезъ годъ—въ домѣ самого «далматинскаго барда», который не только поетъ народныя пѣсни, но и самъ сочиняетъ ихъ. Среди пѣсенъ «Гузлы» дѣйствительно напечатано три такихъ сочиненія «par Hyacinthe Maglanovich»; о немъ же, какъ авторѣ другихъ трехъ пѣсенъ говорится или въ самомъ текстѣ, или въ примѣчаніяхъ: «La vision de Thomas II», «Ghant de mort», «Les braves Heyduques», «Maxime et Zoé», «La flamme de Perrussich», «Jmprovisation de Hyacinthe Maglavich». Въ вводной статьѣ «Notice sur Hyacinthe Maglanovich» (стр. 1—12) и въ нѣсколькихъ примѣчаніяхъ Мериме сообщаетъ и біографическія данныя о своемъ пѣвцѣ. Маглановичъ родился въ Звонградѣ; когда былъ ребенкомъ, его украли цыгане и потурчили, но впослѣдствіи какой-то монахъ снова его крестилъ; затѣмъ онъ бѣжалъ въ горы, такъ какъ убилъ своего соперника, женился на дочери богатея Зларіновича—Маріи; живетъ въ Которѣ, недалеко отъ Смоковичей, на берегу небольшой рѣчки, впадающей въ озеро Врану, и совершенно неграмотенъ. Дома Маглановичъ никогда не сидитъ, несмотря на свои преклонные годы; во время изданія «Гузлы» ему было подъ 70 лѣтъ. А въ началѣ сборника напечатанъ недурно исполненный литографіей портретъ пѣвца, и это, казалось бы, устраняло всякое сомнѣніе въ полной мистификаціи автора.

Второй пріемъ, скрывающій поддѣлку, состоялъ въ томъ, что въ примѣчаніяхъ Мериме не разъ приводитъ подлинныя слова пѣсенъ въ сносной для иностраннаго туриста двадцатыхъ годовъ транскрипціи; напр.: «slibovice» (стр. 25), «hayduk» (25), «Ko ne se osveti on se ne posveti» и «osveta» (26), «Passa-vierro» (31), «caftan» (41), «zapis» (65), «Vézelé! Vézelé!» (66), «Lantzmantzka vjerro» (89), «pobratimi» и «posestrimi» (122), «vudkodlak» (135), «Da prosite, moja xena» (185), «paçterma» (205), «opanke» и «poshmaks» (243), «knigu oprochienia» (257), и въ одномъ мѣстѣ—«двустишіе», какъ не ясное для перевода (256):

Oblazi ga mater i sestriza;
A glivbouza od stida ne mogla.

Рядъ другихъ пріемовъ Мериме также отдалялъ мысль о поддѣлкѣ. Въ первомъ примѣчаніи къ пятой пѣснѣ онъ говоритъ, что это—«старая пѣсня», трудная для перевода, и приводитъ древнія, по его мнѣнію, славянскія слова; о второй пѣснѣ онъ замѣчаетъ: «Стиль этой баллады трогателенъ своей простотой; это—рѣдкая особенность въ иллирійской поэзіи нашихъ дней» и т. п. Въ самый текстъ вводитъ обращенія отъ лица пѣвцовъ; напр., «Боярышникъ (верескъ) Велико, сочиненіе Іоакинѳа Маглановича, необыкновеннаго гусляра. Слушайте внимательно!»; «кто хочетъ узнать конецъ этой исторіи, пусть дастъ что-нибудь Ивану Бетко» (IV), или же свѣдѣнія о сочинителѣ; напр.: «тотъ, кто сочинилъ эту пѣсню, со своими братьями былъ на сѣрой вершинѣ. Онъ называется Гунцаръ Восерачъ» (IX); наконецъ, пожеланія въ родѣ слѣдующаго: «Пусть Господь будетъ милосердъ къ нему (мужу Елены) и ко всей компаніи» (IV). Пятый пріемъ,

наблюденіе: Gazul составлена просто путемъ перестановки буквъ слова Guzla—названія слѣдующаго сборника Мериме.

ПОДЛИННЫЙ ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЙ ГУСЛЯРЪ КОНЦА 18 И НАЧАЛА 19 ВѢКА.
(*Портретъ Филиппа Вишнича въ роскошномъ изданіи «Знаменити Серbы», Загребъ 1903*).

это—мнимые варіанты, напримѣръ, въ пѣснѣ о «Прекрасной Еленѣ».

Текстъ: «Когда у нея была отрѣзана голова, онъ сказалъ: Этотъ ребенокъ, который находится въ проклятомъ чревѣ, нисколько не виноватъ. Я его выну изъ чрева и воспитаю. Я посмотрю, на кого похожъ онъ, и такимъ образомъ, узнаю, кто такой предатель, кто его отецъ, и убью его».

Варіантъ: «Когда у нея отрѣзана была голова, онъ сказалъ: Я выну его изъ проклятаго чрева и выставлю его въ странѣ, какъ бы желая, чтобы онъ умеръ. Тогда отецъ его придетъ искать. И этимъ средствомъ я узнаю предателя, кто отецъ и убью его».

А въ связи съ варіантами должны стоять рефрены, на первый взглядъ вполнѣ характерные для поэзіи народной, но уже тотъ фактъ, что изъ такихъ рефреновъ, составляющихъ 1, 4 и 10 строфы въ VII пѣснѣ, Пушкинъ оставилъ только первую и послѣднюю, и вся пѣсня у него вышла всего изъ семи строфъ, говоритъ о ложности подобнаго пріема.

Наконецъ, кромѣ предисловія и «Замѣтки о Іоакинѣ Магдановичѣ», въ сборникѣ напечатаны двѣ статьи этнографическаго характера: «Introduction sur la mo-vais oeil» (91—100) и «Sur le Vampirisme» (135—156). Какъ и примѣчанія, въ которыхъ разбросано много свѣдѣній по этнографіи, географіи и исторіи юго-славянскихъ народовъ [1]), сравненіе «Impomtu» съ текстомъ киргизской пѣсни (стр. 188) и т. д.,—все здѣсь поверхностно, все говоритъ о слишкомъ легкомъ багажѣ туриста, правда, наблюдательнаго, живого, интереснаго, умѣющаго схватывать характерныя черты экзотическаго быта, но не проникавшаго въ глубь народной жизни, самая психологія которой была ему чужда. Кромѣ того, и въ текстѣ, и въ статьяхъ, и въ примѣчаніяхъ поражаетъ обиліе собственныхъ именъ и географическихъ названій, связывающихъ пѣсни съ историческими и вообще настоящими лицами и мѣстностями. Какъ увидимъ изъ слѣдующихъ

[1]) Иногда точно указаны источники, но кое-что Мериме сообщаетъ изъ запаса своихъ наблюденій; напр.: говоритъ, что въ Кинѣ видѣлъ дѣвушку-морлачку, которая умерла съ тоски, когда ея побратимъ-другъ упалъ изъ окна и убился (1 прим. ко II пѣснѣ).

главъ, чуткій Пушкинъ или совсѣмъ опускалъ наиболѣе сомнительные пріемы своего оригинала, или сильно измѣнялъ ихъ.

Но если это такъ ясно обнаруживается въ наше время, то почти столѣтіе назадъ, когда было мало надежныхъ критеріевъ для сравненія, вся «Guzla» съ примѣчаніями не только открывала особый міръ поэзіи и привлекательнаго дикаго быта «иллирійцевъ», но говорила о нѣкоторой эрудиціи автора, о его бережности въ обращеніи съ горными и полевыми цвѣтами славянскаго эпоса и о великолѣпно сохраненномъ имъ «мѣстномъ колоритѣ».

Въ подлинность пѣсенъ повѣрилъ не одинъ Пушкинъ. Это было время увлеченія всѣмъ народнымъ, экзотическимъ, привлекательнымъ по своей нетронутости и дикой красотѣ, когда лучшіе поэты Запада, а затѣмъ и славянскаго міра преклонялись предъ невѣдомыми родниками народной поэзіи и видѣли въ ней залогъ неумиранія всякой поэзіи. Это было время увлеченія Макферсоновыми поддѣлками, «Словомъ о полку Игоревѣ», записями Караджича, поддѣлкамм Ганки и т. д. Всего черезъ два мѣсяца послѣ выхода «Гузлы» обнаруженный уже авторъ получилъ отъ англійскаго чиновника, Mr. John Bowringa, занимавшагося къ то время славянской антологіей, просьбу сообщить ему оригиналы пѣсенъ. Еще немного спустя тайный совѣтникъ и бывшій докторъ въ Германіи Вильгельмъ Гергардъ прислалъ ему двѣ связки своихъ стихотворныхъ нѣмецкихъ переводовъ славянскихъ пѣсенъ, въ томъ числѣ и изъ «Гузлы», причемъ, по словамъ корреспондента, ему необыкновенно легко было переводить съ французской прозы стихами и открывать или просто подбирать подходящіе размѣры ихъ въ предполагаемомъ «иллирійскомъ» первоисточникѣ [1]). Объ этихъ двухъ случаяхъ говоритъ самъ Мериме въ предисловіи ко второму изданію «Гузлы», появившемуся черезъ 13 лѣтъ послѣ перваго. Въ обширной рецензіи «Journal de Savans» (1829, стр. 126) говорилось, что пѣсни не лишены интереса и переведены старательно, а въ авторитетномъ «Globe» (1827, стр. 29) онѣ сравнивались по достоинству не болѣе, какъ съ арфой Оссіана. Гёте, Мицкевичъ и Пушкинъ переводили и печатали переводы изъ нея, и могъ бы возникнуть даже литературно-научный споръ о подлинности пѣсенъ, какъ не прерывающійся до нашихъ дней споръ о чешскихъ пѣсняхъ краледворской и зеленогорской рукописей. Но, во-первыхъ, самъ авторъ не замедлилъ сознаться въ поддѣлкѣ; во-вторыхъ, всего черезъ годъ послѣ выхода книги Мериме, чуткій ко всякой «народности» въ поэзіи, Гёте первый въ разборѣ «Гузлы» открыто усомнился въ подлинности сборника [1]).

Къ началу 1835 года относится первое признаніе автора въ мистификаціи—въ частномъ письмѣ Мериме къ С. А. Соболевскому на запросъ Пушкина,—а черезъ пять лѣтъ, когда въ 1840 году появилось второе изданіе сборника этихъ пѣсенъ, Мериме вполнѣ сознался во всей поддѣлкѣ, которую объяснялъ простой шуткой, простительной «романтику». Воспитанникъ Шекспира, Шиллера, Гёте, Скотта, Лопе де Вега, Байрона, поэтъ-романтикъ могъ въ борьбѣ съ классиками, по его словамъ, указать своимъ противникамъ новый источникъ поэзіи, а искусной поддѣлкой посмѣяться надъ «мѣстнымъ колоритомъ». Сокровища такой поэзіи, неизвѣстныя до тѣхъ поръ никому, найдены были имъ, вмѣстѣ съ другомъ І. Амперомъ, во время путешествія изъ Италіи на сѣверо-востокъ: черезъ Венецію—въ Тріестъ, на берега Адріатики—до Дубровника. Здѣсь онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ товарищемъ задержаться, такъ какъ у нихъ вышли всѣ деньги. Сначала они рѣшили просто описать свое путешествіе и выгодно продать его издателю; но записки ихъ оказались не въ порядкѣ, и мысль эта смѣнилась другой, болѣе удачной и остроумной. По предложенію товарища, знавшаго чуть не всѣ европейскіе языки, Мериме сталъ собирать простонародныя «иллирійскія» пѣсни, читать итальянскія и французскія путешествія по Далмаціи, немного научился по-славянски и написалъ баллады, вошедшія въ сборникъ. Противорѣчіе, странное и оставлявшее вопросъ о поддѣлкѣ какъ будто открытымъ; другими словами, основа пѣсенъ была все-таки народная, или нѣтъ? И печатанье сборника не обошлось безъ таинственности: печатался онъ въ Страсбургѣ, анонимно, съ портретомъ и

[1]) Напечатаны во II выпускѣ «Wila. Serbische Volkslieder und Heldenmärchen». 1828.

[1]) Впрочемъ, проникновенность Гёте можетъ быть нѣсколько заподозрѣна здѣсь тѣмъ, что въ надписи-посвященіи Гёте на экземплярѣ, посланномъ Мериме черезъ одного русскаго, проѣзжавшаго черезъ Веймаръ, не безъ хвастливости былъ сдѣланъ намекъ на авторство самимъ Мериме.

біографіей гусляра Маглановича, какъ автора пѣсенъ, съ такимъ заглавіемъ: «La Guzla, ou choix de poésie illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, Croatie et l'Herzegowine» (A Paris chez F. G. Levrault, rue de la Harpe, № 81; et rue des Juifs, № 33 a Strasbourg).

Но скоро послѣ выхода книги мистификація обнаружилась, почему, какъ объясняетъ самъ авторъ, продавалась она туго, и Мериме сожалѣетъ издателя. Впрочемъ, невниманіе къ его книгѣ со стороны французскихъ читателей вознаграждено было тѣмъ, что книгой заинтересовались иностранцы, особенно Пушкинъ. Это напоминаетъ ему переводъ «Жиль Блаза» на испанскій языкъ и «Писемъ португальской монахини» на португальскій. Конечно, такой успѣхъ радовалъ автора и окрылялъ его въ борьбѣ съ французскими классиками, но все-таки сознаніе легкомысленности и даже наивности всей затѣи взяло верхъ, и теперь онъ сознается во всемъ. Въ упомянутомъ письмѣ къ Соболевскому отъ 18 января 1835 года Мериме говоритъ приблизительно то же, что̀ въ предисловіи къ изданію «Гузлы» 1840 года. Разница, интересная для исторіи его поддѣлки, заключается только въ томъ, что, по его словамъ, онъ съ другомъ своимъ не могли продолжать дальнѣйшій путь уже изъ Венеціи до Дубровника, но при этомъ прибавляетъ: «разумѣется, на картѣ», и что «мѣстный колоритъ» пѣсенъ онъ заимствовалъ изъ брошюры французскаго консула въ Баньялукѣ (въ Боснѣ), гдѣ послѣдній доказываетъ, что «босняки—большія свиньи», и вводитъ въ текстъ нѣсколько славянскихъ словъ просто изъ желанія похвастаться своею освѣдомленностью («а онъ, вѣрно, зналъ по славянски столько же, какъ я»), а эти самыя слова повторилъ въ примѣчаніяхъ Мериме [1]). Другой его источникъ—«Путешествіе по Далмаціи» Фортиса. Здѣсь въ главѣ «Объ обычаяхъ морлаковъ» приводится сербскій текстъ съ итальянскимъ переводомъ баллады «Жалоба Гасановой жены», а переводилъ онъ текстъ этой пѣсни при помощи какого-то пріятеля, знавшаго по-русски и сообщавшаго переводу точность. Въ концѣ письма Мериме указываетъ на одну неточность въ первомъ стихѣ объ Асанъ Агиницѣ (у Пушкина—«Что бѣлѣется») у предшествующаго французскаго переводчика.

[1]) Очевидно, имѣется въ виду рѣдкая книга «Voyagl en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Par M. Amédée Chaumette-des-Fossés, membre de plusieurs académie et sociétés; chevalier de l'étoile polaire; ancien consul de France en Norvège, Suède, Prusse, Turquie; ancien rédacteur au département des affaires étrangéres; autrefois chancelier du consul t-général de Bosnie, etc. etc.», изданная въ 1822 году въ Парижѣ.

II.

Такимъ образомъ, въ силу признанія автора, изслѣдователи освобождены отъ необходимости сравнивать тексты Мериме съ народными сербскими пѣснями, и, дѣйствительно, почти весь бытовой багажъ и всѣ свѣдѣнія примѣчаній оказываются взятыми изъ книги автора «Viaggio in Dalmazia», необыкновенно точнаго ученаго аббата Джованни-Баттиста Фортиса (1741—1803), путешествовавшаго по берегамъ Далмаціи въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка [1]). Но новѣйшее изслѣдованіе Т. Матича показало, что Мериме имѣлъ кое-какіе и другіе источники, и что, въ концѣ концовъ, дѣло не обошлось, по крайней мѣрѣ, безъ тѣхъ слабыхъ впечатлѣній отъ настоящихъ сербскихъ пѣсенъ, которыя французскій писатель дѣйствительно могъ слышать отъ «иллирійскихъ бардовъ».

И если припомнить біографическіе факты вмѣстѣ съ нѣкоторыми историческими, то вся «Guzla»—явленіе не случайное. Это закономѣрный результатъ того интереса къ сербохорватской поэзіи, который сталъ замѣтенъ у французовъ послѣ шенбрунскаго мира (1809), когда образована была особая провинція «Иллирія» подъ французскимъ управленіемъ [2]). Отецъ Проспера Мериме, живописецъ и архитекторъ Леонаръ Мериме, служилъ при маршалѣ Мармонѣ, который управлялъ Иллирійскимъ королевствомъ, и есть указанія, что будущій авторъ «Гузлы» провелъ дѣтскіе годы въ Рагузѣ. Въ предисловіи къ сборнику Мериме переплетаетъ истину съ измышленіями. Такъ, сообщая о томъ, что въ дѣтствѣ онъ долго жилъ въ иллирій-

[1]) Переведена по нѣмецки, англійски и по французски «Voyage en Dalmatie»; издана въ Бернѣ въ 1778 году.

[2]) Интересно, между прочимъ, что первая по времени французская же мистификація въ этой области принадлежитъ французскому писателю Шарлю Нодье (Nodier), редактору «Telégraph Officiel», выходившаго въ Люблянѣ съ 1813 года. Въ своемъ романѣ изъ сербскаго быта «Smarra» Нодье напечаталъ переводъ трехъ сербскихъ пѣсенъ, и одна изъ нихъ (Le bey Spalatin) считается полной поддѣлкой. Затѣмъ уже появилась свободная отъ нареканій «Poésies serviennes» г-жи Belloc.

скихъ провинціяхъ и говорилъ въ тѣ годы больше даже «по-иллирійски», чѣмъ по-итальянски, онъ называетъ свою мать морлачкой изъ Сполато (Сплета) [1]).

Помѣщая письмо Мериме цѣликомъ въ предисловіи къ своимъ переводамъ, Пушкинъ все-таки не соглашается съ его признаніемъ и задаетъ вопросъ: «на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ?» Быть можетъ, здѣсь играютъ нѣкоторую роль гордость и сознаніе, что славянская простонародная поэзія, полная своеобразныхъ красотъ, граціи и силы, дошла до Запада и соединена съ именемъ популярнаго французскаго писателя. Развѣ не странно, что нѣсколько раньше вниманіе Запада къ славянской поэзіи привлекали такія же поддѣлки, именно «открытыя» Вячеславомъ Ганкой чешскія пѣсни, а можетъ быть и русскія конца XVIII вѣка? Быть можетъ, въ густомъ слоѣ сочиненныхъ Мериме образовъ Пушкинъ угадывалъ тѣ истинныя народныя черты, которыя, въ концѣ концовъ, будутъ видны каждому генію, и понималъ все значеніе подобныхъ «свободныхъ переложеній» для возрожденія славянскихъ народовъ, которое въ то время уже совершалось. Недаромъ, повторяемъ, названные «новѣйшіе памятники древней чешской поэзіи» сыграли въ дѣлѣ возрожденія чеховъ такую незамѣнимую роль.

Пушкинъ называлъ Мериме острымъ и оригинальнымъ писателемъ; но вполнѣ, какъ кажется, вѣря въ подлинность пѣсенъ, сообщая, что «какой то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію», и ссылаясь на Мицкевича, какъ на «зоркаго критика и тонкаго знатока въ славянской поэзіи», онъ для чего-то расточается въ похвалахъ Мериме и говоритъ, что раннія произведенія его «чрезвычайно замѣчательны въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней французской литературы» [2])... Очевидно, въ концѣ концовъ Пушкинъ внутренне колебался въ вопросѣ о подлинности; но переводъ былъ сдѣланъ въ 1832—1833 годахъ, одна изъ пѣсенъ («Конь») напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» во II книгѣ за 1835 годъ, остальныя въ III книгѣ, и своимъ вопросомъ-сомнѣніемъ поэтъ какъ бы старался смягчить, по крайней мѣрѣ въ глазахъ читателей, мысль о мистификаціи. Недаромъ въ рецензіи той же «Библіотеки для чтенія» (т. XII, за 1835 годъ) на четвертую часть «Стихотвореній», гдѣ впервые при «Пѣсняхъ западныхъ славянъ» помѣщено письмо-признаніе Мериме, въ оригиналѣ,— данъ былъ переводъ этого письма съ объясненіями безусловно извинительнаго характера предъ читателями журнала.

Послѣ приведенныхъ свѣдѣній о происхожденіи «Гузлы» о отношеніи къ ней Пушкина, поскольку послѣднее выясняется изъ заявленій самого поэта, мы переходимъ къ параллельному сравненію французскаго и русскаго текстовъ. Къ голословнымъ похваламъ послѣднему въ первыхъ же рецензіяхъ на «Пѣсни западныхъ славянъ», въ томъ духѣ, что «переводъ лучше самого подлинника» (напр., въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г., т. XII), или къ вѣрнымъ словамъ вдумчиваго Анненкова, что «у нашего поэта, вышедшаго совсѣмъ изъ роли своей переводчика, начертаны яркіе образы, между тѣмъ какъ у подлинника они обозначены только слабыми намеками» («Матеріалы», стр. 354); наконецъ, къ новѣйшимъ наблюденіямъ о дарѣ необыкновенной девинаціи Пушкина: что «онъ открывалъ подъ большимъ наносомъ въ разсказахъ Мериме истинно народную подкладку и умѣлъ изобразить ее въ своемъ чудномъ русскомъ словѣ» (П. Кулаковскій, «Рѣчь», стр. 20), и др., мы можемъ прибавить рядъ фактовъ, подтверждающихъ подобныя похвалы и почему то старательно избѣгаемыхъ предшествующими изслѣдователями.

Прежде всего Пушкинъ выбралъ для перевода не только лучшія въ художественномъ отношеніи пѣсни, но и такія, гдѣ меньше фальши противъ эпоса вообще и славянскаго въ частности. Стоитъ прочитать остальныя пѣсни «Гузлы» [1]), и наше наблюденіе подтвердитъ каждый. Во вторыхъ,

[1]) Дальнѣйшія изслѣдованія мѣстности, гдѣ Мериме могъ познакомиться съ мотивами сербской поэзіи, должны принять во вниманіе замѣтно частыя упоминанія его о морлакахъ, чаще всего на первомъ же мѣстѣ; напр., въ пѣснѣ I, примѣчанія 6 и 10; IV, 1; VI, 2; VII, 2 и 3; IX, 1; X, 1; XII, 1; XIV, 2; XV, 1; XVIII, 1; XIX, 1, XXI, 1; XXIV, 3.

[2]) Въ «Телескопѣ» (за 1832 г. № 14, стр. 247—265) былъ помѣщенъ переводъ «Испанскихъ разсказовъ» (1830 г.) Мериме изъ «Revue de Paris» (ноябрь), а въ годъ смерти Пушкина вышелъ переводъ Пльской «Венеры» въ «Библіотекѣ для чтенія» (т. XXIV, стр. 59—95).

[1]) Именно, Пушкинъ не перевелъ слѣдующія 15 пѣсенъ: «L'aubépine de Velico», «La mort de Thomas II, roi de Bosnie», «Le Seigneur Mercure», «L'amante de Danisich» «Maxime et Zoé, «Les mauvais oeil» «Barcarole», «La belle Sophie»,

измѣняя отдѣльныя слова, цѣлыя выраженія, тонъ, выбрасывая неудачныя картины, обороты, образы, имена, названія, фактическія подробности и т. д., вообще, относясь къ формѣ подлинника вполнѣ самостоятельно, Пушкинъ бережно обходился съ содержаніемъ. Можно замѣтить только одну перестановку событій во II пѣснѣ, причемъ такая перестановка вполнѣ оправдывается хронологическими соображеніями. У Мериме говорится сначала о нечаянномъ убійствѣ побратима на пиру, а затѣмъ уже объ обрядѣ побратимства. Благодаря такому порядку, неясно, о какомъ днѣ идетъ рѣчь въ непосредственно слѣдующей фразѣ: «Съ этого дня бей Янко не пьетъ больше ни вина, ни водки», и эта неясность не вполнѣ устраняется даже совершенно излишнимъ повтореніемъ у него разсказа объ убійствѣ,—прибавимъ, повтореніемъ не эпическаго характера. У Пушкина же сначала разсказывается о побратимствѣ, а затѣмъ о несчастномъ случаѣ на пиру, и благодаря этому не только на своемъ мѣстѣ логически оказывается описаніе тоски невольнаго убійцы, но кстати является и ожидаемое здѣсь музыкальное пониженіе тона разсказа. Въ IV пѣснѣ, посылая отравленный плодъ Еленѣ, Стамати говоритъ мальчику: «скажи, что его посылаетъ моя жена». Но вся предшествующая часть разсказа, начиная съ наглыхъ приставаній Стамати и кончая подготовкой къ ужасной мести, не позволяетъ допустить, чтобы Елена повѣрила, что жена «иллирійскаго» сатира была бы такъ милостива къ ней. И замѣна у Пушкина, «отъ племянницы въ подарокъ», напрашивается какъ бы сама при чтеніи дѣйствительно странаго мѣста во французскомъ текстѣ. Въ VII пѣснѣ у Пушкина прибавлена вся 3 строфа, вполнѣ гармонирующая со 2 и 4, и это прибавленіе не вполнѣ произвольно, такъ какъ вызвано вторымъ примѣчаніемъ Мериме къ той же пѣснѣ, именно, что «родители и друзья покойнаго всегда даютъ ему свои порученія на томъ свѣтѣ» [1]).

«Improvisation de Hyacinthe Maglanovich», «Impromptu», «La querelle de Lepá et de Tchernygor», «L'amant en bouteille», «Cara-Ali, le vampire», «Les pobratimi», «Hadagny», а послѣдняя, Triste ballade de la noble épouse d'Asan-Aga», взята имъ, несомнѣнно, изъ сборника Вука Караджича, правда, не безъ слѣдовъ текста Мериме.

[1]) Вообще при переводѣ были приняты во вниманіе примѣчанія Мериме; напримѣръ, изъ III пѣсни приводятся всѣ примѣчанія, правда, въ значительномъ сокращеніи, за исключеніемъ 5-го,

Изъ крупныхъ пропусковъ мы имѣемъ только одинъ случай, именно, оставлено безъ перевода начало пѣсни «Ѳеодоръ и Елена», съ отмѣткой Пушкина: «начало не переведено» и двумя строками точекъ. Въ подлинникѣ здѣсь читается пять съ половиною строфъ, и стоитъ познакомиться съ ними, чтобы безъ всякихъ объясненій понять, почему Пушкинъ совсѣмъ опустилъ начало, несмотря на его нѣкоторую живость и на занимательность завязки всей драмы.

«Садитесь вокругъ Ивана Бетко всѣ, кто хочетъ прослушать печальную исторію о прекрасной Еленѣ и о мужѣ ея Федорѣ Конопкѣ. Иванъ Бетко—лучшій гусляръ (joueur de guzla), какого вы слышали или же услышите когда-нибудь.

Федоръ Конопка былъ храбрый охотникъ временъ моего дѣда, отъ котораго я знаю эту исторію. Онъ женился на прекрасной Еленѣ, отдавшей ему предпочтеніе предъ Перо Стамати, потому что былъ онъ прекрасенъ, а Перо—некрасивый, злой.

Однажды Перо Стамати пришелъ въ домъ Федора Конопки.—«Елена, правда ли это, что вашъ мужъ уѣхалъ въ Венецію и долженъ пробыть тамъ годъ?»—«Это—правда, и я опечалена, потому-что должна остаться одна въ этомъ большомъ домѣ.»

— «Не плачьте, Елена, что должны однѣ остаться въ домѣ. Къ вамъ кто-то придетъ, чтобы составить компанію. Позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ большую горсть блестящихъ цекиновъ, которыми вы украсите свои черные волосы».

— «Прочь отъ меня злой . . . . . ?»

— «Но,—сказалъ злой Стамати,—позвольте мнѣ спать съ вами, и я дамъ вамъ бархатное платье со столькими цекинами, сколько можетъ помѣститься въ глубинѣ моей шапки».

— «Прочь отъ меня, злой! или я скажу о твоей подлости моимъ братьямъ, которые тебя убьютъ!»

Прежде всего здѣсь бросается въ глаза необычность въ славянскомъ эпосѣ самаго тона любовныхъ сценъ, совершенно ненужныхъ діалоговъ и той лживости мнимаго движенія, которая такъ претитъ спокойствію всякаго эпоса.

III.

Сравненіе пушкинскаго перевода съ подлинникомъ показываетъ прежде всего, что цѣлый рядъ отдѣльныхъ мѣстъ, картинъ,

такъ какъ Пушкинымъ пропущено и выраженіе изъ самаго текста, къ которому оно относится: «Puis nous avons brisé nos pourreaux». Изъ примѣчаній Мериме онъ могъ выяснить и слѣдующее выраженіе въ текстѣ VIII пѣсни: «и лошадь, когда рѣжутъ ей бокъ», и т. д., не переводя французскій текстъ, а скорѣе объясняя его на основаніи примѣчанія: «стременами острыми язвима».

описаній, оборотовъ и выраженій у Мериме грѣшитъ противъ эпики вообще, т.-е. безотносительно къ избирательнымъ средствамъ спеціально эпоса славянскаго, о чемъ рѣчь будетъ дальше. Въ то же время рядъ отдѣльныхъ примѣровъ говоритъ объ умѣніи Пушкина переводить вполнѣ точно, напримѣръ, стоитъ сравнить начала хотя бы V и VI пѣсенъ:

«Quand Prascovie m'eut abondonné, quand j'étais triste et sans argent, un rusé Dalmate vint»—

«Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ далматъ пришелъ лукавый».

«Dans une caverne, couché sur de cailloux aigus, est un brave Heyduque».—

«Въ пещерѣ на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый гайдукъ».

Примѣровъ, которые показываютъ отсутствіе у Мериме чутья эпичности, очень много, и во всѣхъ такихъ случаяхъ Пушкинъ или совсѣмъ выпускалъ ихъ, или же замѣнялъ болѣе гармонирующими съ общимъ тономъ эпоса.

Во-первыхъ, сюда относятся всякаго рода разъясненія, неумѣстныя въ эпосѣ. Король Ѳома вышелъ изъ комнаты съ саблей въ рукѣ, «такъ какъ видѣлъ, что небо посылаетъ ему предзнаменованіе будущаго» (I). Этой всей фразы нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Совсѣмъ опущено и слѣдующее мѣсто въ VI пѣснѣ. Осаждаемые врагами гайдуки томятся въ пещерѣ отъ жажды: «между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ издать стона жалобы, такъ какъ боялись они не угодить Христичу Младину». Излишне и свидѣтельствуетъ объ отсутствіи у Мериме чутья эпики объясненіе причины, почему жена Якубовича проситъ мужа помочь ей: «этотъ чужестранецъ слишкомъ тяжелъ» и т. д. (VIII).

Во-вторыхъ, грѣшатъ противъ эпики тѣ мѣста, гдѣ Мериме входитъ въ психологію своихъ героевъ и излагаетъ ихъ ощущенія вмѣсто того, чтобы описывать самые факты. Поэтому Пушкинъ всегда замѣняетъ выраженія, характеризующія индивидуальныя ощущенія, вполнѣ эпическими представленіями. Фраза «и добрый король Ѳома почувствовалъ руки басурманъ, разрывающихъ его платье», замѣнена у него всего четырьмя словами: «до нага его раздѣли» (I). Совсѣмъ выпущена фраза изъ той же пѣсни: «и король могъ думать, что миръ царитъ», и т. д. Въ концѣ II пѣсни, послѣ третьяго видѣнія, Мериме говоритъ: «тогда она услышала тяжелый вздохъ» и т. д.; у Пушкина здѣсь вполнѣ эпично и кратко: «Бей вздохнулъ», а немного дальше совсѣмъ выпущено замѣчаніе о душевномъ состояніи Марнявича («и казался болѣе спокойнымъ»), которое гораздо лучше вытекаетъ изъ самыхъ фактовъ въ ихъ стройной послѣдовательности, не нуждаясь въ подобныхъ замѣчаніяхъ отъ лица автора. Сюда же относится весь монологъ умирающаго путника, принятаго Якубовичемъ, его жалоба на боль, предчувствіе смерти, воспоминаніе о печальной жизни и т. д. Пушкинъ выпускаетъ все это и въ двухъ-трехъ словахъ говоритъ о фактѣ смерти путника (VIII).

Въ-третьихъ, рядъ картинъ и выраженій свойственны автору-наблюдателю, говорятъ о его субъективныхъ впечатлѣніяхъ или ощущеніяхъ—и необычны въ эпикѣ народной. Однимъ только словомъ, именно, назвавъ вурдалака «чудовищемъ», Мериме нарушилъ эпическій тонъ разсказа, и совершенно неумѣстенъ его переходъ къ описанію послѣдствій бѣгства вурдалака изъ могилы: «и его буйство было таково, что» и т. д. (VIII). Помимо того, что цѣлая строфа у Мериме въ IX пѣснѣ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (вѣдь это—войска Бонапарта, а не турки), все здѣсь растянуто, неудачно испещрено тѣми «пятнами», которыхъ народный эпосъ не знаетъ. «Они отправились. Ихъ оружіе блестѣло на солнце. Въ порядкѣ поднялись они, чтобы сжечь наши селенія; поднялись они, чтобы увести нашихъ женъ и дѣтей». Все это мѣсто передано Пушкинымъ въ двухъ стихахъ:

Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Нарисованная Мериме картина «зажженные факелы превращаютъ ночь въ день» во всѣхъ отношеніяхъ несвойственна народной эпикѣ, и у Пушкина вышло много проще и реальнѣе: «вся свѣчами озарена церковь» (I). Нераздѣльная съ опредѣленностью и законченностью всякихъ очертаній, эпичность нарушается у Мериме даже такими на первый взглядъ незначительными мелочами, какъ слишкомъ общее обозначеніе: «прекрасный фруктъ» или «красивый фруктъ», которымъ отравили Елену, и Пушкинъ во всѣхъ этихъ случаяхъ исправилъ при помощи самостоятельной замѣны—«сли-

ва» (IV). И уже окончательно искажаютъ ту же эпичность мнимыя сентенціи, какъ отвѣтъ визиря султану: «слышать—значитъ исполнить» (I), взятыя Мериме изъ популярной и на Западѣ восточной поговорки.

Совершенно уже искусственнымъ для народныхъ пѣсенъ эпическаго содержанія кажется такое «лирическое отступленіе» у Мериме, вставленное послѣ картины исчезновенія видѣнія короля Ѳомы въ церкви: «Видѣли ли вы блестящую звѣзду, которая быстрымъ полетомъ несется по небу и далеко освѣщаетъ землю? Вскорѣ этотъ блестящій метеоръ исчезаетъ среди ночи, и мракъ возвращается болѣе темнымъ, чѣмъ былъ онъ раньше. Такъ исчезло видѣніе Ѳомы» (I). Нечего и говорить, что весь этотъ отрывокъ не нашелъ у Пушкина отраженія хотя бы въ самомъ слабомъ намекѣ на оригиналъ, и ничто у него не нарушаетъ здѣсь выдержаннаго въ общемъ безличнаго тона. Вообще, чутье эпичности никогда не покидало переводчика, и онъ безъ всякихъ слѣдовъ опускалъ рядъ картинъ и моментовъ, которые сами по себѣ и имѣютъ нѣкоторый смыслъ, но въ связи съ предшествующими и послѣдующими картинами и моментами оказываются совершенно излишними повтореніями, повтореніями опять-таки не эпическаго характера, т.-е. не механическими, а новыми пересказами уже знакомаго. Напримѣръ, въ IV пѣснѣ имъ выпущено четыре мѣста: 1) «когда она съѣла этотъ фруктъ, который имѣлъ такой прекрасный цвѣтъ, то почувствовала въ себѣ какое то безпокойство»; 2) «когда прекрасная Елена съѣла плодъ, то сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала при этомъ облегченія, и что-то шевелилось у нея въ животѣ»; 3) «потому что я оставалась вѣрна. Петръ Стамати заколдовалъ меня съ помощью злого еврея, который живетъ въ Долинѣ Могилъ»; 4) языкъ ея «никогда больше не говорилъ».

Въ пятыхъ, рядъ подробностей описательнаго характера не только не усиливаетъ эпичности у Мериме, но, наоборотъ, вредитъ ей. Къ числу такихъ случаевъ принадлежитъ слѣдующій: «Холодный потъ струился по его спинѣ, зубы стучали отъ ужаса», переданный у Пушкина проще и короче: «короля внезапный обнялъ холодъ» (I). Въ особенности это бросается въ глаза, когда у Мериме находимъ ложную образность выраженій; напримѣръ: «А другой (рукой) держалъ платье намѣстника Сатаны и приближалъ платье къ своимъ губамъ, чтобы поцѣловать», что Пушкинъ передалъ всего тремя словами: «край полы цѣлуетъ» (I). Или неумѣстный контрастъ въ описаніи смерти Елены: мужъ «вытащилъ свою саблю» и затѣмъ «вскрылъ ея прекрасное бѣлое чрево»: въ переводѣ имѣется только «мертвое тѣло» (IV). «Янко съ того дня не пьетъ больше ни вина, ни водки; онъ ѣстъ только корни и бѣгаетъ изъ стороны въ сторону»; у Пушкина—въ томъ же духѣ: «онъ тоскуя бродитъ» (II). Старикъ Стамати и еврей кололи жабу, «пока изъ всѣхъ уколовъ не показались крупныя капли яда, и они собрали этотъ ядъ въ стеклянную банку» (IV); у Пушкина это совсѣмъ выпущено. Также выпущена у него и слѣдующая подробность въ той же пѣснѣ: «Онъ сѣлъ въ прекрасно вызолоченную галеру и счастливо вернулся въ свою страну. Его сосѣди и друзья, одѣтые въ свои лучшія одежды», вышли къ нему навстрѣчу. Незнакомецъ, который въ дальнѣйшемъ явится въ видѣ вурдалака, у Мериме описанъ совсѣмъ не въ духѣ эпоса: «фигурой онъ похожъ на молодого человѣка, но волосы—бѣлые, глаза—мертвенные, щеки—со впадинами»; у Пушкина о наружности путника сказано только: «блѣденъ»; но этимъ достигается здѣсь удивительная сила. Далѣе имъ выпущенъ рядъ подробностей при описаніи смерти того же путника: «Уста его улыбнулись, а глаза вышли изъ орбитъ. Вдругъ онъ опустилъ голову». При первомъ явленіи вурдалака «заворчала собака и спряталась между колѣнъ хозяина»; у Пушкина—только «завыла» (VIII).

Иное дѣло, конечно,—подробности, способствующія пластичности изображенія и свойственныя эпикѣ съ ея холоднымъ ужасомъ; напр.: «И такъ они снимали кожу до ногтей на ногахъ» (Мериме)—«обнажили и мясо и жилы, и до самыхъ ногтей ободрали» (Пушкинъ, I).

Къ слѣдующей группѣ относятся особенно неудачныя у Мериме распространенія въ діалогахъ и замѣтное злоупотребленіе прямой рѣчью. У Пушкина часто она замѣнена простымъ описаніемъ, отчего усиливается эпичность. Вмѣсто фразы: «И бей Янко сказалъ: хорошо! Ложись опять возлѣ меня», у него находимъ: «повернулся Янко Марнавичъ», а слѣдующія два описанія совсѣмъ уже пропущены: «и сказалъ: хорошо! Ложись опять», или «она сказала: господинъ» и т. д. (II). Нечего и говорить, что, благодаря такимъ замѣнамъ и сокраще-

ніямъ, выходитъ гораздо сильнѣе. Въ силу того же чутья эпичности Пушкинъ выпускаетъ цѣлую повѣствовательную фразу вмѣстѣ съ обращеніемъ мужа къ женѣ, мнимой измѣнницѣ: «И онъ увидѣлъ ея животъ, который былъ такъ великъ. Что это, Елена? Вѣдь больше году, какъ я не спалъ съ вами». Вмѣсто всего этого у Пушкина находимъ только: «взглянулъ сурово» (IV'). «Братъ,—говоритъ незнакомецъ Якубовичу,—я жажду и хотѣлъ бы напиться». Къ чему въ эпосѣ это обращеніе путника въ прямой рѣчи, не имѣющее никакого значенія для дальнѣйшаго разсказа? Пушкинъ и на этотъ разъ проявилъ свое пониманіе и перевелъ просто: «проситъ онъ напиться ради Бога». Далѣе имъ выпущенъ такой же излишній, свидѣтельствующій только о болтливости мнимыхъ «иллировъ», вопросъ хозяина: «Развѣ ты никогда не былъ еще въ этой странѣ, что не знаешь?» и т. д. (V'III). Вообще, умирающій путникъ у Мериме говоритъ слишкомъ много, какъ въ либретто большинства оперъ, и Пушкинъ не постѣснялся выпустить еще нѣсколько фразъ: «Я не могу ни жить, ни умереть». «Печальна, печальна была моя жизнь. Печальна будетъ и смерть моя» и др.

IV'.

Въ выборѣ поэтическихъ средствъ, которыя могли, по мнѣнію Пушкина, сообщить славянскимъ пѣснямъ характеръ народнаго эпоса, огромное значеніе имѣли эпитеты. Конечно, не всѣ они—обычные, т.-е. такъ-называемые постоянные эпитеты, какъ и въ его уже русскихъ сказкахъ, въ аналогичныхъ переводахъ и подражаніяхъ; но въ собранныхъ нами примѣрахъ изъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» большинство эпитетовъ падаетъ на вставку ихъ и иныхъ опредѣленій, которыхъ нѣтъ у Мериме.

Прибавленныя Пушкинымъ опредѣленія часто взяты изъ русской устной поэзіи, нерѣдко сочинены имъ въ духѣ мнимой «славянской поэзіи», конечно, согласно представленію о ней русскихъ писателей 20-хъ и 30-хъ годовъ, но всегда они сообщаютъ пѣснямъ народный характеръ своей образностью, иногда, удлиняя стихъ, своей музыкальностью и т. д. Вотъ эти примѣры: «птенцовъ»—«птенцовъ горемычныхъ» (I); «предчувствуютъ, что»...—чуетъ бѣду неминучу»; «церковь»—«Божію церковь»; «осенью»—«осени дождливой»; «видѣніе»—«чудное видѣніе»; «Магометъ»—«султанъ безбожный»; «окровавленная (сабля)»—«кровь по саблѣ алая струится»; «до рукояти»—«до самой рукояти»; «отца»—«несчастнаго старца»; «съ тюрбаномъ»—«басурманскою чалмою»; «гайдуки»—«гайдукъ бездомный» (II); «Кириллъ»—«Кирила несчастливый»; «отъ руки своего брата»—«отъ руки имъ избраннаго брата»; «праздникъ»—«веселое пированіе»; «въ церковь Перусича»—«въ церковь святого Спаса»; «покрыта туманомъ»—«густые туманы»; «усы»—«длинные усы» (III); названіе рѣки—«заповѣдную рѣку»; «съ 1000 всадниками»—«съ новымъ войскомъ; «съ конницею свѣжей»; «ей»—«бѣдной молодицѣ» (IV'); «фруктъ»—«поганую сливу», «Елена»—«молодая Елена»; «сестру»—«сестру своюменьшую»; «Елена»—«прекрасная Елена»; «мужъ» «милому мужу»; «годъ»—«круглый годъ»; безличный оборотъ (два раза)—«злые люди»; «ребенокъ»—«невиннаго младенца»; «ребенка»—«милаго дитяти»; «губы»—«мертвыя уста»; «Стамати»—«старый Стамати»; «муравей»—«бѣдная мурашка» (V'); «враги»—«недруги злые» (VI); «мою кровь»—«горячей моей крови»; «враговъ»—«недруговъ спящихъ»; «пуля»—свинцовую пулю» (V'III); «его» «мертвое тѣло»; «на свою лошадь»—«на коня вороного»; «могилу»—«глубокую могилу» (два раза); «на его шеѣ»—«на его бѣлую шею»; «отшельникъ»—«старцемъ калуеромъ»; «кровавыя» (губы)—«алой кровью»; «ребенка»—«ребенка больного»; «вампиръ»—«вурдалакъ проклятый»; «солдатъ»—«царскій рекрутъ»; «глаза»—«злые глазки» и др.

Вторую, менѣе значительную по числу примѣровъ группу въ наблюденіяхъ надъ эпитетами составляютъ замѣны переводчикомъ эпитетовъ Мериме другими, болѣе подходящими, по представленію Пушкина, къ славянской народной поэзіи, отчасти болѣе подходящими къ тону пѣсенъ; напримѣръ: «великую церковь»—«церковь Божію» (I); «споръ между двумя славными беями»—«два могучіе бея побранились» (II); «слабый свѣтъ»—«малый огонечекъ»; «на эту бѣлую, какъ снѣгъ, лошадь»—«на коня вороного» (III); «нечестиваго еврея»—«жиду-лиходѣю» (IV'); «имя великаго апостола»—христіанское имя»; «черной жабѣ»—«поганой твари»; «прекрасный фруктъ»—«поспѣлую сливу»; далматъ хитрый»—

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ.
(*Изъ роскошнаго изданія* «*Знаменити Сербы*», *Загребъ, 1903*).

«далматъ лукавый» (V); «старый обычай»—«родной обычай»; «съ золотой цѣпочкой»—«на серебряной цѣпочкѣ»; «стоячую воду»—«воду дождевую» (VI); «два храбрые сына»—«два милые сына»; «добрый путь»—«въ дальную дорогу» (VII); «великій воинъ»—«славный воинъ» (VIII); «странной болѣзнью»—«опасною болѣзнью»; «красное пятно»—«кровавую ранку»; «птичьи когти»—«вороньи когти» и т. п.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Пушкинъ почти не пропускалъ всякаго рода опредѣленій изъ французскаго текста, находя ихъ характерными для поэзіи славянской, приведемъ всѣ замѣченные случаи такихъ пропусковъ (здѣсь приводится только текстъ Мериме: выдѣленныхъ опредѣленій у Пушкина нѣтъ): «ты найдешь черную жабу» (VI); «въ глиняномъ горшкѣ»; «прекрасная Елена» (два раза у Мериме, но у Пушкина есть въ другихъ мѣстахъ); «большое озеро» (V); «прекрасная Катерина» (VI); «подлые враги»; «широкій красный поясъ» (VIII). Изъ этого краткаго списка еще разъ видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ подобнымъ опредѣленіямъ, если онъ нашелъ необходимымъ опустить ихъ только въ семи случаяхъ.

Въ началѣ очерка мы указали въ общихъ чертахъ, что однимъ изъ пріемовъ мистификаціи Мериме является обиліе настоящихъ славянскихъ, славянизованныхъ или просто экзотическихъ для французскаго туриста собственныхъ именъ и мѣстныхъ названій. И замѣчательно, что, считая пѣсни подлинными, Пушкинъ сплошь и рядомъ совсѣмъ выпускалъ и тѣ и другія. Это нельзя объяснить ни требованіями стиха, ни его неумѣніемъ (или же извѣстной осторожностью) возстановить ихъ по не всегда послѣдовательной транскрипціи въ своемъ оригиналѣ (напр., *ч* передается чрезъ ch *и* tch, *а* z означаетъ *з* *и ц*), ни даже отсутствіемъ въ нихъ нѣкоторой стильности. Поэтому скорѣе то же чутье поэта, которое не обманывало его и въ другихъ случаяхъ, заставляло его выпустить цѣлый рядъ именъ и названій, которыя, какъ казалось бы, самымъ надежнымъ способомъ пріурочивали пѣсни къ опредѣленнымъ мѣстностямъ, а иногда и къ эпохамъ. Отсутствіе у Пушкина нѣсколькихъ именъ и названій (правда, во всѣхъ случаяхъ второстепенныхъ и только

въ видѣ простыхъ упоминаній у Мериме) придаетъ его повѣствованію характеръ эпичности, неопредѣленности, которая свойственна народной поэзіи вообще. Въ общемъ Пушкинымъ не названо 18 лицъ и мѣстностей: султанъ Магометъ (I), король Ѳома II, долина Пролога, старикъ Ѳома I, побратимъ Кириллъ Перванъ (II), церковь Перусича съ горы Пристежъ (у П.—«отселѣ»), Морполанца покрыта туманомъ (у П.—«за рѣкою густые туманы»), Прасковья (П. «жёнка»), мы перешли Цеттину (П. «перешли мы заповѣдную рѣчку», III), селихтаръ Мехеметъ, пришелъ нашъ Мехеметъ (П. «враги наскочили»), Венеція (П. «изъ за моря», IV), Петръ Стамати; Ѳеодоръ Конопка; дѣти гайдука Александръ и Христичъ (второе, впрочемъ, придумано Мериме неудачно, такъ какъ это—ихъ фамилія, и отецъ называется Младинъ Христичъ, XI); названіе мѣстности, отъ которой преслѣдовали врага—Чаплисса (VII); имя жены гайдука, отъ лица котораго идетъ пѣсня, Елена; похитившій его же дочь Крусичъ. Кромѣ того, при повтореніяхъ Пушкинъ не пропускалъ случая замѣнить собственное имя нарицательнымъ; напр., вмѣсто имени «Радивой» одинъ разъ говоритъ «отступникъ», другой разъ—«мученикъ» (I).

Трудно объяснить, почему въ нѣсколькихъ мѣстахъ Пушкинъ замѣнилъ имена. Конечно, можно не говорить о такихъ примѣрахъ, какъ вполнѣ удачный переводъ греческаго названія «Константинополь» турецко-славянскимъ «Стамбулъ» въ первой пѣснѣ. Но въ другихъ случаяхъ нелегко дать ясный отвѣтъ. Почему, напримѣръ, самый младшій изъ 20 героевъ Ѳома названъ у Пушкина Георгіемъ (III), или Константинъ Якубовичъ—Маркомъ (VIII), жена его Миліада—Зоей (VIII)? Можно только предположить, что послѣднее имя взято, какъ красивое, изъ непереведенной Пушкинымъ пѣсни «Гузлы»—«Maxime et Zoé»; Марко—излюбленный герой сербскаго эпоса, извѣстный Марко Кралевичъ, которому посвященъ не одинъ десятокъ пѣсенъ въ сборникѣ Вука Караджича; наконецъ, Георгій—очень распространенное у сербовъ имя. Замѣну Христича (Chistich) Хризичемъ (VII) можно объяснить вліяніемъ извѣстныхъ поэту по Бессарабіи сербскихъ фамилій, среди которыхъ суффиксъ изичъ не только встрѣчается часто, но по самому комплексу звуковъ характеренъ для сербскихъ фамилій; кромѣ того, и у Мериме имѣются Danisich, Krousich, Perrusich и т. п. Янъ (вмѣсто Владина, VII) явился, по всей вѣроятности, потому, что это—имя въ огласовкѣ «западныхъ» славянъ. Единственный случай, когда у Пушкина приводится мѣстное названіе, котораго нѣтъ въ данной пѣснѣ у Мериме, это въ стихѣ «дочь моя живетъ въ Лизгорѣ» (VII). Трудно допустить, чтобы здѣсь нужна была только риѳма въ «море»; скорѣе это передѣлка названія «Вергора», которое встрѣчалось у Мериме три раза [1]).

Въ связи съ тѣмъ же чутьемъ эпичности въ пропускахъ именъ и названій, стоитъ пріемъ Пушкина въ опредѣленіи всякаго рода сроковъ цифръ. Онъ пропускаетъ «спустя два мѣсяца»—время, прошедшее послѣ обряда побратимства (II), и «десять мѣсяцевъ»—срокъ отсутствія мужа Елены (IV); смягчаетъ опредѣленность срока «спустя недѣлю» (VIII) типичнымъ русскимъ оборотомъ «вотъ проходитъ недѣля—другая»; два раза замѣняетъ еще болѣе точные сроки, притомъ обозначенные необычнымъ у славянъ дѣленіемъ сутокъ: «въ тотъ же самый часъ»—«ту же пору», «въ этотъ самый часъ»—«ровно двѣ тому недѣли» (VIII) и т. п.

То же самое наблюденіе бросается въ глаза при параллельномъ сравненіи мѣстъ, гдѣ рѣчь идетъ о цифрахъ. Обыкновенно Пушкинъ или совсѣмъ пропускаетъ цифры, или же замѣняетъ ихъ числами эпическими. У Мериме въ «Похоронной пѣснѣ» читаемъ: «твой сынъ Иванъ отомстилъ за тебя: онъ убилъ *пятерыхъ*»; у Пушкина просто: «но твой сынъ убилъ его» (VII). У Мериме—«онъ заказалъ отслуживать *30* обѣденъ за упокой души своей жены»; у Пушкина—«и отпѣлъ по женѣ панихиду» (IV). Сообщенные Мериме цифры «*500* храбрыхъ черногорцевъ» и «*20000* солдатъ» отсутствуютъ въ русскомъ переводѣ (IX), а «съ *1000* всадниковъ» и «съ *2000* босняковъ» замѣнены просто «съ конницею свѣжей» и «со своими босняками» (III). Въ одномъ только мѣстѣ «*25* человѣкъ» превратились у Пушкина въ «120 человѣкъ» (IX); вѣроятно, для подвига храбрыхъ черногорцевъ, навѣки испугавшихъ войска

[1]) «Montagnes de Vergoraz» въ пѣснѣ «La flamme de Perrusich» (стр. 117), «Vergoraz» въ статьѣ о вампиризмѣ (стр. 145) и въ пѣснѣ «Les pobratimi» (стр. 227).

Бонапарта, первая цифра показалась переводчику слишкомъ незначительной.

Иное дѣло—числа эпическія [1]), къ которымъ Пушкинъ прибѣгаетъ нѣсколько разъ, и его замѣны всегда удачны и красивы: «каждый человѣкъ изъ нашей арміи стоилъ десятерыхъ»—«всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ» (III); «со вчерашняго дня»—«три дня» (VIII); «каждый убилъ десятерыхъ человѣкъ, и каждый получилъ десять пуль въ грудь»—«семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый, семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ» (VI); «сотни ружей будутъ направлены противъ нихъ»—«въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей» (XI). Къ тому же пріему Пушкинъ прибѣгаетъ и тогда, когда у Мериме не указаны цифры; напримѣръ, «трижды полъ окровавленный цѣлуя» (I).

VI.

Выше мы уже замѣтили, что многіе обороты у Пушкина вышли короче, а потому сильнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Это общее наблюденіе подкрѣпимъ нѣсколькими примѣрами. Изъ фразы, состоящей изъ трехъ предложеній: «Когда король Ѳома увидѣлъ, что было на клиросѣ, храбрость готова была покинуть его», Пушкинъ оставляетъ только одно: «Ужасомъ замерло въ немъ сердце» (I). «Чтобы пройти въ церковь, онъ (король Ѳома) долженъ былъ перешагнуть трупы и погрузиться въ кровь по щиколку «(jusqu'à la cheville)». Съ этой фразой переводчикъ поступаетъ такъ же: «Онъ идетъ, шагая черезъ трупы, кровь по щиколку ему досягаетъ». И въ концѣ той же первой пѣсни сокращеніе сообщаетъ повѣствованію обычную силу эпоса. Описаніе Мериме: «И король могъ думать, что миръ царилъ вокругъ Ключа, какъ вдругъ бомба, брошенная невѣрными, упала предъ нимъ и дала сигналъ къ приступу», замѣнено пластичной картиной: «Вдругъ взвилась изъ за города бомба, и пошли басурмане на приступъ». Такое же впечатлѣніе производитъ первый вопросъ второй пѣсни: «Почему бей Янко Марновичъ никогда не живетъ въ своей странѣ? Зачѣмъ путешествуетъ онъ по горамъ» и т. д.? Сила и образность тѣхъ же вопросовъ у Пушкина достигается прежде всего—краткостью. «Что въ разъѣздахъ бей Янко Марновичъ? Что ему дома не сидится?» Нисколько не проигрываетъ эпичность разсказа съ точки зрѣнія мнимаго обилія подробностей, а несомнѣнно увеличивается тѣмъ, что переводчикъ въ третьей пѣснѣ не внесъ въ свой текстъ двухъ фразъ изъ подлинника: «господинъ, мы не покинемъ васъ, какъ эти подлецы», и «пока они находились въ живыхъ, они защищали бея, своего вождя». Мнимая послѣдовательность у Мериме обнаруживается сравненіемъ въ оригиналѣ и въ переводѣ слѣдующихъ фразъ: «Вотъ ея животъ постепенно началъ пухнуть, съ каждымъ днемъ все больше: настолько, что» и т. д.—«Стала пухнуть прекрасная Елена» (IV). «Воздухъ душитъ меня,—жалуется у Мериме влахъ, попавшій въ Венецію,—и хлѣбъ—ядъ для меня; я не могу идти, куда хочу, не могу дѣлать, что хочу. Я—какъ собака на привязи». Та же жалоба въ переводѣ дышитъ силой, прежде всего благодаря краткости (V):

Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Нечего и говорить, что въ сокращеніяхъ характера механическаго выброшены наиболѣе неудачные обороты, напримѣръ: скрывающіеся въ пещерѣ гайдуки «такъ хотятъ пить, что ихъ языкъ распухъ и сталъ чернымъ» (VI). Когда обезумѣвшій на пятый день младшій сынъ Христича «вытащилъ ножъ» и сталъ глядѣть на трупъ матери, тогда старшій сынъ «испугался его, вынулъ свой ножъ и прокололъ себѣ руку: пей мою кровь, Христичъ, и не совершай преступленія» (VI). Выдѣленныхъ нами выраженій нѣтъ у Пушкина, и стоитъ хотя бы бѣгло прочитать всю пѣсню, чтобы убѣдиться въ неудачности именно выпущенныхъ фразъ.

А вмѣстѣ съ краткостью и силой у Пушкина всегда является живость, въ слѣдующемъ примѣрѣ равносильная живости поговорки. Фразы Мериме: «Мы ничего не знаемъ о немъ. Можетъ быть, ты встрѣтишь его въ странѣ, куда идешь», (авторъ обращается къ покойнику), у Пушкина превратились въ великолѣпное: «живъ иль нѣтъ, узнаешь самъ» (VII). Растяну-

[1]) Ср. T. Maretić, Die typischen. Zahlen in der russischen Volksepik, Archiv fürslav. Philologie, Bd. XXV, 452—462; Фр. Миклошичъ, Изобразительныя средства славянскаго эпоса, Древности. Труды Слав. Ком. Моск. Археол. Общ-ва, т. I, и инославянскія параллели въ очеркѣ Н. Бобчева «Изображението въ българската народни епика», Сборникъ за народни умотворения и т.д., кн. X, 196—220.

тость въ описаніи прихода въ мирную семью незнакомца, который окажется злымъ вурдалакомъ, лишаетъ у Мериме всю сцену той таинственности и силы, которыя у Пушкина достигаются краткостью и простотой, для чего имъ пропущены всякія упоминанія о томъ, что путникъ «выходитъ изъ лѣсу», «кланяется хозяйкѣ, взявъ ее за руку», и т. д. (VIII). «Но я хочу,—говоритъ хозяину путникъ,—чтобы меня похоронили на вершинѣ кургана, въ этомъ мѣстѣ противъ солнца» и т. д. Пушкинъ пропустилъ это «противъ солнца» и здѣсь, и въ одной изъ дальнѣйшихъ строфъ, передавъ всю просьбу въ краткой и сильной формѣ: «ты зарой мое тѣло за горой, подъ зеленою ивой». А описаніе явленія вурдалака въ образѣ великана, который «улыбаясь» смотритъ на хозяина, у Мериме напоминаетъ просто «страшную» картину съ попыткой просвѣщеннаго европейца объяснить дѣйствіе глазъ вампира, по повѣрью дикарей, на человѣка и т. д.; у Пушкина такъ много силы въ этомъ эпически-продолжительномъ «глядѣлъ неподвижно», которымъ замѣняются излишнія подробности оригинала! И дальше, «привидѣніе» Мериме Пушкинъ передаетъ просто «великанъ», не желая точнымъ переводомъ давать какъ бы реальное объясненіе всей картинѣ.

Особенную силу пріобрѣтаютъ сокращенія въ такихъ случаяхъ, когда Пушкину удается цѣлую фразу превратить въ одно-два слова, напримѣръ: король Ѳома ходитъ по комнатѣ «въ то время, какъ его солдаты спятъ, опершись на свое оружіе»—«люди спятъ» (I); далматы «бросились бѣжать и покинули насъ»—«разбѣжались» (III); «чтобы намъ объявить сраженіе»—«противъ насъ» (III); «этотъ ребенокъ, который находится въ ея проклятомъ чревѣ, нисколько не виновенъ»—«невиннаго младенца» (IV); когда мужъ вошелъ въ домъ, «онъ увидѣлъ свою жену сидящей» и т. д.—«и видитъ».... (IV). Иногда такія сокращенія превращаются не больше, какъ въ восклицаніе, въ энергичный вопросъ, и отъ этого необыкновенно выигрываетъ сила впечатлѣнія. Напримѣръ, цѣлая фраза у Мериме: «И эти трупы—вѣрныхъ его слугъ, и кровь эта—кровь христіанъ»—замѣнена у Пушкина однимъ «горе!»; но стоитъ припомнить предшествующую и слѣдующую за восклицаніемъ картины, чтобы признать въ замѣнѣ артистичность (I). Или предъ сценой свиданія вернувшагося изъ-за моря послѣ долгой разлуки мужа съ мнимой измѣнницей-женой: «Что случилось съ прекрасной Еленой, моей женой? Почему ея нѣтъ здѣсь?» Два всего слова у Пушкина говорятъ о цѣлой трагедіи въ душѣ мужа, предвѣщаютъ грозу въ недалекомъ будущемъ: «Гдѣ жъ Елена?» (V).

Конечно, стихотворная форма у Пушкина играетъ большую роль при сравненіи съ прозой Мериме, но чутье художественности у переводчика засвидѣтельствовано рядомъ необыкновенно живыхъ оборотовъ. Приказаніе воинамъ Радивоя у Мериме: «Тѣ, которые не ранены, постараются достигнуть лѣса съ тѣмъ расчетомъ, чтобы избѣжать всадниковъ паши селихтара»—очень неудачно въ сравненіи съ энергичной формой рѣшительнаго приказанія у Пушкина: «Кто не раненъ—въ лѣсъ бѣги скорѣе и спасайся тамъ отъ селихтара» (III). Вялая и безцвѣтная строфа Мериме, которой Пушкинъ начинаетъ IV пѣсню (все начало ея до этой строфы выпущено), въ русскомъ переводѣ вышла задорной, сильной, пѣвучей, съ темпераментомъ, и эту великолѣпную живость, этотъ музыкальный тонъ пушкинской строфы не замѣнятъ даже ряды точекъ, изобильно поставленныхъ здѣсь у Мериме, очевидно, съ цѣлью оживить разсказъ недосказанностью, намекомъ на пикантныя подробности и т. д.

«. . . . . Помимо того, Стамати былъ маленькій старикъ, съ плоскимъ носомъ низенькій. А Елена—высокая и сильная.

Ему захотѣлось стать большимъ и сильнымъ . . . . . Стамати упалъ навзничь и вернулся домой въ слезахъ, съ согнутыми колѣнами и покачиваясь».

Даже при всей близости перевода трудно узнать оригиналъ въ соотвѣтствующей пушкинской строфѣ, въ стилѣ рефрена:

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена-молода и проворна:
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.

И затѣмъ Пушкинъ чувствуетъ, что чего-то не достаетъ для музыкальности стиховъ, и прибавляетъ поощреніе-похвалу въ пѣсенномъ стилѣ, въ стилѣ рефрена

Подѣломъ тебѣ старый безстыдникъ!
Ай да баба! Отдѣлала(сь) славно!

Въ IX пѣснѣ переводъ менѣе близокъ съ точки зрѣнія текстуальной, и все-таки въ немъ нѣтъ ничего новаго, чего бы не было въ подлинникѣ, кромѣ недостающей

послѣднему живости, естественности. «Послушайте эхо нашихъ ружей,—сказалъ капитанъ» (Мериме). У Пушкина:

«Это что?»—
Удивясь они сказали:
«Эхо, что ли? Нѣтъ, не то!»

По тѣмъ же причинамъ переводъ Пушкина въ начальной строфѣ той же пѣсни отступаетъ отъ подлинника не въ смыслѣ, а въ тонѣ. «Наполеонъ сказалъ: что это за люди, что́ осмѣливаются мнѣ противиться? Я хочу, чтобы они явились и бросили къ моимъ ногамъ свои ружья и ятаганы, украшенные чернью». У Пушкина опять выходитъ картиннѣе, много задора въ похвальбѣ Бонапарта, удаченъ ритмъ угрозы маленькаго корсиканца, ожидается роковое столкновеніе «племени злого», горсти черногорцевъ, съ могучимъ полководцемъ и т. д. Послѣ ряда короткихъ вопросовъ идетъ угроза:

Такъ раскаются жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ!

Или немного дальше въ той же пѣснѣ: «Тогда капитанъ ихъ сказалъ, чтобы каждый солдатъ направилъ свое ружье, и чтобы каждый человѣкъ убилъ одного черногорца» (Мериме). Какъ мы видѣли, въ большинствѣ случаевъ Пушкинъ измѣняетъ живую рѣчь на косвенную, а здѣсь поступаетъ наоборотъ, чѣмъ достигается необыкновенная живость:

Стой! Пали! Пусть каждый сбросить
Черногорца одного!

Вообще, во всей IX пѣснѣ Пушкинъ относится къ подлиннику болѣе самостоятельно, чѣмъ въ другихъ пѣсняхъ, даже вставляетъ «мамлюковъ роты и косматыхъ кирасировъ», вмѣсто однихъ «драгунъ» подлинника,—такъ какъ небольшая и притомъ военная пѣсня черногорцевъ требовала, по мнѣнію переводчика, особаго стиля, особой живости, ритма и картинности. А особенность этого поэтическаго жанра, вмѣстѣ съ иной обстановкой и сравнительно поздней эпохой событія, давала ему право измѣнить тонъ сначала и до конца пѣсни. И тонъ великолѣпно выдержанъ.

VI.

До сихъ поръ мы разсматривали текстъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ» съ точки зрѣнія требованій народнаго эпоса вообще и только случайно касались изобразительныхъ средствъ эпоса славянскаго, конечно, повторяемъ, того эпоса, который могъ быть извѣстенъ Пушкину, и какимъ онъ представлялся поэту. Во-первыхъ, въ этихъ средствахъ поэтъ не отдѣляетъ русскихъ чертъ отъ сербскихъ, и все у него претворяется въ томъ «общеславянскомъ» тонѣ народной поэзіи, который у васъ господствовалъ долго, а иногда повторяется и въ наше время. Во-вторыхъ, чисто русская народная поэтика въ представленіи Пушкина была значительно «особенной», по сравненію съ подлинной, какъ и раньше до него—у Чулкова, Радищева, Карамзина, такъ и позднѣе—у Алексѣя Толстого, Мея, Сурикова и др. Это лишаетъ изслѣдователя возможности и даже права предъявлять строгія требованія къ такимъ произведеніямъ-«подражаніямъ», а въ данномъ случаѣ надо имѣть въ виду и состояніе изученія народной словесности въ то время, когда писалъ Пушкинъ.

Прежде всего, Пушкинъ угадывалъ и удачно замѣнялъ французскія слова подлинника русскими терминами, старинными или народными выраженіями или же тѣми же словами, но съ суффиксами спеціально русскими и т. д., какъ «комната»—«палаты» (I); «рабъ»—«холопъ»; «распростерся»—«билъ челомъ» (султану); «Jusquà la cheville»—«по щиколку»; «невѣрные»—«басурманы» (I, III и др.), «визиря»—«прислужниковъ» (I); «враги»—«недруги» (II); «врагъ»—«супротивникъ»; «сказалъ»—«молвилъ» (II, V, VIII и др.); «окно» «окошко» (II, V); «жена»—«жёнка» (II); «на уши»—«на бе«крень» (III); «напалъ»—«съ крыла ударилъ»; «двоюродные братья»—«друзья, родные»; «назвалъ», «назвать»—«нарекаетъ», «нарещи» (IV); «спросилъ»—«молвилъ»; «я убилъ»—«я сгубилъ» (понапрасну); «позвала»—«кликнула»; «говорили»—«стали баять»; «сказала»—«провѣщала» (голова); «заказалъ отслужить»—отпѣлъ панихиду»; «одѣты въ золото и шелкъ»—«въ шелковыхъ кафтанахъ» (V); «разстегнулъ» (поясъ)—«развилъ» (VIII); «показалъ»—«кажетъ»; «собаки-нехристи»—«басурмане»; «капитанъ»—«полковникъ» (IX); и т. п. Извѣстную долю колоритности придаютъ «Пѣснямъ» и формы уменьшительныя, какъ «огонечекъ» (II), «сестрица» (IV), «кустикъ» (V), кусточки» (VIII) и т. д.

Рядъ отдѣльныхъ мѣстъ у Пушкина кажутся выхваченными изъ сказки, былины, пѣсни, причемъ соотвѣтствующія выраже-

нія оригинала не давали, казалось бы, даже намека для такихъ стильныхъ переводовъ, напримѣръ, «я вижу слабый и дрожащій свѣтъ» — «вижу, вонъ, малый огонечекъ чуть-чуть брежжетъ» (II); «бей Янко былъ мертвъ» — «тутъ и смерть ему приключилась»; «мы не сможемъ скрыться отъ нихъ» — «намъ управиться съ ними невозможно» (III); и вернетъ тебя въ нашу страну» — «тебя изъ погибели вымчитъ»; «сталъ онъ думу думать» (IV); показалось бѣдной молодицѣ»; «воротился на свою сторонку»; «его привѣтно поздравляютъ»; «проводятъ время во всевозможныхъ развлеченіяхъ» — «только что пьютъ да гуляютъ» (V); «но здѣсь я не встрѣчаю ни одной дружественной фигуры» — «здѣсь не слышу добраго привѣта, не дождуся ласковаго слова» (V); «въ ней больше цекиновъ, чѣмъ камней въ твоей странѣ», — «тамъ цекины — что у насъ каменья»; «пуля разорвала мнѣ грудь» — пулю... ношу подъ сердцемъ» (VIII); вечеромъ» — «на закатѣ краснаго солнца». Особенно удачны два выраженія въ IV пѣснѣ: «мнѣ подбросили колдовство (sort), которое сдѣлало мнѣ распухшій животъ» — «испортили меня злые люди» и «заколдовали меня изъ мести» — «окормили».

Слѣдующую группу составляютъ обороты, на которыхъ лежитъ отпечатокъ стариннаго синтаксиса, какъ: «раскажемъ объ этомъ сраженіи» — «раскажемъ эту битву» (III); «убивать невѣрныхъ» — «воевать басурмановъ» (III). Наконецъ, славянскій характеръ усиливается частицами «али», «аль»; «что» въ значеніи «почему», «какъ» и «который»; «какъ» въ значеніи «когда»; нечленными формами прилагательныхъ; «до вострія» и т. п. И если одно мѣсто перевода, привѣтствіе «здравствуй Дмитрій Алексѣичъ» (V), ужъ слишкомъ руссифицируетъ пѣсню (славяне, какъ извѣстно, не называютъ по имени-отчеству), то и здѣсь Пушкинъ свободенъ отъ нареканій: онъ нашелъ его въ оригиналѣ: «да будетъ Богъ съ тобой, сынъ Алексѣя».

Музыкальная стройность у Пушкина въ народномъ духѣ (опять, конечно, размѣры здѣсь своеобразные) достигается еще такими повтореніями въ народномъ духѣ, какъ «но *никто* барабановъ не слышитъ, *никто* свѣта въ церкви Божіей не видитъ; лишь король то слышалъ и видѣлъ» (I). Этому мѣсту соотвѣтствуетъ неуклюжая и антиэпическая фраза у Мериме: «А вокругъ великаго короля Ѳомы стоятъ его вѣрные слуги, и ни одно ухо, кромѣ его собственнаго, не слышитъ этого ужаснаго шума». Султанъ у Пушкина велитъ дать Радивою «*не* бархатный кафатанъ, *не* парчевый»; и этотъ пріемъ заимствованъ не у Мериме, у котораго здѣсь — такая же тяжелая и чуждая эпичности фраза: «Кафтанъ, который будетъ носить онъ, будетъ болѣе драгоцѣнный, чѣмъ венеціанская парча» (brocard, sic). То же самое можно сказать о слѣдующихъ фразахъ у обоихъ поэтовъ. «*Кто* смутился, и *кто* усмѣхнулся» — «Его сосѣди начали улыбаться; его друзья покраснѣли, но ни одинъ не отвѣчалъ» (IV). Или: «*горько* плача и *жалостно* рыдая» — «проливая горькія слезы» (II). И ложнымъ пріемомъ подобной стройности слѣдуетъ назвать слѣдующую фразу у Мериме: «Для ихъ пушекъ тамъ есть пропасти, для ихъ драгунъ — утесы и для ихъ пѣхоты — 500 хорошихъ ружей». Это — отрывокъ изъ оффиціальной диспозиціи, а не изъ народнаго эпоса, и Пушкинъ избѣгъ ошибки, передавъ всю фразу чрезъ: «для коней и для пѣхоты камни есть у насъ и рвы» (IX).

Та же стройность въ духѣ народнаго эпоса наблюдается еще въ отрицательныхъ сравненіяхъ, одно изъ которыхъ, напримѣръ, въ 3 строфѣ подлинника Пушкинъ великолѣпно угадалъ: «Ce n'est point la chouette qui cause ce bruit étrange; ce n'est point la lune qui éclaire ainsi les vitraux de l'église de Kloutch; mais dans l'église» и т. д. (I). Иногда неудачныя выраженія Мериме превращались подъ перомъ русскаго поэта въ красивыя и музыкальныя сравненія; стоитъ сопоставить длинную фразу французскаго подлинника съ точнымъ соотвѣтствіемъ ей въ русскомъ текстѣ: «Но онъ ищетъ пустынныхъ мѣстъ, и ему нравятся пещеры, гдѣ живутъ гайдуки, такъ какъ сердце его обречено печали», — у Пушкина: «Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный» (II). Другія три сравненія у обоихъ поэтовъ вышли различными: «словно быкъ, испуганный оводомъ» — «словно волъ, ужаленный змѣею» (II); «я — какъ пересаженное во время лѣта дерево. Я сохну и умираю». — «Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ» (V); обезумѣвшій младшій сынъ гайдука сидитъ возлѣ матери, «какъ волкъ возлѣ ягненка», — онъ смотритъ на мать, какъ на спящую козу» (VI).

Стройность, въ большинствѣ случаевъ едва-ли отдѣлимая отъ музыкальности, достигается у Пушкина еще тѣмъ, что отвѣты прямо вытекаютъ изъ вопросовъ, какъ въ

устной славянской поэзіи. Напримѣръ, въ началѣ пѣсни, на вопросы о боязни Марнавича, у Мериме даются такіе отвѣты: «Нѣтъ бей Янко богатъ и могучъ. Никто не посмѣетъ назваться его врагомъ, такъ какъ по его зову сразу же выйдутъ изъ ноженъ болѣе двухъ сотъ сабель». Но раньше не было вопроса о бѣдности Янка, и пушкинскій двойной отвѣтъ на два вопроса вполнѣ подходитъ къ народнымъ образцамъ: «не боится бей Янко Марнавичъ ни враговъ своихъ, ни кровомщенья» (II).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ такими пріемами пушкинской поэтики, которые сравнительно легко поддаются анализу и могутъ быть иллюстрированы. Много можно было бы сказать о тѣхъ пріемахъ, которые нельзя такъ же распредѣлить по группамъ и которые не словами, не выраженіями, даже не музыкальностью, а самымъ духомъ говорятъ о художественно-эпическомъ чутьѣ Пушкина и объ отсутствіи его у Мериме. Но здѣсь у изслѣдователя кончается область приложенія научныхъ методовъ, и начинается всегда спорная область вкусовъ. Поэтому мы прекращаемъ наблюденія и ограничимся сравнительной характеристикой только одной пѣсни, совершенно неудачной въ подлинникѣ и удачно, по крайней мѣрѣ, исправленной у переводчика. Вся пѣсня «Jeannot» у Мериме похожа на «нравоучительный» разсказъ изъ хрестоматіи съ готовой моралью и попыткой реальнаго объясненія повѣрій о вурдалакахъ у «свиней-босняковъ», о которыхъ говоритъ французскій консулъ—одинъ изъ источниковъ Мериме. Особенно жалко и убого начало пѣсни. «Ваня долженъ былъ вернуться въ городъ и провести ночь на кладбищѣ. Между тѣмъ, онъ былъ трусъ болѣе подлый, чѣмъ женщина. Онъ трясся, какъ въ лихорадкѣ». Въ этихъ фразахъ нельзя угадать даже элементовъ для соотвѣтствующихъ живыхъ и не лишенныхъ эпической пластики стиховъ у Пушкина, хотя и его «Вурдалакъ» принадлежитъ къ числу наиболѣе слабыхъ пѣсенъ:

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный.
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.

Взявъ этотъ тонъ, тонъ шутливаго разсказа, но безъ отпечатка эпичности, по крайней мѣрѣ—тонъ занимательнаго дѣтскаго разсказа, Пушкинъ выдержалъ его до конца. Поэтому у него нѣтъ такихъ подробностей: «Ваня смотрѣлъ направо и налѣво», а вурдалакъ «ѣлъ въ своей могилѣ»; «я пропалъ: если онъ увидитъ меня», — говоритъ трусъ, — то захочетъ съѣсть, потому что я—такой жирный» и т. д. Хуже всего—послѣдняя строфа у Мериме: «Тогда онъ нагнулся, чтобы достать земли; но собака, которая глодала баранью кость, подумала, что онъ хочетъ отнять ее, вскочила на ноги и укусила его до крови». Вѣдь это—«благонамѣренный» разсказъ на тему, почему дѣти, да притомъ толстыя, не должны ходить ночью на кладбище, и какія отъ этого непріятности могутъ воспослѣдовать.

VII.

Юго-славянскую народную поэзію, точнѣе сербскую, Пушкинъ зналъ очень мало, меньше, чѣмъ русскую, и при переводѣ пѣсенъ изъ Мериме не пользовался изобразительными средствами первой. Быть можетъ, въ этомъ виденъ опять-таки тотъ художественный тактъ поэта, о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ: выражая сомнѣніе въ подлинности пѣсенъ Мериме, Пушкинъ въ то же время чувствовалъ, что дѣло здѣсь—не вполнѣ чистое, и поэтому самъ не сдѣлалъ ошибки путемъ обратнаго и вполнѣ уже искусственнаго приближенія своего перевода къ мнимому сербскому первоисточнику средствами, взятыми изъ подлинныхъ сербскихъ пѣсенъ изъ сборника Караджича. Гораздо естественнѣе было внесеніе имъ въ свой русскій переводъ чертъ русской же народной поэзіи, а не сербской. Поэтому мы не находимъ, повторяемъ, слѣдовъ такого же сближенія оборотовъ у Мериме съ сходными оборотами сербскихъ пѣсенъ, за исключеніемъ, пожалуй, одного выраженія, которое производитъ впечатлѣніе какъ бы выхваченнаго изъ сербской пѣсни: «они братовались и были по Богу братья» (II, у Мериме: «они поклялись; они дали клятву вмѣстѣ жить и умереть»). Изъ отдѣльныхъ югославянскихъ выраженій, внесенныхъ Пушкинымъ самостоятельно, укажемъ два: «собаки» — «гяуры-христіане» (I), «отшельникъ» (hermite)—«калуéръ» (серб. калуђер отъ греч. καλόγερος, VIII), и отмѣтимъ удачный выговоръ этнографическаго термина «съ своими бошняками» (III), основанный на живомъ произношеніи, а не на французской транскрипціи.

Не могъ и не имѣлъ случая познако-

миться Пушкинъ съ бытомъ южныхъ славянъ настолько, чтобы отнестись критически къ описанію его у Мериме или къ книжнымъ источникамъ послѣдняго. Если въ Бессарабіи Пушкинъ и видѣлъ болгарскія села, видѣлъ въ Кишиневѣ сербовъ, бесѣдовалъ съ ними и. т. д., то этого слишкомъ мало; кромѣ того, онъ видалъ тѣхъ и другихъ на чужбинѣ, а хорошихъ книгъ, которыя могли бы замѣнить ему непосредственное знакомство съ этимъ бытомъ, въ то время не существовало. Вотъ почему, нѣсколько разъ и всегда удачно исправляя сомнительныя бытовыя свѣдѣнія Мериме о славянахъ, поэтъ руководствовался скорѣе чутьемъ, чѣмъ фактическими справками. Изъ такихъ чертъ несвойственныхъ славянскому быту, укажемъ слѣдующія. Прежде, чѣмъ войти въ церковь, король Ѳома «взялъ лѣвой рукой уже испытанный въ вѣрности талисманъ и тогда болѣе спокойно вошелъ въ большую церковь Ключа». Пушкинъ почувствовалъ всю неумѣстность этого образа для православнаго человѣка или просто для славянина и замѣнилъ его вполнѣ реальнымъ образомъ: «Но великую творитъ онъ молитву и спокойно въ Божію церковь входитъ» (I). Послѣ вторичной просьбы посмотрѣть въ окошко, бей Янко у Мериме «взялъ свои четки» и началъ молиться, и затѣмъ еще разъ упоминается о нихъ: «когда онъ перечелъ свои четки» и т. д. У Пушкина не упоминается о четкахъ (II). Хотя сербы недуховные держатъ у себя въ домѣ четки, привезенныя изъ чтимыхъ монастырей, и хранятъ ихъ около иконъ, но молитва ихъ съ четками—картина совершенно неестественная, и представить православнаго славянина на молитвѣ въ такой именно обстановкѣ трудно. Выпущена въ той же пѣснѣ и другая подробность, какъ характерная скорѣе для католика,—о томъ, что Марнавичъ молился «на паперти съ скрещенными руками». Пѣніе съ гуслями подъ окнами дѣвушекъ и бросаніе мужчинамъ цвѣтовъ также необычно у сербовъ, почему Пушкинъ измѣнилъ подробности слѣдующаго мѣста: «И тогда, о Дмитрій, какая юная дѣва устоитъ, чтобы не позвать тебя изъ своего окна и не бросить тебѣ букетъ, когда ты настроишь свои гусли?» Весь этотъ отрывокъ измѣненъ и болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности:

И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ
И подарками тебя закидаютъ.

Незнаніе Мериме славянскаго быта заставило хозяйку напоить путника, который жалуется на жажду, «водой и молокомъ», а у Пушкина хозяйка «пошла за водою и прохожему вынесла ковшикъ» (VIII). Измѣненія и въ другихъ пѣсняхъ показываютъ, что Пушкинъ понималъ нравственный обликъ славянъ, быть можетъ, и нѣсколько своеобразно, въ духѣ славянофильства, но во всякомъ случаѣ представлялъ себѣ славянъ «смирными», смягчивъ слишкомъ энергичную фразу «сожгли всѣ города и деревни этихъ обрѣзанныхъ собакъ» оборотомъ «начинательнымъ» и выпустивъ все лишнее: «стали жечь турецкія деревни» (III). Изъ неумѣстной похвальбы умирающаго путника: я «былъ великимъ воиномъ, и рука моя не находила достаточно тяжелой для себя сабли»—онъ создалъ, въ данномъ случаѣ самостоятельно, завѣтъ умирающаго безъ подобной похвальбы, несвойственной славянину: «со мной положи мою саблю» (VIII). Наконецъ, какъ и славянофилы, онъ представлялъ себѣ славянскую идеальную «общину», прибавивъ отъ себя два раза, что на кладбище отправилась «вся деревна» (VIII), что «вся деревня» вышла навстрѣчу мужу Елены (IV), и т. п.

Славяне у Пушкина рисуются благочестивыми, и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ удобно было, поэтъ прибавлялъ отдѣльныя слова и выраженія, которыхъ нѣтъ у Мериме. Кромѣ указанныхъ въ другихъ мѣстахъ очерка примѣровъ, приведемъ еще слѣдующія вставки поэта. Король ощупью пробирался къ дверямъ церкви «и съ молитвой на улицу вышелъ» (I). Въ другомъ мѣстѣ той же пѣсни прибавлено: «великую молитву... творитъ онъ». Говоря, что Янко Марнавичъ «молился», Пушкинъ прибавилъ: «Богу» (II). Вурдалака похоронили на родовомъ кладбищѣ «съ молитвой», затѣмъ калуеръ потеръ тѣло мальчика землей изъ могилы вурдалака «и весь день творилъ надъ нимъ молитвы» (VIII). И при всемъ томъ, это благочестіе славянъ лишено тѣхъ крайностей, которыхъ легко было бы не избѣжать. Не столько, быть можетъ, личное убѣжденіе Пушкина въ ненужности славянской вражды на почвѣ конфессіональныхъ различій, сколько пониманіе имъ чисто-славянской терпимости въ этихъ вопросахъ, свойственной, пожалуй, однимъ славянамъ, заставило его совершенно выпустить слѣдующій дѣйствительно нелѣпый мотивъ въ пѣснѣ «Марко Якубовичъ» (VIII).

ТИПЫ ВОЕВОДЪ-ВОЖДЕЙ СЕРБСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы» Загребъ 1903).

Послѣ смерти путника Марко отвезъ его тѣло на кладбище, «не заботясь о томъ, что латинская земля будетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ трупъ грека-схизматика». Мериме снабжаетъ этотъ отрывокъ примѣчаніемъ: «Грекъ, попавшій на латинское кладбище, становится вампиромъ, и наоборотъ» (прим. 2).

Но зато всѣ свидѣтельства о культѣ Богоматери, какъ о чертѣ чисто-католической, всегда опускаются Пушкинымъ. «Когда прошло три дня—читаемъ у Мериме—Екатерина воскликнула: «пусть Святая Дѣва сжалится надъ вами и пусть отомститъ за васъ вашимъ врагамъ». У Пушкина молитва ея формулирована проще и естественнѣе, безъ упоминанія о Богоматери: «Господь Богъ! Помилуй наши души» (VI). Изъ III пѣсни выпущено «съ помощью Святой Дѣвы». Въ IV пѣснѣ фраза «клянусь вамъ именемъ Блаженной Дѣвы Маріи» измѣнена въ русскомъ переводѣ въ томъ же направленіи: Елена клянется «Богомъ и пречистымъ именемъ Маріи». Мнимый колоритъ религіозности, несвойственной славянской эпикѣ, устраненъ Пушкинымъ передѣлкой фразы «но Провидѣніе привело въ домъ Константина святого отшельника»—«къ Якубовичу калуеръ приходитъ» (VIII). Наконецъ, въ I пѣснѣ выпущено обращеніе къ «божественному Христу».

Наблюденія надъ различіями сравниваемыхъ текстовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о религіозныхъ мотивахъ, показываютъ, что Пушкинъ не свободенъ былъ отъ нѣкоторой тенденціи, но опять въ предѣлахъ того же невоинствующаго благочестія. Въ началѣ II пѣсни, когда прекрасная Елена съѣла отравленный плодъ, то «сотворила крестное знаменіе, но не почувствовала облегченія». Такимъ образомъ, Мериме рисуетъ, какъ бы безсиліе крестнаго знаменія. Пушкинъ пропустилъ всю фразу. Когда явился великанъ-вурдалакъ въ домъ Якубовича, то отшельникъ, по Мериме, «заклялъ его именемъ Іисуса». Пушкинъ пропустилъ эту фразу, потому что фактъ второго и третьяго появленій вурдалака, несмотря на призываніе такого великаго имени, говорилъ бы о безплодности подобнаго призыванія. Первый разъ калуеръ прогналъ вурдалака, у Пушкина, дымомъ кипарисовой вѣтки, второй—молитвой; о способѣ изгнанія при третьемъ появленіи уже не упомянуто. То же чутье, а не реальное знакомство съ бытомъ и характеромъ славянскихъ народовъ, заставило его пропустить такія мнимыя реальныя подробности, какъ упоминаніе о «великой мечети» въ Константинополѣ, куда султанъ хотѣлъ отправить голову боснійскаго короля Ѳомы, или о «дворцѣ» того же короля, о звучащихъ въ церкви «трубахъ», о томъ, что король выходитъ изъ комнаты въ церковь «съ своей саблей въ рукѣ» (I); о томъ, что Радивой былъ «великій бей», а селихтаръ «пашой»; что далматинцы намѣрены «перенести головы ихъ (невѣрныхъ) въ свою страну»; что славянскія войска сожгли не только деревни, но и «всѣ города» турокъ, какъ дѣло фактически невозможное (III); что старикъ-ловласъ и еврей-колдунъ жабу искололи «своими ятаганами» (V); но къ картинѣ: пандуры схватили скрывавшихся въ пещерѣ гайдуковъ и отсѣкли имъ головы—Пушкинъ прибавилъ: «и на копья свои насадили» (VI). Отшельникъ, по Мериме, взялъ изъ могилы вурдалака не только земли, но «и крови», и ею не только больной ребенокъ намазалъ свое тѣло, но «то же самое дѣлали Константинъ и Миліада» (VIII). У Пушкина нѣтъ этихъ подробностей, и около пяти разъ въ разныхъ пѣсняхъ пропущены имъ выраженія «въ горахъ», «въ горы» и т. п., которыми Мериме желалъ придать колоритъ экзотичности и всегда дѣлалъ это некстати.

Благодаря чутью эпики, удачно взятому тону пѣсенъ и пониманію духовнаго облика славянъ, цѣлый рядъ оборотовъ у Пушкина кажется взятымъ изъ настоящей былины или сказки, и во всѣхъ случаяхъ текстъ Мериме не даетъ даже намека на славянскій «оригиналъ», хотя бы нѣсколько искаженный французской передачей. Такова, напримѣръ, фраза: «Это было большое преступленіе—дать черной жабѣ имя великаго апостола», превращенная подъ перомъ Пушкина въ архаизованную чисторусскую по духу сентенцію: «Грѣхъ великъ—христіанское имя нарещи такой поганой твари» (IV). Или опасенія сосѣдокъ по поводу беременности Елены: «Но какъ это случилось, когда мужъ ея отсутствуетъ? Онъ поѣхалъ въ Венецію болѣе десяти мѣсяцевъ назадъ!» У Пушкина здѣсь все просто, сильно и въ духѣ русскаго эпоса: «Каково-то будетъ ей отъ мужа, какъ воротится онъ изъ-за моря?» (IV). «Хорошо,—говоритъ у Мериме усталый, умирающій путникъ пріютившему его сербу,—я желаю тамъ отдыхать, такъ какъ чувствую,

что постепенно умираю». И при переводѣ этой фразы Пушкинъ почувствовалъ всю дѣланность конструкціи, страннаго подбора выраженій во французскомъ текстѣ и художественно «возстановилъ» ее въ духѣ русскаго эпоса въ такомъ эпически стройномъ видѣ: «отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ, потому что мнѣ жить ужъ недолго» (VIII). Наконецъ, безъ сравненія съ текстомъ Мериме нельзя было бы даже догадаться, что фразы той же пѣсни: «Ребенокъ Константина имѣлъ блѣдныя губы и едва могъ ходить; печальный легъ онъ на солому, онъ, который любилъ бѣгать повсюду», переданы у Пушкина ближе къ тексту, въ то же время въ духѣ русской сказки, а не прямо взяты изъ какого-нибудь народнаго источника:

Сталъ худѣть сыночекъ у Марка,
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.

Вполнѣ удачными замѣнами мы назовемъ и такія, какъ «лучше хорошая пуля, чѣмъ агонія голода»—«лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда» (VI) и «Прощай, прощай, добрый путь»—«Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!» (VII). Первое слово послѣдней фразы это—дословный переводъ «Adieu» и вполнѣ соотвѣтствуетъ реальному сербскому привѣтствію при разставаніи. «Когда онъ (сынъ) вырастетъ, я научу его стрѣлять изъ ружья и переносить, какъ слѣдуетъ храброму воину»—«ужъ владѣетъ ятаганомъ и стрѣляетъ изъ ружья» (VII), а въ началѣ VIII пѣсни Пушкинъ выбросилъ подробность, что ребенокъ игралъ «саблей», такъ какъ вся мирная сцена дѣйствительно служитъ прекраснымъ контрастомъ для дальнѣйшихъ ужасовъ, когда появится на сцену вурдалакъ. «Крусичъ похитилъ мою старшую дочь, и она беременна уже шесть мѣсяцевъ. Я думаю, она родитъ здороваго и красиваго мальчика»,—эта фраза настолько уже неудачна, что Пушкинъ, не умѣя, быть можетъ, даже уяснить значенія всѣхъ подробностей, принужденъ былъ просто упомянуть о дочери и дать простую картину: «Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ; съ мужемъ ей не скучно тамъ» (VII).

VII.

О достоинствахъ Пушкина-переводчика съ сербскаго можно судить по прекрасной и цѣльной пѣснѣ «Соловей» (X), напечатанной Караджичемъ съ заглавіемъ «Три највеће туге» (въ изданіи (1824 года, ч. I, стр. 192). Это—одна изъ наиболѣе распространенныхъ сербскихъ пѣсенъ, и, какъ на фактъ этого, указываютъ обыкновенно на то, что въ изданіи Кухача «Južno-slovjenske narodne popievke» (Загребъ, 1878, ч. I, №№ 41—45) помѣщено пять мелодій ея, собранныхъ въ одной только Далмаціи. При всей близости къ подлиннику даже въ размѣрахъ, у Пушкина находимъ наиболѣе крупныя измѣненія въ слѣдующемъ. Первая забота молодца у него—«рано молодца женили», а въ оригиналѣ—«что мать не женила меня, молодого, рано». Это объясняется, какъ въ свое время указалъ П. Морозовъ, тѣмъ, что въ пушкинской копіи сербскаго текста вкралась неточность: вмѣсто «ме није мајка» и т. д.—«мене је мајка» и т.-д., т.-е первый слогъ отрицанія отнесенъ къ мѣстоименію, а второй принятъ за форму 3 л. ед. ч. глагола «быть» Во-вторыхъ, активный оборотъ—причина третьей заботы—въ сербской пѣснѣ: «что моя милая на меня разгнѣвалась», у Пушкина переданъ оборотомъ пассивнымъ: «красну дѣвицу со мною разлучили злые люди». Наконецъ, прибавлены три эпитета: эпитетъ соловья—птица лѣсная (въ рукописи Пушкина—«ночная»); воды—ключевая; заботъ—великія. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ пріемѣ переводчикъ повторилъ излюбленный свой пріемъ, которымъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ пользовался при переработкѣ текстовъ Мериме. Затѣмъ въ той же пѣснѣ измѣнено основаніе для антитезы въ сербскомъ оригиналѣ: «ты (соловей) всѣмъ дала покой, а мнѣ-молодцу доставила три печали», у Пушкина же въ основу антитезы положена другая мысль: «у тебя ль, у малой птицы—незамѣнныя три пѣсни; у меня ль, у молодца—три великія заботы». Пропущено въ перечисленіи второй заботы «на моемъ сердечкѣ» и третьей—«на моемъ сердцѣ». Красивая картина: что мой вороной конекъ «подо мною не пляшетъ» замѣнена болѣе прозаическимъ: «воронъ конь мой притомился». Пропущены, вѣроятно, потому, что для русскихъ читателей потребовался бы реальный комментарій, размѣры могилы: «шириной въ два копья, а въ длину—четыре». Наконецъ, вліяніемъ русской поэзіи объясняются такіе неточные переводы, несвойственные южно-славянскимъ пѣснямъ, какъ «забота» вм. «печаль» («туга»); «алы цвѣтики-цвѣ-

точки» вм. «роза»; «красны дѣвки» вм. «молодыя».

Пѣсня XIV, «Сестра и братья», переведена изъ Караджича; въ изданіи 1824 года она озаглавлена: «Бог ником дужан не остаје» (ч. I, стр. 305), т.-е. «Богъ ки у кого не остается въ долгу». Прежде всего—относительно заглавія. Очевидно, Пушкинъ взялъ заглавіе готовымъ изъ сербской же пѣсни, но не изъ той, которую переводилъ, а изъ напечатанной у Караджича непосредственно передъ указанной выше. Она также считается одной изъ лучшихъ въ сербской поэзіи, обошедшей почти всѣ хрестоматіи, пѣсенники и сборники. И въ ней сохранены размѣры подлинника (только съ послѣдняго отвѣта Павлихи вмѣсто 10-тисложнаго стиха начинаются 11, 12 и 13-тисложные). Наиболѣе характерныя мѣста переданы съ вполнѣ-текстуальной точностью, прекрасно сохраненъ колоритъ полнаго трагизма разсказа и т. д. Крупныхъ отличій почти нѣтъ: «сестрица се брату кунијаше» (клялась)—«Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ»; «скочи Павле, кан да се помами» (словно съ ума сошелъ)—«вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это»; «растргни ме на четири стране»—«пусть они мое бѣлое тѣло разорвутъ на четыре части»; «гдѣ је она сама собом пала»—«гдѣ осталось ея бѣлое тѣло» и др. Не переводомъ, дѣйствительно труднымъ, а скорѣе объясненіемъ надо назвать «алые цвѣточки», какъ и въ предыдущей пѣснѣ, вм. «смиље и ковиље» подлинника. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ сохранилъ даже двойную риѳму въ одномъ стихѣ подлинника, хотя ему пришлось вставить послѣднія слова отъ себя: «очи пију, у траву се крију»—«пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи». Удачное сокращеніе—«рано утромъ», вмѣсто цѣлаго предложенія подлинника: «и когда утромъ утро разсвѣтало». Иногда для оживленія прибавляется «вотъ». Оставлены безъ перевода фразы: «Когда это услыхала молодая Павлиха» (два раза), «Когда это увидѣлъ Павелъ хозяинъ», «Когда это услыхалъ Павелъ хозяинъ» и др. Выраженіе подлинника «растеніе для ненависти» (биље од омразе) Пушкинъ распространилъ въ цѣлую фразу: «Зелія такова, чтобъ сестра омерзѣла братьямъ». Наконецъ, клятва перенесена въ отвѣтъ Елицы, прибавлены или замѣнены эпитеты «золоченая колыбелька», «поясной ножъ»—«ножъ злаченый».

Если переводъ двухъ разсматриваемыхъ пѣсенъ изъ сборника Караджича можно назвать удачнымъ, то въ полномъ смыслѣ шедевромъ въ этомъ дѣлѣ будетъ пѣсня, названная Анненковымъ въ первомъ ея изданіи «Отрывкомъ» и съ этимъ названіемъ перешедшая во всѣ послѣдующія изданія (въ настоящемъ—«Что бѣлѣетъ», *Ред.*). Пѣсня XVII (13 первыхъ стиховъ сербскаго подлинника, а послѣ находки И. Шляпкина—26) справедливо считается жемчужиной хорватской народной поэзіи, и пушкинскій переводъ обыкновенно признается близкимъ къ подлиннику; очевидно, подъ послѣднимъ терминомъ здѣсь понимаютъ или близость прозаическаго текста Мериме «Triste ballade de la noble épouse d' Asan-Aga» къ пѣснѣ народной, которая послѣднему была извѣстна по итальянскому переводу аббата Фортиса (во французскомъ переводѣ «Путешествія» Фортиса озаглавлена: «Chanson sur la morte de l'illustre épouse d'Asan-Aga», 143), или близость пушкинскаго перевода къ тексту Караджича, который самъ перевелъ балладу на сербскій яз. и сдѣлалъ это артистически.

Это единственная изъ всѣхъ «Пѣсенъ западныхъ славянъ», которая и раньше существовала въ русскомъ переводѣ А. Х. Востокова, и была напечатана въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 годъ (стр. 277—278 [1]). Кромѣ того, въ переводѣ Гёте она напечатана была въ первомъ выпускѣ «Volkslieder» Гердера (1778) съ заглавіемъ «Klaggesang von der edeln Frauen des Asan-Aga», а во французскомъ переводѣ помѣщена въ 1821 году въ романѣ Шарля Нодье «Smarra ou les Demons de la nuit. Sondes romantiques, traduits de l'esclavon du Camil Maxime Odin» [2]. Это одно показываетъ давнишній интересъ поэтовъ и ученыхъ къ пѣснѣ и возбуждаетъ интересъ къ ней изслѣдователя «Пѣсенъ западныхъ славянъ». Интересно также, что этотъ лучшій переводъ Пушкина не былъ помѣщенъ имъ ни въ «Библіотекѣ для чтенія» за 1835 годъ, ни въ 4 книгѣ «Стихотвореній», и 13 стиховъ впервые появились въ «Матеріалахъ» Анненкова 1855 года, а остальные въ книгѣ И. Шляпкина «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (стр. 32). О своемъ источникѣ Мериме говоритъ въ письмѣ къ С. А. Со-

[1]) Тамъ же помѣщены переводы Востокова еще трехъ сербскихъ пѣсенъ изъ сборника Караджича: «Яня Мизеница», «Сестра девяти братьевъ» и «Дѣвица и солнце».

[2]) Ср. Oeuvres de Charles Nodier. Paris. 1832. T. III, 149.

болевскому отъ 18 января 1835 года и называетъ пѣсню «настоящей иллирійской». Дѣйствительно, она не даромъ привлекала вниманіе западныхъ писателей, и съ текстомъ ея познакомились на Западѣ еще въ 1778 году черезъ Гердера; затѣмъ о ней высказалъ свое мнѣніе Гёте, сразу же бросившій сомнѣніе относительно остальныхъ пѣсенъ Мериме. Въ новѣйшее время она болѣе правильно называется «хорватской», а не «сербской», хотя Мериме пріурочиваетъ ее безъ всякихъ основаній къ Боснѣ (примѣчаніе 1).

При чтеніи пушкинскихъ переводовъ, «Что бѣлѣетъ» замѣтно выдѣляется изъ остальныхъ пѣсенъ, связанныхъ съ именемъ Мериме, и особеннымъ размѣромъ, и выдержанностью стиля, и болѣе подходящими къ духу сербскихъ пѣсенъ выраженіями и т. д. Это, повторяемъ,—одно изъ немногихъ среди «Пѣсенъ западныхъ славянъ» вполнѣ цѣльное и художественное произведеніе. И дѣло заключается не въ красотахъ оригинала, а въ томъ, что подлинникомъ для Пушкина служилъ не столько переводъ Мериме, сколько переводъ-сочиненіе такого чуткаго артиста по части сербской эпики и лирики, какимъ былъ Вукъ Караджичъ, который необыкновенно умѣло, артистично, тонко, не безъ проникновенности перевелъ съ итальянскаго перевода на сербскій языкъ, угадавъ и размѣры [1]), и выраженія, и общій духъ утраченнаго или же пока не записаннаго сербскаго оригинала, которымъ воспользовался итальянскій аббатъ-туристъ XVIII вѣка. Свой переводъ Караджичъ внесъ въ вѣнское изданіе сербскихъ пѣсенъ 1814 года («Мала простонародна Славяно-Сербска песмарица», стр. 163), нисколько не скрывъ источника, и перепечатавъ ее въ изданіи 1824 года съ оговоркой—надеждой когда-нибудь услышать подлинникъ отъ краинца или далматинца (Предисловіе, стр. XVI).

Что переводъ поражаетъ своей точностью во всѣхъ отношеніяхъ, объ этомъ можно не распространяться. Пушкинъ пользовался нѣсколькими текстами. Изъ текста Караджича имъ сохранены слова «люба» (два раза) и «кадуна»; но «у гори зеленој» передано не «у зеленаго лѣса», а «на горѣ зеленой» въ зависимости отъ «sur ces collines verdoyantes» Мериме (стр. 251). Зависимость Пушкина отъ текста Востокова видна, быть можетъ, изъ перевода «у двору бјелому» чрезъ «въ моемъ бѣломъ домѣ» (Востоковъ: «въ дому моемъ» у Мериме—«dans ma maison blanche»). Такимъ образомъ, трудно согласиться съ И. Шляпкинымъ, что «Пушкинъ здѣсь совершенно независимъ отъ Мериме и Востокова» (стр. 33).

[1]) Впрочемъ и Мериме приводитъ изъ Фортиса два сербскихъ стиха (см. выше) какъ «нѣсколько темные».

VIII.

Для пѣсенъ XI и XII, «Пѣсня о Георгіи Черномъ» и «Воевода Милошъ», источники не найдены, почему сравнивать ихъ тексты не съ чѣмъ, и Анненковъ первый сдѣлалъ правдоподобное предположеніе, что Пушкинъ самъ сочинилъ ихъ по мотивамъ сербской народной поэзіи. Такъ на нихъ смотрятъ до настоящаго времени, и попытки найти для нихъ какіе-нибудь книжные источники имѣютъ очень мало шансовъ. Обѣ пѣсни касаются не только современныхъ Пушкину событій, но больше того: живя въ Кишиневѣ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда волна греческаго возстанія выбросила изъ «страны героевъ и боговъ» массы эмигрантовъ въ Бессарабію, живо увлекаясь всѣмъ, что касалось борьбы угнетаемыхъ полумѣсяцемъ народовъ за свободу, народовъ, поднявшихся для «росторженія рабскихъ веригъ», поэтъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ борьбѣ, въ которой принялъ участіе Байронъ. И естественно, взоръ его долженъ былъ обратиться прежде всего къ сербамъ, которые незадолго передъ тѣмъ подняли такое же возстаніе противъ турокъ-притѣснителей, вели его съ успѣхомъ и въ значительной степени добились политической свободы. Поэтому разсказы о недавнемъ прошломъ, разсказы участниковъ и очевидцевъ возстанія, главныхъ воеводъ Георгія Чернаго, героевъ, воспѣтыхъ сербами-гуслярами, были теперь особенно живыми, казались уже не прошлымъ, а свѣжими страницами настоящаго,—и въ центрѣ такихъ разсказовъ была личность Кара-Георгія. Припомнимъ еще, что въ 1816 году Кара-Георгій пріѣзжалъ въ Петербургъ для представленія Александру I, и тогда еще разсказы о необыкновенной наружности и героизмѣ освободителя сербовъ могли заинтересовать Пушкина-лицеиста, какъ интересовали они многихъ петербуржцевъ.

Съ воеводами Георгія Чернаго Пушкинъ встрѣчался, между прочимъ, у Ли-

пранди, который могъ сообщить цѣнные комментаріи къ ихъ разсказамъ. Въ самомъ Кишиневѣ жили въ это время главный секретарь Кара-Георгія Джуричъ, бывшій комендантъ Смедерева Иличъ, бывшій комендантъ Шабца Лазаревичъ, воевода крушевацкій Симоновичъ, воевода Чарапичъ, въ Хотинѣ жили Алекса Карагеоргіевичъ и воевода валевскій Ненадовичъ.

Главари етеріи также понимали все значеніе привлеченія къ своему дѣлу сербовъ; еще въ 1817 году уговаривали Кара-Георгія покинуть Россію (съ 1813 года онъ жилъ въ г. Хотинѣ на сѣверѣ Бессарабіи) и вернуться въ Сербію для подготовленія возстанія. И если мы припомнимъ главныя черты образа Кара-Георгія, сложившіяся въ представленіи сербовъ-современниковъ и закрѣпленныя не въ пѣсняхъ, а въ мемуарахъ, то найдемъ, что матеріалъ для Пушкина былъ вполнѣ надежный, и что именно послѣдній онъ передалъ въ художественныхъ образахъ. У Пушкина взятъ всего одинъ моментъ изъ исторіи этого возстанія, правда, необыкновенно характерный, эпичный, цѣльный и сильный,—убійство Кара-Георгіемъ своего отца (на самомъ дѣлѣ—не родного). Надо отдать поэту справедливость: безъ этого факта вся фигура «грозы луны, свободы воина» теряетъ все обаяніе, и не даромъ объ этомъ отцеубійствѣ не разъ говорятъ сербы-современники и иностранные туристы начала XIX вѣка [1]).

Вотъ главные варіанты этого эпизода. Георгій вмѣстѣ съ семьей бѣжалъ изъ Бѣлграда въ Сремъ, т.-е. въ Австро-Венгрію, и когда бѣглецы ожидали переправы у рѣки Савы возлѣ Дубоко, отецъ Георгія, по имени Пѣтро, потерялъ увѣренность въ успѣхѣ дѣла и сталъ малодушествовать. Онъ хотѣлъ вернуться и началъ убѣждать сына бросить дѣло: иначе онъ, старикъ, донесетъ бѣлградскому пашѣ. Съ этими словами Пѣтро направился по дорогѣ къ Бѣлграду. «Останься съ нами, не уходи и раздѣли общую участь!»—закричалъ Георгій вслѣдъ ему. И вдругъ вынулъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлилъ въ отца, тихо сказавъ при этомъ:

— Лучше погибнуть тебѣ одному, чѣмъ всѣмъ намъ!

Другой варіантъ прибавляетъ, что и мать-старуха была на сторонѣ сына, понимала весь ужасъ и позоръ прекращенія народнаго дѣла, назвала мужа «сумасшедшимъ и велѣла Георгію силой остановить старика. Георгій три раза направлялъ пистолетъ (или ружье) въ спину удалявшагося отца, но рука дрожала и опускалась. Тогда мать закричала:

— Гдѣ твоя твердая рука и вѣрный глазъ? Отправь его туда, гдѣ турки ужъ не услышатъ его!

Георгій передалъ пистолетъ (или ружье) товарищу Остричу и сказалъ приблизительно то же, что и въ первомъ варіантѣ:

— Стрѣляй! Не должны столько людей погибать изъ-за одного. Пусть лучше одинъ погибнетъ. Если существуетъ правда, если это угодно Богу, то ты попадешь въ него.

Сопоставленіе обоихъ варіантовъ показываетъ намъ, къ чему направлено было народное сознаніе. Очевидно, къ тому, чтобы хотя чѣмъ-нибудь смягчить весь ужасъ отцеубійства, и на сцену являются голосъ матери, робость сына, новые мотивы, оправдывающіе преступленіе, наконецъ, старикъ погибаетъ не отъ руки сына. Прибавляютъ еще, что Георгій велѣлъ съ честью похоронить отца и совершать поминки по немъ.

Остальные варіанты можно не приводить (они собраны въ новѣйшей монографіи Миленка Вукичевича о Кара-Георгіи). Для нашихъ цѣлей важно только то, что Пушкину была извѣстна не одна версія: объ этомъ говоритъ его же примѣчаніе къ пѣснѣ: «по другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ» и т. д. Почему Пушкинъ не воспользовался тѣми подробностями изъ разсказанныхъ выше, которыя смягчаютъ картину отцеубійства? Мы думаемъ, что въ глазахъ его сложился цѣльный образъ «преступника и героя», который «и ужаса людей, и славы былъ достоинъ» («Дочери Кара-Георгія)». Ему нужно было примирить «ужасъ людей» со «славой», а послѣдняя густымъ ореоломъ окружала героя, рисовала его человѣкомъ необычайно твердой воли, способнымъ устранять съ пути всякія препятствія, гордымъ, одинокимъ и т. д. Поэтому, если поэтъ и зналъ о роли матери въ преступленіи, то долженъ былъ не только замолчать ее, но еще придать своему герою образъ одиночества во всемъ, даже въ борьбѣ за общее дѣло. И вотъ, у него является окончаніе пѣсни, мотивъ котораго не извѣстенъ ни одному современному преданію, ни одному свидѣтельству мемуаровъ и т. д.,

[1]) Особенно Ami Boué «La Turquie d'Europe». Paris. 1840.

Остается еще сказать объ отношеніи «Пѣсни о Георгіи Черномъ» къ «Сербіянкѣ», героической поэмѣ сербскаго писателя Симы Милутиновича Сарайліи (1791—1848), воспитателя черногорскаго князя Петра Петровича Нѣгоша. Не забудемъ, что «сербскій Оссіанъ» и пѣвецъ возстанія, Милутиновичъ писалъ «Сербіанку» въ Кишиневѣ и въ 1821—1825 годахъ, гдѣ жилъ съ 1819 по 1825 годъ, пользуясь пособіемъ отъ русскаго правительства, и издалъ ее въ Лейпцигѣ въ 1826 году. Возможно, что Пушкинъ зналъ поэму если не всю, то, по крайней мѣрѣ, тѣ отрывки, которые имѣютъ отношенія къ попавшимъ въ «Пѣсни западныхъ славянъ» сюжетамъ. Такъ, во второй книгѣ «Сербіанки» разсказывается приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ объ убійствѣ Кара-Георгіемъ отца. Старикъ убѣждаетъ сербовъ-бѣглецовъ и сына вернуться и грозитъ:—«Ага... такъ знайте же, что вотъ иду я къ туркамъ, сейчасъ же, сію минуту иду въ Бѣлградъ и донесу имъ на васъ. Вотъ что будетъ, если вы не послушаетесь меня!— Сказалъ онъ это и сталъ спускаться внизъ въ оврагъ, по направленію къ дорогѣ».

Здѣсь интересно упоминаніе даже объ оврагѣ (јаруга), чего нѣтъ въ общераспространенныхъ преданіяхъ, но есть у Пушкина («Не два волка въ оврагѣ грызутся»...) и въ разсказѣ Йокича, участника возстанія, человѣка, близкаго къ главному вождю сербовъ въ этомъ дѣлѣ. Однажды, уже послѣ окончанія возстанія, на охотѣ Кара-Георгій вспомнилъ мѣсто, гдѣ убитъ былъ отецъ, и сказалъ спутнику: «Видишь ли, Петро, этотъ красный оврагъ?»—«Вижу, господарь»,—отвѣчалъ Йокичъ. «Тамъ зарытъ мой отецъ». Этимъ разговоръ и кончился.

Продолжаемъ пересказъ по Милутиновичу. Сербы стали упрашивать старика остаться. Георгій все время молчалъ, затѣмъ говоритъ: «Ей, остановись, отецъ. Куда ты прешь?» Отецъ не слушаетъ и продолжаетъ ворчать. «Воротись, отецъ,— кричитъ Георгій,—грѣхъ на твоей душѣ! Вернись сюда: иначе погибнешь. Послушайся меня первый и послѣдній разъ!» «Тогда Георгій прицѣливается въ спину, между плечъ, и при выстрѣлѣ говоритъ: «Лучше—одинъ, чѣмъ такое множество!» (стр. 18—19). И прозвище, по Милутиновичу, дано матерью, но не сейчасъ же послѣ убійства, а позднѣе, когда Георгій вернулся въ Сербію: «Завопила баба: «Ей, мой сынокъ Черный! Что сдѣлалъ ты съ своей матушкой?...» (стр. 26). И турки, по Милутиновичу, стали звать Георгія Чернымъ, но уже по другой причинѣ: «послѣ необыновенно удачной войны, за то, что онъ всюду началъ разбивать ихъ».

Вотъ главныя точки соприкосновенія пушкинской пѣсни и «Сербіянки», правда, не дающія основаній для текстуальнаго сходства и говорящія, по нашему убѣжденію, скорѣе объ одинаковыхъ преданіяхъ, какъ первоисточникахъ для обоихъ писателей. Что Милутиновичъ, какъ сербъ, вообще близко держался народныхъ текстовъ, видно хотя бы потому, что Гергардъ внесъ въ свои переводы сербскихъ народныхъ пѣсенъ на нѣмецкій языкъ кое-что изъ «Сербіянки», какъ и Караджичъ изъ такой же искусственной поэмы Петра Нѣгоша «Горскій вѣнокъ» [1]).

X.

Къ той же «Сербіянкѣ» Милутиновича долженъ обратиться изслѣдователь и при изученіи XII пѣсни «Воевода Милошъ».

Милошъ I Обреновичъ, котораго воспѣваетъ и Милутиновичъ, правилъ Сербіей въ 1817—1839 годахъ, т.-е. въ то время, когда Пушкинъ былъ въ Бессарабіи, впервые знакомясь съ сербской устной поэзіей, и затѣмъ, когда поэтъ жилъ уже на сѣверѣ Россіи, сохраняя, конечно, интересъ къ славянскому міру. Въ числѣ лицъ, подписавшихся на «Сербіянку», значится воевода Милошъ, внесшій деньги за 100 экземпляровъ.

Милошъ считается виднымъ борцомъ за свободу сербскаго народа, а предъ его правленіемъ въ Сербіи съ необыкновенной силой повторялись турецкія звѣрства, рисующія всю тяжесть мусульманскаго гнета былыхъ временъ, съ которымъ связано все прошлое сербовъ на пространствѣ четырехъ столѣтій—послѣ паденія ихъ политической самостоятельности. Записки современниковъ сохранили ужасающія подробности о томъ, что творилось въ Сербіи, какъ сербовъ дѣйствительно «заѣдали волки-янычары». Живя въ Кишиневѣ, Пушкинъ, навѣрное, не разъ слышалъ отъ очевидцевъ разсказы о томъ, какъ турки поджаривали живыхъ

[1]) Оцѣнку этнографическаго матеріала Милутиновича см. у A. Soerensen'a, Beitrag zur Geschichte der Etwickelung der serb. Heldendichtung Archiv für slav. Philologie. Bd. XVII, глава «Die Milutinovic'sche Liedersammlung», 198—253.

сербовъ, привязывали къ ногамъ ихъ камни и затѣмъ подвѣшивали или топили, сажали на колъ, оскорбляли женщинъ, уводили дѣвицъ въ гаремы и т. д. Что здѣсь не картина въ общихъ тонахъ, которую найдемъ въ любомъ историческомъ романѣ изъ этой эпохи, говоритъ, между прочимъ, упоминаніе Пушкинымъ о цыганахъ («Или вы ужъ не сербы—цыганы?»). Оно имѣетъ реальный смыслъ, такъ какъ цыгане-магометане безъ всякаго опасенія имѣли въ это самое время право обижать православныхъ сербовъ и, встрѣчаясь съ ними по дорогѣ, просто снимали одежды, оставляя имъ свои лохмотья. На это есть прямыя свидѣтельства современниковъ.

Нѣсколько сходныхъ мѣстъ въ «Воеводѣ Милошѣ» можно привести изъ «Сербіянки» Милутиновича, но конечный выводъ о заимствованіяхъ будетъ такой же, что и относительно разобранной выше пѣсни. Напримѣръ, у Милутиновича говорится: «содрогаться станутъ сербскій народъ и его старшины («кнезы»), и станутъ у нихъ волосы дыбомъ... при грусныхъ злодѣяніяхъ турокъ, при отниманіи женъ и дѣвицъ, убійствѣ виновнаго и невиновнаго, осквернены вѣры и храмовъ» (I, стр. 80). Или для мотива укора гусляровъ: «и отъ этого начнутъ говорить имъ (сербамъ) въ глаза, что опечалили они совѣсть народную..., что осиротѣлъ народъ: нѣтъ имущества, нѣтъ ни житья» (тамъ же). Въ III пѣснѣ «Сербіянки» слѣпецъ Филиппъ Вишньичъ предлагаетъ дать ему сотню слѣпцовъ, и съ ними онъ готовъ напасть на турокъ: пусть люди увидятъ слѣпыхъ юнаковъ, а за ними пойдутъ на притѣснителей и зрячіе. И на это предложеніе начальникъ отряда укоряетъ сербовъ: «смотрите, братья и славная дружина, что говорятъ и наши слѣпцы! Что же каждый изъ насъ долженъ дѣлать?—Презирать всѣ ужасы войны» и т. д. (стр. 74). Можно привести еще нѣсколько мѣстъ, но все это—общія мѣста, правда, говорящія скорѣе только объ одинаковыхъ преданіяхъ у обоихъ поэтовъ. Находить сходство между «Сербіянкой» и пѣснью Пушкина очень трудно: общіе моменты, даже въ болѣе близкой формѣ, найдутся и въ любомъ стихотвореніи сербскихъ поэтовъ-патріотовъ, вдохновлявшихъ свой народъ на борьбу противъ турокъ, и даже въ любой газетной статьѣ второй половины 70-хъ годовъ, когда выработался особый стиль при описаніи турецкихъ звѣрствъ, и не даромъ въ «Дневникѣ писателя» въ февралѣ 1877 года Достоевскій очень кстати припоминаетъ кое-что изъ пушкинскихъ «Пѣсенъ».

Въ заключеніе разбора «Воеводы Милоша» мы должны снять съ Пушкина незаслуженный упрекъ въ измышленіи. Именно проф. П. Лавровъ говоритъ, что «нигдѣ не упоминается Велійское ущелье при разсказѣ о возстаніи Милоша, и напрасно воевода Милошъ названъ «старый сербинъ» если этимъ нашъ поэтъ хотѣлъ отмѣтить его происхожденіе изъ старой Сербіи» («Пушкинъ и славяне», РѢчь, стр. 13). Голословное обвиненіе не имѣло бы мѣста, если бы авторъ обратился хотя бы къ учебнику сербской исторіи для среднихъ школъ, гдѣ онъ нашелъ бы подробныя свѣдѣнія. Въ концѣ апрѣля 1815 года, послѣ первыхъ битвъ у Любича и Чачка, т.-е. въ началѣ войны, нѣсколько сербскихъ воеводъ и кнезовъ, служившихъ при Карагеоргіи, явились изъ Срема, чтобы помочь въ борьбѣ противъ турокъ, и Милошъ рѣшилъ соединиться съ ними. Для этого онъ сдалъ команду надъ любичскимъ отрядомъ брату своему Іовану, а Милича Дринчича послалъ противъ турокъ, засѣвшихъ въ Вальевѣ. При помощи сремскихъ воеводъ, 14—16 мая Вальево было очищено отъ турокъ, затѣмъ сюда прибылъ Милошъ и отсюда сталъ готовиться, чтобы вернуть Любичъ и Чачакъ [1]). Называть же Милоша «старымъ сербиномъ» на основаніи его происхожденія изъ Старой Сербіи, этого Пушкинъ не желалъ; кромѣ того, это было бы не больше, какъ дешевой игрой словъ. Не могъ назвать его онъ просто «старымъ» потому, что Милошъ въ періодъ возстанія былъ молодъ (Милошъ родился въ 1780 году), и весь эпитетъ равносиленъ «старому казаку» русскихъ былинъ (обыченъ для Ильи Муромца).

Совершенно особое мѣсто съ точки зрѣнія техники занимаетъ пѣсня XVI, «Конь», снова возвращающая насъ къ «Гузлѣ», но въ то же время и къ Караджичу. «Коня Ѳомы II» слѣдуетъ отнести къ удачнымъ импровизаціямъ Мериме, съ цѣлымъ запасомъ изобразительныхъ средствъ эпики, выдержаннымъ по настроенію, съ самыми незначительными фальшивыми нотками, ко-

[1]) М. Вукићевић. Историја српскога народа. Друга књига. Београд. 1906, стр. 95—96. Разсказы о Милошѣ современниковъ собраны М. Милићевић'емъ «Кнез. Милош. у причама» (Београд. 1891).

торыя всегда умѣлъ скрасить Пушкинъ, несмотря на то, что здѣсь его переводъ сравнительно близокъ къ французскому тексту. И при всей близости, «Конь» Пушкина—прекрасный отрывокъ изъ вполнѣ славянскаго по духу и по техникѣ эпоса: все зависитъ отъ артистичности перевода.

Прежде всего, опустивъ имя короля Ѳомы, названіе Босны (да еще плодородной»), терминъ «невѣрный», замѣненный «суровымъ врагомъ», Пушкинъ не только отнялъ у пѣсни ея мнимый боснійскій характеръ и даже сербскій, но придалъ ей характеръ общій, который можно пріурочить къ любому славянскому народу, хотя, казалось бы, ни одно слово, ни одно названіе не намекаютъ здѣсь на славянъ. Стоитъ только вдуматься во весь смыслъ прибавленій слѣдующихъ вопросовъ коню: «не потряхиваешь гривой», «не грызешь своихъ удилъ», «или я тебя не холю, али ѣшь овса не въ волю,... аль поводья не шелковы?»; въ смыслѣ пропуска «печально» при «ржешь» и въ замѣну его цѣлымъ фигуральнымъ образомъ: «что ты шею опустилъ?»; въ замѣну «золотыхъ гвоздей» на серебряныхъ подковахъ новыми подробностями эпическаго характера—«не злачены стремена?» и т. д.,—чтобы понять, почему одно здѣсь прибавлено, а другое убавлено. Сколько спокойствія, пластики и музыки въ рядѣ вставокъ Пушкина въ отвѣтъ коня: «я слышу топотъ дальній, трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ... Въ полѣ ужъ недолго мнѣ гулять, проживать въ красѣ и холѣ, свѣтлой сбруей щеголять... У Пушкина конь не «плачетъ», а его шаблонный эпитетъ «прекрасный» замѣненъ необыкновенно оттѣняющимъ здѣсь всю нынѣшнюю печаль коня, «ретивый» и т. д. Далѣе, пропущены «серебряные бубенчики на твоей шеѣ», дѣйствительно едва ли идущіе боевому коню и неоправдываемые реальной необходимостью для боевого коня—соблюдать тишину при движеніи. Какъ красива и пластична замѣна первой фразы въ отвѣтѣ коня: «я плачу, мой господинъ»—такимъ простымъ и опять рисующимъ картину контраста: «я присмирѣлъ». А вставка, не находящая соотвѣтствія у Мериме: «оттого мой духъ и ноетъ», кажется выхваченной изъ народной пѣсни, хотя такого именно выраженія въ сербскихъ пѣсняхъ нѣтъ. Всегда удачно прибавленъ цѣлый рядъ эпитетовъ, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ подлинникѣ, какъ, напримѣръ: злаченыя стремена, шелковыя поводья, дальній топотъ, трубный звукъ, свѣтлая сбруя, суровый врагъ, легкія ноги, вспотѣвшіе бока и др.

Меньше всего можно сказать о пѣснѣ XV—«Янышъ Королевичъ». Самъ Пушкинъ слишкомъ осторожно говоритъ въ примѣчаніи о ея происхожденіи, указывая только на «длинноту подлинника», не сообщая даже, о какомъ языкѣ идетъ здѣсь рѣчь. Обыкновенно она считаетъ «чешскимъ народнымъ сказаніемъ», и существуютъ попытки сблизить ее, по крайней мѣрѣ, по внѣшнимъ даннымъ, съ чешской народной поэзіей, но попытки неудачныя. Въ самомъ дѣлѣ, имя Янышъ, по суффиксу венгерское (Janos), встрѣчается у словаковъ, отъ которыхъ, естественно могло перейти къ моравамъ, но не у чеховъ. О моравахъ могла бы говорить и «зеленая Морава», если бы на нихъ указывала еще хотя одна подробность; но названіе Моравы нерѣдко встрѣчается и въ сербскихъ земляхъ. На моравъ не указываетъ королевна Любуса (правильнѣе—Любуша), имя которой Пушкину было извѣстно по русскимъ переводамъ Ганковыхъ поддѣлокъ («Зеленогорская рукопись»), но опять вставка и этого имени поражаетъ своей случайностью; а Елица—имя сербское, встрѣтившееся у Пушкина же въ XVI пѣснѣ. Ни Див-Рыбы, ни вилъ, ни Водяницы чешская народная поэзія не знаетъ; если wily встрѣтились въ одномъ памятникѣ моравскаго происхожденія (Лавровъ, «Рѣчь», стр. 22), то самый памятникъ этотъ не чешскій. Словомъ, припомнивъ своеобразный взглядъ Пушкина на «Пѣсни западныхъ славянъ», куда онъ хотѣлъ включить и вполнѣ русскую «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», мы можемъ вполнѣ согласиться съ прежними предположеніями, именно, что «Янышъ Королевичъ» — эпическая обработка первоначальнаго сюжета «Русалки», почему параллели надо искать въ нѣмецкой поэзіи [1]).

Наблюденія надъ техникой Пушкина-переводчика изъ славянскаго эпоса затрудняются тѣмъ, что у насъ нѣтъ вполнѣ классическихъ подобныхъ переводовъ, и мы не знаемъ, какъ поступилъ бы въ томъ или иномъ случаѣ другой переводчикъ-артистъ, имѣвшій подъ руками вполнѣ надежный оригиналъ, а не сочиненія Мериме или самостоятельно задуманные сюжеты, какъ въ большинствѣ «Пѣсенъ» Пушкина.

---

[1]) И. Н. Ждановъ, «Русалка» Пушкина и Donauweibchen, Спб. 1900.

Даже Л. Майковъ долженъ былъ ограничиться въ характеристикѣ переводовъ Пушкина со славянскаго самыми общими выраженіями: «Разнообразя въ этихъ опытахъ характеръ и тонъ изложенія и самый размѣръ, поэтъ, очевидно, искалъ наиболѣе подходящей формы для подобныхъ произведеній въ духѣ народнаго творчества. «Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ» была однимъ изъ такихъ опытовъ, и, безъ сомнѣнія, самымъ счастливымъ. Она и сложена тѣмъ же сербскимъ эпическимъ размѣромъ, который онъ употреблялъ для нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ (стр. 426). Далѣе, у Майкова идетъ рѣчь о вліяніи на Пушкина сказокъ Даля—Казака Луганскаго.

Наблюденіе надъ «разнообразіемъ въ этихъ опытахъ», т.-е. колебаніями поэта и слѣдами исканій, мы должны повторить и теперь. Припомнимъ, что говорилось раньше о свободной замѣнѣ Пушкинымъ всякихъ чертъ сербской поэзіи русскими и наоборотъ, особенно въ размѣрахъ. Если и въ наше время нѣтъ вполнѣ художественныхъ и близкихъ переводовъ сербскихъ пѣсенъ, то въ началѣ 30-хъ годовъ каждый переводчикъ былъ воленъ придумывать свои размѣры, сколько угодно руссифицировать славянскія пѣсни и т. д. Въ этомъ отношеніи интересно мнѣніе о такихъ переводахъ Ю. Венелина, человѣка, для своего времени авторитетнаго въ вопросахъ славянской филологіи. Его очеркъ написанъ по поводу изданія Караджичемъ 4-ой части «Народныхъ сербскихъ пѣсенъ» (Вѣна, 1833). Авторъ останавливается какъ разъ на пѣсняхъ юнацкихъ, т.-е. «героическихъ», болѣе другихъ подходящихъ по содержанію къ пушкинскимъ, и говоритъ: «Можно было двояко переводить: стихами и прозою; но плетеніе стиха и пріисканіе риѳмы, эти настоящіе кандалы для мысли, не позволили бы передать сербскій стихъ слово въ слово и стихъ въ стихъ, какъ мнѣ хотѣлось. Прозою же передавать разсказъ героической пѣсни—значило лишить его музыкальности; въ этомъ же случаѣ языкъ разговорный, т.-е. кухонность человѣческаго слова, очень непріятенъ. Для избѣжанія какъ кухонности, такъ и стопоплетнаго и риѳмическаго стѣсненія въ буквальной передачѣ стиха я придумалъ для себя одактиленную прозу. Читается она свободно съ тѣмъ только, чтобы налегать на окончательный дактиль тѣмъ больше, что имъ вездѣ оканчивается реченіе». Затѣмъ слѣдуютъ en regard сербскіе тексты и переводы Венелина въ такомъ родѣ:

Двинулся въ дорогу Живко Дамяновичъ,
Онъ съ дружиной ѣдетъ на го́ры высокія,
А при немъ осмнадцать товарищей.
И взошли они на гору Кштацкую
Исходили ужь ночь до полуночи,
Какъ огонекъ увидѣли надъ Кусидою,
Подлѣ бѣлаго мосту Кусидскаго.
И говоритъ имъ Живко Дамяновичъ;
«Вы, дружино моя и братія . . . . . [1])

Что требованія въ этой области лучшихъ критиковъ не могли опираться на хорошіе образцы, показываетъ отзывъ Бѣлинскаго о переводахъ Венелина. Бѣлинскій на этотъ разъ ошибся и говоритъ: «переводъ сдѣланъ самимъ авторомъ и сдѣланъ прекрасно. Онъ близокъ, вѣренъ, поэтиченъ, если можно такъ сказать, и русскій языкъ нигдѣ не изнасилованъ, нигдѣ не страждетъ насчетъ этой близости» (Молва», 1836, кн. I).

Лучше были, какъ намъ кажется, переводы А. Востокова изъ того же сборника Караджича. Кромѣ упомянутаго раньше, въ «Трудахъ вольнаго общества любителей росс. словесн.» за 1825 годъ была напечатана пѣсня «Марко Кралевичъ» (стр. 169—176, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г.—«Братья Якшичи», «Смерть любовниковъ», «Свадебный поѣздъ» (стр. 331—337), на 1826 годъ—«Строеніе Скадра» (стр. 43—52). Но руссификація и здѣсь слишкомъ сильна, а юго-славянскаго колорита нѣтъ и помину. О другихъ переводахъ можно не упоминать.

Такимъ образомъ, и въ этой области Пушкинъ былъ новаторомъ, не повторялъ заученныхъ уроковъ, но давалъ ихъ другимъ. И если «Пѣсни западныхъ славянъ»—произведеніе далеко не изъ выдающихся даже для начала 30-хъ годовъ, то неоцѣнимая заслуга Пушкина все-таки въ томъ, что этими именно опытами онъ заинтересовалъ русскихъ славянами, отчасти славянъ русской литературой и выяснилъ поддѣлку Мериме заслугой Пушкина это выясненіе назвалъ Мицкевичъ въ университетскомъ курсѣ славянскихъ литературъ, и здѣсь слышится не только намекъ на собственный «грѣхъ» (Мицкевичъ перевелъ изъ

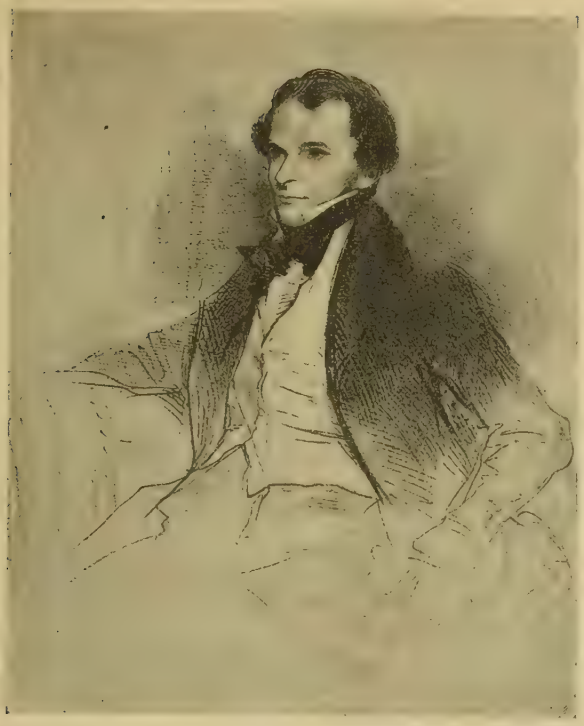
[1]) «О характерѣ народныхъ пѣсенъ у славянъ задунайскихъ. Набросано Юріемъ Венелинымъ. I. Османъ Шеовичь Женитьба Павла». (М. 1835, стр. 5 и 15). Въ «литературной лѣтописи» «Библіотеки для чтенія» (т. XVI, отд. VI, стр. 41—44) помѣщена ядовитая и вѣрная рецензія на книгу Венелина, гдѣ переводъ даже слишкомъ мягко названъ «полусербскимъ» или «карпаторосскимъ». намекъ на происхожденіе Венелина.

1906. Bd. XXVIII, 321—350, XXIX, 49—96. Мериме «Влахъ въ Венеціи»), но и безпристрастный голосъ великаго славянскаго поэта.

Въ заключеніе—о названіи пѣсенъ: «Пѣсни западныхъ славянъ». Конечно, въ глазахъ Пушкина терминъ этотъ не означалъ того же понятія, какое онъ имѣетъ въ наше время, и одна только—«Янышъ Королевичъ», и то, какъ мы видѣли, съ большими оговорками, можетъ подойти подъ рубрику пѣсенъ славянъ западныхъ. Остальныя всѣ 16 пѣсенъ—пѣсни славянъ южныхъ. Но, во-первыхъ, Пушкинъ видѣлъ въ сербахъ, тѣмъ болѣе въ «иллирійцахъ», просто западный славянскій народъ, т.-е. живущій на границахъ съ міромъ романскимъ и германскимъ, живущій на западѣ отъ русскихъ; во-вторыхъ, такая неточность вполнѣ допустима для его времени, когда присяжные филологи предполагали, напримѣръ, что при Владимирѣ въ X вѣкѣ русскіе говорили на языкѣ елизаветинской печатной библіи; въ-третьихъ, въ то время думали о близости всѣхъ «славянскихъ ручьевъ» другъ къ другу и къ «русскому морю» и дорожили каждой такой чертой; въ-четвертыхъ—и это главное—Пушкинъ едва ли случайно измѣнилъ кое-что изъ бытовыхъ подробностей у Мериме въ сторону реальнаго быта западныхъ славянъ. Такъ, Jean подлинника онъ переводилъ Янко (II) или Янъ (VII); когда же рѣчь шла о «христіанскомъ имени»—Иванъ (IV). Soldat онъ передалъ черезъ цесарскій рекрутъ (VIII); что также должно было говорить о западныхъ славянъ. Фраза Мериме въ описаніи пира «водка лилась обильными потоками» у Пушкина превратилась въ «много пили меду и горѣлки» (II), хотя дальше во французскомъ текстѣ упоминается о «винѣ и водкѣ». Очевидно, Пушкинъ представлялъ себѣ бытъ «западныхъ» славянъ въ значительной степени правдоподобно.

Литература: отзывъ о IV части «Стихотвореній».—«Библіотека для чтенія», 1835 г. т. XII, отд. 6, А. Мартыновъ, въ «Маякѣ», 1843 г., т. XI, кн. XXII. октябрь, отдѣлъ «Критики», стр. 133—145; P. Lacroix, M. Léonor Mérimée. Paris, 1860; M. Tamisier, Pr. Mérimée l'écrivain et l'homme. Marseille, 1875; Paulet-Malassis, P. Mérimée tour á tour en homme et en femme. Paris, 1876; M. Tourneux, Prosper Mérimée, ses portraits, ses dessins, sa bibliothèque. Paris, 1879 (и «Bibliographie de Mérimée», 1876); Ѳ. Достоевскій, «Дневникъ писателя за 1877 г.» (изд. Маркса, т. XI, ч. I, стр. 40—43, 100—101); V. Jagić, Zum Klagegesang der Asanagica, Archiv für slav. Philologie, Bd. X (1887), 659—660; П. Матвѣевъ, Проспѐръ Мериме и его отношенія къ русской литературѣ, «Новое Время», 1894, 25/6; А Скерлић, Проспер Мериме и његова мистификација српских народних песама, Српски Књижевни Гласник; 1894, IV, 5; A. Filon, Mérimée et ses amis. Paris, 1894; Kasimir Lönnbohm, Prosper Mérimée. Helsingissä, 1895, 34—40; A. Filon, Les grands écrivains français, Tome XL. Paris, 1898; Milivoj Jrepel, Puškin i hrvatska knjizevnost. Ljetopis Jugoslavenske Akademije... za god. u 1898. U. Zagrebu, 1899, 118—131; П. Куликовскій, Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина. Русскій Филос. Вѣстн. 1899 кн. III—IV, 1—16; его же, А. С. Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ. Варшава, 1899; П. Лавровъ, Пушкинъ и славяне. Одесса, 1900, 8—13, 16—21; А. Яцимирскій, Румынскія параллели и отрывки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, Русскій Филологич. Вѣстникъ, 1901, кн. I—II, очеркъ II (о вурдалакахъ Ср. V. Jagić, Vukodlak—kodlàk—vor Gericht. Archiv für slav. Philologie, Bd. VI, 618—620); А. Скерлић, Французски романтичари и српска народна поезија, Српски Књижевни Гласник, 1902, XII, 2—3; его же, Још једномъ о «Гуслама» Проспера Мериме, тамъ же, 1902, XII, 5; И. Шляпкинъ, Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПБ. 1903, стр. 32—35; Félix Chambon, Prosper Mérimée et la Russie. Paris, 1904, съ библіографическимъ спискомъ работъ М., касающихся Россіи; Milan Curcin, Das serbische Volkslied in der deutschen Literatur. Leipzig. 1905; Kamilla Lucerna, Die südslavische Ballade von Asan Agas Gatin und ihre Nachbildung durch Goethe, Berlin, 1905; Matić, Prosper Mérimée's Mystifikation kroatischer Volkslieder, Archiv für slav. Philologie.

А. Яцимирскій.



ПРОСПЕРЪ МЕРИМЕ.
Литографія Deveria, 1829 г.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПУШКИНА КЪ ИЗДАНІЮ 1835 І.

Большая часть этихъ пѣсенъ взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1727 года, подъ названіемъ: «La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine». Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безъискуственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ никто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, Авторъ Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій, и тонкій знатокъ въ Славянской Поэзіи, не усумнился въ подлинности сихъ пѣсенъ, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацію.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсенъ: С. А. С. [оболевскій], по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Je croyois, Monsieur, que la Guzla n'avoit eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier étoit de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis delà à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nompareille,» comme dit Rabelais nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à Midi et je me levais à dix heures; quand j'avois fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au Salon, j'écrivois une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale

Paris, 18 Janvier, 1835.

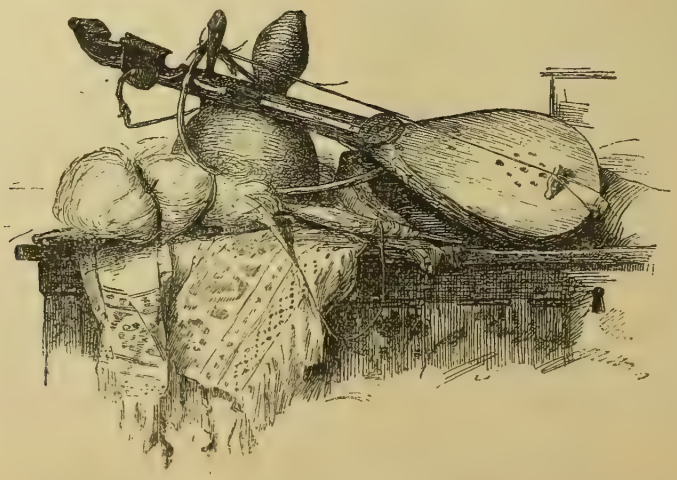
tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en seroit facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savoit peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avois lu le chapitre intitulé Dei costumi dei Morlachi dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga, qui est réellement Illyrique; mais cette traduction étoit en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étoient répétés avec l'interprêtation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étois embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avoit déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avoit traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Seto se bieli u *gorje* zelenoi

Fortis a traduit

Che mai biancheggia nel verde *Bosco.*

Nodier a traduit Bosco, par *plaine verdoyante*; c'étoit mal tomber, car on me dit, que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.



ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЯ ГУСЛИ и ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

КОРОЛЬ БОСНІИ СТЕФАНЪ ТОМАШЕВИЧЪ НА МОЛИТВѢ.
Со старинной картины въ Загребской галлереѣ.

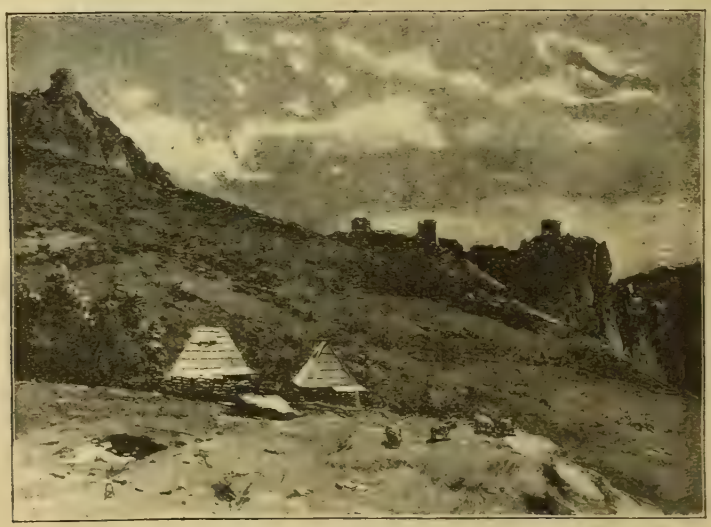
703.

1. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ. [1]

Король ходитъ большими шагами
Взадъ-и-впередъ по палатамъ;
Люди спятъ—королю лишь не спится:
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозится
И въ Стамбулъ отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку;
Не услышитъ-ли какого шума?
Слышитъ, воетъ ночная птица,
Она чуетъ бѣду неминучу,
Скоро ей искать новой крови
Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.
Не сова воетъ въ Ключѣ-Градѣ,
Не луна Ключъ-Городъ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.
Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божію церковь.
Сталъ на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву
И спокойно въ церковь Божію входитъ.
Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ими хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы
Кровь по щиколку [2] ему досягаетъ...
Горе! въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы.* [3]
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный.
Держитъ онъ на-голо саблю,
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ:
Тутъ же видитъ онъ отца и брата.
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣняхъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный *фалакой.* [4]
И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою:
«Будь надь Босніей моей ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ». [5]
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.
И Султанъ прислужниковъ кликнулъ.
И сказалъ: «Дать кафтанъ Радивою! [6]
Не бархатной кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго».
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздѣли,
Атаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.



РАЗВАЛИНЫ КЛЮЧЪ-ГРАДА ВЪ БОСНІИ.
Рисунокъ С. Адьюкевича.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже! меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье;
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»
При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,—
Все исчезло—будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.
Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, [7]
И пошли бусурмане на приступъ.

СУЛТАНЪ МАГОМЕТЪ ЭЛЬ-ФАТИ.
Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. Библіотекѣ.

704.

2. ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отъ чего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?
Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья.
Но онъ бродитъ, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры какъ Кирила умеръ.
Въ церкви Спаса они братовались, [8]
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки избраннаго имъ брата.
Веселое было пированье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣлѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе Беи побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ, ужаленный зміею.
Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала: «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,

За туманомъ ничего не видно!»
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.
Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу, вонъ, малый огоніочекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою».
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.
Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что тамъ еще видно?»
И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
«Вижу я на рѣкѣ сіянье,
Близится оно къ нашему дому.»
Бей вздохнулъ и съ постели свалился.
Тутъ ему и смерть приключилась.

БОСНІЙСКІЙ ВОЕВОДА ЭПОХИ ЗАВОЕВАНІЯ БОСНІИ ТУРКАМИ.

Миніатюра Глаголитскаго мисала, наход. въ Константинополѣ, въ библіотекѣ Эски-Сарая.

705.

3. БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.

Радивой поднялъ желтое знамя:
Онъ идетъ войной на бусурмана
А Далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надѣли свои шапки,
И сказали: «Возьмите насъ съ собою: [10]
Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
Радивой дружелюбно ихъ принялъ
И сказалъ имъ: «Милости просимъ!»
Перешли мы заповѣдную рѣчку,
Стали жечь Турецкія деревни,
А Жидовъ на деревьяхъ вѣшать. [11]
Беглербей со своими Бошняками
Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; [12]
Но лишь только заржали ихъ кони,
И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбѣжались измѣнники Далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
Мы домой воротимся съ тобою
И раскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
Кровью были покрыты наши сабли
Съ острія до самой рукоятки.
Но когда черезъ рѣчку стали
Тѣсной кучкою мы переправляться,
Селихтаръ [13] съ крыла на насъ ударилъ
Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
«Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
«Намъ управиться съ ними невозможно.
«Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,

И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
Всѣхъ-то насъ осталось двадцать,
Всѣ друзья, родные Радивою:
Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
Закричалъ Георгій Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорѣе
На коня моего воронаго;
Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»
Радивой Георгія не послушалъ,
Наземь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
Тутъ враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА СЛАВЯНСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ АДРІАТИЧЕСКАГО МОРЯ.

(*Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia, MDCCLXXIV*).

706.

4. ѲЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

. . . . . .
. . . . . .

Стамати былъ старъ и безсиленъ,
А Елена молода и проворна;
Она такъ-то его оттолкнула,
Что ушелъ онъ, охая да хромая.
Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
Ай да баба! отдѣлалась славно!
Вотъ Стамати сталъ думать думу:
Какъ ему погубить бы Елену?
Онъ къ Жиду-лиходѣю приходитъ,
Отъ него онъ требуетъ совѣта.
Жидъ сказалъ: «Ступай на кладбище,
Отыщи подъ каменьями жабу,
И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»
На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ каменьями жабу, [14]
И въ горшкѣ Жиду ее приноситъ.
Жидъ на жабу поливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потомъ изкололи,
И ее—ея жъ кровью напоили:
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.
И Стамати мальчику молвилъ:
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ эту сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.
Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.

ЗНАТНЫЙ ИЛЛИРІЕЦЪ.

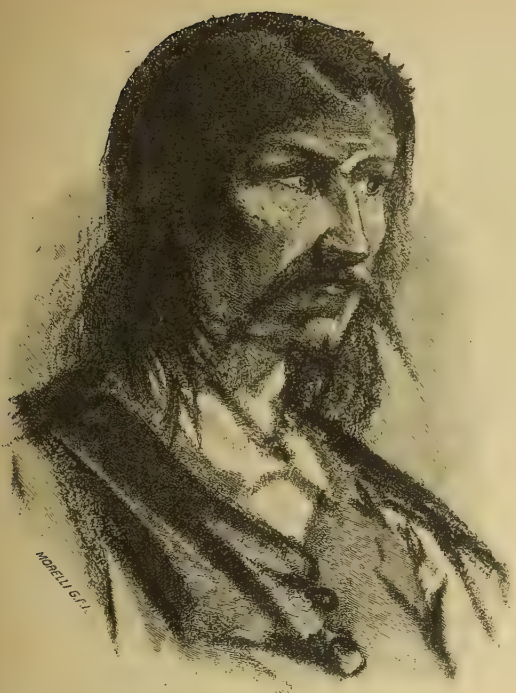
(*Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса Venezia, MDCCLXXIV*).

Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.
Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»
Круглый годъ проходитъ, и—Ѳеодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему навстрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ не ищетъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.
Пришелъ онъ въ домъ свой—и видитъ,
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена,» говоритъ Ѳеодоръ.
Она встала—онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата;
Испортили меня злые люди.»
Но Ѳеодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походитъ.
Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего я злодѣя.»
Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что-жъ?—на мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвылъ Ѳеодоръ: «Горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди.»
Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвыя уста отворились,
Голова Елены провѣщала:
«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.
И Ѳеодоръ Стамати зарѣзалъ,
А Жида убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

707.

5. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Какъ покинула меня Парасковья
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый:
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины—что у насъ каменья.
«Тамъ солдаты въ шолковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро самъ ты разбогатѣешь,
И воротишься въ шитомъ долиманѣ,
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.
«И тогда-то играй себѣ на гусляхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»
Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ какъ на привязи собака.
Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю.
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай;
Я завялъ, какъ пересаженный кустикъ.
Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
Слышу—Здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.



ТИПЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКИХЪ ПОЛУРАЗБОЙНИКОВЪ, ПОЛУБОРЦОВЪ ЗА СВОБОДУ.
Картина Милана Сунко-Ускокъ.

708.

6. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ. [16]
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына,
Имъ нельзя изъ пещеры выдти:
Стерегутъ ихъ недруги злые.
Коли чуть они голову подымутъ,
Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
Они три дня, три ночи не ѣли,
Пили только воду дождевую,
Наполненную во впадинѣ камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь Богъ! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли;
Они только очи отирали
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую матерь,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался
Закричалъ онъ старшему брату:
«Милый братъ! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью,
Станемъ мы выходить изъ могилы
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ». [17])
Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшенные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копья свои насадили—
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

709.

7. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ,

Іакинѳа Магдановича. [18].

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, славу Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна
Чарка выпита до дна.
Пуля легче лихорадки;
Воленъ умеръ ты какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.
Вспоминай насъ за могилой,
Коль сойдетесь какъ-нибудь;
Отъ меня отцу, братъ милой,
Поклониться не забудь!
Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила,
Я здоровъ—и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.
Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣетъ Атаганомъ
И стрѣляетъ изъ ружья.
Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ,—узнаешь самъ.
Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

710.

8. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочитъ,
Проситъ онъ напиться, ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъ,
И прохожій до дна его выпилъ.
Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
«То кладбище наше родовое.»
Говоритъ незнакомый прохожій:
«Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ не долго.»
Тутъ широкій розвилъ онъ поясъ,
Кажетъ Маркѣ кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»
Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя:
«Помоги мнѣ, Марко: я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долѣ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.
Марко сѣлъ на коня воронаго,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвой мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля, другая,
Сталъ худѣть сыночекъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться,
Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуеръ приходитъ,—
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
Посмотри на бѣлую его шею:
Видишь ты кровавую ранку? [19])
Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»
Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ,—трупъ румяный и свѣжій,—
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,—
Алой кровью вымазаны губы,—
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе чѣмъ лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.
Калуеръ могильною землею [20])
Ребенка больнаго всего вытеръ,
И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій».
Вдругъ собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ, наклонившись,
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.
На другія сутки въ ту же пору
Песъ залаялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человѣкъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марко;
Но старикъ молитвой его прогналъ.
Въ третій день вошелъ карликъ малый,—
Могъ бы онъ верьхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверкали у него злыя глазки.
И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

ЧЕРНОГОРІЯ СЪ ПТИЧЬЯГО ПОЛЕТА.

Черногорскіе типы.

711.

9. БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте вопросилъ:
«Правда ль: это племя злое
«Не боится нашихъ силъ?
«Такъ раскаятся жъ нахалы:
Объявить ихъ старшинамъ,
Чтобы ружья и кинжалы
«Всѣ несли къ моимъ ногамъ».
Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ Мамлюковъ роту,
И косматыхъ Кирасиръ.
Намъ сдаваться нѣтъ охоты,—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...
Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ,—
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.
. . . . . .
. . . . . .
Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ,—смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросить
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ:
Не щадите жъ никого!»
Ружья грянули,—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.
Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ:—«Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо что ли?» Нѣтъ, не то!
Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.
И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу не взначай.

712.

10. СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни,
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота,
Рано молодца женили;
А вторая-то забота,—
Воронъ конь мой притомился,
Какъ ужъ третья-то забота,
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Въ полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки.
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки.
Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

ГЕОРГІЙ ЧЕРНЫЙ.

(Изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ 1903).

713.

11. ПѢСНЯ О ГЕОРГІѢ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся,
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ:
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
Не боишься ты Господа Бога,
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да за чѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
Георгій старика догоняетъ:
«Воротися, отецъ, воротися!
Отпусти мнѣ невольное слово.»
Старый Петро не слушаетъ, грозится:
«Вотъ уже, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога:
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись:
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»

Отвѣчаетъ Георгій сурово:
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.» [21])
Догадалась она, завопила:
«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

714.

12. ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляютъ въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали,—
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряютъ:
Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи!
Или вы ужъ не Сербы,—Цыганы?
Или вы не мужчины,—старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые домы,
Уходите въ Велійское ущелье,—
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.

МИЛОШЪ ОБРЕНОВИЧЪ.
(*Изъ роскошнаго изданія—«Знаменити Сербы». Загребъ 1903*).

715.

13. ВУРДАЛАКЪ.

Трусоватъ былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ позднею порой,
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Чрезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле дышетъ,
Спотыкаясь, чуть бредетъ
По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ,—
Кто-то кость, ворча, грызетъ.
Ваня сталъ;—шагнуть не можетъ.
Боже! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.
Горе! малый я не сильный;
Съѣстъ Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.
Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!)
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

716.

14. СЕСТРА И БРАТЬЯ. [22])

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два братца родные:
Одинъ Павелъ, а другой Радулъ,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость;

Напослѣдокъ ей ножъ подарили
Золочсный въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говоритъ она Радуловой любѣ:
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелія такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова люба;
«По Богу сестра моя, невѣстка;
Я не знаю зелія такова;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»
Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки:
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ,
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину:
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ, во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ,—
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой сестра, убей тебя Боже,
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алыя цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха:
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ,—
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждетъ молода Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павелъ,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повелъ ее къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любы послушался Павелъ,
Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросло тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

ВИЛА.

Рисунокъ Павла Іоановича.

717.

15. ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ [23])

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу,
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приноситъ съ червонцами чересъ,
Да гремучія серги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье
Самъ ей вдѣлъ онъ серги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересъ,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,

Изъ ушей выдернула серги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.
Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.
Вотъ проходятъ три года и болѣ,
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только запѣненную морду
Сунулъ конь въ студеную воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница
Какъ на удѣ пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою!
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ королевичъ:
«Раскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей!»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу
И слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ:
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышъ королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.
Рано утромъ, что заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала: «Янышъ королевичъ
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ:
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выду, Янышъ королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленой берегъ.
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Раскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любой, съ молодой женою?»
Отвѣчаетъ Янышъ королевичъ:
«Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,
Противъ милой жена не утѣшитъ.»

718.

16. КОНЬ.

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ;
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злочены стремена?
Отвѣчаетъ конь печальный:
Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ недолго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и въ холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ:
Оттого мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чапрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшія бока.

ЮЖНО-СЛАВЯНСКІЙ ГУСЛЯРЪ.

Рисунокъ Тисова.

719.

17. ЧТО БѢЛѢЕТЪ НА ГОРѢ ЗЕЛЕНОЙ.

Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы?
Былъ бы снѣгъ—онъ давно бъ разтаялъ,
Были бъ лебеди—они бъ улетѣли...
То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
А шатеръ Аги Ассанъ-аги:
Онъ лежитъ въ немъ весь люто израненъ.
Посѣтили его сестра и матерь;
Его люба не можетъ, застыдилась.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной любѣ:
Не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ.
Какъ услышала мужнины рѣчи,
Запечалилась бѣдная кадуна...
Она слышитъ—на дворѣ бьютъ кони,
Побѣжала Асанъ-агиница,
Хочетъ броситься бѣдная въ окошко,
За ней вспять двѣ милыя дочки:
Воротися милая мать наша,
Пріѣхалъ не мужъ Асанъ-ага.
А пріѣхалъ братъ твой Пинторъ
Воротилась Асанъ-агиница
И повисла она брату на шею:
Братецъ милый, что за посрамленье,
Меня гонятъ отъ пятерыхъ дѣтокъ...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «ПѢСНЯМЪ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ».

1) Ѳома I былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наслѣдовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключь-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

2) Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

3) Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.

4) *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.

5) Радивой никогда не имѣлъ этого сана; и всѣ члены Королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

6) Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

7) Анахронизмъ.

8) Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

9) Неизвѣстно къ какому произшествію относится эта пѣсня.

10) Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

11) Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ Мусульманъ и Христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походитъ на участь летучей рыбы—М. [ериме].

12) Банялука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

13) Селихтаръ, меченосецъ.

14) Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

15) Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

16) Гайдукъ, глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

17) Западные Славяне вѣрятъ существованію *Упырей* (vampire). См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.

18) Мериме помѣстилъ въ началѣ своей *Guzla* извѣстіе о старомъ гусляреѣ Іакиновѣ Магламовичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда-нибудь; но статья его Біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla, que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade, intitulée *l'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingénehs* ou Bohémiens. Ces gens le menérent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le souvertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart [1]). Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionaires. Le jenne Hyacinthe n'est pas de peine a se décider à quiter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins, qu'il put dérober. La moine, qui l'avait rebaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être, il avait conseillée.

De Livno à Seign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation [2]).

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête, si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Seign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlévement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poete et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Ziarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé

---

[1]) Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

[2]) J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

МНИМЫЙ ГУСЛЯРЪ МАГЛАНОВИЧЪ.
Портретъ, приложенный къ «Guzla» Мериме.

Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques [1]).

Il vécut long-temps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les Pandours [2]). Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illirique, et je désirais beaucoup entendre un poete en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas * * *, avait rencontré à Biograd, ou il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait, que si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarqu-ablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liquers fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement, quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général,

[1]) Espèce de bandits.
[2]) Soldats de la police.

let il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand l'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue, que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai, quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait, qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions, que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient anaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle, mais allors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus, qu'il me manquait une paire de pistolets anglais, qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange, qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or, qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817, je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, on fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

19) Вурдалаки, Вудкодлаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

20) Лѣкарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

21) По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: Старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

22) Прекрасная эта поэма взята мною изъ Собранія Сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

23) Пѣсня о Янышѣ Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ только первую, и то не всю.

ТИПЪ ГАЙДУКА.
(Гайдукъ Велько Петровичъ).

720—726. [ПОПЫТКИ ВЕРНУТЬСЯ КЪ «ЕВГЕНІЮ ОНѢГИНУ»].

1.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мой продолжать
И, потчуя стихами, вѣкъ желѣзный
Разсказами пустыми угощать;
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать.
А для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату, —
За каждый стихъ по 10 рублей
(Составитъ [стало быть] за [каждую] строфу
сто сорокъ) —
Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Неужто жаль кому пяти рублей?
Пустое! Всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей.

2.

Ты говоришь: «Пока Онѣгинъ живъ,
«Дотоль романъ не конченъ; нѣтъ причины
«Его кончать; къ тому же планъ счастливъ
кончины
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
Съ почтенной публики, межь тѣмъ,
Бери умѣренную плату,—
За книжку по пяти рублей;
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

3.

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Выговорите мнѣ: «Онъ живъ и не женатъ—
«Итакъ, еще романъ не конченъ: это кладъ!
«Въ его свободную, вмѣстительную раму
«Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь
діораму,
«Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
«Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ».
Пожалуй, я бы радъ...

4.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, прерывать,
Отдавъ его уже въ печать;
[. . . . . въ печать,
Романъ неконченный отдать].
Что должно своего героя,
Какъ бы то ни было женить
По крайней мѣрѣ,—уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ либиринта выслать вонъ.

5.

Вы говорите: «Слава Богу!
«Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,—
«Романъ не конченъ. Понемногу
«Пиши жь его—не будь лѣнивъ.
«Со славы, внявъ ея призванью,
«Сбирай оброкъ хвалой и бранью,
«Рисуй и франтовъ городскихъ,
«И милыхъ барышень своихъ,
«Войну и балъ, дворецъ и хату,
«Чердакъ, и келью, и харемъ,
«И съ нашей публики, межь тѣмъ,
«Бери умѣренную плату:
«За книжку по пяти рублей—
«Налогъ не тягостный, ей-ей».

6.

Вы говорите: «Славу Богу!
«Онѣгинъ живъ, такъ понемногу
«[Пиши] затѣйливый [романъ]
«[Герой готовый, славный планъ],
«[Ну съ богомъ]...
«И снова будешь [ты] внимать
«Молвы и критики набату».
«[Готово все]...

7.

Ты мнѣ велишь, мой строгій судія,
На прежній ладъ... настроя,
Давно забытаго героя,
Когда-то бывшаго въ чести,
Опять на сцену привести,
Чтобъ...
Ты говоришь...
«Онѣгинъ живъ и будетъ онъ
«Еще не скоро схороненъ,
«О немъ вѣстей ты знаешь много...»

---

727. КОГДА БЪ НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ.

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ,—наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши:
Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ—
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ...

728. РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

[Не закончено и не отдѣлено].

[I].

Начнемъ ad ovo:
Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласитъ Софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороѳей. Въ засадѣ
Убитъ Якубъ, а Дороѳей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

[II].

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ Лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
А тамъ раздавленъ какъ комаръ
Задами тяжкими Татаръ;
За то со славой, хоть съ урономъ,
Другой Езерскій, Елизаръ,
Упился кровію Татаръ
Между Непрядвою и Дономъ,
Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

[III].

Въ вѣка старинной нашей славы,
Какъ и въ худыя времена,
Крамолъ и смутъ во дни кровавы
Блестятъ Езерскихъ имена.
Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *)
Служили доблестно Царямъ,
Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
Гордыней славился боярской;
За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
И умеръ, Сицкихъ *переспѣвъ* **).

[IV].

Когда отъ думы величавой
Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились—
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ...
Но извините, статься можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ спѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

[V].

Кто въ нихъ былъ вашъ родоначальникъ,—
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цаловальникъ,
Вамъ все равно. Конечно, такъ:
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами—
Великодушно и умно;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

[VI].

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь: новый Ходаковской, ***)
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ отдаленной старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
Что намъ не въ-прокъ пошли науки,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

[VII].

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ;
Что ихъ поноситъ и Фигляринъ;
Что Русскій вѣтреный бояринъ
Считаетъ грамоты Царей
За пыльный сборъ календарей;

*) въ посольствѣ.—*А. П.*

**) Пересѣсть кого, старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше.—*А. П.*

***) Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ.—*А. П.*

АННА АЛЕКСѢЕВНА ОЛЕНИНА,

въ замужествѣ Андро.

Неизданный портретъ, теперь принадлежащій ея дочери,
А. Ф. Войдо.

Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава:
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и оселъ:
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

[VIII].

Вотъ почему, архивы роя
Я разбиралъ въ досужій часъ
Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой разсказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ;
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ.

[IX].

Допросомъ музу безпокоя,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
«Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?
А что? Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ же нѣтъ?
Онъ—мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ;
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
И похоронъ, смѣнившихъ пиръ,—
А зналъ ли ихъ, скажите, міръ?

[X].

Замѣтятъ мнѣ, что есть же разность
Между Державинымъ и мной,
Что красота и безобразность
Раздѣлены чертой одной;
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ;
Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому же, перевода
Прямымъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни—
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода,
И развѣ межъ моихъ друзей
Двухъ, трехъ великихъ нѣтъ людей?

[XI].

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ?
Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
Летитъ орелъ, угрюмъ и страшенъ,
На пень гнилой?—Спроси его!
Зачѣмъ арапа своего
Младая любитъ Дездемона,
Какъ мѣсяцъ любитъ ночи мглу?
Затѣмъ, что вѣтру и орлу
И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
И для тебя закона нѣтъ.

[XII].

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами земными
Проходишь ты унылъ и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нуждъ, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричитъ: «куда? куда?
Дорога здѣсь!» Но ты не слышишь,
Идешь, куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя. Твой трудъ
Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

[XIII].

Скажите: «экой вздоръ!» иль «браво!»
Иль не скажите ничего—
Я въ томъ стою: имѣлъ я право
Избрать сосѣда моего
Въ герои повѣсти смиренной.
Хоть человѣкъ онъ не военный,
Не бунтовщикъ, не Донъ-Жуанъ,
Не Демонъ, даже не Цыганъ,
А просто гражданинъ столичный,
Какихъ встрѣчаемъ всюду тму
Ни по лицу, ни по уму,
Отъ нашей братьи не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

Сказка о рыбкѣ рыбкѣ

729. СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

Рисунокъ В. Маковскаго.

Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной.
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ травой морской.
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолится золотая рыбка,
Голосомъ молвитъ человѣчьимъ:
Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогой за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ
Разсказалъ ей великое чудо.
Я сегодня поймалъ было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.
Старика старуха забранила:
Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ раскололось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю:
Видитъ: море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ раскололось.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ
Будетъ вамъ новое корыто.
Воротился старикъ ко старухѣ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много-ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ;
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю,
(Помутилося синее море),
Сталъ онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Избу проситъ, сварливая баба.

Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ,
Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой
Съ кирпичною, бѣленою трубою
Съ дубовыми, тѣсовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросилъ, простифиля, избу!
Воротись, поклонись рыбкѣ:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою Дворянкой.»
Пошелъ старикъ къ синему морю;
(Неспокойно синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка:
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ.
Воротился старикъ къ старухѣ,
Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ.

Рисунокъ В. Маковскаго.

На крыльцѣ стоитъ его старуха;
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на моковкѣ кичка,
Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говоритъ старикъ своей старухѣ:
Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля, другая проходитъ;
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ:
Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною Царицей.
Испугался старикъ, взмолился:
Что ты, баба, белены объѣлась?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь,
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа,
Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить, со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?—
Ступай къ морю, говорять тебѣ честью,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.

Старичокъ отправился къ морю:
(Почернѣло синее море).
Сталъ онъ кликать золотую рыбку
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ:
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой
Хочетъ быть вольною Царицей.
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха Царицей!
Старичокъ къ старухѣ воротился.
Чтожъ? передъ нимъ Царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ онъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она Царицей,
Служатъ ей Бояре, да Дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вина;
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ, испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ, здравствуй, грозная Царица!
Ну теперь твоя душенька довольна.
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали Бояре и Дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.

Рисунокъ В. Маковскаго.

А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука:
Не садися не въ свои сани!—
Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ,
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
Воротись, поклонися рыбкѣ,
Не хочу быть вольною Царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мнѣ въ Окіанѣ морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря:
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
Чего тебѣ надобно, старче?
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
Смилуйся, Государыня рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она Царицей,
Хочетъ быть владычицей морскою,
Чтобы жить ей въ Окіанѣ морѣ.
Чтобъ ты сама ей служила
И была бы у ей на посылкахъ.—
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.

Рисунокъ В. Маковскаго.

Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился...
Глядь: опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

ИЛЛЮСТРАЦІИ А. АФАНАСЬЕВА КЪ «СКАЗКѢ О РЫБАКѢ И РЫБКѢ».

Книжный орнаментъ ранняго Ренесанса.

АНДЖЕЛО.

Рѣдко ограничивается Пушкинъ ролью простого переводчика. Не составляетъ исключенія въ данномъ случаѣ и «Анджело» —эта «повѣсть, взятая изъ шекспировой трагедіи Measure for Measure» (какъ она озаглавлена въ подлинной рукописи Пушкина, находящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ). Написанъ «Анджело» въ Болдинѣ, въ 1833 г., одновременно съ Мѣднымъ Всадникомъ. Первоначально Пушкинъ попробовалъ было просто перевести драму Шекспира: въ бумагахъ П. В. Анненкова сохранилась*) копія съутраченной вѣроятно пушкинской рукописи начала этого перевода:

(Герцогъ).
Вамъ объяснять правленія начала
Излишнимъ было бъ для меня трудомъ.
Не нужно вамъ ничьихъ совѣтовъ,
Превыше сами вы всего; мнѣ только
Во всемъ на васъ осталось положиться.
Порочный духъ народа, ходъ правленья
Постигли вы вѣрнѣй, чѣмъ кто бъ то ни былъ.
Вотъ вамъ наказъ. Желательно бъ намъ было,
Чтобъ отъ него не отшатнулись вы.
Позвать намъ Анджело.
Каковъ онъ будетъ,
По мнѣнью вашему, на нашемъ мѣстѣ?
Вы знаете, что нами онъ назначенъ
Насъ замѣнять въ отсутствіе,—что мы
И милостью, и страхомъ облекли
Намѣстника всей нашей власти. Что же
Объ немъ вы мните?

(Эскалъ).
Если въ цѣломъ свѣтѣ
Сей почести достоинъ кто-нибудь,
Такъ это—Анджело.

(Герцогъ).
Вотъ онъ идетъ.

*) Шляпкинъ, Изъ неизд. бум. Пушкина, стр. 71.

(Анджело).

Послушенъ вашей милостивой волѣ:
Спѣшу принять я ваше предложенье.

Пушкинъ, видимо, ограничился переводомъ только одной этой начальной сцены, да и то не всей, и затѣмъ рѣшилъ свободно обработать шекспировскую драму въ формѣ стихотворной повѣсти. Извѣстно, что переводы вообще его стѣсняли, и всякій разъ, когда онъ за нихъ принимался, онъ бросалъ начатое дѣло почти съ первыхъ же строкъ. «Эпическій разсказъ,—говоритъ Анненковъ *) въ объясненіе перемѣны плана поэта, «сдѣлался столь важенъ и такъ завладѣлъ всею творческой способностью Пушкина, что, можетъ быть, хотѣлъ онъ видѣть, какъ одна изъ самыхъ живыхъ драмъ новаго искусства отразится въ повѣствованіи». Слѣдуетъ при этомъ, однако, замѣтить, что нѣкоторымъ сценамъ Пушкинъ нашелъ нужнымъ придать, какъ и въ подлинникѣ, діалогическую форму, сохранивъ многое изъ шекспировскаго текста, переводя цѣлыя фразы, надписывая даже имена дѣйствующихъ лицъ, какъ въ настоящей драмѣ. Содержаніе другихъ частей пьесы онъ передаетъ своими словами, иногда резюмируя въ очень сжатой формѣ то, что происходитъ въ нѣсколькихъ явленіяхъ или, напримѣръ, даже въ цѣломъ четвертомъ дѣйствіи. Сравнительно близко къ тексту Шекспира, съ сохраненіемъ притомъ діалогической формы, переданы: бесѣда Люціо съ Изабелой, впервые узнающей объ опасности, которая грозитъ Клавдіо («Мѣра за мѣру», д. I, сц. 4); два объясненія между Анджело и Изабелой (II, 2 и 4); свиданіе брата съ сестрой въ тюрьмѣ (III, 1); наконецъ, разоблаченіе вины Анджело и примирительная развязка, вызванная заступничествомъ Изабелы и великодушіемъ герцога. Остальное изложено въ формѣ пересказа, часто сильно сжатаго.

Характеръ Анджело видимо интересовалъ Пушкина и казался ему однимъ изъ лучшихъ характеровъ, созданныхъ Шекспиромъ. Въ томъ же 1833 году, къ которому относится созданіе «Анджело», Пушкинъ набросалъ небольшую замѣтку, гдѣ, между прочимъ, сравниваетъ Анджело съ Тартюфомъ. Высказавъ общее положеніе, что герой Мольера во всѣхъ случаяхъ жизни является исключительно лицемѣромъ, поэтъ продолжаетъ: «У Шекспира лицемѣръ приноситъ судебный приговоръ съ тщеславною строгостью, но справедливо; онъ оправдываетъ свою жестокость глубокомысленнымъ сужденіемъ государственнаго человѣка; онъ обольщаетъ невинность сильными, увлекательными софизмами, не смѣшною смѣсью набожности и волокитства. Анджело—лицемѣръ, потому что его гласныя дѣйствія противорѣчатъ тайнымъ страстямъ. А какая глубина въ этомъ характерѣ!»

амую фабулу Шекспировской драмы Пушкинъ нѣсколько измѣнилъ. Такъ, изъ Вѣны онъ перенесъ дѣйствіе въ Италію, пріурочивъ его къ эпохѣ Возрожденія, на которую ясно указываютъ и любовь Дука къ наукамъ и искусствамъ, и ученость Анджело, и самый сюжетъ пьесы, первоосновою котораго послужила итальянская новелла XVI столѣтія. У Шекспира герцогъ Винченціо—человѣкъ далеко не старый, въ концѣ концовъ увлекающійся красотою и добродѣтелью Изабелы и готовый сдѣлать ее своею женою; у Пушкина это—«предобрый старый Дукъ», съ спокойнымъ, возвышеннымъ и безстрастнымъ воззрѣніемъ на жизнь. Шекспировскій герцогъ, передавая на время свою власть Анджело, имѣетъ цѣлью испытать этого человѣка, подозрѣваемаго имъ въ лицемѣріи; пушкинскій Дукъ вовсе не желаетъ подвергать временнаго правителя какимъ-нибудь соблазнамъ, а стремится только съ помощью его строгости возстановить разстатанный нравственный порядокъ. Далѣе, у Пушкина совсѣмъ не выступаютъ Эскалъ, Профосъ, братъ Петръ, Джульета, Франциска; устраненъ также и комическій элементъ, играющій такую важную роль у Шекспира. Изъ всей веселой компаніи, выведенной Шекспиромъ, у Пушкина уцѣлѣлъ только Люціо, который приходитъ къ Изабелѣ, чтобы сообщить ей объ участи ея брата; но Пушкинъ не даетъ ему слишкомъ распространяться, замѣтивъ только, что онъ «въ подробныя пустился объясненья, немного жесткія своею наготой для дѣв-

*) Матеріалы, стр. 381.

ственныхъ ушей отшельницы младой». Въ концѣ разсказа онъ уже не появляется, какъ у Шекспира, чтобы получить заслуженное наказаніе за свои нелѣпыя розсказни объ отсутствующемъ герцогѣ. Интересно также, что Пушкинъ представилъ Маріанну не невѣстой, а женой Анджело, отвергнутой имъ изъ-за какой-то вздорной сплетни, между тѣмъ, какъ по Шекспиру Анджело бросилъ Маріанну, когда она была еще только его невѣстой,—бросилъ потому, что обѣщанное за нею приданое погибло во время кораблекрушенія. Мотивомъ этой перемѣны для Пушкина послужило, конечно, желаніе устранить обвиненіе Анджело въ низкихъ корыстолюбивыхъ помыслахъ и представить его человѣкомъ дѣйствительно строгой нравственности.

нджело» явился въ печати въ альманахѣ Смирдина «Новоселье» 1834 г., ч. II, стр. 49—80, съ цензурными поправками, урѣзками и другими искаженіями, глубоко огорчившими Пушкина. А. В. Никитенко въ своихъ запискахъ (I, 324) разсказываетъ по этому поводу слѣдующее:

«Прежде государь самъ разсматривалъ поэмы Пушкина. Теперь министръ Уваровъ приказалъ мнѣ поступать въ отношеніи Пушкина на общемъ основаніи. Онъ самъ прочелъ «Анджело» и потребовалъ, чтобы нѣсколько стиховъ были исключены... Этотъ урѣзъ сильно оскорбилъ поэта. Онъ взбѣсился. Смирдинъ платилъ ему за каждый стихъ по червонцу; слѣдовательно, Пушкинъ теряетъ здѣсь нѣсколько десятковъ рублей. Онъ потребовалъ, чтобы на мѣсто исключенныхъ стиховъ были поставлены точки, съ тѣмъ, однако жь, чтобы Смирдинъ заплатилъ ему деньги и за точки!»

Разсказъ этотъ не вполнѣ точенъ, а въ отношеніи «точекъ» кажется просто сплетней, вызванной, вѣроятно, недоброжелательствомъ къ Пушкину Никитенка, узнавшаго о томъ, что Пушкинъ называлъ его цензорскія исправленія «безполезно-скудоумными» и говорилъ: «Ужели залягаетъ меня осленокъ Никитенко?» Изъ прошенія Пушкина въ Главный Комитетъ Цензуры 28 августа 1835 г. мы видимъ, что поэтъ, намѣреваясь вновь напечатать свою повѣсть, «неисправно и съ своевольными поправками напечатанную книгопродавцемъ Смирдинымъ», представилъ это сочиненіе государю, который «изволилъ возвратить его, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ». Но Уваровъ воспротивился этому изданію и приказалъ попечителю Спб. учебнаго округа объявить Пушкину, что не можетъ болѣе позволять ему печатать его сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т.-е. съ надписью чиновника С. Е. И. В. Канцеляріи. Такимъ образомъ, поэтъ былъ лишенъ права печатать свои произведенія, дозволенныя самимъ государемъ. Онъ и обратился въ Главный Комитетъ съ просьбою сообщить: «какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?» Не получая отвѣта, Пушкинъ жаловался Бенкендорфу, указывая, между прочимъ, на «своевольныя поправки цензора» (т.-е. Никитенка). Затѣмъ Главное Управленіе Цензуры постановило: «объявить Пушкину, что рукописи, издаваемыя съ особаго Высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія; но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны... быть представляемы въ Цензурный Комитетъ, коимъ разсматриваются и одобряются на общихъ цензурныхъ правилахъ».

Эта тяжба Пушкина съ цензурой не имѣла видимыхъ послѣдствій: второе изданіе «Анджело» вошло въ составъ II-й части Поэмъ и Повѣстей 1835 безъ перемѣнъ. Затѣмъ повѣсть появилась въ посмертномъ изданіи, съ добавленіемъ нѣсколькихъ новыхъ ошибокъ противъ текста Новоселья.

Вопросъ о томъ, какіе стихи были признаны государемъ неудобными къ печати, остается открытымъ, такъ какъ мы имѣемъ въ настоящее время только черновую рукопись «Анджело», а не ту, которая была представлена Пушкинымъ своему высокому цензору. Сличеніе этой черновой съ текстомъ, напечатаннымъ при жизни поэта, позволяетъ, впрочемъ, не безъ нѣкотораго основанія предполагать, что въ числѣ «собственноручно замѣченныхъ мѣстъ» находились стихи о смертной казни, исклю-

ченные при печатаніи безъ замѣны ихъ точками:

Ужели Господу пошлемъ неосторожно
Мы жертву наскоро? Мы даже и цыплятъ
Не бьемъ до времени. Такъ скоро
не казнятъ.

«Если допустить, что отвѣтъ Изабелы Анджело былъ урѣзанъ по требованію императора Николая Павловича, говоритъ Н. И. Черняевъ [1]),—то особенное вниманіе, обращенное имъ на этотъ отвѣтъ, нельзя ничѣмъ будетъ объяснить, кромѣ нежеланія допускать въ печати обсужденія вопроса о смертной казни и опасенія, что слова Изабелы могутъ быть примѣнены съ неблагопріятными для правительства выводами къ казнямъ декабристовъ, которыя въ первой половинѣ 30-хъ годовъ были еще у всѣхъ въ памяти».

Равнодушно и даже отрицательно встрѣтила критика «Анджело». Въ № 22 «Молвы» 1834 г. появилась небольшая статья, посвященная Пушкину и тому охлажденію, какое стало замѣчаться къ поэту въ публикѣ. Въ этой статьѣ, которую Ап. Григорьевъ приписывалъ Бѣлинскому [2]), по поводу «Анджело» говорится: «Имѣетъ ли право талантъ, не обращая вниманія на современное, его окружающее, постоянно усиливаться воскресить прошлое, идти назадъ, не стремиться впередъ? Можетъ ли имѣть успѣхъ подобное направленіе? Въ правѣ ли писатель винить публику, если она не раздѣляетъ его стремленій къ минувшему, а въ силу вѣчно неизмѣняемаго влеченія къ будущему остается равнодушною, непризнательною къ его тягостному горенію съ вѣкомъ, усилію, часто обнаруживающему тѣмъ разительнѣе всю великость его дарованія? Вотъ вопросы, которые въ настоящее время было бы кстати предложить на разрѣшеніе и отвѣчать на которые мы не можемъ въ статьѣ библіографической, хотя и въ нихъ-то существенно должна заключаться истинная оцѣнка пьесы Пушкина, полной искусства, доведеннаго до естественности, ума, скрытаго въ простотѣ разительной, и, сверхъ того, неотъемлемо отличающейся истиннымъ признакомъ зрѣлости поэта, тѣмъ спокойствіемъ, которое мы постигаемъ въ твореніяхъ первоклассныхъ писателей».

Въ этой коротенькой замѣткѣ, по крайней мѣрѣ, отдается должное таланту и искусству поэта, обвиняемаго только въ томъ, что онъ не «идетъ за вѣкомъ», или, говоря словами пушкинской «Черни», что отъ его пѣсни нѣтъ никакой «пользы». Съ гораздо болѣе рѣшительнымъ приговоромъ выступилъ въ № 24 той же «Молвы» нѣкто, подписавшійся: «Житель Сивцева Вражка». Онъ прямо заявляетъ: «По моему искреннему убѣжденію, «Анджело» есть самое плохое произведеніе Пушкина... Такъ мало походитъ оно на пушкинское даже самою версификаціею, изобилующею до невѣроятности усѣченными прилагательными и распространенными предлогами!»

Бѣлинскій, въ своихъ *Литературныхъ Мечтаніяхъ*, также отозвался о повѣсти Пушкина крайне неблагопріятно. «Теперь мы не узнаемъ Пушкина»,—говоритъ онъ: «онъ умеръ, или, быть можетъ, обмеръ на время... По крайней мѣрѣ, судя по его сказкамъ, по его поэмѣ «Анджело» и по другимъ произведеніямъ, обрѣтающимся въ *Новоселье* и *Библіотекѣ для чтенія*, мы должны оплакивать горькую, невозвратную потерю... Гдѣ теперь эти картины жизни и природы, передъ которыми была блѣдна жизнь и природа?... Увы, вмѣсто нихъ мы читаемъ теперь стихи съ правильною цезурою, съ богатыми и полубогатыми риѳмами, съ піитическими вольностями, о коихъ такъ пространно, такъ удовлетворительно и такъ глубокомысленно разсуждали архимандритъ Аполлосъ и г. Остолоповъ! Странная вещь, непонятная вещь!»

Такъ же отрицательно отнесся къ «Анджело» Бѣлинскій и 12 лѣтъ спустя, въ статьѣ о Пушкинѣ 1846 года: «Анджело» принятъ публикою очень сухо—и подѣломъ. Въ поэмѣ видно какое-то усиліе на простоту, отчего простота ея слога вышла какъ-то искусственна. Можно найти въ

[1]) Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ, Харьк. 1900, стр. 374—375.
[2]) Тамъ-же, 144.

«Анджело» счастливыя выраженія, удачные стихи, если хотите—много искусства, но искусства чисто-техническаго, безъ вдохновенія, безъ жизни. Короче: эта поэма недостойна таланта Пушкина. Больше о ней нечего сказать» [1]).

Одобрительный отзывъ о повѣсти Пушкина, на протяженіи слишкомъ двухъ десятилѣтій, нашелся только одинъ,—и то въ формѣ эпиграммы на манеръ XVIII столѣтія, въ мало кѣмъ читавшемся журналѣ «Маякъ Просвѣщенія» [2]).

Пускай Анджело крутъ, жестокосердъ и лихъ,
И вытянутъ разсказъ въ Александрійскій стихъ;
Пускай за то пѣвецъ слыветъ за старовѣра:
Титулъ еретика и злого изувѣра
Къ нему совсѣмъ нейдетъ. Я тоже старовѣръ
По мнѣ, такъ мастерски расписанъ изувѣръ.

Только Ап. Григорьевъ, въ половинѣ 50-хъ гг., попытался возстановить художественную репутацію пушкинской повѣсти. Критикъ съ восторгомъ отзывался о «суровой жестокости манеры», съ какою написанъ «Анджело», обнаружившій «тяготѣніе къ Шекспиру» великаго русскаго поэта. Но подробнаго разбора повѣсти онъ, все-таки, не далъ [3]).

Въ 1800 г. Н. И. Стороженко, въ своей рѣчи по поводу открытія памятника Пушкину въ Москвѣ, характеризуя отношенія нашего поэта къ Шекспиру, высказалъ, что «Анджело» несомнѣнно обладаетъ многими существенными достоинствами: «помимо художественной простоты разсказа и прекраснаго стиха, Пушкинъ былъ сильно заинтересованъ психологической проблемой, заключающейся въ характерѣ Анджело... Разсматриваемый, какъ психологическій этюдъ, «Анджело» окажется весьма замѣчательнымъ произведеніемъ, а мастерской переводъ нѣсколькихъ сценъ показываетъ, что мы лишились въ Пушкинѣ великаго переводчика Шекспира» [4]).

Подробный и интересный этюдъ объ «Анджело» данъ Н. И. Черняевымъ въ книгѣ: «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьк. 1900, стр. 144—232 и 365—375.

П. Морозовъ.

---

[1]) Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 364; изд. Солдатенкова 5-е, VIII, 668.

[2]) 1843 т. X, Критика, стр. 31, въ статьѣ А. Мартынова: «Обзоръ стихотвореній А. Пушкина, помѣщенныхъ въ полномъ собраніи сочиненій его».

[3]) Соч. Ап. Григорьева, I, 109, 237.

[4]) Вѣнокъ на памятникъ Пушкину, Спб. 1880, стр. 225—226.

Книжный орнаментъ ранняго ренесанса.

Книжный орнаментъ ранняго ренесанса.

730. АНДЖЕЛО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивой,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ Судѣ его дремалъ карающій Законъ
Какъ дряхлый звѣрь уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ Суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ,
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя.

Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завесть и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградою законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной,
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, incognito одинъ
Пустился странствовать какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло,
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говоритъ хе! хе! да этотъ ужъ не тотъ.

V.

Между Законами забытыми въ ту пору
Жестокій былъ одинъ: Законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такова приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
Сурово говоря помощникамъ своимъ:
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобратилися привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ Закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежъ,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ безною скользила
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патриціи молодой,
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
И къ таинствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія къ несчастью явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Giorgione.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ поникшей головой обратно шелъ въ тюрьму,
Невольно каждому внушая сожалѣнье
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Луціо, гуляка беззаботной,
Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотной.
Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Луціо, искусства и ума,
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость
Къ тому жъ, и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчитъ сердца людей.—Изволь! поговорю,
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабела
Въ то время съ важною монахиней сидѣла.
Постричься черезъ день она должна была
И разговоръ о томъ со старицей вела.
Вдругъ Луціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
Увѣренъ я что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ)
Нельзя-ли доложить прекрасной Изабелѣ,
Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ?
—Несчастный?... почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
Я Клавдіо сестра.—Нѣтъ, право? очень радъ.
Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
Вашъ братъ въ тюрьмѣ—За что? За то, за чтобы я
Благодарилъ его, красавица моя,
И не было бъ ему инаго наказанья.
(Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
Немного жесткія своею наготой
Для дѣвственныхъ ушей отшельницы младой,
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва
Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душою какъ Эвиръ.
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами).
Теперь, промолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ. Боже мой, дѣвица отвѣчала,
Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ...
Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
Насъ неудачею предатели стращаютъ,
И благо вѣрное достать не допущаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
Что если дѣвица, колѣна преклоня
Передъ мужчиною и проситъ и рыдаетъ,
Какъ Богъ онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной
Съ усерднымъ Луціо къ Вельможѣ поспѣшила,
И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
За брата своего Намѣстника молила.
Дѣвица, отвѣчалъ суровый человѣкъ,
Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
Онъ долженъ умереть. Заплакавъ, Изабела
Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла,
Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ;
«Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ,
Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
Хватайтеся за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
Всѣ средства женскаго искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.
Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку.
Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
Не отставайте-же! еще!

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Marco Basaito.

X.

Она опять
Усердною мольбой стыдливо умолять
Жестокосердаго блюстителя Закона.
Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни Царская корона,
Ни мечь Намѣстника, ни бархатъ Судіи,
Ни полководца жезлъ—всѣ почести сіи—
Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
Какъ Милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
А ты былъ Клавдіо; ты могъ бы пасть какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.

XI.

Ея укоромъ
Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
Оставь меня, прошу, сказалъ онъ тихо ей;
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. Подумай, говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ

Безъ милосердія; скажи: что было-бъ съ нами?
Подумай—и любви услышишь въ сердцѣ гласъ
И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
И новый человѣкъ ты будешь.

XII.

Онъ въ отвѣтъ:
Поди; твои мольбы пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнитъ. Спасти нельзя мнѣ брата
И завтра онъ умретъ.

ИЗАБЕЛА.

Какъ завтра! что? нѣтъ, нѣтъ.
Онъ не готовъ еще... казнить его не можно...
Ужели Господу пошлемъ неосторожно
Мы жертву нàскоро?... Мы даже и цыплятъ
Не бьемъ до-времени... Такъ скоро не казнятъ...
Спаси, спаси его!... Подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленьи,
Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.
Потворствовать грѣху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасной?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастной.
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей въ полунощной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,
Молитвами святыхъ угодныхъ небу дѣвъ
Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
Живыхъ для Господа.
Смущенъ и присмирѣвъ,
Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ
И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Dosso Dossi.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджело безмолвный и угрюмой,
Сидѣлъ, уединясь, объятъ одною думой,
Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронулъ сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслитъ онъ,
Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
Услышить вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
Душа... или когда святова уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манитъ онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отроду къ соблазнамъ увлеченъ,

И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный человѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ,
Но мыслитъ, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говоритъ, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народъ безсмысленно дивился,
Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ
Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣткомъ...
. . . . . .
. . . . . .
Поутру къ Анджело явилась Изабела
И странный разговоръ съ Намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!...
Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛА.

Почему-же
Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? что въ мірѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убійство легче.

ИЗАБЕЛА.

Да,
Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что если бъ отдали тебѣ на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛА.

Скорѣе чѣмъ душою
Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую... дѣло въ томъ:
Братъ осужденъ на казнь; его спасти грѣхомъ
Не милосердіе-ль?

ИЗАБЕЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь-ли ты его
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛА.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
(Коль только это грѣхъ). О томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня,
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь,
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно Законъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.
(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего.)
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его
(Наперсникъ Судіи, иль самъ по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный),
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденьемъ; не то—рѣшитъ Законъ.
Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАБЕЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умретъ.

ИЗАБЕЛА.

Такъ что-же?
Онъ лучшій путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что-жъ казалося тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сей часъ
Ты праведный Законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАБЕЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противурѣчила я милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ—
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАБЕЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умретъ, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛА.

Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отопрусь;
Клянуся честію.

ИЗАБЕЛА.

О много, много чести!
И дѣло честное!... Обманщикъ! Демонъ лести
Сей часъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу—и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветою.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости: и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Ботичелли.

IV.

Сказалъ, и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей; и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ унынiи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ и съ нимъ въ плащѣ широкомъ
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятiемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.

Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.—
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла: миръ вамъ!—очнулся онъ
И смотритъ на сестру, мгновенно оживлёнъ.
Отецъ мой, говоритъ монаху Изабела,
Я съ братомъ говоритъ одна бы здѣсь хотѣла.
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
Что скажешь?

ИЗАБЕЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛА.

Нѣтъ иль развѣ поплатиться
Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛА.

Тюрьма—хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛА.

Другъ сердечной,
Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ,
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься-ль умереть?
Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ тоже,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусъ?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль долженъ умереть; и встрѣчу ночь могилы
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцевскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю:

Тотъ грозный Судія, святоша тотъ жестокой,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь,
Самъ Демонъ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛА.

Адъ облекъ
Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛА.

На гнустное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛА.

Братъ милой!
Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнію моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милой!

ИЗАБЕЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой,
Иль въ этомъ нѣтъ грѣха, иль изъ семи грѣховъ
Грѣхъ это меньшій... Какъ?... Такого прегрѣшенья
Тамъ вѣрно не казнятъ. Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить рѣшился-бъ онъ навѣкъ?
Нѣтъ, я не думаю. Онъ умный человѣкъ.
Ахъ, Изабела!

ИЗАБЕЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛА.

И стыдъ ужасенъ!

КЛАВДІО.

Такъ—однако жъ... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ...
И все, что грезится отчаянной мечтѣ...
Нѣтъ, нѣтъ! земная жизнь въ болѣзни, въ нищетѣ,
Въ печаляхъ, въ старости, въ неволѣ,—будетъ раемъ
Въ сравненьи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ!

ИЗАБЕЛА.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинитъ.

ИЗАБЕЛА.

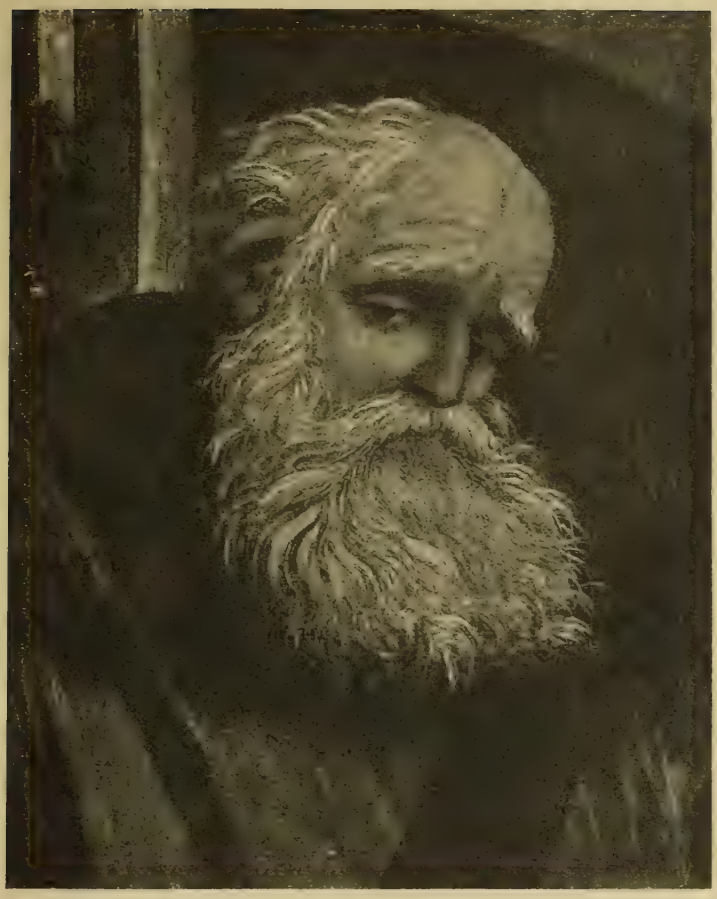
Что смѣешь говорить?
Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣситель! нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То все таки бъ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь—ужъ ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, постой, постой
Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой
Удерживалъ ее за платье. Изабела
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять
Лаская, начала страдальца утѣшать.



ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.
Картина Филиппино Липпи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометой,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣлъ
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушалъ весь разсказъ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ

Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна
Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
Предайся-жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна
Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположенье
И далъ прощальное свое благословенье.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело
Угрюмой, злой души печальное зерцало,
Желанья женскія навѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло?
Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человѣкъ, сей грѣшникъ—былъ любимъ
Душою нѣжною, печальной и смиренной,
Душой отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрила,
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
Одна въ предмѣстіи, печально изнывая.
Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
И тихо плакала. Какъ Ангелъ, Изабела
Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома съ ней,
И часто утѣшать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
Къ палатамъ Анджело идти должна была,
Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой
И наградить его условленной наградой.
Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: *теперь о братъ не забудь.*
Марьяна бѣдная сквозь слезы улыбалась
Готовилась дрожа—и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь, въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ
И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабела,
Все шло какъ надобно: сей часъ у ней сидѣла
Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась—
Вдругъ запечатанный приказъ приноситъ вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читаютъ: что жъ? Намѣстникъ

ИТАЛЬЯНСКІЕ ТИПЫ РАННЯГО РЕНЕСАНСА ВЪ КАРТИНАХЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Картина Sebastiano del Piombo.

Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ—представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ туже ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отправился, дабы вельможу злова
Столь гнусныя дѣла творящаго во тьмѣ
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,

Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣсняшійся вокругъ
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ и—прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ. Помилуй, Государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!...—Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабелу мещетъ...
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла...
Но обнаружа гнѣвъ
И долго скрытое въ душѣ негодованье,
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получитъ воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ;
Все объяснилося, и правда изъ тумана
Возникла; Дукъ тогда: что Анджело скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: казни!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.
Иди, сказалъ властитель,
Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель;
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила, ты, мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ, но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему.—Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, Государь! не будь неумолимъ,
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый Изабела!
Проси ты за него, хоть на колѣни стань,
Хоть руки подыми ты молча.
Изабела
Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ Властителемъ колѣна преклоня,
Помилуй, Государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!
И Дукъ его простилъ.

ПОЛЬСКІЙ ВОЕВОДА.
Картина Матейки.

731. ВОЕВОДА.

Поздно ночью изъ похода
Воротился Воевода.
Онъ слугамъ велитъ молчать;
Въ спальню кинулся къ постелѣ;
Дернулъ пологъ... Въ самомъ дѣлѣ!
Никого; пуста кровать.
И, мрачнѣе черной ночи,
Онъ потупилъ грозны очи,
Сталъ крутить свой сивый усъ...
Рукава назадъ закинулъ,
Вышелъ вонъ, замокъ задвинулъ;
«Гей, ты, кликнулъ, чортовъ кусъ!
«А зачѣмъ нѣтъ у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я васъ, хамы!... Дай ружье;
Приготовь мѣшокъ, веревку,
Да сними съ гвоздя винтовку.
Ну, за мною!... я жъ ее!»
Панъ и хлопецъ подъ заборомъ
Тихимъ крадутся дозоромъ,
Входятъ въ садъ—и сквозь вѣтвей,
На скамейкѣ, у фонтана,
Въ бѣломъ платьѣ, видятъ, панна
И мужчина передъ ней.
Говоритъ онъ: «Все пропало,
Чѣмъ лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любилъ:
Бѣлой груди воздыханье,
Нѣжной ручки пожиманье,
Воевода все купилъ.
Сколько лѣтъ тобой страдалъ я,
Сколько лѣтъ тебя искалъ я!
Отъ меня ты отперлась.
Не искалъ онъ, не страдалъ онъ;
Серебромъ лишь побряцалъ онъ,
И ему ты отдалась.
Я скакалъ во мракѣ ночи
Милой панны видѣть очи,
Руку нѣжную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лѣтъ ей и веселья,
И потомъ навѣкъ бѣжать.»
Панна плачетъ и тоскуетъ,
Онъ колѣни ей цѣлуетъ,
А сквозь вѣтви тѣ глядятъ,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполомъ зарядъ.
Подступили осторожно.
«Панъ мой, цѣлить мнѣ не можно,»
Бѣдный хлопецъ прошепталъ:
«Вѣтеръ, что ли, плачутъ очи,
Дрожь беретъ; въ рукахъ нѣтъ мочи,
Порохъ въ полку не попалъ.»
«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мнѣ время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цѣль ей въ лобъ. Лѣвѣе... выше.
Съ паномъ справлюсь самъ. Потише;
Прежде я; ты погоди.»
Выстрѣлъ по саду раздался.
Хлопецъ пана не дождался;
Воевода закричалъ,
Воевода пошатнулся...
Хлопецъ, видно, промахнулся:
Прямо въ лобъ ему попалъ.

732. БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, какъ и онъ, три Литвина.
Онъ пришелъ толковать съ молодцами.
Дѣти! сѣдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи съ бердышами.
Справедлива вѣсть эта: на три стороны свѣта
Три замышлены въ Вильнѣ похода.
Пазъ идетъ на Поляковъ, а Ольгердъ на Прусаковъ,
А на Русскихъ Кестутъ Воевода.
Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранятъ васъ Литовскіе боги!),
Нынѣче самъ я не ѣду, васъ я шлю на побѣду;
Трое васъ, вотъ и три вамъ дороги.
«Будетъ всѣмъ по наградѣ: пусть одинъ въ Новѣградѣ
Поживится отъ Русскихъ добычей.
Жены ихъ, какъ въ окладахъ, въ драгоцѣнныхъ нарядахъ;
Домы полны; богатъ ихъ обычай.
А другой отъ Прусаковъ, отъ проклятыхъ Крыжаковъ,
Можетъ много достать дорогаго,
Денегъ съ цѣлаго свѣта, суконъ яркаго цвѣта.—
Янтаря—что песку тамъ морскаго.
Третій съ Пазомъ на Ляха пусть ударитъ безъ страха:
Въ Польшѣ мало богатства и блеску,
Сабель взять тамъ не худо; но ужъ вѣрно оттуда
Привезетъ онъ мнѣ на домъ невѣстку.
Нѣтъ на свѣтѣ Царицы краше Польской дѣвицы:
Весела—что котенокъ у печки—
И какъ роза румяна, а бѣла, что сметана;
Очи свѣтятся, будто двѣ свѣчки!
Былъ я, дѣти, моложе, въ Польшу съѣздилъ я тоже
И оттуда привезъ себѣ жонку;
Вотъ и вѣкъ доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, какъ гляжу въ ту сторонку.
Сыновья съ нимъ простились и въ дорогу пустились,
Ждетъ, пождетъ ихъ старикъ домовитый,
Дни за днями проводитъ, ни одинъ не приходитъ.
Будрысъ думалъ: ужъ видно убиты!
Снѣгъ на землю валится, сынъ дорогою мчится,
И подъ буркою ноша большая.
«Чѣмъ тебя надѣлили? что тамъ? Ге! не рубли ли?»
— «Нѣтъ, отецъ мой, полячка младая».
Снѣгъ пушистый валится, всадникъ съ ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что подъ буркой такое? не сукно ли цвѣтное?»
— «Нѣтъ, отецъ мой. Полячка младая».
Снѣгъ на землю валится, третій съ ношею мчится,
Черной буркой ее прикрываетъ.
Старый Будрысъ хлопочетъ, и спросить ужъ не хочетъ,
А гостей на три свадьбы сзываетъ.

БУДРЫСЪ И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Рисунокъ Н. Каразина.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

I.

ИДЕЯ ПОВѢСТИ.

1.

Первое, что поражаетъ въ «МѢдномъ Всадникѣ», это—несоотвѣтствіе между фабулой повѣсти и ея содержаніемъ.

Въ повѣсти разсказывается о бѣдномъ, ничтожномъ петербургскомъ чиновникѣ, какомъ-то Евгеніи, не умномъ, не оригинальномъ, ничѣмъ не отличающемся отъ своихъ собратій, который былъ влюбленъ въ какую-то Парашу, дочь вдовы, живущей у взморья. Наводненіе 1824 г. снесло ихъ домъ; вдова и Параша погибли. Евгеній не перенесъ этого несчастія и сошелъ съ ума. Однажды ночью, проходя мимо памятника Петру I, Евгеній, въ своемъ безуміи, прошепталъ ему нѣсколько злобныхъ словъ, видя въ немъ виновника своихъ бѣдствій. Разстроенному воображенію Евгенія представилось, что мѣдный всадникъ разгнѣвался на него за это и погнался за нимъ на своемъ бронзовомъ конѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того безумецъ умеръ.

Но съ этой несложной исторіей любви и горя бѣднаго чиновника связаны подробности и цѣлые эпизоды, казалось бы вовсе ей не соотвѣтствующіе. Прежде всего ей предпослано обширное «Вступленіе», которое вспоминаетъ основаніе Петромъ Великимъ Петербурга и даетъ, въ рядѣ картинъ, весь обликъ этого «творенія Петра». Затѣмъ, въ самой повѣсти, кумиръ Петра Великаго оказывается какъ бы вторымъ дѣйствующимъ лицомъ. Поэтъ очень неохотно и скупо говоритъ о Евгеніи и Парашѣ, но много и съ увлеченіемъ о Петрѣ и его подвигѣ. Преслѣдованіе Евгенія мѣднымъ всадникомъ изображено не столько какъ бредъ сумасшедшаго, сколько какъ реальный фактъ, и, такимъ образомъ, въ повѣсть введенъ элементъ сверхъестественнаго. Наконецъ, отдѣльныя сцены повѣсти разсказаны тономъ приподнятымъ и торжественнымъ, дающимъ понять, что рѣчь идетъ о чемъ-то исключительно важномъ.

Все это заставило критику, съ ея первыхъ шаговъ, искать въ «МѢдномъ Всадникѣ» второго, внутренняго смысла, видѣть въ образахъ Евгенія и Петра воплощенія, символы двухъ началъ. Было предложено много разнообразнѣйшихъ толкованій повѣсти, но всѣ ихъ, какъ намъ кажется, можно свести къ тремъ типамъ.

Одни, въ ихъ числѣ Бѣлинскій, видѣли смыслъ повѣсти въ сопоставленіи коллективной воли и воли единичной, личности и неизбѣжнаго хода исторіи. Для нихъ представителемъ коллективной воли былъ Петръ, воплощеніемъ личнаго, индивидуальнаго начала—Евгеній. «Въ этой поэмѣ,—писалъ Бѣлинскій,—видимъ мы горестную участь личности, страдающей какъ бы вслѣдствіе избранія мѣста для новой столицы, гдѣ подверглось гибели столько людей... И смиреннымъ сердцемъ признаемъ мы торжество общаго надъ частнымъ, не оказываясь отъ нашего сочувствія къ страданію этого частнаго... При взглядѣ на великана, гордо и неколебимо возносящагося среди всеобщей гибели и разрушенія и какъ бы символически осуществляющаго собою несокрушимость его творенія, мы хотя и не безъ содроганія сердца, но сознаемся, что этотъ бронзовый гигантъ не могъ уберечь участи индивидуальностей, обезпечивая участь народа и государства; что за него историческая необходимость, и что его взглядъ на насъ есть уже его оправданіе... Эта поэма—апоѳеоза Петра Великаго, самая смѣлая, какая могла только прійти въ голову поэту, вполнѣ достойному быть пѣвцомъ великаго преобразователя». Съ этой точки зрѣнія, изъ двухъ столкнувшихся силъ, правъ представитель «исторической необходимости», Петръ.

Другіе, мысль которыхъ всѣхъ отчетливѣе выразилъ Д. Мережковскій, видѣли въ двухъ герояхъ «МѢднаго Всадника» представителей двухъ изначальныхъ силъ, борющихся въ европейской цивилизаціи: язычества и христіанства, отреченія отъ своего *я* въ Богѣ и обожествленія своего

я въ героизмѣ. Для нихъ Петръ былъ выразителемъ личнаго начала, героизма, а Евгеній—выразителемъ начала безличнаго, коллективной воли. «Здѣсь (въ «Мѣдномъ Всадникѣ»),—пишетъ Мережковскій,—вѣчная противоположность двухъ героевъ, двухъ началъ:—Тазита и Галуба, стараго Цыгана и Алеко, Татьяны и Онѣгина... Съ одной стороны, малое счастье малаго, невѣдомаго коломенскаго чиновника, напоминающаго смиренныхъ героевъ Достоевскаго и Гоголя, съ другой—сверхчеловѣческое видѣніе героя... Какое дѣло гиганту до гибели невѣдомыхъ? Не для того ли рождаются безчисленные, равные, лишніе, чтобы по костямъ ихъ великіе избранники шли къ своимъ цѣлямъ?... Но что если въ слабомъ сердцѣ ничтожнѣйшаго изъ ничтожныхъ, «дрожащей твари», вышедшей изъ праха, въ простой любви его откроется бездна, не меньшая той, изъ которой родилась воля героя? Что если червь земли возмутится противъ своего бога?... Вызовъ брошенъ. Судъ малаго надъ великимъ произнесенъ: «Добро, строитель чудотворный!... Ужо тебѣ!» Вызовъ брошенъ, и спокойствіе горделиваго истукана нарушено... Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца... Но вѣщій бредъ безумца, слабый шопотъ его возмущенной совѣсти уже не умолкнетъ, не будетъ заглушенъ подобнымъ грому грохотаньемъ, тяжелымъ топотомъ Мѣднаго Всадника». Съ своей точки зрѣнія Мережковскій оправдываетъ Евгенія, оправдываетъ мятежъ «малыхъ», «ничтожныхъ», возстаніе христіанства на идеалы язычества.

Третьи, наконецъ, видѣли въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, а въ «злобномъ» шопотѣ Евгенія—мятежъ противъ деспотизма.

Новое обоснованіе такому пониманію «Мѣднаго Всадника» далъ недавно проф. І. Третьякъ *), показавшій зависимость повѣсти Пушкина отъ сатиръ Мицкевича «Ustęp». Сатиры Мицкевича появились въ 1832 году и тогда же стали извѣстны Пушкину. Въ бумагахъ Пушкина нашли собственноручно сдѣланные имъ списки нѣсколькихъ стихотвореній изъ этихъ сатиръ **). Цѣлый рядъ стиховъ «Мѣднаго Всадника» оказывается то распространеніемъ стиховъ Мицкевича, то какъ бы отвѣтомъ на нихъ. Мицкевичъ изобразилъ сѣверную столицу слишкомъ мрачными красками; Пушкинъ отвѣтилъ апологіей Петербурга. Сопоставляя «Мѣднаго Всадника» съ сатирой Мицкевича «Oleszkiewicz», видимъ, что онъ имѣетъ съ ней общую тему,—наводненіе 1824 г., и общую мысль: что за проступки правителей несутъ наказаніе слабые и невинные подданные. Если сопоставить «Мѣднаго Всадника» со стихами Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», мы найдемъ еще болѣе важное сходство: у Мицкевича «поэтъ русскаго народа, славный пѣснями на цѣлой полночи» (т.-е. самъ Пушкинъ), клеймитъ памятникъ названіемъ «каскадъ тиранства»; въ Мѣдномъ Всадникѣ» герой повѣсти клянетъ тотъ же памятникъ. Въ примѣчаніяхъ къ «Мѣдному Всаднику» дважды упомянуто имя Мицкевича и его сатиры, причемъ «Oleszkiewicz» названъ однимъ изъ лучшихъ его стихотвореній. Съ другой стороны, и Мицкевичъ, въ своихъ сатирахъ, нѣсколько разъ опредѣленно намекаетъ на Пушкина, какъ бы вызывая его на отвѣтъ.

Проф. Третьякъ полагаетъ, что въ сатирахъ Мицкевича Пушкинъ услышалъ обвиненіе въ измѣнѣ тѣмъ «вольнолюбивымъ» идеаламъ молодости, которыми онъ когда-то дѣлился съ польскимъ поэтомъ. Упрекъ Мицкевича, въ его стихахъ «Do przyjaciół Moskali», обращенный къ тѣмъ, кто «подкупленнымъ языкомъ славитъ торжество царя и радуется мукамъ своихъ пріятелей», Пушкинъ доженъ былъ отнести и къ себѣ. Пушкинъ не могъ смолчать на подобный укоръ и не захотѣлъ отвѣтить великому противнику тономъ оффиціально-патріотическихъ стихотвореній. Въ истинно-художественномъ созданіи, въ величавыхъ образахъ высказалъ онъ все то, что думалъ о русскомъ самодержавіи и его значеніи. Такъ возникъ «Мѣдный Всадникъ».

Что же гласитъ этотъ отвѣтъ Пушкина Мицкевичу? Проф. Третьякъ полагаетъ, что какъ въ стихахъ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», такъ и въ «петербургской повѣсти» Пушкина—европейскій индивидуализмъ вступаетъ въ борьбу съ азіатской идеей государства въ Россіи. Мицкевичъ предсказываетъ побѣду индивидуализма, а Пушкинъ—его полное пораженіе. И отвѣтъ Пушкина проф. Третьякъ пытается пересказать въ такихъ словахъ: «Правда, я былъ и остаюсь провозвѣстникомъ сво-

*) Józef Tretiak. Mickiewicz i Puszkin. Warszawa. 1906. Мы пользовались изложеніемъ г. С. Браиловскаго, («Пушкинъ и его современники», вып. VII).

**) Московскій Румянцовскій музей. Тетрадь № 2373.

боды врагомъ тиранніи, но не явился ли бы я сумасшедшимъ, выступая на открытую борьбу съ послѣдней? Желая жить въ Россіи, необходимо подчиниться всемогущей идеѣ государства, иначе она будетъ меня преслѣдовать, какъ безумнаго Евгенія».

Таковы три типа толкованій «Мѣднаго Всадника».

Намъ кажется, что послѣднее изъ нихъ, которое видитъ въ Петрѣ воплощеніе самодержавія, должно быть всего ближе къ подлинному замыслу Пушкина. Пушкину не свойственно было олицетворять въ своихъ созданіяхъ такія отвлеченныя идеи, какъ «язычество» и «христіанство» или «историческая необходимость» и «участь индивидуальностей». Но, живя послѣдніе годы

> Въ тревогѣ пестрой и безплодной
> Большого свѣта и двора,

онъ не могъ не задумываться надъ значеніемъ самодержавія для Россіи. На тѣ же мысли должны были его навести усердныя его занятія русской исторіей и особенно исторіей Петра Великаго. Убѣдительными кажутся намъ и доводы проф. Третьяка о связи между «Мѣднымъ Всадникомъ» и сатирами Мицкевича. Впрочемъ, и помимо этихъ сатиръ Пушкинъ не могъ не знать, что его сближеніе съ дворомъ многими, и даже нѣкоторыми изъ его друзей, истолковывается, какъ измѣна идеаламъ его юности. Еще въ 1828 году Пушкинъ нашелъ нужнымъ отвѣчать на такіе упреки стансами:

> Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
> Хвалу свободную слагаю...

Кромѣ того, пониманіе Петра въ «Мѣдномъ Всадникѣ», какъ воплощенія, какъ символа самодержавія, до нѣкоторой степени включаетъ въ себя и другія толкованія повѣсти. Русское самодержавіе возникло въ силу «исторической необходимости». Къ самодержавію царей московскихъ съ неизбѣжностью велъ весь ходъ развитія русской исторіи. Въ то же время самодержавіе всегда было и обожествленіемъ личности. Петра Великаго Ломоносовъ открыто сравнивалъ съ Богомъ. Богомъ называли современники еще Александра I. Мятежъ личности противъ самодержавія невольно становится мятежомъ противъ «исторической необходимости» и противъ «обожествленія личности».

Но, присоединяясь къ основнымъ взглядамъ проф. Третьяка, мы рѣшительно не принимаемъ его выводовъ. Видя вмѣстѣ съ нимъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» отвѣтъ Пушкина на упреки Мицкевича, мы понимаемъ этотъ отвѣтъ иначе. Мы полагаемъ, что самъ Пушкинъ влагалъ въ свое созданіе совершенно не тотъ смыслъ, какой хотятъ въ немъ прочесть.

2.

Если присмотрѣться къ характеристикѣ двухъ героевъ «Мѣднаго Всадника», станетъ яснымъ, что Пушкинъ стремился всѣми средствами сдѣлать одного изъ нихъ,— Петра—сколько возможно болѣе «великимъ», а другого—Евгенія—сколько возможно болѣе «малымъ», «ничтожнымъ». «Великій Петръ», по замыслу поэта, долженъ былъ стать олицетвореніемъ мощи самодержавія въ ея крайнемъ проявленіи; «бѣдный Евгеній»—воплощеніемъ крайняго безсилія обособленной, незначительной личности.

Петръ Великій принадлежалъ къ числу любимѣйшихъ героевъ Пушкина. Пушкинъ внимательно изучалъ Петра, много объ немъ думалъ, посвящалъ ему восторженныя строфы, вводилъ его, какъ дѣйствующее лицо, въ цѣлыя эпопеи, въ концѣ жизни началъ работать надъ обширной «Исторіей Петра Великаго». Во всѣхъ этихъ изысканіяхъ Петръ представлялся Пушкину существомъ исключительнымъ, какъ бы превышающимъ человѣческіе размѣры. «Геній Петра вырывался за предѣлы своего вѣка»,— писалъ Пушкинъ въ своихъ «Историческихъ замѣчаніяхъ» 1822 г. Въ «Пирѣ Петра Великаго» Петръ названъ «чудотворцемъ-исполиномъ». Въ «Стансахъ» его душѣ приданъ эпитетъ «всеобъемлющей». На поляхъ Полтавы Петръ—

> Могущъ и радостенъ какъ бой.
> . . . . . .
> . . . Ликъ его ужасенъ...
> Онъ весь какъ Божія гроза.

Въ «Моей Родословной» одаренъ силой почти сверхъестественной тотъ,

> Кѣмъ наша двигнулась земля,
> Кто придалъ мощно бѣгъ державный
> Кормѣ родного корабля.

Однако, Пушкинъ всегда видѣлъ въ Петрѣ и крайнее проявленіе самовластія, граничащее съ деспотизмомъ. «Петръ I п р е з и р а л ъ ч е л о в ѣ ч е с т в о, можетъ быть, болѣе, чѣмъ Наполеонъ», писалъ Пушкинъ въ «Историческихъ замѣчаніяхъ».

Тутъ же добавлено, что при Петрѣ Великомъ въ Россіи было «всеобщее рабство и безмолвное повиновеніе». «Петръ Великій одновременно Робеспьеръ и Наполеонъ, воплощенная революція», писалъ Пушкинъ въ 1831 г. Въ «Матеріалахъ для исторіи Петра Великаго» Пушкинъ на каждомъ шагу называетъ указы Петра то «жестокимъ», то «варварскимъ», то «тиранскимъ». Въ тѣхъ же «Матеріалахъ» читаемъ: «Сенатъ и Синодъ подносятъ ему титулъ: Отца Отечества, Всероссійскаго Императора и Петра Великаго. Петръ недолго церемонился и принялъ ихъ». Вообще, въ этихъ «Матеріалахъ» Пушкинъ, упоминая бѣгло о тѣхъ учрежденіяхъ Петра, которыя суть «плоды ума обширнаго, исполненнаго доброжелательства и мудрости»,— усердно выписываетъ тѣ его указы, по поводу которыхъ ему приходится говорить о «своевольствѣ и варварствѣ», о «несправедливости и жестокости», о «произволеніи самодержца».

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» тѣ же черты, мощи и самовластія, въ образѣ Петра доведены до послѣднихъ предѣловъ.

Открывается повѣсть образомъ властелина, который въ суровой пустынѣ задумываетъ свою борьбу со стихіями и съ людьми. Онъ хочетъ безлюдный край обратить въ «красу и диво полнощныхъ странъ», изъ топи болотъ воздвигнуть пышную столицу, и въ то же время для своего полуазіатскаго народа «въ Европу прорубить окно». Въ первыхъ стихахъ нѣтъ даже имени Петра, сказано просто:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ [1]).

Петръ не произноситъ ни слова, онъ только думаетъ свои думы,—и вотъ, словно чудомъ, возникаетъ

юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ.

Пушкинъ усиливаетъ впечатлѣніе чудеснаго, дѣлая рядъ параллелей того, что́ было и что́ стало:

Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ

Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся.
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова.

Въ одномъ черновомъ наброскѣ этихъ стиховъ, послѣ словъ о «финскомъ рыболовѣ», есть у Пушкина еще болѣе характерное восклицаніе:

. . . духъ Петровъ
Сопротивленіе природы! [2])

Съ этими словами надо сблизить то мѣсто въ повѣсти «Арапъ Петра Великаго», гдѣ описывается Петербургъ временъ Петра. «Ибрагимъ,—разсказываетъ Пушкинъ,—съ любопытствомъ смотрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болотъ по манію самодержавія. Обнаженныя плотины, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли побѣду человѣческой воли надъ сопротивленіемъ стихій». Очевидно, и въ стихахъ «Мѣднаго Всадника» Пушкинъ первоначально хотѣлъ повторить мысль о побѣдѣ надъ «сопротивленіемъ стихій»— человѣческой, державной воли.

«Вступленіе», послѣ картины современнаго Пушкину Петербурга, прямо названнаго «твореніемъ Петра», заканчивается торжественнымъ призывомъ къ стихіямъ— примириться со своимъ пораженіемъ и со своимъ плѣномъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ...

Но Пушкинъ чувствовалъ, что историческій Петръ, какъ ни преувеличивать его обаяніе, все же останется только человѣкомъ. Порою изъ-подъ облика полу-бога будетъ неизбѣжно выступать обликъ просто «человѣка высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною трубкою во рту,

[1]) Въ первоначальномъ варіантѣ «Вступленія» читаемъ:

На берегу Варяжскихъ волнъ
Стоялъ, задумавшись глубоко,
Великій Петръ. Предъ нимъ широко... и т. д.

[2]) Всѣ цитаты, какъ эта, такъ предыдущія и послѣдующія, основаны на самостоятельномъ изученіи авторомъ этой статьи рукописей Пушкина.

который, облокотясь на столъ, читаетъ гамбургскія газеты». («Арапъ Петра Великаго»). И вотъ, чтобы сдѣлать своего героя чистымъ воплощеніемъ самодержавной мощи, чтобы и во внѣшнемъ отличить его ото всѣхъ людей, Пушкинъ переноситъ дѣйствіе своей повѣсти на сто лѣтъ впередъ («Прошло сто лѣтъ...») и замѣняетъ самого Петра—его изваяніемъ, его идеальнымъ образомъ. Герой повѣсти—не тотъ Петръ, который задумывалъ «грозить Шведу» и звать къ себѣ «въ гости всѣ флаги», но «мѣдный всадникъ», «горделивый истуканъ» и прежде всего «кумиръ». Именно «кумиромъ», т.-е. чѣмъ-то обожествленнымъ, всего охотнѣе и называетъ самъ Пушкинъ памятникъ Петра [1]).

Во всѣхъ сценахъ повѣсти, гдѣ является «мѣдный всадникъ», изображенъ онъ какъ существо высшее, не знающее себѣ ничего равнаго. На своемъ бронзовомъ конѣ, онъ всегда стоитъ «въ вышинѣ»; онъ одинъ остается спокойнымъ въ часъ всеобщаго бѣдствія, когда кругомъ «все опустѣло», «все побѣжало», все «въ трепетѣ». Когда этотъ мѣдный всадникъ скачетъ, раздается «тяжелый топотъ», подобный «грома грохотанью», и вся мостовая потрясена этимъ скаканьемъ, которому поэтъ долго выбиралъ подходящее опредѣленіе—«тяжеломѣрное», «далеко-звонкое», «тяжело-звонкое». Говоря объ этомъ кумирѣ, высящемся надъ огражденною скалою, Пушкинъ, всегда столь сдержанный, не останавливается передъ самыми смѣлыми эпитетами: это—и «властелинъ Судьбы», и «державецъ полуміра», и (въ черновыхъ наброскахъ) «страшный Царь», «мощный Царь», «мужъ Судьбы», «владыка полуміра».

Высшей силы это обожествленіе Петра достигаетъ въ тѣхъ стихахъ, гдѣ Пушкинъ, забывъ на время своего Евгенія, самъ задумывается надъ смысломъ подвига, совершеннаго Петромъ:

О, мощный властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Образъ Петра преувеличенъ здѣсь до послѣднихъ предѣловъ. Это уже не только побѣдитель стихій, это, воистину, «властелинъ Судьбы». Своей «роковой волей» направляетъ онъ жизнь цѣлаго народа. Желѣзной уздой удерживаетъ онъ Россію на краю бездны, въ которую она уже готова была рухнуть [1]). И самъ поэтъ, охваченный ужасомъ передъ этой сверхчеловѣческой мощью, не умѣетъ отвѣтить себѣ, кто же это передъ нимъ.

Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
. . . . . .
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

Таковъ первый герой «петербургской повѣсти»: Петръ, мѣдный всадникъ, полубогъ.—Пушкинъ позаботился, чтобы второй герой, «бѣдный, бѣдный мой Евгеній», былъ истинною ему противоположностью.

Въ первоначальномъ наброскѣ «Мѣднаго Всадника» характеристикѣ второго героя было посвящено много мѣста. Какъ извѣстно, отрывокъ, выдѣленный впослѣдствіи въ особое цѣлое подъ заглавіемъ «Родословная моего героя», входилъ сначала въ составъ «петербургской повѣсти», и никто другой, какъ «мой Езерскій», превратился позднѣе въ «бѣднаго Евгенія». Именно, разсказавъ, какъ

изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой,

Пушкинъ сначала продолжалъ:

Такъ будемъ нашего Героя
Мы звать, затѣмъ что мой языкъ
Ужъ къ звуку этому привыкъ.
Начнемъ аѣ оуо: мой Евгеній
Происходилъ отъ поколѣній,
Чей дерзкій парусъ средь морей
Былъ ужасомъ минувшихъ дней.

Однако, потомъ Пушкинъ нашелъ неумѣстнымъ разсказывать о предкахъ того героя, который, по замыслу повѣсти, долженъ быть ничтожнѣйшемъ изъ ничтож-

[1]) Выраженіе «гигантъ» не принадлежитъ Пушкину; это—поправка Жуковскаго.

[1]) Мы понимаемъ это мѣсто такъ: Россія, стремительно несясь впередъ по невѣрному пути, готова была рухнуть въ бездну. Ея «сѣдокъ», Петръ, во-время, надъ самой бездной, поднялъ ее на дыбы, и тѣмъ спасъ. Такимъ образомъ, въ этихъ стихахъ мы видимъ оправданіе Петра и его дѣла. Другое пониманіе этихъ стиховъ, толкующее мысль Пушкина какъ упрекъ Петру, который такъ поднялъ на дыбы Россію, что ей осталось «опустить копыта» только въ безднѣ,—кажется намъ произвольнымъ. Отмѣтимъ кстати, что в о всѣхъ подлинныхъ рукописяхъ читается «п о д н я л ъ на дыбы», а не «в з д е р н у л ъ на дыбы» (какъ до сихъ поръ печаталось и печатается в о всѣхъ изданіяхъ).

ныхъ, и не только выдѣлилъ въ отдѣльное произведеніе всѣ строфы, посвященныя его родословной, но даже лишилъ его «прозванія», т.-е. фамиліи (въ различныхъ наброскахъ герой «петербургской повѣсти» названъ то «Иванъ Езерскій», то «Зоринъ молодой», то «Рулинъ молодой»). Длинная родословная замѣнилась немногими словами:

Прозванья намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало...

Не довольствуясь тѣмъ, Пушкинъ постарался совершенно обезличить своего героя. Въ раннихъ редакціяхъ повѣсти, Евгеній еще довольно живое лицо. Пушкинъ говоритъ опредѣленно и подробно и о его житейскомъ положеніи, и о его душевной жизни, и о его внѣшнемъ обликѣ. Вотъ нѣсколько такихъ набросковъ:

Онъ былъ чиновникъ небогатый,
Лицомъ немного рябоватый.

—

Онъ былъ затѣйливъ, небогатъ,
Собою бѣлокуръ...

—

Онъ былъ чиновникъ очень бѣдный,
Безродный, круглый сирота.

—

Чиновникъ бѣдный,
Задумчивый, худой и блѣдный.

—

Онъ одѣвался нерадиво,
Всегда бывалъ застегнутъ криво
Его зеленый, узкій фракъ.

—

Какъ всѣ, онъ велъ себя не строго,
Какъ всѣ, о деньгахъ думалъ много,
И жуковскій курилъ табакъ,
Какъ всѣ, носилъ мундирный фракъ.

Отъ всего этого, въ окончательной обработкѣ, остались только свѣдѣнія, что «нашъ герой»—«гдѣ-то служитъ» и что «былъ онъ бѣденъ».

Характерно также, что первоначальный герой повѣсти представлялся Пушкину лицомъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели позднѣйшій Евгеній. Одно время Пушкинъ думалъ даже сдѣлать изъ него, если не поэта, то человѣка какъ-то интересующагося литературой. Въ черновыхъ наброскахъ читаемъ:

Мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

—

Какъ всѣ, онъ велъ не себя строго,
Какъ мы, писалъ стихами много.

Вмѣсто этого, въ окончательной редакціи, Пушкинъ заставляетъ Евгенія мечтать:

Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ...

Гдѣ уже думать о сочинительствѣ человѣку, который самъ сознается, что ему недостаетъ ума!

Точно такъ же, первоначальный герой и на соціальной лѣстницѣ стоялъ гораздо выше Евгенія. Пушкинъ сначала называлъ его своимъ сосѣдомъ и даже говорилъ о его «роскошномъ» кабинетѣ.

Въ своемъ роскошномъ кабинетѣ,
Въ то время, Рулинъ молодой
Сидѣлъ задумчиво...

—

. . . въ то время
Домой пріѣхалъ мой сосѣдъ,
Вошелъ въ свой мирный кабинетъ [1]).

Всѣ эти черты постепенно измѣнялись. «Мирный» кабинетъ былъ замѣненъ «скромнымъ» кабинетомъ; потомъ вмѣсто слова «мой сосѣдъ» появилось описательное выраженіе «въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я»; наконецъ, жилище своего героя Пушкинъ сталъ опредѣлять, какъ «канурка пятаго жилья», «чердакъ», «чуланъ» или словами: «живетъ подъ кровлей». Въ одной черновой сохранилась характерная въ этомъ отношеніи поправка: Пушкинъ зачеркнулъ слова «мой сосѣдъ» и написалъ вмѣсто того «мой чудакъ», а слѣдующій стихъ:

Вошелъ въ свой мирный кабинетъ,

измѣнилъ такъ:

Вошелъ и отперъ свой чердакъ.

Пушкинъ простеръ свою строгость до того, что лишилъ всякихъ индивидуальныхъ чертъ самый этотъ «чердакъ» или «чуланъ». Въ одной изъ раннихъ редакцій читаемъ:

Вздохнувъ, онъ осмотрѣлъ чуланъ,
Постелю, пыльный чемоданъ,
И столъ бумагами покрытый,
И шкапъ, со всѣмъ его добромъ;
Нашелъ въ порядкѣ все; потомъ,

---

[1]) Что касается отрывка, даваемаго многими изданіями, какъ варіантъ стиховъ «Мѣднаго Всадника»:

Тогда, по каменной площадкѣ
Пескомъ усыпанныхъ сѣней,
Взбѣжавъ по ступенямъ отлогимъ
Широкой лѣстницы своей... и т. д.

—то связь этихъ стиховъ съ «петербургской повѣстью» кажется намъ весьма сомнительной.

Дымкомъ своей сигары сытый,
Раздѣлся самъ и легъ въ постель,
Подъ заслуженную шинель.

Ото всѣхъ этихъ свѣдѣній въ окончательной редакціи сохранилось только глухое упоминаніе:

Живетъ въ Коломнѣ...

да два сухихъ стиха:

Итакъ, домой пришедъ Евгеній,
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ.

Даже въ перебѣленной рукописи, представленной на цензуру государю, оставалось еще подробное описаніе мечтаній Евгенія, вводившее читателя въ его внутренній міръ и въ его личную жизнь:

Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
И въ самомъ дѣлѣ? Я устрою
Себѣ смиренный уголокъ,
И въ немъ Парашу успокою.
Кровать, два стула, щей горшокъ,
Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
Съ Парашей буду я гулять;
Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
Препоручу хозяйство наше
И воспитаніе ребятъ...
И станемъ жить, и такъ до гроба
Рука съ рукой дойдемъ мы оба,
И внуки насъ похоронятъ.

Уже послѣ просмотра рукописи царемъ и запрещенія ея, Пушкинъ выкинулъ и это мѣсто, неумолимо отымая у своего Евгенія всѣ личныя особенности, всѣ индивидуальныя черты, какъ уже раньше отнялъ у него «прозванье».

Таковъ второй герой «петербургской повѣсти»—ничтожный коломенскій чиновникъ, «бѣдный Евгеній», «гражданинъ столичный»,

Какихъ встрѣчаете вы тьму,
Отъ нихъ нисколько не отличный
Ни по лицу, ни по уму [1]).

Въ началѣ «Вступленія» Пушкинъ не нашелъ нужнымъ назвать по имени своего перваго героя, такъ какъ достаточно о немъ сказать «Онъ», чтобы стало ясно, о комъ рѣчь. Введя въ дѣйствіе своего второго героя, Пушкинъ также не назвалъ его, находя, что «прозванья намъ его не нужно». Изъ всего, что сказано въ повѣсти о Петрѣ Великомъ, нельзя составить опредѣленнаго облика: все расплывается во что-то громадное, безмѣрное, «ужасное». Нѣтъ облика и у «бѣднаго» Евгенія, который теряется въ сѣрой, безразличной массѣ ему подобныхъ, «гражданъ столичныхъ». Пріемы изображенія того или другого,—покорителя стихій и коломенскаго чиновника,—сближаются между собою, потому что оба они—олицетворенія двухъ крайностей: высшей человѣческой мощи и предѣльнаго человѣческаго ничтожества.

[1]) Въ такой редакціи эти стихи входятъ въ одну изъ рукописей «Мѣднаго Всадника».

3.

«Вступленіе» повѣсти изображаетъ могущество самодержавія, торжествующаго надъ стихіями, и заканчивается гимномъ ему:

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!

Двѣ части повѣсти изображаютъ два мятежа противъ самовластія: мятежъ стихій и мятежъ человѣка.

Нева, когда-то порабощенная, «взятая въ плѣнъ» Петромъ, не забыла своей «старинной вражды» и съ «тщетной злобою» возстаетъ на поработителя. «Побѣжденная стихія» пытается сокрушить свои гранитныя оковы и идетъ приступомъ на «стройныя громады дворцовъ и башенъ», возникшихъ по манію самодержавнаго Петра.

Описывая наводненіе, Пушкинъ сравниваетъ его то съ военными дѣйствіями, то съ нападеніемъ разбойниковъ:

Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна...
——
Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...

На минуту кажется, что «побѣжденная стихія» торжествуетъ, что за нее сама Судьба.

Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ...

«Даже покойный царь», преемникъ онаго покорителя стихій, приходитъ въ смятеніе и готовъ признать себя побѣжденнымъ:

На балконъ,
Печаленъ, смутенъ, вышелъ онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать»...

Однако, среди всеобщаго смятенія, есть Одинъ, кто остается спокоенъ и неколебимъ. Это Мѣдный Всадникъ, державецъ полуміра, чудотворный строитель этого города. Евгеній, верхомъ на мраморномъ львѣ, вперяетъ «отчаянные взоры» въ ту даль, гдѣ, «словно горы», «изъ возмущенной глубины», встаютъ страшныя волны.—

И обращенъ къ нему спиною,
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

Въ первоначальномъ наброскѣ этого мѣста у Пушкина было:

И прямо передъ нимъ изъ водъ
Возникнулъ мѣдною главою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
Невѣ мятежной [1]) въ тишинѣ
Грозя недвижною рукою...

Но Пушкинъ измѣнилъ эти стихи. Мѣдный Всадникъ презираетъ «тщетную злобу» финскихъ волнъ. Онъ не снисходитъ до того, чтобы грозить «мятежной Невѣ» своей простертою рукою.

Это первое столкновеніе бѣднаго Евгенія и Мѣднаго Всадника. Случай сдѣлалъ такъ, что они остались наединѣ, двое на опустѣлой площади, надъ водой, «завоевавшей все вокругъ»,—одинъ на бронзовомъ конѣ, другой на звѣрѣ каменномъ. Мѣдный Всадникъ съ презрѣніемъ «обращенъ спиною» къ ничтожному человѣку, къ одному изъ безчисленныхъ своихъ подданныхъ, не видитъ, не замѣчаетъ его. Евгеній, хотя его отчаянные взоры и наведены недвижно «на край одинъ», не можетъ не видѣть кумира, возникшаго изъ водъ «прямо передъ нимъ».

Мѣдный Всадникъ оказывается правъ въ своемъ презрѣніи къ «тщетной злобѣ» стихій. То было просто «наглое буйство», разбойничье нападеніе.

. . . насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу...
(Такъ) грабежомъ отягощенны,
Бояст погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу по пути роняя.

[1]) Варіантъ: «безумной».

Всего черезъ день уже исчезли слѣды недавняго мятежа.

Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей,
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней...
Въ порядокъ прежній все вошло.

Но мятежъ стихій вызываетъ другой мятежъ: человѣческой души. Смятенный умъ Евгенія не переноситъ «ужасныхъ потрясеній», пережитыхъ имъ,—ужасовъ наводненія и гибели его близкихъ. Онъ сходитъ съ ума, становится чуждъ свѣту, живетъ, не замѣчая ничего вокругъ, въ мірѣ своихъ думъ, гдѣ постоянно раздается «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ». Хотя Пушкинъ и называетъ теперь Евгенія «несчастнымъ», но все же даетъ понять, что безуміе какъ-то возвысило, облагородило его. Въ большинствѣ редакцій повѣсти Пушкинъ говоритъ о сумасшедшемъ Евгеніи—

онъ оглушенъ
Былъ чудной внутренней тревогой [1]).

И вообще во всѣхъ стихахъ, посвященныхъ «безумному» Евгенію, есть особая задушевность, начиная съ восклицанія:

Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній! [2]).

Проходитъ годъ, наступаетъ такая же ненастная осенняя ночь, какая была передъ наводненіемъ, раздается кругомъ тотъ же «мятежный шумъ Невы и вѣтровъ», который всечасно звучитъ въ думахъ Евгенія. Подъ вліяніемъ этого повторенія безумецъ съ особой «живостью» вспоминаетъ все пережитое и тотъ часъ, когда онъ оставался «на площади Петровой» наединѣ съ грознымъ кумиромъ. Это воспоминаніе приводитъ его на ту же площадь; онъ видитъ и каменнаго льва, на которомъ когда-то сидѣлъ верхомъ, и тѣ же столбы большого, новаго дома и «надъ огражденною скалою».

Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

«Прояснились въ немъ страшно мысли», говоритъ Пушкинъ. Слово «страшно» даетъ

[1]) Такъ читаются эти стихи и въ бѣловой рукописи, представленной на просмотръ государю.

[2]) Въ одинъ годъ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» написаны стихи «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума», гдѣ Пушкинъ признается, что и самъ «былъ бы радъ» разстаться съ разумомъ своимъ.

понять, что это «прояснѣніе» не столько возвратъ къ здравому сознанію, сколько нѣкоторое подозрѣніе [1]). Евгеній въ «кумирѣ» внезапно признаетъ виновника своихъ несчастій,

Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Петръ, спасая Россію, подымая ее на дыбы надъ бездной, ведя ее своей «волей роковой» по имъ избранному пути, основалъ городъ «надъ моремъ», поставилъ башни и дворцы въ топи болотъ. Черезъ это и погибло все счастье, вся жизнь Евгенія, и онъ влачитъ свой несчастный вѣкъ полу-человѣкомъ, полу-звѣремъ. А «горделивый истуканъ», попрежнему, стоитъ, какъ кумиръ, въ темной вышинѣ. Тогда въ душѣ безумца рождается мятежъ противъ насилія чужой воли надъ судьбой его жизни. «Какъ обуянный силой черной», онъ припадаетъ къ рѣшеткѣ и, стиснувъ зубы, злобно шепчетъ свою угрозу державцу полуміра:

«Добро, строитель чудотворный!
«Ужо тебѣ!»

Пушкинъ не раскрываетъ подробнѣе угрозы Евгенія. Мы такъ и не знаемъ, что именно хочетъ сказать безумецъ своимъ «Ужо тебѣ!» Значитъ ли это, что «малые», «ничтожные» сумѣютъ «ужо» отомстить за свое порабощеніе, униженіе «героемъ»? Или что безгласная, безвольная Россія подыметъ «ужо» руку на своихъ властителей, тяжко заставляющихъ испытывать свою роковую волю? Отвѣта нѣтъ [2]), и самой неопредѣленностью своихъ выраженій Пушкинъ какъ бы говоритъ, что точный смыслъ упрека неваженъ. Важно то, что малый и ничтожный, тотъ, кто недавно сознавался смиренно, что «могъ бы Богъ ему прибавить ума», чьи мечты не шли дальше скромнаго пожеланія «мѣстечко выпрошу», внезапно почувствовалъ себя равнымъ Мѣдному Всаднику, нашелъ въ себѣ силы и смѣлость грозить «державцу полуміра».

Характерны выраженія, какими описываетъ Пушкинъ состояніе Евгенія въ эту минуту:

Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь...

Торжественность тона, обиліе славянизмовъ («чело», «хладной», «пламень») показываютъ, что «черная сила», которой обуянъ Евгеній, заставляетъ относиться къ нему иначе, чѣмъ раньше. Это уже не «нашъ герой», который «живетъ въ Коломнѣ, гдѣ-то служитъ»; это соперникъ «грознаго Царя», о которомъ должно говорить тѣмъ же языкомъ, какъ и о Петрѣ.

И «кумиръ», оставшійся стоять недвижно надъ возмущенною Невою, «въ неколебимой вышинѣ», не можетъ съ тѣмъ же презрѣніемъ отнестись къ угрозамъ «бѣднаго безумца». Лицо грознаго Царя возгорается гнѣвомъ; онъ покидаетъ свое гранитное подножіе и «съ тяжелымъ топотомъ» гонится за бѣднымъ Евгеніемъ. Мѣдный Всадникъ преслѣдуетъ безумца, чтобы ужасомъ своей погони, своего «тяжело-звонкаго скаканья», заставитъ его смириться, забыть все, что мелькнуло въ его умѣ въ тотъ часъ, когда «прояснились въ немъ страшно мысли».

И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

---

[1]) «Страшно прояснились»—въ окончательной редакціи; въ болѣе раннихъ редакціяхъ: «странно прояснились», что еще усиливаетъ даваемый нами этому мѣсту смыслъ.

[2]) Какъ извѣстно, «Мѣдный Всадникъ» былъ напечатанъ впервые не въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ Пушкинымъ. Это подало поводъ къ легендѣ, будто Пушкинъ вложилъ въ уста Евгенія передъ «горделивымъ истуканомъ» какой-то особо рѣзкій монологъ, который не можетъ появиться въ русской печати. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива», сообщилъ, какъ фактъ, будто въ чтеніи повѣсти самимъ Пушкинымъ потрясающее впечатлѣніе производилъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ памятникомъ Петра, заключавшій въ себѣ около тридцати стиховъ, въ которыхъ «слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи». «Я помню,—продолжалъ кн. П. П. Вяземскій,—впечатлѣніе, произведенное имъ на одного изъ слушателей, А. О. Россети, и мнѣ какъ будто помнится, онъ увѣрялъ меня, что сниметъ копію для будущаго времени». Сообщеніе кн. П. П. Вяземскаго должно признать совершенно вздорнымъ. Въ рукописяхъ Пушкина нигдѣ не сохранилось ничего, кромѣ тѣхъ словъ, которыя читаются теперь въ текстѣ повѣсти. Самое рѣзкое выраженіе, какое вложилъ Пушкинъ въ уста своего героя, это—«Ужо тебѣ!» или «Уже тебѣ!», согласно съ правописаніемъ подлинника. Кромѣ, того «ненависть къ европейской цивилизаціи» вовсе не вяжется со всѣмъ ходомъ разсказа и съ основной идеей повѣсти.

Мѣдный Всадникъ достигаетъ своей цѣли: Евгеній смиряется. Второй мятежъ побѣжденъ, какъ и первый. Какъ послѣ буйства Невы, «въ порядокъ прежній все вошло». Евгеній снова сталъ ничтожнѣйшимъ изъ ничтожныхъ, и весною его трупъ, какъ трупъ бродяги, рыбаки похоронили на пустынномъ островѣ, «ради Бога».

4.

Въ первой юности Пушкинъ примыкалъ къ либеральному политическому движенію своей эпохи. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со многими декабристами. «Возмутительные» (по тогдашней терминологіи) стихи были одной изъ главныхъ причинъ его ссылки на Югъ.

Въ сущности, политическіе идеалы Пушкина всегда были умѣренны. Въ самыхъ смѣлыхъ своихъ стихотвореніяхъ, онъ повторялъ неизмѣнно:

Владыки, вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа!

Въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ «Вольность», «Кинжалъ», «Андрей Шенье», Пушкинъ раздаетъ самые нелестные эпитеты «безславнымъ ударамъ», «преступной сѣкирѣ», «исчадью мятежа» (Маратъ), «ареопагу остервенѣлому» (революціонный трибуналъ 1794 г.). Но все-таки въ ту эпоху, подъ вліяніемъ общаго броженія, онъ еще готовъ былъ воспѣвать «послѣдняго судію позора и обиды, карающій кинжалъ» и вѣрить, что надъ «площадью мятежной» можетъ взойти

. . . день великій, неизбѣжный
Свободы яркій день...

Однако въ серединѣ 20-хъ годовъ, еще до событія 14 декабря, въ политическихъ воззрѣніяхъ Пушкина совершился опредѣленный переворотъ. Онъ разочаровался въ своихъ революціонныхъ идеалахъ. На вопросъ о «свободѣ» онъ началъ смотрѣть не столько съ политической, сколько съ философской точки зрѣнія. Онъ постепенно пришелъ къ убѣжденію, что «свобода» не можетъ быть достигнута насильственнымъ измѣненіемъ политическаго строя, но будетъ слѣдствіемъ духовнаго воспитанія человѣчества [1]).

Эти взгляды и положены въ основу «Мѣднаго Всадника».

Пушкинъ выбралъ своимъ героемъ самаго мощнаго изъ всѣхъ самодержцевъ, какіе когда-либо возставали на землѣ. Это—исполинъ-чудотворецъ, полубогъ, повелѣвающій стихіями. Стихійная революція не страшитъ его, онъ ее презираетъ. Но когда возстаетъ на него свободный духъ единичнаго человѣка, «державецъ полуміра» приходитъ въ смятеніе. Онъ покидаетъ свою «огражденную скалу» и всю ночь преслѣдуетъ безумца, только бы своимъ тяжелымъ топотомъ заглушить въ немъ мятежъ души.

«Мѣдный Всадникъ», дѣйствительно, отвѣтъ Пушкина на упреки Мицкевича въ измѣнѣ «вольнолюбивымъ» идеаламъ юности. «Да,—какъ бы говоритъ Пушкинъ,—я не вѣрю больше въ борьбу съ деспотизмомъ силами стихійнаго мятежа; я вижу всю его безплодность. Но я не измѣнилъ высокимъ идеаламъ свободы. Я, попрежнему, увѣренъ, что не вѣченъ «кумиръ съ мѣдною главой», какъ ни ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ, какъ ни вознесенъ онъ «въ неколебимой вышинѣ». Свобода возникнетъ въ глубинахъ человѣческаго духа, и «огражденная скала» должна будетъ опуститься».

[1]) Эволюція политическихъ воззрѣній Пушкина, схематически намѣченная нами, болѣе подробно прослѣжена въ статьѣ Александра Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе» (т. II, стр. 503).

II.

ВОЗНИКНОВЕНІЕ И СОСТАВЪ ПОВѢСТИ.

1.

Анненковъ предполагаетъ, что «Мѣдный Всадникъ» составлялъ вторую половину большой поэмы, задуманной Пушкинымъ ранѣе 1833 года и имъ не конченной. Отрывокъ изъ первой половины этой поэмы Анненковъ видитъ въ «Родословной моего героя». Однако, у насъ нѣтъ основаній принять такое предположеніе.

Ни въ бумагахъ Пушкина, ни въ его письмахъ до 1833 года, нѣтъ никакихъ указаній на задуманную имъ большую поэму, въ которую «Мѣдный Всадникъ» входилъ бы какъ часть. Достаточно вѣскіе доводы позволяютъ думать, что къ работѣ надъ «Мѣднымъ Всадникомъ» толкнули Пушкина сатиры Мицкевича, съ которыми могъ онъ познакомиться не раньше конца 1832 года [1]). Если и существовалъ у Пушкина, раньше 1833 года, замыселъ поэмы, имѣвшей что-то общее съ «Мѣднымъ Всадникомъ», то только въ самыхъ общихъ чертахъ. Такъ въ одномъ изъ набросковъ «Вступленія» Пушкинъ говоритъ, что мысль описать петербургское наводненіе 1824 г. явилась у него подъ впечатлѣніемъ первыхъ разсказовъ объ немъ. Пушкинъ даже намекаетъ, что видѣлъ въ этомъ какъ бы свой долгъ,—долгъ поэта передъ «печальными сердцами» своихъ современниковъ:

Была ужасная пора!
Объ ней начну повѣствованье.
Давно, когда я въ первый разъ
Услышалъ грустное преданье,
Сердца печальныя, для васъ
Тогда же далъ я обѣщанье
Стихамъ повѣрить свой разсказъ.

Что касается «Родословной моего героя», то свидѣтельство рукописей не оставляетъ сомнѣнія въ ея происхожденіи. Это—часть «Мѣднаго Всадника», выдѣленная изъ его состава и обработанная какъ отдѣльное цѣлое. Въ первоначальныхъ наброскахъ «родословная моего героя» была именно родословной позднѣйшаго «бѣднаго Евгенія», но Пушкинъ скоро убѣдился, что эти строфы нарушаютъ стройность повѣсти и исключилъ ихъ. Позднѣе онъ сдѣлалъ изъ нихъ самостоятельное произведеніе, дающее родословную *нѣкотораго* героя, не героя той или иной повѣсти, но «героя» вообще. Кромѣ того «Мѣдный Всадникъ»—созданіе настолько законченное, его идея настолько полно выражена, что никакъ нельзя считать «петербургскую повѣсть» частью какого-то болѣе обширнаго цѣлаго.

Написанъ «Мѣдный Всадникъ» въ Болдинѣ, гдѣ Пушкинъ, послѣ поѣздки на Уралъ, провелъ около полутора мѣсяца, съ 1 октября 1833 г. по середину ноября. Подъ однимъ изъ первыхъ набросковъ повѣсти есть помѣта: «6 октября»; подъ первымъ спискомъ всей повѣсти:—«30 октября». Такимъ образомъ, все созданіе повѣсти заняло меньше мѣсяца.

Можно, однако, не безъ вѣроятности допустить, что мысль написать «Мѣднаго Всадника» возникла у Пушкина раньше его пріѣзда въ Болдино. Вѣроятно, и нѣкоторые наброски уже были сдѣланы въ Петербургѣ,—напр., тѣ, которые написаны не

[1]) См. предыдущую статью.

въ тетрадяхъ, а на отдѣльныхъ листахъ (таковъ отрывокъ: «Надъ Петербургомъ омраченнымъ»...). У насъ есть свидѣтельство, что по пути на Уралъ Пушкинъ думалъ о наводненіи 1824 г. По поводу сильнаго западнаго вѣтра, застигшаго его въ дорогѣ, онъ писалъ женѣ (21 авг.): «Что было съ вами, петербургскими жителями? Не было ли у васъ *новаго* наводненія? что если и это я прогулялъ? досадно было бы».

Изъ Болдина Пушкинъ почти никому, кромѣ своей жены, не писалъ. Съ женой же о своихъ стихахъ онъ говорилъ только какъ о доходной статьѣ и притомъ непремѣнно тономъ шутки. Поэтому изъ болдинскихъ писемъ Пушкина мы ничего не узнаемъ о ходѣ его работы надъ «петербургской повѣстью». 11 октября онъ сообщалъ: «Я пишу, я въ хлопотахъ». 21 октября: «Я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Началъ многое, но ни къ чему нѣтъ охоты; Богъ знаетъ, что со мной дѣлается. Старамъ стала и умомъ плохамъ». 30 октября: «Недавно расписался и уже написалъ пропасть». 6 ноября: «Я привезу тебѣ слишкомъ много, но не разглашай этого, а то альманашники заѣдятъ меня». Самое заглавіе «Мѣднаго Всадника» здѣсь не названо, и общій тонъ шутки не позволяетъ отнестись съ довѣріемъ къ признанію Пушкина, будто во время работы надъ повѣстью у него «ни къ чему не было охоты».

Обращаясь къ рукописямъ, мы видимъ, что повѣсть стоила Пушкину громаднаго труда. Каждый ея отрывокъ, каждый ея стихъ, прежде чѣмъ облечься въ свою окончательную форму, являлся въ нѣсколькихъ,—иногда до десяти,—видоизмѣненіяхъ. Изъ первоначальныхъ черновыхъ набросковъ, гдѣ еще недостаетъ многихъ связующихъ частей, Пушкинымъ, въ особой тетради, былъ сдѣланъ первый сводъ всей повѣсти. Этотъ сводъ, помѣченный «30 октября», является второй редакціей повѣсти, такъ какъ въ немъ многое измѣнено, сравнительно съ прежними набросками. Этотъ списокъ покрытъ новыми поправками, дающими третью редакцію. Она дошла до насъ также въ собственноручномъ пушкинскомъ спискѣ, сдѣланномъ для представленія повѣсти государю. Наконецъ, уже въ этомъ бѣловомъ спискѣ (и притомъ *послѣ* запрещенія повѣсти «высочайшей цензурой») Пушкинымъ тоже сдѣланъ рядъ измѣненій, цѣлые отрывки выкинуты, многія выраженія и цѣлые стихи замѣнены другими и т. д. Такимъ образомъ, нынѣ печатаемый текстъ надо считать четвертой редакціей повѣсти.

Чтобы дать понятіе о работѣ, затраченной Пушкинымъ на «Мѣднаго Всадника», достаточно сказать, что начало первой части извѣстно намъ въ шести, вполнѣ обработанныхъ, редакціяхъ. Уже одна изъ первыхъ кажется настолько законченнымъ созданіемъ, что почти заставляетъ жалѣть о строгости «взыскательнаго» художника, опустившаго изъ нея многія черты:

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
Осенній вѣтеръ тучи гналъ.
Нева, въ теченьи возмущенномъ,
Шумя, неслась. Угрюмый валъ,
Какъ бы проситель безпокойный,
Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
Широкихъ Невскихъ береговъ.
Среди бѣгущихъ облаковъ
Луны совсѣмъ не видно было.
Огни свѣтились въ домахъ,
На улицѣ взвивался прахъ
И буйный вихорь вылъ уныло,
Клубя подолъ сиренъ ночныхъ
И заглушая часовыхъ.

2.

Фабула «Мѣднаго Всадника» принадлежитъ Пушкину, но отдѣльные эпизоды и картины повѣсти созданы не безъ посторонняго вліянія.

Мысль первыхъ стиховъ «Вступленія» заимствована изъ статьи Батюшкова «Прогулка въ Академію Художествъ» (1814). «Воображеніе мое,—пишетъ Батюшковъ,—представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные... Великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ художества, всѣ искусства. Здѣсь художества, искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота». Стихи «Вступленія» повторяютъ нѣкоторыя выраженія этого мѣста почти буквально.

Передъ началомъ описанія Петербурга Пушкинъ самъ дѣлаетъ примѣчаніе: «См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой». Въ этомъ стихотвореніи кн. Вяземскаго («Разговоръ 7 Апрѣля 1832 г.»), дѣйстви-

тельно, находимъ нѣсколько строфъ, напоминающихъ описаніе Пушкина:

Я Петербургъ люблю съ его красою стройной
Съ блестящимъ поясомъ роскошныхъ острововъ,
Съ прозрачной ночью—дня соперницей безпокойной,
И съ свѣжей зеленью младыхъ его садовъ... и т. д.

Кромѣ того на описаніи Пушкина сказалось вліяніе двухъ сатиръ Мицкевича: «Przedmiescia stolicy» и «Petersburg». Проф. Третьякъ [1]) доказалъ, что Пушкинъ почти шагъ за шагомъ слѣдуетъ за картинами польскаго поэта, отвѣчая на его укоры апологіей сѣверной столицы. Такъ, напр., Мицкевичъ смѣется надъ тѣмъ, что петербургскіе дома стоятъ за желѣзными рѣшетками; Пушкинъ возражаетъ:

(Люблю)
Твоихъ оградъ узоръ чугунный.

Мицкевичъ осуждаетъ суровость климата Петербурга; Пушкинъ отвѣчаетъ:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ.

Мицкевичъ презрительно отзывается о сѣверныхъ женщинахъ, бѣлыхъ какъ снѣгъ, румяныхъ какъ раки; Пушкинъ славитъ—

Дѣвичьи лица ярче розъ.

и т. д.

Есть аналогія между изображеніемъ «кумира» въ «Мѣдномъ Всадникѣ» и описаніемъ той же статуи въ сатирѣ Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego».

Образъ оживленной статуи могъ быть внушенъ Пушкину разсказомъ М. Ю. Вьельгорскаго о нѣкоемъ чудесномъ снѣ. Въ 1812 г. государь, опасаясь непріятельскаго нашествія, предполагалъ увезти изъ Петербурга памятникъ Петра, но его остановилъ кн. А. И. Голицынъ, сообщивъ, что недавно одинъ майоръ видѣлъ дивный сонъ: будто Мѣдный Всадникъ скачетъ по улицамъ Петербурга, подъѣзжаетъ ко дворцу и говоритъ государю: «Молодой человѣкъ! До чего ты довелъ мою Россію! Но покамѣстъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться». Впрочемъ, тотъ же образъ могъ быть подсказанъ и эпизодомъ со статуей командора въ «Донъ Жуанѣ».

Описаніе наводненія 1824 г. составлено Пушкинымъ по показаніямъ очевидцевъ, такъ какъ самъ онъ его не видалъ. Онъ былъ тогда въ ссылкѣ, въ Михайловскомъ [2]). Бѣлинскій писалъ: «Картина наводненія написана у Пушкина красками, которыя цѣною жизни готовъ бы былъ купить поэтъ прошлаго вѣка, помѣшавшійся на мысли написать эпическую поэму Потопъ... Тутъ не знаешь, чему больше дивиться, громадной ли грандіозности описанія или его почти прозаической простотѣ, что вмѣстѣ взятое доходитъ до величайшей поэзіи». Однако, самъ Пушкинъ заявилъ въ предисловіи, что «подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ», и прибавилъ: «любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. Н. Берхомъ».

Справляясь съ книгой Берха («Подробное историческое извѣстіе о всѣхъ наводненіяхъ, бывшихъ въ С.-Петербургѣ»), приходится признать, что описаніе Пушкина, при всей его яркости, дѣйствительно «заимствовано». Вотъ, напр., что разсказываетъ Берхъ: «Дождь и пронзительный холодный вѣтеръ съ самаго утра наполняли воздухъ сыростью... Съ разсвѣтомъ... толпы любопытныхъ устремились на берега Невы, которая высоко воздымалась пѣнистыми волнами и съ ужаснымъ шумомъ и брызгами разбивала ихъ о гранитные берега... Необозримое пространство водъ казалось кипящею пучиною... Бѣлая пѣна клубилась надъ водными громадами, которыя, безпрестанно увеличиваясь, наконецъ, яростно устремились на берегъ... Люди спасались, какъ могли». И далѣе: «Нева, встрѣтивъ препятствіе въ своемъ теченіи, возросла въ берегахъ своихъ, наполнила каналы и черезъ подземныя трубы хлынула въ видѣ фонтановъ на улицы. Въ одно мгновеніе вода полилась черезъ края набережныхъ».

Всѣ основныя черты этого описанія повторены Пушкинымъ, частью въ окончательной редакціи повѣсти, частью въ черновыхъ наброскахъ.

---

[1]) См. предыдущую статью. Мы и здѣсь пользуемся изложеніемъ г. С. Брайловскаго.

[2]) Получивъ первыя извѣстія о бѣдствіи, Пушкинъ сначала отнесся къ нему полу-шутливо и, въ письмѣ къ брату, допустилъ даже, по поводу наводненія, остроту довольно сомнительнаго достоинства. Однако, узнавъ ближе обстоятельства дѣла, совершенно перемѣнилъ сужденіе и, въ другомъ письмѣ къ брату, писалъ: «Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ: онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ, но прошу безъ всякаго шума».

. . . дождь унылой
Въ окно стучалъ, и вѣтеръ вылъ.

—

По утру надъ ея брегами
Тѣснился толпами народъ.
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.

—

Нева бродила, свирѣпѣла,
Приподымалась и кипѣла,
Котломъ клокоча и клубясь.

—

Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
И спорить стало ей не въ мочь!
И вотъ отъ ихъ [1]) свирѣпой дури
Пошла клокоча и клубясь.
И вдругъ, какъ тигръ остервенясь,
Черезъ желѣзную ограду
Волнами хлынула по граду.

—

Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы.

—

Передъ Невою
Народъ бѣжалъ. Навстрѣчу ей
Каналы хлынули; изъ трубъ
Фонтаны брызнули.

Въ первоначальныхъ варіантахъ описанія воспроизвелъ Пушкинъ въ стихахъ и ходившій по городу анекдотъ о гр. В. В. Толстомъ, позднѣе разсказанный кн. П. А. Вяземскимъ [2]).

Во всякомъ случаѣ Пушкинъ вполнѣ имѣлъ право сказать въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, сравнивая свое описаніе наводненія съ описаніемъ Мицкевича (у котораго изображенъ вечеръ передъ наводненіемъ): «наше описаніе вѣрнѣе»...

3.

По числу стиховъ, «Мѣдный Всадникъ»— одна изъ наиболѣе короткихъ поэмъ Пушкина. Въ немъ, въ окончательной редакціи, всего 464 стиха, тогда какъ въ «Цыганахъ»—537, въ «Полтавѣ»—около 1500, и даже въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»— около 600. Между тѣмъ замыселъ «Мѣднаго Всадника» чрезвычайно широкъ, едва ли не шире, чѣмъ во всѣхъ другихъ поэмахъ Пушкина. На протяженіи менѣе, чѣмъ 500 стиховъ, Пушкинъ сумѣлъ умѣстить и думы Петра «на берегу Варяжскихъ волнъ», и картину Петербурга въ началѣ XIX вѣка, и описаніе наводненія 1824 г., и исторію любви и безумія бѣднаго Евгенія, и свои раздумья надъ дѣломъ Петра. Пушкинъ нашелъ возможнымъ даже позволить себѣ, какъ роскошь, нѣсколько шутокъ, напр., упоминаніе о графѣ Хвостовѣ.

Языкъ повѣсти крайне разнообразенъ. Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ изображается жизнь и думы чиновника, онъ простъ, почти прозаиченъ, охотно допускаетъ разговорныя выраженія («жизнь куда легка», «препоручу хозяйство», «самъ большой» и т. п.) Напротивъ, тамъ, гдѣ говорится о судьбахъ Россіи, языкъ совершенно мѣняется, предпочитаетъ славянскія формы словъ, избѣгаетъ выраженій повседневныхъ, какъ напримѣръ:

Прошло сто лѣтъ и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ,
Вознесся пышно, горделиво.

Однако, усѣченныхъ прилагательныхъ Пушкинъ явно избѣгаетъ, и во всей повѣсти ихъ всего три: «вешни дни», «минувши времена», «сонны очи».

Своеобразную особенность стиха «Мѣднаго Всадника» составляетъ обиліе цезуръ. Ни въ одной изъ своихъ поэмъ, писанныхъ четырехъ-стопнымъ ямбомъ, не позволялъ себѣ Пушкинъ такъ часто, какъ въ «Мѣдномъ Всадникѣ» остановки по смыслу внутри стиха. Повидимому, въ «Мѣдномъ Всадникѣ» онъ сознательно стремился къ тому, чтобы логическія дѣленія не совпадали съ дѣленіями метрическими, создавъ этимъ впечатлѣніе крайней непринужденности рѣчи. Особенно много такихъ примѣровъ въ стихахъ, разсказывающихъ о Евгеніи, напр.:

Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился бѣдный
Не за себя.

---

[1]) Не совсѣмъ понятно, къ чему относится слово «ихъ», какъ здѣсь, такъ и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ окончательной редакціи:

... Рвалась къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ мощной бури.

Вѣроятно, Пушкинъ имѣлъ въ виду «море» и «бурю», или «вѣтры», о которыхъ сказано дальше:

Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева...

Кстати, во всѣхъ изданіяхъ до сихъ поръ печаталось «вѣтра» вмѣсто «вѣтровъ» (какъ читается во всѣхъ рукописяхъ).

[2]) См. въ Исторіи текста.

Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани.

—

Разъ онъ спалъ
У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ.

Замѣчательно, что почти всѣ новые отдѣлы повѣсти (какъ бы ея отдѣльныя главы) начинаются съ полу-стиха. Въ общемъ приблизительно въ трети стиховъ «Мѣднаго Всадника», въ серединѣ стиха, стоитъ точка, и болѣе, чѣмъ въ половинѣ, внутри стиха, есть логическая остановка рѣчи.

Въ употребленіи риѳмъ, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», Пушкинъ остался вѣренъ своему правилу, высказанному имъ въ «Домикѣ въ Коломнѣ»:

Мнѣ риѳмы нужны, всѣ готовъ сберечь я.

Въ «Мѣдномъ Всадникѣ» множество риѳмъ самыхъ обыкновенныхъ (ночи—очи, конь—огонь, и т. д.), еще больше глагольныхъ (сѣлъ—глядѣлъ, злились—носились, узналъ—игралъ, и т. д.), но есть и нѣсколько «рѣдкихъ» (солнца—чухонца, рѣжетъ—скрежетъ) и цѣлый рядъ «богатыхъ» (живые—сторожевые, пѣни—ступени, завывая—подмывая, главой—роковой, и т. д.). Какъ и въ другихъ стихотвореніяхъ, Пушкинъ, по произношенію, свободно риѳмуетъ прилагательныя на *ый* съ нарѣчіями на *о* (беззаботный—охотно).

По звуковой изобразительности стихъ «Мѣднаго Всадника» знаетъ мало соперниковъ. Кажется, ни въ одномъ изъ своихъ созданій не пользовался Пушкинъ такъ часто, какъ въ «петербургской повѣсти», всѣми средствами аллитераціи, игры гласными и согласными и т. п. Примѣромъ ихъ можетъ служить четверостишіе:

И блескъ, и шумъ, и *говоръ баловъ*,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье *пѣнистыхъ* бокаловъ
И *пунша пламень* голубой.

Но верха изобразительности достигаетъ стихъ «Мѣднаго Всадника» въ сценѣ преслѣдованія бѣднаго Евгенія. Повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же риѳмъ, повтореніемъ, нѣсколько разъ, начальной буквы въ стоящихъ рядомъ словахъ, и упорнымъ повтореніемъ звуковъ *к*, *г* и *х*—даетъ Пушкинъ живое впечатлѣніе «тяжело-звонкаго скаканья», эхо котораго звучитъ по пустой площади, какъ грохотанье грома.

И онъ *по площади пустой*
Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто *грома грохотанье*,
Тяжело-звонкое *скаканье*
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною *бѣдной*
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ *несется Всадникъ Мѣдный*
На звонко-*скачущемъ конѣ*;
И во всю ночь *безумецъ бѣдный*
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ *повсюду Всадникъ Мѣдный*
Съ *тяжелымъ топотомъ скакалъ*.

Однако, въ повѣсти замѣтны и слѣды нѣкоторой торопливости въ обработкѣ формы. Три стиха остались вовсе безъ риѳмы, а именно:

На городъ кинулась. Предъ нею...

—

И не нашелъ уже слѣдовъ...

—

А спалъ на пристани. Питался...

Въ первоначальныхъ редакціяхъ первый и послѣдній изъ этихъ стиховъ имѣютъ свою риѳму:

Всей тяжкой силою своею
Пошла на приступъ. Передъ нею
Народъ бѣжалъ и скрылся вдругъ.

—

А спалъ на пристани. Питался
Изъ оконъ брошеннымъ кускомъ;
Уже почти не раздѣвался,
И платье ветхое на немъ
Рвалось и тлѣло...

4.

Какъ извѣстно, въ 1826 г. государь выразилъ желаніе лично быть цензоромъ Пушкина. Всѣ свои новыя произведенія, до ихъ напечатанія, Пушкинъ долженъ былъ представлять, черезъ Бенкендорфа, въ эту «Высочайшую цензуру».

6 декабря 1833 года, вскорѣ по возвращеніи изъ Болдина, Пушкинъ обратился съ письмомъ къ Бенкендорфу, прося позволенія представить Его Сіятельству «стихотвореніе», которое желалъ бы напечатать. Надо полагать, что то былъ «Мѣдный Всадникъ». 12 декабря рукопись «Мѣднаго Всадника» была уже возвращена Пушкину.

«Высочайшая цензура» нашла въ повѣсти цѣлый рядъ предосудительныхъ мѣстъ.

Мы не знаемъ, какъ отнесся къ запрещенію повѣсти самъ Пушкинъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ строгомъ духовномъ одиночествѣ и, повидимому, никого не посвящалъ въ свою внутреннюю жизнь. Въ своихъ письмахъ онъ сдѣлался крайне сдержанъ и уже не позволялъ себѣ той увлекательной болтовни обо всемъ, что его интересуетъ, которая составляетъ главную прелесть его писемъ изъ Михайловскаго. Даже въ записяхъ своего дневника, который онъ велъ послѣдніе годы жизни, Пушкинъ былъ очень остороженъ и не допускалъ ни одного лишняго слова.

Въ этомъ дневникѣ, подъ 14 декабря, записано: «11-го получено мною приглашеніе отъ Бенкендорфа явиться къ нему на другой день утромъ. Я пріѣхалъ. Мнѣ возвращаютъ Мѣдный Всадникъ съ замѣчаніями государя. Слово кумиръ не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И передъ младшею столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова—

вымараны. На многихъ мѣстахъ поставленъ—?—. Все это дѣлаетъ мнѣ большую разницу. Я принужденъ былъ перемѣнить условіе со Смирдинымъ».

Ничего больше не узнаемъ мы и изъ писемъ Пушкина. Въ декабрѣ 1833 года онъ писалъ Нащокину: «Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было со Смирдинымъ, и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что Мѣднаго Всадника цензура не пропустила. Это мнѣ убытокъ». Ему же Пушкинъ повторялъ въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ: «Мѣдный Всадникъ не пропущенъ,—убытки и непріятности». Погодину, въ отвѣтъ на его вопросъ, Пушкинъ сообщилъ кратко: «Вы спрашиваете о Мѣдномъ Всадникѣ, о Пугачевѣ и о Петрѣ. Первый не будетъ напечатанъ».

Изъ этихъ сухихъ сообщеній можно заключить только то, что Пушкинъ хотѣлъ напечатать «петербургскую повѣсть» (значитъ, считалъ ее законченной, обработанной) и что онъ познакомилъ съ ней своихъ друзей.

Самъ Пушкинъ вѣрилъ, что его рукописи разсматриваются непосредственно государемъ. Онъ полагалъ, что и рукопись «Мѣднаго Всадника» возвращена ему «съ замѣчаніями государя». Но въ настоящее время достаточно выяснено, что рукописи Пушкина разсматривались въ канцеляріи Бенкендорфа, и что государь только повторялъ, иногда сохранялъ всѣ полемическіе выпады, критическія замѣчанія этой канцеляріи. Внутренній смыслъ «Мѣднаго Всадника», конечно, этой цензурой понятъ не былъ, но цѣлый рядъ отдѣльныхъ выраженій показался ей недопустимымъ.

До насъ дошла, повидимому, та самая рукопись, которая была представлена на разсмотрѣніе государю (Пушкинъ пишетъ: «мнѣ возвращенъ Мѣдный Всадникъ...»). Въ этой рукописи стихи о «померкшей Москвѣ», о которыхъ Пушкинъ говоритъ въ Дневникѣ, зачеркнуты карандашомъ и сбоку отмѣчены знакомъ NB. Знакъ вопроса поставленъ противъ тѣхъ стиховъ, гдѣ впервые появляется мѣдный всадникъ.

Надъ возмущенною Невою
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

Во второй части знакъ вопроса поставленъ противъ повторенія этихъ стиховъ:

Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.

Далѣе, отмѣчены и подчеркнуты три послѣднихъ стиха въ четверостишіи:

Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался.

Еще далѣе отмѣчены стихи:

О, мощный властелинъ Судьбы,
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?

Наконецъ, подчеркнуты выраженія «горделивый истуканъ» и «строитель чудотворный», и отчеркнуты всѣ стихи, начиная со словъ безумца, обращенныхъ къ «кумиру», до конца страницы.

Въ другой рукописи, спискѣ, сдѣланномъ писарской рукой, сохранились слѣды поправокъ Пушкина, начатыхъ, видимо, съ цѣлью смягчить указанныя ему выраженія. Слово «кумиръ» Пушкинъ замѣнилъ словомъ «сѣдокъ» и въ четверостишіи о «померкшей Москвѣ» возстановилъ первоначальный варіантъ второго стиха («Главой

склонилася Москва») [1]). Однако, до конца Пушкинъ своихъ поправокъ не довелъ и предпочелъ отказаться отъ печатанія повѣсти. «Поэма Пушкина о наводненіи превосходна, но исчеркана (т.-е.: исчеркана цензурою), и потому не печатается»,—писалъ кн. П. Вяземскій А. И. Тургеневу.

При жизни Пушкина, изъ «Мѣднаго Всадника» былъ напечатанъ только отрывокъ «Вступленія» подъ заглавіемъ «Петербургъ». По смерти Пушкина, повѣсть была напечатана съ поправками Жуковскаго, по-своему смягчившаго всѣ спорныя мѣста. Долгое время Россія знала одно изъ значительнѣйшихъ созданій Пушкина только въ искаженномъ видѣ. Исправленіе текста по подлиннымъ рукописямъ Пушкина, начатое Анненковымъ, продолжалось до послѣдняго времени. Подлинное чтеніе стиховъ о «кумирѣ» возстановлено только въ изданіи П. Морозова, 1904 г. Однако, нѣкоторые стихи только въ настоящемъ изданіи впервые появляются въ томъ видѣ, какъ ихъ написалъ Пушкинъ.

Валерій Брюсовъ.

---

[1]) Эти двѣ поправки, какъ вынужденныя, въ текстъ здѣсь не внесены. Другія измѣненія, внесенныя Пушкинымъ въ текстъ цензурованной рукописи, приняты во вниманіе.

РИСУНОКЪ ПУШКИНА ВЪ ТЕТРАДИ РУМЯНЦ. МУЗЕЯ № 2373, листъ 4.

Рисунокъ, несомнѣнно, навѣянъ Фальконетовскимъ памятникомъ: тутъ цѣликомъ взяты и скала, и змѣя подъ ногами коня. Но странно, что нѣтъ самаго «мѣднаго всадника» и что на хребтѣ коня вполнѣ реальное сѣдло, котораго нѣтъ, и не могло быть по типу композиціи, у Фальконета. Къ тому еще, рисунокъ набросанъ въ черновикахъ «Голуба». Ред.

ГОЛОВА ФАЛЬКОНЕТОВСКАГО ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I.
Съ гравюры Генрикеза (Henriquez).

733. МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ *В. И. Берхомъ*.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ *Онъ*, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогова чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ Шведу
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ.
Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой вѣтхій неводъ, нынѣ тамъ,

По оживленнымъ берегамъ,
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова,
И передъ младшею Столицей
Померкла старая Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.
Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полночная Царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ,
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, Градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія.
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!
Была ужасная пора...
Объ ней свѣжо воспоминанье.—
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печаленъ будетъ мой разсказъ..

ПАНОРАМА НЕВЫ.

Гравюра В. В. Матэ съ Патерсена.

«МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ» ВЪ РИСУНКАХЪ АЛЕКСАНДРА БЕНУА. НАВОДНЕНІЕ.

Изъ коллекціи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова. Неизданъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ ноябрь осеннимъ хладомъ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной.
Ужъ было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгеній молодой...
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучитъ пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно.
Прозванья намъ его не нужно.
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ Свѣтомъ и Молвой
Оно забыто. Нашъ Герой
Живетъ въ Коломнѣ; гдѣ-то служитъ,
Дичится знатныхъ и не тужитъ
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгеній
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышленій.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе праздные щастливцы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служитъ онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли
И что съ Парашей будетъ онъ
Дни на два, на три разлученъ.
Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ
Не такъ сердито...
Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ,
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ.
Ужасный день!
Нева всю ночь
Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
Поутру надъ ея брегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова—
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла.
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло—воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,
Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погруженъ.
Осада! приступъ! Злыя волны,
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки бѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!
Народъ
Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровъ и пища!
Гдѣ будетъ взять?
Въ тотъ грозный годъ
Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ онъ,
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладать.» Онъ сѣлъ
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонущій народъ.
Тогда на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новой,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ

СПАСАНІЕ УТОПАЮЩИХЪ ВЪ НАВОДНЕНІЕ 1824 ГОДА.
Рис. Шебуева.

«Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа.—Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца.
(*Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Т-ва М. О. Вольфъ*).

Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоятъ два льва сторожевые;
На звѣрѣ мраморномъ верьхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился бѣдный
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лицо хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ—

Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашеный да ива
И вѣтхій домикъ: тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во снѣ
Онъ это видитъ? Иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка Рока надъ землей?
И онъ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода—и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Стоитъ съ простертою рукою
Кумиръ на бронзовомъ конѣ.

Фальконетовскій памятникъ въ рѣдчайшей неизданной и не вполнѣ законченной гравюрѣ Г. И. Скородумова.

(Библіотека Академіи Художествъ).

НАВОДНЕНІЕ 1824 ГОДА.

Современная картина Ѳ. Я. Алексѣева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытясь разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловитъ, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшатъ разбойники домой,
Добычу по пути роняя.
Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгеній мой
Спѣшитъ, душою замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но, торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку;
Онъ перевощика зоветъ—
И перевощикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Чрезъ волны страшныя везетъ.
И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.
Нещастный
Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ—
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругомъ
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгеній
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжитъ туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,

Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжитъ ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ...
Что жъ это?
Онъ остановился;
Пошелъ назадъ—и воротился.
Глядитъ... идетъ... еще глядитъ:
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою—
И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
Захохоталъ.
Ночная мгла
На городъ трепетный сошла:
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.
Утра лучъ
Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучь
Блеснулъ надъ тихою столицей—
И не нашелъ уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло—
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной пріютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ выместить. Съ дворовъ
Свозили лодки.
Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Нещастье невскихъ береговъ.
Но бѣдный, бѣдный мой Евгеній...
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался.
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ—онъ
Къ себѣ домой не возвращался.
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ.
Одежда вѣтхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему.
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ, ни звѣрь ни человѣкъ,
Ни то ни сё, ни житель свѣта
Ни призракъ мертвый...
Разъ онъ спалъ
У невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бьясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было;
Дождь капалъ; вѣтеръ выл уныло—
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,
Перекликался часовой...
Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Кумиръ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ.
Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вкругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Надъ моремъ городъ основался...
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семъ конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?

О мощный властелинъ Судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію поднялъ на дыбы?
Кругомъ подножія кумира
Безумецъ бѣдный обошелъ,
И взоры дикіе навелъ
На ликъ Державца полумира.
Стѣснилась грудь его. Чело
Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ,
По сердцу пламень пробѣжалъ,
Вскипѣла кровь. Онъ мраченъ сталъ
Предъ горделивымъ истуканомъ—
И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
Какъ обуянной силой черной:
«Добро, строитель чудотворной!»
Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
«Ужо тебѣ!...» И вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лицо тихонько обращалось...
И онъ по площади пустой

«МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ» ВЪ РИСУНКАХЪ АЛЕКСАНДРА БЕНУА.

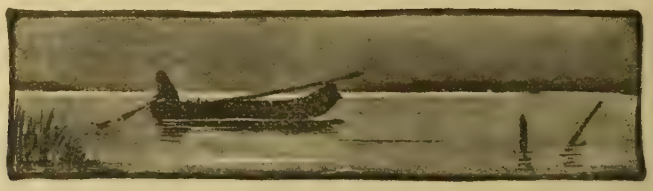
Погоня Мѣднаго Всадника.

(*Изъ подготовляемаго т-вомъ М. О. Вольфъ роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника»*).

Бѣжитъ и слышитъ за собой,
Какъ будто грома грохотанье—
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой.
И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду всадникъ мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.
И съ той поры, когда случалось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье. Къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиряя муку;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.
Островъ малый
На взморьѣ виденъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ;

Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда, играя, занесло
Домишко вѣтхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ—

Его прошедшею весною
Свезли на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего...
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили ради Бога.



ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «МѢДНОМУ ВСАДНИКУ».

Къ стиху: «*Въ Европу прорубить окно*»:
Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Petersbourg est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe.

Къ стиху: «*Люблю тебя, Петра творенье*»:
См. стихи К. Вяземскаго къ графинѣ З***.

Къ стиху: «*Нева всю ночь*»:
Мицкевичь прекрасными стихами описалъ лень, предшествовавшій петербургскому наводненію *). Жаль только, что описаніе его неточно. Снѣгу не было. Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.

*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz.

Къ стиху: «*Его пустились генералы*»:
Графъ Милорадовичь и Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

Къ стиху: «*Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ*»:

См. описаніе памятника въ МицкевичѢ. Оно заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичь.

734. [РОДРИГЪ]

[не закончено и не отдѣлано].

На Испанію родную
Призвалъ Мавра Юліанъ:
Графъ за личную обиду
Мстить рѣшился королю.
Дочь его Родригъ похитилъ,
Обезчестилъ древній родъ;
Вотъ за что отчизну предалъ
Раздраженный Юліанъ.
Мавры хлынули потокомъ
На Испанскіе брега—
Царство Готѳовъ миновалось,
И съ престола палъ Родригъ.
Готѳы пали не безславно:
Храбро бился они;
Долго Мавры сомнѣвались,
Одолѣетъ кто кого.
Восемь дней сраженье длилось;
Споръ рѣшенъ былъ наконецъ;
Былъ на полѣ битвы пойманъ
Конь любимый короля;
Шлемъ и мечь его тяжелый
Были найдены въ пыли.
Короля почли убитымъ—
И никто не пожалѣлъ.
Но Родригъ въ-живыхъ остался:
Бился онъ всѣ восемь дней;
Онъ сперва хотѣлъ побѣды,
Тамъ ужъ смерти онъ алкалъ.
И кругомъ свистали стрѣлы,
Не касаяся его;
Мимо—дротики летали;
Шлема мечь не разсѣкалъ.
Напослѣдокъ, утомившись,
Соскочилъ съ коня Родригъ,
Мечь съ запекшеюся кровью
Огъ ладони отклеилъ,
Бросилъ на-земь шлемъ пернатый
И блестящую броню—
И, спасенный мракомъ ночи,
Съ поля битвы онъ ушелъ.
Отъ полей кровавой битвы
Удаляется Родригъ;
Короля опередила
Вѣсть о гибели его.
Стариковъ и бѣдныхъ женщинъ
На распутьяхъ видитъ онъ;
Всѣ толпой бѣгутъ отъ Мавровъ
Къ укрѣпленнымъ городамъ.
Всѣ, рыдая, молятъ Бога
О спасеньи Христіанъ;
Всѣ Родрига проклинаютъ—
И проклятья слышитъ онъ,
И съ поникшею главою
Мимо ихъ пройти спѣшитъ,
И не смѣетъ даже молвить:
Помолитесь за него.
Наконецъ, на берегъ моря
Въ третій день приходитъ онъ—
Видитъ темную пещеру
На пустынномъ берегу.
Въ той пещерѣ онъ находитъ
Крестъ и заступъ—а въ углу
Трупъ отшельника и яму,
Имъ изрытую давно.
Тлѣнье трупа не коснулось;
Онъ лежитъ, окостенѣвъ
Ожидая погребенья
И молитвы Христіанъ.
Трупъ отшельника съ молитвой
Схоронилъ Родригъ-король,
И въ пещерѣ поселился
Надъ могилою его.
Онъ питаться сталъ плодами
И водою ключевой,
И себѣ могилу вырылъ
Какъ предшественникъ его.
Короля въ уединеньи
Сталъ лукавый искушать,
И видѣньями ночными
Кроткій сонъ его мутить.
Онъ проснется съ содроганьемъ,
Полонъ страха и стыда—
Упоеніе соблазна
Сокрушаетъ духъ его.
Хочетъ онъ молиться Богу
И не можетъ: бѣсъ ему
Шепчетъ въ уши звуки битвы,
Или страстныя слова.
Онъ въ унынiи проводитъ
Дни и ночи недвижимъ,
Устремивъ глаза на море,
Поминая старину.
Но отшельникъ, чьи останки
Онъ усердно схоронилъ,
За него передъ Всевышнимъ
Заступился въ небесахъ.

Въ сновидѣньи благодатномъ
Онъ явился королю,
Бѣлой ризою одѣянъ
И сіяньемъ окруженъ.
И король, объятый страхомъ,
Ницъ повергся передъ нимъ,
И вѣщалъ ему угодникъ:
«Встань—и міру вновь явись.
Ты вѣнецъ утратилъ царской;
Но Господь рукѣ твоей
Дастъ побѣду надъ врагами,
А душѣ твоей покой».
Пробудясь, Господню волю
Сердцемъ онъ уразумѣлъ
И, съ пустынею разставшись,
Въ путь отправился король.

---

735. ЕСЛИ ѢХАТЬ ВАМЪ СЛУЧИТСЯ.

[Черновой набросокъ].

(Если ѣхать вамъ случится
Отъ ** къ Москвѣ,
Тамъ, гдѣ ** струится
Въ неизмѣнной синевѣ)
(Отъ моста немного) справа
Передъ вами будетъ домъ,
Влѣво желтая дубрава
. . . . . кругомъ,
Тамъ гдѣ вольный и отлогій
Путь надъ Волгою лежитъ.

736. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТЪ.

Колокольчики звенятъ,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!
А люди-то люди
На цыганочку глядятъ.
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается-поетъ:
«Я пѣвунья, я пѣвица,
«Ворожить я мастерица».

---

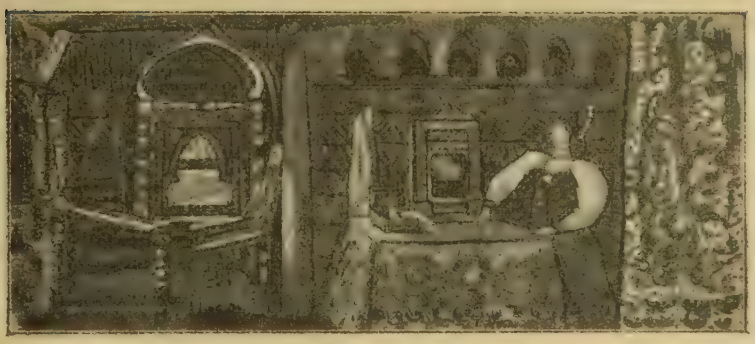
737. НЕ ДАЙ МНѢ БОГЪ СОЙТИ СЪ УМА.

Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума;
Нѣтъ, легче посохъ и сума,
Нѣтъ, легче трудъ и гладъ.
Не то, чтобъ разумомъ моимъ
Я дорожилъ; не то, чтобъ съ нимъ
Разстаться былъ не радъ.
Когда бъ оставили меня
На волѣ, какъ бы рѣзво я
Пустился въ темный лѣсъ!
Я пѣлъ бы въ пламенномъ бреду,
Я забывался бы въ чаду
Нестройныхъ, чудныхъ грезъ.
И я бъ заслушивался волнъ,
И я глядѣлъ бы, счастья полнъ,
Въ пустыя небеса.
И силенъ, воленъ былъ бы я,
Какъ вихорь, роющій поля,
Ломающій лѣса.
Да вотъ бѣда: сойти съ ума,
И страшенъ будешь, какъ чума—
Какъ разъ тебя запрутъ:
Посадятъ на цѣпь дурака,
И сквозь рѣшетку, какъ звѣрка,
Дразнить тебя придутъ.
А ночью слышать буду я
Не голосъ яркій соловья,
Не шумъ глухой лѣсовъ,
А крикъ товарищей моихъ,
Да брань смотрителей ночныхъ,
Да визгъ, да звонъ оковъ.

738. СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ Царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И Царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи,
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись глядючи
Съ бѣлой зори до ночи,
Не видать милова друга!
Только видитъ: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ Царицѣ дочь.
Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издалеча, наконецъ,
Воротился Царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.
Долго Царь былъ неутѣшенъ,
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была Царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела,
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ,
Ты, Царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И Царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.
Но Царевна молодая,
Тихомолкомъ разцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и разцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ, Царь далъ слово,
А приданое готово:
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.
На дѣвичникъ собираясь,
Вотъ Царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ?
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но Царевна всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
Какъ Царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,

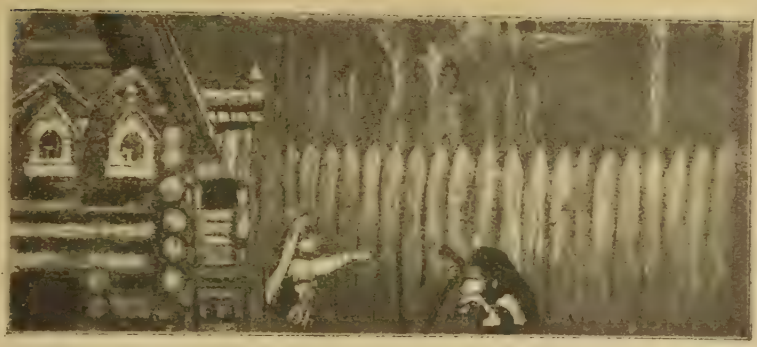
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!...
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на-зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи: какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся: всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
«А Царевна все жъ милѣе,
Все жъ румянѣй и бѣлѣе.»
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Весть Царевну въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.
Чортъ ли сладитъ съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ Царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что Царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я Царица,
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей Царица,
«Гдѣ красавица-дѣвица?»
— «Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна»,
Отвѣчаетъ ей она;
«Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть».
И молва трезвонить стала:
Дочка Царская пропала!
Тужитъ бѣдный Царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.
Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песъ, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А Царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И Царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ Царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.
Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался;
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «Что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто-же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названый;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица.»
И Царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что Царевну принимали;



«АХЪ ТЫ, МЕРЗКОЕ СТЕКЛО». Рисунокъ С. В. Малютина.

Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносѣ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломила,
Да кусочикъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.
День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовитъ.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечитъ ей они;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «Дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ, за себя
Взять тебя мы всѣ бы рады,
Да нельзя, такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»
— «Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,»
Имъ царевна говоритъ:
«Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спросъ не грѣхъ. Прости ты насъ»,
Старшій молвилъ поклонясь:
«Коли такъ, не заикнуся
Ужъ о томъ.»—«Я не сержуся»,
Тихо молвила она,
«И отказъ мой не вина.»—
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.
Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ и, сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,

Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе»?
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ?...»
Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль Царевну погубить.
Разъ Царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла, сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ залаялъ, и дѣвица
Видитъ: нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко»,
Ей кричитъ она въ окошко;
«Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.»—Царевна хочетъ
Выдти къ ней й хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги—и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно, выспался онъ худо,»
Ей Царевна говоритъ;
На жъ, лови!» и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую, сказала,
Богъ тебя благослови;
Потъ за то тебѣ, лови!»
И къ Царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Врямо яблочко летитъ...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но Царевна въ обѣ руки
Хвать—поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ,»
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ Царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотритъ, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкаетъ,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!» и въ комнату вошла
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки наскозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...
Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжитъ, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
Братья молвили: печали
Не минуемъ.» Прискакали.
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напосно
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою Царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли.



ЦАРЕВНА и НИЩАЯ. Рисунокъ С. В. Малютина.

И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ Царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ Пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной,
Старшій молвилъ: «Спи во гробѣ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса;
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима—
Не досталась никому,
Только гробу одному.»
Въ тотъ же день Царица злая,
Доброй вѣсти ожидая,
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала:
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты, Царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спроситъ онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
Круглый годъ по небу, сводишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.»—«Свѣтъ ты мой,»
Красно солнце отвѣчало:
«Я Царевны не видало.
Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ».
Темной ночки Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченый рожокъ!
Ты встаешь во тмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлооко́й,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ей.»—«Братецъ мой,»
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной:
«Не видалъ я дѣвы красной.
На сторо́жѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня Царевна, видно,
Пробѣжала.»—«Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди; объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.

Ты къ нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай.»
Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, взывая:
«Вѣтеръ, вѣтеръ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучь,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты Царевны молодой?
Я женихъ ея.»—«Постой»,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
«Тамъ за рѣчкой тихоструйной
Есть высокая гора,
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста.»
Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая,
Вкругъ нее страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ Царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба...
«Ахъ!»... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубитъ уже молва:
«Дочка Царская жива!»
Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «я ль всѣхъ милѣе?
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но Царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И Царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И Царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

Концовка И. Бартрама.

739. ФРАНЦУЗСКИХЪ РИФМАЧЕЙ СУРОВЫЙ СУДІЯ.

[Черновой набросокъ].

Французскихъ рифмачей суровый судія,
О классикъ Депрео, къ тебѣ взываю я:
Хотя, постигнутый неумолимымъ рокомъ,
Въ своемъ отечествѣ пересталъ ты быть пророкомъ,
Хоть дерзкихъ умниковъ простерлася рука
На лавры твоего густова парика,
Хотя разтрепанный новѣйшей вольной школой
Къ ней въ гнѣвѣ обратилъ ты свой затылокъ голый;
Но я молю тебя, поклонникъ вѣрный твой—
Будь мнѣ вожатаемъ. Дерзаю за тобой
Занять каѳедру ту, съ которой въ прежни лѣта
Ты слишкомъ превознесъ достоинство сонета,
Но гдѣ торжествовалъ твой здравый приговоръ
Минувшихъ лѣтъ глупцамъ, вранью тогдашнихъ поръ,
(Новѣйшіе врали вралей старинныхъ стоятъ—
И слишкомъ ужъ меня ихъ бредни безпокоятъ!
Ужели все молчать, да слушать? О, бѣда...
Нѣтъ, все имъ выскажу однажды навсегда).
О вы, которые, возчувствовавъ отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу—
Тисненью предавать труды свои спѣша—
Постойте—напередъ узнайте—чѣмъ душа
У васъ исполнена—прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется (у васъ) рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ, а деньги нужны вамъ?

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
(Въ табачной лавочкѣ) табачный торгъ завесть,
Снискать себѣ въ трудѣ барышъ и честь,
Чѣмъ объявленія совать во всѣ журналы,
(Кропая сильному вельможѣ) мадригалы—
Надъ меньшей братьею въ поту лица острясь—
Иль выше мнѣніемъ отважно вознесясь,
Съ оплошной публики какъ нѣкіе писаки,
Подписку собирать на будущіе враки...

740. ЦѢНИТЕЛЬ УМСТВЕННЫХЪ ТВОРЕНІЙ ИСПОЛИНСКИХЪ.

[Черновой набросокъ].

Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ,
Другъ бардовъ Англіи, любовникъ музъ латинскихъ,
Ты въ мощной древности опять меня манишь.
. . . . . велишь.
Я приготовился бороться съ Ювеналомъ,
И въ русскіе стихи, неопытный поэтъ,
Переложить его я далъ тебѣ обѣтъ;
Но, развернувъ его суровыя творенья,
Не могъ преодолѣть пугливаго смущенья...

741. НАПРАСНО Я БѢГУ КЪ СІОНСКИМЪ ВЫСОТАМЪ.

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ;
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая [лапой] пыль, и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

---

742. ЦАРЬ УВИДѢЛЪ ПРЕДЪ СОБОЮ.

[Черновой набросокъ].

Царь увидѣлъ предъ собою
Столикъ съ шахматной доскою...
. . . . . .
Вотъ на шахматную доску
Рать солдатиковъ изъ воску
Въ стройный рядъ разставилъ онъ,
Подбоченясь на лошадкахъ,
Въ коленкоровыхъ перчаткахъ,
Въ оперенныхъ шишачкахъ,
Съ палашами на плечахъ...
(Тутъ лохань передъ собою
Приказалъ налить водою)
Передъ шахматной доскою
На столѣ—лохань съ водою;
Плавать онъ пустилъ по ней
(Кучу дивныхъ кораблей),
Барокъ, каторогъ и шлюпокъ
Изъ орѣховыхъ скорлупокъ.
. . . . . .
А прозрачныя вѣтрильца—
Будто бабочкины крыльца...

---

743. ВЪ ПОЛѢ ЧИСТОМЪ СЕРЕБРИТСЯ.

Въ полѣ чистомъ серебрится
Снѣгъ волнистый и рябой,
Свѣтитъ мѣсяцъ, тройка мчится
По дорогѣ столбовой.
Пой: въ часы дорожной скуки,
На дорогѣ столбовой,
Сладки мнѣ родные звуки
Звонкой пѣсни удалой.
Пой, ямщикъ! Я молча, жадно
Буду слушать голосъ твой.
Мѣсяцъ блѣдный свѣтитъ хладно,
Грустенъ вѣтра дальный вой...
Знаешь пѣсню ты—лучина
. . . . . .

---

744. [ГАЛУБЪ].

[Не окончено и не отдѣлано].

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разпросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданой встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убитъ
Вблизи развалинъ Татартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальной;
Звучитъ уныло пѣснь Муллы;
Въ арбу впряженные волы
Стоятъ предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъемлютъ гости скорбной вой
И съ плачемъ бьютъ нагрудны брони;
И внемля шумъ небоевой,
Мятутся спутанные кони.
Всѣ ждутъ. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просятъ,
Слагаютъ тѣло на арбу
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженную пищаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.
Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смиряя молча пылъ коней...
Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе волы.
Въ долинѣ той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой—
Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...
Ужъ трупъ землею взятъ. Могила
Завалена. Толпа вокругъ
Мольбы послѣднія творила.
Изъ за горы явились вдругъ
Старикъ (сѣдой, съ нимъ отрокъ) стройной.
Даютъ дорогу пришлецу,
И къ скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойной:
«Тому прошло 13 лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покоренъ будь судьбѣ!
Другова я привелъ тебѣ—
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Твою потерю имъ замѣни[шь]
Труды мои ты самъ оцѣни[шь]
Хвалиться ими не хочу.»
Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоитъ.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуясь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодаритъ и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками
Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ честью провожать,
Съ благословленьемъ и дарами.
Ему отецъ печальный мнитъ,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.
Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранитъ.
Среди родимаго аула
Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дольнаго куда

Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердецъ!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ...
Но отецъ
Уже Тазитомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслитъ онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ и сила рукъ.
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ.»
Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

СЫНЪ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
И путь открытъ на Даріалъ.

ОТЕЦЪ.

Что дѣлалъ тамъ?

СЫНЪ.

Я слушалъ Терекъ.

ОТЕЦЪ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

СЫНЪ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскій ѣхалъ Армянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?
Потупилъ очи сынъ Черкеса,
Не отвѣчая ничего.
Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За бѣлою горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

СЫНЪ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

ОТЕЦЪ.

О милосердая судьба!
Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?
Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслитъ онъ, не замѣнитъ
Онъ никогда другова брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злато;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать».
Тазитъ опять коня сѣдлаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

СЫНЪ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.
. . . . . .

ОТЕЦЪ.

Кого ты видѣлъ?

СЫНЪ.

Супостата.

ОТЕЦЪ.

Кого, кого?

СЫНЪ.

Убійцу брата.

ОТЕЦЪ.

Убійцу сына моего?...
Тазитъ! гдѣ голова его?
Мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
Дай, нагляжусь!

СЫНЪ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ...
Врага ты навзничь опрокинулъ...
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стенаньемъ,
Его змѣинымъ издыханьемъ?
(Гдѣ жъ голова?)... Подай!... Нѣтъ силъ...
Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ:
«Поди ты прочь—ты мнѣ не сынъ,

ГАЛУБЪ ПРОКЛИНАЕТЪ ТАЗИТА.

Ты не Чеченецъ, ты старуха,
Ты трусъ, ты рабъ, ты Армянинъ!
Будь проклятъ мной!—Поди, чтобъ слуха
(Никто о робкомъ не имѣлъ),
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвой братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно:
Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали

И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты... бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ—и очи
Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ теменъ синій небосклонъ.
Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долинѣ шумно собрались;
Привычны игры начались:
Верхами юные Чеченцы,
Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ—и гулъ лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоятъ, не видя ничего.
И горе имъ: онъ сынъ изгнанный,
Она—любовница его...
О, было время!... Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньѣ, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгоралась какъ заря;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованый кувшинъ
Волною звонкой наполняла...
И онъ, невластный превозмочь
Волненій сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ: «твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ—но могучъ и молодъ,
Мнѣ трудъ легокъ. Я удалю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ...»
. . . . . .
Ему внималъ старикъ угрюмый,
Главою бѣлой покачалъ,
Махнулъ рукой и отвѣчалъ:
«Я не отдамъ моей орлицы
Тому, кто въ бой идти не смѣетъ,
Кто мстить за брата не умѣетъ,
Кто робокъ даже предъ рабомъ,
Кто изгнанъ и проклятъ отцомъ.»
. . . . . .

---

745. НА ЭТО СКАЖУТЪ МНѢ.

[Черновой набросокъ].

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
Смотрите—Вы поэтъ—уклонный лицемѣрный,
Вы насъ морочите—Вамъ слава не нужна,
Смѣшной и суетной Вамъ кажется она:
Зачѣмъ же пишете? Я? для себя, за что же
Печатаете Вы?—Для денегъ—Ахъ мой Боже!
Какъ стыдно! почему жъ.

1834.

746. [КЪ Н***].

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей.
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безсмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали.
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой;
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Виньетка Пушкина къ «Страннику».
Воспроизводится впервые по рукописи Румянцев. Музея № 2377, А.

747. СТРАННИКЪ.

[Не закончено].

I.

Однажды, странствуя среди долины дикой,
Незапно былъ объятъ я скорбію великой
И тяжкимъ бременемъ подавленъ и согбенъ,
Какъ тотъ, кто на судѣ въ убійствѣ уличенъ.
Потупя голову, въ тоскѣ ломая руки,

Я въ вопляхъ изливалъ души пронзенной муки
И горько повторялъ, метаясь какъ больной:
Что дѣлать буду я? Что станется со мной?

II.

И такъ я, сѣтуя, въ свой домъ пришелъ обратно.
Уныніе мое всѣмъ было непонятно.
При дѣтяхъ и женѣ сначала я былъ тихъ,
И мысли мрачныя хотѣлъ таить отъ нихъ;
Но скорбь часъ отъ часу меня стѣсняла болѣ—
И сердце, наконецъ, открылъ я по неволѣ.
«О горе, горе намъ! Вы, дѣти, ты, жена,
Сказалъ я, вѣдайте: моя душа полна
Тоской и ужасомъ; мучительное бремя
Тягчитъ меня. Идетъ!... Ужъ близко, близко время:
Нашъ городъ пламени и вѣтрамъ обреченъ;
Онъ въ угли и золу вдругъ будетъ обращенъ—
И мы погибнемъ всѣ, коль не успѣемъ вскорѣ
Обрѣсть убѣжище—а гдѣ?... О горе, горе!»

III.

Мои домашніе въ смущеніе пришли
И здравый умъ во мнѣ разстроеннымъ почли.
Но думали, что ночь и сна покой цѣлебной
Охолодятъ во мнѣ болѣзни жаръ враждебной.
Я легъ, но во всю ночь все плакалъ и вздыхалъ,
И ни на мигъ очей тяжелыхъ не смыкалъ.
Поутру я одинъ сидѣлъ, оставя ложе.
Они пришли ко мнѣ; на ихъ вопросъ я то же,
Что прежде, говорилъ. Тутъ ближніе мои,
Не довѣряя мнѣ, за должное почли
Прибѣгнуть къ строгости. Они съ ожесточеньемъ
Меня на правый путь и бранью и презрѣньемъ
Старались обратить. Но я, не внемля имъ,
Все плакалъ и вздыхалъ, унынiемъ тѣснимъ.
И наконецъ они отъ крика утомились.
И отъ меня, махнувъ рукою, отступились
Какъ отъ безумнаго, чья рѣчь и дикій плачъ
Докучны, и кому суровый нуженъ врачъ.

IV.

Пошелъ я вновь бродить—унынiемъ изнывая,
И взоры вкругъ себя со страхомъ обращая,
Какъ рабъ, замысливший отчаянный побѣгъ,
Иль путникъ до дождя спѣшащій на ночлегъ.
Безсонный труженикъ, влача свою веригу,
Я встрѣтилъ юношу, читающаго книгу.
Онъ тихо поднялъ взоръ и вопросилъ меня:
О чемъ, бродя одинъ, такъ горько плачу я?
И я въ отвѣтъ ему: познай мой жребій злобный;
Я осужденъ на смерть и позванъ въ судъ загробный—
И вотъ о чемъ крушусь; къ суду я не готовъ,
И смерть меня страшитъ. «Коль жребій твой таковъ,
Онъ возразилъ, и ты такъ жалокъ въ самомъ дѣлѣ,
Чего жъ ты ждешь? Зачѣмъ не убѣжишь отселѣ?»
И я: куда жъ бѣжать? Какой мнѣ выбрать путь?
Тогда: «не видитъ ли твой взоръ чего нибудь?»
Сказалъ мнѣ юноша, вдаль указуя перстомъ.
Я окомъ сталъ глядѣть болѣзненно-отверстымъ,
Какъ отъ бѣльма врачемъ избавленный слѣпецъ:

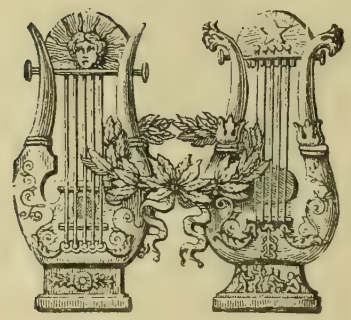
Я вижу нѣкій свѣтъ—сказалъ я наконецъ.
«Иди жъ—онъ продолжалъ: держись сего ты свѣта;
Пусть будетъ онъ тебѣ единственная мѣта,
Пока ты тѣсныхъ вратъ спасенья не достигъ;
Ступай!» И я бѣжать пустился въ тотъ же мигъ.
Побѣгъ мой произвелъ въ семьѣ моей тревогу:
И дѣти, и жена кричала мнѣ съ порогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня, другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ.
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдамъ предлагалъ;
Иные ужъ за мной гнались—но я тѣмъ болѣ
Спѣшилъ перебѣжать городовое поле,
Дабы скорѣй узрѣть, оставя тѣ мѣста,
Спасенья узкій путь и тѣсныя врата...

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

748. [МИЦКЕВИЧЪ].

. . . . . Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужаго; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,

Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко
Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ—и благословеньемъ
Его мы проводили. Но теперь
Нашъ мирный гость намъ сталъ врагомъ, и нынѣ
Въ своихъ стихахъ, угодникъ черни буйной,
Поетъ онъ ненависть: издалека
Знакомый голосъ злобнаго поэта
Доходитъ къ намъ!... О Боже! возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!



Заглавная виньетка Сказки о Золотомъ Пѣтушкѣ, рисованная Пушкинымъ.

По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ.

Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ.

749. СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

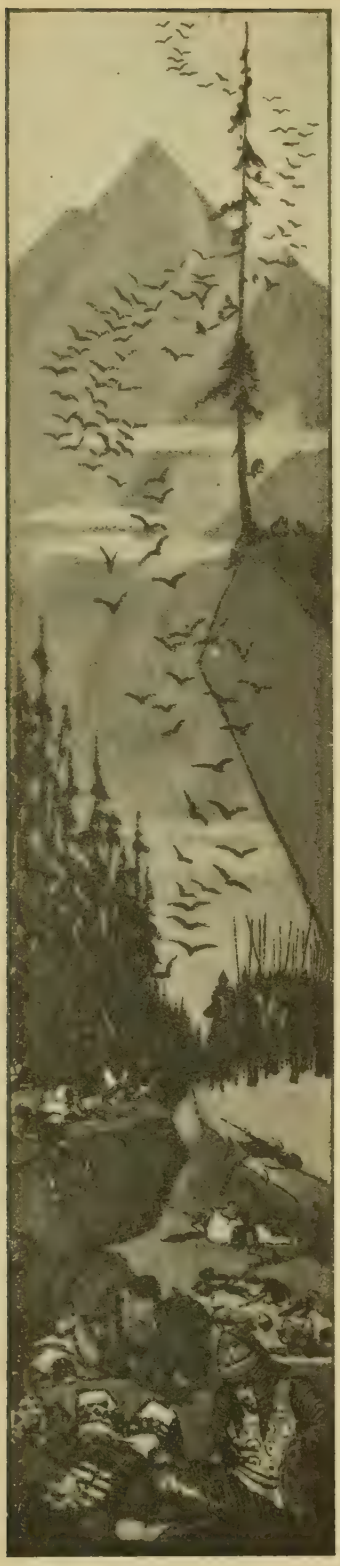
Нѣгдѣ въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
Съ молоду былъ грозенъ онъ
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго Царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ бывало съ Юга, глядь—
Анъ съ Востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь,—лихіе гости
Идутъ отъ моря—со злости
Инда плакалъ Царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу
Звѣздочету и скопцу—
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка

Акварель гр. Ѳ. Сологуба.

Акварел гр. Ѳ. Сологуба.

Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ Царю, на спицу;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой:
Коль кругомъ все будетъ мирно
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной,
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ,
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ
Горы золота сулитъ—
За такое одолженье,
Говоритъ онъ въ восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, какъ мою.»
Пѣтушокъ съ высокой спицы
Сталъ стеречь его границы—
Чуть опасность гдѣ видна
Вѣрный сторожъ какъ со сна
Шевельнется, встрепенется,
Къ той сторонкѣ обернется
И кричитъ: кири ку ку!
Царствуй, лежа на боку!
И сосѣди присмирѣли,
Воевать уже не смѣли.
Таковой имъ Царь Дадонъ
Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

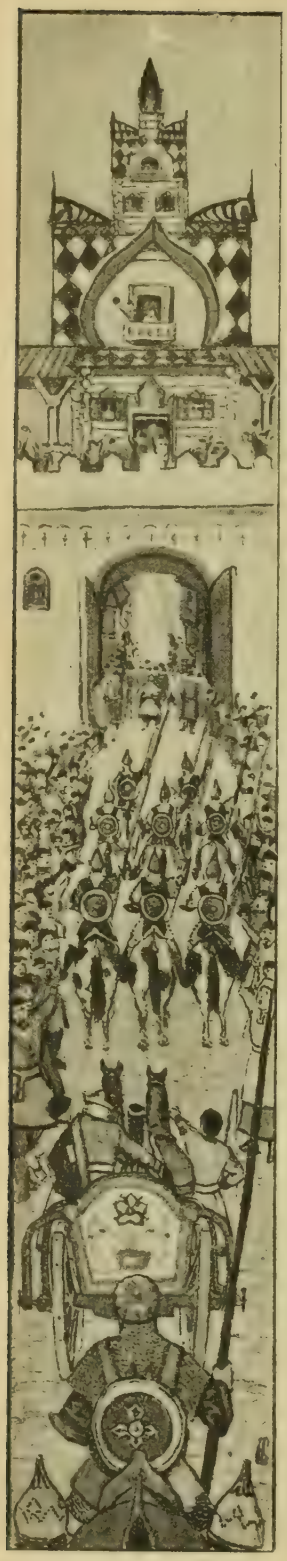
Акварель гр. Ѳ. Сологуба.



Акварель гр. Ѳ. Сологуба.

Годъ, другой проходитъ мирно,
Пѣтушокъ сидитъ все смирно;
Вотъ однажды царь Дадонъ
Страшнымъ шумомъ пробужденъ:
Царь ты нашъ! Отецъ народа!
Возглашаетъ Воевода,
Государь! проснись! бѣда!
Что такое, господа?
Говоритъ Дадонъ, зѣвая,
А? кто тамъ? бѣда какая?
Воевода говоритъ:
Пѣтушокъ опять кричитъ,
Страхъ и шумъ во всей столицѣ.
Царь къ окошку—анъ на спицѣ,
Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на Востокъ.
Медлить нечего: скорѣе!
Люди, на конь! Эй, живѣе!
Царь къ Востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ угомонился,
Шумъ утихъ и Царь забылся.
Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей:
Было-ль, не было-ль сраженья?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять—
Кличетъ Царь другую рать;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова;
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ,
Пѣтушокъ кричитъ опять,
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ Востоку
Самъ, не зная быть ли проку.
Войска идутъ день и ночь;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни нагробнаго кургана
Не встрѣчаетъ Царь Дадонъ.
«Что за чудо?» мыслитъ онъ.
Вотъ осьмой ужъ день проходитъ,
Войско въ горы Царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шолковой шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шеломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,

ПРЕДЪ ШАТРОМЪ ШАМАХАНСКОЙ ЦАРИЦЫ.
Акварель гр. Ѳ. Сологуба.



Акварель гр. Ѳ. Сологуба.

Мечь вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга,
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ...
Царь завылъ: охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.
Всѣ завыли за Дадономъ
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслося. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская Царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила Царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась—и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ явствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать
И потомъ недѣлю ровно
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.
Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и Царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ сарачинской шапкѣ бѣлой
Весь какъ лебедь посѣдѣлый
Старый другъ его скопецъ.
А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ Царь ему; что скажешь?
Подь поближе, что прикажешь?
Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,
Разочтемся на конецъ.
Помнишь? за мою услугу
Обѣщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.

Подаришъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую Царицу...—
Крайне Царь былъ изумленъ.
Что ты? старцу молвилъ онъ
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума рехнулся.
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно обѣщалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь ли кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни Царской,
Хоть полъ Царства моего.
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую Царицу —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ—
Царь: такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь—
Убирайся, цѣлъ пока;
Оттащите старика!
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ
По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. Вся столица
Содрогнулась—а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно—
Вотъ—въѣзжаетъ въ городъ онъ...
Вдругъ раздался легкій звонъ
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И Царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ—
Охнулъ разъ—и умеръ онъ—
А Царица вдругъ пропала
Будто вовсе не бывало
Сказка—ложь, да въ ней намёкъ,
Добрымъ молодцамъ урокъ!

Акварель гр. Ѳ. Сологуба.

750. СЪ ОЧАМИ БЫСТРЫМИ.

(Черновой набросокъ).

Съ очами (впалыми) быстрыми ? злобно
(Съ плѣшивымъ черепомъ, зерцаломъ)
Съ устами сжатыми (привычной) (цинически) наморщенной улыбкой
Еще въ (младенчествѣ) ребячествѣ моемъ безсильной
(несмысл) (и злобной) (безстыдн лукавомъ)
(Я старцу въ сѣть попалъ)-
Я встрѣтилъ старика съ плѣшивой головой

---

751. ТЫ ПРОСВѢЩЕНІЕМЪ СВОЙ РАЗУМЪ ОСВѢТИЛЪ.

(Черновой набросокъ).

Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ
(предразсудокъ)
Ты алчешь сбыть свѣтъ чистый свѣтъ
Ты міра таинство
Ты ты правды ликъ увидѣлъ
И нѣжно
(Это...)
(И жарко) чуждые народы воз (по) любилъ
И мудро....
Свой (народъ) возненавидѣлъ
Ты такъ у
Ты жизни при
(Ты пилъ здоровье) Лелевеля
Ты пилъ у (яр. въ д...?) (здоровье Лелевеля)
здоровье
Ты славилъ имя Лелевеля
Когда безмолвная (Варшав бунтъ)
(мятежн.) Варшав поднялась
Польскій
И бун. при кликѣ и буйств опьянѣла
и кровь Польск. не сгинѣла
(ночью)
(И русскій)
И злую рад...) и кровь полилась
При кликѣ Польш...
Стѣная (?)
(Когда наша кровь рѣкою полил.)
И смертн. борьба. И борьба началась
При кликѣ Польша не сгинѣла

Чужимъ...
Отъ на д... злобясь
(ты) (Когда въ д. кривясь д... полна.
Когда ли Дибичь кривой раздѣлъ...

Пестро Парижс.
(Когда французск.) пустомеля
Ревѣлъ на кафедрѣ ты..... у...
Здоровье..... Лел...
(Ты) Ты руки потиралъ Отъ нашихъ неудачь
(Отъ разныхъ) (ты)
...глоталъ (вѣсти)
Съ лукавымъ смѣхомъ
Съ улыбкой слушалъ вѣсти
Кусая губы
Ког... бѣжали вскачь
Когда-жъ... рѣдѣли.
И гибло знамя нашей чести
Варшавы бунтъ
Какъ жидъ
(ты) въ дымѣ
и горько
Поникнулъ ты (прахъ Ерусалима) возрыдалъ
Какъ жидъ о Іерусалимѣ

Примѣчанія.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1824 г.

380. ДАВЫДОВУ.

(т. II, стр. 210).

Подъ заглавіемъ: «Д***у», съ припиской: «На приглашеніе»... и т. д., пьеса, авторафъ которой намъ неизвѣстенъ, впервые появилась въ «Моск. Вѣстникѣ» 1829 г., ч. I, стр. 107, а затѣмъ вошла, въ той же редакціи, въ изданный поэтомъ въ 1829 же году сборникъ стиховъ, ч. I, стр. 198—199 (причемъ приписка дана только въ оглавленіи, стр. 223). Къ 1824 г. отнесена самимъ авторомъ.

Александръ Львовичъ Давыдовъ (1773—1833 гг.), съ 1815 г. отставной генералъ-маіоръ, единоутробный братъ генерала Н. Н. Раевскаго, былъ однимъ изъ хозяевъ знаменитой въ исторіи революціоннаго движенія двадцатыхъ годовъ Каменки, гдѣ бывалъ Пушкинъ, написавшій въ 1821 г. посланіе его брату Василію Львовичу (см. т. II, № 265), «почтившій» его жену Аглаю Антоновну нѣсколькими не совсѣмъ почтительными стихотвореніями (см. ibid., №№ 261, 287, 311, 328) и не оставившій безъ вниманія ихъ маленькую дочку Адель (ibid., № 343). Современникъ, В. П. Горчаковъ, разсказываетъ: «Александръ Львовичъ отличался изысканностію маркиза. Всѣ они дружески обращались съ Пушкинымъ, но выраженіе пріязни Александра Львовича сбивалось на покровительство, что, какъ мнѣ казалось, весьма не нравилось Пушкину» («Москвитянинъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 152). Это былъ человѣкъ довольно симпатичный, пустой, хотя неглупый, и совсѣмъ далекій отъ интересовъ всего Каменскаго кружка; впрочемъ, выпить за свободу онъ не отказывался. По словамъ И. Д. Якушкина, онъ мирно дремалъ во время горячаго спора о тайномъ обществѣ («Записки» Якушкина, изд. 1905 г., стр. 50—52). Давыдовъ очень любилъ поѣсть, и чудовищная комплекція, которую не всякій экипажъ выдерживалъ, предоставляла ему въ этомъ отношеніи полный просторъ. Знавшій его въ Одессѣ, гдѣ онъ часто навѣщалъ Пушкина, М. Ф. де Рибасъ вспоминалъ о его «физической силѣ, громадномъ ростѣ и непомѣрной толщинѣ туловища... «Самъ Давыдовъ разсказываетъ, что, будучи въ 1815 г. во Франціи вмѣстѣ съ оккупаціоннымъ корпусомъ и командуя однимъ летучимъ отрядомъ, онъ всегда составлялъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славились или приготовленіемъ какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ какихъ-нибудь рѣдкихъ фруктовъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицъ. Такимъ образомъ, Александръ Львовичъ первый составилъ гастрономическую карту Франціи» («Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», сборн. В. А. Яковлева, Од., 1887, стр. 116—117). Пылкій темпераментъ жены доставилъ Давыдову репутацію рогоносца и Пушкинъ не забылъ въ первой главѣ «Онѣгина» отвести ему мѣстечко: «рогоносецъ величавый, всегда довольный самъ собой, своимъ обѣдомъ и женой» (строфа XII; см. также «Записки» И. Д. Якушкина, I. с.; Переписка П-на, академич. изд., I, 139). Много лѣтъ спустя Пушкину напомнилъ о Давыдовѣ шекспировскій Фальстафъ: «природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его геніальное созданіе. *** былъ второй Фальстафъ: сластолюбивъ, трусъ, хвастливъ, не глупъ, забавенъ, безъ всякихъ правилъ, слезливъ и толстъ. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Онъ былъ женатъ»... И Пушкинъ тутъ разсказалъ забавный анекдотъ о Давыдовѣ. О немъ см. также «Сборникъ біографій кавалергардовъ», II, 459—462; «Кіев. Университ. Извѣстія», 1899 г., № 5, «Памяти Пушкина», ст. А. М. Лободы (тамъ же портретъ Давыдова); «Архивъ Раевскихъ», I, 42—43. Ср. ст. А. М. Лободы во II томѣ настоящаго изданія.

Пушкинъ надѣялся провести лѣто 1824 г. въ Крыму, о которомъ давно мечталъ (см. послѣднія двѣ строфы «Желанія», 1821 г.). Въ декабрѣ 1823 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «что если бы ты заѣхалъ къ намъ на югъ нынче весною? Мы бы провели лѣто въ Крыму, куда собирается пропасть дѣльнаго народа, женщинъ и мужчинъ». Во главѣ одесской колоніи, переселявшейся на лѣто въ Крымъ, стоялъ гр. М. С. Воронцовъ, и присоединиться къ этому «дѣльному народу» Пушкину помѣшали, конечно, испортившіяся отношенія съ Воронцовымъ.

Слова Пушкина: «ты не въ чахоткѣ, слава Богу», и молитва о ниспосланіи Давыдову аппетита—остроумный намекъ на «милый нравъ» и на внушительную комплекцію Александра Львовича. «Торжественная ода» Горація—«Къ кораблю, везущему въ Аѳины Вергилія» («Оды», I, 3). Аристиппомъ, проповѣдывавшимъ умѣренность въ наслажденіяхъ, Давыдовъ, далеко не сторонникъ воздержанія, названъ тоже въ шутку; имя этого философа Пушкинъ зналъ еще на лицейской скамьѣ (см. «Посланіе Лидѣ», 1816 г.), между прочимъ, вѣроятно, по стихотворенію Державина «Аристиппова бапя».

381. ИНОСТРАНКѢ.

(т. II, стр. 210).

Первоначальный, исчерканный набросокъ этой пьесы находится въ хранящейся въ Импер. Публичной Библіот. черновой тетради 1820—1821 гг., л. 63, об. (facsimile въ «Сборникѣ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей», изд. редакціи «Русской Старины» и Ѳ. К. Опочинина, СПБ., 1873 г.); другой черновикъ, подъ заглавіемъ: «Къ иностранкѣ» находится въ кишиневской тетради

Пушкина (Румянцовск. муз., № 2369, л. 1), а третій, подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ»—въ 2367-ой тетради Румянцовскаго музея, л. 26; о варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Посылая брату и П. А. Плетневу передъ печатаніемъ сборника 1826 г. необходимыя указанія, Пушкинъ озаглавилъ пьесу: «Въ альбомъ иностранкѣ» (Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», сообщ. Л. Н. Майкова, СПБ., 1896, стр. 7). Впервые появилось стихотвореніе въ сборникѣ изд. 1826 г., стр. 115, а затѣмъ въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 148; въ обоихъ изданіяхъ—безъ отнесенія къ тому или иному году. Въ третьемъ автографѣ подъ стихами приписано: «Veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824, pl. s D.» П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина, печатая «Иностранкѣ» подъ 1824 г. (т. II, стр. 351—352), объяснялъ въ примѣчаніяхъ (ibid., 377), что пьеса «въ рукописи имѣетъ заглавіе «Въ Альбомъ» и помѣтку: «19 Мая 1824 г.»; заглавіе рукописи объясняетъ стихъ: «На чуждыя черты взирая»; вѣроятно, въ альбомѣ находился портретъ Пушкина». Въ другомъ мѣстѣ («Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 244) Анненковъ писалъ: «подъ пьесой въ рукописяхъ (?) стоятъ и слова: Veux-tu m'aimer? Point de D*». Не Дегилье ли, о которомъ мы упоминали?». (См. о немъ во II т. настоящаго изданія, стр. 171, 586; «П. въ Александр. эпоху», 192—193). Объясненія Анненкова не выдерживаютъ критики: «чуждыми чертами» Пушкинъ могъ назвать не свое лицо, конечно, хорошо знакомое женщинѣ, которой посвящались стихи, а свои строки, написаные «на языкѣ не внятномъ» иностранкѣ; помѣта: «pl. s. D.» была не только навѣрно прочтена Анненковымъ, но и отнесена къ Дегильи безъ всякаго основанія. Значеніе этой помѣты отъ насъ скрыто.

Кто была «иностранка», неизвѣстно. Братъ Пушкина въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ разсказываетъ: «одна иностранка, оставляя Россію, просила Пушкина написать ей что-нибудь въ память самыхъ близкихъ двухлѣтнихъ ихъ отношеній. Онъ написалъ ей пьесу: «На языкѣ тебѣ не внятномъ» и пр. Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственнаго его сочиненія, просила перевода, но Пушкинъ предоставилъ ей обратиться для сего къ первому русскому, котораго она встрѣтитъ за границею»... («Москвитянинъ» 1853 г., ч. III, № 10, май, кн. 2; также у Л. Н. Майкова, «Пушкинъ», стр. 9—10). Повторяя тотъ же разсказъ, Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», (изд. 1-ое, 1855 г., стр. 84—85) ищетъ эту иностранку среди кишиневскихъ знакомыхъ Пушкина: «отъ пребыванія его въ Кишиневѣ осталось еще воспоминаніе въ двухъ стихотвореніяхъ: «Гречанкѣ» («Ты рождена воспламенять»...) и «Иностранкѣ»... К. П. Зеленецкій («Госпожа Ризничъ и Пушкинъ»—«Одесск. Вѣстникъ» 1856 г., т. III, № 11, іюнь, кн. 1; перепеч. въ сборникѣ В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887 г.) говоритъ («Отзывы», 142—143): «весною 1824 г. г-жа Ризничъ уѣхала за границу... Она не могла, въ продолженіе кратковременнаго своего пребыванія въ Одессѣ, выучиться говорить и понимать по-русски: въ домѣ у нея, кромѣ развѣ прислуги, говорили по-итальянски или по-французски. Весьма, поэтому, правдоподобно, что стихотвореніе «Иностранкѣ» писано къ ней. Притомъ тутъ упоминается о «заблужденіи пріятномъ», въ которомъ поэтъ долго могъ находиться по отношенію къ своему сопернику»... Далѣе, ссылаясь на сообщеніе Л. С. Пушкина и даже произвольно исправляя его показаніе о двухлѣтнихъ отношеніяхъ иностранки къ поэту («однолѣтнихъ»—пишетъ Зеленецкій), одесскій критикъ находилъ, что «по характеру г-жи Ризничъ, по настроенію ея чувства и по тому, что особенно занимало ея мысли, весьма немудрено, что случай этотъ былъ именно съ нею, и что стихи писаны именно къ ней». А. И. Незеленовъ («П—въ въ его поэзіи», СПБ., 1882, стр. 148) находитъ догадку Зеленецкаго «основательной» и объясненія его «справедливыми». Такъ же согласенъ съ Зеленецкимъ авторъ другой статьи о Ризничъ, П. Антоновичъ («Г-жа Ризничъ и Пушкинъ»—«Южно-Русскій Альманахъ, изд. Ю. Сандомирскаго, Од., 1899, литерат. отд., стр. 11—19), который повторяетъ слова Зеленецкаго: — «что стихотвореніе 1824 г. «Иностранкѣ», писанное напрощаніе съ нею, при отъѣздѣ ея за границу, относится къ г-жѣ Ризничъ, а не къ какой-либо другой дамѣ, доказывается тѣмъ, что никакою другою иностранкой, которая бы въ 1824 г. выѣзжала за границу, Пушкинъ въ Одессѣ занятъ не былъ»... Сопоставляя «Иностранкѣ» и посвященные Ризничъ стихи «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»..., г. Антоновичъ приходитъ къ странному выводу: «ясно, что и тамъ, и здѣсь говорится объ отношеніяхъ къ поэту одного лица»... Гораздо правдоподобнѣе мнѣніе П. Е. Щеголева («Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина» — «Вѣстн. Европы» 1904 г., январь, 323—324), который, основываясь на хронологической помѣтѣ подъ стихотвореніемъ, объясняетъ: «Ризничъ получила заграничный паспортъ 30 апр. 1824 года и выѣхала въ первыхъ числахъ мая. Съ нѣкоторой натяжкой можно было бы первыя числа мая дотянуть до 18, 19 мая для того, чтобы имѣть возможность относить эти стихи къ Ризничъ. Но этому мѣшаетъ, главнымъ образомъ, то, что первый его набросокъ мы находимъ въ записной книжкѣ 1820—21 года, т.-е. того времени, когда о Ризничъ Пушкинъ не имѣлъ никакого представленія. Другой черновой набросокъ этого стихотворенія мы встрѣчаемъ въ кишиневской тетради 1822 года. Во всякомъ случаѣ, первоначально Пушкинъ предназначалъ стихи для иностранки, намъ неизвѣстной; быть можетъ, въ окончательной редакціи онъ посвятилъ его Ризничъ, но тогда, конечно, на это стихотвореніе можно смотрѣть только какъ на альбомную замѣтку, не болѣе, а не какъ на искреннее выраженіе глубокаго чувства; въ послѣднемъ случаѣ поэтъ не сталъ бы приспособлять къ моменту свои старые стихи. Вѣрнѣе всего относить эти стихи не къ Ризничъ, а къ особѣ, имя которой намъ неизвѣстно». Соображенія Анненкова и П. Е. Щеголева наиболѣе близки къ истинѣ.

Всякія догадки должны основываться на фактическомъ и никѣмъ не оспоренномъ сообщеніи такого близкаго къ Пушкину человѣка, какъ его братъ, который говорилъ о двухлѣтнихъ близкихъ отношеніяхъ поэта къ иностранкѣ. Ризничъ же въ Одессѣ прожила не два года, а только годъ (см. во II т. настоящаго изданія наши примѣчанія къ № 372). «Двухлѣтнія» отношенія могли вестись только въ Кишиневѣ, гдѣ Пушкинъ прожилъ два года и девять мѣсяцевъ, а не въ Одессѣ, гдѣ онъ прожилъ годъ съ небольшимъ. Помѣта «18. 19 mai 1824» подъ черновикомъ 2367-ой музейной тетради вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Весьма возможно, что она вовсе не связана съ

пьесой (такіе примѣры попадаются въ рукописяхъ Пушкина), и вся непонятная намъ запись: «Veux tu m'aimer. 18. 19. mai 1824. pl. s. D.» относится къ какому-нибудь эпизоду одесской жизни поэта, неизвѣстному намъ; въ той части 2367-ой тетради, гдѣ находится черновикъ разбираемой пьесы, перемѣшаны между собою стихи 1821-1827 гг. онъ записанъ между стихами «Свободы сѣятель пустынный»..., 1823 г., и—«Ты Богоматерь»..., 1827 г. Быть можетъ, стихи, дѣйствительно, окончательно отдѣланы въ 1824 г. въ Одессѣ, но «иностранка», во всякомъ случаѣ, не Ризничъ и принадлежитъ, согласно указанію брата Пушкина, вѣрнѣе къ кишиневскимъ знакомымъ поэта; къ тому же два первые наброска пьесы относятся безъ всякаго сомнѣнія къ кишиневскому періоду. «Заблужденіе пріятное», которое такъ криво толковалъ Зеленецкій, объясняется самымъ стихотвореніемъ: поэтъ склоненъ думать, что, надѣясь на вниманіе иностранки, вѣроятно заблуждается.

Бѣлинскій въ своемъ обзорѣ пушкинской поэзіи упомянулъ «Иностранкѣ» въ числѣ лучшихъ, «самобытныхъ» пьесъ Пушкина. Стихотвореніе не говоритъ о глубокомъ, серьезномъ чувствѣ, какое дышитъ, напримѣръ, въ посвященныхъ Ризничъ стихахъ «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»... Блестящее по формѣ, оно по тону сбивается скорѣе на типичное альбомное посвященіе, изъ тѣхъ, въ которыхъ, выражаясь словами «Онѣгина»,

вѣрно клятвы вы прочтете
Въ любви до гробовой доски...

382. ПОЛУ-ГЕРОЙ, ПОЛУ-НЕВѢЖДА...

(т. II, стр. 210).

Впервые эпиграмма появилась, подъ заглавіемъ: «Графу В—ву», въ сборникѣ Русскаго (Н. В. Гербеля) «Стихотворенія А. С. Пушкина, невошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1868, стр. 100, затѣмъ—въ «Русс. Архивѣ» 1876 г., № 10, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала входить начиная съ изданія 1880 г., I, 452, гдѣ была напечатана подъ заглавіемъ: «На В—ва». Прежній текстъ, значительно отличающійся отъ принятаго въ настоящемъ изданіи, былъ взятъ изъ неизвѣстнаго источника и не можетъ быть признанъ авторитетнымъ. Здѣсь воспроизведена эпиграмма въ той редакціи, въ которой записалъ ее самъ Пушкинъ въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому 10 октября 1824 г. (впервые напечатанномъ въ «Старинѣ и Новизнѣ», кн. V, 1902 г., стр. 13), гдѣ она прямо отнесена къ графу М. С. Воронцову.

Создалась она, вѣроятно, нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, еще во время пребыванія поэта въ Одессѣ. «Мрачное настроеніе духа Александра Сергѣевича, — разсказываетъ И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1477—1478),—породило много эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и сдѣлалась извѣстной... Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили Пушкина. Говорили, что будто бы графъ, черезъ кого-то, изъявилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Пушкинъ завѣрялъ меня, что стихи эти написаны не были, но какъ-то раза два или три имъ были повторены и такъ попали на бумагу». Должно быть, такимъ образомъ и возникла извѣстная прежде редакція эпиграммы. «Полу-Милордъ Воронцовъ даже не полугерой»—писалъ Пушкинъ Жуковскому (29 ноября 1824 г.). Прозвище «полу-Милордъ» упрочилось за Воронцовымъ; такъ называетъ его Н. С. Алексѣевъ въ письмѣ къ Пушкину 30 октября 1826 г. «Полуподлецомъ» названъ Воронцовъ также въ одномъ варіантѣ эпиграммы «Сказали разъ царю»... (см. ниже, примѣч. къ № 402). Эпиграмма была въ свое время весьма извѣстна; подражаніе ей находимъ въ «Литерат. Прибавленіяхъ къ Русск. Инвалиду» 1831 г., № 20, стр. 159—стихотвореніе Загорскаго «Надпись къ дому, въ которомъ жилъ поэтъ Баратынскій въ Гельзенфорсѣ».

Объ отношеніяхъ Пушкина и Воронцова см. статью «Пушкинъ въ Одессѣ» (во II томѣ) и примѣчанія къ №№ 371, 383, 394, 402, 423, 429, 492, 494.

—

383. САРАНЧА ЛЕТѢЛА, ЛЕТѢЛА...

(т. II, стр. 210).

Четверостишіе впервые было напечатано въ статьѣ К. П. Зеленецкаго «Свѣдѣнія о пребываніи А. С. Пушкина въ Кишиневѣ и въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ Евгеніи Онѣгинѣ» («Москвитянинъ» 1854 г., т. III, № 9, отд. V, стр. 11); см. его же замѣтку въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., № 5, стр. 137. Въ собраніи произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ перваго изданія Г. Н. Генади, прилож., 1860 г., стр. 59. Въ этой шуткѣ видятъ комическій «рапортъ», который будто бы подалъ Пушкинъ Воронцову по возвращеніи изъ командировки на истребленіе саранчи. Между тѣмъ, изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что Пушкину, который «возвратясь подалъ донесеніе объ исполненіи порученнаго» (см. во II т. ст. «Пушкинъ въ Одессѣ», стр. 280), было далеко не до шутокъ; къ тому же Пушкинъ тогда не былъ торжествующей въ столкновеніи стороною, былъ униженъ Воронцовымъ и шутить такимъ образомъ значило бы издѣваться, да еще незаслуженно издѣваться надъ самимъ собою, тогда какъ Пушкинъ чувствовалъ себя правымъ. Стишки, можетъ быть, и одесскаго происхожденія и даже современны Пушкину, но въ силу только-что сказаннаго, едва-ли могутъ быть приписаны ему. Пушкину приписывается, и такъ же безосновательно, еще одинъ подобный рапортъ о саранчѣ—И. Н. Инзову, длинный, не только въ стихахъ, но и въ прозѣ; см. пошлѣйшую фальсификацію кишиневскихъ «семейныхъ преданій» о Пушкинѣ Е. Францовой (Кіріенко-Волошиновой) въ «Русск. Обозр.» 1897 г.

———

384. ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ...

(т. II, стр. 211).

Автографъ этой эпиграммы неизвѣстенъ. Впервые она появилась въ сборникѣ Н. В. Гербеля (Русскаго) «Стихотворенія А. С. Пушкина, не вошедшія въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861, стр. 117, а въ собраніи произведеній Пушкина

стали входить, начиная съ изданія 1880 г., (т. I, стр. 451). За принадлежность ея Пушкину ручается не только характерный пушкинскій стихъ, не только остроуміе, но и однородные прозаическіе отзывы Пушкина объ обоихъ цензорахъ, разбросанные въ письмахъ поэта. Въ 1824 г. князя А. Н. Голицына на посту министра народнаго просвѣщенія смѣнилъ А. С. Шишковъ, и Пушкинъ сталъ надѣяться на благопріятныя для литературы перемѣны въ цензурномъ вѣдомствѣ, подчиненномъ тогда министру народнаго просвѣщенія. «Съ перемѣною министерства»—писалъ онъ брату 13 іюня 1824 г.—«ожидаю и перемѣны цензуры. А жаль... la coupe était pleine. Бирюковъ и Красовскій не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться». Затѣявъ поэтическую «панихиду» по Байронѣ, поэтъ остановился, «справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирюкова, раздѣленнаго на Красовскаго» (пис. къ Вяземскому 10 октября 1824 г.). Но надежда Пушкина не сбылась. И Красовскій, и Бируковъ остались цензорами. Александръ Ивановичъ Красовскій (род. въ 1776 г., умеръ 19 ноября 1857 г.) съ 1821 г. служилъ цензоромъ, а съ 1833 г. до самой смерти былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры; въ лѣтописяхъ русской литературы хранится множество курьезныхъ разсказовъ о цензорской подозрительности этого типичнаго психопата. Александръ Степановичъ Бируковъ (род. 2 іюня 1772 г., ум. 31 мая 1844 г.) былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета въ 1821—1826 гг. (Свѣдѣнія о нихъ см. въ «Остафьевск. Архивѣ», II, 520—521). Съ Бируковымъ Пушкину пришлось имѣть дѣло. Этотъ цензоръ былъ довольно «добрый малый», какъ назвалъ его Пушкинъ; его можно было иной разъ уломать, хотя вообще былъ «фи-дитя, блажной дитя», и Пушкинъ боялся, что онъ не пропуститъ «Онѣгина»; однако, имъ была разрѣшена первая глава романа, и Пушкинъ, собираясь печатать свой первый сборникъ стиховъ, писалъ брату и П. А. Плетневу (15 марта 1825 г.): «Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его, я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно». Сборникъ вышелъ сравнительно довольно неповрежденнымъ «изъ-подъ Бирукова», какъ выражался Пушкинъ. Вообще цензурный гнетъ оказался не такъ силенъ, какъ ожидалъ Пушкинъ, который въ слѣдующемъ году самъ призналъ «улучшеніе цензуры» (письмо къ Вяземскому въ началѣ іюля 1825 г.). Но эти «красные» дни тянулись недолго, и особенно жестокія цензурныя притѣсненія начались въ царствованіе Николая Павловича; въ 1836 г. Пушкинъ писалъ Д. В. Давыдову, что русскіе писатели «никогда не бывали притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее пятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣлалась рукописною, благодаря Красовскому и Бирукову».

О прежнемъ цензорѣ И. О. Тимковскомъ, разрѣшившемъ въ 1820 г. «Руслана и Людмилу», Пушкинъ вспоминалъ не разъ. Въ письмѣ 23 марта 1821 г. къ Дельвигу онъ писалъ: «О чемъ цензора ни прошу, ото всего Тимковскій ахнетъ. Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанья муза чахнетъ, и рѣдко, рѣдко съ ней грѣшу»... Бирукова Пушкинъ назвалъ—«на скользкомъ поприщѣ Тимковскаго наслѣдникъ» (см. ниже, примѣч. № 393). Въ одномъ оффиціальномъ документѣ («Русск. Арх.» 1908 г., II, прилож., стр. 35). Тимковскому дана такая аттестація—«человѣкъ добрыхъ свойствъ и почитатель религіи непритворный». Въ томъ же 1824 г. Дельвигъ посвятилъ «Петербургскимъ цензорамъ» сатирическіе куплеты, напоминающіе эпиграмму Пушкина: «Передъ вами—нуль Тимковскій! Въ вашей славѣ онъ погасъ; вы, по совѣсти поповской цензируя, жмете насъ. Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!»... и т. д. (Сочин. бар. А. А. Дельвига, СПБ., 1895, стр. 62—63).

По сходству отзывовъ о цензорахъ въ эпиграммѣ и въ пушкинскихъ письмахъ 1824 г. ее можно съ значительной вѣроятностью отнести къ этому году.

---

385. КЪ МОРЮ.

(см. т. II, стр. 211).

Черновые наброски пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 12 и 12 об., 13 и 18. На 12-мъ листѣ небрежно записаны только три первые стиха четвертой строфы; на лл. 12 об. и 13-мъ—перебѣленный, но еще не отдѣланный окончательно текстъ подъ заглавіемъ: «Морю. 1824», съ нѣсколькими поправками и состоящій изъ девяти строфъ, соотвѣтствующихъ 1—7, 14 и 15-ой строфамъ окончательной редакціи; кромѣ того, тутъ же, на 13-мъ листѣ, записана и 13-ая строфа, но не вполнѣ отдѣланная и перечеркнутая; на 18-мъ листѣ находится набросокъ 8—12-ой строфъ, но очень исчерканный и съ трудомъ поддающійся разбору; нѣсколько строфъ, о Наполеонѣ, были перенесены изъ него въ окончательную редакцію оды «Наполеонъ» (1821 г.). Перебѣленный автографъ пьесы принадлежитъ В. Е. Якушкину. О представляемыхъ рукописями и печатными редакціями варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Поэтъ удѣлялъ стихотворенію много вниманія и тщательно его исправлялъ.

Въ печати появилось сначала только извлеченіе изъ пьесы. Въ «Москов. Телеграфѣ» 1825 г., ч. I, стр. 39, въ «Прибавленіи» къ помѣщенной въ той же книжкѣ журнала статьѣ В. Скотта «Характеръ лорда Бейрона», было сказано: «великій Бейронъ, необыкновенное явленіе въ нравственномъ мірѣ нашего времени, не долженъ быть судимъ, какъ человѣкъ обыкновенный; въ немъ все превышало посредственность ума и чувствъ, столь обыкновенную въ нашемъ вѣкѣ. Никто изъ поэтовъ, принесшихъ дань памяти Бейрона, не изобразилъ его такъ правдиво и сильно, какъ нашъ Пушкинъ (въ стихахъ: «Прощаніе съ моремъ», которые будутъ напечатаны въ 4-ой части «Мнемозины»), говоря: «Реви, волнуйся непогодой!»... и т. д.—слѣдуютъ еще шесть стиховъ. Дѣйствительно, въ «Мнемозинѣ», которую издавали В. К. Кюхельбекеръ и кн. В. Ѳ. Одоевскій, ч. IV, стр. 102-104, появилось, безъ раздѣленія на строфы, все стихотвореніе, за исключеніемъ 13-ой строфы, въ которой были оставлены лишь два слова: «Міръ опустѣлъ»...; тутъ же внизу сдѣлано примѣчаніе: «Въ семъ мѣстѣ авторъ поставилъ три съ половиной строки точекъ. Издателямъ сіе стихотвореніе доставлено княземъ П. А. Вяземскимъ въ подлинникѣ и здѣсь отпечатано точно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вышло изъ-подъ

пера самого Пушкина. Нѣкоторые списки онаго, ходящіе по городу, искажены нелѣпыми прибавленіями. И з д.». Затѣмъ пьеса была включена въ сборникъ стихотвореній Пушкина, изд., 1826 г. стр. 83—86, гдѣ изъ 13-ой строфы приведены два первые стиха, и 1829 г., ч. I, стр. 190—195, съ тѣми же точками, замѣняющими пропущенные стихи 13-ой строфы, что и въ «Мнемозинѣ». Въ наст. изданіи стихотвореніе печатается въ окончательно исправленной Пушкинымъ редакціи, представляемой изданіемъ 1829 г., а 13-ая строфа, не совсѣмъ точныя дополненія къ которой были сообщены въ «Библіографич. Записках» 1858 г., № 11, ст. 343, пополняется по музейной рукописи (л. 13-й); эти дополненія въ правильномъ видѣ были даны въ «Русск. Стар.» 1884 г., іюль, стр. 6, и перешли въ изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 303.

Подъ «нелѣпыми прибавленіями» издатели «Мнемозины» разумѣли всевозможные «вольные» варіанты послѣдняго стиха 13-ой строфы: «Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ иль просвѣщенье, иль тиранъ».. Такъ, въ одной рукописи, на которую указываетъ П. А. Ефремовъ (Сочин. П., т. VIII, 1905 г., стр. 202) этотъ стихъ таковъ: «Стоитъ неистовый тиранъ»; въ «Библіограф. Записках» 1858 г., I. с.,—«Непросвѣщенье иль тиранъ»; въ изданіяхъ Геннади, 1859 г., I, 288, и 1870 г., I, 275: «Коварство, злоба и . . . . . » [тиранъ]; Н. В. Гербель въ берлинскомъ томикѣ 1861 г., стр. 152, указываетъ: «Иль суевѣрье, иль тиранъ»; въ изданіяхъ Ефремова, 1880 г. (I, 454), 1882 г. (I, 416), 1903 г. (I, 505), даже: «Иль самовластье, иль тиранъ»! Переписчикамъ стихотворенія хотѣлось какъ можно ярче усилить, «революціонизировать» текстъ. Между тѣмъ, мысль Пушкина очень ясна; въ ней отразилась старая романтическая идея: «просвѣщенье», т.-е. внѣшнюю культуру, сотканную изъ лжи и условностей, поэтъ считаетъ не менѣе враждебной благу истинной, естественной свободы, чѣмъ тиранія. Эта мысль была вполнѣ въ духѣ оплакиваемаго Пушкинымъ великаго англійскаго поэта. То же поетъ Алеко сыну (см. ниже, № 397): «Подъ сѣнью мирнаго забвенья пускай цыгана бѣдный внукъ не знаетъ нѣги просвѣщенья и пышной суеты наукъ»...

Когда въ Одессу пришла вѣсть о внезапной кончинѣ Байрона, Пушкинъ былъ потрясенъ. На внутренней сторонѣ задней доски тетради, въ которой находятся черновые стихи разбираемой пьесы, онъ записалъ дату горестнаго событія: «1824, 1917 ayr mort de Bygon (см. «Русск. Стар.» 1884 г., іюль, 1). Другъ поэта, кн. П. А. Вяземскій писалъ А. И. Тургеневу 26 мая: «Грецiя древняя, Грецiя нашихъ дней и Байронъ мертвый—это океанъ поэзіи! Надѣюсь на Пушкина». («Остаф. Архивъ», III, 49). «Смерть его въ виду всей возрождающейся Греціи, конечно, завидная и поэтическая, — писалъ Вяземскій Тургеневу 3-го іюня (ib., 51),—Пушкинъ, вѣрно, схватитъ моментъ сей и воспользуется случаемъ». Женѣ своей, Вѣрѣ Ѳеодоровнѣ, находившейся тогда въ Одессѣ, Вяземскій писалъ: «Ты и смерть Бейрона не выходятъ у меня изъ головы и изъ сердца» («Остаф. Архивъ», V, вып. 1, стр. 9); вскорѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ, 6 іюня (ib., 11), онъ поручилъ ей: «заставь Пушкина тотчасъ писать на смерть Байрона», а 16 іюня (ib., 15) снова напомнилъ: «ожидаю его надгробной пѣсни Бейрону». Пушкинъ отвѣчалъ на эти вызовы въ серединѣ іюня: «По твоимъ письмамъ къ Кн. Вѣрѣ, вижу, что и тебѣ и Кюхельбекерно и тошно; тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзіи. Геній Байрона блѣднѣлъ съ его молодостію. Въ своихъ трагедіяхъ, не выключая и Каина, онъ ужъ не тотъ пламенный Демонъ, который создалъ Гяура и Чильдъ Гарольда. Первыя 2 пѣсни Донъ-Жуана выше слѣдующихъ. Его поэзія видимо измѣнялась. Онъ весь созданъ былъ навыворотъ; постепенности въ немъ не было, онъ вдругъ созрѣлъ и возмужалъ— пропѣлъ и замолчалъ, и первые звуки его уже ему не возвратились. Послѣ 4-й пѣсни Child Harold Байрона мы не слыхали, а писалъ какой то другой поэтъ съ высокимъ человѣческимъ талантомъ». Вяземскій, вѣроятно, совѣтовалъ другу продолжать «Чайльдъ Гарольда», избрать предметомъ поэмы смерть Гарольда-Байрона въ разгарѣ войны за освобожденіе грековъ. Но Пушкинъ, уже разочаровавшійся въ прежнемъ увлеченіи греческимъ движеніемъ (см. во II т. настоящаго изданія примѣчанія къ № 369), писалъ Вяземскому: «Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пѣсни его Героя прелестна—но мнѣ не по силамъ. Грецiя мнѣ огадила. О судьбѣ Грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи Негровъ; можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства нестерпимаго; но чтобы всѣ просвѣщенные Европейскіе народы бредили Грецiей—это непростительное ребячество. Іезуиты натолковали намъ о Ѳемистоклѣ и Периклѣ, а мы вообразили, что накостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавошниковъ, есть законнорожденный ихъ потомокъ и наслѣдникъ ихъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе... Пріѣхалъ бы ты къ намъ въ Одессу посмотрѣть на соотечественниковъ Мильтіада и ты бы со мною согласился. Да посмотри, что писалъ тому нѣсколько лѣтъ самъ Байронъ въ замѣчаніяхъ на Child Harold—тамъ, гдѣ онъ ссылается на мнѣніе Фовеля, французскаго консула, помнится, въ Смирнѣ. Обѣщаю тебѣ однако же вирши на смерть Его Превосходительства». Вяземскій не уставалъ торопить Пушкина и все писалъ женѣ: «пускай онъ мнѣ пришлетъ скорѣе стихи на смерть Бейрона; я и самъ хочу прозою написать о томъ же. Вмѣстѣ напечатаемъ!» (пис. 21 іюня—ib., 17) «кланяйся Пушкину. Что же Байрона? И Дашковъ пишетъ ко мнѣ, что онъ надѣется на него» (6 іюля—ib., 26). Вяземскій вызывалъ и Жуковскаго писать о Байронѣ. «Какая поэтическая смерть—смерть Бейрона!»... — говоритъ онъ въ цитированномъ выше письмѣ къ А. И. Тургеневу. «Завидую пѣвцамъ, которые достойно воспоютъ его кончину. Вотъ случай Жуковскому! Если онъ имъ не воспользуется, то дѣло кончено: знать, пламенникъ его погасъ»... («Остаф. Арх.», III, 48—49). Самому Жуковскому Вяземскій писалъ 9-го сентября: «Я не могу простить тебѣ твое молчаніе о Байронѣ... У насъ одинъ Кюхельбекеръ провылъ на него могилѣ. А отъ тебя и Пушкина не могъ добиться. Странные вы люди! Да будь я поэтъ, а не стихотворецъ, я почти обрадовался бы смерти Байрона какъ поэтическому кладу, брошенному съ неба на прозаическую лощину нашего сухого вѣка. Байронъ владѣлъ не только умозрительною поэзіею, но онъ осуществилъ и практическую поэзію. Наполеонъ на скалѣ святой Елены и Байронъ въ Миссолунги! Вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность, т.-е. религіи не поповской, а той,

которая была составлена изъ философіи и поэзіи. Въ ихъ смерти отзывается что-то такое смертію Эдипа. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться гнилью европейскою, въ виду натуры еще неупраздненной»... (см. «Къ біографіи А. С. П—на», вып. II, М., 1885, стр. 26). Но черезъ мѣсяцъ Пушкинъ уже извѣщалъ Вяземскаго (10 октября): «посылаю тебѣ маленькое поминаньеце за упокой души раба Божія Байрона. Я было и цѣлую панихиду затѣялъ, да скучно писать про себя или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго»... (о нихъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 384). «Пушкинъ прислалъ мнѣ прелестные стихи: Прощаніе съ моремъ»,—сообщалъ 27 октября Вяземскій Тургеневу («Остаф. Арх.», III, 87), а Тургеневъ въ отвѣтномъ письмѣ, 31 октября, просилъ его: «пришли поскорѣе піесу Пушкина» (ib., 88), «Твое море прелестно!—отвѣчалъ Вяземскій Пушкину 6-го ноября,—я затвердилъ его наизусть тотчасъ, а это по мнѣ великая примѣта» (Переписка П., акад. изд., I, 145). Этими данными опредѣляется хронологія пьесы. Начатая, судя по первымъ строфамъ, вѣроятно, еще въ Одессѣ, передъ отъѣздомъ, пьеса была закончена лишь мѣсяца черезъ два, въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1824 г. Пушкинъ сначала не хотѣлъ отдать ее въ «Мнемозину» за то, что Кюхельбекеръ небрежно, съ ошибками напечаталъ «Демона», и въ письмѣ къ брату, 4 декабря, распорядился: «не давать ему ни Моря, ни капли стиховъ отъ меня», но потомъ перемѣнилъ гнѣвъ на милость, хотя еще 25 января 1825 г. спрашивалъ Вяземскаго о «Московск. Телеграфѣ»: «что тамъ моего? Море или телега?»... Но въ «Телеграфѣ» появился лишь небольшой отрывокъ изъ пьесы.

Смерть Байрона въ современной русской литературѣ отозвалась рядомъ поэтическихъ откликовъ. Упоминаемый Вяземскимъ въ письмѣ къ Жуковскому «вой» В. К. Кюхельбекера, стихотвореніе «Смерть Байрона», раздался въ «Мнемозинѣ», ч. III, стр. 190 сл. (есть отдѣльное изданіе, М., 1824, стр. 1—11); здѣсь Кюхельбекеръ упоминаетъ о Пушкинѣ... «И кто же въ сей священный часъ одинъ не мыслитъ о покоѣ? Одинъ, въ безмолвіе ночное, въ прозрачный сумракъ погружась, надъ моремъ и подъ звѣзднымъ хоромъ блуждаетъ вдохновеннымъ взоромъ? Пѣвецъ, любимецъ россіянъ, въ странѣ Назонова изгнанья, нѣмымъ восторгомъ обуянъ, съ очами полными мечтанья, сидитъ на крутизнѣ одинъ; у ногъ его шумитъ Эвксинъ... Я вижу—сладостный пѣвецъ во прахъ повергнулъ свой вѣнецъ»... и т. д. Слѣпой поэтъ И. И. Козловъ написалъ пьесу «Байронъ», которую посвятилъ Пушкину («Новости Литературы» 1824 г., кн. XII, декабрь, стр. 86—90); ему же посвятилъ Козловъ отрывокъ изъ «Чайльдъ Гарольда»—«Къ Морю»; о Байронѣ онъ говоритъ и въ извѣстной фантазіи «Венеціанская ночь», которая очень нравилась Пушкину. Рылѣевъ написалъ оду «На смерть Байрона»; въ ней онъ со своимъ обычнымъ гражданскимъ лиризмомъ говоритъ: «къ гоненьямъ рока равнодушенъ, онъ генію лишь былъ послушенъ, властей другихъ не признавалъ... Друзья свободы и Эллады вездѣ въ слезахъ въ укоръ судьбы; одни тираны и рабы его внезапной смерти рады»... Писали и другіе авторы. Вяземскій просилъ жену («Остаф. Арх.» V, вып. 1, стр. 37): «если у васъ что получено о смерти Байрона, на какомъ бы то языкѣ ни было, пришли мнѣ все». «Узнавъ отъ нея,- разсказываетъ въ своихъ запискахъ графъ М. Д. Бутурлинъ («Русс. Арх.» 1897 г., II, 23),—что князь Петръ Андреевичъ собираетъ все, что писалось въ то время о недавней кончинѣ лорда Байрона, сунулся и я съ своей лептою въ видѣ англійской оды, такъ какъ я мараковалъ англійскія вирши». Самъ Вяземскій, котораго Пушкинъ, въ свою очередь, приглашалъ писать о Байронѣ, лишь черезъ годъ заболѣлъ «стихотворческой лихорадкой» и «выдрожалъ или выпотѣлъ» («Остаф. Арх.», ib., 86) длинное риторическое стихотвореніе «Байронъ» (напечатано въ «Московск. Телеграфѣ» 1827 г., ч. 13, стр. 48 сл.). Черезъ много лѣтъ Вяземскій вспоминалъ («Байронъ», 1864 г.—Сочин. Вяземскаго, XII, 60—61): «... Что за шумъ былъ, что за праздникъ, когда раздастся пѣснь пѣвца! Ея заслушивались страстно, съ ума сводилъ онъ цѣлый міръ, толпой игралъ онъ самовластно, ея и деспотъ, и кумиръ. Нашъ вѣкъ, два поколѣнья наши имъ бредили. И старъ, и младъ пилъ изъ его волшебной чаши струею сладкій медъ и ядъ... И Пушкинъ, въ юности грѣховной къ нему подлѣавшись, хромалъ, пока не, сбросивъ гнетъ условной, самъ твердымъ шагомъ зашагалъ»... Объ отношеніяхъ Пушкина къ Байрону см. во II томѣ настоящаго изданія статью Н. П. Дашкевича «Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина».

Задуманной было «цѣлой панихиды» по Байронѣ Пушкинъ не пропѣлъ, потому что его нѣсколько расхолодила мысль о Бируковѣ и Красовскомъ, о невозможности общенія съ читателемъ; но, исполняя данное Вяземскому обѣщаніе, онъ сочеталъ нѣсколько стиховъ о великомъ поэтѣ, духовную стихію котораго великолѣпно выразилъ въ грандіозномъ образѣ океана, съ трогательнымъ обращеніемъ къ морю, которое одно онъ покидалъ съ тоскою, вообще безъ особаго сожалѣнія уѣзжая «отъ милыхъ южныхъ дамъ, отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ, отъ оперы, отъ темныхъ ложъ и, слава Богу, отъ вельможъ»... Пушкинъ вспоминаетъ здѣсь о той «могучей страсти», которая остановила его, уже приготовившагося къ побѣгу изъ Россіи (объ этомъ см. ниже, примѣч. къ №№ 387 и 417). Въ обращеніи Пушкина къ морю есть мѣсто, общее съ обращеніемъ къ нему «пѣвца моря»—Байрона въ послѣдней пѣснѣ «Чайльдъ-Гарольда», отрывки изъ котораго приводимъ (въ переводѣ И. И. Козлова):

Теки, шуми, о море голубое!
Несмѣтный флотъ—ничто твоимъ волнамъ,
И человѣкъ, губящій все земное,
Гдѣ твой предѣлъ уже страшится самъ.
Возстанешь ты,—и горе кораблямъ...
Твои поля злодѣй не завоюетъ,
Твои стези не для его шаговъ,
Свободно ты...
Подернуло ты пѣной бурныхъ водъ
Армаду гордую и Трафальгарскій флотъ...

«Сходство обоихъ обращеній,» замѣчаетъ прослѣдившій эту параллель Л. И. Поливановъ (см. его изданіе Сочин. II—на, т. I, изд. 3-е, стр. 154—155),—ограничивается тѣмъ, что оба поэта изображаютъ море свободнымъ и неукротимымъ, и оба прибѣгаютъ къ мысли о немъ въ тяжелыя минуты жизни. Значительнѣе различіе обоихъ поэтовъ въ этомъ обращеніи къ стихіи. У Бай-

рона выдвинуты одинъ грозныя стороны моря; оно привлекаетъ его какъ стихія губительная, равно поглощающая и сильнаго поработителя, и цѣлую армаду воиновъ; оно любо ему какъ стихія вѣчная и неизмѣнная, переживающая всякія перемѣны непостоянной жизни людей; оно для Байрона—зеркало Творца, котораго онъ знаетъ лишь въ его грозной силѣ; наконецъ, съ океаномъ соединяются у Байрона воспоминанія о первыхъ проявленіяхъ собственной своевольной души, игравшей съ опасными волнами. Не то у Пушкина. Ему море представляется другомъ, который призываетъ его заунывнымъ ропотомъ своимъ; шумъ его не грозенъ, но грустенъ: въ его воображеніи оно запечатлѣлось не столько грозными минутами, которыя—только его своенравные порывы, сколько своею тишиною въ вечерніе часы; море Пушкину является не только губителемъ человѣка, но и его хранителемъ; краса его торжественная, и общій образъ моря, при первой о немъ мысли—блестящій, и образъ, уносимый поэтомъ при разставаніи съ нимъ—образъ не бурнаго моря: онъ уноситъ съ собою его «блескъ, и тѣнь, и говоръ волнъ». И лично для Пушкина море представлялось другомъ, которому онъ готовъ былъ съ восторгомъ вѣрить себя въ тяжелую минуту жизни». Быть можетъ, въ стихахъ Пушкина отозвалось также рикошетомъ то же байроновское вліяніе, переданное черезъ другого поэта—Ламартина, тяготѣвшаго къ «властителю думъ» начала XIX вѣка. То стихотвореніе Ламартина, слабый отголосокъ котораго слышится въ пьесѣ Пушкина, называется «Adieux à la mer» (M. A. de Lamartine, Oeuvres, t. II, Nouvelles méditations poétiques, Par., 1849, pp. 183—188) и написано въ 1820—1822 гг. Нѣкоторыя строфы этого стихотворенія напоминаютъ пушкинскую пьесу,—напримѣръ:

Murmure autour de ma nacelle,
Douce mer dont les flots chéris,
Ainsi qu'une amante fidèle,
Jettent une plainte éternelle...
Aussi libre que la pensée,
Tu brises le vaisseau des rois,
Et dans ta colère insensée
Fidèle au Dieu qui t'a lancée,
Tu ne t'arrêtes qu'à sa voix....
Flotte au hasard: sur quelque plage
Que tu me fasses dériver,
Chaque flot m'apporte une image,
Chaque rocher de ton rivage
Me fait souvenir ou rêver!

Пушкинское прощаніе съ моремъ по чувству непосредственнѣе, съ внѣшней стороны и сжатѣе, и богаче ламартиновскаго, съ его риторикой, пышной трескотней и длиннотами.

Не только съ моремъ, не только съ Байрономъ прощался Пушкинъ, но и съ частью собственной души, съ тѣми мотивами, которые прежде такъ прочно владѣли имъ и которые отнынѣ перестаютъ слышаться въ его поэзіи. «Кто, волны, васъ остановилъ, кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій?..—спрашивалъ онъ въ 1822 г. (см. во II т. настоящаго изданія, № 359) и взывалъ:

(Вы, бури), вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ [свободы],
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!...

Но и тогда уже (см. ibid., № 366) въ его душу закрадывался червь скепсиса, и онъ писалъ:

Вездѣ яремъ, сѣкира иль вѣнецъ,
Вездѣ злодѣй иль малодушной
Предразсужденья
Тиранъ-льстецъ,
Предразсудковъ рабъ послушной...

Это чувство полнѣе и рѣзче сказалось въ словахъ прощанія съ моремъ: «Судьба людей повсюду та же: гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ иль просвѣщенье, иль тиранъ»... Большую твердость и законченность выраженію этого чувства придало, можетъ быть одно случайное литературное впечатлѣніе, относящееся какъ разъ къ тому времени, когда создавалось «Къ морю». Пушкинъ разсказывалъ: «въ Одессѣ англичанка Раевскихъ... дала мнѣ... «Ватекъ», сочиненіе какого-то мистера Бекфорда, который никогда и не былъ настоящимъ писателемъ. Этотъ «Ватекъ» меня заинтересовалъ. Это восточная поэма въ прозѣ, авторъ которой, должно быть, былъ очень молодъ, когда писалъ ее. Въ этой маленькой книжечкѣ такъ много жизни и молодого воображенія. Авторъ даже проповѣдуетъ то, что проповѣдывалъ по-своему Дефое въ Робинзонѣ, а Дефое относится къ гораздо болѣе отдаленному времени, чѣмъ Жанъ-Жакъ Руссо и его ученіе о превосходствѣ человѣка, живущаго ближе къ природѣ и неграмотнаго» (Записки Смирновой, I, 299). Когда въ 1826 г. разнеслась вѣсть, что эмигранта Н. И. Тургенева, выданнаго иностранными властями русскимъ, привезли на кораблѣ изъ-за границы, Пушкинъ писалъ Вяземскому, недавно приславшему ему свою пьесу «Море»: «Не славь его. Въ нашъ гнусный вѣкъ сѣдой Нептунъ земли союзникъ. На всѣхъ стихіяхъ человѣкъ тиранъ, предатель или узникъ... Вотъ каково море наше хваленое!»...

Рядомъ съ Байрономъ вспомнилъ Пушкинъ и Наполеона, тѣни котораго давно произнесъ слово примиренія (см. во II т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 277). Общая концепція пьесы удивительно напоминаетъ ту схему, которую нарисовалъ Вяземскій въ приведенномъ выше письмѣ къ Жуковскому; можно думать, что своей прекрасной мыслью Вяземскій подѣлился и съ Пушкинымъ; едва ли такое полное совпаденіе не только мотивовъ, но и образовъ могло быть случайнымъ. Двѣ смерти—Наполеона и Байрона—усилили скептическое настроеніе въ душѣ поэта, лелѣявшаго культъ героя, говоря по-нынѣшнему—«сверхчеловѣка». «Міръ опустѣлъ»,—сказалъ онъ себѣ, и лишь черезъ нѣсколько лѣтъ его душа обрѣла въ далекомъ прошломъ другого героя—полубога-полудемона, Петра Великаго, загадочному образу котораго поэтъ отдалъ столько мыслей и вдохновеній. Но и тогда, въ той жалкой юдоли мирмидоновъ, которою представлялся ему міръ безъ Байрона и Наполеона, великій оптимизмъ Пушкина сумѣлъ указать ему утѣшеніе—въ сіяніи равнодушной природы, въ торжественной красѣ моря, даже въ однихъ сладкихъ воспоминаніяхъ о блескѣ, тѣни и говорѣ южныхъ волнъ.

Бѣлинскій, отнесшій стихотвореніе къ «чистопушкинскимъ», обличающимъ уже вполнѣ созрѣвшій талантъ, выдѣлилъ его изъ нѣсколькихъ, самыхъ лучшихъ у Пушкина: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ ста-

рое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды». Такъ писалъ Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи,—но еще въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» онъ упомянулъ «Къ морю»: «у Пушкина мало, очень мало мелкихъ стихотвореній, у него по большей части все поэмы; его поэтическія тризны надъ урнами великихъ, то-есть его Андрей Шенье, его могучая бесѣда съ Моремъ, его вѣщая дума о Наполеонѣ—поэмы». Слова эти съ сочувственнымъ восторгомъ цитируетъ Аполлонъ Григорьевъ (см. Сочин. Григорьева, I, 236).

«Какая разница между героемъ и поэтомъ?—спрашиваетъ вдумчивый Д. С. Мережковскій («Вѣчные спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, СПБ., 1906, стр. 54). «По существу—никакой; разница - во внѣшнихъ проявленіяхъ; герой—поэтъ дѣйствія, поэтъ—герой созерцанія. Оба разрушаютъ старую жизнь, созидаютъ новую; оба рождаются изъ одной стихіи. Символъ этой стихіи въ природѣ для Пушкина—море. Море подобно душѣ поэта и героя. Оно такое же нелюдимое и безплодное—только путь къ невѣдомымъ странамъ—окованное земными берегами и безконечно свободное. Голосъ моря недаромъ понятенъ только для генія, «какъ друга ропотъ заунывный, какъ зовъ его въ прощальный часъ». Душа поэта, какъ море, любитъ смиренныхъ дѣтей природы, ненавидитъ самодовольныхъ, мечтающихъ укротить ея дикую стихію. При взглядѣ на море въ душѣ поэта возникаютъ два образа—Наполеонъ и Байронъ. Герой дѣйствія, герой созерцанія, братья по судьбѣ, по силѣ и страданіямъ, они—сыновья одной стихіи».

«Вечерніе часы», о которыхъ говоритъ предпослѣдняя строфа,—можетъ быть, обычные часы воспоминаній, тѣ часы, о которыхъ разсказалъ поэтъ («Воспоминаніе», 1828 г.):

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда...—
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ..

Въ послѣднихъ двухъ строфахъ пьесы замѣтно бросается въ глаза элементъ художественной изобразительности — чередованіе плавныхъ согласныхъ р и л, передающихъ ропотъ моря. Такой же примѣръ см. ниже, въ наброскѣ «Пріютъ любви, онъ вѣчно полнъ»... (№ 424-а). Еще ярче и богаче поэтическая игра этими звуками у Лермонтова—въ его «Русалкѣ» («Русалка плыла по рѣкѣ голубой»...) и «Тамарѣ» (отъ стиха «Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла»...).

---

386. ПРОЗЕРПИНА.

(т. II, стр. 214).

Первоначальная черновая редакція этой пьесы находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 29 об.), относящейся къ кишиневскому періоду жизни поэта, и, какъ можно судить по почерку и по положенію ея среди другихъ черновиковъ, должна быть датирована приблизительно 1821—1822 годомъ; заглавія нѣтъ; сбоку, на слѣдующей страницѣ, рядомъ съ первыми стихами приписано болѣе позднимъ чернилами еще нѣсколько стиховъ. Болѣе отдѣланная редакція, съ чернильными и карандашными поправками, озаглавленная: «Прозерпина. Подражаніе Парни» и датированная: «26 августа 1824», находится въ 2367-ой тетради Румянцовскаго музея, л. 27. (Подробности о варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ). Впервые стихотвореніе было помѣщено въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 293—295, подъ заглавіемъ: «Прозерпина» и съ подписью поэта, а затѣмъ вошло въ сборники стихотвореній Пушкина, 1826 г., стр. 76—77, и 1829 г., ч. I, 187—189. Здѣсь напечатано по этому послѣднему изданію, текстъ котораго отличается отъ текста «Сѣверныхъ цвѣтовъ» только малыми начальными буквами въ словахъ: «Тартаръ», «Анды», «Элизій», «Нимфы» и отсутствіемъ скобокъ, въ которыя въ «Сѣв. Цвѣтахъ» былъ заключенъ стихъ: «И богинямъ льститъ измѣна».

Пьеса—вольное переложеніе XXVIII-ой картины (tableau) поэмы Парни «Les déguisements de Vénus», которой Пушкинъ подражалъ еще въ «Фавнѣ и пастушкѣ», 1816 г. (см. въ I т. настоящаго изданія, № 76). Сравненіе пушкинскаго переложенія съ стихотвореніемъ Парни см. въ статьѣ П. О. Морозова «Пушкинъ и Парни» (ibid., стр. 392). См. тамъ же №№ 15, 16, 17, 60, 62, 87, 91, 100, 105, 127, 192, и въ настоящемъ томѣ, ниже, № 399.

Получивъ отъ Пушкина для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» «Прозерпину», Дельвигъ писалъ ему, 10 сентября 1824 г., что эта пьеса «не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слушая не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ лицеѣ меня часто выталкивали изъ элизея». Бѣлинскій отнесъ «Прозерпину» къ «переходнымъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей»... Можно сказать, что «Прозерпина»—побѣда надъ Парни и надъ Батюшковымъ; въ ней лучшіе лучи батюшковской поэзіи собраны, какъ въ великолѣпномъ фокусѣ. Окончательно побѣдивъ въ Батюшковѣ и Парни двухъ своихъ прежнихъ учителей, Пушкинъ уже не возвращался къ этой школѣ, и «Прозерпина» звучитъ самымъ позднимъ, но и самымъ совершеннымъ отзвукомъ старыхъ лицейскихъ мотивовъ.

Не къ «Прозерпинѣ» ли относится неизданный еще наброскъ: «Вотъ Коцитъ, вотъ Ахеронъ»..., хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина? (см. «П. и его современники», вып. IV, стр. 6).

---

387. ЗДРАВСТВУЙ, ВУЛЬФЪ, ПРІЯТЕЛЬ МОЙ!..

(т. II, стр. 215).

Впервые стихотвореніе появилось въ дополнительномъ томѣ изданныхъ П. В. Анненковымъ сочиненій Пушкина (VII, 91—92), подъ заглавіемъ: «Изъ письма къ А. Н. В.» и съ примѣчаніемъ: «стихи, полученные А. Н. Вульфомъ въ Дерптѣ, вскорѣ по прибытіи Пушкина въ Михайловское въ 1824 г. Лайонъ—Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ—по прибытіи брата переставалъ быть Михайловскимъ прикащикомъ, какъ назывался прежде». Стихи стали входить въ собранія сочиненій Пуш-

кина начиная съ перваго изданія Геннади (1859 г., I, 300—301). Самое письмо Пушкина, начинающееся этими стихами и снабженное припиской сестры Вульфа, Анны Николаевны, которая помѣтила его 20-мъ сентября 1824 г., появилось въ «Русск. Архивѣ» 1867 г., ст. 154, а затѣмъ вошло въ первый сборникъ писемъ Пушкина, составляющій VII томъ Ефремовскаго изданія 1882 г. (стр. 237—238).

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ (род. 17 декабря 1805 г., ум. 17 апрѣля 1881 г.) былъ сынъ тригорской пріятельницы Пушкина, Праск. Александр. Осиповой, рожденной Вындомской, отъ перваго брака ея съ Н. И. Вульфомъ. Ребенкомъ онъ былъ записанъ въ пажескій корпусъ, но мать отдала его въ горный корпусъ, а въ 1822 г. онъ поступилъ въ дерптскій университетъ, гдѣ подружился съ Языковымъ, тоже слушавшимъ тамъ лекціи. Въ 1824 г. Пушкинъ, находившійся тогда въ Михайловскомъ, сблизился съ нимъ; знакомы они были, вѣроятно, уже раньше; съ младшимъ братомъ Пушкина, бывшимъ ему почти ровесникомъ, Вульфъ давно уже былъ въ дружбѣ. Пушкинъ впослѣдствіи вспоминалъ о студентѣ Вульфѣ: «онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучилися танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной повѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ»... Пушкинъ, повидимому, хорошо понялъ сущность натуры молодого дерптскаго бурша, скрывавшуюся подъ наружнымъ легкомысліемъ: «я былъ въ двадцать лѣтъ хватомъ,—вспоминалъ впослѣдствіи о своей юности Вульфъ,—слылъ забіякою (чего тогда и желалъ, не будучи имъ никогда); пилъ также въ свое время изъ удальства, потомъ волочился за женщинами, какъ франтъ...» Юношеская восторженность Вульфа нравилась его старшему другу. Нужно думать, что Вульфъ ошибся, считая Ленскаго своимъ портретомъ («тамъ,—разсказываетъ онъ объ «Онѣгинѣ» въ своемъ дневникѣ, я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго, подъ названіемъ Ленскаго»), но все-же кое-что въ Ленскомъ дѣйствительно напоминаетъ юнаго Вульфа. Какъ Ленскій въ Онѣгинѣ, такъ Вульфъ въ Пушкинѣ нашелъ внимательнаго и сочувствующаго собесѣдника. «Вчера мы съ Алексѣемъ—писалъ Пушкинъ А. П. Кернъ 21 іюля 1825 г.,—проговорили четыре часа сряду. Никогда еще не было у насъ такой долгой бесѣды». Вульфъ былъ едва ли не первымъ слушателемъ «Годунова», и, вѣроятно, о немъ писалъ поэтъ: «послѣ скучнаго обѣда ко мнѣ забредшаго сосѣда, поймавъ нежданно заполу, душу трагедіей въ углу»... («Онѣгинъ», 4, XXXV). Отъ Вульфа Пушкинъ услышалъ забавную исторію о черепѣ, пересказанную поэтомъ въ посланіи къ Дельвигу (см. ниже, № 507). Разбираемые стихи относятся къ тому времени, когда Пушкинъ, очутившись въ деревнѣ, еще чувствовалъ себя хорошо вдали отъ «саранчи и милордовъ Уоронцовыхъ». Но скоро положеніе его ухудшилось, и онъ сталъ подумывать о побѣгѣ (см. выше, прим. къ № 385, и ниже, примѣч. къ № 417). Тогда Вульфъ, проводившій въ Тригорскомъ зимнія и лѣтнія вакаціи, сталъ его повѣреннымъ и даже предлагалъ Пушкину увезти его съ собою подъ видомъ слуги. Но вмѣсто этого плана, опаснаго для самого Вульфа, былъ придуманъ другой: Пушкинъ долженъ былъ пріѣхать въ Дерптъ, будто бы для того, чтобы посовѣтоваться о своей болѣзни съ профессоромъ хирургіи Мойеромъ, а уже оттуда бѣжать за границу. Вульфъ взялъ на себя обязанность сдѣлать въ Дерптѣ необходимыя приготовленія, «слѣдить за всѣмъ, что относилось до Пушкина—говоритъ Анненковъ—и передавать по принадлежности поэту, принявъ за условную тему корреспонденціи проектъ изданія полныхъ сочиненій Пушкина въ Дерптѣ. По этому плану слова главнаго цензора выражали бы настроеніе высшей правительственной власти относительно михайловскаго плѣнника; замѣтки перваго, второго и т. д. наборщика—мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ и проч.». Но тутъ случилась неожиданная «удача». Родные поэта и Жуковскій добились для Пушкина разрѣшенія лѣчиться въ Псковѣ, куда къ нему долженъ былъ пріѣхать Мойеръ. Пушкину пришлось извиниться передъ Мойеромъ и просить его не пріѣзжать, а Вульфа благодарить «за дружеское стараніе о проклятыхъ моихъ сочиненіяхъ; чортъ съ ними, и съ цензоромъ, и съ наборщикомъ, и съ tutti quanti»... Задуманный планъ, такимъ образомъ, рухнулъ; это было уже осенью 1825 г. (см. М. И. Семевскаго, «Прогулка въ Тригорское»—«СПбургск. Вѣдом.» 1866 г., №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175; Анненковъ, «П. въ Александровск. эпоху», 286—291). Съ этимъ планомъ связано упоминаніе о Вульфѣ въ одномъ письмѣ къ брату, написанномъ черезъ три мѣсяца послѣ разбираемаго посланія: «Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя—пріѣзжай... переговориться нужно непремѣнно»... Но Левъ Сергѣевичъ не пріѣхалъ (объ этомъ см. въ упомянутыхъ примѣчаніяхъ къ № 417). Анненковъ невѣрно объясняетъ, что Пушкинъ звалъ брата «михайловскимъ приказчикомъ»: поэтъ просто обѣщаетъ Вульфу, что вино будетъ доставлено не михайловскимъ приказчикомъ, а братомъ Львомъ, который въ винѣ зналъ толкъ и всегда исполнялъ гастрономическія порученія старшаго брата (см. ниже, примѣч. къ № 416). Въ то же время Пушкинъ послалъ приглашеніе въ стихахъ Языкову, который пріѣхалъ въ Михайловское не скоро—лишь лѣтомъ 1826 г. (см. ниже, примѣч. къ № 389).

Въ 1826 г. Вульфъ вышелъ изъ университета, а въ концѣ 1828 г. поступилъ въ военную службу и, какъ сказалъ, о немъ Пушкинъ, «промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнѣдую лошадь и на польскія грязи». Сношенія его съ Пушкинымъ послѣ отъѣзда поэта изъ Михайловскаго не прерывались. Пушкинъ изрѣдка писалъ ему (27 октября 1828 г., 16 октября 1829 г.); поэтъ называлъ пріятеля Ловласомъ и сообщалъ ему разныя нескромныя вѣсти. Изрѣдка они встрѣчались; связующими звеньями между ними были семья Осиповой и братъ Левъ, служившій вмѣстѣ съ Вульфомъ въ Польшѣ. Въ тридцатыхъ годахъ Вульфъ вышелъ въ отставку и занялся хозяйствомъ, и Пушкинъ, увидѣвшій его на этомъ поприщѣ, писалъ въ 1836 г. изъ Михайловскаго Языкову: «Алексѣй Вульфъ здѣсь, отставной студентъ и гусаръ, усатый агрономъ, тверской Ловласъ—по-прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ». Вульфъ дожилъ до глубокой старости и съ теченіемъ лѣтъ превратился въ прижимистаго скопидома. Пушкинъ, который считалъ его хорошимъ хозяиномъ, вопреки мнѣнію Осиповой, писавшей поэту, что «Alexis en fait d'économie n'est qu'un innocent», не

ошибся въ немъ: изъ дерптскаго бурша выработался «строгій баринъ» и заядлый защитникъ дворянскихъ привилегій. Одно время, въ молодости, онъ велъ дневникъ, въ которомъ сохранилось нѣсколько любопытныхъ подробностей о Пушкинѣ. Объ А. Н. Вульфѣ, кромѣ указанныхъ выше источниковъ, см. «Пушкинъ» Л. Н. Майкова. Спб. 1899 («А. Н. Вульфъ и его дневникъ» и «Воспоминаніе А. П. Марковой-Виноградской-Кернъ»); Л. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890; Б. Л. Модзалевскій, «Поѣздка въ с. Тригорское»—«П. и его современники», вып. I; А. П. Кернъ, «Дельвигъ и П—нъ»—П. и его совр.», вып. V; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неиздан. бумагъ А. С. П—на»; М. Семевскій, «Къ біографіи П—на»—«Русс. Вѣстн.» 1869 г., т. 84, № 11; «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 404—405; В. Колосовъ, «А. С. П—нъ въ Тверской губерніи въ 1827 г.», Тверь, 1888; Стихотворенія Н. М. Языкова (Вульфу посвящены 8 пьесъ); газ. «Голосъ» 1881 г., № 111.

---

388. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

(т. II, стр. 215).

Черновая этой пьесы, съ поправками и помѣтой: «26 сентября 1824», находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 13 об.—17; на л. 2 об. той же рукописи записаны четыре стиха изъ начала пьесы, а на л. 28 об. находится выноска, съ которой «Разговоръ» былъ впервые напечатанъ при первой главѣ «Онѣгина» (стр. IX—XXII и 60), вышедшей въ серединѣ февраля 1825 г. въ качествѣ вступленія къ ней. Выноска эта (стр. XI) говоритъ: «Замѣтимъ для щекотливыхъ блюстителей приличій, что Книгопродавецъ и Поэтъ—оба лица вымышленныя. Похвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, притворство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ». Затѣмъ пьеса появилась въ IV части «Стихотвореній Александра Пушкина», 1835 г., стр. 87 сл., съ нѣкоторыми отличіями отъ прежняго текста и замѣчаніемъ: «было напечатано при первой главѣ Онѣгина». Анненковъ въ VII-мъ, дополнительномъ томѣ своего изданія, стр. 60, напечаталъ пропущенныя Пушкинымъ мѣста: четыре стиха послѣ «Искалъ вниманья красоты»..., четыре послѣ «Боготворить не устыдился...» и восемь послѣ «Судьбою такъ ужъ рѣшено...», причемъ замѣтилъ: всѣ эти намеки, разсѣянные по превосходному стихотворенію, въ послѣдствіи очищенному отъ нихъ при печатаніи, любопытны какъ черты душевнаго настроенія нашего поэта въ 1823—1824 г., послѣдній отрывокъ, между прочимъ, напоминаетъ одну французскую замѣтку, находящуюся въ рукописяхъ этой эпохи: «plus on moins j'ai été amoreux de toutes les jolies femmes que j'ai connues; toutes se sont passablement moqué de moi toutes, à l'exception d'une seule ont fait avec moi les coquettes»... О печатныхъ и рукописныхъ варіантахъ см. ниже, въ исторіи пушкинскаго текста.

Спрашивая брата, въ концѣ октября 1824 г., о печатаніи «Онѣгина», Пушкинъ поручилъ ему вставить въ «Разговоръ» четверостишіе: «Глаза прелестные читали»... «Печатай, печатай Онѣгина, и съ Разговоромъ»,—подтвердилъ онъ emv недѣли черезъ три, а 4-го декабря писалъ: «нельзя-ли подъ разговоромъ поставить число 1823 годъ? Стихъ «Вся жизнь одна-ли, двѣ-ли ночи» надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ. Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего Книгопродавца. Mes arrière-neveux me devraient cet ombrage»... Судя по черновымъ рукописямъ, не говоря уже о собственной пушкинской датѣ, «Разговоръ» написанъ въ 1824 году, но, быть можетъ, въ умѣ поэта онъ создался еще въ 1823-мъ году или даже раньше. Затѣмъ Пушкинъ въ недошедшемъ до насъ письмѣ требовалъ еще другихъ поправокъ, но первые листы книжки уже были отпечатаны, и внести поправки было поздно. «Твоя щекотливость, — писалъ ему 7 февр. 1825 г. Плетневъ,—«почти не у мѣста. Что знаешь ты, да кто другой, того мы не поймемъ»... Въ первомъ изданіи «Разговора» въ стихѣ: «Пускай ихъ юноша поетъ»... было вмѣсто «юноша» сказано «Шаликовъ». По этому поводу Пушкинъ писалъ 19 февр. 1825 г. кн. П. А. Вяземскому: «ты увидишь въ разг. Поэта и книг. Мадригалъ Кн. Шаликову. Онъ милый поэтъ, человѣкъ достойный уваженія и надѣюсь, что искренная и полная похвала съ моей стороны не будетъ ему непріятна. Онъ именно поэтъ прекраснаго пола. Il a bien mérité du sexe, et je suis bien aise de m'en être expliqué publiquement». Шаликовъ не обидѣлся шуткой и посвятилъ Пушкину весьма льстивое и глупое стихотвореніе («Дамскій Журналъ» 1825 г., ч. 10, № VIII, стр. 68—69), но Пушкинъ, не читавшій еще этого посланія, спрашивалъ Вяземскаго (пис. 25 мая): «Не ужъ то онъ обижается моими стихами? вотъ ужъ тутъ-то я невиненъ, какъ барашекъ! спросите у братца Леона: онъ скажетъ вамъ, что, увидѣвъ у меня Кн. Ш. онъ присовѣтовалъ мнѣ замѣнить его Батюшковымъ—я было и послушался, да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof. Это могу доказать черновою бумагою».

Въ пьесѣ отразились взгляды поэта на творческую работу, занимавшіе его уже давно, и не разъ то тамъ то сямъ мелькающіе въ его прежнихъ стихахъ. Слова: «Я на пиръ воображенья, бывало, музу призывалъ» возсоздаютъ образъ, нарисованный въ посланіи 1821 г. «Къ моей чернильницѣ»: «Музу призывалъ на пиръ воображенья»... (см. въ II т. настоящаго изданія, № 267). Стихи «Мои слова, мои напѣвы»... и т. д. почти дословно повторяютъ сказанное тоже въ 1821 г: «иногда мои коварные напѣвы смиряли въ мысляхъ юной дѣвы (порывы) страха и стыда»... «У столба сатиры развратъ и злобу я казнилъ... разящій голосъ лиры (неправду) въ ужасъ приводилъ»...—эти стихи близко подходятъ къ словамъ книгопродавца: «поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ»... и пр. «Самолюбивыхъ думъ отрада, мечтанья суетнаго сна», которыми такъ дорожитъ поэтъ, что ставитъ ихъ выше и женской любви, и славы, и гражданскихъ заслугъ, напоминаютъ его отвѣтъ книгопродавцу, убѣждающему его: «слава замѣнила вамъ мечтанья тайнаго отрады»... Это тождество мыслей, образовъ и выраженій даже даетъ нѣкоторую силу предположенію, что въ указанномъ наброскѣ» 1821 года «Не тѣмъ горжусь я»... (ibid., № 302) заключается прообразъ «Разговора». Замыселъ пьесы въ окончательномъ видѣ могъ сложиться въ головѣ поэта дѣйствительно раньше 1824 г. Еще въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 онъ писалъ Вяземскому: «должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло. Руссо не

впервой совралъ, когда утверждаетъ que c'est le plus vil des métiers. Pas. plus vil qu'un autre. Аристократическія предубѣжденія пристали тебѣ, но не мнѣ—на конченную свою поэму я смотрю какъ сапожникъ на пару своихъ сапогъ; продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ; иду жаловаться частному приставу; все это въ порядкѣ вещей». Годъ спустя онъ писалъ брату: «Русская слава льстить можетъ какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь морить—за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ моего цинизма!» Просясь въ отставку, онъ писалъ своему ближайшему начальнику А. И. Казначееву (25 мая 1824 г.): «ради Бога, не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ ремесленника или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость». Но такое отношеніе къ литературѣ-святынѣ далось поэту нелегко. Въ написанномъ черезъ нѣсколько дней письмѣ къ Казначееву онъ говоритъ: «j'ai déjà vaincu ma répugnance d'écrire et de vendre mes vers pour vivre; le plus grand pas est fait; si je n'écris encore que sous l'influence capricieuse de l'inspiration, les vers une fois écrits, je ne les regarde plus que comme une marchandise à tant la pièce»... «Зачѣмъ пишете?»—спрашиваютъ поэта въ одномъ наброскѣ 1832 или 1833 г. Онъ отвѣчаетъ: «Для себя.—За что же печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ мой Боже! какъ стыдно!—Почему жъ?»...

Стихи: «Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился?»... повторяютъ слова наброска 1882 г. «Ужели онъ казался»... (см. во II т. настоящ. изданія, № 365), а слѣдующіе за ними: «Ахъ, лира, лира! что же ты мое безумство разгласила?»... приводятъ на память окончаніе «Бахчисарайскаго Фонтана»: « . . . долго ль, узникъ томный, тебѣ оковы лобызать и въ свѣтѣ лирою нескромной свое безумство разглашать?»... Слова книгопродавца: «ужели ни одна не стоитъ ни вдохновенья, ни страстей»... сближаются съ признаніемъ поэта въ XXXIV строфѣ 1-ой главы «Онѣгина»: онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсень, ими вдохновенныхъ»... О той единственной въ жизни любви Пушкина, о которой разсказываетъ поэтъ, см. въ примѣчаніяхъ къ пьесѣ 1821 г. «Желаніе» (во II т., стр. 570). Два стиха «Тамъ, тамъ, гдѣ тѣнь»... и пр. почти буквально повторены въ «Сценѣ изъ Фауста» (см. выше, стр. 419). Это же «тамъ, тамъ» звучитъ и въ XVIII строфѣ 1-ой главы «Онѣгина». Послѣднія слова книгопродавца: «Кто проситъ пищи для сатиры, кто для души, кто для пера»... отозвались въ одной изъ заключительныхъ строфъ «Онѣгина» (8,XLIX), гдѣ поэтъ прощается съ читателемъ: «дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты для развлеченья, для мечты, для сердца, для журнальныхъ ошибокъ хотя крупицу могъ найти»... Вообще родственные мотивы звучатъ въ пушкинской поэзіи повсюду, но въ «Разговорѣ» они сведены въ одну грустную пѣсню о поэзіи, пѣсню, кончающуюся уже не стихами, а прозой и вполнѣ прозаически. Весьма возможно, что на форму, въ которой изложены эти мысли поэта, повліялъ діалогическій прологъ Гете къ «Фаусту»—«Vorspiel auf dem Theater».

«Читалъ Онѣгина и разговоръ, служащій ему предисловіемъ: несравненно!»—писалъ Пушкину Жуковскій въ ноябрѣ 1824 г. «Разговоръ съ книгопродавцемъ,—писалъ ему 25 янв. 1825 г. Плетневъ—верхъ ума, вкуса и вдохновенія. Я ужъ не говорю о стихахъ: меня убиваетъ твоя логика. Ни одинъ нѣмецкій профессоръ не удержитъ въ пудовой диссертаціи столько порядка, не помѣститъ столько мыслей и не докажетъ такъ ясно своего предложенія. Между тѣмъ какая свобода въ ходѣ!»...

Бѣлинскій высоко цѣнилъ «Разговоръ». Не особенно одобрительно отзываясь о IV-ой части «Стихотвореній», гдѣ пьеса была помѣщена, критикъ выдѣлилъ «Разговоръ», который «привелъ насъ въ грустное расположеніе духа: онъ напомнилъ намъ золотое время поэзіи Пушкина» (Сочиненія Б., изд. Венгерова, II, 416). То же повторилъ Бѣлинскій въ общемъ обзорѣ поэзіи Пушкина. Въ другой разъ Бѣлинскій отрывкомъ изъ «Разговора»: «Все волновало нѣжный умъ»... и т. д. иллюстрировалъ свою мысль, что «поэтъ—благороднѣйшій сосудъ духа, избранный любимецъ небесъ, тайникъ природы, эолова арфа чувствъ и ощущеній, органъ міровой жизни» (ор. с. VI. 14—15), и видѣлъ въ этой пьесѣ «превосходнѣйшій образецъ лирическихъ произведеній въ драматической формѣ» (ib., 85). Доводъ книгопродавца, что «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать» встрѣтилъ сочувствіе въ Бѣлинскомъ: «торгуетъ своими трудами только посредственность; истинный талантъ не почтетъ для себя унизительнымъ взять деньги за свой литературный трудъ, но почтетъ низостію писать для денегъ» (ор. с., VII, 163). О «Разговорѣ», какъ о прологѣ къ «Онѣгину», въ свое время,—говоритъ Анненковъ («Матеріалы, изд. 2-ое. 118),—«мало говорили: такъ затемненъ онъ былъ романомъ, поглотившимъ все вниманіе публики и журналистовъ. А между тѣмъ въ прологѣ глубоко и поэтически выражено состояніе художника, уединенно творящаго свои образы посреди шума и внѣшнихъ волненій, какъ вообще любилъ себѣ представлять художника самъ Пушкинъ». Отношеніе поэта къ своему искусству, совершающееся въ «Разговорѣ» примиреніе прекраснаго и высокаго съ низменнымъ и обычнымъ, «глагола небесъ» съ «презрѣнной прозой», умно анализировалъ В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», изд. 1880 г., 220—226). Поэтъ «выходитъ изъ той мысли, которую такъ настойчиво постоянно поддерживалъ передъ друзьями и на которую еще такъ недавно указывалъ своему бывшему начальству,—будто онъ пишетъ стихи для денегъ. Онъ посмотрѣлъ на поэзію, какъ на свободный трудъ, который можетъ сдѣлаться трудомъ всей жизни... Пушкинъ только отдѣлилъ процессъ творчества отъ готовой работы, которая уже получаетъ матерьяльную цѣнность. По его взгляду, поэзія есть чистое творчество... самый процессъ творчества не въ волѣ поэта; онъ происходитъ въ душѣ его какъ бы безсознательно для него самого по извѣстнымъ психическимъ законамъ... Можетъ ли при такомъ высокомъ настроеніи творческаго духа быть не только рѣчь, но даже какая-нибудь темная мысль о платѣ, о торговлѣ?.. Творчество есть потребность поэтической души, и слѣдовательно, цѣлью его не можетъ быть матеріаль-

ная выгода или расчетъ; ближайшее слѣдствіе его есть высшее духовное наслажденіе и желаніе продлить его, а не денежная оцѣнка; отъ нея оно вполнѣ свободно. Далѣе поэтъ освобождаетъ его и отъ другихъ цѣлей, которыя могли бы повредить его свободѣ... Извѣдавъ славу, поэтъ находитъ, что не стоитъ дорожить ею, отрекается отъ нея и ставитъ выше ея блаженство души въ свободномъ творчествѣ... Поэзію часто соединяли поэты съ любовью, съ возлюбленной женщиной, которую возводили въ идеалъ, которой поклонялись и подчиняли свое творчество... Пушкинъ... не хотѣлъ и за любовью признать власть надъ поэтическимъ творчествомъ... Отказавшись отъ всѣхъ посторонникъ цѣлей для поэзіи, поэтъ избираетъ себѣ одну свободу. Сдѣлавъ такой выборъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ неожиданный, но и неизбѣжный поворотъ къ тому вопросу, съ котораго началъ «Разговоръ», — къ вопросу о платѣ за поэтическій трудъ. Можно отречься отъ славы: она—«яркая заплата на ветхомъ рубищѣ пѣвца»; но это ветхое рубище уже гласитъ о тѣхъ житейскихъ нуждахъ, которыя, требуя удовлетворенія, ставятъ въ зависимость и свободу творчества отъ постороннихъ силъ... А независимость опирается на свободный трудъ, который имѣетъ право оцѣнивать себя и требовать оплаты. Для свободы творчества нужно, чтобы оно считалось трудомъ жизни и, слѣдовательно, имѣло бы одинакія права со всякимъ трудомъ. Черезъ это не пострадаетъ достоинство творчества. Нашъ поэтъ рѣшаетъ вопросъ очень просто. Рукопись, какъ плодъ труда, дѣлается уже товаромъ. Заслуживаетъ упоминанія стоящее совсѣмъ особнякомъ мнѣніе В. В. Сиповскаго («П—нъ», 1907, стр. 254), что вопросъ о нравственномъ правѣ художника продавать плоды своего вдохновенія Пушкинъ разрѣшилъ «довольно неловко»; къ сожалѣнію, это оригинальное мнѣніе высказано критикомъ безъ всякой мотивировки.

Разсказъ Пушкина о яркихъ видѣніяхъ въ часы вдохновенья вызвалъ у М. Н. Каткова («Русск. Вѣстн.» 1856 г., январь—переиеч. въ брош. «М. Н. Катковъ о П — нѣ», М., 1900, стр. 40—41) восторженное замѣчаніе: «какъ живо и истинно переданы въ этихъ словахъ первое развитіе поэтическаго дара, эти первыя разнообразныя впечатлѣнія бытія, которыя въ поэтической душѣ возбуждаютъ сродную себѣ игру представленій и находятъ въ нихъ свое выраженіе, наконецъ—этотъ пламенный недугъ, эта неодолимая потребность ослить внутреннюю тревогу пробудившейся души и дать ей выраженіе!» Д. Н. Овсянико-Куликовскій анализируетъ это замѣчательное мѣсто, какъ примѣръ такого «лиризма художественной мысли», гдѣ «образы едва намѣчены, между тѣмъ, какъ воспріятіе гармоніи пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе въ сознаніи... Образы налицо (лугъ, луна и т. д.), но они безразличны — дѣло не въ нихъ, и одинъ съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ другимъ, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ (цвѣтущій лугъ, напр., чудньмъ преданьемъ старушки). Вся суть дѣла въ лиризмѣ, т.-е. въ энергическомъ воспріятіи гармоніи мысли. Это воспріятіе претворяется въ острое, бурное чувство, которое поэтъ живописуетъ такъ: «Какой-то демонъ обладалъ»... и пр. Находя себѣ внѣшнюю форму, этотъ внутренній процессъ обнаруживаетъ свое ритмическое строеніе: «Въ размѣры стройные»... и т. д.» («П. какъ художественный геній»—«Памяти П—на», юбил. сб. журн. «Жизнь», 1899, стр. 38—39).

На стихъ «Вся жизнь—одна-ли, двѣ-ли ночи»... обратилъ вниманіе Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 282): «ничего во всей лирической поэзіи нельзя найти задушевнѣе (этого) стиха, какъ будто случайно вырвавшагося изъ сердца поэта въ разговорѣ съ книгопродавцемъ»... Кохановская посвятила двѣ прекрасныхъ страницы художественной необходимости эпитета «живой», примѣненнаго къ напѣву иволги («Степной цвѣтокъ на могилу Пушкина»—«Русская Бесѣда» 1859 г., № 5, критика, стр. 63—64): «истина Божескихъ законовъ природы, постигнутая поэтомъ, даетъ изумительную силу и красоту иногда очень простому слову Пушкина».—«Ночью моря г у л ъ г л у х о й пль шопотъ рѣчки тихоструйной» — обращаютъ на себя вниманіе ненадуманными, безыскусственными звукоподражаніями.

Вдохновенную исповѣдь поэта, подобную пушкинской, находимъ въ лермонтовскомъ разговорѣ «Журналистъ, читатель и писатель», на сходство котораго съ «Разговоромъ» Пушкина обратилъ вниманіе еще Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 47). Но у Лермонтова творческій процессъ протекаетъ болѣзненнѣе, мучительнѣе подъ напѣвомъ посѣщающаго его демона онъ переживаетъ «тягостныя ночи: безъ сна горятъ и плачутъ очи, на сердцѣ жадная тоска... и какъ-то весело и больно тревожить язвы старыхъ ранъ», и тогда поэтъ пишетъ, но,—говоритъ онъ,—«этихъ горькихъ строкъ неприготовленному взору я не рѣшуся показать», какъ не рѣшится показать свѣту и тѣ «странныя творенья», въ которыхъ «съ отвагою свободной поэтъ на будущность глядитъ, и міръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и омытъ»... Но физіологія творческаго процесса у обоихъ поэтовъ одна, и какъ у Пушкина пламенный недугъ разрѣшался стройными размѣрами, послушными словами, звонкой риѳмой, такъ и Лермонтовъ («Сказка для дѣтей») отъ своего демона «отдѣлывался стихами».

Къ вопросамъ о поэтѣ и поэзіи, объ отношеніи къ нимъ «толпы», возбуждаемымъ въ «Разговорѣ», Пушкинъ не разъ возвращался; они были его любимыми темами, которыя онъ трактовалъ часто. Укажемъ, напримѣръ, на «Пророка», «Поэта», «Поэту», «Изъ VI Пиндемонте», «Эхо». Сообразно съ этимъ, не разъ придется говорить объ этихъ сторонахъ пушкинскаго творчества.

---

389. ИЗДРЕВЛЕ СЛАДОСТНЫЙ СОЮЗЪ... (Н. М. ЯЗЫКОВУ).

(т. II, стр. 217).

Автографъ этого посланія неизвѣстенъ. Впервые появилось оно, безъ подписи поэта, въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., № 16, 17 марта, стр. 125—126, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ посланія къ Языкову» и съ помѣтой: «1824. Михайловское»; въ «Газетѣ» оно было напечатано не все и кончалось словами: «Я жду тебя»..., за которыми слѣдовали двѣ строки точекъ; при этомъ въ текстѣ были нѣкоторыя исправленія, вызванныя отчасти цензурными соображеніями; такъ, въ стихѣ «Куда подуетъ самовластье» послѣднее слово было замѣнено другимъ—«непогода», такъ

что стихи 17-й и 19-й не риѳмовали между собою. Въ томъ же видѣ вошло оно въ III-ю часть сборника стихотвореній Пушкина, 1832 г., стр. 187—189. Полностью напечаталъ посланіе П. А. Ефремовъ съ копіи, полученной отъ графа М. А. Корфа, въ «Современномъ Обозрѣніи» 1868 г., № 5, стр. 223 — 224, откуда оно было перепечатано Г. Н. Геннади во второмъ его изданіи (1870 г., I, 285—286). Подробности о текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Въ копіи гр. Корфа пьеса датирована: «Михайловское. 20 сентября 1824». (Въ первомъ изданіи Геннади, т. I, стр. 300, невѣрная дата «18 октября»). Корфовской датѣ можно вѣрить, такъ какъ въ тотъ же день Пушкинъ писалъ А. Н. Вульфу (см. выше, № 387): «пріѣзжай сюда зимой да Языкова поэта затащи ко мнѣ съ собой... Уговори Языкова да отдай ему мое письмо»... А сестра Вульфа, Анна Николаевна, приписала: «Александръ Сергѣевичъ вручилъ мнѣ это письмо къ тебѣ, мой милый другъ. Онъ давно сбирался писать къ тебѣ и къ Языкову, но я думала, что это только будетъ на словахъ. Пожалуйста, отдай тутъ вложенное письмо Языкову и, ежели можешь, употреби все стараніе уговорить его, чтобы онъ зимой сюда пріѣхалъ съ тобой. Пушкинъ этого очень желаетъ; покамѣстъ, пожалуйста, отвѣчай скорѣе на это письмо и пришли отвѣтъ отъ Языкова скорѣе». На Языкова Пушкинъ давно уже обратилъ вниманіе. Еще годъ назадъ (13 ноября 1823 г.) онъ писалъ Дельвигу: «раздѣляю твои надежды на Языкова». Не найдя стиховъ Языкова въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 г., онъ пенялъ на это ея издателю А. А. Бестужеву (письмо 8 февраля 1824 г.). Узнавъ въ Михайловскомъ, что Языковъ въ дружбѣ съ Вульфомъ, и что они часто встрѣчаются, онъ воспользовался этимъ, чтобы завязать знакомство съ поэтомъ. Старшій собратъ былъ всегда неимовѣрно высокаго мнѣнія о младшемъ. «Живо помню,—разсказываетъ Гоголь. (Сочин., изд. 10-е, IV, 189),— восторгъ его въ то время, когда прочиталъ онъ стихотвореніе Языкова къ Давыдову, напечатанное въ журналѣ. Въ первый разъ увидѣлъ я тогда слезы на лицѣ Пушкина (Пушкинъ никогда не плакалъ; онъ самъ сказалъ о себѣ въ посланіи къ Овидію: «Суровый славянинъ, я слезъ не проливалъ»...)». Далеко не такимъ чувствомъ платилъ Пушкину Языковъ за его чрезмѣрный восторгъ. На поэтическое приглашеніе Языковъ отвѣтилъ Пушкину тоже посланіемъ, въ которомъ благодарилъ Пушкина:

«Я благосклоннаго привѣта—
Клянусь парнасскимъ божествомъ,
Клянуся юности дарами:
Наукой, честью и виномъ
И вдохновенными стихами—
Въ тиши безвѣстности не ждалъ
Отъ сына музы своенравной,
Равно торжественной и славной
И высшей рока и похвалъ...
Такъ я тебя благодарю.
Богъ вѣсть, что въ мірѣ ожидаетъ
Мои стихи, что буду я
На темномъ полѣ бытія,
Куда неопытность моя
Меня зачѣмъ-то порываетъ;
Но будь, что будетъ,—не боюсь;
Въ бытописаньи русскихъ музъ
Меня твое благоволенье
Предастъ въ другое поколѣнье,
И сталь плѣшиваго косца,
Всему ужасная, не скоситъ
Тобой хранимаго пѣвца.
Такъ камень съ низменныхъ полей
Носитель Зевсовыхъ огней
Играя, на гору заноситъ!

Объ этихъ стихахъ Пушкинъ писалъ Вульфу въ мартѣ слѣдующаго года: «обнимаю васъ братски, также и Языкова. Посланіе его...—прелесть,— въ посланіи послѣ т о б о й х р а н и м а г о п ѣ в ц а стихъ пропущенъ. А стихъ Языкова мнѣ дорогъ. Перешлите мнѣ его». Къ письму Пушкина П. А. Осипова приписала: «хотя я не имѣю чести знать Языкова, но отъ моего имени пригласи его, чтобъ онъ оживилъ Тригорское своимъ присутствіемъ». Но и въ этомъ году Языковъ не пріѣхалъ. Пушкинъ впервые увидѣлся съ нимъ лишь лѣтомъ 1826 г., и не разъ за дружескимъ столомъ раздавался «звонъ рюмокъ и стиховъ». Оба поэта,— разсказываетъ Анненковъ («П—нъ въ Александровск. эпоху», 318—319),—сошлись на почвѣ Тригорскаго и Зуева весьма близко, и такъ очаровательны были берега Сороти, сѣни и рощи обоихъ селеній въ прекрасное лѣто 1826 г., такъ граціозно и весело встрѣчало друзей молодое женское населеніе перваго, такъ поэтичны были ночи и долгіе дни, проведенные ими вмѣстѣ, что Языковъ до гроба считалъ эту эпоху своей жизни лучшимъ ея мгновеніемъ». И Пушкинъ впослѣдствіи вспоминалъ въ «Онѣгинѣ», какъ «изъ капища наукъ явился онъ въ нашъ сельскій кругъ и воды Сороти прославилъ, и огласилъ поля кругомъ очаровательнымъ стихомъ»... Вскорѣ (19 августа) онъ трескуче писалъ Пушкину изъ Дерпта, съ забавнымъ самохвальствомъ именуя себя, наравнѣ съ Пушкинымъ, «первенцемъ полночныхъ Музъ»:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе царской головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночныхъ Музъ,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пѣвецъ изящнаго! забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ,
На самой сердца глубинѣ,
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ,
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,—
Лился въ стаканы-исполины?
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ искусства въ нашу Русь
И я на тридесятомъ небѣ
И славой прадѣдовъ горжусь!
Мнѣ утѣшительно доселѣ,
Мнѣ весело воспоминать
Сію поэзію во хмелѣ,
Ума и сердца благодать...
Съ челомъ возвышеннымъ стою
Передъ скрижалью вдохновеній,
И вольность нашихъ наслажденій
И берегъ Сороти пою...

(см. Отчетъ П. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 43—44; «Русс. Стар.» 1903 г., мартъ, 483—484; Переписка П., I, № 265). Ниже, въ примѣчаніяхъ къ №№ 498 и 504, излагаются дальнѣйшія отношенія Пушкина и Языкова.

Въ посланіи, которымъ начались личныя сношенія между поэтами, Пушкинъ жалуется новому другу на свое положеніе поднадзорнаго ссыльнаго, на свои «закованные дни». Даже въ Дерптѣ побывать ему не удалось; когда онъ собирался «лѣчиться» у дерптскаго хирурга, ему предложили пріѣхать для этого въ Псковъ, куда былъ приглашенъ и врачъ.

О прадѣдѣ поэта, А. П. Ганнибалѣ, см. въ I т. настоящаго изданія ст. Б. Л. Модзалевскаго «Родъ Пушкина». Дельвига Пушкинъ давно звалъ къ себѣ. «Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю»,—писалъ онъ брату въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. «Дельвига жду... Мочи нѣтъ, хочется Дельвига» — писалъ онъ ему 12 марта. 20 марта Дельвигъ далъ знать Пушкину, что будетъ у него въ субботу на Святой недѣлѣ, но опоздалъ и пріѣхалъ въ началѣ второй половины апрѣля.

---

390. АКВИЛОНЪ.

(т. II, стр. 218).

Пьеса извѣстна въ автографѣ, о которомъ говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 377); нынѣ онъ находится въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина. Это перебѣленный экземпляръ, со многими поправками; онъ носитъ помѣты: «1824. Мих.» и ниже: «Болд. 7 сент.»; вторая помѣта означаетъ, вѣроятно, что стихотвореніе, написанное въ 1824 г. въ Михайловскомъ, было исправлено 7 сентября 1830 г. въ Болдинѣ, гдѣ поэтъ проводилъ тогда осень. (См. «П. и его современники», вып. IV, стр. 11—12). Этотъ автографъ не доступенъ изслѣдователямъ и мы знаемъ о немъ лишь по сообщенію Анненкова, приведшаго изъ него нѣсколько «небольшихъ поправокъ, усилившихъ и опредѣлившихъ, однако жъ, всѣ оттѣнки поэтической картины»; о текстѣ пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Появилась она впервые въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1837 г., № 1, за нѣсколько дней до смерти поэта, у котораго выпросилъ ее новый издатель этой газеты А. А. Краевскій; въ собраніи произведеній Пушкина она стала включаться начиная съ посмертнаго изданія (IX, 377).

Когда стихотвореніе появилось въ печати, врагъ Пушкина С. С. Уваровъ обратилъ на него свое подозрительное вниманіе и сказалъ предсѣдателю цензурнаго комитета: «развѣ господинъ Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ» («Русск. Стар.» 1880 г., т. 28, стр. 538). Враждебно настроенный къ поэту и подозрительный николаевскій министръ предположилъ скрытый политическій смыслъ въ пьесѣ не безъ основанія. Аквилонъ, который прошумѣлъ не только грозой, но и славой, едва ли простое явленіе природы, а не аллегорія. В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», СПб., 1881, стр. 219—220) такъ истолковываетъ пьесу: «въ первую пору своего пребыванія въ Михайловскомъ поэтъ еще переживалъ впечатлѣнія отъ прежняго времени. Такъ, политическія бури послѣднихъ годовъ европейской жизни выразились въ его фантазіи въ образѣ Аквилона въ прекрасномъ стихотвореніи, озаглавленномъ этимъ же именемъ. Здѣсь поэтическая фантазія удачно сблизила политическія потрясенія съ бурными движеніями въ природѣ, послѣ которыхъ очищается атмосфера и настаютъ красные дни. Поэтъ и для политической жизни ждетъ того же. «Пускай же солнца ясный ликъ»... и т. д. Такихъ дней онъ могъ желать и для себя: и онъ много потерпѣлъ отъ налетѣвшаго аквилона, и онъ, также величавый русскій дубъ, былъ вполовину низвергнутъ».

Такъ же Л. Н. Майковъ въ своей замѣткѣ объ этомъ стихотвореніи и о пьесѣ 1835 г. «Туча» («Русс. Вѣстн.» 1893 г., № 2, стр. 3—9, и «Историко-литературные очерки», СПб., 1895, стр. 259—265) находитъ, что «основной мотивъ «Аквилона» слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ личной жизни поэта. Извѣстно, какъ сильно ропталъ онъ на свою ссылку въ деревню изъ Одессы, послѣдовавшую по распоряженію изъ Петербурга; стихотвореніе составляетъ какъ бы обращеніе къ императору Акександру, при чемъ подъ тростникомъ, клонимымъ долу, поэтъ разумѣетъ самого себя, а подъ дубомъ—Наполеона, побѣжденнаго русскимъ царемъ. Покоя, который призывается въ послѣдней строфѣ, нѣтъ еще ни въ природѣ, ни въ душѣ поэта; онѣ еще полны тревоги. Таково именно было чувство, которое Пушкинъ переживалъ въ первое время по своемъ прибытіи въ Михайловское.

Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неравной истомила;
Я былъ ожесточенъ...

Такъ говорилъ поэтъ о той порѣ своей жизни впослѣдствіи, а вотъ что писалъ онъ своему брату изъ деревни въ октябрѣ 1824 года: «Я не прошу отъ правительства полумилостей: эта была бы полумѣра, и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мною онъ поступилъ не только строго, но и несправедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на справедливость его». Принимая во вниманіе такой смыслъ «Аквилона», можно объяснить себѣ, почему это стихотвореніе такъ долго оставалось не напечатаннымъ». Примирительный, спокойный аккордъ, которымъ завершается пьеса, вполнѣ обычное явленіе у Пушкина; см., напримѣръ, «Предчувствіе», 1828 г., «Тучу». Съ послѣдней пьесой «Аквилонъ» стоитъ въ тѣсной связи, о которой будетъ сказано въ примѣчаніяхъ къ «Тучѣ».

---

391. ТУМАНСКІЙ ПРАВЪ.

(т. II, стр. 218).

Два наброска этой пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 17 (первый стихъ читается: «Т.—правъ»... и т. д.), между черновыми «Разговора книгопро-

лавца съ поэтомъ»; и двухъ строфъ 3-ей главы «Онѣгина»; далѣе слѣдуютъ черновики «Къ морю» и «Подражаніи Корану». Впервые появилась она въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (см. его изданіе сочиненій П., т. I, 1855 г., стр. 337). Анненковъ отнесъ ее къ «Альбому Онѣгина»; это невѣрно, потому что она написана, судя по положенію ея среди другихъ черновиковъ, въ 1824 г., когда въ «дали свободнаго романа» еще не имѣлся въ виду «Альбомъ»; П. А. Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. I, стр. 545) пытался съ излишней и ничѣмъ не оправдываемой точностью датировать ее «сентябремъ—октябремъ»; возможно, что она относится еще къ одесскому періоду. «Льстивая замѣтка Онѣгина,—говоритъ Анненковъ,—можетъ быть, вызвана была пьесой В. Туманскаго «Къ ней», изъ которой выписываемъ нѣсколько стиховъ». Приведемъ все стихотвореніе:

Не цвѣта небеснаго очи твои;
Не розы уста твои, дѣва;
Не лиліи - перси и плечи;
Но что бъ за весна въ сторонѣ той была,
Гдѣ бъ розы такія, лиліи
Цвѣли на зеленыхъ лугахъ,
И небо, и все, что подъ небомъ,
Блистало, какъ очи твои голубыя!

(Это стихотвореніе появилось впервые еще въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., стр. 29, перепечатано въ «Стихотвореніяхъ В. И. Туманскаго», Спб., 1881, стр. 84). Между тѣмъ, въ пьесѣ Туманскаго нѣтъ указываемыхъ Пушкинымъ сравненій—ни съ радугой, ни съ ключемъ, и не извѣстно ни одного подобнаго стихотворенія В. И. Туманскаго.

Остается предположить слѣдующее: либо, прочитавъ въ рукописи: «Т—» и такъ неосмотрительно сблизивъ стихи Пушкина съ пьесой В. П. Туманскаго «Къ ней», Анненковъ ошибочно рѣшилъ, что первый стихъ долженъ быть прочитанъ: «Туманскій правъ»..., и, значитъ, подъ буквою «Т» разумѣется не В. И. Туманскій; либо у В. Туманскаго дѣйствительно было стихотвореніе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, но не попало въ печать и осталось неизвѣстнымъ. Издатель сочиненій и біографъ Туманскаго—графъ Г. А. Милорадовичъ писалъ: («Письма и неизданныя стихотворенія В. И. Туманскаго», Черниговъ, 1891 г., стр. 142): «мнѣ неизвѣстно посланіе Туманскаго, на которое отвѣчаетъ (?) Пушкинъ; можетъ быть, Пушкинъ отвѣчаетъ Ѳеодору Антоновичу Туманскому» (о немъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 484); и у этого Туманскаго нѣтъ подходящаго къ пушкинской передачѣ стихотворенія.

---

392. НЕНАСТНЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ...

(т. II, стр. 219).

Пушкинъ напечаталъ это стихотвореніе, автографъ котораго остался неизвѣстнымъ, въ сборникахъ своихъ стихотвореній, изданныхъ въ 1826 г., стр. 25—26 (тамъ оно отнесено къ элегіямъ, а въ оглавленіи книги прибавлено: «Отрывокъ»), и въ 1829 г., ч. I, стр. 176—177, безъ заглавія. Въ этомъ изданіи пьеса помѣчена 1823 г. и стоитъ между стихотвореніями 1823 года—«Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты»...—и «Демономъ». Тѣмъ же годомъ помѣчена она въ плетневскомъ спискѣ пьесъ, предназначенныхъ для сборника 1826 г. (Переписка П., академич. изд., I, 293). Во второмъ изд. П. О. Морозова («Просвѣщенія», I, 366—367) стихотвореніе перенесено въ 1824 г., съ поясненіемъ (стр. 673), что оно «по содержанію, несомнѣнно, написано не въ Одессѣ (какъ полагали прежніе издатели), а въ Михайловскомъ, осенью 1824 г., и относится не къ г-жѣ Ризничъ (ни одна черта не идетъ ни къ ней, ни къ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ), а къ М. Н. Раевской, представляя воспоминаніе о Крымѣ». Здѣсь П. О. Морозовъ присоединяется къ доводамъ Н. Ѳ. Сумцова, о которыхъ сказано ниже. П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 195) былъ готовъ согласиться съ такой датировкой: «начальны стихи перваго стихотворенія указываютъ вовсе не южную обстановку поэта, такъ что справедливе о предполагаютъ, будто оно написано уже въ Михайловскомъ и подлежитъ переносу въ 1824 или 1825 г.», но однако, былъ удержанъ отъ перенесенія стихотворенія въ другой годъ соображеніемъ, что «изданіе 1826 г. процензуровано 8 октября 1825 г., и Пушкинъ, конечно, хорошо помнилъ, въ этомъ ли году или въ предшествующемъ написалъ его, но все-таки помѣтилъ одесскимъ временемъ, т.-е. 1823 годомъ». Пушкинская датировка въ иныхъ случаяхъ, дѣйствительно, можетъ быть поколеблена, но что касается даннаго стихотворенія, то въ его хронологическомъ опредѣленіи намъ приходится всецѣло положиться на поэта, показанію котораго противопоставить нечего. Воспроизведена здѣсь пьеса по изданію 1829 г.

«Лирическія стихотворенія, писанныя въ Одессѣ,—говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», изд. 2-ое, стр. 88),—пріобрѣтаютъ новый оттѣнокъ. Вмѣсто прежнихъ обдуманныхъ (?) и, потому, спокойныхъ созданій, являются такія, какъ «Ненастный день потухъ»..., «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты». «Коварность» (?), исполненныя бурь сердца, сомнѣній страсти и сильнаго драматическаго движенія»... Анненковъ здѣсь не указываетъ, къ кому относится «Ненастный день»...; «Простишь ли мнѣ»... несомнѣнно связано съ Ризничъ (см. во II т. настоящ. изданія, примѣч. къ № 372), а «Коварность»—съ Воронцовой (см. ниже, примѣчанія къ № 394). П. А. Ефремовъ (Сочин. П., изд. 1880 г., I, 566) безъ всякихъ объясненій отнесъ «Ненастный день»... къ Ризничъ. А. И. Незеленовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», СПб., 1882, стр. 150) нашелъ, что это «предположеніе невозможно: во-первыхъ, по противорѣчію пьесы съ характеромъ этого лица; во-вторыхъ, по неимѣнію основаній для такого отнесенія». Несмотря на всю справедливость второго аргумента, В. П. Гаевскій («Перстень Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1888 г., февр., 522) прямо, безъ всякихъ объясненій, называетъ «Ненастный день»... въ «циклѣ пьесъ, посвященныхъ памяти (?) г-жи Ризничъ, жившей тогда (!) въ Одессѣ»... Того же мнѣнія и С. Южаковъ («Любовь и счастье въ произведеніяхъ А. С. Пушкина», Од., 1895, стр. 53—54). Н. Ѳ. Сумцовъ въ своихъ «Изслѣдованіяхъ о Пушкинѣ» («Харьковскій университ. сборн. въ память П—на», Хар., 1900, стр. 210—222) отказывается относить «Ненастный день»... къ Ризничъ и думаетъ, что «она», о которой говорится въ пьесѣ,—М. Н. Раевская: «въ элегіи рѣчь идетъ о далекой сторонѣ, гдѣ «море движется подъ голубыми небесами», говорится о милой женщинѣ, идущей «по

горѣ», потомъ сидящей «подъ завѣтными скалами». Ни одна черта не идетъ ни къ Ризничъ, ни къ Одессѣ. Ризничъ жила тогда въ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ». П. Е. Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 312—313, 315) связываетъ «Ненастный день»... съ графиней Воронцовой и такъ же, какъ П. О. Морозовъ, не считается съ пушкинской хронологіей: «къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія въ Михайловскомъ относится элегія «Ненастный день потухъ»... Она и самимъ поэтомъ отнесена къ 1823 году—и всѣми (?) издателями печатается подъ этимъ годомъ, но анализъ содержанія даетъ несомнѣнныя указанія на то, что элегія написана въ Михайловскомъ. Въ первой строфѣ (?) поэтъ рисуетъ обстановку, которая окружаетъ его... Пейзажъ, несомнѣнно, сѣверный, и въ 1823 г. поэтъ не могъ видѣть его передъ своими глазами. Этому пейзажу поэтъ противополагаетъ слѣдующую картину: «Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ»... и т. д. Нѣкоторые комментаторы относили эти стихи къ Ризничъ, но это невѣрно, потому что Ризничъ въ это время (?) была въ Италіи, въ странѣ, въ которой не было для Пушкина «завѣтныхъ» скалъ. Рѣчь идетъ, конечно, объ Одессѣ, и подъ скалами тутъ нужно понимать не скалы горъ, а скалы гротовъ...—Врядъ ли,—справедливо замѣчаетъ г. Щеголевъ,—можетъ быть отнесено къ М. Н. Раевской это стихотвореніе, въ особенности заключительныя его строки... Элегію нельзя отнести ни къ М. Н. Раевской, ни къ Амаліи Ризничъ». Однако, прибавимъ, нѣтъ никакихъ основаній относить ее, какъ это дѣлаетъ г. Щеголевъ, и къ Воронцовой. М. О. Гершензонъ («Пушкинъ и гр. Е. К. Воронцова»—«Вѣстн. Евр.» 1909, февр., 539), тоже произвольно относя пьесу къ осени 1824 г., находитъ, что она «рисуетъ пейзажъ, несомнѣнно, не одесскій, а крымскій: ни одинъ человѣкъ, видавшій одесское взморье, не усумнится въ этомъ, ибо тамъ нѣтъ ни «горъ», ни «береговъ, потопленныхъ шумящими волнами», и, конечно, не видъ съ дачи Рено рисуютъ эти стихи: «Тамъ море»... и т. д.». Пишущій эти строки не разъ видалъ одесское взморье и, наоборотъ, можетъ только подтвердить, что пушкинское описаніе художественно передаетъ видъ одесскаго берега, дѣйствительно «потопленнаго шумящими волнами»; береговые оползни—самое обыкновенное явленіе на скалистомъ одесскомъ берегу, части котораго, подмываемыя волнами, до сихъ поръ продолжаютъ отъ времени до времени обрушиваться въ море.

Но не въ этомъ дѣло. Одинъ комментаторъ не вѣритъ пушкинской хронологіи и переноситъ поэта въ Михайловское, а берегъ, описанный въ стихотвореніи, — въ Одессу; другой оставляетъ Пушкина въ Одессѣ, а берегъ ищетъ въ Крыму, но всѣ почему-то согласны въ одномъ, что элегія Пушкина—страничка изъ автобіографіи поэта, и никому не приходитъ въ голову, что лирика и личная лирика не одно и то же; что «я» поэта и «я» А. С. Пушкина не всегда же должны, во что бы то ни стало, совпадать, и что, разъ въ извѣстныхъ намъ біографическихъ свѣдѣніяхъ о поэтѣ мы не имѣемъ строго-фактическихъ, болѣе или менѣе точныхъ указаній на связь пьесы съ событіями его жизни, всѣ догадки о подобной связи будутъ строиться на пескѣ. Предположеніе, что пьеса написана не въ 1823 г., а въ 1824-мъ, можно было бы допустить одновременно съ другимъ предположеніемъ—что пушкинская дата обозначаетъ не время созданія пьесы, написанной позднѣе, а время событія, съ которымъ она связана (въ рукописяхъ Пушкина есть такіе примѣры—см., напримѣръ, примѣч. № 394). Но въ настоящемъ случаѣ и для такого предположенія у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, потому что какъ разъ мы не знаемъ ни одного событія въ жизни поэта, подходящаго къ разбираемой пьесѣ, и именно отсутствіе такихъ свѣдѣній опрокидываетъ всевозможныя догадки о тождествѣ личностей героя элегіи и ея автора. Можно допустить лишь нѣкоторое внутреннее сродство между данной элегіей и отрывкомъ «Все кончено: межъ нами связи нѣтъ»... (см. ниже примѣч. къ № 410. Н. Ѳ. Сумцовъ сближаетъ элегію, съ художественной стороны, съ стихами 1820 г. «Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда»...). По тону чувства между обоими стихотвореніями есть сходство; нѣчто общее есть и въ содержаніи: оба говорятъ о мученіяхъ ревности. Изъ элегіи не видно, были ли «онъ» и «она» близки прежде, хотя можно допустить близкія отношенія; въ отрывкѣ говорится о тѣсной и близкой связи. Герой элегіи успокаивается мыслью, что она—«одна» (это слово повторяется четыре раза), что «никто ея колѣнъ въ забвеньѣ не цѣлуетъ», и съ ужасомъ думаетъ: «но если»..., но если она не одна, а съ другимъ!.. Чувство ревности въ отрывкѣ успокоеннѣе: «тебя ронтаніемъ преслѣдовать не буду и невозвратное, быть можетъ, позабуду»... Но дальше этихъ сближеній и сопоставленій идти нельзя, и на вопросъ, какъ произошли оба стихотворенія, личныя ли переживанія Пушкина отразились въ вдохновенныхъ творческихъ переживаніяхъ поэта, приходится отвѣтить только: ignorabimus!

Бѣлинскаго, назвавшаго «Ненастный день»... въ числѣ «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, истинный художникъ», элегія приводила въ особенный восторгъ, и онъ выдѣлилъ ее, вмѣстѣ съ »Простишь ли мнѣ»..., «Ты вянешь и молчишь»... и «Къ морю», изъ ряда лучшихъ стихотвореній Пушкина: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства: во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды... Въ паѳосѣ стихотворенія сколько жизни, страсти, истины!.. И сколько жизни, какой энергическій порывъ страсти высказывается въ словѣ: «но если», отрывисто заключающемъ пьесу! Все это такъ просто, такъ естественно, во всемъ этомъ столько глубокой страсти, столько истины чувства... А форма? Какая легкость, какая прозрачность! На каждомъ стихѣ, даже отдѣльно взятомъ, такъ и виденъ слѣдъ художническаго рѣзца, оживляющаго мраморъ!»...—«Пламеннѣй этой ревности,—говоритъ Аполлонъ Григорьевъ (Сочин., I, 282),—нельзя ничего встрѣтить ни у какого поэта въ мірѣ»... Несмотря на нѣсколько строкъ, заполненныхъ точками, несмотря на то, что стихотвореніе обрывается на едва начатомъ стихѣ, его нельзя признать неоконченнымъ,—нѣтъ, это полное, завершенное художественное цѣлое, безъ пятна и упрека, выдѣляющееся даже среди пушкинскихъ шедевровъ. Сомнѣнія въ вѣрности любимой женщины не мѣшаютъ нѣжности и просвѣтленности чувства, уживающимся съ самой пылкой, кипучей страстностью, которая рисуетъ плечи, бѣлоснѣжную грудь, влажныя губы, млѣющія подъ жаркими поцѣлуями... Эта гармонія

чувства, это умѣніе такъ легко и просто сочетать порывъ сладострастія съ порывомъ къ «любви небесной»—одно изъ самыхъ прекрасныхъ свойствъ пушкинской любовной лирики; другимъ, еще болѣе разительнымъ примѣромъ можетъ служить знаменитое признаніе: «Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденьемъ»... А завершающее пьесу «но если»...—геніальный образецъ художественнаго, если можно такъ выразиться, цѣломудрія, которое боится лишняго слова, лишняго жеста и ограничивается намекомъ и многоговорящимъ умолчаніемъ.

---

393. ВТОРОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

(т. II, стр. 219).

Посланіе извѣстно въ четырехъ автографахъ. Первоначальная черновая, съ помарками и поправками, находится въ 2370-ой тетради Московскаго Румянцовскаго музея, лл.21—22; въ другой музейной тетради, № 2367, лл. 31—32 об., записана отдѣланная редакція, тоже съ поправками и съ нѣкоторыми отличіями отъ окончательнаго текста. Въ собраніи П. Я. Дашкова находятся два автографа [1]); текстъ одного изъ нихъ также не вполнѣ исправленъ, а другой, болѣе поздній и носящій подпись: «Пушкинъ», даетъ окончательную редакцію, которая и печатается здѣсь. (О рукописныхъ и печатныхъ варіантахъ см. въ общей статьѣ объ исторіи пушкинскаго текста). Много лѣтъ ходившее среди читающей публики въ спискахъ, съ разными, какъ водится, нелѣпыми искаженіями, посланіе могло появиться, съ значительными купюрами, лишь въ дополнительномъ, VII-мъ, томѣ анненковскаго изданія, 1857 г., стр. 33—35, рядомъ съ первымъ посланіемъ, ошибочно отнесеннымъ къ тому же году, съ значительными купюрами, подъ осторожнымъ не-пушкинскимъ заглавіемъ: «Второе посланіе къ Аристарху» и съ еще болѣе осторожнымъ примѣчаніемъ: «рѣшаемся представить публикѣ эти два посланія, писанныя въ Михайловскомъ уединеніи 1824 г. и хорошо извѣстныя всѣмъ почитателямъ нашего поэта. Очищенныя отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, они теряютъ всякій признакъ сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и высокаго пониманія одного изъ важнѣйшихъ общественныхъ служеній. Въ нихъ поэтъ какъ будто предчувствовалъ смыслъ установленій, данныхъ потомъ въ руководство всей той полезной дѣятельности, о которой самъ онъ говоритъ съ такимъ уваженіемъ». Рѣшился на это Анненковъ «страха ради іудейска» и хватилъ черезъ край. «Мы видѣли»,—разсказываетъ П. А. Ефремовъ (Сочин. II., изд. 1880 г., т. I, стр. 572),—цензурную рукопись VII тома и не нашли въ этихъ стихотвореніяхъ ни одного цензурнаго исключенія, такъ что вся честь очистки принадлежитъ Анненкову, который и заглавія имъ далъ»... Несмотря на то, что анненковскіе пропуски были отчасти пополнены въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г., № 11, ст. 348, они далеко не вполнѣ были восполнены Г. Н. Геннади въ его первомъ изданіи, 1859 г. Нѣсколько пропущенныхъ стиховъ появились въ изданномъ Н. В. Гербелемъ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 79 и 154. Въ болѣе исправномъ и полномъ видѣ посланіе появилось во второмъ геннадіевскомъ изданіи, 1870 г., т. I, стр. 302—304, а въ болѣе правильной и полной редакціи—въ первомъ изданіи Ефремова, 1880 г., стр. 468—470, гдѣ напечатано съ бѣлового [1]) дашковскаго списка. Девять стиховъ, начинающихся словами: «Обдумавъ наконецъ намѣренья благія»..., были напечатаны по неисправной копіи въ «Сборникѣ, издаваемомъ студентами Имп. С.-Петерб. Университета», вып. I, Спб., 1857, стр. 350; впрочемъ, двустишіе: «Сей старецъ дорогъ намъ»... и т. д., находящееся на бюстѣ А. С. Шишкова въ академіи наукъ,—появилось еще въ «Маякѣ» 1844 г., т. XVI, кн. 31, гл. I, стр. 19. въ статьѣ Б. М. Федорова «Пятидесятилѣтіе литературной жизни С. Н. Глинки». Разбираемое посланіе относится приблизительно къ сентябрю—декабрю 1824 г., судя по положенію черновиковъ среди другихъ рукописей и по тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ переписка поэта.

Начавъ «Онѣгина», Пушкинъ писалъ Дельвигу (16 ноября 1823 г.): пишу теперь новую поэму... Бируковъ [цензоръ] ее не увидитъ»... «Объ моей поэмѣ»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву вскорѣ (8 февраля 1824 г.),—нечего и думать,—если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ». Но мистика-ханжу, князя А. Н. Голицына на посту министра народнаго просвѣщенія смѣнилъ А. С. Шишковъ. Репутація защитника слова уже давно прочно установилась за Шишковымъ; его помнили и какъ автора патріотическихъ манифестовъ 12-го года. «Извѣстно было»,—разсказываетъ Анненковъ («П. въ Александровск. эпоху», 305 - 306),—что онъ публично выразилъ негодованіе на тупоту и чудовищность цензурныхъ помарокъ и приводилъ невѣроятные примѣры ихъ даже офиціально... Въ своемъ голосѣ по дѣлу о профессорахъ петербургскаго университета 1822 г. Шишковъ, требуя бдительной цензуры по всѣмъ отраслямъ ученой и литературной дѣятельности, говоритъ, что цензура должна быть ни слабая, ни строгая (ибо строгая не даетъ говорить ни уму, ни правдѣ) и притомъ разумѣющая силу языка». Теперь Пушкину можно было надѣяться на облегченіе тяготѣвшаго надъ литературой цензурнаго гнета, и онъ рѣшилъ печатать первую главу «Онѣгина».—«Авось съ перемѣной министерства она и напечатается»,—писалъ онъ Вяземскому въ первой половинѣ іюня. Въ слѣдующемъ письмѣ къ нему же (13 іюня) поэтъ выразилъ надежду, что Шишковъ не потерпитъ въ цензурномъ вѣдомствѣ Бирукова и Красовскаго (о нихъ см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 384), и спрашивалъ: «на какомъ основаніи началъ свои дѣйствія Дѣдушка Шишковъ?.. Ожидаю добра для литературы вообще и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться ко вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью Онѣгина. Авось пролѣземъ». Мысль о цензурныхъ перемѣнахъ занимала Пушкина и съ другихъ сторонъ, какъ видно изъ письма его къ Вяземскому, посланнаго приблизительно недѣлю спустя: «Хотѣлось мнѣ съ тобою поговорить о перемѣнѣ министерства. Что ты объ этомъ ду-

---

[1]) Одинъ изъ этихъ «автографовъ», по нашему мнѣнію, безусловно не Пушкинскій. Ср. въ ист. текста. *Ред.*

[1]) По нашему мнѣнію, не Пушкинскаго. *Ред.*

маешь? Я и радъ, и пѣтъ. Давно девизъ всякаго русскаго есть чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Опозиція Русская, составившаяся, благодаря Русскаго Бога, изъ нашихъ писателей, какихъ бы то ни было, приходила уже въ какое-то нетерпѣніе, которое я изъ подъ тишка поддразнивалъ, ожидая чего-нибудь. А теперь какъ позволятъ Фитѣ Глинкѣ говорить своей любовницѣ, что она божественна, что у ней очи небесныя, и что любовь есть священное чувство, вся эта сволочь опять угомонится, журналы пойдутъ врать своимъ чередомъ, чины своимъ чередомъ, Русь своимъ чередомъ».

Сначала было Пушкинъ нѣсколько сомнѣвался въ судьбѣ «Онѣгина». 29 іюня онъ писалъ Бестужеву: «Онѣгинъ мой растетъ. Да чортъ его напечатаетъ. Я думалъ, что Цензура поумнѣла при Шишковѣ, я вижу, что и при старомъ по старому». «Не знаю, пустятъ ли этого бѣднаго Онѣгина въ небесное царствіе печати»—говорилъ онъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (14 іюля): — «на всякой случай попробую». Но не напрасно постучался Пушкинъ въ цензурныя врата: предъ «Онѣгинымъ» они раскрылись настежь, и поэтъ писалъ Вяземскому (25 января 1825 г.); «не ожидалъ я, чтобъ онъ протерся сквозь Цензуру—честь и слава Шишкову! Знаешь ты мое Второе посланіе Цензору? тамъ между прочимъ»... и Пушкинъ приводитъ девять стиховъ о Шишковѣ, начинающихся словами: «Обдумавъ наконецъ»... «Такъ, — продолжаетъ Пушкинъ,—Арзамасецъ говоритъ нынѣ о дѣлѣ Шиш. tempora altri!» Тутъ же Пушкинъ объясняетъ, что потому и не рѣшился, несмотря на совѣтъ Вяземскаго, прибѣгнуть къ защитѣ Шишкова противъ контрафактора «Кавказскаго Пѣнника» Ольдекопа, что хвалилъ министра въ стихахъ, которые, конечно, не могли не стать извѣстными Шишкову: «въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство. Я же подличалъ благонамѣренно—имѣя въ виду пользу нашей словесности и усмиренье кичливаго Красовскаго». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ концѣ мая или началѣ іюня, Пушкинъ пенялъ Бестужеву: «ты умѣлъ въ 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности, а нынѣшній годъ и спасибо не сказалъ старику Шишкову. Кому же какъ не ему обязаны мы нашимъ оживленіемъ?» Въ юности, подъ вліяніемъ «Арзамаса» и карамзинскаго кружка, Пушкинъ былъ противникомъ Шишкова. Въ его дневникѣ подъ 28 ноября 1815 г. сохранилась ядовитая запись: «Шишковъ и г-жа Бунина увѣнчали недавно князя Шаховскаго лавровымъ вѣнкомъ». Въ посланіи къ дядѣ Василію Львовичу (см. въ I томѣ настоящаго изданія, № 122) онъ называетъ Шишкова Ословымъ. Новыйдя изъ подчиненія кружковымъ вкусамъ и начавъ мыслить и чѣнить самостоятельно, Пушкинъ понялъ общественное и литературное значеніе Шишкова. Въ этомъ отношеніи ему послужилъ примѣромъ самъ Карамзинъ, главный противникъ Шишкова, «котораго онъ просто полюбилъ», по словамъ Пушкина. Впослѣдствіи поэтъ считался съ филологическими работами Шишкова и высоко цѣнилъ ихъ, какъ цѣнилъ и благородную личность литературнаго патріарха, а Шишковъ, въ свою очередь, признавалъ Пушкина; по его предложенію Пушкинъ въ 1832 г. былъ избранъ въ члены Россійской академіи, президентомъ которой былъ Шишковъ. Впрочемъ къ этому учрежденію Пушкинъ относился не слишкомъ уважительно; однажды онъ писалъ М. П. Погодину объ одномъ журналѣ: «онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ—Русской Академіи» (пис. 1 іюля 1828 г.).

Независимо отъ сатирическихъ замѣчаній и эпиграмматическихъ выпадовъ, пьеса представляетъ собою изложенную въ художественно-поэтической формѣ публицистическую статью о цензурѣ и отражаетъ всегдашнее, неизмѣнное отношеніе Пушкина къ этому институту.

Убѣжденіе, которое такъ краснорѣчиво защищалъ Мильтонъ, говоря, что «цензура представляетъ собою злѣйшее насиліе и оскорбленіе», то убѣжденіе, которое такъ горячо исповѣдывалъ Радищевъ, было совершенно чуждо Пушкину. Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ безцензурной литературы. Въ обоихъ «Посланіяхъ къ цензору» (см. во II т. настоящаго изданія, № 347), такъ долго бывшихъ нелегальными, онъ нападалъ только на неразборчиво строгую и безтолково придирчивую цензуру, но въ необходимости самаго института цензуры никогда не сомнѣвался, находя, что «санъ» цензора «священный», что цензоръ—«другъ писателю» «Дайте намъ,— говорилъ онъ (письмо къ Вяземскому 6 февраля 1823 г.),—цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную». Примѣръ «Лондона» его не смущалъ. Онъ думалъ даже объ усиленіи правъ цензуры и въ вѣкъ Бируковыхъ и Красовскихъ, и безъ того не знавшихъ удержу, совѣтовалъ по поводу нападеній журналистовъ-разночинцевъ на журналистовъ-дворянъ: «не худо оградить и сословія, какъ ограждены частныя лица, отъ явныхъ нападеній злонамѣренности». Цензурѣ онъ посвятилъ въ «Мысляхъ на дорогѣ» цѣлую главу («Торжокъ»). Здѣсь онъ опять высказывается противъ «безсмысленной цензуры, даже разсказываетъ очень забавные случаи изъ ея практики, но самую идею цензуры убѣжденно защищаетъ обычными софизмами и даже стоитъ за предварительную цензуру: «законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зло, рѣдко его пресѣкая. Одна цензура можетъ исполнить то и другое». Что Пушкинъ, говоря такъ, желалъ литературѣ только добра, что онъ поступалъ искренно, это видно изъ того, что, заступившись въ 1836 г. за литературу, на которую обрушился членъ Россійской академіи и бездарный писатель М. А. Лобановъ, и горячо защищая ее въ своемъ «Современникѣ», Пушкинъ все-же дѣлилъ «мысли, какъ и дѣйствія, на преступныя и на не подлежащія никакой отвѣтственности» и вѣрилъ, что въ принципѣ «цензура есть вѣрный стражъ благоденствія частнаго и государственнаго», «установленіе благодѣтельное», лишь бы она не становилась учрежденіемъ «притѣснительнымъ», «докучливой нянькой, слѣдующей по пятамъ шаловливыхъ ребятъ». (См. мою ст. «Проза Пушкина» въ «Ист. русс. литературы XIX в.», изд. «Міра», М. 1908 г., I, 415—416).

О Мих. Леонт. Магницкомъ (1788—1855 гг.), членѣ главнаго правленія училищъ и потомъ попечителѣ казанскаго университета, оставившемъ черный слѣдъ въ исторіи русской университетской науки, см. книгу Е. М. Феоктистова «Магницкій», М., 1865, и М. И. Сухомлинова «Очерки изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія» «СПб., 1889, т. I, Дим. Александр. Кавелинъ (1778—1851 гг.) въ качествѣ директора петербургскаго университета, участвовалъ въ извѣстномъ судѣ 1821 г. надъ профессорами, въ числѣ которыхъ

былъ Галичъ (о немъ см. ст. Э. Л. Радлова въ I т. настоящаго изданія); объ этомъ судѣ и о Кавелинѣ см. упомянутый трудъ Сухомлинова, «Чтенія въ Имп. Общ. ист. и древн.» 1866 г., кн. III; записки Вигеля, ч. V; ст. Д. А. Корсакова «Д. Кавелинъ» въ «Вѣстн. Евр.» 1886 г., № 1. Для Пушкина онъ потому былъ «свой», что когда-то участвовалъ въ «Арзамасѣ». «Благочестивая, смиренная душа»—самъ бывшій министръ, кн. А. Н. Голицынъ: о немъ, а также объ его протежэ Н. Н. Бантышѣ-Каменскомъ см. въ I т. настоящаго изданія, № 202.

---

394. КОВАРНОСТЬ.

(т. II, стр. 222).

Бывшій въ рукахъ П. В. Анненкова и впослѣдствіи у Л. Н. Майкова черновикъ этой пьесы находится въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащей академіи наукъ. По словамъ описанія недоступной коллекціи («П. и его современники», IV, 5, № 15), это листокъ грубой, сѣрой бумаги, часть котораго оторвана, такъ что середины пьесы нѣтъ; сохранились только начальные 12 стиховъ и послѣдніе 4; заглавія нѣтъ; въ концѣ дата: «18 окт. 1824. Мих.» (т.-е. Михайловское). Стихотвореніе впервые было напечатано въ «Москов. Вѣстникѣ» 1828 г., ч. VIII, № 6, стр. 136—137, а затѣмъ было включено, подъ 1824 г., Пушкинымъ въ его сборникъ стиховъ, изданный въ 1829 г., ч. I, стр. 196—197. По словамъ Л. Н. Майкова, въ хранящихся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ бумагахъ П. Я. Чаадаева находится отрывокъ изъ «Москов. Вѣстн.» съ этимъ стихотвореніемъ; на немъ помѣчено карандашемъ: «10 іюля 1828». Чаадаевъ и Раевскій были близко знакомы. Оба они прежде служили адъютантами при командирѣ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковѣ.

Бѣлинскій не обратилъ въ своемъ обзорѣ особаго вниманія на «Коварность», которую только упомянулъ въ числѣ лучшихъ, чисто-пушкинскихъ пьесъ. Подробнѣе говорилъ о ней Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочин. П., I, 173—174). Стихотвореніе, по его словамъ, имѣетъ «общее значеніе поэтическаго изображенія человѣка, встрѣтившаго недостатокъ искренности въ своемъ другѣ, поведеніе котораго мучительно подѣйствовало на него. Но поэтъ допускаетъ двоякое предположеніе: или другъ пересталъ считать самого этого человѣка достойнымъ дружбы, обвиняя въ неблагодарности, холодности и малодушіи (ст. 9—11),—и въ такомъ случаѣ онъ готовъ вымолить себѣ прощеніе,—или же поведеніе этого друга есть коварство, преднамѣренная игра его чувствами, безъ малѣйшей любви съ своей стороны,—и въ такомъ случаѣ самъ этотъ другъ достоинъ того недовѣрія, которое вызвалъ своимъ поведеніемъ. Стихотвореніе замѣчательно характеристикой того лица, о которомъ поэтъ, какъ бы третейскій судья, ведетъ рѣчь. Это—душа, жаждущая любви и довѣрія и сама настолько довѣрчивая, что готова обвинить прежде всего—себя. Но чувство говоритъ ему, что дѣйствительно онъ—жертва коварства того, кого считалъ преданнымъ другомъ своимъ,—и читателю становится ясно, что это оскорбленное лицо—самъ поэтъ, который отповѣдью своей, исполненной глубокой скорби, спѣшитъ положить конецъ мучительной двусмысленности отношеній. Эта отповѣдь полна чувства собственнаго достоинства, сдержана въ своемъ негодованіи (ст. 28): потому получила форму рѣчи третьяго лица и остановлена на стихѣ, это негодованіе выражающемъ. Выражена она стихомъ, въ высшей степени гармоническимъ, свободнымъ и пластическимъ (въ изображеніи презрѣнія къ коварному другу, ст. 1—6)». Поливановъ, такимъ образомъ, догадывался, что Пушкинъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ, хотя и думалъ, что «біографическія данныя не объясняютъ повода, по которому было написано это стихотвореніе». Анненковъ, ошибочно причисляя «Коварность» къ произведеніямъ, написаннымъ въ Одессѣ («Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 88), очевидно, зналъ, о комъ и о чемъ говорилъ Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи; это видно изъ сдѣланнаго біографомъ намека: «въ немъ слышится еще отголосокъ лирическихъ пѣсенъ прошлаго года», т.-е. 1823 (см. его изданіе сочин. П., II, 379). Но Анненковъ не все могъ писать, что зналъ, потому что тогда (1855 г.) еще были живы участники исторіи, которая связана съ этой пьесой, и въ ихъ числѣ то лицо, коварство котораго заклеймилъ поэтъ. Это—Александръ Раевскій. На него указываетъ не только преданіе (пользовавшійся показаніями современниковъ П. И. Бартеневъ въ «Русс. Арх.» 1872 г., ст. 1362, прямо говоритъ, что «Коварность» «относится, несомнѣнно, къ А. Н. Раевскому), но цѣлое сплетеніе разныхъ данныхъ біографіи Пушкина.

О роли этого человѣка въ жизни Пушкина мы упоминали выше; см. наши статьи: «П. въ Одессѣ», II томъ, стр. 275—276, 279—280, и «Демонъ», ibid., стр. 618—623. Въ послѣдней мы говорили, что съ высылкой Пушкина изъ Одессы оборвалась прежняя тѣсная связь между поэтомъ и Александромъ Раевскимъ. Вѣроятно, сознавая свою вину передъ Пушкинымъ, павшимъ жертвой подстроенной имъ злой интриги, Раевскій вскорѣ послѣ высылки поэта, 21 августа 1824 г., послалъ ему вполнѣ дружеское и даже сердечное письмо; едва ли Демону приходилось часто писать такія письма: сердечныя изліянія были не въ его духѣ. Въ этомъ письмѣ сквозитъ скрытая боязнь, что Пушкинъ не отвѣтитъ ему: «если послѣ этого перваго письма ты мнѣ не отвѣтишь и не дашь мнѣ твоего адреса, то я не перестану писать тебѣ, надоѣдать тебѣ, пока не заставлю отвѣчать мнѣ, отбросивъ мелочныя опасенія, которымъ нѣтъ мѣста при невинности нашей переписки»... Судя по словамъ Раевскаго въ началѣ письма, что ему пришлось узнать съ трудомъ адресъ Пушкина, надо думать, что поэтъ ему не писалъ раньше: «Ты боишься, говоришь ты, скомпрометтировать меня своей перепиской. Это опасеніе во многихъ отношеніяхъ ребяческое; къ тому же бываютъ случаи, когда такія соображенія въ разсчетъ не идутъ. Да и что можетъ быть компрометирующаго въ нашей перепискѣ? Я никогда не говорилъ съ тобой о политикѣ; ты знаешь, что я не очень-то уважаю политику поэтовъ»... Пушкинъ, конечно, зналъ отношеніе Раевскаго къ политикѣ, когда писалъ, что Демонъ «не вѣрилъ свободѣ», но боялся поставить друга въ непріятное положеніе перепиской съ поднадзорнымъ изгнанникомъ. Раевскій же, можетъ-быть, втайнѣ думалъ, что Пушкинъ не отвѣтитъ ему просто потому, что прямо и круто порветъ съ главнымъ виновникомъ своей высылки. «Коварность» показываетъ, что Пушкинъ при высылкѣ изъ

АЛЕКСАНДРЪ РАЕВСКІЙ ВЪ СТАРОСТИ.

Одессы уже зналъ или вскорѣ узналъ, какъ игралъ имъ его другъ.

Въ «Коварности» мы находимъ не только оцѣнку отношеній Раевскаго къ Пушкину, но и прямой разсказъ о его поступкахъ и объ интригѣ такъ зло и тонко задуманной и проведенной Демономъ. Всего вѣроятнѣе, конечно, что находящаяся въ рукописи помѣта «18 окт. 1824» означаетъ время созданія пьесы, тѣмъ болѣе, что рядомъ обозначено и мѣсто. Но возможно и иное. Не всегда такая помѣта означаетъ, что пьеса была написана въ данный день. Такъ, подъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Герой», восхваляющимъ Николая Павловича, пріѣхавшаго въ Москву, гдѣ свирѣпствовала холера, Пушкинъ приписалъ: «29 сентября 1830 г.»; но это вовсе не дата пьесы, а день пріѣзда царя въ охваченную эпидеміей столицу; пьеса же написана позднѣе. 18 октября 1824 г. князь С. Г. Волконскій писалъ Пушкину: «посылаю я вамъ письмо отъ Мельмота» (такъ прозывали Раевскаго). «Сожалѣю, что самъ не имѣю возможности доставить иное и вамъ подтвердить о тѣхъ сплетняхъ, кои Московскія вертушки»—намекъ, вѣроятно, на бывшую лѣтомъ 1824 г. въ Одессѣ княгиню В. Ѳ. Вяземскую—«вамъ настряпали. Неправильно сказали вы о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничего не благословлялъ; прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы—благородной и неизмѣнной обстоятельствами». Это письмо Раевскаго намъ неизвѣстно, но, судя по стараніямъ Волконскаго «подтвердить о сплетняхъ» и его увѣреніямъ въ дружескихъ чувствахъ Раевскаго, «Демонъ» въ своемъ письмѣ разубѣждалъ Пушкина въ сплетняхъ и просилъ Волконскаго помочь ему повліять на Пушкина и убѣдить его не вѣрить. Но поэтъ, повидимому, былъ твердо увѣренъ въ коварствѣ друга и отвѣтилъ ему «язвительнымъ молчаньемъ» и только излилъ въ стихахъ свою скорбь. Душа Раевскаго была для него уже «нѣмая душа», его ласковыя строки—«пустыя рѣчи». Пушкинъ осудилъ его уже не далъ ему больше «святой власти дружбы», которую онъ употребилъ во зло. Прежняго мѣста Раевскій въ душѣ его уже никогда не занялъ. Какимъ числомъ было помѣчено письмо Раевскаго, мы не знаемъ,—можетъ быть, никакимъ, можетъ быть— тѣмъ же, что и письмо Волконскаго, и подписывая подъ стихотвореніемъ «18 окт. 1824», Пушкинъ могъ нарочно связывать эту помѣту съ датированнымъ этимъ днемъ письмомъ Раевскаго, на которое ему и не хотѣлось и нечего было

отвѣчать. Дѣйствительно, можно думать, что вмѣсто отвѣта на письма Раевскаго Пушкинъ написалъ это стихотвореніе. Другомъ, который «затѣйливо язвилъ пугливое его воображенье и гордую забаву находилъ въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьѣ»,— этимъ другомъ Пушкина могъ быть только Раевскій; кромѣ него, такого темнаго слѣда въ жизни Пушкина, никто не оставилъ. Когда Пушкинъ былъ влюбленъ въ графиню Воронцову, (объ ихъ отношеніяхъ еще будетъ рѣчь въ примѣчаніяхъ къ «Талисману» и «Ангелу», ниже №№ 492 и 414), Раевскій воспользовался имъ какъ прикрытіемъ для себя. Вигель разсказываетъ, что Раевскому «вздохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коихъ одинъ онъ былъ свидѣтелемъ, служили безпрестанной забавой... Онъ самымъ искуснымъ образомъ дурачилъ его»... Эти слова Вигеля повторяютъ сказанное въ приведенныхъ стихахъ Пушкина. «Цѣпь ему накинулъ... и соннаго врагу предалъ со смѣхомъ»...—Словамъ поэта вполнѣ соотвѣтствуетъ разсказъ Вигеля, что Раевскій черезъ барона Франка, въ которомъ многіе, и не безъ основанія, видѣли, какъ говоритъ Вигель (Записки, VI, 91, 122), буффона и наушника, подалъ Воронцову мысль отправить Пушкина въ унизительную командировку, на истребленіе саранчи, и убѣдилъ возмущеннаго Пушкина повиноваться волѣ начальника, а затѣмъ внушилъ поэту написать рѣзкое письмо Воронцову. Когда Пушкинъ узналъ все, когда глаза его раскрылись, когда «онъ прочелъ въ нѣмой душѣ» Демона «все тайное своимъ печальнымъ взоромъ», ему оставалось только отвѣтить на увѣренія въ любви и дружбѣ—«язвительнымъ молчаньемъ» и произнести коварному другу «послѣдній приговоръ».

Отголосокъ этого приговора слышится въ одномъ мѣстѣ извѣстнаго посланія 1825 г. къ лицейскимъ товарищамъ («Роняетъ лѣсъ багровый свой уборъ»...):

Изъ края въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моей печальной и мятежной,
Съ довѣрчивой надеждой прежнихъ лѣтъ,
Друзьямъ инымъ душой предался нѣжной,
Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ,

Могъ ли Пушкинъ не вспоминать Александра Раевскаго, когда съ его пера спадали горестныя строки объ обманувшей дружбѣ!

Подведя этотъ грустный итогъ своимъ отношеніямъ къ Раевскому, Пушкинъ совершенно охладѣлъ къ нему. Но отъ природы Пушкинъ былъ добръ и старался не помнить зла, хотя бы не могъ его забыть. Повидимому, они уже не переписывались послѣ высылки поэта изъ Одессы, но Пушкинъ интересовался Раевскимъ; лѣтомъ 1825 г. онъ писалъ его брату, съ которымъ всегда былъ безоблачно друженъ: «Что дѣлаетъ твой братъ; ты мнѣ о немъ ничего не говоришь въ твоемъ письмѣ; лѣчится ли онъ?» (Переписка П., академич. изд., I, № 184). Когда Александръ Раевскій былъ арестованъ по дѣлу 14 декабря, Пушкинъ встревожился за него и писалъ Дельвигу (въ январѣ 1826 г.): «Мнѣ сказывали, что А. Раевскій подъ арестомъ. Не сомнѣваюсь въ его политической безвинности. Но онъ боленъ ногами, и сырость казематовъ будетъ для него смертельна. Узнай, гдѣ онъ, и успокой меня». Слѣдствіе выяснило полную непричастность Раевскаго къ движенію. Онъ, по словамъ Вигеля, «на друзей конституціи, въ томъ числѣ на зятя своего Орлова, смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ». Пожалуй, Вигель не слишкомъ преувеличиваетъ; это видно изъ разсказа кн. С. Г. Волконскаго (Записки, 1902 г., стр. 410), что Раевскій, «человѣкъ хитрый и осторожный», поставилъ Орлову условіемъ женитьбы на его сестрѣ выходъ изъ тайнаго общества. О томъ же говоритъ и увѣренность Пушкина въ его непричастности къ дѣлу. На допросѣ Николай Павловичъ сказалъ Раевскому: «я знаю, что вы не принадлежите къ тайному обществу; но, имѣя родныхъ и знакомыхъ тамъ, вы все знали и не увѣдомили правительство. Гдѣ же ваша присяга?» Раевскій смѣло и гордо отвѣтилъ: «Государь! Честь дороже присяги; нарушивъ первую, человѣкъ не можетъ существовать, тогда какъ безъ второй онъ можетъ существовать еще». Только глубокое убѣжденіе, что слѣдствію придраться не къ чему, могло придать Раевскому такую смѣлость. Николай предложилъ ему вернуться на службу; Раевскій отказался, но такъ какъ царю хотѣлось показать обществу, что, карая преступниковъ, царская рука изливаетъ щедроты на невинныхъ, онъ велѣлъ выдать Раевскому очистительный аттестатъ, пожаловалъ камергерскій ключъ и опубликовалъ рескриптъ на имя его отца, гдѣ было сказано: «я первый душевно радуюсь, что дѣти столь достойнаго отца совершенно оправдались». Дельвигъ писалъ Пушкину объ обоихъ братьяхъ Раевскихъ: «государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ». Вскорѣ Раевскій вернулся въ Одессу, чтобы быть близъ любимой женщины, и Воронцовъ, который давно уже терпѣть его не могъ, вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, зачислить уже не просто отставного полковника, а камергера въ свои чиновники особыхъ порученій («Архивъ Раевскихъ», I, 293, 396). Романъ черезъ два года кончился скандаломъ. Вигель (надо замѣтить, ненавидѣвшій Раевскаго, что, конечно, нѣсколько ослабляетъ цѣнность его показаній, въ общемъ все-таки достовѣрныхъ), увѣряетъ, что сама графиня «первая потребовала отъ мужа, чтобы ему отказано было отъ дому». Какъ бы то ни было, въ 1828 г. генералъ-губернаторъ послалъ одесскому полиціймейстеру заявленіе, въ которомъ, въ качествѣ частнаго лица, жаловался, что Раевскій, встрѣтивъ графиню на загородной прогулкѣ, преслѣдовалъ ее своими любезностями; начальникъ жаловался подчиненному и при этомъ грозилъ еще обратиться къ высшей власти. Полиціймейстеръ потребовалъ объясненій у Раевскаго, который далъ письменный отзывъ: «Мнѣ весьма прискорбно, что графъ Воронцовъ вмѣшиваетъ полицію въ семейственныя свои дѣла и чрезъ то даетъ имъ столь непріятную гласность. Я покажу болѣе умѣренности и чувства приличія, не распространяясь далѣе о таковомъ предметѣ. Что же касается до донесеній холопій его сіятельства, то оныя совершенно ложны». Тогда Воронцовъ спохватился, сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, и повелъ борьбу иными средствами, уже испытанными надъ Пушкинымъ въ 1824 г. Они подѣйствовали. Раевскій былъ высланъ въ полтавскую деревню. Административная высылка всегда была у насъ одною изъ обычныхъ мѣръ, примѣнявшихся къ непріятнымъ администраціи людямъ, съ которыми законнымъ судомъ ничего нельзя было подѣлать, и Воронцовъ практиковалъ ее

охотно. Въ 1825 г. онъ «посовѣтовалъ уѣхать» изъ Одессы служившему при немъ графу М. Д. Бутурлину, почти мальчику, провинившемуся въ какой-то невинной болтовнѣ о двухъ одесскихъ дамахъ; при этомъ Воронцовъ сказалъ, что ему «надоѣла роль воспитателя юношей» («Русс. Арх.» 1897 г., II, 29). Вѣроятно, это былъ намекъ на Пушкина, котораго А. И. Тургеневъ навязалъ Воронцову для «остепененія». Справиться съ камергеромъ Раевскимъ было, конечно, не такъ легко, какъ съ мальчишкой Бутурлинымъ. Какъ поступилъ тутъ Воронцовъ, объ этомъ говоритъ письмо Раевскаго-отца къ государю: «Несчастная страсть моего сына къ графинѣ Воронцовой вовлекла его въ поступки неблагоразумные, и онъ непростительно виноватъ предъ графинею. Графу Воронцову нужно было удалить моего сына по всей справедливости, что могъ онъ сдѣлать образомъ благороднымъ... Но онъ не разсудилъ сего. Графъ Воронцовъ богатъ, военный генералъ-губернаторъ, можетъ деньгами и другими награжденьями найти кого донесть и присягнуть въ чемъ угодно графу Воронцову... Сынъ мой не въ состояніи говорить, ни мыслить противъ правительства; накажите его за его неблагоразуміе, но не по клеветѣ, на него взнесенной...» («Русс. Стар.» 1885 г., ноябрь, 402—403). Въ черновикѣ этого письма къ царю Раевскій писалъ, что Воронцовъ «на средства неразборчивъ, что уже доказалъ прежде», и при этомъ присвоилъ подъ строкою: «Т.-е. Пушкина исторія» («Вѣстн. Евр.» 1909, февраль, 545). Но жалоба старика, прямо обвинившаго Воронцова въ ложномъ доносѣ, не помогла: Николай Павловичъ не особенновѣрилъ въ благонамѣренность шурина Волконскаго и Орлова. Старику Раевскому Воронцовъ, которому было немного стыдно своего поступка, написалъ, что въ высылкѣ его сына онъ не виноватъ, но что онъ по долгу службы убѣдился въ основательности доноса. Сообщая объ этомъ сыну Николаю, отецъ писалъ: «гр. Воронцовъ, желая отдалить отъ Одессы твоего полусумасшедшаго брата, нашелъ благородный способъ сыскать на него доносчика, будто онъ вольно говоритъ о правительствѣ и военныхъ дѣйствіяхъ... Можетъ быть, эти всѣ дурачества влюбленнаго человѣка онъ дѣлалъ, но предосудительнаго съ его чувствами несходно... Я писалъ къ государю всю истину и въ томъ, что клеветникъ есть графъ Воронцовъ... Между тѣмъ гр. В. потерялъ въ публикѣ жену, себя безвозвратно; всѣ въ Одессѣ знаютъ всю истину» («Щукинск. Сборн.», IV, М., 1905, стр. 296—297; «Русс. Арх.» 1908, I, 315—316; «Вѣстн. Евр.» 1909 г., февр., 544—545). Впрочемъ, въ слѣдующемъ году старика увѣряли, что и государю извѣстна правда: «все состоитъ въ esclandre его исторіи съ Воронцовой». (Щукинск. Сб. IV, 298. «Русс. Арх.», ibid; 317). Скандалъ надѣлалъ немало шуму; о немъ переписывались извѣстные охотники до новостей братья Булгаковы («Русс. Арх.» 1901 г., III, 185, 207; 1903 г., III, 142). Пушкинъ спрашивалъ Вяземскаго (1 сентября 1828 г.) «о происшествіяхъ въ Од. (Ра... и гр. В.)».

Нѣсколько лѣтъ Раевскій прожилъ въ деревнѣ, занимаясь хозяйствомъ и ведя болѣе чѣмъ скромную жизнь. Въ холерный годъ, разсказываетъ біографъ семьи Раевскихъ (М. О. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 74), «онъ сдѣлалъ все возможное, чтобы облегчить бѣдствіе, не жалѣя трудовъ и нимало не думая о себѣ; онъ всегда интересовался медициною. Самоотверженіе, выказанное имъ при этомъ, могло быть обусловлено не столько альтруизмомъ, сколько извѣстнымъ складомъ характера». Въ началѣ тридцатыхъ годовъ его заточеніе кончилось, и онъ поселился въ Москвѣ. Тамъ онъ женился (на Ек. Петр. Княдяковой); сплетникъ Александръ Булгаковъ писалъ своей дочери княгинѣ О. А. Долгорукой («Русс. Арх.» 1906 г., II, 546—548, 550—553, 554) о женитьбѣ «знаменитаго Демона, Сатаны съ Чистыхъ Прудовъ, словомъ Раевскаго»; по разсказу Булгакова, Раевскій сдѣлалъ предложеніе въ такой формѣ: «какое мнѣ дѣло до вашей злобы, до вашего перемѣнчиваго настроенія, хочу, чтобы вы за меня вышли замужъ, вотъ и все». Впрочемъ, сплетнямъ Булгакова нельзя вѣрить. Московскій шутъ С. А. Нелѣдовъ посвятилъ ругательное четверостишіе «Демону» по случаю его женитьбы. Съ женой Раевскій прожилъ недолго; она скоро умерла, оставивъ ему дочь, которую онъ очень любилъ. Обычная иронія никогда не покидала его; близкіе люди знали, что чѣмъ щедрѣе разсыпалъ онъ свои саркастическія замѣчанія, тѣмъ, значитъ, чувствовалъ себя лучше; ихъ обиліе служило показателемъ его хорошаго настроенія» (Гершензонъ, 40). Съ Пушкинымъ онъ встрѣчался рѣдко. Въ дневникѣ поэта записано подъ 1835 г.: «Видѣлъ А. Раевскаго, котораго нашелъ поглупѣвшимъ отъ ревматизмовъ въ головѣ. Можетъ быть, это пройдетъ». Въ послѣднемъ замѣчаніи сквозитъ насмѣшка. Черезъ годъ Пушкинъ опять видался съ Раевскимъ и писалъ женѣ: «Раевскій, который прошлаго разу казался мнѣ немного приглупѣвшимъ, кажется, опять оживился и поумнѣлъ». Онъ надолго пережилъ Пушкина и умеръ въ глубокой старости въ 1868 г., безполезно растративъ свои богатыя душевныя силы. Имя его памятно только по его отношеніямъ къ элтьямъ-декабристамъ и къ Пушкину.

---

395. ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ...

(т. II, стр. 222).

Пьеса дошла до насъ въ двухъ автографахъ. Одинъ изъ нихъ находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 84, и представляетъ собою не черновикъ, а начисто переѣденный текстъ, съ поправкой только въ одномъ словѣ. Другой—на лл. 6—7 извѣстной «каппистовской» тетради, гдѣ Пушкинъ указалъ (въ мартѣ 1825 г.) П. А. Плетневу и брату Льву Сергѣевичу распорядокъ пьесъ въ этомъ изданіи; онъ озаглавленъ: «Подражаніе Андрею Шенье» и датированъ 1824 годомъ («Автографы П-на, принадлежащіе графу П. И. Капписту», сообщ. Л. Н. Майкова, Спб., 1896, стр. 4; см. также Переписку П-на, академич. изд., I, 293). О варіантахъ обѣихъ рукописей см. въ общей статьѣ о текстѣ. Впервые пьеса появилась въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 185—186, а затѣмъ вошла въ сборникъ 1829 г., ч. I, стр. 185—186; въ обоихъ нѣтъ заглавія, но въ оглавленіи означено: «Подражаніе А. Шенье».

Приведемъ самую элегію Шенье въ подлинникѣ:

Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire.
Tu fuis, tu ne ris plus: rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.

Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante,
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah! mon oeil est savant et depuis plus d'un jour,
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer; elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles!
Sois tendre, même faible; on doit l'être un moment;
Fidèle, si tu peux. Mais conte moi comment,
Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans audace,
Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce...
Tu rougis? On dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant. Autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient; et, laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite; et ton oeil, sur sa trace accouru,
Le suit encor longtemps quand il a disparu.
Nul, en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

Пушкинъ нѣсколько сжалъ пьесу Шенье (24 стихамъ французскаго поэта соотвѣтствуютъ 20 стиховъ Пушкина) и, сохраняя близость къ подлиннику, очистилъ ее отъ непріятнаго жеманства, присущаго французскому XVIII вѣку, выбросивъ, между прочимъ, манерную фразу: «Sois tendre»... и т. д. Бѣлинскій отнесъ элегію къ «чисто-пушкинскимъ» стихотвореніямъ, въ которыхъ, въ отличіе отъ «переходныхъ» пьесъ, «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси». Великій критикъ говорилъ: «вглядитесь и вслушайтесь въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства; во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое, крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды». Въ другомъ мѣстѣ своего обзора, приведя всю элегію, Бѣлинскій восхищался ею: «это сама прелесть, сама грація, полная души и нѣжности, страстная и «плѣнительная», выражаясь любимымъ эпитетомъ Пушкина! Ни у какого другого русскаго поэта не найдете вы стихотворенія, въ которомъ бы такъ счастливо сочеталось изящно-гуманное чувство съ пластически-изящной формой». Бѣлинскій, пользовавшійся посмертнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина, гдѣ не было указанія, что элегія - «подражаніе А. Шенье», едва ли зналъ, что стихотвореніе Пушкина—переводъ; но это не умаляетъ значенія словъ великаго критика: вдохновенный переводъ выше подлинника, и нашъ поэтъ, бравшій свое добро всюду, гдѣ находилъ его, умѣлъ геніально претворять чужое въ свое. Этого нельзя сказать о передѣлкѣ Н. М. Языкова: «Ты восхитительна! Ты пышно расцвѣтаешь»... По поводу предположенія одного критика о соотношеніи элегіи съ «Діонеей», 1821 г., см. примѣчанія къ этой пьесѣ (во II т. настоящаго изданія, № 255).

О Шенье и объ отношеніяхъ его къ Пушкину см. тамъ же, примѣчанія къ №№ 227, 253, 256, и въ настоящемъ томѣ, №№ 428, 505, 527 и въ настоящемъ томѣ статью Юрія Веселовскаго

---

396. ЦЫГАНЫ

(т. II, стр. 241).

Черновики «Цыганъ» находятся въ трехъ тетрадяхъ Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ. Начало поэмы записано въ 2369-ой тетради, между черновиками 2-й и 3-ей главъ «Евгенія Онѣгина» (лл. 45 об., 46, 47 об., 48); другія черновыя находятся въ 2370-ой тетради (лл. 3—3 об., 9 об., 10, 24—29 об., 31—31 об.) и 2368-ой (3 об.—15). Въ началѣ первой рукописи (№ 2369, л. 45 об.) нарисованы медвѣдь, шатеръ, женская фигура и набросана программа: «(старикъ), (дѣва), Алеко и Маріанна; (утро, медвѣдь, исповѣдь), (разговоръ), признаніе, убійство, изгнаніе» (слова, стоящія въ скобкахъ, въ подлинникѣ зачеркнуты); на слѣдующей страницѣ нарисованы медвѣдь и два шатра, въ одномъ изъ которыхъ женщина кормитъ грудью ребенка. Поэма начата, судя по рукописямъ, въ Одессѣ, въ концѣ 1823-го или началѣ 1824 г. и окончена, какъ показываютъ согласно двѣ помѣты (№ 2370, л. 27 об., и № 2368, л. 15), въ Михайловскомъ, 10 октября 1824 г. Въ этотъ день Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «сегодня кончилъ я поэму Цыгане»... Однако, надо думать, что полное завершеніе поэмы, 10 октября 1824 г. конченной лишь вчернѣ, относится къ болѣе позднему времени. Въ первой половинѣ февраля 1825 г. поэтъ писалъ брату: «Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните»..., а вскорѣ, 19 февраля, жаловался Вяземскому на одесскаго пріятеля Муханова, который «безъ спросу взялъ у меня начало Цыгановъ и распустилъ его по свѣту. Варваръ! вѣдь это кровь моя, вѣдь это деньги! теперь я долженъ Цыгановъ распечатать, а вовсе не во время». Очевидно, потому—«не во время», что поэма еще не была отдѣлана. Дѣйствительно, въ сентябрѣ онъ писалъ Вяземскому, что «Цыганъ» «не могъ докончить», потому что о поэмѣ много говорили, и авторъ охладѣлъ къ ней. А говорить о ней стали послѣ писемъ Пушкина къ Вяземскому, брату, Рылѣеву, послѣ появленія отрывка изъ нея въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г., т.-е. гораздо позже 10 октября 1824 г. «Послана тебѣ рукопись Цыгановъ, акуратнѣе исправь»,—писалъ Пушкину П. А. Плетневъ 14 апрѣля 1826 г. Въ музейной тетради № 2370, л. 29, находится замѣтка о цыганахъ (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 224), первая половина которой была впервые напечатана Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (III, 544), а вторая—В. Е. Якушкинымъ («Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 9—10). Къ «Цыганамъ», вѣроятно, относится находящееся въ 2368-ой тетради, л. 2, передъ черновикомъ поэмы «Примѣчаніе», впервые опубликованное въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюнь, 534: «Бессарабія, извѣстная къ самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для насъ:

Она Державинымъ воспѣта
И славою русскою полна.

[Отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова она была театромъ нашихъ вѣчныхъ войнъ].

Но до нынѣ область сія намъ извѣстна по ошибочнымъ описаніямъ двухъ или трехъ путешественниковъ. Не знаю, выйдетъ-ли когда-нибудь Историческое и Статистическое описаніе оной, составленное И. П. Липранди, соединяющимъ ученость истинную съ отличными достоинствами военнаго человѣка. Если...». На оборотѣ

слѣдующаго листа той же рукописи записаны эпиграфы, которыми поэтъ хотѣлъ снабдить «Цыганъ»: «Мы люди смирные, дѣвы наши любятъ волю—что тебѣ дѣлать у насъ? Молдавская пѣсня.—Подъ бурей рока твердый камень, въ волненіяхъ страсти—легкій листъ. Кн. Вяземскій» (Сочин. П., изд. Анненкова, III, 545). Ни одинъ изъ нихъ, однако, не былъ взятъ Пушкинымъ; первый предназначался раньше для «Кавказскаго Плѣнника» (см. во II т. настоящаго изданія, стр. 25—26, 564—565).

Въ печати появились сначала отрывки изъ поэмы. Начало ея было напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г.; другой отрывокъ, пѣсня Земфиры, появился въ «Московск. Телеграфѣ» 1825 г., ч. 6, № XXI, стр. 69, съ выноской: «прилагаемъ ноты дикаго напѣва сей пѣсни, слышанаго самимъ поэтомъ въ Бессарабіи»; третій отрывокъ, отъ «Ты любишь насъ, хоть и рожденъ»... до «Цыгана дикаго разсказъ»..., появился въ «Сѣверн. Цвѣтахъ» на 1826 г. Первое полное изданіе поэмы, разрѣшенное къ печати петербургскимъ цензоромъ П. Гаевскимъ, вышло въ 1827 г. въ Москвѣ. Это очень хорошенькая книжечка въ 46 страницъ, превосходно отпечатанная въ лучшей тогдашней типографіи Августа Семена, безъ имени автора и съ указаніемъ на заглавномъ листкѣ: «писано въ 1824 году»; (см. т. II, стр. 223) виньетка, которой украшенъ листокъ, вызвала особое полицейское разслѣдованіе (о немъ см. выше, въ статьѣ «Въ Москвѣ послѣ ссылки» и въ VIII т. сфремовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1905 г., стр. 398—399). Затѣмъ «Цыганы» вошли во II-ую часть «Поэмъ и повѣстей А. Пушкина», 1835 г. Входящихъ въ эпилогъ восьми стиховъ, отъ «За ихъ лѣнивыми толпами»... до «Я имя нѣжное твердилъ»..., Пушкинъ не печаталъ въ виду ихъ интимно-личнаго характера; они вписаны поэтомъ въ принадлежавшій Вяземскому и нынѣ хранящійся въ Имп. Публичной Библіотекѣ экземпляръ изданія 1827 г. и впервые напечатаны, съ незначительными варіантами, въ воспоминаніяхъ брата Пушкина («Москвитянинъ» 1853 г., ч. 3, № 10, май, кн. 2). Анненковъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» 1855 г., стр. 90, разсказываетъ, что въ 1822 г. Пушкинъ «отправился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ въ шатрахъ его и жилъ дикой жизнью кочевого племени. Онъ сохранилъ воспоминаніе объ этомъ путешествіи въ строфѣ эпилога къ «Цыганамъ», не попавшей въ печать»... Братъ поэта прямо говоритъ: «однажды Пушкинъ исчезъ и пропадалъ нѣсколько дней. Дни эти онъ прокочевалъ съ цыганскимъ таборомъ, и это породило впослѣдствіи поэму Цыганы». Тотъ самый И. П. Липранди, объ «истинной учености» котораго Пушкинъ былъ такого высокаго мнѣнія, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1284) говоритъ, что цыганъ Пушкинъ «могъ встрѣтить въ Буджацкихъ степяхъ, которыя впрочемъ рѣдко посѣщаются таборами. Болгарскія и нѣмецкія колоніи имъ враждебны. Цыгане снуютъ болѣе начиная отъ Бендеръ на сѣверъ, и ихъ всегда можно было видѣть около Кишинева. Любимое ихъ расположеніе было за садами малины (такъ называемая виноградная долина въ двухъ верстахъ отъ Кишинева, куда мы часто ѣздили)... Затѣмъ другіе таборы располагались у Рышкановки и у Прункуловой мельницы, также подъ самымъ Кишиневомъ. Но Пушкинъ ихъ могъ очень часто встрѣчать и прежде, нежели былъ въ Бессарабіи, а именно въ поѣздку свою съ Раевскимъ на Кавказъ, въ Новороссійскомъ краѣ: тамъ таборы были часты. Они кочевали отъ береговъ Прута далеко на востокъ. Не думаю, чтобъ Пушкинъ до прибытія своего въ Бессарабію не имѣлъ случая, при своей наблюдательности, изучить ихъ. Пылкое воображеніе и поэтическій даръ создали остальное». Къ области фантазіи нужно отнести всѣ извѣстные разсказы о происхожденіи «Цыганъ»—А. Трегубова «Пушкинъ и Людмила Инглези» («Одесс. Вѣстн.» 1880 г., № 118, и «Отзывы о П—нѣ съ юга Россіи» В. А. Яковлева, Од., 1887); Л. Мацѣевича («Историч. Вѣстн.» 1883 г., май, и сборн. Яковлева, стр. 80); А. О. Смирновой («Сѣверн. Вѣстникъ» 1893 г., кн. 2, стр. 168); Е. Францовой (Киріенко-Волошиновой) («Русс. Обозрѣніе» 1897 г., январь—мартъ; перепеч. въ очень плохой статьѣ Г. Булашева «А. С. П—нъ на югѣ Россіи»—«Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ», изд. Кіевскаго педагогическаго общества, Кіевъ, 1899); З. К. Ралли-Арборе («Минувшіе годы» 1908 г., іюль, 2—3); эти разсказы отличаются другъ отъ друга только извѣстной степенью лживости, но всѣ одинаково вымышлены. Но справедливость сообщеній Л. С. Пушкина и Анненкова нельзя отрицать. Они подтверждаются не только эпилогомъ поэмы, но упоминаніями и въ другихъ мѣстахъ. Въ «Онѣгинѣ» (8, V) поэтъ вспоминалъ о своей юной Музѣ, какъ, «позабывъ столицы дальной и блескъ, и шумные пиры, въ глуши Молдавіи печальной она смиренные шатры племенъ бродящихъ посѣщала, и между ними одичала, и позабыла рѣчь боговъ для скудныхъ, странныхъ языковъ, для пѣсенъ степи ей любезной»... Въ псевдо-переводѣ «съ англійскаго» («Цыганы», 1830 г., см. выше, стр. 81) Пушкинъ привѣтствовалъ случайно встрѣтившійся ему гдѣ-то таборъ теплымъ воспоминаніемъ о своемъ недолгомъ странствіи съ таборомъ бессарабскихъ цыганъ: «Здравствуй, счастливое племя! узнаю твои костры; я бы самъ въ иное время провожалъ сіи шатры... Вы уйдете—но за вами не пойдетъ ужъ вашъ поэтъ. Онъ бродящіе ночлеги и проказы старины позабылъ»... Такимъ образомъ, кочеваніе Пушкина съ цыганами не подлежитъ никакому сомнѣнію; быть можетъ, ближайшимъ motto къ созданію поэмы послужила та цыганская пѣсня, слова которой Пушкинъ хотѣлъ взять эпиграфомъ къ «Цыганамъ».

И. И. Пущинъ, которому въ январѣ 1825 г. Пушкинъ продиктовалъ начало поэмы для «Полярной Звѣзды», былъ, повидимому, первымъ ея читателемъ (см. его «Записки о Пушкинѣ», Спб., 1907, стр. 63). «Пущинъ привезетъ тебѣ отрывокъ изъ моихъ Цыгановъ. Желаю, чтобъ они тебѣ понравились», писалъ онъ Рылѣеву 25 января. Въ тотъ же день онъ писалъ Вяземскому, которому раньше (10 октября) сообщалъ о поэмѣ: «не знаю, что объ ней сказать, она покамѣсть мнѣ опротивѣла, только что кончилъ»:—«я кажется писалъ тебѣ, что мои Цыгане никуда не годятся: не вѣрь, я совралъ, ты будешь ими очень доволенъ». Черезъ нѣсколько дней онъ жаловался А. А. Бестужеву на брата Льва Сергѣевича, «что онъ не сдержалъ своего слова—я не хотѣлъ, чтобъ эта поэма извѣстна была прежде времени; теперь нечего дѣлать—принужденъ ее напечатать, пока не растаскаютъ ее по клочкамъ». Левъ Сергѣевичъ, обладавшій необыкновенной памятью, любилъ читать знакомымъ новыя произведенія брата, который, при малочисленности

тогдашней читающей и покупающей книги публики, видѣлъ въ этомъ серьезный денежный ущербъ. Въ дневникѣ И. И. Козлова (изд. К. Я. Грота, Спб., 1906) записано подъ тремя числами января о чтеніи Л. С. Пушкинымъ «Цыганъ». «Два раза уже слышалъ «Цыганъ» Пушкина и два раза восхищался ими, — писалъ въ февралѣ А. И. Тургеневъ Вяземскому («Остафьевск. Архивъ», III, 99),—не мнѣ одному кажется, что это лучшее его произведеніе. Съ брата, который читаетъ ихъ наизусть, взялъ авторъ честное слово, что онъ списывать ни для кого не будетъ». Но Пушкинъ сердился на брата и за чтеніе поэмы: «я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните» (пис. отъ первой половины февраля). «Отъ Цыганъ всѣ безъ ума»,—писалъ Пушкину Рылѣевъ 25 марта. На одной изъ «субботъ» у Плетнева Левъ Сергѣевичъ опять читалъ поэму, въ присутствіи Рылѣева и Кюхельбекера. «Можешь»,—писалъ Пушкину Рылѣевъ въ первой половинѣ апрѣля,—себѣ представить, что дѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! К а к ъ о н ъ м о л о д ъ и с в ѣ ж ъ! Цыганъ слышалъ я четвертый разъ и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему-нибудь, и нашелъ, что характеръ Алеко нѣсколько униженъ. Зачѣмъ водитъ онъ медвѣдя и сбираетъ вольную дань? Не лучше-ли бъ было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь, почему и зачѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; затѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово: р е к ъ. Кажется, оно несвойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу». Вообще строгій къ Пушкину Николай Раевскій писалъ ему 10 мая: «Твой отрывокъ изъ «Цыганъ», появившійся въ «Полярной Звѣздѣ», — самая живая картина, самаго яркаго колорита, какую мнѣ случилось читать на какомъ-либо языкѣ. Браво, брависсимо!» Восхищался и Жуковскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвалъ: «я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыганъ. Но, милый другъ, какая цѣль! Скажи, чего ты хочешь отъ своего генія? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое?» (пис. отъ второй половины мая). Пушкинъ отвѣчалъ: «ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? вотъ на? Цѣль поэзіи—поэзія»... Поэтъ самъ читалъ ихъ въ Тригорскомъ у Осиповой. «Впервые мы слышали эту чудную поэму», разсказываетъ А. П. Кернъ (см. «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, 1899 г., стр. 242),— и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаевала отъ наслажденія!»... На память объ этомъ чтеніи Пушкинъ впослѣдствіи подарилъ ей экземпляръ «Цыганъ» (ib., 251). 28 іюля поэтъ просилъ брата «продиктовать Цыгановъ для отдачи въ цензуру, покамѣсть не перешлю своего списка». Посылая Вяземскому для «Московск. Телеграфа» пѣснь Земфиры, Пушкинъ писалъ ему: «это очень близкій переводъ, посылаю тебѣ дикій напѣвъ подлинника. Покажи это Вельгорскому — кажется, мотивъ чрезвычайно счастливый. Отдай его Полевому и съ пѣсней», (пис. отъ первой половины сентября). П. А. Катенинъ спрашивалъ Пушкина (пис. 24 ноября): «желалъ бы познакомиться съ Цыганами, о которыхъ чудеса разсказываютъ; отчего ты ихъ не печатаешь?» Вяземскій напоминалъ ему (10 мая): «что ты давно ничего не печатаешь? А Цыгане?» (см. также письмо Вяземскаго отъ 7 іюня 1825 г.). 22 іюня онъ писалъ женѣ: «слышалъ поэму Пушкина «Цыгане». Прелесть и, кажется, выше всего, что онъ доселѣ написалъ» («Остаф. Архивъ», V, вып. I, стр. 47). Плетневъ уговаривалъ Пушкина печатать поэму (письма 29 августа 1825 г. и 27 февраля 1826 г.); на послѣднее письмо Пушкинъ отвѣчалъ (въ началѣ марта): «ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ по крайней мѣрѣ ихъ перепишетъ — а ты пришли рукопись ко мнѣ—я доставлю предисловіе и м. б. примѣчанія—и съ рукъ долой. А то всякой разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн., у меня кровь портится»... 14 апрѣля Плетневъ извѣщалъ его: «послана тебѣ рукопись Цыгановъ. Аккуратнѣе исправь, да поскорѣе пришли, такъ и тиснемъ»... 12 іюня Дельвигъ писалъ Пушкину: «что жъ ты не присылаешь Цыганъ? Мы бы издали ихъ»... Лишь въ декабрѣ поэма прошла цензуру, но печатаніе ея задержалось тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкину велѣно было представлять всѣ свои произведенія на высшее усмотрѣніе; и тамъ къ нимъ отнеслись, впрочемъ, благосклонно (см. выше, статью: «Въ Москвѣ послѣ ссылки»). Продавалась поэма по выходѣ въ свѣтъ не особенно быстро (см. письма Пушкина къ Соболевскому 15 іюля и Плетнева къ Пушкину 22 сентября 1827 г.).

«Цыганы» имѣли шумный успѣхъ. Булгаринъ, тогда еще не бывшій врагомъ Пушкина, говорилъ, что они «выше всѣхъ произведеній европейскихъ музъ» (см. пис. Дельвига къ Пушкину отъ марта 1828 г.) Вяземскій писалъ, что поэма «пока, безъ сомнѣнія, лучшее созданіе Пушкина, по крайней мѣрѣ изъ напечатаннаго... Она составлена изъ отдѣльныхъ явленій, то описательныхъ, то повѣствовательныхъ, то драматическихъ, не хранящихъ математической послѣдовательности, но представляющихъ нравственное развитіе, въ которомъ части соглашены правильно и гармонически... Въ грунтѣ картины изображается таборъ южныхъ цыганъ со всею причудливостью ихъ отличительныхъ красокъ, поэтическою дикостью ихъ обычаевъ и промысловъ и независимостью нравовъ... Два лица выдаются впередъ изъ сей толпы странной и живописной: Земфира, молодая цыганка, и старый отецъ ея. Среди сихъ дѣтей природы независимой и дикой является третье лицо: гражданинъ общества и добровольный изгнанникъ его, недовольный питомецъ образованности, или худо понявшій ее, или неудовлетворенный въ упованіяхъ на ея могущество, однимъ словомъ—прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное... перенесенное изъ общества въ новѣйшую поэзію, а не изъ поэзіи выведенное въ общество, какъ многіе полагаютъ. Любовь къ Земфирѣ, своевольная прелесть, которую находитъ онъ въ независимомъ житьѣ-бытьѣ ихъ сообщества, тягость отъ повинностей образованнаго общежитія, пресыщеніе отъ опостылѣвшихъ ему удовольствій свѣтскихъ, удерживаютъ его при таборѣ и водворяютъ въ новую жизнь. Но укрывшійся отъ общества не укрылся онъ отъ самого себя: съ измѣненіемъ рода жизни не измѣнился онъ нравственно и перенесъ въ новую

стихію страсти свои и страданія, за ними слѣдующія... Недовѣрчивость и самолюбіе возмутили спокойствіе души, на минуту прояснившейся и освобожденной отъ прежнихъ впечатлѣній: ревность и обманутое самолюбіе ввергли его въ преступленіе... Общество, усыновившее пришельца, и отецъ Земфиры удаляются отъ него и, не удовлетворивъ мести, предаютъ его собственнымъ мученіямъ и волѣ Промысла. Вотъ сущность поэмы .. Каждое изъ трехъ лицъ очертано вѣрно кистью мѣткою и широкою. Легкомысленная, своевольная Земфира; отецъ ея, безстрастный равнодушный зритель игры страстей, охлажденный лѣтами и опытами жизни трудной; Алеко непокорный данникъ гражданскихъ обязанностей, но и не безкорыстный въ любви къ независимости, которой предался онъ не послѣ обдуманнаго выбора, не въ ясной тишинѣ мыслей и чувствъ, а также въ порывѣ и раздраженіи страсти...—всѣ они выведены поэтомъ въ подобающемъ имъ очертаніи и свѣтѣ, съ свойственными каждому мнѣніями, рѣчами, движеніями... Вводные стихи о птичкѣ, которые поэтъ съ искусствомъ составилъ по другому размѣру и бросилъ какъ иносказаніе, свойственное поэзіи нашихъ народныхъ пѣсенъ, придаютъ этому отрывку какую-то неопредѣленность, совершенно соотвѣтственную мысли, господствующей въ немъ... По мнѣнію нѣкоторыхъ, эпизодъ Овидія, вставленный въ четвертой сценѣ, не у мѣста и не приличенъ устамъ цыгана. Мы съ этимъ несогласны. Почему преданію объ Овидіи не храниться всенародно въ краю, куда онъ, по всей вѣроятности, былъ сосланъ? Къ тому же брилліантъ высокой цѣны, кажется, вездѣ у мѣста Не хотѣлось бы видѣть, какъ Алеко по селеньямъ водитъ медвѣдя. Этотъ промыселъ, хотя и совершенно въ числѣ принадлежностей молдаванскихъ цыганъ, не имѣетъ въ себѣ ничего поэтическаго. Тутъ уже выходитъ злоупотребленіе мѣстной краски. Понимаемъ, что Алеко сдѣлался цыганомъ изъ любви къ Земфирѣ и изъ ненависти къ обществу, но все не можемъ свыкнуться съ мыслью, что онъ школитъ несчастнаго медвѣдя и наживается боками его. Если непремѣнно нужно ввести Алеко въ совершенный цыганскій бытъ, то лучше предоставить ему барышничать и цыганить лошадьми. Въ этомъ ремеслѣ, хотя и не совершенно безгрѣшнымъ, все есть какое-то удальство и, слѣдственно, поэзія... Сцена извѣстной пѣсни: «Старый мужъ, грозный мужъ», возникающая ревность Алеко и спокойное воспоминаніе о сей пѣснѣ, давно сложенной, старика, который безъ участія, безъ вниманія смотритъ на жестокое, но уже для него непонятное волненіе разыгрывающихся страстей; безчувственность старика, въ которомъ одна только память еще способна принимать впечатлѣнія; ужасная ночная сцена сновидѣній Алеко; тоска и страхъ Земфиры, разговоръ ея съ отцомъ, разговоръ его съ Алеко и кипящія выходки послѣдняго... все это исполнено жизни, силы, вѣрности необычайныхъ. Слѣдуя своему поэтическому crescendo, поэтъ въ послѣдней главѣ превзошелъ себя. Обрядъ погребенія, слова старика, прощающагося съ нимъ: все это дышитъ величественною простотою, истинною, т. е. возвышенною поэзіею»...

Слова: «медленно склонился и съ камня на траву свалился» показались Вяземскому «вялыми». Пушкина это замѣчаніе,—разсказываетъ Вяземскій (Сочин. I, 321—322, 324),—такъ разсердило, что онъ написалъ на Вяземскаго эпиграмму «Проэзанкъ и поэтъ», гдѣ давалъ п р о з а и к у почувствовать, что не ему судить п о э т а. Вѣроятно, къ этому случаю долженъ быть отнесенъ разсказъ Бѣлинскаго, напечатанный еще при жизни Пушкина («Молва» 1836 г., № 8—Сочин. Б., изд. Венгерова, III, 33—34), что «Пушкинъ въ отвѣтъ одному критику, осуждавшему его стихъ изъ «Цыганъ»—«И съ камня на траву свалился», сказалъ: «я долженъ былъ такъ выразиться, я не могъ иначе выразиться»... Нѣсколько такихъ замѣчаній записаны Вяземскимъ на поляхъ хранящагося въ Публичной Библіотекѣ экземпляра «Цыганъ»; они напечатаны П. О. Морозовымъ въ его второмъ изданіи сочиненій Пушкина («Просвѣщ.», III, 628 6-9). Когда графъ М. Ю. Вielьгорскій пѣлъ при Карамзинѣ пѣсню Земфиры («Рѣжь меня, жги меня»...), историкъ не выдержалъ и сказалъ: «какъ можно класть на музыку такіе ужасы, и охота вамъ ихъ пѣть?» (Соч. Вяземскаго, VII, 55).

Подобные отзывы сердили Пушкина. Среди его замѣтокъ сохранилось довольно ядовитое возраженіе критикамъ: «О Цыганахъ одна дама замѣтила, что во всей поэмѣ одинъ только честный человѣкъ, и то—медвѣдь. Покойный Рылѣевъ негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики! Вяземскій повторилъ то же замѣчаніе. Рылѣевъ просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего бы лучше сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio». Онъ сказалъ по поводу этихъ разборовъ Погодину: «Ахъ, какую рецензію написалъ бы я на своихъ Цыганъ!—Онъ, видимо досадовалъ,—прибавляетъ Погодинъ,—что читатели его не понимаютъ, а онъ самъ не можетъ раскрыть имъ свои цѣли» (Л. Майковъ, «Пушкинъ», 349).

»Къ стиху «Не измѣнись,мой нѣжный другъ»... относятся невошедшіе въ поэму четыре стиха. (Румянц. муз. № 2370, л. 3 об., напечат. въ «Рус. Стар.» 1884 г., іюль, 2):

Моей любовью насладись
Въ молчаньи ночи безмятежной,
Приди,—я таю, другъ мой нѣжный.
Не измѣнись, не измѣнись...

О другихъ варіантахъ см. въ исторіи текста.—Вложенное въ уста стараго цыгана сравненіе голоса Овидія съ «шумомъ водъ», быть можетъ, взято поэтомъ изъ Апокалипсиса (XIV, 2): «И слышахъ гласъ съ небесе, яко гласъ водъ многихъ».—Соединенное союзомъ «и» съ опредѣляемыми словами «тоскующія кости» приложеніе «смертью чуждой сей земли неуспокоенные гости» употреблено по смыслу даннаго мѣста въ винительномъ падежѣ; поэту не хотѣлось сказать «гостей», и, согласуя приложеніе съ неодушевленнымъ опредѣляемымъ словомъ «кости», онъ подчинилъ по падежной формѣ приложеніе слову, съ которымъ оно связано.—Изъ различныхъ варіацій цыганской пѣсни о молодомъ любовникѣ и постломъ старомъ мужѣ А. И. Ящимирскій указалъ одну наиболѣе подходящую къ пѣснѣ Земфиры и привелъ ее («Изв. Отд. русс. яз. и словесн. И. Ак. Наукъ» 1899 г., т. IV, кн. I, стр. 302—303) въ такомъ переводѣ: «Жги меня, жарь меня, положи меня на слабый огонь, хоть на угольяхъ жарь меня,—я не назову тебѣ любовника, потому что онъ молоденькій, любимый и хорошенькій. А тебя,

злой мужъ, съ этихъ поръ я больше не хочу; и хотя бы ты и билъ меня до смерти, жегъ бы меня и рѣзалъ на куски,—все же я сдѣлаю, какъ захочу».

Въ вводной статьѣ Вячеслава Иванова къ «Цыганамъ» (т. II, 426) уже указаны главные отзывы современной и позднѣйшей критики о «Цыганахъ». Къ этому можно прибавить, что самый ранній отзывъ Бѣлинскаго о «Цыганахъ», относящійся къ 1835 г., значительно отличается отъ того, что говорилъ великій критикъ о поэмѣ впослѣдствіи; въ немъ, какъ въ зернѣ, заключена мысль, развитая много лѣтъ спустя Достоевскимъ: «смирись, гордый человѣкъ»:—въ «Цыганахъ» «выражена идея, что пока человѣкъ не убьетъ своего эгоизма, своихъ личныхъ страстей, до тѣхъ поръ онъ не найдетъ для себя на землѣ истинной свободы» («Телескопъ» 1835 г., т. XXVII—Сочин. Б—го, изд. Венгерова, II, 285). Въ одной театральной рецензіи 1839 г. Бѣлинскій объясняетъ стараго цыгана какъ «абсолютнаго человѣка въ естественной непосредственности» (Соч. Б., то же изд., IV, 374), а въ знаменитой «бородинской» статьѣ говоритъ объ Алеко, какъ о человѣкѣ, который отторгся отъ общества, олицетворяющаго собою разумную дѣйствительность, и за это «дѣлается призракомъ, кажущимся ничто, и погибаетъ» (ib., 417).

Анненковъ («П—нъ въ Александровскую эпоху», 239—242) видитъ въ «Цыганахъ» свидѣтельство происходившаго въ душѣ Пушкина переворота, а также «высшее и самое пышное цвѣтеніе русскаго романтизма, успѣвшаго овладѣть теперь и поэтически-философской темой... Публикѣ нашей, благодаря знакомству ея съ Руссо и съ Байрономъ, не было новостію противопоставленіе образованнаго человѣка человѣку полудикаго патріархальнаго быта. Совершенной новостію было для нея только то, что сдѣлалъ изъ этого противопоставленія Пушкинъ. Алеко... представлялъ намекъ на очень любопытный типъ. Свободный мыслитель и потому ненавистникъ формъ цивилизаціи, разорвавшій всѣ связи съ обществомъ и его историческимъ положеніемъ, но не уничтожившій въ себѣ самомъ того количества злобы, эгоизма и испорченности, которое они отложили въ его душѣ: таковъ былъ намекъ. Алеко ищетъ успокоенія въ средѣ бѣднаго цыганскаго табора, куда спасается отъ городовъ и столицъ, но вмѣсто того предательски вноситъ къ нему всѣ страсти ихъ, присоединяя еще и кровавое преступленіе. Алеко есть олицетворенная политическая несостоятельность и нравственная пустота при громадныхъ претензіяхъ и сильномъ умственномъ развитіи вотъ что было оригинально и ново въ поэмѣ».

О внѣшней сторонѣ поэмы Проспер Мериме отозвался: «это рядъ эпическихъ отрывковъ и драматическихъ діалоговъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, повидимому безъ строгой связи и по временамъ пересыпанныхъ лирическими отступленіями, а между тѣмъ стихи такъ крѣпко держатся другъ за друга, что ни одного изъ нихъ нельзя выбросить, не нарушивъ общей гармоніи. Все здѣсь чрезвычайно просто и естественно... Вообще «Цыганы», по моему мнѣнію, представляютъ самый точный образецъ поэтической манеры Пушкина. Простота фабулы, искусный выборъ деталей, поражающая трезвость и правда исполненія—вотъ основныя черты этой поэмы. Невозможно выразить по-французски всю сжатость пушкинскаго стиха. Образы у него только намѣчены, а не развиты, и съ чисто греческимъ искусствомъ онъ направляетъ на ту или другую подробность вниманіе читателя». (см. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1868 г., № 25; 1874 г., № 160 [зам. П. Вейнберга]; «Русск. Курьеръ» 1880 г., № 172).

Помимо того внутренняго прогресса, который привелъ Пушкина къ побѣдѣ надъ романтическими вѣяніями, «Цыганы» знаменуютъ собою поворотный пунктъ въ техническомъ усовершенствованіи Пушкина, какъ художника. Онъ говорилъ: «только съ «Цыганъ» почувствовалъ я въ себѣ призваніе къ драмѣ» (Анненковъ, «П. въ Александр. эп., 242). Діалоги, внѣшнія ремарки (въ прозѣ и въ скобкахъ), внутреннія ремарки (вродѣ—«Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ вокругъ безмолвнаго шатра»... или «Прошло два лѣта»...), быстрая смѣна дѣйствій (такое же построеніе наблюдается и въ «Полтавѣ»)—все указываетъ на назрѣвшее стремленіе къ драмѣ. «Цыганы» еще не были совсѣмъ отдѣланы, когда поэтъ началъ «Годунова».

Образъ Алеко связанъ по контрасту съ другимъ образомъ пушкинской поэзіи—Газитомъ («Галубъ»). Пушкина всю жизнь занимала роковая мысль объ отношеніи личности къ міру. Въ «Галубѣ» онъ слегка приподнялъ завѣсу надъ этой проблемой. Намъ видно, къ чему шелъ поэтъ, но дойти до конца онъ не успѣлъ.

397. ПРИВѢТЪ АЛЕКО СЫНУ

(т. II, стр. 250).

Черновые наброски этихъ стиховъ, не вошедшихъ въ «Цыганы», находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея № 2370, л. 50 об., и № 2368, лл. 15 об.—16 об.; въ послѣдней рукописи текстъ полнѣе; онъ и воспроизведенъ въ настоящемъ изданіи. Впервые упомянулъ о нихъ Анненковъ въ примѣчаніяхъ къ «Цыганамъ» (см. его изданіе сочиненій Пушкина, III, 544): «въ черновой рукописи Пушкина есть нѣсколько строфъ, вложенныхъ имъ въ уста Алеко, когда тотъ задумывается надъ колыбелью собственнаго сына, рожденнаго ему Земфирой, но строфы эти не обдѣланы и выпущены самимъ авторомъ». Напечаталъ ихъ Анненковъ въ дополнительномъ томѣ своего изданія (VII, 69—70), подъ заглавіемъ «Пропущенное мѣсто въ поэмѣ Цыганы» и съ помѣтой «1824», хотя рукописи даютъ основаніе отнести наброски и къ 1825 году. Два четверостишія («Зато безпеченъ, здравъ и воленъ...» и «Отъ общества, быть можетъ, я...») появились въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 535. Стихи: «О, сколько ѣдкихъ угрызеній...» и проч. напечатаны впервые въ настоящемъ изданіи. Не трудно указать мѣсто въ поэмѣ, куда Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ вставить эти стихи—вѣроятно, послѣ словъ: «Старикъ уснулъ, и все въ покоѣ... Въ шатрѣ и тихо и темно»...

Въ обращеніи Алеко къ сыну повторена одна изъ основныхъ мыслей «Цыганъ»—мысль о несовмѣстимости естественной свободы съ городской цивилизаціей, о преимуществѣ «простыхъ пороковъ» передъ «образованнымъ развратомъ». Еще рѣзче выражена эта мысль въ стихахъ «Къ морю»—«гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ иль просвѣщенье, иль тиранъ»...

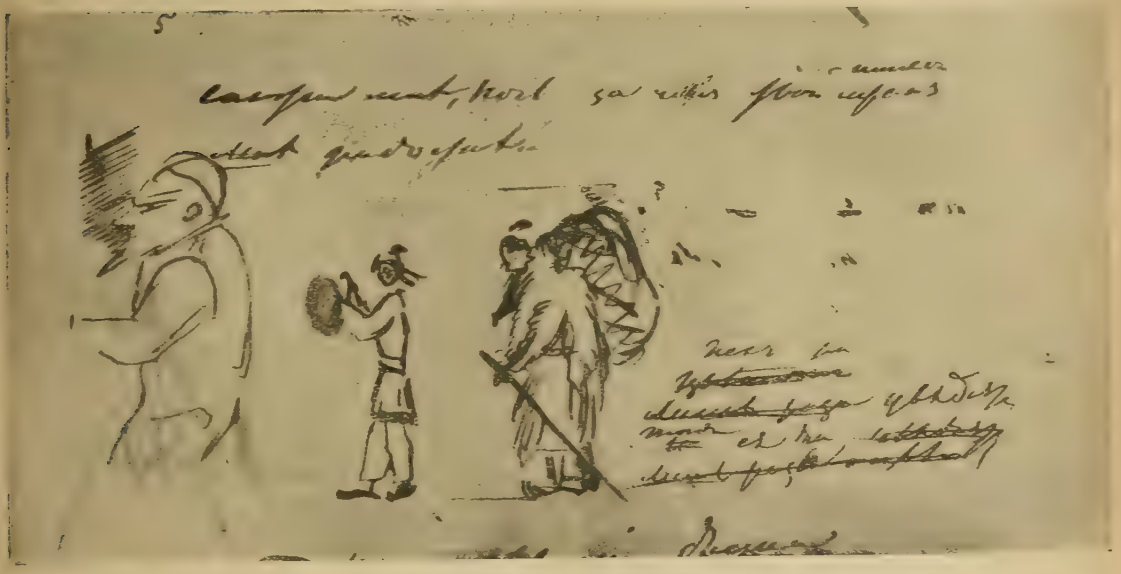
398. ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

(т. II, стр. 251).

Черновики «Подражаній Корану» находятся въ двухъ тетрадяхъ московскаго Румянцовскаго музея—№ 2367, лл. 28 об.—29 (III), 29 об. (IV),

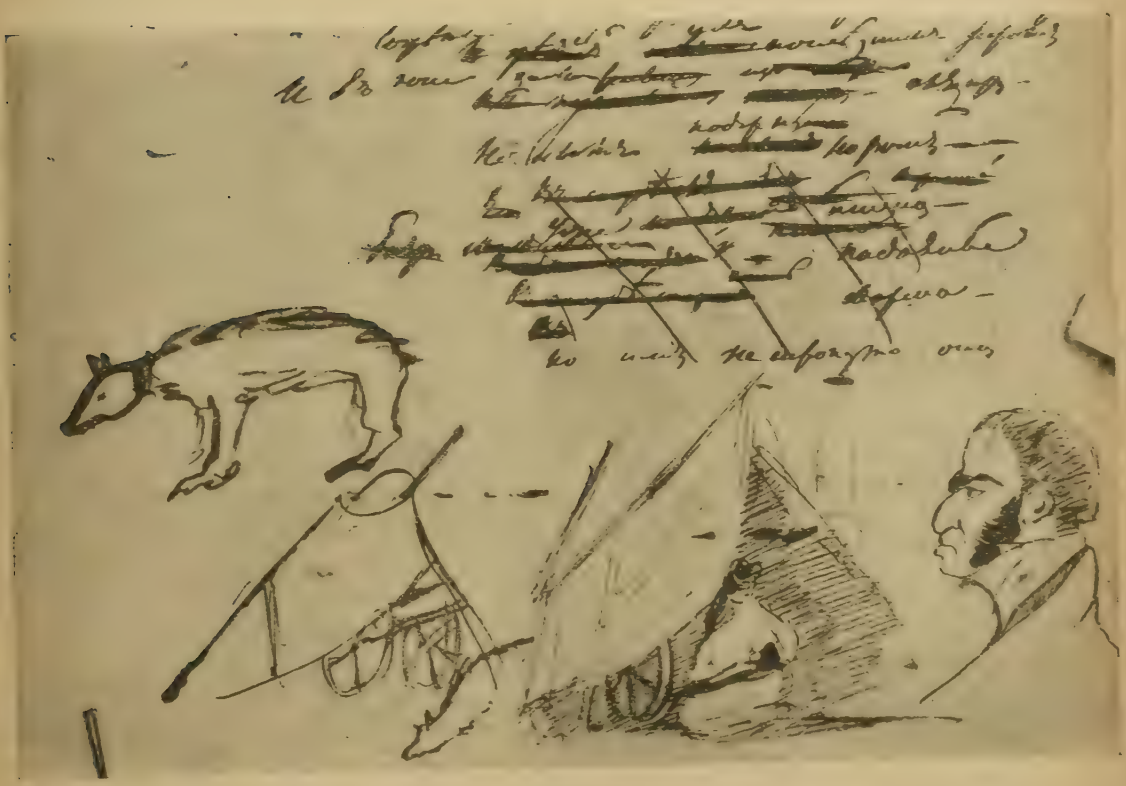
РИСУНКИ ПУШКИНА ВЪ ЧЕРНОВИКАХЪ «ЦЫГАНЪ».

I.



Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2370, листъ 56.
Воспроизводится впервые.

II.



Изъ тетради Румянцевскаго музея № 2369, листъ 46.
Воспроизводится впервые.

32 (V), и № 2370, лл. 9 (II), 13 (I), 18 об. (III), 19 (VI), 20 (IV), 22 (V), 35 об.—36, 37 об. (VI и VII), 38 об. (VIII), 39—39 об. (IX). Впервые въ печати появилось IV-ое подражаніе—въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1826 г. Всѣ подражанія были напечатаны въ сборникѣ стихотвореній Пушкина, изд. 1826 г., стр. 175 сл., съ посвященіемъ П. А. Осиповой; затѣмъ они вошли, съ нѣкоторыми поправками и съ обозначеніемъ не всего имени, а только инціаловъ Осиповой, въ сборникъ1829 г., ч. I, стр. 203—220. О немногочисленныхъ варіантахъ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Здѣсь «Подражанія» воспроизведены въ окончательной пушкинской редакціи, по изданію 1829 г.

Судя по рукописямъ, «Подражанія» написаны въ 1824 г. и, можетъ быть, закончены даже въ началѣ 1825 г., когда поэтъ находился въ Михайловскомъ; этимъ годомъ Пушкинъ и самъ помѣчалъ ихъ. Можно думать, что еще въ Одессѣ Пушкинъ читалъ «Коранъ» и уже подумывалъ писать «Подражанія»; 14 іюня 1824 г. онъ писалъ Вяземскому: «съ другой стороны деньги, Онѣгинъ, святая заповѣдь Корана — вообще мой эгоизмъ»... Трудно, впрочемъ, положительно рѣшить, что Пушкинъ въ этихъ неясныхъ словахъ говоритъ о «Подражаніяхъ». Уже несомнѣнно намекая на нихъ—онъ писалъ брату въ началѣ ноября: «и тружусь во славу Корана и написалъ еще кое-что». Рылѣевъ, слышавшій ихъ изъ устъ Льва Сергѣевича на одной изъ обычныхъ субботъ у Плетнева, писалъ Пушкину въ первой половинѣ апрѣля 1825 г.: «нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній... прелестны, особенно отрывки изъ Алкорана»... Вскорѣ (12 мая) онъ убѣждалъ Пушкина не подражать Байрону «ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета». Поэту И. И. Козлову «Подражанія», какъ писалъ онъ Пушкину (31 мая), «вскружили голову». Во время работы надъ ними Пушкина такъ занимали образы Корана, что онъ въ шутку сравнивалъ въ одномъ письмѣ (къ Вяземскому, 29 ноября 1824 г.) свои невольныя кочеванія съ бѣгствомъ Магомета изъ Мекки въ Медину, а рукопись своихъ стиховъ величалъ Кораномъ.

Томаса Мура, «чопорнаго подражателя безобразному восточному воображенію» (письмо къ Вяземскому, 2 января 1822 г.), Пушкинъ не любилъ за то, «что онъ черезчуръ уже восточенъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ упоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ Европейца» (письмо къ нему же въ апрѣлѣ 1825 г.). Нашъ поэтъ не только вполнѣ послѣдовалъ этому правилу въ «Подражаніяхъ Корану», но болѣе того—далъ въ нихъ высшій образецъ глубокой религіозной и исторической интуиціи. Геніальная способность Пушкина «перевоплощаться» въ людей давно отжившихъ вѣковъ и сошедшихъ съ жизненной сцены народовъ ни въ какомъ другомъ произведеніи его не получила такого блестящаго проявленія. Другой великій лирикъ, обладавшій тѣмъ же даромъ, Генрихъ Гейне, наблюдая его въ себѣ, опредѣлилъ его такъ: «поэту во время творчества кажется, будто онъ, по пиѳагорейскому ученію о переселеніи душъ, уже жилъ другою жизнью въ самыхъ различныхъ образахъ,—его интуиція есть какъ бы воспоминаніе». Но истинный талантъ и переносясь въ другія эпохи, въ другіе народы—не перестаетъ быть человѣкомъ своего времени, своей почвы и не разрушаетъ живой связи съ современностью, и эта связь даетъ ему возможность не впадать въ простую подражательность и творить для настоящаго и для грядущаго.

Отношеніе Пушкина къ великой книгѣ Магомета было сложное. Если онъ и видѣлъ въ ней дѣйствительно «собраніе новой лжи и старыхъ басенъ» (слова эти могли быть написаны и «страха іудейска ради», т.-е. изъ цензурныхъ опасеній), то, съ другой стороны, онъ признавалъ, что «въ Коранѣ много истинъ здравыхъ» (см. выше, стр. 326), и его не могли не поражать «многія нравственныя истины, изложенныя сильнымъ и поэтическимъ образомъ», не считающаяся съ «физикой» «смѣлая поэзія», религіозная «ревность Араба». Съ Кораномъ Пушкинъ могъ познакомиться по различнымъ переводамъ—двумъ русскимъ (съ французскаго—М. Веревкина, 1790 г., и съ англійскаго—А. Колмакова, 1792 г.), англійскимъ и французскимъ—Ryer и Savary, послѣднее предшествующее «Подражаніямъ» изданіе котораго, съ комментаріями, вышло въ 1821 г. Изъ этихъ девяти «Подражаній» нѣкоторыя (II, IV, IX), передающія цѣльныя повѣствованія, разсказанныя въ «Коранѣ», могутъ быть названы переложеніями, остальныя же—въ настоящемъ смыслѣ слова «вольныя подражанія», варіаціи на темы изъ Корана, краски для которыхъ взяты изъ Корана же. Отбросивъ и «новую ложь», и «старыя басни», и «странные риторическіе обороты», весь чуждый европейскому духу и вкусу арсеналъ незнающихъ удержу восточныхъ гипербол и аллегорій, поэтъ выдѣлилъ изъ Корана лучшее и вѣчное въ немъ—высшую нравственную истину, жаръ божественной любви и вѣры, дающей могучую дѣйственную силу и поэтическій пафосъ заключенному въ Коранѣ исповѣданію ислама. Поэтъ, въ сердцѣ котораго нашелся откликъ на пуритански-бѣдно, скудно, безцвѣтно выраженную вѣру Беніана (см. «Странникъ» 1834 г.), не могъ не отозваться всей силой душевнаго сочувствія на яркую красочность Корана и жгучее, необборное порываніе пророка къ своему Богу. Пушкину нельзя было не полюбить вдохновенную, причудливую книгу мысли и поэзіи, и Магометъ сталъ ему «любезенъ», какъ выразился Рылѣевъ, и поэтъ создалъ свой «хвалебный гимнъ Отцу міровъ». «Если вчитаться во всѣ 114 главъ Корана, называемыхъ сурами»,—говоритъ одинъ изслѣдователь (Холмогоровъ, въ «Очеркѣ исторіи арабской литературы», «Всеобщая литература», подъ ред. В. Корша, т. II, ч. I, стр. 291),—«то нельзя не замѣтить частыхъ повтореній одного и того же, однихъ и тѣхъ же словъ, какой-то нестройности, разбросанности мыслей—какъ бы отрывочныхъ импровизацій, особенно въ послѣднихъ главахъ, большею частію напоминающихъ риѳмованную прозу, которую такъ любятъ арабскіе разсказчики и романисты, и которая такъ легко удерживается въ памяти, за рѣдкостью письменъ. Темами для большей части суръ служили различныя случайныя обстоятельства: споры, выигранное сраженіе, дѣлежъ добычи, семейныя происшествія и т. п.; но изъ каждаго частнаго событія Магометъ выводилъ соотвѣтственное нравоученіе, становившееся закономъ, или примѣнялъ къ настоящему уже слышанные имъ разсказы, припоминалъ такіе же случаи, бывшіе въ старину: откуда впослѣдствіи возникла темнота, запутанность въ нѣкоторыхъ главахъ Алкорана... Часто Алкоранъ блистаетъ высокими мыслями

ветхаго и новаго завѣтовъ... Каждый стихъ Алкорана мусульмане называютъ чудомъ (áетъ), и языкъ этой книги считается образцовымъ относительно арабизма, а между тѣмъ Магометъ выставляетъ себя неграмотнымъ, выучившимся читать уже впослѣдствіи у архангела Гавріила... Магометъ является поэтомъ именно тамъ, гдѣ онъ гремитъ угрозами противъ невѣрныхъ; здѣсь его поэтическія картины быстро смѣняются одна другою: наблюдателю представляются то разверстое небо и солнце, свивающееся на подобіе пелены въ день страшнаго суда, то горы, убѣгающія вдаль, словно полуденное марево, то мученія грѣшныхъ, напитанныхъ плодами адскаго дерева, напоенныхъ кипящею водою и вновь жаждущихъ жаждою истомленнаго верблюда. И Магометъ клянется въ непреложности своихъ словъ смоковницей и оливой, Меккой и Синаемъ, небомъ и звѣздою, утренней зарей и священными ночами, землею и всѣмъ, что на ней живетъ, конями, которые мчатся въ битву, выбивая копытами искры, предвѣчною тростью (для письма) и всѣмъ, что ею написано».

Насколько чужды европейцу и духъ и, форма Корана, можно видѣть изъ разныхъ мнѣній о немъ. «Коранъ», — говоритъ Н. Н. Страховъ («Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ», изд. 2-ое, стр 47—52),—есть книга очень загадочная, очень трудная для оцѣнки. Ея содержаніе, повидимому, незначительно; такъ можно судить отчасти уже потому, что она вообще мало занимаетъ европейскихъ читателей. Между тѣмъ, она, очевидно, способна производить на людей сильное дѣйствіе, и въ настоящую минуту духъ этой книги совершаетъ большія завоеванія въ Индіи и Китаѣ, побѣждаетъ тамъ древнѣйшія религіи человѣчества, среди которыхъ христіанство дѣлало лишь слабые успѣхи. Шопенгауэръ, философъ, умѣющій такъ глубоко понимать всѣ религіозныя явленія, съ недоумѣніемъ смотритъ на силу Корана и отзывается о немъ очень рѣзко. «Эта плохая книга», говоритъ онъ, «была достаточна, чтобы основать міровую религію, удовлетворять вотъ уже 1200 лѣтъ метафизической потребности безчисленныхъ милліоновъ людей, сдѣлаться основою ихъ морали и значительнаго презрѣнія къ смерти, а также одушевить ихъ на кровавыя войны и обширнѣйшія завоеванія. Мы находимъ въ ней плачевнѣйшій и скуднѣйшій видъ теизма. Многое въ ней, можетъ быть, теряется отъ перевода; но я не могъ въ ней открыть ни единой цѣпной мысли». Сами арабы, какъ упоминаетъ Ренанъ, утверждаютъ, что главная сила Корана заключается въ его поэтическомъ достоинствѣ, и притомъ не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ, въ такомъ удивительномъ теченіи рѣчи, что даже они, привыкшіе ко всякимъ стихотворнымъ тонкостямъ, не могли устоять противъ очарованія этой прозы. Не любопытно ли послѣ этого взглянуть, что же сдѣлалъ Пушкинъ въ своихъ подражаніяхъ? Извѣстно, какъ обыкновенно дѣлаются подражанія восточному; европеецъ беретъ кой-какія чужія краски и даже мысли, но располагаетъ и развиваетъ ихъ по своему, по-европейски. Пушкинъ же съ своею невѣроятною гибкостію старался уловить весь складъ Корана, весь безпорядокъ, всю быстроту и силу переходовъ, и даже то, что онъ въ другомъ мѣстѣ называетъ какою то восточною безсмыслицею, имѣющею свое поэтическое достоинство (Путешествіе въ Арзрумъ)... Смѣшеніе чувственности съ религіозными движеніями души, быстрые порывы и переходы чувствъ, немногосложная, но сверкающая фантазія, и при всемъ этомъ полнѣйшая музыкальность, волшебное теченіе рѣчи— таковъ характеръ Корана, какъ онъ уловленъ Пушкинымъ. Мы сомнѣваемся, чтобы у какого-нибудь другого европейскаго поэта были стихотворенія въ такой степени восточныя. А прекрасны они въ первой степени».

Къ числу «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ», отнесъ Бѣлинскій «Подражанія Корану», «вполнѣ передающія духъ исламизма и красоты арабской поэзіи— блестящій алмазъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина!»—совершенное доказательство «разнообразія поэзіи Пушкина, его удивительной способности легко и свободно переноситься въ самыя противоположныя сферы жизни. Въ этомъ отношеніи... Пушкинъ напоминаетъ Шекспира». Тургеневъ однажды писалъ С. Т. Аксакову: «давно вы не читали Восточныхъ Стихотвореній Пушкина? Перечтите ихъ—я отъ нихъ безумствую» («Вѣстн. Евр.» 1894, февр., 480).

Н. И. Черняевъ, по мнѣнію котораго Коранъ привелъ Пушкина къ изученію Библіи и созданію образа «Пророка» (объ этомъ см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ № 478) въ своемъ изслѣдованіи «Пророкъ Пушкина въ связи съ его же Подражаніями Корану» («Русское Обозрѣніе» 1897 г. и отд., М., 1898) говоритъ (стр. 53—55): «Ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ ничего подобнаго пушкинскимъ «Подражаніямъ Корану». Въ нихъ отразился весь Исламъ, съ его чувственностью, съ его воинственнымъ пыломъ, съ его космогоніей, легендами, мистикой и моралью. Кто вчитается и вдумается въ «Подражанія Корану», тотъ уже не встрѣтитъ въ немъ ничего новаго для себя и будетъ имѣть ключь къ разгадкѣ и вѣрному пониманію священной для всего мусульманскаго міра книги. Всѣ девять подражаній составляютъ одно стройное, гармоническое цѣлое, несмотря на полную самостоятельность каждаго изъ нихъ. Они находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу и такъ же тѣсно связаны между собой, какъ отдѣльныя части музыкальной симфоніи или сюиты. Пушкинъ хотѣлъ передать въ нихъ то впечатлѣніе, какое производилъ на него Коранъ, и написалъ столько подражаній, сколько нужно было, чтобы возсоздать его духъ, языкъ и поэзію. Пушкинъ блистательно справился со своей задачею. Онъ раскрылъ передъ нами не только тѣ стороны Ислама, въ которыхъ заключается все его обаяніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, далъ намъ возможность заглянуть и въ сердце Магомета и понять этого необыкновеннаго человѣка, доселѣ возбуждающаго столько споровъ между историками. Въ «Подражаніяхъ Корану» нравственный обликъ Магомета выступаетъ ясно и рельефно, изваянный рукою великаго мастера. Создавая «Подражанія Корану», Пушкинъ не былъ его переводчикомъ и не заботился о точномъ воспроизведеніи своего оригинала и образца... Риѳмованную прозу Магомета онъ замѣнилъ риѳмованными стихами; поэтическіе образы Корана онъ дополнялъ мусульманскими преданіями и то сгущалъ краски «Несомнѣнной книги» и усиливалъ ея и безъ того сильный языкъ, то смягчалъ его оттѣнкомъ нѣжности и скорби. Но, дѣлая тѣ или другія отступленія отъ подлинника, соединяя въ одно стройное цѣлое изреченія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ Корана, придавая

поразительную красоту поэтическимъ намекамъ Корана, Пушкинъ имѣлъ въ виду только одну цѣль—воспроизвести его пафосъ и ту чисто-арабскую поэзію, которою дышетъ Коранъ. Читая «Подражанія Корану», вы чувствуете, что имѣете дѣло съ пророкомъ, порожденнымъ Аравіей. «Подражанія Корану» запечатлѣны яркимъ воображеніемъ, живостью и мощью впечатлѣній, смѣлостью поэтическихъ образовъ, неотразимой прелестью стиха, пламеннымъ воодушевленіемъ и чисто-восточной страстностью... Прекрасно оттѣнивъ красоту Корана, Пушкинъ не счелъ нужнымъ подчеркивать его безпорядочное изложеніе, отсутствіе стройности, обиліе темныхъ мѣстъ, несообразностей, повтореній, противорѣчій и искаженныхъ пересказовъ библейскаго текста. Поэтъ, очевидно, имѣлъ въ виду не тотъ Коранъ, который теперь существуетъ, не Коранъ, испорченный вставками и безсвязными записями учениковъ и приближенныхъ Магомета, а тотъ Коранъ, который проповѣдывалъ основатель Ислама. Пушкинъ былъ высокаго мнѣнія о Магометѣ, считалъ его крупнымъ поэтомъ и геніальнымъ человѣкомъ и, судя по всему, не допускалъ мысли, чтобы Магометъ говорилъ все то, что внесено въ Коранъ и что иногда носитъ отпечатокъ заурядныхъ головъ и отнюдь не богато одаренныхъ натуръ. Короче сказать, на «Подражанія Корану» слѣдуетъ смотрѣть, какъ на поэтическую реставрацію проповѣди Магомета, свободной отъ послѣдующихъ наслоеній и подмѣсей».

Подробному анализу «Подражаній» посвятили немало страницъ Н. И. Черняевъ въ цитированномъ выше изслѣдованіи и Л. Поливановъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 128—141). Поливановъ обстоятельно опредѣлилъ связь «Подражаній» съ ихъ первоисточникомъ—Кораномъ, пролилъ свѣтъ на процессъ пушкинскаго творчества и указалъ у Пушкина какъ несомнѣнныя, такъ и возможныя заимствованія изъ подлинника, а Черняевъ далъ нѣкоторыя дополненія и поправки къ работѣ Поливанова и, между прочимъ, показалъ связь «Подражаній» не только съ Кораномъ, но и съ мусульманскими преданіями. Пользуясь этими указаніями, а также замѣчаніями Страхова и другихъ критиковъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ частей поэтическаго цикла.

I.

Первое «Подражаніе» представляетъ собою поэтическую обработку 93-й суры Корана, данной Магомету Аллахомъ послѣ долгаго перерыва общенія божества съ пророкомъ и читающейся такъ: «Клянусь утреннимъ солнечнымъ блескомъ, клянусь ночью, когда она темнѣетъ,—Господь не оставилъ тебя и не презрѣлъ; будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя, и ты будешь доволенъ. Не сиротой ли Онъ нашелъ тебя и пріютилъ? Не блуждающимъ ли Онъ нашелъ тебя и на прямой путь поставилъ? Онъ нашелъ тебя бѣднымъ—и обогатилъ. А потому сироты не притѣсняй, нищаго отъ себя крикомъ не отгоняй, но благость Господа твоего имъ проявляй!» Поэтъ распространилъ клятвенную формулу Аллаха и увеличилъ перечисленіе благодѣяній, оказанныхъ пророку, заимствуя формы первыхъ и примѣры вторыхъ изъ разныхъ мѣстъ Корана. Клятва «утренней звѣздой» соотвѣтствуетъ клятвѣ звѣздою вечернею въ LIII, 1 Корана и звѣздою ночною въ LXXXVI, 1 клятва; зарею въ вариантѣ изданія 1826 г. («Клянуся утренней з а р е й») заимствована изъ LXXXIX, 1 Корана. Изъ слѣдующаго стиха той же главы взята клятва «четой и нечетой». Антитеза утренней звѣзды съ вечернею молитвою у Пушкина самостоятельная, но въ духѣ Корана: въ немъ встрѣчается сопоставленіе дня и ночи (XCII, 1 и 2), утра и ночи (XCIII, 1 и 2); неожиданность сопоставленія звѣзды съ молитвою также въ характерѣ Корана, гдѣ встрѣчаемъ въ клятвахъ же сопоставленіе смоковницы и маслины съ Синаемъ и Меккой (XCV, 1—3). Соединеніе нѣсколькихъ клятвъ сряду, какъ то сдѣлано Пушкинымъ, также встрѣчается въ Коранѣ и не превышаетъ восьми сопоставленій (напр., въ XCI, 1—9). «Въ клятвѣ Аллаха,—замѣчаетъ Страховъ,—есть какая-то загадочность и разнородность предметовъ, игра словъ (у т р е н н е й—в е ч е р н е ю) и въ то же время странная сила и гармонія. Лермонтовъ плѣнился этими стихами, и въ его «Демонѣ» тоже есть клятва, даже гораздо длиннѣе. Но какая разница! Все очень краснорѣчиво, но вмѣстѣ совершенно блѣдно и холодно; демонъ дѣлаетъ правильныя антитезы, логически переходитъ отъ одной мысли къ другой, почти пускается въ разсказъ; порыва, загадочности, страсти нѣтъ нисколько. Взятъ восточный оборотъ рѣчи, но лишенъ всего характернаго». О другихъ клятвахъ Корана см. выноску самого Пушкина и вышеприведенную характеристику Холмогорова, а о клятвѣ какъ литературномъ пріемѣ—замѣтку Н. Ѳ. Сумцова въ «Харьковск. универс. сборн. въ память П—на», 1900, стр. 99—100.

Вторая строфа объясняется 40-мъ стихомъ 9-й суры, разсказывающей, какъ гонимые невѣрными Магометъ и Абу-Бекръ скрылись въ пещерѣ; къ ихъ убѣжищу уже подходили враги, когда внезапно передъ входомъ выросла акація, въ вѣтвяхъ которой голубка свила гнѣздо и снесла яйца, а паукъ обвилъ дерево паутиной; увидѣвъ, что голубка сидитъ на яйцахъ, а паутина неповреждена, преслѣдователи рѣшили, что въ пещеру никто не могъ войти, и бросились по ложному слѣду. Первыхъ два стиха третьей строфы объясняются 11-мъ стихомъ 8-й суры: «Вотъ Онъ въ знаменіе своего покровительства осѣнилъ васъ сномъ, ниспослалъ вамъ съ неба воду, чтобы ею очистить васъ и удалить отъ васъ осквернение сатаны, чтобы ободрить сердца ваши и утвердить стопы ваши». Быть можетъ, Пушкинъ намекалъ здѣсь даже не на этотъ стихъ Корана, а на другое преданіе,—какъ однажды въ дорогѣ между Мединой и Дамаскомъ Магометъ едва могъ зачерпнуть ковшъ воды изъ пересыхающаго ручья, но, выливъ ее обратно, превратилъ ее въ обильный источникъ, напоившій цѣлое войско. «Конецъ стихотворенія у Пушкина—говоритъ Страховъ,—представляетъ также удивительную черту: быстрое, яркое противорѣчіе, которое вполнѣ выражаетъ быстроту душевныхъ движеній. Не успѣлъ Аллахъ дать заповѣдь милосердія: л ю б и с и р о т ъ, какъ въ слѣдующемъ стихѣ уже вспыхнулъ въ душѣ араба гнѣвъ, и онъ требуетъ, чтобы т в а р ь д р о ж а л а предъ его Кораномъ». Такъ же толковалъ послѣднія слова и Достоевскій. «Любопытно,—замѣчаетъ присоединяющійся къ этому толкованію Д. С. Мережковскій («Вѣчные спутники. Пушкинъ», изд. 3-е, стр. 58),—что русскій нигилистъ, Раскольниковъ, заимствовалъ у пушкинскаго Магомета эти слова о «дрожащей твари». Два идеала, преслѣдующіе воображеніе Раскольн-

никова,—Наполеонъ и Магометъ, привлекаютъ и Пушкина». Черняевъ возражаетъ на это: «Аллахъ вовсе не требуетъ, чтобы тварь дрожала передъ Кораномъ; онъ только называетъ людей дрожащею тварью. Въ послѣднемъ стихѣ перваго «Подражанія» выражается не гнѣвъ, а мысль о бренности человѣческой природы и о ничтожествѣ человѣка сравнительно съ Богомъ. Эта мысль вполнѣ совпадаетъ съ соотвѣтственными мѣстами другихъ подражаній». Тутъ критикъ приводитъ выдержки изъ III «Подражанія» («Почто жъ кичится человѣкъ»..,«Обезображенные с т р а х о м ъ»»), VII-го («Возстань, б о я з л и в ы й»...) и нѣкоторыхъ мѣстъ Корана. Поразившее Страхова сопоставленіе милосердія и страха въ двухъ послѣднихъ стихахъ взято изъ 36-го стиха 22-ой суры, гдѣ вѣрующіе названы тѣми, чьи сердца охватываются ужасомъ при произнесеніи имени Божія. Даръ слова и власть пророка надъ умами созданы самимъ поэтомъ на основаніи общаго духа Корана. Въ первомъ «Подражаніи» сразу бросается въ глаза способность Пушкина съ волшебной быстротою и непринужденностью intrare in medias res. Съ перваго слова читатель перенесенъ въ чуждое міроотношеніе и чуждую историческую обстановку, въ самое сердце иного міра.

II.

Основою второго «Подражанія» являются 59-й и 53-й стихи 33-й суры, гдѣ говорится о женахъ пророка: «О пророкъ! предпиши своимъ женамъ, дочерямъ и женамъ вѣрующихъ опускать покрывало на ихъ лица. Это будетъ знакомъ ихъ добродѣтели и предохранитъ ихъ отъ публичныхъ пересудовъ»... «О вѣрующіе! Не входите безъ дозволенія въ домъ пророка, а только когда онъ пригласитъ васъ къ своей трапезѣ... Выходите по одиночкѣ послѣ трапезы и не распространяйте вашу бесѣду; вы его оскорбили бы: онъ посовѣстился бы (покраснѣлъ бы) сказать вамъ это... Если вы имѣете что-нибудь попросить у его женщинъ, то сдѣлайте это сквозь покрывало; такъ сохранятъ чистоту и ваши сердца, и ихъ...» Въ образѣ, заключающемся въ послѣднихъ двухъ стихахъ, Поливановъ усматриваетъ «скромно склоняющихъ головы невольницъ». Н. Черняевъ правильно замѣчаетъ, что «въ этихъ стихахъ заключается приказаніе не невольницамъ пророка, а его гостямъ опускать передъ ними головы и взоры въ знакъ особаго уваженія къ ихъ властелину». Форма обращенія къ женамъ, которымъ начинается пьеса, самостоятельна. «Поэтъ,—говоритъ Черняевъ, усилилъ ревность Араба, выставилъ рельефнѣе тѣ чувственныя и наивныя проявленія ея, на которыя Коранъ только намекаетъ, и тѣмъ самымъ яснѣе обрисовалъ Магомета какъ мистическую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, женолюбивую натуру. Въ итогѣ получился въ высшей степени жизненный характеръ, исполненный психологической правды и носящій на себѣ отпечатокъ знойнаго Востока. Страховъ находилъ въ «Подражаніяхъ Корану» черты пародіи, указывающія на нѣсколько ироническое отношеніе Пушкина къ исламу. Но о пародіи въ «Подражаніяхъ» нѣтъ и помину: поэтъ не пародировалъ Коранъ, а творилъ въ его духѣ, опоэтизировалъ его образы и передавалъ его духовную красоту. Пародію Корана, едва уловимое ироническое отношеніе къ Магомету можно подмѣтить только во второмъ «Подражаніи». Его мѣстами высокопарный языкъ и стихи вродѣ: «Брегитесь суетами свѣта смутить пророка моего»... какъ бы намекаютъ на то, что поэтъ колебался, съ чѣмъ онъ имѣетъ дѣло: съ самообманомъ или обманомъ Магомета, и склонялся къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ было и то и другое. Второе «Подражаніе» далеко не звучитъ той искренностью и тѣмъ величественнымъ пафосомъ, которымъ запечатлѣны всѣ другія «Подражанія». Этимъ оно рѣзко отличается отъ нихъ. Съ европейской точки зрѣнія оно кажется даже отчасти комичнымъ, но его комизмъ—высокохудожественный, тонкій и едва уловимый комизмъ; въ него нужно вдуматься для того, чтобы замѣтить его». Здѣсь Аллахъ низведенъ съ той высоты, на которой намъ показываютъ его остальныя «Подражанія», въ интимную суету домашняго быта; Магометъ какъ бы прикрывается имъ и говоритъ не своими устами отъ него, а его устами отъ себя о томъ, о чемъ не рѣшается говорить прямо, «ибо весьма учтивъ и скроменъ». Тѣмъ же эротическимъ жаромъ проникнутъ третій куплетъ «Татарской пѣсни» въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»—о Заремѣ, о блаженствѣ того, «кто, миръ и нѣгу возлюбя, какъ розу, въ тишинѣ гарема лелѣетъ, милая, тебя»...

III.

Вотъ что говоритъ 80-ая сура Корана, послужившая основою для третьяго «Подражанія» и называемая не «слѣпецъ»,—какъ указалъ Пушкинъ въ своемъ примѣчаніи, которое въ сборникѣ 1826 г. дано въ такомъ видѣ: «Изъ книги С л ѣ п е ц ъ (Т и ф л я). Вотъ почему слово сіе почитается у Турковъ за жесточайшую брань»,—а «Суровое чело»: «Пророкъ явилъ суровое чело и отвратилъ глаза, потому что слѣпецъ предсталъ предъ нимъ. Да погибнетъ злой! Кто могъ сдѣлать его невѣрнымъ? Изъ чего создалъ его Богъ? Изъ грязи. Онъ далъ ему привлекательный видъ. Онъ облегчилъ ему путь, который ведетъ къ жизни. Онъ посылаетъ ему смерть и низводитъ его въ могилу. Онъ воскреситъ его, когда захочетъ. Эти истины несомнѣнны. Человѣкъ еще не исполнилъ повелѣній Вѣчнаго. Пусть взглянетъ онъ на свою пищу. Мы изливаемъ дождь изъ тучъ; Мы открываемъ лоно земли; Мы повелѣваемъ произрастать сѣмени, завязываться виноградной лозѣ, зеленѣть травѣ, произрастать маслинѣ, пальмѣ и деревьямъ, украшающимъ сады ваши. Земля покрывается плодами и пастбищами, которые служатъ вамъ и стадамъ вашимъ. Когда прогремитъ труба, братъ оставитъ брата, сынъ—своего отца и мать, мужъ покинетъ жену и своихъ дѣтей. Всякій будетъ занятъ только великимъ дѣломъ. Лица будутъ сіяющія; на нихъ будетъ сіять довольство и радость. Другія лица будутъ покрыты прахомъ; мрачный покровъ помрачитъ ихъ: такими явятся невѣрные и злодѣи». Комментарій къ начальнымъ стихамъ передаетъ, что «слѣпецъ предсталъ передъ Магометомъ въ то время, какъ онъ старался объ обращеніи одного богатаго и могущественнаго корейшита; онъ былъ дурно принятъ. Потомъ слѣпецъ возвратился и былъ встрѣченъ благосклонно». Самому Магомету сура шлетъ упрекъ за пренебреженіе несчастнымъ калѣкой. Поэтъ понялъ слово «слѣпецъ» въ нравственномъ смыслѣ — человѣкъ, которому недоступна истина, нечестивый, порочный, и этимъ людямъ напомнилъ о страшномъ судѣ. «Въ описаніи послѣдняго дня,—говоритъ Поливановъ двукратный звукъ трубы, упоминаемый Пушкинымъ вмѣсто простого: «прогремитъ труба», со-

гласно съ другимъ мѣстомъ Корана (39, ст. 68). Символическое изображеніе праведниковъ—съ лицами сіяющими—и злыхъ—съ лицами помраченными и покрытыми прахомъ - Пушкинъ исключилъ. Въ другомъ мѣстѣ Корана ужасъ при наступленіи страшнаго суда изображенъ, между прочимъ, такъ: «Пораженные ужасною десницею Бога люди будутъ, какъ опьянѣвшіе». У Пушкина этотъ ужасъ переданъ эпитетомъ «о б е з о б р а ж е н н ы е страхомъ». Въ 80-ой сурѣ Корана нѣтъ также ни слова объ огнѣ, ожидающемъ нечестивыхъ, но внесенная Пушкинымъ угроза пламенемъ согласна со многими мѣстами Корана, упоминающими объ огнѣ; напр., 23, ст. 103—106, гдѣ сказано: «Когда прозвучитъ труба, сокрушатся всѣ кровныя узы... Тѣ, которыхъ жребій на вѣсахъ склонится, насладятся блаженствомъ; чей жребій окажется легокъ... вѣчно пребудутъ въ аду; огонь сожжетъ ихъ лица»... Слова 2-ой строфы: «спокойно возвѣщай Коранъ, не понуждая нечестивыхъ»... объясняются 126 ст. 16 суры Корана: «Призывай людей на путь Божій мудростію и кроткими увѣщаніями; если ты входишь съ ними въ споръ, то веди его благороднѣйшимъ образомъ». Въ Коранѣ неоднократно повторяется, что Коранъ не долженъ быть проповѣдуемъ тѣмъ строптивымъ, которымъ предопредѣлено оставаться невѣрными и погибнуть въ гееннѣ».

Третье «Подражаніе»,—замѣчаетъ Страховъ о внѣшней его сторонѣ, о выразительности художественныхъ пріемовъ,—«представляетъ поразительное теченіе рѣчи. В началѣ раздаются величественные звуки: «Съ небесной книги списокъ данъ тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ»... Потомъ тонъ смягчается, дѣлается кроткимъ, тихимъ: «Почто жъ кичится человѣкъ» и т. д. (строфы 3—5). И вдругъ раздается громъ негодованія: «Но дважды ангелъ вострубитъ!» Угрозы сыплются градомъ и величественно замолкаютъ: «Но дважды ангелъ вострубитъ»... и проч. Музыка удивительная! Поставить союзъ н о такъ, какъ онъ тутъ поставленъ, едва ли бы рѣшился какой европейскій поэтъ. Полный разрывъ теченія мыслей и вмѣстѣ строгая связь душевныхъ движеній, явный безпорядокъ и чудесная гармонія».

Находящіеся на той же второй страницѣ 18 л. 2370-ой тетради Румянцовскаго музея, гдѣ записана черновая редакція третьяго «Подражанія», два стиха (см. ниже, № 415), впервые напечатанные въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 7:

Слабъ и робокъ человѣкъ,
Слѣпъ умомъ—и все тревожитъ...

несомнѣнно, связаны съ этимъ «Подражаніемъ», вѣроятно, именно съ 3-ей строфой.

«Страшный судъ ужасенъ»,—писалъ Пушкину Рылѣевъ въ цитированномъ выше письмѣ,—«стихи «И братъ отъ брата побѣжитъ, и сынъ отъ матери отпрянетъ».. превосходны». Б. В. Никольскій («Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина», Спб., 1899, стр. 76—77) безъ всякихъ доказательствъ и основаній усматриваетъ въ третьемъ «Подражаніи» признаки рѣшенія самого поэта «замыкаться» отъ толпы, «въ связи съ самообреченіемъ на творчество и вѣрою, то мстительною, то примирительною, въ свое торжество», и указываетъ на эти стихи какъ на «образецъ мстительнаго предвидѣнія своего торжества». Обычное въ пушкинской критикѣ отожествленіе поэта и его героевъ!

IV.

Слѣдующій отрывокъ изъ Корана (сура 2-ая, ст. 260-й) обработалъ Пушкинъ въ четвертомъ «Подражаніи»: «Не слышалъ ли ты о томъ, который, споря съ Авраамомъ о Господѣ его, отрицалъ, что Богъ далъ ему царство? Когда Авраамъ сказалъ: «Господь мой—тотъ, который оживляетъ и умерщвляетъ», тогда тотъ сказалъ: «Я оживляю и умерщвляю». Авраамъ сказалъ: «Богъ велитъ солнцу восходить съ востока, ты вели восходить ему съ запада». Невѣрный изумился». Пушкинъ усилилъ впечатлѣніе человѣческаго дерзновенія, заставивъ невѣрнаго спорить не съ Авраамомъ, а съ самимъ Богомъ.

V.

Пятое «Подражаніе» основано большей частью на различныхъ мѣстахъ изъ Корана. «Богъ поддерживаетъ небеса и землю, дабы они не обрушились; дѣйствительно, если они обрушатся, то никто, кромѣ Его, не можетъ поддержать ихъ, потому что Онъ кротокъ, прощающій» (35, ст. 39). «Онъ утвердилъ небеса безъ столповъ» (31, ст. 9). Эти мѣста поэтъ вложилъ въ первую строфу. Для второй строфы послужило слѣдующее мѣсто (35, ст. 39): «Богъ есть свѣтъ небесъ и земли. Свѣтъ его подобенъ свѣтильнику въ стѣнѣ: свѣтильникъ въ стекляномъ сосудѣ; стеклянный сосудъ сіяетъ, какъ звѣзда. Въ немъ горитъ благословенное дерево, маслина, какой нѣтъ ни на востокѣ, ни на западѣ»... «Третья строфа,—объясняетъ Черняевъ,—написана Пушкинымъ вполнѣ самостоятельно, въ безукоризненно выдержанномъ духѣ и тонѣ Корана. Поэтъ воспользовался для нея тѣми прославленіями Аллаха, какъ властелина вѣтровъ, тѣни и воды, падающей съ неба, которыя разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Корана... Выраженіе «сіяющій Коранъ» и уподобленіе ислама свѣту имѣютъ въ своей основѣ тѣ эпитеты, которые обыкновенно употреблялъ Магометъ, когда говорилъ о своемъ ученіи и о Коранѣ. Онъ называлъ его яснымъ свѣтомъ. «Это Онъ (Богъ), говорится въ 9-мъ стихѣ 57-ой суры, повелѣваетъ сходить къ своему слугѣ явнымъ знаменіямъ, чтобы вывести насъ изъ тьмы къ свѣту»... Пятому «Подражанію» придана форма молитвы—форма славословія Бога. Величіе, сила, сжатость и пластичность его языка изумительно прекрасны. Поэтъ хотѣлъ воплотить религіозно-поэтическія воззрѣнія мусульманскаго Востока на природу и на могущество, мудрость и благость Аллаха... Каждое слово напоминаетъ объ Аравіи, объ ея раскаленныхъ пустыняхъ, о пламенной вѣрѣ въ исламъ»... Взглядъ на исламъ какъ на источникъ свѣта и счастья выразился и въ словахъ «Бахчисарайскаго Фонтана» («Татарская пѣсня»):

Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ:
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ...

VI.

О снѣ Магомета говоритъ 27-ой стихъ 48-ой суры Корана; «Богъ осуществилъ сонъ апостола (Магомета), когда далъ ему услышать такія слова:

вы войдете въ священный домъ молитвы, если угодно Богу, здравы и невредимы, обривши ваши головы или остригши ихъ. У васъ не будетъ страха... Кромѣ того, онъ предустановилъ близкую побѣду». Этотъ стихъ довольно близко передается первой строфою шестого «Подражанія». Въ третьей и четвертой строфахъ переработаны 11-й, 12-й и 15-й стихи той же суры: «Пустынные арабы, которые остаются позади васъ и пейдутъ на войну, придутъ сказать тебѣ: наши стада и наши семейства мѣшали намъ слѣдовать за тобою. Молись Богу, чтобы простилъ наши грѣхи. Ихъ языки произносятъ чего нѣтъ у нихъ въ сердцахъ... Вы воображали, что апостолъ и вѣрующіе никогда не воротятся къ своимъ семействамъ, и эта мысль нравилась вашимъ сердцамъ... Если вы захватите вѣрную добычу,—о! тогда арабы, оставшіеся дома, скажутъ вамъ: позвольте намъ идти съ вами. Они хотятъ измѣнить слово Божіе. Скажи имъ: не ходите съ нами». Послѣдній стихъ почти дословно повторенъ въ четвертой строфѣ. Эта связь прослѣжена Черняевымъ. Поливановъ указываетъ, что «характеристика малодушныхъ объясняется словами 38-го стиха 9-ой суры, гдѣ говорится о людяхъ, которымъ сказали: Идите сражаться на пути Божіемъ,—и которые оказались неповоротливыми и какъ бы привязанными къ землѣ, которые пренебрегли наслажденіями будущей жизни («не вѣрятъ дивнымъ снамъ»)». Въ той же сурѣ Пушкинъ могъ почерпнуть и другой матеріалъ для четвертой строфы: «въ 84-мъ стихѣ этой книги также отвергается пророкомъ предложеніе взять съ собою въ битву тѣхъ, которые отказались отъ нея ранѣе». Для второй и пятой строфъ поэтъ могъ воспользоваться различными мѣстами Корана, гдѣ говорится о военной добычѣ (8, ст. 42; 48, ст. 18, 19), о невольницахъ и о бракахъ съ ними (4, ст. 28), о наградѣ, ожидающей павшихъ въ бою (3, ст. 156, 163—165): «Если вы умрете или будете убиты, защищая вѣру, знайте, что милосердіе Божіе превыше богатствъ, которыя собираете... Не вѣрьте, что павшіе, сражаясь на пути Божіемъ, мертвы; они живутъ близъ Бога и отъ него получаютъ свою пищу»...

Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятитъ:
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетитъ,—

поютъ невольницы Гирея («Бахчисарайскій Фонтанъ»).

«По звуку»,—замѣчаетъ Страховъ—стихотвореніе «похоже на воинственный маршъ, дышащій жаромъ битвы»: «Не даромъ вы приснились мнѣ»... и т. д. И вдругъ все оканчивается сладкими, свѣтлыми звуками: «Блаженны падшіе въ сраженьи»... и проч. «Сквозь вѣяніе восточной пустыни»—говоритъ Мережковскій,—«здѣсь чувствуется уже ароматъ благородной мусульманской культуры, которой суждено дать міру сладострастную нѣгу Альгамбры и «Тысячи одной ночи». Дока это—народъ еще дикій, хищный, жаждущій славы и крови. Герой пришелъ, собралъ горсть семитовъ, отвергнутыхъ исторіей, затерянныхъ въ степяхъ Аравіи, раскалилъ религіознымъ фанатизмомъ, выковалъ молотомъ закона и бросилъ въ міръ, какъ остро отточенный мечъ, среди дряхлыхъ византійскихъ и одичалыхъ варварскихъ племенъ Европы!..». Эта сторона Корана Пушкинымъ въ совершенствѣ выражена въ шестомъ «Подражаніи», упоенномъ гимнѣ воинствующаго ислама.

VII.

«О, завернувшійся въ одежду, стой эту ночь и читай Коранъ!»—говоритъ начало 73-й суры. Такъ же начинается и 74-ая: «О, закутавшійся въ одежду, встань и поучай, Господа твоего величай, одежды твои очищай, мерзости убѣгай». Одно преданіе говоритъ, что увидѣвъ архангела Гавріила, Магометъ въ страхѣ закрылся плащемъ, и Гавріилъ началъ этимъ обращеніемъ свою рѣчь къ пророку. Понятно, что въ этомъ смыслѣ «закутавшійся въ одежду» Пушкинъ вѣрно передалъ словомъ «боязливый». Другими мѣстами Корана, которыми пользовался Пушкинъ, могутъ быть 100-й стихъ 16-ой суры Корана, гдѣ пророку велѣно «искать убѣжища отъ лукаваго близъ Бога», 204-й ст. 7-ой суры, 116-й ст. 11-ой, 80-й, 81-й и 90-й стихи 17-ой, гдѣ говорится о ночномъ бдѣніи. Стихотвореніе—замѣчаетъ Черняевъ—«производитъ впечатлѣніе бѣглыхъ мыслей, молній промелькнувшихъ въ умѣ Магомета въ минуты тяжкаго душевнаго разлада и сразу возвратившихъ ему покой и счастье. Быстрый и легкій размѣръ пьесы вполнѣ подходитъ къ ея содержанію». Одна изъ «здравыхъ мыслей» Корана, записанныхъ въ «Альбомѣ Онѣгина», гласитъ: «Молись, бѣги путей лукавыхъ»...

Весьма возможно, что въ связи съ седьмымъ «Подраженіемъ» стоитъ черновой набросокъ: «Въ пещерѣ тайной въ день гоненья».. (см. ниже № 414), находящейся въ 2370-й тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 68 об. Первые четыре стиха его появились впервые въ анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», 1855 г., стр. 348, а остальные – въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 33. По мнѣнію П. А. Ефремова, напечатавшаго первое четверостишіе (сочин. П., изд. 1882 г., I, 540—541), оно «могло быть набросано при Подражаніяхъ Корану». Впослѣдствіи Ефремовъ писалъ, наоборотъ, что «наброскокъ къ Подражаніямъ Корану, отношенія не имѣетъ» (Сочин. П., изд. Суворина, VIII, 211). П. О. Морозовъ въ первомъ своемъ изданіи (лит. фонда, I, 335) напечаталъ его отдѣльно отъ «Подражаній Корану», а во второмъ («Просвѣщенія», I, 674—675)—въ примѣчаніяхъ къ нимъ. О первыхъ четырехъ стихахъ Н. Черняевъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о «Пророкѣ» и «Подражаніяхъ Корану» (стр. 61): «это четверостишіе, прекрасное само по себѣ, блѣдно и слабо (?) въ сравненіи съ любой строфой изъ девяти «Подражаній Корану». Очевидно, что и поэтъ остался имъ недоволенъ: онъ забылъ о немъ и не дописалъ начатаго и задуманнаго стихотворенія. Очень можетъ быть, что седьмое «Подражаніе» явилось вмѣсто него, ибо и въ этомъ «Подражаніи» говорится объ утѣшеніи, которое даетъ мусульманамъ Коранъ, какъ надежнѣйшій талисманъ противъ унынія и грѣховныхъ влеченій». Это сближеніе представляется намъ натянутымъ. Какъ указано сейчасъ, VII-е «Подражаніе» возникло изъ различныхъ мѣстъ «Корана»; изъ другого мѣста, пересказываемаго Черняевымъ (стр. 72), Пушкинъ могъ взять появленіе ангела. Колоритъ наброска и внѣшніе образы, конечно, навѣяны Кораномъ, но трудно все-таки съ полной увѣренностью отнести эти стихи къ «Подражаніямъ Корану». Читатель

«сладостнаго Корана»,—можетъ быть, и не Магометъ, а самъ поэтъ, да и Коранъ можно истолковывать въ данномъ случаѣ какъ аллегорію (см. ниже, наши примѣчанія къ № 492). Въ виду отсутствія строго-фактическихъ данныхъ этотъ вопросъ едва ли разрѣшимъ. Время написанія наброска также не поддается точному опредѣленію. По положенію его среди другихъ черновиковъ его можно датировать концомъ 1824 г. или 1825 годомъ.

VIII.

Въ черновикѣ восьмое «Подражаніе» озаглавлено: «Милостыня». Такое названіе носитъ 107-ая сура, посвященная этому предмету. «Щедрость при милостынѣ,—объясняетъ Поливановъ,—предписывается 269-мъ стихомъ 2-ой суры, гдѣ сказано: «Вѣрующіе! творите милостыню изъ благъ, которыя вы пріобрѣли... не выбирайте для подачи того, что имѣете самаго худшаго». Въ той же сурѣ (ст. 275) упоминается о наградѣ отъ Бога за милостыню: «Вы получите возмездіе изъ рукъ Вѣчнаго; вы найдете убѣжище отъ страха и мученій». Самый образъ возмездія въ видѣ плодовъ посѣяннаго зерна находимъ въ ст. 263 той же суры: «Тѣ, которые употребляютъ свои богатства на защиту святого дѣла, подобны зерну, производящему семь колосьевъ, изъ коихъ каждый приноситъ сто зеренъ». Скупость сжимающаго завистливую длань при милостынѣ—также образъ Корана. Въ стихѣ 68-мъ суры 9-ой читаемъ: «Руки ихъ (нечестивыхъ) сжаты для милостыни». Изъ Корана же заимствовано сравненіе дающаго милостыню скупо съ пылью, смываемою съ камня. Въ с. II ст. 266 Корана подобное же сравненіе употреблено о творящемъ милостыню изъ тщеславія: «Такой подобенъ скалѣ, покрытой пылью. Пройдетъ обильный дождь и оставитъ только жесткій камень».

«Какія нѣжныя черты цѣломудреннаго и гордаго великодушія!»—говоритъ Мережковскій (ор. с., 57).—«Христіанское милосердіе недаромъ включено въ героическую мудрость пророка. Для него милосердіе — щедрость безмѣрно богатыхъ сердецъ»... Н. Черняевъ обратилъ вниманіе на структуру и языкъ стихотворенія: «оно состоитъ изъ двухъ нераздѣльно связанныхъ между собою строфъ, изъ которыхъ каждая, однако, представляетъ какъ бы замкнутое въ себѣ цѣлое, написанное властнымъ, образнымъ и величавымъ языкомъ, вполнѣ подходящимъ къ торжественному, приподнятому тону стихотворенія».

IX.

«Не вспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который, проходя подлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: Какъ Богъ оживитъ жителей этого разрушеннаго города? Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ Онъ воскресилъ его и спросилъ: Сколько времени пребывалъ ты здѣсь?—День или нѣсколько часовъ, отвѣчалъ путешественникъ.—Посмотри на пищу и питье свое, прибавилъ Богъ, они еще въ цѣлости. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставилъ людей.—Посмотри, какъ Мы соберемъ и покроемъ тѣломъ кости осла твоего. При видѣ чуда путешественникъ воскликнулъ: Теперь я знаю – могущество Бога безконечно». Такова легенда, передаваемая въ 261-мъ стихѣ 2-ой суры Корана. Л. Поливановъ пересказываетъ сопровождающій ее комментарій. «Верхомъ на ослѣ, съ корзиною фигъ и сосудомъ вина въ рукахъ, проѣзжалъ путникъ близъ развалинъ Іерусалима, разрушеннаго халдеями. Нечестиво усомнившись во всемогуществѣ Бога, онъ былъ за то наказанъ смертію. Черезъ сто лѣтъ Богъ воскресилъ его и указалъ ему его пищу и питье, сохранившіяся отъ дѣйствія времени. Затѣмъ онъ указалъ ему на кости его осла, бѣлѣвшія на землѣ. По голосу Всемогущаго онѣ покрылись тѣломъ и соединились, и животное, возвращенное къ жизни, начало ревѣть». Н. Черняевъ указываетъ также на сказаніе о семи юношахъ, проспавшихъ по Божьей волѣ 309 лѣтъ въ пещерѣ, находящееся въ другой сурѣ Корана, гдѣ встрѣчается употребленное Пушкинымъ выраженіе: «Владыка небесъ и земли», повторяющееся, впрочемъ, и въ другихъ мѣстахъ Корана.

Еще А. Милюковъ въ «Очеркѣ исторіи русской поэзіи» (изд. 3-е, 1864 г., стр. 223), обратилъ вниманіе на высокую поэтическую цѣнность девятаго «Подражанія» и указалъ его сходство съ «Тремя пальмами» Лермонтова. Н. Ѳ. Сумцовъ («Изслѣдованія о поэзіи А. С. Пушкина» — «Харьковск. универс. сборн. въ память П—на», стр. 162—174) внимательно прослѣдилъ какъ это сходство, такъ и исторію блуждающей легенды о чудесномъ многолѣтнемъ снѣ, составляющей фабулу пьесы. «Сравненіе стихотворенія Пушкина съ приведеннымъ мѣстомъ Корана указываетъ на истинно-геніальную постройку изъ бѣднаго матеріала. Въ Коранѣ проведена только идея о всемогуществѣ Бога. У Пушкина это всемогущество лишь подразумѣвается, и на первый планъ выдвинута идея о благости и любви. Путникъ не умираетъ, какъ въ Коранѣ, а засыпаетъ, что гораздо болѣе отвѣчаетъ художественному чувству... Вмѣсто ста лѣтъ въ текстѣ Корана—у Пушкина «многіе годы», что даетъ просторъ для воображенія читателя, не заключая его въ опредѣленныя хронологическія рамки. Фабула стихотворенія построена не на сомнѣніи путника во всемогуществѣ Божіемъ, сомнѣніи, ничѣмъ не мотивированномъ въ Коранѣ, гдѣ оно является какимъ-то нелѣпымъ капризомъ праздной фантазіи путника, а на ропотѣ на Бога, вслѣдствіе удручающей путника въ пустынѣ жажды.. Далѣе, у Пушкина нѣтъ и помину о пищѣ и питьѣ до и послѣ замиранія или сна путника. Эта деталь не имѣла значенія для Пушкина по своей мелочности... Геніальная прозорливость Пушкина необыкновенно ярко выразилась въ томъ, что онъ въ своемъ «Подражаніи» возстановилъ основной тонъ сказанія», которое «существовало до Корана». Оно вошло въ него вмѣстѣ со многими изъ «старыхъ басенъ».

399. ПРИЗНАНІЕ.

(т. II, стр. 257).

Автографъ пьесы неизвѣстенъ. Появилась она вскорѣ послѣ смерти Пушкина въ «Библіотекѣ для чтенія» 1837 г., т. XXII, май, отд. I, стр. 5—6, подъ заглавіемъ: «Признаніе. Къ Александрѣ Ивановнѣ О—ой» и съ невѣрнымъ отнесеніемъ къ 1821 году. Въ собраніи сочиненій Пушкина пьеса

стала входить, начиная съ изданія Анненкова, т. II, стр. 359—360), который писалъ въ примѣчаніяхъ (ibid., 379—380), что «стихотвореніе относится къ 1824 г., нѣсколько стиховъ въ серединѣ выпущено, особенно потому, что они не вяжутся ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими стихами и, кажется, переданы журналомъ съ неисправной рукописи». Въ дополнительномъ томѣ (VII, стр. 59) Анненковъ далъ эти два пропущенные стиха (слѣдующіе за словомъ «вдвоемъ», тоже выпущеннымъ во II томѣ): «и путешествіе въ Опочку и фортепьяно вечеркомъ», причемъ замѣтилъ: «несмотря на добавленіе, дѣлаемое нами теперь сходно съ оригиналомъ пьесы, помѣщеннымъ въ «Библіотекѣ для чтенія», она все-таки представляетъ въ томъ мѣстѣ, куда слѣдуютъ стихи, неполный смыслъ и заставляетъ предполагать о какомъ-то выпускѣ, теперь неисправимомъ».

Александра Ивановна Осипова принадлежала къ семьѣ тригорскихъ друзей Пушкина. Она была падчерица хозяйки Тригорскаго, П. А. Осиповой, дочь ея второго мужа И. С. Осипова отъ перваго его брака; въ 1833 г. она вышла замужъ за псковскаго полиціймейстера, подполковника П. Н. Беклешова; въ 1863 г. была учительницей музыки въ псковскомъ Маріинскомъ училищѣ 1-го разряда; умерла въ 1864 г. въ Петербургѣ. (О ней см. Анненкова «П. въ Александров. эпоху», 281; «Пушкинъ» Л. Н. Майкова, стр. 182,186—187; «Пушкинъ и его современники», вып. I, стр. 92, 95, 96, 98, 105, 111, 114, 143, 150; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 127, 144, 145). Шутливый тонъ посланія показываетъ, что тутъ не было и тѣни серьезнаго, хотя бы и недолгаго увлеченія; Александра Ивановна, повидимому, внушала поэту, восхищавшемуся ея первымъ дѣвственнымъ расцвѣтомъ, нѣжную дружбу, которая, если и сопровождалась другимъ чувствомъ, то самымъ слабымъ и мимолетнымъ. Быть можетъ, Александра Осипова—одна изъ двухъ Александръ, фигурирующихъ въ «донъ-жуанскомъ спискѣ» Пушкина (вторая—вѣроятно, Римская-Корсакова). Другой слѣдъ отношеній Пушкина къ ней—письмо, которое послалъ онъ къ ей одиннадцать лѣтъ спустя, въ сентябрѣ 1835 г., изъ Тригорскаго; попавъ въ близкія сердцу мѣста, въ семью П. А. Осиповой, поэтъ вспомнилъ Александру Ивановну и свои стихи, написанные когда-то ей. «Мой ангелъ»,—два раза обращался онъ къ ней въ стихахъ; этимъ обращеніемъ начинается и письмо, веселымъ, шутливымъ тономъ напоминающее стихи 1824 года: «у меня для васъ три короба признаній, объясненій и всякой всячины. Можно будетъ на досугѣ и влюбиться». Далѣе Пушкинъ вспоминалъ «прежнее время, и путешествія въ Опочку, и прочее». Замѣтимъ, что въ подлинникѣ Пушкинъ написалъ: «*И* путешествія въ Опочку», словно приводя стихъ своего посланія (см. нашу замѣтку объ этомъ письмѣ въ «Русс. Арх.» 1899 г., III, 172—173). Бѣглое, и тоже шутливое, упоминаніе объ А. И. Осиповой находится въ одномъ письмѣ Пушкина къ А. Н. Вульфу (16 октября 1829 г.).

Попытку связать съ именемъ А. И. Осиповой безосновательно приписываемые Пушкину стихи: «Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки»... (см. Сочин. Пушкина, ред. Морозова, изд. литерат. фонда, I, 329, и «Просвѣщенія», I, 377, 681—682; стат. Г. С. Чирикова въ сборникѣ «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 105) нельзя признать удачной. Г. С. Чириковъ сообщилъ, со словъ М. Д. Деларю («Бумаги А. С. Пушкина», l. c.), слѣдующіе три стиха, будто бы пропущенные въ посланіи:

Тяжелъ, тяжелъ мой крестъ, Творецъ!
Но я несу его, смирясь:
Вѣдь сердце любитъ, не спросясь...

Эти три слѣдующіе подъ рядъ другъ за другомъ стиха съ мужскимъ удареніемъ, не перемежающіеся ни одной женской рифмой, никакъ не могутъ быть включены въ посланіе: да и трудно вѣрить такому источнику, какъ статья Чирикова, приписавшаго Пушкину немало чужихъ и плохихъ стиховъ. Б. В. Никольскій («Академическій Пушкинъ»—«Историч. Вѣстн.» 1899 г., іюль, 207) замѣтилъ, что два послѣдніе стиха посланія звучатъ отголоскомъ двухъ строкъ 1-й элегіи IV-ой книги элегій Парни:

Qu' il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même!

Бѣлинскій процитировалъ «Признаніе» цѣликомъ въ одной изъ рецензій на посмертное изданіе сочиненій Пушкина («Отечеств. Записки» 1841 г., т. XVII, №8), а въ своемъ общемъ обзорѣ пушкинской поэзіи два раза указалъ на эту пьесу какъ на одну изъ лучшихъ въ лирикѣ Пушкина.

---

400. НОЧНОЙ ЗЕФИРЪ СТРУИТЪ ЭФИРЪ...

(т. II, стр. 257).

Черновикъ этой пьесы, съ датой «13 ноября», находится въ собраніи пушкинскихъ автографовъ, принадлежащемъ П. Я. Дашкову (см. наши «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 107). Появилась она впервые въ альманахѣ В. В. Измайлова, «Литературномъ Музеумѣ» на 1827 г., съ музыкой А. Н. Верстовскаго; ошибки въ текстѣ вынудили Пушкина перепечатать ее въ «Московск. Вѣстникѣ» 1827 г., т. II, № 8, стр. 312, съ примѣчаніемъ: «Романсъ сей напечатанъ былъ въ Литературномъ Музеумѣ съ ошибками, а здѣсь помѣщается съ поправками». Затѣмъ Пушкинъ включилъ романсъ въ свой сборникъ стиховъ 1829 г., стр. 200—201, гдѣ онъ напечатанъ безъ заглавія, даннаго только въ оглавленіи (стр. 223) и потому помѣщенною въ настоящемъ изданіи въ видѣ подзаголовка. Л. И. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій П-на, т. I, изд. 3-е, Спб., 1905, стр. 152—153) невѣрно отнесъ его къ одесскому періоду жизни поэта.

Бѣлинскій («Раздѣленіе поэзіи на роды и виды»—Сочиненія Б., изд. С. А. Венгерова, VI, 66—67) привелъ это стихотвореніе какъ примѣръ «такихъ лирическихъ произведеній, въ которыхъ почти уничтожаются границы, раздѣляющія поэзію отъ музыки... Подъ разрядъ этихъ музыкальныхъ стихотвореній подходитъ извѣстный романсъ Пушкина — Ночной зефиръ... Что это такое?—волшебная картина, фантастическое видѣніе, или музыкальный аккордъ, раздавшійся съ вышины и пролетѣвшій надъ утомленной нѣгою головою обольстительной испанки?.. Звуки серенады, раздавшіеся въ таинственномъ, прозрачномъ мракѣ роскошной, сладострастной ночи юга, звуки серенады, полной томленія и страсти, ко-

торую лѣниво слушаетъ прекрасная Испанка, небрежно опершись на балконъ и жадно впивая въ себя ароматическій воздухъ упоительной ночи?.. Въ гармонической музыкѣ этихъ дивныхъ стиховъ не слышно ли, какъ переливается эѳиръ, струимый движеніемъ вѣтерка, какъ плещутъ серебряныя волны бѣгущаго Гвадалквивира?.. Что это: поэзія, живопись, музыка? Или то, и другое, и третье, слившіяся въ одно, гдѣ картина говоритъ звуками, звуки образуютъ картину, а слова блещутъ красками, вьются образами, звучатъ гармоніей и выражаютъ разумную рѣчь?.. Что такое первый куплетъ, повторяющійся въ серединѣ піесы и потомъ замыкающій ее? Не есть ли это рулада—голосъ безъ словъ, который сильнѣе всякихъ словъ». Въ своемъ обзорѣ всего пушкинскаго творчества Бѣлинскій отнесъ романсъ къ числу «чисто-пушкинскихъ» стихотвореній, въ которыхъ «виденъ уже зрѣлый талантъ, и Пушкинъ является истиннымъ художникомъ, творцомъ новой поэзіи на Руси».

Восторгъ Бѣлинскаго чрезмѣренъ и объясняется не столько достоинствомъ пьесы, сколько темпераментомъ самого «неистоваго Виссаріона». Но дѣйствительно пьеса очень музыкальна и недаромъ вызвала цѣлый рядъ музыкальныхъ интерпретацій; С. К. Буличъ («Пушкинъ и русская музыка» — «Памяти П-на, сборникъ С.-Петерб. Университета», Спб., 1900, стр. 78—79) насчитываетъ ихъ тринадцать.

А. И. Незеленовъ («А. С. П-нъ въ его поэзіи», Спб., 1882, стр. 154), а за нимъ Л. И. Поливановъ (l. c.) склонны, безъ серьезныхъ основаній, видѣть въ романсѣ плодъ занятій Пушкина испанскимъ языкомъ. «Въ немъ видна уже, — восторгается Незеленовъ,—та изумительная художественность, доступная одному Пушкину, которая сказалась впослѣдствіи въ его драматическихъ произведеніяхъ, содержаніе которыхъ онъ бралъ изъ иностранной жизни, перевоплощаясь въ эту жизнь и оставаясь въ то же время русскимъ человѣкомъ и самимъ собою». Между тѣмъ, если можно говорить о несомнѣнной музыкальной выразительности пьесы, то со стороны содержанія она совершенно ничтожна. Подобными же легкими красками рисовалъ Пушкинъ и впослѣдствіи («Къ вельможѣ», 1829 г.) Испанію—этотъ «благословенный край, плѣнительный предѣлъ», гдѣ «жены вечеромъ выходятъ на балконъ..., умѣютъ съ любовью набожность умильно сочетать, изъ-подъ мантильи знакъ условный подавать..., въ двадцать лѣтъ любовникъ подъ окномъ трепещетъ и кипитъ, окутанный плащемъ»... «Испанскій романсъ» Бѣлинскій (Сочин., изд. Венгерова, VI, 275) считалъ одною изъ двухъ не указанныхъ Пушкинымъ пѣсенъ, которыя въ «Каменномъ Гостѣ» поетъ Лаура. «Для пополненія этого пробѣла,—говоритъ П. В. Анненковъ, (см. его изданіе сочин. П-на, IV, 461),—если уже допустить какое-либо пополненіе, чего мы не признаемъ, съ своей стороны, нужнымъ, можно было бы указать на Испанскій романсъ Пушкина 1824 года». Скорѣе можно допустить предположеніе, что для Лауры Пушкинъ назначалъ другіе «испанскіе» романсы—«Я здѣсь, Инезилья»... и «Предъ испанкой благородной»..., 1830 г.—Напоминающее Пушкинскій романсъ «испанское» стихотвореніе, съ Гвадалквивиромъ, эѳиромъ и зефиромъ, есть у Фета—«На водахъ Гвадалквивира»....

---

401. ПРОСТИ, УКРАИНСКІЙ МУДРЕЦЪ...

(т. II, стр. 258).

Впервые напечатала эти стихи А. П. Кернъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ», помѣщенныхъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 115, гдѣ процитировала ихъ на память, вслѣдствіе чего въ текстѣ явились нѣкоторыя неточности; былъ, между прочимъ, совсѣмъ отброшенъ первый стихъ, и шестистишіе обратилось въ пятистишіе, но, вообще, отступленія отъ подлинника были не таковы, чтобы невѣрность текста могла быть замѣтной. Въ этомъ видѣ стихотвореніе стало входить въ собранія сочиненій Пушкина начиная съ изданія 1880 г. (т. II, стр. 18), съ ошибочнымъ отнесеніемъ къ маю 1825 г., основанномъ на неправильномъ толкованіи одного мѣста въ запискахъ Кернъ. Въ 1897 г. Н. Черняевъ напечаталъ въ «Русск. Обозрѣніи» (февр., 524—525) самое письмо Пушкина къ Родзянкѣ, до тѣхъ поръ неизвѣстное; подлинникъ его хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки харьковскаго университета. Письмо это датировано 8 декабря (1824 г.).

Съ Арк. Гавр. Родзянкой Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, до своего вынужденнаго отъѣзда на югъ. Къ этому времени относится разсказъ Родзянки, какъ Пушкинъ однажды въ театрѣ показывалъ сосѣдямъ портретъ Лувеля, убійцы наслѣдника французскаго престола герцога Беррійскаго, съ надписью: «урокъ царямъ!» («Русск. Историч. Сборн.», II, 104; «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1097; «Русск. Стар». 1890 г., ноябрь, 504—505). Вскорѣ, когда Пушкинъ былъ на югѣ, Родзянко отличился стихотворнымъ пасквилемъ на него, о которомъ Пушкинъ писалъ (А. А. Бестужеву, 13 іюня 1823 г.): «доносъ на человѣка сосланнаго есть послѣдняя степень бѣшенства и подлости, да и стихи сами по себѣ недостойны пѣвца сократической любви». 25 августа 1823 г. онъ писалъ изъ Одессы брату: «будетъ Родзянка предатель, жду его съ нетерпѣніемъ». Благодушный Пушкинъ простилъ Родзянкѣ его грѣхъ и въ письмѣ, которое заключается стихами:« Прости, украинскій мудрецъ»..., лишь вскользь, намекомъ, упрекнулъ его: «пиши сатиры хоть на меня» (объ этой сатирѣ см. мои замѣтки «Пушкинъ и Родзянко» въ «Русск. Арх.» 1900 г., III, 145—148; «Русск. Стар.» 1909 г., апрѣль, 206—207; во II т. настоящ. изд. примѣч. къ № 274). Съ именемъ Родзянки связанъ разсказъ Н. Б. Потокскаго, что въ 1824 г., по дорогѣ изъ Одессы въ Михайловское, проѣзжая мимо малороссійской деревни Родзянки, Пушкинъ заѣхалъ къ нему; поэтъ былъ будто бы одѣтъ въ «красный молдаванскій плащъ, такого же цвѣта широчайшіе шаровары, на ногахъ желтыя туфли, а на головѣ турецкая феска съ длинною кистью, длинные волоса касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ, какія носятъ степные пастухи»! («Русск. Стар.» 1880 г., іюль, 575). А. П. Кернъ разсказываетъ (см. сборн. Л. Н. Майкова «Пушкинъ», стр. 238), что Родзянко «имѣлъ счастье принимать его у себя въ деревнѣ, Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда. Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи верхомъ, безъ сѣдла. на почтовой лошади, въ хомутѣ»... Сопоставляя оба разсказа, можно извлечь изъ нихъ крупицу правды. Ни въ 1820 г., ни въ 1829-мъ, возвращаясь съ Кавказа, Пушкинъ не могъ про-

ѣзжать черезъ полтавскую деревню. Въ первый разъ онъ отправился изъ Крыма въ Кишиневъ и въ Полтавскую губернію попасть не могъ; во второй разъ, выѣхавъ 8 сентября съ кавказскихъ водъ, онъ 21 сентября, или даже ранѣе, былъ въ Москвѣ (см. мои «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, стр. 58—59, 196). Правдивый, несмотря на ошибку, разсказъ Кернъ подтверждаетъ показаніе Потокскаго; въ началѣ августа 1824 г. Пушкинъ навѣстилъ Родзянку въ его деревнѣ, конечно, по дорогѣ изъ Одессы, проѣзжая черезъ Малороссію; несомнѣнно, неожиданное появленіе Пушкина немало удивило хозяина, а разнесшаяся молва (если не самъ Потокскій) нарядила поэта въ костюмъ опереточнаго турка. Связующимъ звеномъ между ними вскорѣ явилась А. П. Кернъ, сосѣдка и пріятельница Родзянки; она переписывалась съ тригорской сосѣдкой Пушкина А. Н. Вульфъ, а съ поэтомъ познакомилась еще въ 1819 г. въ Петербургѣ. Черезъ нее и А. Н. Вульфъ Родзянко послалъ Пушкину поклонъ; на него поэтъ отвѣтилъ ему веселымъ и не совсѣмъ скромнымъ письмомъ, которое закончилъ стихами. Въ нихъ слышатся, вѣроятно, впечатлѣнія недавняго свиданія пріятелей въ украинской деревнѣ, гдѣ веселый «намѣстникъ Феба иль Піапа» чувствовалъ себя подъ соломенной шляпой покойнѣе, чѣмъ намѣстникъ Петра подъ апостольской тіарой. Письмо съ адресомъ: «Поэту Родзянкѣ» было переслано черезъ А. Н. Вульфъ Аннѣ Петровнѣ Кернъ, которая передала его адресату. Вѣроятно, на это письмо Родзянко отвѣтилъ Пушкину 10 мая 1825 г.; Кернъ снабдила письмо своими приписками («Къ біографіи А. С. П—на», вып. II, М., 1885, стр. 125—126. См. дальше ст. Б. Л. Модзалевскаго). Судя по содержанію, стихи Пушкина «Ты обѣщалъ о романтизмѣ»... (см. ниже, № 445) служатъ отвѣтомъ на это письмо Кернъ и Родзянки. По словамъ Кернъ ихъ посланіе кончалось словами: «Прощайте, будьте въ дуракахъ!», но, видно, здѣсь память измѣнила ей: этого стиха въ ихъ письмѣ нѣтъ. Въ стихахъ, которыми заканчивалось это письмо, Родзянко называлъ Пушкина—«мотъ и расточитель даровъ поэзіи святой»... Здѣсь слѣдъ ихъ дальнѣйшихъ отношеній теряется. Извѣстны стихи Родзянки на смерть Пушкина («Харьк. университ. сборн. въ память П—на», стр. 329; «Русск. Обозр.» 1897 г., № 5; «Русск. Арх.» 1900 г., III, 148), гдѣ онъ говоритъ о поэтѣ: «любимецъ нашъ, отрада, другъ, честь, украшенье полуночи,—его напѣвовъ жаждалъ слухъ, его лица искали очи!»...

А. Г. Родзянко (род. въ 1793 г., ум. около 1850 г.), отпрыскъ стариннаго малороссійскаго рода, служилъ въ молодости въ военной службѣ, въ 1818—1820 гг. познакомился съ Пушкинымъ, въ 1821 г. вышелъ въ отставку капитаномъ, писалъ стихи, печатался въ журналахъ и альманахахъ, но значительная часть произведеній «Пирона Украйны», воспѣвавшаго «сократическую любовь» и тому подобные сюжеты, не могла попасть въ печать. Къ его дарованію Пушкинъ относился съ чрезмѣрной снисходительностью; лишь одинъ разъ (пис. къ Бестужеву, 8 февраля 1824 г.) Пушкинъ указалъ въ его стихахъ «примѣръ безсмыслицы». Родзянко былъ, по словамъ Кернъ, состоявшей съ нимъ, впрочемъ, въ очень близкихъ отношеніяхъ, «умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ». О немъ, кромѣ указанныхъ источниковъ, см. Н. И. Черняевъ, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Хар., 1900, стр. 65—80; Н. Ѳ. Сумцовъ, «А. С. П—нъ и А. Г. Родзянко» (Харьк. унив. сборн. въ память П—на», 327—330); И. Бороздна, «Поэтическіе очерки Украины, Одессы и Крыма», М., 1837, стр. 67, 69.

---

402. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ...

(т. II, стр. 258).

Три автографа этой пьесы находятся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, лл. 2 об., 57, 85. Первый, черновикъ, даетъ нѣсколько начальныхъ стиховъ; второй—продолженіе, въ довольно неотдѣланномъ еще видѣ, и тутъ же весь текстъ, уже нѣсколько исправленный; болѣе исправленную редакцію даетъ третій автографъ. Пьеса появилась впервые въ изданныхъ Н. В. Гербелемъ (Русскимъ) «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 21, съ примѣчаніемъ на 228-ой страницѣ: «Написано по слѣдующему случаю: однажды за обѣдомъ во дворцѣ, когда зашла рѣчь о смерти Ріего, графъ М. С. Воронцовъ (впослѣдствіи князь и намѣстникъ кавказскій) сказалъ: «Тѣмъ лучше: однимъ мерзавцемъ меньше!» Затѣмъ, по сообщенію Гербеля, эпиграмма была напечатана въ «Модномъ Магазинѣ» (изд. С. Мей) 1863 г., № 2, стр. 17, и въ собранія сочиненій Пушкина стала входить начиная съ изданія 1870 г. (I, 547—548). О принятой въ настоящемъ изданіи редакціи пьесы см. въ общей статьѣ о текстѣ. Судя по тому, что Ріего былъ казненъ въ ноябрѣ 1823 г., и по положенію черновиковъ пьесы, она должна быть отнесена къ 1824 г.

Декабристъ Н. В. Басаргинъ въ своихъ запискахъ (Девятнадцатый вѣкъ», изд. П. И. Бартенева, I, М., 1872, стр. 82—83) передаетъ о слѣдующемъ эпизодѣ, происшедшемъ въ октябрѣ 1823 г. въ Тульчинѣ, гдѣ императоръ Александръ I дѣлалъ смотръ войскамъ: «онъ, получивъ передъ самымъ выходомъ къ столу съ фельдъегеремъ письмо отъ Шатобріана, бывшаго тогда французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ сидѣвшимъ около него генераламъ: Messieurs, je vous félicite: Riego est fait prisonnier. Всѣ отвѣчали молчаніемъ и потупили глаза, одинъ только N. N. воскликнулъ: Quelle heureuse nouvelle, Sir! Эта выходка такъ была неумѣстна и такъ не согласовалась съ прежней его репутаціей, что отвѣтомъ этимъ онъ много потерялъ тогда въ общемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ, зная, какая участь ожидала бѣднаго Riego, жестоко было радоваться этому извѣстію». До Пушкина вѣсть объ этой выходкѣ дошла, повидимому, позднѣе, когда Ріего былъ уже казненъ, въ другой передачѣ. Имя N. N. скрыто въ «XIX вѣкѣ», но что указаніе Гербеля на Воронцова справедливо, и что Пушкинъ именно противъ него направилъ свою эпиграмму, видно изъ одного варіанта, гдѣ «усердный льстецъ» названъ—«полуподлецъ», а этимъ прозвищемъ Пушкинъ заклеймилъ Воронцова (см. выше, № 382). По поводу взятія ли въ плѣнъ, или казни Ріего были сказаны Воронцовымъ эти знаменитыя слова, это нисколько не ослабляетъ ѣдкую силу жестокой, но заслуженной эпиграммы.

Рафаэль Ріего-и-Нуньецъ былъ испанскій революціонеръ, ставшій въ 1820 г. во главѣ кадиксанскаго возстанія, вызваннаго реакціонной политикой нарушившаго конституцію короля Фердинанда VII. Возстаніе Ріего дало толчокъ цѣ-

лому ряду революціонныхъ движеній—въ Лиссабонѣ, Сициліи, Неаполѣ, Церковной области Пьемонтѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Обезпокоенный этимъ «священный союзъ» взялся за подавленіе революціи во всей Европѣ, и между прочимъ въ Испаніи, гдѣ жертвою контръ-революціи Фердинанда VII-го палъ Ріего.

Имя испанскаго героя было очень популярно въ передовомъ русскомъ обществѣ двадцатыхъ годовъ. Рылѣевъ съ горечью писалъ («Гражданинъ») о русскихъ юношахъ, которые,

не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка...
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги
И, въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

О Ріего вспоминалъ, сидя въ Петропавловской крѣпости, П. Г. Каховскій въ горячемъ письмѣ къ императору Николаю Павловичу: «Мужественный, твердый народъ Испаніи, отстоявшій кровью своей независимость и свободу отечества, спасъ королю и тронъ, и честь, имъ потерянную; всѣмъ самому себѣ обязанный, принялъ на престолъ свой Фердинанда. Король присягнулъ хранить права народныя. Императоръ Александръ I-й еще въ 1812 году призналъ конституцію Испаніи; впослѣдствіи она была утверждена всѣми монархами Европы. Фердинандъ скоро забылъ благодѣянія народныя, нарушилъ клятву, нарушилъ права гражданъ, своихъ благодѣтелей. Возсталъ народъ на клятвопреступника; и Священный союзъ забылъ, что Испанія первая стала противъ насилій Наполеона, и императоръ Александръ презрилъ признанное имъ правленіе, сказалъ, что въ 1812 году обстоятельства требовали, чтобы онъ призналъ конституцію Испаніи. И союзъ содѣйствовалъ, что войска Франціи обезславили себя вторженіемъ въ Испанію. Арестованный Фердинандъ въ Кадиксѣ былъ приговоренъ къ смерти. Онъ призываетъ Ріего, клянется вновь быть вѣрнымъ конституціи, выслать войска Франціи изъ предѣловъ отечества и проситъ о сохраненіи себѣ жизни. Честные люди бываютъ довѣрчивы. Ріего ручается кортесамъ за короля; его освобождаютъ. И что же? Какой первый шагъ Фердинанда? Ріего приказаніемъ его схваченъ, арестованъ, отравленъ и полумертвый, святой мученикъ, герой, отрекшійся отъ престола, ему предлагаемаго, другъ народа, спаситель жизни короля, по его приказанію, на позорной телѣгѣ, осломъ запряженной, везенъ былъ черезъ Мадридъ и повѣшенъ, какъ преступникъ! Какой поступокъ Фердинанда! Чье сердце отъ него не содрогнется?» («Былое» 1906 г., январь, 145).

Въ эпиграммѣ Пушкина на Воронцова чувствуется именно это «содраганіе сердца», волнующагося не политическимъ протестомъ (поэтъ даже соглашается, что «Ріего былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ»), а нравственнымъ негодованіемъ. Напоминающую послѣдніе стихи эпиграммы сентенцію: «въ подлостяхъ нужно нѣкоторое благородство» находимъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому 25 января 1825 г.

См. во II томѣ настоящаго изданія примѣчанія къ №№ 374 и 376. Объ отношеніяхъ Пушкина и Воронцова см. тамъ же статью «Пушкинъ въ Одессѣ» и примѣчанія къ №№ 371, 382, 411, 512.

403. ВОСПИТАННЫЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ...

(т. II, стр. 258).

Впервые напечаталъ эту эпиграмму, по записи А. Н. Вульфа, М. И. Семевскій («Къ біографіи Пушкина» — въ «Русск. Вѣстникѣ» 1869 г., т. 84, стр. 71). Входитъ въ собранія произведеній Пушкина она стала начиная съ изданія 1870 г. (т. I, стр. 340). Въ эпиграммѣ выразилось отношеніе передового русскаго общества начала двадцатыхъ годовъ къ не оправдавшему его надеждъ Александру I-му. По духу съ пушкинской эпиграммой можно сблизить горькія слова прямого и безстрашнаго декабриста П. Г. Каховскаго, который изъ Петропавловской крѣпости писалъ царю Николаю Павловичу о его предшественникѣ: «Неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судьею, полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное?.. Обратить все вниманіе на устройство армій и не заниматься устройствомъ государства я нахожу столь же гибельнымъ для государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ... Общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли,—что составятъ для насъ штыки внутри государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ... Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества... Вотъ мнѣнія и общія жалобы, и сіе говорятъ истинно добрые граждане, а не заговорщики»... Въ порывѣ негодованія Пушкинъ забылъ, что предъ заревомъ московскаго пожара «померкло солнце Австерлица», которымъ онъ попрекнулъ въ эпиграммѣ Александра (см. во II т. настоящаго изданія, № 277).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Александру I см. въ I т. настоящаго изданія, примѣчанія къ № 108. Во извѣстномъ «Noël» Пушкинъ отказывался вѣрить конституціоннымъ «сказкамъ» Александра (см. ibid., № 162). Вскорѣ послѣ смерти его онъ писалъ Жуковскому: «въ теченьи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣлъ право сказать: гласъ лиры гласъ народа. Слѣдств. я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба» (Переписка П-на, академич. изд., I, 319). Впослѣдствіи Пушкинъ вспоминалъ о немъ, какъ о «самодержцѣ, умѣвшемъ уважать человѣчество» («Александръ Радищевъ»), т.-е. отмѣчалъ его личную гуманность. «За всѣ ваши проказы вы жили въ тепломъ климатѣ», говорилъ онъ поэту въ извѣстномъ «Воображаемомъ разговорѣ». Прочитавъ «Деревню», онъ благодарилъ Пушкина за добрыя чувства, внушаемыя его стихами (см. въ I т. настоящаго изданія, примѣч. къ № 187). Дельвигу Пушкинъ писалъ въ февралѣ 1826 г., что «не могъ доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавалъ полную справедливость истиннымъ его достоинствамъ». «Съ моимъ тезкой я не ладилъ», писалъ онъ какъ-то

женѣ (въ 1834 г.). Возражая Чаадаеву на «Философическое письмо», Пушкинъ напоминалъ ему объ Александрѣ, «который привелъ васъ къ Парижу». Въ «МѢдномъ Всадникѣ» онъ подвелъ итогъ его царствованію: «покойный царь Россіей со славой правилъ».

---

404. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ ДРАКИ...

(т. II, стр. 258).

Автографъ этой эпиграммы находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 28, гдѣ помѣченъ цифрой V (цифрой VI помѣчено слѣдующее за нимъ на той же страницѣ четверостишіе «Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ»...—см. слѣдующее примѣчаніе), и, судя по положенію, относится къ 1824 году. Напечатана она была въ сборникахъ стихотвореній Пушкина—1826 г., стр. 100, и 1829 г., ч. II, стр. 154. Въ настоящемъ изданіи воспроизведена по этому послѣднему сборнику, при чемъ вкралась опечатка въ четвертомъ стихѣ: должно быть не «слюною бѣшеной собаки», а «слюнею». Въ музейной рукописи стихи 2—3 читаются: «Сей утомительный зоилъ разводитъ ядъ своихъ чернилъ». Въ изданіи Л. И. Поливанова (т. I, изд. 3-е, стр. 69) эпиграмма невѣрно датирована 1817 г.

Въ «капнистовской» тетради («Автографы П—на, принадлежащіе графу П. И. Капнисту», сообщ. Л. Н Майкова, Спб., 1896 г., стр. 5), л. 11, эпиграмма отмѣчена Пушкинымъ, какъ предназначенная къ включенію въ сборникъ 1826 г., подъ обозначеніемъ: «Другая». Непосредственно передъ нею слѣдуетъ «Надпись къ портрету» («Клеветникъ безъ дарованья»...), 1821 г., написанная на М. Т. Каченовскаго (см. во II ст. настоящаго изданія, примѣч. къ № 285). Очевидно, это слово «другая» значитъ: другая эпиграмма на то же лицо, т.-е. на Каченовскаго. Объ отношеніяхъ Пушкина къ нему см. ниже, въ примѣчаніяхъ къ №№ 593—596.

---

405. ЛИХОЙ ТОВАРИЩЪ НАШИХЪ ДѢДОВЪ...

(т. II, стр. 258).

Въ 2367-ой тетради Румянцовскаго музея, на той же первой страницѣ 28-го листа, вслѣдъ за эпиграммой «Охотникъ до журнальной драки»... слѣдуетъ это четверостишіе, обозначенное цифрой VI и впервые напечатанное въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, 343, В. Е. Якушкинымъ, принявшимъ его за эпиграмму; къ этому же роду отнесли его П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, хотя оно больше сбивается на шуточный дивирамбъ, чѣмъ на эпиграмму. Послѣдній стихъ напоминаетъ первое четверостишіе мадригала Е. С. Огаревой (I т. настоящаго изданія, № 154). О комъ говорится здѣсь, неизвѣстно; время созданія отрывка приблизительно опредѣляется его положеніемъ среди другихъ черновиковъ.

---

406. МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКІЯ ЖЕНЫ...

(т. II, стр. 258).

Десять стиховъ этой пьесы, начинающіеся словами:

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила...

впервые появились въ герценовскомъ «Колоколѣ» 1859 г., № 23—24, стр. 200, и потомъ были перепечатаны въ изданныхъ Русскимъ (Н. В. Гербелемъ) «Стихотвореніяхъ А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», Берлинъ, 1861 г., стр. 52. Оригиналъ этого текста неизвѣстенъ, и онъ не былъ принятъ въ настоящ. изданіи въ виду сомнѣнія въ его авторитетности. Воспроизведено здѣсь стихотвореніе по исчерканному и очень трудно разбираемому черновому наброску, сохранившемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 19. Первый стихъ его былъ данъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 7, гдѣ вся пьеса не была приведена, и лишь было сказано: «содержаніе этого стихотворенія то же, что въ извѣстной эпиграммѣ «Насильно Зубову мила»...—послѣдняя эпиграмма представляетъ просто конецъ даннаго стихотворенія; въ началѣ упоминаются Орловъ, Державинъ, Потемкинъ, д'Аламберъ и пр.». Одиннадцать стиховъ наброска были напечатаны въ изданіи Литературнаго фонда, 1887 г., I, 336. Въ болѣе исправномъ видѣ появилось оно въ послѣднихъ изданіяхъ П. А. Ефремова, т. I, 1903 г., стр. 559—560, и П. О. Морозова, изд. «Просвѣщенія», I, 382. О принятомъ здѣсь текстѣ см. въ общей статьѣ о текстѣ. Къ 1824 г. пьеса отнесена по положенію ея въ черновой тетради.

Стихотвореніе поражаетъ необыкновенной игрою поэтическаго настроенія. Начавшись величественно, какъ ода, оно черезъ нѣсколько строкъ сбивается на эпиграмму. Отношеніе Пушкина къ Екатеринѣ не было ровнымъ, но поэта всегда занимала эта крупная историческая фигура. Царское Село, въ которомъ протекли учебные годы Пушкина, дѣйствовало на воображеніе поэта: здѣсь все говорило о Екатеринѣ, возрождало ее въ торжественно-театральномъ освѣщеніи. Съ дѣтства Пушкинъ привыкъ поклоняться Екатеринѣ. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» (1814 г.) онъ писалъ:

Увы! промчалися тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія Жены
Вѣнчалась славою счастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.
Здѣсь каждый шагъ въ душѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ
вѣщаетъ:
«Исчезло все, Великой нѣтъ!»

Съ этимъ безусловнымъ преклоненіемъ, съ этой романтической грустью мальчика-поэта о блестящемъ прошломъ еще не соединялась, конечно, критика личности Екатерины. Но скоро молодой поэтъ сталъ самостоятельно мыслить. Въ статьѣ 1821—1822 гг. о русской исторіи XVIII вѣка Пушкинъ уже судитъ Екатерину, и судитъ ее очень строго: «возведенная на престолъ заговоромъ нѣсколькихъ мятежниковъ, она обогатила ихъ на счетъ народа и унизила безпокойное наше дворянство. Если царствовать значитъ знать слабость души человѣческой и ею пользоваться, то въ семъ отношеніи Екатерина заслуживаетъ удивленіе потомства. Ея великолѣпіе ослѣпляло, привѣтливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбіе сей хитрой женщины утвер-

ждало ея владычество... Много было званныхъ и много избранныхъ, но въ длинномъ спискѣ ея любимцевъ, обреченныхъ презрѣнію потомства, имя страннаго Потемкина будетъ отмѣчено рукою исторіи... Униженная Швеція и уничтоженная Польша—вотъ великія права Екатерины на благодарность русскаго народа. Но современемъ исторія оцѣнитъ вліяніе ея царствованія на нравы, откроетъ жестокую дѣятельность ея деспотизма подъ личиной кротости и терпимости... покажетъ важныя ошибки ея въ политической экономіи, ничтожность въ законодательствѣ, отвратительное фиглярство въ сношеніяхъ съ философами ея столѣтія, и тогда голосъ обольщеннаго Вольтера не избавитъ ея славной памяти отъ [нареканія] Россіи... Екатерина знала плутни и грабежи своихъ любимцевъ, но молчала... Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно... «Наказъ» ея читали вездѣ и на всѣхъ языкахъ... Но, перечитывая сей лицемѣрный «Наказъ», нельзя воздержаться отъ праведнаго негодованія. Простительно было Фернейскому философу превозносить добродѣтели Тартюфа въ юбкѣ и въ коронѣ: онъ не зналъ, онъ не могъ знать истины... но подлость русскихъ писателей для меня непонятна». Въ этихъ безпощадныхъ обвиненіяхъ вполнѣ сказался молодой радикализмъ двадцатыхъ годовъ, и, хотя эстетической натурѣ Пушкина было «жаль великія жены» и ея феерическаго царствованія, окутаннаго дымомъ славныхъ войнъ и парнасскаго кадила, онъ, какъ типическій «либералистъ»» александровскаго времени, отнесся къ личности Екатерины съ суровымъ осужденіемъ, и ироническіе стихи его о ней могутъ быть поставлены эпиграфомъ къ полной гражданскаго негодованія исторической статьѣ. Въ послѣднихъ четырехъ стихахъ наброска Пушкинъ вѣрно охарактеризовалъ екатерининское царствованіе какъ эпоху самаго полнаго, роскошнаго цвѣтенія русскаго абсолютизма, эпоху, которой уже не суждено повториться.

Личностью Екатерины Пушкинъ всегда интересовался; онъ записывалъ разсказы о ней ея современниковъ. Одинъ анекдотъ, прекрасно отражающій ея лукавое остроуміе, онъ даже напечаталъ въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г. (№ 8, 5 февраля, стр. 66). Подъ вліяніемъ общей перемѣны въ политическихъ воззрѣніяхъ, онъ измѣнилъ впослѣдствіи свое отношеніе къ Екатеринѣ; отвѣчая въ 1836 г. Чаадаеву на его знаменитое «философическое письмо», онъ указалъ, какъ на одно изъ доказательствъ историческаго величія Россіи, на Екатерину, которая «помѣстила Россію на порогъ Европы». Но какъ ни колебался Пушкинъ въ своихъ взглядахъ на значеніе Екатерины, она неизмѣнно всегда оставалась въ его глазахъ «великою женою», выдающеюся исторической личностью. Его всегда плѣняли ея умъ, великодушіе, тонкость, внѣшній блескъ ея царствованія. Посѣтивъ въ 1829 г. давно покинутое Царское Село, Пушкинъ снова пережилъ прежнія впечатлѣнія, навѣваемыя екатерининскими памятниками:

И славныхъ лѣтъ передо мною
Являлись вѣчные слѣды:
Еще исполнены великою Женою,
Ея любимые сады
Стоятъ, населены чертогами, столпами,
Гробницами друзей, кумирами боговъ,
И славой мраморной, и мѣдными хвалами
Екатерининыхъ орловъ!...

407. НАПРАСНО АХНУЛА ЕВРОПА...

(т. II, стр. 259).

Автографъ эпиграммы находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 29 об., между черновиками окончанія «Цыганъ» и начала «Жениха». Впервые она была напечатана въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1859 г., кн. V, стр. 26, а въ собраніи сочиненій Пушкина стала включаться, начиная съ изданія 1880 г. (I, 502—503). Въ подлинникѣ пьеса не носитъ никакого заглавія.

Александръ Александровичъ Бестужевъ, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Марлинскаго (род. 23 октября 1797 г., ум. 7 іюня 1837 г.), декабристъ, издавалъ вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ въ 1823—1825 гг. альманахъ «Полярная Звѣзда»; Пушкинъ, переписывавшійся съ Бестужевымъ (ихъ переписка носитъ преимущественно литературный характеръ) и цѣнившій его писательскій талантъ, участвовалъ въ «Полярной Звѣздѣ». О первой книжкѣ этого альманаха онъ писалъ брату (30 января 1823 г.): «эта книга достойна всякаго вниманія». О Бестужевѣ см. ст. С. А. Венгерова въ его «Критико-Біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ», т. II, Спб., 1891, стр. 147—177; В. Я. Богучарскій, «Семейство Бестужевыхъ» («Изъ прошлаго русскаго общества», Спб., 1904); Н. А. Котляревскій, «Декабристы А. Одоевскій и А. Бестужевъ. Ихъ жизнь и литературная дѣятельность», Спб., 1907.

Постигшее Петербургъ 7 ноября 1824 г. наводненіе, самое значительное изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ, больно отозвалось въ сердцѣ Пушкина, и онъ писалъ брату (4 декабря) о разныхъ мѣрахъ противъ народнаго бѣдствія—«этотъ потопъ мнѣ съ ума нейдетъ»—и просилъ его «помочь какому-нибудь несчастному изъ онѣгинскихъ денегъ», только «безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго». Но въ веселую минуту поэтъ написалъ брату (въ ноябрѣ) остроумное письмо, въ которомъ забавно шутилъ по поводу наводненія. Въ такую же минуту онъ не упустилъ случая подтрунить и надъ Бестужевымъ съ его «ковчегомъ», полнымъ всякихъ представителей литературы—«и людей, и скотовъ». На грозномъ фонѣ этого наводненія ему предсталъ впослѣдствіи роковой образъ «Мѣднаго Всадника». Съ наводненіемъ связанъ анекдотъ о Пушкинѣ, передаваемый княземъ П. А. Вяземскимъ (Сочин., VIII, «Старая записная книжка», стр. 331): «Пушкинъ спрашивалъ стараго товарища по лицею про общаго пріятеля, а также сверстника-лицеиста, отличнаго мимика и художника по этой части: «А какъ онъ теперь лицедѣйствуетъ и что представляетъ?» — Петербургское наводненіе. — «И что же?»—Довольно похоже,—отвѣчалъ тотъ. Пушкинъ очень забавлялся этимъ «довольно похоже».

---

408. БЛЕСТИТЪ ЛУНА, НЕДВИЖНО МОРЕ СПИТЪ...

(т. II, стр. 260).

Подъ названіемъ «Отрывокъ» П. В. Анненковъ впервые напечаталъ эти стихи въ VII, дополнительномъ, томѣ своего изданія (стр. 86—87). По мнѣнію Анненкова, «этотъ отрывокъ, вмѣстѣ съ другими, совершенно безсвязными, въ томъ же

родѣ, составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго Фонтана» (см. II т. настоящаго изданія, стр. 617). Подлинникъ недавно оказался въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, по словамъ «Описанія» которой («П—нъ и его современники», вып. IV, стр. 7) написанъ на бумагѣ съ клеймомъ 1822 г. и носитъ дату: «22 іюля 1825». Какъ уже было указано въ примѣчаніяхъ къ «Бахчисарайскому Фонтану», предположеніе Анненкова, безъ всякихъ оговорокъ принятое всѣми послѣдующими изданіями, едва ли вѣроятно: противъ него говоритъ не только дата, о значеніи которой, впрочемъ, трудно судить лишь по лаконическому академическому описанію (подлинникъ наброска недоступенъ), но и содержаніе стиховъ; можетъ быть, въ 1825 г. Пушкинъ хотѣлъ использовать черновой «запасъ», оставшійся послѣ обработки «Бахчисарайскаго Фонтана». Возможно, что указываемая академическимъ описаніемъ помѣта не означаетъ времени созданія наброска, но, во всякомъ случаѣ, твердыхъ основаній датировать его 1824 годомъ нѣтъ. Не находится ли онъ по замыслу въ связи съ наброскомъ «Пока супругъ тебя, красавицу младую»...? (см. ниже, № 421).

---

409. БЫВАЛО ВЪ СЛАДКОМЪ ОСЛѢПЛЕНЬИ..

(т. II, стр. 260).

Этотъ исчерканный, трудно разбираемый карандашный набросокъ находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 40 об.). Два первыхъ стиха его были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., май, 337. Въ настоящемъ изданіи напечатанъ полнѣе, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ (см. исторію текста) Единствомъ настроенія и, насколько можно судить по этимъ немногимъ черновымъ строкамъ, содержанія онъ связанъ съ непосредственно слѣдующими за нимъ на другой страницѣ рукописи стихами («Русск. Стар.», 1. с.).

Чего мечтатель мо[лодой]
Ты въ немъ...
Кого восторженной душой
Боготворить не устыдился...

Цитированные четыре стиха представляютъ собою почти дословное повтореніе середины наброска 1822 г. «Ужели онъ казался прежде мнѣ»... (см. во II т. настоящаго изданія, № 365). Разбираемый нами набросокъ отражаетъ то же настроеніе, что и отрывокъ 1822 года: «Встрѣчались мнѣ наперсники молвы»... (ibid., № 366). Всѣ эти наброски стоятъ въ несомнѣнной связи между собою, какъ вѣхи, обозначающія въ исторіи душевной жизни Пушкина на югѣ тотъ путь, которымъ пришелъ онъ къ побѣдѣ надъ своимъ «Демономъ» (см. ibid., примѣч. къ № 371). Твердыхъ основаній къ тому, чтобы относить набросокъ: «Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи»... Къ 1824 г. нѣтъ. Если вспомнить то, что мы знаемъ о внутреннихъ волненіяхъ поэта, къ 1824 г. уже пережившаго прежнюю борьбу между мучительнымъ скептическимъ настроеніемъ и жаждой вѣры въ любовь и свободу и успокоившагося духомъ, то можно набросокъ отнести и къ 1822—1823 годамъ.

---

410. ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖЪ НАМИ СВЯЗИ НѢТЪ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ набросокъ находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 43 об. Первые четыре стиха напечаталъ, не совсѣмъ вѣрно, П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», изд. 1885 г., стр. 347. Нѣсколько полнѣе, но не исправнѣе, напечатанъ отрывокъ въ «Русск. Архивѣ» 1881 г., а также въ сборникѣ П. И. Бартенева «Бумаги А. С. Пушкина», I, М., 1881, стр. 144. Полностью и согласно съ подлинникомъ стихи появились въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 569. Приведя цѣлый рядъ отдѣльныхъ набросковъ и въ числѣ ихъ этотъ, Анненковъ (l. c.) говоритъ: «читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ стихотворныхъ фразъ принадлежатъ уже къ извѣстной поэтической дѣятельности автора», и высказываетъ предположеніе, что разбираемый набросокъ относится, «можетъ быть, къ тѣмъ лирическимъ пѣснямъ, въ числѣ которыхъ считается «Заклинаніе». Эту послѣднюю пьесу Анненковъ (ibid., 195, 196; «Пушкинъ въ Александровск. эпоху», 245) связывалъ съ одною изъ тѣхъ таинственныхъ тѣней, о которыхъ говоритъ поэтъ въ «Воспоминаніи» (1828 г.). П. Е. Щеголевъ («Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина»—«Вѣстн. Евр.» 1904 г., январь, 313—314) связываетъ разсматриваемый набросокъ съ стихотвореніемъ 1825 г. «Желаніе славы», которое, быть можетъ, не безъ основаній, относитъ къ графинѣ Е. К. Воронцовой (см. ниже, примѣчанія къ №№ 492, 494). Въ этомъ стихотвореніи поэтъ, вспоминая «послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья», разсказываетъ о внезапной разлукѣ:

Слезы, муки,
Измѣны, клевета—все на главу мою
Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынѣ,
И все передо мной затмилося!...

«Не объ этой ли минутѣ разлученья,—говоритъ П. Щеголевъ,—идетъ рѣчь въ отрывкѣ?... И въ этомъ, и въ предыдущемъ стихотвореніи любовная связь прекращается въ силу какихъ-то неясныхъ для насъ, внѣшнихъ обстоятельствъ. «Послѣднія моленья въ саду, во тьмѣ ночной, въ минуту разлученья» стихотворенія «Желаніе славы» напоминаютъ «горестныя пени» отрывка. Въ стихотвореніи взаимная горячая любовь гибнетъ отъ неожиданныхъ внѣшнихъ событій... «Слезы, муки, измѣны, клевета»—все вдругъ обрушилось на голову поэта. Въ отрывкѣ, тоже (?) по какимъ-то (?) причинамъ, любимая поэтомъ разрываетъ свои интимныя отношенія съ нимъ». Однако, не говоря уже о томъ, что не всегда поэтическое «я» и личное «я» автора слиты вмѣстѣ, въ данномъ случаѣ комментаторъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на то, что тогда какъ въ «Желаніи славы» катастрофическій ударъ, разлучающій любящихъ, изображенъ такими чертами, которыя ясно говорятъ о внѣшней, лежавшей внѣ воли влюбленныхъ причинѣ разлуки,—въ отрывкѣ не только не сказано ни слова о подобныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, но, наоборотъ, видно, что эта причина коренилась въ сердцѣ женщины; она сама отвѣчаетъ: «все кончено» на горестныя пени любов-

ника, которому остается только перестать «обманывать себя», ни въ чемъ не упрекать любимую женщину («тебя роптаніемъ преслѣдовать не буду») и даже, можетъ быть, утѣшиться мыслью, что она счастлива съ другимъ. Такимъ образомъ, связывать набросокъ «Все кончено»... съ «Желаніемъ славы» невозможно. Трудно найти также какой-нибудь другой близкій и объясняющій мотивъ какъ въ личной лирикѣ Пушкина, такъ и вообще въ пушкинской лирикѣ, но если уже искать подобную связь, ее, кажется, скорѣе можно усмотрѣть въ пьесѣ «Ненастный день потухъ»... (см. выше, № 392).

Точной датировкѣ набросокъ не поддается, и его можно отнести, по положенію его въ черновой тетради, къ 1823—1824 гг.; болѣе - близкое опредѣленіе невозможно.

---

411. ПѢВЕЦЪ ДАВИДЪ БЫЛЪ РОСТОМЪ МАЛЪ...

(т. II, стр. 260).

Этотъ трудно разбираемый набросокъ впервые былъ напечатанъ въ послѣднемъ ефремовскомъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, 1903 г., стр. 502); здѣсь печатается съ небольшими отличіями (см. въ исторіи текста) Занимался наброскомъ Ѳ. Е. Коршъ (см. «Пушкинъ и его современники», вып. VIII, стр. XXXII). П. А. Ефремовъ считалъ его (l. c.; ibid., 571; VIII, 200) эпиграммою на Воронцова. Это весьма возможно. Но можно выставить и другое предположеніе,—что эпиграмма лишь косвенно задѣвала графа М. С. Воронцова и была прямо направлена противъ одного изъ воронцовскихъ чиновниковъ, начальника отдѣленія въ генералъ-губернаторской канцеляріи Артемьева. И. П. Липранди зналъ какую-то эпиграмму на Артемьева, которая «особенно отличалась отъ другихъ своими убійственными, но вѣрными выраженіями» («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1477). Быть можетъ, дошедшее до насъ четверостишіе есть часть этой эпиграммы на Артемьева. Онъ, по словамъ графа М. Д. Бутурлина («Русск. Арх.» 1897 г., II, 17), отличался высокимъ ростомъ. Весьма возможно, что взбѣшенный «пѣвецъ Давидъ» своей эпиграммой давалъ понять этому «Голіаѳу», что не боится ни его, ни даже его начальника—Воронцова.

---

412. (НА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ).

(т. II, стр. 260).

Въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ И. П. Липранди («Русс. Арх.» 1866 г., ст. 1477), разсказывая о желчномъ настроеніи, овладѣвшемъ поэтомъ въ 1824 г. и выражавшемся «убійственными» эпиграммами, передаетъ, что «стихи его на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ на балѣ у графа [Воронцова], своимъ содержаніемъ раздражили всѣхъ. Всѣ дамы описаны въ томъ же [т. е., вѣроятно, «убійственномъ»] родѣ»... И въ видѣ примѣра Липранди приводитъ этотъ стихъ о красавицѣ Ризничъ. Быть можетъ, въ неизданныхъ еще полностью запискахъ Липранди сохранилось все стихотвореніе. Едва ли, впрочемъ, объ Амаліи Ризничъ, которую поэтъ любилъ, онъ отзывался «убійственно»; «римскій носъ»—только похвала ея наружности,—досталось, вѣроятно, другимъ дамамъ. Сохраненный Липранди стихъ—почти дословное повтореніе стиха лицейской шутки Пушкина, обращенной къ товарищу С. С. Есакову (см. I т. настоящаго изданія, № 147): «Мамзель Шредеръ съ краснымъ нѣсомъ»... Стихи объ одесскихъ дамахъ, какъ видно изъ воспоминаній Липранди, были написаны приблизительно въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1824 г., ранѣе командировки на истребленіе саранчи.

---

413. ТЫ ИЗДАЛЪ ДЯДЮ МОЕГО...

(т. II, стр. 260).

Эти стихи представляютъ собою начало чернового письма, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 34, и впервые напечатаны въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 12, В. Е. Якушкинымъ, высказавшимъ догадку, что письмо обращено къ Н. В. Всеволожскому. Имени Плетнева нѣтъ въ подлинникѣ, но оно подсказывается упоминаніемъ объ изданіи сочиненій дяди Пушкина, Василія Львовича, которое было выпущено въ 1822 г. П. А. Плетневымъ. Какъ видно изъ самаго письма, Пушкинъ поручалъ Плетневу издать первую главу «Онѣгина», Въ ноябрѣ братъ поэта увезъ рукопись ея въ Петербургъ, а 29 декабря она уже была подписана цензоромъ къ печати. Судя по этимъ даннымъ и по положенію письма среди другихъ черновиковъ, оно относится къ сентябрю—ноябрю 1824 г. Объ отношеніяхъ Пушкина и П. А. Плетнева см. въ примѣчаніяхъ къ посвященнымъ Плетневу и предпосланнымъ 4-ой и 5-ой главамъ «Евгенія Онѣгина» стихамъ: «Не мысля гордый свѣтъ забавить»...

---

414. ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ, ВЪ ДЕНЬ ГОНЕНЬЯ...

415. СЛАБЪ И РОБОКЪ ЧЕЛОВѢКЪ...

(т. II, стр. 260).

Объ этихъ наброскахъ см. въ примѣчаніяхъ къ VII-му и III-му «Подражаніямъ Корану», выше, № 398.

---

416. (ЧТО ЖЕ? БУДЕТЪ) ЛИ ВИНО?...

(т. II, стр. 260).

Это черновое, исчерканное и мѣстами трудно поддающееся прочтенію посланіе къ брату Льву Сергѣевичу, находящееся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 42, впервые было напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюль, 18—19; по положенію въ рукописи оно должно быть датировано приблизительно концомъ 1824 года. Здѣсь напечатано съ нѣкоторыми добавленіями (см. исторію текста). Въ концѣ черновика можно разобрать еще слова:

Часто пью—но
Рѣдко, рѣдко пьянъ...

Поэтъ жилъ тогда въ Михайловскомъ, одинъ-на-одинъ со старой няней, и переписывался съ братомъ, которому давалъ разныя порученія, и литературныя, и хозяйственныя. Левъ Сергѣевичъ служилъ посредникомъ между ссыльнымъ братомъ и петербургскими литераторами и издателями, посылалъ ему книги, разныя вещи, съѣстные припасы и вина. «Пришли мнѣ»—писалъ Пушкинъ во второй половинѣ декабря 1824 г.,—«бумаги почтовой и простой; если вина, такъ и сыру; не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, то есть штопоръ». Въ письмѣ 14 марта 1825 г. поэтъ просилъ: «душа моя, горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ»... «Вино, вино, ромъ (12 бут.)...»,—командовалъ Пушкинъ брату въ письмѣ 22 апрѣля 1825 г. Напоминаніемъ объ одной подобной комиссіи является разбираемое посланіе. Оно дышитъ легкимъ, игривымъ эпикурействомъ, надъ которымъ поэтъ самъ подтруниваетъ. Стихи напечатаны въ изданіяхъ литературнаго фонда, П. А. Ефремова, академіи наукъ въ числѣ писемъ поэта, но Пушкинъ самъ назвалъ ихъ посланіемъ къ брату и процитировалъ ихъ въ примѣчаніяхъ къ «Евгенію Онѣгину» (примѣч. 29-ое):

Въ лѣта красныя мои
Поэтическій Ай
Нравился мнѣ пѣной шумной,
Симъ подобіемъ любви
Или юности безумной, и проч.

При этомъ указано въ скобкахъ: «Посланіе къ Л. П.» П. А. Ефремовъ (Сочин. II—на, I, 1903 г., стр. 554) связалъ эти стихи въ одно цѣлое съ наброскомъ, т.-е. произвольно соединилъ черновикъ съ бѣловой редакціей, не дошедшей до насъ. «Н. Ѳ. Щербина»—писалъ Анненковъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, VII, 83),—бывшій въ хорошихъ сношеніяхъ съ Л. С. Пушкинымъ, слышалъ отъ него много стиховъ его брата, граціозныхъ и изящныхъ импровизацій на разные случаи. Все это теперь потеряно. Н. Ѳ. Щербина помнитъ, что Левъ Пушкинъ прочелъ ему разъ за столомъ стихи на С. Пере и Шамбертень, очень милые»... Быть можетъ, прочитанные Львомъ Сергѣевичемъ Щербинѣ стихи и были исправленной редакціей извѣстнаго намъ чернового посланія, въ которомъ въ перечнѣ равно любимыхъ напитковъ, рядомъ съ St. Пере, фигурировалъ и Шамбертень, не упоминаемый въ черновикѣ.

Въ Львѣ Сергѣевичѣ, о которомъ было сказано, что онъ «не лишенъ разсудка, но съ шампанскимъ жирный пловъ и съ груздями утка намъ докажутъ лучше словъ, что онъ болѣе здоровъ силою желудка», и который даже ускорилъ свою кончину неумѣреннымъ потребленіемъ кахетинскаго, поэтъ могъ встрѣтить полное сочувствіе этой оцѣнкѣ винъ. Изъ всѣхъ винъ Пушкинъ особенно часто упоминаетъ ай. Къ стихамъ: «Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ ай холодная струя»... («Всеволожскому», 1819 г.) онъ сдѣлалъ обстоятельное юмористическое примѣчаніе: «Champagne L. D. M. frappé à la glace»; объ этой маркѣ упоминаетъ онъ и въ письмѣ къ брату 27 іюня 1821 г. Съ ай Пушкинъ сравниваетъ въ «Путешествіи Онѣгина» оперы Россини:

Онъ звуки льетъ—они кипятъ,
Они текутъ, они горятъ,
Какъ поцѣлуи молодые,
Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
Какъ зашипѣвшаго ай
Струи и брызги золотые...

Въ «Крайне безсвязныхъ мысляхъ» Т. Гофмана о музыкѣ шампанское такъ же сближено съ музыкой, и даже именно съ комической оперой: «благородный плодъ заключаетъ въ себѣ тайну чудеснымъ образомъ завладѣвать духомъ человѣка въ наиболѣе свойственныхъ ему отголоскахъ... Такъ, напримѣръ, при церковной музыкѣ я бы посовѣтовалъ старый рейнвейнъ и французскія вина, при комической оперѣ—шампанское»... И Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ «Онѣгина», въ томъ, къ которому сдѣлано приведенное выше примѣчаніе (гл. 4, строфы XLV—XLVI), говорилъ о шампанскомъ:

Оно сверкаетъ Ипокреной,
Оно своей игрой и пѣной
(Подобіемъ того-сего)
Меня плѣняло...
Его волшебная струя
Рождала глупостей не мало;
А сколько шутокъ, и стиховъ,
И споровъ, и веселыхъ сновъ!
Но измѣняетъ пѣной шумной
Оно желудку моему,
И я Бордо благоразумный
Ужъ нынче предпочелъ ему.
Къ Ай я больше неспособенъ;
Ай любовницѣ подобенъ
Блестящей, вѣтреной, живой,
И своенравной, и пустой...

«Ай въ стихахъ ввелъ въ моду Батюшковъ,—писалъ въ 1849 г. П. А. Плетневъ Я. К. Гроту (см. ихъ «Переписку», III, 405), «за нимъ шелъ Пушкинъ, а послѣ и Боратынскій». «Пѣвецъ Пировъ» говоритъ объ этомъ винѣ:

Его звѣздящаяся влага
Недаромъ взоры веселитъ:
Въ ней укрывается отвага,
Какъ страсть, какъ мысль она кипитъ;
Въ игрѣ своей не терпитъ плѣна,
Рветъ пробку рѣзвою волной,
И брызжетъ радостная пѣна,
Подобье жизни молодой...

Здѣсь Боратынскій почти повторяетъ слова Пушкина о «подобіи юности безумной». Языковъ вспоминалъ («Малага»):

Въ мои былые дни, въ дни юности счастливой
Вино шипучее я пилъ...
Сверкало золотомъ, кипѣло пѣной бѣлой
Насъ развивавшее питье,
Воспламенялось и кипѣло
Воображеніе мое...

Въ русской поэзіи «поэтическій ай» оставилъ прекрасный, неизгладимый слѣдъ.

Стоитъ отмѣтить забавный комментаторскій курьезъ. Слова Пушкина о своей «свободѣ жажды и терпимости всякихъ винъ» одинъ критикъ (В. Розовъ, «Пушкинъ и Гете», Кіевъ, 1908, стр. 254) истолковалъ весьма «распространительно»: «сквозь шутку проглядываетъ либеральная формула религіозной терпимости», какъ будто

у Пушкина мало другихъ, болѣе вѣскихъ доказательствъ вѣротерпимости... «Лайонъ»—имя брата въ англійскомъ переводѣ и произношеніи (Iуон—левъ); «мой Лайонъ»—называетъ Пушкинъ брата въ одномъ письмѣ 1824 г. (Переписка П., академич. изд., I, 165, № 118); «Лайонъ, мой курчавый братъ», упоминается въ посланіи къ А. Н Вульфу (см. выше № 387) и въ письмѣ къ Вяземскому («Переписка», I, № 98).

---

417. ПРЕЗРѢВЪ И ШОПОТЪ УКОРИЗНЫ...

(т. II, стр. 261).

По черновому, испещренному помарками автографу, находящемуся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 35 об., стихотвореніе напечатано было впервые, не совсѣмъ исправно, въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 14—15; въ собранія произведеній Пушкина оно стало входить начиная съ изданія литературнаго фонда (I, 333). Въ настоящемъ изданіи воспроизведено въ болѣе точномъ видѣ, чѣмъ въ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Судя по положенію среди другихъ черновиковъ и по біографическимъ даннымъ, оно набросано осенью или зимою 1824 года.

«Отряхнуть съ дорожныхъ одеждъ прахъ отчизны» Пушкинъ собирался еще на югѣ. Въ началѣ 1824 г онъ писалъ изъ Одессы брату: «я дважды про силъ Ивана Ивановича»—такъ же условился называть царя кн. А. С. Меншиковъ въ одномъ изъ писемъ 1815 г. къ А. А. Закревскому (Сборн. Имп. Русс. Историч. Общества т. 78, стр. 425)—«о своемъ отпускѣ чрезъ его министровъ, и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости,—не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ». Написанная въ Одессѣ I-ая строфа 4-ой главы «Онѣгина» содержитъ ясный намекъ на это намѣреніе Пушкина бѣжать на чужбину—чтобы подъ южнымъ небомъ «вздыхать о сумрачной Россіи, гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ, гдѣ сердце я похоронилъ». Но плѣненное сердце удержало Пушкина отъ побѣга: «я былъ окованъ; вотще рвалась душа моя: могучей страстью очарованъ у береговъ остался я»... («Къ морю»). Положеніе Пушкина ухудшилось, когда онъ попалъ въ Михайловское, гдѣ не было «ни саранчи, ни милордовъ Уоронцовыхъ», но зато не было также «ни моря, ни голубого неба полудня, ни италіанской оперы»; къ тому же родители встрѣтили опальнаго сына съ такой жестокой непривѣтливостью, что онъ просилъ Жуковскаго: «спаси меня хоть крѣпостію, хоть Соловецкимъ монастыремъ», даже подумывалъ о самоубійствѣ. Мысль о побѣгѣ снова пришла ему въ голову и, вѣроятно, онъ сгоряча подѣлился ею съ кѣмъ-нибудь, потому что въ Петербургѣ заговорили объ этомъ. «Мнѣ дьявольски не нравятся,—писалъ онъ брату въ декабрѣ 1824 г.—петербургскіе толки о моемъ побѣгѣ. Зачѣмъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда будешь у меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чадаева. Вотъ пункты, о которыхъ можешь уже освѣдомиться». Тутъ рѣчь идетъ очевидно, о дѣйствительныхъ приготовленіяхъ къ побѣгу, въ которыхъ Левъ Сергѣевичъ принималъ участіе, и таинственные «пункты» объясняются легко; въ нихъ говорится объ устройствѣ пересылки денегъ и писемъ заграницу, гдѣ тогда путешествовалъ Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ, повидимому, хотѣлъ присоединиться. Въ ожиданіи побѣга Пушкинъ, надо думать, и набросалъ эти стихи, посланіе къ брату, который кое-чѣмъ здѣсь рисковалъ, но «въ опасный день разлуки забылъ для брата о себѣ». Планъ этотъ, однако, не осуществился (см. письма къ Льву Сергѣевичу въ перепискѣ П—на, академич. изд., I, 178, 182). Объ участіи въ немъ тригорскаго сосѣда и пріятеля Пушкина—А. Н. Вульфа—см. выше, въ примѣчаніяхъ къ № 387. См. также примѣч. къ № 385.

Четыре стиха: «Простите, сумрачныя сѣни»... и слѣд. Пушкинъ повторилъ въ началѣ XLVI строфы 6-ой главы «Евгенія Онѣгина».

418. САБУРОВЪ, ТЫ ОКЛЕВЕТАЛЪ...

(т. II, стр. 261).

Съ сохранившагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 35 об., чернового автографа это шуточное стихотвореніе было впервые напечатано въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюль, 15. О пріятелѣ Пушкина Яковѣ Сабуровѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, стр. 531—532. В. И. Саитовъ («Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ», III, 446) пріятелемъ Пушкина называетъ лейбъ-гусара Якова Васильевича Сабурова.

Въ ноябрѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ брату: «скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его»... Въ концѣ февраля или началѣ марта 1825 г. онъ, въ письмѣ къ брату, упомянулъ Сабурова въ числѣ тѣхъ своихъ «друзей», которые «не въ примѣръ хуже Булгарина», а 22 апрѣля снова писалъ ему: «если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его тамъ обо мнѣ ничего не врать»... Вѣроятно, съ этимъ «враньемъ» Сабурова связаны не только разбираемые стихи, но и упоминаніе въ «Онѣгинѣ» (гл. 8, строфа XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души...

О П. П. Каверинѣ см. во II томѣ настоящаго изданія, примѣчанія къ №№ 130 и 131. О Молоствовѣ—тамъ же, стр. 532; его имя упоминается въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ». Объ А. Н. Зубовѣ, которому Пушкинъ въ 1817 г. написалъ стихи: «Пройдетъ любовь, умрутъ желанья»..., см. тамъ же, стр. 412; въ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» упоминается «Зубова томность». Стихъ: «Съ моимъ Чадаевымъ читалъ»... приводитъ на память благодарныя строки въ посланіи 1821 г. къ Чаадаеву; Пушкинъ не могъ забыть «пророческіе споры, знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры», которые занимали его съ Чаадаевымъ (см. во II т., примѣч. къ № 266).

---

419. ЕДВА УСТА КРАСНОРѢЧИВЫ...

(т. II, стр. 261).

Съ написаннаго очень блѣдными чернилами оригинала, сохранившагося въ 2368-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 17, впервые

появилось въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюнь, 535, это стихотвореніе; конецъ его неизвѣстенъ, такъ какъ половина листа, за словами: «Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный»..., отрѣзана. Къ 1824 году отнесено оно потому, что слѣдуетъ въ рукописи непосредственно послѣ «Цыганъ». Въ пьесѣ говорится, повидимому, о хрустальномъ кубкѣ, подаренномъ Пушкину кѣмъ-нибудь изъ друзей-поэтовъ. Обстоятельства, благодаря которымъ возникла эта пьеса, неизвѣстны.

---

420. ГРАФУ О...

(т. II, стр. 261).

Пьеса дошла до насъ въ исчерканномъ черновикѣ, находящемся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 32, и впервые появилась въ «Русск. Старинѣ» 1884 г., іюль, 11. Анненкову былъ извѣстенъ собственноручный перечень стихотвореній Пушкина, написанныхъ до 1826 г. включительно. Среди заглавій «утерянныхъ или еще скрывающихся его стихотвореній, которыя и въ бумагахъ его не находятся», Анненковъ видѣлъ заглавіе пьесы: «къ Гр. О*», которая, однако, была впослѣдствіи обнаружена въ черновой тетради. Здѣсь воспроизведено по автографу. (см. въ общей статьѣ о текстѣ).

Съ графомъ Густавомъ Филипповичемъ Олизаромъ (1798—1864 гг.) Пушкинъ познакомился въ 1820—1821 гг. у Раевскихъ, къ которымъ Олизаръ, бывшій тогда кіевскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, былъ вхожъ на правахъ близкаго человѣка. Когда Раевскіе, въ іюлѣ 1821 г., вмѣстѣ съ братьями А. Л. и В. Л. Давыдовыми пріѣзжали въ Кишиневъ въ гости къ Орловымъ, Олизаръ былъ съ ними, и Пушкинъ, всѣ четыре дня ихъ пребыванія въ Кишиневѣ проведшій у Орловыхъ, конечно, встрѣтился у нихъ съ Олизаромъ («Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1258). Графъ Олизаръ былъ не только полякъ, но пламенный польскій патріотъ, мечтавшій о возстановленіи Польши, и въ этихъ видахъ былъ однимъ изъ связующихъ звеньевъ между русскимъ тайнымъ обществомъ и польскимъ; когда онъ, въ 1823 г., посватался за Марію Николаевну Раевскую (вышедшую въ слѣдующемъ году за кн. С. Г. Волконскаго), старикъ-отецъ откровенно отвѣтилъ ему, что его предложеніе не можетъ быть принято по религіознымъ и національнымъ причинамъ, составляющимъ «непреодолимую преграду». Судя по посланію, Пушкинъ зналъ и о сватовствѣ Олизара, и о причинахъ отказа. Олизаръ писалъ стихи; романтикъ въ поэзіи, онъ былъ романтикомъ и въ жизни. Отказъ любимой дѣвушки такъ на него подѣйствовалъ, что онъ оставилъ Кіевъ и поселился въ Крыму, гдѣ купилъ близъ Аюдага небольшое помѣстье, которому придумалъ романтическое имя—«Кардіатриконъ». Въ этомъ «врачующемъ сердце» уголкѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, вспоминая Марію Раевскую и изливая въ стихахъ свою тоску по Амирѣ (Амира—анаграмма Маріи). Онъ писалъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ: «если родилась въ душѣ моей что-нибудь благородное, возвышенное, поэтическое, я обязанъ этимъ любви, которую внушила мнѣ Марія Раевская, княгиня Волконская, теперь нерчинская изгнанница, раздѣляющая горькій жребій мужа. Она была моею Беатриче; ей было всецѣло посвящено «дантовское» чувство, до котораго могъ возвыситься мой поэтическій духъ. Благодаря ей, а вѣрнѣе благодаря любви къ ней, я пріобрѣлъ сочувствіе перваго русскаго поэта и дружбу нашего лауреата Адама (Мицкевича). Его крымскій сонетъ «Аюдагъ» посвященъ мнѣ и моей любовной ссылкѣ. Наконецъ, ей, помимо ея вѣдома, я обязанъ счастливымъ и безопаснымъ избавленіемъ изъ политическихъ сѣтей, въ которыя я впослѣдствіи попалъ, хотя безвинно». Этимъ Олизаръ, вѣроятно, хотѣлъ сказать, что отказъ Раевскихъ отдалилъ его отъ его русскихъ друзей какъ разъ въ то время, когда надъ ихъ головами сбирались тучи. Замѣшанный въ дѣло 14 декабря, Олизаръ въ 1826 г. былъ арестованъ и просидѣлъ недолго въ Петропавловской крѣпости. Однако, неудачный исходъ сватовства не разрушилъ добрыхъ отношеній Олизара къ семьѣ Раевскихъ; въ 1827 г. онъ съ ними ѣздилъ на кавказскія воды; любовь свою къ Маріи онъ перенесъ на ея сестру Елену Николаевну, но она не пошла за него, и черезъ нѣсколько лѣтъ Олизаръ женился на полькѣ. О семьѣ Раевскихъ онъ навсегда сохранилъ добрую, благодарную память.

Поэтическій талантъ Олизара высоко оцѣнилъ Мицкевичъ въ посвященномъ ему сонетѣ; Пушкинъ, который не любилъ поляковъ («въ Одессѣ,—разсказываетъ П. И. Бартеневъ [«Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1748—1749],—польскіе паны завлекали его къ себѣ, но онъ не обнаружилъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія»), готовъ былъ подружиться съ «враждебнымъ» польскимъ сердцемъ Олизара ради пылавшаго въ немъ «огня поэзіи». Вѣроятно, стихи, дошедшіе до насъ въ черновикѣ, были въ бѣловомъ, исправленномъ видѣ переданы Олизару. Въ Одессѣ Олизаръ былъ въ 1823 г., по дорогѣ въ Крымъ; лѣтомъ 1824 г. его видѣлъ въ Одессѣ графъ М. Д. Бутурлинъ. Быть можетъ, тогда-то и передалъ ему Пушкинъ свои стихи, какъ знакъ сочувствія, о которомъ впослѣдствіи съ гордостью вспоминалъ Олизаръ. Объ Олизарѣ и его литературной и политической дѣятельности см. его «Pamiętniki», Lwów, 1892 г., и предисловіе къ нимъ; «Русск. Обозрѣніе» 1893 г., № 8—9; Записки князя Волконскаго, Спб., 1901 г., стр. 402; «Русск. Арх.» 1897 г., II, 24, 585—586; 1902 г., II, 265—267, зам. В. С. Иконникова; 1906 г., III, 609; «Былое» 1906 г., май, 248—250; Сборникъ И. Русск. Историч. Общества, т. 78, стр. 139; «Архивъ Раевскихъ», I, 248—249, 389—390.

Пушкинъ всегда относился къ польскому вопросу, какъ къ «спору, ужъ взвѣшенному судьбою» и рѣшенному не въ пользу поляковъ, надежды которыхъ на возрожденіе Польши не встрѣчали въ немъ сочувствія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ человѣкъ своего времени и своего общества. Достаточно сказать, что самыя свободолюбивыя души двадцатыхъ годовъ на этотъ счетъ вполнѣ сходились съ нимъ. М. Ѳ. Орловъ писалъ Александру I рѣзкую записку противъ эмансипаціи Польши (М. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», М., 1908, стр. 4); для другого кишиневскаго пріятеля Пушкина, В. Ѳ. Раевскаго, гражданскаго поэта, «перваго декабриста», по словамъ его біографа (П. Е. Щеголева—«Вѣстн. Европы» 1903 г., іюнь, 534,) «однимъ изъ мотивовъ возникновенія оппозиціоннаго настроенія было «возстановленіе» Польши. Но нѣтъ такой сильной вражды, голосъ которой не смолкалъ бы «при пѣсняхъ вдохновенья»! Въ нихъ видѣлъ Пушкинъ осуществленіе призванія поэта, который ими дол-

женъ «сердца враждебныя дружить»; впослѣдствіи онъ благословилъ Мицкевича, который «говорилъ о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», и горько пожалѣлъ, что польскій поэтъ «намъ сталъ врагомъ» и «поетъ ненависть». Нѣсколько стиховъ посланія къ Олизару Пушкинъ повторилъ въ 1831 г., обращаясь къ «Клеветникамъ Россіи».

421. ПОКА СУПРУГЪ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ...

(т. II, стр. 262).

Съ чернового автографа, находящагося въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 38), эти стихи появились впервые въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 16. По положенію среди черновиковъ «Подражаній Корану» и писемъ 1824 г. они должны быть отнесены къ 1824 году, а не къ 1825-му, которымъ датировали его въ своихъ изданіяхъ П. О. Морозовъ и П. А. Ефремовъ, не приводя для этого никакихъ основаній. По восточной обстановкѣ наброска можно предположить связь его съ другимъ «восточнымъ» отрывкомъ: «Блеститъ луна, недвижно море спитъ»... (см. выше, № 408). «Въ той же рукописи, нѣсколькими страницами выше, — говоритъ В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.», ibid., 14), — встрѣчаются отдѣльныя слова, доказывающія, что поэтъ въ то время занимался восточными стихотвореніями». Ср. въ статьѣ о текстѣ.

422. ЗАБЫЛЪ И РОЩУ И СВОБОДУ...

(т. II, стр. 262).

Впервые напечаталъ это четверостишіе съ неизвѣстнаго нынѣ оригинала П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» изд. 1855 г., стр. 347, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими отрывками, о которыхъ говоритъ (ibid., 346), что это «чисто лирическіе звуки, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта. Они писаны въ разное время, и въ цѣпи стихотвореній настоящее мѣсто ихъ извѣстно было только самому автору. Теперь уже нѣтъ возможности опредѣлять ихъ порядокъ и сообщать какую-либо классификацію». Такъ какъ нѣкоторые изъ напечатанныхъ Анненковымъ рядомъ съ этимъ четверостишіемъ шести набросковъ прежде считались относящимися къ 1824 г., то и этотъ набросокъ издатели стали печатать подъ 1824 г. Но изъ всѣхъ этихъ отрывковъ ни одинъ не можетъ быть съ достовѣрностью отнесенъ къ 1824 г., и поэтому приходится, подобно Анненкову, отказаться отъ точной датировки разсматриваемаго четверостишія. Необходимо обратить вниманіе на его художественную законченность, заставляющую признать его не черновикомъ, а вполнѣ сложившимся начальнымъ отрывкомъ неоконченной пьесы. Третій стихъ въ совершенствѣ передаетъ живость и быстроту движеній птички.

423. МЛАДЕНЦУ.

(т. II, стр. 262).

Неразборчивый черновикъ этого стихотворенія, заглавіе которому дано самимъ Пушкинымъ, находится въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 24). Оно было впервые напечатано въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., іюль, 9. Здѣсь напечатано съ нѣкоторыми добавленіями (см. исторію текста). Есть нѣкоторыя основанія думать, что это черновая редакція стиховъ, написанныхъ Пушкинымъ маленькой дочкѣ Воронцовыхъ. А. Н. Раевскій писалъ ему 21 августа 1824 г. изъ имѣнія Александріи, гдѣ находилась тогда графиня Е. К. Воронцова съ дочкой: «даже ея прелестная дочка вспоминаетъ о тебѣ и часто говоритъ мнѣ о сумасшедшемъ Пушкинѣ и о тростн съ собачьей мордой, которую ты ей подарилъ. Я все поджидаю образка съ двумя первыми стихами, которые ты написалъ для нея». Въ такомъ случаѣ, стихотвореніе написано еще въ Одессѣ, въ первой половинѣ 1824 года. Въ трехъ послѣднихъ стихахъ дошедшаго до насъ наброска, быть можетъ, заключается намекъ на тѣ клеветническіе слухи о Пушкинѣ, которые должна была узнать, ставши взрослой, дочь ненавидѣвшаго поэта графа М. С. Воронцова. Во время пребыванія Пушкина въ Одессѣ единственной дочери Воронцовыхъ, маленькой графинѣ Александрѣ Михайловнѣ, было четыре года, по словамъ Вигеля («Записки», изд. 1892 г., VI, 168, 173), или шелъ четвертый годъ, какъ указано въ «Архивѣ Раевскихъ» (I, 241); умерла она около 1830 г. (см. тамъ же).

424. ПРІЮТЪ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ...

424-а. (У МОРЯ) ПОДЪ СКАЛОЙ...

(т. II, стр. 262).

Находящійся въ 2370-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея, л. 6, набросокъ «Пріютъ любви»... впервые былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ еще въ «Русс. Стар.» 1884 г., іюль, стр. 2, но въ собраніи сочиненій Пушкина до сихъ поръ издателями не включался. Въ «Русс. Старинѣ» четвертый стихъ былъ переданъ невѣрно: «шумъ» вмѣсто «гулъ», отчего четверостишіе проигрывало въ изобразительности. Именно изобразительной стороною обращаетъ на себя вниманіе этотъ превосходный отрывокъ, гдѣ частое чередованіе плавныхъ звуковъ *р* и *л* такъ художественно передаетъ ропотъ волнъ въ приморскомъ гротѣ. На гротъ намекаютъ признаки — «пріютъ любви», «сумрачная прохлада», «стѣсненныя волны». Къ тому же о пещерѣ говорится въ другомъ, находящемся на 3-мъ листѣ той же черновой тетради, наброскѣ («У моря) подъ скалой»..., появляющемся здѣсь въ печати впервые (о немъ упоминалъ В. Е. Якушкинъ въ «Русс. Стар.», l. c., но не могъ его разобрать). Повидимому, этотъ набросокъ представляетъ собою первый приступъ къ стихамъ о приморскомъ гротѣ, потомъ начатымъ еще лучше и, къ сожалѣнію, такъ и оставленнымъ. Время написанія набросковъ устанавливается ихъ положеніемъ въ тетради, среди черновиковъ другихъ произведеній.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1825 г.

425. ПРІЯТЕЛЯМЪ

(т. II, стр. 281).

Эту эпиграмму Пушкинъ сообщилъ кн. Вяземскому въ письмѣ отъ 25 января 1825 г., съ приписками: «Вотъ тебѣ стишки въ духѣ Василья Львовича» и «Напечатай гдѣ-нибудь». Исполняя это желаніе Вяземскій напечаталъ эпиграмму въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. I, № 3, стр. 215, съ подписью: «А. П.» и подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ». Это измѣненіе заглавія вызвало объясненіе Пушкина въ Сѣверной Пчелѣ 1825, № 52: «А. С. Пушкинъ просилъ издателей Сѣверной пчелы извѣстить публику, что стихи его сочиненія, напечатанные въ № 3 Московскаго Телеграфа, на стр. 215, подъ заглавіемъ: «Къ журнальнымъ пріятелямъ», должно читать просто: «Къ пріятелямъ». По этому поводу Вяземскій писалъ поэту 7 іюня 1825 г.: «Охота тебѣ была печатать une réclamation на Телеграфа у подлеца Булгарина! Телеграфъ очень огорчился, а виноватъ былъ во всемъ я. Мнѣ казалось осторожнѣе прибавить: Журнальнымъ, потому что у тебя пріятелей много, и могли бы попасть не въ попадъ. Надобно совершенно разорвать съ петербургскими журналистами...» Пушкинъ отвѣчалъ въ началѣ іюля: «Я послалъ въ Пчелу, а не въ Телеграфъ, мою опечатку, потому что въ Москву почта идетъ несносно долго. Полевой напрасно огорчился, ты не напрасно прибавилъ журнальнымъ, а я недаромъ отозвался, et le diable n'y perd rien». Въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 гг. эпиграмма озаглавлена: «Пріятелямъ».

Объ этой эпиграммѣ А. Е. Измайловъ отозвался въ Благонамѣренномъ 1825, ч. 30, стр. 173:

«Изъ самаго начала сего ужаснаго осьмистишія открывается, что для сочинителя пріятель и врагъ—синонимы»... Далѣе, приведя первые 4 стиха, авторъ замѣтки продолжаетъ: «Страшно, очень страшно! Болѣе же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!» Затѣмъ приводится заключеніе эпиграммы, съ замѣткой: «Сколько вкуса и чувствительности! Пришлось похвалить! Долго ли до исторіи?»

Въ подчеркнутомъ словѣ когти, можетъ быть, скрывается намекъ на длинные ногти, которые, какъ извѣстно, носилъ Пушкинъ.

«Вотъ эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ пріятелей»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому въ томъ же письмѣ, въ началѣ іюля 1825 г., выписывая свое восьмистишіе: «Ex ungue leonem».

Замѣчаніе Измайлова о синонимическомъ употребленіи словъ друзья и враги оказывается вѣрнымъ: въ первоначальной редакціи эпиграммы, въ рукописи Моск. Музея № 2370, л. 85, первый ея стихъ читался:

Друзья мои...

а затѣмъ Пушкинъ замѣнилъ друзей—врагами.

---

426. НАШЪ ДРУГЪ ӨПТА...

(т. II, стр. 281).

Сообщено кн. Вяземскому въ томъ же письмѣ отъ 25 января 1825 г., въ которомъ находится эпиграмма «Пріятелямъ». «Не выдавай меня, милый», приписалъ Пушкинъ,—«не показывай этого никому: Ѳипта бо другъ сердца моего, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны».

Относится къ Ѳедору Николаевичу Глинкѣ, автору многочисленныхъ духовныхъ стихотвореній и переложеній псалмовъ (о немъ т. II, стр. 606—608).

---

427. ЖЕНИХЪ

(т. II, стр. 281).

Напечатано впервые въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № 13. Къ 1825 г. отнесено самимъ Пушкинымъ. Дѣйствительно, черновые наброски этой сказки находятся въ рукописи Моск. Музея № 2370 среди набросковъ 4-й главы Онѣгина и Цыганъ и, слѣдовательно, писаны въ концѣ 1824 и въ началѣ 1825 гг.

При первопачальномъ напечатаніи этого произведенія, Пушкинъ поставилъ въ подзаголовкѣ слова: «Простонародная сказка». Это была первая попытка обработать въ поэтической формѣ сюжетъ одной изъ тѣхъ сказокъ, которыя Пушкинъ слушалъ въ долгіе зимніе вечера, въ деревенскомъ уединеніи, отъ своей старой няни. Проф. Сумцовъ («Этюды о Пушкинѣ», 276—286), подробно разобравшій до 20-ти различныхъ варіантовъ того же сюжета въ сказкахъ какъ русскихъ, такъ и другихъ, пришелъ къ заключенію, что Пушкинъ передалъ всѣ главные мотивы сказки именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ большинствѣ варіантовъ. Но, принимаясь за обработку сказочнаго мотива, Пушкинъ еще не находилъ для него оригинальной поэтической формы, которая появилась въ его сказкахъ только впослѣдствіи: онъ остановился на 8-строчной строфѣ съ риѳмами, освященной «балладникомъ» Жуковскимъ. Быть-можетъ, до нѣкоторой степени въ Женихѣ отразилась также и старая повѣсть Карамзина «Наталья боярская дочь» (1792 г.), въ которой героинею является «Наташа», а героемъ—разбойникъ, похищающій дѣвушку (догадка проф. П. В. Владимирова, въ Пушк. Сборн. Кіевск. унив., стр. 23),—если только не допустить, что и Карамзинъ, въ свою очередь, воспользовался для своей повѣсти народнымъ же сказочнымъ мотивомъ. Какъ бы то ни было, выборъ «литературнаго», балладнаго стихотворнаго размѣра ни въ чемъ не повредилъ народности сказки Пушкина: эта народность проявилась и въ яркой обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, и въ силѣ и мѣткости языка, пересыпаннаго поговорками, въ типичности свахи и въ разговорной формѣ изложенія наиболѣе драматическихъ моментовъ разсказа. Въ отношеніи самой фабулы, какъ доказывается изслѣдованіями проф. Сумцова, Пушкинъ не внесъ почти никакихъ существенныхъ

измѣненій, за исключеніемъ сцены сватовства, введенной имъ согласно общему духу сюжета. «Комбинація народныхъ матеріаловъ»,—говоритъ проф. Всев. Миллеръ («Пушкинъ, какъ поэтъ-этнографъ», М. 1899, стр. 47),—«здѣсь, какъ и въ другихъ воспроизведеніяхъ поэтомъ народныхъ сюжетовъ, навсегда останется для насъ тайной, какъ работа творческой мысли генія, но самые матеріалы—сюжетъ, языкъ—были почерпнуты художникомъ въ самомъ народѣ, который онъ изучалъ съ любовью и вниманіемъ этнографа».

Бѣлинскій, какъ извѣстно, отрицательно относившійся къ непосредственной народной поэзіи, сказалъ о Пушкинѣ, что «никто изъ русскихъ поэтовъ не умѣлъ съ такимъ непостижимымъ искусствомъ спрыскивать живою водою своей творческой фантазіи немножко дубоватые матеріалы народныхъ нашихъ пѣсенъ. Прочтите Жениха, Утопленника, Бѣсовъ и Зимній Вечеръ - и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный міръ поэзіи умѣлъ вызвать поэтъ своимъ волшебнымъ жезломъ изъ такихъ скудныхъ стихій. Эти пьесы въ тысячу разъ лучше его же такъ называемыхъ сказокъ—этихъ уродливыхъ искаженій и безъ того уродливой поэзіи... И если такихъ пьесъ, какъ Женихъ..., у Пушкина немного,—въ этомъ, конечно, виновата ограниченность и бѣдность сферы нашей народной поэзіи». (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр. 408). Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій, болѣе подробно анализируя Женихa, говоритъ: «Эта баллада, и со стороны формы и со стороны содержанія насквозь проникнута русскимъ духомъ, и о ней въ тысячу разъ больше, чѣмъ о Русланѣ и Людмилѣ, можно сказать: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!... Въ народныхъ русскихъ пѣсняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, не больше русской народности, сколько заключено ея въ этой балладѣ! Но не въ такихъ произведеніяхъ должно видѣть образцы проникнутыхъ національнымъ духомъ поэтическихъ созданій,—и публика не безъ основанія не обратила особеннаго вниманія на эту чудную балладу. Міръ, такъ вѣрно и ярко изображенный въ ней, слишкомъ доступенъ для всякаго таланта уже по слишкомъ рѣзкой его особенности. Сверхъ того, онъ такъ тѣсенъ, мелокъ и немногосложенъ, что истинный талантъ недолго будетъ воспроизводить его, если не захочетъ, чтобъ его произведенія были односторонни, однообразны, скучны и, наконецъ, пошлы, не смотря на всѣ ихъ достоинства. Вотъ почему человѣкъ съ талантомъ дѣлаетъ обыкновенно не болѣе одной или, много, двухъ попытокъ въ такомъ родѣ; для него это—дѣло, между прочимъ, затѣянное больше изъ желанія испытать свои силы и на этомъ поприщѣ, нежели изъ особеннаго уваженія къ этому поприщу... Чувства и страсти людей этого міра такъ однообразны въ своемъ проявленіи, общественныя отношенія людей этого міра такъ просты и несложны, что все это легко исчерпывается до дна однимъ произведеніемъ сильнаго таланта. Разнообразіе страстей, тонкіе до безконечности оттѣнки чувствъ, безчисленно многосложныя отношенія людей, общественныя и частныя,—вотъ гдѣ богатая почва для цвѣтовъ поэзіи, и эту почву можетъ приготовить только сильно развивающаяся или развивавшаяся цивилизація... Наша поэзія должна искать для себя матеріалы почти исключительно въ томъ классѣ, который, по своему образу жизни и обычаямъ, представляетъ болѣе развитія и умственнаго движенія», и т. д. (Тамъ же, стр. 516—518).

Такимъ образомъ, Бѣлинскій, принципіально отрицавшій «Киршу Данилова» и воспроизведеніе въ «цивилизованной» поэзіи простонародныхъ мотивовъ, все-таки, признавалъ Женихa произведеніемъ высокой поэтической цѣнности. Въ этомъ съ нимъ согласилась и позднѣйшая наша критика,

---

428. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 284).

Напечатано въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг., съ пропускомъ стиховъ 21—64 и 150, возстановленныхъ только въ 1859 г., въ Библіографическихъ Запискахъ. Подлинной бѣловой рукописи этого стихотворенія не сохранилось; черновая редакція находится въ рук. Моск. Музея № 2370, лл. 59 об.—64, подъ заглавіемъ: «Андрей Шенье въ темницѣ». Такъ самъ Пушкинъ назвалъ свое стихотвореніе въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 13 іюля 1825 г.: «Читалъ ли ты моего «А. Шенье въ темницѣ»? Суди о немъ какъ езуитъ,—по намѣренію».—«Твоего Шенье въ темницѣ не знаю», отвѣчалъ Вяземскій 4 августа,—«но благодарю уже за одно заглавіе. Предметъ прекрасный!» Можно думать, что слова: «въ темницѣ» были вычеркнуты цензоромъ Бируковымъ, исключившимъ при печатаніи изд. 1826 г. цѣлыхъ 45 стиховъ. О варіантахъ см. въ «Исторіи текста».

Въ бумагахъ Пушкина (рук. Моск. Музея № 2370, л. 65) сохранилась неоконченная замѣтка, которую онъ, вѣроятно, предназначалъ для примѣчаній къ этому стихотворенію:

«A. Ch. погибъ жертвою французской революціи, на 31-мъ году отъ рожденія. Долго славу его составляли нѣсколько элегій и два или три отрывка. Общее сожалѣніе объ утратѣ всего прочаго. Наконецъ, творенія его были отысканы и вышли въ свѣтъ въ 1819 году. Нельзя воздержаться отъ горестнаго чувства»...

Въ 1826 г., уже послѣ напечатанія этого стихотворенія, по доносу калужскаго помѣщика Коноплева, находившагося «по секретной части» при генералѣ Скобелевѣ, возникло слѣдственное дѣло о штабсъ-капитанѣ Алексѣевѣ, прапорщикѣ Молчановѣ и кандидатѣ Московскаго университета Андреѣ Леопольдовѣ, по обвиненію ихъ въ распространеніи «преступныхъ» стиховъ Пушкина. Изъ названныхъ лицъ Алексѣевъ гдѣ-то списалъ непропущенное цензурою мѣсто изъ «Андрея Шенье», далъ его списать Молчанову, а у того, въ свою очередь, списалъ Леопольдовъ, поставивъ надъ стихами, въ видѣ заглавія, «На 14-е декабря». Отъ Леопольдова и получилъ эти стихи Коноплевъ, представившій ихъ Скобелеву, который препроводилъ ихъ съ своимъ донесеніемъ къ Бенкендорфу. Послѣдній просилъ сообщить ему: «1. Какой это Пушкинъ, тотъ ли самый, который во Псковѣ, извѣстный сочинитель вольныхъ стиховъ? 2. Если не тотъ, то кто именно, гдѣ служитъ и гдѣ живетъ? 3. Подлинникъ ли представленъ или копія, и не поддѣлана ли подпись?» Скобелевъ отвѣтилъ на 1-й вопросъ: «Мне сказано что тотъ которой писать подобные стихи имѣет уже запрещеніе но отослан къ отцу его», а на 3-й вопросъ,—«Подлин-

ная говорятъ прислана из Пѣтербурха», списокъ же сдѣланъ доносителемъ.

Отъ Леопольдова потребовали объясненій, откуда получилъ онъ эти стихи. Онъ указалъ на Молчанова, этотъ на Алексѣева. Молчановъ былъ переведенъ на Кавказъ, въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а Алексѣевъ, по Высочайшему повелѣнію 25 сентября 1826 г., преданъ военному суду. Военно-судная коммисія, черезъ московскаго оберъ-полицмейстера Шульгина, потребовала объясненій Пушкина. Послѣдній написалъ слѣдующее:

«Сіи стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенье, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ стихотвореній.

«Они явно относятся къ французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную
твердыню.

«Взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ.

«Присяга du jeu de paume и отвѣтъ Мирабо: allez dire à votre maitre etc.

И пламенный трибунъ и проч.

«Опъ же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни

«Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ.

Мы свергнули царей—

«въ 1793.

Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари

«Робеспьеръ и Конвентъ.

«Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14 декабрю.

«Не знаю кто подъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе.

«Не помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенье.

Александръ Пушкинъ.

27 января 1827.
Москва.

«Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстные подъ заглавіемъ: 14 декабря суть отрывокъ изъ Элегіи, названной мною Андрей Шенье».

Комиссія приговорила Алексѣева къ смертной казни, но приговоръ этотъ былъ смягченъ его начальствомъ и, въ конечномъ результатѣ, Аудиторіатскій Департаментъ, согласно мнѣнію вел. кн. Михаила Павловича, положилъ: Алексѣева выдержать мѣсяцъ въ крѣпости и перевести въ армію; Молчанова изъ-подъ ареста отправить въ полкъ; Леопольдова предать гражданскому суду, коему вмѣнить въ обязанность истребовать объясненія отъ сочинителя стиховъ Пушкина и отъ помѣщика Коноплева. Это мнѣніе было Высочайше утверждено 25 марта 1827 г. Дѣло было передано въ Новгородскій уѣздный судъ, который мнѣніемъ положилъ: Леопольдова, лишивъ класса, въ коемъ онъ состоитъ, и личнаго дворянства, заклепать въ кандалы и сослать въ каторжную работу; о Пушкинѣ же и Коноплевѣ изслѣдованіе предоставить тѣмъ мѣстамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ они находятся. У Коноплева оказалось собраніе стихотвореній, между которыми были и зловредныя: «Ода на свободу» и «Исповѣдь Наливайко». Отъ Пушкина было получено слѣдующее дополнительное объясненіе:

«Элегія Андрей Шенье напечатана въ собраніи моихъ стихотвореній, вышедшихъ изъ цензуры 8 октября 1825 года. Доказательство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

«Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна, какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

«Опять повторяю, что стихи найденныя у Г. Алексѣева взяты изъ Элегіи Андрей Шенье, непропущены цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ:

Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца:
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило etc.

«Замѣчу что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ
О взятіи Бастиліи.
О клятвѣ du jeu de paume.
О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ.
О побѣдѣ революціонныхъ идей.
О торжественномъ провозглашеніи Равенства.
Объ уничтоженіи Царей.

«Чтожъ тутъ общаго съ нещастнымъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

«Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истины.

10-го класса Александръ Пушкинъ.
С.-Петербургъ. 1827 г. 29 іюня».

Дѣло изъ уѣзднаго суда перешло въ Новгородскую уголовную палату, которая потребовала отъ Пушкина дополнительнаго показанія. Но этотъ отвѣчалъ слѣдующимъ «объявленіемъ» на имя С.-Петербургскаго полицмейстера Дершау:

«На требованіе суда узнать отъ меня: «какимъ образомъ случилось, что отрывокъ изъ Андрея Шенье будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ руки во всемъ пространствѣ» отвѣчаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну. 24 ноября 1827 г. С.-Петербургъ».

Палата, журналомъ 6 марта 1828 г., полагала: Леопольдова выдержать еще въ крѣпости 9 мѣсяцевъ; Пушкину же, имѣя въ виду, что элегія, по его словамъ, еще до просмотра цензурою всѣмъ была извѣстна вполнѣ и что онъ равнодушно отозвался о бунтѣ 14 декабря, назвавъ его несчастнымъ, какъ будто безъ намѣренія сдѣланнымъ, строжайше подтвердить впредь отнюдь никакихъ сочиненій безъ просмотра цензуры не распространять, иначе будетъ подвергнутъ всей строгости законовъ, въ чемъ и обязать его подпискою».

Изъ палаты дѣло было представлено въ сенатъ, который полагалъ: лишивъ Леопольдова кандидатскаго званія и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ

случаѣ негодности сослать въ Сибирь на поселеніе. Относительно же Пушкина, «соображая духъ его творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, сенатъ не могъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ, а потому хотя сочинившаго означенные стихи Пушкина за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 г., то по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Въ послѣдней инстанціи дѣло разсмотрѣно было государственнымъ совѣтомъ, который, не усматривая вины Леопольдова, кромѣ одной неосновательности въ неумѣстной надписи, постановилъ вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ, подтвердить, чтобъ впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, и поручить будущему его начальству, чтобъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе. Затѣмъ государственный совѣтъ утвердилъ сенатское заключеніе съ такимъ дополненіемъ въ отношеніи къ сочинителю стиховъ Пушкину, чтобъ по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ насчетъ происшествія 14 декабря 1825 г. и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 г. напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ и на мѣстѣ его жительства секретный надзоръ.

Это положеніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 28 іюля 1828 г.

Біографическій очеркъ Андрея Филипповича Леопольдова, бывшаго впослѣдствіи однимъ изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей въ Саратовѣ, находится въ «Очеркахъ исторіи гор. Саратова», Саратовъ, 1884. Ср. дальше статью Юрія Веселовскаго «Пушкинъ и Шенье».

429. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО

(т. II, стр. 287).

Впервые появилось въ изд. 1826 г.

«Мысль Пушкина», говоритъ по поводу этого стихотворенія П. В. Анненковъ (Пушкинъ, стр. 283), постоянно живетъ не въ Тригорскомъ, а гдѣ-то въ другомъ, далекомъ, недавно покинутомъ краѣ. Полученіе письма изъ Одессы всегда становится событіемъ въ уединенномъ Михайловскомъ. Въ своей черновой тетради, послѣ XXXII строфы 3-й главы Онѣгина, Пушкинъ дѣлаетъ приписку: «5 сентября 1824 года—une lettre de ». Сестра поэта, О. С. Павлищева, говорила намъ, что когда приходило изъ Одессы письмо съ печатью, изукрашенною точно такими же кабалистическими знаками, какіе находились и на перстнѣ ея брата (извѣстный «талисманъ»),—послѣдній запирался въ своей комнатѣ, никуда не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ. Памятникомъ его благоговѣйнаго настроенія при такихъ случаяхъ и осталось это стихотвореніе». Предполагаютъ, что особа, къ которой оно относится (равно какъ и два позднѣйшихъ стихотворенія: «Ангелъ» и «Талисманъ») и портреты которой,—строгій женскій профиль[1]), съ головой, нѣсколько наклоненной внизъ («Въ дверяхъ Эдема ангелъ пѣжный главой поникшею сіялъ»),—такъ часто встрѣчаются на страницахъ пушкинскихъ тетрадей,—графиня Елизавета Ксаверіевна Воронцова, урожденная Браницкая, супруга графа Михаила Семеновича. П. И. Бартеневъ («Пушкинъ», II, 97—98) разсказываетъ, что она до конца своей жизни (ум. 1880) сохранила о Пушкинѣ теплое воспоминаніе и ежедневно читала его сочиненія. «Когда зрѣніе совсѣмъ ей измѣнило, она приказывала читать ихъ себѣ вслухъ, и притомъ—подъ рядъ, такъ что когда кончались всѣ томы, чтеніе возобновлялось съ перваго». П. А. Ефремовъ называетъ приведенные разсказы О. С. Павлищевой и П. И. Бартенева «сказками», впрочемъ, безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Ср. примѣчанія къ «Ангелу» и «Талисману».

По поводу этого стихотворенія, въ связи съ другими, ему подобными, Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1865, стр 395—396) замѣчаетъ, что «чувство, лежащее въ ихъ основаніи, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубокость, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно. И оно всегда проявляется у него въ формѣ, столь художнически спокойной, столь граціозной... Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклинаетъ, на все смотритъ съ любовью и благословеніемъ. Самая грусть его, не смотря на ея глубину, какъ-то необыкновенно свѣтла и прозрачна; она умѣряетъ муки души и цѣлитъ раны сердца... Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина. Въ этомъ отношеніи, читая его творенія, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ человѣка...».

---

430. ДРУЖБА

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ альманахѣ Погодина «Уранія» на 1826 г., стр. 268, и затѣмъ вошло, безъ измѣненій, въ изд. 1829 г. Первое упоминаніе объ этомъ четверостишіи находится въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 27 марта 1825 г., въ которомъ поэтъ дѣлаетъ разныя распоряженія относительно предположеннаго изданія своихъ стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ концѣ, Пушкинъ приписалъ: «Да тиснуть еще мою Птичку, да четыре стиха о дружбѣ: Что дружба? Легкій пылъ похмѣлья». Но затѣмъ это послѣднее указаніе онъ зачеркнулъ, отчего четверостишіе и не попало въ изд. 1826 г.

Судя по мѣсту, занимаемому имъ въ рукописи Моск. Музея № 2370, лл. 28 об. и 35, можетъ быть, правильнѣе отнести его не къ 1825, а къ 1824 г. По справедливому замѣчанію Поливанова, оно написано «въ тонѣ тѣхъ замѣтокъ, которыя вошли въ Альбомъ Онѣгина».

---

[1]) Нѣсколько такихъ «строгихъ» профилей, видимо навѣянныхъ Воронцовой, см. въ настоящ. томѣ стр. 270. *Ред.*

431. ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ

(т. II. стр. 288).

Впервые напечатана въ изд. 1826 г., откуда перешла безъ перемѣнъ въ изд. 1829 г.

Бѣлинскій (Соч., т. VIII, изд. 1865 г., стр. 331) относилъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ, которыя «можно охарактеризовать именемъ переходныхъ. Въ нихъ виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей; поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный и—если можно такъ выразиться—обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкинъ. Въ этихъ переходныхъ стихотвореніяхъ видна живая историческая связь Пушкина съ предшествовавшею ему литературою», и т. д.

Поливановъ видитъ въ этомъ стихотвореніи «поэтическое воспроизведеніе чувствъ, одушевившихъ поэта во время пира. Сила чувства, тостъ, предлагаемый за дорогія ему искусство и науку, художественно соединяются здѣсь съ живымъ изображеніемъ разсвѣтающаго дня, заставшаго пирующихъ при свѣтѣ огней. Глубокая мысль, оканчивающая пѣсню, въ соединеніи съ силою одушевленія и красотою картины,—все это, выраженное гармоніей гибкаго амфибрахія, замыкаемаго звучными риѳмами, и разнообразнымъ числомъ стопъ своихъ слѣдующаго за быстрой смѣною неожиданныхъ и блестящихъ мыслей,—сообщаетъ стихотворенію высочайшую красоту».

---

432. ВЕРТОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ

(т. II, стр. 288),

Напечатано въ Московскомъ Вѣстникѣ 1829, ч. I, стр. 44, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ: «Въ крови горитъ огонь желанья...», подъ однимъ общимъ заглавіемъ: «Подражанія». Въ изд. 1829 г. перепечатано безъ всякаго заглавія.

Это стихотвореніе представляетъ переложеніе слѣдующаго отрывка изъ гл. IV «Пѣсни Пѣсней»:

«12. Вертоградъ заключенъ, сестра моя невѣста, вертоградъ заключенъ, источникъ запечатлѣнъ.

«13. Лѣторасли твоя—садъ шипковъ съ плодомъ яблочнымъ, кипри съ нардами.

«14. Нардъ и шафранъ, трость и кіннамонъ со всѣми древами ливанскими, смирна, алой со всѣми первыми мирами.

«15. Источникъ вертограда и кладязь воды живы и истекающія отъ Ливана.

«16. Возстани, сѣвере, и гряди, юже, и повѣй во вертоградѣ моемъ, и да потекутъ ароматы моя».

Онѣкоторыхъ деталяхъ ср. въ «Исторіи текста».

---

433. КЪ ИМЕНИННИЦѢ

(т. II, стр. 288).

Впервые напечатано въ изд. Анненкова, т. VII, стр. 89. Написано, по всей вѣроятности, на именины Анны Николаевны Вульфъ, старшей дочери Пр. Ал. Осиповой: «Анна», по объясненію святцевъ, съ еврейскаго, значитъ: «благодать».

«Не одна хозяйка Тригорскаго, искренно привязанная къ Пушкину, слѣдила за его жизнью», говоритъ Анненковъ («Пушкинъ въ Алекс. эпоху», 278 и слл.); «съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было помѣстье, много глазъ еще устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта,—и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ на аргамакѣ, а то и просто на крестьянской лошаденкѣ... Двѣ старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго мужа, Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ, составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ Онѣгина не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣднія уже не носятъ на себѣ, по дѣйствію творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ какъ сестра ея, «воздушная» Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла совсѣмъ другой типъ. Она пользовалась жизнію очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собою и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы... Красивый персоналъ Тригорскаго не ограничивался этими двумя лицами. Кромѣ двухъ малолѣтнихъ сестеръ ихъ, носившихъ уже фамилію Осипова (Марья и Екатерина Ивановны Осиповы тогда еще учились, и Пушкинъ помогалъ имъ иногда дѣлать переводы съ французскаго и на французскій языкъ), тутъ были еще многочисленныя кузины, напр., Анна Ивановна (впослѣдствіи—Трувелеръ), которую звали Netty въ семействѣ; Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая; падчерица Пр. Ал. Осиповой—Александра Ивановна Осипова, впослѣдствіи—Беклешова, по семейному прозванію «Алина»... Вообще всѣ онѣ почтены были Пушкинымъ стихотворными изъясненіями, похвалами, признаніями и пр. Пусть же теперь читатель представитъ себѣ деревянный, длинный одноэтажный домъ [1]), наполненный всей этой молодежью, весь праздный шумъ, говоръ, смѣхъ, гремѣвшій въ немъ круглый день, съ утра до ночи, и всѣ маленькія интриги, всю борьбу молодыхъ страстей, кипѣвшихъ въ немъ безъ устали. Пушкинъ былъ перенесенъ изъ азіатскаго разврата Кишинева прямо въ русскую помѣщичью жизнь, въ нашъ обычный тогда дворянскій сельскій бытъ, который онъ такъ превосходно изображалъ потомъ. Онъ былъ теперь свѣтиломъ, вокругъ котораго вращалась вся эта жизнь,—и потѣшался ею, оставаясь постоянно зрителемъ и наблюдателемъ ея, даже и тогда, когда всѣ думали, что онъ плыветъ безъ оглядки вмѣстѣ съ нею. Съ усталой головой являлся онъ въ Тригорское и оставался тамъ по цѣлымъ суткамъ и болѣе, приводя тотчасъ въ движеніе весь этотъ міръ... Анна Николаевна (умершая дѣвушкой въ началѣ 60-хъ годовъ) отличалась быстротою и находчивостью своихъ отвѣтовъ, что было не легкое дѣло въ виду гостя изъ Михайловскаго, отличавшагося въ разговорахъ прямотою и смѣлостью выраженій...»

[1]) См. изображеніе его въ т. II, стр. 373.

434. ЖИВЪ, ЖИВЪ КУРИЛКА

(т. II, стр. 289).

Относится къ М. Т. Каченовскому и вызвано полемикой Мих. Дмитріева съ кн. Вяземскимъ по поводу Бахчисарайскаго Фонтана. «Каченовскій возсталъ на меня», писалъ Пушкинъ брату 14 марта 1825 г.: «Напиши мнѣ, благопристоенъ ли тонъ его критикъ; если нѣтъ,— пришлю эпиграмму». Эту эпиграмму поэтъ и прислалъ брату въ письмѣ, написанномъ въ началѣ апрѣля: «Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому, а между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № Вѣстника Европы, гдѣ напечатанъ 2-й разговоръ лже-Дмитріева *) это мнѣ нужно для предисловія къ Бахчисарайскому Фонтану».

Вяземскій 7 іюня 1825 г. сообщилъ Пушкину, что «Курилку отдалъ Телеграфу, — только боюсь, чтобы цензура не уморила его». Вѣроятно, это опасеніе оправдалось, потому что эпиграмма впервые явилась въ печати только въ Современникѣ 1857 г., № 7, стр. 78, откуда перепечатана въ изд. Анненкова, VII, 102.

435—436. СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ...

(т. II, стр. 289).

Въ письмѣ къ брату отъ 7 апрѣля 1825 г. Пушкинъ сообщаетъ, что Левъ можетъ писать къ нему, но адресуя письма на имя сестры. «Цѣлуй Ольгу», прибавляетъ онъ. «Вотъ тебѣ мой вчерашній impromptu: (выписано двустишіе), Сожги это, показавъ ей». Далѣе Пушкинъ приводитъ «variantes en l'honneur de M-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради
Хвалю тебя, мой другъ, и спереди и
сзади.

«M-lle NN находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit, etc».

---

437. ЭЛЕГІЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ

(т. II, стр. 289).

«Улыбнись, мой милый, вотъ тебѣ элегія на смерть Ан. Льв.», писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ концѣ апрѣля 1825 г., поставивъ подъ этими стихами, въ скобкахъ, подпись: «Я да Дельвигъ». Вяземскій отвѣчалъ 7 іюня: «Если (элегія) попадется на глаза Василью Львовичу, то заготовь другую пѣсню, потому что онъ, вѣрно, не перенесетъ удара».

Упоминаемыя въ стихотвореніи лица: Лизавета Львовна — другая сестра отца Пушкина; Матвѣй Михайловичъ—камергеръ Солнцевъ, ея мужъ. Анна Львовна умерла въ концѣ 1824 г. и оставила Пушкину, по завѣщанію, нѣкоторую сумму денегъ. «Si ce que vous dites concernant le testament d' A. Л. est vrai, c'est très-joli de sa part», писалъ Пушкинъ сестрѣ 4 декабря 1824 г. «Au vrai, j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof aie pissé sur son tombeau». Въ «элегіи» вмѣсто Шаликова явился дядя.

«Сестра мнѣ пишетъ изъ Москвы—видаешься ли ты съ нею?» читаемъ въ письмѣ Пушкина къ Вяземскому, въ первой половинѣ сентября 1825 г.: «Ради Бога, докажи Василью Львовичу, что элегія на смерть Анны Львовны—не мое произведеніе, а какого-нибудь другого беззаконника. Онъ восклицаетъ: «А она его сестрѣ 15.000 оставила!» Это напоминаетъ чай, которымъ онъ поилъ Милонова. Дѣло въ томъ, что, конечно, Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ...».

Воспоминаніе о Милоновѣ вызвано разсказомъ о томъ, какъ Вас. Львовичъ, узнавъ, что Милоновъ написалъ на него эпиграмму, съ огорченіемъ восклицалъ: «А вѣдь сколько разъ бывалъ у меня, чай пилъ!».

Поповичъ Красовскій—знаменитый цензоръ.

---

438. ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЪ...

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. V, № 17, стр. 37, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбомъ». Сохранилась копія этого стихотворенія, сдѣланная рукой Пр. Ал. Осиповой, въ ея альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ княгинѣ А. А. Хованской, подъ заглавіемъ: «Стихи въ альбаумъ Ев.. и Н... В... 1825 году.»

Евпраксія Николаевна Вульфъ, младшая дочь г-жи Осиповой отъ перваго брака, по семейному прозвищу «Зина» или «Зизи» (Euphrosine), была душою веселаго общества въ Тригорскомъ. Она играла на фортепьяно аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первою во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій. Отношенія къ ней Пушкина носили характеръ дружески-шутливый. «Евпраксія уморительно смѣшна»,—писалъ поэтъ брату вскорѣ по пріѣздѣ въ Михайловское, въ 1824 г. «Я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма...» Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «На дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпраксіею, и тальи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно — изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-лѣтней дѣвушки, или она—талью 25-лѣтняго мущины. Евпраксія дуется»... «Какъ понравилось»,—писалъ онъ уже изъ Петербурга, 24 января 1828 г., П. А. Осиповой,— «м-ль Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ, и много ли у нея тамъ побѣдъ?» (Въ Торжкѣ стоялъ тогда уланскій полкъ). Въ другомъ письмѣ (мартъ 1828), посылая г-жѣ Осиповой три послѣднія главы Онѣгина, Пушкинъ приложилъ отдѣльный экземпляръ для м-ль Евпраксіи, причемъ благодарилъ ее «за тотъ лаконическій отвѣтъ, которымъ она удостоила его вопросъ». Когда Пушкину было сообщено о замужествѣ Евпраксіи Николаевны, онъ поздравилъ г-жу Осипову въ письмѣ отъ 29 іюня 1831 г. изъ Царскаго Села, выразивъ новобрачной пожеланіе «всего того счастія, какое только возможно для насъ на этомъ свѣтѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое». Она вышла замужъ за подпоручика барона Б. А. Вревскаго. Въ серединѣ мая 1832 г. Пушкинъ поздравилъ г-жу Осипову съ рожденіемъ внука.

Е. Н. Вревская надолго пережила Пушкина: она скончалась 22 марта 1883 г.

*) Такъ Пушкинъ называлъ Мих. Дмитріева, въ отличіе отъ «подлиннаго» Дмитріева—Ивана Ивановича.

Къ этой-то «благородной и кроткой» дѣвушкѣ обращено ставшее знаменитымъ стихотвореніе, съ выраженіемъ бодраго чувства, побуждающаго смотрѣть впередъ съ надеждой и не смущаться въ минуты печали.

---

439. САФО

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ изд. 1826 г. подъ заглавіемъ: «Юноша», а въ изд. 1829 г. — подъ заглавіемъ: «Сафо».

Одно изъ небольшихъ антологическихъ стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ А. Шенье, которыя Бѣлинскій назвалъ «чудными изваяніями, видимыми слухомъ».

---

440. КОЗЛОВУ

(т. II, стр. 290).

Напечатано въ изд. 1826 и 1829 гг., съ припискою: «по полученіи отъ него Черноца», отброшенною посмертнымъ изданіемъ. На подлинной рукописи имѣется помѣта: «15 мая 1825. Михайловское-Арапово».

Иванъ Ивановичъ Козловъ (род. 11 апрѣля 1779, ум. 30 января 1840) въ 1821 г. ослѣпъ и съ этого же времени получилъ извѣстность своими переводами изъ Байрона и оригинальными стихотвореніями и поэмами. Важнѣйшая изъ послѣднихъ — «Чернецъ, кіевская повѣсть» — вышла въ Спб. 1825 г. «Появленіе сей небольшой, но красотами богатой поэмы»,—писалъ кн. Вяземскій въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, ч. II, стр. 312,—«есть пріятное событіе въ спокойной литературѣ нашей, а появленіе творца ея въ тѣсномъ кругу первостатейныхъ поэтовъ нашихъ было, за нѣсколько лѣтъ тому, неожиданнымъ и отраднымъ феноменомъ въ мірѣ нравственномъ и поэтическомъ... Несчастіе, часто убійственное для души обыкновенной, было для него геніемъ животворящимъ. Недуги жестокіе, страдальчество физическое, развернули духовныя способности... По мѣрѣ, какъ терялъ онъ зрѣніе и ноги, прозрѣвалъ онъ и окрылялся духомъ... Сей утѣшительный примѣръ можетъ прибавить прекрасную главу къ психологической исторіи человѣка...»

«Читалъ твое о Чернцѣ»,—писалъ Пушкинъ Вяземскому 25 мая. «Ты исполнилъ долгъ своего сердца. Эта поэма, конечно, полна чувства и умнѣе Войнаровскаго, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ...» Получивъ отъ Козлова экземпляръ поэмы съ собственноручною подписью, онъ писалъ (въ апрѣлѣ 1825) брату: «Подпись слѣпого поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его—прелесть. Сердись онъ, не сердись, а «хотѣлъ простить — простить не могъ» достойно Байрона. Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы,—по крайней мѣрѣ, ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи. Хочется отвѣчать ему стихами...»

Упоминаемое въ этомъ письмѣ «посланіе» къ Жуковскому напечатано впереди поэмы, рядомъ съ посвященіемъ ея женѣ поэта. Здѣсь, между прочимъ, находятся стихи:

Какъ мой Чернецъ, всѣ страсти молодыя
Въ груди моей давно я схоронилъ,
И я, какъ онъ, всѣ радости земныя
Небесною надеждой замѣнилъ.
Не зрѣть мнѣ дня съ зарями золотыми,
Ни розъ весны, ни сердцу милыхъ лицъ,
И въ цвѣтѣ лѣтъ ужь я между живыми—
Тѣнь хладная безчувственныхъ гробницъ...

Пушкинъ зналъ, что Козловъ высоко его цѣнилъ. «Онъ твоимъ словомъ больше дорожитъ, нежели всѣми громкими похвалами»,—писалъ ему Плетневъ 22 января 1825 г. Получивъ посланіе, Козловъ отвѣчалъ на него 31 мая: «Невозможно выразить то величайшее удовольствіе, какое доставили мнѣ ваши очаровательные стихи; это было поистинѣ прекрасное мгновеніе въ моей жизни, и я васъ за него горячо благодарю. Первая половина 7-го стиха оправдывается не тѣмъ маленькимъ дарованіемъ, какое, можетъ быть, у меня есть, но моимъ преклоненіемъ передъ вашимъ талантомъ и искреннею привязанностью, какую я къ вамъ питаю. Еще разъ—спасибо, большое спасибо: стихи ваши дошли прямо до моего сердца!» Письмо это написано, конечно, подъ диктовку Козлова, чужою рукою (по-французски); но въ концѣ его Козловъ приписалъ собственноручно (по-французски-же): Обнимаю васъ отъ всего сердца и остаюсь навсегда весь вашъ Иванъ Козловъ.»

---

441. П. А. ОСИПОВОЙ

(т. II, стр. 290).

Перебѣленный автографъ этого стихотворенія находится въ альбомѣ П. А. Осиповой, нынѣ принадлежащемъ княгинѣ А. А. Хованской, безъ заглавія и съ подписью: «А. П., С. Михайловское, 25 іюня 1825». Напечатано впервые въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 183, подъ [заглавіемъ: «П. А. О***» и затѣмъ повторено въ изд. 1829 г. Въ печати текстъ стихотворенія вездѣ одинаковъ, но въ автографѣ послѣдній стихъ 1-й строфы читается:

Душой безпечно предаваться.

Въ стихотвореніи отразились чувства, навѣянныя планами Пушкина о побѣгѣ за границу, о которомъ онъ въ ту пору переписывался съ братомъ и А. Н. Вульфомъ.

---

442. EX UNGUE LEONEM.

(т. II, стр. 291).

Вызвана отзывомъ А. Е. Измайлова объ эпиграммѣ «Пріятелямъ» (см. выше) и послана Пушкинымъ кн. Вяземскому въ письмѣ, писанномъ изъ Михайловскаго въ началѣ іюля 1825 г.: «Вотъ еще эпиграмма на Благонамѣреннаго, который, говорятъ, критиковалъ моихъ Пріятелей». Напечатана въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1825, ч. IV, № 13, стр. 43, съ подписью «А. П.», и затѣмъ повторена въ изд. 1826 и 1829 гг.

И въ письмѣ къ Вяземскому, и въ журналѣ, и въ изд. 1826 г. стихъ 4-й читается:

И въ свѣтъ пустилъ безъ подписи жь,
злодѣй.

443. КЪ А. П. КЕРНЪ

(т. II, стр. 291).

Впервые напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1827 г., подъ заглавіемъ: «Къ ***»; съ тѣмъ же заглавіемъ, и безъ всякихъ измѣненій, перешло въ изд. 1829 г. и посмертное.

Подробности см. дальше въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго.

---

444. ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и Благотворенія» 1825, ч. XXX, № 6, стр. 299, съ полною подписью Пушкина; затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг.

Бѣлинскій относилъ это стихотвореніе къ лучшимъ, задушевнѣйшимъ произведеніямъ лирической музы Пушкина. Въ основѣ его лежитъ разрывъ съ неизвѣстною особою, жившею, очевидно, въ Одессѣ. «Поэтическое воспроизведеніе разлуки украшено, во второй половинѣ стихотворенія, высокимъ чувствомъ поэта, сознающаго въ себѣ силы для творчества, достойнаго славы», говоритъ Л. И. Поливановъ. «Въ этомъ сознаніи поэтъ находитъ утоленіе той сердечной боли, которую нанесла ему утрата его сердца. Въ послѣднихъ стихахъ слышенъ укоръ; слава призывается какъ благородное мщеніе за недостаточную оцѣнку чувствъ поэта со стороны той, къ кому элегія обращена. Этотъ укоръ, сопоставленный съ воспоминаніемъ о прошломъ, которое поэтъ сохраняетъ въ душѣ какъ святыню своего благороднаго сердца, и составляетъ главную красоту стихотворенія, будучи голосомъ души, высоко настроенной...»

---

445. КЪ А. Г. РОДЗЯНКО.

(т. II, стр. 292).

Напечатано въ «Современникѣ» 1859, т. 73, стр. 505, съ примѣчаніемъ: «Стихотвореніе это писано къ А. Г. Р., и набрано съ автографа, который съ 1856 г., по смерти А. Г. Р., перешелъ въ собственность брата его, М. Г. Р. Редакція «Современника» приноситъ сему послѣднему искреннюю благодарность за предоставленіе ей права напечатать это стихотвореніе».

Въ томъ же 1859 г. посланіе было напечатано и въ статьѣ А. П. Кернъ: «Воспоминанія о Пушкинѣ», въ «Библіотекѣ для Чтенія, т. 154, стр. 115, и въ изд. Геннади 1859 г.

Аркадій Гавриловичъ Родзянко (1793—1850) въ молодости служилъ въ военной службѣ и жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ случай, въ 1818—1819 гг., познакомиться съ Пушкинымъ. Онъ игралъ весьма пошлую роль въ исторіи высылки Пушкина на югъ (см. т. I, стр. 500) но незлобливый поэтъ не сердился на него. Родзянко занимался литературой и писалъ стихи, печатавшіеся въ разныхъ журналахъ и альманахахъ; но въ числѣ его произведеній были и такія, которыя оказывались неудобными для печати по своему пріапическому содержанію: вотъ отчего Пушкинъ и называетъ его «Пиропомъ Украйны»,—по имени французскаго нескромнаго поэта XVIII вѣка, а въ письмѣ къ нему отъ 8 декабря 1824 г. присоединяетъ къ этому названію еще и другое: «Намѣстникъ Феба иль Пріапа». Оставивъ военную службу въ 1821 г., Родзянко поселился въ своемъ имѣніи, въ Лубенскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., гдѣ и сблизился съ сосѣдкой А. П. Кернъ. Въ письмѣ своемъ къ Пушкину, писанномъ въ маѣ 1825 г., онъ, между прочимъ, говоритъ по поводу этой связи: «Итакъ, одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель. «Слѣдовательно»,—говоритъ Анна Петрова,—«не много стоитъ добродѣтель ваша». А она соблюдаетъ молчаніе—знакъ согласія и справедливости.»—Письмо это было писано въ присутствіи самой А. П. Кернъ, которая тутъ же и приписала: «Увѣряю васъ, онъ у меня вовсе не въ оковахъ».—«А чья вина?» спрашиваетъ Родзянко: «Вотъ, теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ *),—снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостью и неопытностью, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ». Тутъ Анна Петровна опять приписываетъ: «Ей-богу, я этихъ строкъ не читала!»—а Родзянко продолжаетъ: «Но заставила ихъ прочесть себѣ десять разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями...» (Бартеневъ, Пушк., II, 125—126; Майковъ, Пушкинъ, 239).

Въ отвѣтъ на это письмо, писанное еще ранѣе свиданія Пушкина съ Анной Петровной въ Тригорскомъ, Пушкинъ и написалъ сіе посланіе. См. Н. И. Черняева, Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ, 65—80, и Н. Ѳ. Сумцова, Изслѣдованія, 327—330.

---

446. ОДА ХВОСТОВУ

(т. II, стр. 293).

Напечатана впервые Анненковымъ, въ VII томѣ его изданія соч. Пушкина, и прежними издателями относилась къ 1824 г., но написана, несомнѣнно, въ 1825, такъ какъ въ ней приведено и оговорено въ примѣчаніи выраженіе Кюхельбекера въ посланіи къ Грибоѣдову, напеч. въ Московскомъ Телеграфѣ 1825, № 2:

Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и къ родинѣ любовь
Высокаго искусства
И рѣзвоскачущая кровь!

Въ началѣ апрѣля того же года Пушкинъ писалъ брату изъ Михайловскаго: «Надѣюсь, что Дельвигъ и Баратынскій привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца (такъ онъ въ шутку называлъ Кюхельбекера), который вѣрно сердится на меня за то, что мнѣ не по нутру рѣзвоскачущая кровь Грибоѣдова». А въ октябрѣ кн. Вяземскій писалъ Пушкину, очевидно, намекая на эту оду:

Ты самъ Хвостова подражатель,
Красотъ его любостяжатель...

---

*) Генералъ Кернъ, мужъ Анны Петровны.

Ода, вѣроятно, написана въ концѣ апрѣля, такъ какъ уже 4 мая Тургеневъ обѣщалъ прислать Вяземскому пушкинское «сравненіе въ стихахъ Байрона съ графомъ Хвостовымъ: прелесть!» (Ост. Арх., III, 121).

Произведенія графа Дм. Ив. Хвостова, курьезныя по своей полной бездарности въ соединеніи съ высокопарнымъ стилемъ, служили постояннымъ предметомъ потѣхи для «арзамасцевъ» и вообще писателей молодого поколѣнія. Особенной популярностью въ этомъ кружкѣ пользовались его нелѣпыя басни, на которыя въ «АрзамасѢ» сообща сочинялись пародіи; его разсказъ въ баснѣ «Два голубя» о томъ, какъ голубь, попавшійся въ силокъ, з у б а м и перегрызъ петли, сдѣлался своего рода «крылатымъ словомъ». Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи, написанномъ въ веселую минуту, пародируетъ оды Хвостова и другихъ старинныхъ нашихъ стихотворцевъ, съ произведеніями которыхъ онъ былъ основательно знакомъ еще со школьной скамьи. Здѣсь высмѣиваются грубые пріемы такъ наз. «стремительнаго приступа», темнота выраженій, вызванныхъ потребностью риѳмы, которыя поэтому требуютъ примѣчаній, нерѣдко еще менѣе вразумительныхъ, нежели стихи, къ которымъ они относятся, грубое неблагозвучіе стиха, неудачныя сочетанія словъ, усѣченныя окончанія и т. п. пріемы, такъ часто встрѣчающіеся въ старинныхъ произведеніяхъ этого рода. Въ самыхъ формахъ именъ собственныхъ Пушкинъ пародируетъ стариковъ своего времени, такъ какъ пишетъ, напр., «Бейронъ», «Гебея», «Псиша» и пр. Но высшей степени комизма пародія достигаетъ въ самомъ ея содержаніи. Уже одна мысль—призвать графа Дмитрія Ивановича занять мѣсто похищеннаго «быстропарнымъ недугомъ» Байрона, какъ защитника угнетенныхъ грековъ противъ ихъ притѣснителей, турокъ, должна была вызывать неудержимый смѣхъ у читателей того времени. Комическое впечатлѣніе еще усиливается увѣреніемъ, что Хвостовъ и въ Греціи будетъ «сенаторомъ» и «почтеннымъ литераторомъ». Далѣе развивается сравненіе Хвостова съ Байрономъ, особенно забавное по упоминанію объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ. Послѣдняя строфа завершаетъ пародію уже совершенной безсмыслицей, теряющейся въ нагроможденіи миѳологическихъ именъ, которое влечетъ за собою обширный комментарій, въ свою очередь, являющійся пародіей на примѣчанія къ старинамъ одамъ.

---

447. ПРОЗАИКЪ И ПОЭТЪ.

(т. II, стр. 294).

Напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, ч. I, № 4, стр. 252, съ подписью: А. П.

Поводомъ къ этой эпиграммѣ, по словамъ кн. П. А. В я з е м с к а г о (Соч., I, 321), послужилъ не совсѣмъ благопріятный отзывъ его о Ц ы г а н а х ъ. «Этотъ разборъ», говоритъ Вяземскій,—«навлекъ или могъ бы навлечь облачко на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ не совсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ: «медленно склонился и съ камня на траву свалился.» Между тѣмъ, онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи; напротивъ, сколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью. Какъ бы то ни было, взаимныя наши отношенія оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ; молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сплетни, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привесть въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ, или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе; но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ, можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму: «О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?» Полагая, что вопросъ его относится до цензуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія; между тѣмъ, замѣчаю, что при этихъ словахъ моихъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою—обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ, и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло и кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась предо мною; я понялъ, что этотъ п р о з а и к ъ—я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и, наконецъ, хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня».

---

448. ДВИЖЕНІЕ

(т. II, стр. 294).

«Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то Альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ, у меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшихъ». Такъ писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому въ началѣ декабря 1825 г., посылая стихотворенія: «Совѣтъ», «Соловей и Кукушка», «Движенье», «Дружба» и «Мадригалъ». Всѣ эти стихотворенія были затѣмъ напечатаны въ альманахѣ «П о г о д и н а»: «Уранія, карманная книжка на 1826 годъ» и оттуда перешли въ изд. 1829 г.

Въ рукописяхъ Пушкина осталась замѣтка, послужившая темою для настоящаго стихотворенія: «Удивлялись цинику, который сталъ ходить передъ человѣкомъ, отрицавшимъ движеніе. Солнце ежедневно дѣлаетъ то же самое, что Діогенъ, но никого не убѣждаетъ»,

«Брадатый мудрецъ», отрицавшій движеніе, Зенонъ Элейскій, философъ 5-го вѣка до Р. Х. «То, что вы называете движеніемъ, —говорилъ онъ, —есть только названіе, данное цѣлому ряду одинаковыхъ положеній, изъ которыхъ каждое, взятое въ отдѣльности, есть п о к о й. Въ каждой отдѣльной точкѣ пространства предметъ находится въ покоѣ; общая сумма такихъ состояній покоя и называется движеніемъ». Ср. Н. Ч е р н я е в а, Критич. статьи и замѣтки о Пушкинѣ, 326—333.

---

449. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА

(т. II, стр. 294).

Напечатано въ «Уранiи» Погодина на 1826 г.

«Какъ ты отдѣлалъ элегиковъ въ своей эпиграммѣ»!—писалъ Пушкину Баратынскій, посылая Уранію. «Тутъ и мнѣ досталось, да и подѣломъ; я прежде тебя спохватился, и въ одной не напечатанной піесѣ говорю, что стало очень приторно—

Вытье жеманное поэтовъ нашихъ лѣтъ».

---

450. СОВѢТЪ

(т. II, стр. 294).

Уранiя на 1826 г. и изд. 1829 г.

Въ альманахѣ стихъ 1-й читается:

Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ

---

451. САТИРИКЪ И ПОЭТЪ ЛЮБОВНЫЙ

(т. II, стр. 295).

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому, писанномъ въ первой половинѣ сентября 1825 г. Къ этому восьмистишію послужили поводомъ дошедшіе до Пушкина слухи о томъ, что дядя Василій Львовичъ очень обидѣлся шуточной «Элегіей на смерть Анны Львовны» (см. выше). «Дѣло въ томъ», говоритъ поэтъ, «что, конечно, Дельвигъ болѣе виноватъ, нежели я. Похлопочи обо мнѣ, душа моя, какъ о братѣ». Далѣе слѣдуютъ стихи, объясняющіе, почему Пушкинъ называетъ Вяземскаго братомъ, и варіантъ 5-го стиха:

Василій Львовичъ тонкій, острый.

Можетъ быть, стихотвореніе предназначалось также и для сообщенія обидѣвшемуся дядѣ.

---

452. БРОВИ ЦАРЬ НАХМУРЯ...

(т. II, стр. 295).

Этимъ стихотвореніемъ начинается письмо къ Барону Дельвигу, писанное изъ Михайловскаго въ сентябрѣ или октябрѣ 1825 г. За стихами слѣдуетъ приписка: «Вотъ тебѣ, душа моя, приращеніе къ куплетамъ Эристова. Поцѣлуй его отъ меня въ лобъ. Я помню его отрокомъ, вырвавшимся изъ-подъ полодкихъ іезуитовъ. Благословляю его во имя Феба и св. Бобонія безносаго».

Князь Дмитрій Алексѣевичъ Эристовъ былъ младшимъ товарищемъ Пушкина по Лицею. Племянникъ его, кн. Павелъ Арсеньевичъ Путятинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ 1887, говоритъ о близости его къ Пушкину и Дельвигу, о живости и веселости его характера, и приводитъ, будто бы, съ автографа, сочиненный Пушкинымъ акростихъ на имя: «Димитрій», судя по стиху, очень сомнительнаго происхожденія (см. ниже, въ отдѣлѣ стихотвореній, приписываемыхъ Пушкину). «Куплеты» Эристова, вѣроятно, сообщенные Пушкину Дельвигомъ,—надо думать, шуточные стихи того же размѣра, что и пушкинское «приращеніе». Въ рукописяхъ попадается, между прочимъ, такое восьмистишіе, изъ котораго два стиха напечатаны В. Я. Брюсовымъ въ книжкѣ: «Письма Пушкина и къ Пушкину», М. 1903, стр. 157:

За трапезой царской
Адьютантъ сидѣлъ,
Съ важностью боярской
Чинно раковъ ѣлъ.
Фрейлина съ тарелки
Шарикъ ему въ глазъ, и пр.

Вѣроятно, это и есть «куплеты» Эристова.

---

453. БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

(т, II, стр. 315).

Послѣ созданія «Цыганъ» Пушкинъ почувствовалъ въ себѣ способность къ драматическому творчеству. Уже въ этой поэмѣ многія сцены невольно получили подъ его перомъ драматическую форму. По словамъ Анненкова, поэтъ говорилъ друзьямъ, что послѣ «Цыганъ« ему открылась новая дорога, о которой онъ прежде и не помышлялъ. Цѣпь драмъ, созданныхъ имъ въ періодъ съ 1825 мо 1832 годъ, была естественнымъ слѣдствіемъ этого вдохновеннаго откровенія (Полевановъ. Соч. Пушк., III, 5).

Первая зима послѣ невольнаго переселенія Пушкина «въ далекій сѣверный уѣздъ» была для него особенно тяжела послѣ шумной жизни въ Одессѣ; ссора съ отцомъ, тревожное ожиданіе еще новыхъ непріятностей, затѣмъ почти совершенное одиночество въ обществѣ старухи-няни, изрѣдка прерываемое поѣздками въ Тригорское къ Осиповымъ, да посѣщеніями Святогорскаго архимандрита, этого «духовнаго надзирателя» за опальнымъ поэтомъ,—все это наводило на Пушкина тоску, отъ которой онъ могъ избавляться только усиленнымъ чтеніемъ. И онъ всецѣло погружается въ книги: «Книгъ, ради Бога, книгъ,—это пища души!»—пишетъ онъ брату, безпрестанно требуя присылки то новыхъ журналовъ, то разныхъ сочиненій, о которыхъ узналъ изъ журнальныхъ статей или зналъ раньше только по слухамъ. Библія, Четьи-Минеи, Карамзинъ, французскіе переводы Шекспира, Шиллера, Альфіери, Вальтера Скотта, курсъ драматической литературы А. В. Шлегеля,—вотъ тѣ книги, которымъ поэтъ удѣляетъ въ эту пору наибольшее вниманіе. Только теперь онъ пристально вчитывается въ Шекспира и «не можетъ въ себя придти отъ изумленія». Его мысли все больше и больше обращаются къ драмѣ; размышляя о разныхъ вопросахъ «классической» теоріи, которая въ то время считалась у насъ непреложной истиной, онъ ясно видитъ ея недостатки, формализмъ, условность и все сильнѣе чувствуетъ потребность отрѣшиться отъ литературныхъ предубѣжденій и пойти своимъ, самостоятельнымъ, путемъ. Мало-по-малу, у него вырисовывается планъ оригинальной драмы изъ русской исторіи. Весною 1825 г. онъ уже сообщаетъ этотъ планъ своему старому другу Ник. Раевскому, который и даетъ ему, въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10 мая того же года, нѣсколько общихъ совѣтовъ.

«У тебя,— пишетъ Раевскій,—нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, то я желалъ бы, чтобы ты справлялся съ источниками,

которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовалъ только его разсказу. Не забудь, что Шиллеръ изучалъ астрологію прежде, чѣмъ приняться за Валленштейна. Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣлыми стихами. Я думалъ бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всѣми богатствами нашихъ многочисленныхъ размѣровъ, разумѣется, употребляя ихъ не совмѣстно, какъ это дѣлаетъ Шаховской, но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣмъ размѣромъ, какой принятъ для первой. Хороша или дурна будетъ твоя трагедія,—я заранѣе предвижу важныя послѣдствія для нашей словесности. Ты дашь жизнь нашему шестистопному стиху, который до сихъ поръ такъ тяжелъ и безжизненъ; ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его похожимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ это было до сихъ поръ; ты довершишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, несмотря на прекрасные образцы ея въ Цыганахъ и Разбойникахъ. Ты сведешь, наконецъ, поэзію съ ея ходуль», (Майковъ, Пушкинъ, 145),

«Душа моя, я предпринялъ такой литературный подвигъ, за который ты меня расцѣлуешь: романтическую трагедію!»—писалъ Пушкинъ, 13-го іюля 1825 г., кн. Вяземскому: «Смотри, молчи же! объ этомъ знаютъ весьма немногіе».

Примѣняя къ своему новому труду названіе романтической трагедіи, поэтъ, очевидно, хотѣлъ этимъ выразить, что его драма будетъ и по формѣ и по содержанію полнымъ нарушеніемъ классическихъ правилъ, и рѣшилъ какъ можно сильнѣе подчеркнуть это ея несходство съ общепринятыми литературными образцами: онъ не только отказался отъ шестистопнаго риѳмованнаго «александрійскаго» стиха, считавшагося въ то время непремѣннымъ условіемъ трагедіи, но при окончательной отдѣлкѣ пьесы уничтожилъ даже сдѣланное первоначально раздѣленіе ея на дѣйствія и, слѣдовательно, пошелъ даже дальше «романтическихъ» образцовъ—Шекспира и Шиллера; онъ просто разбилъ пьесу на отдѣльныя сцены и даже заглавіе для нея придумалъ въ стилѣ первоначальнаго русскаго театра петровскихъ временъ:

«Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ въ лѣто 7333 на городищѣ Вороничѣ».

Впрочемъ, при окончательной отдѣлкѣ это заглавіе, какъ слишкомъ изысканное и длинное, было сокращено, а для печати Пушкину поневолѣ пришлось ограничиться только двумя словами: «Борисъ Годуновъ», такъ какъ критикъ III Отдѣленія нашелъ неприличнымъ сопоставленіе словъ: «комедія» и «царь».

«Трагедія моя идетъ, и думаю къ зимѣ ее кончить, вслѣдствіе чего читаю только Карамзина, да лѣтописи»,—писалъ Пушкинъ Жуковскому 17 августа. «Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier, писалъ я Раевскому. Одна просьба, моя прелесть: нельзя ли мнѣ доставить или жизнь Желѣзнаго Колпака, или житіе какого-нибудь юродиваго. Я напрасно искалъ Василія Блаженнаго въ Четьи-Минеяхъ,—а мнѣ бы очень нужно».

«Карамзинъ очень доволенъ твоими трагическими занятіями и хотѣлъ отыскать для тебя Желѣзный Колпакъ»,—сообщалъ Пушкину Вяземскій 6 сентября. «Онъ (Карамзинъ) говоритъ, что ты долженъ имѣть въ виду въ начертаніи характера Борисова дикую смѣсь: набожности и преступныхъ страстей. Онъ постоянно перечитывалъ Библію и искалъ въ ней оправданія себѣ. Это противоположность драматическая! Я совѣтовалъ бы тебѣ прислать планъ трагедіи Жуковскому, для показанія Карамзину, который могъ бы тебѣ полезенъ быть въ историческомъ отношеніи. Житіе Василія Блаженнаго напечатано особо», и пр.

Пушкинъ, однако, не хотѣлъ сочинять по чужой указкѣ и потому не воспользовался совѣтомъ пріятеля, а постарался отшутиться:

«Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать»,—писалъ онъ Вяземскому 13 сентября. «Въ самомъ дѣлѣ, не пойти ли мнѣ въ юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я вторую часть моей трагедіи; всѣхъ, думаю, будетъ четыре. Моя Марина—славная баба: настоящая Катерина Орлова,—знаешь ее? Не говори, однако жь, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Карамзина о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось, Я смотрѣлъ на него съ политической точки, не замѣчая поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать повѣсть объ Продѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми конецъ X-го и весь XI-й томъ, вотъ тебѣ и планъ».

Жуковскій ободрялъ Пушкина въ его работѣ и пророчилъ, что она будетъ для него началомъ лучшей поры. «Ты напишешь такого Годунова, что у насъ всѣхъ будетъ душа прыгать»,—писалъ онъ поэту въ концѣ сентября: «Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ».

Осенью 1825 г. пьеса была уже готова. Пушкинъ читалъ ее навѣстившему его въ деревнѣ лицейскому товарищу кн. А. М. Горчакову, который впослѣдствіи говорилъ, что заставилъ Пушкина выбросить изъ сцены на Дѣвичьемъ Полѣ слово: «слюни»; читалъ онъ ее и своему пріятелю-сосѣду А. Н. Вульфу, какъ самъ говоритъ объ этомъ въ строфѣ 55-й IV главы Онѣгина:

.... послѣ скучнаго обѣда
Ко мнѣ забредшаго сосѣда
Поймавъ нежданно за полу,
Душу трагедіей въ углу.

Въ началѣ октября онъ писалъ Вяземскому: «Поздравляю тебя, моя радость, съ романтической трагедіею, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена, я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: «ай-да Пушкинъ, ай-да сукинъ сынъ!» Юродивый мой малый презабавный; на Марину у тебя. . . . . — ибо она полька и собою препрядна (вродѣ К. Орловой, сказывалъ я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все по- . . . . брапится; цензура его не пропуститъ. Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію; наврядъ мой милый. Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго. Торчатъ!»

«Я не умру, это невозможно: Богъ не захочетъ, чтобы Годуновъ со мною уничтожился»,—писалъ онъ въ то же время Жуковскому. «Жадно

принимаю твое пророчество: пусть трагедія искупитъ меня . . . но до трагедіи ли нашему черствому вѣку?»

Совершенно закончена была пьеса 7 ноября 1825 г.; эта помѣта выставлена въ бѣловой пушкинской рукописи. Тогда же явились у поэта и сомнѣнія въ возможности напечатать новое свое произведеніе. «Важная вещь: я написалъ трагедію, и ею очень доволенъ, но страшно въ свѣтъ выдать»,—писалъ онъ А. А. Бестужеву 30 ноября: «робкій вкусъ нашъ не стерпитъ истиннаго романтизма...»

Друзья Пушкина, конечно, очень заинтересовались Годуновымъ и желали поскорѣе прочесть его. Объ этомъ писалъ ему Баратынскій, потомъ Катенинъ; Плетневъ просилъ, отъ имени Карамзина, прислать Бориса для прочтенія: «онъ никому его не покажетъ, или только тѣмъ, кому ты велишь». Пушкинъ, видимо, еще не рѣшался на огласку—и отговаривался тѣмъ, что пьесу некому переписывать. «Пригласи изъ Опочки дня на три къ себѣ какого-нибудь писаку»,—совѣтовалъ ему Плетневъ (6 февраля 1826). Въ другомъ письмѣ (27 февраля). Плетневъ сообщилъ, что Жуковскій «особенно проситъ прислать Бориса. Онъ бы желалъ его прочесть самъ и еще (когда позволишь) на лекціи его». Но Пушкинъ не поддавался и уже съ досадою отвѣчалъ (3 марта: «Не будетъ вамъ Бориса прежде, чѣмъ не выпишете меня въ Петербургъ... А ты хорошъ! Пишешь мнѣ: переписывай, да нанимай писцовъ Опоческихъ, да издавай Онѣгина. Мнѣ не до Онѣгина. Чортъ возьми Онѣгина! Я самъ себя хочу издать или выдать въ свѣтъ!»,,. «Какого вамъ Бориса и на какія лекціи? Въ моемъ Борисѣ бранятся по—м . , . . . на всѣхъ языкахъ. Это трагедія не для прекраснаго пола...»

Вызванный государемъ въ Москву, Пушкинъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1826 г., нѣсколько разъ читалъ свою пьесу въ кругу литераторовъ. Объ одномъ изъ этихъ чтеній, 12 октября, въ домѣ Веневитиновыхъ, мы имѣемъ любопытный разсказъ М. П. Погодина («Рус. Арх.» 1865, № 1, стр. 95). Въ числѣ слушателей здѣсь находились: П. Я. Чаадаевъ, гр. М. Ю. Віельгорскій, братья Кирѣевскіе, Хомяковъ, Баратынскій, Шевыревъ, Мицкевичъ. «Мы собрались слушать Пушкина,— говоритъ Погодинъ, — воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо себѣ представить самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, поэтическую, увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена. Мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», - мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ рукоплесканій... напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!...

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...»

Мицкевичъ, выслушавъ трагедію, воскликнулъ: «Tu Shakespeare eris, si fata sinant!» Баратынскій писалъ 26 октября А. А. Муханову, что «Борисъ» — чудесное произведеніе, которое составитъ эпоху въ нашей словесности («Рус. Арх.» 1895, III, 125); А. Ѳ. Воейковъ сообщалъ 22 ноября Д. М. Перевощикову: «Это—чудо, это—образецъ силы, ужаса, высокаго и великаго. Русь ничего не имѣла подобнаго въ драматическомъ родѣ. Прочтите сіи строки поэту Языкову,—онъ затрепещетъ отъ восторга и соревнованія!» («Рус. Арх.» 1890, III, 92).

За это чтеніе «Бориса» Пушкинъ немедленно получилъ выговоръ отъ шефа жандармовъ. «При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы», писалъ ему Бенкендорфъ 22 ноября 1825 г., «не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописахъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и прямо Его Императорскому Величеству... Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо ли такое извѣстіе или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ столь великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго». Пушкинъ немедленно отослалъ свою пьесу въ III Отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, а Бенкендорфъ поручилъ ея разсмотрѣніе одному изъ своихъ образованныхъ чиновниковъ. Отзывъ этого оффиціальнаго критика напечатанъ М. И. Сухомлиновымъ, «Изслѣд. и статьи», II, 219. Здѣсь указано, что «въ сей пьесѣ нѣтъ ничего дѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома Исторіи Государства Россійскаго, соч. Карамзина, передѣланные въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мнѣнія,—все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, распо-

ложеніе дѣйствія на сцены... Цѣль пьесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка. Духъ цѣлаго сочиненія—монархическій, ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ, — но такъ говоритъ исторія. Имена—почти всѣ историческія. Литературное достоинство—гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гете, Шиллеру; ибо у сихъ поэтовъ, въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ пьесахъ. У Пушкина это—разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены... истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное піитическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало. Нѣкоторыя мѣста должно непремѣнно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человѣкъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнесть ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ (напр., слова Маржерета)».

Далѣе докладчикъ отмѣчаетъ къ исключенію слѣдующія шесть мѣстъ:

1) Въ концѣ сцены III, отъ словъ: «Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ!» до словъ: «Вѣнецъ за нимъ!» Въ изд. 1831 вся эта сцена была пропущена, и явилась, съ пропускомъ отмѣченныхъ стиховъ, только въ посмертномъ изд.

2) Въ сценѣ VII, отъ словъ Мисаила: «Что же ты не подтягиваешь...» до словъ Григорія: «Да кого жь имъ надобно?»

3) Въ сценѣ IX вся рѣчь Пушкина, начинающаяся словами: «Такой грозѣ, что врядъ царю Борису...»

4) Въ сценѣ XVII—слова Маржерета: «Tudieu, il y fait chaud!» и т. д., до конца реплики. Въ изд. 1831 г. реплика Маржерета измѣнена слѣдующимъ образомъ: «Diable, il y fait chaud! Ce diable de Samozvanets, comme il s'appelle, est un brave à trois poils!»

5) Въ сценѣ XVIII—имя юродиваго «Николка». Въ изд. 1831 г. юродивый явился безъ имени.

6). Въ сценѣ XXI—семь стиховъ изъ рѣчи Бориса, начиная словами: «Лишь строгостью мы можемъ неусыпной...»

Въ заключеніе доклада высказывается, что къ напечатанію пьесы «кажется, нѣтъ никакого препятствія. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно, ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ».

14 декабря 1826 г. Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина: «Я имѣлъ счастіе представить государю императору комедію вашу о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его Величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною посему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, если бъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Валтера Скотта». Увѣдомляя васъ о семъ Высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста, обратившія на себя вниманіе Его Величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отозвался (3 января 1827), что его пьеса, дѣйствительно, болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ уже не въ силахъ передѣлать однажды имъ написанное. На этомъ пока, и остановились его ходатайства о разрѣшеніи напечатать Бориса.

Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, поэтъ, въ видѣ опыта, отдалъ въ только что возникшій тогда журналъ Погодина «Московскій Вѣстникъ» сцену Пимена съ Григоріемъ, которая и была напечатана въ № 1 этого журнала за 1827 г. Отзывы журналовъ объ этой сценѣ показали только совершенную неподготовленность тогдашней критики къ оцѣнкѣ новаго произведенія Пушкина. Рецензенты, по словамъ «Моск. Вѣстн.», «младенчески» сожалѣли о томъ, что сей отрывокъ писанъ не съ риѳмами. Надеждинъ совѣтовалъ Пушкину сжечь его драму; Загоскинъ смѣялся надъ нею и высказалъ готовность промѣнять ее на модную картинку, и пр.

Кромѣ сцены Пимена, ранѣе полнаго изданія Бориса явились: въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 г.— сцена Курбскаго и Самозванца на границѣ, и въ «Денницѣ» 1830 г.—двѣ первыя сцены.

Петербургскіе друзья поэта познакомились съ его новымъ произведеніемъ въ 1827—28 гг. Жуковскій былъ въ восторгѣ: «Годуновъ—превосходное твореніе,—писалъ онъ А. И. Тургеневу,—много глубокости и знанія человѣческаго сердца. Гдѣ онъ (Пушкинъ) все это беретъ?» (Письма Жук. къ Тург., изд. Рус. Архива, М. 1895, стр. 230); Крыловъ добродушно посмѣялся надъ комедіей, назвавъ ее «совершеннѣйшимъ уродомъ»; кн. Вяземскій, послѣ чтенія у гр. Лаваль (16 мая 1828), гдѣ присутствовали, между прочимъ, Грибоѣдовъ и Мицкевичъ, сообщалъ А. И. Тургеневу: «Кажется, всѣ были довольны, сколько можно быть довольнымъ, мало понимая. Въ трагедіи есть красоты первостепенныя... Иныя сцены, въ особенности изъ послѣднихъ, недостаточно развиты, и только развѣ des sommaires des scènes. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствіе. Автора почти нигдѣ не видишь. Передъ тобою—не куклы на проволокѣ, дѣйствующія по манію закулиснаго фокусника. Но за то, можетъ быть, мало созданія...» (А. С. Пушк. по док. Остаф. арх. II, 21). Большинству тогдашнихъ читателей произведеніе Пушкина дѣйствительно было мало понятно. «Люди образованные,—писалъ Погодину Н. М. Мельгуновъ,—но съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбамъ, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна» («Рус. Арх.» 1884, II. 360). «Общее мнѣніе,—говоритъ Анненковъ (Мат., 136)—поражено было новымъ направленіемъ, какое принялъ поэтъ, но не увлечено имъ. Весьма немногіе угадали поэтическое откровеніе одной народной эпохи. Наиболѣе расположенные къ поэту еще признавали достоинство стиха, но другіе, числительно сильнѣйшіе, не видѣли уже прежняго

сладкозвучнаго пѣвца своего за этимъ бѣлымъ стихомъ и сожалѣли о юношескихъ блестящихъ произведеніяхъ, гдѣ рѣчь заканчивала образъ, всѣмъ понятный и увлекательный. Толки, возбужденные появившимся въ печати отрывкомъ Бориса, привели Пушкина къ мысли, что весь споръ о классицизмѣ и романтизмѣ былъ оптическій обманъ, которому и онъ самъ поддался, и что необходимость преобразованія литературныхъ формъ не лежала въ общихъ потребностяхъ, въ дѣйствительно возмужаломъ и измѣнившемся вкусѣ публики. Почти съ той же минуты сталъ Пушкинъ считать трагедію свою анахронизмомъ и смотрѣть съ иронією на свое предположеніе создать народную драму. Какъ ни горекъ былъ опытъ, но Пушкинъ нашелъ ему оправданіе въ общемъ французско-классическомъ воспитаніи всего современнаго поколѣнія...» Вотъ почему онъ и не рѣшался въ ту пору продолжать хлопоты о разрѣшеніи напечатать Бориса.

Въ бумагахъ поэта сохранилось нѣсколько замѣтокъ, набросанныхъ имъ въ разное время, въ 1825—1830 гг. и относящихся къ его трагедіи. Приводимъ ихъ здѣсь.

I.

О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ*) Передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (небывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мининымъ, получая 120 р. окладу. Въ 1630 году находился въ томъ-же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ, защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдашнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ).

II.

Pour une préface.—Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi—leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

III.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle alle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

IV.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

19 іюля 1829. Арзрумъ.

V.

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ..... И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi». Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одного недоставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслію моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало по среди уединеннаго труда *).

VI.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году, и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія [оживить въ формахъ драматическихъ] одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатые! Успѣлъ ли ими воспользоваться—не знаю. По крайней мѣрѣ, труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой-нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ моей драмы огорчилъ бы меня, ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены.

*) Пушкинъ ошибся въ имени предка. его звали Григоріемъ Гавриловичемъ. Онъ умеръ въ 1656 г.

*) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

(Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргивянахъ. А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ-нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи одного изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, сэръ аморе, но безо всякой дворянской спѣси. Изо всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. Аристократію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать къ такой аристократіи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмысліи или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ,—отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей,—образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хотя нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ, и никому до него дѣла нѣтъ.

VII.

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Такимъ образомъ, Lope de Vega и Расинъ уступали потоку. Но геній, какое направленіе ни изберетъ, остается всегда геній: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VIII.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux ésprits se rencontrent.

IX.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ, и проч. и проч. и проч.

X.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scéne; je vis que j'étais dans l'erreur; j'éprouvais donc une grande répugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

Послѣ долгихъ колебаній, Пушкинъ рѣшился, наконецъ, издать Бориса, и въ 1829 г., передъ отъѣздомъ на Кавказъ, передалъ свою рукопись Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, «пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, заготовилъ чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.» 20 іюля Плетневъ представилъ рукопись пьесы въ III Отдѣленіе; о ней доложено было 10 октября государю, который снова потребовалъ перемѣны нѣкоторыхъ «слишкомъ тривіальныхъ» мѣстъ. Пушкинъ рѣшился отстаивать свободу своего творчества и, наконецъ, 28 апрѣля 1830 г. получилъ желаемое разрѣшеніе: «Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, то его Величество дозволяетъ вамъ ее напечатать подъ собственною вашею отвѣтственностью», — писалъ поэту Бенкендорфъ.

«Милый! Побѣда!» писалъ Пушкинъ Плетневу въ началѣ мая: «Царь позволяетъ мнѣ напечатать Годунова въ первобытной красотѣ... Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ, заговорить о Ѳаддеѣ Булгаринѣ? Кажется, неприлично».

Поэтъ рѣшилъ обойтись безъ всякаго предисловія.

Книга печаталась (съ рукописи, кое-гдѣ исправленной Жуковскимъ) въ типографіи департамента народнаго просвѣщенія и выпущена изъ печати 24 декабря 1830 г. На ея заглавномъ листѣ, вмѣсто прежняго названія, выставлено только: «Борисъ Годуновъ», а на оборотѣ: «Съ дозволенія Правительства». Затѣмъ, на отдѣльномъ листкѣ, напечатано посвященіе:

Драгоцѣнной для Россіянъ
памяти
Николая Михайловича
Карамзина
сей трудъ, геніемъ его вдохновенный,
съ благоговѣніемъ и благодарностію посвящаетъ,
Александръ Пушкинъ.

Въ этомъ изданіи пропущены были сцены III (Дѣвичье Поле) и XII (Уборная Марины), напечаттанныя только впослѣдствіи, въ посмертномъ изданіи. Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» 1834, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи барона Ег. Фед. Розена о Борисѣ Годуновѣ, напечатанной въ «Dorpater Jahrbücher für Litteratur», 1833, № 1, была помѣщена «добавочная сцена» въ монастырской оградѣ (см. т. II, стр. 365). Объ этой сценѣ бар. Розенъ отозвался такъ: «Упомянемъ объ одномъ явленіи, не напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго писателя Мицкевича и покойнаго Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи «Бориса Годунова», позволилъ намъ...» и пр.

Печатный экземпляръ пьесы былъ представленъ государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ увѣдомилъ автора 9 января 1831 г.—Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивъ его предварительно государю, который сдѣлалъ въ немъ исправленія. Такъ, въ письмѣ было сказано: «Е. В. Государь Императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго піитическаго творенія доставило ему великое удовольствіе»; государь измѣнилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Е. В. Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ» (Сухомлиновъ, Изсл., II, 218—233).

Въ «Лит. Газетѣ», 1831, № 1, находимъ извѣстіе, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ ея. «Это доказываетъ,—прибавляетъ Газета,—что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику въ равнодушіи къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному». Въ той же «Лит. Газ.» 1831, № 1, 2 и 3, былъ напечатанъ и разборъ трагедіи Пушкина. Другія критическія статьи и рецензіи явились въ «Сынѣ Отеч.» 1830, №№ 24—28 (ч. 142, 143, ст. В. Плаксина); затѣмъ — въ «Колокольчикѣ» 1831, № 6 (ст. В. Олина); «Моск. Телегр.», № 2; «Спб. Вѣстникѣ», № 2 (ст. Яковлева); «Сынѣ Отеч., № 40 и 41 (ст. Ф. Камашева); «Свв. Пчелѣ», № 133 и 167; «Свв. Меркуріи», № 1; «Телескопѣ», № 4 и «Эхо», № 2 (ст. Ф.—д.—Дика). См. еще «Дамскій Журналъ» № 6 и 10 (ст. С. Н. Глинки); «Свв. Меркурій», № 28; «Листокъ», № 45.—Сцена Пимена съ Григоріемъ, напечатанная отдѣльно въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 1, разобрана Д. В. Веневитиновымъ въ статьѣ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkine» («Полн. собр. соч. Веневитинова, изд. 1862, стр. 191) См. также «Европеецъ» 1832, ч. I, стр. 102—123 и 259—278. Кромѣ того, разбору драмы посвящена особая брошюра: «О Борисѣ Годуновѣ, сочиненіи Александра Пушкина. Разговоръ» (М. 1831, 16 стр. перепечат. въ «Рус. Стар.» 1890, т. 68, стр. 445—454, и у Зелинскаго, Рус. критич. литература о произв. Пушкина, ч. III), сочиненіе которой приписывалось В. С. Филимонову. Объ этомъ совершенно нелѣпомъ и пошломъ произведеніи см. Соч. Бѣлинскаго, изд. Венгерова, I, 148.

Въ общемъ, современная Пушкину критика оказалась неподготовленной къ оцѣнкѣ Бориса Годунова и отнеслась къ нему исключительно съ формальной стороны, не находя въ драмѣ никакого примѣненія къ сценѣ. Большинство отзывовъ сводилось къ тому, что это — не драма, не поэма, не повѣсть, а такъ, какой-то выродокъ, которому нѣтъ имени въ теоріи литературы и который невозможно ни къ чему приспособить. «Никто изъ критиковъ-самозванцевъ не умѣлъ оцѣнить этого прекраснаго творенія»,— писалъ бар. Розенъ Шевыреву. «Кривые толки, косые взгляды, шиканье, дурацкій смѣхъ—вотъ чѣмъ привѣтствовали Годунова, творецъ коего во времени Петрарки и Тасса былъ бы удостоенъ торжественнаго въ Капитоліи коронованія. За отсутствіемъ лучшихъ критиковъ, я написалъ рецензію въ «Литературной Газетѣ». Кромѣ того, я еще перевелъ его на нѣмецкій языкъ съ рукописи автора и заслужилъ восторженную благодарность».

Горячо привѣтствовалъ Пушкина въ «Литературной Газетѣ» и самъ ея издатель, старый его другъ и товарищъ, бар. Дельвигъ. Его статья, напечатанная въ №№ 1 и 2 за 1831 г., была его лебединою пѣснью и осталась неоконченною. Въ «Телескопѣ» 1831, № 4, Н. И. Надеждинъ напечаталъ статью: «Бесѣда старыхъ знакомцевъ»—въ защиту Пушкина отъ легкомысленныхъ сужденій, въ примѣръ которыхъ привелъ эпиграмму, напечатанную въ «Сѣверномъ Меркуріи»:

И Пушкинъ сталъ намъ скученъ,
И Пушкинъ надоѣлъ,
И стихъ его не звученъ,
И геній охладѣлъ.
Бориса Годунова
Онъ выпустилъ въ народъ:
Убогая обнова
Увы! на новый годъ!

И. В. Кирѣевскій, въ своемъ журналѣ «Европеецъ», съ горечью отмѣтилъ печальное состояніе нашей литературной образованности и упрекнулъ Пушкина за то, что онъ не понялъ современныхъ читателей, давая имъ такую вещь, которая далеко выше ихъ разумѣнія...

Изъ отзывовъ неблагопріятныхъ слѣдуетъ упомянуть объ обширной статьѣ Н. А. Полевого въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1833, ч. 49, №№ 1 и 2. Критикъ особенно осуждалъ Пушкина за посвященіе драмы памяти Карамзина: «Итакъ еще разъ суждено было Пушкину заплатить дань своему воспитанію, образованію своихъ юныхъ лѣтъ, предразсудкамъ, авторитетамъ стараго времени! Еще разъ классицизмъ, породившій исторію Карамзина, долженъ былъ восторжествовать надъ сильнымъ представителемъ романтизма и европейской современности XIX вѣка въ Россіи! Прочитавъ посвященіе, знаемъ напередъ, что мы увидимъ карамзинскаго Годунова. Этимъ словомъ рѣшена участь драмы Пушкина. Ему не пособятъ уже ни его великое дарованіе, ни сила языка, какою онъ обладаетъ. Мы увидимъ въ его драмѣ только борьбу сильнаго генія, блѣдный оттѣнокъ великой идеи, а подробности должны быть непремѣнно ложны и сбивчивы или безцвѣтны...» Главный упрекъ Полевого Пушкину заключался въ томъ, зачѣмъ Борисъ представленъ убійцей, а не человѣкомъ, который, будучи невиннымъ, падаетъ жертвою непобѣдимой клеветы.

Петербургскіе журналы отнеслись къ Борису, вообще, съ большими похвалами, чѣмъ даже уди-

вили Пушкина. «Пишутъ мнѣ, что Борисъ мой имѣетъ большой успѣхъ»,—писалъ поэтъ Плетневу изъ Москвы 7 января 1831 г.: «Странная вещь, непонятная вещь! По крайней мѣрѣ, я того никакъ не ожидалъ. Что тому причиною? Чтеніе Вальтера Скотта? Голосъ знатоковъ, конхъ избранныхъ такъ мало? Крикъ друзей моихъ? Мнѣніе Двора? Какъ бы то ни было, я успѣха трагедіи моей у васъ не понимаю. Въ Москвѣ то ли дѣло? Здѣсь жалѣютъ о томъ, что я совсѣмъ, совсѣмъ упалъ; что моя трагедія—подражаніе Кромвелю Виктора Гюго; что стихи безъ рнемъ—не стихи; что самозванецъ не долженъ былъ такъ неосторожно открыть тайну свою Маринѣ; что это съ его стороны очень вѣтрено и неблагоразумно, и тому подобныя глубокія критическія замѣчанія. Жду переводовъ и суда нѣмцевъ, а о французахъ не забочусь. Они будутъ искать въ Борисѣ политическихъ примѣненій къ Варшавскому бунту и скажутъ мнѣ, какъ наши: «Помилуйте-съ!» Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей изъ конхъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе - попуган...»

Катенинъ, однако, отнесся къ Борису Годунову, противъ ожиданія Пушкина, рѣзко-отрицательно. «Это—не драма отнюдь,—писалъ критикъ, строгій классикъ по своимъ убѣжденіямъ,—а кусокъ исторіи, разбитый на мелкіе куски въ разговорахъ; и въ этомъ отношеніи слишкомъ многаго недостаетъ... Что отъ него пользы бѣлому свѣту? На театръ онъ нейдетъ, поэмой его назвать нельзя, ни романомъ, ни исторіей въ лицахъ, ничѣмъ; для котораго изъ чувствъ человѣческихъ онъ имѣетъ цѣну или достоинство? Кому будетъ охота его читать, когда пройдетъ первое любопытство? Я его сегодня перечелъ въ третій разъ, и уже многое пропускалъ а кончилъ, да подумалъ: нуль...» («Въ пользу голодающихъ», М. 1892, стр. 253). В. К. Кюхельбекеръ, сначала восторженно привѣтствовавшій Бориса, впослѣдствіи находилъ, что драма Пушкина слишкомъ отзывается подражаніемъ Шекспиру, и предпочиталъ ей трагедію Кукольника «Торквато Тассо» (Барсуковъ, Жизнь Погодина, 11, 110). Зато съ восторгомъ упивался драмой Пушкина представитель молодого поколѣнія—Бѣлинскій, хотя въ основу его позднѣйшей (1844 г.) критики легла принятая на вѣру отъ Полевого и неправильная по существу мысль, будто Пушкинъ «рабски» слѣдовалъ Карамзину. Новѣйшее изслѣдованіе И. Н. Жданова: «О драмѣ Пушкина Борисъ Годуновъ» (Спб. 1892) съ полною доказательностью установило, что Пушкинъ работалъ надъ своей драмой независимо отъ Карамзина, провѣряя и измѣняя его показанія по источникамъ. (Объ отзывахъ Полевого, Бѣлинскаго и др. См. во II т. предисловіе Ѳ. Д. Батюшкова).

Критика уже давно указывала на извѣстную зависимость Пушкина отъ Шекспира: изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльныхъ ея сценахъ. Съ этой стороны поучительно сравнить избраніе Бориса на царство съ сценой избранія герцога Глостера («Ричардъ III», д. III, сц. 7); монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти» – съ монологомъ Генриха V: «На короля, все, все на короля» («Генрихъ V». д. IV, сц. 1) и въ особенности—послѣднія наставленія Бориса Ѳеодору со сценою между Генрихомъ IV и принцемъ Уэльскимъ («Генрихъ IV», ч, II, послѣдняя сцена IV дѣйствія). Военныя сцены также представляютъ большое сходство съ подобными же сценами въ «Генрихѣ V». Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи видятъ въ Борисѣ слѣды вліянія гётевскаго «Гетца ф. Берлихингена» (Honegger, Russ. Literatur und Kultur, 1880, S. 189; Weddigen, Gesch. der Einwirkungen der deutschen Literatur auf die Literaturen der übrigen Volker, 1832, S. 166); но, кажется, напрасно. Нѣкоторое (весьма, впрочемъ, общее) сходство Бориса съ Аталіей Расина указано Ѳ. Д. Батюшковымъ въ статьѣ «Пушкинъ и Расинъ», въ сборникѣ «Памяти Пушкина» препод. и слушат. Спб. унив. (Спб. 1900, стр. 1—34). Сужденія Пушкина о драматической поэзіи подобраны въ ст. Н. К. Козмина «Взглядъ Пушкина на драму» (тамъ же, 179—225).

Борисъ Годуновъ извѣстенъ намъ въ трехъ рукописяхъ—двухъ полныхъ и одной неполной, подробности о которыхъ будутъ сообщены въ статьѣ: «Исторія пушкинскаго текста». Кромѣ того, А. Ѳ. Онѣгинымъ-Отто найденъ въ бумагахъ Жуковскаго и напечатанъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1882, № 10, стр. 893, слѣдующій черновой отрывокъ:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Комедія

о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ,

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.
Писано бысть Алексашкою Пушкинымъ
въ лѣто 7333,
на городищѣ Вороничѣ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣ жь онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?
Я здѣсь одинъ, и все молчитъ,
Холодный духъ въ лицо мнѣ дуетъ,
И ходитъ холодъ по главѣ...
Что жь это? Что же знаменуетъ?
Бѣда ли мнѣ, бѣда ль Москвѣ?..
Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
Царевичъ тѣнію кровавой
Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
Бѣда тебѣ! Главы преступной
Ты не спасешь ни покаяньемъ,
Ни Мономаховымъ вѣнцомъ.

Въ рукописи Румянцевскаго Музея № 2370 трагедіи непосредственно предшествуютъ слѣдующія историческія замѣтки:

«Убіеніе св. Димитрія. Чиновники Владим. Заградской и Никифоръ Чепчуговъ не согласились. Дядька царскій, окольничій Андрей Луп-Клешнинъ, предложилъ дьяка Михайла Битяговскаго. Сынъ его Данило, племянникъ Никита Качаловъ, сынъ его Осипъ (убійцы). Кормилица Дмитрія Ирина Жданова.

1591 г. мая 15—Судьи: Клешнинъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Шуйскаго, дьякъ Вылузгинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ (Геласій) являются въ Угличъ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за вдовую царицу. Царицу постригаютъ въ пустыню св. Николая на Выксѣ.

1598. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ требуетъ присяги во имя думы боярской. Избраніе Годунова.

Ссылки и казни. 1584–87. Діонисій, мудрый Грамматикъ, замышляютъ съ кн. Шуйскимъ о разводѣ Ѳеодора съ Ириною; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Колычевы, Быкасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Ив. Ш. Псковскій сосланъ въ Каргополь, другихъ заточили въ Буй-городъ, въ Галичъ, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Ив. Татева въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ заточены, 1-й—въ монастырь Хутынскій, 2-й—въ Антоніевъ Новгородскій. Кн. Шуйскій удавленъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старый бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій Псковскій Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты Скуратова. — Ѳеодоръ царствуетъ 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Димитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Сицкій, Воротынскій, Ростовскій, Телятевскій, и проч.»

Затѣмъ начинается программа трагедіи:

«Годуновъ въ монастырѣ; толки князей; вѣсти,—площадь, вѣсть объ избраніи (Годуновъ, юродивый). — Лѣтописецъ, Отрепьевъ. — Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе;—монахи-бѣглецы. Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади.—Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Ирины. — Годуновъ и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ.—Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Димитрія;—вѣче; — убіеніе царя; — самозванецъ въѣзжаетъ въ Москву».

---

454. ВЪ ГЛУШИ, ИЗМУЧАСЬ ЖИЗНЬЮ ПОСТНОЙ.

(т. II, стр. 381).

Изъ письма (начала окт. 1825 г.) къ кн. П. А. Вяземскому. Ср. Переписку Пушкина, изд. В. И. Сантовымъ, т, I, стр. 301. О «зубастыхъ голубяхъ» см. выше прим. къ № 446.

---

455. ПОСЛѢДНІЕ ЦВѢТЫ.

(т. II, стр. 381).

Напечатано только послѣ смерти Пушкина, въ Современникѣ 1838, т. IX, стр. 137, и въ посмертномъ изданіи, IX, 200.

Списокъ этого стихотворенія, сдѣланный рукою Ал. Н. Вульфа, сохранился въ альбомѣ П. А. Осиповой, подъ заглавіемъ: «Стихи, писанные по случаю въ позднюю осень присланныхъ цвѣтовъ», и съ подписью: А. П. Подъ стихотвореніемъ помѣта: «16 октября 1825».

Бѣлинскій (Соч., изд. Венгерова, VI, 266) относилъ это стихотвореніе къ числу образцовыхъ антологическихъ пьесъ Пушкина.

456. 19 ОКТЯБРЯ.

(т. II, стр. 381).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1827 годъ, съ полною подписью автора, помѣтой: «1825» и выноской къ заглавію: «19 Октября 1811 года было открытіе Императорскаго Лицея». Затѣмъ вошло въ изд. 1829 г.

Стихотвореніе было представлено на цензуру Бенкендорфа бар. Дельвигомъ, причемъ изъ рукописи были заранѣе исключены 7 строфъ, а собственныя имена товарищей обозначены только заглавными буквами. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину 4 марта: «Заглавныя буквы друзей не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственно заключеніямъ? это предоставляю вашему разсужденію». Пушкинъ отвѣчалъ изъ Москвы, 22 марта: «Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно піэсы: 19 Октября. Непремѣнно напишу б. Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено». Въ печати инициалы товарищей замѣнены были звѣздочками, и пропущенныя 7 строфъ возстановлены только въ 1857 г., Я. К. Гротомъ, напечатавшимъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ стихотвореніе Пушкина по автографу, нынѣ хранящемуся въ Александровскомъ Лицеѣ. Въ своей статьѣ: «Автографъ 19 Октября» перепечатанной впослѣдствіи въ книгѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе наставники и товарищи», Я. К. Гротъ приводитъ, между прочимъ, изъ бумагъ С. Д. Комовскаго слѣдующее восьмистишіе, которое, по мнѣнію ак. Грота, вѣроятно, предназначалось для этого же стихотворенія, но не вошло въ него:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брольо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же—проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, часы забавы молодой?

Подъ копіей этихъ стиховъ Комовскій сдѣлалъ замѣтку, которая, какъ потомъ было указано П. А. Ефремовымъ, выдаетъ его сочинительство: «Стихи эти доставлены мнѣ отъ служившаго при генералѣ Инзовѣ штабъ-офицера Алексѣева, на квартирѣ коего жилъ (одно время) нашъ поэтъ во время ссылки на югъ». Извѣстно, что Пушкинъ жилъ вмѣстѣ съ Алексѣевымъ въ Кишиневѣ, въ 1822 г., когда имъ написана была Гавриліада, изъ которой и взяты эти стихи, съ передѣлкою нѣсколькихъ словъ и со вставкою именъ Брольо и Комовскаго. Такимъ образомъ, приведенное восьмистишіе, несомнѣнно, принадлежитъ Пушкину, только искажено внесенными нарочно поправками, и, конечно, не имѣетъ никакого отношенія къ «19 Октября».

Не повторяя здѣсь свѣдѣній о лицейской жизни Пушкина и о тѣхъ изъ его товарищей, имена которыхъ встрѣчаются въ этомъ первомъ стихотвореніи, посвященномъ Лицею, приведемъ слова Я. К. Грота изъ его статьи: «Старина Царскосельскаго Лицея»:

«Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса то у одного, то у другого изъ

товарищей: сперва — у Тыркова, потомъ — у Яковлева... Яковлевъ, какъ самый пламенный чтитель лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался «Лицейскимъ Старостой», а квартира его—«Лицейскимъ подворьемъ». Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется, полу-шуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились... Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году; здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неоконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ въ такомъ порядкѣ: бар. Корфъ, бар. Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно праздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами. Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ... Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, въ которомъ высказана мысль о празднованіи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ случаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ».

Говоря именно объ этой заключительной строфѣ пушкинскаго стихотворенія, Бѣлинскій (Соч., изд. 1865, VIII, 383) замѣчаетъ:

«Какая глубокая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣтлая скорбь! Каждая мысль сама по себѣ такъ исполнена поэзіи, независимо отъ формы, вполнѣ художественной, легкой и прозрачной, простой и чуждой всякихъ метафоръ! Этотъ переживній всѣхъ друзей своихъ другъ, докучный, лишній и чужой гость среди новыхъ поколѣній, дрожащею рукою закрывающій глаза при воспоминаніи о своихъ друзьяхъ,—это не просто поэтическіе стихи, это—поэтическая картина! Но не въ духѣ Пушкина остановиться на скорбномъ чувствѣ: словно торжественнымъ музыкальнымъ аккордомъ оканчивается піеса полными бодраго чувства стихами... Пушкинъ не даетъ судьбѣ побѣды надъ собою; онъ вырываетъ у ней хоть часть отнятой у него отрады. Какъ истинный художникъ, онъ владѣлъ этимъ инстинктомъ истины, этимъ тактомъ дѣйствительности, который на «здѣсь» указывалъ ему какъ на источникъ и горя, и утѣшенія и заставлялъ его искать цѣленія въ той же существенности, гдѣ постигла его болѣзнь. И, право, въ этой силѣ, опирающейся на внутреннемъ богатствѣ своей натуры, болѣе вѣры въ промыслъ и оправданія путей его, чѣмъ во всѣхъ заоблачныхъ порываніяхъ мечтательнаго романтизма».

«...И въ цѣломъ піеса Пушкина, несмотря на ея значительную величину, вездѣ выдержана и какъ будто въ одну минуту легко и свободно излилась изъ взволнованной души поэта... Это—арія, пропѣтая пѣвцомъ, который вполнѣ владѣетъ своимъ голосомъ, не даетъ пропасть ни одной ноткѣ, не ослабѣетъ ни на мгновеніе отъ начала до конца аріи... Особенная принадлежность поэзіи Пушкина и одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ его передъ поэтами прежнихъ школъ—полнота, оконченность, выдержанность и стройность созданій. Поэзія чувства, поэзія естественная, не отличается этимъ качествомъ: въ ней всегда видно усиліе высказать чувство, и оттого стройность и соразмѣрность исчезаютъ въ плодовитости. Въ поэзіи художественной соразмѣрность, стройность, полнота и ровность бываютъ уже естественнымъ слѣдствіемъ творческой концепціи, художественной мысли, лежащей въ основаніи поэтическаго произведенія. У Пушкина никогда не бываетъ ничего лишняго, ничего недостающаго, но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ, конецъ гармонируетъ съ началомъ, и, прочитавъ его піесу, чувствуешь, что отъ нея нечего убавить и къ ней нечего прибавить. И въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, Пушкинъ является по преимуществу художникомъ».

---

457. ПРЕДЪ РЫЦАРЕМЪ БЛЕСТИТЪ ВОДА.

(т. II, стр. 384).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые Анненковымъ въ приложеніи къ «Матеріаламъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только въ новѣйшихъ изданіяхъ, (см. исторію текста). Переводъ, вообще, отличается близостью къ подлиннику, допуская лишь незначительныя отступленія; но Пушкинъ не счелъ нужнымъ держаться размѣра итальянской «октавы» и замѣнилъ ее стихомъ, болѣе ему привычнымъ. Для сравненія съ подлинникомъ приводимъ строфу 110:

Era scritto in arabico, che l'conte
Intendea così ben come latino.
Fra molte lingue e molte ch'avea pronte
Prontsisima avea quella il paladino;
E gli schivò più volte e danni ed onte,
Che si trovò ira il popol saracino.
Ma non si vanti, se già n'ebbe frutto;
Ch'un danno or n'ha, che può sconfargli il tutti.

---

458. СЪ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

(т. II, стр. 385).

По рукописи Моск. Музея № 2368 напечатано впервые Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», съ ошибками, исправленными только В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 533.

Португальскій поэтъ Томасъ-Антоніо Гонзага, прозванный Dirceo (1747—1793), пріобрѣлъ большую извѣстность, особенно въ Бразиліи, своими любовными пѣснями въ честь Маріи Брандонъ, которую онъ воспѣвалъ подъ именемъ Маріліи. Современники называли его «португальскимъ Петраркой». Его стихотворенія издавались много разъ и были переведены на французскій яз. въ сборникѣ, вышедшемъ въ Парижѣ въ 1825 г.: «Collection des chefs-d'oeuvre classiques». Этимъ-то переводомъ, вѣроятно, и пользовался Пушкинъ.

---

459. Я НЕ РОЖДЕНЪ СВЯТЫНЮ СЛАВИТЬ.

(т. II, стр. 386).

По рукописи Моск. Музея № 2370 напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 37.

Вольный переводъ начальныхъ 26-ти стиховъ знаменитой поэмы Вольтера, которую Пушкинъ такъ высоко цѣнилъ въ юности. Послѣдніе 8 стиховъ заключаютъ въ себѣ обращеніе къ Шапэну, поэту XVII вѣка, автору поэмы «Дѣвственница», надъ которою смѣялся еще Буало. Приводимъ соотвѣтствующіе стихи подлинника, кстати сказать, именно въ этомъ мѣстѣ наименѣе точно переданные Пушкинымъ:

O Chapelain, toi, dont le violon,
De discordante et gothique mémoire,
Sous un archet maudit par Apollon
D'un ton si dur a raclé son histoire;
Vieux Chapelain, pour l'honneur de ton art,
Tu voudras bien me prêter ton génie;
Je n'en veux point; c'est pour Lamotte-Houdart,
Quand l'Iliade est par lui travestie.

---

460. ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(т. II, стр. 393).

Историко-литературныя и библіографич. данныя о «Графѣ Нулинѣ» см. т. II, 387—392.

---

461. ИЗЪ А. ШЕНЬЕ

(т. II, стр. 397).

Напечатано впервые въ «Современникѣ» 1836, т. I, безъ подписи, а затѣмъ повторено въ посмертномъ изданіи. Этотъ поэтическій и, пригомъ, весьма близкій переводъ стихотворенія Шенье пролежалъ въ бумагахъ Пушкина 11 лѣтъ; на рукописи его выставленъ 1825 годъ; но, отдавая его въ печать, Пушкинъ сдѣлалъ нѣкоторыя исправленія и поставилъ новую помѣту: «20 Апрѣля 1835 г.».

Въ стихотвореніи воспроизводится сказаніе о смерти Геркулеса, послужившее канвою для трагедіи Эврипида «Неистовый Геракль». Жена Геркулеса Деянира получила отъ убитаго имъ кентавра ядовитую рубашку, причемъ кентавръ увѣрялъ ее, что это—талисманъ, имѣющій силу удержать ея мужа отъ измѣны. Мучаясь ревнивыми подозрѣніями, Деянира послала эту рубашку Геркулесу. Какъ только онъ ее надѣлъ, ядъ, которымъ она была пропитана, сталъ жечь его. Геркулесъ хотѣлъ сорвать съ себя эту одежду, но она плотно пристала къ тѣлу и причиняла ему невыносимую боль. Тогда герой взошелъ на гору Эту, сложилъ тамъ костеръ, легъ на него, самъ поджегъ его и въ пламени вознесся на небо.

Приводимъ текстъ подлинника:

Oeta, mont ennobli par cette nuit ardente,
Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups;
Il brise tes forêts; ta cime épaisse et sombre
En un bûcher immense ammoncelle sans nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés;
Il y porte la flamme; il y monte; sous ses pieds
Etend du vieux lion la dépouille héroïque,
Et l'oeil au ciel, la main sur la massue antique,
Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu.
Brille autour du héros, et la flamme rapide
Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide!

Пушкинъ, сохранивъ размѣръ александрійскаго стиха Шенье, отбросилъ обращеніе къ горѣ Этѣ, замѣнивъ его эпическимъ разсказомъ, но во всемъ остальномъ переводъ отличается точностью.

---

462. КЪ БАРАТЫНСКОМУ

(т. II, стр. 398).

Въ 1824 г. Баратынскій написалъ поэму «Эда», содержаніемъ которой служитъ исторія обольщенной русскимъ солдатомъ и затѣмъ покинутой финляндки. Извѣстія о новомъ произведеніи дошли до Пушкина, и онъ желалъ скорѣе съ нимъ познакомиться. «Что жь чухонка Баратынскаго?»—спрашивалъ онъ брата въ концѣ октября: «Я жду!» Во второй половинѣ ноября онъ снова напоминаетъ брату объ этой поэмѣ: «Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя». 4-го декабря пишетъ: «Пришли же мнѣ Эду Баратынскую. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду». 8 декабря, въ письмѣ къ Родзянкѣ, Пушкинъ, между прочимъ, сообщаетъ: «Баратынскій написалъ поэму (не прогнѣвайся—про чухонку), и эта чухонка, говорятъ, чудо, какъ мила. А я—про цыганку; каковъ?» Наконецъ, во второй половинѣ декабря онъ снова пишетъ брату: «Пришли мнѣ Цвѣтовъ, да Эду». Изъ письма къ брату же, въ половинѣ февраля 1825 г., видно, что Пушкинъ, наконецъ получилъ поэму и прочелъ ее; по поводу неумѣренныхъ похвалъ Плетнева, который, сравнивая Баратынскаго съ Байрономъ, отдавалъ преимущество русскому поэту, Пушкинъ писалъ: «Плетневъ неосторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому, но Эда все исправитъ», а въ другомъ письмѣ совѣтовалъ Плетневу не писать «добрыхъ» критикъ. Въ 1826 г., 20 февраля, получивъ уже и печатный экземпляръ поэмы Баратынскаго, онъ сообщалъ Дельвигу, что сейчасъ отошлетъ Эду въ Тверь, П. А. Осиповой: «Что за прелесть эта Эда! Оригинальности разсказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе! Гусаръ, Эда и самъ поэтъ—всякій говоритъ по-своему. А описанія лифляндской (описка вмѣсто: «финляндской») природы! а утро послѣ первой ночи! а сцена съ отцомъ! чудо!». Въ письмѣ къ Осиповой, написанномъ въ тотъ же день, Пушкинъ говоритъ: «Вотъ новая поэма Баратынскаго, которую Дельвигъ только что мнѣ прислалъ; это—образецъ граціозности, изящества и чувства. Вы будете отъ нея въ восхищеніи».

Впослѣдствіи, уже въ 1830 г., Пушкинъ, въ отрывкѣ оставшейся незаконченною статьи о Баратынскомъ, говорилъ, что этотъ поэтъ «всѣхъ менѣе пользуется благосклонностью журналовъ... Критика изъявляла по отношенію къ нему или недобросовѣстное равнодушіе, или даже непріяз-

пенное расположеніе. Не упоминая ужъ объ извѣстныхъ шуткахъ покойнаго Благонамѣреннаго, извѣстнаго весельчака, замѣтимъ, что появленіе Эды, произведенія столь замѣчательнаго оригинальной своей простотой, прелестью разсказа, живостью красокъ и очеркомъ характеровъ, слегка, но мастерски, означенныхъ, — появленіе Эды подало только поводъ къ неприличной статейкѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» и слабому возраженію на нее въ «Московскомъ Телеграфѣ»... Перечтите Эду, которую критики наши нашли ничтожной (ибо, какъ дѣти, отъ поэмы требуютъ они происшествій), перечтите сію краткую восхитительную повѣсть: съ какою глубиною чувствъ развита въ ней женская любовь», и т. д.

Въ замѣткѣ «Сѣверной Пчелы», которую Пушкинъ находилъ «неприличною», было сказано, между прочимъ, что «чувство любви въ поэмѣ не возвышенно и происшествіе совсѣмъ обыкновенно». Эта фраза вызвала возраженіе въ похвальной рецензіи на Эду въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1826, ч. VIII, стр. 62—76. Слова Пушкина о «зоилѣ», по всей вѣроятности, относятся именно къ рецензенту «Пчелы».

Эпиграмма явилась въ печати только въ 1829 г., въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 1,) причемъ въ заглавіи не было буквы Б***, появившейся только въ изд. 1829 г.

---

463. ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБЫМЪ...

(т. II, стр. 398).

Напечатано въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 г. и затѣмъ въ посмертномъ изданіи.

Это стихотвореніе вызвано вѣстью о смерти красавицы-жены вѣнскаго негоціанта Амаліи Ризничъ, которая, вмѣстѣ съ мужемъ, жила въ Одессѣ въ пору пребыванія тамъ Пушкина и была предметомъ любви поэта. Дочь вѣнскаго банкира Риппа, полу-еврейка, полу-итальянка, г-жа Ризничъ была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Одѣвалась она чаще всего въ костюмъ амазонки. Все это придавало ей оригинальность, и многіе увлекались ею. Въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества она не была принята, но всѣ молодые люди, къ этому кругу принадлежавшіе, собирались въ домѣ Ризнича, гдѣ молодая хозяйка поддерживала оживленную бесѣду и часто играла въ вистъ, до котораго была страстная охотница. Въ наброскахъ Путешествія Онѣгина Пушкинъ, между прочимъ, посвятилъ ей нѣсколько строкъ:

Тамъ (въ Одессѣ) хлопотливаго купца
Блистаетъ рѣзвая подруга...
. . . . . .
А ложа, гдѣ, красой блистая,
Негоціантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабовъ окружена?
Она и внемлетъ, и не внемлетъ
И каватинѣ, и мольбамъ,
И шуткѣ съ лестью пополамъ,
А мужъ въ углу за нею дремлетъ
Въ просонкахъ фора закричитъ,
Зѣвнетъ—и снова захрапитъ...

Весною 1824 г, г-жа Ризничъ уѣхала за границу, а въ началѣ 1825 г. умерла, кажется, въ Генуѣ. Стихотвореніе «Подъ небомъ голубымъ»... въ черновой рукописи помѣчено: «Усл. о см. 25», что можетъ значить: «Услышалъ о смерти 25 іюля».

Поэтъ Вас. Ив. Туманскій, подружившійся съ Пушкинымъ въ Одессѣ, написалъ на смерть г-жи Ризничъ сонетъ, посвятивъ его Пушкину:

Ты на землѣ была любви подруга,
Твои уста дышали слаще розъ...

Стихотвореніе Пушкина, вмѣстѣ съ двумя позднѣйшими: «Заклинаніе» (1828) и «Для береговъ отчизны дальной» (1830), будучи взяты вмѣстѣ, составляютъ, по словамъ Анненкова, «одну трехчленную лирическую пѣснь». Бѣлинскій считалъ это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ, задушевнѣйшихъ созданій лирической музы Пушкина. «Къ особеннымъ чертамъ Пушкинской поэзіи, рѣзко отличающимъ ее отъ прежней школы, принадлежитъ его художническая добросовѣстность», говоритъ критикъ (Соч., изд. 1865 г., VIII, 408—409). «Пушкинъ ничего не преувеличиваетъ, ничего не украшаетъ, ничѣмъ не эффектируетъ, никогда не взводитъ на себя великолѣпныхъ, но неиспытанныхъ имъ чувствъ, и вездѣ является такимъ, каковъ былъ дѣйствительно. Такъ, напримѣръ, онъ узнаетъ о смерти той, любовь къ которой заставила его лиру издать столько гармоническихъ стоновъ: какой прекрасный случай изобразить свое отчаяніе, написать картину страшной скорби, невыносимой муки! Но сердце наше—вѣчная тайна для насъ самихъ...»

Объ отношеніяхъ Пушкина къ г-жѣ Ризничъ ср. статью П. Е. Щеголева: «Амалія Ризничъ въ поэзіи Пушкина», «Вѣстникъ Европы 1904, № 1, статью Н. О. Лернера во II т. настоящаго изданія (стр. 276—79) и примѣчанія къ стихамъ: «Для береговъ отчизны дальной».

---

464. Н. С. МОРДВИНОВУ.

(т. II, стр. 399).

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано Анненковымъ, въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина». «Перебирая бумаги поэта», пишетъ Анненковъ, мы встрѣтили одно стихотвореніе его, принадлежащее къ отдѣлу черновыхъ отрывковъ, но уже въ немъ заключенъ образъ столь яркій и смѣлый, что, кажется, недостаетъ только самой легкой отдѣлки для превращенія его въ полную и превосходную поэтическую картину въ классическомъ родѣ. Отрывокъ этотъ, писанный, вѣроятно, въ 1825 году, кромѣ своего достоинства и интереса, связаннаго съ исторіей его происхожденія, имѣетъ еще интересъ по отношенію къ старой литературѣ нашей. Угасавшій орелъ Екатерины, поэтъ Петровъ, на 60-мъ году своей жизни написалъ извѣстную свою оду: «Его высокопревосходительству адмиралу Николаю Семеновичу Мордвинову» (1796), которая блеститъ если не изяществомъ внѣшней отдѣлки, то глубокимъ чувствомъ дружбы и расположенія. Они дѣлаютъ ее трогательной, не смотря на отсутствіе поэтическихъ красокъ. Теплота и одушевленіе оды Петрова становятся тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ труднѣе уже старцу-поэту справиться съ непокорнымъ матеріаломъ, съ версификаціей строфы. Вся піеса есть образецъ истиннаго чувства, не обрѣтающаго поэтической

формы для выраженія своего. Стихотвореніе Пушкина не только указываетъ на посланіе Петрова, но еще какъ будто особенно связано съ одной строфой его, которую здѣсь выписываемъ:

Твоя, о другъ, еще во цвѣтѣ раннемъ младость,
Обильный обѣщая плодъ,
Лила во мысли мнѣ живу, предвѣстну радость:

Ты будешь отчества оплотъ!
Свершеніе надежды
Моими зря днесь вѣжды
И славу сбытія,
Не возыграю ль я?

Пушкинъ, подхвативъ мысль поэта-старика, развиваетъ ее въ духѣ стремленія къ пластической передачѣ явленій, что составляетъ отличительное качество такъ называемой классической поэзіи. Строфа, изображающая пробужденіе стараго орла (строфа 2-я), есть какъ будто дополненіе строфы Петрова, сдѣланное спустя 30 лѣтъ поэтомъ, въ которомъ идеи предшественниковъ обнаруживаютъ только новую сторону творческой силы. Слѣдующія за нею строфы — уже опять не болѣе, какъ стихотворныя замѣтки, и характеръ этотъ обнаруживается даже въ самомъ механизмѣ ихъ».

Быть можетъ, ближайшимъ поводомъ для Пушкина къ сочиненію этого стихотворенія послужила статья Плетнева объ одѣ Петрова, напечатанная въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» 1824 г. Тотъ же Плетневъ и около того же времени посвятилъ Мордвинову большое стихотвореніе «Долгъ гражданина» (см. Соч. Плетнева, I, 121 и III, 300). Вообще, Николай Семеновичъ Мордвиновъ (адмиралъ, впослѣдствіи — графъ, 1754—1845), извѣстный своими замѣчательными мнѣніями и докладами по важнѣйшимъ юридическимъ и экономическимъ вопросамъ и бывшій въ свое время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ государственнаго совѣта, пользовался высокимъ уваженіемъ молодого поколѣнія нашихъ писателей. О немъ восторженно отзывается въ своихъ запискахъ Н. И. Тургеневъ; Рылѣевъ воспѣлъ его въ своей извѣстной одѣ «Гражданское мужество»:

. . . намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей,
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ?

О немъ упоминаетъ также и Баратынскій, въ одномъ изъ своихъ посланій къ Гнѣдичу:

Когда сей рѣдкій мужъ, вельможа-гражданинъ,
Отъ дней Фелицыныхъ оставшійся одинъ,
Но смѣло духъ ея хранившій въ вѣкѣ новомъ,
Обширный разумомъ и сильный, громкій словомъ,
Любовью къ истинѣ и къ родинѣ горя,
Въ совѣтахъ не робѣлъ оспаривать царя...

Наконецъ, Пушкинъ, въ одномъ письмѣ къ Вяземскому, выразился о Мордвиновѣ, что онъ «заключалъ въ себѣ одномъ всю русскую оппозицію».

---

465. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

(т. II, стр. 400).

Напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 г., откуда перешло въ изд. 1832 г.

Въ этомъ стихотвореніи отразилась жизнь Пушкина въ Михайловскомъ зимой 1825 г., о которой мы имѣемъ разсказъ Пущина, посѣтившаго поэта въ январѣ того года, и воспоминанія Языкова въ двухъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ. Въ первомъ изъ этихъ стихотвореній Языковъ, обращаясь къ нянѣ, говоритъ:

Съ какимъ радушіемъ — красою древнихъ лѣтъ —
Ты набирала намъ затѣйливый обѣдъ!
Сама и водку намъ, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тѣснотѣ стариннаго стола...
Ты занимала насъ, добра и весела,
Про стародавнихъ баръ плѣнительнымъ разсказомъ;
Мы удивлялися почтеннымъ ихъ проказамъ,
Мы вѣрили тебѣ — и смѣхъ не прерывалъ
Твоихъ безхитростныхъ сужденій и похвалъ;
Свободно говорилъ языкъ словоохотной,
И легкіе часы летѣли безъ заботно.
(«Сѣв. Цвѣты» 1828, стр. 23).

Въ другомъ стихотвореніи — «На смерть няни Пушкина» («Сѣв. Цвѣты» 1831, стр. 53). Языковъ описываетъ обстановку пушкинскаго дома:

Тамъ, гдѣ на долъ съ горы отлогой
Разнообразно сходитъ боръ,
Въ виду рѣки и двухъ озеръ
И нивъ съ извилистой дорогой,
. . . . древнимъ садомъ окруженъ,
Господскій домъ уединенный
Дряхлѣетъ, — памятникъ почтенный
Елисаветинскихъ временъ.
. . . . . .
Вонъ тамъ — обоями худыми
Гдѣ-гдѣ прикрытая стѣна,
Полъ нечиненный, два окна
И дверь стеклянная межъ ними,
Диванъ подъ образомъ въ углу,
Да пара стульевъ; столъ украшенъ
Богатствомъ винъ и сельскихъ брашенъ.
И ты, пришедшая къ столу, —
Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
Къ своей веснѣ переносилась
Разгоряченною мечтой,
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждыхъ странъ,
Рѣчей напоры и отпоры
И звонъ стакана о стаканъ.
. . . . . .
Шумнѣй удалая пирушка...
Садись-ка, добрая старушка,
И съ нами бражничать давай!

Описаніе пушкинскаго дома много разъ дѣлалось въ позднѣйшую пору, различными его посѣтителями. Такъ, еще въ 1837 -1838 гг. псковскій губернскій землемѣръ Ивановъ издалъ двѣ тетради видовъ Пскова и его окрестностей. Объ этомъ изданіи помѣщена замѣтка въ «Иллюстраціи» 1848 г. т. 6, № 9, стр. 137—139, гдѣ

воспроизведенъ и рисунокъ дома Пушкина. Домъ этотъ, деревянный, одноэтажный, уже въ то время обветшавшій, занималъ середину между тянувшимися по обѣ его стороны службами; передъ домомъ, съ южной стороны, былъ небольшой садикъ, а съ другой стороны—извилистая рѣка Сороть. Въ 1848 г. въ «Сѣверной Пчелѣ», №№ 247—251, были напечатаны «Путевыя замѣтки» Давида Мацкевича, въ которыхъ также сообщается нѣсколько подробностей о пушкинскомъ домѣ. Въ 1859 г. посѣтилъ Михайловское К. Я. Тимоѳеевъ, описавшій его въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 103, стр. 139—151. Обстоятельное описаніе Михайловскаго находится въ книгѣ-альбомѣ В. П. Острогорскаго и В. П. Максимова «Пушкинскій уголокъ», изд. Фишера, М. 1899. Въ настоящее время въ Михайловскомъ мало слѣдовъ пребыванія Пушкина: помѣщичій домъ и почти всѣ прочія постройки—новыя. Владѣльцемъ имѣнія былъ до послѣдняго времени младшій сынъ поэта, Григорій Александровичъ († 1905 г.); теперь же оно пріобрѣтено въ казну, и забота о немъ возложена на псковское дворянство [1]).

«Добрая подружка бѣдной юности», дѣлившая съ Пушкинымъ уединенное житье въ Михайловскомъ, знаменитая Арина Родіоновна, была крестьянка изъ села Кобрина, въ 60 вер. отъ Петербурга, принадлежавшаго нѣкогда дѣду Пушкина, Осипу Абрамовичу Ганнибалу. Въ 1799 г. она, вмѣстѣ съ своими двумя сыновьями и двумя дочерьми, получила вольную, но не захотѣла ею воспользоваться, и осталась въ семьѣ Пушкиныхъ. Она выняньчила сначала сестру поэта, Ольгу, затѣмъ—его самого и, наконецъ, его младшаго брата Льва и скончалась въ Петербургѣ, въ домѣ своей старшей питомицы, О. С. Павлищевой, въ 1829 г. По словамъ сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина, Осиповыхъ, Арина Родіоновна была «старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая». Она горячо любила своего питомца-поэта, разсказывала ему сказки, которыми онъ пользовался для своихъ произведеній, пѣла пѣсни, а онъ, въ свою очередь, дѣлился съ нею своими стихами:

Я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой нянѣ,
Подругѣ юности моей,

говоритъ поэтъ въ XXXV-й строфѣ IV-й главы Онѣгина, писанной одновременно съ Зимнимъ вечеромъ,—повторяя то же названіе няни «подругой юности». Въ позднѣйшемъ стихотвореніи 1827 г. онъ называетъ ее: «Подруга дней моихъ суровыхъ». Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Покамѣстъ я одинъ-одинешенекъ, живу недорослемъ, валяюсь на лежанкѣ, и слушаю старыя сказки да пѣсни». Въ посланіи къ Языкову, написанномъ въ томъ же году, приглашая поэта посѣтить Михайловское, Пушкинъ обѣщалъ ему прогнать скуку зимнихъ вечеровъ виномъ и пѣснями. Къ этому средству обращается онъ и оставшись наединѣ съ няней, въ зимнія сумерки, когда старушка задремала подъ завываніе вѣтра, и передъ ея товарищемъ всталъ призракъ тоски. Чтобы подбодрить свою няню и самого себя, поэтъ обращается къ вину, которое у него всегда водилось въ запасѣ и было на руку и старушкѣ, по словамъ Осиповыхъ, любившей выпить. Серьезныя, заунывныя пѣсни не идутъ: и безъ того скучно,—и поэтъ проситъ няню спѣть веселыя пѣсни про синичку («За моремъ синичка не пышно жила») и про дѣвицу «По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой». Л. И. Поливановъ предполагаетъ, что первая изъ этихъ пѣсенъ, въ которой говорится о птичьей свадьбѣ, нравилась Пушкину потому, что въ ней ему, можетъ быть, слышался намекъ на его одесскую привязанность:

Есть за моремъ перепелочка:
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка,
Ту я люблю, ту за себя возьму.

По мнѣнію Н. Ѳ. Сумцова («Пушкинъ» 107—129), отдѣльные образы и выраженія въ «Зимнемъ вечерѣ» можно вывести изъ раннихъ юношескихъ впечатлѣній и юношескихъ запасовъ памяти. Для сравненія приводятся стихи изъ разныхъ пьесъ, напр. «Къ Наташѣ» (1816 г.):

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ,
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ,

и другія параллели, гдѣ говорится о зимѣ, зимней вьюгѣ, холодѣ и пр. Едва ли, однако, можно считать позднѣйшее стихотвореніе отголоскомъ этихъ болѣе раннихъ: вѣдь одинаковыя картины, естественно, вызываютъ и одинаковое настроеніе, а слѣдовательно—и одинаковыя слова.

Бѣлинскій относитъ это стихотвореніе къ числу тѣхъ чисто-лирическихъ произведеній, не различимыхъ отъ «пѣсни», въ которыхъ элементъ лирики является элементомъ чисто-субъективныхъ ощущеній, гдѣ «въ безчисленное многоразличіе тѣхъ таинственныхъ, невыразимыхъ безъ творческой силы поэзіи, ощущеній, которыя такъ безотчетно, такъ особенно возникаютъ въ темнотѣ нашей внутренности, освобождаются здѣсь отъ своей особенности, т. е. отъ исключительной принадлежности мнѣ,—и выпархиваютъ на свѣтъ, окрыленныя фантазіей». По замѣчанію критика, такія стихотворенія вмѣстѣ съ пѣснію, составляютъ исключительно лирику нашего времени. Къ числу лучшихъ и задушевнѣйшихъ произведеній этого рода онъ и относитъ «Зимній вечеръ».

---

466. Н. Н.

(т. II, стр. 400).

Напечатано въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1826 годъ и затѣмъ—въ изданіи 1829 г. Въ альманахѣ ст. 4-й читается иначе:

Василья Пушкина, . . . кова,

т. е., какъ объяснилъ впослѣдствіи Анненковъ,—«Маркова». Въ обоихъ текстахъ вмѣсто именъ поставлены инціалы и звѣздочки. Стихъ: «К***, дальній вашъ родня» вызвалъ неудовольствіе со стороны подозрительнаго П. А. Катенина, который принялъ его на свой счетъ и поспѣшилъ написать Пушкину, 3 февраля 1826 г.: «Въ Невскомъ Альманахѣ» (издатель долженъ быть слишкомъ добрый человѣкъ!) послѣ Полевова et compagnie стоитъ какой-то К*** дальній вашъ (чей?) родня. Моя совѣсть чиста, ибо я по сію пору ни въ Невскомъ, ни въ другомъ альманахѣ ни-

[1]) О Михайловскомъ нашихъ дней еще будетъ сказано въ нашемъ изданіи. *Ред.*

чего не печаталъ; но злые люди!» Пушкинъ, вѣроятно, успокоилъ своего мнительнаго пріятеля.

«Невскій Альманахъ» издавался, начиная съ 1825 г., Егоромъ Васильевичемъ Аладьинымъ (ум. 14 августа 1860), авторомъ нѣсколькихъ плохихъ повѣстей и стихотвореній. Альманаха этого вышло всего 10 книжекъ въ 1825—1833 гг. и 2 книжки въ 1846—1848 гг. Изъ произведеній Пушкина въ немъ были помѣщены: отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (1827), сцена изъ Бориса Годунова (1828), отрывокъ изъ Онѣгина (1829) и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

Изъ упомянутыхъ въ стихотвореніи лицъ Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій—авторъ Сатиры на игроковъ, вызвавшей въ 1828 г. юмористическое посланіе Пушкина (см. ниже). Дмитрій Максимовичъ Княжевичъ (1788—1844) служилъ въ молодости при Воронцовѣ въ Одессѣ, гдѣ и познакомился съ Пушкинымъ, съ которымъ былъ потомъ въ перепискѣ; послѣ былъ петербургскимъ вице-губернаторомъ, директоромъ канцеляріи министра финансовъ, наконецъ—попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Онъ печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, составилъ «Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ» (СПБ. 1822). См. «Воспоминаніе о Д. М. Княжевичѣ» Н. Гр. (Греча) Спб. 1860.

Хвостовъ напечаталъ впервые въ «Невскомъ Альманахѣ» 1825 г. извѣстное свое «Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя».

---

467. БУРЯ.

(т. II, стр. 401).

Напечатано въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827, № 2, стр. 91, причемъ 7-й стихъ читался:

И вѣтеръ воилъ и леталъ

эта ошибка была исправлена въ изд. 1829 г.

Навѣяно воспоминаніями о жизни поэта на югѣ. Л. И. Поливановъ, сравнивая это стихотвореніе съ «Зимнимъ вечеромъ», говоритъ: «Замѣчательно художественъ самый выборъ двухъ противоположныхъ фигуръ, которыми оживлены обѣ картины и ихъ обстановка: тамъ—уныло дремлющая за веретеномъ старушка, здѣсь—дѣва, смѣло стоящая въ бурю и грозу на верху прибрежнаго утеса въ своемъ бѣломъ покрывалѣ, которымъ играетъ вѣтеръ; тамъ—печальная темная лачужка, здѣсь—безпредѣльное море и небо, теряющіяся въ бурной мглѣ, по временамъ озаряемыя алымъ блескомъ молніи. Обѣимъ картинамъ поэтъ сумѣлъ сообщить высшую степень правды и красоты».

---

468. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ...

(т. II, стр. 3).

Первые 4 стиха были напечатаны въ «Матеріалахъ» Анненкова, который отнесъ ихъ къ 1826 г. и почему-то пропустилъ другіе 4 стиха, а также не обратилъ вниманія на имѣющуюся въ рукописи помѣту: «Триг. 23, Триг. 22». Эти послѣдніе 4 стиха напечатаны только въ 1903 г. въ книгѣ И. А. Шляпкина: «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина» съ указаніемъ, что ихъ должно относить къ 1825 г. Проф. Шляпкинъ видѣлъ въ этомъ стихотвореніи намеки на А. П. Керн и Е. Н. Вульфъ; П. Е. Щеголевъ съ большею доказательностью относитъ его къ графинѣ Е. К. Воронцовой.

---

469. Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ...

(т. II, стр. 402).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 29.

---

470. ШУМИТЪ КУСТАРНИКЪ...

(т. II, стр. 402).

По рукописи Моск. Музея № 2367 впервые напечатано (невѣрно) В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 42, стр. 351.

---

471. ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДАЮТЪ...

(т. II, стр. 402).

По рукописи Моск. Музея № 2370 впервые напечатано, съ ошибкою въ 1-мъ стихѣ. В. Е. Якушкинымъ въ «Русской Старинѣ» 1884, т. 43, стр. 30. На томъ же листѣ рукописи находится нѣсколько французскихъ стиховъ, крайне исчерканныхъ, въ которыхъ можно узнать оригиналъ этого отрывка:

Ses manes [embaumés] parfumés
Vont charmer du Lethé les bords inanimés,

и пр. (см. ист. текста).

472—474. Объ этихъ наброскахъ см. въ исторіи текста.

П. Морозовъ.

ПУШКИНЪ и ШЕНЬЕ.

«Французская муза сберегла все, что было наиболѣе чистаго въ душѣ и геніи Шенье, и, когда засіяли лучшіе дни, она зажгла этою божественною искрою вдохновеніе въ сердцахъ молодыхъ поэтовъ, чьимъ предтечею онъ былъ, на зло его безвременной смерти»... Такъ говоритъ современный французскій критикъ и историкъ литературы, Жоржъ Пелиссье, характеризуя значеніе творчества Андрэ Шенье въ исторіи постепенной эволюціи французской поэзіи. Взглядъ на автора «Le jeu de paume» и «La jeune Captive», какъ на предшественника поэтовъ XIX вѣка, въ частности-сторонниковъ романтическаго движенія, какъ на посредника между двумя эпохами, всѣ мысли, порывы и симпатіи котораго были обращены къ будущему,—этотъ взглядъ раздѣлялся вообще довольно многими писателями минувшаго столѣтія. Временами, впрочемъ, раздавались и противоположные голоса (мнѣнія Брюнетьера, Фагэ, Бертрана и др.), утверждавшіе, что между міросозерцаніемъ и художественными пріемами Шенье—и идеалами новаго времени нѣтъ ничего общаго. Во всякомъ случаѣ, интересъ къ безвременно погибшему поэту былъ довольно великъ въ XIX вѣкѣ, который готовъ былъ, вопреки всѣмъ хронологическимъ датамъ, считать, его *своимъ* поэтомъ. Это не удивитъ насъ, если мы вспомнимъ, что, даже независимо отъ тѣхъ предвѣстій новаго времени, какія можно все же отмѣтить въ творчествѣ Шенье, почти всѣ его сочиненія относятся къ разряду «посмертныхъ» и были изданы лишь въ XIX столѣтіи. Въ самомъ дѣлѣ, при жизни поэта были напечатаны только двѣ его вещи: «Le jeu de paume» (1791) и «Hymne sur l'entrée triomphale des suisses révoltés du régiment de Chateauvieux» (1792); объ его поэтическомъ дарованіи знала только очень небольшая, тѣсная группа друзей, вролѣ Лебрэна, Депанжа, Трюдэна. Даже послѣ его смерти въ XVIII вѣкѣ было напечатано еще только одно стихотвореніе,—правда, очень яркое и выдающееся: «La jeune captive»- въ «Décade philosophique» отъ 30-го нивоза III года республики. Все остальное, начиная съ «La jeune Tarentine», появившейся въ «Mercure» отъ 1-го жерминаля IX года напечатано было впервые въ XIX столѣтіи [1]), причемъ первое, якобы «полное», въ дѣйствительности еще очень несовершенное изданіе его сочиненій (Латуша) вышло въ свѣтъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его трагической кончины, въ 1819 году. Къ прошлому столѣтію относятся и всѣ разнообразныя, иногда—очень цѣнныя и интересныя попытки отмѣтить главные мотивы поэзіи Шенье, опредѣлить историческое значеніе его творчества, а также установить основные факты его біографіи, вначалѣ очень мало разработанной и не выясненной [2]). Такимъ образомъ, Андрэ Шенье, несмотря на то, что его жизнь оборвалась еще въ 1794 г., является во всѣхъ отношеніяхъ поэтомъ XIX столѣтія, сумѣвшаго понять и оцѣнить его, и въ лицѣ многихъ очень выдающихся поэтовъ заплатившаго дань увлеченію его творчествомъ, отголоски котораго чувствуются подчасъ и у Ламартина, и у Виктора Гюго, и у Мильвуа, и у Жозефа Делорма (псевд. Сентъ-Бева), и у Альфреда де Виньи, и у Мюссе. и въ особенности у поэтовъ Парнасской школы — Леконта де Лиля, Эредіа и др.

Въ настоящее время уже нельзя повторять, безъ всякихъ оговорокъ, столь горячо и рѣшительно высказывавшагося раньше мнѣнія, будто Шенье былъ предшественникомъ или родоначальникомъ французскаго романтизма. Это мнѣніе, которое, какъ справедливо замѣтилъ Эмиль Фагэ, объяснялось желаніемъ романтиковъ найти въ прошломъ выдающихся писателей, къ которымъ они могли бы возводить свое движеніе, на которыхъ они могли бы опираться въ своей борьбѣ съ устарѣвшими, незыблемыми правилами и кодексами. Но что отдѣльныя черты, предвѣщающія романтизмъ и вообще новую европейскую поэзію, встрѣчаются въ произведеніяхъ Шенье, это не подлежитъ сомнѣнію. Всего яснѣе чувствуется это въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтъ старается выразить грусть, меланхолію, безотчетную задумчивость, охватывающую его душу; нѣкоторыя его элегіи особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи. Заслуга Шенье, несомнѣнно, состояла въ томъ, что онъ вообще внесъ во французскую поэзію болѣе свѣжій, непосредственный, полный жизни и огня элементъ чистаго лиризма, придалъ своему творчеству, въ значительной степени, субъективный, индивидуальный характеръ, порвалъ съ тѣмъ условнымъ, искусственнымъ жанромъ, который полновластно царилъ во французской поэзіи того времени, постепенно утратившей прелесть истиннаго вдохновенія, лишенной способности могущественно вліять на человѣческую душу. XVIII вѣкъ, оставившій такой замѣтный слѣдъ въ другихъ областяхъ, ознаменованный для Франціи дѣятельностью цѣлаго ряда даровитыхъ, смѣлыхъ и независимыхъ мыслителей, былъ въ области поэтическаго творчества періодомъ упадка и застоя. Стоитъ сравнить искреннія, чисто-лирическія стихотворенія Шенье съ произведеніями такихъ авторовъ, какъ аббатъ Делиль и Жанъ-Батистъ Руссо, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторъ «La jeune Tarentine», дѣйствительно, былъ провозвѣстникомъ новой эпохи и какъ бы протягиваетъ руку изъ преддверія XIX вѣка тѣмъ, кому суждено было жить и дѣй-

---

[1]) Лучшія изданія сочиненій Шенье—Бекъ де Фукьера (1862 и 1872 г.) и племянника поэта, Габріэля Шенье (1874 г.). Въ 1900 году напечатаны были нѣкоторыя неизданныя, раньше, прозаическія сочиненія Шенье.

[2]) О жизни и дѣятельности Шенье см. L. Becq de Fouquiéres, «A. Chénier sa vie et ses oeuvres» (въ его изданіи сочиненій Шенье, 1872); E. Faguet, «A. Chénier —въ коллекціи «Les grands écrivains français» 1902; Louis Bertrand, «La fin du classicisme et le retour à l'antique», 1897; Georges Pellissier, «Le mouvement littéraire au XIX-e siècle», 1890; E. Caro, «La fin de XVIII-e siècle», 1880; Brunetière, «L'évolution de la poésie lyrique»; нашу статью «Андрэ Шенье»—въ книгѣ «Литературные Очерки», 1900 г.

ствовать въ этомъ вѣкѣ. Еще Сентъ-Бевъ сопоставлявшій въ одномъ изъ своихъ «Portraits littéraires» имена Андрэ Шенье и сатирика XVII столѣтія Матюрэна Ренье, замѣтилъ, что «Ренье заканчиваетъ собою извѣстную эпоху, а Шенье открываетъ новую»; «Шенье кладетъ основаніе поэзіи будущаго и приноситъ свѣту новую лиру». Подъ этими словами можно и теперь подписаться!

Внося новые, правдивые, идущіе отъ сердца звуки въ родную поэзію, Шенье съ внѣшней стороны,является, прежде всего, поклонникомъ всего античнаго. Онъ, видимо, очень гордился тѣмъ, что мать его была гречанка (урожд. Santi L' Homaka), иногда называлъ себя самъ «Andreas C. Byzantinus» (онъ родился въ Константинополѣ, 30 октября 1762 г.), мечталъ отправиться въ Грецію и посѣтить тамъ всѣ достопамятныя мѣста, съ большимъ интересомъ и увлеченіемъ осмотрѣлъ Римъ и его древности, еще въ годы отрочества занимался переводомъ изъ классическихъ писателей. Въ различныхъ его сочиненіяхъ опредѣленно отражается его знакомство съ произведеніями Гомера, Пиндара, Ѳеокрита, Аристофана, Сократа, Платона, Виргилія, Горація, Овидія, Катулла, Тибулла и многихъ другихъ. Въ подражаніе античнымъ авторамъ, Шенье пишетъ элегіи, идилліи, эклоги, эпиграммы; употребляетъ греческія и римскія имена, обозначая ими, напр., любимыхъ имъ женщинъ, которыхъ онъ неоднократно прославлялъ въ своихъ стихахъ; пользуется сравненіями, метафорами и т. п., заимствованными изъ античныхъ литературъ. Но эта симпатія къ древнему міру отнюдь не лишала Шенье самобытности, не превращала его въ простого подражателя. Его цѣлью было—соединить античные пріемы съ современными мыслями. Въ одной изъ своихъ поэмъ онъ призываетъ новыхъ поэтовъ заимствовать у греческихъ и римскихъ авторовъ краски, чтобы передать свои собственныя мысли, зажечь свои факелы у ихъ поэтическаго огня, создавать античные стихи съ новымъ, современнымъ содержаніемъ. «Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques». Можно, конечно, возражать противъ желанія облекать современныя идеи въ древне-греческій или римскій нарядъ, но, во всякомъ случаѣ, очевидно, что классическія симпатіи Шенье были совершенно особаго рода. Ихъ нельзя сравнивать съ тѣмъ условнымъ, традиціоннымъ классицизмомъ, который такъ долго царилъ во французской литературѣ и только у писателей съ очень крупнымъ и сильнымъ дарованіемъ не превращался въ синонимъ чего то незыблемаго, искусственнаго, безжизненнаго. Прибавимъ, что увлеченіе античнымъ творчествомъ, въ частности анакреонтическимъ жанромъ, не мѣшало юному поэту, болѣе или менѣе, интересоваться уже въ эту пору и серьезными, насущными вопросами, которые занимали въ XVIII столѣтіи философовъ и мыслителей. Отраженіемъ его знакомства съ идеями просвѣтительной эпохи должны были явиться задуманныя и частью уже начатыя имъ поэмы «La superstition», «L'invention» (апоѳеозъ прогресса и неустанной, побѣдоносной работы мысли) и особенно—«Hermès», гдѣ должна была заключаться вся исторія земли отъ первобытнаго, дикаго ея состоянія до эпохи развитія общественной и политической жизни, успѣховъ культуры, основанія крупныхъ государствъ и т. д. Идеи Бюффона, Мабли, Руссо, аббата Рейналя и др. должны были лечь въ основаніе этой поэмы, одну изъ пѣсенъ которой Шенье хотѣлъ посвятить изложенію «Contrat social» Руссо.

По мѣрѣ приближенія къ 1789 году, міросозерцаніе и творчество Шенье стало мѣняться Это сказывается, напр., въ его гимнѣ «Къ Франціи» (1788 г.), гдѣ онъ описываетъ съ несвойственною ему раньше энергіею безправное и приниженное положеніе обираемаго и притѣсняемаго правящими и состоятельными классами народа и обращается съ прочувствованными словами къ «святому равенству», призывая его разсѣять сгустившійся надъ страною мракъ. «O sainte Egalité! dissipe nos ténèbres! Renverse les verroux, les bastilles funèbres». Революціонныя событія заставили вскорѣ Шенье окончательно порвать съ изящнымъ эпикурействомъ и безобиднымъ анакреонтическимъ жанромъ, которому онъ раньше нерѣдко платилъ дань, и сдѣлаться идейнымъ поэтомъ-бойцомъ. Въ теченіе этого второго періода своей литературной дѣятельности, занимающаго всего нѣсколько лѣтъ, Шенье создалъ рядъ стихотвореній, предвѣщающихъ самые яркіе образцы политической поэзіи XIX столѣтія, вродѣ «La curée» Барбье, идейныхъ стихотвореній Виктора Гюго и т. д. Не принадлежа къ крайнимъ революціонерамъ, сочувствуя жирондистамъ, высказываясь противъ ненужныхъ жестокостей и рѣзко, безстрашно выступая противникомъ якобинцевъ, поэтъ вплоть до своей трагической кончины (13-го іюля 1794 года—или седьмого термидора второго года республики) не переставалъ откликаться на животрепещущіе вопросы родной жизни и открыто заявлять о своемъ неизмѣнномъ сочувствіи свободѣ, какъ бы ни искажалось и ни профанировалося подчасъ это великое понятіе. Его предсмертныя стихотворенія, написанныя въ тюрьмѣ Saint-Lazare, дышатъ необыкновенною силою негодованія, гражданской скорби и непримиримой ненависти къ тѣмъ, кто такъ далеко ушелъ отъ свѣтлыхъ принциповъ 1789 года,—«ces bourreaux, barbouilleurs de lois, ces tyrans effrontés de la France asservie, egorgée». Недавній эпикурееца, поклонникъ буколической и анакреонтической поэзіи, превратился въ автора негодующихъ и карающихъ «ямбовъ», и взошелъ на эшафотъ, какъ выразитель опредѣленнаго міросозерцанія...

Трагическая судьба и слишкомъ поздно оцѣненный талантъ Шенье въ свое время привлекли вниманіе цѣлаго ряда русскихъ писателей, изъ которыхъ иные выступили въ качествѣ переводчиковъ или передѣлывателей его стихотвореній, другіе открыто заявили о своемъ сочувственномъ отношеніи къ его личности и творчеству. Въ разное время его переводили И. Козловъ («La jeune captive», «Euphrosine», «Accours, jeune Chromis», нѣсколько вольныхъ переводовъ и передѣлокъ и т. д.), Языковъ, Туманскій, Майковъ («J'étais un faible enfant...»), Фетъ, Вейнбергъ, Анухтинъ, Алексѣй Толстой («L'amour laboureur», «Bacchus» и др.). Лермонтовъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («За дѣло общее, быть можетъ, я паду»), которое является, однако, не переводомъ какой-либо пьесы французскаго автора, а попыткою возсоздать, вдохновляясь его же сочиненіями, его предсмертныя думы, воспоминанія о прошломъ, тщетныя старанія угадать будущее. Гораздо больше значенія имѣетъ строфа LXXIX изъ поэмы «Сашка» гдѣ, при изображеніи трагическихъ событій революціонной поры упоминается, между прочимъ, о томъ, какъ

«высокаго чела не уберегъ» и даровитый поэтъ, «чья живая лира напрасно по вселенной разнесла все, все, что онъ считалъ своей душою,—слова, мечты, съ надеждой и тоскою». Подобно этому впослѣдствіи (1842 г.) графиня Ростопчина въ стихотвореніи, посвященномъ Шенье, коснулась трагической гибели «юнаго узника», «мученика младого», который «невиненъ и великъ, палъ гордо подъ враждой презрѣвъ гонителей, ихъ злобу и угрозы». Русская писательница съ восторгомъ говоритъ объ авторѣ «La jeune captive», называя его своимъ «любимцемъ межъ всѣхъ другихъ поэтовъ», признаваясь, что она много разъ переписывала повѣсть его надеждъ и страданій—«и съ чувствами его и мыслями сроднилась».

Среди русскихъ писателей, интересовавшихся жизнью и поэзіей Андрэ Шенье, Пушкину принадлежитъ наиболѣе видное мѣсто. Онъ то и положилъ начало интереса къ Пушкину въ русской литературѣ и его знакомство съ Шенье относится къ болѣе ранней порѣ, чѣмъ примѣры подобнаго же знакомства, встрѣчающіеся у другихъ писателей. Еще въ одѣ «Вольность» мы находимъ—во второй строфѣ—четыре стиха, относящихся къ французскому поэту, который, правда, не названъ здѣсь по имени:

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла,
Кому сама, средь грозныхъ бѣдъ,
Ты гимны смѣлые внушала!

Желая порвать съ «Цитеры слабою царицей», «разбить изнѣженную лиру» и выступить въ роли пѣвца свободы, обличителя произвола и угнетенья, Пушкинъ невольно вспомнилъ одного изъ наиболѣе яркихъ представителей идейной, тенденціозной поэзіи во Франціи и въ этотъ моментъ хотѣлъ идти по его слѣдамъ, вдохновляться его смѣлыми пѣснями.

Въ 1820 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Дориду», начинающееся словами «Я знаю: я люблю; для сердца нужно вѣрить»; эта маленькая вещица, до извѣстной степени, навѣяна одною изъ элегій Шенье, а заключительный стихъ («И ласковыхъ именъ младенческая нѣжность») представляетъ собою точный переводъ съ французскаго. Въ 1823 году, въ черновыхъ наброскахъ къ письму, которое Пушкинъ отправилъ (въ сокращенномъ видѣ) кн. П. Вяземскому изъ Одессы, 4-го ноября, мы находимъ слѣдующія строки, относящіяся къ Шенье и несмотря на извѣстныя оговорки поэта и его нежеланіе признать автора «La jeune captive» предшественникомъ романтизма, дышащія искреннимъ сочувствіемъ и уваженіемъ: «Говоря о романтизмѣ, ты гдѣ то пишешь, что даже стихи со времени революціи имѣютъ новый образъ, и упоминаешь объ А. Шенье. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ болѣе этого поэта, но онъ истинный грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant. Отъ него такъ и пахнетъ Ѳеокритомъ и Анеологіей. Онъ освобожденъ отъ итальянскихъ concetti и отъ французскихъ antithèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли». Къ 1824 году относится стихотвореніе Пушкина «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ», представляющее собою, какъ указываетъ и самъ авторъ, подражаніе Андрэ Шенье. Въ данномъ случаѣ Пушкинъ вдохновлялся (кое-гдѣ можетъ даже идти рѣчь о настоящемъ переводѣ) элегіи Шенье «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire»,—красивою, изящною вещью, входящею въ составъ первой книги элегій французскаго поэта («Méditations—voyages»). Въ томъ-же году, въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Одессы, Пушкинъ приводитъ два стиха изъ «Юной узницы», говоря о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» и настаивая на томъ, что эта поэма является только переложеніемъ разсказа «молодой женщины» (Раевской): «Радуюсь, что мой Фонтанъ шумитъ. Недостатокъ плана—не моя вина: Я суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces loix des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve».

1825 годъ принесъ съ собою извѣстное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье», съ эпиграфомъ изъ той же «Узницы»: «Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois s'éveillait»... Много оно доставило непріятностей поэту (см. выше примѣч. къ № 428). Но любопытно, что тѣ непріятности и тревоги, которыя были связаны со стихотвореніемъ, заключающимъ въ себѣ возвеличеніе дарованія и благородной натуры Шенье, отнюдь не заставили Пушкина охладѣть къ французскому поэту и прекратить свои переводы изъ его сочиненій. Еще въ томъ же 1825 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе «Изъ А. Шенье» («Покровъ, упитанный язвительною кровью, Кентавра мстящій даръ, ревнивою любовью Алкиду переданъ», и т. д.), представляющее собою очень вольный и мѣстами—нѣсколько тяжелый по языку переводъ небольшого отрывка «Hercule»—изъ серіи «Poesies antiques». Въ 1827 году онъ выступилъ съ переводомъ изящнаго стихотворенія «Près des bords où Venise est reine de la mer» («Близъ мѣстъ гдѣ царствуетъ Венеція златая»); эта вещь, написанная Шенье въ подражаніе итальянскому сонету Цаппи, была впослѣдствіи переведена Козловымъ и озаглавлена имъ «Графинѣ Лебцельтернъ» (Надъ темнымъ заливомъ, вдоль звучныхъ зыбей Венеціи, моря царицы...); по идеѣ она подходитъ къ тѣмъ оригинальнымъ стихотвореніямъ, въ которыхъ Пушкинъ выражалъ свой взглядъ на призваніе поэта и отношеніе послѣдняго къ суду общества, славѣ и т. д. Что Пушкинъ и въ дальнѣйшемъ вспоминалъ иногда о произведеніяхъ Шенье, несмотря на то, что его литературные вкусы и симпатіи уже давно были обращены въ другую сторону, видно, напр. изъ того, что въ 1828 году онъ взялъ эпиграфомъ къ своему стихотворенію «Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я» первую строчку изъ элегіи Шенье: «Tel j'étais autrefois et tel je suis encor»...

Стихотворенія, переведенныя или передѣланныя Пушкинымъ изъ Шенье, еще не даютъ намъ понятія о томъ, насколько русскій поэтъ былъ знакомъ со всею литературною дѣятельностью автора «Le jeu de paume», а также съ исторіей его жизни, особенно—наиболѣе бурнаго и драматическаго ея періода. Тѣ вещи, которыя переводилъ Пушкинъ, или которымъ онъ хотѣлъ подражать, относятся къ болѣе раннему, эпикурейскому періоду. Нужно вообще замѣтить, что русскіе поэты, выступавшіе съ переводами избранныхъ стихотвореній Шенье, до сихъ поръ обходили, въ иныхъ случаяхъ, несомнѣнно, поневолѣ, наиболѣе сильныя, потрясающія созданія его музы. Но оригинальное стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье» показываетъ, что онъ очень интересовался судь-

бою поэта, различалъ два отдѣльныхъ періода его литературной дѣятельности, ясно представлялъ себѣ его роль въ революціонную пору и причины его безвременной гибели,—несмотря на беззавѣтную преданность идеѣ свободы и равенства *). Тѣ стихи, которые онъ дважды вкладываетъ въ уста французскаго поэта, вполнѣ умѣстны въ данномъ случаѣ и выдержаны въ духѣ подлинныхъ стихотвореній Шенье. Несчастный узникъ вспоминаетъ различныя событія ранняго періода революціи: — взятіе Бастиліи, клятву jeu de paume, смѣлый отвѣтъ Мирабо, перенесеніе праха Вольтера Руссо въ Пантеонъ,—затѣмъ обращается къ эпохѣ Террора, когда «убійцу съ палачами избрали мы въ цари» (намекъ на Робеспьера и дѣятельность Конвента),—и недавній періодъ благородной, ничѣмъ не запятнанной борьбы за свободу сталъ казаться чѣмъ то далекимъ, давно пережитымъ. Вѣрно передана русскимъ поэтомъ и неизмѣнная вѣра Шенье въ то, что «священная свобода, богиня чистая», неповинна въ томъ, что совершается иногда ея именемъ, что, рано или поздно, она «придетъ опять со мщеніемъ и славой», и враги ея будутъ посрамлены. Когда Шенье въ стихотвореніи Пушкина отдается мыслямъ о будущемъ, говоритъ о предстоящей казни, обращается къ друзьямъ, мы ясно чувствуемъ вліяніе предсмертнаго стихотворенія французскаго поэта—«Comme un dernier rayon...» На ряду съ этимъ, повліяло на Пушкина и знаменитое стихотвореніе «La jeune captive», откуда, какъ мы уже указывали, взятъ и эпиграфъ къ «Андрею Шенье». Между прочимъ, мысли Шенье о томъ, какъ со временемъ кто нибудь будетъ читать его элегію и задумается надъ судьбою несчастной узницы, развиты здѣсь въ обширный отрывокъ, содержащій въ себѣ обращенную къ друзьямъ просьоу—собрать и сберечь его разсѣянныя повсюду стихотворенія и со временемъ, «когда гроза пройдетъ», читать ихъ въ своемъ кругу и думать о немъ. По волѣ Пушкина, узникъ вспоминаетъ при этомъ имена «Авеля» (Abel de Pange—одинъ изъ друзей поэта) и Фанни (подъ именемъ Фанни Шенье воспѣлъ г-жу Лекутэ, любовь которой скрасила ему послѣдній періодъ его жизни,—всего за нѣсколько мѣсяцевъ до его ареста). Интересный отрывокъ, относящійся въ стихотвореніи Пушкина къ болѣе ранней, безмятежной порѣ жизни поэта и начинающійся словами «Куда, куда завлекъ меня враждебный геній», содержитъ въ себѣ отголоски различныхъ эротическихъ и анакреонтическихъ стихотвореній Шенье. Заключительныя слова всего стихотворенія «Плачь, муза, плачь» какъ бы навѣяны послѣднимъ стихомъ предсмертной элегіи «Comme un dernier rayon», обращеннымъ къ добродѣтели: «Toi, Vertu, pleure, si je meurs!» О непріятностяхъ, выпавшихъ на долю Пушкина за «Андрея Шенье» см. выше примѣч. къ № 428.

Юрій Веселовскій.

*) Въ одномъ письмѣ Пушкина къ Вяземскому изъ Михайловскаго приведены апокрифическія слова Шенье, будто бы произнесенныя имъ (такъ гласило преданіе) передъ казнью. «И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là».

Пис. О. Кипренской. 1827 Грав. Н. Уткинъ.

АННА ПЕТРОВНА КЕРНЪ [1]).

Имя Анны Петровны Кернъ связано съ однимъ изъ самыхъ блестящихъ лирическихъ произведеній музы Пушкина—стихотвореніемъ «Я помню чудное мгновенье» и съ любопытнымъ эпизодомъ его біографіи; уже одно это даетъ ей право на видное мѣсто въ біографической галереѣ лицъ, съ которыми поэтъ встрѣчался на своемъ жизненномъ пути. Заслуживаетъ она тоже особеннаго вниманія еще и по тѣмъ воспоминаніямъ о Пушкинѣ, которыя она намъ оставила,—воспоминаніямъ, занимающимъ, по выраженію Л. Н. Майкова, «одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду біографическихъ матеріаловъ о великомъ поэтѣ.» Наконецъ, въ біографіи ея постоянно мелькаютъ люди и мѣстности, тѣснѣйшимъ образомъ связанныя съ біографіей Пушкина.

Анна Петровна Кернъ родилась 11-го февраля 1800 г. въ Орлѣ, въ домѣ своего дѣда, Ивана Петровича Вульфа, который былъ тамъ губернаторомъ [2]). Родителями ея были Петръ Марковичъ Полторацкій и Екатерина Ивановна, рожд. Вульфъ, дочь вышеупомянутаго Орловскаго губернатора, потомъ сенатора Ивана Петровича Вульфа. Семьи Полторацкихъ и Вульфовъ были очень обширны, находились въ постоянномъ общеніи между собою и жили широко и весело; многочисленна и богата была и родня ихъ. Анна Петровна съ дѣтства попала въ этотъ широкій кругъ богатыхъ родныхъ, и первыя впечатлѣнія ея сознательной жизни были радостны, свѣтлы и беззаботны. Мать не чаяла въ ней души; дѣдушка Вульфъ былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, благодушный; многочисленные дядюшки и тетушки наперерывъ баловали свою племянницу,—и только отецъ, фантазеръ, самодуръ и прожектеръ, являлся темнымъ пятномъ въ безоблачномъ существованіи дѣвочки. «Батюшка началъ меня воспитывать еще съ пеленокъ,—и много натерпѣлась я отъ его методы воспитанія!... Онъ былъ добръ, великодушенъ, остроуменъ по-вольтеровски, достаточно, по тогдашнему времени, образованъ и весь проникнутъ былъ ученіемъ энциклопедистовъ, но у него много было забористости и самонадѣянности, побуждавшихъ его къ капризному своеволію надъ всѣми окружающими. Отъ этого и обращеніе со мною доходило до нелѣпости». Съ младенчества Анна Петровна была связана самыми тѣсными узами съ Прасковьей Александровной Осиповой (тогда еще Вульфъ, женой родного брата Екатерины Ивановны Полторацкой—Николая Ивановича Вульфа) и ея дочерью Анной Николаевной, которая родилась двумя мѣсяцами раньше своей кузины; съ этими двумя лицами она потомъ была всегда въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ. Младенческіе годы Анны Петровны прошли въ Малороссіи, въ Лубнахъ, гдѣ ея отецъ былъ уѣзднымъ маршаломъ (предводителемъ) дворянства. По четвертому году дѣвочку увезли въ имѣнье дѣда Вульфа—с. Берново (Старицкаго уѣзда Тверской губ.), гдѣ прожила она годъ и гдѣ ей жилось «привольно, особенно въ отсутствіе батюшки». «Всѣ были,—вспоминаетъ она,—внимательны и нѣжны ко мнѣ, въ особенности нашъ безподобный дѣдушка Иванъ Петровичъ» (Вульфъ); жена его, Анна Ѳедоровна, рожд. Муравьева, и сестра ея, Любовь Ѳедоровна, постоянно жившая съ Е. П. Полторацкой, также окружали нѣжною привязанностью дѣвочку и ея мать, женщину кроткую, но болѣзненную и нѣсколько забитую мужемъ. Изъ Бернова Полторацкіе опять переселились въ Лубны,—и въ памяти Анны Петровны навсегда сохранился видъ живописной мѣстности съ широкимъ горизонтомъ, открывавшійся съ горы, на которой стояла здѣсь ихъ усадьба, и тотъ кругъ веселыхъ, добродушныхъ и патріархальныхъ лубенскихъ обитателей, въ которомъ она жила до 8 лѣтъ, «присутствуя и участвуя во всѣхъ его удовольствіяхъ». «Но при этомъ, говоритъ она,—несмотря на постоянныя веселости, обѣды, балы, мнѣ удавалось удовлетворять свою страсть къ чтенію, развившуюся во мнѣ съ пяти лѣтъ. Каждую свободную минуту я употребляла на чтеніе французскихъ и русскихъ книгъ изъ библіотеки моей матери. Тутъ попадались мнѣ по большей части англійскіе романы. Изъ нихъ нравились мнѣ особенно «Octavia», par Anna Maria Porter, «Félicie et Florestine» и другіе. Многаго, разумѣется, я не понимала, но все-таки читала. Въ куклы я никогда не играла»... Раннее чтеніе сказалось въ томъ, что она любила воображать себя героиней прочитаннаго; въ общемъ, оно развивало въ ней не столько умъ, сколько сердце. Въ 1808 г., когда умерла, вслѣдъ за второй, третья сестра ея, и мать ея была неутѣшна отъ этой потери, отецъ опять отправилъ ее съ дочерью и Л. Ѳ. Муравьевой въ с. Берново, куда вскорѣ пріѣхала изъ своего Тригорскаго и Прасковья Александровна Вульфъ съ мужемъ и дочерью Анною. Дѣвочки встрѣтились очень дружелюбно, «обнялись и тотчасъ заговорили,—не о куклахъ, о нѣтъ! мы обѣ не любили куколъ! Она описывала красоты Тригорскаго, а я—прелести Лубенъ и нашего въ нихъ дома... Анна Николаевна не была такъ рѣзва, какъ я; она была серьезнѣе, разсчетливѣе и гораздо меня прилежнѣе...., но я была горячѣе, даже великодушнѣе въ нашихъ дружескихъ изліяніяхъ».

Подходило время подумать объ образованіи обоихъ подростковъ. Подысканіе воспитательницы поручили дядѣ Петру Ивановичу Вульфу, состоявшему «кавалеромъ» при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ Павловичахъ. «Случилось

---

[1]) Приносимъ нашу благодарность Н. Д. Романову, А. І. Маленину, И. А. Виноградову, А. А. Виноградову, О. А. Правдину, П. Я. Дашкову, А. А. Сиверсу, и внукамъ А. П. Кернъ—Ю. М. Шокальскому и А. А. Кулужинской за сообщеніе нѣкоторыхъ матеріаловъ для настоящей статьи.

[2]) Ср. «Сто лѣтъ назадъ» въ ж. «Радуга» 1884 г., №№ 18—19, 22, 24 и 25, а также перепечатку: «Изъ воспоминаній о моемъ дѣтствѣ»—«Русск. Архивъ» 1884 г., кн. III; у насъ имѣется черновая рукопись этихъ воспоминаній, которыя были окончены въ Лубнахъ 19-го октября 1870 г.

такъ,—разсказываетъ Анна Петровна,—что въ это самое время выписали для великой княжны Анны Павловны изъ Англіи двухъ гувернантокъ: m-lle Sybourg и m-lle Bénoit. Эта послѣдняя назначалась къ великой княжнѣ, но, по своимъ скромнымъ вкусамъ и желанію отдохнуть послѣ труженической своей жизни въ Лондонѣ, она не рѣшилась принять предложеніе двора и уступила мѣсто при великой княжнѣ пріятельницѣ своей Sybourg, а сама пріѣхала въ Берново, въ концѣ 1808 года». «Родители мои и Анны Николаевны,—повѣствуетъ она далѣе,—«тотчасъ же поручили насъ въ полное ея распоряженіе. Никто не смѣлъ мѣшаться въ ея дѣло, дѣлать какія-либо замѣчанія, нарушать покой ея учебныхъ занятій съ нами и тревожить ее въ мирномъ пріютѣ, въ которомъ мы учились». Преподаваніе шло, «разумѣется, по-французски, и Русскому языку мы учились только 6 недѣль во время вакацій, на которыя пріѣзжалъ изъ Москвы студентъ Мерчанскій». Благодаря своему педагогическому такту, m-lle Bénoit умѣла пріохотить дѣвочекъ къ ученью, и онѣ занимались, нисколько не тяготясь тѣмъ, цѣлый день. Занятія разнообразились разсказами гувернантки и чтеніемъ, которому подруги предавались «съ жадностію». «У насъ была маленькая дѣтская библіотека съ m-me Genlis, Ducray-Duménil и другими тогдашними писателями... Любимыми нашими сочиненіями были «Les veillées du château» и «Les soirées de la chaumière». Встрѣчая въ читанномъ скабрёзныя мѣста [sic!], мы оставались къ нимъ безучастны, такъ какъ эти мѣста были намъ непонятны. Мы воспринимали изъ книгъ только то, что понятно сердцу, что окрыляло воображеніе, что согласно было съ нашею душевною чистотою, соотвѣтствовало нашей мечтательности и создавало въ нашей игривой фантазіи поэтическіе образы и представленія».—Фантазія, воображеніе и мечтательность, несмотря на здоровую деревенскую обстановку и безыскусственный укладъ сельской жизни,—дѣвочкамъ показывали и святочныя крестьянскія игры, водили ихъ на свадьбы дворовыхъ людей, и въ цыганскій таборъ — развивались быстро и въ ущербъ болѣе положительнымъ сторонамъ дѣтской души. Анна Петровна сама разсказываетъ, что, когда въ Берново пріѣхала Екатерина Ѳедоровна Муравьева съ сыновьями Никитой (впослѣдствіи повѣшеннымъ) и Александромъ, и мальчики рѣзвились, дурачились и обращались безцеремонно, то объ подруги, которымъ едва исполнилось по 10 лѣтъ, на нихъ обижались: «они смѣли фамильярничать съ особами, которыя считали себя достойными только принцевъ и мечтали выйти замужъ за Нуму Помпилія или Телемака, или за подобнаго имъ героя! Такой дерзости мы не могли переварить». Два года спустя, она приходитъ въ сильное смущеніе отъ замѣчанія, мимоходомъ брошеннаго по ея адресу молодымъ человѣкомъ: «elle est charmante», а еще черезъ годъ ее очень огорчаетъ поступокъ тетушки Анны Ивановны Вульфъ, которая «окромсала» ей волосы, чтобы дѣвочка «не кокетничала ими». Такъ постепенно складывался характеръ Анны Петровны, будущей «Вавилонской блудницы», какъ назвалъ ее Пушкинъ въ одномъ письмѣ къ ея двоюродному брату, А. Н. Вульфу (1826 г.). Быть-можетъ, дальнѣйшее руководство строгой m-lle Bénoit и положило-бы конецъ развитію указанныхъ инстинктовъ подростка, но въ серединѣ 1812 г. П. М. Полторацкій надумалъ снова ѣхать въ Лубны,—и дальнѣйшее воспитаніе и образованіе Анны Петровны прекратились. «Въ Лубнахъ,—говоритъ она,— я прожила въ родительскомъ домѣ до замужества, учила брата и сестеръ, мечтала въ рощахъ и за книгами, танцовала на балахъ, выслушивала похвалы постороннихъ и порицанія родныхъ, участвовала въ домашнихъ спектакляхъ.., вообще вела жизнь довольно пошлую, какъ и большинство провинціальныхъ барышень. Батюшка продолжалъ быть строгимъ со мною, и я дѣвушкой его такъ же боялась, какъ и въ дѣтствѣ».

Этотъ страхъ передъ отцомъ и боязнь ослушаться его въ чемъ-нибудь, хотя въ мелочахъ, были причиною того, что, юная и прекрасная собою, Анна Петровна самымъ несчастнымъ образомъ вышла замужъ за человѣка нелюбимаго, даже внушавшаго ей отвращеніе, человѣка на много лѣтъ ея старше, совершенно не подходившаго къ ней ни по характеру и душевнымъ свойствамъ, ни по развитію, ни по рожденію. Въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна просто и откровенно разсказываетъ, какъ совершился этотъ трагическій переломъ въ ея судьбѣ, совершенно и уже навсегда исковеркавшій ея жизнь.

«Тогда (т.-е. въ концѣ 1816 г.), разсказываетъ она, «стоялъ у насъ (т.-е. въ Лубнахъ) Егерскій полкъ, и офицеры его и даже командиръ, старикъ Экельнъ, были моими поклонниками. Но родители мои не находили никого изъ нихъ достойнымъ меня. Но явился дивизіонный генералъ Кернъ,—начальникъ дивизіи, въ которой состоялъ тотъ полкъ,—и родители нашли его достойнымъ меня, стали поощрять его поклоненія и стариковскія [1]) ухаживанія, столь невыносимыя, и сдѣлались со мною ласковы. Отъ любезничаній генеральскихъ меня тошнило, я съ трудомъ заставляла себя говорить съ нимъ и быть учтивою, а родители все пѣли похвалы ему. Имѣя его въ виду, они отказывали многимъ, искавшимъ моей руки, и ждали генеральскаго предложенія съ нетерпѣніемъ. Ожиданіе ихъ продолжалось недолго. Вскорѣ послѣ знакомства, генералъ Кернъ прислалъ ко мнѣ одну изъ жившихъ у насъ родственницъ съ просьбою выслушать его. Зная желаніе родителей, я отвѣчала ему, что готова его выслушать, но прошу только недолго и немного разговаривать. Я знала, что судьба моя рѣшена родителями, и не видѣла возможности измѣнить ихъ рѣшеніе. Передательницу генеральскаго желанія я спросила: «а буду я его любить, когда сдѣлаюсь его женою?» Она сказала «да» и ввела генерала. «Не противенъ-ли я вамъ?»,—спросилъ онъ меня и, получивъ въ отвѣтъ, «нѣтъ!»—пошелъ къ родителямъ и сдѣлался моимъ женихомъ. Его поселили въ нашемъ домѣ и заставляли меня быть почаще съ нимъ. Но я не могла преодолѣть отвращенія къ нему и не умѣла скрыть этого. Онъ часто высказывалъ огорченіе по этому поводу и разъ написалъ на лежащей предъ нимъ бумагѣ:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ...

Я прочла и сказала: «старая пѣсня!».—Я покажу, что она будетъ не старая,—вскричалъ онъ и хотѣлъ еще что-то продолжать, но я убѣжала.

[1]) Кернъ въ это время было уже 52 года, а Аннѣ Петровнѣ шелъ 18-й годъ.

Меня за это сильно распекли.—Батюшка сторожилъ меня, какъ евнухъ, ублажая въ пользу противнаго мнѣ генерала, и слѣдилъ за всѣми, кто могъ открыть мнѣ глаза на предстоявшее супружество. Онъ жестоко разругалъ мою компаніонку за то, что она говорила мнѣ часто: «несчастная», и онъ это слышалъ. Онъ употреблялъ возможныя старанія, чтобы бракъ мой не разстроился, и старался увѣнчать его успѣхомъ. Я вѣнчалась съ Керномъ 8-го января 1817 года въ соборѣ [1]). Всѣ восхищались, многіе завидовали. А я тутъ кстати замѣчу, что бивакъ и поле битвы не такія мѣста, на которыхъ вырабатываются мирныя семейныя достоинства, и что боевая жизнь не развиваетъ тѣхъ чувствъ и мыслей, какія необходимы для семейнаго счастія».

Ермолай Ѳедоровичъ Кернъ не безъ гордости называлъ самъ себя «солдатомъ»; и дѣйствительно, вся его жизнь прошла въ войнахъ и походахъ,—съ молодыхъ лѣтъ и почти до могилы. Начавъ службу въ 1781 году, онъ въ разныхъ войнахъ 1788—1814 гг. получилъ семь боевыхъ наградъ, въ томъ числѣ чинъ генерала (1812) и георгіевскій крестъ за взятіе Парижа. Съ наступленіемъ мирнаго времени изувѣченный Кернъ командовалъ различными бригадами, а съ 1816 г.— 15-ю пѣхотною дивизіею. Біографы Керна (см. изданіе, «Военная Галлерея Зимняго Дворца», т. II, и «Справочный энциклопедическ. словарь» Старчевскаго-Крайя, т. VI) рисуютъ его, на основаніи офиціальныхъ данныхъ, храбрымъ воиномъ, неоднократно проявлявшимъ во множествѣ сраженій «блестящіе опыты своего мужества».—Но, конечно, это еще не свидѣтельствуетъ ни о его развитіи, ни о нравственныхъ и иныхъ достоинствахъ, которыя заставили-бы молодую, прекрасную, свѣтски-образованную женщину если не полюбить, то привязаться къ потертому жизнью и службой старику, у котораго, къ тому-же, былъ побочный 6-лѣтній сынъ. Жизнь молодой женщины сразу же пошла вкривь и вкось. Находясь первый годъ своего замужества подъ строгимъ надзоромъ отца, она, повидимому, не отдавала себѣ яснаго отчета въ томъ, что совершилось, хотя отвращеніе ея къ супругу, конечно, не уменьшалось. Нѣкоторое разнообразіе въ жизнь ея вносили поѣздки къ матери изъ Елизаветграда въ Лубны и путешествія за мужемъ по служебнымъ его дѣламъ; объ одной такой поѣздкѣ, въ Полтаву, въ томъ же 1817 г., Анна Петровна оставила любопытный разсказъ, въ которомъ описала свою встрѣчу съ Имп. Александромъ I [2]). «Въ Полтавѣ», пишетъ она, «готовился смотръ корпуса генерала Сакена, въ которомъ мужъ мой, Кернъ, служилъ дивизіоннымъ командиромъ. Немного прибитая на-цвѣту, какъ говорятъ въ Малороссіи,—необыкновенно робкая, выданная за мужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла императора» [1]). Сакенъ, знавшій Анну Петровну, указалъ на нее государю, и послѣдній на балу подошелъ къ ней; подкупленная и восхищенная его «обаятельною граціею и неизъяснимою добротою», Анна Петровна ободрилась, воодушевилась и робость ея исчезла совершенно. «Не смѣя ни съ кѣмъ говорить доселѣ,—пишетъ она, я съ нимъ заговорила, какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцомъ! Онъ заговорилъ, и я была на седьмомъ небѣ и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности къ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ! Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «C'est un brave soldat!» Это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказалъ: «Venez à Pétersbourg chez moi». Я съ величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre». На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!» Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «Je viendrai, absolument, je viendrai!» По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливые, что будто императоръ спрашивалъ, гдѣ наша квартира, и хотѣлъ сдѣлать визитъ. Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на Прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ, губернаторъ Тутолминъ, очень ограниченный человѣкъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, съ чѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывшій камеръ-пажемъ во дворцѣ при пріѣздѣ королевы, это говорилъ моей теткѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть, это сходство повліяло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалкѣ». Что сходство съ королевой Луизой дѣйствительно было, это доказываетъ какъ портретъ А. П. Керна, такъ и слова извѣстной Вѣры Ивановны Анненковой, которая въ 1903 г., разсказывая Ю. М. Шокальскому объ его бабушкѣ, вспоминала объ этомъ, передавая, что Императоръ выразился тогда объ Аннѣ Петровнѣ, что она «совершенно Прусская королева, но королева уже отцвѣтаетъ, а m-me Керн въ полномъ расцвѣтѣ».

Въ ноябрѣ 1817 г. Анна Петровна съ матерью и съ мужемъ ѣздила въ Кіевъ, гдѣ познакомилась съ семьей Н. Н. Раевскаго; вскорѣ у нея родилась (1818) дочь Елатерина Ермолаевна († 1904), впослѣдствіи предметъ любви М. И. Глинки [2]). Отношенія ея съ мужемъ были уже тогда очень шероховаты: его присутствіе тяготило молодую женщину; наоборотъ, отсутствіе, вызванное поѣздкой въ Петербургъ для хлопотъ о мѣстѣ послѣ того, какъ онъ, за заносчивость въ обращеніи съ Сакеномъ, былъ «отчисленъ по арміи» (10 мая 1818 г.),—такъ «благодатно» на нее дѣйствовало, что она «забывала и о его службѣ, и о смотрахъ, и о своемъ блескѣ, въ который на минуту окунулась»...; «она жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку». Зимою 1818 г. Анна Петровна посѣтила Липецкъ, Москву,—гдѣ была у тетокъ Варвары Марковны Мертваго (которая передала ей, что Имп. Александръ, при встрѣчѣ съ нею у Имп. Маріи Ѳеодоровны, выразился про Анну Петровну: «Elle est charmante, char-

[1]) Въ приданое отъ отца Анна Петровна получила въ Старицкомъ уѣздѣ, Тверской губ., 160 душъ крестьянъ, но въ 1820 или 1821 г. П. М. Полторацкій сперва заложилъ это имѣніе, а потомъ и продалъ его графу Шереметеву. Въ 1832—1833 г. Пушкинъ принималъ участіе въ хлопотахъ Анны Петровны по выкупу этого имѣнія у Шереметева (см. его записки къ Аннѣ Петровнѣ въ «Пушк. и его совр.», вып. V, стр. 153—155).

[2]) Русск. Стар. 1870 г., т. I, изд. III, стр. 230—243.

[1]) Смотръ этотъ былъ 15 сентября 1817 г.

[2]) Ея крестнымъ отцомъ былъ Имп. Александръ.

mante, votre nièce») и Анны Петровны Полторацкой, вдовы ея крестнаго отца Дмитрія Марковича, только что скончавшагося (это отецъ библіографа), затѣмъ побывала у «своей старой и страшной» бабушки Агаѳоклеи Александровны Полторацкой въ ея селѣ Грузинахъ, Тверской губ., и, наконецъ, уже въ началѣ 1819 г., въ Петербургѣ, гдѣ снова видѣла Имп. Александра, и гдѣ мужу ея удалось получить прощеніе, хотя и не полное: онъ, бывшій дивизіонный командиръ, былъ назначенъ (10-го марта 1819 года) командиромъ 2-й бригады 25-й пѣхотной дивизіи; бригада эта стояла въ Дерптѣ, куда вскорѣ Анна Петровна и переселилась. Но еще до этого она встрѣтилась въ первый разъ съ юнымъ Пушкинымъ; объ этой встрѣчѣ она оставила свои воспоминанія [1]), изъ которыхъ мы и приведемъ здѣсь выдержки, замѣтивъ, что, по соображенію времени, когда Анна Петровна, была въ Петербургѣ (послѣ смерти королевы Вюртембергской, т. е. послѣ 9-го января и до назначенія своего мужа, т. е. до 10-го марта, и, во всякомъ случаѣ, до пасхи 1819 г. [2]), которая приходилась 6-го апрѣля), эта встрѣча могла произойти въ февралѣ-мартѣ 1819 г.

«Въ 1819 году,—пишетъ Анна Петровна,—я пріѣхала въ Петербургъ съ мужемъ и отцомъ, который, между прочимъ, представилъ меня въ домъ его родной сестры, Олениной [3]). Тутъ я встрѣтила двоюроднаго брата моего Полторацкаго, съ сестрами котораго я была еще дружна въ дѣтствѣ. Онъ сдѣлался моимъ спутникомъ и чичероне въ кругу незнакомаго для меня большого свѣта. Мнѣ очень нравилось бывать въ домѣ Олениныхъ, потому что у нихъ не играли въ карты; хотя тамъ и не танцовали по причинѣ траура при дворѣ [4]), но за то играли въ разныя занимательныя игры и преимущественно въ «charades en action»; здѣсь Анна Петровна имѣла случай видать Крылова, Гнѣдича, Карамзина и другихъ «литературныхъ знаменитостей». Здѣсь же говоритъ она,—«на одномъ изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его: мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе... Въ чаду такого очарованія мудрено было видѣть кого бы то ни было, кромѣ виновника поэтическаго наслажденія, и вотъ почему я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры на мою долю выпала роль Клеопатры, и когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ Полторацкимъ [5]), подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: «Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic?» Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла. Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумѣется, безъ чиновъ... За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ, напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie!» Потомъ завязался между ними шутливый разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ, кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату: «Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у madame Kern: хотѣла ли бы она попасть въ адъ?» Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю. «Ну, какъ же ты теперь, Пушкинъ?»—спросилъ братъ. «Je me ravise»,—отвѣтилъ поэтъ,—«я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины...» Вскорѣ ужинъ кончился и стали разъѣзжаться. Когда я уѣзжала, и братъ сѣлъ со мною въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами. Впечатлѣніе его встрѣчи со мною онъ выразилъ въ извѣстныхъ стихахъ:

Я помню чудное мгновенье...»

Такова была мимолетная встрѣча Пушкина,—неудержимо предававшагося въ то время развлеченіямъ, зачастую далеко не невиннаго свойства,—съ женщиной, которая, шесть лѣтъ спустя, зажгла въ немъ пылкую, бѣшеную страсть.

Послѣ Петербурга А. П. Кернъ побывала у родныхъ въ Тверской губерніи, гдѣ встрѣтила Пасху, а затѣмъ отправилась въ Дерптъ, къ новому назначенію своего мужа. «Этотъ милый Дерптъ всегда мнѣ будетъ памятенъ»,—пишетъ она: «мнѣ тамъ было хорошо. Ко мнѣ туда пріѣхали дорогія гостьи: тетка (Пр. Ал. Осипова) и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая пріѣхала лѣтомъ (1819) и осталась у меня гостить до зимы. Мы тамъ много читали, много гуляли, выходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ. Кернъ лечился, я тоже брала ванны и лечилась по-немногу. Знакомство наше было немногочисленное, но такое, какъ лучше нельзя пожелать». Анна Петровна, между прочимъ, познакомилась съ М. А. Мойеръ, «ангеломъ во плоти, первою любовью Жуковскаго и его музою», подружилась съ нею, ея матерью и мужемъ и видѣлась съ ними почти каждый день, проводя время въ ея «маленькомъ садикѣ или въ уютной гостиной, слушая музыку»... «Я уже никуда не хотѣла изъ такой эстетической среды. Но мнѣ повелѣли ѣхать на маневры въ Ригу, и я, скрѣпя сердце, поѣхала... Мы переѣзжали изъ города въ городъ, поджидая и осматривая полки нашей бригады. Кернъ ѣздилъ то провожать ихъ, то встрѣчать, а мы съ Анной Николаевной жили въ маленькомъ городкѣ Валкѣ, въ весьма поэтическомъ домикѣ съ садикомъ, при выѣздѣ изъ города. Мы долго тутъ еще жили: до начала маневровъ и пріѣзда Государя. Очень было весело и даже шумно. У хозяйки было нѣсколько сестеръ и мужъ, хотя пожилой, но безъ селадонныхъ нѣжностей и ухаживаній за молодою, хорошенькою женою» [1]). Въ

---

[1]) «Библ. для чтенія», т. 154, 1859 г., мартъ, стр. 111—144; перепечатано въ книгѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», Спб. 1899, стр. 239 и сл.

[2]) «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 236.

[3]) Елизаветы Марковны, жены извѣстнаго Алексѣя Николаевича Оленина, въ дочь которыхъ, Анну Алексѣевну, позднѣе былъ влюбленъ Пушкинъ.

[4]) По случаю смерти сестры Имп. Александра—Екатерины Павловны, королевы Вюртембергской, скончавшейся 9-го января 1819 г.

[5]) Александръ Александровичъ Полторацкій (р. 7-го іюля 1792 г. † 13-го марта 1855 г.); онъ впослѣдствіи (въ 1834 г.) женился на предметѣ первой страсти Пушкина—фрейлинѣ Екатеринѣ Павловнѣ Бакуниной († 7-го декабря 1869 г.). См. Б. Л. Модзалевскій, Записки В. П. Зубкова, Спб. 1906, стр. 84—85.

[1]) Очевидно, Е. Ѳ. Кернъ отличался противоположными качествами.

сентябрѣ 1819 года Анна Петровна имѣла случай еще разъ бесѣдовать съ Императоромъ Александромъ, во время маневровъ въ Ригѣ. Императоръ танцовалъ съ ней на балу, былъ очень благосклоненъ, осыпалъ ее комплиментами, спросилъ ее, не нужно ли ей чего-нибудь отъ него, и сказалъ: «Je veux que vous soyez dans l'aisance» и съ нѣжной добротою проговорилъ: «adressez-vous à moi comme à un père» [1]). Всѣ восторгались красотой Анны Петровны и ея нарядомъ. На другой день она присутствовала, въ качествѣ зрительницы, на обѣдѣ, данномъ въ честь Государя,— и онъ опять замѣтилъ ее, нѣсколько разъ на нее смотрѣлъ и ласково улыбнулся. «Вставая изъ-за стола, Императоръ поклонился всѣмъ,—и я имѣла счастіе убѣдиться, что онъ, раскланявшись со всѣми и совсѣмъ уже уходя, взглянулъ къ намъ на верхъ (на балконъ) и мнѣ поклонился въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Сакенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мнѣ ее жаль!».

И дѣйствительно, жизнь съ мужемъ, который день ото дня становился ей все болѣе и болѣе ненавистнымъ, была для молодой, мечтательной и наивной женщины очень печальна. Не имѣя ничего общаго съ казарменными интересами этого грубаго человѣка, она имѣла полное право считать себя несчастной. До насъ дошелъ обстоятельный дневникъ (съ 23 іюня по 30 августа 1820 г., большею частію на французскомъ языкѣ) Анны Петровны, жившей тогда въ Псковѣ, въ видѣ писемъ ея къ жившей въ Лубнахъ теткѣ дѣвицѣ Ѳеодосіи Петровнѣ Полторацкой. Онъ заключаетъ въ себѣ ежедневный и самый подробный отчетъ обо всемъ видѣнномъ, слышанномъ, читанномъ, продуманномъ и прочувствованномъ. Велся онъ и посылался зачастую тайкомъ отъ мужа [2]), о которомъ въ немъ говорится очень много и въ слишкомъ опредѣленномъ тонѣ. Онъ проникнутъ грустнымъ настроеніемъ, содержитъ въ себѣ мало фактическихъ указаній, повѣствуя лишь о столкновеніяхъ съ мужемъ, душевныхъ страданіяхъ, имъ причиняемыхъ, мечтахъ о будущемъ счастіи, воспоминаніяхъ о прошломъ, даже о видѣнныхъ снахъ, которымъ придается то или иное значеніе; журналъ обильно снабженъ выписками изъ прочитанныхъ французскихъ книгъ (большей частью романовъ [3]) съ переводомъ ихъ на русскій языкъ, при чемъ Анна Петровна приводитъ тѣ мѣста, которыя соотвѣтствуютъ ея мыслямъ въ данный моментъ или вообще рисуютъ обстоятельства, сходныя съ тѣми, въ которыхъ она находилась. Нѣсколько выписокъ изъ него раскроютъ намъ лучше всего ее самое. Въ дневникѣ видную роль играетъ какой-то молодой егерскій офицеръ, котораго она называетъ сперва «l'Eglantine» (шиповникъ) а потомъ «Immortelle»,—съ нимъ она видѣлась въ Лубнахъ всего нѣсколько разъ, не сказала съ нимъ болѣе десяти словъ, но *душу* его сразу узнала *по глазамъ* и не можетъ забыть. Она сообщаетъ подругѣ, что рѣшила отдѣлаться отъ своего мужа: «онъ не можетъ долѣе оставаться около меня: его свойства слишкомъ мало имѣютъ общаго со мной, чтобы мы долго могли выносить другъ друга; чтобы не дѣлать исторіи, я подожду, пока найдемъ няню для ребенка».—«Теченіе жизни нашей есть только скучной и унылой переходъ, если не дышешь въ немъ сладкимъ воздухомъ любви»,—дѣлаетъ она переводъ изъ прочитаннаго, и восклицаетъ: «Не правда-ли, неоспоримая истина, мой ангелъ!»—«Добродѣтель вправѣ требовать уваженія, разумъ и дарованія—удивленія; красота можетъ возбудить желанія, но одна токмо чувствительность можетъ внушить истинную любовь».—«Какъ прискорбно,— выписываетъ она тутъ же, проводя параллель съ собою,—что счастіе или несчастіе цѣлой жизни нашей бываетъ обыкновенно рѣшено прежде, нежели мы въ состояніи судить о томъ или другомъ. Удерживаемы обычаемъ, а иногда и предразсудками, странными и смѣшными, мы бываемъ увлечены общимъ примѣромъ, и тогда только, когда уже не время, начинаемъ размышлять». Я нахожу эти мысли совершенно справедливыми: я нахожу ихъ такими именно по *опыту*...»

Вспомнивъ, что скоро именины ея отца, и что въ этотъ день въ Лубнахъ «Eglantine» будетъ у Полторацкихъ, Анна Петровна пишетъ: «я буду представлять себѣ мою божественную подругу, разговаривающую обо мнѣ съ моимъ обожаемымъ «Eglantine» и старающуюся возвратить спокойствіе его прекрасной душѣ, которая будетъ грустна изъ-за моего отсутствія,—я въ этомъ увѣрена. Поговорите съ нимъ обо мнѣ, скажите ему, что я хотѣла бы быть его другомъ». Вечеромъ 3-го іюля она передаетъ подругѣ разговоръ, который былъ только что за ужиномъ между ея мужемъ и его племянникомъ Павломъ Керномъ, недавно пріѣхавшимъ. Говорили о графинѣ Беннигсенъ, и Ермолай Ѳедоровичъ, «увѣряя, что онъ ее прекрасно знаетъ, сказалъ, что это очень достойная женщина, которая всегда умѣетъ себя прекрасно вести, что у нея было много интрижекъ, но что это очень извинительно, такъ какъ она очень молода, а мужъ ея очень старъ, но что на людяхъ она всегда такъ ласкова съ нимъ, что никто и думать не можетъ, что она его не любитъ».—«Вотъ прекрасная манера себя держать», восклицаетъ Анна Петровна: «и какъ Вы находите взгляды моего дорогого супруга?» Наивная Анна Петровна вскорѣ, однако, убѣдилась, что высказанныя ея мужемъ воззрѣнія были сказаны не безъ задней мысли: изъ дальнѣйшихъ страницъ дневника видно, что онъ сводничалъ жену со своимъ племянникомъ! Подозрѣніе въ томъ, что она снова беременна, приводитъ Анну Петровну въ величайшее смущеніе; ей кажется, что «Immortelle», узнавъ объ этомъ, перестанетъ ее любить. «Я вамъ и прежде говорила, что я не хочу имѣть дѣтей: для меня ужасна была мысль не любить ихъ и теперь еще ужасна! Вы также знаете, что сначала я очень желала имѣть дитя, и потому я имѣю нѣкоторую нѣжность къ Катенькѣ, хотя и упрекаю иногда себя, что она не довольно велика. Но этого

---

[1]) По словамъ покойной Е. Е. Шокальской, Имп. Александръ, обѣщавъ ея матери свое покровительство, сдержалъ свое слово: когда позже Анна Петровна разошлась съ мужемъ и просила Государя помочь ей (свиданіе ихъ состоялось въ присутствіи Имп. Елизаветы Алексѣевны), то онъ оказалъ ей денежное пособіе, о которомъ она просила.

[2]) Разъ онъ прочелъ одинъ его отрывокъ, еще не отправленный на почту, и устроилъ женѣ «une grandissime histoire».

[3]) «Emilie Montague»; «Les deux amies», par M-me de Pienne; «L'Allemagne», m-me Staël; «Léontine», Кодебу; «Christine». «Nouvelle Héloïse», «Voyage sentimental» Стерна и др.

(т.-е. ожидаемаго ребенка) всѣ небесныя силы не заставятъ меня любить: по нещастью, я такую чувствую ненависть ко всей этой фамиліи (т.-е. Кернъ), это такое непреодолимое чувство во мнѣ, что я никакими усиліями не въ состояніи отъ онаго избавиться. Это—исповѣдь». 17-го августа Анна Петровна узнала, что мужъ ея назначенъ командиромъ 11-й пѣхотной дивизіи, и въ восторгѣ пишетъ, что дивизія эта стоитъ въ Старомъ Быховѣ, около Могилева: «Это будетъ очень близко отъ Васъ,—восклицаетъ она,—но не знаю, почему это меня не радуетъ... Я чувствую, что я не буду истинно счастлива, какъ только тогда, когда я буду въ состояніи законнымъ образомъ отдать ему (т.-е. Immortelle) мою любовь; иначе самое его присутствіе не сдѣлаетъ меня счастливою, какъ только наполовину. Всѣ поздравляютъ моего дорогого муженька, и онъ сказалъ мнѣ, что мы поѣдемъ къ дивизіи къ 1-му сентября; оттуда онъ отправится въ Петербургъ, а я, если вы мнѣ позволите, пріѣду къ вамъ. За Богомъ молитва не пропадаетъ, а за Царемъ—служба. Я думаю, что со мной ничего уже щастливаго случиться не можетъ, и потому сначала эта вѣсть не принесла мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, а теперь, обдумавъ, вижу, что въ сентябрѣ я могу васъ обнять, и эта мысль приводитъ меня въ трепетъ отъ восхищенья (рука дрожитъ и насилу пишу), и скажу, какъ St.-Preux: «Боже, Ты далъ мнѣ силы перенести величайшія горести,—дай теперь столько, чтобъ вынести величайшее блаженство! Увижу опять».—«Что можетъ быть горестнѣе моего положенія? читаемъ въ предпослѣдней записи дневника (29 августа): не имѣть около себя ни души, съ кѣмъ бы могла излить свое сердце, поговорить и вмѣстѣ—поплакать. Нещастное твореніе я! Самъ Всемогущій, кажется, не внемлетъ моимъ молитвамъ и слезамъ... Къ умноженію моихъ печалей, вы ничего не отвѣчаете на мои письмы, и я не знаю, найду-ли я подлѣ васъ отраду въ удовольствіи вашемъ меня видѣть. Я уже вамъ сказывала, что я не сомнѣваюсь въ собственной особѣ вашей, но желала бы, чтобы Папенька и Маменька столько имѣли удовольствія меня видѣть, сколько я почитаю блаженствомъ быть у нихъ, и хотя этимъ бы вознаградили меня за всѣ претерпѣнныя горести въ разлукѣ съ ними. Маменька съ своимъ чувствительнымъ сердцемъ очень можетъ судить о мучительномъ моемъ положеніи: пусть только вспомнитъ свое состояніе, когда она оставляла своихъ родителей. Съ нѣжнолюбимымъ мужемъ, съ милыми дѣтьми, въ цвѣтущемъ состояніи, что способствовало ежеминутно дѣлать жизнь ея спокойною и пріятною,—и тутъ ей сопутствовалъ всегда кто-нибудь изъ родныхъ ея. Возьмите теперь противоположность моего состоянія: съ такимъ же чувствительнымъ сердцемъ, обремененнымъ всѣми возможными горестями, должна проводить дни мои, оставлена всею природою, съ тѣмъ человѣкомъ, который никогда не можетъ получить моей привязанности ни даже уваженія. Онъ обѣщалъ мнѣ отпустить меня къ вамъ, по усильнымъ просьбамъ моимъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Старый Быховъ,—теперь опять отговаривается и хочетъ, чтобы я тамъ пробыла до отъѣзда его въ Петербургъ, что не прежде будетъ, какъ въ концѣ октября. Ему нужды нѣтъ, что я буду дѣлать во время его разъѣздовъ одна, съ ребенкомъ, въ этомъ несчастномъ городѣ, и какъ потомъ я въ холодъ и колоть поѣду въ октябрѣ; но я пастою, чтобы ѣхать, какъ прежде сказано, и ежели онъ эгоистъ, то я вдвое имѣю право быть оной, хотя для тѣхъ, которымъ моя жизнь и благополучіе еще дороги. Впрочемъ, это послѣднее время совершенно заставило меня потерять терпѣніе, и я бы въ адъ поѣхала, лишь бы знала, что тамъ его не встрѣчу. Вотъ состояніе моего сердца».

Подъ 30-мъ августа—послѣдняя запись въ дневникѣ,—въ ожиданіи отъѣзда въ Лубны, съ просьбою «сказать много хорошаго Immortelle».

О времени пребыванія Анны Петровны въ Лубнахъ и о дальнѣйшихъ перипетіяхъ ея романа мы не располагаемъ никакими данными, кромѣ указанія ея самой, что послѣ Пскова она возвратилась въ Полтавскую губернію къ своимъ родителямъ, повидимому, бросивъ на время ненавистнаго мужа, который, однако, не переставалъ дѣлать попытки къ сближенію съ женой. Всѣ эти житейскія передряги не могли не отразиться на ея характерѣ, и изъ мечтательной, наивной женщины она, мало-по-малу, обратилась въ кокетливую особу, сознававшую всю силу и обаятельность своей молодости, красоты и нетронутаго еще истинною любовью горячаго сердца.

Живя въ Лубнахъ, Анна Петровна познакомилась и сблизилась съ Аркадіемъ Гавриловичемъ Родзянкою, «милымъ поэтомъ, умнымъ, любезнымъ и весьма симпатичнымъ человѣкомъ», сосѣдомъ ея по имѣнію. Родзянка доставлялъ ей, между прочимъ, новыя произведенія Пушкина, и она съ жадностію читала «Кавказскаго Плѣнника», «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Разбойниковъ» и 1-ю главу «Онѣгина»; отъ многихъ слышала она про Пушкина, «какъ про славнаго поэта» «Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи», разсказываетъ Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, «я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вульфъ... Пушкинъ часто бывалъ у нихъ въ домѣ; она говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы: такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: «Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Oléine; il dit partout: «Elle était trop brillante». Въ одномъ изъ ея писемъ Пушкинъ приписалъ сбоку изъ Байрона: «Un image qui a passé devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais» [1]). Когда же онъ узналъ, что я видаюсь съ Родзянкомъ, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

Намѣстникъ Феба иль Піапа! и т. д.

«Далѣе, въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ «Хохлачку», Баратынскій—«Чухонку», я—«Цыганку»; что скажетъ Аполлонъ?» и проч. Дальше не помню, а невѣрно ситировать не хочу». Послѣ этого мнѣ съ Родзянкомъ вздумалось

[1]) Л. Н. Майковъ считаетъ, что эти слова взяты А. П. Кернъ, въ нѣсколько неточной передачѣ, изъ начала посвященія къ «Чайльдъ-Гарольду» («Пушкинъ», Спб. 1899, стр. 288; ср. Соч., изд. Просвѣщ., подъ ред. П. О. Морозова, т. II, стр. 363). Намъ кажется вѣрнѣе предположеніе Н. Ѳ. Сумцова (Харьк. Унив. Сборн. въ память Пушкина, X. 1899, стр. 230, 233), что эти слова взяты изъ стих. Уордсворта «Phantom of delight».

малось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

Прощайте, будьте въ дуракахъ!

«Отвѣтомъ на это посланіе были... стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяцъ послѣ этого встрѣтилась съ нимъ въ Тригорскомъ»...

Разысканныя и обнародованныя много лѣтъ спустя послѣ напечатанія записокъ А. П. Кернъ письма Пушкина и Родзянка съ его приписками [1]) вполнѣ подтвердили правдивость и удивительную точность ея разсказа, записаннаго около 35 лѣтъ спустя послѣ событій, о которыхъ она повѣствуетъ. Найденное въ бумагахъ Родзянка письмо къ нему Пушкина отъ 8-го декабря 1824 г., изъ Михайловскаго въ Лубны, было издано Н. М. Черняевымъ въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1897 г. [2]), съ объяснительной статьей къ нему. Въ письмѣ этомъ Пушкинъ, послѣ благодарности за поклонъ, писалъ ему, между прочимъ [3]): «Объясни мнѣ, милый, что такое А. П. К . . . ., которая написала много нѣжностей обо мнѣ своей кузинѣ? [4]) Говорятъ, она премиленькая вещь—но с л а в н ы Л у б н ы з а г о р а м и. На всякой случай, зная твою влюбчивость и н е о б ы к н о в е н н ы е т а л а н т ы во всѣхъ отношеніяхъ, полагаю дѣло твое сдѣланнымъ или полусдѣланнымъ. Поздравляю тебя, мой милый; напиши на это все элегію или хоть эпиграмму». Далѣе Пушкинъ говоритъ, что Баратынскій написалъ поэму про Чухонку, самъ онъ—про Цыганку, а Родзянко—про Чупку, и что Аполлонъ можетъ разгнѣваться за то, что героини поэмъ слишкомъ тривіальны, а затѣмъ слѣдуетъ совершенно нецензурная фраза, зачеркнутая впослѣдствіи, но не Пушкинымъ, и слова: «Если А. П. такъ же мила, какъ сказываютъ, то вѣрно она моего мнѣнія: справься съ нею объ этомъ». Кончается письмо стихами, приведенными Анной Петровной въ ея запискахъ по памяти, но очень близко къ оригиналу. Любопытно, что письмо это, заключавшее въ себѣ глубоко неприличную фразу, было переслано Пушкинымъ Родзянку черезъ Анну Петровну (вѣроятно, оно было вложено въ письмо къ послѣдней ея кузины—Анны Николаевны Вульфъ) и легко могло быть прочитано еще до передачи по адресу. Тонъ письма къ Родзянку и выраженія объ Аннѣ Петровнѣ, употребленныя Пушкинымъ, очень фривольны,—у поэта, значитъ, уже установился извѣстный на нее взглядъ. «Знакомство Пушкина съ Кернъ,—говоритъ Н. И. Черняевъ, «подготовлялось перепиской Кернъ съ А. Н. Вульфъ, которою пользовались Кернъ и Пушкинъ для выраженія своихъ взаимныхъ симпатій, перепиской Пушкина съ Родзянкой, въ которой на первомъ планѣ стояла Кернъ, и, наконецъ, шуточнымъ посланіемъ Родзянки и Кернъ къ Пушкину. Представленный Кернъ въ Тригорскомъ, Пушкинъ смотрѣлъ на нее не только, какъ на женщину, которую онъ зналъ по мимолетной встрѣчѣ у Олениныхъ въ 1819 году, но и какъ на свою восторженную поклонницу, хорошо извѣстную ему по ея письмамъ, по письмамъ Родзянки и по разсказамъ А. Н. Вульфъ. Черезъ кого былъ переданъ Пушкину поклонъ отъ Родзянки, послужившій поэту предлогомъ начать съ Родзянкой переписку о Кернъ?—Конечно, черезъ Кернъ, которая, какъ зналъ Родзянко, обмѣнивалась письмами съ А. Н. Вульфъ. О тонѣ, въ какомъ Кернъ писала А. Н. Вульфъ о Пушкинѣ, можно судить по тому, что поэтъ называетъ ея отзывы о немъ «нѣжностями». Эти «нѣжности», видимо, задѣли поэта за живое, пробудили въ немъ воспоминанія о впечатлѣніи, сдѣланномъ на него Кернъ въ 1819 году, и онъ отвѣчалъ ей черезъ А. Н. Вульфъ на «нѣжности» «нѣжностями» [1]). Родзянко отвѣтилъ Пушкину лишь черезъ пять мѣсяцевъ — 10-го мая 1825 г. [2]); это и есть то письмо, въ которомъ, по выраженію Анны Петровны, ей и Родзянку «вздумалось полюбезничать» съ поэтомъ. Письмо это [3]) весьма характерно и цѣнно для сужденія о характерѣ дальнѣйшихъ сношеній Пушкина съ Кернъ; мы приводимъ его здѣсь въ сокращеніи. Въ началѣ письма Родзянко извиняется, что такъ долго не отвѣчалъ Пушкину на его письмо, и говоритъ, что излагать причины его молчанія и не нужно, и излишне: «лѣнь моя главною тому причиною,—пишетъ онъ,—и ты знаешь, что она никогда не перемѣнится, хотя Анна Петровна ужасно какъ моетъ за это выраженіе мою грѣшную головушку; но, не взирая на твое хорошее мнѣніе о моихъ различныхъ способностяхъ, я становлюсь втупикъ въ нѣкоторыхъ вещахъ,—и, во-первыхъ, въ отвѣтѣ къ тебѣ. Но сдѣлай милость, не давай воли своему воображенію и не дѣлай общею моей неодолимой лѣни; скромность моя и молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ должны стоять вмѣстѣ обвинителями и защитниками ея. Я тебѣ похвалюсь, что, благодаря этой же лѣни, я постояннѣе всѣхъ Амадисовъ и Польскихъ, и Русскихъ. Итакъ, одна трудность перемѣны и искренность моей привязанности составляютъ мою добродѣтель; с л ѣ д о в а т е л ь н о,—говоритъ Анна Петровна,—н е м н о г о с т о и т ъ д о б р о д ѣ т е л ь в а ш а; а она соблюдаетъ молчаніе, знакъ согласія, и справедливо. Скажи, пожалуй, что вздумалось тебѣ такъ клепать на меня? За какія проказы? За какія шалости? Но довольно, пора говорить о литературѣ съ тобою, нашимъ Корифеемъ». Тутъ вмѣшивается Анна Петровна и приписываетъ: «Ей Богу, онъ ничего не хочетъ и не намѣренъ вамъ сказать! Насилу упросила! Если бы вы знали, чего мнѣ это стоило! Самой бездѣлки: придвинуть стулъ, дать перо и бумагу и сказать—п и ш и т е. Да спросите, сколько разъ повторить это должно было. Repetitia est mater studiorum» — «Зачѣмъ же, — продолжаетъ Родзянко, — во всемъ требуютъ уроковъ, а еще болѣе повтореній? Жалуюсь тебѣ, какъ новому Оберону: отсутствующій, ты имѣешь гораздо болѣе вліянія на е е, нежели я со всѣмъ моимъ присутствіемъ. Письмо твое меня гораздо болѣе поддер-

[1]) Только посланіе въ стихахъ, о которомъ говоритъ А. П., до насъ не дошло.

[2]) № 2, февр., стр. 524 — 525; перепечатано въ его сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьковъ. 1900, стр. 65—80.

[3]) См. Переписка, Акад. изд., т. I, стр. 157—158.

[4]) т. е. А. Н. Вульфъ.

[1]) Черняевъ, стр. 74—75.

[2]) Изъ Лубенъ. См. Бартеневъ. Пушкинъ, II, 125—126 и Переписка, Акад., изд. I, 213—215.

[3]) Переписка, Акад. изданіе, т. I, стр. 213—215.

живаетъ, нежели все мое краснорѣчіе».—«Je vous proteste», вписываетъ Анна Петровна,—«qu'il n'est pas dans mes fers».—«А чья вина?»—продолжаетъ Родзянко: «Вотъ теперь вздумала мириться съ Ермолаемъ Ѳедоровичемъ: снова пришло давно остывшее желаніе имѣть законныхъ дѣтей, и я пропалъ. Тогда можно было извиниться молодостію и неопытностію, а теперь чѣмъ? Ради Бога, будь посредникомъ.— «Ей Богу,— вписываетъ снова Анна Петровна—я этихъ строкъ не читала!» «Но, продолжаетъ Родзянко,—заставила ихъ прочесть себѣ 10 разъ. Тѣмъ-то Анна Петровна и очаровательнѣе, что со всѣмъ умомъ и чувствительностію образованной женщины она изобилуетъ такими дѣтскими хитростями».—Письмо кончается стихотворнымъ комплиментомъ по адресу Пушкина, который отвѣтилъ на него игривымъ стихотвореніемъ: «Ты обѣщалъ о романтизмѣ» (см. настоящее изд., т. II, 292); оно было передано имъ лично Аннѣ Петровнѣ, когда, черезъ мѣсяцъ, она пріѣхала, неожиданно для поэта, въ Тригорское, къ теткѣ своей, П. А. Осиповой.

По письмамъ, которыми обмѣнялись Пушкинъ и Родзянко, по перепискѣ А. П. Кернъ съ А. Н. Вульфъ и по этому стихотворенію видно, какое представленіе составилъ себѣ поэтъ о красавицѣ и какой тонъ недвусмысленной фривольности онъ усвоилъ себѣ по отношенію къ ней. А черезъ мѣсяцъ, въ концѣ іюня, состоялось ихъ неожиданное свиданіе въ Тригорскомъ [1]; о немъ, равно какъ и о пребываніи Анны Петровны въ деревнѣ, мы передадимъ въ извлеченіи разсказъ ея самой.

«Мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись...; вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большою, толстою палкой въ рукахъ... Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться; онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ, и нельзя было угадать, въ какомъ онъ будетъ расположеніи духа черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ [А. Н. Вульфъ], говоря: «Ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?» Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно... Когда онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротой и увлекательностью его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній онъ, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извощикѣ на Васильевскій островъ... Однажды... явился онъ въ Тригорское съ своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слушали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу. Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаевала отъ наслажденія... Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія тетушка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому,—и мы поѣхали. Погода была чудесная, лунная іюльская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ [А. Н. Вульфомъ] въ одномъ, сестра, Пушкинъ и я—въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушно веселымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ, хвалилъ луну, не называлъ ее глупою, а говорилъ: «J'aime la lune, quand elle éclaire un beau visage.» Хвалилъ природу и торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною; это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ, при нашей первой встрѣчѣ, Александру Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ,

Пріютъ задумчивыхъ дріадъ,

съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника—вздрагивать. Тетушка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: «Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame». Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно, восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: «Vous aviez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?». На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ II-й главы «Онѣгина», въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

Я помню чудное мгновенье и проч.

Когда я сбиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ—не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» [1]. Мих. Ив. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя. Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной, и проч.

[1]) Л. Н. Павлищевъ подробно, разсказываетъ, со словъ своей матери, какъ поэтъ предчувствовалъ какую то радостную встрѣчу въ день пріѣзда Анны Петровны, какъ у него чесался лѣвый глазъ, сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ... (Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ, М. 1890, стр. 169).

[1]) Съ разрѣшенія Пушкина (см. Переписка Пушк., Акад. изд., т. I, стр. 371); «Сѣв. Цвѣты» на 1827 г., стр. 341 («К***»).

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голосъ «Benedetta sia la madre», баркароллы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: «Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую Ночь на голосъ гондолерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца. Жаль, что онъ не увидитъ ее, но пусть вообразитъ себѣ красоту и задушевность, по крайней мѣрѣ, дай Богъ ему ее слышать. Questo e scritto in presenza della donna, come ognun può veder» [1]).

Вотъ все, что разсказываетъ Анна Петровна о своемъ пребываніи въ Тригорскомъ; въ разсказѣ ея очень много любопытнаго, много тонкихъ замѣчаній о поэтѣ, образъ его живо встаетъ передъ нашими глазами. Но Анна Петровна умалчиваетъ о многомъ: она не говоритъ ничего о тѣхъ чувствахъ, которыя она пробудила въ душѣ и въ сердцѣ Пушкина и которыя живо выразились какъ въ стихотвореніи, ей посвященномъ, такъ, еще больше, въ письмахъ, которыя послѣдовали за ея отъѣздомъ; эти чувства были настолько сильны и, повидимому, обоюдны, что, напр., Анненковъ [2]) (а за нимъ и другіе біографы поэта) прямо говорятъ, что П. А. Осипова «увезла» Анну Петровну, «красивѣйшую изъ своихъ племянницъ», въ Ригу, во избѣжаніе катастрофы». Можетъ быть, умолчаніе со стороны Анны Петровны объясняется ея убѣжденіемъ, къ которому она пришла позднѣе, что поэтъ «никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры» [3]), а потому она не считала нужнымъ особенно подробно останавливаться на психологическихъ движеніяхъ Пушкина, въ глубинѣ которыхъ она разувѣрилась. Анненковъ называетъ [4]) чувство Пушкина «мгновеннымъ порывомъ»; но порывъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ, ярокъ и доходилъ до экстаза; до бѣшенства, переливаясь всѣми оттѣнками чувства—отъ нѣжной сентиментальности до кипучей страсти. Пушкинъ совершенно опьянѣлъ отъ очарованія красоты, забывъ на время всѣ свои прежнія увлеченія и всецѣло отдавшись поглотившей его страсти. Анна Петровна уѣхала изъ Тригорскаго 19-го іюля [5]), увозя съ собою посвященные ей стансы и давъ Пушкину разрѣшеніе переписываться съ ней, а 21-го числа поэтъ уже пишетъ Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ «въ грустномъ опьяненьѣ» [6]): «Все Тригорское поетъ: «Не мила ей прелесть ночи», а у меня сердце поетъ; вчера мы съ Алексѣемъ [Вульфъ] говорили битыхъ четыре часа. Никогда еще не было у насъ такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что́ насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Сродство чувства? Ничего этого не знаю; каждую ночь гуляю я по саду и говорю себѣ: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ на моемъ столѣ подлѣ вѣтки увядшаго геліотропа [7]). Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вамъ, что о ней и помину нѣтъ. Если бы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье [8]) со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и ревности; но мнѣ просто досадно [9]). Все же, однако, мысль, что я ничего для нея не значу, что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее ни разсѣяннѣе среди ея тріумфовъ, ни мрачнѣе въ дни грусти; что прелестные гла-

А. П. КЕРНЪ, въ 1840-хъ г.г.

Съ миніатюры, принадлежащей Пушкинскому Дому.
Силуэтъ, относящійся къ 1825 году, см. т. II, стр. 291.

---

[1]) Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ цитируетъ письмо по памяти и не совсѣмъ точно; мы приводимъ его по акад. изданію Переписки (т. I, стр. 251). Кстати, письмо это отнесено къ началу августа 1825 г., на основаніи почтоваго штемпеля 3-го августа; но такъ какъ письмо писано въ присутствіи самой Анны Петровны, которая уѣхала, какъ сейчасъ увидимъ, изъ Тригорскаго 19-го іюля, то надо заключить, что письмо писано до этого числа и, залежавшись у поэта, было имъ лишь отправлено 3-го августа.

[2]) «Пушк. въ Алекс. эпоху», Спб. 1874, стр. 282.

[3]) «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3-е, стр. 235.

[4]) Матеріалы для біографіи, изд. 1855, стр. 122.

[5]) См. отмѣтку въ календарѣ, сдѣланную П. А. Осиповою: Б. Модзалевскій. Поѣздка въ Тригорское, Спб. 1903, стр. 140.

[6]) Переписка, томъ I, стр. 238—240, № 177. Здѣсь, какъ и ниже, для писемъ Пушкина къ А. П. Кернъ (всѣ они писаны по-французски) мы пользуемся переводами ихъ, напечатанными при ея воспоминаніяхъ въ «Библ. для Чтенія» 1859 г., т. 154, стр. 120, 121, 122, 123, 137—144, а также и въ «Русск. Стар.» 1879, т. XXVI, стр. 326—519, вмѣстѣ съ оригиналами писемъ и со снимкомъ съ одного изъ нихъ (отъ 28-го августа); но нѣкоторыя мѣста мы переводимъ самостоятельно.

[7]) Анна Петровна, въ своихъ воспоминаніяхъ, дѣлаетъ къ этимъ словамъ примѣчаніе: «Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа онъ, точно, выпросилъ у меня».

[8]) 19-е іюля (день отъѣзда А. П.) въ 1825 г. приходилось дѣйствительно въ воскресенье.

[9]) Примѣчаніе А. П. Кернъ: «Ему досадно было, что братъ [Алексѣй Вульфъ] поѣхалъ провожать свою сестру [Анну Николаевну] и меня и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету». Алексѣй Вульфъ, студентъ Дерптскаго Университета, также влюбился въ свою кузину.

за ея остановятся на какомъ-нибудь Рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пропзающимъ сердце и сладострастнымъ выраженіемъ,—нѣтъ, эта мысль невыносима для меня; скажите ей, что я умру отъ этого; нѣтъ, лучше не говорите, а то это очаровательное созданіе насмѣется надо мною! Но скажите ей, что если въ сердцѣ ея нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если нѣтъ въ немъ таинственнаго, меланхолическаго ко мнѣ влеченія, то я презираю ее, слышите-ли? Да, презираю, несмотря на все удивленіе, которое должно возбудить въ ней это столь небывалое чувство.... Проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!»

Уже въ этомъ письмѣ мы слышимъ совсѣмъ не тѣ ноты, которыя такъ опредѣленно и цинично звучатъ въ приведенномъ выше письмѣ къ Родзянку: личное знакомство съ молодою женщиной, въ деревенской глуши, въ обстановкѣ, пропитанной поэтическими настроеніями и обаяніемъ юнаго женскаго общества, ея умъ, обольстительная, цвѣтущая красота съ извѣстной долей кокетства и скрытности своихъ личныхъ чувствъ заставили поэта говорить совсѣмъ другимъ языкомъ. Черезъ четыре дня онъ пишетъ уже самой Аннѣ Петровнѣ (25-го іюля): «Я имѣлъ слабость просить разрѣшенія писать къ Вамъ, а Вы—легкомысліе или кокетство дать мнѣ на то позволеніе. Я знаю, что переписка ни къ чему не ведетъ; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть хоть одно слово, написанное Вашею хорошенькою ручкой! Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе болѣе глубокое и мучительное, чѣмъ то, которое произвела на меня нѣкогда встрѣча наша у Олениныхъ. Въ моей печальной деревенской глуши я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о Васъ. Если бы въ душѣ Вашей была бы хотя капля жалости ко мнѣ, Вы сами должны были бы желать мнѣ этого; но вѣтреность всегда жестока, и всѣ Вы, барыни, вертя головы какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа, страждущая вамъ во славу и въ честь. Прощайте, божественная. бѣшусь и падаю къ Вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Ѳедоровичу [Керну] и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Снова берусь за перо, потому что умираю со скуки и могу заниматься только Вами. Надѣюсь, что письмо это Вы прочтете украдкою; спрячете-ли Вы его опять на груди? Напишете ли мнѣ длинный отвѣтъ? Пишите мнѣ обо всемъ, что Вамъ въ голову придетъ, заклинаю Васъ! Если Вы боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, — измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, сердце мое сумѣетъ узнать Васъ. Если выраженія Ваши будутъ столь же нѣжны, какъ Вашъ взглядъ, тогда, увы! я постараюсь имъ повѣрить или же обмануть себя,—это все равно. Знаете ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона,—что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ, Вы, чудотворка или чудотворица! Знаете что? пишите мнѣ».

«Получа это письмо, — разсказываетъ сама Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ, — я тотчасъ ему отвѣчала [1]) и съ нетерпѣніемъ ждала отъ него второго письма; но онъ это второе письмо вложилъ въ пакетъ тетушкинъ [П. А. Осиповой], а она не только не отдала мнѣ его, но даже не показала [1]). Тѣ, которые его читали, говорили, что оно было прелесть какъ мило». Въ письмахъ поэта къ П. А. Осиповой, относящихся къ этому періоду, есть отголоски того волненія, которое испытывалъ онъ въ данное время. Его мысли были въ Ригѣ; опустѣлое Тригорское навѣвало на него грусть. Въ одномъ недошедшемъ до насъ письмѣ онъ писалъ (по-французски) слѣдующія строки, чрезвычайно вѣрно характеризующія Анну Петровну и сохраненныя намъ въ ея памяти (см. ея Воспоминанія и акад. изданіе Переписки, т. I, стр. 249): «Хотите ли знать, что такое г-жа Кернъ? У нея гибкій умъ; она понимаетъ все; она легко огорчается и утѣшается точно такъ же; она застѣнчива въ пріемахъ, смѣла въ поступкахъ, но чрезвычайно какъ привлекательна». 7-го августа Пушкинъ получилъ отъ П. А. Осиповой первое письмо изъ Риги, написанное 31-го іюля, на другой день послѣ ея пріѣзда туда, а черезъ нѣсколько дней—письмо отъ Анны Петровны, и немедленно отвѣчалъ ей. Вотъ это письмо, писанное 14-го августа, въ пору, когда поэтъ былъ занятъ и вопросомъ о бѣгствѣ за границу, и озабоченъ денежными своими дѣлами и изданіемъ своихъ сочиненій,—въ пору, когда всѣмъ существомъ своимъ онъ рвался изъ заточенія и видѣлъ всю тщетность своихъ надеждъ на скорое освобожденіе: «Перечитываю Ваше письмо вдоль и поперекъ и говорю: милая! прелесть! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, моя прелестная, моя нѣжная, но это такъ! Что Вы божественны, никто въ этомъ не сомнѣвается, но иногда въ Васъ рѣшительно нѣтъ здраваго смысла; еще разъ простите и утѣшьтесь, ибо отъ этого Вы еще прелестнѣе. Напримѣръ, что хотите Вы сказать, говоря о печаткѣ, которая должна быть для Васъ прилична и Вамъ нравиться (счастливая печатка!) и о разъясненіи значенія которой Вы спрашиваете меня. Если только тутъ не кроется какой-либо двусмысленности, то я рѣшительно не догадываюсь, чего Вы желаете. Или Вы просите меня придумать для нея девизъ? Въ такомъ случаѣ это было бы совершенно на подобіе Нетти. Быть такъ, запечатывайте попрежнему: «не скоро, а здорово», лишь бы эти слова не послужили девизомъ для Вашего путешествія въ Тригорское,—и побесѣдуемъ о другомъ. Вы говорите, — продолжаетъ Пушкинъ, снова намѣренно впадая въ прежній циничный тонъ,—что я не знаю Вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло?— Очень я о немъ думаю! Развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное—глаза, зубы, ручки и ножки (прибавилъ бы: и сердце, но Ваша кузина [А. Н. Вульфъ] очень ужъ опошлила это слово) [2]). Вы говорите, что

[1]) Отвѣтъ этотъ до насъ не дошелъ,

[1]) Письмо это сохранилось у П. А. Осиповой и теперь находится, вмѣстѣ съ другими письмами къ ней Пушкина, въ Имп. Публ. Библіотекѣ. Впервые напечатано въ «Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, стр. 506—509, съ переводомъ.

[2]) Анна Петровна въ своихъ воспоминаніяхъ неоднократно останавливается на этомъ циничномъ, болѣе показномъ, чѣмъ дѣйствительномъ, взглядѣ Пушкина на женщину. «Живо воспринимая добро, Пушкинъ, однако, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ; его гораздо болѣе очаровывало въ нихъ остроуміе, блескъ и внѣшняя красота. Кокетливое желаніе ему понравиться не разъ привлекало вниманіе поэта

Васъ легко узнать; Вы хотѣли сказать: полюбить. Съ этимъ я весьма согласенъ и самъ служу тому яснымъ доказательствомъ: я велъ себя съ Вами какъ 14-тилѣтній мальчишка — это не годится, но съ тѣхъ поръ, что́ я болѣе не вижу Васъ, понемногу беру обратно утраченное превосходство свое надъ Вами и пользуюсь имъ, чтобы бранить Васъ. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обѣщайте мнѣ... Нѣтъ, не хочу я Вашихъ обѣщаній; да, кромѣ того, письма—нѣчто такое холодное: въ просьбѣ, переданной по почтѣ, нѣтъ ни силы, ни волненія, а въ отказѣ—ни граціи, ни обольстительности (volupté). Итакъ, до свиданья и поговоримъ о другомъ. Что́ подагра Вашего супруга? надѣюсь, что у него былъ славный припадокъ на другой день послѣ Вашего пріѣзда. По-дѣломъ ему! Если бы Вы знали, какое отвращеніе, смѣшанное съ почтеніемъ, чувствую я къ этому человѣку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы онъ игралъ въ карты и чтобы у него была подагра! Въ этомъ моя единственная надежда!

Перечитывая еще разъ Ваше письмо, я нахожу въ немъ ужасное е с л и, котораго сначала я не замѣтилъ. Е с л и м о я к у з и н а о с т а н е т с я, т о н ы н ч е о с е н ь ю я п р і ѣ д у и проч. Ради Бога, пусть она остается. Постарайтесь чѣмъ-нибудь занять ее,—вѣдь ничего нѣтъ легче: прикажите какому-нибудь офицеру Вашего гарнизона влюбиться въ нее, и, когда придетъ время ей ѣхать, досадите ей, отбивъ у нея ея вздыхателя; это еще того легче. Не показывайте ей этого письма, по крайней мѣрѣ,—а то она изъ упрямства способна сдѣлать совершенно противоположное тому, что нужно. Что дѣлаете Вы съ Вашимъ кузеномъ? [А. Н. Вульфомъ]? отвѣчайте мнѣ, но откровенно. Отсылайте-ка его поскорѣе въ его университетъ; не знаю почему, но я студентовъ такъ же не люблю, какъ и г. Керна. Достойнѣйшій человѣкъ этотъ г. Кернъ, степенный, благоразумный и т. д.,— одинъ только въ немъ недостатокъ: зачѣмъ онъ Вашъ мужъ. Какъ можно быть Вашимъ мужемъ? Объ этомъ я не могу составить себѣ представленія, точно такъ же, какъ о раѣ. Это все было написано вчера. Сегодня почтовый день, и, не знаю почему, я вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ Васъ письмо. Этого не случилось, и я въ самомъ собачьемъ настроеніи духа, хотя это ужъ совершенно несправедливо: я бы долженъ былъ быть благодарнымъ за прошлый разъ,—знаю; но что́ Вы хотите? Умоляю Васъ, божественная, сжальтесь надъ моею слабостью, пишите мнѣ, любите меня,—и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку».

Одна изъ ближайшихъ почтъ принесла Пушкину еще письмо отъ Анны Петровны, и онъ отвѣчалъ ей (около 24-го августа): «Вы несносны; я совсѣмъ-было собрался писать Вамъ о дурачествахъ, которыя заставили бы Васъ помирать со смѣху, и вдругъ Ваше письмо повергло меня въ печаль въ самый разгаръ моего увлеченія. Постарайтесь отдѣлаться отъ этихъ спазмъ, которыя хотя и придаютъ Вамъ столько привлекательности, но ни чорта не стóятъ,—увѣряю Васъ. Отчего Вы все заставляете меня бранить Васъ? Если у Васъ рука была на перевязи, не слѣдовало писать ко мнѣ; что за сумасбродство! Скажите, однако, что сдѣлалъ Вамъ этотъ бѣдный мужъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ грѣхомъ? Что-жъ, скажу Вамъ, что онъ былъ бы и правъ. Вы не умѣете или (что еще хуже) не хотите щадить людей. А хорошенькая женщина властна... имѣть любовниковъ [1]). Боже меня избави проповѣдывать Вамъ мораль, но все же къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ. Ради всего на свѣтѣ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрамъ. Послушайтесь; право, я говорю Вамъ отъ чистаго сердца. За 400 верстъ Вы ухитрились возбудить во мнѣ ревность; что же должно быть въ 4 шагахъ? (NB. Я очень хотѣлъ бы знать, почему двоюродный Вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15-го числа сего мѣсяца и почему имя его три раза сорвалось съ Вашего пера въ письмѣ Вашемъ ко мнѣ? Нескромность въ сторону.—нельзя ли это узнать? Простите, божественная, что я такъ откровенно высказываю Вамъ свой образъ мыслей; это — доказательство самаго истиннаго моего къ Вамъ участія; я люблю Васъ гораздо болѣе, нежели Вы думаете. Постарайтесь же хотя мало-мальски поладить съ этимъ гнуснымъ г. Керномъ. Прекрасно понимаю, что онъ не долженъ быть великій геній, но, наконецъ, и не совершенный же онъ идіотъ. Мягкость, кокетливость (и въ особенности, ради Бога, отказы, отказы и отказы) повергнутъ его къ Вашимъ ножкамъ—мѣсту, изъ-за котораго я ему завидую отъ глубины моей души,—но какъ быть! Я въ отчаяніи отъ отъѣзда Аннеты; во что бы то ни стало, но Вамъ непремѣнно должно пріѣхать осенью сюда или хотя во Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Аннеты. Что Вы объ этомъ думаете? Отвѣчайте мнѣ, умоляю Васъ, и ни слова объ этомъ А. Вульфу. Пріѣдете? Не правда ли? До тѣхъ поръ не рѣшайте ничего относительно Вашего мужа. Вы молоды, дѣлая будущность передъ Вами, а онъ... Притомъ, будьте увѣрены, что я не изъ числа такихъ, которые неспособны присовѣтовать рѣшительныя мѣры.—иногда это неизбѣжно, но прежде всего слѣдуетъ поразсудить хорошенько, не дѣлая безполезныхъ взрывовъ.

Прощайте; теперь ночь, и Вашъ образъ чудится мнѣ, полный грусти и сладострастной нѣги,—я будто вижу Вашъ взглядъ, Вашъ полуоткрытый ротикъ. Прощайте,—я представляю себя у ногъ Вашихъ, сжимаю ихъ, чувствую прикосновеніе Вашихъ колѣнъ,—всю кровь мою отдалъ бы я за минуту дѣйствительности. Прощайте и вѣрьте моему бреду; онъ смѣшонъ, но искренъ».

Черезъ нѣсколько дней, 28-го августа, Пушкинъ снова пишетъ Аннѣ Петровнѣ, образъ которой не даетъ ему покоя: «Вотъ письмо къ Вашей тетушкѣ. Вы можете оставить его у себя, если случится, что ихъ уже нѣтъ въ Ригѣ. Скажите на милость, можно ли быть такою вѣтреницей, какъ Вы? Какимъ образомъ письмо, адресованное Вамъ, попало не въ Ваши, а въ другія руки? Но что сдѣлано, то сдѣлано,—поговоримъ о томъ, что намъ остается дѣлать.

Если Вашъ почтеннѣйшій супругъ слишкомъ докучаетъ Вамъ,—бросьте его, но знаете ли какъ?

---

[1]) Здѣсь непереводимая игра словъ: «Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse».

гораздо болѣе, чѣмъ истинное и глубокое чувство, имъ внушенное. Самъ онъ почти никогда не выражалъ чувствъ; онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ смыслѣ былъ сыномъ своего вѣка» (Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 263; ср. тамъ же, стр. 252; «Русск. Стар. 1870 г.. т. I, изд. 3, стр. 235; «Пушк. и его совр.», вып. V, стр. 144—145).

Вы оставляете тамъ все семейство, берете почтовыхъ на Островъ и пріѣзжаете... куда? въ Тригорское? Вовсе нѣтъ! — въ Михайловское. Вотъ прекрасный проектъ, который уже четверть часа мучитъ мое воображеніе. Но понимаете ли, какое это было бы для меня счастье? Вы скажете мнѣ: «А огласка? а скандалъ?» Кой чортъ! Уже бросая мужа, дѣлаютъ полнѣйшій скандалъ, и все прочее уже ничто или очень мало. Но согласитесь, что проектъ мой—романическій. Сходство характеровъ, ненависть къ преградамъ, органъ паре́нія, развитый въ сильной степени, и пр. и пр. Можете представить себѣ удивленіе Вашей тетушки. За этимъ послѣдуетъ разрывъ. Вы будете видаться съ Вашей кузиной тайкомъ,—а это сдѣлаетъ дружбу менѣе пошлой, и разъ Керн умретъ, Вы будете свободны, какъ воздухъ... Итакъ, что Вы на это скажете? Вѣдь я говорилъ Вамъ, что я способенъ дать Вамъ совѣтъ смѣлый и внушительный.—Поговоримъ, однако, серьезно, то-есть хладнокровно. Увижу ли я Васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете мнѣ: успокойтесь. Очень бы радъ, но какъ? Влюбиться? Невозможно; прежде всего вадобно позабыть Ваши спазмы:[1]). Покинуть свою родину? удавиться? жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями, и я на это но согласенъ. Ахъ, Ваши письма! Кстати, какъ я буду получать ихъ? Ваша тетушка не желаетъ этой переписки, столь цѣломудренной, столь невинной (да и какъ же иначе... за 400 верстъ). Очень можетъ быть, что письма наши будутъ перехватывать... прочитывать... истолковывать... и потомъ предавать торжественному сожженію. Постарайтесь измѣнить Вашъ почеркъ, а тамъ я увижу, но пишите мнѣ, пишите много, и вдоль, и поперекъ, и по діагонали (геометрическій терминъ [2]). А главное—дайте мнѣ надежду снова увидѣть Васъ. Иначе я, право, постараюсь влюбиться въ кого-нибудь другого. Да, я и забылъ: я только что написалъ письмо Нетти, очень нѣжное, очень униженное. Съ ума схожу по Неттѣ. Она наивна, а вы нѣтъ. Отчего Вы не наивны? Не правда ли, я гораздо любезнѣе въ письмахъ, чѣмъ при личныхъ сношеніяхъ? Но право, если вы пріѣдете, я обѣщаю Вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности: я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ среду, легкомысленъ въ четвергъ, въ пятницу, субботу и воскресенье буду чѣмъ Вамъ угодно,—и всю недѣлю у ногъ Вашихъ. Прощайте. Не распечатывайте прилагаемаго письма: это нехорошо; Ваша тетушка на это разсердится. Но подивитесь, какъ Господь Богъ перемѣшалъ все: г-жа Осипова распечатываетъ письмо къ Вамъ, Вы распечатываете письмо къ ней, я распечатываю письмо Нетти—и каждый изъ насъ находитъ въ нихъ нѣчто назидательное. Это прелестно!». Въ письмѣ къ П. А. Осиповой, которое поэтъ посылалъ съ письмомъ къ А. П. Керн, и которое заполнено почти все ею, онъ писалъ: «Такъ, милостивая государыня, да будетъ стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ. Ахъ, то-то злые люди тѣ, которые думаютъ, что переписка можетъ привести къ чему-нибудь! Ужъ не по собственному ли опыту знаютъ они это? Но я прощаю имъ, сдѣлайте то же и Вы и будемъ продолжать. Ваше послѣднее письмо (писанное въ полночь) прелестно, я отъ всего сердца смѣялся; но Вы слишкомъ строги къ Вашей милой племянницѣ; правда, она вѣтренна, но терпѣніе—еще какихъ-нибудь два десятка лѣтъ, и, ручаюсь Вамъ, она исправится. Что же касается до ея кокетства, то Вы совершенно правы: она хоть кого приведетъ въ отчаяніе. Какъ не довольствоваться тѣмъ, чтобы нравиться ясновельможному господину Керну, коль скоро она имѣетъ это счастье? Такъ нѣтъ, нужно еще кружить голову вашему сыну, ея кузену! Пріѣзжаетъ она въ Тригорское, и ей приходитъ на умъ плѣнить г. Рокотова и меня; но и этого мало: пріѣхавъ въ Ригу, она видитъ въ ея проклятой крѣпости проклятаго узника, и дѣлается кокетливымъ Провидѣніемъ этого окаяннаго каторжника. Но и это еще не все: Вы увѣдомляете меня, что въ дѣлѣ замѣшаны еще и мундиры! О, къ примѣру сказать, это уже слишкомъ! Объ этомъ узнаетъ г. Рокотовъ, и мы увидимъ, что онъ скажетъ на это. Но, милостивая государыня, серьезно ли Вы думаете, что она кокетничаетъ безъ разбору? Она говоритъ, что нѣтъ, и мнѣ хотѣлось бы этому вѣрить; еще болѣе успокаиваетъ меня то обстоятельство, что не всѣ ухаживаютъ на одинъ ладъ, и лишь бы другіе были почтительны, робки и деликатны,—вотъ все, что мнѣ нужно. Благодарю Васъ, м. г., что Вы не передали ей моего письма: оно было черезчуръ нѣжно, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это было-бы слишкомъ смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственной мнѣ дерзостью, и рѣшительно прерву съ ней всѣ сношенія; тогда не скажутъ, что я старался внести смуту въ нѣдра семьи; что Ермолай Ѳедоровичъ можетъ обвинять меня въ томъ, что я человѣкъ безъ правилъ; что жена его можетъ издѣваться надо мною. Какъ Вы любезны, найдя портретъ похожимъ: «смѣла въ» и т. д. [1]). Не правда ли? Она тоже говоритъ, что нѣтъ, но кончено; я не буду ей болѣе вѣрить. Прощайте, м. г., Вашего возвращенія ожидаю я съ большимъ нетерпѣніемъ; мы позлословимъ насчетъ сѣверной Нетти, по поводу которой я всегда буду сожалѣть, зачѣмъ ее увидѣлъ, и еще болѣе, зачѣмъ я... [2]). Простите это нѣсколько слишкомъ откровенное признаніе тому, который любитъ Васъ очень нѣжно, хотя и совершенно иначе».

Письмо это не застало П. А. Осипову въ Ригѣ: она уже вернулась съ дочерью въ Тригорское, поссорившись съ племянницей за ея переписку съ поэтомъ.. Но переписка эта еще нѣкоторое время продолжалась. «Ради Бога,—писалъ Пушкинъ 22-го сентября;—не отсылайте г-жѣ Осиповой письмо, которое Вы нашли въ Вашемъ пакетѣ. Развѣ Вы не видите, что оно было написано единственно для Вашего назиданія? Оставьте его у себя—или Вы насъ поссорите. Я сдѣлалъ нѣкоторые шаги къ примиренію Васъ обѣихъ, но послѣ Вашихъ послѣднихъ опрометчивыхъ поступковъ теряю надежду на успѣхъ... Кстати, Вы клянетесь мнѣ всѣми святыми, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ Вы «на ты» съ Вашимъ кузе-

[1]) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ; въ «Русск. Стар.», т. XXVI, стр. 510, переведено «Ваши прелести», тогда какъ въ подлинникѣ написано «vos spasmes».

[2]) Отсюда вверхъ, наискось, написано: «вотъ что значитъ діагональ».

[1]) См. выше, отрывокъ изъ несохранившагося письма къ П. А. Осиповой.

[2]) Нѣсколько словъ зачеркнуто.

номъ: Вы говорите ему: «я презираю твою мать»; вѣдь это ужасно? Слѣдовало сказать: «Вашу мать», и даже ничего не слѣдовало говорить, потому что эта фраза имѣла дьявольскій эффектъ. Ревность въ сторону,—я совѣтую Вамъ прервать эту переписку, совѣтую, какъ другъ, истинно Вамъ преданный, безъ всякихъ фразъ и кривляній. Не постигаю, что за цѣль у Васъ кокетничать съ молодымъ студентомъ (не поэтомъ) и еще на такомъ почтительномъ разстояніи. Когда онъ былъ близъ Васъ,—Вы знаете, что я находилъ это совершенно естественнымъ, ибо надобно же быть разсудительнымъ. Рѣшено, не правда ли? Никакой переписки,—и ручаюсь Вамъ, что онъ оттого менѣе влюбленъ не будетъ. Серьезно-ли Вы говорите, дѣлая видъ, что одобряете мой проектъ? У Анетты отъ этого морозъ по кожѣ пробѣжалъ, а у меня голова закружилась отъ радости. Но я не вѣрю въ счастье, и это весьма извинительно. Ужели, Вы, ангелъ любви, захотите убѣдить мою недовѣрчивую и увядшую душу? Но пріѣзжайте, по крайней мѣрѣ, во Псковъ [1]): это Вамъ будетъ такъ легко сдѣлать. При одной мысли объ этомъ сердце у меня бьется, темнѣетъ въ глазахъ, и истома овладѣваетъ мною. Неужели и эта надежда не осуществится, какъ столько другихъ!! Перейдемъ къ дѣлу; прежде всего, вамъ нуженъ предлогъ: болѣзнь Аннеты; что Вы на это скажете? Или, еще лучше, не съѣздите ли Вы въ Петербургъ? Вы дадите мнѣ знать объ этомъ, да? Не обманите меня, прелестный ангелъ! Какъ я былъ бы вамъ обязанъ, если бы разстался съ жизнью, познавъ счастье! Не говорите мнѣ о томъ, что удивляетесь мнѣ: это не есть чувство. Говорите мнѣ о любви: вотъ чего я жажду. Но главное,—не говорите мнѣ о стихахъ... Вашъ совѣтъ писать къ Его Величеству тронулъ меня, какъ доказательство, что Вы думали обо мнѣ; благодарю т е б я колѣнопреклоненно за этотъ совѣтъ, но послѣдовать ему не могу. Участь моего существованія должна рѣшить судьба; я не хочу въ это вмѣшиваться. Надежда еще разъ увидѣться съ Вами, прелестною и молодою,—единственная вещь, которою я дорожу. Еще разъ,—не обманите меня.—Завтра—день рожденія Вашей тетушки, — стало быть я буду въ Тригорскомъ. Ваша мысль выдать замужъ Аннету, чтобы имѣть у нея убѣжище,—мысль восхитительная, но я ей еще не сообщалъ о ней. Отвѣчайте, ради Бога, на главные пункты этого письма, и я повѣрю, что міръ стóитъ еще того, чтобы въ немъ жить».

Въ началѣ октября Анна Петровна вторично посѣтила П. А. Осипову въ Тригорскомъ,—на этотъ разъ не одна, а съ мужемъ. «Вы видѣли изъ писемъ Пушкина, сообщала она П. В. Анненкову [2]), что она [П. А. Осипова] сердилась на меня за выраженіе въ письмѣ къ Алексѣю Вульфу: «Je tḗrgise la mère». Еще бы! И было за что. Кернъ предложилъ мнѣ поѣхать; я не желала, потому что Пушкинъ, изъ угожденія къ тетушкѣ, пересталъ мнѣ писать, а она сердилась. Я сказала мужу, что мнѣ неловко ѣхать къ тетушкѣ, когда она сердится; онъ, ни въ чемъ не сомнѣвающійся, какъ и слѣдуетъ храброму генералу, объявилъ, что беретъ на себя насъ помирить. Я согласилась. Онъ устроилъ романическую сцену въ саду (надъ которой мы послѣ съ Анной Николаевной очень смѣялись). Онъ пошелъ впередъ, оставивъ меня въ экипажѣ; я черезъ лѣсъ и садъ пошла послѣ—и упала въ объятія этой милой, смѣшной, всегда оригинальной маленькой женщины, вышедшей ко мнѣ навстрѣчу въ толпѣ всего семейства. Когда она меня облобызала, тогда всѣ бросились ко мнѣ,—Анна Николаевна первая. Пушкина, прибавляетъ Анна Петровна, «тутъ не было, но я его нѣсколько разъ видѣла; онъ очень не поладилъ съ мужемъ, а со мною опять былъ по-прежнему, и даже больше, нѣженъ, боясь всѣхъ глазъ, на него и на меня обращенныхъ». При личныхъ отношеніяхъ съ Анной Петровной Пушкинъ терялся, бывалъ застѣнчивъ и неловокъ, что и самъ сознавалъ,—терялъ тотъ смѣлый, даже дерзкій тонъ, въ которомъ писалъ свои письма къ ней. 10-го октября онъ писалъ Алексѣю Вульфу: «Вы, конечно, уже знаете все, что касается до проѣзда Анны Петровны. Мужъ ея очень милый человѣкъ,—мы познакомились и подружились» [1]). Изъ Тригорскаго Керны вернулись въ Ригу, а затѣмъ Анна Петровна переѣхала въ Петербургъ. «Уѣзжая изъ Риги»,—разсказываетъ она [2]), «я послала ему послѣднее изданіе Байрона, о которомъ онъ такъ давно хлопоталъ, и получила еще письмо, чуть ли не самое любезное изъ всѣхъ прочихъ, — такъ онъ былъ признателенъ за Байрона». «Никакъ не ожидалъ я, очаровательница», писалъ Пушкинъ въ этомъ письмѣ (8-го декабря), «чтобы Вы обо мнѣ вспоминали, и отъ глубины сердца благодарю Васъ. Байронъ [3]) получилъ въ глазахъ моихъ новую прелесть, всѣ героини его облекутся въ моемъ воображеніи въ черты, забыть которыя невозможно. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Леилѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть болѣе божественно прекрасенъ. Итакъ, Васъ и всегда Васъ судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы — ангелъ-утѣшитель, а я — ничто иное, какъ неблагодарный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ,—и мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо. Быть можетъ, перемѣна, только-что происшедшая [4]), приблизитъ меня къ Вамъ,—не смѣю на это надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ: она ничто иное, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ со старыми мужьями. А что подѣлываетъ Вашъ мужъ, мой кроткій геній. Знаете ли,—я въ его образѣ представляю себѣ враговъ Байрона, разумѣя въ томъ числѣ и жену его.—Опять берусь за перо, чтобы сказать Вамъ, что я у ногъ Вашихъ; что я все люблю Васъ; что иногда ненавижу Васъ; что третьяго дня говорилъ про Васъ ужасныя вещи; что я цѣлую Ваши прелестныя ручки; что снова цѣлую ихъ, въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ; что Вы божественны и т. д.».

На этомъ письмѣ прекратилась переписка Пушкина [5]) съ женщиною, которая вызвала въ

[1]) Пушкинъ только что получилъ разрѣшеніе съѣздить туда для совѣта съ врачемъ.

[2]) Въ письмѣ отъ 6-го іюня 1859 г.—Л. Майковъ. Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 246.

[1]) Переписка, т. I, стр. 304.

[2]) Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 246.

[3]) Въ припискѣ къ этому письму Анна Н. Вульфъ писала: «Байронъ помирилъ тебя съ Пушкинымъ; онъ посылаетъ тебѣ деньги—125 р.—его нынѣшнюю цѣну».

[4]) Т.-е. смерть Александра I.

[5]) Если не считать одной записочки Пушкина (второй половины декабря 1824 г.), лишь предположительно относящейся къ Кернъ, и въ которой

немъ чувства такой пылкой любви, примѣровъ которой,—по крайней мѣрѣ, въ такомъ реальномъ отраженіи, какъ письма его, мы не имѣемъ болѣе въ біографіи поэта. Письма эти давно и по справедливости останавливали на себѣ вниманіе біографовъ [1]). По мнѣнію В. Я. Стоюнина [2]), въ нихъ «высказалась вполнѣ» страстная натура Пушкина: «Прочитавъ его письма, каждый скажетъ, что ихъ пишетъ не только влюбленный до безумія человѣкъ, но и человѣкъ необыкновенный. Тутъ раскрывается вся душа его, какъ и у всякаго въ порывѣ страсти. Всѣ вообще его пріятельскія письма отличаются необыкновеннымъ остроуміемъ, неожидаемыми оборотами рѣчи, шутливымъ тономъ, даже и тогда, когда, кажется, совсѣмъ бы не до шутокъ; но въ письмахъ къ любимой женщинѣ все это еще усиливается, а между тѣмъ здѣсь слышатся и бѣшеная любовь, и нѣжность, и опасенія, и подозрѣнія, и ревность,—и ничего нѣтъ натянутаго, фальшиваго, придуманнаго».—А. А. Венкстернъ [3]), говоря, что встрѣча Пушкина съ красавицей произвела на него опьяняющее дѣйствіе, и что въ его сердцѣ вспыхнула любовь, не похожая на тѣ полушуточныя увлеченія, которыми онъ платилъ долгъ красотѣ тригорскихъ барышень, говоритъ: «Это была страсть безумная и необузданная, на которую только способна была африканская натура поэта, страсть со всѣми ея порывами, сомнѣніями, восторгами и страданіями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прослѣдить тѣ бѣшеные скачки отъ безграничной нѣжности къ упрекамъ, ревности, почти ненависти, которыми переполнены письма Пушкина къ А. П. Кернъ». В. В. Сиповскій [4]), справедливо замѣчая, что письма эти, «столь пестрыя по настроенію, вполнѣ отразили тѣ полныя противорѣчій чувства, которыя поэтъ питалъ по отношенію къ Кернъ», превосходно ихъ характеризуетъ: «Письма... рисуютъ намъ эту своеобразную любовь, отливающую самыми прихотливыми красками, — отъ головокружительной земной страсти до благовѣйнаго, чисто-эстетическаго преклоненія передъ ея неземной красотой... Муки ревности, радость мимолетной ласки, остроты и даже прозрачныя двусмысленности,—все сверкаетъ разноцвѣтными искрами въ этихъ семи письмахъ»...

Что касается дивнаго стихотворенія: «Я помню чудное мгновенье», то ему посвященъ особый этюдъ Н. И. Черняева: «Посланіе «Къ А. П. Кернъ» Пушкина и «Лалла-Рукъ» Жуковскаго»—въ сборникѣ «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», (Харьковъ. 1900, стр. 33—64), и замѣтка Н. Ѳ. Сумцова въ его «Изслѣдованіяхъ о поэзіи Пушкина» (Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память Пушкина, X. 1899, стр. 229—235). «Я помню чудное мгновенье»,—пишетъ г. Черняевъ,—«одно изъ геніальнѣйшихъ стихотвореній Пушкина, изумительно прекрасное по музыкальности стиха, по изяществу формы, по глубинѣ содержанія, возвышенности и искренности чувства. Если бы Пушкинъ ничего не написалъ, кромѣ этой очаровательной пьесы, его нельзя было бы не признать первоклассным поэтомъ. Доколѣ будетъ... звучать и изучаться русскій языкъ..., посланіе «Къ А. П. Кернъ» будетъ читаться и перечитываться, вызывать восторги и удивленіе, смягчать, трогать и умилять человѣческія сердца, вдохновлять талантливыхъ композиторовъ и вызывать соревнованіе даровитыхъ актеровъ, способныхъ истолковывать великія созданія великихъ поэтовъ посредствомъ дикціи, мимики и жеста. «Я помню чудное мгновенье» можетъ выдержать любое сравненіе. Это такой дивный гимнъ въ честь возрождающаго и облагораживающаго вліянія одухотворенной красоты, которымъ могла бы гордиться любая литература. Своимъ посланіемъ «Къ А. П. Кернъ» Пушкинъ обезсмертилъ ее такъ же, какъ Петрарка обезсмертилъ Лауру, а Данте—Беатриче. Пройдутъ вѣка, и когда множество историческихъ событій и историческихъ дѣятелей, которые представляются намъ очень крупными, будутъ забыты,—личность и судьба Кернъ, какъ вдохновительницы Пушкинской музы, будутъ возбуждать большой интересъ, вызывать споры, предположенія и воспроизводиться романистами, драматургами, живописцами и скульпторами... Въ этомъ стихотвореніи нѣтъ метафоръ. Поэтъ хотѣлъ сказать имъ именно то, что говорится въ немъ. Оно вылилось у Пушкина прямо изъ души [1]), было порожденіемъ внутренняго опыта и самообладанія. Подъ обаяніемъ красоты въ поэтѣ пробуждались и ярко сказывались и религіозное чувство съ его высокими порывами, и художественное творчество, и способность жить самою полною жизнью, и способность плакать благодатными слезами счастья и любви. Посланіе «Къ А. П. Кернъ» имѣетъ важное значеніе не только какъ поэтическая исповѣдь Пушкина, но и какъ психологическій этюдъ, раскрывающій одну изъ благороднѣйшихъ тайнъ человѣческаго сердца. Посланіе «Къ А. П. Кернъ» всегда будетъ приводиться, какъ неотразимое доказательство противъ безотрадно скептическаго и пессимистическаго отношенія къ человѣческой природѣ» Далѣе въ своемъ очеркѣ г. Черняевъ

онъ проситъ прислать ему доктора Арендта (Переп., т. I, стр. 316), отрывка изъ письма къ А. Н. Вульфъ (окт.—нояб. 1828 г.) изъ Малинниковъ (Переп., т. II, стр. 80) и дѣловыхъ записокъ 1832—1833 г.

[1]) Только А. Е. Заринъ, посвятившій А. П. Кернъ особую главу въ своей брошюрѣ «Увлеченія А. С. Пушкина женщинами», Спб. 1901, стр. 48—62, находитъ письма эти заурядными и даже пошлыми. Отношенія Пушкина къ Кернъ онъ считаетъ не стоющими вниманія, неглубокими: «Пушкинъ не могъ бы писать въ такомъ тонѣ женщинѣ, которую онъ полюбилъ глубоко и чисто»,—какъ будто только «глубокая и чистая» любовь поэта можетъ интересовать насъ. Въ книгѣ А. И. Незеленова «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Спб. 1903, посвящена особая глава разбору отношеній Пушкина къ А. П. Кернъ (стр. 268—277), прослѣженныхъ по его письмамъ и стихотвореніямъ данной эпохи.

[2]) Пушкинъ, изд. 2, Спб. 1906, стр. 259—262.

[3]) А. С. Пушкинъ, М. 1899, стр. 86—87.

[4]) Пушкинъ. Жизнь и творчество, Спб. 1907, стр. 238—239.

[1]) Замѣтимъ, кстати, что черновика этого стихотворенія не сохранилось, а можетъ быть и не было. То, что напечатано г. Евг. Вашковымъ въ «Русск. Мысли» 1900 г. (№ 4, стр. 126), какъ черновой автографъ Пушкина, писано не Пушкина рукой и представляетъ собою подражаніе какого-то неопытнаго стихотворца, заимствовавшаго изъ пьесы Пушкина цѣлыя выраженія; конечно, не Пушкинымъ писана и та рукопись, которая воспроизведена въ журн. «Звѣзда» 1887 г., и въ «Истор. Вѣстникѣ» 1899 г. Ср. П. А. Ефремовъ: «Мнимый Пушкинъ», СПБ. 1903, стр. 26—27.

справедливо возражаетъ Н. Ѳ. Сумцову, сближавшему[1]) это стихотвореніе съ пьесой Уордсворта «Phantom of delight», и вслѣдъ за Анненковымъ (изд. 1855 г., т. II, стр. 187) находитъ лишь сходство основной мысли этого посланія съ лицейскимъ стихотвореніемъ самого Пушкина «Къ ней» (Е. П. Бакунинной, 1817 г.; см. наст. изд., т. I, стр. 421—440 [2]), которое является лишь юношескимъ эскизомъ въ сравненіи съ законченной, дивной картиной, но неудачно сближаетъ его съ «Лалла-Рукъ» Жуковскаго, откуда, по его мнѣнію, онъ «взялъ и выраженіе «геній чистой красоты», и мысль уподобить Кернъ мимолетному видѣнію», хотя тутъ же не можетъ не признать, что Пушкинъ «творилъ самостоятельно, а не подражалъ Жуковскому» [3]).

Разсказаннымъ эпизодомъ не ограничились сношенія Пушкина съ А. П. Кернъ, и она оставила намъ много любопытныхъ повѣствованій о дальнѣйшихъ встрѣчахъ и отношеніяхъ связяхъ своихъ съ поэтомъ [4]). Отсылая читателей къ этимъ интереснымъ повѣствованіямъ, скажемъ лишь о самой Аннѣ Петровнѣ. Покинувъ Ригу и бросивъ тамъ ненавистнаго своего мужа, Анна Петровна переѣхала въ Петербургъ и поселилась сперва у Л. С. и О. С. Пушкиныхъ, а затѣмъ, съ отцомъ и сестрою Елизаветою Петровною [5]), у Обухова моста. Въ періодъ, послѣдовавшій за отъѣздомъ ея изъ Тригорскаго,—въ 1826 году, мы находимъ неоднократныя упоминанія объ Аннѣ Петровнѣ въ письмахъ къ Пушкину А. Н. Вульфъ, влюбившейся въ поэта и потому увезенной матерью (которая къ тому же сама ревновала къ нему свою дочь) въ Тверское имѣнье Малинники [6]) Письма Анны Николаевны вообще очень любопытны для біографіи поэта [7]) и вводятъ насъ въ ту атмосферу мелкихъ женскихъ самолюбій, интригъ, ревности и поклоненія, которыми былъ окруженъ поэтъ въ своемъ заточеніи. По письмамъ этимъ видно, что въ 1826 г. Кернъ познакомилась и очень сдружилась съ сестрой поэта—Ольгою Сергѣевной. «Какъ я была удивлена—читаемъ въ письмѣ А. Н. Вульфъ отъ 2-го іюня 1826 г.—получивъ большое посланіе отъ Вашей сестры, въ которомъ она пишетъ мнѣ вмѣстѣ съ А. Кернъ; онѣ въ восторгѣ другъ отъ друга. Левъ [1]) пишетъ мнѣ тысячу нѣжностей въ томъ же письмѣ и, къ моему великому удивленію, я нахожу тамъ же нѣсколько строкъ Дельвига, которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Однако, мнѣ кажется, что Вы немножко ревнуете ко Льву. Я нахожу, что А. Кернъ прелестна, несмотря на свой огромный животъ,—это выраженіе Вашей сестры. Вы знаете, что она осталась въ Петербургѣ, чтобы тамъ разрѣшиться отъ бремени, а потомъ она предполагаетъ пріѣхать сюда [2]). Вы хотите отомстить на женѣ Льва его успѣхи передъ моей кузиной: это не свидѣтельствуетъ о безразличіи къ ней съ Вашей стороны». 31-го іюля О. С. Пушкина пишетъ брату, что она «такъ сдружилась съ Кернъ, что крестила ея ребенка», которому она, въ честь ея, дала имя Ольги. Въ письмѣ отъ 11-го сентября Анна Николаевна, уже изъ Петербурга, пишетъ Пушкину по поводу его освобожденія изъ Михайловскаго заточенія: «Аннеттъ Кернъ принимаетъ живѣйшее участіе въ Вашей судьбѣ. Мы говоримъ только о Васъ; она одна понимаетъ меня, и только съ нею я плачу». «Плетневъ, Козловъ, Гнѣдичъ, Слепинъ, Кернъ, Анна Николаевна—всѣ прыгаютъ и поздравляютъ тебя», — сообщаетъ Дельвигъ» Пушкину [3]). «А. Кернъ вамъ велитъ сказать, что она безкорыстно радуется Вашему благополучію и любитъ искренно и безъ зависти», — пишетъ поэту А. Н. Вульфъ 16-го сентября.

Отношенія, по крайней мѣрѣ еще нѣкоторое время, поддерживались и перепиской: «Что дѣлаетъ Вавилонская блудница Анна Петровна», спрашивалъ поэтъ Алексѣя Вульфа 7-го мая 1826 г.: Говорятъ, что Болтинъ очень счастливо металъ противъ почтеннаго Ермолая Ѳедоровича. Мое дѣло—сторона, но что скажете Вы? Я писалъ ей: «Вы пристроили Вашихъ дѣтей,—это очень хорошо; но пристроили-ли Вы Вашего мужа? послѣднее гораздо болѣе затруднительно» [4]) Когда Пушкинъ вернулся изъ Москвы въ 1827 году, Анна Петровна встрѣтилась и затѣмъ видалась съ нимъ въ домѣ его родителей, у которыхъ бывала почти всякій день; заходилъ онъ иногда и къ ней. За время отсутствія Пушкина, Анна Петровна успѣла «вскружить совершенно голову» брату его—Льву Сергѣевичу [5]) и вызвать «нѣжное участіе и дружбу» со стороны вскорѣ погибшаго Д. В. Веневитинова [6]). Левъ Пушкинъ посвятилъ ей стихотвореніе:

Какъ можно не сойти съ ума,
Внимая Вамъ, на Васъ любуясь!
Венера древняя мила,
Чудеснымъ поясомъ красуясь;

---

[1]) «Этюды о Пушкинѣ».

[2]) Анненковъ говоритъ, что «Основную мысль стихотворенія («Къ ней») Пушкинъ воспроизвелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣтъ, именно въ пьесѣ «Я помню чудное мгновенье», принадлежащей уже къ 1825 году. Онъ часто поступалъ такъ съ первыми своими произведеніями».

[3]) О музыкѣ на это стихотвореніе см. брошюру В. Корганова: «А. С. Пушкинъ въ музыкѣ», Тифлисъ. 1899, стр. 31, и «Puschkiniana» Межова; въ Сочиненіяхъ Б. Н. Алмазова, т. II, Спб. 1892, стр. 229—232, имѣется пародія на «Я помню чудное мгновенье».

[4]) Въ «Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1859 г., въ «Отрывкѣ изъ записокъ. Воспоминанія о Пушкинѣ, Дельвигѣ и Глинкѣ» въ «Семейн. вечерахъ» 1864 г., № 10, въ статьѣ «Дельвигъ и Пушкинъ», напечатанной Б. Л. Модзалевскимъ въ «Пушк. и его соврем.», в. V, стр. 140—157; отрывки перепечатаны у Л. Н. Майкова: Пушкинъ, Спб. 1899.

[5]) Вышедшею впослѣдствіи за чиновника Решко.

[6]) См. Переписка, т. I, стр. 333, 342, 352, 369, 372.

[7]) Они были найдены мною у П. П. Анненкова (сына біографа) и переданы для академическаго изданія Переписки Пушкина.

[1]) Братъ поэта.

[2]) Т.-е. въ Малинники.

[3]) 15-го сентября.

[4]) Письмо это до насъ не дошло.

[5]) Переп. Пушк., т. II, стр. 3.

[6]) Позднѣ еАнна Петровна сообщала о немъ свои воспоминанія А. Ц. Патковскому, писавшему біографію поэта (см. изд. Соч. Веневитинова. Спб. 1862, стр. 1; его же «Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ», Спб. 1901, стр. 105, 128, 129,.

Алкмена, Геркулеса мать,
Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать;
Но чтобъ молили и любили
Ихъ такъ усердно, какъ и Васъ,
Васъ спрятать надо имъ отъ насъ:
У нихъ Вы лавку перебили!,—

а Веневетиновъ любилъ ея общество, велъ съ ней бесѣды, «полныя той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался», хотѣлъ нарисовать ея портретъ [1]), говоря, что «любуется ею, какъ Ифигеніей въ Тавридѣ, которая, мимоходомъ сказать, прекрасна» [2]). Къ этому-же времени относится знакомство Анны Петровны съ Дельвигомъ и его женою Софьей Михайловной, закомство, вскорѣ перешедшее въ тѣсную дружбу. О Дельвигѣ, его частной жизни и литературномъ кружкѣ, у него собиравшемся, Анна Петровна оставила очень цѣнныя воспоминанія. Вообще петербургскій періодъ жизни, съ 1826 года, былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ въ жизни Анны Петровны. Вращаясь въ литературныхъ кругахъ, связанныхъ многими отношеніями съ цѣлымъ рядомъ писателей [3]), блистая красотою и пользуясь общею любовью и симпатіями за свой пріятный характеръ, образованный, живой и наблюдательный умъ и доброе сердце, она не избѣгла, однако, злословія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ С. А. Соболевскому (отъ конца марта 1828 г. [4]) Пушкинъ, съ присущею ему способностью писать корреспондентамъ своимъ въ тонѣ ихъ собственныхъ писемъ и въ соотвѣтствіи съ ихъ характерами, сообщаетъ, напримѣръ, въ крайне циничной формѣ, что онъ, наконецъ, добился расположенія Анны Петровны и одержалъ надъ ней побѣду. Мы допускаемъ полную возможность предположить, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ написалъ это для «краснаго словца»; Соболевскій самъ въ это время ухаживалъ за Анной Петровной [5]), и нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что поэтъ просто хотѣлъ досадить своему «пріятелю», чувства къ которому у него были очень неглубоки, соотвѣтствуя вполнѣ нравственному облику этого безпутнаго или, по выраженію самого Пушкина, «безалабернаго» человѣка. Что Пушкинъ въ это время часто видѣлся съ Анной Петровной, бывалъ у нея,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія,—ея воспоминанія лучшее тому доказательство, но насколько близки были ихъ отношенія,—это вопросъ другой. «Присущая Аннѣ Петровнѣ веселость», разсказываетъ Л. Н. Павлищевъ, и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать—милое кокетство подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные самые неправдоподобные слухи. Распускаемыя сплетни вызвали Александра Сергѣевича... написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

Когда твои младыя лѣта
Позоритъ шумная толпа... [1])

«Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ сплетнямъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери, какъ это сообщила мнѣ послѣдняя, слѣдующія слова: «Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть въ мораль басни: «собаки полаютъ, собаки отстанутъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю и желать не стану, а кто не въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю да низко кланяюсь: большому дураку—большое почтенье» [2]). Сопоставляя сейчасъ цитированное трогательно-теплое, защитительное стихотвореніе со словами поэта въ письмѣ его къ Соболевскому, не знаемъ, чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ сказать пріятелю нѣчто въ его духѣ, объяснить это противорѣчіе. Теплая дружба четы Дельвиговъ, съ которыми Анна Петровна жила одно время въ одномъ домѣ, неизмѣнно доброе отношеніе къ ней П. А. Осиповой также исключаютъ, какъ намъ кажется, возможность утверждать, что Анна Петровна заслуживала тѣ упреки и «лицемѣрныя гоненья», которыя на нее сыпались со стороны представителей свѣта, который, по выраженію поэта, «не караетъ заблужденій, но тайны требуетъ для нихъ».

Близкая дружба Анны Петровны съ нѣжнолюбимой сестрой поэта—О. С. Пушкиной—располагала его къ ней еще болѣе, а послѣ того, какъ она приняла такое близкое и сердечное въ ней участіе при выходѣ ея за-мужъ за Н. И. Павлищева (28-го января 1828 г.), онъ чувствовалъ себя обязаннымъ ей и, по ея словамъ, «старался любезностью и вниманіемъ выразить благодарность за участіе, принимаемое мною въ столь важномъ событіи въ жизни его сестры». П. А. Осипова, пріѣзжая въ Петербургъ, одна или съ дочерьми, останавливалась у Анны Петровны; постоянныя

Алкмена, Геркулеса мать,
Съ ней въ рядъ, конечно, можетъ стать;
Но чтобъ молили и любили
Ихъ такъ усердно, какъ и Васъ,
Васъ спрятать надо имъ отъ насъ:
У нихъ Вы лавку перебили!,—

На сестру Анны Петровны онъ написалъ:

Ахъ, смерть курносая, дурацкая
Похитила тебя, о Лиза Полторацкая!

[1]) Л. Майковъ. Пушкинъ, стр. 248—9.
[2]) Пятковскій, назв. соч., стр. 129.
[3]) Бар. Дельвигъ, О. М. Сомовъ, А. Д. Илличевскій (написавшій ей посланіе—см. Майковъ, Пушкинъ, стр. 253), А. И. Подолинскій, В. Н. Щастный, Е. А. Боратынскій, А. Мицкевичъ, Д. В. Веневитиновъ, баронъ Е. Ѳ. Розенъ и др.
[4]) Переписка, т. II, стр. 60.
[5]) См. Переписку, т. II, стр. 60, 65. Онъ посвятилъ Аннѣ Петровнѣ стихотвореніе («Русск. Арх.» 1884 г., № 6, стр. 349), Въ 1829 г., 23-го февраля, Соболевскій писалъ Кирѣевскому, прося его передать Пушкину просьбу написать ему объ Аннѣ Петровнѣ («Русск. Арх.» 1906, кн. III, стр. 570). Князь Н. Н. Голицынъ сообщаетъ слѣдующую «альбомную шутку» Соболевскаго, обращенную къ Аннѣ Петровнѣ («Варш. Дневн.» 1880 г., № 159):

Чтобъ писать хвалу Вамъ сносную,
Добрый геній мнѣ шепнулъ:
Въ радугу семиполосную
Ты перо бы обмакнулъ,
Изъ Эдема взялъ-бы лилію,
Пѣснь на ней бы начертилъ
И посыпалъ легкой пылію
Съ мотылькоѣыхъ крылъ.

[1]) См. наст. изд., т. III, стр. 58. Въ первый разъ оно напечатано въ «Литературной Газетѣ» 1830 г., 2-го марта, № 13, стр. 101.
[2]) Изъ семейной хроники. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Л. Павлищева, М. 1890, стр. 170.

КОМНАТА, ВЪ КОТОРОЙ А. П. КЕРНЪ ЖИЛА ВЪ 1 30-хъ ГОДАХЪ.

сношенія съ нею поддерживали Левъ Пушкинъ [1]) и родители поэта; что касается самого Сергѣя Львовича Пушкина, то онъ, вообще нестойкій передъ женской красотой, былъ увлеченъ Анною Петровною и, при всякомъ удобномъ случаѣ, осыпалъ ее комплиментами, писалъ влюбленныя письма, «волочился» за нею, по выраженію А. В. Маркова-Виноградскаго и, желая выказать ей чувства своей симпатіи, «дарилъ ей копѣечные духи». Влюбляясь до глубокой старости, онъ, по свидѣтельству того-же лица, не устоялъ и передъ дочерью Анны Петровны и, незадолго до смерти, хотѣлъ жениться на молоденькой Екатеринѣ Ермолаевнѣ Кернъ.

Въ 1827 г. съ Кернъ познакомился молодой Никитенко. Онъ сразу увлекся ею и въ извѣстномъ дневникѣ его мы находимъ много интересныхъ свѣдѣній объ Аннѣ Петровнѣ. Увлеченіе Никитенка скоро прошло и, оставаясь высокаго мнѣнія объ умѣ Кернъ и тонкости ея чувствованій, онъ приходитъ къ такому общему о ней выводу, въ которомъ нельзя не замѣтить нѣкотораго пристрастія, вызваннаго нераздѣленнымъ чувствомъ: «Женщина эта очень тщеславна и своенравна, Первое есть плодъ лести, которую, она сама признавалась, безпрестанно расточали ея красотѣ, ея чему-то божественному, чему-то неизъяснимо въ ней прекрасному,—а второе есть плодъ перваго, соединеннаго съ небрежнымъ воспитаніемъ и безпорядочнымъ чтеніемъ» [1]).

У извѣстнаго инженернаго генерала Базена Анна Петровна въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, познакомилась съ М. И. Глинкой, который въ запискахъ своихъ упоминаетъ о ней съ симпатіей: «Я часто посѣщалъ, разсказываетъ онъ, говоря о концѣ іюня 1829 г., барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ, весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ), отправились въ четырехмѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Корчакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на телѣжкѣ. Съѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли мы въ прекрасномъ саду барона Николаи. Вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ» [2]). Объ этой поѣздкѣ Анна Петровна оставила очень любопытный разсказъ (напечатанный ею въ «Семейныхъ Вечерахъ» 1864 г.); она жила въ это лѣто съ Дельвигами на дачѣ у Крестовскаго перевоза. Знакомство съ Глинкой продолжалось въ теченіе многихъ лѣтъ и ознаменовалось тѣмъ, что знаменитый композиторъ написалъ геніальную музыку къ стихотворенію «Я помню чудное мгно-

[1]) Въ бумагахъ Анны Петровны сохранялось четверостишіе, написанное имъ въ 1832 г., въ Петербургѣ, на ея квартирѣ, и неисправно напечатанное въ журн. «Радуга» 1884 г., № 12, стр. 248:

Пріѣхавши на берегъ Невскій
Левъ Пушкинъ нынѣ былъ у Васъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и Соболевскій,—
Прождали здѣсь Васъ цѣлый часъ.

[1]) Изданіе 1893 г. т. I, стр. 225—230 и 236—237.

[2]) 1-го іюля 1829 г. (выѣхали 27-го іюня); «Русск. Стар.» 1870, т. I, изд. 3, стр. 360, и отд. изд. записокъ. Объ этой поѣздкѣ О. М. Сомовъ напечаталъ статью въ видѣ писемъ къ М. А. Максимовичу въ Москву: «Четыре дня въ Финляндіи»—въ «Сѣв. Пчелѣ» 1829 г., № 110, 111, 112, 114 и 116 и въ «Литер. Газетѣ» 1830 г., № 34, 35 и 36, при чемъ къ 35 № были приложены ноты финской пѣсни, записанной М. И. Глинкой и вошедшей потомъ въ «Руслана и Людмилу» (арія Финна).

венье» [1]) и влюбился въ дочь Анны Петровны—юную Екатерину Ермолаевну [2]), когда она, по окончаніи курса въ Смольномъ въ 1836 г., жила съ матерью, и едва на ней не женился.

Что касается Пушкина, то до насъ не дошло почти никакихъ указаній на его отношенія къ Аннѣ Петровнѣ въ эпоху ихъ одновременнаго житья въ Петербургѣ въ 1830-хъ г.г.; дороги ихъ послѣ женитьбы поэта рѣзко разошлись и встрѣчи ихъ могли быть лишь случайны. Л. Н. Майковъ (Пушкинъ, стр. 265) справедливо, впрочемъ, замѣтилъ, что «женатый Пушкинъ самъ избѣгалъ поддерживать знакомство съ особами, за которыми ухаживалъ въ прежнее время».

Сохранилась любопытная фраза Пушкина, касающаяся А. П. Кернъ,—въ письмѣ его къ женѣ, писанномъ изъ Михайловскаго 29-го сентября 1835 года; изъ письма этого видно, что А. П. Кернъ, сильно въ это время нуждавшаяся, обратилась къ литературному покровительству Пушкина и письменно просила его помочь устроить ея переводъ; Пушкинъ оказался уѣхавшимъ въ Михайловское, и жена его переслала ему записку Анны Петровны: «Ты мнѣ прислала», читаемъ въ письмѣ Пушкина, «записку отъ m-me Кернъ; дура вздумала переводить Занда и просить, чтобъ я сосводничалъ ее со Смирдинымъ. Чортъ побери ихъ обоихъ! Я поручилъ Аннѣ Николаевнѣ [Вульфъ] отвѣчать ей за меня, что если переводъ ея будетъ такъ же вѣренъ, какъ она сама вѣрный списокъ съ m-me Sand, то успѣхъ ея несомнителенъ, а что со Смирдинымъ дѣла я никакого не имѣю». Нельзя не замѣтить умышленно грубаго тона этихъ строкъ, въ которыхъ Л. Н. Майковъ видѣлъ подтвержденіе высказаннаго имъ и приведеннаго выше мнѣнія, что поэтъ самъ избѣгалъ прежнихъ своихъ пріятельницъ. Такое поведеніе Пушкина, конечно, должно было имѣть свои основанія и однимъ изъ нихъ была, несомнѣнно, ревность его жены—Натальи Николаевны. Н. О. Лернеръ («Русск. Стар.» 1905 г., № 11, стр. 423—424) привелъ цѣлый рядъ доказательствъ тому, какъ часто Пушкину приходилось успокаивать жену, оправдываться отъ обвиненій въ невѣрности, и дѣлаетъ совершенно справедливое заключеніе, что грубый отзывъ поэта о предметѣ его прежняго поклоненія вызванъ лишь подозрительностью его супруги и желаніемъ его, съ одной стороны, не огорчить любимую женщину, а съ другой, не дать повода къ новому столкновенію, уничтожить новое возможное подозрѣніе въ невѣрности: «это была вынужденная и довольно невинная хитрость» Пушкина, а вовсе не отраженіе его дѣйствительнаго взгляда.

Въ 1841 г. (8-го февраля) умеръ въ Петербургѣ мужъ Анны Петровны—Ермолай Ѳедоровичъ, и она стала свободна. Послѣдніе годы передъ этимъ были омрачены пререканіями и столкновеніями супруговъ, такъ какъ Кернъ не переставалъ настаивать на возвращеніи къ нему жены,—покинувшей его еще въ 1826 году (было, однако, время, что они жили вмѣстѣ). Анна Петровна постоянно нуждалась въ деньгахъ, живя, по выраженію Н. О. Пушкиной (1835 г.), «du jour au lendemain»; она неоднократно обращалась къ Императору Николаю за помощью; такъ, 10-го августа 1836 г. она писала въ своемъ прошеніи ему: «Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь! Отчаянное, безнадежное состояніе и жесточайшая нужда повергаютъ меня къ стопамъ В. И. В-ва; кромѣ Васъ, Государь, мнѣ некому помочь! Совершенное разореніе отца моего, надв. сов. Полторацкаго, которое вовлекло и мою всю собственность, равно отказъ мужа моего, генералъ-лейтенанта Керна, давать мнѣ законное содержаніе лишаютъ меня всѣхъ средствъ къ существованію. Я уже покушалась работою поддерживать горестную жизнь [1]), но силы мнѣ измѣнили, болѣзнь истощила остальныя средства, и мнѣ остается одна надежда—милосердное воззрѣніе В. И. В-ва на мои страданія. Я не расточила своего достоянія; это внушаетъ мнѣ смѣлость воззвать къ милосердію В. И. В-ва; Вы ли не будете снисходительны къ дочернему усердію, черезъ которое я ввержена въ нищету» [2]).

Благодаря ходатайству генералъ-адъютанта Адлерберга, Анна Петровна получила 2000 р., а Керну былъ посланъ запросъ, почему онъ отказывается содержать жену; старый генералъ отвѣчалъ Государю (13-го ноября 1836 г.) длиннымъ письмомъ [3]), въ которомъ во всемъ обвинялъ жену; онъ писалъ, что, женясь почти безъ приданаго и «имѣя одну любовь и дружбу жены въ предметѣ», онъ и не доискивался помощи тестя, «увидя же вскорѣ къ себѣ ея равнодушіе и холодность, поздно уже позналъ свое несчастіе. Она, не взирая на всѣ мои и общихъ родныхъ нашихъ убѣжденія и просьбы, оставила меня съ двумя дочерьми самовольно въ первый разъ на четыре года, разстроивъ меня совершенно сдѣланными для нея, при началѣ супружества и при неоднократныхъ потомъ возвращеніяхъ ко мнѣ въ скудномъ видѣ послѣ продолжительныхъ отлучекъ, долгами... [4]) Но я, какъ надлежало супругу, вызвалъ ее послѣ четырехлѣтней разлуки съ взрослыми дѣтьми, не вспомнивъ прошедшія непріятности, принялъ ее съ прежнею любовью, хотя она, смѣю доложить, прибыла ко мнѣ, не имѣя даже и необходимаго платья... Мое снисхожденіе не послужило къ добру: она забылась, изъявивъ мнѣ желаніе, чтобы я дѣтей опредѣлилъ на казенное содержаніе... [5]) Наконецъ, моя жена оставила меня въ другой разъ, объявивъ мнѣ, что не желаетъ со мною болѣе жить... Десять лѣтъ провелъ я въ разлукѣ съ женою моею, не имѣвъ даже никакой переписки. Въ нынѣшнемъ году, прибывъ въ столицу, я принялъ дочь мою изъ Института... Въ это время... жена моя объявила роднымъ своимъ, что она же-

---

[1]) Анна Петровна говоритъ, что она отдала Глинкѣ автографъ Пушкина, и что онъ его затерялъ...

[2]) Впослѣдствіи по мужу Шокальскую; она умерла въ Петербургѣ 6-го февраля 1904 г. См. Записки Глинки, С.-Пб. 1887, стр. 145—146, 147, 148, 151, 152—153, 155, 156, 157 158, 159, 181; Полное собраніе писемъ М. И. Глинки, Спб. 1908.

[1]) Ср. выше ея обращеніе къ Пушкину по поводу сдѣланнаго ею перевода Ж. Занд.

[2]) Моск. Отдѣл. Общ. Архива Главн. Штаба, д. 1836 г., № 931, св. 981, ч. 1, Инсп. Деп-та, 3 стола, 3 отд.

[3]) Тамъ же.

[4]) Врядъ-ли это такъ: въ письмѣ А. П. къ А. А. Бакунину отъ 25-го ноября 1852 г. она пишетъ, что мужъ «прокутилъ» ея вещей на нѣсколько тысячъ.

[5]) Екатерина и Александра Ермолаевны были приняты въ Смольный Институтъ; младшая тамъ и умерла въ 1834—1835 г.

лаетъ быть вмѣстѣ со мною и дочерью, но не съ тѣмъ, чтобы быть мнѣ женою, а дочери—матерью, а только въ обязанности гувернантки. Послѣ даннаго дочери моей воспитанія, какою можетъ быть ей моя жена гувернанткою, привыкшая къ беззаконной жизни и, осмѣливаюсь доложить,—виновница нищеты дочерняго состоянія? За всѣмъ тѣмъ, убѣждаясь просьбами дочери моей, основанными на истинной любви къ родителямъ, я неоднократно и въ прошедшихъ мѣсяцахъ, оставляя для себя даже необходимое въ житейскомъ быту, помогалъ неблагодарной женѣ, посылая ей по возможности деньги».

Керну указали, что, на основаніи закона, онъ долженъ давать женѣ приличное содержаніе, «чѣмъ самымъ и избѣгнетъ съ ея стороны справедливой на него жалобы». Но Кернъ не унимался: въ прошеніи графу А. И. Чернышеву отъ 3-го декабря 1837 г. онъ, обвиняя жену въ томъ, что она «предалась блудной жизни и, оставивъ его болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, увлеклась совершенно преступными страстями своими», умолялъ объ одной милости—«заставить ее силою закона жить совмѣстно». Дѣло было передано Министру Юстиціи, но Кернъ умеръ, не дождавшись его разрѣшенія...

А. П. КЕРНЪ

въ глубокой старости незадолго до смерти.

Анна Петровна получила послѣ мужа хорошую пенсію, но пользовалась ею недолго: 25-го іюля 1842 г. она вышла замужъ за своего троюроднаго брата Александра Васильевича Маркова-Виноградскаго [1]), который на двадцать лѣтъ былъ моложе ея [2]). Своего кузена Анна Петровна знала съ дѣтства; когда же въ апрѣлѣ 1834 г. онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и сданъ въ 1-й кадетскій корпусъ, она замѣнила ему мать (умершую въ 1837 г.), навѣщала его, брала къ себѣ въ отпускъ [3]) и постепенно увлеклась красивымъ, статнымъ и даровитымъ юношей, который, въ свою очередь, до безумія влюбился въ тетушку, еще сохранившую къ этому времени все обаяніе своей красоты. Выпущенный изъ корпуса въ 1839 г. пятымъ по успѣхамъ воспитанникомъ, онъ поступилъ въ офицерскіе классы Артиллерійскаго училища; однако, въ 1840 г., не окончивъ курса, перешелъ въ строй (въ 7-ю артилл. бригаду, стоявшую въ Лохвицѣ, Лубнахъ и Хоролѣ, куда пріѣзжала Анна Петровна), но уже 26-го апрѣля 1842 года вышелъ въ отставку подпоручикомъ; черезъ три мѣсяца состоялась его свадьба съ Анной Петровной (жившей въ имѣніи отца—Лучкѣ, около Лохвицы), съ которой онъ сошелся значительно раньше... [1]). Старикъ П. М. Полторацкій былъ страшно разгнѣванъ на дочь за ея безразсудный шагъ,—она, выйдя замужъ, лишалась значительной пенсіи послѣ Керна,—и отказалъ молодой четѣ въ поддержкѣ. Кое-какъ пробились супруги около двухъ лѣтъ, но въ 1844 году должны были отправиться на жительство въ г. Сосницу, Черниговской губерніи, гдѣ у А. В. была маленькая усадьба и нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Здѣсь они поселились съ общей теткой Ѳеодосіей Петровной Полторацкой, той самой, къ которой адресованы письма-дневникъ Анны Петровны изъ Пскова въ 1820 г.; но отношенія двухъ, когда-то восторженныхъ пріятельницъ сразу сдѣлались шероховатыми: Анна Петровна за 25 лѣтъ сильно измѣнилась и, послѣ всѣхъ пережитыхъ ею треволненій, жаждала лишь тихой пристани, а Ѳеодосія Петровна изъ экзальтированной пожилой барышни превратилась въ желчную скупую старуху, которая, неодобрительно относясь къ увлеченію своихъ племянницы и племянника, отравляла все существованіе мужа и жены, влюбленныхъ другъ въ друга. Первое время жизни въ Сосницѣ ихъ еще радовала своимъ присутствіемъ Елизавета Васильевна Маркова-Виноградская,—юная, прелестная дѣвушка, существо, одаренное прекрасною душою, но и она, вынуждаемая стѣсненными обстоятельствами, скоро уѣхала къ теткѣ и дядѣ—Татьянѣ Петровнѣ (рожд. Полторацкой) и Сергѣю Дмитріевичу Львовымъ—въ д. Митино (Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи), и 11-го января 1852 г. вышла здѣсь за мужъ за своего сосѣда—А. А. Бакунина, а черезъ годъ (5-го мая 1853 г.) умерла...

А. В. недолго и очень неудачно служилъ по выборамъ дворянства Сосницкаго уѣзда (1846—1855); къ тому-же служба эта не давала возмож-

---

[1]) Отецъ Анны Петровны—П. М. Полторацкій и мать Александра Васильевича—Дарья Петровна Маркова-Виноградская, рожд. Полторацкая, были двоюродные братъ и сестра.

[2]) Род. въ мѣст. Кричевѣ, Черниговскаго уѣзда 30-го августа 1820 г., ум. въ с. Прямухинѣ, у Бакуниныхъ, 28-го января 1878 г.; его сестра, Елизавета Васильевна (р. 1823, † 1853) была первою женою Александра Александровича Бакунина († 1908), брата эмигранта. Ихъ отецъ — подполковникъ Василій Терентьевичъ Марковъ-Виноградскій, ум. въ 1829 г.

[3]) Она жила въ Дворянской улицѣ; здѣсь у нея бывалъ и Глинка; видъ комнаты въ этой квартирѣ см. въ Альбомѣ Пушкинской юбилейной выставки въ Академіи Наукъ, Спб. 1899 и «Ист. Вѣстн.» 1899, май, стр. 513; онъ взятъ изъ Альбома А. П., пріобрѣтеннаго П. Я. Дашковымъ. Воспроизведенъ здѣсь на предыдущей стр.

[1]) Отъ этого брака Анна Петровна имѣла сына Александра Александровича (род. 22 сентября 1842 † 1879—1880, въ Москвѣ). Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Аксамитной; ихъ дочь Аглая Александровна — драматическая артистка—подъ фамиліей Дараганъ; у нея-то сохранился портретъ А. П. Кернъ, воспроизводимый при настоящей статьѣ и пожертвованный ею въ «Пушкинскій Домъ».

ности существовать безбѣдно даже въ Сосницѣ, и Марковы-Виноградскіе переселились въ Петербургъ. Здѣсь А. В. удалось получить, въ концѣ 1855 г., мѣсто домашняго учителя въ семьѣ генералъ-адъютанта князя С. А. Долгорукова, гдѣ онъ и пробылъ до октября 1857 г., [1]) когда ему отказали, несмотря на то, что онъ въ высшей степени добросовѣстно и съ любовью относился къ своимъ обязанностямъ. Оставшись въ нуждѣ, А. В. продалъ въ 1858 г. свое Сосницкое имѣнье, но вскорѣ 21-го февраля 1858 г., получилъ, благодаря старому знакомству А. П. съ М. Н. Муравьевымъ, мѣсто въ Департаментѣ Удѣловъ; назначенный въ Комитетъ для пересмотра Свода Удѣльныхъ постановленій [2]), онъ въ 1860 г. получилъ мѣсто столоначальника, а въ 1862 г.—секретаря общаго присутствія Департамента. Въ 1865 г., 20-го ноября, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго асессора и съ небольшой пенсіей. Въ 1861, 1862 и 1865 гг. онъ ѣздилъ за-границу,—одинъ разъ съ Анной Петровной, другіе разы безъ жены, которой уже трудно было совершать дальнія поѣздки; она поддерживала постоянныя сношенія со своей многочисленной родней, пріобрѣла себѣ много новыхъ друзей, а особенно сблизилась съ Николаемъ Николаевичемъ Тютчевымъ (членомъ Совѣта Департамента Удѣловъ) и его женой и свояченицей; черезъ него познакомилась она и съ поэтомъ Ѳ. И. Тютчевымъ; бывали у Анны Петровны также и И. С. Тургеневъ (1864) и П. В. Анненковъ. Жизнь Анны Петровны съ ея «Василичемъ»,—какъ называла она мужа,—была-бы вполнѣ счастлива, если-бы не постоянныя волненія за сына—талантливаго «неудачника». Любимымъ времяпрепровожденіемъ супруговъ было чтеніе—А. В. обыкновенно читалъ вслухъ,—и они прочитывали очень много; письма ихъ обоихъ къ роднымъ и дневники А. В. наполнены сужденіями и отзывами о прочитанныхъ произведеніяхъ текущей литературы и о текущихъ событіяхъ [3]). Послѣ выхода въ отставку А. В., Марковы-Виноградскіе вели странническую жизнь, переѣзжая съ мѣста на мѣсто: жили они и у родныхъ въ Тверской губерніи (1866), и въ Ковнѣ (1868), и въ Лубнахъ (1869—1874), и въ Кіевѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ (съ 5-го августа 1877 г.), откуда они ѣздили въ имѣніе Бакунинныхъ—знаменитое Прямухино; здѣсь Александръ Васильевичъ, послѣдніе годы часто и тяжело хворавшій, и скончался — 28-го января 1879 г. Послѣ похоронъ Анна Петровна была перевезена сыномъ въ Москву, но не надолго пережила своего мужа: она скончалась 27-го мая того же 1879 г., отъ паралича; погребена на кладбищѣ села Прутни, Новоторжскаго уѣзда Тверской губерніи.

Заключимъ нашъ очеркъ разсказами двухъ лицъ, знавшихъ Анну Петровну и сообщившихъ намъ о ней свои воспоминанія. Татьяна Сергѣевна Львова [1]), двоюродная сестра ея, писала намъ: «Анна Петровна была чрезвычайно ласкова, кротка, читала много или, скорѣе, ей читали вслухъ. Мужъ ея окружалъ ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ, готовъ былъ на всякій трудъ, чтобы ей доставить желаемое [2]). Видала я у нихъ ея портретъ въ молодости, но на этомъ портретѣ она была представлена довольно полной,—этого-же ничего не было; но я всегда слыхала отъ тѣхъ, которые знали ее прежде, что она была очень привлекательна». Т. С. передала намъ еще одинъ разсказъ, слышанный ею отъ самой Анны Петровны: послѣдняя незадолго, можетъ быть, даже наканунѣ дуэли, встрѣтилась съ Пушкинымъ гдѣ-то на балу и спросила его: «Pourquoi êtes-vous si mal disposé»? на что онъ ей отвѣтилъ: «Je n'aime pas qu'on mange dans mon assiette».

Воспоминанія другого лица, артиста Имп. Московскаго Малаго Театра, Осипа Андреевича Правдина, — подтверждаютъ, что «Анна Петровна до самой смерти осталась человѣкомъ съ «ангельской душой» и, несмотря на то, что была лѣтъ на 20 старше своего мужа, они прожили всю жизнь въ полнѣйшемъ согласіи и до гроба любили другъ друга; но они любопытны, главнымъ образомъ, тѣмъ, что разбиваютъ утвердившуюся, съ легкой руки П. И. Бартенева, легенду, правда, очень поэтическую, о томъ, будто бы «гробъ ея повстрѣчался съ памятникомъ Пушкина, который ввозили въ Москву [3]). Въ 1878 году, разсказываетъ О. А. Правдинъ, Анна Петровна жила, съ семьей нѣкіихъ Семевскихъ, «на Тверской-Ямской, по той сторонѣ, гдѣ церковь св. Василія Кесарійскаго, у самой Тверской заставы, на углу Кузнечнаго переулка,—жила и умерла въ комнатѣ 3-го этажа. Есть люди, утверждающіе,

---

[1]) Въ февралѣ этого года Аннѣ Петровнѣ суждено было быть на похоронахъ М. И. Глинки, подобно тому, какъ двадцать лѣтъ передъ этимъ она присутствовала на панихидахъ и выносѣ Пушкина...

[2]) Сообщеніемъ свѣдѣній о службѣ А. В. Маркова-Виноградскаго по Удѣльному Вѣдомству мы обязаны любезности А. А. Сиверса.

[3]) См. любопытный дневникъ письма А. П. къ С. Н. Цвѣту (1861 г.), напечатанныя Б. Л. Модзалевскимъ въ «Минувшихъ Годахъ» 1908 г., № 10, стр. 49—69.

[1]) Она умерла 3-го августа 1903 г., 81 года.

[2]) В. Д. Р—въ (Рокотовъ) въ жур. «Сѣверъ» 1892 г. (№81), напечаталъ статейку свою объ А. П. Кернъ, въ которой старается представить въ непривлекательномъ свѣтѣ нѣжныя отношенія супруговъ и самое Анну Петровну—тогда уже старушку 70 лѣтъ. Какъ справедливо замѣчаетъ В. А. Тихоновъ, напечатавшій эту статью въ «Историч. Вѣстн.» 1899 г., май, стр. 610—617, сужденія г. Рокотова очень поверхностны и обвиненія его незаслуженны. Въ его воспоминаніяхъ любопытенъ лишь разсказъ о пріѣздѣ въ Ковно Ѳ. П. Коммиссаржевскаго и о томъ, какъ онъ однажды, узнавъ, что А. П.—та самая женщина, которой Пушкинъ посвятилъ «Я помню чудное мгновенье», спѣлъ его съ музыкой Глинки, и какъ приняла это Анна Петровна: «Симпатичный его (Коммиссаржевскаго) голосъ, умѣнье фразировать и красивая наружность подѣйствовали на старушку такъ, что она совсѣмъ преобразилась: она вся затряслась, щеки вспыхнули неестественнымъ для ея лѣтъ румянцемъ, и даже потухшіе, безжизненные глаза заблестѣли. По окончаніи романса, она бросилась нѣвцу на шею и громко разрыдалась».—Этотъ же разсказъ, но пріуроченный къ 1860 году и въ беллетристической формѣ напечатанъ г. Тихоновымъ въ Сборникѣ «Привѣтъ», изданномъ въ Пользу Васильеостр. женск. гимн., С.П.Б. 1898, стр. 68—72. Столь-же неблагожелателенъ и близорукъ и отзывъ П. А. Ефремова. Соч. Пушкина, т. VIII, стр. 301—302.

[3]) «Русск. Арх.» 1884 г, № 6, стр. 349; Л. Майковъ, Пушкинъ, стр. 265; В. А. Тихоновъ, Ист. Вѣст. 1899 г., май, стр. 611—617.

МОГИЛА А. П. КЕРНЪ.

НА КЛАДБИЩѢ С. ПРУТНЦ, НОВОТОРЖСКАГО УѢЗДА, ТВЕРСКОЙ ГУБ.

По фотографіи, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому, воспроизводится здѣсь впервые.

что она умерла въ бѣдности,—это неправда: въ моментъ, который я описываю, Виноградскіе жили хотя и не роскошно, но ни въ чемъ не нуждались. Старушку. по возможности, холили и оберегали. Жена моя, Марія Николаевна, знавшая знаменитое прошлое Анны Петровны, и какую она играла роль въ жизни нашего великаго поэта, очень заинтересовалась старушкой, и въ одинъ прекрасный день ее представили ей. Анна Петровна была очень любезна и внимательна, много говорила, конечно, вспоминала и Пушкина и Дельвига...; она принимала довольно часто мою жену, бесѣдовала съ ней, довольно долго вспоминала, какъ въ Полтаву пріѣзжалъ Имп. Александръ, танцовалъ съ ней на балу и спросилъ: «Vous habitez toujours Poltava?—Non, Sir, j'habite Loubny! Ah! Comme c'est beau là-bas! Venez, donc, sir, voir Loubny». Императоръ обѣщалъ пріѣхать въ Лубны. Передавая этотъ разсказъ не безъ юмора, она блаженно улыбалась, уносясь мыслями въ далекое прошлое... Я совершенно отчетливо вспоминаю теперь то впечатлѣніе, которое охватило меня, когда я увидѣлъ ее въ первый разъ. Конечно, я не ожидалъ встрѣтить тотъ образъ красавицы Кернъ, къ которой нашъ великій поэтъ обращалъ слова «Я помню чудное мгновенье», но, признаюсь, надѣялся увидѣть хотя тѣнь прошлой красоты, хотя намекъ на то, что было когда-то... И что-же? Передо мной въ полутемной комнатѣ, въ старомъ вольтеровскомъ креслѣ, повернутомъ спиной къ окну, сидѣла маленькая-маленькая, сморщенная, какъ печеное яблочко, древняя старушка въ черной кофейкѣ, бѣломъ гофренномъ чепцѣ, съ маленькимъ личикомъ, и развѣ только пара большихъ, нѣсколько моложавыхъ для своихъ 80-ти лѣтъ, глазъ, немного напоминали о быломъ, давно прошедшемъ [1]). Я былъ настолько удрученъ тѣмъ, что увидѣлъ, что, когда меня представили, не нашелся даже о чемъ заговорить, ограничился двумя-тремя фразами о ея здоровьѣ, простился и ушелъ... Передо мной сидѣлъ точно не живой человѣкъ, и прощаніе мое было скорѣе съ существомъ, принадлежавшимъ уже другому міру... Теперь скажу о той легендѣ, которая ходила и ходитъ по Москвѣ и даже попала въ Энциклопедическій Словарь Брокгауза, а затѣмъ уже выросла до гиперболическихъ размѣровъ. На моихъ же глазахъ былъ всего только простой случай, который и далъ поводъ къ дальнѣйшимъ преувеличиваніямъ. Дѣло было такъ: года за два [2]) до смерти Анна Петровна сильно захворала, такъ что за ней усилили уходъ и оберегали отъ всего что могло бы ее встревожить. Это было, кажется въ маѣ. Былъ очень жаркій день, всѣ окна были настежь. Я шелъ къ Виноградскимъ. Дойдя до ихъ дома, я былъ пораженъ необычайно-шумливой толпой, собравшейся на Тверской-Ямской, какъ разъ передъ окнами дома, въ которомъ жили Виноградскіе; толпа кричала, ругалась, гикала, бѣсно

[1]) Ср. портретъ А. П. въ «Альбомѣ Пушкинской Юбилейной выставки въ Академіи Наукъ», СПБ. 1899. Воспроизведенъ выше.

[2]) Полагаю, что меньше. Б. М.

валась, но ничто не помогало; 16 крѣпкихъ битюговъ, запряженныхъ по четыре въ рядъ, цугомъ, везли какую-то колесную платформу, на которой была помѣщена громадная, необычайной величины, гранитная глыба, которая застряла и не двигалась. Эта глыба была гранитный пьедесталъ памятника Пушкина. Наконецъ, среди шума и гама, удалось таки сдвинуть колесницу,—и она направилась къ Страстному. Я поднялся къ Виноградскимъ. Оказалось, что скандалъ на улицѣ начался часовъ въ 9—10 утра, всѣ жильцы всполошились, предполагая, что въ домѣ пожаръ. Больная также встревожилась, стала разспрашивать, и когда, послѣ настойчивыхъ ея требованій (ее боялись взволновать), ей сказали, въ чемъ дѣло, «она успокоилась, облегченно вздохнула и сказала съ блаженной улыбкой: «А наконецъ-то! Ну, слава Богу, давно пора!..» До самой смерти Анна Петровна интересовалась ходомъ постройки и охотно слушала все, что ей объ этомъ разсказывали».

Смерть Анны Петровны прошла незамѣченной, и только черезъ годъ, по случаю торжествъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкина въ Москвѣ, о ней вспомнили, и періодическія изданія помѣстили ея краткіе некрологи [1]); статья г. К. Б. въ «Недѣлѣ» («Вдохновительница Пушкина») содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, показывающія что авторъ близко былъ знакомъ съ Марковыми-Виноградскими. Заключая статью свою и говоря о переѣздѣ Анны Петровны съ мужемъ въ Лубны, г. К. Б. пишетъ, что «въ жизни этого городка Марковы-Виноградскіе представляли рѣдкое явленіе: они жили меньше для себя, чѣмъ для другихъ: людское горе, несчастье у нихъ могли встрѣтить сочувствіе и посильную помощь, учили грамотѣ дѣвочекъ, дочерей бѣдныхъ родителей; по ихъ иниціативѣ въ Лубнахъ устроено ссудосберегательное товарищество, Лубенская Публичная Библіотека имѣла ихъ чуть не единственными абонентами; все свѣжее, честное, появлявшееся въ литературѣ, встрѣчало съ ихъ стороны теплый привѣтъ и искреннее сочувствіе. Всесторонне образованная, чуть не наизусть знавшая всѣхъ европейскихъ классиковъ, Анна Петровна до послѣднихъ дней жила мыслящей, живой жизнью. «Я потому не отстала отъ жизни, говорила она, что родилась вмѣстѣ съ вѣкомъ». Князь Н. Н. Голицынъ, говоря, что въ послѣдніе годы жизни Анна Петровна испытывала иногда нужду, которая заставляла ее продавать даже автографы Пушкина, Дельвига и др. [1]), такъ заключаетъ написанный имъ некрологъ: «Теперь уже смолкли печаль и слезы, и любящее сердце перестало уже страдать. Помянемъ покойную сердечнымъ словомъ, какъ вдохновлявшую генія—поэта, какъ давшую ему столько «чудныхъ мгновеній». Она много любила, и лучшіе наши таланты были у ногъ ея. Сохранимъ же этому «генію чистой красоты» благодарную память за предѣлами его земной жизни».

Б. Модзалевскій.

---

[1]) «Русскій Курьеръ» 1880 г., 17-го іюля, № 192; «Берегъ», 20-го іюля, № 117; «Варшавскій Дневникъ» 25-го іюля, № 159 (статья князя Н. Н. Голицына, бывшаго въ перепискѣ съ Анной Петровной); «Недѣля», № 34, ст. 1089—1091 (статья К. Б.).

[1]) Письма Пушкина были, въ 1870 г., пріобрѣтены у Анны Петровны М. П. Семевскимъ по 5 р. за каждое. Альбомъ А. П. пріобрѣтенъ былъ, черезъ П. А. Ефремова, П. Я. Дашковымъ, равно какъ и письма къ ней Н. О. и Л. С. Пушкиныхъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1826 ГОДА.

475. СЪ ТОБОЙ МНѢ ВНОВЬ СЧИТАТЬСЯ ДОВЕЛОСЬ...

(т. II, стр. 403).

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ И. Е. Великопольскому, отъ 3 іюня 1826 г., изъ Преображенскаго, впервые напечатанное въ «Русс. Архивѣ» 1884 г., I, 468, и перепечатанное въ сборникѣ «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 136—137; подлинникъ находится у П. И. Бартенева. За послѣднимъ стихомъ: «Сейчасъ, мой другъ, узнаешь почему»... слѣдуетъ «прозаическое» объясненіе: «сдѣлайте одолженіе, пятьсотъ рублей, которые вы мнѣ должны, возвратить не мнѣ, но Гаврилу Петровичу Назимову, чѣмъ очень обяжете преданнаго вамъ душевно Александра Пушкина».

Иванъ Ермолаевичъ Великопольскій род. 27 декабря 1797 г. въ старинной и богатой дворянской семьѣ, недолго учился въ казанскомъ университетѣ и, пройдя «положенный студентскому ученію курсъ», поступилъ въ 1815 г. прапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Страсть къ писательству, проявившаяся еще въ дѣтствѣ, сблизила Великопольскаго съ литературными кругами; съ 1818 г. онъ сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Весьма возможно, что къ этому времени относится и знакомство его съ Пушкинымъ, который, замѣтимъ кстати, тоже числился членомъ этого общества (см. «Русс. Стар.» 1899 г., май, 472). Великопольскій не былъ талантливымъ человѣкомъ, но и бездарностью назвать его нельзя; въ молодости онъ съ особеннымъ увлеченіемъ писалъ стихи, и ему легко давались всевозможные роды и формы—элегіи, посланія, альбомныя посвященія, мадригалы, тріолеты, bouts-rimés, «русскія» пѣсни, басни, эпитафіи, шарады, загадки. Онъ былъ въ дружбѣ съ П. И. Пущинымъ и Дельвигомъ—лучшими друзьями Пушкина, которымъ писалъ посланія; бранилъ въ эпиграммахъ Булгарина. Въ числѣ его стихотвореній есть довольно слабое подражаніе пушкинскому «Демону» («Къ грусти» или «Мой демонъ»). Возмущеніе Семеновскаго полка въ 1820 г., вызвавшее раскассировку семеновцевъ, отозвалось и на Великопольскомъ, который былъ переведенъ, однако, съ обычнымъ при переводѣ изъ гвардіи въ армію повышеніемъ, штабсъ-капитаномъ въ армейскую пѣхоту и до выхода въ отставку, въ 1827 г., прослужилъ сначала въ Старооингерманландскомъ пѣхотномъ полку, стоявшемъ въ Псковѣ и его окрестностяхъ, а потомъ въ Псковскомъ пѣхотномъ полку; однако, связей съ журналистикой онъ не порвалъ и печаталъ свои стихи въ «Благонамѣренномъ», «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», «Календарѣ Музъ». Здѣсь, въ Псковской губерніи, онъ встрѣтился съ Пушкинымъ; быть можетъ, онъ даже заѣзжалъ въ Михайловское; у него самого было родовое имѣніе въ Псковской губерніи. Вѣроятно, они встрѣтились въ Псковѣ, куда Пушкинъ пріѣзжалъ въ концѣ сентября 1825 г. Первый слѣдъ ихъ отношеній—письмо къ нему Пушкина 10 марта 1826 г. «Не знаю,—писалъ Пушкинъ,—соберусь ли я снова къ вамъ во Псковъ; вы не совершенно отнимаете у меня надежду васъ увидѣть въ моей глуши»... Въ концѣ мая Пушкинъ опять пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Псковъ и здѣсь-то, надо думать, и выигралъ въ штоссъ у Великопольскаго 500 руб., которые остались за проигравшимъ въ долгу. Но черезъ нѣсколько дней фортуна повернулась къ Пушкину спиною, и при встрѣчѣ съ Г. П. Назимовымъ на станціи Преображенское онъ, въ свою очередь, проигрался, и ему пришлось вмѣсто наличныхъ денегъ дать своему счастливому партнеру приведенное письмо на имя Великопольскаго. Стихъ: «Съ тобой мнѣ вновь считаться довелось»... указываетъ, что пріятели сходились на зеленомъ полѣ уже не въ первый разъ. Напоминаніе ли о денежномъ долгѣ задѣло Великопольскаго, обидѣлся ли онъ отзывомъ Пушкина о его дарованіи, который могъ показаться ему пренебрежительнымъ («играешь ты на лирѣ очень мило»), вскипѣло ли самолюбіе игрока, или и то, и другое, и третье вмѣстѣ, но онъ, получивъ это письмо, переданное, должно быть, самимъ Назимовымъ, немедленно (12 іюня) написалъ «Посланіе къ А. С. Пушкину» (впослѣдствіи, въ печати онъ озаглавилъ его: «Посланіе въ отвѣтъ на полученную записку въ стихахъ»):

Въ умахъ людей, какъ прежде, царствуй,
Храни священный огнь души,
Какъ можно менѣе мытарствуй,
Какъ можно болѣе пиши,
А за посланье—благодарствуй!
Не правъ ли я, пріятель мой,
Не говорилъ-ли я заранѣ:
Не сдоброватъ тебѣ съ игрой,
И есть дыра въ твоемъ карманѣ!
Поэтъ! Ты честь родной странѣ,
Но,—смѣлый всадникъ на Пегасѣ,—
Ты такъ же пылокъ въ сукнѣ,
Какъ ты заносчивъ на Парнасѣ!
Конечно (къ слову то нейдетъ),
Съ тобою тамъ никто не равенъ:
Ты тамъ могучъ, великъ и славенъ,
Передъ тобою все падетъ,
Тебя привѣтствуетъ и нѣжитъ,—
Но, другъ, въ игрѣ не тотъ разсчетъ:
Иной пяти не перечтетъ,
А вмигъ писателя подрѣжетъ...
Въ стихахъ ты—только, что не святъ,
Но счастье—лживая монета,
И когти длинные поэта
Отъ бѣдъ игры не защитятъ!
Надменно плавая по небу,

Во многомъ ты подобенъ Фебу,
Но я боюсь, чтобъ и во всемъ
Ты не пошелъ его путемъ:
Нѣтъ у тебя ни въ чемъ завѣта,
И берегись, чтобъ и тебѣ,
Подобно горестной судьбѣ
Вождя блистательнаго свѣта
(Слова не сбудутся, авось!),
Подъ-часъ сойти бы не пришлось
Къ стадамъ блуждающимъ Адмета!

Вмѣсто «А вмигъ писателя подрѣжетъ»... первоначально было сказано: «А вмигъ и Пушкина»... «Когти длинные»—намекъ на извѣстную привычку Пушкина щеголять длинными ногтями. Къ 1826 же году относится (1 сентября) злобная эпиграмма, озаглавленная «Аристъ-поэтъ» и, несомнѣнно, направленная противъ Пушкина:

Аристъ - негодный человѣкъ,
Не связанъ ни родствомъ, ни дружбой:
Отцомъ покинутъ, брошенъ службой,
Провелъ безъ совѣсти свой вѣкъ;
Его исправить трудъ напрасенъ,
Зато кричитъ о немъ весь свѣтъ:
Вотъ онъ-то истинный поэтъ,
И каждый стихъ его прекрасенъ.
И точно: вѣрь или не вѣрь,—
Не правда ли (сказать межъ нами)?
На всю поэзію теперь
Другими взглянемъ мы глазами!

Варіантъ перваго стиха- «Мытаринъ скверный человѣкъ»... сближается съ стихомъ предыдущей эпиграммы—«Какъ можно менѣе мытарствуй»... Очевидно, «мытарствомъ» Великопольскій называлъ требованіе карточнаго долга.

Пушкинъ по обыкновенію не остался въ долгу и черезъ два года нашелъ случай отплатить Великопольскому на его злобную эпиграмму посланіемъ: «Такъ элегическую лиру»... (см. ниже, № 524). Посланіе Пушкина вызвало новый отвѣтъ Великопольскаго и столкновеніе между ними (подробности см. въ примѣчаніяхъ къ № 524); но, повидимому, эта ссора длилась недолго; въ 1828—1829 гг. Великопольскій читалъ одну свою полемическую статью Пушкину, который, прослушавъ ее, посовѣтовалъ «Непремѣнно напечатать». Весьма вѣроятно, что эпиграмма «Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Горацій»... (см. ниже, № 582) написана Пушкинымъ на Великопольскаго. Въ посланіи Н. Н. (при посылкѣ ей Невскаго Альманаха») Пушкинъ насмѣшливо упомянулъ и Великопольскаго: «Вы тутъ найдете Полевова, Великопольскаго, Хвостова»... («Невск. Альман.» на 1826 г.). Впослѣдствіи Великопольскій, говорятъ, не любилъ вспоминать о Пушкинѣ.

Безтактныя выходки Великопольскаго противъ Пушкина находятъ себѣ объясненіе и нѣкоторое оправданіе въ уязвленномъ самолюбіи неудачнаго игрока и посредственнаго стихотворца. Но общій обликъ Великопольскаго былъ чрезвычайно симпатиченъ. Это былъ человѣкъ идеально честный, безконечно добрый и широкая душа. По поводу праздниковъ, которые онъ задавалъ, Константинъ Аксаковъ, видѣвшій во всемъ «національную субстанцію», восклицалъ: «Не выражается ли въ этомъ широкая, размашистая славянская натура»... Не въ однихъ кутежахъ, балахъ и карточной игрѣ сказывался, однако, этотъ размахъ, но въ щедрой благотворительности и въ готовности всякому услужить и помочь. Такъ, узнавъ однажды, что Бѣлинскій нуждается, Великопольскій самъ предложилъ ему денегъ. Въ другой разъ, когда Гоголя стали тѣснить долги, и его друзья собирали для него деньги, Великопольскій далъ тысячу рублей. То онъ давалъ для нецзвѣстнаго ему Шафарика нѣсколько сотъ рублей, то хлопоталъ, чтобы выручить изъ крѣпостной зависимости поэта-крестьянина Слѣпушкина (объ этомъ упоминается въ письмѣ Пушкина къ Великопольскому 10 марта 1826 г.). Когда цензоръ, пропустившій его драму, которую министръ призналъ затѣмъ «безнравственной», за это былъ удаленъ отъ службы, Великопольскій поспѣшилъ предложить ему три тысячи. Благотворилъ онъ не только отъ избытка, но и тогда, когда его средства были вовсе не блестящи, и его сердце никогда не справлялось съ кошелькомъ. Дѣтски-непрактичный, хотя настойчивый и упорный, онъ имѣлъ слабость считать себя великимъ практикомъ и пустился въ разныя предпріятія, которымъ бюрократическая опека, обывательская косность и тому подобныя обстоятельства русской дѣйствительности поставили непреодолимыя препятствія. Великопольскій обнищалъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти бывшій богачъ обратился къ публикѣ съ трогательнымъ воззваніемъ, напоминающимъ знаменитое газетное объявленіе Макса Штирнера («Я поставленъ въ необходимость принять взаймы 600 талеровъ»...). Великопольскій просилъ у читателей поддержки своему погибающему крупному промышленному предпріятію, на которое потратилъ много денегъ и трудовъ, не скрывая своей горькой нужды, грозящей «позоромъ и крайними лишеніями, а при душевномъ состояніи жены, долженствующей быть изгнанной изъ единственнаго своего убѣжища, еще и болѣе ужасными послѣдствіями»; предлагалъ, для приданія просьбѣ «сколько возможно благовидности и для отстраненія отъ нея характера унижающаго», подписаться «поспѣшно» на двѣ его брошюры: «Чудо Перуна» и «27 басенъ и сказокъ», по полтора рубля за каждую!...

И. Е. Великопольскому и его литературной дѣятельности посвящена монографія Б. Л. Модзалевскаго «И. Е. Великопольскій». (1797—1868) - сборн. «Памяти Л. Н. Майкова», Спб., 1902, стр. 335—446 и отд. отт.; «Изъ архива И. Е. Великопольскаго»—«Русск. Стар.» 1901 г. и отд. отт.; «Пушкинъ и Великопольскій» въ «Русск. Арх.» 1884 г. и сборн. «Къ біографіи А. С. Пушкина», вып. II, М., 1885, стр. 131—137; Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго, изд. Венгерова, VI, 158—159, 575—579.

Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній Великопольскаго извѣстны «Къ Эрасту» (Сатира на игроковъ») М., 1828; «Сюрпризъ, опера-интермелія-водевиль въ стихахъ», М., 1830; «Московскія минеральныя воды», повѣсть въ стихахъ, М., 1831; «Владиміръ Вонской», трагедія, М., 1837; «Любовь и честь», драма, Спб., 1841; «Янетерской», трагедія, Спб., 1841; «Память Бородинской битвы, сельская картина 1839 года», Спб., 1848; «Опытъ оправданія пьесы Память Бородинской битвы», Спб, 1848; «Русское чувство, драматическая фантазія», Спб., 1854; «Раскрытый портфель: выдержки изъ «сшитыхъ тетрадей» автора, не желающаго объявлять своего имени. Первый отдѣльный выпускъ. Изданіе «Любителя», Спб., 1859; «Мечта и дѣйствительность. фантастическая драма въ 5 дѣйствіяхъ», Спб., 1865.

476. ВОТЪ, ЗИНА, ВАМЪ СОВѢТЪ...

(т. II, стр. 403).

Пьеса сохранилась въ копіи, списанной П. А. Осиповой, въ ея альбомѣ, нынѣ принадлежащемъ княгинѣ А. А. Хованской, гдѣ подписана: «А. Пушкинъ» и снабжена помѣтой: «1-го іюля 1826». Впервые напечаталъ ее П. В. Анненковъ въ VII, дополнительномъ, томѣ своего изданія сочиненій Пушкина, стр. 92, съ помѣтой не только хронологической, но и мѣстной: «Зуёво», и съ примѣчаніемъ: «стихотвореніе, сообщенное намъ А. Н. Вульфомъ, относится къ одной изъ молодыхъ обитательницъ Тригорскаго, прозванной «Зиной» и отличавшейся тѣмъ, что она ненавидѣла мадригальные стихи и весьма мало отвѣчала на любезности своихъ собесѣдниковъ. Подпись стихотворенія важна тѣмъ, что впервые является тутъ народное прозваніе Михайловскаго—Зуёво, бывшее доселѣ неизвѣстнымъ біографамъ Пушкина». Такъ называлъ его не только самъ Пушкинъ, но, между прочимъ, и шуринъ Пушкина Н. И. Павлищевъ (см. письмо его къ Пушкину, 11 іюля 1836 г.) и мать поэта (Л. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», стр. 123).

«Зина»—Евпраксія Вульфъ; домашніе передѣлали ея имя на французскій ладъ въ Euphrosine, откуда получились уменьшительныя имена—Зина и Зизи. Евпраксія Николаевна Вульфъ родилась 12 октября 1809 г. отъ перваго брака Прасковьи Александровны Вындомской (по второму мужу—Осиповой) съ Никол. Иван. Вульфомъ; ей приходились родными братомъ и сестрой Алексѣй Николаевичъ (о немъ см. выше, прим. къ № 387) и Анна Николаевна Вульфъ (о ней см. выше, № 433). Извѣстно, какъ любилъ Пушкинъ семью Осиповыхъ и Вульфъ, какими теплыми и нѣжными строфами въ «Онѣгинѣ» (см. выше, стр. 324—325) онъ отплатилъ имъ за ихъ дружбу, давшую столько отрады ссыльному поэту, запертому на два года въ «забытой глуши». Евпраксія Николаевна была однимъ изъ младшихъ членовъ этой семьи; Пушкинъ засталъ ее въ Михайловскомъ пятнадцатилѣтней барышней-подросткомъ. Поэтъ довольно легкомысленно ухаживалъ тогда за ея старшей сестрой Анной, относившейся къ нему, судя по ея письмамъ, гораздо серьезнѣе, чѣмъ онъ къ ней, но не оставлялъ безъ вниманія и младшую сестру. «Съ живописной площадки одного изъ горныхъ выступовъ, на которомъ расположено было Тригорское, — разсказываетъ Анненковъ («П—нъ въ Александровскую эпоху», 279—281),—много глазъ устремлялось на дорогу въ Михайловское, видную съ этого пункта, и много сердецъ билось трепетно, когда по ней, огибая извивы Сороти, показывался Пушкинъ или пѣшкомъ, въ шляпѣ съ большими полями и съ толстой палкой въ рукѣ, или верхомъ... Анна и Евпраксія Вульфъ составляли два противоположные типа, отраженіе которыхъ въ Татьянѣ и Ольгѣ «Онѣгина» не подлежитъ сомнѣнію, хотя послѣдніе уже не носятъ на себѣ, по дѣйствію творческой силы, ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры, а возведены въ общіе типы русскихъ женщинъ той эпохи. По отношенію къ Пушкину Анна Николаевна представляла, какъ и Татьяна по отношенію къ Онѣгину, полное самоотверженіе и привязанность, которыя ни отъ чего устать и ослабѣть не могли, между тѣмъ, какъ сестра ея, воздушная Евпраксія, какъ отзывался о ней самъ поэтъ, представляла другой типъ. Она пользовалась жизнью очень просто, повидимому, ничего не искала въ ней, кромѣ минутныхъ удовольствій, и постоянно отворачивалась отъ романтическихъ ухаживаній за собой и комплиментовъ, словно ждала чего-либо болѣе серьезнаго и дѣльнаго отъ судьбы. Многіе называли кокетствомъ всѣ эти пріемы, но кокетство или нѣтъ—манера, во всякомъ случаѣ, была замѣчательно умнаго свойства. Евпраксія Николаевна была душой веселаго общества, собиравшагося по временамъ въ Тригорскомъ; она играла передъ нимъ аріи Россини, мастерски варила жженку и являлась первая во всѣхъ предпріятіяхъ по части удовольствій... Вышло то, что обыкновенно выходитъ въ такихъ случаяхъ... равнодушію оставалась лучшая доля постояннаго вниманія, неизмѣнной ласки, тонкаго и льстиваго ухаживанья. Одно время полагали, что Пушкинъ неравнодушенъ къ Евпраксіи Николаевнѣ. Когда въ годъ женитьбы поэта его молодая жена въ письмѣ къ Аннѣ Николаевнѣ намекнула на былыя отношенія Пушкина къ ея младшей сестрѣ, Анна Николаевна съ чрезвычайной деликатностью и тонкостью отклонила вопросъ и успокоила самолюбивую красавицу, ревновавшую мужа къ его прошлому (Анненковъ, ор. с., 280—281). Внесенный Пушкинымъ въ Альбомъ Ушаковыхъ «Донжуанскій списокъ» рядомъ со многими другими женскими именами хранитъ и имя Евпраксіи.

Отношенія поэта къ Зинѣ, которая была десятью годами моложе его, сразу приняли дружескій характеръ, и поэтъ слегка подтрунивалъ надъ подросткомъ, которому хотѣлось казаться взрослымъ человѣкомъ. Брату, «пустельгѣ Левушкѣ», онъ писалъ въ ноябрѣ 1824 г., вскорѣ по водвореніи въ Михайловскомъ: «Евпраксія уморительно смѣшна; я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма». Недѣлями тремя раньше онъ писалъ ему, что «на дняхъ мѣрялся поясомъ съ Евпраксіей, и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдственно, изъ двухъ одно: или я имѣю талію 15-лѣтней дѣвушки, или она—талію 25-лѣтняго мужчины. Евпраксія дуется и очень мила»... Этой таліи Пушкинъ сдѣлалъ комплиментъ въ «Онѣгинѣ» (гл. 5, строфа XXXII), гдѣ, описывая именинный ужинъ у Лариныхъ, упомянулъ «строй рюмокъ, узкихъ, длинныхъ, подобныхъ таліи твоей, Зизи, кристалль души моей, предметъ стиховъ моихъ невинныхъ, любви приманчивый фіалъ, ты, отъ кого я пьянъ бывалъ!».. Стихи, которые ей Пушкинъ писалъ, въ любовномъ смыслѣ были дѣйствительно вполнѣ невинны: «Если жизнь тебя обманетъ»... (см. выше, № 438) и разсматриваемая пьеска, написанная, вѣроятно, по случаю уничтоженія избалованной молоденькой побѣдительницей сердецъ какого-нибудь мадригала. Языковъ называлъ ее за умѣнье варить жженку—«наша Геба» (см. выше, примѣч. къ № 389) и впослѣдствіи, въ 1845 г., вспомнилъ («Къ баронессѣ Е. Н. В.»—«Русс. Бесѣда» 1859 г., V, изящн. словесн., стр. 3—4, и «П—нъ и его соврем.», I, 120—122; см. также «П. и его соврем.», VI, 43—44), какъ Евпраксія Николаевна въ Тригорскомъ, бывало, угощала «двоихъ пѣвцовъ,—и былъ одинъ изъ нихъ самъ Пушкинъ (въ оны дни опальный пѣвецъ свободы), а другой... Другой былъ я... Какъ хорошо тогда мы жили! Какой огонь намъ въ душу лили стаканы жженки ромовой! Ее вы сами сочиняли: сладка была она, хмельна; ее вы сами разливали,—и го-

рячо пилась она! Стаканы быстро подымались къ веселымъ юношей устамъ и звонко, звонко цѣловались, сто разъ звеня привѣты вамъ!»... 24 января 1828 г. въ письмѣ къ ея матери Пушкинъ спрашивалъ: «какъ понравилось m-lle Евпраксіи ея пребываніе въ Торжкѣ и много ли одержала она тамъ побѣдъ?» Въ слѣдующемъ письмѣ къ П. А. Осиповой, въ мартѣ, Пушкинъ благодарилъ Евпраксію «за лаконическій отвѣтъ, который она удостоила дать на мой вопросъ» (вѣроятно, о сердечныхъ побѣдахъ въ Торжкѣ), и при этомъ послалъ ей экземпляръ IV и V главъ «Онѣгина» съ надписью: «Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ отъ автора: Твоя отъ твоихъ» (М. И. Семевскій, «Къ біографіи Пушкина»—«Русс. Вѣстн. 1869 г., т. 84, № 11, стр. 71). «Твоя отъ твоихъ», вѣроятно, намекало на связь личности Евпраксіи Николаевны съ образомъ Ольги Ларіной; «любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень»,—говоритъ объ «Онѣгинѣ» ея братъ А. Н. Вульфъ въ своемъ дневникѣ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», стр. 199); см. также «Пушкинъ и его современники», I, 13, примѣч. Въ слѣдующемъ году (16 октября 1829 г.) Пушкинъ писалъ А. Н. Вульфу изъ Малинниковъ, что «Евпраксія Николаевна отправилась въ Старицу посмотрѣть новыхъ улановъ»... 8 іюля 1831 г. Евпраксія Николаевна вышла замужъ за барона Бор. Александр. Вревскаго (1805—1888 гг.), владѣльца сельца Голубова, вблизи Тригорскаго и Михайловскаго. Узнавъ объ ея помолвкѣ, Пушкинъ писалъ ея матери (29 іюня 1831 г.): «желаю m-elle Евпраксіи всякаго счастья, какое доступно намъ на землѣ, и котораго вполнѣ достойно такое благородное, такое милое существо». Черезъ четыре года Пушкинъ, заѣхавъ въ Михайловское, побывалъ у Вревскихъ и писалъ женѣ (21 сентября 1835 г.): «Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста, какъ Меѳодій, нашъ псковскій архіерей». Попавъ опять въ псковскіе края въ слѣдующемъ году, Пушкинъ послалъ Языкову (14 апрѣля 1836 г.) «поклонъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны, нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ—дебелой жены, въ пятый разъ уже брюхатой»... Со всей семьей Пушкиныхъ Вревскіе были всегда въ добрыхъ отношеніяхъ и въ перепискѣ; особенно дружна была Евпраксія Николаевна съ сестрой Пушкина (Л. Н. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 72, 301, 341, 420). Незадолго до кончины Пушкинъ часто навѣщалъ Вревскую, бывшую тогда въ Петербургѣ, и разговаривалъ съ нею о Михайловскомъ, куда хотѣлъ переѣхать на лѣто съ семьею («П. и его современники», VIII, 54); одно время онъ даже собирался купить близъ Тригорскаго имѣніе Савкино и прочно основаться въ немъ (И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», стр. 141, 142, 145, 146, 153). Наканунѣ дуэли съ Дантесомъ Пушкинъ обѣдалъ вмѣстѣ съ Вревской у брата ея мужа, барона М. Н. Сердобина. Смерть Пушкина болѣзненно поразила ее, и долго не могла она собраться съ духомъ, чтобы написать отцу поэта о послѣднихъ дняхъ его сына («П. и его соврем.» VIII, 65, 72); Сергѣй Львовичъ подарилъ ей подлинникъ знаменитаго письма къ нему Жуковскаго о смерти поэта («Русск. Вѣстн.» 1869, № 11, стр. 98—99). Евпраксія Николаевна на много лѣтъ пережила своего друга; умерла она 22 марта 1883 г. и погребена въ погостѣ Вревѣ, въ одной верстѣ отъ Голубова, недалеко отъ монастыря, гдѣ покоится прахъ Пушкина.

О. Е. Н. Вульфъ см. также статьи М. И. Семевскаго «Прогулка въ Тригорское» въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1866 г. (№№ 139, 146, 157, 163, 168, 175); Б. Л. Модзалевскаго «Поѣздка въ Тригорское»—«Пушкинъ и его современники», вып. I; И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903.

---

477. ТАКЪ МОРЕ, ДРЕВНІЙ ДУШЕГУБЕЦЪ...

(т. II, стр. 404).

Этими стихами начинается письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому, изъ Михайловскаго, 14 августа 1826 г., напечатанное впервые въ «Русск. Арх.» 1874 г., I, 431, и затѣмъ вошедшее въ первое собраніе писемъ Пушкина, составляющее VII томъ второго ефремовскаго изданія сочиненій Пушкина, 1882 г., стр. 44—45; подлинникъ находится у гр. С. Д. Шереметева. «Правда ли,—спрашивалъ далѣе Пушкинъ,—что Николая (Тургенева) привезли на кораблѣ въ П. Б.? Вотъ каково море наше хвалебное! Еще таки я все надѣюсь на коронацію. Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна». При письмѣ 31 іюля Вяземскій прислалъ Пушкину, своему «барину на Парнассѣ», «смиренный оброкъ»—стихотвореніе «Море». На эту присылку Пушкинъ и отвѣтилъ ему словами: «Не славь его... Вотъ каково море наше хваленое!» Здѣсь Пушкинъ вспомнилъ и свои стихи «Къ морю» (см. выше, № 385), въ которыхъ онъ славилъ море, какъ свободную стихію; теперь онъ совѣтывалъ другу не славить сѣдого Нептуна, вступившаго въ союзъ съ землею противъ свободы. Слухъ о выдачѣ иностранными властями русскимъ Н. И. Тургенева оказался ложнымъ; Тургеневъ, отказавшійся явиться въ Россію на судъ по дѣлу о тайномъ обществѣ, остался навсегда за границей эмигрантомъ или, по выраженію русскихъ оффиціальныхъ сферъ, «неосужденнымъ государственнымъ преступникомъ». За нѣсколько дней до смерти Пушкина, 21 января 1837 г., А. И. Тургеневъ писалъ Н. И. Тургеневу: «когда-то кн. Вяземскій написалъ стихи къ морю; вскорѣ послѣ того прошелъ слухъ, что тебя схватили въ Англіи; вотъ что Пушкинъ написалъ тогда къ морю»... («Пушкинъ и его современники», VI, 47). 30-го января, когда Пушкина уже не было въ живыхъ, А. И. Тургеневъ писалъ своему родственнику И. С. Аржевитинову: «за нѣсколько дней, 16 января, прочелъ онъ (Пушкинъ) мнѣ наизусть много стиховъ, коихъ я не зналъ, ибо они не были напечатаны. Одни болѣе другихъ мнѣ понравились и тѣмъ уже, что написаны давно по случаю распространившагося слуха, что будто братъ Н. выданъ англичанами; стихи адресованы къ другому поэту, который написалъ стихи К ъ м о р ю и славилъ его. Пушкинъ говоритъ поэту»... и т. д. («Русск. Арх.» 1903 г., I, 144).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ участникамъ несчастнаго декабрьскаго дѣла см. ст. А. Л. Слонимскаго «Пушкинъ и декабрьское движеніе», во II т. настоящаго изданія, и ниже, примѣч. къ №№ 490, 501, 506.

Н. Лернеръ.

Рисунки третьяго тома.

I.

Гравюры-меццотинто. Фототипіи и хромолитографіи.

стр.

21. Полтавская битва. Картина А. Е. Коцебу 52

22. Донъ-Гуанъ и Донна-Анна. Картина И. Е. Рѣпина. Собственность Д. И. Иловайскаго (Абазовка, близъ Полтавы). Воспроизводится впервые по фотографіи Хмѣлевскаго изъ Полтавы 157

23. Три дѣвицы подъ окномъ. Рисунокъ Виктора Васнецова 188

24. Пушкинъ. Портретъ кисти Кипренскаго, 1827 года 225

25. Евгеній Онѣгинъ. Композиція Шарлеманя 275

26. Дуэль Ленскаго съ Онѣгинымъ. Акварель И. Е. Рѣпина 293

27. Пушкинъ и его друзья слушаютъ декламацію Мицкевича въ салонѣ кн. Зинаиды Волконской. Картина Г. Г. Мясоѣдова (сзади декламирующаго Мицкевича кн. П. А. Вяземскій; у правой руки его Хомяковъ, рядомъ съ которымъ кн. Волконская; за Пушкинымъ Погодинъ; за круглымъ маленькимъ столикомъ Веневитиновъ; прислонившись къ колоннѣ стоитъ Чаадаевъ) 352

28. Русалки. Картина Константина Маковскаго 370

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

21. Разные портреты Мазепы. Изъ музея Тарновскаго въ Черниговѣ 24

22. Матрена Кочубей. Историческій этюдъ И. Е. Рѣпина 38

стр.

23. Лаура поетъ. Картина К. Степанова 151

24. Софья Ѳеодоровна Панина, урожденная Пушкина. Съ акварели, принадлежащей Пушкинскому дому 184

25. Онѣгинъ пишетъ письмо Татьянѣ. Неизданный рисунокъ Д. Н. Кардовскаго 310

26. Онѣгинъ и Татьяна-княгиня. Съ акварели Павла Соколова . . . 314

27. Пушкинъ въ 1827 году. Портретъ В. А. Тропинина 340

28. Александра Осиповна Россетъ-Смирнова. Литографія Werner'a, съ портрета проф. Remy 374

29. Вожди сербскаго возстанія 393

30. Анна Алексѣевна Оленина, въ замужествѣ Андро. Неизданный портретъ, теперь принадлежащій ея дочери, А. Ф. Войдо 425

31. Гравюра Уткина съ портрета Кипренскаго 585

III.

Рисунки и автографы въ текстѣ.

510. Одна изъ тріумфальныхъ арокъ въ честь Полтавской побѣды. Съ гравюры 18 вѣка (при нѣмецкой брошюрѣ—Mars Moscovicus MDCCX.) 1

511. Мазепа. Музей Тарновскаго въ Черниговѣ 9

512. Памятникъ въ честь Полтавской побѣды. Воздвигнутъ въ Полтавѣ въ 1809 г. 17

513. «Полтава», поэма Александра Пушкина. Заглавный листъ. изд. 1829 г. . . . 29

514. Одна изъ медалей въ честь Полтавскаго боя. Съ экземпляра изъ коллекціи гр. И. И. Толстого 30

стр.

515. Василій Леонтьевичъ Кочубей. Современный портретъ, нынѣ принадлежащій кн. В. С. Кочубею. По оригиналу воспроизводится здѣсь впервые. 33

516. Мазепа. Воспроизведено въ величину оригинала съ рѣдчайшаго офорта Норблена (Norblain de la Gourdaine 1745—1830), находящагося въ Публичной Библіотекѣ въ СПБ. 35

517. Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть.
Рисунокъ Н. Каразина. 37

518. Борщаговка, возлѣ Бѣлой Церкви. Здѣсь казнили Кочубея и Искру. Съ гравюры А. П. Зубчанинова. 41

519. Мазепа удаляется отъ мѣста казни Кочубея и Искры, неизданный Рис. Н. С. Самокиша 45

520. Карлъ XII. Гравюра Фритциа (1740) съ портрета Крафта (1717). 47

521. Петръ I. Современная гравюра Губракена. 49

522. Безумная Марія и Мазепа. Рис. В. Лебедева 51

523. Кобзарь. Рисунокъ Трутовскаго. . 53

524. Гетманъ Дорошенко. Изъ собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ. 54

525. Гетманъ Самойловичъ. Изъ собранія портретовъ, изданнаго Платономъ Бекетовымъ. 54

526. Герои полтавской битвы. Брюсъ, Бауэръ, Репнинъ, Меньшиковъ и Шереметевъ. 55

527. Дубовая аллея въ память В. Л. Кочубея въ Диканькѣ. Съ фотографіи, принадлежащей кн. В. С. Кочубею. 56

528. «Шведская могила» подъ Полтавой. Съ рис. 1840-хъ гг. 57

529. Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ. Бюстъ Витали. 59

530. Александра Васильевна Алябьева. Съ портрета 1844 г. 61

531. Пушкинъ и Онѣгинъ. Гравюра безъ подписи, приложенная къ «Невскому Альманаху» на 1829 годъ. 63

532. Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ,
Письмо дрожитъ въ ея рукахъ.
Рисунокъ А. Нотбека гр. А. Зубревъ «Невскій Альманахъ» на 1829 г.). 63

533. Монастырь на Казбекѣ. 65

534. Обвалъ. Картина И. К. Айвазовскаго. 67

535. Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій. 69

536. Николай Ивановичъ Надеждинъ. . 71

537. Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій. Съ портрета Левицкаго 72

538. Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій. Съ портрета Тоунлея 72

539. Ѳеодоръ Орловъ 73

540. Колонна «Побѣдамъ Ганнибала» въ Царскосельскомъ паркѣ. Съ фотографіи, снятой С. А. Данини въ 1908 г. . . 73

541. Листъ 106 пушкинской тетради № 2382. 75

542. Митрополитъ Филаретъ 79

543. Ѳ. В. Булгаринъ 80

544. Шекспиръ, Данте, Петрарка, Камоэнсъ, Вордсвортъ и Мицкевичъ. Виньетка Ѳ. Г. Беренштама. 81

стр.

545. Виньетка къ «Бѣсамъ» И. Панова . 83

546. Рисунокъ Пушкина на черновикѣ «Осени». Тетрадь Румянц. музея № 2371, л. 81 оборотъ. Воспроизводится впервые. . 86

547. Конецъ черновика «Осени». Тетрадь Румянцевскаго музея № 2371, л. 82. Воспроизводится впервые 87

548. Современная иллюстрація къ «Домику въ Коломнѣ» («Новоселье», 2-ое изд. 1845 г. Изображена прилегающая къ церкви Покрова мѣстность и домикъ «за самой будкой») 95

549. Изъ рукописи «Домика въ Коломнѣ». Румянц. Музей № 2376, А. Листъ 4, оборотъ. Воспроизводится впервые . . . 97

550. Мавруша брѣется. Современная иллюстрація къ «Домику въ Коломнѣ». Рисунокъ К. Брюлова («Новоселье», 1833 г.) . 98

551. Мавруша брѣется. Румянц. Музей, тетрадь № 2376 А., л. 5, об. Рисунокъ Пушкина 99

552. Первоначальное заглавіе «Скупого Рыцаря». Румянц. музей. Рукопись № 2376. 109

553. Скупой Рыцарь. Картина К. Степанова 109

554. Скупой Рыцарь въ своемъ подвалѣ. Рисунокъ Пастернака 112

555. Скупой Рыцарь. Картина О. К. Винцмана. 113

556. Наслѣдникъ Скупого Рыцаря. Рисунокъ Пастернака 114

557. Скупой Рыцарь и вдова. Картина К. Степанова 115

558. Моцартъ и Сальери въ гравюрахъ начала XIX вѣка. Изъ пушкинской коллекціи П. А. Ефремова 126

559. Сальери. Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова 127

560. Слѣпой скрипачъ играетъ арію Моцарта. Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго-Корсакова 129

561. Сальери сыплетъ ядъ въ стаканъ Моцарта. Неизданный рисунокъ Врубеля. Принадлежитъ семьѣ Н. А. Римскаго Корсакова 131

562. Испанскій монастырь. (Don Genaro Perez de Villa-Amil, Espana artistica y manumental) 147

563. Изъ рукописи «Каменнаго гостя» (Румянц. музей, № 2376, А, листъ 2, оборотъ. Конецъ 1 сцены) 149

564. Донъ Гуанъ и Лаура. Картина К. Степанова 153

565. Донъ Гуанъ и Донна Анна. Рисунокъ К. Брюлова («Сто русскихъ литераторовъ» т. 1) 155

566. Типы старой Испаніи. Офортъ Арайя 157

567. Старая Испанія въ портретахъ Веласкеза 159

568. Декорація академика Д. А. Корсини (1774—1814). (Библіотека Академіи Художествъ; неиздано) 161

569. Я здѣсь, Инезилья
Стою предъ окномъ!
Рисунокъ Зичи 162

570. Предъ испанкой благородной. Рисунокъ С. Соломки 163

стр.

571. Николай Ивановичъ Гнѣдичъ. . . 164
572. Начало сказки «Какъ весенней теплою порою». (Румянц. музей, тетрадь № 2376, В., л. 5. Воспроизводится впервые). 165
573. Англія XVII вѣка въ портретахъ Ванъ-Дика. 169
574. Лондонская улица во время чумы 1666 г. Рисунокъ Джелико (I. Jellicoe). . 171
575. Англійская дѣвушка. Картина Рейнольдса. 173
576. Фонтанъ «Cruche Cassé» въ Царскосельскомъ паркѣ. 174
577. Гробница Кутузова въ Казанскомъ Соборѣ. Съ фотогр. снимка (1908) Е. Е. Мегорскаго. 179
578. Сказка о царѣ Салтанѣ. Виньетка И. Билибина. 187
579. Царь Салтанъ подслушиваетъ трехъ дѣвицъ. Рисунокъ И. Билибина. 187
580. Рисунокъ М. Нестерова. («Сказка о Царѣ Салтанѣ») 188
581. Рисунокъ М. Нестерова («Сказка о Царѣ Салтанѣ»). 188
582. Царевичъ отправляется на охоту. Рисунокъ А. Рябушкина. 189
583. Царь Салтанъ и гости. Рисунокъ Бартрама. 191
584. Тридцать три богатыря. Рисунокъ Аполинарія Васнецова. 193
585. Вѣтеръ весело шумитъ
Судно весело бѣжитъ.
Рисунокъ Н. В. Досѣкина. 195
586. Лебедь-Царевна. Рисунокъ Бартрама 197
587. Царь Салтанъ со своею свитою. Рисунокъ С. Соломки. 198
588. Концовка И. Билибина. 199
589. Рисунокъ Пушкина къ сказкѣ о Балдѣ. (Румянц. Музей, тетр. № 2376, Б, л. 45 оборотъ). 201
590. Евгеній Онѣгинъ въ представленіи Пушкина. Неизданный Рисунокъ Пушкина. (Румянц. Музей, тетр. № 2387, л. 62). . 205
591. Евгеній Онѣгинъ. Заглавный листъ изданія 1825 г. 235
592. Лихая ѣзда. Литографія 1820-хъ гг., Орловскаго. 237
593. Щеголь 1817—1820 гг. (Модная картинка). 239
594. Щеголь 1817—1820 гг. (Модная картинка). 239
595. Екатерина Семеновна Семенова. Съ портрета Брюлова. 240
596. Авдотья Ильинишна Истомина. («Русская Талія» 1825 г.). 241
597. Пушкинскій проектъ иллюстраціи къ строфѣ XLVIII. (Посланъ при письмѣ къ брату Льву. На основаніи этого проекта нарисована «картинка» въ «Невскомъ Альманахѣ» на 1829 г.). 245
598. Женскія ножки въ черновикахъ Пушкина. (Воспроизводится впервые по тетрадямъ Румянц. Музея №№ 2369, листъ 1 оборотъ; 2370, листы 2 и 8). Рамки Ѳ. Г. Берентштама. 247
599. Въ богатой барской усадьбѣ начала 1820-хъ гг. Изъ современныхъ силуэтовъ графа Ѳеодора Толстого 248
600. Владиміръ Ленскій. Неизданный рисунокъ Пушкина. (тетрадь Румянц. Музея № 2369, л. 35 обор.). 249

стр.

601. И запищитъ она (Богъ мой)!
Приди ко мнѣ въ чертогъ златой!..
(«Невскій Альманахъ» на 1829 г.).. . . 250
602. Евгеній Онѣгинъ. Неизданный Рисунокъ Пушкина, (тетрадь Румянц. Музея № 2369, л. 49). 251
603. Ольга Ларина. Рисунокъ Е. Самокишъ-Судковской. 253
604. Татьяна ребенкомъ. Рисунокъ Ел. Бемъ 252
605. Татьяна. Картина барона М. Клодта. 251
606. Татьяна. Статуя П. П. Забѣллы . . 265
607. Ленскій вводитъ въ домъ Лариныхъ Евгенія Онѣгина. Изъ неизданныхъ силуэтовъ къ «Евгенію Онѣгину» В. В. Гельмерсена 258
608. Я... знаешь, няня... влюблена. Акварель Павла Соколова 261
609. Татьяна пишетъ письмо Онѣгину. Акварель Ел. Бемъ 263
610. Татьяна и Няня. Рисунокъ Микѣшина 265
611. Пѣсня дѣвушекъ. Рисунокъ Панова. 266
612. Прелестнымъ пальчикомъ писала
На отуманенномъ стеклѣ
Завѣтный вензель О да Е.
Рисунокъ Микѣшина 267
613. Петръ Александровичъ Плетневъ . 269
614. Женскія головки изъ черновиковъ «Евгенія Онѣгина». Воспроизводятся здѣсь впервые по тетрадямъ Румянц. Музея №№ 2369, лл. 29 оборотъ и 35; 2370, л. 5 оборотъ. Рамки Ѳ. Г. Берентштама . . . 270
615. Татьяна. Статуя М. Л. Диллонъ. . 273
616. Благословенное вино
Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
На столъ тотчасъ принесено.
(Рисунокъ Нотбека, въ гравюрѣ М. Иванова. «Невскій Альманахъ» на 1829 г.) . 277
617. Осень. Изъ иллюстраціи къ Пушкину. П. Панова 279
618. Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ.
Рисунокъ П. Панова 279
619. Татьяна гадаетъ. Рисунокъ Нотбека («Невскій Альманахъ» на 1829 г.) . 281
620. Сонъ Татьяны. Рисунокъ Коровина. 283
621. Танцы 1820-хъ гг. Современная литографія Мартынова изъ коллекціи Е. Н. Тевяшева 286
622. Онѣгинъ танцуетъ съ Ольгой. Акварель Е. Самокишъ-Судковской 287
623. Идутъ ужинать. (Изъ жанровыхъ картинокъ изданнаго въ 1832 г. Полевымъ «Новаго живописца Общества и литературы») 288
624. Зарѣцкій. Рисунокъ Павла Соколова 289
625. И, флеръ отъ шляпы отвернувъ,
Глазами бѣглыми читаетъ
Простую надпись—и слеза
Туманитъ нѣжные глаза.
«Невскій Альманахъ» на 1829 г. 295
626. У могилы Ленскаго. Рисунокъ Волкова 297
627. Татьяна въ кабинетѣ Онѣгина. Рисунокъ Павла Соколова 299
628. Тверской бульваръ. Съ литографіи 1830-хъ гг. 303

стр.

629. Московскія моды 1825 г. 305
630. Державинъ, Жуковскій и Дмитріевъ. 306
631. Interieur знатнаго дома начала 1830-хъ гг. Неизданная современная акварель проф. И. П. Вольскаго (изъ коллекціи Б. К. Веселовскаго). 309
632. Кто прежней Тани, бѣдной Тани,
Теперь въ княгинѣ-бъ не узналъ!
Акварель Ел. Бемъ. 313
633. Нижній Новгородъ. Изъ хранящихся въ библіотекѣ Академіи Художествъ неизданныхъ рисунковъ Никанора Чернецова; набросаны во время путешествія братьевъ Чернецовыхъ въ 1835—1836 гг. . 316
634. Волга на границѣ Нижегородской и Казанской губерній. Неизданный рисунокъ Никанора Чернецова. (1835—1836 гг.) 317
635. Бугоръ Стеньки Разина. Неизданный рисунокъ Никанора Чернецова (1835—1836 гг.). 317
636. Астрахань. Неизданный рисунокъ Никанора Чернецова (1835—1836 гг.) . . . 317
637. Пятигорскъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835 - 1836 гг.). . 318
638. Терекъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835 - 1836 гг.) . . . 319
639. Сліяніе Куры и Арагвы. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835 1836 гг.). 319
640. Татарская хижина въ Крыму. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.). 320
641. Гурзуфъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ бр. Чернецовыхъ (1835—1836 гг.). . . 321
642 Видъ на Аюдагъ. Изъ неизданныхъ рисунковъ братьевъ Чернецовыхъ (1835—1836 гг.). 321
643. Лѣсъ въ окрестности Тригорскаго. Картина В. Максимова (1899). 324
644. Берега Сороти у Тригорскаго. Картина В. Максимова (1899). 325
645. Невскій проспектъ во времена Евгенія Онѣгина. 328
646. Княжна Анна Давыдовна Абамелекъ, позднѣе Баратынская. 333
647. Каррикатура на свѣтскіе успѣхи Пушкина въ Москвѣ (Пушкинъ и гр. Хвостова). Съ акварели, принадлежащей д-ру С. С. Жичареву 345
648. Каррикатура Пушкина на Веневитинова. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые 347
649. Каррикатура Пушкина на Елизавету Ушакову 348
650. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковскаго альбома 349
651. Два автопортрета Пушкина. Изъ коллекціи П. С. Остроухова. Воспроизводятся впервые 351
652. Автопортретъ Пушкина изъ Ушаковскаго альбома 355
653. Свиданіе князя съ дочерью мельника. Рисунокъ К. Лебедева. 361
654. Князь и дочь мельника. Рисунокъ В. Васнецова. 363
655. Прощаніе дочери мельника съ княземъ. Рисунокъ Коверзнева. 365
656. Шаляпинъ въ роли сумасшедшаго мельника (опера Даргомыжскаго «Русалка»). 369

стр.

657. «Гусаръ». Рисунокъ Р. Штейна . . 373
658. Подлинный южно славянскій гусляръ конца XVIII и начала XIX вѣка. Портретъ Филиппа Вишнича въ роскошномъ изданіи «Знаменити Сербы», Загребъ 1903) . 377
659. Вукъ Караджичъ (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Серби», Загребъ, 1903) . 385
660. Просперъ Мериме. Литографія Deveria, 1829 г. 403
661. Южно-славянскія гусли и домашняя утварь 404
662. Король Босніи Стефанъ Томашевичъ на молитвѣ. Со старинной картины въ Загребской галлереѣ 405
663. Развалины Ключъ-Града въ Босніи. Рисунокъ Адъюкевича 406
664. Султанъ Магометъ Эль-Фали. Съ оригинала, находящагося въ Вѣнской Импер. библіотекѣ 407
665. Боснійскій воевода эпохи завоеванія Босніи турками. Миніатюра Глаголитскаго мисала, наход. въ Константинополѣ, въ библіотекѣ Эски-Сараи 408
666. Молодая женщина славянскаго побережья Адріатическаго моря, (Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia MDCCLXXIV). 409
667. Знатный иллиріецъ. (Изъ Viaggio in Dalmazia аббата Фортиса, Venezia MDCCLXXIV). 409
668. Типы южно-славянскихъ полуразбойниковъ, полуборцовъ за свободу. Ускокъ, картина Милана Сунко 411
669. Черногорія съ птичьяго полета. Рамка Ѳ. Г. Беренштама 413
670. Черногорскіе типы 413
671. Георгій Черный (изъ роскошнаго изданія «Знаменити Сербы», Загребъ, 1903). 414
672. Милошъ Обреновичъ 415
673. Вила. Рисунокъ Павла Іоанновича. 417
674. Южно-славянскій гусляръ. Рисунокъ Тисова 419
675. Мнимый гусляръ Маглановичъ. Портретъ, приложенный къ «Guzla» Мериме. 421
676. Типъ Гайдука. (Гайдукъ Велько Петровичъ) 422
677. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу. Рисунокъ В. Маковскаго 426
678. Старуха—столбовая дворянка. Рисунокъ Маковскаго 427
679. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зашеи затолкали. Рисунокъ В. Маковскаго 428
680. Передъ нею разбитое корыто. . . 428
681. Иллюстраціи А. Афанасьева къ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ» 429
682. Книжный орнаментъ ранняго ренесанса. 430
683. Книжный орнаментъ ранняго ренесанса. 434
684. Книжный орнаментъ ранняго ренесанса. 435
685. Итальянскіе типы ранняго ренесанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Giorgione 437
686. Итальянскіе типы ранняго ренесанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Marco Basaito 439
687. Итальянскіе типы ранняго ренe-

стр.
санса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Dosso Dossi 441
688. Итальянскіе типы ранняго ренесанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Ботичелли 445
689. Итальянскіе типы ранняго ренесанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Филиппино Липпи 449
690. Итальянскіе типы ранняго ренесанса въ картинахъ современныхъ художниковъ. Картина Sebastiano del Piombo . . 451
691. Польскій воевода. Картина Матейки. 453
692. Будрысъ и его сыновья. Рисунокъ Н. Каразина 455
693. Рисунокъ Пушкина, навѣянный памятникомъ Фальконета 466
694. Голова Фальконетовскаго памятника Петру I. Съ гравюры Генрикеза (Henriquez) 473
695. Панорама Невы. Гравюра В. В. Матэ съ Патерсена 474
696. «Мѣдный всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Наводненіе. Изъ коллекціи кн. В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова. Неизданъ. 475
697. Спасеніе утопающихъ въ наводненіе 1824 года. Рис. Шебуева 476
698. «Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Александръ I на балконѣ Зимняго Дворца (изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Т-ва М. О. Вольфъ). 477
699. Фальконетовскій памятникъ; съ рѣдчайшей не изданной и не вполнѣ законченной гравюры Г. И. Скородумова (Библіотека Академіи Художествъ) 478
700. Наводненіе 1824 года. Современная картина Ѳ. Я. Алексѣева 479
701. «Мѣдный Всадникъ» въ рисункахъ Александра Бенуа. Погоня Мѣднаго Всадника. (Изъ подготовляемаго къ печати роскошнаго изданія «Мѣднаго Всадника» Т-ва М. О. Вольфъ) 481
702. Петербургское взморье. Рис. NN . 482
703. Виньетка къ «Сказкѣ о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ» Ѳ. Г. Беренштама 485
704. «Ахъ ты, мерзкое стекло». Рисунокъ С. В. Малютина 487
705. Царевна и Пищая. Рисунокъ С. В. Малютина 489
стр.
706. Концовка И. Бартрама 490
707. Галубъ проклинаетъ Тазита. . . . 495
708. Виньетка Пушкина къ «Страннику». Воспроизводится впервые по рукописи Румянцевскаго музея, № 2377, А 497
709. Адамъ Мицкевичъ 499
710. Заглавная виньетка «Сказки о золотомъ пѣтушкѣ, рисованная Пушкинымъ. По подлинной рукописи, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ 501
711. Виньетка къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ» Ѳ. Г. Беренштама 502
712—718. Акварели гр. Ѳ. Сологуба къ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ» 502–507
719. Александръ Раевскій въ старости . 529
720. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые 537
721. Рисунокъ Пушкина къ «Цыганамъ». Воспроизводится впервые 537
722. А. П. Кернъ въ 1840-хъ гг. Съ миніатюры, принадлежащей Пушкинскому дому 593
723. Комната, въ которой А. П. Кернъ жила въ 1830-хъ годахъ 601
724. А. П. Кернъ въ глубокой старости, незадолго до смерти. 603
725. Могила А. П. Керна на кладбищѣ с. Прутни, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ. По фотографіи, принадлежащей Б. Л. Модзалевскому, воспроизводится здѣсь впервые 605

IV.

Орнаментъ.

Заставки и концовки начала XIX вѣка.

726—744. На стр. 31, 32, 39, 71, 74, 79, 88, 91, 118, 135, 179, 204, 278, 327, 331, 371, 456, 466, 497.

Мелкій типографскій орнаментъ эпохи Ренесанса.

745—750. Стр. 430, 431, 432, 433, 448.

Заставки XVIII вѣка.

751—752. На стр. 611 и 616.

Оружіе, мелкіе предметы быта.

753—755. Стр. 52, 108, 428.

Оглавленіе III тома.

I. СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

		стр.
1.	«Полтава». Ю. И. Айхенвальда.	1
2.	«Полтава» въ историческомъ и историко-литературномъ отношеніяхъ. Иг. Житецкаго	6
3.	«Домикъ въ Коломнѣ». Валерія Брюсова	88
4.	«Скупой Рыцарь». Н. М. Минскаго	103
5.	«Моцартъ и Сальери». А. Г. Горнфельда	119
6.	«Каменный Гость». Академика Нестора Котляревскаго	135
7.	«Пиръ во время чумы». Академика К. К. Арсеньева	166
8.	Первое сватовство Пушкина. Академика А. Ѳ. Кони	181
9.	«Евгеній Онѣгинъ». Иванова-Разумника	205
10.	Пушкинъ въ Москвѣ, послѣ ссылки. Н. О. Лернера	335
11.	«Русалка». П. О. Морозова	353
12.	«Пѣсни западныхъ славянъ». Прив. доц. А. И. Яцимирскаго	375
13.	«Анджело». П. О. Морозова	430
14.	«Мѣдный Всадникъ». Валерія Брюсова	456
15.	Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1824 года. Н. О. Лернера	510
16.	Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1825 года. П. О. Морозова	557
17.	Пушкинъ и Шенье. Юрія Веселовскаго	581
18.	Анна Петровна Кернъ. Б. Л. Модзалевскаго	585
19.	Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1826 г. Н. О. Лернера	607

II.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1829 г.

стр.

570а. Полтава 38
571. Примѣты (А. А. Олениной) . . . 58
572. Что въ имени тебѣ моемъ? А. А. Олениной) 58
573. Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ 58
574. Когда твои младыя лѣта (А. П. Кернъ) 58
575. Къ вельможѣ (кн. Н. Б. Юсупову) 58
576. На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла (Отрывокъ) 62
577. Калмычкѣ 62
578. Не плѣняйся бранной славой. Изъ Гафиза 62
579—580. (На картинки къ «Евгенію Онѣгинну» въ «Невскомъ Альманахѣ») 63
581. Щастливъ ты въ прелестныхъ дурахъ 64
582. Поэтъ игрокъ, о Беверлей Горацій 64
583. Напрасно видишь тутъ ошибку. 64
584. Делибашъ 64
585. Кавказъ 64
586. Монастырь на Казбекѣ 65
587. Донъ 66
588. Олеговъ щитъ 66
589. Дорожныя жалобы 66
590. Обвалъ 66
591. Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? 68
592. Зимнее утро 69
593. Литературное извѣстіе 69
594. Журналами обиженный жестоко. 70
595. Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій. 70
596. Какъ сатирой безымянной . . . 70
597. Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ. 70
598. Сапожникъ. Притча 70
599. Надѣясь на мое презрѣнье. (Не отдѣлано окончательно) 71
600. Загадка. При посылкѣ [Дельвигу] бронзоваго Сфинкса 71
601. Воспоминанія въ Ц. С. [Царскомъ Селѣ]. [Окончательно не отдѣлано] 72
602. Поѣдемъ, я готовъ. Элегическій отрывокъ 74
603. Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ. Стансы 74

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ 1829 г.

604. Благословенъ и день и часъ . . 75
605. Благословенъ твой новый путь . 76
606. И чувствую—душа въ сей часъ. 76
607. Критонъ, роскошный гражданинъ 76
608. Былъ и я среди Донцовъ 76
609. Полюби меня, дѣвица 76
610. Зорю бьютъ 76
611. Еще одной высокой, важной пѣсни 76
612. Зачѣмъ Елена, такъ пугливо . . 77
613. Во время оное, былое 77
614. И вотъ ущелье мрачныхъ скалъ. 77
615. Страшно и скучно 78
616. Быть въ сраженіи похвально 78
617. Хотѣлъ я душу освѣжить . . 78
618. О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла 78
619. То было вскорѣ послѣ боя . . 78

СТИХОТВОРЕНІЯ 1830 г.

620. Глухой глухаго звалъ на судъ судьи глухова 79
621. Циклопъ 79
622. Отвѣтъ. [Ек. Н. Ушаковой] . . . 79
623. Въ часы забавъ иль праздной скуки. Станцы 79
624. Не то бѣда, что ты полякъ [на Булгарина] 80
625. Поэту. Сонетъ 80
626. Мадонна. Сонетъ 80
627. Не то бѣда, Авдей Флюгаринъ . 80
628. Сонетъ 81
629. Цыганы. Съ англійскаго 81
630. Отвѣтъ анониму 81
631. Пажъ, или пятнадцатый годъ . . 82
632. Элегія [Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье] 82
633. Бѣсы 82
634. Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь [на Булгарина] 83
635. Румяный критикъ мой, насмѣшникъ толстопузой 83
636. Разставаніе 84
637. Осень. Отрывокъ [окончательно не отдѣланъ] 84
638. Домикъ въ Коломнѣ 92
639. (Изъ записки къ пріятелю) . . . 100
640. Отрокъ 100
641. Моя родословная или русскій мѣщанинъ. Вольное подражаніе лорду Байрону 100
642. Стамбулъ гяуры нынче славятъ 101
643. Заклинаніе 101
644. Скупой рыцарь. (Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи). (The cavetous Knigth). 110
645. Моцартъ и Сальери 127

стр.
646. Стихи, сочиненные ночью, во время безсонницы 133
647. Въ началѣ жизни школу помню я [незакончено] 133
648. Былъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный. [Первая редакція. Сокращенную передѣлку см. въ «Сценахъ изъ Рыцарскихъ временъ»] 133
649. Герой 134
650. Каменный гость 147
651. Я здѣсь, Инезилья 162
652. Предъ испанкой благородной . . 163
653. На переводъ Иліады 164
654. Для береговъ отчизны дальной . 164
655. Какъ весенней теплою порою. [Не закончено и не отдѣлано] . . 165
656. Пиръ во время чумы (изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague) 169
657. Пью за здравіе Мери. Пѣсня . 173
658. Царскосельская статуя 174
659. Рифма 174
660. Трудъ 174
661. Новоселье 174

НАБРОСКИ И ОТРЫВКИ.

662. Ужъ осень холодомъ дохнула. . 175
663. Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ 175
664. О муза пламенной сатиры . . . 175
665. Мéдокъ. Мéдокъ въ Уаллахъ. . 175
666. Мы рождены, мой братъ названый [Дельвигу]. 175
667. Графиня одна держитъ письмо. [Драматическій отрывокъ] 176
668. Любезнѣйшій нашъ другъ, о ты Василій Львовичь! [Коллективное стихотвореніе кн. П. А. Вяземскаго, Жуковскаго и др. Пушкину принадлежитъ 3-й стихъ] 177
669. Стою печаленъ, на кладбище . . 177
670. Надо мною въ лазури ясной . . 178
671. Опять увѣнчанны 178
672. Женись—на комъ—на вѣрѣ Чацкой 178
673. Два чувства дивно близки намъ 178

СТИХОТВОРЕНІЯ 1831 г.

674. Красавица. (Въ альбомъ Г*****) [Н. Н. Гончаровой] 179
675. Смирдинъ меня въ бѣду повергъ 179
676. Эхо. (Изъ Томаса Мура) 179
677. Передъ гробницею святой . . . 179
678. Клеветникамъ Россіи 180
679. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ, князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ, и о прекрасной царевнѣ Лебеди 187
680. Бородинская годовщина. 199
681. Отъ васъ узналъ я плѣнъ Варшавы. [Изъ записки къ А. О. Смирновой, при посылкѣ ей «Бородинской годовщины»] 200
682. Сказка о попѣ и о работникѣ его Балдѣ [не вполнѣ отдѣлано] . . . 200
683. Чѣмъ чаще празднуетъ лицей [19 октября 1831]. [Не совсѣмъ отдѣлано] 203
684. Когда въ объятія мои. [окончательно не отдѣлано] 204
685. Евгеній Онѣгинъ. Романъ въ стихахъ. 237

СТИХОТВОРЕНІЯ 1832 г.

686. Нѣтъ, я не дорожу мятежнымъ наслажденіемъ 331
687. Въ тревогѣ пестрой и безплодной [въ Альбомъ А. О. Россети] 331
688. Гонимый рока самовластьемъ [въ Альбомъ] 331
689. Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу 332
690. Въ Еврейской хижинѣ лампада [не закончено] 332
691. Альфонсъ [не за кончено] 332
692. Когда-то, помню, съ умиленіемъ [княжнѣ А. Д. Абамелекъ] . . . 333
693. И далѣ мы пошли—и страхъ обнялъ меня. [Подражаніе Данту] 334
694. Долго сихъ листовъ завѣтныхъ [въ Альбомъ] 334
695. [Русалка]. [Не отдѣлано и не окончено] 361

СТИХОТВОРЕНІЯ 1833 г.

696—697—698. Подражанія древнимъ. 371
699. Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ 372
700. Господина Шафонскаго [вставка Пушкина въ «Поминаніе», написанное кн. Вяземскимъ въ подражаніе предыдущему стихотворенію] 372
701. Гусаръ 372
702. Полюбуйтесь же вы, дѣти . . . 374
Пѣсни западныхъ славянъ. Предисловіе Пушкина къ изданію 1835 г. 403

Пѣсни западныхъ славянъ.

стр.

703. 1. Видѣніе короля 405
704. 2. Янко Марнавичъ 407
705. 3. Битва у Зеницы-великой . . . 408
706. 4. Ѳеодоръ и Елена 409
707. 5. Влахъ въ Венеціи 410
708. 6. Гайдукъ Хризичъ 411
709. 7. Похоронная пѣсня 411
710. 8. Марко Якубовичъ 412
711. 9. Бонапартъ и Черногорцы . . 413
712. 10. Соловей 414
713. 11. Пѣсня о Георгіи Черномъ . 414
714. 12. Воевода Милошъ 415
715. 13. Вурдалакъ 415
716. 14. Сестра и братья 415
717. 15. Янышъ королевичъ 417
718. 16. Конь 418
719. 17. Что бѣлѣетъ на горѣ зеленой. 419

Примѣчанія Пушкина къ «Пѣснямъ западныхъ славянъ» . . . 420
720—726. Попытки вернуться къ «Евгенію Онѣгину» 423
727. Когда бъ не смутное влеченье . . 423
728. Родословная моего героя 424
729. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ 426
730. Анджело 435
731. Воевода 453
732. Будрысъ и его сыновья 454
733. Мѣдный всадникъ 473
734. Родригъ 483

стр.

735. Если ѣхать Вамъ случиться [черновой набросокъ] 484
736. Колокольчики звенятъ 484
737. Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума 484
738. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ 485
739. Французскихъ рифмачей суровой судія [черновой набросокъ] 491
740. Цѣнитель умственныхъ твореній исполинскихъ [черновой набросокъ] 491
741. Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ 492
742. Царь увидѣлъ предъ собою [черновой набросокъ] 492
743. Въ полѣ чистомъ серебрится . . 492
744. [Галубъ]. [Не окончено и не отдѣлано] 493
745. На это скажутъ мнѣ [черновой набросокъ] 496

СТИХОТВОРЕНІЯ 1834 г.

746. [Къ Н***] 497
747. Странникъ [не закончено] 497
748. [Мицкевичъ] 499
749. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ . . . 502
750. Съ очами быстрыми [черновой набросокъ] 508
751. Ты просвѣщеніемъ свой разумъ освѣтилъ [черновой набросокъ] 508

Duke University Libraries
D02760727V